МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
ДЕМОКРАТИЯ

РОССИЯ
XX ВЕК

ПРОЦЕСС
БУХАРИНА
1938

ДОКУМЕНТЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
«ДЕМОКРАТИЯ»
(Фонд Александра Н. Яковлева)

РОССИЯ. XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1997 ГОДУ
АКАДЕМИКОМ А.Н. ЯКОВЛЕВЫМ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Н. Артизов, О.В. Будницкий, В.П. Козлов,
Н.С. Лебедева, С.В. Мироненко, Н.В. Петров,
Е.М. Примаков, Э.С. Радзинский, Н.Г. Томилина,
С.А. Филатов, А.О. Чубарьян

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «**ДЕМОКРАТИЯ**», МОСКВА
ФОНД СТИВЕНА КОЭНА И КАТРИНЫ ВАНДЕН ХЬЮЕЛ

РОССИЯ.
XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

ПРОЦЕСС БУХАРИНА 1938 г.

СОСТАВИТЕЛИ:

Ж.В. Артамонова, Н.В. Петров

МОСКВА 2013

ББК 63.3(2)615-4
П84

*Общественный фонд «Международный фонд "Демократия"
(Фонд Александра Н. Яковлева)»
выражает благодарность Фонду Б.Н. Ельцина
за поддержку данного издания*

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Процесс Бухарина. 1938 г.: Сборник документов / Ред.-сост.
П84 Ж.В. Артамонова, Н.В. Петров. — М.: МФД, 2013. — 960 с. — (Россия. XX век. Документы).

ISBN 978-5-89511-036-2

В сборник документов о третьем Московском процессе вошли архивные материалы из фондов РГАСПИ, ГАРФ и ЦА ФСБ, посвященные делу т.н. «антисоветского право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда СССР в Москве в открытом судебном заседании 2–13 марта 1938 г. Основу сборника составляет полный текст стенограммы процесса с внесенной в него сталинской правкой. Также публикуются представляющие большой интерес отклики населения и зафиксированные НКВД высказывания журналистов, дипломатов и представителей творческой и научно-технической интеллигенции о процессе.

ББК 63 3(2)615-4

© Общественный фонд «Международный фонд "Демократия"
(Фонд Александра Н. Яковлева)», 2013
ISBN 978-5-89511-036-2
© Ж.В. Артамонова, Н.В. Петров, 2013

От составителей

В марте 1938 г. в Москве состоялся последний и самый грандиозный из трех больших показательных процессов — процесс «антисоветского право-троцкистского блока». На скамье подсудимых оказались Н.И. Бухарин и А.И. Рыков — бывшие лидеры т.н. «правого уклона» в ВКП(б), Н.Н. Крестинский и Х.Г. Раковский, ранее принадлежавшие к троцкистской оппозиции, а также несколько видных региональных партийных руководителей, кстати, никогда не принадлежавших к оппозиции, и, наконец, бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода и начальник его секретариата П.П. Буланов. Помимо них, этот искусно составленный букет дополняли кремлевские врачи и бывший секретарь «пролетарского писателя» Горького. Обвинения, выдвинутые против подсудимых, поражали свой фантастичностью: тут и шпионаж, и самое изощренное вредительство, вплоть до подсыпания битого стекла и гвоздей в продукты питания, и убийства, в том числе и тайные, осуществленные методом «неправильного лечения», и отравления, — а все это в целом преподносилось как наконец-то раскрытый, глобальный заговор «право-троцкистского блока». По своему характеру процесс скорее напоминал грандиозное пропагандистское шоу.

Основная конструкция обвинения на процессе в точности повторяла схему всеобщего заговора, организованного «Центром центров», которую изложил Н.И. Ежов в своем докладе июньскому (1937) пленуму ЦК ВКП(б). Согласно решению Политбюро (П50/II) от 19 июня 1937 г. о порядке дня пленума ЦК ВКП(б), первым пунктом значилось «сообщение Ежова»[I]. В своем докладе 23 июня 1937 г. Ежов обрисовал картину всеобъемлющего заговора против Сталина. Якобы уже в 1933 г. по инициативе различных групп оппозиции был создан объединенный «Центр центров» с участием А.И. Рыкова, М.П. Томского и Н.И. Бухарина от имени правых, эсеров и меньшевиков; А.С. Енукидзе от имени заговорщиков в Красной Армии и в НКВД; Л.Б. Каменева и Г.Я. Сокольникова от имени зиновьевцев; а также Ю.Л. Пятакова от имени троцкистов. Главной задачей этого «Центра центров», или «Объединенного центра», будто бы было свержение советской власти и реставрация капитализма в СССР. Как указывалось в докладе, военные заговорщики во главе с М.Н. Тухачевским, Ягода и его люди в НКВД также подчинялись этому Центру. Новым в схеме Ежова было то, что высшее руководство каждой республики или области также принадлежало к «заговорщикам». В этом качестве были персонально названы арестованные еще до открытия пленума первые секретари обкомов: Б.П. Шеболдаев (Курск), М.О. Разумов (Иркутск), И.Д. Кабаков (Свердловск) и И.П. Румянцев (Смоленск) — все они были членами ЦК ВКП(б)[II].

Конструкция и фабула будущего третьего процесса складывались постепенно с весны 1937 г. Ознакомившись с первым протоколом допроса арестованного А.С. Енукидзе от 28 апреля 1937 г., Сталин на отдельном листке записал: «Поговорить. Ягода. Енукидзе»[III]. В тот же день заместитель наркома

[I] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 309. Л. 139.
[II] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 117–122.
[III] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171 Д 302. Л. 94.

внутренних дел В.М. Курский и помощник начальника отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР Л.В. Коган провели допрос Ягоды и направили протокол Сталину[I].

Важнейшим моментом в подготовке процесса стали собственноручные показания Бухарина от 2 июня 1937 г.: «В настоящих показаниях я хочу дать историческое развитие контрреволюционности организации правых, начиная с ее зародышевых форм и включая в анализ ее идейные и организационные истоки и предпосылки»[II]. Бухарин вынужден был включиться в предложенную ему игру. Сталин преотлично знал характер Бухарина и был уверен, что тот сыграет свою роль на будущем процессе блестяще[III].

Вне всякого сомнения, Бухарин — украшение будущего процесса. Без его признаний сталинско-ежовская схема «заговора» не выглядела бы столь убедительно. Бухарин и сам прекрасно понимал исключительность своей роли. В декабре 1937 г. он писал Сталину из тюрьмы: «Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, b) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, b) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись»[IV]. Бухарин заверял Сталина, что не возьмет назад своих признаний на следствии — «ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал», — и расписывался в том, что полностью ставит себя на службу сталинскому плану: «Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах»[V]. Теперь в поведении этого подсудимого на предстоящем процессе Сталин мог быть уверен — сыграет как надо[VI].

О других такой уверенности не было. Но как только следователям удавалось «дожать» очередного обвиняемого, Ежов тут же направлял Сталину признательный протокол будущего подсудимого. Так, 5 ноября 1937 г. он направил Сталину и Молотову письмо (исх. № 61722) с заявлением арестованного В.И. Иванова от 2 ноября 1937 г. (поданное им на имя Ежова): «Я вижу, что мне, врагу партии и советского народа, пришло время сбросить свою маску». Далее Иванов писал, что давно ждал ареста, признавался, что вел антисоветскую работу под руководством Бухарина, готовился «поднять восстание в Северном крае», был связан с Яковлевым и хотел бежать за границу. Но и это еще не все. Иванов признавался в том, что, еще будучи гимназистом 8 класса в Туле, он сотрудничал с охранкой под кличкой «Самарин» и под № 163[VII].

Точно так же 13 ноября 1937 г. Ежов направил Сталину и Молотову письмо (исх. № 61865) с заявлением арестованного М.А. Чернова от 9 ноября 1937 г. (поданное им на имя Ежова). Чернов признавался в связях с не-

---

[I] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д 301.

[II] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 307 Л. 180.

[III] Накануне февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б), 20 февраля 1937 г. Бухарин отправил личное письмо Сталину, в котором писал, что смерть Серго Орджоникизде его «потрясла до глубины души... Я ревел часы навзрыд». На полях, напротив этой фразы Сталин начертал свой короткий и беспощадный вывод: «вранье» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 291. Л. 12–13).

[IV] РГАСПИ. Ф. 17. Оп 171. Д. 427 Л. 13–18 (публикацию см.: Источник. 1993. № 0. С. 23–25).

[V] Там же.

[VI] Тексты многочисленных писем, направленных Сталину из заключения Бухариным, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп 171 Д. 301. Л. 129–133; Д. 427. Л 1–73.

[VII] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д 114.

мецкой разведкой и в том, что в 1916–1920 гг. примыкал к меньшевикам, а свою преступную деятельность осуществлял под руководством Рыкова[I].

В качестве подсудимых для предстоящего процесса «пробовались» И.С. Уншлихт и В.Г. Кнорин. Это можно заключить из факта направления заместителем наркома внутренних дел М.П. Фриновским прокурору А.Я. Вышинскому 29 ноября 1937 г. (исх. № 62370) протоколов допросов Уншлихта (от 29 июня 1937 г.) и Кнорина (от 9 июля 1937 г.)[II]. Наряду с Ежовым, Вышинский был ответственен за подготовку процесса и отбор его участников, годных для публичного суда. По неизвестным нам причинам кандидатуры Уншлихта и Кнорина были отведены, а их имена даже не упоминались на процессе.

В декабре 1937 г. контуры процесса и круг обвиняемых вырисовываются все отчетливее. В один день — 20 декабря 1937 г. — Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу были направлены из НКВД (исх. № 62971) сразу четыре протокола допросов будущих подсудимых: Д.Д. Плетнева (от 19 декабря 1937 г.), П.П. Крючкова (от 19 декабря 1937 г.), Л.Г. Левина (от 10 декабря 1937 г.) и В.А. Максимова (Диковского) (от 16 декабря 1937 г.)[III]. Обычно членам руководящей «пятерки» не высылали протоколы допросов «мелких» арестованных, да еще и в таком вполне определенном групповом подборе.

Тем не менее, и в конце января 1938 г. еще не было полной ясности относительно круга обвиняемых на предстоящем процессе. Выступая с заключительным словом на совещании руководящего состава НКВД 25 января 1938 г., Ежов заявил, что органы НКВД не уделяли должного внимания «разоблачению агентов царской охранки», и поделился новостью о предстоящем процессе и грядущих громких разоблачениях:

«А на деле что получилось? Получилось на деле то, что на прошлом пленуме ЦК (не на последнем, а на предыдущем)[IV] товарищ Сталин говорил, что из членов ЦК только мы имеем 13 разоблаченных провокаторов. Скоро будет процесс. Перед вами пройдет там такой матерый провокатор, как Антипов, который оказался старым царским провокатором; такой провокатор, как Варейкис, который также оказался царским провокатором, такой провокатор, как Яковлев, такой провокатор, как Лаврентьев.

(т. Фриновский: Как Ягода!)

Да, такой провокатор, как Ягода. И там еще многие есть.

(Голоса: Иванов, Зеленский).

Да, и все это бывшие члены ЦК»[V].

Действительно, в подписанном А.Я. Вышинским 27 января 1938 г. первоначальном варианте обвинительного заключения значились 24 обвиняемых. Помимо тех, кто был выведен на процесс в марте, среди них были: Н.К. Антипов, И.М. Варейкис, И.Я. Вейцер и Я.А. Яковлев. Но в то же время отсутствовал И.Н. Казаков. Рассматривавший этот документ Сталин вычеркнул Антипова и Яковлева, но оставил в числе обвиняемых Варейкиса и Вейцера (см. док. № 1). Это могло означать, что их кандидатуры были сняты позднее — лишь в феврале 1938 г. Более того, согласно пометам на открывающем документ списке подсудимых, Сталин отметил А.И. Рыкова 1-м номером, а Ягоду — 2-м. То есть вовсе не собирался в тот момент де-

[I] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 115.
[II] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д 118.
[III] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д 123.
[IV] Речь идет об июньском (1937) пленуме ЦК ВКП(б).
[V] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 40 Л 27.

лать Бухарина главным обвиняемым или центральной фигурой процесса. Сталин пометил его лишь 5-м номером.

Окончательный вариант обвинительного заключения был подписан Вышинским и в пяти экземплярах 26 февраля 1938 г. направлен через секретариат НКВД СССР (за исх. № 101372) помощнику Сталина — А.Н. Поскребышеву. Как пояснялось в сопроводительной записке, обвинительное заключение «сегодня будет вручено обвиняемым», а для печати будет дано «с соответствующими купюрами»[I].

На следующий день Ежов и Вышинский направили Сталину и Молотову предложения по организации процесса (исх. № 101403 от 27 февраля 1938 г.). Были определены: состав суда, государственный обвинитель и назначена дата начала процесса — 2 марта[II]. Относительно публикации обвинительного заключения предлагалось: «опубликовать в печати по оглашении его в судебном заседании», при этом «исключить места, содержащие в себе указания на иностранные правительства и фамилии официальных представителей иностранных государств в СССР»[III]. Все предложения Ежова и Вышинского по организации процесса были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б)[IV].

Также в конце февраля 1938 г. Ежов утвердил планы по организации и охране предстоящего процесса. Им был определен точный срок — 28 февраля, к которому надлежало все подготовить и утвердить списки пропусков на процесс[V]. Комендантом процесса был назначен начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР В.Е. Цесарский, были персонально назначены десять его помощников, в число которых вошли начальник Внутренней тюрьмы НКВД старший лейтенант ГБ А.Н. Миронов и начальник бюро пропусков Комендатуры АХУ НКВД лейтенант ГБ И.И. Шигалев[VI]. Первый отвечал за доставку подсудимых из Внутренней тюрьмы к месту суда — в Октябрьский зал Дома Союзов, а второй — за выписку пропусков на процесс для гостей и прессы, хотя его звание в гостевых билетах на процесс, вероятно, для сокрытия ведомственной принадлежности, значилось на армейский лад (см. иллюстрацию на с. 886). Известно, что И.И. Шигалев в составе т.н. «спецгруппы» НКВД участвовал в приведении расстрельных приговоров в исполнение. Соответственно, его включение в группу помощников коменданта процесса выглядело весьма зловеще. Кто-то ведь должен был позаботиться и об отправке осужденных на казнь.

Предусматривались семь вариантов маршрута доставки подсудимых из здания НКВД на Лубянской площади в Октябрьский зал (см. иллюстрации на с. 886–889). Перевозка осуществлялась на четырех тюремных автомашинах (три основные и четвертая — запасная). В третьей машине следовал начальник тюрьмы Миронов, а какой маршрут следования избрать, ему указывал Цесарский непосредственно перед посадкой в машину. Также персонально был утвержден караул процесса из 216 сотрудников Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР[VII].

Была организована прямая трансляция процесса в Кремль, в здание НКВД, в Наркомат обороны и Наркомат тяжелой промышленности, для чего был

[I] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 39.
[II] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 39. Л. 323–324.
[III] Там же.
[IV] Решение Политбюро ЦК ВКП(б) П59/18 от 28 февраля 1938 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 336. Л. 159–160).
[V] Материалы по подготовке процесса см.: ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5 Д. 574. Л. 87–184.
[VI] Там же.
[VII] Там же.

проложен прямой кабель на эти объекты из Октябрьского зала[I]. То есть слушателями процесса были члены руководящей «пятерки» Политбюро — Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов. Бытует легенда, что для Сталина было выделено смежное помещение (или занавешенная часть Октябрьского зала), откуда он тайно наблюдал за ходом процесса и поведением подсудимых. Об этом рассуждали иностранные корреспонденты, присутствовавшие в зале суда. 7 марта 1938 г. Ежов сообщил Сталину об этой детали, которая сильно заинтриговала журналистов: «Шел также разговор о людях, которые, предполагалось, находились за занавесью, помещенной наверху судебного зала. Объяснение, предложенное Барнесом и другими, было следующее: Сталин и другие вожди следят за процессом позади завесы»[II]. Думается, с учетом организованной звуковой трансляции, у Сталина вряд ли была необходимость присутствовать там. Разве что он хотел своими глазами видеть униженное состояние подсудимых, бывших коллег по Политбюро — Бухарина и Рыкова.

Очевидно, что часть публики в зале суда изображали переодетые в штатское сотрудники НКВД[III]. Об этом свидетельствует опыт предыдущего процесса 1937 г. Приказом НКВД СССР № 0032 от 21 января 1937 г. предписывалось: «Для охраны и обслуживания процесса в Колонном зале Дома Союзов в распоряжение 2 отдела ГУГБ мобилизовать с 7 час. утра 23/1 с.г. следующий состав (только членов ВКП(б))», — и далее следовала разнарядка по различным подразделениям НКВД с общим числом мобилизованных — 82 человека[IV]. Следующий приказ НКВД СССР № 0033 от 22 января 1937 г. гласил: «Всех оперативных работников, выделенных отделами ГУГБ НКВД для присутствия на процессе (кроме лиц руководящего состава НКВД и следователей по особому списку), считать состоящими в оперативном наряде по охране процесса. <...> Без разрешения коменданта процесса оперативные работники, выделенные для присутствия на процессе в день наряда, не могут отлучаться из здания суда. Выделенным работникам быть в штатском»[V]. К сожалению, для мартовского процесса 1938 г. таких документов (уровня приказа по наркомату) выявить не удалось. Но упомянутые выше подготовительные документы, утвержденные Ежовым в феврале 1938 г., свидетельствуют о той же схеме подготовки и проведения процесса.

Как и планировалось, процесс открылся 2 марта 1938 г. И в первый же день произошел серьезный сбой. Подсудимый Н.Н. Крестинский заявил, что не признает себя виновным. Более того, он дал понять, что не добровольно давал показания на предварительном следствии. Прокурор Вышинский не сразу понял, что происходит, пытался продолжать допрос, но в конце концов ему пришлось отступить. Требовались срочные меры, чтобы «восстановить» Крестинского в прежних показаниях. И на следующий день Крестинский уже с готовностью признавал свою вину.

Провал с Крестинским был очевиден и замечен всеми. Помощник Прокурора СССР Г.М. Леплевский, рассуждая в своем окружении, заявил, что «не Вышинского заслуга, что Крестинский потом вернулся к версии предва-

[I] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 87–184.
[II] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 107.
[III] По свидетельству английского дипломата, присутствовавшего на процессе, «зал был полон переговаривающимися, смеющимися людьми, которые узнавали друг друга и обменивались приветствиями» (*Маклин Фицрой*. Черный процесс // За рубежом. 1988. № 26. С. 17–18). Согласно современной планировке, Октябрьский зал имеет 470 мест для зрителей.
[IV] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 394. Л. 36.
[V] Там же. Л. 37.

рительного следствия», добавив, что это заслуга «тех, кто с ним беседовал между заседаниями суда» (см. док. № 41). Действительно, «беседы» были. Завесу тайны приоткрыл сотрудник НКВД Я.А. Аронсон. Он рассказал, что на Крестинского большое влияние оказывал активно сотрудничавший со следствием Х.Г. Раковский. Ему-то и поручили «обработать» отказчика. Раковский внушал Крестинскому: «Нужно признать вину, все признают себя виновными, а на не признающегося суд будет смотреть как на не раскаявшегося врага и бесспорно расстреляют, тогда как за признание сохранят жизнь. У признавшегося семья не пострадает, а при отказе она будет также репрессирована». Внушение имело успех, и Крестинский «до конца процесса уже не пытался отказываться от показаний, данных на следствии» (см. док. № 52).

В течение всего хода процесса подсаженные к подсудимым чекисты всячески их опекали, поддерживали «нужный настрой». С Бухариным в одной камере более 4 месяцев, включая и дни процесса, сидел арестованный чекист Н.Д. Зарицкий. То же самое было проделано и с другими подсудимыми. Переживший процесс Раковский позднее рассказывал своим сокамерникам: «В Лефортово ко мне посадили Либермана... Мне давали писать показания в камеру. Когда я их приносил, то если они им не нравились, они рвали их и бросали мне в лицо. Когда же я консультировался с Либерманом, то мои показания всегда удовлетворяли следователей. Он служил передаточной инстанцией, он диктовал мне их волю, через него я спрашивал их совета... В конце концов, мне было все равно, я ведь лгал, и он не мог мне повредить, а наоборот — облегчал мой труд» (см. док. № 52).

И в ходе следствия, и в ходе процесса следователи широко использовали посулы, шантаж и, если не помогало, избиения. Главное, чтобы процесс шел «как надо». Методика подготовки постановочных публичных судебных процессов была выработана до деталей. Позднее, в 1949 г., советские советники из МГБ ее применят в ходе подготовки громких публичных судебных процессов в странах народной демократии. В документах о подготовке этих процессов явно прослеживаются творчески развитые наработки «Московских процессов» 1936–1938 гг. К сожалению, подобных инструкций за 1930-е гг. в архивах выявить не удалось, а вот отчет советского советника МГБ о подготовке открытого процесса в Будапеште в сентябре 1949 г. сохранился (приводится в сокращении):

«а. Ежедневно работаем персонально с каждым обвиняемым... Цель — уточнение отдельных мест в показаниях обвиняемых, устранение противоречий и поддержание в обвиняемых решимости говорить на судебном процессе так, как говорили они на предварительном следствии.

б. Периодически работаем с 25 свидетелями обвинения. Цель — та же, что и в работе с обвиняемыми.

в. Ежедневно проводим явки с 8 источниками, которые содержатся в камерах с обвиняемыми, для того чтобы знать настроения и намерения каждого обвиняемого в смысле поведения и тактики на предстоящем судебном процессе.

г. До 10 сентября будем проводить 75 очных ставок обвиняемых друг с другом и, соответственно, свидетелей с обвиняемыми. Цель — проверить, как будут себя держать обвиняемые, уличая друг друга, и как поведут себя свидетели, уличая обвиняемых. Главное же показать каждому обвиняемому, что он по любому пункту выдвинутого против него обвинения серьезно уличается свидетелями обвинения и его возможное запирательство или желание спровоцировать процесс не будут иметь успеха.

д. Разбираем, переводим и изучаем вещественные доказательства, обнаруженные при обысках, для того чтобы определить, что можно использовать в

качестве уликового материала на судебном процессе и чем можно документировать показания обвиняемых и свидетелей. К этим материалам относятся: переписка, дневники, антиправительственная литература и другие документы.

е. Подготавливаем и отрабатываем вопросы для председателя суда и государственного обвинителя. Цель — предусмотреть могущие возникнуть на судебном процессе заминки и неожиданности и придать всему процессу ожидаемое направление.

ж. Подготавливаем материал для использования в речи государственного и общественного обвинителей.

з. Подготавливаем материал для печати и радио.

и. Участвуем в подборе и подготовке места, где намечается проводить судебный процесс»[I].

В ходе самого процесса, согласно докладной записке советника МГБ, опека подсудимых была практически круглосуточной:

«1. Перед каждым судебным заседанием для председателя суда и прокурора отрабатываем на основе показаний арестованных вопросник, по которым они ведут допросы обвиняемых...

2. Перед допросом на судебном заседании каждого обвиняемого мы предварительно работаем с ним, окончательно отшлифовывая ответы обвиняемого на предстоящие ему вопросы суда;

3. В перерывах между судебными заседаниями продолжаем работать с каждым обвиняемым по выяснению его дальнейшего поведения и поддержанию необходимого настроения»[II].

В ходе мартовского процесса 1938 г. все было несколько проще. И перерывы использовались не столь эффективно, а скорее для «поддержания настроения». Работник НКВД Н.М. Лернер, опекавший подсудимого Ягоду вплоть до окончания процесса, в перерывах играл с ним в шахматы, а Ягода все время его спрашивал, расстреляют его или нет (см. док. 52).

Не требовались и изнурительные отработки вопросников. Подсудимые на суде выступали, имея готовые конспекты и письменные заготовки речей. Это тоже было надежной гарантией от возможных сбоев в реализации сценария суда. Уже потом, в 1950-е гг., когда дело будет изучаться на предмет реабилитации участников, выяснится, что «в архивных делах на Раковского и Гринько обнаружены отпечатанные на машинке тезисы их будущих показаний в суде. При сличении этих тезисов с показаниями, которые Раковский и Гринько давали в суде, выяснилось, что они тождественны в структурном и смысловом отношении, а отдельные фразы из них почти дословно повторяются в стенограмме судебного заседания. Более того, в этих же архивных материалах были обнаружены и проекты "последних слов" подсудимых Раковского, Рыкова и Гринько, а в материалах на Раковского оказалось даже два варианта "его" последнего слова в суде» (см. док. 52). В архиве также сохранился черновик последнего слова Н.И. Бухарина с многочисленной правкой автора. Он заканчивался лозунгом, написанным по-латыни: «Ave, communisme. Morituri te salutant» (Слава, коммунизм. Идущие на смерть приветствуют тебя). Затем он был вычеркнут самим автором[III].

[I] *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД—МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945—1953 гг. М., 2011. С. 203—204.

[II] Там же. С. 207.

[III] Черновик последнего слова Бухарина см.: «Мое последнее слово на суде, вероятно, будет моим последним словом вообще». Кто и как правил речь Н.И. Бухарина // Источник. 1996. № 4. С. 78—92. В этой публикации также проводится сравнение черновика последнего слова и правленой стенограммы процесса.

Ну и, конечно, посулы, в которые так хотелось верить отчаявшимся: «Перед судом подготовка арестованных шла по двум направлениям. С одной стороны, путем разных обещаний (как правило — сохранения жизни) уговаривали твердо стоять на определенных показаниях. С другой стороны — заранее формулировать ответы арестованных и последние опять-таки репетировали их» (см. док. 52).

М.П. Фриновский позднее показал: «Долго говорил он (Ежов) с Ягодой, разговор этот касался, главным образом, убеждения Ягоды в том, что его не расстреляют. Ежов несколько раз беседовал с Бухариным и Рыковым и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют. Раз Ежов беседовал с Булановым, причем беседу начал в присутствии следователя и меня, а кончил беседу один на один, попросив нас выйти. Причем Буланов начал разговор в этот момент об отравлении Ежова. О чем был разговор, Ежов мне не сказал. Когда он попросил зайти вновь, то говорил: "Держись хорошо на процессе, буду просить, чтобы тебя не расстреливали"» (см. док. № 52).

Процесс закончился в 5 часов утра 13 марта 1938 г. после зачтения приговора. Трое подсудимых — Д.Д. Плетнев, Х.Г. Раковский и С.А. Бессонов — были приговорены к тюремным срокам, остальные 18 — к расстрелу (см. док. № 3). Приговоренным к смертной казни была дана возможность подать в Президиум Верховного Совета СССР ходатайства о помиловании. Все, кроме Розенгольца, воспользовались этой возможностью (см. док. № 4–24). Подал ходатайство с просьбой о смягчении наказания и приговоренный к 25 годам заключения Д.Д. Плетнев (см. док. № 25). Некоторые (Бухарин, Рыков, Иванов, Максимов-Диковский) подали по два ходатайства о помиловании. Это объясняется тем, что одно они написали сразу же, после оглашения приговора, другое — в тюрьме. У Бухарина отмечено место и дата написания второго ходатайства — 14 марта 1938 г., Внутренняя тюрьма (см. док. № 5). В тот же день его перевели в Лефортовскую тюрьму[I]. Бросается в глаза, что многие в ходатайствах о помиловании делают упор на то, что они всё признали и на следствии, и на процессе. Пишут как напоминание о выполненном предварительном условии, пишут в надежде, что это зачтется. Пишут те из них, кто поверил обещаниям следователей, полагая, что и смертный приговор — тоже часть сценария, а за ним непременно последует помилование. Они ошибались. 14 марта 1938 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР об отклонении поданных ими ходатайств (см. док. № 26). И казнь состоялась.

Сразу же после отклонения ходатайств о помиловании председатель Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульрих направил коменданту НКВД предписание (№ 00686/1 от 14.03.38) о приведении в исполнение приговора[II]. Акт о приведении приговора в исполнение начертан на обороте этого предписания синим карандашом и весьма краток: «В отношении всех 18 чел. указанных на обороте приговор приведен в исполнение в ночь с 14 на 15 марта сего г. в 2 ч. по московскому времени». И подписи Прокурора Союза ССР А. Вышинского, В. Ульриха, В. Блохина[III].

[I] *Атаманенко И.* Лубянские мистификаторы // Независимое военное обозрение. 2012. 20–26 июля. № 24. С. 14–15.

[II] ЦА ФСБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.

[III] Там же. Л. 97 об. Подписи Вышинского и Ульриха выполнены синим карандашом, как и текст акта, а Блохин расписался красным карандашом.

Сохранились отрывочные описания казни. Опекавший Ягоду во время процесса Н.М. Лернер позднее рассказал: «Со слов бывшего начальника УНКВД Ленинградской области Литвина, мне известно, что Ягоду расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных» (см. док. № 52). Вероятно, Ежов был автором этой изощренной затеи. После своего ареста И.Я. Дагин, в то время начальник 1-го отдела ГУГБ, свидетельствовал, что Ежов присутствовал при этом расстреле. Ежов велел Дагину избить Ягоду перед исполнением приговора: «А ну-ка дай ему за всех нас». В то же время расстрел Буланова расстроил Ежова, и он даже приказал сначала дать ему коньяку[I].

Что думали современники Сталина об устроенной им судебной расправе, скорее напоминавшей пропагандистское шоу? Материалам процесса были отданы полосы центральных и местных газет. На заводах, фабриках, в учреждениях проводились коллективные читки газет, митинги и собрания. Казалось, пропагандистское воздействие на сознание масс было полным и всеобъемлющим. Но именно это в сочетании с заведомо нелепыми, противоречащими здравому смыслу обвинениями порождало сомнения в головах, не разучившихся мыслить. Кинорежиссер С.М. Эйзенштейн в частной беседе довольно иронично откликнулся на процесс: «Мое собрание детективных романов Понсон дю Террайля нужно сжечь. Это детский лепет по сравнению с тем, что я сегодня прочел в газетах. Врачи-отравители, умирающие от таинственного снадобья старики, покушения, которые были 20 лет тому назад. Это покрывает старого Рокамболя[II]. Правда, мы все знаем, что Горький умирал много лет подряд, но разве для романа это важно. Или Менжинский, который также медленно умирал. Для романа это опять-таки безразлично» (см. док. № 27).

Недоумевал и писатель И.Г. Эренбург, говоря о нелепости обвинений, — это как если бы, например, в английских газетах появилось сообщение о том, что «министр внутренних дел Англии и заместитель министра иностранных дел отравили писателя Р. Киплинга»[III]. Академик В.И. Вернадский в марте 1938 г. записал в своем дневнике: «Большую ошибку сделали с процессом. Сейчас как будто люди подумали и меньше верят, чем раньше. Это новое для меня впечатление»[IV].

Разумеется, были и те, кто безоговорочно верил в прозвучавшие на процессе обвинения. Срабатывала типичная психология «маленького человека» — верить в то, что там «наверху» непременно окопались враги и оттого столь тяжела повседневная жизнь. Студент учебного комбината Харьковского тракторного завода Глуховский так и сыпал газетными штампами: «Взбесившиеся гады продавали нашу родину, убивали лучших представителей человечества, шпионили, разрушали народное хозяйство. Только своей кровью они должны ответить за эти чудовищные преступления. Нужно выкуривать из логовищ всех еще не раскрытых врагов»[V].

Больше всего удивило и потрясло население не присутствие на скамье подсудимых «любимца партии» Н.И. Бухарина или старого революционера

[I] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 375. Л. 42.

[II] Рокамболь — имя одаренного и необычайно находчивого разбойника, главаря шайки «Червонных валетов» из цикла романов французского писателя Понсон дю Террайля «Похождения Рокамболя». Российское издание: Похождения Рокамболя. Парижские драмы: В 15 т. СПб., 1901.

[III] *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 174–175.

[IV] *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 383.

[V] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 244.

Х.Г. Раковского, а обвинения против врачей. Лейтмотивом всех откликов, присылаемых на имя Сталина, может стать достаточно лаконичное, но очень емкое по своей сущности высказывание профессора Всесоюзной правовой академии М.М. Агаркова: «Самое поразительное здесь — преступления врачей. Ко всему остальному мы уже привыкли» (см. док. № 29).

Власть хотела получить от населения не только одобрение. Очень требовался и рабочий порыв. Техник 81-й авиабригады, беспартийный Коломиец говорил: «В ответ на подрывную работу фашистских псов, я беру на себя обязательство дать отличные показатели в подготовке материальной части самолетов»[I]. Рабочий завода № 73 в Сталино Коваль обязался «повысить производительность труда на 100 %», а колхозник артели «Червонный колос» из Киевской области Присяжный просил правительство «выпустить новый заем обороны», средства от которого пустить на устранение вреда, нанесенного Бухариным и Рыковым (см. док. № 44). Все в точности по книге Джорджа Оруэлла «Ферма животных», где упряжная лошадь по кличке Боксер, выслушивая на собраниях сообщения об очередных происках врагов, неизменно заявляла: «Я буду работать еще больше!».

В зале суда находилось множество иностранных корреспондентов и представителей дипкорпуса. Американские корреспонденты живо обсуждали новости каждого дня процесса. Их мнения и отзывы, собранные агентурным путем, Ежов направлял Сталину и Молотову. 7 марта 1938 г. Ежов сообщал: «Все корреспонденты особенно следят за мимикой и выражением лиц обвиняемых, стараясь понять, насколько искренне и без какого-либо давления дают они показания»[II].

Очень интересовал иностранных журналистов Ягода. Ему явно не симпатизировали. Так, секретарь австрийского посольства Хорик в частной беседе заявила: «Ягода давно был известен как жулик и тип уголовный, что же касается других арестованных, то это все невинные люди»[III]. В ночь со 2 на 3 марта, по итогам первого дня процесса американский корреспондент Массок писал: «Лица у всех обвиняемых серые. Находясь часами перед Вышинским, гроза террора в России — Ягода теряет свое спокойствие. Его лицо принимает землистый оттенок»[IV]. А французские корреспонденты Люсиани и Лявиль отмечали, что «прокурор Вышинский как-то странно ведет процесс: задавая вопросы, он как бы подсказывает обвиняемому (особенно Чернову, Бессонову) "а не делали ли вы тогда то-то и то-то?"»[V]. Чаще всего отзывы иностранцев, непосредственно присутствовавших на процессе, содержали изрядный скепсис и в отношении фантастических обвинений, и в отношении дружных признаний обвиняемых. Но в то же время журналисты и дипломаты совершенно не понимали, почему подсудимые охотно признают даже самые нелепые обвинения. Наиболее распространенным в среде иностранных зрителей процесса было объяснение, что «подсудимые все время находятся под гипнозом»[VI].

В целом, в дипломатическом корпусе высказывания о процессе носили весьма здравый и критичный характер. Например, афганский посол довольно точно уловил смысл и характер процесса: «представляет собой предварительно

[I] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 247.
[II] Там же. Л. 111.
[III] Там же. Л. 115.
[IV] Там же. Л. 109.
[V] Там же. Л. 111.
[VI] Там же. Л. 118.

заученную инсценировку», а публика в зале — «хорошо подобранные люди», проницательно заметив, что обвиняемые признаются «в результате мучений и угроз во время предварительного заключения» и что «им было обещано, что им не вынесут смертного приговора»[I]. Посол обратил внимание на весьма комичную, с точки зрения стороннего наблюдателя, деталь: обвиняемые «на вопрос государственного прокурора рассказывают тотчас целый роман»[II].

Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Дюранти высказал мысль, что подсудимые выбрали несколько необычный метод защиты, пытаясь опорочить процесс перед общественным мнением: «Они плетут такую чушь и ведут себя так, что у иностранных корреспондентов создается полное впечатление фальсифицированного процесса»[III].

Удивительным по ясности изложения и глубине понимания обстановки в СССР оказался отклик заведующего консульским отделом посольства Италии. Он не только почувствовал всю фальшь показательных судилищ, но и понял глубинный смысл происходящего: «Вот для этого сейчас и ссылают, и расстреливают людей прямо тысячами. Руководителям правительства нужно уничтожить всех, кто умеет думать и рассуждать» (см. док. № 40).

Те, кто присутствовали в зале суда, также отметили, что газетные отчеты о ходе процесса весьма далеки от того, что они слышали в ходе допросов подсудимых. По результатам процесса были опубликованы два варианта книги: судебный отчет, составленный на основе публикаций сообщений по ходу процесса в газетах «Правда» и «Известия»[IV], и полный текст стенографического отчета[V]. Обе книги отличаются друг от друга прежде всего объемом. Очевидно, что вариант, опубликованный по газетным отчетам, заведомо неполон. Однако «полным» опубликованный текст стенографического отчета можно назвать лишь условно, так как он существенно отличается от первоначального текста стенограммы[VI].

Весь процесс стенографировался. После каждого заседания первоначальный текст стенограммы поступал для редактирования членам Военной коллегии Верховного суда СССР. После завершения процесса стенограмма была направлена в Политбюро ЦК ВКП(б)[VII]. К стенограмме был приложен стенографический протокол, подписанный председательствующим В.В. Ульрихом и секретарем А.А. Батнером[VIII]. Окончательную редактуру стенограммы осуществил И.В. Сталин.

Характер правки стенограммы не оставляет сомнений в ее целях — более ясно обосновать и ярче подчеркнуть виновность подсудимых, сместить акценты в их признаниях, исключить нежелательные высказывания в адрес партии и правительства, а в отдельных случаях полностью сфальсифицировать ход процесса (см. док. № 52).

[I] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 42. Л. 50.

[II] Там же. Л. 51.

[III] Там же. Л. 55.

[IV] Судебный отчет по делу Антисоветского «право-троцкистского блока». М., 1938. 384 с.

[V] Судебный отчет по делу Антисоветского «право-троцкистского блока». Полный текст стенографического отчета. М., 1938. 708 с.

[VI] Серьезное и скрупулезное исследование характера редакционной правки и разночтений первоначальной стенограммы процесса с изданным вариантом было предпринято историком Ю.Г. Муриным (*Мурин Ю.Г.* Как фальсифицировалось «Дело Бухарина» // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 61–76). Им же был опубликован и черновик последнего слова Бухарина («Мое последнее слово на суде, вероятно, будет моим последним словом вообще». Кто и как правил речь Н.И. Бухарина // Источник. 1996. № 4. С. 78–92).

[VII] *Мурин Ю.Г.* Как фальсифицировалось «Дело Бухарина». С. 61.

[VIII] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 393. Л. 3–5.

26 марта 1938 г. на имя Сталина была послано письмо А.И. Стецкого с приложением полных стенографических отчетов процесса на английском и немецком языках. Как сообщил Стецкий, «протокол на французском языке начинает выходить сегодня ночью. Тираж английского издания установлен в 30.000 экземпляров, французского — 17.000, немецкого — 10.000 экземпляров. <...> С завтрашнего дня начинается отправка тиража за границу: в Англию, Америку, Францию, Испанию и остальные страны, также в Китай и Японию».

Стецкий подробно описал и работу над правкой стенограммы и ее переводом на различные языки:

«Пришлось основательно поработать над этим делом. Прежде всего, трудности доставляла стенограмма, так как стенографистки иногда перевирали сказанное, особенно даты, указания мест, имена и проч. Приходилось все внимательно проверять. Затем — организация переводов и их проверки. Кроме переводчиков, по каждому изданию работали по два—три редактора: по английскому изданию т.т. Бородин, Виноградов (НКИД), Чернов (ТАСС); по французскому т.т. Михайлов ("Правда") и Фоле, по немецкому т.т. Гофман ("Немецкая газета") и Ланг (ИККИ). Помимо этого, чтобы не было больших отклонений в изложении отдельных мест в переводах, была организована параллельная читка английского, французского и немецкого текста работниками ИККИ. Все неясные и спорные вопросы разрешались на совещаниях у меня с участием редакторов, тов. Вышинского и тов. Рогинского. Русское издание полного текста стенографического отчета также выходит на этих днях»[I]. Предназначенный к изданию полный текст стенографического отчета процесса был подписан к печати 28 марта 1938 г.[II]

Несмотря на старания редакторов сгладить противоречия в стенограмме и убрать все, что бросает тень на процесс или вызывает сомнения в достоверности обвинений, сама фактура процесса, непродуманность его эпизодов и вздорность фабулы выдавала организаторов и сценаристов с головой. Даже выверенный и отутюженный вариант изданной стенограммы содержал скрытые дефекты и ловушки. И они стали видны, когда книга с отчетом о процессе попала в руки внимательного и знающего читателя.

Об одной серьезной «накладке» нарком иностранных дел М.М. Литвинов сообщил 4 мая 1938 г. Сталину. Он высказал опасения, что распространение текста стенографического отчета процесса в Японии и Манчжурии может вызвать нежелательные вопросы японцев. Оказывается, на странице 102 английского перевода книги содержался фрагмент показаний М.А. Чернова «о его встрече с Р.[III] 10 апреля 1934 г., тогда как Р. в это время в СССР не был»[IV], а вернулся лишь в 1937 г. Об этом Литвинову сообщил полпред СССР в Японии М.М. Славуцкий и предложил задержать распространение отчета. Литвинов же писал Сталину о том, что отчет можно распространять, надо только вырвать эту страницу из книги. Требовалось решение Сталина. На письме имеется резолюция: «Сообщ. т. Литвинову. П[оскребышев].», — а вверху бумаги первоначально было написано «Распро...», но затем это начатое слово было зачеркнуто[V].

[I] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 342. Л. 111.

[II] Судебный отчет по делу Антисоветского «право-троцкистского блока». Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 2.

[III] Речь идет о Н.Я. Райвиде — советнике полпредства СССР в Японии.

[IV] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 360. Л. 41.

[V] Там же.

Не совсем ясно, какой в точности ответ Сталина передали Литвинову, но в тот же день, 4 мая, он дал шифровку в Токио: «Предлагаю отчет распространять, вырвав незаметным образом страницу 102. Литвинов»[I]. В ответ Литвинов получил 14 мая 1938 г. из Токио телеграмму от Славуцкого довольно дерзкого толка. Славуцкий прямо писал, что подобное «распоряжение может нам навредить», так как это не единственная очевидная неправда в показаниях Чернова: «В последнем слове этот шпион усилил свою провокацию, это здесь бросится в глаза». Поэтому он предлагал воздержаться от распространения отчета с вырванной страницей, добавляя, что через две недели уедет в Москву, и «тогда можете дать сюда любое распоряжение»[II].

Восприятие Московских процессов отдельными въедливыми читателями или иностранцами, задетыми показаниями подсудимых, Сталина не слишком волновало. Когда 25 февраля 1937 г. Сталин получил рапорт от начальника разведывательного управления РККА о том, что германский военный атташе Кестринг, чье имя прозвучало в показаниях Радека на втором Московском процессе, находится в недоумении «и хочет дать понять Советскому правительству, что все это ложь», он совершенно безучастно наложил лаконичную резолюцию: «В архив»[III]. Главное для Сталина было то, как процессы воспринимаются массами.

Сталин придавал важнейшее пропагандистское значение освещению открытых процессов в широкой печати. Требовалось довести до сознания общественности простую истину: все приговоренные не вдруг стали, а всегда были врагами партии и советского государства. У них не было и не могло быть никаких заслуг перед революцией, народом и страной. Ныне разоблаченный враг всегда был врагом, и бухаринский процесс это наглядно подтверждал. Отсюда и особый упор на тему бывших «агентов царской охранки», вдруг наводнивших высшее партийное руководство[IV]. Это было сталинское видение истории пролетарской революции и окончательная оценка роли ее действующих лиц. Эту схему следовало накрепко вбить в массовое сознание.

Весьма показательна реакция Сталина на публикации центральной прессы об августовском процессе 1936 г. В письме, направленном Сталиным из Сочи 6 сентября 1936 г. Кагановичу и Молотову, говорилось: «"Правда" в своих статьях о процессе зиновьевцев и троцкистов провалилась с треском. Ни одной статьи, марксистски объясняющей процесс падения этих мерзавцев, их социально-политическое лицо, их подлинную платформу, — не дала "Правда". Она все свела к личному, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику. Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, — а олицетворение всех побед социализма в СССР...»[V].

[I] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 360. Л. 42.

[II] Там же. Д. 363. Л. 1

[III] Там же. Д. 294. Л. 15–18

[IV] Характерным в этой связи видится высказывание подсудимого В.И. Иванова на процессе: «Первое мое грехопадение [, которое потом потянуло меня по наклонной плоскости в пропасть измены и предательства перед родиной и народом,] началось в 1911 г., когда я был учащимся Тульской гимназии, в 8-м классе» См. с. 137 настоящего сборника.

[V] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11 Д 94 Л. 31–31 об.

И хотя в научной литературе и мемуаристике можно встретить утверждения, что после марта 1938 г. Сталин планировал новые публичные процессы, это маловероятно. Сталинская схема истории была построена. Процесс Бухарина поставил в ней жирную точку, став ее логическим завершением и наглядным подтверждением. Окончательно сложилась и галерея хрестоматийных врагов. В октябре 1938 г. был выпущен «краткий курс» истории ВКП(б), ставший единственным и обязательным для всех (даже для беспартийных) учебником! В нем и был подведен итог показательным «Московским процессам», и звучал он емко и содержательно: «Нельзя считать случайностью, что троцкисты, бухаринцы, национал-уклонисты, борясь с Лениным, борясь с партией, кончили тем же, чем кончили партии меньшевиков и эсеров, — стали агентами фашистских разведок, стали шпионами, вредителями, убийцами, диверсантами, изменниками родины»[I]. И не случайно вплоть до середины 1950-х «краткий курс» истории ВКП(б) не дополнялся и не переписывался. История политического развития сталинской страны остановилась в 1938-м.

Смерть Сталина положила начало процессу реабилитации жертв политических репрессий. Вскоре после XX съезда КПСС 13 апреля 1956 г. решением Президиума ЦК КПСС была создана комиссия (во главе с В.М. Молотовым) по изучению материалов открытых судебных процессов, в том числе и процесса по делу «антисоветского право-троцкистского блока»[II]. Председатель КГБ при СМ СССР И.А. Серов 7 июля 1956 г. направил в адрес этой комиссии обзорную справку об истории подготовки и проведения этого процесса, в которой делался вполне однозначный вывод о том, что обвинение против осужденных в том, что «они создали право-троцкистский блок и проводили организованную антисоветскую деятельность, сфальсифицировано и в этой части они подлежат реабилитации» (см. док. № 52).

Комиссия рассматривала выводы Серова на заседаниях 25 и 30 июля 1956 г. и ограничилась поручением «еще раз, более тщательно исследовать материалы процессов»[III]. Дополнительные материалы были представлены Серовым 31 августа 1956 г.[IV] Лишь 10 декабря 1956 г. комиссия оформила свой вывод, согласно которому оснований для пересмотра дел в отношении Бухарина, Рыкова, Раковского, Ягоды, Крестинского, как и ряда других осужденных на открытых процессах 1936–1938 гг., «не имеется, поскольку они на протяжении многих лет возглавляли антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма в СССР»[V]. Президиум ЦК КПСС на заседании 14 декабря 1956 г. принял к сведению эти выводы и поручил комиссии продолжить работу[VI]. Вместе с тем некоторых участников процесса реабилитировали в индивидуальном порядке: в 1957-м — А. Икрамов и В.Ф. Шарангович; в 1959-м — В.И. Иванов, Г.Ф. Гринько, И.А. Зеленский; в 1963-м — Н.Н. Крестинский; в 1965-м — Ф. Ходжаев и П.Т. Зубарев; в более поздние годы — С.А. Бессонов и Д.Д. Плетнев.

Реабилитация Бухарина и осужденных вместе с ним вполне могла состояться в 1961–1962 гг. Тогда вывод об их невиновности вновь был подтверж-

---

[I] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 344.

[II] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2: Февраль 1956 — начало 80-х годов / Сост. Артизов А.Н , Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М., 2003. С. 70.

[III] Там же. С. 167–168.

[IV] Там же. С. 198.

[V] Там же. С. 204–207.

[VI] Там же. С. 207–208.

ден комиссией по изучению материалов открытых судебных процессов под председательством Н.М. Шверника[I]. Несмотря на то что материалы мартовского процесса 1938 г. были признаны сфальсифицированными и обвинения несостоятельными, хрущевское руководство все же не решилось на столь смелый шаг[II].

И только в 1988 г. состоялась судебная реабилитация основных фигурантов дела «антисоветского право-троцкистского блока». Постановлением пленума Верховного суда СССР 4 февраля 1988 г. были реабилитированы: Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, А.П. Розенгольц, М.А. Чернов, П.П. Буланов, Л.Г. Левин, И.Н. Казаков, В.А. Максимов-Диковский, П.П. Крючков, Х.Г. Раковский[III]. Исключение составил Ягода, в отношении которого протест на приговор в Верховный суд не вносился, и он до сих пор числится нереабилитированным.

* * *

В состав настоящего сборника включены документы из фондов РГАСПИ, ГАРФ и ЦА ФСБ. Основу сборника составляет полный текст стенограммы процесса по делу «антисоветского право-троцкистского блока» 1938 г. с внесенной в него правкой. Эта стенограмма поступила в Политбюро ЦК ВКП(б) из Военной коллегии Верховного суда для согласования и внесения поправок перед предстоящей публикацией. Первый экземпляр этой стенограммы находится в настоящее время на хранении в ЦА ФСБ и входит в состав архивно-следственного дела на Бухарина, Рыкова, Ягоды и др. Составители настоящего сборника не имели возможности с ней ознакомиться. Там же на хранении находится не предназначавшаяся для опубликования стенограмма закрытого заседания процесса 9 марта 1938 г., которая также остается недоступной для исследователей[IV]. Можно предположить, что на редактуру в ЦК ВКП(б) поступила уже частично исправленная и измененная членами суда первоначальная стенограмма процесса[V]. Эта стенограмма в 2011 г. из АП РФ была передана на хранение в РГАСПИ.

Редакционная работа над стенограммой была проведена заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А.И. Стецким, прокурором СССР А.Я. Вышинским, его заместителем Г.К. Рогинским, адвокатами И.Д. Брауде и Н.В. Коммодовым. В основном их правка носила стилистический и грамматический характер — были устранены многочисленные смысловые и фактические ошибки, языковые погрешности. Окончательные, преимущественно смысловые, поправки красным, синим и зеленым карандашом внес Сталин. В текстуальных примечаниях, где это точно удалось установить, отмечена только правка Сталина. В остальных случаях оговариваются только цвета карандаша или чернил, которыми сделана правка, без указания ее авторства.

Черновые записи посещавшего заседания суда писателя Всеволода Иванова являются уникальным источником информации об обстановке на процессе, поведении подсудимых, кулуарных разговорах и реакции зрителей

[I] Комиссия ЦК КПСС по изучению материалов открытых судебных процессов середины 1930-х гг. вновь была создана решением Президиума ЦК КПСС П326/XXV от 6 мая 1961 г. См.: РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 447. Л. 58.

[II] Реабилитация: как это было... Т. 2 С. 371, 625–630.

[III] См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 240–241.

[IV] ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело «Антисоветского право-троцкистского блока». Т. 1а. Л. 63–79.

[V] По крайней мере, председатель КГБ при СМ СССР И.А. Серов в обзорной справке о процессе приводит примеры фальсификации стенограммы на стадии первоначальной редактуры. См. документ № 52.

процесса. Этот материал любезно предоставил для публикации в настоящем сборнике автор многочисленных исследований о Н.И. Бухарине американский историк Стивен Коэн. Он получил эти записи в июле 1997 г. от сына Бухарина — Ю.Н. Ларина, которому, в свою очередь, передали их члены семьи Вс. Иванова. Записи Вс. Иванова распределены по дням судебных заседаний и публикуются непосредственно перед текстом стенограммы. В квадратных скобках расшифровываются сокращенные слова.

Основная часть документов сборника публикуется полностью. В нескольких случаях в документах опущены фрагменты, содержащие не относящуюся к теме сборника информацию, либо содержащие информацию, приведенную в предыдущих документах (в этом случае имеется отсылка на соответствующий документ). Опущенные части текста отмечены отточием в квадратных скобках, их содержание оговаривается в текстуальных примечаниях.

Публикация осуществляется в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). Текст публикуемых документов передан в соответствии с современными правилами орфографии, стилистические особенности документов сохраняются. Орфографические ошибки и опечатки исправлены без оговорок. Неисправности теста, имеющие смысловое значение (искаженное написание фамилий, терминов, стилистические ошибки), сохраняются и оговариваются в текстуальных примечаниях.

Вычеркнутые фрагменты текста взяты в квадратные скобки, вписанный текст выделен курсивом. Многочисленные пометы на полях и редакционная правка стенограммы процесса оговариваются в текстуальных примечаниях. Также в текстуальных примечаниях оговаривается авторство правки и помет на полях документа, снятие и восстановление текста по ходу редактуры стенограммы процесса, авторские подчеркивания. Подчеркивания в типографском тексте сохранены и не оговариваются. Здесь же приводятся отсылки на публикуемые в других документах опущенные фрагменты текста.

К каждому документу дан редакционный заголовок.

Подписи под документами сохраняются. Заверительные надписи документов не воспроизводятся. Документы имеют сплошную нумерацию.

Текст каждого документа сопровождается легендой, в которой указывается архив, номер фонда, описи, дела и листов, подлинность или копийность документа и способ воспроизведения: рукопись, машинопись, типографский экземпляр.

Справочный аппарат тома содержит введение, текстуальные примечания, комментарии к конкретным фактам, упоминаемым на процессе, и именной указатель.

Именной указатель содержит следующие сведения: фамилию, имя и отчество, годы жизни, должность (должности), занимаемые на момент упоминания в документах. В ряде случаев, в силу отсутствия иной информации, справка ограничивается теми сведениями о данном лице, которые содержатся в тексте документа.

Авторы выражают признательность за консультации и помощь в выявлении документов сотрудникам архивов Василию Степановичу Христофорову, Наталье Михайловне Перемышленниковой, Елене Александровне Кандаловой (ЦА ФСБ) и Дине Николаевне Нохотович (ГАРФ). Отдельная благодарность Людмиле Павловне Кошелевой (РГАСПИ) за помощь в атрибуции рукописной правки в тексте стенограммы.

Особая благодарность Стивену Коэну за помощь в подборе и поиске материалов о процессе, многочисленные консультации, постоянное внимание к настоящей работе и поддержку данной публикации.

№ 1
ПРОЕКТ ОБВИНИТЕЛЬНО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

27 января [1938 г.]

[I] *Проект*[II]
Вышинский

Обвинительное заключение

по делу Бухарина Н.И.[III], Рыкова А.И.[IV], [Антипова Н.К.], [Яковлева Я.А.], Раковского Х.Г[V]., Ягоды Г.Г.[VI], Крестинского Н.И., Розенгольца А.П., Иванова В.И., Варейкиса И.М., Чернова М.А., Гринько Г.Ф., Вейцера И.Я., Зеленского И.А., Бессонова С.А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В.Ф., Зубарева П.Т., Буланова П.П., Левина Л.Г., Плетнева Д.Д., Максимова В.А. и Крючкова П.П., обвиняемых в измене родине, вредительстве, диверсиях, подготовке террористических актов и вооруженного свержения советской власти, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР.[VII]

* * *

В настоящее время органами НКВД раскрыт и разоблачен право-троцкистский заговорщический блок, сложившийся в основном еще в 1932 г. из шпионско-вредительских и террористических подпольных групп правых, троцкистов, зиновьевцев, буржуазных националистов и других антисоветских элементов.[VIII]

Как установлено предварительным следствием, право-троцкистский заговорщический блок сложился в целях вооруженной борьбы с советской властью, подготовки насильственного свержения советского правительства, ликвидации советского социалистического общественного и государственного строя и восстановления в СССР капитализма и власти буржуазии.

В этих целях право-троцкистский заговорщический блок, следуя указаниям врага народа Л. Троцкого, направил свою преступную деятельность на

[I] Сверху на полях помета И.В. Сталина (зеленый карандаш, неразборчива): «Выражаемся в который раз».
[II] Подчеркнуто прямой горизонтальной линией (синие чернила и красный карандаш).
[III] Сверху помета И.В. Сталина (зеленый карандаш): «5».
[IV] Сверху помета И.В. Сталина (зеленый карандаш): «1».
[V] Сверху помета И.В. Сталина (зеленый карандаш): «3».
[VI] Сверху помета И.В. Сталина (зеленый карандаш): «2».
[VII] * * — рядом на полях помета И.В. Сталина (зеленый карандаш, неразборчива).
[VIII] * * — рядом на полях помета И.В. Сталина (зеленый карандаш, неразборчива).

всемерный подрыв советского народного хозяйства, на ослабление государственной мощи и обороноспособности СССР и на поражение СССР в грядущей войне, подготовляемой против СССР иностранными фашистскими агрессорами.

Следствие установило, что право-троцкистские заговорщики через своих сообщников в отдельных республиках, краях и областях широко развернули вредительскую и диверсионную работу, *стараясь подорвать хозяйственный и культурный рост наших колхозов и совхозов, задержать развитие нашей социалистической промышленности, транспорта и торговли, применяя самые злостные методы борьбы против социализма, вплоть до насильственной ликвидации отдельных колхозов, разрушения отдельных предприятий,*[I] особенно имеющих оборонное значение, организации крушений поездов, взрывов и поджогов фабрик и заводов с массовыми человеческими жертвами.

Преследуя провокационную цель вызвать в населении недовольство советской властью и советской политикой, право-троцкистский блок не останавливался перед такими преступлениями, как отравление муки, хлеба и других предметов питания, предназначенных для снабжения населения.[II]

В то же время право-троцкистский заговорщический блок, видя безуспешность своей провокационной, вредительско-бандитской работы, потеряв всякую надежду на поддержку со стороны народных масс, ежечасно убеждаясь в несокрушимом моральном и политическом единстве советского народа, беззаветно преданного делу социализма и единодушно поддерживающего свое правительство и свою коммунистическую партию, стал на путь прямой государственной измены.

Следствием установлено, что главари право-троцкистского заговорщического блока заключили с представителями японского и германского правительства соглашение, в силу которого Япония и Германия обязались оказать блоку вооруженную помощь на условиях расчленения СССР и отторжения в пользу этих государств части советской территории.

Ставши на путь государственной измены и превратившись в прямых агентов японской и германской разведок, право-троцкистский заговорщический блок по заданию последних и по указаниям врага народа Л. Троцкого наряду с вредительской и диверсионной работой широко развернул свою преступную деятельность по шпионажу в пользу этих разведок, по организации повстанческих банд и террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

*Эта позорная изменническая деятельность право-троцкистского заговорщического блока оставалась в течение продолжительного времени не разоблаченной, не только в силу искусной маскировки, но и в силу того обстоятельства, что руководящее участие в преступной деятельности блока принимал ряд лиц, пробравшихся на руководящие посты в советском и партийном аппарате — на посты наркомов, начальников главных управлений, секретарей некоторых обкомов и крайкомов. **Пробравшись на эти посты, изменники получили возможность в течение известного времени безнаказанно творить свое предательское дело, прикрывая своим ответственным положением собственные преступления и преступления своих сообщников. Особенно позорной в этом отношении явилась роль изменника Ягоды, использовавшего свой высокий пост в целях предательской борьбы с партией

I * * — рядом на полях вертикальная линия (зеленый карандаш) — правка И.В. Сталина.

II * * — рядом на полях вертикальная линия и помета И.В. Сталина (зеленый карандаш, неразборчиво).

и советским правительством. Как установлено следствием, обвиняемый Ягода, состоя членом центра правых, вероломно изменял своему долгу, партии, правительству, родине, не только всячески мешая раскрытию и разоблачению право-троцкистских заговорщиков, но и являясь одним из активнейших организаторов право-троцкистского заговора, одним из главнейших вдохновителей чудовищных преступлений, совершенных право-троцкистским заговорщическим блоком**[I].*[II]

* * *

Об образовании право-троцкистского заговорщического блока по прямым указаниям врага народа Л. Троцкого, о целях, формах и методах преступной деятельности блока дал на предварительном следствии исчерпывающие показания ряд обвиняемых, привлеченных по настоящему делу к уголовной ответственности.

Так, обв. Крестинский показал, что в начале октября 1933 г. он имел по этому вопросу с Л. Троцким беседу в Берлине в гостинице «Мераненгоф».

По показаниям обв. Крестинского «при этой беседе Троцкий говорил о необходимости наладить теснейший контакт с контрреволюционной организацией правых, Рыковым, Бухариным, Томским и другими, а также предложил мне связаться с Тухачевским, чтобы использовать его бонапартистские устремления. Троцкий заявил, что на себя он берет переговоры с фашистскими кругами...». (т. ..., л.д. ..., 2.XII-37 г.)

Говоря о своем участии в право-троцкистском блоке, обв. Розенгольц подтвердил, что он возобновил свою троцкистскую подпольную работу по прямому предложению Л. Троцкого.

Обв. Розенгольц показал:

«В дальнейшем контрреволюционная троцкистская организация, в которую я входил, вступила в связь с группой военных заговорщиков во главе с Тухачевским. Эта связь была налажена по директиве Троцкого в 1933 г. Эта связь осуществлялась лично Крестинским...». (пок. 8.1)

В том же 1933 г. обв. Розенгольц при личном свидании с Л. Седовым получил указание Л. Троцкого о необходимости установления связи с правыми. Обв. Розенгольц признал, что лично связался с обв. Рыковым, с которым и обсуждал вопрос об организации государственного переворота.

Один из главарей троцкистского подполья, обв. Яковлев, в течение ряда лет (1930—1937 гг.) находившийся в личной переписке с Л. Троцким и непосредственно получивший от последнего указания по организации антисоветской, шпионо-вредительской и террористической борьбы, подтвердил полностью свое активное участие в право-троцкистском блоке и свою связь с правыми, а также с Гамарником, Якиром и другими разоблаченными ныне изменниками.

Один из главнейших руководителей право-троцкистского блока, обв. Бухарин показал, что в 1932 г. Пятаков Ю.Л. передал ему, Бухарину, директиву Л. Троцкого о переходе к террористическим методам борьбы с советской властью и о необходимости «консолидации всех антисоветских сил в борьбе за свержение советского правительства». (т. ..., л.д. ...)

В результате возникших в связи с этой «директивой» переговоров обв. Бухарина с Пятаковым и одновременно Томского и обв. Рыкова с Каменевым и Сокольниковым между правыми, троцкистами и зиновьевцами было полно-

---

[I] ** ** — зачеркнуто (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (зеленые чернила) — правка И.В. Сталина.

стью достигнуто соглашение *«на основе, — как показал обв. Бухарин, — так называемой рютинской платформы со всеми ее установками, идущими по линии террора, восстания, государственного переворота»[1] (т. ..., л.д. ...).*[1]

На допросе в Прокуратуре Союза 1 декабря 1937 г. обв. Бухарин показал:

«Мой разговор с Пятаковым явился соглашением о координации наших с троцкистами действий, направленных к насильственному свержению руководства партии и советской власти». (т. ..., л.д. ...)[2]

Это подтвердил и обв. Рыков А.И., показавший на допросе в Прокуратуре Союза ССР 1 декабря 1937 г. следующее:

«Наша организация правых вступила в блок с троцкистами; был создан так называемый контактный центр, в который представителями правых вошли — я, Бухарин и Томский. Этот контактный центр был создан для подготовки и совершения задуманного нами государственного переворота... Этот переворот мы решили произвести путем ареста руководителей партии и советской власти и с этой целью вступили в блок с троцкистами». (т. ..., л.д. ...)

Говоря об этом центре, обв. Рыков показал:

«Общее руководство этим контрреволюционным заговором и согласование работ всех групп, которые подготовляли этот переворот (центр правых, троцкисты, военная группа, группа Ягоды—Енукидзе), осуществлялась единым центром, в состав которого вошли Томский, Бухарин, я, Рыков, Енукидзе, Пятаков и Каменев. Енукидзе являлся представителем и военной группы, связь с которой осуществлялась через него. С признанием террора, участием в преступных действиях и с созданием организации для насильственного свержения советского правительства — контрреволюционная организация правых достигла предела, вообще возможного для контрреволюции в отношении методов заговорщической работы. Участие в ней группы Ягоды—Енукидзе и группы командного состава армии показывает, что рана, которую мы собирались нанести делу пролетарской диктатуры, могла быть очень глубокой...». (т. ..., л.д. ...)

Активное участие в преступной деятельности право-троцкистского заговорщического блока, как это установлено следствием, принял ряд подпольных буржуазно-националистических групп. Одной из таких групп явилась группа украинских буржуазных националистов во главе с Любченко, впоследствии, в связи с разоблачением его контрреволюционной деятельности, покончившим самоубийством, и с обвиняемым по настоящему делу Гринько Г.Ф.

Как установлено следствием, обв. Гринько в течение ряда лет принимал руководящее участие в подпольной преступной деятельности украинской буржуазно-националистической организации, образовавшейся из числа боротьбистов, петлюровцев и т.п. антисоветских элементов.

Ставя своей задачей отторжение Украины от СССР, свержение советской власти и образование буржуазно-националистического государства, эта организация была тесно связана с зарубежными контрреволюционными буржуазно-националистическими украинскими группами и с германской разведкой, с помощью которых она и рассчитывала осуществить свои преступные замыслы. Полностью разделяя «программу» правых реставраторов капитализма с ее установками на пораженчество, шпионаж, террор, вредительство и диверсии, эта организация в конце 1935 г. вступила в право-троцкистский заговорщический блок.

Об участии украинских буржуазных националистов в право-троцкистском заговорщическом блоке обв. Гринько показал:

---

[1] * * — зачеркнуто (зеленый и красный карандаши).

«Идя на связь с троцкистским и правым центрами в Москве, мы исходили из того, что реализация нашего плана о захвате власти на Украине будет облегчена, если мы включимся (конечно, на соответствующих договорных основах) в общей фронт борьбы за свержение советской власти в СССР». (т. ..., л.д. ...)

Свою преступную связь с блоком обв. Гринько осуществлял преимущественно через Рыкова и Бухарина, совместно с которыми обв. Гринько разработал план своего участия в преступной деятельности право-троцкистского блока и, в частности, план своей подрывной работы в НКФине.

Как установлено следствием, в право-троцкистском заговорщическом блоке активное участие принимали также подпольная группа узбекских буржуазных националистов, возглавлявшаяся изменниками обв. Икрамовым и Файзуллой Ходжаевым.

Как установлено в настоящее время, обв. Икрамов и обв. Ф. Ходжаев в течение многих лет вели свою предательскую работу, опираясь на остатки разгромленных байских басмаческих и пантюркистских элементов, подготовляя отторжение Узбекистана от СССР и восстановление здесь власти баев и капиталистов.

О задачах руководимых обв. обв. Икрамовым и Ходжаевым контрреволюционных организацией обв. Ходжаев показал следующее:

«...Основной задачей практической работы наших организаций была подготовка активных антисоветских кадров и их воспитание в духе борьбы с СССР.

Мы ориентировали участников организации на то, что борьба с Советской властью примет острые формы и будет доходить до вооруженных столкновений. Поэтому мы уделяли внимание подготовке боевых сил участников нашей организации. Тогда же наш центр дал установку на поддержку басмаческих шаек и сохранение басмаческих связей для предстоящей вооруженной борьбы с соввластью. Мы не ограничивались только подготовкой кадров для вооруженной борьбы с соввластью, а мы уже сейчас активно действовали в целях подрыва мощи СССР ...». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Икрамов на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 г. показал:

«Целью нашей контрреволюционной организации являлось отторжение Узбекистана от СССР для организации буржуазно-демократического государства.

Для осуществления этой цели мы имели ввиду организовать и поднять повстанческое движение в случае войны и, таким образом, произвести отторжение Узбекистана от СССР. Наша контрреволюционная националистическая организация стояла на пораженческой позиции. Я признаю, что как активный участник этой организации я совершил акт прямой государственной измены». (т. ..., л.д. ...)

Став таким образом на путь измены родине и предательства интересов рабочих, декхан, трудящихся Узбекистана, обв. Икрамов и обв. Ходжаев договорились с руководителями право-троцкистского заговорщического блока Рыковым, Бухариным, Антиповым и Зеленским о своем вступлении в блок и о совместной преступной борьбе с советской властью.

По этому поводу обв. Антипов показал:

«Так как наша контрреволюционная организация правых ставила своей задачей объединить и возглавить для борьбы с советской властью все существующие контрреволюционные националистические организации, то я вступил в непосредственную связь с руководителями Узбекской контррево-

люционной националистической организации Ходжаевым и Икрамовым. Помимо меня, с этими лицами был непосредственно связан и Бухарин. Основной задачей Узбекской контрреволюционной националистической организации было отторжение Узбекистана от СССР и создание буржуазно-националистического государства». (т. ..., л.д. ...)

Аналогичные показания дали на предварительном следствии обв. Рыков и обв. Бухарин, полностью подтвердив преступное соучастие с ними обвиняемых Икрамова и Ф. Ходжаева.

Активное участие в право-троцкистском заговорщическом блоке принимала также образовавшаяся в 1932—1933 гг. в БССР группа белорусских буржуазных националистов. Видную роль в этой группе играл пробравшийся на пост секретаря ЦК КП(б)Б обв. Шарангович, разоблаченный ныне в качестве польского шпиона, переброшенного польской разведкой еще в 1921 г. под видом обмена политических заключенных.

Говоря о вступлении группы белорусских национал-фашистов в право-троцкистский блок, обв. Шарангович показал, что к этому времени всякие разногласия межу правыми, троцкистами и национал-фашистами стерлись.

«Все мы, — показал обв. Шарангович, — ставили перед собой одну задачу — задачу борьбы с советской властью любыми методами, включая террор, диверсию и вредительство. Конечной целью всех этих трех организаций, действовавших на территории национальной республики, было отторжение Белоруссии от Советского Союза и создание «независимого» буферного государства, которое, несомненно, находилось бы целиком в руках Польши и Германии[1]...». (т. ..., л.д. ...)

По прямым указаниям обв. Антипова, действовавшего от имени блока, обв. Шарангович, используя свое ответственное партийное положение, стремился развернуть вредительскую работу в области сельского хозяйства и промышленности и всячески подорвать обороноспособность СССР и мощь советской власти.

По этому поводу обв. Шарангович показал:

«На местах для практического осуществления наших вредительских замыслов была создана сеть вредительских диверсионных групп... Все мы, начиная с руководителей организации и кончая ее рядовыми членами, являлись национал-фашистами и вели работу против советской власти, за отрыв Белоруссии от Советского Союза, не гнушаясь никакими способами... Борьба против партии и советского правительства привела нас в лагерь фашизма и превратила в агентов польских правительственных кругов...» (т. ..., л.д. 26)

В качестве агента польской разведки обв. Шарангович свою преступную подрывную работу осуществлял не только по указаниям право-троцкистского блока, но и по указаниям польской разведки.

По этому поводу обв. Шарангович показал:

«Несмотря на то, что директивы, получаемые нами, исходили, с одной стороны, из Москвы, от центра правых и троцкистов, а с другой стороны, из Варшавы — от польских правительственных кругов, никакого различия в их содержании не было, они были едины и нами претворялись в жизнь». (т. ..., л.д. ...)

О шпионском характере буржуазно-националистической организации правых в БССР обв. Рыков показал следующее:

«Я должен признать, что группа участников организации правых, в соответствии с указаниями центра правых и моими личными указаниями, в целях осуществления наших заговорщических, изменнических планов установила

[1] Подчеркнуто прямой горизонтальной линией (зеленый карандаш).

связь с фашистской Польшей, с польскими разведывательными органами, в частности. В результате организация правых в Белоруссии фактически стала экспозитурой польского генштата». (т. ..., л.д. ...)

Установленные следствием факты преступной деятельности право-троцкистского блока с несомненностью доказывают, что право-троцкистский блок представлял собой простую агентуру некоторых иностранных генштабов и разведок.

Троцкистская часть блока в лице обв. обв. Раковского, Розенгольца, Яковлева, Бессонова, Вейцера, Варейкиса и Крестинского была теснейшим образом связана с японской, германской, английской и польской разведками. Что касается правых, то одни из них непосредственно, а другие — через своих сообщников также были связаны с разведками указанных выше иностранных государств, на помощь которых в своей борьбе против советской власти они только и рассчитывали.

Это прямо признал на следствии обв. Бухарин, показавший:

«Без поддержки извне, без реальной силы серьезно помышлять об осуществлении наших планов нельзя было» (т. ..., л.д. ...)

Обв. Бухарин был в курсе переговоров Л. Троцкого с немецкими фашистами и, также как и Л. Троцкий, видел путь к власти в поражении СССР и отторжении от СССР в пользу Германии и Японии Украины и Дальнего Востока.

По этому поводу обв. Бухарин показал:

«К тому времени, когда Троцкий вел переговоры с немецкими фашистами и обещал им территориальные уступки, мы, правые, уже были в блоке с троцкистами.

Радек мне говорил, что Троцкий считает основным шансом прихода блока к власти поражение СССР в войне с Германией и Японией и предлагает после этого поражения отдать Германии — Украину, а Японии — Дальний Восток. Радек мне сообщил об этом в 1934 г.

Я не возражал против самой идеи сговора с Германией, но не был согласен с Троцким в вопросе размера и характера уступок». (т. ..., л.д. ...)

Имеющиеся в распоряжении следствия данные говорят, однако, что у обв. Бухарина никаких разногласий с Л. Троцким и другими изменниками не было и в этом вопросе.

Так, обв. Ф. Ходжаев показал:

«Бухарин мне сказал, что центр правых идет на территориальные и экономические уступки Германии и Японии как на компенсацию за помощь в борьбе против Сталинского руководства ЦК, которую нам эти страны окажут ...». (т. ..., л.д. 36)

Это показание обв. Ф. Ходжаева находит свое полное подтверждение и в других материалах следственного производства, полностью изобличающих пораженческую линию право-троцкистского заговорщического блока.

Так, обв. Рыков показал по этому вопросу следующее:

«Что же касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял и высказывался за эту позицию еще более резко, чем мы. В частности, именно он внес предложение и формулировал идею открытия фронта немцам в случае войны». (т. ..., л.д. ...)

Характеризуя свое отношение к этому вопросу, обвиняемый Рыков признал, что он:

«...Как и другие члены центра правых, я был осведомлен об изменнических переговорах представителей нашей контрреволюционной организации с германскими фашистами, поддержку которых мы искали. Естественно, что

такая поддержка была связана с необходимостью уступок германским фашистам, на что мы и шли».

«Надо сказать, — добавил обв. Рыков, — что эта установка прямо вытекала из занимаемой нашим центром пораженческой позиции в вопросе будущей войны СССР с Германией. Мы считали, что для организации переворота во время войны нам надо заручиться поддержкой фашистской Германии».

Вот откровенная, пораженческая установка право-троцкистских изменников, торговавших свободой, независимостью и неприкосновенностью советской земли...

Как установлено следствием, обв. Бессонов, используя в интересах право-троцкистского блока свое положение советника советского полпредства в Берлине, лично вел переговоры о поддержке блока с заместителем Розенберга по внешне-политическому отделу фашистской партии Дайцем.

По показаниям обв. Бессонова,

«Дайц считал, что фашистская Германия не сможет выполнить своих "великих исторических задач", если не обеспечит себе "надлежащей сырьевой базы на Востоке". Германии нужен украинский хлеб, украинская руда, украинский хлопок (насчет возможности разведения которого на Украине Дайц не сомневался)»...

В соответствии с этим Дайц, как показал далее обв. Бессонов, развернул «концепцию такого экономического "сотрудничества" с СССР, при котором Украина с ее продовольствием, рудой, и Кавказ с его нефтью превратились бы в германские полуколонии...»

Однако право-троцкистский заговорщический блок ориентировался не только на помощь Германии. Большие надежды заговорщический блок возлагал, в соответствии с указаниями Л. Троцкого, также на Японию.

Обв. Варейкис показал, что на совещании с Гамарником и Яковлевым последний говорил:

«...Мы должны готовить поражения Советского Союза в войне с Германией и Японией. Мы должны деятельно готовиться к тому, чтобы в первый же период войны ударить с тыла. Мы должны усилить свою пораженческую подрывную работу в сельском хозяйстве, в промышленности, главным образом, на оборонных заводах, на железнодорожном транспорте и в армии ...». (т. ..., л.д. 38)

«Яковлев говорил, что нужно сделать с организацией крепкого вооруженного ядра на Дальнем Востоке; также спешить с налаживанием связей с японцами...; что все основные вопросы с японцами решает центр и Троцкий...»

Исходя из указаний центра и Л. Троцкого, право-троцкистский блок через Варейкиса и ряд других участников этого преступного блока вошел в изменнические сношения с представителями Японии, обещавшей, как показали обв. обв. Варейкис и Яковлев, оказать блоку вооруженную помощь, взамен чего право-троцкистский блок обещал отдать Японии Камчатку и Сахалин.

Обв. Яковлев показал по поводу соглашения право-троцкистского блока с Японией следующее:

«Наши условия, т.е. условия центра троцкистской организации, исходили в основном из ставки на вооруженные нападения Японии на СССР и на дальнейшую помощь Японии в свержении советской власти и передачи власти в руки право-троцкистского блока. В этом плане вел переговоры с японцами Гамарник, после него и Варейкис. Японцы взамен этого выдвинули ряд условий, которые были приняты нами. Эти условия заключались в следующем: японцы предполагали при нашей помощи создать Дальневосточную республику (ДВР), под протекторатом Японии; эта республика

должна была бы служить базой для дальнейшего наступления на СССР и для распространения влияния Японии на другие районы СССР. Одновременно японцы требовали и мы им уступали, сразу же при захвате ДВК, Сахалин, Камчатку... Япония получала целый ряд концессий на территории Дальневосточного края, Сибири, Урала, с правом содержания там своих войск. Все эти требования право-троцкистский блок по указаниям Троцкого соглашался выполнить.

Кроме этих условий, рассчитанных на будущее, японцы требовали выполнения их заданий в настоящем по шпионажу, вредительству, диверсии». (т. ..., стр. 56, 55)

Помимо Германии и Японии, право-троцкистский блок не пренебрегал возможной помощью со стороны и других буржуазных государств.

Так, по показаниям обв. Иванова, обв. Бухарин говорил ему, что правые смогут осуществить «государственный переворот путем террора, организации повстанческих кадров и при поддержке иностранных интервентов».

«В связи с этим, — показал далее обв. Иванов, — Бухарин разъяснил мне особый интерес, который представляет Северный край для англичан вследствие своих лесных ресурсов.

Бухарин предложил мне оказывать англичанам, проводившим торговые операции в Северном крае, известные преимущества, чтобы англичане видели, что мы "авансом" расплачиваемся с ними за их будущие услуги, т.е. за поддержку вооруженным вмешательством нашей контрреволюционной организации при ее приходе к власти...». (т. ..., л.д. ...)

Как установлено следствием, в преступной деятельности право-троцкистского заговорщического блока серьезное место занимал шпионаж в пользу указанных выше иностранных государств.

Шпионская деятельность право-троцкистского заговорщического блока чрезвычайно облегчалась тем, что многие активные участники этого подпольного блока являлись давнишними агентами этих разведок и в течение многих лет вели шпионско-разведывательную работу в пользу различных иностранных государств.

Это надо сказать, в частности, о таких участниках право-троцкистского блока, как обв. обв. Крестинский, Гринько, Чернов, Варейкис, Шарангович, Раковский, Розенгольц, Вейцер, Бессонов, в течение ряда лет, как это установлено теперь следствием, являвшихся разведчиками некоторых иностранных государств. Так, старый троцкист Раковский Х.Г., один из ближайших друзей и особо доверенных людей Л. Троцкого, был завербован английской разведкой «Интеллидженс Сервис» еще в 1924 г. в бытность свою на работе в советском полпредстве в Лондоне.

По этому поводу обв. Раковский показал:

«Как я уже показал ранее, я сам также был агентом "Интеллидженс Сервис" с конца 1924 г. Я тогда работал в Полпредстве СССР в Лондоне, и однажды ко мне явились некие Армстронг — отставной морской офицер, которого я знал с 1922 г., и мистер Лэнарт, которые и завербовали меня для сотрудничества с "Интеллидженс Сервис". Обстоятельства, при которых произошла вербовка, мною уже подробно изложены». (т. ..., л.д. ...)

Впоследствии обв. Раковский связался с японской разведкой, воспользовавшись своим пребыванием в Токио с официальной миссией.

По этому поводу обв. Раковский на следствии заявил следующее:

«Не для того, чтобы смягчить свою роль, а исключительно в интересах правды, я должен заявить, что на мое согласие стать японским шпионом повлияло и то обстоятельство, что и Троцкий, как мне было известно, яв-

лялся агентом "Интеллидженс Сервис" с конца 1926 г. Об этом мне сообщил сам Троцкий в январе 1928 г. ...

Как я уже показал ранее, я сам также был агентом "Интеллидженс Сервис" с конца 1925 г.». (т. ..., л.д. ...)

Подробно изложив обстоятельства, толкнувшие его на путь шпионажа, обв. Раковский показал, что решающую роль в этом вопросе сыграли его троцкистские взгляды и связь с Л. Троцким, привившим ему ненависть к СССР и пораженческие взгляды.

Обв. Раковский показал:

«Все эти обстоятельства имели своим логическим и практическим последствием тот факт, что я — бывший революционер — стал со времени моего пребывания в Токио прямым агентом-шпионом японского правительства, будучи завербован для этой цели, по поручению японского правительства, принцем Токугава, председателем японского общества Красного Креста, влиятельнейшим политическим деятелем капиталистическо-феодальной Японии и одним из крупнейших ее плутократов». (т. 1, л.д. 60)

Другой видный троцкист и один из руководителей троцкистского подполья обв. Розенгольц, уличенный в шпионаже, показал:

«Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 г., когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных командующему Рейхсвером Секту и начальнику немецкого генштаба Гассе. В дальнейшем я непосредственно связался с немецким послом в СССР Дирксеном, которому я периодически передавал сведения шпионского характера. После отъезда Дирксена я продолжал шпионскую связь с новым послом Шуленбургом.

В 1926 году я был завербован английской разведкой. Завербовал меня английский журналист Фарбман, при обстоятельствах, подробно изложенных в моих предыдущих показаниях.

Я был вынужден стать английским шпионом, потому что Фарбман угрожал разоблачить меня как члена контрреволюционной троцкистской организации. Фарбман знал также о моих встречах с Седовым.

В дальнейшем до 1935 г. я поддерживал связь с английской разведкой через Тальбота, с которым меня связал Фарбман.

И, наконец, с польской разведкой я был связан через Логоновского». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Розенгольц широко использовал в предательских целях свое высокое служебное положение. Обв. Розенгольц не только снабжал английскую, германскую и японскую разведки интересующими их секретными документами и сведениями, составляющими важнейшую государственную тайну, но и лично и через многочисленных своих сообщников, вовлеченных им в шпионскую и заговорщическую преступную деятельность, систематически срывал выгоднейшие для СССР операции и мероприятия по внешней торговле, действуя в ущерб интересам СССР и в пользу тех государств, с разведками которых он был связан.

О своей изменнической деятельности обв. Розенгольц показал следующее:

«Вредительская работа во внешней торговле в отличие от других систем народного хозяйства имела особое значение, так как была использована для преступных политических комбинаций Троцкого при его переговорах и отношениях с другими государствами.

Поскольку Троцкий имел соглашение с Германией и Японией, о чем я был извещен (как во время переговоров при свидании с Седовым в 1935 г., так и о состоявшемся соглашении — при свидании с ним в 1934 г.) и имел в этом отношении соответствующее указание Троцкого, то и моя вредительская работа по внешней торговле служила этой цели, а именно: вредитель-

ские акты заключались, главным образом, в том, что советские товары экспортировались или импортировались во вред интересам СССР, исходя из интересов других враждебных Советскому Союзу государств.

Наряду с директивой Троцкого, полученной мною через Крестинского и Седова, о проведении во Внешторге вредительской работы, направленной на оказание прямой помощи Германии и Японии, — характер моей вредительской деятельности определялся еще указаниями... послов в СССР г. ... и г. ..., связь с которыми в этом отношении сыграла крупную роль, т.к. мне приходилось руководствоваться в работе их конкретными указаниями.

После установления контакта с Тухачевским и Рыковым я известил первого через Крестинского, а последнего лично о директиве Троцкого по вредительской работе, и оба они одобрили проведение мною этой работы.

Вредительство во внешней торговле в результате всего этого шло, главным образом, по следующим трем линиям: первое — экономическая помощь Германии и Японии за счет СССР; второе — нанесение экономического ущерба и вреда СССР; третье — нанесение политического ущерба СССР». (т. ..., л.д. 29—30)

Не менее гнусную, предательскую роль играли и обв. обв. Вейцер, Гринько, Крестинский, Чернов, Варейкис, Бессонов и Шарангович.

Как выяснено следствием, обв. Вейцер имел шпионские связи с германскими фашистскими кругами и некоторыми германскими промышленными фирмами, при содействии которых обв. Вейцер совместно с обв. обв. Розенгольцем, Бессоновым и Крестинским снабжали троцкистскую организацию деньгами, уворованными у советского правительства при реализации в Германии советских заказов.

Обв. Бессонов, по его собственному признанию, принимал активное участие в нелегальных переговорах троцкистов с германскими фашистскими, преимущественно военными кругами о совместной борьбе против СССР. Обв. Бессонов был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером (заместитель Розенберга) и профессором Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил Пятаков на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра[3].

По показаниям обв. Бессонова, «...как видно из этих условий... центр тяжести подпольной работы троцкистов переносился на подрывные, шпионские, диверсионные и террористические акты внутри СССР».

Обв. Гринько, признав себя виновным в шпионаже в пользу Германии, показал:

«В конце 1932 г. я, действуя в качестве представителя украинской националистической организации, вступил в изменническую связь с г-ном ... Мы встречались с ним в моем служебном кабинете, куда г-н ... являлся по делам ... концессии.

Во второй половине 1933 г. г-н ... мне прямо сказал, что германские фашисты хотят сотрудничать с украинскими националистами по украинскому вопросу. Я ответил г-ну ... согласием на сотрудничество. В дальнейшем, на протяжении 1933—1935 гг. у меня было несколько встреч с г-ном ..., а перед его отъездом из СССР он связал меня с г-ном ..., с которым я продолжал свои изменнические сношения». (т. ..., л.д. ...)

В многолетней шпионской «работе» в пользу немцев следствием полностью уличен и обв. Крестинский, показавший на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 г. следующее:

*«На шпионскую связь с немцами я пошел по прямому заданию Троцкого... Я признаю себя виновным в том, что был активным участником контр-

революционной троцкистской организации, ставившей своей целью свержение насильственным путем руководства партии и советской власти, в том, что был немецким шпионом и находился в непосредственных изменнических отношениях с немецкими фашистскими кругами...»*[I]

Как установлено следствием, обв. Крестинский был германским шпионом с 1926 года[II].

О шпионской работе право-троцкистского блока в ДВК можно судить по собственному признанию обв. Варейкиса, показавшего, что право-троцкистская организация —

«сверху и донизу настолько переплелась с японцами, что не только ее руководители и верхушечные звенья поддерживали так называемый контакт и шпионские связи с японцами, но и почти повсеместно низовка организации... была прямо и непосредственно поставлена на службу японской разведке». (т. ..., л.д. ...)

В этой шпионской «работе» право-троцкистов в пользу японцев видное место занимал обв. Варейкис, систематически выполнявший задания японской разведки, получавшиеся им от японского консула в Хабаровске Симада.

По поводу этих заданий обв. Варейкис показал:

«Выше я говорил уже о том, что японцы и Троцкий все время торопили нас с развертыванием диверсионной работы. Директивы японцев в этой области сводились к следующему:

а) дезорганизаторской работой ослабить мощь Красной Армии;

б) срывать оборонное строительство, строительство новых заводов, тормозить расширение действующих предприятий;

в) срывать железнодорожные перевозки; тормозить развитие железнодорожных путей, разрушать действующие пути, организовывать аварии на железных дорогах;

г) задерживать развитие хозяйства края; уничтожать и портить имеющиеся продовольственные запасы для того, чтобы уже в самом начале войны край испытывал трудности в промышленных товарах и продовольствии;

д) развернуть вредительство в торговле, пищевой промышленности, дезорганизовать снабжение населения товарами, ударяя по жизненным интересам населения, сеять панику, недовольство среди населения, распространять провокационные слухи о недостатках в стране хлеба, о надвигающемся голоде и т.п., провокационным путем вызывать озлобление у населения к советской власти;

е) подготовить повстанческие организации к вооруженному восстанию; включить в состав этих организаций все недовольные белогвардейско-фашистские элементы, в том числе и из остатков реакционного уссурийского казачества.

Эти задания японского генерального штаба начали проводиться в жизнь еще задолго до моего приезда на Дальний Восток». (т. ..., л.д. ...)

Как установлено следствием, ряд имевших место в ДВК диверсий был произведен право-троцкистскими заговорщиками по прямым указаниям японской разведки. Так, по прямым указаниям японской разведки было произведено крушение товарного поезда с воинским грузом на ст. Волочаевка, были произведены диверсии на шахтах №№ 10 и 20 в Сучане[4], была произведена подготовительная работа по бактериологической диверсии (заготовка штаммов чумы, болезнетворных микробов и ядовитых веществ) и ряд других актов.

[I] * * — рядом на полях помета (зеленый карандаш): «1921 год?».

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (зеленый карандаш).

*Обв. Чернов начал свою шпионскую работу в пользу Германии еще в 1928 г., будучи в служебной командировке в Берлине, где он связался с известными меньшевиками Даном и Кибриком, связавшими его в свою очередь с германской разведкой.

В дальнейшем обв. Чернов поддерживал шпионские связи с известным германским разведчиком, корреспондентом газеты «Берлинер Тагеблат» Шефером.

Обв. Чернов по этому поводу показал:

«В дальнейшем я имел несколько встреч с Шефером и передал ему ряд сведений, нужных немецкой разведке. В дальнейшем, когда я перешел на работу в Комитет Заготовок, то Шефер передал мне задание немцев проводить вредительскую деятельность по линии Комитета Заготовок, в особенности в области мобилизационных запасов ...». (т. ..., л.д. ...)

О своей вредительской работе по заданиям германской разведки обв. Чернов показал следующее:

«Я получал также задания разведки на порчу хлеба путем заражения хлебных складов микробными вредителями и особенно клещом. Шефер подчеркнул, что немецкая разведка крайне заинтересована в применении этого рода вредительства на складах с мобилизационными запасами.

Задания разведки по вредительству совпадали с указаниями, которые я, как член организации правых, получал от Рыкова. Тем с большей готовностью я принял их к исполнению...

Цель, поставленная передо мной немецкой разведкой, заключается в следующем: вызвать недовольство и раздражение колхозного крестьянства против советской власти и всеми мерами препятствовать подъему и развитию сельского хозяйства». (т..., л.д. ...)

В соответствии с этой целью обв. Чернов и его сообщники проводили ряд вредительских мероприятий по таким решающим и узловым вопросам сельского хозяйства, как семенное дело, севооборот, машинотракторные станции и животноводство.*[1]

Ликвидация наиболее ценных сортов семян, срыв севооборота, разгром машинно-тракторных станций, являющихся могущественным средством укрепления колхозного строя; сокращение поголовья скота и понижение его продуктивности, уничтожение конского запаса, предназначенного для Красной Армии, — вот преступные мероприятия, проводившиеся обвиняемым Черновым и его сообщниками по прямому требованию германской разведки.

Эту предательскую вредительскую работу обв. Чернов проводил с полного одобрения руководителей право-троцкистского заговорщического блока, давших ему аналогичные задания.

«В 1934 г., встретившись с Рыковым, на его даче, — показал обв. Чернов, — я получил от него задание широко развернуть вредительство в области сельского хозяйства. Это задание я выполнил и проводил вредительскую подрывную деятельность достаточно активно ...». (т. ..., л.д. ...)

Наряду с обв. Черновым, активную вредительскую подрывную работу как в области сельского хозяйства, так и в ряде других областей народного хозяйственного и государственного социалистического строительства вели и другие обвиняемые по настоящему делу. Пробравшись в партию и на руководящие государственные должности при помощи двурушничества, обмана,

[1] * * — рядом на полях помета И.В. Сталина (зеленый карандаш): «Тот Дан свел его с нем.[ецкой] разведкой».

иногда и прямого подлога, продавшись иностранным фашистским разведкам, а некоторые из обвиняемых, как это было с обвиняемыми Антиповым, Варейкисом, Ивановым, Яковлевым, Зеленским, Зубаревым, — пройдя позорную школу провокаторской работы в царской охранке, эти, потерявшие всякий стыд и совесть, предатели и изменники систематически и настойчиво вели свою разрушительную, вредительскую работу каждый в своей области.

В области внутренней торговли вредительскую, подрывную работу систематически проводил б. Наркомвнуторг обв. Вейцер.

Как показал на следствии обв. Вейцер, Пятаков, передавая ему, Вейцеру, установки Л. Троцкого, подчеркнул, —

«Одновременно с Германией будет вести войну против СССР и Япония и что придется пойти на некоторые уступки японскому и германскому фашизму, но это неизбежность, с которой необходимо считаться, если хотим быть реальными политиками, и что задача состоит в том, чтобы к этому моменту быть основательно подготовленными организационно, политически и дипломатически». (т. ..., л.д. ...)

Уточняя эти установки, обв. Вейцер показал:

«Под организационной подготовкой подразумевалась необходимость создать кадры, готовые на политические выступления, а также и наличие крепкой руководящей головки. Под политической подготовкой подразумевалась необходимость создать недовольство населения, по крайней мере, в решающих местах и создать внутренние трудности путем совершения дезорганизаторских, вредительских действий на ряде участков народного хозяйства. Под дипломатической подготовкой подразумевалась необходимость, чтобы японские и германские правительства были осведомлены о том, что идет борьба против существующего режима, и что в случае войны она будет использована для свержения существующего режима, и что при победе оппозиции они могут рассчитывать на заключение соглашения с ними». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Вейцер и его соучастники из право-троцкистского заговорщического блока провели целый ряд вредительских преступных мероприятий, периодически создававших серьезные затруднения в снабжении населения предметами питания и предметами широкого потребления (хлеб, соль, овощи, чулки, нитки, льняные ткани и др.).

Создавая искусственным путем в преступно-вредительских целях перебои в снабжении населения различными предметами потребления, и особенно хлебом, при полном изобилии этих ресурсов, вредители рассчитывали вызвать недовольство и раздражение народных масс существующими советскими порядками и самой советской властью.

Обв. Гринько эту вредительскую «работу» вел в области финансового управления, стремясь подорвать кредитную систему, сберегательное дело, развалить налоговое дело, сорвать операции по размещению новых займов. По этому поводу обв. Гринько показал, что —

«Подрывная работа по Наркомфину преследовала основную цель: ослабить советский рубль, ослабить финансовую мощь СССР, запутать хозяйство и вызвать недовольство населения финансовой политикой советской власти, недовольство налогами, недовольство плохим обслуживанием населения сберкассами, задержками в выдаче заработной платы и другое, что должно было привести к организованному широкому недовольству советской властью и облегчить заговорщикам вербовку сторонников и разворот повстанческой деятельности». (т. ..., л.д. ...)

В результате такого рода предательской «работы» заговорщиков в ряде областей и республик в последние годы имели место грубые извращения и

нарушения революционной законности, особенно в области налоговой политики и выплаты заработной платы рабочим и служащим.

По этому поводу обв. Гринько показал:

«Как мы рассчитывали, намеченные пути подрывной работы в налоговом деле привели уже в 1936 г. в ряде областей и республик к массовым репрессиям по отношению к единоличным крестьянам, а в ряде мест и к колхозникам, в особенности в Белоруссии, на Украине, в Курской, Калининской и Ленинградской областях и в других местах». (т. ..., л.д. ...)

Благодаря руководящему участию в право-троцкистском блоке обвиняемого Зеленского и организованной им в Центросоюзе группы правых, вредительство было широко развернуто и в области кооперации. Вредители в Центросоюзе умышленно запутывали планирование по таким товарам, как сахар, масло, яйца, махорка и т.п., умышленно задерживали продвижение товаров в деревню, запутывали всячески учет и отчетность, что содействовало безнаказанному расхищению и разбазариванию государственных средств, поощряли обсчитывание и обкрадывание потребителя.

Говоря об установленной им в Центросоюзе вредительской системе учета товаров и отчетности, обв. Зеленский показал:

«При таком положении вор оставался безнаказанным, а честный работник, вследствие сложного учета, запутывался и незамедлительно попадал в растратчики». (т. ..., л.д. ...)

Крупнейшее вредительство имело место и в области лесного хозяйства, где орудовал обв. Иванов, активный участник подпольной антисоветской группы правых с 1928 г., провокатор царской охранки и английский разведчик.

Как установлено следствием, право-троцкистский заговорщический блок наряду с вредительской, диверсионной и шпионской деятельностью вел активную преступную работу по формированию повстанческих отрядов, особенно в ДВК, в БССР и на Украине и по подготовке вооруженного государственного переворота.

В этой области своей преступной деятельности право-троцкистской заговорщический блок возлагал особенные надежду на группу военных изменников во главе с Тухачевским, Якиром и др., с одной стороны, и на организованную изменником Ягодой группу пробравшихся в органы НКВД предателей.

Как установлено следствием, начало изменнической деятельности обв. Ягоды относится еще к 1929 г., когда обв. Ягода договорился с обв. Рыковым и обв. Бухариным о своем сугубо конспиративном участии в антисоветской подпольной работе правых.

Передавая на следствии содержание своих конспиративных переговоров с Рыковым и Бухариным, обв. Ягода показал:

«Я сказал Рыкову следующее: "Я с вами, я за вас, но в силу того, что я занимаю положение зам. председателя ОГПУ, открыто выступать на вашей стороне я не могу и не буду. О том, что я с вами, пусть никто не знает, а я, всем возможным с моей стороны, со стороны ОГПУ, — помогу вам в вашей борьбе против ЦК..." На меня центром правых была возложена задача ограждения организации правых от полного провала. В разговоре с Рыковым на эту тему я так определил свое положение: "Вы действуйте. Я вас трогать не буду. Но если где-нибудь прорвется, если я вынужден буду пойти на репрессии, я буду стараться дела по правым сводить к локальным группам, не буду вскрывать организацию в целом, тем более не буду трогать центр организации"»...

Однако преступления Ягоды не исчерпывались лишь предательством этого рода. Как установлено следствием, обв. Ягода являлся одним из главнейших организаторов право-троцкистского заговора. Это он, обв. Ягода,

подготовлял в 1935 г. захват Кремля, арест правительства и свержение советской власти при помощи сколоченной Ягодой группы заговорщиков из числа наиболее близких к нему людей, оказавшихся, как и он сам, изменниками и предателями.

Лично поддерживая преступные связи с Радеком, Бухариным, Рыковым, Енукидзе и Караханом, обв. Ягода был в центре всех подготовлявшихся и совершенных троцкистско-зиновьевской группой, а впоследствии право-троцкистским блоком преступлений. При участии и прямом содействии изменника Ягоды организовывались и осуществляли свою преступную деятельность подпольные центры правых, троцкистов, зиновьевцев. Изменник Ягода не только держал в своих руках все нити подлых заговоров троцкистско-зиновьевского и антисоветского троцкистского центров, но и сам явился одним из главных организаторов этих заговоров.

Обв. Ягода на допросе от 26.IV.1937 г. на поставленный ему следствием вопрос ответил:

«Я действительно являюсь организатором заговора против советской власти...» (т. ..., л.д. ...)[5]

На дополнительный вопрос следствия о конкретных планах осуществления этого заговора обв. Ягода изложил несколько вариантов заговора, разработанных заговорщиками.

Один из этих «вариантов» исходил из ставки на поражение СССР в войне с Германией и Японией.

Обв. Ягода по поводу этого «варианта» показал следующее:

«Мне казалось, что на случай войны СССР с Германией и Японией советскому правительству придется столкнуться не только с военной силой своих противников, но и с крестьянскими восстаниями у себя в тылу. На фоне этого будут активизироваться контрреволюционные организации и, в первую очередь, троцкисты, зиновьевцы и правые. Поражение СССР в войне мне казалось возможным. А поражение неизбежно влекло бы за собой и перемену правительства, состав которого был бы продиктован победителями, в данном случае Германией». (т. ..., л.д. ...)

В соответствии с этим «вариантом» обв. Ягода установил связь с германскими фашистскими кругами через одного из участников заговора Карахана, осужденного Военной Коллегией Верховного Суда СССР 16.XII-1937 г.[6]

Обв. Ягода в своей пораженческой деятельности дошел до последних пределов вредительства, не только покрывая измену своих сообщников, но и являясь вдохновителем и организатором самых отвратительных и чудовищных преступлений.

Так, обв. Ягода, как это полностью установлено следствием, был участником злодейского убийства С.М. Кирова. Как установлено следствием, обв. Ягода был заранее осведомлен о подготовлявшемся троцкистско-зиновьевским центром убийстве С.М. Кирова[7], и не только не принял мер к предупреждению этого преступления, но, наоборот, используя свое служебное положение, сделал все возможное для обеспечения право-троцкистским убийцам совершения этого злодейского убийства.

По этому поводу обв. Ягода сделал следствию следующее признание:

«О том, что убийство С.М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе. Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью я вызвал из Ленинграда Запорожца, которому и дал указания не чинить препятствий готовящемуся террористическому акту над С.М. Кировым». (т. ..., л.д. ...)

После злодейского убийства С.М. Кирова изменник Ягода всячески пытался повести следствие по ложному пути, потушить, как он выражался, расследование. Это ему не удалось. Отрешение обв. Ягоды от должности[8] внесло в ряды заговорщиков смятение.

«Провал, — говорил об этом на следствии обв. Ягода, — был весьма реален. Ко мне приходили мои сообщники и спрашивали: "Что делать, как быть?". Я говорил им: "Оставайтесь на местах, вы мне здесь нужны будете..." Спасением явился бы мой возврат в НКВД. Это при Ежове было невозможно... Рассчитывать на то, что следы моих преступлений будут скрыты, я не мог. И я решил убрать Ежова, убить его...». (т. ..., л.д. ...)

«Я рассчитывал, что, убив Ежова, я, если не добьюсь возврата меня в НКВД, то обеспечу себя от провала...». (т. ..., л.д. ...)

Этот свой подлейший замысел обв. Ягода пытался осуществить через группу своих сообщников, виднейшая роль среди которых принадлежала обв. Буланову.

По признанию обв. Ягоды и обв. Буланова, убийство товарища Н.И. Ежова предполагалось осуществить путем отравления специально приготовленным для этой цели ядом.

«Когда Ягода был снят с НКВД, — показал обв. Буланов, — он дал мне и своему личному порученцу Саволайнену прямое задание — отравить Ежова». (т. ..., л.д. ...)

Подробно описав способы, при помощи которых обв. Ягода пытался осуществить злодейское убийство товарища Н.И. Ежова, обв. Буланов показал, что он, Буланов, сам делал смесь ядов, предназначенных для отравления товарища Ежова.

Обв. Ягода на допросе в Прокуратуре Союза ССР полностью признал это свое преступление, показав:

«Да, вынужден признать, что я подготовлял это преступление. Организовывая подготовку убийства Ежова как человека, опасного для контрреволюционного заговора и могущего разоблачить нашу контрреволюционную организацию ... ». (т. ..., л.д. ...)

Как установлено следствием, подготовка убийства тов. Ежова Н.И. была не единственным террористическим преступлением, организованным обв. Ягодой. В настоящее время с бесспорностью установлено, что смерть В.В. Куйбышева и А.М. Горького наступила не естественным образом, а в результате преступного применения к ним сообщниками Ягоды по прямым указаниям последнего заведомо неправильного «лечения».

Показаниями привлеченных к уголовной ответственности по настоящему делу обвиняемых д-ра Левина, бывшего врача Санупра Кремля, проф. Плетнева, обв. Максимова — бывшего секретаря В.В. Куйбышева, обв. Крючкова — бывшего секретаря А.М. Горького установлено, что обв. Ягода насильственное устранение Куйбышева В.М. [,] *и*[1] А.М. Горького организовал по прямому решению право-троцкистского заговорщического блока.

Один из организаторов этого гнусного преступления обв. Буланов показал:

«Убийство Алексея Максимовича Горького было продиктовано политическими целями заговорщической организации право-троцкистского блока. Основная причина тут заключалась в том, что Горький, будучи верным приверженцем Сталина и генеральной линии партии, по мнению руководителей право-троцкистского блока, неизбежно стал бы, в случае удачи государственного переворота, бунтовать против них». (т. ..., л.д. ...)

---

[1] Правка — синие чернила.

«В умерщвлении А.М. Горького принимали непосредственное участие профессор Плетнев, доктор Левин и секретарь Горького — Крючков. Я лично, например, был свидетелем того, как Ягода неоднократно вызывал к себе Крючкова, советуя последнему простудить Горького, вызвать у него тем или иным путем болезнь. Ягода подчеркивал, что состояние легких у Горького таково, что всякое простудное заболевание ускорит шансы его гибели. А уже остальное довершат Плетнев и Левин — которые на этот счет имеют соответствующие задания». (т. ..., л.д. ...)

Это полностью подтвердил обв. Левин Л.Г., домашний врач семьи А.М. Горького и одновременно домашний врач Ягоды.

Как установлено следствием, обв. Ягода в 1934 г. склонил обвиняемых по настоящему делу — доктора Левина, профессора Плетнева и секретаря А.М. Горького — обв. Крючкова к участию в насильственном устранении также сына А.М. Горького — М.А. Пешкова.

По этому поводу обв. Левин показал:

«Ягода однажды во время прогулки со мною у себя на даче завел разговор о сыне Горького — Максиме, доказывал, что он — человек никчемный, что от его смерти никто ничего не потеряет. При следующем разговоре, имевшем место вскоре после этого, Ягода заявил мне, что Максим вредно влияет на своего отца и его необходимо устранить...». (т. ..., л.д. ...)

«...Ягода сам договорился с Крючковым и доктором Виноградовым, а затем и с Плетневым. После этого мы выработали план убийства Максима». (т. ..., л.д. ...)

«...Признавая себя виновным в убийстве Максима, я хочу здесь указать на то, что сделал это по прямому требованию Ягоды. У меня не хватило гражданского мужества отказаться, и я стал убийцей». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Крючков, принявший активное участие в организованных обв. Ягодой преступлениях, показал:

«В этих преступлениях я руководствовался директивами некоторых участников антисоветской организации правых. В частности, директивами Ягоды. Именно от Ягоды я получил указание насильственно устранить Максима Пешкова, а затем и Алексея Максимовича Горького.

Кроме меня, Ягода привлек к участию в этих преступлениях врачей Левина и Виноградова и профессора Плетнева...».

«...в качестве ближайшей задачи Ягода выдвинул умерщвление сына Горького Максима. Смертью Максима мы рассчитывали подорвать силы Алексея Максимовича, морально убить его, вселить в него апатию к общественной деятельности. Своего сына, как известно, Алексей Максимович сильно любил. Но смерть Максима не была для нас самоцелью. Она должна была по нашим планам создать благоприятные условия для решения главнейшей задачи, а именно — ускорение смерти самого Горького». (т. ..., л.д. ...)

Эти обстоятельства также подтвердил и обв. Плетнев Д.Д., показавший, что он был привлечен через доктора Левина к участию в организованных Ягодой преступлениях. Обв. Плетнев подробно изложил на следствии обстоятельства, при которых он оказался вовлеченным Ягодой в заговор.

Обв. Плетнев показал:

«Ягода мне заявил, что я должен помочь ему в физическом устранении некоторых политических руководителей страны. Он прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у Куйбышева В.В. и Горького А.М. и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Я пытался отказаться, но, в конце концов, был вынужден согласиться. После этого Ягода мне сообщил, что моим сообщником будет

доктор Левин, а в отношении А.М. Горького, кроме того, еще и доктор Виноградов и секретарь А.М. Горького — Крючков П.П.

Приняв это страшное задание Ягоды, я вместе с доктором Левиным выработал план убийства А.М. Горького и В.В. Куйбышева...

Должен признать, что в моем согласии на эти преступления сыграли свою роль и мои антисоветские настроения. Эти свои антисоветские настроения я до ареста всячески скрывал, двурушничая и заявляя о том, что я советский человек». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Крючков, полностью признавший свое участие в указанных преступлениях, показал:

«Меня склонил к совершению этих преступлений Ягода. Но должен прямо сказать, что решающую роль, кроме того, сыграли и мои личные корыстные интересы...

Идя на эти преступления, я, разумеется, отдавал себе полный отчет и в их политической подкладке. В данном случае переплетались личные корыстные мотивы с политической подкладной этого ужасного дела. Я сам хотел того, что мне предложил Ягода. Вот почему я сразу согласился на его предложение.

Я не хочу преуменьшать своей вины и признаю себя убийцей как Максима Пешкова, так и А.М. Горького». (т. ..., л.д. ...)

В организации гибели В.В. Куйбышева активное участие принял бывший секретарь товарища Куйбышева обв. Максимов, показавший следующее:

«На это преступление я пошел как член контрреволюционной организации правых, к которой я примкнул еще в 1928 г. ...

Ягода также знал о моей принадлежности к контрреволюционной организации и присутствовал при одном из моих разговоров с Енукидзе, когда мы разрабатывали план устранения Куйбышева». (т. ..., л.д. ...)

Как установлено следствием, аналогичным образом по прямому предложению Ягоды был насильственно устранен и бывший председатель ОГПУ В.Р. Менжинский.

Все изложенные выше обстоятельства полностью подтвердил со своей стороны и обвиняемый Ягода, который на допросе в Прокуратуре Союза ССР 10 января с.г. показал следующее:

«Я признаю также, что организовал ускорение смерти А.М. Горького. Я действительно предложил доктору Левину и секретарю Горького — Крючкову принять все необходимые меры к тому, чтобы ускорить смерть А.М. Горького... Должен добавить, что ускорение смерти Горького, т.е. фактически его убийство, путем заведомо неправильного лечения было организовано мною по решению центра блока, переданному мне Енукидзе. Это решение было вызвано тем, что Горький был известен как активный сторонник политики ЦК и ближайший друг Сталина. Вследствие этого блок считал необходимым физически устранить А.М. Горького, т.к. он несомненно явился бы в случае переворота нашим активным и опасным противником...

Подтверждаю также, что мною по решению право-троцкистского блока было организовано ускорение смерти В.В. Куйбышева. К этому делу я привлек профессора Плетнева, который и ускорил смерть В.В. Куйбышева путем заведомо неправильного его лечения, т.е. фактически совершил его убийство». (т. ..., л.д. ...)

Показания обв. Ягоды полностью подтверждаются и показаниями обв. Рыкова.

Обв. Рыков на допросе в Прокуратуре Союза 10 января с.г. показал:

«Мне известно, что Троцкий через своих представителей в контактном центре всячески разжигал злобные настроения в отношении Горького. Это,

естественно, объясняется тем, что Троцкому было хорошо известно, что Горький считает его проходимцем и авантюристом. С другой стороны, общеизвестна близость Горького к Сталину, и то обстоятельство, что он является несгибаемым политическим сторонником Сталина, вызывало злобное отношение нашей организации».

Обв. Рыков далее показал, что еще в 1930 или 1931 г. Каменев ему доказывал, что «Горький является большой опасностью для нас и представляет из себя серьезную помеху на пути к осуществлению наших заговорщических планов». (т. ..., л.д. ...)

«Тогда Каменев, — показал обв. Рыков, — еще не говорил прямо об убийстве, но выпады его против Горького были достаточно агрессивны». (т. ..., л.д. ...)

К этому обв. Рыков добавил:

«В 1935 г. я беседовал с Енукидзе, который прямо мне заявил, что троцкистско-зиновьевская часть блока настаивает на ликвидации политической активности Горького и для осуществления этого не остановится ни перед какими средствами. Из этого разговора мне стало ясно, что может пойти речь и о террористических методах ликвидации Горького». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Бухарин также подтвердил, что в начале 1935 г. Томский ему сообщил, что:

«...троцкистская часть объединенного центра блока внесла предложение об организации враждебного акта против А.М. Горького как сторонника сталинской политики...». (т. ..., л.д. ...)

Причем обв. Бухарин пояснил, что тогда речь шла именно о физическом устранении Горького. О том, что речь шла именно о физическом устранении Горького, видно из показаний обв. Бессонова, получившего такого рода «установку» непосредственно от Л. Троцкого во время свидания с последним в конце июля 1934 г. в Париже в гостинице около Северного вокзала. При этом свидании Л. Троцкий, как показал обв. Бессонов, заявил:

«Было бы непростительным жеманством, если мы последовательно сейчас же не перешли бы к физическому устранению Сталина и всех его ближайших соратников ...» (т. ..., л.д. ...)

В этой связи Троцкий упомянул: «М. Горький очень близко стоит к Сталину. Он играет исключительно большую роль в завоевании симпатий к СССР в общественно-мировом демократическом мнении и особенно Западной Европы. Горький широко популярен как ближайший друг Сталина и проводник генеральной линии партии. Вчерашние наши сторонники из интеллигенции в значительной мере под влиянием Горького отходят от нас. При этом условии я делаю вывод, что Горького надо убрать. Передайте это мое поручение Пятакову в самой категорической форме: "Горького уничтожить физически во что бы то ни стало"». (т. ..., л.д. ...)

Следствие считает установленным факт преждевременной насильственной смерти А.М. Горького, явившейся фактически убийством, организованным право-троцкистским заговорщическим блоком при активном участии указанных выше обвиняемых.

Эти преступления были, однако, не единственными преступлениями, организованными право-троцкистским блоком. Как установлено следствием, право-троцкистский заговорщический блок, признавший террор в качестве одного из основных методов своей борьбы против советской власти, организовал ряд террористических актов против руководителей партии и правительства.

Обв. Рыков переход право-троцкистского блока к террору мотивировал следующим образом:

«При нелегальном заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти, — принятие террора и "дворцового переворота" давало, по мнению центра, какую-то перспективу». (т. ..., л.д. ...)

Эта «установка» правых на террор завершала собой круг тягчайших государственных преступлений, при помощи которых правые стремились осуществить свой план прихода к власти.

«С признанием террора, — говорил в своих показаниях на предварительном следствии обв. Рыков, — участием в крестьянских восстаниях, с созданием организации для насильственного свержения советского правительства контрреволюционная организация достигла предела, вообще возможного для контрреволюции в отношении методов заговорщической работы». (т. ..., л.д. ...)

Аналогичные признания сделал на следствии и обв. Бухарин, показавший следующее:

«В этом же 1932 г. при встрече и разговоре с Пятаковым я узнал от него об его свидании с Л. Седовым и получении от Седова прямой директивы Троцкого перейти к террору против руководства партии и советской власти. Должен также признать, что по существу тогда мы и пришли к соглашению с террористами, а мой разговор с Пятаковым явился соглашением о координации наших с Троцким действий, направленных к насильственному свержению руководства партии и советской власти». (т. ..., л.д. ...)

В 1935 г. блок решил перейти к активной террористической деятельности. По этому поводу обв. Антипов показал:

«Еще в 1935 г. я договорился с Рыковым о необходимости перехода к активной террористической деятельности. К тому времени в нашей контрреволюционной организации правых уже было решено, что к государственному перевороту надо идти путем террора и иностранной интервенции». (т. ..., л.д. ...)

Следуя принятым в этом отношении решениям, право-троцкистский заговорщический блок широко развернул практическую подготовку к совершению террористических актов против руководства ВКП(б) и советского правительства.

Вот что показывают по этому поводу сами обвиняемые:

Обв. Рыков:

«Должен сказать, что Бухарин также положительно относился к террору, как и я и другие члены центра. Эта наша позиция выражалась и в так называемой "рютинской программе"[9] и вылилась в совершенно конкретную нашу и, в частности, мою деятельность по подготовке террористических актов против членов Политбюро, руководителей партии и правительства, а, в первую очередь, против Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова. В 1934 г. уже я дал задание следить за машинами руководителей партии и правительства созданной мною террористической группе Артеменко».

Обвиняемый Бухарин, говоря о предложении эсера Семенова организовать террористическую группу, показал:

«Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это было мною доложено на совещании центра, и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Антипов:

«В осуществлении этих решений я дал прямые задания организовать террористические группы среди молодежи для совершения террористических актов против руководителей партии и советской власти, а в первую очередь, против Сталина, Молотова и Ежова». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Гринько:

«Будучи связан также с Гамарником и Антиповым, я неоднократно имел с ними беседы о необходимости устранения Ежова. Это устранение намечалось нами двумя путями: 1. путем обработки "общественного мнения" и "нажима" на ЦК; 2. путем организации убийства Ежова.

Гамарник говорил мне, что он и Антипов считают устранение Ежова очень важной задачей. Гамарник сообщил, что организация террористического акта над Ежовым возложена на Жукова и Халепского». (т. ..., л.д. ...)

Обв. Варейкис:

«В Сталинграде была развита и значительная террористическая деятельность.

В августе 1936 г. Студенецкий организовал две террористические группы для убийства Молотова». (т. ..., л.д. ...)

Особую активность в деле подстрекательства к организации террористических актов против руководителей партии и правительства проявлял обв. Бухарин.

По этому поводу обв. Иванов показал:

«Говоря о терроре, Бухарин заявлял, что, если мы сумеем "ликвидировать", как он выражался, вождей партии и советской власти до войны, то мы это сделаем, а если же нет, то это надо будет сделать во время войны, что будет очень важно для нашего прихода к власти и будет способствовать поражению СССР в войне».

«Говоря о терроре, Бухарин всегда первым называл Сталина как человека, которого надо устранить раньше всех». (т. ..., л.д. ...)

Организацией террористической группы были заняты также члены право-троцкистского заговорщического блока обв. Яковлев, обв. Вейцер, обв. Зубарев и др.

Останавливаясь на вопросе о том, какими методами руководствовались организаторы и активные участники право-троцкистского заговорщического блока, надо сказать, что часть из них руководствовалась мотивами ненависти к советскому строю и неверием в дело социализма, характерным как для троцкистско-зиновьевской части блока, так и для его правой части. Отрицание возможности построения в СССР социализма, неверие в силу и несокрушимость союза рабочих и крестьян, испуг перед временными успехами фашизма, растерянность и боязнь расправы со стороны фашизма в случае его дальнейших успехов — вот что толкнуло троцкистов, зиновьевцев и правых, издавна боровшихся против дела Ленина—Сталина, против дела социализма, на путь соглашения с фашистскими кругами, поисков поддержки с их стороны хотя бы ценой измены своему народу и родине.

С другой стороны, в качестве активных участников право-троцкистского блока следствием разоблачены бывшие провокаторы и агенты царской охранки, пролезшие в ряды партии и добравшиеся до ответственных постов в советском аппарате, не переставшие, однако, постоянно опасаться разоблачения своих преступлений против рабочего класса и пролетарской революции. Охваченные постоянным страхом своего разоблачения, эти участники заговорщического блока видели свое единственное спасение в свержении советской власти, ликвидации советского строя, восстановлении власти помещиков и капиталистов, в интересах которых они продались царской охранке.

Такими агентами — провокаторами царской охранки, разоблаченными под руководством товарища Н.И. Ежова органами НКВД, оказались обвиняемые: Антипов Н.К., Яковлев Я.А., Варейкис И.М., Иванов В.И., Зеленский И.А., Зубарев П.Т.

По поводу своей провокаторской деятельности обв. Антипов показал:

«С 1914 г. я был агентом Петербургского охранного отделения и выдал ряд своих товарищей по подполью. С 1916 г. в Петрограде я вновь связался с охранкой и выдал ей две типографии и ряд лиц. Надо сказать, что в это время ввиду моей активной провокаторской деятельности мое ежемесячное вознаграждение было увеличено с 25 до 75 рублей». (т. ..., л.д. ...)

Одним из крупнейших фактов предательства Антипова явилась выдача им большевистской фракции 4-й Государственной думы, в чем на предварительном следствии Антипов полностью признался.

Другой провокатор и один из руководителей право-троцкистского заговорщического блока — обв. Яковлев показал:

«В августе 1916 г. я был завербован для сотрудничества Петроградской охранкой... Я действительно с августа 1916 г. сотрудничал с Петроградским охранным отделением, являясь его агентом по освещению революционных кружков и революционного студенчества Петроградского политехнического института». (т. ..., л.д. ...)

Как установлено следствием, обв. Яковлев сотрудничал в охранном отделении под № 71, под кличкой «Федор».

О своей провокаторской деятельности в царской охранке обв. Иванов показал:

«Моя работа в охранном отделении началась в 1911 г. в Туле... До 1915 г. я был связан с ротмистром Грязновым, а затем с подполковником Колоколовым... За свою провокаторскую деятельность я периодически получал вознаграждение...

В партию я вступил в 1915 г. с согласия подполковника Колоколова». (т. ..., л.д. ...)

Как установлено следствием, обв. Иванов работал в царской охранке под кличкой «Самарин».

Также оказались агентами и провокаторами царской охранки обв. Варейкис, обв. Зеленский и обв. Зубарев.

Обв. Варейкис подтвердил свое сотрудничество в царской охранке с конца 1915 г. до дня революции. Будучи завербован охранкой в Подольске в 1915 г., обв. Варейкис систематически осведомлял охранку о революционных настроениях на заводе б. «Зингер», систематически передавая в руки царской полиции наиболее активных деятелей большевистского подполья.

Как установлено следствием, обв. Зеленский был завербован Самарским жандармским управлением в июле 1911 г. и с того времени систематически информировал жандармское управление по работе Самарской социал-демократической организации, за что получал от жандармского управления вознаграждение от 25 до 100 рублей в месяц. Свою предательскую работу обв. Зеленский осуществлял под кличкой сначала «Очкастый», а затем «Салаф».

Обв. Зубарев показал:

«Переходя к вопросу о своей провокаторской деятельности до революции, я должен признать, что был завербован в качестве провокатора в 1908 г. приставом Васильевым. После этого я начал свою провокаторскую деятельность и выдал ряд лиц, занимавшихся революционной работой. В качестве провокатора я работал под кличкой "Василий"». (т. ..., л.д. ...).

Впоследствии обв. Зубарев сотрудничал в царской охранке под кличками «Палин» и «Прохор», преимущественно освещая политические настроения солдатской массы.

Такова была изменническая работа презренных отщепенцев нашей родины, провокаторов царской охранки, наймитов иностранных разведок и ген-

штабов — предателей, продававших иностранным капиталистам нашу землю и нашу свободу.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным, что:

1. В 1933—1934 гг. был организован право-троцкистский заговорщический блок, объединивший основные подпольные антисоветские группы правых, зиновьевцев, троцкистов и буржуазных националистов в целях наиболее успешной преступной деятельности, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленение СССР, свержение советской власти и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии;

2. право-троцкистский блок вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях получения со стороны этих государств вооруженной помощи для осуществления своих преступных замыслов;

3. право-троцкистский заговорщический блок через своих членов систематически занимался в пользу этих государств шпионажем, снабжал иностранную разведку важнейшими секретными сведениями, а также систематически осуществлял вредительские и диверсионные акты в различных отраслях социалистического строительства (в промышленности, в сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте, в области финансов, коммунального хозяйства и т.п.);

4. право-троцкистский блок организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства и осуществил насильственное устранение А.М. Горького, В.В. Куйбышева, *В.Р.*[I] Менжинского и М.А. Пешкова.

Все обвиняемые уличаются как показаниями свидетелей, так и имеющимися в деле документальными данными и вещественными доказательствами, и полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

На основании изложенного обвиняются:

1) БУХАРИН Николай Иванович, г.р. 1888; 2) РЫКОВ Алексей Иванович, г.р. 1881; 3) АНТИПОВ Николай Кириллович, г.р. 1894; 4) ЯКОВЛЕВ Яков Аркадьевич, г.р. 1896; 5) РАКОВСКИЙ Христиан Георгиевич, г.р. 1873; 6) ЯГОДА Генрих Григорьевич, г.р. 1891; 7) КРЕСТИНСКИЙ Николай Николаевич, г.р. 1883; 8) РОЗЕНГОЛЬЦ Аркадий Павлович, г.р. 1889; 9) ИВАНОВ Владимир Иванович, г.р. 1893; 10) ВАРЕЙКИС Иосиф Михайлович, г.р. 1894; 11) ЧЕРНОВ Михаил Александрович, г.р. 1891; 12) ГРИНЬКО Григорий Федорович, г.р. 1890; 13) ВЕЙЦЕР Израиль Яковлевич, г.р. 1889; 14) ЗЕЛЕНСКИЙ Исаак Абрамович, г.р. 1890; 15) БЕССОНОВ Сергей Александрович, г.р. 1892; 16) ИКРАМОВ Акмаль, г.р. 1898; 17) ХОДЖАЕВ Файзулла, г.р. 1896; 18) ШАРАНГОВИЧ Василий Фомич, г.р. 1897; 19) ЗУБАРЕВ Прокопий Тимофеевич, г.р. 1886; 20) БУЛАНОВ Павел Петрович, г.р. 1895; 21) ЛЕВИН Лев Григорьевич, г.р. 1870 года рождения; 22) ПЛЕТНЕВ Дмитрий Дмитриевич, г.р. 1872; 23) МАКСИМОВ Вениамин Адамович, г.р. 1900; *24)*[II] КРЮЧКОВ Петр Петрович, г.р. 1889, —

в том, что, являясь активными участниками право-троцкистского заговорщического блока, совершили тягчайшие государственные преступления, указанные в п.п. 1—4 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58^{1a}, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР.

[I] Правка (синие чернила).

[II] Вписано (синие чернила).

Вследствие изложенного все указанные выше лица подлежат суду Специального Судебного Присутствия Верховного Суда Союза ССР.

Дела в отношении АРТЕМЕНКО, ЗАПОРОЖЕЦ, САВОЛАЙНЕН, СТУДЕНЕЦКОГО И СЕМЕНОВА — выделены в особое производство.

Дело в отношении доктора ВИНОГРАДОВА за его смертью производством прекратить.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве,
« » января 1938 года.

Прокурор Союза ССР (А. Вышинский)

А. Вышинский
27.I[1]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 330. Л. 114–139. Копия. Машинописный текст с правкой и пометами И.В. Сталина и неизвестного, автограф А.Я. Вышинского.

№ 2
СТЕНОГРАММА ОТКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

2—12 марта 1938 г.

СТЕНОГРАММА
ОТКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

2 марта 1938 г.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь. [, пожалуйста.] Заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР объявляется открытым.

Слушается дела БУХАРИНА Николая Ивановича, РЫКОВА Алексея Ивановича, ЯГОДЫ Генриха Григорьевича, КРЕСТИНСКОГО Николая Николаевича, РАКОВСКОГО Христина Георгиевича, РОЗЕНГОЛЬЦА Аркадия Павловича, ИВАНОВА Владимира Ивановича, ЧЕРНОВА Михаила Александровича, ГРИНЬКО Григория Федоровича, ЗЕЛЕНСКОГО Исаака Абрамовича, БЕССОНОВА Сергея Александровича, ИКРАМОВА Акмаля, ХОДЖАЕВА Файзуллы, ШАРАНГОВИЧА Василия Фомича, ЗУБАРЕВА Прокопия Тимофеевича, БУЛАНОВА Павла Петровича, ЛЕВИНА Льва Григорьевича, ПЛЕТНЕВА Дмитрия Дмитриевича, КАЗАКОВА Игнатия Николаевича, МАКСИМОВА Вениамина Адамовича и КРЮЧКОВА Петра Петровича, — обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсии, терроре, вредительстве, подрыве военной мощи СССР, провокации военного нападения иностранных государств на СССР, — т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР[10].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Бухарин Николай Иванович, обвинительное заключение вы получили?

БУХАРИН. Да, получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Рыков Алексей Иванович, обвинительное заключение вы получили?

[1] Красный карандаш.

РЫКОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Ягода Генрих Григорьевич, обвинительное заключение вы получили?

ЯГОДА. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Крестинский Николай Николаевич, обвинительное заключение вы получили?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Раковский Христиан Георгиевич, обвинительное заключение вы получили?

РАКОВСКИЙ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Розенгольц Аркадий Павлович, обвинительное заключение вы получили?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Иванов Владимир Иванович, обвинительное заключение вы получили?

ИВАНОВ. Обвинительное заключение получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Чернов Михаил Александрович, обвинительное заключение вы получили?

ЧЕРНОВ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Гринько Григорий Федорович, обвинительное заключение вы получили?

ГРИНЬКО. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Зеленский Исаак Абрамович, обвинительное заключение вы получили?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Бессонов Сергей Александрович, обвинительное заключение вы получили?

БЕССОНОВ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Икрамов Акмаль, обвинительное заключение вы получили?

ИКРАМОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Ходжаев Файзулла, обвинительное заключение вы получили?

ХОДЖАЕВ [Ф.] Получил.[1]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Шарангович Василий Фомич, обвинительное заключение вы получили?

ШАРАНГОВИЧ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Зубарев Прокопий Тимофеевич, обвинительное заключение вы получили?

ЗУБАРЕВ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Буланов Павел Петрович, обвинительное заключение вы получили?

БУЛАНОВ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Левин Лев Григорьевич, обвинительное заключение вы получили?

ЛЕВИН. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Плетнев Дмитрий Дмитриевич, обвинительное заключение вы получили?

ПЛЕТНЕВ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Казаков Игнатий Николаевич, обвинительное заключение вы получили?

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

КАЗАКОВ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Максимов Вениамин Адамович, ваша настоящая фамилия — Диковский Вениамин Адамович, он же Абрамович?

МАКСИМОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвинительное заключение вы получили?

МАКСИМОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Крючков Петр Петрович, обвинительное заключение вы получили?

КРЮЧКОВ. Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Состав суда по данному делу:

Председательствующий — Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Армвоенюрист Ульрих В.В.;

Члены Суда: Заместитель Председателя Военной Коллегии — Корвоенюрист Матулевич И.О., Диввоенюрист Иевлев и запасный член Суда — Бригвоенюрист Зырянов.

Обвинение поддерживает Прокурор Союза ССР Вышинский А.Я.

Защищают подсудимых: Левина — член Московской Коллегии Защитников Брауде, подсудимых Плетнева и Казакова — член Московской Коллегии Защитников Коммодов; *остальные подсудимые при окончании [судебного] *предварительного* следствия на *вопрос о защите* [предложение иметь защиту] отказались от защит[ы]*ника, заявив, что защищаться будут сами.**[1]

Я повторяю вопрос *о* защите[ы]: Подсудимый Бухарин, вы желаете иметь защитника. [?]

БУХАРИН. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Рыков, вы желаете иметь защитника?

РЫКОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Ягода, вы желаете иметь защитника?

ЯГОДА. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Крестинский, вы желаете иметь защитника?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, я буду защищаться сам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Раковский, вы желаете иметь защитника?

РАКОВСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Розенгольц, вы желаете иметь защитника?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Иванов, вы желаете иметь защитника?

ИВАНОВ. Нет, защита мне не нужна, защищаться я не собираюсь. Я здесь нахожусь для того, чтобы нести полную ответственность за свои преступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Чернов, вы желаете иметь защитника?

ЧЕРНОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Гринько, вы желаете иметь защитника?

ГРИНЬКО. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Зеленский, вы желаете иметь защитника?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Бессонов, вы желаете иметь защитника?

БЕССОНОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Икрамов, вы желаете иметь защитника?

ИКРАМОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Ходжаев, вы желаете иметь защитника?

ХОДЖАЕВ. Нет.

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила). Правка (простой карандаш).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Шарангович, вы желаете иметь защитника?

ШАРАНГОВИЧ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Зубарев, вы желаете иметь защитника?

ЗУБАРЕВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Буланов, вы желаете иметь защитника?

БУЛАНОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Максимов, вы желаете иметь защитника?

МАКСИМОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Крючков, вы желаете иметь защитника?

КРЮЧКОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разъясняю тем подсудимым, которые отказались от защиты, что они имеют право на защитительные речи, независимо от последних слов.

Разъясняю всем подсудимым, что они имеют право задавать вопросы друг другу, а также давать разъяснения по отдельным моментам судебного следствия.

Т. [Вышинский] *Прокурор, вы* имеете ходатайство о вызове *дополнительных по делу* свидетелей или о приобщении к делу *дополнительных* документов?

ВЫШИНСКИЙ. Нет, *пока* не имею, но согласно Уголовно-процессуального кодекса, [по которому] мне предоставлено право в любое время *судебного следствия сделать ходатайство о* вызове[а] свидетелей и приобщении дополнительных документов, прошу это право за мной сохранить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. *Несомненно.* [Тт. з] *З*ащит*а*[ники] имее[ю]т ходатайства?

ЗАЩИТНИКИ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У подсудимых есть заявления о вызове свидетелей *или приобщении документов*? Нет.

Приступаем к оглашению обвинительного заключения.

(*Секретарем суда* оглашается обвинительное заключение.)

Обвинительное заключение[1]

По делу Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Ягоды Г.Г., Крестинского Н.И., Раковского Х.Г., Розенгольца А.П., Иванова В.И., Чернова М.А., Гринько Г.Ф., Зеленского И.А., Бессонова С.А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В.Ф., Зубарева П.Т., Буланова П.П., Левина Л.Г., Плетнева Д.Д., Казакова И.Н., Максимова-Диковского В.А. и Крючкова П.П. — обвиняемых в том, что они по заданию разведок враждебных к Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии.

Произведенным органами НКВД расследованием установлено, что по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств обвиняемые по

[1] В тексте стенограммы обвинительное заключение отсутствует. Печатается по: Ф. 17. Оп. 171. Д. 402. Л. 11—37.

настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Следствием установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик, что подтверждается материалами не только настоящего следствия, но и материалами судебных процессов, прошедших в разных местах в СССР, и, в частности, судебных процессов по делу группы военных заговорщиков — Тухачевского и других, осужденных Специальным Присутствием Верховного Суда СССР 11 июня 1937 г.[11], и по делу группы грузинских буржуазных националистов — Мдивани, Окуджава и других, осужденных Верховным Судом Грузинской ССР 9 июля 1937 г.[12]

Лишенные всякой опоры внутри СССР, участники «право-троцкистского блока» все свои надежды в борьбе против существующего в СССР общественного и государственного социалистического строя и за захват власти возлагали исключительно на вооруженную помощь иностранных агрессоров, обещавших оказать заговорщикам эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Приморья, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении и Азербайджана.

Такое соглашение «право-троцкистского блока» с представителями указанных выше иностранных государств облегчалось тем, что многие руководящие участники этого заговора являлись давнишними агентами иностранных разведок, осуществлявшими в течение многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Это, прежде всего, относится к одному из вдохновителей заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 г.[13] и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 г.

Однако имеющиеся в распоряжении следствия по настоящему делу материалы устанавливают, что связь врага народа Троцкого с немецкой политической полицией и разведками других стран относится к значительно более раннему периоду времени. Следствием точно установлено, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 г. и с английской «Интеллидженс Сервис» — с 1926 г.

Что касается привлеченных по настоящему делу, то значительная часть этих обвиняемых по их собственному признанию являются шпионами — агентами иностранных разведок уже длительное время.

Так, обвиняемый Крестинский Н.Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 г.

Обвиняемый Розенгольц А.П. — один из руководителей троцкистского подполья — начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 г., а для английской разведки — в 1926 г.

Обвиняемый Раковский Х.Г. — один из ближайших и особо доверенных людей Л. Троцкого — являлся агентом английской «Интеллидженс Сервис» с 1924 г. и японской разведки — с 1934 г.

Обвиняемый Чернов М.А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии в 1928 г., связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Обвиняемый Шарангович В.Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 г.

Обвиняемый Гринько Г.Ф. стал шпионом германской и польской разведок в 1932 г.

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе обвиняемые по настоящему делу Рыков, Бухарин и другие, были полностью осведомлены о шпионских связях своих соучастников и всячески поощряли расширение этих шпионских связей.

Все это достаточно объясняет, почему эти господа, состоявшие на службе иностранных разведок, с такой легкостью шли на расчленение СССР и отторжение целых областей и республик в пользу иностранных государств.

Соглашение «право-троцкистского блока» с иностранными разведками также облегчалось и тем, что некоторые из обвиняемых по настоящему делу заговорщиков являлись провокаторами и агентами царской охранки.

Пробравшись на ответственные посты в Советском государстве, эти провокаторы, однако, не переставали опасаться разоблачения своих преступлений против рабочего класса, против дела социализма. Охваченные постоянным страхом своего разоблачения, эти участники заговора видели свое единственное спасение в свержении советской власти, ликвидации советского строя, восстановлении власти помещиков и капиталистов, в интересах которых они продавались царской охранке, при которой они только и могли чувствовать себя вне опасности.

Так, обвиняемый Зеленский И.А. являлся агентом самарского жандармского управления с 1911 г. С того времени Зеленский под кличками «Очкастый» и «Салаф» систематически информировал жандармское управление о деятельности самарской организации большевиков, получая за это регулярно ежемесячное денежное вознаграждение.

Обвиняемый Иванов свою провокаторскую деятельность начал с 1911 г., когда был завербован тульской охранкой и стал агентом охранки под кличкой «Самарин».

Обвиняемый Зубарев был завербован царской полицией в 1908 г. и сотрудничал в ней под кличками «Василий», «Палин» и «Прохор».

Как установлено следствием, для достижения своих преступных целей по свержению советского правительства, захвату власти и восстановлению капитализма в СССР заговорщики, по прямым указаниям иностранных разведок, вели широкую шпионскую работу в пользу этих разведок, организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в целях обеспечения поражения СССР в предстоящем нападении на СССР фашистских агрессоров, всячески провоцировали ускорение этого нападения фашистских агрессоров, а также организовали и осуществили ряд террористических актов против руководителей партии, правительства и выдающихся советских деятелей.

I. Шпионаж против Советского государства и измена Родине

Следствием установлено, что большинство главарей «право-троцкистского блока», обвиняемых по настоящему делу, осуществляло свою преступную деятельность по прямому указанию Троцкого и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств.

Агент германской разведки — видный троцкист, обвиняемый Крестинский — на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 г. заявил:

«На шпионскую связь с немцами я пошел по прямому заданию Троцкого, который поручил мне начать по этому поводу переговоры с генералом Сектом...» (т. 3, л.д. 102)[14]

Касаясь обстоятельств установления связей троцкистской организации с немецкой разведкой, обвиняемый Крестинский показал, что он зимой 1921 г. вел с командующим германским Рейхсвером генералом Сектом переговоры о получении от Рейхсвера денежных средств для ведения троцкистской подпольной работы взамен предоставления троцкистами немецкой разведке шпионских материалов.

Обвиняемый Крестинский по этому поводу показал:

«...Троцкий поручил мне по приезде в Берлин завязать по этому вопросу переговоры с генералом Сектом. Эту директиву Троцкого я выполнил...» (т. 3, л.д. 14 об.)

Обвиняемый Крестинский, говоря далее о своей и своих сообщниках изменнической деятельности, показал:

«С генералами Сектом и Хассе мы договорились о том, что будем содействовать Рейхсверу в создании на территории СССР ряда опорных разведывательных пунктов путем беспрепятственного пропуска командируемых Рейхсвером разведчиков и что мы будем снабжать Рейхсвер разведывательными материалами, т.е., попросту говоря, будем немецкими шпионами. За это Рейхсвер обязался ежегодно выплачивать 250.000 марок в виде субсидии на контрреволюционную троцкистскую работу...» (т. 3, л.д. 102)

«Выплата денежных субсидий производилась регулярно, частями, несколько раз в год, главным образом, в Москве и изредка в Берлине...

В Берлине эти деньги, когда их по тем или иным причинам не выплачивали в Москве, получал я непосредственно от Секта, обычно отвозил в Москву сам и передавал Троцкому». (т. 3, л.д. 15)

Другой видный троцкист, один из руководителей антисоветского троцкистского подполья и активный участник заговора, обвиняемый Розенгольц, уличенный в шпионаже, подтвердив на следствии факт соглашения Троцкого с Рейхсвером, показал:

«Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 г., когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных командующему Рейхсвером Секту и начальнику немецкого Генштаба Хассе. В дальнейшем со мной непосредственно связался... посол в СССР г-н N, которому я периодически передавал сведения шпионского характера. После отъезда г-на N я продолжал шпионскую связь с новым послом г-ном N». (т. 6, л.д. 131об.)

После фашистского переворота в Германии шпионская работа троцкистов приняла еще более широкий и резко выраженный пораженческий характер.

Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию, принимавший активное участие в нелегальных переговорах троцкистов с германскими фашистскими, преимущественно военными, кругами о совместной борьбе против СССР, не только лично вел переговоры о поддержке антисоветского заговора с ближайшим сотрудником Розенберга по внешне-политическому отделу фашистской партии Дайцем, но и был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером и профессор Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил Пятаков на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра[15].

Обвиняемый Бессонов показал, что:

«...как видно из этих условий... центр тяжести подпольной работы троцкистов переносился на подрывные шпионские, диверсионные и террористические акты внутри СССР». (т. 11, л.д. 106)

Наличие соглашения Л. Троцкого и троцкистской организации в СССР с фашистскими кругами и проведение в СССР подрывной пораженческой ра-

боты по указаниям германской разведки признали на следствии и другие обвиняемые по настоящему делу.

Однако связями с германским фашизмом пораженческая работа троцкистских наймитов не ограничивалась. Они вместе с другими участниками антисоветского заговора, в соответствии с линией Л. Троцкого, ориентировались и на другого фашистского агрессора — Японию.

Фактическая сторона изменнических отношений антисоветских заговорщиков с японской разведкой представляется по материалам следствия в таком виде.

Как показал обвиняемый Крестинский, во время свидания с Л. Троцким в Мексане, в октябре 1933 г., Троцкий ему заявил о необходимости установления более тесной связи с японской разведкой.

Это указание Троцкого было Крестинским передано Пятакову и другим главарям заговора, которые через обвиняемого Раковского и других участников заговора вошли в изменнические сношения с представителями Японии, обязавшимися оказать заговору вооруженную помощь в свержении советской власти, взамен чего заговорщики обещали отдать Японии советское Приморье.

Как установлено следствием, обвиняемый Раковский в связи с его пребыванием в Японии летом 1934 г. получил от Пятакова указание о том, что

«...нужно усилить одновременно и внешнюю деятельность в смысле контакта с враждебными СССР правительствами..., надо попытаться использовать поездку в Токио, и что, вероятно, ...предпримет необходимые шаги в этом направлении». (т. 4, л.д. 194)

Это поручение обвиняемый Раковский выполнил и, находясь в Токио, действительно установил преступную связь с... кругами.

По этому поводу обвиняемый Раковский показал:

«Все эти обстоятельства имели своим логическим и практическим последствием тот факт, что я... стал со времени моего пребывания в Токио прямым агентом-шпионом..., будучи завербован для этой цели, по поручению..., г-ном N, влиятельнейшим политическим деятелем капиталистическо-феодальной Японии и одним из крупнейших ее плутократов». (т. 4, л.д. 186)

Тот же обвиняемый Раковский, говоря о связи врага народа Л. Троцкого с английской разведкой, показал:

«Троцкий, как мне было известно, являлся агентом "Интеллидженс Сервис" с конца 1926 г. Об этом мне сообщил сам Троцкий». (т. 4, л.д. 363)

Входившие в состав «право-троцкистского блока» группы буржуазных националистов также были теснейшим образом связаны с иностранными разведками.

Так, обвиняемый Гринько, являвшийся агентом немецкой и польской разведок, касаясь антисоветской деятельности украинской национал-фашистской организации, одним из руководителей которой он являлся, показал:

«...к 1930 г. относится обсуждение в нашей организации вопроса о необходимости договориться с Польшей об оказании военной помощи повстанческому выступлению на Украине против советской власти. В результате этих переговоров с Польшей было достигнуто соглашение, и польский генеральный штаб усилил переброску на Украину оружия, диверсантов и петлюровских эмиссаров». (т. 9, л.д. 18)

И далее: «В конце 1932 г. я, на почве моей националистической работы, вступил в изменническую связь с г-ном N. Мы встречались с ним в моем служебном кабинете, куда г-н N являлся по делам германской концессии».

«Во второй половине 1933 г. г-н N мне прямо сказал, что германские фашисты хотят сотрудничать с украинскими националистами по украинско-

му вопросу. Я ответил г-ну N согласием на сотрудничество. В дальнейшем, на протяжении 1933-1934 гг. у меня было несколько встреч с г-ном N, а перед его отъездом из СССР он связал меня с г-ном N, с которым я продолжал свои изменнические сношения». (т. 9, л.д. 286 об.)

Другой участник антисоветского заговора и один из руководителей националистической организации в Узбекистане обвиняемый Икрамов показал:

«Перед нами постоянно возникал вопрос о необходимости ориентироваться на одно из сильных европейских государств, которое оказало бы нам непосредственную помощь в момент вооруженной борьбы против советской власти...» (т. 12, л.д. 59, 60)

«...некоторые члены контрреволюционной организации считали Англию наиболее реальной в деле оказания помощи нам, т.к. она страна мощная и сможет с достаточной силой поддержать нас в момент непосредственной вооруженной борьбы...» (т. 12, л.д. 60)

Обвиняемый Шарангович, агент польской разведки и один из руководителей антисоветской организации белорусских национал-фашистов, признал, что эта организация вела свою подрывную работу не только по указаниям правых и «право-троцкистского блока», но и по директивам польской разведки.

По этому поводу обвиняемый Шарангович показал:

«К этому периоду (1933 г.) сгладились какие-либо разногласия между правыми, троцкистами и национал-фашистами. Все мы ставили перед собой одну задачу — задачу борьбы с советской властью любыми методами, включая террор, диверсию и вредительство. Конечной целью всех этих трех организаций, действовавших на территории национальной республики, было отторжение Белоруссии от Советского Союза и создание «независимого» буферного государства, которое, несомненно, находилось бы целиком в руках Польши и Германии...» (т. 14, л.д. 27)

И далее:

«Несмотря на то, что директивы, получаемые нами, исходили, с одной стороны, из Москвы, от центра правых и троцкистов, а с другой стороны, из Варшавы — от польских... кругов, никакого различия в их содержании не было, они были едины и нами претворялись в жизнь». (т. 14, л.д. 31)

Обвиняемый Рыков полностью подтвердил наличие изменнической связи правых с фашистской Польшей, показав:

«...группа участников организации правых, в соответствии с указаниями центра правых и моими личными указаниями, в целях осуществления наших заговорщических, изменнических планов установила связь с фашистской Польшей, польскими разведывательными органами в частности». (т. 1, л.д. 118)

Говоря далее о планах отторжения от СССР Белоруссии, обвиняемый Рыков показал:

«Общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, что в переговорах с поляками... мы пойдем на отторжение от СССР Белорусской советской республики, на создание "независимой" Белоруссии под протекторатом Польши...» (т. 1, л.д. 119)

Как установлено следствием, вся преступная деятельность входившей в «право-троцкистский блок» антисоветской группы правых доказывает, что правые были такой же агентурой иностранных генштабов, как и другие участники этого заговора.

Одни из правых — непосредственно, другие — через своих сообщников также были связаны с разведками иностранных государств, на помощь которых в своей борьбе против советской власти они только и рассчитывали.

Обвиняемый Бухарин был в курсе переговоров Л. Троцкого с немецкими фашистами и, также как и Л. Троцкий, подготовлял поражение СССР и отторжение от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Грузии, Армении, Азербайджана и Средне-Азиатских республик.

Это признал полностью обвиняемый Бухарин, показавший следующее:

«К тому времени, когда Троцкий вел переговоры с немецкими фашистами и обещал им территориальные уступки, мы, правые, уже были в блоке с троцкистами. Радек мне говорил, что Троцкий считает основным шансом прихода блока к власти поражение СССР в войне с Германией и Японией и предлагает после этого поражения отдать Германии Украину, а Японии — Дальний Восток. Радек мне сообщил об этом в 1934 г. ...» (т. 5, л.д. 107)

По этому поводу обвиняемый Ф. Ходжаев на следствии показал:

«Бухарин указывал, что Узбекистан и Туркмения должны быть отторгнуты от СССР и существовать под протекторатом Японии и Германии, но что при этом не удастся обойти Англию и потому надо пойти на завязывание связей с англичанами. Реальнее всего стоял вопрос о протекторате Англии, и потому упор был взят на нее». (т. 13, л.д. 89—89 об.)

Показание обвиняемого Ф. Ходжаева находит себе полное подтверждение и в других материалах следственного производства, полностью изобличающих пораженческую линию «право-троцкистского блока».

Так, обвиняемый Рыков по этому вопросу показал:

«Что же касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял и высказывался за эту позицию еще более резко, чем мы. В частности, именно он внес предложение и формулировал идею открытия фронта немцам в случае войны». (т. 1, л.д. 152)

Характеризуя свое отношение к этому вопросу, обвиняемый Рыков показал:

«Как и другие члены центра правых, я был осведомлен об изменнических переговорах представителей нашей контрреволюционной организации с германскими фашистами, поддержку которых мы искали. Естественно, что такая поддержка была связана с необходимостью уступок германским фашистам, на что мы и шли». (т. 1, л.д. 151 об.)

Такова была шпионская и пораженческая работа «право-троцкистского блока», этих изменников, продававших иностранным разведкам советские государственные тайны, торговавших свободой народов СССР, независимостью и неприкосновенностью Социалистического государства рабочих и крестьян.

Осуществляя свои преступные замыслы, антисоветские заговорщики, по прямым директивам иностранных фашистских разведок, организовали в отдельных республиках, краях и областях Советского Союза разветвленную сеть диверсионных и вредительских гнезд, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота.

Заключив соглашение с фашистскими кругами о предательском открытии армиям этих фашистских государств наших фронтов во время войны, участники право-троцкистского заговора готовили подрыв материально-технической базы Красной Армии — оборонной промышленности.

Рядом подготавливаемых ими разрушительных диверсионных действий заговорщики рассчитывали во время войны взорвать и уничтожить решающие оборонные предприятия нашей социалистической родины. Они подготовляли также проведение крушений железнодорожных воинских поездов с массовыми человеческими жертвами.

Они ставили своей задачей парализовать всю хозяйственную жизнь страны, питание армии и снабжение ее вооружением.

Следствием установлено, что целый ряд таких диверсионных и вредительских актов заговорщиками был уже проведен в различных отраслях народного хозяйства.

Наймит иностранных разведок, враг народа Троцкий, как это установлено следствием, в ряде своих писем и личных указаний руководящим участникам антисоветского заговора в СССР требовал усиления вредительской и диверсионной деятельности внутри Советского Союза.

Руководящий участник заговора — обвиняемый Крестинский показал, что ему лично в 1933 г. в Меране Л. Троцкий заявил, что —

«...ему, Троцкому, будет гораздо легче вести переговоры с немцами, если он сможет сказать им, что по линии проведения диверсионно-вредительских актов и подготовки террора действительно ведется серьезная работа». (т. 3, л.д. 54—55)

Следствием установлено, что ряд совершенных в ДВК диверсионных актов был подготовлен и проведен участниками антисоветского заговора по прямым директивам японских разведывательных органов и врага народа Л. Троцкого. Так, по директиве японской разведки было организовано крушение товарного поезда с воинским грузом на ст. Волочаевка и на перегоне Хор-Дормидонтовка поезда № 501, когда было убито 21 человек и ранено 45 человек. По тем же указаниям японцев были совершены диверсии на шахтах №№ 10 и 20 в Сучане[16]. (т. 45, л.д. 1—14)

О таких же директивах, исходящих от Л. Троцкого, подробные показания на следствии дал обвиняемый Розенгольц, показавший следующее:

«Наряду с директивой Троцкого, полученной мною через Крестинского и Седова, о проведении во Внешторге вредительской работы, направленной на оказание прямой помощи Германии и Японии, — характер моей вредительской деятельности определялся еще указаниями... послов в СССР г-на N и г-на N, связь с которыми в этом отношении сыграла крупную роль, т.к. мне приходилось руководствоваться в работе их конкретными указаниями.

После установления контакта с Тухачевским и Рыковым я известил первого через Крестинского, а последнего лично о директиве Троцкого по вредительской работе, и оба они одобрили проведение мною этой работы.

Вредительство во внешней торговле в результате всего этого шло, главным образом, по следующим трем линиям: первое — экономическая помощь Германии и Японии за счет СССР; второе — нанесение экономического ущерба и вреда СССР; третье — нанесение политического ущерба СССР». (т. 6, л.д. 49)

По указаниям «право-троцкистского блока» обвиняемый Шарангович развернул широкое вредительство в области сельского хозяйства и промышленности БССР.

По этому поводу обвиняемый Шарангович показал:

«На местах, для практического осуществления наших вредительских замыслов, была создана сеть вредительских диверсионных групп... Все мы, начиная с руководителей организации и кончая ее рядовыми членами, являлись национал-фашистами и вели работу против советской власти, за отрыв Белоруссии от Союза ССР, не гнушаясь никакими способами». (т. 14, л.д. 40)

Обвиняемый Чернов, связанный на протяжении ряда лет с германской разведкой в качестве ее секретного агента в СССР также активно использовал свое высокое служебное положение в СССР, для организации по заданиям германской разведки ряда диверсионно-вредительских действий в сельском хозяйстве.

Германский шпион, обвиняемый Чернов о своих преступных связях с германским разведчиком — корреспондентом газеты «Берлинер — Тагеблат»

Шефером и о своей вредительской работе в области сельского хозяйства показал следующее:

«Когда я перешел на работу в Комитет Заготовок, то Шефер передал мне задание немцев — проводить вредительскую деятельность по линии Комитета Заготовок, в особенности в области мобилизационных запасов.

Задания разведки по вредительству совпадали с указаниями, которые я, как член организации правых, получал от Рыкова. Тем с большей готовностью я принял их к исполнению» (т. 8, л.д. 98 об., 25)

По этому поводу обвиняемый Чернов показал:

«В 1934 г., встретившись с Рыковым на его даче, я получил от него задание широко развернуть вредительство в области сельского хозяйства. Это задание я выполнил и проводил вредительскую подрывную деятельность достаточно активно». (т. 8, л.д. 93)

Значительная подрывная вредительская деятельность в области сельского хозяйства вскрыта следствием и по Узбекистану, где орудовали националистические организации, блокировавшиеся через своих главарей — обвиняемых Икрамова и Ходжаева — с центром антисоветского заговора.

Один из руководителей этой националистической организации, обвиняемый Ходжаев Файзулла показал:

«Мы не ограничивались только подготовкой кадров для вооруженной борьбы с советской властью, но мы уже сейчас активно действовали в целях подрыва мощи СССР». (т. 13, л.д. 66)

Широкое проведение вредительских мероприятий по Узбекистану полностью подтвердил также обвиняемый Икрамов, показавший, что «право-троцкистский блок» поставил перед ним следующие задачи:

«...а) развернуть работу по подготовке в Узбекистане вооруженного восстания, приурочивая его к моменту интервенции;

б) решительно развернуть вредительскую и диверсионную работу во всех отраслях народного хозяйства с тем, чтобы последствиями вредительства вызвать недовольство у трудящихся к советской власти и тем самым подготовить благоприятную почву для организации в нужный момент вооруженного восстания».

«Кроме того, — показал обвиняемый Икрамов, — по нашему замыслу наша подрывная вредительская работа должна была препятствовать укреплению обороноспособности СССР». (т. 12, л.д. 95—96)

Разрушительную деятельность, как в области сельского хозяйства, так и в ряде других областей народного хозяйства и социалистического строительства, вели и другие обвиняемые по настоящему делу.

Так, обвиняемый Гринько вел вредительскую работу в области финансов.

Обвиняемый Гринько показал:

«Подрывная работа по Наркомфину преследовала основную цель: ослабить советский рубль, ослабить финансовую мощь СССР, запутать хозяйство и вызвать недовольство населения финансовой политикой советской власти, недовольство налогами, недовольство плохим обслуживанием населения сберегательными кассами, задержками в выдаче заработной платы и другое, что должно было привести к организованному широкому недовольству советской властью и облегчить заговорщикам вербовку сторонников и разворот повстанческой деятельности». (т. 9, л.д. 79)

Обвиняемый Зеленский и организованные им в Центросоюзе и системе кооперации вредительские группы запутывали планирование по таким товарам, как сахар, масло, яйца, махорка и т.п., умышленно задерживали продвижение товаров в деревню, запутывали всячески учет и отчетность, что

содействовало безнаказанному расхищению и разбазариванию государственных средств, поощряли обсчитывание и обкрадывание потребителя.

Говоря об установленной им в Центросоюзе вредительской системе учета товаров и отчетности, обвиняемый Зеленский показал:

«При таком положении вор оставался безнаказанным, а честный работник, вследствие сложного учета, запутывался и незамедлительно попадал в растратчики». (т. 10, л.д. 56)

Изменническую вредительскую деятельность в значительных масштабах проводил также ныне разоблаченный агент иностранных разведок обвиняемый Розенгольц.

О своей изменнической деятельности в этой области обвиняемый Розенгольц показал следующее:

«Поскольку Троцкий имел соглашение с Германией и Японией, о чем я был извещен (как во время переговоров при свидании с Седовым в 1933 г., так и о состоявшемся соглашении — при свидании с ним в 1934 г.) и имел в этом отношении соответствующее указание Троцкого, то и моя вредительская работа по внешней торговле служила этой цели». (т. 6, л.д. 48)

Одновременно с организацией активной диверсионно-вредительской работы заговорщики по приказу фашистских разведок ставили своей задачей вызвать бандитско-повстанческое движение в нашей стране, приурочивая вооруженное выступление своих повстанческих антисоветских банд в тылу Красной Армии к моменту начала интервенции против СССР.

Обвиняемый Рыков показал:

«Мы стали на путь насильственного свержения руководства партии и советской власти, решив произвести это свержение путем организации кулацких восстаний». (т. 1, л.д. 150 об.)

Следствием установлено, что эти подготовлявшиеся кулацко-повстанческие вооруженные выступления в тылу Красной Армии находились в зависимости от планов и расчетов фашистских государств, готовивших нападение на СССР, и что по сигналу генеральных штабов фашистских стран правотроцкистские заговорщики и готовили свое выступление.

Следуя этим директивам фашистских разведок, участники заговора накапливали бандитско-повстанческие кадры, подготавливая их к активным вооруженным выступлениям на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в других местах Советского Союза, в частности, в Узбекистане.

По этому поводу обвиняемый Ходжаев показал:

«Основной задачей практической работы наших организаций была подготовка активных антисоветских кадров и их воспитание в духе борьбы с СССР. Мы ориентировали участников организации на то, что борьба с советской властью примет острые формы и будет доходить до вооруженных столкновений. Поэтому мы уделяли внимание подготовке боевых сил участников нашей организации». (т. 13, л.д. 66)

Организаторы бандитско-повстанческих кадров опирались лишь на остатки старых контрреволюционных элементов, ориентируясь на пополнение своих повстанческих резервов за счет перебрасываемых на территорию Советского Союза остатков басмачества, белогвардейцев, а также уголовных бандитов, заключенных в лагерях и т.д.

Обвиняемый Икрамов о бандитско-повстанческой деятельности руководимой им буржуазно-националистической организации в Узбекистане показал:

«Мы сохраняли необходимые кадры, которые в будущем должны были быть использованы для вооруженной борьбы против Советской власти. Этими кадрами, в первую очередь, являлись остатки кулачества, духовники

и бывшие басмачи. Мы дали задание членам нашей организации, находящимся на руководящей районной работе, о сохранении этих кадров. Кроме того, мы предполагали, что во время вооруженного выступления из-за кордона перейдут на советскую территорию ушедшие в свое время остатки басмаческих банд». (т. 12, л.д. 56)

Материалами следствия и личными показаниями обвиняемых Бухарина, Зубарева, Зеленского и других установлено, что они вели активную подготовку повстанческих кадров, пытаясь охватить возможно больше районов Советского Союза, причем в целях максимального расширения повстанческой базы руководители заговора установили контакт и с нелегально действовавшей эсеровской организацией.

Так, обвиняемый Бухарин показал: «Установление связей с эсерами относится к периоду ставки организации правых на кулацкие восстания. В связи с тем, что правые шли на организацию этих восстаний, возникла необходимость в связи с эсерами, имевшими корни в кулацких прослойках в деревне.

...Лично я через Семенова установил связь с подпольным ЦК эсеров в Союзе и через Членова — с закордонными ЦК эсеров в Париже». (т. 5, л.д. 90—91)

Такова цепь позорных злодеяний «право-троцкистского блока», осуществлявшего в течение ряда лет свою предательскую деятельность в интересах враждебных СССР иностранных государств.

II. Убийства деятелей Советского государства С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького. — Заговор против В.И. Ленина в 1918 г.

Не питая надежд на свержение советского строя методами шпионажа, вредительства, диверсий, кулацких восстаний, право-троцкистские заговорщики, охваченные злобой и ненавистью к СССР, перешли к подготовке и совершению террористических актов против руководителей правительства и ВКП(б).

Как установлено следствием, по прямому сговору с японской и германской разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого, «право-троцкистский блок» организовал и совершил ряд террористических актов против лучших людей нашей родины.

Переход «право-троцкистского блока» к террору обвиняемый Рыков мотивировал следующим образом:

«При нелегальном заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти, принятие террора и «дворцового переворота» давало, по мнению центра, какую-то перспективу». (т. 1, л.д. 50)

Обвиняемый Бухарин, признавший на следствии, что на путь террора «право-троцкистский блок» стал еще в 1932 г., показал следующее:

«В том же 1932 г. при встрече и разговоре с Пятаковым я узнал от него об его свидании с Л. Седовым и получении от Седова прямой директивы Троцкого перейти к террору против руководства партии и советской власти. Должен также признать, что, по существу, тогда мы и пошли на соглашение с террористами, а мой разговор с Пятаковым явился соглашением о координации наших с Троцким действий, направленных к насильственному свержению руководства партии и советской власти». (т. 5, л.д. 105 об.)

Террористическая деятельность заговорщиков была тесно связана со всей их пораженческой работой, о чем свидетельствует, например, следующее показание обвиняемого Иванова:

«Говоря о терроре, Бухарин заявлял, что "ликвидировать", как он выражался, вождей партии и советской власти... будет очень важно для нашего прихода к власти и будет способствовать поражению СССР в войне». (т. 7, л.д. 81)

Следуя принятым в этом отношении решениям, заговорщический блок широко развернул организацию террористических групп и практическую подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Вот что показал по этому поводу обвиняемый Рыков:

«К тому времени мы уже стали на путь террора как одного из методов нашей борьбы с советской властью... Эта наша позиция вылилась в совершенно конкретную нашу и, в частности, мою деятельность по подготовке террористических актов против членов Политбюро, руководителей партии и правительства, а в первую очередь, против Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова. В 1934 г. уже я дал задание следить за машинами руководителей партии и правительства созданной мною террористической группе Артеменко[17]». (т. 1, л.д. 150 об.—151)

Обвиняемый Бухарин, говоря о предложении эсера Семенова организовать террористическую группу, показал:

«Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это было мною доложено на совещании центра, и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп». (т. 5, л.д. 106 об.)

Следствием установлено, что злодейское убийство С.М. Кирова, осуществленное ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром 1 декабря 1934 г.[18], было осуществлено также по решению «право-троцкистского блока», участники которого привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу.

Следствием установлено, что одним из соучастников этого злодейского убийства являлся обвиняемый Ягода, показавший следующее:

«О том, что убийство С.М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе. Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью я вызвал из Ленинграда Запорожца, которому дал указания не чинить препятствий готовящемуся террористическому акту над С.М. Кировым». (т. 2, л.д. 209)

Это же подтвердили на следствии Запорожец и Енукидзе[19].

Убийством С.М. Кирова не ограничивается злодейская террористическая деятельность право-троцкистских изменников и заговорщиков.

Как установлено следствием по настоящему делу, А.М. Горький, В.Р. Менжинский и В.В. Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию объединенного центра «право-троцкистского блока».

О причинах, побудивших право-троцкистских заговорщиков на неслыханное по своей чудовищности убийство А.М. Горького, обвиняемый Ягода показал:

«Объединенный центр право-троцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены Каменев, Томский и ряд других. Но реальных результатов это не дало. Горький по-прежнему верен Сталину и является горячим сторонником и защитником его линии. При серьезной постановке вопроса о свержении сталинского руководства и захвате власти право-троцкистами центр не мог не учитывать исключительного влияния Горького в стране, его авторитет за границей. Если Горький

будет жить, то он подымет свой голос протеста против нас. Мы не можем этого допустить. Поэтому объединенный центр, убедившись в невозможности отрыва Горького от Сталина, вынужден был вынести решение о ликвидации Горького». (т. 2, л.д. 200)

Показания обвиняемого Ягоды полностью подтверждаются и обвиняемым Рыковым, который на допросе Прокурором Союза 10 января с.г. показал:

«Мне известно, что Троцкий через своих представителей в контактном центре всячески разжигал злобные настроения в отношении Горького. Это, естественно, объясняется тем, что Троцкому было хорошо известно, что Горький считает его проходимцем и авантюристом. С другой стороны, общеизвестна близость Горького к Сталину, и то обстоятельство, что он является несгибаемым политическим сторонником Сталина, вызывало злобное отношение к нему нашей организации». (т. 1, л.д. 166 об.)

К этому обвиняемый Рыков добавил:

«В 1935 г. я беседовал с Енукидзе, который прямо мне заявил, что троцкистско-зиновьевская часть блока настаивает на ликвидации политической активности Горького и для осуществления этого не остановится ни перед какими средствами. Из этого разговора мне стало ясно, что может пойти речь и о террористических методах ликвидации Горького» (т. 1, л.д. 166 об.—167)

Это же подтвердил и обвиняемый Бухарин, показавший, что в начале 1935 г. Томский ему сообщил, что:

«...троцкистская часть объединенного центра блока внесла предложение об организации враждебного акта против А.М. Горького как сторонника сталинской политики». (т. 5, л.д. 119 об.)

При этом обвиняемый Бухарин пояснил, что он не исключает, что тогда речь шла именно о физическом устранении Горького. То, что речь шла именно о подготовке физического устранения М. Горького, видно из показаний обвиняемого Бессонова, лично получившего такого рода «установку» непосредственно от Л. Троцкого во время свидания с последним в конце июля 1934 г.

При этом свидании Л. Троцкий, как показал обвиняемый Бессонов, заявив, что —

«...было бы непростительным жеманством, если мы последовательно сейчас же не перешли бы к физическому устранению Сталина и всех его ближайших соратников...»,

сказал —

«М. Горький очень близко стоит к Сталину. Он играет исключительно большую роль в завоевании симпатии к СССР в общественно-мировом демократическом мнении и особенно Западной Европы. Горький широко популярен как ближайший друг Сталина и проводник генеральной линии партии. Вчерашние наши сторонники из интеллигенции в значительной мере под влиянием Горького отходят от нас. При этом условии я делаю вывод, что Горького надо убрать. Передайте это мое поручение Пятакову в самой категорической форме: "Горького уничтожить физически во что бы то ни стало"». (т. 11, л.д. 74—75)

На основе этой директивы врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» и принял свое чудовищное решение об убийстве А.М. Горького.

«Выполнение этого решения было поручено мне», — показал обвиняемый Ягода.

В качестве непосредственных исполнителей этого злодейского замысла обвиняемый Ягода привлек обвиняемых по настоящему делу доктора Левина Л.Г., бывшего домашнего врача А.М. Горького профессора Плетнева Д.Д., секретаря А.М. Горького П.П. Крючкова и своего секретаря Буланова П.П.

Один из организаторов этого преступления, обвиняемый Буланов показал:

«В умерщвлении А.М. Горького принимали непосредственное участие профессор Плетнев, доктор Левин и секретарь Горького Крючков. Я лично, например, был свидетелем того, как Ягода неоднократно вызывал к себе Крючкова, советуя последнему простудить Горького, вызвать у него тем или иным путем болезнь. Ягода подчеркивал, что состояние легких у Горького таково, что всякое простудное заболевание ускоряет шансы его гибели. А уже остальное довершат Плетнев и Левин, которые на этот счет имеют соответствующие задания». (т. 16, л.д. 72)

Обвиняемый Плетнев, принимавший непосредственное участие в деле убийства А.М. Горького и В.В. Куйбышева, показал:

«Ягода мне заявил, что я должен помочь ему в физическом устранении некоторых политических руководителей страны. Он прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у В.В. Куйбышева и А.М. Горького и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Я пытался отказаться, но, в конце концов, был вынужден согласиться. После этого Ягода сообщил, что моим сообщником будет доктор Левин, а в отношении А.М. Горького, кроме того, и секретарь А.М. Горького — Крючков П.П.

Приняв это страшное задание Ягоды, я вместе с доктором Левиным выработал план убийства А.М. Горького и В.В. Куйбышева.

Должен признать, что в моем согласии на эти преступления сыграли свою роль и мои антисоветские настроения. Эти свои антисоветские настроения я до ареста всячески скрывал, двурушничая и заявляя о том, что я советский человек». (т. 18, л.д. 72, 73)

Это же подтвердил и обвиняемый Левин, показавший:

«Я признаю себя виновным в том, что, применив умышленно неправильное лечение и использовав несоответствующие данному заболеванию лекарства, я вместе с моими сообщниками, по согласованию с Ягодой, был виновником преждевременной гибели Максима Горького и Куйбышева». (т. 17, л.д. 10)

Обвиняемые Левин и Плетнев на следствии дали подробные показания о том, как они практически осуществили умерщвление А.М. Горького и В.В. Куйбышева.

Как установлено следствием, в организации смерти В.В. Куйбышева активное участие принимал также секретарь В.В. Куйбышева обвиняемый Максимов, показавший следующее:

«На это преступление я пошел как член контрреволюционной организации правых, к которой я примкнул еще 1928 г.

Ягода также знал о моей принадлежности к контрреволюционной организации и присутствовал при одном из моих разговоров с Енукидзе, когда мы разрабатывали план устранения Куйбышева». (т. 20, л.д. 45 об.)

По прямому указанию Ягоды обвиняемыми доктором Левиным и доктором Казаковым был убит также председатель ОГПУ В.Р. Менжинский.

Обвиняемый Казаков на допросе Прокурором Союза 4 февраля с.г. показал:

«Ягода заявил мне, что Менжинский ко мне хорошо относится и доверяет мне, и поэтому мне вместе с доктором Левиным должно удастся устранение Менжинского. Ягода дал мне следующее указание: я должен выработать с доктором Левиным такой метод лечения В.Р. Менжинского, который обеспечит ускорение его смерти и закончит как можно скорее его жизнь...». (т. 19, л.д. 51 об.)

Изложив далее содержание разговора с ним обвиняемого Ягоды о необходимости ускорить наступление смерти В.Р. Менжинского, обвиняемый Казаков показал:

«После этого разговора с Ягодой я выработал совместно с Левиным такой метод лечения В.Р. Менжинского, который фактически разрушал его последние силы и обусловливал скорейшее наступление смерти. Фактически, таким образом, я и Левин убили В.Р. Менжинского.

Я дал доктору Левину составленную мною смесь лизатов, которые в сочетании с алкалоидами привели к нужному нам результату, т.е. фактическому убийству Менжинского». (т. 19, л.д. 51 об.)

Это полностью подтвердили и обвиняемые Левин Л.Г. и Буланов П.П.

Обвиняемый Левин Л.Г. подтвердил, что, получив от обвиняемого Ягоды поручение ускорить наступление смерти В.Р. Менжинского, он, Левин, решил привлечь к осуществлению этого преступления доктора Казакова.

Обвиняемый Левин показал:

«Я сказал, что лучше всего это может сделать Казаков, т.к. он действует препаратами, которые сам бесконтрольно приготовляет в своей лаборатории, что он впрыскивает — известно только ему одному.

После предварительных подготовительных бесед с Казаковым я передал ему полученную мною директиву от Ягоды. Он вначале очень колебался, боясь раскрытия преступления, но потом согласился. Я не спрашивал, что он применял, тем более что он обычно засекречивал свои препараты, но я знал, что возможности в этом отношении у него широкие.

Смерть В.Р. Менжинского произошла внезапно среди сна, если не ошибаюсь, накануне смерти Максима Пешкова (сына А.М. Горького), от паралича сердца. Я сомневался, что это дело рук Казакова». (т. 17, л.д. 54—55)

Обвиняемый Буланов по поводу убийства В.Р. Менжинского показал:

«Физическое устранение Менжинского Ягода задумал давно. Он не раз в моем присутствии высказывал недовольство тем, что Менжинский продолжал жить и занимать пост руководителя ОГПУ. Потом он прямо сказал, что надо убрать Менжинского. Организовать это через доктора Левина было трудно, потому что Менжинский Левина не любил и лечиться у него не хотел. Тогда я предложил Ягоде "пристроить" к Менжинскому какого-либо другого врача. Так и было сделано. И при содействии доктора Левина к Менжинскому "пристроили" доктора Казакова, который и довел дело до конца, т.е., попросту говоря, ускорил смерть Менжинского путем заведомо неправильного его лечения». (т. 16, л.д. 75)

Помимо убийства А.М. Горького и В.В. Куйбышева, обвиняемые Левин и Крючков, по прямому заданию обвиняемого Ягоды, аналогичным путем в 1934 г. умертвили также и сына А.М. Горького — М.А. Пешкова.

По этому поводу обвиняемый Левин показал:

«Признавая себя виновным в убийстве Максима, я хочу здесь указать на то, что сделал это по прямому требованию Ягоды. У меня не хватило гражданского мужества отказаться, и я стал убийцей». (т. 17, л.д. 138 об.)

Обвиняемый Крючков, принимавший активное участие в организованных Ягодой преступлениях, показал:

«В этих преступлениях я руководствовался директивами некоторых участников антисоветской организации правых. В частности, директивами Ягоды. Именно от Ягоды я получил указание насильственно устранить Максима Пешкова, а затем и Алексея Максимовича Горького».

«Кроме меня, Ягода привлек к участию в этих преступлениях врачей Левина и Виноградова и профессора Плетнева». (т. 2, л.д. 16)

Обвиняемый Ягода, подтвердив, что М.А. Пешков убит по его заданию, показал:

«В мае 1934 г., при содействии Крючкова, Макс (М.А. Пешков) заболел крупозным воспалением легких, а врачи Левин, Виноградов и Плетнев залечили его до смерти». (т. 2, л.д. 193)

Обвиняемый Ягода после снятия его с должности Народного комиссара внутренних дел СССР[20] принял меры также к осуществлению убийства Народного комиссара внутренних дел СССР товарища Н.И. Ежова.

Обвиняемый Ягода так объясняет в своих показаниях причины, побудившие его форсировать террористический акт против Н.И. Ежова:

«Мое отстранение от работы в НКВД, приход на мое место Ежова означали полный провал нашего заговора, потому что удержать разгром кадров антисоветской организации нельзя будет. Ежов раскопает все, — надо избавиться от Ежова. Это было единственное решение, к которому я пришел и которое я начал решительно готовить...» (т. 2, л.д. 141, 142)

Этот свой замысел Ягода пытался осуществить через своих сообщников, виднейшая роль среди которых принадлежала обвиняемому Буланову.

По признанию обвиняемого Ягоды и обвиняемого Буланова, убийство товарища Н.И. Ежова предполагалось осуществить путем отравления специально приготовленным для этой цели ядом.

«Когда Ягода был снят с НКВД, — показал обвиняемый Буланов, — он дал мне и своему личному порученцу Саволайнену прямое задание — отравить Ежова». (т. 16, л.д. 27)

Подробно описав способы, при помощи которых обвиняемый Ягода пытался осуществить убийство товарища Н.И. Ежова, обвиняемый Буланов показал, что, он, Буланов, сам делал смесь ядов, предназначенных для отравления товарища Ежова.

Обвиняемый Ягода на допросе в Прокуратуре Союза ССР полностью признал это свое преступление, показав:

«Да, вынужден признать, что я подготовлял это преступление. Организовывал подготовку убийства Ежова как человека, опасного для контрреволюционного заговора и могущего разоблачить нашу контрреволюционную организацию». (т. 2, л.д. 209)

Таким образом, следствие считает установленным с несомненностью, что привлеченные по настоящему делу к уголовной ответственности руководящие участники «право-троцкистского блока» совершили террористические акты против С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького, М.А. Пешкова и подготовляли ряд других террористических актов, которые осуществить не успели.

Убийства советских деятелей завершили собой круг тягчайших государственных преступлений, при помощи которых банда презренных отщепенцев нашей родины, провокаторов царской охранки, наймитов иностранных разведок, продававших иностранным капиталистам нашу землю и нашу свободу, стремилась осуществить фашистский план свержения советского строя и восстановления в нашей стране капитализма.

Как теперь выяснилось, эти чудовищные преступления не были случайностью ни для троцкистов, ни для правых.

Следствием установлено, что уже в 1918 г., непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В.И. Ленина как главы советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить В.И. Ленина, И.В. Сталина и Я.М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами»[21], троцкистов и «левых» эсеров.

Допрошенный в Прокуратуре Союза 19 и 20 февраля с.г. бывший член Центрального Комитета партии «левых» эсеров Карелин В.А. дал следующие показания о заговорщической деятельности в 1918 г. эсеров и бухаринцев:

«Окончательное соглашение с «левыми коммунистам» в борьбе против советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым было достигнуто после VII съезда Коммунистической партии[22].

Переговоры с «левыми коммунистами» вели по поручению ЦК «левых» эсеров Камков, Прошьян и я». (т. 44, л.д. 86)

Говоря о характере этих переговоров и роли обвиняемого Бухарина Н.И., Карелин В.А. далее показал:

«Предложение Бухарина было — не останавливаться на аресте правительства, а провести физическое уничтожение руководителей советской власти и, в первую очередь, Ленина и Сталина». (т. 44, л.д. 38)

Это же подтвердили и другие лица, допрошенные в качестве свидетелей по настоящему делу.

Один из бывших руководителей Центрального Комитета партии «левых» эсеров Камков Б.Д. показал:

«Я лично имел разговор с Бухариным, который мне заявил примерно следующее: "борьба у нас в партии против позиции Ленина по вопросу о Брестском мире принимает острые формы. В наших рядах дебатируется вопрос о создании нового правительства из «левых» эсеров и «левых коммунистов»". При этом Бухарин назвал Пятакова как возможного кандидата в руководители нового правительства и заявил, что смена правительства мыслится путем ареста его состава во главе с Лениным.

Дальнейшие переговоры с Бухариным велись Карелиным и Прошьяном. К концу марта месяца между "левыми коммунистами" и "левыми" эсерами было достигнуто окончательное соглашение о том, что: 1) "левые коммунисты" в борьбе с большевиками и советским правительством оказывают "левым" эсерам организационную и политическую помощь; 2) совместными действиями "левых" эсеров и "левых коммунистов" должно быть свергнуто правительство Ленина и сформировано новое правительство в составе "левых коммунистов" и "левых" эсеров.

После этого "левые" эсеры организовали убийство Мирбаха и июльский мятеж[23]. В курсе готовившегося убийства Мирбаха и июльского мятежа "левые коммунисты" были полностью». (т. 44, л.д. 92 об.)

Допрошенные в качестве свидетелей в Прокуратуре СССР 19 февраля с.г. бывшие руководители и активные участники группы «левых коммунистов» Яковлева В.Н., Осинский В.В. и Манцев В.Н. полностью подтвердили наличие в 1918 г. заговора, организованного по инициативе обвиняемого Бухарина блоком «левых коммунистов» и «левых» эсеров против В.И. Ленина как главы советского правительства.

Так, Яковлева В.Н. показала:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении...» (т. 44, л.д. 77)

Осинский В.В. по этому поводу показал:

«Основной разговор о наших мерах по свержению правительства Ленина у меня был с Бухариным Н.И. ...Приблизительно в мае 1918 г. (или конце апреля) я имел беседу с Бухариным, в которой спросил его, насколько правдивы мои сведения о его намерениях подвергнуть аресту правительство Ленина.

Бухарин не отрицал такого своего намерения». (т. 44, л.д. 54)

Говоря далее об этих «мерах», Осинский В.В. показал:

«О блоке "левых коммунистов" с "левыми" эсерами мне стало известно от Яковлевой, а затем от Бухарина. Мне было также известно от них, что в марте или апреле 1918 г. Бухарин выступил на бюро (московском областном) с предложением арестовать Ленина, Сталина и Свердлова. При этом Бухарин подчеркнул, что он склоняется к той точке зрения, что после ареста правительства нужно будет Ленина, Сталина и Сверлова физически уничтожить». (т. 44, л.д. 88 об.)

Аналогичное показание дал и Манцев В.Н., допрошенный в Прокуратуре Союза 20 февраля с.г., а именно:

«Я подтверждаю, что между "левыми коммунистами" и "левыми" эсерами был заключен блок.

Я подтверждаю, что примерно в марте—апреле на узком заседании бюро Бухарин сделал доклад, в котором допустил ряд клеветнических утверждений по адресу советского правительства и предлагал организовать свержение советской власти и арестовать Ленина, Сталина и Свердлова с тем, чтобы физически их уничтожить». (т. 44, л.д. 82)

О роли Л. Троцкого в заговоре против В.И. Ленина в 1918 г. обвиняемый Бухарин показал:

«К этому времени вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение "левых" эсеров стало известно, очевидно, как я предполагаю, от Пятакова». (т. 5, л.д. 124)

Допрошенная на предварительном следствии Яковлева В.Н. показала:

«Троцкий считал, что политическая борьба находится лишь в самом начале, что она может дойти до самых агрессивных форм, что против позиции Ленина по вопросу о мире "левые коммунисты" найдут поддержку у "левых" эсеров и у других партий, что надо готовиться к смене правительства и аресту его вождей, с Лениным и Сталиным во главе. Троцкий считал, что в столь острый период революции, при дальнейшем развитии борьбы, дело может не ограничиться одним лишь арестом вождей, что из ареста с логической неизбежностью вытекает и вопрос об их физическом устранении». (т. 44, л.д. 78)

Один из руководителей группы «левых коммунистов» Манцев В.Н., допрошенный на предварительном следствии, показал:

«Через несколько дней после разговора с Яковлевой меня пригласил к себе Троцкий. Я с ним имел тогда большой разговор на его квартире, причем Троцкий тогда пространно развивал мысль о необходимости убийства Ленина и Сталина». (т. 44, л.д. 84)

Следствие в настоящее время располагает неопровержимыми данными о том, что произведенное 30 августа 1918 г. эсеровской террористкой Ф. Каплан злодейское покушение на жизнь В.И. Ленина[24] явилось прямым результатом осуществления преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным Н.И. и их сообщников — «левых» и правых эсеров, и по инициативе обвиняемого Бухарина.

На допросе в Прокуратуре Союза ССР от 19 февраля с.г. Карелин В.А. показал:

«Я должен также признать самое тяжелое преступление — участие "левых" эсеров и "левых коммунистов" в организации покушения на Ленина. 20 лет скрывался этот факт от советского народа. Было скрыто, что мы совместно с правыми эсерами по настоянию Бухарина пытались убить Ленина. Процесс правых эсеров не вскрыл подлинной обстановки этого преступления и не выявил роли в нем "левых" эсеров и "левых коммунистов"[25].

После июльского мятежа ЦК "левых" эсеров принял решение о переходе к террористическим методам борьбы с советским правительством[26].

Необходимо заметить, что Прошьян и после мятежа встречался с Бухариным, который прямо поставил перед ним вопрос о физическом уничтожении Ленина. Точнее, вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят Бухариным во второй половине июля 1918 г. Об этом Прошьян доложил нам, членам ЦК "левых" эсеров.

Такого рода требование "левых коммунистов" сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК правых эсеров». (т. 44, л.д. 86—87)

Это же подтвердил и Осинский В.В., на допросе от 19 февраля с.г. показавший следующее:

«В конце 1918 г. Стуков, который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Каплан в Ленина[27], был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но и явился результатом мероприятий, намеченных в свое время блоком "левых коммунистов" с эсерами и направленных к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова». (т. 44, л.д. 89)

На произведенных Прокуратурой Союза ССР очных ставках с обвиняемым Бухариным свидетелей Осинского В.В., Яковлевой В.Н., Манцева В.Н., Карелина В.А. и Камкова Б.Д. последние полностью подтвердили свои показания, изложенные выше[28].

Под тяжестью этих улик обвиняемый Бухарин признал ряд преступных фактов и показал:

«Я должен признать, что у нас был непосредственный контакт с "левыми" эсерами, который базировался на платформе насильственного свержения Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, с последующим арестом Ленина, Сталина и Свердлова и созданием нового правительства из "левых коммунистов" и "левых" эсеров...» (т. 5, л.д. 122 об.)

Установленные в настоящее время данные о преступлениях, совершенных обвиняемым Бухариным и врагом народа Троцким в 1918 г. против Советского государства и его руководителей В.И. Ленина, И.В. Сталина и Я.М. Свердлова, проливают полный свет на всю последующую преступную контрреволюционную деятельность банды Бухарина и Троцкого, обвиняемой в настоящее время в тягчайших государственных преступлениях, совершенных ею по прямым заданиям фашистских разведок в период 1921—1937 гг.

Формула обвинения

Следствие считает установленным, что:

1. В 1932—1933 гг. по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств обвиняемыми по настоящему делу была составлена заговорщическая группа под названием «право-троцкистский блок», поставившая сво-

ей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсию, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, поражение СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии.

2. «Право-троцкистский блок» вступил в сношение с некоторыми иностранными государствами в целях получения с их стороны вооруженной помощи для осуществления своих преступных замыслов.

3. «Право-троцкистский блок» систематически занимался в пользу этих государств шпионажем, снабжая иностранные разведки важнейшими государственными секретными сведениями.

4. «Право-троцкистский блок» систематически осуществлял вредительские и диверсионные акты в различных отраслях социалистического строительства (в промышленности, в сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте, в области финансов, коммунального хозяйства и т.п.).

5. «Право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства и осуществил террористические акты против С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького.

Все обвиняемые уличаются как показаниями свидетелей, так и имеющимися в деле документальными данными и вещественными доказательствами, и полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

На основании изложенного обвиняются:

1) **Бухарин** Николай Иванович, 1888 года рождения; 2) **Рыков** Алексей Иванович, 1881 года рождения; 3) **Ягода** Генрих Григорьевич, 1891 года рождения; 4) **Крестинский** Николай Николаевич, 1883 года рождения; 5) **Раковский** Христиан Георгиевич, 1873 года рождения; 6) **Розенгольц** Аркадий Павлович, 1889 года рождения; 7) **Иванов** Владимир Иванович, 1893 года рождения; 8) **Чернов** Михаил Александрович, 1891 года рождения; 9) **Гринько** Григорий Федорович, 1890 года рождения; 10) **Зеленский** Исаак Абрамович, 1890 года рождения; 11) **Бессонов** Сергей Александрович, 1892 года рождения; 12) **Икрамов** Акмаль, 1898 года рождения; 13) **Ходжаев** Файзулла, 1896 года рождения; 14) **Шарангович** Василий Фомич, 1897 года рождения; 15) **Зубарев** Прокопий Тимофеевич, 1886 года рождения; 16) **Буланов** Павел Петрович, 1895 года рождения; 17) **Левин** Лев Григорьевич, 1870 года рождения; 18) **Плетнев** Дмитрий Дмитриевич, 1872 года рождения; 19) **Казаков** Игнатий Николаевич, 1891 года рождения; 20) **Максимов-Диковский** Вениамин Адамович (Абрамович), 1900 года рождения; 21) **Крючков** Петр Петрович, 1889 года рождения, —

в том, что, являясь активными участниками антисоветского заговора, совершили тягчайшие государственные преступления, указанные в п.п. 1—5 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58^{1a}, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР[29], а обвиняемые **Иванов, Зеленский и Зубарев**, кроме того, совершили преступления, предусмотренные ст. 58^{13} УК РСФСР[30].

Вследствие изложенного все указанные выше обвиняемые подлежат суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Дела в отношении **Осинского В.В., Яковлевой В.Н., Манцева В.Н., Карелина В.А., Камкова Б.Д., Стукова И.Н., Артеменко Е.В., Запорожца И.В., Саволайнена И.М., Семенова Г.И. и Членова С.Б.** — выделены в особое производство.

Дело в отношении доктора **Виноградова А.И.** за его смертью производством прекращено.

Дело в отношении **Енукидзе А.С.** рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 декабря 1937 г.[31]

Настоящее обвинительное заключение составлено в г. Москве 23 февраля 1938 г.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Бухарин, вы признаете себя виновным в предъявляемых *вам* обвинениях.

БУХАРИН. Да, я признаю себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *мне* обвинениях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Рыков, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

РЫКОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Ягода, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ЯГОДА. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Крестинский, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

КРЕСТИНСКИЙ. Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником право-троцкистского блока, о существовании которого я не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности, я не признаю себя виновным в связях с Германской разведкой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. [Но в] *В*аше признание *на предварительном следствии* [раньше, которое] вы подтверж*дае*те[дили]*?* [вы признаете себя виновным.]

КРЕСТИНСКИЙ. Да, [я подтвердил] *на предварительном следствии признавал,* но я никогда не был троцкистом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. *Повторяю вопрос.* Вы признаете себя виновным?

*КРЕСТИНСКИЙ. Я до ареста был членом Всесоюзной Коммунистической партии *(*большевиков*)* и сейчас остаюсь я таковым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы признаете себя виновным в участии в шпионской деятельности и в участии в террористической деятельности.*[1]

КРЕСТИНСКИЙ. Я никогда не был троцкистом, я не участвовал в право-троцкистском блоке и не совершал ни одного преступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Раковский, вы признаете себя виновным [?] *в предъявленных вам обвинениях?*

РАКОВСКИЙ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Розенгольц, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых вам обвинениях.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Иванов, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ИВАНОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Чернов, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ЧЕРНОВ. Признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Гринько, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

---

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила).

ГРИНЬКО. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Зеленский, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых в*ам* обвинениях.

*ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, признаю себя виновным в участии *в* организации правых, признаю себя виновным во вредительской деятельности, которую проводил по поручению центра правых,*[1] признаю себя виновным по засорению аппарата Центросоюза чуждыми и *повстанческими* [враждебными] кадрами, признаю себя виновным в службе в царской охранке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Бессонов, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

БЕССОНОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Икрамов, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ИКРАМОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Ходжаев, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ХОДЖАЕВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Шарангович, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ШАРАНГОВИЧ. Я признаю целиком и полностью себя виновным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Зубарев, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ЗУБАРЕВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Буланов, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

БУЛАНОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Левин, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ЛЕВИН. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Плетнев, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

ПЛЕТНЕВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Казаков, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

КАЗАКОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Максимов, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

МАКСИМОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Крючков, вы признаете себя виновным в предъявлен*н*[яем]ых *вам* обвинениях.

КРЮЧКОВ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Заседание суда продолжается. Т. [Вышинский] *Прокурор*, у вас есть [какие-нибудь] предложения *о порядке ведения судебного следствия?*

ВЫШИНСКИЙ. Да, [я] имею. [В соответствии с государственным обвинением, в ведении судебного следствия] я просил бы установить следующий порядок *ведения судебного следствия:* начать допрос с подсудимого Бессонова. Далее я прошу допросить Гринько, Чернова, Икрамова, Крестинского,

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

Зубарева, Рыкова, Шаранговича, Ходжаева, Зеленского, Икрамова, Раковского, Розенгольца, а затем Бухарина, Левина, Буланова, Ягоду, Плетнева, Крючкова, Казакова и последним Максимова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. *У защиты* есть возражения против предложенного порядка?

[Голоса: Нет.]

ЗАЩИТНИК БРАУДЕ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У подсудимых есть возражения против предложенного порядка ведения судебного следствия?

ПОДСУДИМЫЕ. Нет.

[Начинаем продолжать] *ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.* Прежде чем приступить к допросу *подсудимых,* [нужно предупредить обе] *я считаю необходимым предупредить* стороны *и подсудимых,* что те пропуски и умолчания, которые были при оглашении обвинительного заключения, должны быть приняты во внимание *в ходе судебного следствия.*

Подсудимый Бессонов, *вы подтверждаете* те показания, которые [вы] да[ва]ли на предварительном следствии [вы подтверждаете]?

БЕССОНОВ. *Да.* Подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. *Т. Прокурор, у вас есть вопросы к подсудимому Бессонову?* [В таком случае у суда больше нет вопросов подсудимому.]

ВЫШИНСКИЙ. [У меня] *Да,* есть вопросы.

Подсудимый Бессонов, [будьте добры,] сообщите суду коротко *в нескольких словах* [, в нескольких словах,] *вашу* биографию. [, т.е. биографические данные, касающиеся вас.]

БЕССОНОВ. Я родился в 1892 г., в городе Кержач, Владимирской губернии. [, в семье подпоручика.] Учился я во Владимирском духовном училище, *[а затем]* в духовной семинарии, затем был направлен за границу.

ВЫШИНСКИЙ. Вы окончили духовную семинарию?

БЕССОНОВ. Нет, не окончил. Я был два раза исключен.

ВЫШИНСКИЙ. А чем объясняется, что вы поступили именно в духовную семинарию?

БЕССОНОВ. [(ответ не слышен)] *Отец был дьячком — этим и объясняется то, что я поступил в духовное училище, а затем и в духовную семинарию.*

ВЫШИНСКИЙ. Кем вы были отправлены за границу?

БЕССОНОВ. *[Одним]* Московским ме[т]ценатом *Шаховым в 1912 г.*

ВЫШИНСКИЙ. В 1912 г.?

БЕССОНОВ. [Да.] Затем я вернулся в Россию, поступил на естественный факультет, чтобы получить диплом. Был выслан в Вологодскую губернию вследствие того, что принимал участие в эсеровской организации.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, в] *Вы* вступили в *эсеровскую* партию *[эсеров]* [социал-революционеров] в 1912 г.?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И в этой партии пробыли*?* [...]

БЕССОНОВ. До 1918 г.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, Октябрьская революция вас застала [, когда вы были] в рядах эсеров?

БЕССОНОВ. [Эсеров.] *Да.*

ВЫШИНСКИЙ. Ваше отношение к Октябрьской революции?

БЕССОНОВ. Эсеровское.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

БЕССОНОВ. Вместе с другими эсерами я не принимал Октябрьской революции. [У меня начались разногласия с эсерами лишь весной 1918 г., ко-

торые привели к тому, что в] *В* августе 1918 г. я порвал с эсерами и в октябре 1918 г. об этом заявил официально.

ВЫШИНСКИЙ. *Но* [Д]*до* 1918 г.?

БЕССОНОВ. До 1918 г. разделял целиком и полностью установки эсеровской партии за исключением военного периода, когда я был пораженцем.

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо. Следовательно, в] *В* этот период времени ваше отношение к Октябрьской революции, коммунистической партии было какое? Положительное или отрицательное?

БЕССОНОВ. Отрицательное.

ВЫШИНСКИЙ. В чем заключалось ваше отрицательное отношение?

БЕССОНОВ. Я выступал по поручению Вологодского городского и областного комитетов эсеровской партии в качестве докладчика на собраниях, развивал и обосновывал позиции эсеров в отношении Октябрьской революции и по [отделу] событи*ям*[й] текущего дня. Последним моим публичным выступлением было выступление по поводу Брестского мира.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выражалось это ваше выступление?

БЕССОНОВ. Я резко и отрицательно относился к заключению Брестского мира.

ВЫШИНСКИЙ. В 1919 г.?

БЕССОНОВ. В 1919 г. я стоял целиком и полностью на платформе поддержки советской власти, пошел добровольцем в Красную армию.

ВЫШИНСКИЙ. [Это уже в последующий период.] Когда вы вступили в коммунистическую партию?

БЕССОНОВ. В 1920 г., в мае месяце.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы вступили на путь троцкистской деятельности?

БЕССОНОВ. Я просил бы разрешить дать мне возможность рассказать об этом *подробнее*. [связно.]

ВЫШИНСКИЙ. Это дело суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. [Покороче, пожалуйста.] *Изложите только основные факты.*

БЕССОНОВ. *Моя троцкистская деятельность началась* в 1931 г. в Берлине.

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах?

БЕССОНОВ. Я работал в 1931 г. [в качестве члена совета] *в* Берлинско*м*[го] торгпредстве[а] СССР и заведовал отделом торговой политики. [берлинского торгпредства. Это обстоятельство сделало необходимым, *[привело к тому]*[I] что в] *В* процессе переговоров, которые Советское правительство вело в 1931 г. с германскими промышленниками относительно предоставления кредитов, я оказался одной из наиболее активных фигур в переговорах. [, принимал *в них* очень большое участие.] Я на этой почве тесно связался с [Юрием Леонидовичем] Пятаковым, который *и* вовлек меня в троцкистскую организацию.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выразилась ваша подпольная троцкистская деятельность в тот период?

БЕССОНОВ. *Основная задача, которую передо мною тогда поставил Пятаков, независимо от моего [со]участия в переговорах с германскими промышленниками,*[II] — переговорах, которые, конечно, заслуживают того, чтобы на них остановиться несколько более подробно позже, — основной задачей, которую поставил передо мною Пятаков, было [создание] [*организация*] *установление постоянной* регулярной связи с Троцким.

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила)

ВЫШИНСКИЙ. [Дальше.] Почему именно к вам обратился [*Пятаков*] он [о создании *[об организации]* этой связи] *с предложением организовать эту связь.* [Чем он объяснял это, или чем вы объясняли это?]

БЕССОНОВ. Насколько я понимаю, Пятаков находился в связи с Троцким и до того. [, как я включился в установление этой связи, н] *Но* эта связь носила не регулярный [и не систематический] характер, страдала целым рядом дефектов. [, а] *А* между тем обстоятельства [, о которых я буду говорить дальше,] требовали от Пятакова и от всей троцкистской организации установления регулярной постоянной связи, при которой получения[е директив] *[заданий] директив* Троцкого и информации [его] о [непосредственной] деятельности [о] троцкистов в СССР *было* [носила] бы постоянным.[й непрекращающийся[1] характер.] Это был основной мотив, который привел к созданию в Берлине постоянного пункта связи, функционировавшего вплоть до моего отъезда из Берлина в феврале прошлого года.[II]

ВЫШИНСКИЙ. [Следовательно, выбор на вас остановился п] *По* каким же обстоятельствам [?] *выбор остановился на вас?*

БЕССОНОВ. [Выбор на мне остановился, потому что я] *Я* представлял из себя одну из наиболее, я бы сказал, прочных фигур в составе Берлинского торгпредства.

ВЫШИНСКИЙ. Какую должность вы там занимали?

БЕССОНОВ. Я занимал должность члена советского торгпредства.

ВЫШИНСКИЙ. В Берлинском торгпредстве.

БЕССОНОВ. Да, в Берлинском торгпредстве, которое было тогда наиболее центральным торгпредством, через которое вели*сь торговые* переговоры с 10-ю европейскими странами. Работа эта требо*вала*[ует] очень длительных навыков и, совершенно естественно, существовало определенное мнение о том, что в этой обстановке я, вероятно, останусь и наиболее длительно буду сидеть в Берлине.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, ваше служебное положение представляло [известное] *значительное* удобство для выполнения обязанностей связиста?

БЕССОНОВ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы согласились на эту роль?

БЕССОНОВ. Да, я согласился.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

БЕССОНОВ. Я уже сказал, что Пятаков вовлек меня в троцкистскую организацию...

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, *согласились* как троцкист[а]?

БЕССОНОВ. Пятаков вовлек меня в троцкистскую организацию, следовательно, я принимал на себя тем самым и определенные обязательства в отношении этой организации. Если мне давалось поручение, в частности, организовать с Троцким связь, то я это поручение выполнял.

ВЫШИНСКИЙ. В то время вам *было* известно [было о том], что троцкистская организация под руководством Пятакова, как представителя Троцкого в СССР и самого Троцкого, ведет уже определенную заговорщическую конспиративную подрывную работу?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Каким образом это вам стало известно и при каких обстоятельствах?

---

[1] Слово зачеркнуто (красный карандаш).

[II] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной линией (простой карандаш) и горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

*БЕССОНОВ. Пятаков, когда он вел со мною один из решительных разговоров [в этой области, он охарактеризовал мне довольно подробно положение внутри СССР] *в этой области, дал мне картину состояния оппозиции внутри СССР,* [I] *[положение,] в котором я сам по вполне понятным причинам, как и большинство работающих за границей, не вполне отчетливо ориентировался.*[II] Он обрисовал это положение [, как я сейчас представляю,] в совершенно ложном *клеветническом* виде, но тем не менее картина, которую он нарисовал, была достаточно выразительной для того, чтобы повлиять на меня определенным образом. Кроме того, сам Пятаков как личность не мог не импонировать мне. Из среды людей, с которыми до сих пор сталкивала меня жизнь, он великолепно ориентировался в европейских делах и импонировал мне [в] *как* хозяйстве*нник*.

Я стал слушать Пятакова со значительно большим вниманием, чем при других обстоятельствах. Я, как и многие другие сотрудники за границей, широко знакомился с иностранной [*антисоветской*] нелегальной, в наших советских условиях, литературой, в частности, с выпускавшимся Троцким бюллетенем. *И, наконец, Пятаков, когда он пришел для того, чтобы меня организовать — [, — на так называемом техническом языке НКВД, —] завербовать, — он дал мне картину состояния оппозиционных сил внутри СССР.*[III] Прежде всего он отметил факт общения троцкистов и зиновьевцев на общей платформе. Он указал далее на то, что предприняты шаги, установлен контакт с правыми, шаги, которые обещают быть очень успешными. Говорилось о фактическом недовольстве среди широких слоев нелегальных объединений троцкистско-зиновьевских организаций, к которым потом предполагалось привлечь и правых, с которыми в действительности контакт был установлен. Пятаков ставил довольно решительно вопрос о том, что идет речь о смене руководства.

ВЫШИНСКИЙ. [Это дальше мы выясним. Сейчас [*меня*] [нас интересует организационный вопрос.] Вы тогда из разговоров с Пятаковым узнали, что существует оформленная организация?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Под чьим руководством [, со слов Пятакова,] эта организация действовала?

БЕССОНОВ. [Действовала организация в целом] Пятаков нисколько [этого] не скрывал, [она] *что организация в целом* руководствовалась [*указаниями*] [директивами][IV] Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ. [Относительно правых, ч] Что конкретно вам говорил Пятаков *относительно правых* и кого он называл?

БЕССОНОВ. Пятаков говорил, что предпринимаются шаги для установления организационного контакта с правыми.

ВЫШИНСКИЙ. С кем именно?

БЕССОНОВ. С Бухариным, Рыковым и Томским.

ВЫШИНСКИЙ. А [относительно того, что] эти последние — Бухарин, Рыков и Томский — со своей стороны делали какие-либо [шаги *для установления контакта*. Вам говорили?] *шаги в этом направлении?*

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш) — правка И.В. Сталина.

[II] * * — рядом на полях две вертикальные линии и знак вопроса (красный карандаш) — правка И.В. Сталина.

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия и знак вопроса (простой карандаш).

[IV] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (простой карандаш).

БЕССОНОВ. [Вы знаете, что д] *До* 1931 г. таких разговоров *я не знаю.* [не было.]

ВЫШИНСКИЙ. А были ли такие разговоры?

БЕССОНОВ. В 1932 г. Пятаков об этом говорил, правда, не останавливался на этом подробно.

ВЫШИНСКИЙ. [Как?] *Что говорил?*

БЕССОНОВ. В 1932 г. Пятаков говорил о том, что контакт установлен.

ВЫШИНСКИЙ. [А] В 1932 г., [о том, что стоит] *следовательно,* задача налаживания такого контакте *удалась?*

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах?

БЕССОНОВ. В 1932 г. я виделся с [ним] *Пятаковым* несколько раз. Он очень длительное время был в Германии по делам торговых переговоров. Я виделся с ним очень часто, и в один из разговоров он мне сказал об этом.

ВЫШИНСКИЙ. [Продолжайте рассказывать дальше.] Словом, троцкистская группа организована под руководством своего центра, к ней примыкают зиновьевцы, и в этот период времени ведутся, по вашим данным, переговоры с бухаринцами?

*БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить у Бухарина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. [Спрашивайте.] *Пожалуйста.*

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, вы [в этой части] можете подтвердить показания Бессонова,*[I] что [1931 г. велись переговоры Вашей группой с *троцкистско*-зиновьевской организацией *[контакты]* о Вашей *антисоветской* работе?] в *этот период ваша группа вела переговоры с зиновьевской организацией о вашей работе?*

БУХАРИН. Я подробно показал в своих показаниях *на* предварительном[у] следстви*и*[ю], что попытки контакта [с] правы*х*[ми,] *с* зиновьевцами, а потом и *с* троцкистами [датировались] *были* и раньше.

*ВЫШИНСКИЙ. [Действительно, в это время в] *В*ы, — *обвиняемый* Бухарин, *а также* Рыков и Томский — вели переговоры с Пятаковым и другими троцкистами об объединенных действиях против советской власти?*[II]

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Я это подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бессонову). [Пожалуйста, п] *П*родолжайте *ваши [показания] объяснения.* [рассказ о развитии вашей троцкистской подпольной деятельности.]

БЕССОНОВ. Пятаков поставил передо мной задачу — организовать систематическую постоянную связь с Троцким.

ВЫШИНСКИЙ. Что же реально вы сделали в этом отношении?

БЕССОНОВ. После нескольких разговоров с ним на эту тему (это было в начале мая 1931 г.) и по его совету, я с рекомендательной запиской Пятакова разыскал в Берлине сына Троцкого — Седова и через него передал первое письмо Пятакова к Троцкому.

ВЫШИНСКИЙ. [Скажите кратко —] *Скажите,* где, когда, в какое время [вы встретились с Седовым] и при какой обстановке вы вручили ему письмо?

БЕССОНОВ. Седов стоял тогда в центре внимания германской, я бы сказал, бульварной прессы, ибо перед этим с его сестрой — дочерью Троц-

---

[I] * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила)

[II] * * — рядом на полях три вертикальные линии (красный карандаш).

кого — произошл*о*[ел] *одно происшествие* [один аксидант], в результате которого германская печать очень много писала о самом Троцком, об его детях и, в частности, о Седове, который в то время учился в Берлинском Политехникуме. Разыскать Седова не представляло для меня никаких трудностей, точно так же как не представляло трудностей разыскать любого человека в Берлине, потому что я располагал в Берлине очень многими связями. [Мне не представляло труда] *Я бы мог* установить связи с Седовым любым [другим] образом, но, по совету Пятакова, для того, чтобы не очень афишировать это дело, [я] воспользовался адресом, который он указал в одной из дневных берлинских газет...

ВЫШИНСКИЙ. ...и по этому адресу?

БЕССОНОВ. ...и по этому адресу в конце мая 1931 г. с рекомендательной запиской Пятакова я разыскал Седова и имел с ним [очень] краткий разговор.

ВЫШИНСКИЙ. Седов вас знал до этого?

БЕССОНОВ. Нет, не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы для него были совершенно новый человек?

БЕССОНОВ. Да, новый человек.

ВЫШИНСКИЙ. Почему же Седов согласился вести с вами, с незнакомым ему человеком, разговор на эту тему?

БЕССОНОВ. Я передал записку Пятакова — этого было достаточно.

ВЫШИНСКИЙ. И после этого?

БЕССОНОВ. После этого он со мной разговаривал довольно подробно по вопросу об организации этой переписки. Он сразу сказал, что речь идет не об одном-двух письмах, которые можно взять для переотправки, а об установлении систематической связи.

ВЫШИНСКИЙ. Чем кончился ваш разговор с Седовым?

БЕССОНОВ. Он считал, что необходимо, если ставить перед собой задачу постоянной связи, выделить специального человека, не столь стоящего на виду, как стоит он, Седов. Через некоторое время, встретившись с Седовым заранее установленным способом — на одном из берлинских вокзалов, я ему передал *письмо* [первое письмо] от Пятакова к Троцкому, которое [он] *Троцкий и* получил и на которое в сравнительно непродолжительное время был получен ответ. Вместе с тем были переданы и первые деньги, которые дал мне Пятаков.

ВЫШИНСКИЙ. Какие деньги?

*БЕССОНОВ. Он дал мне 2.000 *[немецких] марок* [рублей] для передачи Седову специально на расходы, связанные с переотправкой первых писем.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Что это были за деньги?

БЕССОНОВ. Я не [могу] зна*ю*.[ть.] Пятаков располагал довольно большими суммами.

ВЫШИНСКИЙ. [Какие суммы?] Какие это были суммы, ему лично принадлежащие?

БЕССОНОВ. Я думаю, что они не принадлежали Пятакову.

ВЫШИНСКИЙ. А чьи же они были?

БЕССОНОВ. Это были деньги Советского государства, представленные Пятакову как председателю Комиссии по переговорам...

ВЫШИНСКИЙ. Для чего они были предоставлены?

БЕССОНОВ. Я так полагаю, что они были предоставлены для так называемых представительских расходов.

---

[1] * * — рядом на полях перечеркнутые красным карандашом вопросительный знак и вертикальная линия (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. То есть расходов, связанных с его официальной работой?

БЕССОНОВ. Да, конечно, *но* [. Э] эти деньги были использованы для организации первоначальной связи с Троцким.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы можете это квалифицировать, в соответствии с нынешней обстановкой, на языке Уголовного Кодекса. Как можно квалифицировать такое использование чужих средств в преступных целях?

БЕССОНОВ. (Молчит).

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, я вам помогу?

БЕССОНОВ. Я думаю, что вы это сделаете лучше меня. То, что у меня может звучать сейчас неискренне и неубедительно, у вас будет звучать по-настоящему.

ВЫШИНСКИЙ. Выходит так, что Пятаков крал государственные деньги? Воровал их и направлял эти деньги на помощь троцкистской организации? [Так ли это?]

БЕССОНОВ. Да, совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. А вы ему помогали в этом деле?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Он воровал, вы ему помогали, [. Вы получили] *передав от Пятакова* 2.000 марок, [. Продолжайте, что было потом] *принадлежащих Советскому государству?*

БЕССОНОВ. *Да, это так, но* на этом денежные отношения с Седовым кончились, потому что, насколько я помню, в тот период через Седова было отправлено и получено не больше 3-х писем.

ВЫШИНСКИЙ. А вообще денежные отношения [, как вы их называете,] *с троцкистами* на этом кончились?

БЕССОНОВ. Я предпочитаю коснуться этого позже, потому что имею показать по этому вопросу целый ряд фактов. Должен сказать, что, конечно, денежные отношения с троцкистами на этом отнюдь не закончились.

ВЫШИНСКИЙ. Они продолжались и дальше?

БЕССОНОВ. Я бы не сказал, что было прямое финансирование из советских денег...

ВЫШИНСКИЙ. Но что имело место?

БЕССОНОВ. Но имело место использование ситуации, создавшейся в Германии, и советского служебного положения для широкого получения средств на нелегальную троцкистскую работу. Это не подлежит никакому сомнению.

ВЫШИНСКИЙ. [Т.е. и дальше продолжалось ф] Финансирование троцкистской организации за счет интересов Советского государства [?] *продолжалось и дальше?*

БЕССОНОВ. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. [*А как это делалось, вы предпочитаете сказать об этом дальше. Хорошо, я на этом не настаиваю. Это свидание с Седовым у вас ограничилось этим вопросом?*[I] Дальше, пожалуйста.] [*Вернемся к свиданию с Седовым. Как же обстояло дело со связью?] Продолжайте.*[II]

БЕССОНОВ. [Дело в том, что в] *В*о время первого свидания с Седовым он поставил вопрос *о том, чтобы для постоянной связи* [о нецелесообразности такого типа организации связи. И сам он не мог часто покидать Берлин, и его поездки были *бы* заметны, а поэтому предлагалось для постоянной связи] с Троцким выделить специального человека.

ВЫШИНСКИЙ. Это была инициатива Седова?

[I] * * — зачеркнуто (простой и красный карандаши).

[II] Подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

БЕССОНОВ. Да, я говорил об этом с Пятаковым. Он считал это совершенно правильным и вскоре (это было в начале июля или в конце июня 1931 г.) *познакомил меня с инженером Р*а*[е]йхом, в то время работавшим в отделе черной металлургии Берлинского Торгпредства,*[I] человеком, который очень хорошо знал Европу, в частности, европейскую металлургию, бывал в разных странах, говорил на нескольких европейских языках.

ВЫШИНСКИЙ. А главное*?* [был кем?]

БЕССОНОВ. И самое главное, [вы совершенно правы,] с 1923 г. был троцкистом.

ВЫШИНСКИЙ. Вы его до этого момента не знали?

БЕССОНОВ. Я его до этого момента не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Совершенно?

БЕССОНОВ. Совершенно.

ВЫШИНСКИЙ. И не встречались с ним?

БЕССОНОВ. Я видел его иногда в коридорах Торгпредства.

ВЫШИНСКИЙ. Если вы его видели в Торгпредстве, значит, знали?

БЕССОНОВ. Я не знал его фамилии.

*ВЫШИНСКИЙ. Хорошо, но знали этого человека в лицо? Знали, что есть такой Р*а*[е]йх, но не знали его лично?*[II]

БЕССОНОВ. Да, до тех пор, пока меня не познакомил с ним...

ВЫШИНСКИЙ. До тех пор пока вас с ним не познакомил как с троцкистом Пятаков, вы Р*а*[е]йха знали?

БЕССОНОВ. Как сотрудника Торгпредства.

ВЫШИНСКИЙ. Это не был для вас новый человек?

БЕССОНОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы только не знали, что он связан с Троцким?

БЕССОНОВ. [Не[т]*знал.*] *Нет.*

ВЫШИНСКИЙ. И [вот,] вас связал с ним, как с троцкистом, Пятаков.

*БЕССОНОВ. Да. [, Пятаков.]

ВЫШИНСКИЙ. [Ну, это ясно.][III] А когда Р*а*[е]йх стал Иогансоном?

БЕССОНОВ. Р*а*[е]йх заявил, что техника связи представляет собой очень простое несложное дело, *[IV] правда, это требует довольно большого количества денег и большой скромности от человека, который осуществляет эту связь. Но [со стороны] сотрудник*у*[а] советского торгового представительства, который всюду ездит с [красным] советским паспортом, это довольно затруднительно, потому что на каждой границе он будет вызывать специальное внимание [пограничников], и с этой точки зрения нужно найти другого человека, который мог бы [*мог*] осуществлять эту работу по связи таким образом, чтобы курсировать по границе, не возбуждая подозрение.

Тогда [этот вопрос] *об этом* было сообщено Пятакову. [Пятаков сообщил: собственно, отыскать] *Он сказал, что* иностранца *искать* для этой цели нет смысла, а можно Р*а*[е]йха сделать иностранцем. И, действительно, Р*а*[е]йх стал иностранцем, т.е. в 1931 г., я думаю, это было в декабре месяце, Р*а*[е]йху удалось не без помощи троцкистов превратиться в Карла Иогансона.

[I] * * — рядом на полях две перечеркнутые вертикальные линии (простой карандаш).

[II] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

[III] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (простой карандаш).

[IV] * * — рядом на полях две перечеркнутые вертикальные волнистые линии (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. [Как вы сказали?][I] При помощи троцкистов*?* [и их денег?]

БЕССОНОВ. Да, при помощи троцкистов.

ВЫШИНСКИЙ. При помощи троцкистов он получил паспорт?

БЕССОНОВ. Я знаю, что получение паспорта связано с подкупом должностных лиц, [но][II] я не [случайно] исключаю возможности, что это имело место при денежной поддержке троцкистов, потому что мне Пятаков говорил, что это стоит известных денег.[III]

ВЫШИНСКИЙ. Троцкисты достали паспорт?

БЕССОНОВ. [Нет, п] *П*аспорт они достали датской натурализации.

ВЫШИНСКИЙ. Но все это было подложной механикой, на самом деле он не датчанин, в Дании до этого не был?

БЕССОНОВ. Никогда он не был в Дании.

ВЫШИНСКИЙ. Какая же тут натурализация, когда он не был в Дании. [Словом, это было какой-то не совсем скромной операцией.] *[преступление]*

БЕССОНОВ. Паспорт был форменный, настоящий.

ВЫШИНСКИЙ. Но по существу?

БЕССОНОВ. По существу здесь имело место [, прежде всего, существование] двойно*е*[го] гражданство. [а, потому что в течение последнего месяца] *В конце* 1931 г. *или в начале* [и, если не ошибаюсь, первых трех месяцев] 1932 г. [— я не могу восстановить сейчас когда это произошло —] Р*а*[е]йх *будучи* [сделался] советским гражданином, сотрудником торгпредства *сделался, благодаря содействию троцкистов и деньгам, датским гражданином.* Весной 1932 г. он был откомандирован в Москву, но в Москву он не поехал и стал невозвращенцем. И с тех пор я его знаю как Иогансона, [и встречался со мной как датчанин,] который служит для связи между мною и Троцким.

ВЫШИНСКИЙ. Р*а*[е]йх стал датчанином и невозвращенцем. Он был двойником?

БЕССОНОВ. Некоторое время он имел два гражданства, из них одно — *советское гражданство* — было открытое, а [другое тайное] *датское — тайное.*

ВЫШИНСКИЙ. Какое гражданство было открытое?

БЕССОНОВ. Советское гражданство было открытое, а датское — тайное.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, здесь подлог, и, кроме того, невозвращен*чество*[ец], а это измена уже, когда советский гражданин превращается в невозвращенца, этим самым он изменяет свое*й*[му долгу] *родине.*

БЕССОНОВ. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы это знали и этому делу содействовали, так я понимаю?

БЕССОНОВ. Это совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Что же, [этот] *этот* Р*а*[е]йх играл крупную роль в смысле связи по троцкистским делам?

БЕССОНОВ. Безусловно, он играл большую роль.

[Я, собственно, знаю только то] *Я знаю*, что Р*а*[е]йх выполнял поручения Троцкого и по ряду других стран. Я хочу говорить только то, что я знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Нас [не] *и* интересует *не* то, что вы предполагаете, а то, что вы знаете.

[I] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (простой карандаш).

[II] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной линией (простой карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

БЕССОНОВ. *[Я знаю]* [То, что е] *Е*го работа выражалась в систематическом привозе и отвозе корреспонденции. Во-вторых, он организовывал встречи с Троцким или с Седовым, когда это нужно было.

ВЫШИНСКИЙ. Встречи [для вас?] *с вами?*

БЕССОНОВ. Я имею в виду встречу Пятакова в 1932 г. [, которая была *им* организована.] Затем я имею *в виду* встречу Крестинского с Троцким, которая была в октябре 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в октябре 1933 г., при помощи Р*а*[е]йха была организована встреча Крестинского с Троцким?

БЕССОНОВ. Да, была организована встреча *Крестинского* с Троцким.

ВЫШИНСКИЙ. А вам откуда было известно, что Р*а*[е]йх организовал встречу?

БЕССОНОВ. О существовании Р*а*[е]йха, кроме меня и Пятакова, никто не знал.

ВЫШИНСКИЙ. А Крестинский знал о существовании Р*а*[е]йха?

БЕССОНОВ. Он, вероятно, знал.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы так полагаете?

БЕССОНОВ. Крестинский работал в Берлине в качестве полпреда.

ВЫШИНСКИЙ. Р*а*[е]йх был в полпредстве как официальное лицо. Это верно?

БЕССОНОВ. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. Каким образом этот Р*а*[е]йх организо[вы]вал свидани*я*[е] Крестинского с Троцким?

БЕССОНОВ. Я, собственно говоря, технических[е] условий[я] этого свидания не могу рассказать суду, [потому что...] *ибо его не знаю.*

ВЫШИНСКИЙ. А что вы можете *показать* [рассказать]?

БЕССОНОВ. [Я могу рассказать *[показать]* только, что к] *К*огда Крестинский поздним летом 1933 г. приезжал лечиться в Германию, он долгое время оставался в Б*ерлине*. Он имел со мной два раза разговор, который можно было характеризовать как разговор членов троцкистской организации. Первый разговор касался [относительно] *относительно* условий свидания между Троцким и Крестинским.

ВЫШИНСКИЙ. Кто же желал этого свидания: Троцкий или Крестинский?

БЕССОНОВ. Крестинский. Нужно сказать, что это была нелегкая задача в тот период. В этот период Троцкий стал в известной степени в центре европейского внимания, о нем [страшно] много писали в газетах, и в этих условиях организовать свидание было нелегко. [Во всяком случае, я сам за эту задачу не взялся бы.] Я не сомневался, что Иогансон располагает широкими связями, и это дело может без труда устроить. Я вызвал его в Б*ерлин*, и, действительно, через некоторое время он вернулся и сообщил, что свидание может состояться в октябре 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Когда?

БЕССОНОВ. В октябре 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы оказали Крестинскому содействие в организации встречи с Троцким?

БЕССОНОВ. Крестинский знал, что я организовал это дело, но как я организовал это дело, Крестинский не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Технической стороны?

БЕССОНОВ. Да, технической.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, мы можем установить такие факты: первое это то, что [он] *Крестинский* проезжал через Берлин.

БЕССОНОВ. Я думаю, что это было в сентябре или в конце августа 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Куда он ехал?

БЕССОНОВ. В Кисинген.

ВЫШИНСКИЙ. Зачем?

БЕССОНОВ. Он лечился.

[ВЫШИНСКИЙ. После чего вы с ним встретились?]

[БЕССОНОВ.] Он остановился в торгпредстве, и я с ним разговаривал. Дважды мы разговаривали на троцкистские темы.

ВЫШИНСКИЙ. А он говорит, что никогда троцкистом не был. Может быть, он порицал троцкистов. Вы слышали сами *здесь*, [когда] *что* он говорил, что он троцкистом не был. Как это, правильно или нет?

БЕССОНОВ. (Улыбается).

ВЫШИНСКИЙ. Чему вы улыбаетесь?

БЕССОНОВ. Я улыбаюсь, потому что я стою здесь на этом месте, [ибо] потому что Николай Николаевич Крестинский назвал меня как связиста с Троцким.[I] А кроме него и Пятакова никто об этом не знал. *И* если *бы* в декабре 1933 г. Крестинский со мной *не* говорил об этом обстоятельстве, *то* я [если] бы не находился на скамье подсудимых...

ВЫШИНСКИЙ. Так что, вы считаете, *что* вы обязаны ему в этом деле?

[БЕССОНОВ. Как он может утверждать, если...]

[ВЫШИНСКИЙ.] Позвольте спросить подсудимого Крестинского.

Подсудимый Крестинский, вы действительно приезжали в Кисинген в 1933 г. в августе или сентябре?

КРЕСТИНСКИЙ. В начале сентября.

ВЫШИНСКИЙ. Этот факт подтверждаете?

КРЕСТИНСКИЙ. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. С Бессоновым виделись?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Разговаривали?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. О чем? [О погоде?] *О погоде?*

КРЕСТИНСКИЙ. Он был советником полпредства в Берлине, [который] в это время исполнял обязанности поверенного в делах. [и о] *О*н информировал меня о политическом положении в Германии, о настроениях фашистской партии, которая в то время была у власти, об их программе и установке к СССР.

ВЫШИНСКИЙ. А о троцкистских делах?

КРЕСТИНСКИЙ. Мы с ним не говорили. Я троцкистом не был.

ВЫШИНСКИЙ. Никогда не говорили?

КРЕСТИНСКИЙ. Никогда.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Бессонов говорит неправду, а вы говорите правду. Вы всегда говорите правду?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Не всегда.

*[Я задаю вам вопрос, вы отвечаете, а объяснения будете делать тогда, когда позволит суд. Я задал вам вопрос: правду ли говорит Бессонов?]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.] Подсудимый Крестинский, [слушайте вопрос и потрудитесь отвечать.]

[ВЫШИНСКИЙ. Н] *н*ам придется с вами разбираться в серьезных делах и горячиться не нужно.*[II]

[Позвольте вас спросить. С] *с*ледовательно, Бессонов говорит неправду?

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[II] * *— рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы тоже не всегда говорите правду. Верно?

КРЕСТИНСКИЙ. Не всегда говорил правду во время следствия.

ВЫШИНСКИЙ. А [во время не следствия,] в другое время говорите всегда правду?

КРЕСТИНСКИЙ. Правду.

*ВЫШИНСКИЙ. Почему же такое неуважение к следствию, когда ведут следствие, вы говорите неправду. *Объясните.*

(Крестинский молчит).

Ответ*ов*[ы] не слышу. Вопросов не [задаю] *имею.*

[Позвольте к Бессонову.] *[продолжить допрос] Подсудимый Бессонов, когда имели место ваши разговоры с Крестинским?*[I]

[Меня интересует, все-таки, хотя мы допрашиваем вас как обвиняемого, но повторяю, меня интересует Крестинский. Разрешите [вас спросить по поводу] *вопрос о* Крестинск*ом*[го более подробно. Когда имели место разговоры с Крестинским] о троцкистских делах?

БЕССОНОВ. В Берлине был не первый разговор, а второй.

ВЫШИНСКИЙ. А где был первый?

БЕССОНОВ. Первый имел место в Москве, в мае 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах, когда и о чем именно вы говорили с Крестинским в Москве о троцкистских делах?

БЕССОНОВ. [В мае 1933 г., когда я был в Москве, в] *В*ернувшись *в Москву* [вместе] со всей торговой организацией из Англии, *я* был назначен советником полпредства СССР в Германии. [Перед тем как туда поехать и прежде чем] *Прежде чем* принять этот пост, я имел длительную беседу с Пятаковым и Крестинским.

ВЫШИНСКИЙ. Пятаков меня сейчас не интересует, сейчас интересует Крестинский.

ВЫШИНСКИЙ. Где вы разговаривали с ним?

БЕССОНОВ. В кабинете [Николая Николаевича] *Крестинского* в НКИД.

ВЫШИНСКИЙ. О троцкистских делах?

БЕССОНОВ. [Николай Николаевич] *Да, Крестинский* мне сказал, что, [он хорошо представляет меня] на основе рекомендации и разговора Пятакова, [и] *он* считает необходимым со мною говорить совершенно откровенно относительно тех задач, которые стоят передо мною в Берлине. *Он сказал мне, что он уже говорил о моем назначении с немцами, московскими немцами, — имея в виду немецкое посольство в Москве.*[II]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Бессонов[?], *вы не забыли моего предупреждения в начале судебного следствия.*

БЕССОНОВ. То, что я хочу сказать, ни в какой степени, вероятно, не затрагивает чести ни одного из посольств, и что германская сторона довольна моим назначением, потому что я долго работал в Германии, хорошо знаю Германию, и они меня знают, и что с этой точки зрения они довольны тем, что имеют знакомую фигуру.[III] Действительный смысл, конечно, всего этого замечания заключался в том, что очень ярко формулировал раньше, до этого, Пятаков [и] неоднократно *и до этого* говорил мне Крестинский, что моя работа в Германии в течение 1931—1933 гг., безусловно, создала мне как члену троцкистской организации определенную популярность и симпатии среди

[I] * * — рядом на полях вертикальная волнистая линия (простой карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия и два знака вопроса (простой карандаш).

[III] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила)

известных кругов германских промышленников и отчасти германских военных, популярность, которая теперь должна быть использована для новых задач. Эти задачи Крестинский формулировал следующим образом.

ВЫШИНСКИЙ. Коротк*о*[енько только, очень коротенько], потому что, *я думаю, что* об этих задачах будет говорить сам Крестинский позже.

БЕССОНОВ. Если бы совершенно кратко формулировать основные мысли Крестинского и то задание, которое я от него получил, — оно заключалось в том, что я на должности советника Берлинского торгпредства должен в первую очередь и раньше всего приложить все усилия к тому, чтобы задержать и по возможности не допустить нормализации отношений между Советским союзом и Германией на обычном нормальном дипломатическом пути.

ВЫШИНСКИЙ. [Разрешить вопрос Крестинскому?] Подсудимый Крестинский, вы не припомните таких «дипломатических» разговоров с Бессоновым?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, у нас не было таких разговоров.

ВЫШИНСКИЙ. Вообще не было дипломатических разговоров?

КРЕСТИНСКИЙ. Я не совсем расслышал, что говорил Бессонов в последнюю минуту. Здесь плохо слышно.

ВЫШИНСКИЙ. А вы очень близко к нему сидите.

КРЕСТИНСКИЙ. Здесь сзади плохо слышно то, что говорит Бессонов.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите мне просить вас, т. Председатель, пересадить Крестинского поближе к Бессонову, [т.к. мы часто будет его беспокоить,] чтобы он хорошо слышал, а то я опасаюсь, что в наиболее острые моменты Крестинскому будет изменять слух.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так же как сейчас ему изменяет память.]

(Крестинск*ий*[ого] пересажива*ется*[ют] ближе к Бессонову).

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо. Прошу не винить меня.] Я прошу Бессонова специально для Крестинского повторить то, что он сказал, а Крестинского прошу внимательно слушать. [, напрячь свой слух.] *Напрячь свой слух.*

БЕССОНОВ. Я повторяю. [Если бы совершенно кратко формулировать з] Задание, которое я тогда получил от Крестинского, [оно] заключалось в том, чтобы на должность советника Берлинского *полпредства СССР* [торгпредства и полпредства СССР], где я, конечно, располагаю известными возможностями для осуществления этой задачи [,] — должен всеми доступными мне средствами, — само собою разумеется, соблюдая весь дипломатический декорум, — всеми доступными мне средствами помешать, задержать, не допустить нормализации отношений между Советским Союзом и Германией на нормальном дипломатическом пути и тем самым вынудить немцев искать нелегальных, дипломатических, секретных и тайных путей к соглашению [.] *с троцкистской организацией.*

ВЫШИНСКИЙ. Вы слышали это?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. У вас в мае месяце 1933 г. были разговоры с Бессоновым? [Были ли такие разговоры?]

КРЕСТИНСКИЙ. У меня были разговоры с Бессоновым перед его отправлением в Берлин.

ВЫШИНСКИЙ. [Были. О чем? Не помните?] *Были. [?] О чем, не помните?*

КРЕСТИНСКИЙ. Я не помню деталей.

ВЫШИНСКИЙ. Вы деталей не помните, а Бессонов помнит.

КРЕСТИНСКИЙ. Не было ни одного звука о троцкистских установках.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили о том, что он должен делать за границей, или не говорили?

КРЕСТИНСКИЙ. Конечно, *говорил.*

ВЫШИНСКИЙ. Говорили, что он должен делать[.]*?*

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что он должен делать?

КРЕСТИНСКИЙ. Он должен стараться создавать нормальные отношения в тех пределах, в которых это возможно.

ВЫШИНСКИЙ. В каких возможно. А если не возможно*?* [, то не создавать?]

КРЕСТИНСКИЙ. Если не будет удаваться — другое дело, но он должен стараться.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бессонов, правильно говорит Крестинский?

БЕССОНОВ. Совершенно неправильно. Больше того, [Николай Николаевич] *Крестинский* в этом разговоре дал мне подробную организационную директиву, каким образом я должен с ним сноситься в будущем. [Вы хотите установить как?]

ВЫШИНСКИЙ. [В основном да. *Да, каким путем?*]

*[БЕССОНОВ.] Помимо официальных писем, которыми обменивается Германия с НКИД, я должен был состоять в переписке с [Николаем Николаевичем] *Крестинским.*[*I] И если в этой переписке [Николай Николаевич] *Крестинский* оговорится, что он держит*ся* в текущих вопросах советско-германских отношений так*ой*[ую]-то точк*и*[у] зрения, что он советует обождать в этом вопросе официальных директив, то это [практически] означает, что я должен буду действовать [независимо] *в духе его «личной» точки независимо* от того, как*ие* будут официальные директивы.

*И, наконец, *в-третьих,* [в-третьих. Николай Николаевич] *Крестинский* отправлял *[меня]* к своему ближайшему сотруднику по троцкистской линии и по служебной линии Штерну, для того чтобы я мог получить адреса для установления связи с Троцким. [, адреса, которые мне оказались ненужными и бесполезными, но которые говорят о характере и смысле разговоров.]*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Вы слышите, *[обвиняемый Крестинский]*, что [он] *Бессонов* достаточно подробно говорит о ваших разговорах, которые носят далеко не такой характер, который вы им придаете[.]*?* [Как же быть?][III]

КРЕСТИНСКИЙ. Таких разговоров не было, хотя на очной ставке, которая была в январе месяце, я часть разговор*а*[ов] признал. [Я об этом буду говорить отдельно.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы на очной ставке с Бессоновым подтверждали эту часть?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, был такой разговор?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, то, что [заявляет] *говорит* Бессонов, надо понимать [все] наоборот?

*КРЕСТИНСКИЙ. Не всегда.

(В зале смех).

ВЫШИНСКИЙ. *Но* это ваше признание*?* [такое?]

КРЕСТИНСКИЙ. На следствии я несколько раз давал неправильные показания.

[I] * * — рядом на полях две вертикальные волнистые линии (простой карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[III] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили, что «в состав троцкистского центра я формально не входил». Это правда или неправда?*[I]

КРЕСТИНСКИЙ. Я вообще не входил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите, что формально не входили. Что здесь правда, что здесь неправда? Может быть, все правда, или все неправда, или наполовину правда? На сколько процентов, на сколько граммов здесь правды?

КРЕСТИНСКИЙ. Я не входил в состав троцкистского центра, потому что я не был троцкистом.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не были троцкистом?

КРЕСТИНСКИЙ. Не был.

ВЫШИНСКИЙ. Никогда?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, я был троцкистом до 1927 г. [, когда это еще было течение внутри партии, и порвал тогда.][II]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. [УЛЬРИХ. Мне кажется, в] *В* начале *судебного* заседания на мой вопрос вы ответили, что никогда троцкистом не были. Вы это заявили.

КРЕСТИНСКИЙ. Я заявил, что я — не троцкист.

ВЫШИНСКИЙ. Итак, вы до 1927 г. были троцкистом?

КРЕСТИНСКИЙ. Был.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1927 г. вы когда перестали быть троцкистом?* [— в январе, в феврале?]

КРЕСТИНСКИЙ. Перед XV[III] съездом партии[32].

ВЫШИНСКИЙ. Напомните дату.

КРЕСТИНСКИЙ. Я датирую мой разрыв с Троцким и с троцкизмом 27 ноября 1927 г.*[IV], когда я через Серебрякова, возвратившегося из Америки и находившегося в Москве, направил Троцкому резкое письмо с резкой критикой...

*ВЫШИНСКИЙ. [Письма этого у нас нет в деле.] *Письма этого у нас нет в деле.* У нас есть другое письмо — ваше письмо на имя Троцкого. [, а того письма, о котором вы сейчас говорите, в деле нет.]

КРЕСТИНСКИЙ. Письмо, о котором я говорю, находится у судебного следователя, потому что оно изъято у меня при обыске*[V], и я прошу о приобщении этой переписки.

ВЫШИНСКИЙ. В деле есть письмо от 11 июля 1927 г., изъятое у вас при обыске.

КРЕСТИНСКИЙ. Там же есть письмо от 27 ноября...

*[ВЫШИНСКИЙ. Нет такого письма.

КРЕСТИНСКИЙ. Не может не быть...]*[VI]

ВЫШИНСКИЙ. Нет такого письма.

КРЕСТИНСКИЙ. Не может быть...

ВЫШИНСКИЙ. У нас сейчас ведется *судебное* следствие, а ведь вы на следствии не всегда говорите правду. Вы говорили на предварительном следствии, что вы формально не входили в центр. Значит, на предварительном следствии вы признали, что входили вообще, по существу, в троцкистский центр. Вы признавали это на предварительном следствии?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, не признавал.

[I] * * — рядом на полях две вертикальные волнистые линии (простой карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная волнистая линия (простой карандаш).

[III] Вписано красным карандашом.

[IV] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синий, красный карандаш).

[V] * * — рядом на полях две вертикальные волнистые линии (простой карандаш).

[VI] * * — рядом на полях вертикальная волнистая линия (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. В ваших показаниях (листы дела 9 и 10) вы *по*[с]казали: «Формально не входил...» Значит, можно понимать так, что не формально входили. Верно?

КРЕСТИНСКИЙ. Я не входил вообще в состав троцкистского центра.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы дали неправильные показания?

КРЕСТИНСКИЙ. [Нет, я] *Я* же заявил, что эти мои показания не соответствуют действительности.

ВЫШИНСКИЙ. А [вчера, когда вас допрашивали, вы заявили, что они соответствуют действительности. К] *к*огда я вас допрашивал на предварительном следствии, вы мне говорили правду?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы мне говорили неправду? Я вас просил говорить неправду?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Просил я вас говорить правду?

КРЕСТИНСКИЙ. Просил.

ВЫШИНСКИЙ. Почему же, когда я вас прошу говорить правду, вы все-таки говорите неправду и заставляете следователя писать это, потом подписываете? Почему?

*КРЕСТИНСКИЙ. Я дал прежде, до вас, на предварительном следствии неправильные показания. [, дал их не добровольно...] *[дал их не добровольно...]**[I]

ВЫШИНСКИЙ. ...и потом держались?

КРЕСТИНСКИЙ. ...и потом держался, потому что на опыте своем личном пришел к убеждению, что до судебного заседания, если таковое будет, мне не удастся опорочить эти мои показания.

ВЫШИНСКИЙ. А теперь вы думаете, что вам их удалось опорочить?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, не это важно. Важно то, что я заявляю, что не признаю себя троцкистом. Я не троцкист [и я не могу...]

ВЫШИНСКИЙ. Вы [писали] *сообщали,* что вы находились на особо конспиративном положении. Что это значит — «особо конспиративное положение»?

КРЕСТИНСКИЙ. Вы же знаете...

*ВЫШИНСКИЙ. Вы меня в качестве свидетеля не привлекайте к этому делу... *[II] Я вас спрашиваю, что значит — на особо конспиративном положении?

КРЕСТИНСКИЙ. Это было сказано в моем показании...

ВЫШИНСКИЙ. Вы не хотите отвечать на мои вопросы.

КРЕСТИНСКИЙ. Эта фраза о том, что я нахожусь на особо конспиративном положении, есть в моем показании от 5 или 9 июня, которое от начала до конца является неправильным.

ВЫШИНСКИЙ. Я не об этом вас спрашиваю, поэтому прошу не спешить с ответами. Я спрашиваю, что значит — нахожусь на особо конспиративном положении.

КРЕСТИНСКИЙ. Это не соответствует действительности.

ВЫШИНСКИЙ. Это мы потом будем выяснять. Я хочу понять смысл этого заявления о том, что вы находитесь на особо конспиративном положении.

КРЕСТИНСКИЙ. Если бы это соответствовало действительности, то это означало бы, что я, будучи действительно троцкистом, принимаю все меры для того, чтобы скрыть свою принадлежность к троцкизму.

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная волнистая линия (простой карандаш).

*ВЫШИНСКИЙ. [Прекрасно.] *Прекрасно.* А чтобы[I] скрыть, надо *отрицать свой троцкизм*, [заявлять, что я не троцкист.]

КРЕСТИНСКИЙ. Да.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Сейчас вы заявляете, что вы не троцкист. Не для того ли, чтобы скрыть, что вы троцкист?

КРЕСТИНСКИЙ. [(Молчит).] *(После молчания).* Нет, я заявляю, что я не троцкист.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к суду). Можно спросить *обвиняемого* Розенгольца? Обвиняемый Розенгольц, вы слышали этот диалог?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы считаете, Крестинский был троцкистом?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Он троцкист.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Крестинский, прошу слушать, потом вы будете заявлять, что не слышали.

КРЕСТИНСКИЙ. Мне стало нехорошо.

ВЫШИНСКИЙ. Если обвиняемый заявляет, что ему нехорошо, я не имею права его допрашивать.

КРЕСТИНСКИЙ. Мне нужно только принять таблетку, и я могу продолжать.

ВЫШИНСКИЙ. Вы просите вас пока не допрашивать?

КРЕСТИНСКИЙ. Несколько минут.

ВЫШИНСКИЙ. А вы можете слушать, как я буду допрашивать других?

КРЕСТИНСКИЙ. Могу.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Розенгольц, какие у вас данные *[того]*, что Крестинский троцкист и, следовательно, он говорит здесь неправду? [Есть у вас такие данные?]

РОЗЕНГОЛЬЦ. Это подтверждается теми переговорами, которые были у меня с ним как троцкистом.

ВЫШИНСКИЙ. Когда были эти переговоры?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Эти переговоры были начиная с 1929 г.

ВЫШИНСКИЙ. До какого года?

РОЗЕНГОЛЬЦ. До последнего периода.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е.?

РОЗЕНГОЛЬЦ. До 1937 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, переговоры велись с 1929 г. до 1937 г., 8 лет вы «переговаривались» с ним как с троцкистом? Правильно я вас понимаю?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Позвольте спросить подсудимого Гринько?] Обвиняемый Гринько, *что* вам [не]известно [ничего] о Крестинском как о троцкисте?

ГРИНЬКО. Известно.

ВЫШИНСКИЙ. Что же вам известно?

ГРИНЬКО. Я в своей заговорщической работе имел с Крестинским связь как с заговорщиком-троцкистом, как с членом право-троцкистского заговорщического центра по вопросам весьма серьезного свойства, о которых я должен буду давать показания.

ВЫШИНСКИЙ. Кратко можете сказать, по каким вопросам. По вопросам поддержки Советской власти или борьбы с ней?

ГРИНЬКО. По вопросам борьбы с Советской властью, установления связи с враждебными Советской власти иностранными государствами.

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] * * — рядом на полях две вертикальные волнистые линии и галочка (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. А вам неизвестно, был ли Крестинский связан с другими [государствами, с] *иностранными* разведками?

ГРИНЬКО. Он помог мне установить [мою] связь с одной из иностранных разведок.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Крестинский вам помог установить связь с иностранной разведкой. Вы слышите это, обвиняемый Крестинский? Это правда?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А вы дали показания, что это правда.

КРЕСТИНСКИЙ. О том, что я помог Гринько установить связь?

ВЫШИНСКИЙ. Больше того, что вы сами были иностранным разведчиком.

ГРИНЬКО. У меня есть еще один факт, о котором я хочу здесь сказать. Это то, что я [как Наркомфин]...

[ВЫШИНСКИЙ. Как бывший Наркомфин...]

[ГРИНЬКО. Да,] помогал Крестинскому, как бывшему заместителю Наркоминдела, использовать те валютные средства, которые накапливались в курсовых разницах за границей, и которые нужны были ему для целей финансирования троцкистов.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, [пожалуйста,] *пожалуйста*, не было случая, чтобы Крестинский просил вас не производить ревизию валютного фонда?

ГРИНЬКО. Об этом я и говорю.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Крестинский, у вас был валютный фонд.

КРЕСТИНСКИЙ. Да, был.

ВЫШИНСКИЙ. Вы [не] просили Гринько, бывшего Наркомфина, не ревизовать этот фонд?

КРЕСТИНСКИЙ. Не просил.

ВЫШИНСКИЙ. А он ревизовал?

КРЕСТИНСКИЙ. Не лично он, а его аппарат.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Гринько, вы ревизовали?

ГРИНЬКО. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А вот Гринько говорит нет. Вы его ревизовали.

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, я не ревизовал его.

ВЫШИНСКИЙ. А кто же ревизовал?

КРЕСТИНСКИЙ. Аппарат Наркомфина.

ВЫШИНСКИЙ. Назовите кто?

КРЕСТИНСКИЙ. Я знаю, что каждый год производилась ревизия.

ВЫШИНСКИЙ. [Не в этом сейчас дело. Вы не помните к] *К*то именно, по поручению Гринько, бывшего Наркомфина, ревизовал ваш фонд?

КРЕСТИНСКИЙ. Работники Наркомфина, ведающие валютой.

ВЫШИНСКИЙ. Кто?

КРЕСТИНСКИЙ. Там Каган, Мартинсон. Каждый год при обсуждении сметы проверялись наши расходы за предыдущий год.

ВЫШИНСКИЙ. Гринько, правильно это?

ГРИНЬКО. Нет, это неправильно, Крестинский говорит не о том, о чем я говорю. Конечно, когда рассматривалась официальная валютная смета Наркомфина на очередной год, то проверялись расходы предшествующего года. Я говорю не об этой смете, а говорю о том, что благодаря колебаниям валютного курса в разных странах в распоряжении Наркоминдела накапливались средства от валютной разницы.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно это?

КРЕСТИНСКИЙ. В распоряжении Наркоминдела не накапливались, но у отдельных полпредств получались суммы.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, накапливались.

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, не накапливались. Мы переводили меньше валюты.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, правильно говорит Гринько.

*КРЕСТИНСКИЙ. Нет, дается неправильная картина положения вещей. Дело [происходило] *было* в следующем: отпускалась известная сумма. Если бы полпредство производило размен валюты по официальному курсу, то он за свою валюту получил бы большую сумму, если бы по неофициальному курсу, то надо было бы перевести меньше денег. Мы переводили меньше денег, а остальное оставалось у Гринько.*[I]

ВЫШИНСКИЙ. Вы Гринько, как бывшего Наркомфина, просили не ревизовать ваш валютный фонд.

КРЕСТИНСКИЙ. [Нет, я н] *Не* просил.

ВЫШИНСКИЙ. [А Гринько [?] *утверждает иное.*] *А что вы скажете, Гринько?*

ГРИНЬКО. Я подтверждаю, что он просил, и я эту просьбу выполнил.

*ВЫШИНСКИЙ. [Разрешите перейти] *Перейдем* теперь к Бессонову. [Давайте говорить насчет Мерана.] Что это за встреча в Меране, кого с кем?*[II]

БЕССОНОВ. Я показывал, что в начале сентября 1933 г., проезжая через Берлин, [где должен был лечиться,] Крестинский попросил меня устроить свидание ему с Троцким. Причем после предварительного обсуждения вопроса о том, где это свидание устроить, мы оба пришли к единодушному выводу, что это свидание нельзя устроить ни во Франции, ни в Германии. Тогда Крестинский предложил место свидания в Италии, в бывшем австрийском, *а теперь итальянском* курорте в Меране, [—] *в* Тироле. Я вызвал Иогансона, который мог организовать эту встречу, дал ему соответствующее задание и через некоторое время получил от него уведомление, что, несмотря на трудности, поездка Троцкого в Меран может иметь место. И потом я узнал от Иогансона, что свидание *Крестинского* [Николая Николаевича Крестинского] с Троцким в Меране состоялось.

Николай Николаевич предполагал, что я должен приехать в это время, но приехать я не мог, и поэтому я на этой встрече не участвовал и знаю из рассказов самого Николая Николаевича и Иогансона, который организовал эту встречу.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Крестинский, в Меране вы были?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, был.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

КРЕСТИНСКИЙ. В 1933 г., в октябре месяце.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы были тогда, как об этом говорит Бессонов?

КРЕСТИНСКИЙ. Это правильно.

ВЫШИНСКИЙ. [Правильно.] *Правильно.* Место сходится?

КРЕСТИНСКИЙ. Сходится.

ВЫШИНСКИЙ. Месяц сходится?

КРЕСТИНСКИЙ. Сходится.

ВЫШИНСКИЙ. День сходится?

*КРЕСТИНСКИЙ. Сходится. Я был для проведения [курорта] *[нахкур] лечения и никого из троцкистов не видел.*

ВЫШИНСКИЙ. С кем вы проводили этот нахкур?*[III]

I * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

II * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

III * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

*КРЕСТИНСКИЙ. Я проводил вместе с женой и никого из троцкистов не видел. [Когда проезжал *Троцкий* из Рима, он был у меня.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Бессонов неправ, а вы говорите правду?*[I]

КРЕСТИНСКИЙ. Да, он неправ. Он повторяет мои показания, которые являются неправильными.

ВЫШИНСКИЙ. Когда мы на предварительном следствии спрашивали у вас, как вы говорили по этому поводу?

КРЕСТИНСКИЙ. Давая показания, я не опровергал ни одного из своих прежних показаний, которые я сознательно подтверждал.

ВЫШИНСКИЙ. Сознательно [не] подтверждали. Вы вводили прокуратуру в заблуждение. Так или нет?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Зачем вам меня нужно было вводить в заблуждение?

КРЕСТИНСКИЙ. Я просто считал, что если я расскажу то, что я сегодня говорю, что это не соответствует действительности, что это мое заявление *не* дойдет [и] до руководителей партии и правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Но ведь протокол вы подписывали?

КРЕСТИНСКИЙ. Подписывал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы помните, что я вам прямо поставил вопрос, нет ли у вас какого-либо заявления или претензии следствию. Было так?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, было.

ВЫШИНСКИЙ. Вы мне ответили?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

*ВЫШИНСКИЙ. Я спрашивал, есть ли у вас претензии или нет.

КРЕСТИНСКИЙ. *Да, и я ответил, что* претензии [есть] *нет*.*[II]

*[ВЫШИНСКИЙ. Если спрашивают, есть ли претензии, то вам надо было сказать, что есть.]

[КРЕСТИНСКИЙ. Есть в том смысле, что я не добровольно говорил.]*[III]

*[ВЫШИНСКИЙ. Разрешите еще вопрос.]

[КРЕСТИНСКИЙ. Пожалуйста.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вашего согласия не требуется.]

[КРЕСТИНСКИЙ. Извиняюсь.]*[IV]

ВЫШИНСКИЙ. [Разрешите пояснить.] Я зачту ответ, который вы дали следователю Шейнину на заданный вам вопрос. Ответ Крестинского (л. 103): Никаких претензий к следствию я не имею.

КРЕСТИНСКИЙ. Я подтверждаю это.

ВЫШИНСКИЙ. Подтверждаете?

БЕССОНОВ. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. У меня нет больше вопросов. У меня есть вопрос Бессонову.

Обвиняемый Бессонов, почему вы говорите факты, которые отрицает и оспаривает Крестинский?

БЕССОНОВ. Я не знаю других фактов.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, вы что-нибудь путаете. Может быть, там был не Крестинский, а кто-нибудь другой?

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш)

[II] * * — рядом на полях две вертикальные волнистые линии (простой карандаш).

[III] * * — текст восстановлен — зачеркнут (простой карандша), зачеркивание снято, рядом на полях вертикальная линия и помета: «*Печатать*» (красный карандаш). Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[IV] * — зачеркнуто (простой и красный карандаш). Вероятно, правка красным карандашом И В Сталина.

БЕССОНОВ. Нет, у меня с [Николаем Николаевичем] *Крестинским* был еще целый ряд других разговоров.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, у вас в тот период времени отношения с Крестинским были хорошие, дружественные, или плохие?

БЕССОНОВ. Я бы не назвал мои отношения с Крестинским очень хорошими, но я бы сказал все же, это были отношения просто хорошие.

ВЫШИНСКИЙ. Можно спросить обвиняемого Крестинского.[I]

Обвиняемый Крестинский, какие у вас отношение с Бессоновым? Плохие или хорошие.

БЕССОНОВ. Хорошие.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить Розенгольца.

Обвиняемый Розенгольц, какие у вас отношения были с Крестинским? Хорошие?

РОЗЕНГОЛЬЦ. У меня с ним никаких разногласий не было.

*ВЫШИНСКИЙ. В какой области?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Ни в какой области. Во всех областях была полная согласованность.

ВЫШИНСКИЙ. И в том числе по подпольной работе. Позвольте спросить у Крестинского.

Обвиняемый Крестинский, какие у вас были отношения с Розенгольцем?*[II]

КРЕСТИНСКИЙ. У нас были не плохие отношения. У нас были разногласия по вопросам внешней политики.

ВЫШИНСКИЙ. Отношения с Розенгольцем у вас были хорошие или плохие?

КРЕСТИНСКИЙ. Не плохие.

ВЫШИНСКИЙ. Не плохие, это значит хорошие?

КРЕСТИНСКИЙ. Хорошие.

ВЫШИНСКИЙ. С Гринько у вас какие отношения были? Позвольте спросить обвиняемого Гринько.

Обвиняемый Гринько, какие у вас были отношения с Крестинским?

ГРИНЬКО. Я считаю, что хорошие.

ВЫШИНСКИЙ. А вы как считаете, обвиняемый Крестинский?

КРЕСТИНСКИЙ. Хорошие.

ВЫШИНСКИЙ. И вот три человека с хорошим отношением к вам, *подсудимый Крестинский,* говорят то, чего не было?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте *продолжать допрос* Бессонова.

Обвиняемый Бессонов, о чем у вас были разговоры с Крестинским в последующее время?

БЕССОНОВ. В том же 1933 г. у меня был разговор с ним относительно того положения, которое создалось в германских промышленных кругах в связи с известным ослаблением советских заказов в Германии. Я [им] говорил, что среди германских промышленников существует известн*ое*[ая недоверчивость и] разочарование ходом развития советско-германских хозяйс-

---

[I] Здесь стоит знак сноски (простой карандаш), зачеркнут (красный карандаш), а рядом на полях помета (простой карандаш), перечеркнутая несколькими горизонтальными линиями (красный карандаш): «*Далее тов. Вышинский спрашивает подсудимых Розенгольца и Гринько, которые заявляют, подтверждает и сам Крестинский, что у них отношения были хорошие*». Вероятно, правка красным карандашом И.В. Сталина.

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

твенных отношений. Крестинский в этой связи еще более резко подчеркнул, чем это было сделано в мае месяце, [формулируя] передо мною [ту] задачу [, которая стояла передо мной как перед дипломатическим работником. Он заявил, что эта задача состоит в том, чтобы] показать немецким промышленникам, что никакие серьезные и большие сношения с Советским Союзом невозможны, покуда у власти в Советском Союзе теперешнее руководство. Чем в большей степени будут разочаровываться германские промышленники и военные круги в возможности нормализации отношений с Советским Союзом, хотя бы дипломатических, тем в большей степени и более решительно они будут идти на сговор с [оппозиционными] группами, борющимися с советской властью. *Он подчеркнул мне, что задача очень дружная*[1], но он сказал мне, — на то вы и дипломатический работник. Правда, в то время я был молодым дипломатом, но задачу, которую он поставил передо мной, я исполнил.

[И, наконец, перед тем же проездом Николая Николаевича] *Во время проезда Крестинского* через Берлин он касался того зондажа, который в то время в наших кругах произвел руководитель внешнего политического отдела национал-социалистической партии Германии Розенберг, по вопросу о возможности тайного соглашения между национал-социалистами в Германии и русскими троцкистами, в частности, и, прежде всего, по вопросу о сырьевой базе для Германии. И в этой связи по вопросу об Украине. Этот *зондаж* [вопрос имел место не со мной, но с другим сотрудником полпредства. Он] стал [мне] известен *мне* [непосредственно] через Крестинского. Крестинский вызвал меня в день отъезда в Кисинген, он был очень взволнован этим сообщением, советовался со мной, что делать. И в этой связи подчеркнул, что зондаж, сделанный Розенбергом, [который] имел в виду именно пребывание Крестинского в Берлине. И Розенбергу и другим германским деятелям физиономия [Николая Николаевича] Крестинского была достаточно известна. [, о том, что он принадлежит к оппозиции в СССР, это известно далеко за пределами Советского Союза.] Поэтому это сообщение имело совершенно определенный политический смысл. В этой связи [Николай Николаевич] *Крестинский* просил меня ускорить решение вопроса о его свидании с Троцким, потому что ему казалось целесообразным по *такому* [этому] важному вопросу получить директивы. Таким образом, вот те три разговора или основные три темы, которые развивались во время пребывания Николая Николаевича в Берлине в сентябре 1933 г.; на обратном пути из Мерана я его не видел, а видел только в следующем году, и, собственно говоря, тогда актуальной какой-то информации, которую он мог бы сообщить мне о разговоре с Троцким, не было, но все же я узнал, что разговор в основном сводился, прежде всего, к апробации той линии, которая наметилась уже, по-видимому, раньше и о которой Николай Николаевич в общих чертах говорил мне еще при моем отправлении в Берлин в мае 1933 г., т.е. за несколько месяцев до этого, и кроме всех тех моментов, о которых я уже говорил и узнал от Пятакова, содержался еще тот момент, что у него, Николая Николаевича Крестинского, и затем у другого, о котором он говорил как «мы», сейчас нащупывался и устанавливался определенный контакт с военными кругами Советского Союза, и в этой связи он называл фамилии Тухачевского и Уборевича, что потом, по его собственной информации, было подтверждено в Меране.

Второй момент этого Меранского свидания, который мне известен и который тоже представляет не что иное, как развитие тактики, которая раньше

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синий карандаш).

ше была и которая наметилась в конкретных переговорах в 1931 г., это достижение особого специального соглашения оппозиционных групп в Советском Союзе в борьбе за власть с иностранными государствами, которые могли бы им в этом деле помочь, причем объектом для этого соглашения была национал-социалистическая партия в Германии, причем не в ее официальном выражении, а в иных кругах, о чем бы я сейчас не считал необходимым специально останавливаться, потому что это увело меня бы далеко от вопроса, поставленного вами.

Повторяю, в развитие этой самой тактики имелось установление в Меранских переговорах Николая Николаевича Крестинского с Троцким, *в первом варианте наиболее отчетлива[о] и ярка[о] формулировка пораженческой тактики*[I], хотя, по сути дела, и на очной ставке с Крестинским я так и говорил, что, по существу говоря, пораженческая тактика получалась уже и тогда, когда он заключал торговое соглашение, *которое проводилось, когда он работал в Германии [в качестве[II] тор] *пол*преда, проводилась Пятаковым при его экономических переговорах*[III] и теперь намечалась в качестве основной тактики.

[Таким образом, таков целый р] *Р*яд моментов переговоров [Николая Николаевича] *Крестинского* с Троцким в Меране [, которые] мне известны [с] *по* информации самого [Николая Николаевича] *Крестинского.* [, потому что и] *И*нформация Иогансена подтверждала это свидание, и насколько я понял из разговоров Иогансена, *свидание это произошло в Меране в отеле «Мерангоф» [?]*[IV], название я точно не помню. Не нужно забывать, что это было время в октябре месяце, когда в Меране господствует так называемый виноградный сезон, и что в это время для лиц, едущих в Меран для проведения виноградного сезона и обратно, возможности проезда облегчены, а я вполне допускаю, что это Троцкому могло вполне удастся, несмотря на то, что Троцкому исчезнуть из Франции в этот период времени было до крайности трудно.

ВЫШИНСКИЙ. [[Дальше.] *Теперь* перейдите, *пожалуйста,* к рассказу, к сообщению] *Расскажите* о [В] *в*ашей троцкистской подпольной деятельности непосредственно в последующие пери*о*ды.

БЕССОНОВ. Я хотел бы закончить [, чтобы потом не возвращаться к вопросу] об организации пункта связи. Пункт связи организован в 1931 г., существовал до 1937 г. и, как Берлинский пункт связи, исчез вместе с моим отъездом из Берлина в Советский Союз в феврале месяце 1937 г. [Последний раз я видел связиста Иогансона, и он мне рассказал, что переезжает в Париж и будет использован по другим заданиям.]

За это время было получено и отправлено от Троцкого большое количество писем. Я не могу сейчас вспомнить, какое количество, но, во всяком случае, речь шла о 6—7 директивах — письмах в обе стороны в год. Кроме этого был целый ряд писем, которые посылались дипломатической почтой. [, которые не брались иной] Кроме того, существовали письма, которые пересылались дипломатической почтой на иностранных бланках, главным образом, германской и берлинской фирм, которые на деловом языке сообщали очередные, наиболее срочные, сведения. [, сведения, о существе которых я не имел возможности разобраться и дать поэтому подробные показания, может быть, потому что я был недостаточно информирован у Троцкого о работе

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[II] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (простой карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

внутри Советского Союза.] Задача этого пункта связи заключалась в том, чтобы организовать личны*е*[ую] встреч*и*.[у, помимо той встречи, о которой я рассказывал, встречу Николая Николаевича с Троцким в Меране в 1933 г. Иогансон был встречен в июле месяце 1934 г. в Париже. Наконец,] Иогансон был тем самым лицом, который вместе с Пятаковым совершал поездку в Осло, и об имени которого *он умолчал, когда давал показания на Военной Коллегии в январе [месяце] 193*7*[8] г.[33] *[1]

ВЫШИНСКИЙ. От кого вам известно, что Иогансон организовывал Пятакову поездку и свидание с Троцким в Осло?

БЕССОНОВ. От самого Пятакова и Иогансона.

ВЫШИНСКИЙ. От самого Пятакова и Иогансона. Продолжайте.

БЕССОНОВ. Наконец, мне в 1932 г. была известна встреча с Седовым. Я не считал возможным затрагивать эту тему в разговоре о значении этого берлинского пункта связи в целом ряде встреч, но я не буду об этом говорить, потому что я не знаю этого. Я мог бы еще сказать, что с помощью Иогансона и при помощи Иогансона был организован контакт и установлено условие предварительного соглашения между троцкистами и трудовой крестьянской партией, возглавлявшейся Масловым, находившимся в Праге[34]. Я об этом смогу дать более подробные показания, потому что я принимал в этих переговорах непосредственное участие.

ВЫШИНСКИЙ. [Рассказывая *о* встрече[у] с троцкистами в 1934 г., вы только рассказали о встрече Маслова в Париже. Расскажите про эту встречу] *Расскажите про встречу с Троцким в Париже в 1934 г.*, что именно вам поручил Троцкий и что вы сделали во исполнение этого поручения?

БЕССОНОВ. [После событий, происшедших 30 июня 1934 г. в Германии[35], событий, которые означали очень крупные перемещения, вы сами это понимаете...]

[ВЫШИНСКИЙ. Мы понимаем и знаем, что это за события. По существу вопроса рассказывайте.]

[БЕССОНОВ.] Я получил через Иогансона короткое письмо-записку от Троцкого, в котором он *писал об* [хочет] организ*ации*[овать] свидани*я*[е] с одним из троцкистов, имеющихся в Германии, для информации о событиях в Германии 30 июня. Я был единственным человеком, который мог туда поехать. В конце июля 193*4*[3] г. я приехал в Париж дневным поездом и уехал оттуда тоже [с] дневным поездом. Весь разговор [продолжался] *происходил* в одной из гостиниц, в которой всегда останавливался Иогансон. [Собственно говоря, разговор мог бы продолжаться и дальше, но прерван он был не мною, а Троцким — Троцкий не мог оставаться дальше на этом разговоре. Я никогда раньше не знал Троцкого, никогда не видел его, так что меня ввел к Троцкому Иогансон.] Троцкий сказал, что он очень хорошо знает меня по письмам Пятакова и по рассказам Н.Н. Крестинского. [Вместе с тем Иогансон имеет постоянный контакт с Советским Союзом через меня. Он расспрашивал о том положении, которое сложилось в Германии в результате событий 30 июня 1934 г. Мне нет надобности излагать здесь то понимание событий, которое я тогда изложил Троцкому...]

ВЫШИНСКИЙ. [Это не существенно.] Что вы говорили с Троцким по поводу ваших троцкистских подпольных задач?

[БЕССОНОВ. Сокращая свое изложение, я должен сказать, что формулировка Троцкого, в отличие от моего собственного понимания и от понимания Н.Н. Крестинского, заключалась в том, что события 30 июня 1934 г.

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила)

отнюдь не означали свертывания аппарата национал-социалистической партии в Германии, а наоборот, означали усиление этой партии...]

[ВЫШИНСКИЙ. Что говорил Троцкий о [вашей] троцкистской деятельности?]

[БЕССОНОВ. Я к этому и иду прямо...]

[ВЫШИНСКИЙ. Не вижу, чтобы это было прямо.]

[БЕССОНОВ. ...и что усиление этого аппарата будет совершаться за счет его отодвигания на вторые позиции, что должно неизбежно сопутствовать тому, что этот аппарат националистической партии, руководимой, в частности, Гессом в Мюнхене, с тем большей энергией будет искать и развивать свою собственную неофициальную деятельность, и в этой связи им поставлена задача перед его сторонниками,] *Он поставил задачу перед своими сторонниками,* работающими на дипломатическом поприще [, во-первых,] о взятии линии на саботаж официальных соглашений, [с тем,] чтобы стимулировать интерес немцев к неофициальным [соглашениям][1] *с оппозиционными группировками.* [Он считал, что чем не удачнее будет официальная политика, тем в большей степени будет стремиться националистическая партия установить неофициальный контакт с оппозиционными группировками.] «Они еще придут к нам», — говорил Троцкий, имея в виду Гесса и Розенберга. [Тут наметилась, прежде всего, исходная база для их переговоров впоследствии.] Он говорил, что нам в этом вопросе стесняться нечего, что нам, может быть, обеспечена, действительно, серьезная, настоящая помощь со стороны Гесса и Розенберга. Мы не должны, — говорил он, — останавливаться перед тем, чтобы пойти на широкие территориальные уступки.

ВЫШИНСКИЙ. Именно?

БЕССОНОВ. Мы пойдем на уступку Украины, — говорил Троцкий, — учтите это в своей работе и в своих разговорах с немцами, и я напишу об этом еще и Пятакову и Крестинскому. Дальше он остановился на вопросах, связанных с работой троцкистских организаций в Советском Союзе, и при этом с особенной силой подчеркнул, [вопрос относительно пораженческой тактики,] что в обстановке назревающей неизбежной войны единственно возможной формой прихода троцкистов к власти является поражение [руководства] Советского Союза в этой войне... [и что в этой связи всякая иная постановка вопроса, кроме постановки пораженческой, была бы совершенно неправильной.]

Затем он остановился на вопросе о методах работы троцкистских организаций в Советском Союзе, с особой силой подчеркнув вопрос о необходимости обострения самых крайних террористических методов борьбы. Здесь он сказал как раз те слова, которые приведены в обвинительном заключении и сегодня здесь зачитаны, слова о том, что было бы, конечно, непростительным жеманством, если бы мы, его сторонники в Советском Союзе, не перешли сейчас к прямому уничтожению и устранению Сталина и всех его ближайших сторонников.

Неожиданно для меня он остановился в этой связи на Максиме Горьком, характеризуя роль Максима Горького как совершенно исключительную в смысле его влияния не только в Советском Союзе, но, прежде всего и раньше всего, за границей, указывая на его чрезвычайную близость к Сталину и на то, что высказывания Максима Горького самым определенным образом отталкивают многих сторонников Троцкого из европейской интеллигенции от него,

---

[1] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (простой карандаш).

приближая их к позиции руководства партии. И в этой связи он пришел к выводу и прямо мне сказал о необходимости устранить Горького, сказал те самые слова, которые здесь приводились о необходимости физического уничтожения Горького во что бы то ни стало. Такая была директива.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ее передали?

БЕССОНОВ. Да. Вскоре после этого, осенью 1934 г. я был в Москве и подробно рассказал об этом разговоре Пятакову.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

БЕССОНОВ. На этом, собственно говоря, кончается все то, что я могу сказать о своем свидании с Троцким в 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ. После 1934 г. вы с кем-нибудь на руководителей подпольной троцкистской организации имели свидания, встречи, разговоры?

БЕССОНОВ. Да, я каждый год встречался с Пятаковым вплоть до того года, когда его арестовали. Осенью 1936 г. я его уже не видел. Каждый раз, когда я приезжал в Москву, я встречался с Николаем Николаевичем Крестинским и, в частности, виделся с ним осенью 1936 г. уже после ареста Пятакова.

ВЫШИНСКИЙ. О чем же вы [имели] *вели* беседу после ареста Пятакова?

БЕССОНОВ. [Это было в] *В* самом конце сентября или в первых числах октября 1936 г. [перед моим отъездом в Берлин. Николай Николаевич] *я встречался с Крестинским в Москве. Крестинский* очень взволнованный сообщил мне о том, что дела у троцкистского центра обстоят очень неважно, что имеется целый ряд провалов, что арестованы Пятаков, Радек и целый ряд других, что не исключена возможность его собственного ареста и что он просит меня, при моем возвращении в Берлин, немедленно отправить об этом письменное сообщение Троцкому. *Он говорил,* что придется, в случае его ареста, передать все организационные связи Карахану, хотя он не представляет себе, как это конкретно можно сделать[. Затем, что касается политической стороны этого разговора], он просил меня даже два раза повторить, правильно ли я его понял, что положение, сложившееся у троцкистов в Советском Союзе к осени 1936 г., нужно характеризовать как исключительно тяжелое и что соглашение, достигнутое троцкистами с германской национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей приход троцкистов к власти, должно быть форсировано во что бы то ни стало.

По приезде в Берлин я очень подробно изложил Троцкому об этом, получил от него на письмо ответ, который я направил Крестинскому. *Затем, это было в декабре *1936 г.,* может быть, в самом начале января 1937 г., [вернее, в декабре 1936 г.][I], я получил от [Николая Николаевича] Крестинского еще письмо для Троцкого, которое я видел, но не вполне в нем разобрался, потому что оно было написано условным языком.*[II] [По-моему в нем было отступление от директивы, которую он мне дал в октябре 1936 г., когда я уезжал в Берлин.][III]

ВЫШИНСКИЙ. Это [было] письмо было кем, кому, когда написано?

БЕССОНОВ. Это письмо было написано в декабре 1936 г. [Николаем Николаевичем] Крестинским Троцкому, которое мною было передано.

ВЫШИНСКИЙ. Вы его передали?

БЕССОНОВ. Я его передал через Иогансон*а* в конце декабря 1936 г.

[I] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (простой карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[III] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. По приезде в Берлин.

БЕССОНОВ. Да, по приезде в Берлин.

ВЫШИНСКИЙ. Передали через Иогансон?

БЕССОНОВ. Да, через Иогансон. И получил через несколько дней ответ от Троцкого. [Это было в середине декабря 1936 г.][I]

ВЫШИНСКИЙ. Вы ознакомились с этим материалом.

БЕССОНОВ. Нет, ответ я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. А с письмом Крестинского знакомы?

БЕССОНОВ. Письмо Крестинского я читал, потому что оно было послано на мое имя. Но я [, повторяю,] могу сообщить мое общее впечатление, потому что письмо было написано очень туманным языком, понятным Крестинскому и Троцкому и не вполне понятному мне.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы там вычитали?

БЕССОНОВ. Речь шла о том, что положение складывается таким образом, что дожидаться, пока раскачаются немцы, троцкисты не могут и поэтому они просят санкции *выступить до развертывания войны, до выступления [со стороны] немцев, при помощи центра, который они организовали.*[II] Что это за центр, я не могу сказать, потому что с трудом мог[*у*] расшифровать содержание этого письма.

ВЫШИНСКИЙ. Что еще вы желаете добавить в ваших показаниях, или вы исчерпали свое объяснения.

БЕССОНОВ. Если отвечать на последний поставленный вопрос, — кто принимал наибольшее участие, с кем была наиболее систематическая связь, — то я должен ответить, что с Пятаковым, которого я рассматривал как своего ближайшего начальника по троцкистской линии и виделся с ним вплоть до последнего раза, до декабря 1935 г., когда он рассказывал о своей поездке к Троцкому.[III]

ВЫШИНСКИЙ. *Кто были ваши ближайшие начальники по троцкистской линии?* [Пятаков, насколько я понимаю ваши объяснения, и Крестинский были ближайши[е]*ми* ваши*ми* [начальники] *руководителями* по троцкистской линии.]

БЕССОНОВ. Только три */трех/* человека [я знаю], с которыми я общался и которые знают о моей работе, — это Пятаков, [Николай Николаевич] Крестинский, [затем] Троцкий. О том, что я являлся участником троцкистской организации, знает [Аркадий Павлович] Розенгольц. *[Осенью 1931 г., когда я был связан с вопросом о германских переговорах[36], то у меня с Аркадием Павловичем Розенгольц установились такие взаимоотношения, которые могут быть только среди членов троцкистской организации. *Причем Пятаков рекомендовал Розенгольцу меня как члена троцкистской организации.*[IV]]*[V]

[ВЫШИНСКИЙ. Я хочу спросить Розенгольц*а*. Последнюю часть объяснения Бессонова вы подтверждаете*:* [, что] вам рекомендовал Пятаков Бессонова как члена троцкистской подпольной организации*?*]

ВЫШИНСКИЙ (Обращаясь к Розенгольцу). Обвиняемый Розенгольц, вы знали Бессонова как троцкиста?

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[V] * * — фраза восстановлена — зачеркнута, зачеркивание снято и рядом на полях помета (простой карандаш): «*Печатать*»

*[РОЗЕНГОЛЬЦ. Нет, я этого не [подтверждаю] *не знаю.*]
[ВЫШИНСКИЙ. Он вас не рекомендовал?]
[РОЗЕНГОЛЬЦ. Я на эту тему с ним разговоров не вел.]
[ВЫШИНСКИЙ. А вы знали Бессонова [?] *как троцкиста*?]*[I]
РОЗЕНГОЛЬЦ. Я знал [о нем] *это* от Крестинского.
ВЫШИНСКИЙ. Что же вы знали от Крестинского о Бессонове?
РОЗЕНГОЛЬЦ. Знал, что он является троцкистом и что он — Бессонов — помогает *Крестинскому в троцкистской работе.*
[ВЫШИНСКИЙ. Кому?]
[БЕССОНОВ. Крестинскому в троцкистской работе.]
ВЫШИНСКИЙ. [Это вам говорил кто?] *Кто это вам говорил?*
РОЗЕНГОЛЬЦ. Это мне говорил Крестинский.
ВЫШИНСКИЙ. Лично Крестинский?
РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, лично Крестинский.
ВЫШИНСКИЙ. Вы не припоминаете, в каком году это было?
РОЗЕНГОЛЬЦ. Точно не могу сказать.
ВЫШИНСКИЙ. Примерно в 1933 г.?
РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, примерно в этом году.
ВЫШИНСКИЙ. Он вам *это* говорил, при каких обстоятельствах и по какому поводу?
РОЗЕНГОЛЬЦ. Он сообщил о тех работниках, которые ему помогают из Наркоминдела по той работе, и в числе их назвал Бессонова.
ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Крестинский, вы слышали это показание?
КРЕСТИНСКИЙ. Я это отрицаю.
ВЫШИНСКИЙ. Отрицаете?
КРЕСТИНСКИЙ. Отрицаю.
ВЫШИНСКИЙ. Безусловно?
КРЕСТИНСКИЙ. Безусловно.
ВЫШИНСКИЙ. Конечно?
КРЕСТИНСКИЙ. Конечно.
ВЫШИНСКИЙ. У меня больше нет вопросов.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв на два часа.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

2 марта 1938 г.

КОМЕНДАНТ. Суд идет. Прошу встать.
(Все встают).
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь. [, пожалуйста.][II]
Заседание продолжается. Т. Вышинский, у вас есть вопросы [?] *к Бессонову?*
ВЫШИНСКИЙ. К Бессонову нет.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У защиты есть вопросы к Бессонову?
ЗАЩИТНИКИ. Нет.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У подсудимых *есть* вопросы[ов] к Бессонову? [нет?]
(Нет).
[Приступим] *Переходим* к допросу подсудимого Гринько.

[I] * * — вероятно, текст восстановлен — зачеркнут, зачеркивание снято (простой карандаш).
[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

Подсудимый Гринько, [те] *вы подтверждаете те* показания, [какие] которые [вы] давали на предварительном следствии? [подтверждаете?]

ГРИНЬКО. Подтверждаю целиком и полностью.

[ВЫШИНСКИЙ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какие вопросы имеются у Вас, т. [Вышинский] *Прокурор?*[1]]

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Гринько, расскажите суду о своей преступной деятельности.

ГРИНЬКО. Для того, чтобы *был* ясен тот путь, по которому я пришел к совершенно громадной цепи преступлений против советской власти и родины, к измене родине[ы], [я] должен напомнить, что я вошел в коммунистическую партию в составе боротьбистов[37] — украинской [мелкобуржуазной] националистической организации. [, которая влилась в КП(б)У в 1920 г. Не имея в виду ни в коем случае опорочивать всех боротьбистов, которые влились в украинскую КП(б)У, я должен, однако, сказать, что значительное ядро из руководящего состава боротьбистов, влившихся в КП(б)У, сохранило в значительной мере сначала более мелкие формы, а затем обострило свои националистические позиции, т.е. позиции буржуазно-националистической Украины. К этому ядру относятся такие бывшие боротьбисты, потом члены ВКП(б), как Шумский, Полоз, Блакитный, я — Гринько, Любченко и целый ряд других.] *Значительное ядро из руководящего состава боротьбистов — Шумский, Полоз, Блакитный, я — Гринько, Любченко и др. — влившиеся в КП(б)У, сохранило, а затем и обострило свои буржуазно-националистические позиции.*

Я могу [бы и должен в соответствии с теми показаниями, которые я дал на предварительном следствии, в соответствии с ходом дела] назвать [два—три] главные[х] этапы[а] развития националистической, заговорщической, контрреволюционной работы этого боротьбистского ядра. [, в составе которого находился и я.]

Первый этап относится примерно к 1925—1926 гг. Это так называемый период шумскизма[38]. [Члены суда хорошо знают, что такое шумскизм, и я не буду останавливаться подробно на этом, скажу только, что тогда, хотя это была еще первая стадия зарождения националистической позиции и обострения националистической борьбы и у] *Уже* тогда шумскизм по существу дела являлся программой отрыва Украины от СССР, [и] *программой* буржуазно-националистической реставрации на Украине. [Только в тот период толчок дал этому, несомненно, развитие НЭП'а. Рост кулаков на почве НЭП'а, городской буржуазии и шумскизм — явились отражением, рупором этих, созревших в первые годы НЭП'а, буржуазно-националистических элементов на Украине.

Нужно, однако, сказать, что шумскизм фигурировал в качестве легальной оппозиции в партии КП(б)У.]

[Он отстаивал ряд позиций, но, по сути дела, у] *Уже* тогда это была своего рода большая политическая разведка [этого] националист*ов*[ического ядра], проба сил, [и в соответствии с этим часть ядра выступала открыто — Шумский, Блакитный и целый ряд других. Любченко, Полоз и я не выступали открыто, сохраняли наши позиции в партии, но, повторяю, и в той форме, в какой проявлялся шумскизм, это означало обострение националистических отношений на Украине,] требование дискредитации русских городов на Украине, дискредитации русских кадров и т.п.

[Эта националистическая разведка довольно дорого обошлась украинскому национализму, потому что всем известно, что шумскизм в партии]

---

[1] Предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией, рядом на полях помета: «*Печатать*» (простой карандаш).

Шумскизм был разгромлен политически [,] *и подорван* организационно. [подорван.]

Второй этап...

ВЫШИНСКИЙ. [А если] *Надо* остановиться *еще* на этом этапе? [(Обращается к суду). Разрешите?]

Какие были боротьбистской организацией в тот период времени предприняты шаги в направлении внешних позиций?

ГРИНЬКО. *В этом направлении* в этот период не было *предпринято никаких* шагов. Это относится ко второму периоду.

ВЫШИНСКИЙ. Какими годами вы ограничиваете этот период?

ГРИНЬКО. 1925—1926 гг. В этот период была только закреплена связь Шумского с КПЗУ[39], с капиталистическими элементами Западной Украины.

ВЫШИНСКИЙ. Ограничивались только этими элементами?

ГРИНЬКО. Да. Но связи контрразведки с правительственными кругами других государств я в этот период не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы их не поддерживаете?

ГРИНЬКО. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Данные, о которых вы говорили, относятся к периоду 1926 г.?

ГРИНЬКО. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите в своих показаниях о разведке. Это была националистическая разведка?

ГРИНЬКО. Разведка внутренних сил на Украине, которая могла бы поддержать националистические выступления.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, это была проба националистических сил?

ГРИНЬКО. Я так и сказал.

ВЫШИНСКИЙ. К какому году относится второй период?

ГРИНЬКО. К 1929—1932 гг.

ВЫШИНСКИЙ. В первый период была какая-нибудь связь с правыми?

ГРИНЬКО. Организационных связей никаких не было с правыми, но, несомненно, борьба и троцкистов, и правых против партии стимулировала националистические обострения. Организационных связей не было.

ВЫШИНСКИЙ. Можно сказать, что это была в известной степени самодовлеющая националистическая организация?

ГРИНЬКО. Да, но не оформившаяся.

ВЫШИНСКИЙ. Выход этой организации на более широкую арену имел место?

ГРИНЬКО. Имел место, но в последующем периоде.

ВЫШИНСКИЙ. Имел место в последующем периоде, который начинается с 1929—1932 гг. Осветите, пожалуйста, Вашу линию во внешней политике.

ГРИНЬКО. Я, если разрешит суд, все мои линии во внешней политике освещу в специальном разделе.

ВЫШИНСКИЙ. Как угодно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ГРИНЬКО. [Прошел ряд лет, когда эта националистическая] *После разгрома этой националистической* организаци*и*[я была разбита, и она, как активная сила, не существовала, а были] *остались* лишь *ее* осколки. [брюзжащих элементов.] Но примерно в 1929 г. уже в Москве возродилась националистическая организация в составе Шумского, меня, Полоза, Максимовича, Солодуба и ряда других. [, которая] *Эта* [( ] организация [ )] уже [несколько] иначе подходила и к своей программе, и к своей тактике, нежели это было в первый период. [Объясняется это изменившимися условиями. Такая с]

Сравнительно скромная позиция первого периода в известной мере объясняется [и] теми представлениями, которые у нас *были* тогда [были] в разгар НЭП'а. Мы считали, что не исключена эволюция НЭП'а в сторону [нам] желательную *нам*. С другой стороны, [мы] в Европе *мы* не видели такой силы, [в контакте,] в блоке, в союзе с которой мы могли бы делать более решительные шаги вперед. Во второй период обстановка изменилась — это был уже период [не НЭП'а, а период] развернутого социалистического наступления, когда позиции капиталистических элементов в стране *были* резко [были] подорваны, когда ни о какой эволюции НЭП'а в сторону капитализма [? — это и слепой видел, —] не могло быть и речи — *это и слепой видел*. [С другой стороны — когда] *Тогда* постепенно *мы* [с внешней политической организацией, мы] нащупали *внешнеполитические* силы, которые могли нам оказать помощь. [Вот в] *В* этот второй период украинская националистическая организация уже *целиком* [в своих общеполитических позициях целиком] становится на позиции правых в *общеполитических вопросах*, т.е. *на* позиции борьбы против индустриализации [, позиции борьбы против] *и* коллективизации. Хотя прямых организационных связей с правой организацией в этот период у организации не было. У меня лично были отдельные связи с отдельными довольно второразрядными людьми из правого лагеря.

ВЫШИНСКИЙ. С Рыковым у вас была тогда связь?

ГРИНЬКО. В тот период политической связи у меня с ним не было. Моя связь с Рыковым относится к более позднему периоду — к моменту третьей организации — организации национал-фашистской, к которой я перейду дальше; это относится к 1934—1935 гг. В этот [второй] период националистическая организация давала директивы своим членам [на Украине в смысле] *о* собирани*и*[я] сил и активной борьбе[ы], главным образом, [по линии] *против* коллективизации, вплоть до организации повстанчества. [И вот на этой почве, на почве этой] *В этой* борьбе[ы] [в этот второй период] мы *уже* имели [уже] связь с некоторыми кругами одного [из] враждебн*ого*[ых] Советскому союзу государств*а*. [связь, выражавшуюся в том, что э] *Э*ти наши союзники [нам] помогали *нам*. [, вплоть до усиления переброски на Украину диверсантов, петлюровских эмиссаров, оружия и т.д. д] *Д*ля поддержки партизанской борьбы [.] *они усилили переброску на Украину диверсантов, петлюровских эмиссаров, [и т.д.] оружия и т.д.*

Эта связь велась через [Конера] *Конора*, через Коцюбинского. Я не знаю, должен ли я называть здесь все эти государства.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, в закрытом заседании вы их назовете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И фамилии назовете в закрытом заседании.

ВЫШИНСКИЙ. [А в] *В*ы лично участвовали [в этом деле,] в организации переброски оружия и пр.?

ГРИНЬКО. Я был в курсе этих переговоров и давал *на них* согласие. [на эти переговоры.]

ВЫШИНСКИЙ. [Так сказать, р] *Р*уководили этим делом?

[ГРИНЬКО. Да, участвовал в руководстве.]

[ВЫШИНСКИЙ. Т.е. руководили?]

ГРИНЬКО. [Т.е. р] *Р*уководил.

ВЫШИНСКИЙ. [Дальше, пожалуйста.] *Продолжайте.*

ГРИНЬКО. Этот период закончился в начале 1933 г. в связи с арестом почти всей этой группы. [, кроме меня. Из всей этой организации не был арестован т] *Т*огда *не был арестован* один я. [и на известный период я потерял связи с украинской националистической организацией, только потому что она была разгромлена арестами.]

[Однако] *Но* я не сложил [тогда] своего националистического оружия в своей борьбе *против* [с] Советской власти.[ью, хотя, повторяю, не имел организационных возможностей ее продолжать.]

К этому периоду относится [, как это сказано в обвинительном заключении,] начало моей личной связи с фашистскими заграничными организациями, с влиятельными элементами фашистских организаций и некоторыми правительственными кругами. *Эта* связь[и] *была* направлена[ной] к установлению контакта в целях подготовки отторжения Украины от СССР и организации борьбы против Советской власти.

Подробные факты и фамилии я назову в закрытом заседании. Я только скажу сейчас, что эта связь установилась рядом последовательных моих разговоров с представителями этих враждебных кругов, занимавших довольно видное официальное положение здесь в СССР.

[Третий период в развитии националистической организации на Украине относится к концу 1934 г. и началу] *В начале* 1935 г. [, когда] мне от Любченко стало известно о создании на Украине национал-фашистской организации, поставившей себе целью отторжение Украины от СССР и [помощи] *рассчитывавшей на помощь* военной интервенции со стороны тех сил и элементов, с которыми у меня в то время *уже* была [уже] персональная связь. [, а также имевшей своей задачей соединение с право-троцкистским блоком, установившим связь с военными заговорщиками.] *Националистская организация ставила также своей задачей соединение с «право-троцкистским блоком», установившим связь с военными заговорщиками.*

[В начале 1935 г. мне от Любченко стало известно об] *Когда мне стало известно об* этой организации, [и] я дал согласие на вступление в *нее*. [эту организацию.] На меня была возложена задача установления связи с правотроцкистским центром, [установление связи] с правительственными кругами некоторых враждебных Советской власти государств и содействие Любченко в развороте этой работы на Украине.

[Я подчеркиваю перед судом, что эта третья организация, она уже резко отличается от того, что было в первый период и на втором этапе. И на первом и на втором этапах эта организация была полукустарного свойства, хотя и развернувшая довольно большую работу.]

Организация [третьего этапа, она уже] к тому моменту, когда я с ней связался, *уже* начала кристаллизоваться как национал-социалистическая организация. [Мне] Любченко рассказывал *мне* о центре этой организации на Украине, куда входили Любченко, Порайко и др. Он рассказывал, что в этом центре дискуссировался вопрос о *характере партийной организации* [том, как строить эту организацию, какого типа организация должна быть, какого] *и о* типе[а] Украинского[е] государства.[о [должно быть, если бы эта организация имела успех. *И в этой дискуссии были разговоры о том, что, может быть, форма буржуазно-демократической организации и соответствующей партийной организации была бы более приемлемой с точки зрения большого влияния на массы, с точки зрения завоевания более широких масс.*[1] Но, п] *По* словам Любченко, [все эти колебания и шатания были организацией отвергнуты, и она] *организация* стала на путь создания централизованной партии *по* типу[а] национал-социалистической партии. [Организация предусматривала в] *В* случае успеха [своей работы] *организация предусматривала* создание буржуазного Украинского государства по типу [государства] фашистского *государства*.

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

О [б этом] *таком* характере организации я [, например,] рассказывал [такому] видному участнику право-троцкистского заговора [, как] Яковлеву [Якову Аркадьевичу, который считал, что это — большое преимущество Украинской организации перед сравнительно плохо организованными группами бывших внутрипартийных течений, превратившихся в антисоветскую организацию. И в] *В* право-троцкистских кругах, с которыми мне приходилось разговаривать, *эта* тенденция превращения *нашей* организации в организацию фашистского типа, несомненно, существовала.

Как я выполнил те задачи, которые были [на] *возложены на* меня [возложены] этой национал-фашистской организацией?

Во-первых, связь с право-троцкистским центром. Связь эта [у меня] пошла *у меня* по такой линии — Гамарник, Пятаков, Рыков. [Началось это с] *С* Гамарник*ом*[а, потому что я от] *я связался через* Любченко, имевшего связь [с одним из руководителей этой организации —] с Якиром и Гамарником, [— я от него получил связь на] *через* *Гамарника [и через Гамарника] связался с Пятаковым, затем с Рыковым. [Эта работа по установлению связей, она о]*[1] *О*дновременно [переплеталась с] выполн*ялись*[ением] внешнеполитическ*ие*[х] задач*и,* поскольку и [,] Пятаков и Гамарник [мне сказали о той договоренности, которая была у] *рассказали мне, что* Троцк*ий*[ого о] *договорился по поводу* компенсации за счет Украины за военную поддержку [в] *нашей* борьб*ы*[е] против Советской власти.

[Дело в том, что у нас, в украинской организации, по этому поводу были некоторые особенности в ряде вопросов. Мы хотели добиться того, чтобы в этом сговоре с фашистскими силами троцкисты не пошли на территориальное разделение Украины, на отделение Украины от СССР. Мы добивались создания украинского буржуазного государства и, следовательно, компенсацию переносили в форму экономических компенсаций, в виде открытия Украины для иностранного капитала того государства, которое будет оказывать помощь в форме соответствующих торговых договоров, а не в форме территориального расчленения Украины. Вот это и заставило меня о] *О*дновременно с установлением связи с право-троцкистским блоком *я* форсирова*л*[ть это] установление связи с иностранными силами [, которые я устанавливал] через Крестинского, с которым меня связал Пятаков.

Установление связи моей с Гамарником, Пятаковым и Рыковым относится примерно к концу 1935 г.

ВЫШИНСКИЙ. [Вот о связи с Рыковым р] *Р*асскажите [, пожалуйста,] *о вашей связи с Рыковым. В чем она заключалась?*

[ГРИНЬКО. [Хорошо, я] *Я* расскажу.]

[ВЫШИНСКИЙ. Позвольте вас просто спросить: в чем заключалась эта связь ваша с обвиняемым Рыковым?]

ГРИНЬКО. Заключалась [в] *она в* том, что украинская организация стала под команду право-троцкистского центра.

ВЫШИНСКИЙ. В чем это выразилось*?* [— стала под команду право-троцкистского центра?]

ГРИНЬКО. Это выразилось, во-первых, в том, что украинская организация получила задание от право-троцкистского центра. Я, как член этой организации, получил задание ...

ВЫШИНСКИЙ. Вы получили задание от кого?

ГРИНЬКО. [Я получил о] *О*т Рыкова.

ВЫШИНСКИЙ. Затем?

---

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

ГРИНЬКО. Главным образом, от Рыкова.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо. Дальше.

ГРИНЬКО. В 1935 г., в начале 1936 г. мною в основном были выполнены те задачи, которые были *на меня* возложены [на меня] украинской организацией. Я установил связи с право-троцкистским центром, [я установил] через Крестинского *установил* связь с фашистскими кругами одного из иностранных государств, которые приняли [формально] ту точку зрения, которой мы добивались. [, причем и ч] *Ч*ерез Крестинского *я* передал формулу [от] нашей украинской организации, *и через него же* [от него] я получил ответ, что соответствующие силы эту формулу принимают. [И потом, я лично и] *И*мея свои старые персональные связи *с фашистскими кругами, я лично потом* проверил этот факт и получил подтверждение. [этого.]

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте остановиться на этом вопросе.

Следовательно, вы в 1935 г. уже установили связь с правыми, как вы показываете, в лице обвиняемого Рыкова. Я так понимаю.

ГРИНЬКО. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Засим вы установили] *С кем вы установили связь* через Крестинского [связь...]

[ГРИНЬКО. Да.]

[ВЫШИНСКИЙ. Связь с кем?]

ГРИНЬКО. С фашистскими кругами одного враждебного Советскому Союзу государства.

ВЫШИНСКИЙ. С представителями этих кругов? С представителями фашистских кругов?

ГРИНЬКО. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо. Это было все когда, вы говорите?] *Когда это было?*

ГРИНЬКО. Конец 1935 г., начало 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. А до 1935 г. у вас [персонально] лично не было связей с какими-нибудь фашистскими кругами?

ГРИНЬКО. Были, с конца 1932 г.

ВЫШИНСКИЙ. Для чего вам понадобилось в 1935 г. прибегать к содействию Крестинского?

ГРИНЬКО. Потому что троцкисты вели свою линию связей в отношении Украины. *Я считал, что официальные отношения этой украинской национал-фашистской организации нужно установить официальным путем*[1], через Крестинского, чтобы знать, что речь идет об одном и том же, не о том, что в одном месте об одном буду договариваться, а в другом месте — о другом.

ВЫШИНСКИЙ. Тут была известная перестраховка.

ГРИНЬКО. Да, я хотел проверить действительно эту связь теми связями, которыми я располагал персонально.

ВЫШИНСКИЙ. И уличили Крестинского?

ГРИНЬКО. Нет, не уличил, подтвердил. Мне не в чем было его уличать.

ВЫШИНСКИЙ. Нет на суде?

ГРИНЬКО. Это другое дело.

ВЫШИНСКИЙ. Сейчас уличили Крестинского?

ГРИНЬКО. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Разрешите спросить п] *П*одсудим*ый*[ого] Крестинск*ий*,[ого? В] *в*ы слышали эту часть показаний? [Конечно, это неправда?]

---

[1] * * — рядом на полях две вертикальные черты (синий карандаш).

КРЕСТИНСКИЙ. Слышал. Но ни с какими фашистами [, как с таковыми,] я его не связывал. *Я его знакомил с деловыми людьми.* [А когда Гринько скажет на закрытом заседании фамилии, я скажу, с кем из деловых людей я его связывал.]

ВЫШИНСКИЙ. Не связывали, а «знакомили»?

КРЕСТИНСКИЙ. С фашистами нет.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда вам не нужны и фамилии на закрытом заседании. Или связывали, или не связывали?

КРЕСТИНСКИЙ. Сейчас я не могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Конечно, вы отрицаете?

*КРЕСТИНСКИЙ. Я отрицаю, что я разговаривал с фашистами для троцкистских целей.

ВЫШИНСКИЙ. Вы отрицаете, а вы подтверждаете?

(Обращается к Гринько)[I]. Скажите, подсудимый Гринько, может быть, вы путаете это обстоятельство с каким-нибудь другим. Может быть, он знакомил с каким-нибудь приятным человеком, хотя бы иностранным человеком*[II], а вы...

ГРИНЬКО. Я думаю, тут не место шутками заниматься.

ВЫШИНСКИЙ. Но выходит так.

ГРИНЬКО. Я удивляюсь тому, что говорит Крестинский.

ВЫШИНСКИЙ. А вы, *подсудимый Гринько,* [могли бы] *можете* сказать, *где у вас происходили переговоры с Крестинским?* [сейчас в пределах необходимой конспирации, на открытом заседании сказать, когда это было, где это было или вам удобнее это в закрытом заседании сказать?]

ГРИНЬКО. Я могу сказать то, что *это было* [я просил Крестинского через одного из фашистов, с которым он имел возможность сноситься, передать соответствующим фашистским кругам. Я просил это его у меня в кабинете,] в моем бывшем кабинете в Наркомфине.

[ВЫШИНСКИЙ. Можно спросить Крестинского?]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.]

ВЫШИНСКИЙ. *(Крестинскому).* Вы бывали в кабинете Гринько?

КРЕСТИНСКИЙ. Бывал довольно часто на разных совещаниях.

ВЫШИНСКИЙ. По финансовым делам или по наркоминдельским?

КРЕСТИНСКИЙ. Бывал, потому что меня назначали в какую-нибудь комиссию вместе к Гринько, комиссию, которая была и по наркомфинским и по наркоминдельским делам.

ВЫШИНСКИЙ. Это было естественно при вашем положении.

ГРИНЬКО. Я сказал *Крестинскому,* что у нас [есть] такая-*то* позиция, что меня направил Пятаков, что я прошу передать [эту] *об этой* позици*и*[ю] и дать мне ответ. Крестинский сказал, что [хорошо,] передал *об* эт*ой*[у] позици*и*[ю], сообщил мне, что эту позицию принимают. А я потом с тем самым лицом, которому передал Крестинский, разговаривал лично в Большом театре.

ВЫШИНСКИЙ. Лица, их фамилии вы можете назвать на закрытом заседании?

ГРИНЬКО. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Чем вы объясняете, что Крестинский отказывается?

ГРИНЬКО. Это я не могу объяснить.

[I] Здесь стоит знак вопроса (красный карандаш) — правка И В. Сталина.

[II] * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш). Вероятно, правка И.В. Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. [А к] *К*роме этого случая [, о котором вы говорите сейчас,] у вас [еще] были *еще переговоры с Крестинским по вопросам антисоветской деятельности?* [какие-нибудь подобного рода деловые троцкистские отношения с Крестинским?]

ГРИНЬКО. [Вот только то, что] *[Были] Было то, о чем* я говорил на утреннем заседании относительно использования валюты. [Больше не было. Я] *В большем посредничестве я* не нуждался, [в большем посредничестве. Я] *т.к.* имел свои прямые связи. [Я прибегал к этой связи только в целях перестраховки, как вы сказали.]

[ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к Рыкову).* Позвольте спросить Рыкова?]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.]

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к Рыкову). Вы подтверждаете эту часть показаний, где *Гринько* [он] делает ссылку на вас?

РЫКОВ. Да. *У нас с ним было двое свиданий.*

[ВЫШИНСКИЙ. Вы подтверждаете, что действительно в конце 1936 г. ...]

[РЫКОВ. Да.] *Одно* в конце 1935 г., [и начале] *а другое в начале* 1936 г. [у нас было два свидания с ним, одно в конце 1936 г., а другое в начале 1936 г.]

ВЫШИНСКИЙ. Какого характера *были* свидания?

РЫКОВ. [Характера как] *Это были свидания* членов нелегальной организации, борющихся [с] *против* парти*и*[ей] и *Советского* правительств*а*.[ом.]

ВЫШИНСКИЙ. Вам не приходилось говорить с Гринько о Крестинском?

РЫКОВ. О Крестинском нет. Мне с Гринько не было надобности говорить, потому что я лично знал и без Гринько, что Крестинский троцкист. Точно так же Крестинский знал, что я [имею] *член* нелегальн*ой*[ую] организаци*и*.[ю. Помощь Гринько в данном случае не нужна была.]

ВЫШИНСКИЙ. *Выходит,* что [же] Крестинский говорит здесь неправду и пытается отвертеться от связи с троцкистами?

*РЫКОВ. Он не только [не] говорит неправду, а хочет спутать [дух] *ту* правд*у*[*ы*], котор*ая*[ый] здесь есть.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Крестинский, вы слышали это?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, слышал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы подтверждаете это?

КРЕСТИНСКИЙ. Я не подтверждаю, что я говорил неправду, и не подтверждаю, что хочу спутать правду.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопрос к Крестинскому.

Но вам известно было, что Рыков занят подпольной борьбой?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Неизвестно.

КРЕСТИНСКИЙ. Т.е. я знал об этом из тех соображений, которые делались на пленуме Центрального Комитета[40].

ВЫШИНСКИЙ. Ах, только так.

КРЕСТИНСКИЙ. Только так.

ВЫШИНСКИЙ. А как вы скажете, обвиняемый Рыков, он откуда должен был знать о ваших позициях в то время?

РЫКОВ. Прежде всего, если на пленуме Центрального Комитета делается сообщение о нелегальной работе члена Центрального Комитета, то этот член Центрального Комитета перестает быть членом Центрального Комитета.

[Второе, что м] *М*ы по этому поводу имели разговор с ним, [без подробной информации друг друга и] *разговоры* достаточно откровенн*ые*[о] для того, чтобы знать доподлинно кто с кем разговаривает. По-моему это было в 1932–1933 [год[у]*ах*] *гг.,* точных дат я не помню.

---

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый РЫКОВ, вы подтверждаете, что вам было известно, что КРЕСТИНСКИЙ троцкист и член право-троцкистского блока?

РЫКОВ. Т.е. в тот период такого полного блока не было, но что он член троцкистской организации, это так.

ВЫШИНСКИЙ. И он с вами вел разговоры?

РЫКОВ. Он разговаривал со мной как член нелегальной организации партии.

ВЫШИНСКИЙ. Разговаривал о делах нелегального порядка?

РЫКОВ. Разговаривал о нелегальных делах.

ВЫШИНСКИЙ. Вы утверждаете, что и Крестинскому известно было о ваших делах в нелегальной партии, а Крестинский отрицает это, выходит, что Рыков говорит теперь неправду, а вы, обвиняемый Крестинский, правду?

КРЕСТИНСКИЙ. Я говорю правду.

ВЫШИНСКИЙ. А вы с какого времени начали говорить правду?

КРЕСТИНСКИЙ. По этому делу?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

КРЕСТИНСКИЙ. Сегодня говорю правду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. С 12-ти часов?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, на заседании суда.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо, значит, с Рыковым и Крестинским. Дальше, обвиняемый Гринько, скажите, пожалуйста, вам известно было о том, что еще кто-нибудь из сидящих здесь на скамье подсудимых в тот период времени уже являлся участником вашей подпольной организации. Перечислите.

** *ГРИНЬКО. Мне было известно [в приговоре][I] об участии Бухарина.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, подтверждаете это?

БУХАРИН. Подтверждаю. Я усиливаю это, потому что однажды был у меня разговор с самим Гринько.**[III]

ГРИНЬКО. Да, был.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, правильно говорит Гринько?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Видите ли, я проверяю, потому что Крестинский говорит, что обвиняемый Гринько неправ.

БУХАРИН. Я внес эту поправку в целях просто уточнения, потому что речь идет не только о том, что он [я] мог знать от Рыкова о моей подпольной работе, а у меня были свидания с ГРИНЬКО непосредственно.

ГРИНЬКО. Это было позже. Затем, мне было известно от Гамарника об участии Розенгольца и о прямой его связи.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Розенгольц, вы подтверждаете это?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

ГРИНЬКО. Мне было известно об участии Зеленского и прямой его связи.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Зеленский, правду говорит подсудимый Гринько?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Правду.

ГРИНЬКО. От Рыкова я узнал об участии Ягоды в этой организации, но прямой связи с Ягодой не было.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращается к суду). Разрешите спросить Рыкова. Обвиняемый Рыков, вы об этом говорили с Гринько?

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

[III] ** ** — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

РЫКОВ. Я точно помнить не могу, но не могу исключать этого факта.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы об участии Ягоды говорили?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к суду). Позвольте спросить Ягоду?

Обвиняемый Ягода, вы это подтверждаете?

ЯГОДА. Да, в отношении меня — это правда, но что Гринько был, я не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить Крестинского.

Обвиняемый Крестинский, все подсудимые находят, что в отношении их говорят правду, вы говорите, что этого не было. Вы правду говорите?

КРЕСТИНСКИЙ. Я говорю правду.

ВЫШИНСКИЙ. Сегодня?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Гринько, продолжайте *ваши показания.*

ГРИНЬКО. [Я хочу два слова сказать.] Постепенно расширяя свои связи с *право*-троцкистским центром и знакомясь с его участниками, я составил в начале 1934 г. [в годовом отчете] представление о том, что *из себя представлял* «право-троцкистский центр». [из себя представлял. Если хотите, я несколько слов скажу об этом.]

На основании ряда разговоров, связей и заданий, которые давались Рыковым, Бухариным, Гамарником, Розенгольцем, Яковлевым, Антиповым, Рудзутаком, Ягодой, Варейкисом и целым рядом других людей, для меня стало ясным, что «право-троцкистский центр» [, хотя он разработал и имел в своем портфеле разные варианты борьбы против партии и за свержение советской власти,] в это время *базировался,* главным образом, базировался на [варианте] военной помощи агрессорам. Это было общей позицией и для троцкистов, и для правых, и для националистических организаций, в частности, для украинской националистической организации. [, причем э] *Э*то означало подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности; [это означало] открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны; это означало расширение связи с агрессивными антисоветскими элементами за границей; это означало согласие на расчленение СССР и на [конфискацию] *компенсацию* агрессору[ам] за счет окраинных территорий СССР.

Наряду с этим, у «право-троцкистского центра» [, как мне постепенно становилось известным,] существовал вариант захвата Кремля. [, который в разные периоды по разному разрабатывался, но который не снимался с очереди.]

ВЫШИНСКИЙ. В каком году это было?

ГРИНЬКО. Разговоры об этом велись на протяжении 1935–1936 гг. [, тем не менее,] *об этом говорили* все время. [об этом говорили. Это то, что я знаю.] Может быть, *это было и* раньше. [были.]

[Затем, т] *Т*еррористические настроения, и не только настроения, а террористическая работа у «право-троцкистского центра», несомненно, имели место.

[Мне известно... мне [не]известны были те факты убийства, на которые указывается в обвинительном заключении, я не был посвящен в это. Но м] *М*не известны две попытки подготовки террористических актов, которых в обвинительном заключении нет и о которых я должен здесь суду *рас*сказать.

ВЫШИНСКИЙ. [Скажите вообще] *Расскажите* о террористической деятельности. *[?]* [принципиально как стоял вопрос?]

ГРИНЬКО. В этот период террористическая работа была одним из основных оружий в общем арсенале борьбы против советской власти.

ВЫШИНСКИЙ. От кого вы об этом узнали?

ГРИНЬКО. [И от] *От* Рыкова, [и от] Яковлева, [и от] Гамарника, [и от] Пятакова...

ВЫШИНСКИЙ. А из числа обвиняемых по настоящему акту?

ГРИНЬКО. От Рыкова я знал, что это — террористическая организация; когда *Рыков* [он меня] знакомил *меня* с характером *этой* организации, он мне сказал, что террор включен в программу.

[РЫКОВ. Подтверждаю.]

ВЫШИНСКИЙ. [(К Рыкову). Я Вас еще не спрашивал.] *Подсудимый Рыков, вы подтверждаете показания Гринько?*

[ГРИНЬКО. От Антипова я знал...]

Рыков. Подтверждаю.

[ВЫШИНСКИЙ. Меня интересуют в данном случае обвиняемые по настоящему делу.]

[ГРИНЬКО. Я уже сказал, что от Рыкова я знал, что это есть установки право-троцкистского центра.]

ВЫШИНСКИЙ. Откуда [они] пришли эти *террористические* установки?

ГРИНЬКО. От Троцкого. Я [это] *об этом* знал от Гамарника.

ВЫШИНСКИЙ. [Говорите] *Расскажите* конкретно о фактах [, которые лично вам известны по] подготовк*и*[е] террористических актов, [.] *которые вам лично известны.*

ГРИНЬКО. *Хочу сказать о двух подготовлявшихся, но неосуществленных террористических актах.* [...неосуществленных террористических актов, но которые подготовлялись.] Это относится уже к последнему периоду, — [к периоду, который падает,] примерно, [на] *к* перв*ой*[ую] половине[у] 1937 г. — [и] связан*ному* с начавшимся разгромом заговорщических организаций. [Дело в том, что к] *К*огда прошел процесс Пятакова *и др.*[41] [, затем начались серьезные аресты заговорщиков в армии[42], особенно после февральского Пленума ЦК[43]] в право-троцкистском центре, *особенно после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937,* была большая растерянность. [, тем более, что к этому времени, по существу, наши руководящие люди право-троцкистского блока — Бухарин и Рыков — фактически отошли от активной работы в связи с тем, что их имена были названы на одном из предшествующих процессов[44], и работа заговорщиков, что называется, развалилась.] Тогда мне рассказывал об этом Гамарник, причем он ссылался на то, что он совето[ы]вался *об этом ранее* с Рыковым и Бухариным. [Был у меня об этом разговор с другими людьми, не из числа участников настоящего процесса.] Тогда стоял вопрос о том, что *должно быть сделано* что-нибудь чрезвычайное [должно быть сделано] для того, чтобы спутать карты [тому] *и задержать то* наступлени*е*[ю] на заговорщиков, которое [партия и органы НКВД] вели в этот период *партия и органы НКВД.* [Особенно п] *П*осле февральского Пленума ЦК в кругах заговорщиков была поднята кампания против Ежова, в котором концентрировалась целеустремленность и собранность партии по разгрому заговорщиков. В право-троцкистском центре эта кампания *шла* по двум направлениям*:* [шла:] с одной стороны — дискредитировать Ежова и его работу внутри партии, *оклеветать его.* [? клеветнически излагая положение, что Ежов приобретает слишком большое влияние в партии, что методами Наркомвнудела чистится партия, — в таком духе пытались создать настроени*е*[я] против Ежова; с другой стороны, с] *С*тавился *также* прямо вопрос о необходимости убрать Ежова как *человека* наиболее опасного для заговорщиков. [человека с того времени, как он был поставлен на пост НКВД.]

ВЫШИНСКИЙ. Что значит «убрать»?

ГРИНЬКО. Убрать — это значит убить.

ВЫШИНСКИЙ. Так и надо говорить.

ГРИНЬКО. Я сказал «убрать», потому что это двойной имело смысл: с одной стороны, дискредитация Ежова внутри партии, подрыв его авторитета, с другой стороны — убрать физически.

ВЫШИНСКИЙ. Это я понимаю, но мне также не безынтересно, что понималось под словом убрать в криминальном смысле.

ГРИНЬКО. Убрать — значит убить.

ВЫШИНСКИЙ. Так вы и разговаривали?

ГРИНЬКО. [И не только разговаривали, а мне] *Мне* от Гамарника было известно, что Якир и Гамарник [одному из своих старых боевых сотоварищей, бывшему] *поручили* троцкисту Озерянскому, который работал тогда в Наркомфине, [поручили] подготовку террористического акта против Ежова.

ВЫШИНСКИЙ. Озерянский работал под вашим непосредственным начальством?

ГРИНЬКО. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Кем?

ГРИНЬКО. Он был начальником управления сберегательных касс.

ВЫШИНСКИЙ. Он участвовал в вашей организации?

[ГРИНЬКО. По Наркомфину?]

[ВЫШИНСКИЙ. Да.]

ГРИНЬКО. Участвовал. Я знал это от Гамарника, но прямых связей по подготовке террористического акта у меня с ним не было.

ВЫШИНСКИЙ. А по другим [?] *контрреволюционным делам*?

ГРИНЬКО. По подрывной работе в Наркомфине связь была.

ВЫШИНСКИЙ. Озерянский подходящий человек для подобного рода преступлений?

ГРИНЬКО. Он боевик, бывший анархист...

ВЫШИНСКИЙ. И головорез?

ГРИНЬКО. [И] *Он* способен на подобные вещи. [Это один факт, который мне известен.]

Второй факт, *[кот]* который мне известен и который относится к тому же периоду, это подготовка террористического акта против Сталина *Бергавиновым из Главсевмпорпути*[1]. Об этом я знал также от Гамарника. Об этом знали Антипов и Яковлев, об этом я знал и от самого Бергавинова, который говорил мне, что он задание Гамарника принял и пытается его осуществить.

[Это из области террористической. Разрешите дальше?]

[ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста.]

[ГРИНЬКО.] Одним из заданий, которое было возложено на меня право-троцкистским центром, явилась организация подрывной работы по Наркомфину. Я дал [очень] подробные показания на предварительном следствии. Я здесь остановлюсь только на самых главных линиях и моментах этой подрывной работы.

[Дело в том, что до этого задания вредительство в Наркомфине, конечно, имело место, но оно не имело широкого масштаба, потому что я, как бывший Нарком финансов, до того момента вредительством по Наркомфину не занимался, не организовывал его, а работал в Наркомфине до моей связи с право-троцкистским центром добросовестно с точки зрения советской.]

---

[1] * * — знак переноса фразы (синие чернила) — «это подготовка *Бергавиновым из Главсевморпути* террористического акта против Сталина».

Это задание право-троцкистского центра было мне передано Рыковым, причем он подчеркнул, что руководство центра, он и Бухарин, придают большое значение развороту подрывной работы в Наркомфине, ввиду той особенной важности и политического значения, которое имеют деньги. При [чем] *этом* была дана бухаринская формула — ударить по Советскому правительству советским рублем. Это мне передал Рыков, и на эту тему мы говорили с Бухариным. [, который здесь об этом сказал, подтверждая мои показания о том, что я был связан с ним как с одним из руководителей заговора.] Надо сказать, что это задание казалось право-троцкистскому центру настолько серьезным, что Рыков был у меня в Наркомфине по этому поводу, и мы совместно с ним разрабатывали программу этих мероприятий.

[Программа этих мероприятий шла по следующим основным направлениям:] *Вредительская работа должна быть развернута по тем финансовым мероприятиям,*

[Во-первых, линия остро-политическая. Это все те финансовые мероприятия,] которые связаны с широкими массами населения: налоговое дело, сберегательное дело, займовое дело и др. [По этой линии на основании п] *П*рограмм*а*[ы] *была* разработана[нной] мною и Рыковым. *Вредительская работа была развернута* мною [была] через моего заместителя Левина, через Озерянского, через Четверикова и некоторых других. [развернута работа, вредительская работа.]

Например, в налоговом деле. Те искривления, которые *нашли* наиболее яркое выражение [нашли] в Лепельском деле в Белоруссии, [они] являлись одной из частей этих подрывных мероприятий. И если разоблачение Лепельского дела не было повернуто остро против Наркомфина в тот период, то объясняется это тем, что разоблачать это дело ездил Яковлев, который в тот момент отвел удар от Наркомфина.

В области сберегательного дела было проведено два мероприятия, связанных с сокращением сети сберегательных касс и с кампанией по залогу облигаций государственных займов. Сокращенная сеть сберегательных касс была не подготовлена к этому широкому мероприятию, а т.к. эти операции связаны с *обезличиванием* десятк*ов*[ами] миллионов людей, то они [не могли не приводить] *вызывали* раздражение широких масс населения.

[Затем б] *Б*ольшая подрывная работа была проведена [по] *в области* государственно*го*[му] бюджет*а*.[у.] Работа эта клонилась к подрыву бюджетной финансовой дисциплины, к ослаблению финансового контроля и, тем самым, к [облегчению заговорщикам в центре и на местах] возможности использования государственных средств *в центре и на местах* для целей заговора. Вся эта работа [входила в те] *осуществлялась мною по* директив*ам*[ы], которые были мне даны право-троцкистским центром.

[Кроме того, подрывная работа проводилась также по линии налога с оборота и по целому ряду других областей финансовой работы.] *Однако подрывная работа этим не ограничилась.*

[Эту работу, начиная с конца 1935 г., я проводил, организовав целый ряд людей в аппарате Наркомфина по прямому заданию право-троцкистского центра и как один из участников этой заговорщической работы.]

[Однако подрывная работа по финансам этим не ограничивалась. Дело в том, что я о] *О*т право-троцкистского центра *я* получил задание, *используя финансы,* содействовать подрывной работе по ряду других отраслей народного хозяйства. [через инструмент финансов.] Например, [в области подрыва капитального строительства в] право-троцкистск*им*[ом] центр*ом*[е] была разработана довольно большая программа *в области подрыва капитального*

строительства, в разработке [которой] *программы* участвовали Пятаков, кажется, Бухарин. [, я принимал участие.] Эта программа была направлена к тому, чтобы замедлить темпы капитального строительства, сузить масштабы капитального строительства, полностью применить бухаринскую теорию «узких мест»[45] в капитальном строительстве, тем более, что капитальное строительство име*ет*[ло] значение не только как [основная сила общесоциалистической концентрации] *важнейшая сторона* народного хозяйства, но [имело и] *и как дело* огромно*го*[е] оборонно*го*[е] значени*я*.[е.]

Я участвовал также и в подрывной работе в области сельского хозяйства [. Наркомфин участвовал в подрывной работе], осуществляя вредительские финансовые мероприятия. [имея в виду, что п] *П*одрывная работа в области сельского хозяйства в право-троцкистском центре ставилась как очень важная задача... [исходя из того, что] Сталиным была выдвинута задача [консолидации] коллективизации как решающее средство преодоления отсталости сельского хозяйства [и индустриального развития страны, и имея в виду, что н] *Н*а основе успехов коллективизации была поставлена задача достичь урожая в 7—8 миллиардов пудов в год. [п] *П*раво-троцкистским центром *разработан план* [в этой части была сформулирована задача] подрывных мероприятий, которые если бы и не сорвали, то, во всяком случае, оттянули бы [выполнение этой цели —] получение урожая в размере 7—8 миллиардов пудов. В частности, Рыков ставил вопрос так: надо, чтобы колхозник меньше получал на трудодень. Это, с точки зрения политической подготовки антисоветской борьбы, имело огромное значение, тем более, что вопрос хлебных резервов имеет решающее оборонное значение, что также трактовалось в право-троцкистском центре, когда разрабатывалась эта программа.

[Должен сказать, что п] *П*роведению вредительских мероприятий [,] и вредительских инструкций по финансированию сельского хозяйства немало помогли Рудзутак, [и Яковлев, Рудзутак,] который занимался вопросами финансов в Совнаркоме, и Яковлев. [, который всегда совал свой нос по вопросам сельского хозяйства, по каждому удачному и неудачному поводу.]

[Председательствующий Ульрих. Есть еще у кого-либо]

Из обще-политических моментов я как будто бы все основное и главное назвал. Таким образом, я хотел бы сказать, что я здесь, перед Верховным Судом Советского Союза, должен отвечать и отвечаю за длинную цепь тягчайших преступлений против советской власти и острейшую борьбу против советской власти, во-первых, как один из участников националистической контрреволюционной борьбы на Украине, которая через ряд этапов выродилась в национал-фашистскую организацию, одним из руководителей которой я являюсь, и как один из участников право-троцкистского блока, который не ограничивался только работой по линии национал-фашистской организации Украины, но, начавши со связи с право-троцкистским блоком этой организации, право-троцкистским блоком [,] я втянулся в более широкую работу по заговорщической право-троцкистской работе, и одновременно я отвечаю за измену родине и за прямые связи с влиятельными кругами некоторых фашистских государств, направленные к выполнению задач право-троцкистского блока, к свержению советской власти и к отрыву от СССР целого ряда областей.

Я целиком и полностью признал себя виновным, и мне нечего добавлять, что я ни в малой мере не намерен в своих показаниях смягчать размеры своей вины.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопросы есть у кого-нибудь?] *Председательствующий Ульрих. Есть ли еще у кого-либо вопросы к подсудимому Гринько?*

[ВЫШИНСКИЙ. Разрешите.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.]

ВЫШИНСКИЙ. Я хотел бы [несколько вопросов] уточнить *несколько вопросов* [о том, что вы говорили здесь, дополнительно вас еще спросить.]

Во-первых, [относительно вашей] *известно ли вам, подсудимый Гринько, о* вредительской работе[ы как члена] право-троцкистского [заговора] *блока,* в области снабжения населения предметами первой необходимости — хлебом и т.д. [Вам известно ли что-нибудь по этому поводу?]

[ГРИНЬКО. Кое-что известно.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вот, пожалуйста, скажите, что известно.]

ГРИНЬКО. [По двум линиям мне известно.] Наряду с вредительством в капитальном строительстве и в сельском хозяйстве, право-троцкистский блок осуществлял довольно большую подрывную работу в области товарооборота. [, и п] *По* этой линии я имел прямую связь с Зеленским. Причем моя связь заключалась в том...

ВЫШИНСКИЙ. Эту связь вы непосредственно установили с Зеленским по собственной инициативе или по его инициативе, или по указаниям третьих лиц?

ГРИНЬКО. Я затрудняюсь сказать, боюсь точно сказать, но, кажется, я без посредников установил, моя инициатива была. Тут было промежуточное звено. Меня Гамарник связал с одним из заместителей Зеленского, с Майоровым, который меня с ним связал. Я связался с ним скорее всего непосредственно. Потом припомню — точно скажу.

ВЫШИНСКИЙ. Какие же преступления в этой области?

ГРИНЬКО. В области товарооборота Зеленский и другие вредители в этой области, [скажем,] *например,* Болотин по Наркомвнуторгу осуществляли *подрывную работу,* [в каком направлении, в направлении] созда*вая*[ния] товарн*ый*[ого] голод[а], товарны*е*[х] затруднени*я*[й] в стране. Это относится как к пищевым, продовольственным товарам, так и к товарам первой необходимости. Скажем, громадное значение имеет вопрос о правильном территориальном распределении товарных масс в соответствии с размерами урожая, с размерами покупательного спроса населения, с зажиточностью населения в отдельных районах. Зеленский, по директивам право-троцкистского блока, [проводил обратное районирование. Например,] в недородные районы завозил[ась] больш*ую*[ая] масс*у*[а] товаров, *а* в урожайные районы меньш*ую,*[ая масса товаров,] что создавало [застопоривание,] затоваривание в одних районах [,] и [создание] товарн*ую*[ой] нужд*у*[ы, товарных недостатков] в других. [, что имело острое политическое значение.]

ВЫШИНСКИЙ. Вам откуда известно, что так поступал Зеленский?

ГРИНЬКО. Это мне известно от Зеленского, и с Рыковым мы говорили, что такие мероприятия целесообразно проводились и проводятся. С точки зрения, конечно, заговорщической организации.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вам известно это лично как от Зеленского...

ГРИНЬКО. Так и от Рыкова и Болотина.

ВЫШИНСКИЙ. Так что вы это утверждаете не голословно, а на основании таких твердых данных?

ГРИНЬКО. Разумеется.

ВЫШИНСКИЙ. [Позвольте, проверить.] Зеленский, вы слышали эту часть показаний Гринько? Как вы относитесь к ним?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Гринько говорит правильно.

ВЫШИНСКИЙ. [Садитесь.] Обвиняемый Рыков, [как] *что* вы скажете?

РЫКОВ. Я частично вынужден отрицать. Если о Зеленском, я не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Не о Зеленском, о самом факте о вредительстве в товарообороте.[I]

РЫКОВ. Я об этом не говорил с ним о таких деталях. Вообще о вредительстве было, но чтобы я разрабатывал конкретный план вредительства в Наркомфине, этого не было.[II]

ВЫШИНСКИЙ. Что вы припоминаете?

РЫКОВ. Я припоминаю, что был разговор относительно низвержения советского правительства. Вспоминаю, что как раз тогда был процесс вредителей в Сибири[46]. На этом процессе была вскрыты, пойманы вредители. У меня был разговор с Гринько о том, что вредителей в области финансовой [там] поймать труднее. [, потому что там прощупать можно.]

ВЫШИНСКИЙ. Это *был* теоретический [был] разговор*?* [такой?]

РЫКОВ. Нет, мы говорили как [,] два человека, которые *признают* вредительство [признают как один] *одним* из методов контрреволюционной работы.

ВЫШИНСКИЙ. То есть говорили как два члена вредительской организации?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. О том [,] что следует вредить таким-то образом?

РЫКОВ. Да, да, это несомненно.

ВЫШИНСКИЙ. И вы вспоминаете?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А детали *вашей беседы* вы не припоминаете?

РЫКОВ. [А о] *О* разработке плана или программе вредительства в Наркомфине — этого я не [могу вспомнить] *припоминаю.*

ВЫШИНСКИЙ. Относительно того, что вообще принципиально, что нужно так вредить, чтобы затронуть наиболее острые вопросы?

РЫКОВ. Нет, я этого не припоминаю.

ВЫШИНСКИЙ. А вы, Гринько, припоминаете?

ГРИНЬКО. Я [думаю, Алексей Иванович, тогда когда вы] *напомню: Рыков, вы* были у меня в Наркомфине по вопросу о развертывании [, когда вы были Наркомпочтелем,] сельской сети почтовых отделений *(вы тогда были наркомпочтелем).* [, мы с Вами совместно проводили довольно большое мероприятие и п] *П*осле *окончания* [этого], так сказать, легальной части, *вы остались, и у нас* были общие политические разговоры, — и об украинских делах, и о связях украинских подпольных организаций с право-троцкистским центром. Вы тогда говорили, вредительство в области финансов отстает. [Вы правильно напоминаете, что сослались на сибирские дела.]

ВЫШИНСКИЙ. [Сибирь обгоняет, а вы отстаете.]

[Ваша ссылка на то, что обвиняемый Рыков говорит, что Наркомфин отстает, в чем?] *Вы говорите, что обвиняемый Рыков говорил об отставании Наркомфина, но в чем?*

[ГРИНЬКО. Отстает от промышленности и транспорта.]

[ВЫШИНСКИЙ. В чем?]

ГРИНЬКО. Во вредительстве.

ВЫШИНСКИЙ. Рыков сказал, что вы вредите плохо.

ГРИНЬКО. [В этом отношении. И т] *Т*огда мы уговорились об основных линиях, по которым нужно будет развернуть работу.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, [это вы принимаете?] *вы подтверждаете разговор с Гринько насчет вредительства?*

I * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

II * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

РЫКОВ. Этого не принимаю. Я это отрицаю и не только потому, что я хочу смягчить свою вину. Я сделал много вещей гораздо более тяжелых, чем это.

ВЫШИНСКИЙ. Но разговор насчет вредительства принимаете?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И относительно того, что в этой области трудно поймать. А вы предпочитали вредить там, где трудно поймать, а не там, где легко поймать?

РЫКОВ. Не всегда можно исходить вредителю из этого.

ВЫШИНСКИЙ. [Но в] *В*ы признаете себя виновным во вредительстве?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Во всяком случае, разговоры о вредительстве у вас были с ГРИНЬКО в плоскости возможных встречных вредительских мероприятий, т.е. преступных дел.

РЫКОВ. В области того, что эта мера нужна и должна быть как одна из мер борьбы против советской власти.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, он [имел] *Гринько* право говорить, что Рыков в должной степени давал ему указания о направлении вредительства.

РЫКОВ. [О применении он может говорить, а о направлении нельзя.] Тут мы друг другу не могли указывать, потому что у нас разногласий не было.

ВЫШИНСКИЙ. А в области Наркомфина, нуждался ли Гринько в ваших указаниях, как вредить, или он сам знал?

РЫКОВ. Я буду говорить об этом в своих показаниях. Мы разговаривали в начале 1935 г., *а он перечислил целый ряд таких вещей, что если они имелись, то они должны были появиться гораздо раньше. О результатах можно было судить по бюджету, а результаты бюджета были после моего ареста, т.е. бюджет на 1937 г.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Вы не принимаете формулировку, которую сказали, — ударить по советской власти советским рублем?

РЫКОВ. Я этого не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Но задача была такова.

РЫКОВ. Я помню его слова о тезисах Клемансо[47].

ВЫШИНСКИЙ. Разве Клемансо тоже хотел кого-нибудь советским рублем ударить?

РЫКОВ. В свое время было известно, что тезисы Клемансо как формулировка стремления к смене правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Это понятно о тезисах Клемансо, а в отношении вредительской работы в области Наркомфина? Это какое имеет отношение?

РЫКОВ. К вредительской работе это непосредственного отношения не имеет. Это одна из насильственных форм.

ВЫШИНСКИЙ. Здесь Гринько говорил о военной группе изменников — Тухачевского и других, которые были *в свое время* [своевременно] осуждены Верховным судом[48]. Вы подтверждаете ту часть показаний, которая касается вас?

РЫКОВ. Я [о] *знал о* военной группе Тухачевского. [знал.]

ВЫШИНСКИЙ. Что вы знали?

РЫКОВ. Эта военная группа *была* организована независимо от блока, независимо от оттенков — троцкисты это или бухаринцы. Военная группа ставила своей целью насильственное устранение правительства Союза и, в частности, участвовала в подготовке кремлевского переворота.

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Об этом вам было известно?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы об этом узнали?

РЫКОВ. Я узнал об этом от Томского в 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ. В 1934 г.?

РЫКОВ. Вероятно.

ВЫШИНСКИЙ. Показания Гринько в этой части соответствуют действительности?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Гринько, относительно урожая, какие разговоры были у вас с Рыковым? Уточните, пожалуйста.

ГРИНЬКО. У меня с Рыковым был такой разговор, что «право-троцкистский центр» придает огромное значение развороту подрывных мероприятий в области сельского хозяйства, что подчеркивает и сам Рыков, что на этой точке зрения стоит Бухарин, что это вытекает из следующего положения. Коллективизация должна дать устранение того противоречия между уровнем промышленного развития страны и уровнем развития сельского хозяйства, устранение, которое является абсолютно необходимым для дальнейших быстрых темпов социалистического строительства. С другой стороны, есть громадная программа о 7—8 миллиардах пудов хлеба, которая решит вопрос о зажиточности деревни и об устранении противоречий между городом и деревней. Эта программа в значительной мере делает большой шаг вперед и имеет огромное значение с точки зрения оборонной для Советского Союза в смысле создания запасов хлеба.

РЫКОВ говорит о том, что ему известно о программе «право-троцкистского центра», что должна разворачиваться подрывная работа.

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует вопрос, почему Рыков счел нужным по этому вопросу говорить с вами?

ГРИНЬКО. Я с Рыковым говорил, что когда я устанавливал связь украинских организаций, мы неизбежно должны были затронуть все главные политические вопросы. У нас получился обмен мнений, который дал информацию. Моя вредительская работа в Наркомфине являлась последующим приложением к той общеполитической связи. С другой стороны, я когда-то работал в Наркомземе, был заместителем наркома, у меня была персональная связь. Для сельского хозяйства, для МТС, для колхозов и т.д. огромное значение имеет весь механизм финансирования, и в связи с этими обстоятельствами РЫКОВ вел со мной разговор, рассказывал мне о подрывных мероприятиях в сельском хозяйстве и направлял меня в этом отношении.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Гринько,* [А] с Бухариным вам [не] приходилось говорить?

ГРИНЬКО. С Бухариным у меня был [общий] короткий разговор в Кремле относительно принципиальной основы подрывных мероприятий в области финансов, разговор об отрицательном отношении право-троцкистского блока к франко-советскому договору[49].

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин не объяснял вам, почему он недоволен франко-советским договором?

ГРИНЬКО. Я об этом скажу дальше. Затем на ходу, в коридорах был разговор вообще о допустимости вредительства как метода политической борьбы, потому что тут есть громадные экономические потери, но он указывал, что поскольку довлеет политика в данном случае, *вредительство следует допустить, с другой стороны, установление более широких экономических связей с капиталистическим миром даст возможность наверстать те по-

тери, которые будут.*[I] [II]Что касается франко-советского договора, то в право-троцкистском центре (у меня был разговор с Рыковым, с Бухариным) было[а] довольно широко распространено[а точка зрения —] отрицательное отношение к франко-советскому договору, потому что франко-советский договор был одним из тех этапов мирной политики советской власти, который устранял или отдалял столкновения с агрессором, [на что] *столкновение на которое* делал ставку право-троцкистский блок; расторжение франко-советского договора, *в целях* [как] развязывания[е] возможностей для агрессора, входило в программу право-троцкистского блока.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите более подробно о пораженческой линии право-троцкистского блока.

ГРИНЬКО. Те первые разговоры, которые мне приходилось вести с целым рядом руководящих людей право-троцкистского блока, показали мне, что основная политическая ставка, — если говорить реально, а не вообще, — была на поражение Советского Союза [к] *в* войне с агрессором, на компенсацию агрессора за счет окраинных территорий Советского Союза и на свержение Советского правительства на этом пути. [Я] *Кроме того, о чем я уже показал*, могу напомнить, например, [разговор, когда я рассказывал] *что когда я рассказывал* Рыкову некоторые подробности продажи КВЖД[50]...

ВЫШИНСКИЙ. Не забудьте, что у нас будет еще закрытое заседание суда.

ГРИНЬКО. Я не забываю. [Тогда у] *У* нас произошел такой обмен репликами, *в результате которого стало ясно,* что это — устранение одного из поводов к возможной войне с Японией, которая стоит в плане право-троцкистского блока.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, право-троцкистский блок ориентировался на войну?

ГРИНЬКО. Да, на войну, на военное поражение Советского Союза и на содействие агрессору в захвате власти.

ВЫШИНСКИЙ. Ориентировался на военное поражение и содействие агрессору в захвате власти?

ГРИНЬКО. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме Рыкова, вы еще с кем-нибудь разрабатывали план подобного рода преступлений?

ГРИНЬКО. Из числа участников настоящего процесса?

ВЫШИНСКИЙ. Да, из числа сидящих здесь на скамье подсудимых.

ГРИНЬКО. Из числа подсудимых по настоящему делу — не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы разговаривали об этом с Рыковым?

ГРИНЬКО. Да, с Рыковым, а о франко-советском договоре с Бухариным.

ВЫШИНСКИЙ. С Розенгольцем?

ГРИНЬКО. Связь с Розенгольцем дал мне Гамарник. Уже одно это обстоятельство говорит, что это связано с некоторыми и военными троцкистскими планами, но с Розенгольцем у меня разговор был, главным образом, по тем мероприятиям, по той подрывной работе, которую он проводил в области внешней торговли.

Это является экономическим аспектом той же пораженческой позиции, поскольку Розенгольц проводил мероприятия, направленные в помощь агрессору за счет Советского Союза.

ВЫШИНСКИЙ. Одним словом, в преступной деятельности Розенгольца были те же пораженческие мотивы, что и в вашей деятельности?

[I] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

[II] Знак абзаца (синие чернила).

ГРИНЬКО. Они лежали в основе всего.

ВЫШИНСКИЙ. Так что можно сказать не только о Рыкове, Бухарине, но и Розенгольце. Еще один последний вопрос. Вам известно было о заговоре Тухачевского от кого именно?

ГРИНЬКО. От Гамарника.

ВЫШИНСКИЙ. А кто, кроме Рыкова, знал об этом заговоре из участников этого процесса, сидящих на скамье подсудимых?

ГРИНЬКО. Знал Розенгольц.

ВЫШИНСКИЙ. А еще кто?

ГРИНЬКО. Со слов Рыкова, знал об этом Бухарин.[1]

ВЫШИНСКИЙ. А еще кто?

ГРИНЬКО. Больше никто. Я не имел связи со всеми. Думаю, что знал Ягода...

ВЫШИНСКИЙ. Вы думаете или вам кто-нибудь говорил? Почему вы так прорицательно думаете?

ГРИНЬКО. На основе тех общих разговоров о Ягоде, которые были у меня с Рыковым.

ВЫШИНСКИЙ. Понятно, вы говорите осторожно, чтобы не сказать лишнего.

ГРИНЬКО. Вообще, о Ягоде Рыков говорил больше намеками.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, о заговоре Тухачевского и о связи право-троцкистского блока с заговорщической группой Тухачевского известно, кроме вас, Рыкову, Розенгольцу, Бухарину и, вы допускаете, Ягоде?

ГРИНЬКО. Да, и целому ряду других людей, которые не сидят сейчас на скамье подсудимых.

ВЫШИНСКИЙ. Я говорю о тех лицах, которые являются участниками данного процесса.

Больше у меня вопросов нет.

ГРИНЬКО. Я хотел бы сказать два слова в заключение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ГРИНЬКО. Показание, которое я дал на предварительном следствии, я мог бы и должен квалифицировать, с одной стороны, как разоблачение меня, потому что показание мое было дано после ареста, но вместе с тем, в процессе дачи этих показаний, в процессе всего того, что я переживал в ходе предварительного следствия, эти мои показания явились одновременно и раскаянием. Я хотел бы подчеркнуть в заключение своих показаний, что я здесь отвечаю как разоблаченный, но вместе с тем отвечаю и как раскаявшийся в своих преступлениях изменник родине.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать, присутствующие встают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (К т. Вышинскому). У вас есть еще вопросы к подсудимому ГРИНЬКО?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У защиты есть вопросы?

ЗАЩИТА. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У подсудимых есть вопросы?

Подсудимые. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*ствующий Ульрих.* Подсудимый Чернов, показания, данные на допросе в предварительном следствии, вы подтверждаете?

---

[1] Подчеркнуто горизонтальной линией (простой карандаш).

ЧЕРНОВ. Подтверждаю целиком и полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (К Вышинскому). Желаете задать вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Чернов, сообщите [несколько] *суду* кратки*е*[х] биографически*е*[х] сведени*я*.[й.]

ЧЕРНОВ. Родился в 1891 г. [Отец — фабричный служащий, мать — фабричная работница.] Учился два года в духовной семинарии. [, потом был оттуда исключен как неподходящий к стенам духовного учебного заведения. *Так было записано при исключении. Готовился экстерном и сдал экстерном в ____[1] гимназию.*[II]] Поступил в Московский университет, где учился около 2-х лет. Однажды арестовывался [, но без тюремного заключения, арестовывался] за революционную работу, *но без тюремного заключения.* Вступил в 1916 г. в партию меньшевиков и оставался меньшевиком до января 1920 г., когда вступил в коммунистическую партию *(*большевиков*)*.

ВЫШИНСКИЙ. Это формально?

ЧЕРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А по существу?

ЧЕРНОВ. Вступивши в коммунистическую партию большевиков в январе 1920 г., до 1927 г. я честно выполнял те задания, которые партия на меня возлагала.

ВЫШИНСКИЙ. До 1927 г.?

ЧЕРНОВ. Да. Но должен со всей откровенностью признаться, что старое меньшевистское нутро во мне, безусловно, сохранилось, и как только от методов ограничения партия перешла к методам наступления на кулацкие элементы в деревне, так это меньшевистское нутро немедленно себя дало знать.

ВЫШИНСКИЙ. В чем это выразилось, что оно дало себя знать это меньшевистское нутро?

ЧЕРНОВ. С осени 1927 г. у меня начались определенные сомнения в правильности генеральной линии партии.

ВЫШИНСКИЙ. И к чему это привело?

ЧЕРНОВ. [[В] 1927 г. был годом начала более резкого обострения классовой борьбы в деревне.] Я в это время работал в качестве Наркомторга Украины и руководил хлебозаготовками, хлеб являлся как раз тем оселком, вокруг которого наиболее сильно обострилось сопротивление кулачества и его борьба против советской власти. Этой осенью на Украину приехал Вячеслав Михайлович Молотов и поставил перед ЦК Украины и перед нами как хлебозаготовительными работниками вопрос о хлебозаготовках совершенно по-иному, чем он ставился раньше. Раньше методом хлебозаготовок была свободная купля-продажа. Это отвечало моему меньшевистскому нутру. Тут был поставлен вопрос о применении чрезвычайных мер против кулацко-зажиточной верхушки деревни. Это было началом решительного наступления на кулака. Я считал это неправильным, считал, что это поведет к разорению сельского хозяйства, к уменьшению товарности сельского хозяйства, и вот тут и начались мои сомнения.

ВЫШИНСКИЙ. Вот я и спрашиваю — к чему они привели, ваши сомнения?

ЧЕРНОВ. Эти сомнения укрепились к 1928 г. В 1928 г. на Украине был недород, и я объяснял этот недород не теми климатическими условиями, которые лежали в основе этого недорода — была очень плохая зима и плохая весна тогда на Украине, которая погубила посев, а считал, что этот не-

[1] Подчеркнутый и незаполненный пробел.

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

дород есть не случайное, а органическое явление, вызванное применением чрезвычайных мер в хлебозаготовках, поскольку эти чрезвычайные меры, по моему мнению, повели к уничтожению у крестьянства, и у середняка в том числе, заинтересованности в развитии своего хозяйства, в уходе за посевами, в лучшей обработке земли и т.д.

Я не ограничился тем, что только сам имел у себя эти сомнения, уже укрепившиеся в 1928 г., я свои сомнения излагал среди тех работников, с которыми я работал, искал среди них соучастников своих взглядов.

ВЫШИНСКИЙ. И нашли?

ЧЕРНОВ. Нашел.

ВЫШИНСКИЙ. Кто это были?

ЧЕРНОВ. Гольдин — это председатель Укрхлеба, потом Васильев — работавший в сельском Господаре, и ряд лиц, с которыми я тогда работал в области хлебозаготовок на Украине. И, кроме того, таких же единомышленников видел, находил и среди лиц, которые не были непосредственно со мной связаны по хлебозаготовкам, но которые со мной, руководителем хлебозаготовительной работы, знающим положение в деревне, очень часто беседовали и также выражали свое недовольство политикой Центрального Комитета в деревне. К числу их относятся Затонский, Порайко, Гринько и еще ряд лиц, которых я уже всех не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Это было в каком году?

ЧЕРНОВ. Это было в 1928 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были членом нелегальной организации правых в 1928 г.?

ЧЕРНОВ. Я считаю, что поскольку я свои взгляды излагал *перед своими единомышленниками, выражал недовольство политикой партии* [, свою точку зрения перед людьми отстаивал,] — это уже было началом [к тому] *того,* чтобы начать создавать такую организацию на Украине, но считаю, что формальным моментом своего вхождения в организацию правых явился момент после моей первой встречи с [Алексеем Ивановичем] Рыковым.

ВЫШИНСКИЙ. Вас вовлек в эту организацию Рыков?

ЧЕРНОВ. Да, но я был к этому [делу] уже подготовлен.

ВЫШИНСКИЙ. Собственно говоря, вы нашли друг друга.

ЧЕРНОВ. Да, надо так понимать. [Произошло это таким образом.] *С Рыковым я встретился* [О] *о*сенью 1928 г. [п] *П*о предложению Наркомторга Союза Микояна, я должен был поехать в Мухолатку, в санаторий в Крыму, где Микоян проводил отпуск[51], для доклада по вопросу о своей наркомторговской работе на Украине. Там в то время находился Алексей Иванович Рыков. Как я узнал, между прочим, среди моих единомышленников, мы между собой делились мыслями о том, что хорошо бы кому-нибудь из нас повидаться с Рыковым и побеседовать по тем вопросам, по которым мы беседовали на Украине, о которых я говорил. Я решил воспользоваться этим пребыванием Рыкова в Мухолатке, и мы с ним увиделись. При встрече я информировал Рыкова о положении в украинской деревне, о том недороде, который на Украине есть, о том разорении, которое в украинской деревне наблюдается. Рыков особенно интересовался перегибами, которые допускались, которые имели место в отдельных случаях в хлебозаготовительной работе, и я эти случаи Рыкову излагал. Затем, помню, Рыков на мою информацию и на изложение отдельных случаев перегибов мне сказал: «Вы думаете, что это отдельные случаи головотяпства хлебозаготовительного аппарата? Вы неправильно понимаете. Это результат политики ЦК партии, которая ведет деревню и сельское хозяйство к разорению».

ВЫШИНСКИЙ. Ну, а как вы реагировали?

ЧЕРНОВ. Я на это реагировал большей смелостью в изложении перед ним тех сомнений, о которых я суду сейчас рассказал. Рыков изложил передо мною взгляды правых по этому вопросу, т.е. не только по этому вопросу, а взгляды и программу правых, направленные против коллективизации и против индустриализации страны.

Я Рыкову при этой встрече сообщил, что имею на Украине единомышленников. [по своему вопросу и перечислил, в частности, те фамилии, которые я сейчас назвал суду.] На это Рыков мне ответил, что все это известные люди, большинство которых он знает, [что это люди авторитетные на Украине] и могут оказать большую пользу в деле правой организации. Но, дескать, вам не следует сейчас широко выступать и, тем самым, раскрывать свои силы. Время для нашего широкого выступления еще не настало. [Вы, дескать, должны знать, какому разгрому ЦК подверг троцкистов, и если мы сейчас уже свои силы будем раскрывать, то это будет отрицательным для нашей организации правых.]

Я на это Рыкову сказал, что если я его правильно понимаю, то значит, мы должны создать тайную, подпольную организацию. Это он подтвердил, причем к этому еще добавил, что вот, говорит, вы, Чернов, являетесь Наркомторгом Украины, сидите на весьма ответственном участке работы. Ваша задача заключается, дескать, в том, чтобы вы свою работу вели таким образом, чтобы добиться[лись] озлобления середняка путем распространения на середняцкие массы деревни тех репрессивных мер, которые [Центральным Комитетом установлены] *правительством установлены были* по отношению к *кулакам.* [кулацкой деревне.] Углубляйте перегибы, озлобляйте середняка, учтите особо национальное чувство украинского населения и везде объясняйте, [где это представится необходимым и нужным,] что эти перегибы являются результатом московской политики, и таким путем мы будем и создавать наши кадры и поднимать крестьянство против Советского правительства и против ЦК.

[Вот в общих чертах та встреча, которая была у меня в Мухолатке и с момента которой я считаю себя по существу, формально и как угодно активным членом организации правых.] В заключение мы установили с Рыковым, что я при приезде в Москву буду к нему заходить и поддерживать с ним связь для координации действий правой организации на Украине.

ВЫШИНСКИЙ. [У меня вопрос к обвиняемому Рыкову.]

Обвиняемый Рыков, скажите, в этой части указание Чернова соответствует действительности?

РЫКОВ. Я с Черновым виделся и старался убедить его в правильности моей тогдашней контрреволюционной деятельности, собирался сделать его своим сторонником, но нашел готового сторонника в лице Чернова.

ВЫШИНСКИЙ. Стараться особенно не пришлось?

РЫКОВ. Не только особенно, а совсем не пришлось стараться.

Я не могу с такой подробностью, как он, передать, меня возбуждает. *Все, что он говорит, по существу и в основном правильно, но то, что я являлся сторонником перегибов, в этой части, мне кажется, он неправ. Во всем остальном он прав.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Вот давайте говорить о всем остальном.

В 1928 г. действительно к вам являлся Чернов и действительно ли он перед вами, как перед одним из руководителей правого течения, *будем так

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш)

говорить, того времени, ставил ряд вопросов политического порядка, и вы освещаете эти вопросы с вашей точки зрения*[1], причем рассчитывали его склонить к участию к вашей группе. К этому времени уже у вас была группа правых на подпольном положении?

РЫКОВ. На подпольном нет.

ВЫШИНСКИЙ. Но была уже оформленная группа?

РЫКОВ. Да. О создании такого же типа организационного гнезда, полулегального, могла идти только речь.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, была полулегальная группа во главе с вами, а еще с кем? С Бухариным и Томским. Я так понимаю?

РЫКОВ. Да, была такая группа.

ВЫШИНСКИЙ. И вы решили вовлечь Чернова в эту группу?

[РЫКОВ. В сторонники этой группы.]

[ВЫШИНСКИЙ. Но вы говорите, что он был уже готов и разделял ваши установки.]

РЫКОВ. Да, я нашел сторонника в лице Чернова. Когда я в 1928 г. был в Мухолатке, я не знал позиций Чернова в этом вопросе и стремился [,] его, как называется, убедить или обработать. Для меня в тот период было неожиданным, что в лице Чернова я нашего готового сторонника.

ВЫШИНСКИЙ. Нашли готового партнера.

Потом встречались с Черновым?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

РЫКОВ. Через несколько месяцев [,] после этого, когда он ехал за границу.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Чернов, это правильно?

ЧЕРНОВ. Нет, я встречался еще, не один раз. То, что я встретился с Рыковым перед поездкой за границу, я подтверждаю, но дополняю, что это не единичная встреча, а было еще несколько встреч, о которых, если суд пожелает, я расскажу.

ВЫШИНСКИЙ. Если это относится к предмету обвинения.

Значит, пока, обвиняемый Рыков, можете сесть.

ЧЕРНОВ. Я еще раз подтверждаю, видимо, Алексей Иванович забыл, а я прекрасно помню, и помню, как это было выражено. Я не могу поручиться за каждое слово, но за содержание и конструкцию фразу слов Рыкова, что я в своей работе должен организовать ее так, чтобы углублять перегибы и, тем самым, вызывать озлобление середняка. ...и учесть в своей работе, как члена правой организации, националистические чувства украинского населения. Это я прекрасно помню.

ВЫШИНСКИЙ. Это мы дополнительно можем уточнить. Пока идет речь о ваших конспиративных связях с Рыковым. Продолжайте дальше.

ЧЕРНОВ. Дальнейший характер моей работы несколько изменился в связи с тем, что я рассчитывал раньше работать на Украине, а потом меня перевели на работу в Москву.

Я перехожу к следующему эпизоду. В конце 1928 г. я должен был поехать в Германию на лечение. Зная о том, что в Германии живет мой старый товарищ по меньшевистской организации, я решил с ним повидаться.

ВЫШИНСКИЙ. Кто это?

ЧЕРНОВ. Кибрик, с которым я переписывался до 1925 г., *проживающий в Германии под чужой фамилией.* [Зная, что Кибрик живет не под своей фами-

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

лией и не имея от него писем с 1925 г., а срок моего пребывания в Германии был не более полутора месяцев, я решил обратиться к другому товарищу — гражданину Советского Союза, которого я хорошо знал, что он по убеждениям правый человек. Это — Яновицкий, работавший в торгпредстве. Я попросил, чтобы он постарался Кибрика разыскать, т.к. я с ним хочу увидеться.]

Перед поездкой в Германию я решил зайти в Москве к Рыкову.

ВЫШИНСКИЙ. Почему *вы обратились* к Рыкову?

ЧЕРНОВ. Потому что я с ним условился, что [, приезжая в Москву, буду у него,] будем координировать свои действия как члены правой организации, и, кроме того, не будет ли каких поручений в Германию.

ВЫШИНСКИЙ. Поручений по... подпольной работе?

ЧЕРНОВ. Я не думал об этом.

ВЫШИНСКИЙ. По какой линии были поручения?

ЧЕРНОВ. До разговора с Рыковым я не знал, что будут за поручения.

ВЫШИНСКИЙ. Вот вы думаете себе, поеду за границу, какие же будут поручения — легальные или нелегальные.

ЧЕРНОВ. Я об этом не думал.

ВЫШИНСКИЙ. Не будет ли каких поручений по подпольной линии?

ЧЕРНОВ. По правой организации.

ВЫШИНСКИЙ. По правой организации.

ЧЕРНОВ. Я позвонил секретарю Рыкова — Нестерову, кажется, о том, что я еду за границу и мне по валютным делам, по вопросу повышения валюты нужно поговорить с Рыковым, рассчитывая на то, что Рыков меня примет и поймет. Я снова позвонил секретарю, и, действительно, получил час свидания с Рыковым.

При этом свидании с Рыковым я информировал его о положении в украинской деревне, о том, как там идут хлебозаготовки, [как разоряется деревня,] и сообщил о том, что я еду в Германию.[1] Не будет ли каких поручений? Рыков, зная меня как старого меньшевика, поставил передо мной вопрос о том, не смогу ли я, будучи в Германии, встретиться с Даном и установить связь с ним и передать поручение от имени правого центра. Я Рыкову ответил, что такую возможность я имею и думаю, что в этом отношении может оказать помощь мой товарищ по [старой] меньшевистской работе, о котором я уже говорил — это Кибрик. Тогда Рыков дал мне поручение установить связь с Даном и передать ему поручение от правого центра.

ВЫШИНСКИЙ. Какое поручение?

Чернов. Я забыл сказать, что при этой моей беседе с Рыковым присутствовал еще Томский. Поручения заключались в следующем: через партии II Интернационала поднять общественное мнение капиталистических стран против Советского правительства, через лидеров второго интернационала добиться у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу; заручиться от II Интернационала, а через его лидеров и от буржуазных правительств поддержкой в случае захвата власти правыми в стране. Я на это Рыкову сказал, что недостаточно будет *передать* [только эти поручения] Дану [передать] *только эти поручения.* Безусловно, Дан поставит ряд вопросов о силах правой организации, о том, что правая организация будет делать после прихода к власти. На это Рыков сказал, [что] «вы можете заверить Дана, что мы располагаем достаточными силами в стране для того, чтобы свергнуть существующую у нас власть и захватить ее в свои руки». Причем он особо указал, что мы располагаем этими силами, в том

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

числе среди видных ответственных военных работников. Второе, что он указал — что я могу заявить Дану, что правые после их прихода к власти установят правительство с учетом требований как II интернационала, *так и буржуазных правительств, и пойдут на соглашение с буржуазными правительствами как по вопросам экономического порядка, так, если потребуется, и по вопросам территориального порядка.*[1] Как сейчас помню, Томский, присутствующий при этой беседе, заявил, что антисоветские партии формально не существуют, но фактически они работу ведут, борются за свержение советской власти. Мы, — говорил он, — не только должны их использовать, но и должны их привлечь к управлению государством.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, перед поездкой Чернова в Берлин вы виделись с Черновым?

РЫКОВ. Да. [Это — то свидание, о котором я говорил.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы с [ним] *Черновым* разговаривали в присутствии Томского или с глазу на глаз?

РЫКОВ. В присутствии Томского.

ВЫШИНСКИЙ. Вы давали поручение Чернову связаться в Берлине с Даном?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В каких целях? [вы давали поручение связаться с Даном?]

РЫКОВ. [Целей, н] *Н*асколько я помню, было две: во-первых, освещение в заграничной печати положения в деревне, недовольство крестьян...

ВЫШИНСКИЙ. В какой печати?

РЫКОВ. В зарубежной печати.

ВЫШИНСКИЙ. В какой именно?

РЫКОВ. Я не перечислял ни партий, ни газет, имел в виду печать и социалистическую и буржуазную.

ВЫШИНСКИЙ. И меньшевистскую?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, специально «Социалистический вестник»[52]?

РЫКОВ. В частности, и [он] *его.*

ВЫШИНСКИЙ. А кстати сказать, вам вообще не приходилось за этот период времени направлять в «Социалистический вестник» какие-нибудь корреспонденции непосредственно или через кого-нибудь?

РЫКОВ. У меня была связь с «Социалистическим вестником» через Николаевского.

ВЫШИНСКИЙ. У вас была связь с «Социалистическим вестником», значит, [в этом смысле] вы являлись корреспондентом «Социалистического вестника»?

РЫКОВ. Я давал материалы.

ВЫШИНСКИЙ. Это и есть корреспондент.

РЫКОВ. Корреспондентом считается тот, кто пишет.

ВЫШИНСКИЙ. А вы не писали, вы только давали материал. Вы были сокорреспондентом.

РЫКОВ. Это вопрос слов и стиля.

ВЫШИНСКИЙ. Да, но смысл каков. Вы имели связь с «Социалистическим вестником» и снабжали его разного рода материалами. Какими материалами?

РЫКОВ. Эти материалы касались, главным образом, того же вопроса, о котором говорил Чернов, в период 1928—1930 гг., в связи с теми затруднениями кулацкого порядка, которые партия в то время преодолевала.

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Этот материал был тенденциозно подобран? [со специальной позиции?]

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, клеветнического характера?

РЫКОВ. Тенденциозный и клеветнический, одно переходит в другое очень легко.

ВЫШИНСКИЙ. Я и спрашиваю, переходил ваш материал из тенденциозного в клеветнический?

РЫКОВ. Тут трудно установить разницу между этими понятиями.

ВЫШИНСКИЙ. Одним словом, и то и другое.

РЫКОВ. В таком остром вопросе, как этот, всякая тенденциозность является клеветнической.

ВЫШИНСКИЙ. Вы в то время какую занимали должность?

РЫКОВ. Я в то время был председателем Совета Народных Комиссаров Союза и РСФСР.

ВЫШИНСКИЙ. И одновременно направляли в «Социалистический вестник» [тенденциозный] материал клеветнического характера? Правильно я вас понимаю?

РЫКОВ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Похвальное занятие!

РЫКОВ. Если бы это было похвальное занятие, я бы не имел несчастья разговаривать сейчас с вами.

[(Шум в зале).]

ВЫШИНСКИЙ. Это совершенно правильно.

РЫКОВ. Теперь о второй задаче. Чернов очень ускоряет события, т.к. в данном случае вопрос о захвате власти, который стоял у нас и который и я ставил, [он] относится не к 1928 г., а к началу 1930 г. Тогда я этого не говорил и не мог говорить, потому что сказал об этом через 2—3 года, а в то время вопрос об этом не стоял.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда позвольте установить[е], что именно вы говорили в то время. Вы говорили о двух целях. Первая цель — это осведомление Дана о внутреннем положении СССР.

РЫКОВ. Да, через Дана стараться дать определенные тенденциозные сообщения о положении в деревне и политике партии в деревне.

ВЫШИНСКИЙ. Это одна задача, а другая?

РЫКОВ. Вторая задача — получить поддержку со стороны партий[и] II Интернационала в нашей позиции, занимаемой нами в этом вопросе.

ВЫШИНСКИЙ. [Расшифруйте, пожалуйста.][1]

РЫКОВ. Позиция наша в 1928—1929 гг. была такова: борьба, главным образом, в легальных формах, выражавшаяся в выступлениях Бухарина, в борьбе с Центральным Комитетом, в использовании съездов профсоюзов, и мы имели только первый этап создания нелегальной организации, которая начала создаваться, но еще не была решающей в нашей борьбе с Центральным Комитетом.

ВЫШИНСКИЙ. Это я понимаю. Но когда вы говорите о том, что Чернов и Дан ставили вопрос перед партиями II Интернационала о поддержке вашей борьбы, что вы имеете в виду? В каких формах эта борьба выражалась, в чем должен был вас поддержать II Интернационал.

РЫКОВ. [В смысле] *Добиться* такого давления через общественную организацию буржуазных государств на Центральный Комитет ВКП(б), чтобы он

---

[1] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

изменил свою политику. В период 1928 г. эта возможность и эти надежды еще не были потеряны у меня, так же как и у других членов организации.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вот эти две задачи перед вами стояли и в этой области вы давали поручения Чернову?

РЫКОВ. Да. И он потом мне сообщил непосредственно, или через третье лицо — точно я сейчас этого не помню — о том, что это поручение он выполнил.

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было вам сообщено?

РЫКОВ. Это было после возвращения Чернова месяца через три-четыре.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1930 г. у вас был с Черновым особый разговор, когда вы поставили вопрос о свержении Советской власти?

РЫКОВ. С Черновым я не помню такого разговора, но возможность подобного разговора, конечно, не исключена.

ВЫШИНСКИЙ. Раз вы ставили такую задачу, конечно, эта возможность не были исключена.

[Обвиняемый] *Подсудимый* Чернов, [то,] *вы считаете правильным то,* что говорил здесь [обвиняемый] *подсудимый* Рыков*?* [вы считаете правильным.]

ЧЕРНОВ. Подтверждаю, но считаю, что Рыков говорит полуправду. Он умалчивает перед судом о том, что давал мне поручение к Дану о том, чтобы не только говорить относительно помощи самих социалистических партий, входящих во II Интернационал, но [он говорил] и о том, чтобы Дан через лидеров II Интернационала добился у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу.

ВЫШИНСКИЙ. Так вы понимали *поручение* Рыкова*?* [его поручение?]

ЧЕРНОВ. Да, я так понимал, так это и было.

ВЫШИНСКИЙ. Это недалеко одно от другого.

ЧЕРНОВ. Это не далеко, но это полуправда.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, вы настаиваете на своем показании?

РЫКОВ. Да, настаиваю.

ВЫШИНСКИЙ. *[Следовательно,]* [Стало][1] быть, в такой острой постановке вы этого указания в тот период не давали?

РЫКОВ. Этот вопрос встал позже.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы, [обвиняемый] *подсудимый* Чернов, утверждаете, что основная задача и основное поручение, которое давал вам [обвиняемый] *подсудимый* РЫКОВ, заключалось не столько в информации, сколько в организации помощи со стороны враждебных СССР империалистических государств, — вы так утверждаете?

ЧЕРНОВ. Да, да, утверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вам впоследствии приходилось говорить с Рыковым на подобного рода темы?

ЧЕРНОВ. Да, приходилось. Я потом об этом расскажу.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите сейчас?

ЧЕРНОВ. По возвращении из-за границы я виделся с Рыковым и передал ему, как выполнено мною поручение, данное мне к Дану.

ВЫШИНСКИЙ. А вы выполнили это поручение?

ЧЕРНОВ. Выполнил. Я повидался с Даном, сообщил поручение от правого центра [,заключающееся в том, что я перечислил,] и получил ответ не сразу, потому что Дан сказал, что сразу он не может дать ответ, а должен посове-

[1] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

товаться с руководителями II Интернационала. Через несколько дней при второй встрече я получил от Дана положительный ответ на все эти вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. И вы об этом сообщили Рыкову?

ЧЕРНОВ. Да, я об этом сообщил Рыкову.

ВЫШИНСКИЙ. С глазу на глаз?

ЧЕРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Можно Рыкова спросить по этому вопросу? Вы подтверждаете это?

РЫКОВ. Я уже сказал, что он при возвращении, я не помню, лично или через третье лицо, сказал, что он поручение выполнил.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте, [обвиняемый] *подсудимый* Чернов. [Значит, в 1936 г. вопрос стоял в более резкой форме?]

[ЧЕРНОВ. Да, в более резкой форме.]

[Разрешите, я потом по порядку все это расскажу.]

Я еще позабыл сказать о том, что при этом же свидании не от Рыкова, а от Томского я получил поручение [о том, чтобы] создать правую организацию из моих знакомых, если таковые имеются среди сотрудников торгпредства и полпредства в Германии, что я тоже выполнил по приезде в Германию, встретившись с Яновицким. Я узнал от него, что он разыскал Кибрика, знает его телефон и адрес, и я могу с ним там связаться. [Я Кибрику] *По приезде в Берлин я* позвонил *Кибрику,* и мы условились с ним встретиться в баварском зале ресторана «Фатерланд». Эта встреча там с ним и произошла. Встретились мы с Кибриком довольно радостно, как старые знакомые. В беседе я ему изложил, как своему хорошему товарищу, о своих настроениях, политических, конечно, и поставил, между прочим, перед ним вопрос о том, что мне очень необходимо увидеться с Даном, и сказал, для каких целей мне это нужно. Кибрик сказал, что эту встречу он мне устроит.

ВЫШИНСКИЙ. Встреча состоялась?

ЧЕРНОВ. Да, я сейчас расскажу все это подробно. Мы условились, что Кибрик устроит мне эту встречу *с Даном* в Кенигштейне, куда я поехал для лечения, и встреча в Кенигштейне состоялась. [с Даном.] Ко мне зашел Кибрик, и мы с ним пошли в гостиницу, где Дан остановился, и там встреча у меня была с Даном с глазу на глаз, т.к. Кибрик ушел. Я [передал] *рассказал* Дану [, я рассказал Дану] относительно положения внутри Советского Союза, в мрачных красках описал положение сельского хозяйства на Украине [, особо в мрачных красках описывал, как новые методы хлебозаготовок задевают массу середняков, и говорил о том, что это неминуемо вызовет крестьянское восстание], и передал Дану все поручения, которые я от правого центра, в лице Рыкова, получил.

Дан ответил [мне], что он считает предложение правого центра вполне приемлемым, «но должен, говорит, вам задать особый вопрос. Я вас давно знаю. Как вы сами оцениваете силы правой организации?» Я ему на это ответил, что правые обладают достаточными силами для того, чтобы власть захватить и удержать, в том числе указал и на наличие [связей] достаточных *связей* среди военных работников. На это мне Дан ответил, что тут, дескать, вы неправы. Если правые власть и захватят, то удержать власть хоть сколько-нибудь длительно без надлежащей помощи и, прежде всего, вооруженных сил со стороны капиталистических государств не удастся. [Поэтому, дескать, необходима помощь со стороны капиталистических государств в вооруженной силе.] Кроме того, вы должны, дескать, вести свою работу таким образом, чтобы подорвать экономическую и политическую мощь Советского Союза. Причем, как сейчас помню, выражение, которое им было допу-

щено, что вы, говорит, не должны останавливаться ни перед какими средствами. Тот, кто борется за свержение власти и останавливается перед теми или другими средствами, является политическим Маниловым и нужно капиталистическим государствам оказывать помощь в их борьбе против Советского Союза уже сейчас. Вот результаты встречи с Даном. [Мы, как я уже сказал, условились встретиться через несколько дней. Действительно, ч] Через несколько дней я получил приглашение от Кибрика ехать в Берлин. Я приехал. Эта вторая встреча с Даном состоялась на квартире Кибрика. Дан сказал, что он успел связаться с лидерами II Интернационала и просил меня передать РЫКОВУ о том, что лидеры II Интернационала вполне приемлют те предложения, которые я им от имени правого центра передал. Тут же Дан опять вернулся к вопросу о том, что без помощи вооруженных капиталистических правительств не удастся удержать власть правых. Опять подчеркнул о том, что вы, дескать, в частности, как член правой организации, борющейся против советской власти, должны помогать капиталистическим государствам в их борьбе против советской власти, поскольку ваши цели сходятся. Я задал вопрос: в чем эта помощь может выражаться? Дан на это не дал прямого определенного ответа, ответил так, что помощь может быть самая различная, встретиться она в вашей жизни, вы эту помощь должны оказать. Еще я поставил перед Даном вопрос о том, как установить связь между правым центром и между Даном на последующее время. На это мне Дан ответил, что вы, дескать, об этом не беспокойтесь, Рыков найдет возможности установления этой связи. Но я, говорит, хочу, чтобы вы лично поддерживали связь со мною через Кибрика. Вот результат этой моей встречи с Даном.

После беседы с Даном, происходившей, как я сказал, на квартире Кибрика, Дан уехал, а мы с Кибриком остались ужинать. После ужина я должен был поехать на вокзал. За ужином сильно выпили. Кибрик, сославшись на какую-то особую занятость, сказал, что он не может меня проводить на вокзал, и посадил меня в автобус, и я поехал для того, чтобы отправиться обратно в Кенигштейн.

ВЫШИНСКИЙ. На вокзал попали?

ЧЕРНОВ. Нет, не попал, а попал в полицейпрезидиум. В автобусе, в котором я ехал, ко мне пристало несколько немцев. Один из них меня толкнул, я его тоже в свою очередь толкнул.

ВЫШИНСКИЙ. Крепко?

ЧЕРНОВ. Ну, я не так физически силен, чтобы крепко толкнуть, во всяком случае толкнул насколько было сил.

ВЫШИНСКИЙ. Ну и что же случилось?

ЧЕРНОВ. Случилось то, что меня схватили три немца, остановили автобус, пересадили в такси и повезли в полицейпрезидиум.

Я в полицпрезидиуме протестовал и требовал, чтобы меня выпустили. Мне сказали, [выпустить человек, который там был, не может, а] *что я должен дожидаться утра и прихода начальника. Я переночевал там. Утром явился какой-то чиновник, хорошо говоривший по-русски[й], которому я тут же заявил протест. Он говорит, что должен доложить начальнику. Через некоторое время явился человек.*[1] [Я могу назвать его фамилию, если не будет возражений.]

[ВЫШИНСКИЙ. С моей стороны возражений нет.]

ЧЕРНОВ. *Он назвался полковником Обергауз. Он вынул протокол, перевел мне его, [в котором] я обвинялся в изувечивании немцев и в том, что я должен отвечать как уголовный преступник, а кроме того, [мы] копию этого

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

протокола *сказали мне* направи*ть*[или] в [в]*наше* полпредство, и *тут же* предложил мне стать сотрудником немецкой охранки, немецкой разведки. Я отказался.*[I] Тогда Обергауз сказал, — что я, дескать, знаю кое-что о ваших делах в Германии. Я спросил, что? Он ответил, — о ваших встречах с Даном, и показал мне несколько фотокарточек *встреч с Даном*, снятых как в Кенигштейне, так и в Берлине, и, кроме того, передал мне коротко содержание беседы с Даном.

ВЫШИНСКИЙ. Чьей?

ЧЕРНОВ. Моей беседы с Даном. Причем в этом [переводе было] *изложении было* ясное повторение слов Дана. Тогда для меня стало абсолютно ясно, что та ловля меня, которая происходила в [Гер] Германии, [вызывалась] *организовывалась* немецкой разведкой при полном содействии самого Дана и *при* участии Дана, и что сам Дан, безусловно, является агентом немецкой разведки, равно как Кибрик. [Он не мог рассказать о содержании этой встречи, о содержании этого разговора, потому что он происходил с глазу на глаз, даже Кибрика не было.]

ВЫШИНСКИЙ. А то, что вам было предъявлено в полиции, соответствовало действительности?

ЧЕРНОВ. Протокол? Он был составлен тенденциозно, увечить человека я не мог.

ВЫШИНСКИЙ. Относительно разговора с Даном?

ЧЕРНОВ. Это соответствовало тому, [что] *о чем*, действительно, с Даном [разговор был] *говорили*.

ВЫШИНСКИЙ. А разговор с Даном у вас был в присутствии кого?

ЧЕРНОВ. В Кенигштейне разговор был с глазу на глаз. Кибрик [меня] привел меня в комнату Дана и сам ушел.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, полицейский чиновник мог знать разговор от вас [и] *или* от Дана.

ЧЕРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Если вы не могли передать разговор, значит, *полицейский* [он] знал *об этом* от Дана, а если Дан сообщил это полиции, значит, он сотрудник полиции?

ЧЕРНОВ. Да, иначе он бы не передавал.

*Я после этого дал согласие и [после этого] стал немецким шпионом.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, сами попались?*[II]

ЧЕРНОВ. После этого начались формальности, анкеты, [переписка] *подписка*. [и] Обергауз проинструктировал меня о той работе, которую я должен вести *в Советском Союзе* в пользу *Германии*. [немецкого государства в Советском Союзе.] Причем, видя то волнение, в котором я находился, он говорил, — вы [, говорит,] напрасно волнуетесь. Вы боролись против советской власти, и мы боремся против советской власти и, наверное, даже методы нашей борьбы в ближайшее время сойдутся.

ВЫШИНСКИЙ. Это вас успокоило?

ЧЕРНОВ. Не успокоило.

ВЫШИНСКИЙ. Но он вас успокоил?

ЧЕРНОВ. Задания, которые давал Обергауз, сводились к тому, что я должен давать систематические информации немецкой разведке по тем вопросам, которые ее интересуют и которые будут даваться через представителя немецкой разведки в Москве, и *должен* организ*овать*[ации] диверсионно-

---

[I] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

[II] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

вредительск*ую*[ой] работ*у*[ы] на том участке, на котором я работал. Так как я в то время работал по хлебозаготовкам, то, в первую очередь, я должен был вредить в хлебозаготовках.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выразилось ваше сотрудничество с германской разведкой?

ЧЕРНОВ. Мне советовал Обергауз, во избежание провала, не расширять сильно связь с правыми, а держать связь с ограниченным количеством *людей и* [,] закреп*ить*[в] эту связь. [, как один из методов для работы.] Тут же Обергауз сказал, что в течение некоторого времени меня в Москве не будут беспокоить, давая возможность наладить мою разведывательную работу в Советском Союзе. И, действительно, [в течение года] *сначала* [первая явка представителя немецкой разведки произошла в феврале 1930 г.] ко мне никто не являлся, *прошло несколько месяцев, и у меня произошла сначала встреча с представителем немецкой разведки.*

ВЫШИНСКИЙ. Как же она произошла?

ЧЕРНОВ. Я работал тогда, не помню, заместителем наркома или членом коллегии Наркомторга, ко мне позвонили из информбюро Наркоминдела и сообщили, что корреспондент немецкой газеты «Берлинер-Тагеблат» Пауль Шефер должен [меня посвятить] *со мной поговорить* по вопросам информации. Я должен сообщить ему сведения, которые не являются секретными. Действительно, через некоторое время ко мне явился Шефер и сказал, *что он явился от полковника Обергауза и назвал мне пароль «Рейнольд»; это была моя кличка как немецкого шпиона. Я спросил Шефера, что требуется полковнику Обергаузу?*[1] В данное время он потребовал от меня информации по вопросам внутрипартийной жизни, по вопросам состояния работы среди правых, троцкистов, о положении в деревне. Кроме этого, потребовал специальные сведения о запасах промышленных товаров. Особенно интересовался он запасами промышленных товаров в городе. Потребовал сведени*й*[я] о ходе хлебозаготовок и о мобилизационных запасах хлеба. Одну часть требуемых сведений — об информации положения в партии, о работе среди правых — я ему тут же передал словесно, а сведения цифрового порядка передал ему через несколько дней.

После этого у меня был ряд периодических встреч с Шефером. [, которому я] *Я* передавал для немецкой разведки информации [, от которого я] *и через него* получал от немецкой разведки указания об организации [террористической] *вредительской* работы.

[Когда уже был решен вопрос о создании Комитета заготовок, и было известно, что я должен войти туда для работы, но этот комитет еще не был оформлен постановлением[53], я] *Я* имел особенно продолжительную беседу с Шефером по вопросу организации вредительской работы в области заготовок и [в области] хлебоснабжения.

Основное задание, которое немецкая разведка мне тогда дала, заключалось в том, чтобы организовать порчу хлеба в стране. [, д] *Для* [чего] *этого надо было* задержать строительство складов и элеваторов, [с тем,] чтобы создать разрыв между растущими хлебозаготовками и складской емкостью и, тем самым, как говорил Шефер, добиться двух вещей: во-первых, самой порчи хлеба, и во-вторых — вызвать озлобление крестьян, которое неминуемо, если они *у*видят, что хлеб гибнет. [, и затем —] **Требовалось только* организовать сплошное заражение хлебных складов амбарными вредителями и, особенно, клещом. Шефер особенное требование предъявлял к организации зараже-

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

ния амбарными вредителями и клещом мобилизационных *[затем Ш]* запасов.*[I] Эти задания, полученные от Шефера, мною выполнялись. *Затем Шефер из СССР уехал.* [Я не помню уже точно, в конце 1931 г. или в 1932 г., моя связь с Шефером прервалась.] *Перед отъездом* он сообщил мне о том, что, ввиду опасности провала, он должен уехать в Германию, но немецкая разведка не преминет со мной связь установить.

Моя связь с представителями немецкой разведки снова восстановилась уже тогда, когда я перешел на работу *в Комитет Заготовок.* [в Наркомзем Союза.] *Шпионско-вредительская работа особенно усилилась с моим назначение Наркомземом.* [Это было таким образом.] *Через несколько месяцев после назначения меня Наркомом Земледелия Союза, ко мне в Наркомзем явился некий Райвид — мой товарищ по меньшевистской организации в Иванове, работавший в Наркоминделе в течение длительного периода.*[II] Мы с ним изредка встречались, поэтому *я не удивился тому, что он зашел ко мне в Наркомзем.*[III] Но когда мы с ним остались в кабинете одни, он сказал: «Нам надо с вами серьезно поговорить, Рейнольд» — [начало] *этим все* было расшифровано, все стало ясным. Оказалось, что Райвид является резидентом немецкой разведки в Советском Союзе и получил от Обергауза указание установить со мной связь. [Наши встречи] *Мы встречались* с Райвидом [были] неоднократно. *Когда я пришел на работу в Наркомзем,* [в ближайшее же время] наши встречи были посвящены тому, чтобы разработать [более или менее] подробную программу вредительской и диверсионной работы в области сельского хозяйства по основным, узловым [важнейшим] вопросам. Эта программа, разработанная на основе требований немецкой разведки, заключала в себе [вопросы] вредительство[а:] по семенам, по севообороту, по машинно-тракторным станциям, по животноводству, причем особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства, с тем, чтобы, как Райвид говорил, не дать лошадей для Красной Армии. В части, касающейся семян, мы включили в свою программу — запутать семенное дело, смешать сортовые семена и, тем самым, понизить урожайность в стране. В части, связанной с севооборотом, путем неправильного планирования посевных площадей поставить колхозное крестьянство в такое положение, при котором [бы] колхозники фактически *не могли бы* [, физически не могли] осуществлять правильный севооборот и были *бы* вынуждены занимать под посевы луга и пастбища, [что] *это должно было* привести[одило бы и] к уменьшению урожая в стране и вместе с тем вызывало бы озлобление крестьян, которые никак не могут понять, почему их заставляют распахивать луга и пастбища, когда колхозы хотят развивать животноводство и нужна кормовая база.

Что касается МТС, *то здесь* была поставлена задача [такая, чтобы] выводить из строя трактора, комбайны, сельскохозяйственные машины, запутать финансовое хозяйство МТС, для чего сажать во главе МТС людей негодных, провинившихся и, прежде всего, членов нашей правой организации.

В части животноводства были поставлены задачи — вырезать племенных производителей, добиваться большего падежа скота...

[ВЫШИНСКИЙ. Какими мерами?]

[ЧЕРНОВ. Сию минуту...]

I * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

II * * — рядом на полях знак вопроса, подчеркнутый двумя горизонтальными линиями (красный карандаш).

III * * — рядом на полях знак вопроса (синие чернила).

Не давать развиваться кормовой базе, особенно использовать для падежа скота искусственное поражение скота различного рода бактери[а]ями.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите более подробно о падеже скота, откуда получали бактерии, какие и т.д.

ЧЕРНОВ. Я должен сказать [, что] о том, что я сейчас буду рассказывать, я рассказывал и Рыкову при своих встречах с ним в 1935 г. Я говорил, что мною подготовлены такие-то диверсионные акты, и получил одобрение со стороны Рыкова.

Мною были проведены следующие диверсионные акты. Для того, чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику Ветеринарного управления Гинзбургу, *участнику организации правых*, а через него начальнику Ветснабжения, *также участнику организации правых,* не завозить противоязвенные биопрепараты в Восточную Сибирь, зная о том, что в Восточной Сибири очень опасно по части сибирской язвы. Препараты эти туда завезены не были. Подготовка эта велась в 1935 г., и когда весной 1936 г. там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и, тем самым, было погублено (я точно не могу сказать), во всяком случае, больше 25.000 лошадей.

Второе. Я поручил Гинзбургу и заведующему бактериологическим отделом Бояршин*ову*[у] произвести искусственное заражение [чумой и рожей свиней в] Ленинградской области *свиной рожей, а* в Воронежской [области] и Азово-Черноморском крае — *чумой.* [В Ленинградской области заражение свиной рожей, а в Воронежской и Азово-Черноморском крае — чумой.] Выбрал я эти две бактерии, потому что прививка эта производится свиньям не убитыми микробами, а живыми, только ослабленными. Поэтому технически организовать искусственное заражение было довольно просто. Во-вторых, потому что по этим двум болезням существует правильный порядок, при котором, в случае заболевания чумой в той или иной местности, подлежит поголовный прививке все, находящееся в этой местности, поголовье свиней. Это давало возможность сразу придать массовый характер этому заболеванию.

С этой целью были выделены, по моему предложению, фабрики: Кашинцевская, Орловская и Ставропольская. Там были изготовлены биопрепараты с неослабленными бактериями под особыми номерами серий. Номера этих серий были сообщены Бояршин*ову*[у], который сообщил их на места тем начальникам ветуправлений, на которых можно было положиться в этом случае, а они, в свою очередь, передали их *в районы* тем ветврачам, [в районы,] которые были антисоветски настроены и в случае большого падежа скота не стали бы поднимать большого шума.

...Таким образом, эти биопрепараты были завезены, и искусственная прививка была произведена в этих трех областях.

Трудно оценить результаты, но, во всяком случае, нужно считать, что, благодаря этому диверсионному акту, было погублено несколько десятков тысяч свиней.

ВЫШИНСКИЙ. Это все?

ЧЕРНОВ. В части, касающейся диверсионных актов, это все. В части, касающейся моих связей с немецкой разведкой, я добавить ничего не имею, и хотел бы вернуться к продолжению показаний о моих связях с правым центром и с Рыковым.

ВЫШИНСКИЙ. Еще один вопрос по части связей с немецкой разведкой. Вы получали какие-нибудь деньги от разведки?

ЧЕРНОВ. Да, я совершенно упустил это из виду.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, конечно, это такой маловажный вопрос, вы о нем забыли.

ЧЕРНОВ. Это вопрос, конечно, не маловажный, но я его упустил из виду. Я в Берлине получил 2 тысячи марок...

ВЫШИНСКИЙ. А всего сколько?

ЧЕРНОВ. Примерно около 30 тыс. [рублей в] немецких мар*ок*[ках] и около 150 тысяч рублей советскими рублями. Значительная часть этих денег была использована на мои личные нужды, а некоторая часть для подкупа членов правой организации, которых я считал нужным подкупить.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, часть полученных денег была использована для подкупа, а большая часть — на свои личные нужды.

ЧЕРНОВ. Абсолютно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Стало быть, можно сказать, что вы не только попали в ловко расставленные сети немецкой разведки, но что вы сознательно продавались на деньги врагам?

ЧЕРНОВ. Абсолютно точно.

ВЫШИНСКИЙ. [Дальше?] *Расскажите о ваших дальнейших связях с Рыковым.*

ЧЕРНОВ. Продолжаю насчет своих связей с правой организацией и с Рыковым. Кроме тех встреч с Рыковым, о которых я рассказывал, я имел следующую встречу с ним в декабре 1930 г. Был я вызван им самим, встреча происходила у него на квартире. При этой встрече [у Рыкова] было очень радужное настроение [и] у *Рыкова и у* Томского, который тоже присутствовал при этой встрече.

[После моей информации о ходе хлебозаготовок и о положении в деревне Рыков сказал, что вот, дескать, наконец, кулачки заговорили, а Томский к этому добавил — а середняков сам ЦК толкает в объятия кулаков.]

[В общем, н] *Н*астроение было такого порядка, что неминуемы в ближайшее время крестьянские восстания, которые помогут при надлежащем руководстве со стороны правой организации перейти к захвату власти в стране. Тут же Томский, между прочим, сказал о том, что сейчас правый центр принял меры к тому, чтобы добиться получения некоторых видных постов представителям правой организации. Нам, дескать, это очень нужно для совершения дворцового переворота в стране.

Тут же от Рыкова я получил и указание об организации вредительской работы. [, причем з] Задача, которую Рыков поставил передо мной в этом деле, должна была заключаться в том, что путем распространения [репрессивных мер, установленных для кулаков] на середняцкие массы деревни *репрессивных мер, установленных для кулаков,* вызвать озлобление крестьянства против политики партии и против советской власти и путем дезорганизации снабжения хлебом вызвать недовольство среди рабочего населения. [Вот задания, которые им были передо мной поставлены в деле организации вредительства. Более конкретных указаний он не давал, но я в них и не нуждался.]

Следующий раз я встретился тоже по приглашению Рыкова с ним, кажется, в октябре, но, во всяком случае, осенью 1932 г. Эта встреча происходила в тот момент, когда в деревне произошло резкое изменение. Колхозное движение окрепло, кулачество было разгромлено и деревня уже начала реально ощущать результаты индустриализации страны. Хотя Рыков внешне и старался казаться спокойным человеком, но видно было, что он ошеломлен неудачей тех политических прогнозов, которые он до этого делал, и он в беседе со мной [вопрос] поставил *вопрос* таким образом, что нам нужно еще дальше уйти в подполье и ориентироваться в деле захвата власти на совершение «дворцового переворота». Я ему [задал вопрос, что] *сказал:* о «дворцовом перевороте» вы говорили и в 1930 г. со мной, в чем же разница между

установкой 1930 г. и установкой 1932 г.? Он мне ответил: [«]разница в том, что в 1930 г. это было одним из возможных вариантов, а сейчас это наиболее решающий и наиболее важный вариант для захвата власти. Как он говорил, мы должны путем «дворцового переворота», т.е. ареста и убийства руководителей партии и правительства, захватить власть в стране.

ВЫШИНСКИЙ. Это уже вторая встреча после 1930 г.?

ЧЕРНОВ. Первая встреча была в 1930 г., а это было в 1932 г.

ВЫШИНСКИЙ. Следующая встреча когда была?

ЧЕРНОВ. Следующая встреча была в 1934 г., через несколько месяцев после назначения меня Наркомземом Союза. Происходила она по вызову Рыкова у него на даче. Эта встреча была у нас с глазу на глаз. [Томского не было.] И содержание этой встречи относилось, главным образом, к вопросам организации моей работы как члена правой организации, в связи с *моим* назначением в Наркомзем Союза. Здесь Рыков поставил передо мной задачу, сводившуюся к тому, что я должен организовать свою работу так, чтобы добиваться подрыва колхозного строя, а для этого вести руководство колхозами так, чтобы не было заинтересованности у колхозника в участии в колхозном производстве, а для [чего] *этого* вести колхозное хозяйство так, чтобы колхозник, как он говорил, получал гроши за трудодни. [Конкретно мы всего плана вредительской работы не устанавливали, а условились лишь о том, что я на основе этой директивы вместе с узкой группой членов правой организации Наркомзема уже разработаю и начну проводить конкретный план вредительских мероприятий в области сельского хозяйства.]

Следующая и последняя моя встреча с Рыковым состоялась или в конце 1935 г., — я точно не помню, — или в начале 1936 г. Это было в период, когда происходили известные кремлевские совещания руководителей партии и членов правительства с передовиками сельского хозяйства[54]. При этой встрече указания Рыкова сводились к следующему. Он говорил, что мы, дескать, не можем не учитывать того роста и укрепления колхозов, которые имеются в стране, и того роста новых колхозных кадров, которые на этих совещаниях выявлены. Но это, дескать, отнюдь не означает, что у нас нет сил в деревне, которые мы могли бы организовать. И в качестве этих сил указывал кулацкие элементы в лице возвращенцев из спецпоселений и антисоветски настроенные элементы из старой сельской интеллигенции: агрономов, врачей, зоотехников и т.д. Эти, дескать, силы мы должны всячески мобилизовать и использовать для нашего дела. И особо подчеркивал, что для возможности захвата власти правых в стране имеются только два выхода: это насильственное устранение руководства партии и руководства правительства, т.е. их арест или убийство или то и другое. И особенно *он* упирал на необходимость поражения Советского Союза в войне с капиталистическими странами, в случае нападения последних на нас, и в этом свете особо указывал на всю важность организации вредительской и диверсионной работы, говоря, что раз нам необходимо поражение Советского Союза для завоевания власти в стране, то мы это поражение должны ускорить, а равно ускорить и самое наступление войны путем уменьшения экономической и оборонной мощности Советского Союза. Вот к этому сводилась наша беседа в 1935 г. Повторяю, что при этой встрече о тех диверсионных актах, о которых я говорил, в частности, об искусственном заражении скота, я сообщил Рыкову, как равно при каждой встрече информировать его о той вредительской работе, которая мною организовалась как в области работы по хлебозаготовкам в Комитете Заготовок, так и в области Наркомзема, в области сельского хозяйства.

ВЫШИНСКИЙ. Это все? Значит, в 1936 г. вы имели последнюю встречу с Рыковым.

ЧЕРНОВ. Или в конце 1935 г. или в начале 1936 г. Я должен добавить: тут как раз Рыков мне сказал, что дальше он не может со мною встречаться, т.к. боится провала, т.к. установлена очень большая слежка за ним, и сказал, чтобы я установил связь с другим запасным центром через Любимова.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, первая ваша заговорщическая встреча с Рыковым была в 1928 г., а последняя в 1936 г. или в конце 1935 г.?

ЧЕРНОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в 1926 г. вы с Рыковым встречаетесь и говорите с ним о вашем участии в борьбе против советской власти?

ЧЕРНОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы выполняете его поручение во время поездки за границу по связи с Даном.

ЧЕРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В 1929 г. вы с ним встречаетесь?

ЧЕРНОВ. В 1929 г. на короткое время для информации.

ВЫШИНСКИЙ. В 1930 г. вы опять имеете с ним встречу на той же почве ваших общих преступлений?

ЧЕРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В 1932 г. вы опять имеет встречу на почве тех же ваших общих преступлений?

ЧЕРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В 1934 г. вы вновь с ним встречаетесь на той же почве преступной общей деятельности и, наконец, в конце 1935 г. или в начале 1936 г. вы встречаетесь с ним также на той же общей почве преступной деятельности, и дальше с ним прерывается связь по конспиративным соображениям?

ЧЕРНОВ. Да.

Вышинский. [Вот последние ваши встречи] *Ваши встречи с Рыковым* носили характер [, по вашим словам,] получения указаний и инструктажа со стороны Рыкова в отношении вашей преступной деятельности. Так [я понимаю.] *это?*

ЧЕРНОВ. Так.

ВЫШИНСКИЙ. Это не было связано с официальным положением обвиняемого Рыкова?

ЧЕРНОВ. Абсолютно нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы, будучи назначенным Народным комиссаром Земледелия СССР, отправляетесь к человеку, занимавшему пост Наркомпочтеля, и получаете какие-то указания. Значит, связь исключительно преступная?

ЧЕРНОВ. Исключительно преступная.

ВЫШИНСКИЙ. Исключительно преступная связь в области организации преступлений против советской власти и против партии.

Позвольте спросить подсудимого Рыкова.

Подсудимый Рыков, вы согласны в отношении оценки вашей связи с Черновым?

РЫКОВ. После того свидания, в котором он информировал о свидании с Даном. Во всем последующем, что излагал здесь Чернов, я лично припомнить не могу, хотя бы многое из того, что он говорит и излагает *совпало и совпадает с теми контрреволюционными установками и той контрреволюционной работой, которой я в соответствующее время занимался*[1], но от-

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

носительно дворцового переворота я не допускаю, чтобы я мог информировать Чернова об этом, потому что это было для нас в величайшей степени конспирацией, и я мог информировать тех людей, которые будут непосредственно привлечены к этому делу.

А что касается других вопросов, которые он задел, я не возражаю. А по существу, когда до меня дойдет очередь, я скажу о тех формулировках, которые говорил Чернов. Я скажу о своей контрреволюционной и изменнической работе, которую я вел.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, по существу то, что он говорит, — правильно?

РЫКОВ. Да. Относительно последнего свидания я не знаю.

ЧЕРНОВ. Как он мог забыть, Алексей Иванович, об этих трех свиданиях.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, у вас в тот период времени с 1930 по 1936 гг. были встречи и с другими лицами в вашей преступной деятельности?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Многочисленные встречи?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы могли забыть, с кем говорили и о чем?

РЫКОВ. Но, что говорил Чернов, чтобы целиком все забыть, 5–6 встреч, этого не может быть.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Рыков,* [Т] *т*аких, как Чернов, у вас соучастников было много?

РЫКОВ. Это была моя ошибка, но я его к очень крупным соучастникам не причисляю.

[ВЫШИНСКИЙ. Тем более.]

РЫКОВ. Он по дороге из ресторана на вокзал успел попасть в полицпрезидиум.

ВЫШИНСКИЙ. Вот скажем, скамья подсудимых, здесь немало ваших соучастников, Чернов один из них?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А у *вас, подсудимый* Чернов, таких руководителей, как Рыков, было много?

ЧЕРНОВ. Кроме [его] *Рыкова* и немецкой разведки — никого.

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше вопросов нет.

ЧЕРНОВ. У меня есть вопрос к Рыкову.

Как вы не можете объяснить, ведь вы один из главнейших руководителей правого центра, я являюсь народным комиссаром Земледелия.

ВЫШИНСКИЙ. Являлись.

ЧЕРНОВ. Да, являлся. Т.е. я руковожу сельским хозяйством. Вы знаете о том, что я член вашей организации, *и как вы могли допустить, имея члена своей организации на посту наркома Земледелия, не вызвать его к себе для переговоров*[I] по вопросу об использовании моего положения в целях правой организации.

Простите, пожалуйста, за грубость: или вы плохой был руководитель правой организации, чего я не думаю (смех), или не хотите сознаваться. *Никак в голову не лезет, чтобы забыть, я не хочу сказать, что я был большим человеком и т.д., но чтобы забыть встречу с наркомом земледелия по вопросам вредительской работы — очень трудно.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Чернов, вы эти встречи хорошо помните?

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

ЧЕРНОВ. Хорошо помню, часть выражений хорошо помню. То, что я рассказал суду, повторяю, я рассказал всю правду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвиняемый Рыков, на вопрос Чернова желаете ответить?

РЫКОВ. Он слишком хорошо ответил. Может быть, я должен был действовать так, как он говорил. У меня вышла ошибка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На этом сегодняшнее заседание заканчивается. Завтра продолжение заседания в 11 часов.

3 марта 1938 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых: ИВАНОВА
ЗУБАРЕВА
Допрос свидетеля: ВАСИЛЬЕВА

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых: КРЕСТИНСКОГО
РЫКОВА
Подлинник: стр. 169 по 343 вкл.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

3 марта 1938 г.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь. [, пожалуйста.]

Заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР продолжается.

Переходит к допросу подсудимого Иванова.

Подсудимый Иванов, показания, которые вы давали на предварительном следствии, о вашей антисоветской деятельности подтверждаете?

ИВАНОВ. Целиком и полностью подтверждаю. Признаю себя ответственным и виновным в совершении тягчайших преступлений. Я был одним из активных работников группы правых, «право-троцкистского блока». За эти тягчайшие свои преступления я готов нести любую ответственность, которую советское правосудие найдет нужным на меня наложить, и принять все возможные и зависящие от меня меры, поскольку мои способности к этому позволят, чтобы разоблачить всю свою предательскую деятельность и вскрыть всю подлость, гнусность и измену всему Советскому Союзу, партии и народу, изменническую, предательскую деятельность «право-троцкистского блока» и группы правых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопрос*ы*[о]в у вас [нет] *есть*, т. Прокурор*?* [.]

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Иванов, вы признаете себя участником подпольной право-троцкистской антисоветской организации?

*ИВАНОВ. Признаю себя активным участником.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите, при каких обстоятельствах [,] *и* когда вы вступили в эту подпольную антисоветскую организацию.

ИВАНОВ. Может быть, мне будет позволено дать некоторые критерии — что создало обстановку и толкнуло меня на этот путь?*[1]

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синий карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Я об этом и спрашиваю.

ИВАНОВ. Первое мое грехопадение [, которое потом потянуло меня по наклонной плоскости в пропасть измены и предательства перед родиной и народом,] началось в 1911 г., когда я был учащимся Тульской гимназии, в 8-м классе. [Я был тогда еще очень молодым, — юнцом — мне было всего лишь 17 лет. Моя неопытность привела к тому, что ц] Царской охранке удалось меня завербовать в качестве своего агента.

ВЫШИНСКИЙ. [Кто] *Как* именно вас завербовали*?*

ИВАНОВ. Я был очень бузотерным элементом в гимназии, мне несколько раз грозило исключение из гимназии в 8-м, последнем, классе.

ВЫШИНСКИЙ. С каким именно учреждением вы были связаны как охранник, в каком городе?

ИВАНОВ. В городе Туле. Первое предательство я совершил следующим образом...

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю: с каким учреждением вы оказались связанным.

ИВАНОВ. С жандармским охранным управлением *в Туле.*

ВЫШИНСКИЙ. Значит, с Губернским жандармским управлением в Туле?

ИВАНОВ. Да, в самом городе Туле.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выразилась ваша работа и деятельность как агента охранки?

ИВАНОВ. В Туле я был участником большой заварухи, которая была у нас в 8-м классе и которая привела к удалению учительницы немецкого языка, очень ненавистной гимназистам. Я тоже был одним из активных участников этого удаления. Я выдал группу участников, которые организовали это дело — некоего Фромерда и Юдина...

ВЫШИНСКИЙ. А дальше?

ИВАНОВ. Потом, перед поступлением в Московский Университет и отъездом в Москву я порвал связь с охранкой. Месяца за два—три до отъезда в Москву я уже не имел с нею сношения. В 1912 г. я поступил в Московский Университет. В Университете в 1913 г. я принимал участие в одной из забастовок. Меня из университета исключают, исключили тогда большую массу студентов. В Москве меня вновь связывает с собою охранное отделение.

ВЫШИНСКИЙ. В Туле вы с кем были персонально связаны?

ИВАНОВ. С ротмистром Маматказиным.

ВЫШИНСКИЙ. В течение какого времени вы были в Туле агентом охранного отделения?

ИВАНОВ. В конце 1911 г. я был завербован и приблизительно в июне—июле *1912 г.* у меня порвалась связь...

ВЫШИНСКИЙ. [О том, что связь порвалась — будем говорить после. Сейчас я] *Я* хочу выяснить обстоятельства самой этой связи. Значит, в Туле вы были связаны с ротмистром Маматказиным как агент Тульского жандармского управления. У вас была *кличка конспиративная*[I]?

ИВАНОВ. Была: «Самарин».

ВЫШИНСКИЙ. У вас был *номер шпиковский*[II]?

ИВАНОВ. Был: 163.

ВЫШИНСКИЙ. Вы получали вознаграждение за свою *[провокаторскую]* работу?

[I] * * — инверсия — «*конспиративная кличка*».

[II] * * — инверсия — «*шпиковский номер*».

ИВАНОВ. Получал вознаграждение и в Москве и в Туле.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы были платным *[агентом?]*...

ИВАНОВ. Платным агентом царской охранки.

ВЫШИНСКИЙ. Это начало вашей политической деятельности?

ИВАНОВ. [Самая] *Это* позорная полоса в моей жизни.

ВЫШИНСКИЙ. Затем вы приезжаете в Москву [?], *поступаете в Московский Университет в 1912 г.?*

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Никаких неприятностей в связи с забастовкой у вас не было? Вы их ликвидировали своим предательством?

ИВАНОВ. Да.

[ВЫШИНСКИЙ. Вы приезжаете в Москву, поступаете в Московский Университет в 1912 г.?]

[ИВАНОВ. Да.]

ВЫШИНСКИЙ. На какой факультет?

ИВАНОВ. На медицинский.

*[ВЫШИНСКИЙ. Вы приезжаете в Москву, и [не] *вы* привози*ли*[те ли] с собой связ*ей*[и] с охранкой?] *[Приехав] [В 1913 г. вы в Москве ведете активную работу в охранке?]*

[Иванов. Да.]

[ИВАНОВ. Нет, эти связи у меня порвались.]

[ВЫШИНСКИЙ. В чем выразился разрыв ваших связей.]

[ИВАНОВ. Месяца за два до отъезда в Москву я не явился туда и меня больше не тревожили. Я не пошел на очередное свидание...]

[ВЫШИНСКИЙ. И вас не трогали?]

[ИВАНОВ. И меня не трогали.]

[ВЫШИНСКИЙ. Не то, что вы порвали эту связь, заявив, что не желаете работать?][1]

ИВАНОВ. Нет, я просто не пошел и меня не трогали.

ВЫШИНСКИЙ. А если бы вас тронули?

ИВАНОВ. А если бы меня тронули, т.к. было дальше, когда мне все время угрожали тем, что разоблачат, я наверняка пошел бы.

ВЫШИНСКИЙ. Как это и случилось...

ИВАНОВ. Как это и случилось в 1913 г. в Москве.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, можно говорить не о разрыве ваших связей, а о временной приостановке вашей провокаторской деятельности по обстоятельствам, не вполне зависящим от вас.

ИВАНОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. В 1913 г. вы ведете активную работу в охранке?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В Москве?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. С кем вы связываетесь?

ИВАНОВ. С ротмистром Грязновым и полковником *Колоколовым.* [Колоколкиным.]

ВЫШИНСКИЙ. В чем выражалась ваша провокаторская работа?

ИВАНОВ. Я информировал о революционном движении в студенческих организациях, информировал об отдельных товарищах, которые вели революционную работу. Так, например, по Тульскому землячеству я выдал революционер*ов*[а] Северного [—] *и* Номорова. В 1916 г. я выдал *Каплуна* — од-

[1] Рядом на полях помета: «*Восстановить все напечатанное*».

ного из активнейших участников революционной работы на медицинском факультете. [Каплуна.]

ВЫШИНСКИЙ. Кто этот Каплун?

ИВАНОВ. Он, по-моему, сейчас профессор по вопросам охраны труда.

ВЫШИНСКИЙ. Профессор социальной гигиены Московского университета?

ИВАНОВ. Не знаю, он работал, главным образом, в советских учреждениях, ученое звание он получил.

ВЫШИНСКИЙ. В то время он был студентом?

ИВАНОВ. Да, студентом последнего курса и одним из активнейших участников революционной работы. Он возглавлял наш старостат.

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах вы его выдали?

ИВАНОВ. Я точно не помню, было это в 1915 г. или 1916 г. Меня вызвал полковник Колоколкин и потребовал информацию о Каплуне, который был известен своей революционной деятельностью на медицинском факультете. С этого времени я и начал свою информацию. В 1916 г. по инициативе Каплуна созывается собрание представителей студенческих организаций, в связи с нарастанием революционной волны. Это нелегальное собрание я выдаю и тогда же выдаю Каплуна. Остаюсь у него ночевать и пытаюсь его сагитировать на то, чтобы он не уничтожал революционную литературу, т.к. я знал, что он этой же ночью должен быть арестован. Каплун оказался гораздо умнее меня и предупредительнее по отношению к охранке и литературу эту уничтожил еще до собрания. Арестован он был, но прямых улик, в частности, революционной литературы, охранке найти не удалось, и Каплун после месяца отсидки был освобожден.

[ВЫШИНСКИЙ. Это было в каком году?]

[ИВАНОВ.] Потом я информировал о деятельности большевистской организации в Коммерческом институте. У меня там была связь с руководителем тамошних большевиков Тером.

ВЫШИНСКИЙ. Стало быть, вы проникли и туда?

ИВАНОВ. Да, я был связан с большевистской организацией этого института, и передо мной была поставлена задача проникнуть туда и давать информацию.

ВЫШИНСКИЙ. Кем была поставлена такая задача?

ИВАНОВ. Полковником [Колоколкиным.] *Колоколовым.*

ВЫШИНСКИЙ. Какую же информацию вы давали об этой организации?

ИВАНОВ. Я информировал о революционных настроениях, о том, кто является наиболее инициативными, активными людьми. Потом предупредил об одном собрании студентов с рабочими. На этом собрании должны были взять Тера, но он ухитрился выпрыгнуть в окно.

ВЫШИНСКИЙ. *Из* среды[и] участников этой большевистской группы вы тоже выдали *охранке* некоторых лиц?

ИВАНОВ. Одного Тера выдал, но ему удалось ускользнуть.

ВЫШИНСКИЙ. [Дальше.] У вас были еще какие-нибудь акты предательской работы в этот период времени?

ИВАНОВ. По-моему, это все.

ВЫШИНСКИЙ. Сколько времени вы состояли агентом московской охранки?

ИВАНОВ. С 1913 г. по конец 1916 г.

ВЫШИНСКИЙ. Получали вознаграждение?

ИВАНОВ. Да, получал.

ВЫШИНСКИЙ. Какое же вознаграждение вы получали?

ИВАНОВ. В тульской охранке получал сначала 15, потом 20 рублей.

ВЫШИНСКИЙ. А в московской охранке?

ИВАНОВ. Получал сначала 30, 40 рублей, затем дошел до 60—75 рублей. В процессе улучшения качества моей работы [, качества даваемой продукции,] моя ставка подымалась.

[ВЫШИНСКИЙ. И поднялась до 75 рублей?]

[ИВАНОВ. Да, до 75 рублей.]

ВЫШИНСКИЙ. До конца 1916 г. вы были связаны с московской охранкой. А с конца 1916 г.?

ИВАНОВ. С конца 1916 г. я порвал с охранкой.

ВЫШИНСКИЙ. Как в Туле порвали?

ИВАНОВ. Нет, я порвал решительно. и для себя решил, что в случае нужды даже уйти из университета и скрыться.

ВЫШИНСКИЙ. Чем объясняется это ваше решение?

ИВАНОВ. Я вырос в таких условиях, так был связан с интересами революции и рабочего класса...

ВЫШИНСКИЙ. Как были связаны? Вы были связаны в обратном направлении.

ИВАНОВ. Когда я рос...

ВЫШИНСКИЙ. Вы в 8 классе гимназии становитесь провокатором. В момент своего роста [, когда вам было лет 18—19,] вы — провокатор.

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В 19 лет — провокатор.

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В 20 лет вы — провокатор.

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Весь рост ваш был в провокаторстве.

ИВАНОВ. Вы меня не поняли...

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю вас, почему вы в конце 1916 г. решили порвать с охранкой?

ИВАНОВ. Меня это тяготило, с одной стороны, а с другой стороны, подымающаяся революционная волна и перспективы победы рабочего класса меня страшили, я боялся, что когда победит рабочий класс, документы охранки могут попасть в руки революционных организаций, и я буду разоблачен как провокатор.

ВЫШИНСКИЙ. Вот это другое дело. Вы просто испугались расплаты.

ИВАНОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда при чем здесь то, что вы были связаны с революционным движением?

ИВАНОВ. Нет, я не говорил, что с революционным движением.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили о вашем революционном воспитании. Воспитание у вас совершенно определенное. Начали вы свое политическое воспитание под руководством [Маматказина,] ротмистра тульской охранки *Маматказина,* а закончили — под руководством Бухарина и Рыкова. Так я вас понимаю?

ИВАНОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Вот это ваше политическое воспитание.

Когда вы проникли в большевистскую партию?

ИВАНОВ. В 1915 г.

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах? По личному побуждению?

ИВАНОВ. [Когда я связался с большевистской организацией коммерческого института через Тера, Тер мне предложил вступить в партию и одно-

временно с этим б] *Б*ыло указание от полковника Колоколо*ва*[кина] о том, чтобы я вступил в большевистскую партию.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы вступили в партию по [рекомендации] *[предложению] указанию подполковника* московской охранки [Колоколкиным?] *Колоколова?*

ИВАНОВ. Да.

[ВЫШИНСКИЙ. Это что же, служебное было поручение?]

[ИВАНОВ. Ясно, мне кажется, никаких сомнений в этом нет.]

ВЫШИНСКИЙ. В каких целях?

ИВАНОВ. [Я, естественно, должен был вступить] в партию в целях, возможно, более глубокого освещения деятельности большевистской организации.

ВЫШИНСКИЙ. С провокаторскими целями?

ИВАНОВ. Да, с провокаторскими целями.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы [считали] *[указывали] считали* свой партийный стаж?

ИВАНОВ. В анкетах я [, конечно,] писал, что я член партии с 1915 г.

ВЫШИНСКИЙ. А о том, что вы вступили в партию по поручению [ротмистра] *подполковника* Колоколо*ва*[кина], это, конечно, вы оставляли при себе?

ИВАНОВ. Это*го* я [никогда не говорил и] никому не рассказывал.

ВЫШИНСКИЙ. До *какого* момента?

ИВАНОВ. До момента моего ареста.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, пожалуйста, вы имели связь с группой «левых[»] коммунистов»[55]?

[ИВАНОВ. Я имел связь с группой «левых» коммунистов».]

[ВЫШИНСКИЙ. Тогда, когда они организовались?]

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А кто вас [привлек к] *вовлек в* эту[ой] группу[е]?

ИВАНОВ. [Видите ли, з] *З*десь [никто][1] меня *[никто]* не привлекал, по сути дела, потому что [это] самое мое грехопадение и страх, что я могу быть разоблачен при советской власти, [он] меня толкал*и* и гнал*и* в стан врагов, [во вражий стан,] и я, как ворон, *летящий по запаху* [по нюху, по запаху] на падаль, [летящий, так и я примыкаю и,] вливаюсь во всякие враждебные группы, [. Я искал враждебные силы,] которые борются с советской властью, потому что я рассчитывал, что тогда [у меня шансы будут,] при реставрации власти буржуазии [сохранится, спастись, у меня была уверенность, что при власти буржуазии] я не буду разоблачен. [Я, такой гнилой элемент, пошел к «левым» коммунистам.]

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы примкнули к «левым[»] коммунистам»?

ИВАНОВ. [К «левым[»] коммунистам» я примкнул в] *В* конце 1917 [г.] *или [но] в начале 1918 г.*

[ВЫШИНСКИЙ. Или в начале 1918 г.?]

[ИВАНОВ. Да.]

[ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы примкнули сознательно, из враждебных к советской власти и партии целей?]

[ИВАНОВ. Да.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы примкнули к этой группе как враг, который [думал] *рассчитывал,* что с этой группой вам удастся свалить советскую власть?

---

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто волнистой горизонтальной линией.

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И это вы объясняете тем, что этим путем вы рассчитывали легализоваться?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы, вступая в большевистскую партию, с одной стороны, действовали по поручению московской охранки, а с другой стороны, как враг советской власти?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А «левые[»] коммунисты» для вас были наиболее подходящей *группой* [почвой]?

ИВАНОВ. Да, они боролись с советской властью, с партией.

ВЫШИНСКИЙ. Провокационными методами. И вам это было как раз по нутру?

ИВАНОВ. [Здесь я находил в] *У* «левых[»] коммунист*ов*[ах]» *я находил* то, что мне было нужно как врагу советской власти и рабочего класса.

ВЫШИНСКИЙ. То есть конкретно что вы находили в группе «левых[»] коммунистов»?

ИВАНОВ. Возможность борьбы с советской властью и партией.

ВЫШИНСКИЙ. Возможность борьбы с революцией, борьбы с рабочим классом.

Значит, если остановиться на этом периоде, то можно сказать, что начиная с 1911 г. и до тысяча девятьсот, по крайней мере, восемнадцатого года вы ведете борьбу с рабочим классом.

ИВАНОВ. Я предаю и веду борьбу.

ВЫШИНСКИЙ. [Так, п] [*П*онятно.] Вы тогда с Бухариным были связаны?

[ИВАНОВ. Да, я могу сейчас показать. Я с Бухариным был связан. У меня был разговор один с Бухариным и Минковым — одним из активнейших руководителей «левых коммунистов».]

[ВЫШИНСКИЙ. Сейчас меня интересует Бухарин. [, поскольку вы сейчас с ним соседи по скамье подсудимых.] Как Бухарин привлекал вас к этому делу*?* [и т.д.]]

ИВАНОВ. Мы были на нескольких совещаниях, потом Бухарин однажды поставил передо мною вопрос о том, что в знак протеста против партии и против линии Ленина нужно выйти из коммунистической партии и организовать свою партию. Расчет был на то, что это может привести к распаду коммунистической партии и победе «левых коммунистов». Но к этому времени [приблизительно уже] *вскрывается* следующее. [вскрывается.] Я работал тогда партийным организатором в Басманном районе. Мне не удалось получить поддержку в партийной массе по линии «левых коммунистов». [А рабочие прямо перли, все наружу перло и именно выперло —] масса [идет] *шла* целиком за Лениным. [Ясно] мне было *ясно*, [как находящемуся внизу,] что вся работа «левых коммунистов» обречена на провал, на банкротство. [Я тогда уезжаю на фронт.][1]

ВЫШИНСКИЙ. Зачем?

ИВАНОВ. С тем, чтобы порвать с «левыми коммунистами».

ВЫШИНСКИЙ. Зачем же на фронт уезжаете?

ИВАНОВ. На фронт я уехал... (пауза) Здесь у меня были некоторые колебания, и потом я думал, что подальше от глаз я буду менее заметен и меньше опасности разоблачения как бывшего провокатора.

---

[1] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией.

ВЫШИНСКИЙ. Опять спасаясь от опасности разоблачения, а не для того, чтобы защищать советский строй?

ИВАНОВ. Нет, нет.

ВЫШИНСКИЙ. Я этим интересуюсь. Что же вы потом делали?

ИВАНОВ. Потом я встретился с Бухариным на X съезде партии[56], [. На X съезде партии] *где* у нас с Бухариным был следующий разговор. Он поставил вопрос о том, что у меня, мол, с Лениным расхождения по коренным вопросам; я сейчас занят подготовкой своих кадров, которые [бы] готовы были *бы* по первому моему, Бухарина, зову выступить против Ленина. Это, по-моему, было предварение к созданию школки Бухарина[57]. [здесь.]

ВЫШИНСКИЙ. Как Бухарин рассчитывал выступить против Ленина? В каких формах он готовил выступление?

ИВАНОВ. Он был довольно резко настроен. Он просто ждал подходящего момента. Он хотел иметь свои кадры.

ВЫШИНСКИЙ. Для чего?

ИВАНОВ. Для того, чтобы устранить Ленина.

ВЫШИНСКИЙ. Как устранить?

ИВАНОВ. Вплоть до физических методов.

ВЫШИНСКИЙ. А вы говорите о школе. Хорошая «школка»!

ИВАНОВ. Она известна в партии как школа «левых коммунистов».

ВЫШИНСКИЙ. А в действительности это не «школка», а банда, которую создал Бухарин. *Продолжайте свои объяснения.*

ИВАНОВ. Я говорил здесь о «школке» бухаринской как известной уже терминологии.

ВЫШИНСКИЙ. А в действительности это не «школка», а банда.

Значит, у вас с Бухариным старые знакомства?

ИВАНОВ. Они у нас и не прерывались до момента ареста.

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует вопрос, старые знакомства или не старые знакомства у вас с Бухариным?

ИВАНОВ. Старые.

ВЫШИНСКИЙ. По группе «левых коммунистов», по заговорщическим планам по 1918 г. Так я вас понимаю?

ИВАНОВ. Так.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте свои объяснения.

ИВАНОВ. [Затем мы еще встречались, разговоры были те же, но и] *И*нтересен был разговор с Бухариным в 1926 г. Он прямо говорил, что нужно готовиться к борьбе в открытом бою с партией. [, и что и] *И*мейте в виду следующее — что мы выступаем и своими выступлениями даем программу для консолидации всех недовольных элементов внутри страны. Но это, говорит, не основное и не главное, а главное в нашей работе — работать в подполье по собиранию кадров, [по завоеванию и] по завлечению в наши сети наиболее влиятельных членов партии. К этому времени очень резко уже складывается озлобление против руководства партии.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

ИВАНОВ. [Затем, в] *В* 1928 г. [, когда] я еду на Северный Кавказ вторым секретарем. Тут Бухарин [уже в большей мере начинает проявлять ко мне внимание и более откровенно начинает со мной рассуждать. Тогда он] ставит вопрос о том, чтобы я на Северном Кавказе создал группу правых. [До этого времени о такой правой организации я директив не получал, а в 1928 г., когда я еду на Северный Кавказ, получаю директиву — организовать группу правых.] Причем он говорит о том, что Северный Кавказ в нашей борьбе с партией и советской властью имеет очень большое значение. Мы, говорит,

должны возглавить соответствующее крестьянское движение, особенно казачества, движение против советской власти. Нашей задачей является — Северный Кавказ превратить в русскую Вандею. [Я тогда поставил перед ним вопрос, — что это за экскурс в историю. Он мне тогда развивает по этому вопросу целую свою теорию. Она, по-моему, довольно-таки известна в партии. Он говорит о том, что наша задача помогать истории, а не поправлять ее. Он говорит, — в] *В*ы знаете, *говорит он,* что сейчас капитализм вступил в новую фазу своего развития [— финансовый капитал, империалистическая эпоха], и на этой стадии капитализм показывает довольно высокие элементы организованности и плановости. Капитализм, говорит, обнаруживает новые свежие силы, которые выражаются в прогрессе техники, означающем, по сути дела, техническую революцию и как бы омоложение капитализма. И что в соответствии с этим должен быть пересмотрен вопрос нами о противоречиях, о классах, о борьбе классов и т.д. В Маркса нужно внести коренные поправки. Постановка вопроса Маркса о пролетарских революциях сегодня не годится. Учение Ленина и Сталина об эпохе империализма как об эпохе пролетарских революций представляет из себя, говорит, вреднейшую утопию[58]. Это, по сути дела, наша исходная позиция, потому что она нас приводит к фашизму. Тут я вынужден забежать немного вперед. К этому вопросу мы с Бухариным несколько раз возвращались... потому что у меня не совсем в голове это укладывалось, потому что наружу перли противоречия в капиталистическом обществе. Я Бухарину и приводил те факты, которые ясны были сейчас какому-нибудь ученику третьего класса нашей десятилетки. Я ему указывал на обострения между капиталистическими государствами в борьбе за передележку рынков (захват Абиссинии Италией, захват Японией Манчжурии[59]), я ему указывал на кризис 1930 г., я ему указывал на рост безработицы. Потом я ему, в конце концов, указал: смотрите, фашизм, по сути дела, вырос на резком обострении, классовом обострении в капиталистическом обществе. Именно такое обострение оголтелой кровавой буржуазии и нужно для того, чтобы капитализм вышел как-нибудь из обострения капиталистического общества.

Бухарин заявил: вы как следует не продумали этого вопроса. Фашизм, говорил[т] Бухарин, *движение* не реакционное, [движение и не реакционное явление. Фашизм] соответствует новейшим тенденциям в развитии капитализма. [, и мне кажется, что именно эта сторона является основной управой.] Мы пришли прямо к фашизму.

ВЫШИНСКИЙ. Практически, что вам предлагал Бухарин?

ИВАНОВ. Практически Бухарин предложил создать группу правых. Я ее создал. Он предложил связаться с враждебными элементами. Я эту работу тоже провел. Мы связались с казацким кулачеством, со злобными элементами эмигрантов, и все подготовили для того, чтобы обеспечить кулацкое восстание на Северном Кавказе[60].

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы предприняли целый ряд практических мер в этом направлении?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. По прямому указанию Бухарина?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте дальше.

ИВАНОВ. Наибольший интерес представляет моя предательская работа в [Северо-Кавказском] *Северном* крае.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вас отправили в [Северо-Кавказский] *Северный* край?

ИВАНОВ. В 1931 г. С Кавказа я переехал секретарем [Северо-Кавказского] *Северного* крайкома в 1931 г. — 1—2 апреля.

*ВЫШИНСКИЙ. Этот разговор с Бухариным, который вы сейчас передавали, вы суммируете и последующие годы?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В качестве общей установки?*[1]

ИВАНОВ. Да. Работу в [Северо-Кавказском] *Северном* крае нужно разделить на 2 периода. Один период — 1931—1932 гг., второй период — 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ. В чем разница?

ИВАНОВ. В 1931 -1932 гг. у правых вопрос о захвате власти считался предрешенным. Так, по крайней мере, мы считали.

ВЫШИНСКИЙ. Что значит предрешенным?

ИВАНОВ. Я сейчас скажу. У нас было следующее. Трудности роста, которые переживала страна, мы принимали за кризис социалистического хозяйства, озлобление кулачества мы принимали за рост недовольства крестьянских масс и на основе этого считали, что обстановка благоприятствует для захвата власти. Бухарин прямо ставил вопрос о том, что власть прямо прет в руки.

ВЫШИНСКИЙ. Прямо прет в руки?

ИВАНОВ. Да, прямо прет в руки.

ВЫШИНСКИЙ. Только, значит, раскрывай ворота?

ИВАНОВ. Вроде этого.

ВЫШИНСКИЙ. А как же он, Бухарин, мыслил себе захват власти, если она сама прет в руки. [Ведь м] *М*ожно сидеть, сложа руки?

ИВАНОВ. Когда я уезжал в [Северо-Кавказский] *Северный* край, я от Бухарина получил задание организовать...

ВЫШИНСКИЙ. Вы ответьте на мой вопрос, если можете. Вы говорите, что у Бухарина была концепция, что власть прет прямо в руки. Я спрашиваю, какие-нибудь меры предпринимал Бухарин и его сообщники для того, чтобы обеспечить успех этого процесса, когда власть прет в руки?

ИВАНОВ. Я говорил, что на Кавказе, в частности, мы, правые, организовали кулацкие элементы для восстания внутри страны. Это [у]же делали *и* в других местах.

ВЫШИНСКИЙ. Но здесь не решает вопрос Северный Кавказ. Я спрашиваю, какие были даны установки Бухариным в связи с этим его прогнозом, как вы видите, весьма ошибочным для Бухарина. [, к сожалению.] Какая у него была практическая программа.

ИВАНОВ. Практическая программа его была — подготовить восстание.

ВЫШИНСКИЙ. Об это я вас и спрашиваю, была ли такая установка или разговоры были?

ИВАНОВ. Нет, была установка. Когда я был на Северном Кавказе, тогда была ориентировка. Когда я поехал в Северный край, была дана установка готовить вооруженное восстание.

ВЫШИНСКИЙ. Это вытекало из задачи захвата власти?

ИВАНОВ. Это вытекало из задач захвата власти и свержения советской власти.

ВЫШИНСКИЙ. [Я вас спрашиваю, с] Ставился ли тогда вопрос [в лице] Бухарин*ым*[а], [в лице] Рыков*ым*[а] о захвате власти [.]*?*

ИВАНОВ. О захвате власти до 1931 г. ставился вопрос.

---

[1] * * — рядом на полях две вертикальные черты, обведенные в круг (синий карандаш). Вероятно, правка И В. Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. И вас в этой связи было дано конкретное задание организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе?

ИВАНОВ. Да, организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе и потом в Северном крае.

ВЫШИНСКИЙ. Это было в 1931 г.?

ИВАНОВ. Да, это было в 1931 г. Но информацию о том, что создан руководящий центр, я получил от Бухарина в 1928 г., что создан центр в составе Бухарина, Томского и Рыкова, а в 1929 г. он меня информировал, что установился блок между троцкистами, зиновьевцами и правыми.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

ИВАНОВ. В 1929 г. Я развертываю очень активную работу в Северном крае и создаю группу правых. В 1934 г., когда победа партии и рост социалистического хозяйства необычайно укрепили влияние партии на массы, все это, естественно, стало для нас ощутимым, и когда мы увидели, что внутренних сил в самой стране нет для того, чтобы захватить власть, здесь стал вопрос по-иному, Бухарин по-иному поставил вопрос. Я забыл сказать, что в 1932 г. меня Бухарин связал с Лобовым.

ВЫШИНСКИЙ. Сейчас нас не интересует, с кем Бухарин связал вас, меня интересует ваша связь с Бухариным, ваша связь с центром правых.

ИВАНОВ. В 1934 г. я получил от Бухарина задание.

ВЫШИНСКИЙ. Где вы в это время находились?

ИВАНОВ. Я находился в том же Северном крае до октября 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. В бытность вашу в Северном крае [вы] *какое вы* получили задание от Бухарина*?* [. Какое?]

ИВАНОВ. Следующее, о том, что внутри страны у нас сил нет.

ВЫШИНСКИЙ. Я не спрашиваю вас о том, как он характеризовал положение.

ИВАНОВ. Без этого я не могу сформулировать, я прямо иду.

ВЫШИНСКИЙ. [Нет, извините, я] *Я* спрашиваю, какое задание давал Бухарин?

ИВАНОВ. Бухарин дал задание — силами правых организаций приступить к подготовке поражения советской власти при интервенции, при войне с капиталистическими фашистскими государствами.

ВЫШИНСКИЙ. Вот теперь я слышу прямой ответ. Успеете еще рассказать о том, что вы захотите, но сейчас я веду допрос и я ставлю те вопросы, которые интересуют суд. В 1934 г. Бухарин дает установку на подготовку в благоприятных условиях поражения советской власти, в случае нападения интервентов?

ИВАНОВ. Да, и рекомендует следующую систему мероприятий: во-первых, перейти к организации повстанческих групп так и таким образом, чтобы они могли во время войны перерезать коммуникационные связи в Северном крае, т.к. Архангельск и Северный край...

ВЫШИНСКИЙ. «Так как» мы не будем говорить — мы понимаем, для чего это должно было быть сделано. Нам интересно — что он вам предлагал организовать повстанческие отряды для борьбы с советской властью.

ИВАНОВ. Да, развернуть повстанческие отряды, развернуть диверсионную и вредительскую работу и организовать террористические группы.

ВЫШИНСКИЙ. Все?

ИВАНОВ. Как будто.

ВЫШИНСКИЙ. А [насчет шпионажа ?] *какие указания давал Бухарин насчет шпионажа?*

ИВАНОВ. Он сказал о том, что Лобов специально организует это дело, и он должен меня информировать о том, как это дело будет осуществляться.

Он сказал: «вы должны резиденту, который будет *там* посажен, своей партийной организацией оказывать всемерную помощь с тем, чтобы обслуживать потребности *английской* разведки [«одного из капиталистических государств». Могу я назвать эту страну?]

[ВЫШИНСКИЙ. В обвинительном заключении говорится об этой разведке?]

[ИВАНОВ. Есть.]

[ВЫШИНСКИЙ. Что же вы секретничаете?

[ИВАНОВ. Английская разведка.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Бухарин вам давал наставления о том, как обслуживать английскую разведку?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А вы выполняли эти наставления?

ИВАНОВ. Выполнял[и], обслуживал[и], направлял[и] материал, получал[и] указания через [того] *этого* резидента. [, который был посажен.] Причем эти указания, получаемые от английской разведки [относительно деятельности правой организации,] целиком совпадали с теми директивами, которые *я* [мы] получал[и] от центра правых.

ВЫШИНСКИЙ. Целиком совпадали? Так что вы иногда не различали, где действует центр правых, а где *иностранная* разведка?

ИВАНОВ. Да, здесь было полное совпадение.

ВЫШИНСКИЙ. Это не удивительно. А чем аргументировал Бухарин свое указание вам связаться с английской разведкой?

ИВАНОВ. Он говорил, что эта страна имеет очень большие интересы в [нашем] *Северном* крае.

ВЫШИНСКИЙ. В каком крае?

ИВАНОВ. В Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении советской власти и в удержании власти капиталистов в России, и что в этом соглашении предусматривается [, во-первых,] обеспечение интересов английских лесопромышленников лесным хозяйством Северного края. [Он] *Бухарин* ставил вопрос о том, что лесопильные заводы надо будет сдать в концессию англичанам, а новые лесопильные заводы, которые были построены при советской власти, придется отдать в счет погашения царских долгов. Затем в 1934 г. он поставил вопрос о том, что мы должны будем все-таки сегодня уже реально расплачиваться. Он сказал, что мы должны выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой стороны — не потерять доверия. В соответствии с этими указаниями через Розенгольца и Лобова были осуществлены следующие мероприятия.

[Лес, наиболее высококачественный, продавался по сниженным ценам.][1] На этом Советскому государству в валюте нанесен ущерб в несколько миллионов рублей. Бухарин пояснял эту меру как аванс английской буржуазии за ту поддержку, которая ею обещана. Иначе, говорил он, нас не будут считать серьезными людьми и потеряют к нам доверие.

ВЫШИНСКИЙ. Кредит?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Теперь перейдите [, пожалуйста,] к вопросу о террористической деятельности и террористических планах.

---

[1] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (синие чернила), подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила, красный карандаш).

ИВАНОВ. Перед нашей организацией в Северном крае была поставлена задача создать террористическую группу.

ВЫШИНСКИЙ. Кем *была* поставлена [?] *эта задача?*

ИВАНОВ. Бухариным. [Причем у нас это дело очень туго шло.] Бухарин несколько раз к этому делу возвращался, в частности, после убийства Кирова[61]. Он говорил о том, что выстрел в Кирова показал, что одиночные террористические акты результатов не дают, что нужно готовить массовые террористические акты, и только тогда мы получим результат. Его установка была на то, чтобы ликвидировать руководство *партии*, причем были такие рассуждения: если это удастся сделать до войны, тогда дело будет ясно и, возможно, вслед за этим вспыхнет немедленная война с Советским Союзом. Если же нам почему-либо не удастся [почему-либо] осуществить акты по ликвидации руководства партии до войны, то мы это сделаем во время войны, что внесет большое смятение, подорвет обороноспособность страны и будет резко содействовать поражению советской власти в войне с империалистами. Бухарин просил назвать нам фамилии людей, которых мы завербовали в качестве террористов. Мы передали фамилии этих людей Бухарину.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, в вашей преступной деятельности известное место занимала также и подготовка террористических актов?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И, это вы подтверждаете, делали по прямым указаниям...

ИВАНОВ. Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Только Бухарина или еще кого-нибудь?

ИВАНОВ. Бухарина, Лобова.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, из подсудимых по настоящему делу.

ИВАНОВ. Нет, больше никто указаний не давал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы действовали по прямым указаниям Бухарина. В каком году это было?

ИВАНОВ. Первое указание об организации террористической группы я получил в 1934 г. Нажим был в 1935 г., когда говорилось о том, что мы плохо развертываем работу. [, особенно после убийства Кирова[62].]

ВЫШИНСКИЙ. Что вы имеете еще показать о вашей вредительской деятельности?

ИВАНОВ. Повстанческую работу мы тоже вели.

ВЫШИНСКИЙ. Об этом вы уже говорили.

ИВАНОВ. Мы собирали повстанческие группы, главным образом, вокруг Архангельска с тем, чтобы в момент интервенции разорвать связь Архангельска с центральными магистралями нашей страны и, тем самым, облегчить англичанам захват этого лесного [участка] *района* и важнейшего порта.

Затем диверсионная работа проводилась, главным образом, в лесной промышленности, потому что Северный край — край лесной. Направление этой деятельности шло по пути срыва технического перевооружения лесного хозяйства, засорения, разрушения механизированных пунктов, срыва сплава. [В 1936 г.][1], в результате вредительской деятельности нашей правой организации, в Северном крае мы недоплавили лесопильным заводам около 300—400 кубометров леса. Это обрекло ряд лесопильных заводов на остановку и увеличило голод в нашей стране на лесные материалы, что крепко ударило по капитальному строительству в нашей стране.

[ВЫШИНСКИЙ. Дальше?]

---

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута (зеленые чернила), подчеркнута горизонтальной линией (красный карандаш).

[ИВАНОВ. Связи я не порывал и дальше, когда работал] В Наркомлесе [. Эта связь продолжалась. Там,] я продолжал ту же вредительскую деятельность, готовил террористические акты. Главное внимание было направлено на срыв технического перевооружения лесозаготовок, на срыв капитального строительства, особенно целлюлозно-бумажной промышленности с тем, чтобы держать страну на голодном бумажном пайке и этим самым ударить по культурной революции, сорвать снабжение страны тетрадями, и этим вызвать недовольство в широких массах. Мы принимали все меры к тому, чтобы задержать постройку новых предприятий и сорвать работу существующих предприятий. Целый ряд мероприятий реконструктивного порядка, которые должны были улучшить работу бумажной промышленности, мы тоже сознательно срывали и этим самым *сорвали* программу по выработке бумаги. [сорвали.]

Вот, кажется, все. Может быть, у вас есть какие-нибудь вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, ваша преступная деятельность прекратилась в связи с каким обстоятельством?

ИВАНОВ. В связи с арестом.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вплоть до вашего ареста...

ИВАНОВ. Вплоть до моего ареста я продолжал состоять в право-троцкистском блоке и вести активную подрывную шпионскую террористическую диверсионную и вредительскую работу по заданиям центра правых.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов *нет пока*[1].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У защиты есть вопросы?

ЗАЩИТА. Нет.

БУХАРИН. У меня есть один вопрос. Я хочу спросить гражданина Иванова. Если не ошибаюсь, в последний раз мы виделись в марте 1936 г.

ИВАНОВ. По-моему, мы с вами виделись и после. На одном из осенних пленумов Центрального комитета партии[63], где мы с вами имели разговор. Разговор был о том, что в организации очень большое упадничество в связи с победами партии, большие колебания, люди начинают отходить, сил больших мы не имеем. Я хочу напомнить сущность разговора, может быть, Бухарин вспомнит об этом разговоре. Мы с вами, гражданин Бухарин, так много подличали против советской власти, что вы все календари могли перепутать, я вам напоминаю детали нашего разговора.

ВЫШИНСКИЙ. Вас спрашивал обвиняемый Бухарин о том, когда вы виделись с ним в последний раз.

ИВАНОВ. Я виделся с ним в 1937 г. В 1937 г. он уже конспирировался от нас.

ВЫШИНСКИЙ. Он уже от вас конспирировался?

ИВАНОВ. Да, конспирировался, боясь, что его могут «наколоть». [(Общий смех в зале)]. Гражданин Бухарин говорит о том, что наша связь была порвана в марте 1936 г. ...

ВЫШИНСКИЙ. Он ничего не говорил, он только спрашивает. Вы утверждаете, что до самого ареста... [Вы утверждаете, что до самого ареста, т.е.] до какого месяца? Когда вы были арестованы?

ИВАНОВ. Я был позже его арестован.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, до его ареста связь не порывалась?

ИВАНОВ. Не порывалась, но встречи эти были случайные, встречи эти были в такой обстановке, чтобы никто не подумал, что мы организуем встречи друг с другом.

---

[1] * * — инверсия (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. [Теперь вопрос у меня к] *(*Бухарину*)*. Вы отрицаете, что вы до момента вашего ареста встречались с Ивановым?

БУХАРИН. Нет, я не отрицаю, но я просил просто Иванова, чтобы он мне напомнил, когда мы с ним встречались в последний раз, где он со мной встречался, и о чем он со мной разговаривал.

ИВАНОВ. Мы на протяжении 1936 г. несколько раз виделись, *в частности,* [и это было что-то] в декабре или в ноябре 193*6*[7] г. [, где я] *Я* перед Бухариным ставил вопрос о том, что организация разваливается, что победы партии и успехи социалистического строительства, энтузиазм масс в этом строительстве действуют таким образом, что колебания, и особенно в периферийной части, необычайно растут, что убийство нами Кирова привело к тому, что ярость масс поднялась на невероятную высоту и это исключительно затрудняет нашу предательскую подлую работу правых, что там и сям самими массами разоблачаются наши участники, и я поставил [перед ним прямо вопрос, что] *вопрос*, не выходит ли из всей сложившейся обстановки внутри страны [и из всех побед] то, что мы становимся целиком банкротами. [и не лучше ли все-таки признать себя побежденными, полностью раскаяться и разоружиться.]

ВЫШИНСКИЙ. Это вы говорили Бухарину?

ИВАНОВ. Да. И никогда я Бухарина не видел таким яростным и злобным, как тогда.

ВЫШИНСКИЙ. Это когда было?

ИВАНОВ. В конце 1936 г. Он на меня набросился, что — вы трус, вы паникер, вы мне все тычете — «массы», массам не нужно потакать, а вы должны знать, что организация правых *против* [с] масс[ами] будет вести войну, а вы хотите им потакать.

ВЫШИНСКИЙ. [Вести войну даже с массами?] *Он хотел вести войну против масс?*

ИВАНОВ. Да. [А вы хотите им потакать. Не пугайтесь этого.] И дальше он поставил таким образом вопрос, что если есть отходы, то нужно пойти на более развернутые шаги по уничтожению тех, кто решится открыто раскаяться перед советской властью и этим самым может разоблачить нашу правую организацию. Дело в том, что в самой организации правых была [следующая] директива о том, что [изменников,] отходящих от правых, разоблачающих свою деятельность [с ними, при] *надо при*канчива*ть*.[ли.] Это было сделано над одним из людей, который собирался написать заявление в НКВД с разоблачением деятельности правых на Северном Кавказе, как мне Лобов говорил, одного такого человека прикончили. И Бухарин мне прямо намекнул, что вы-де знаете, что мы ни с кем не поцеремонимся, если у нас кто сдрейфит и задрожит, и что у нас есть специальные люди, которые осуществляют [по отношению к таким элементам] необходимые мероприятия, значит убийства. [, уничтожение.]

В 1937 г. у нас разговор был тоже очень короткий.

ВЫШИНСКИЙ. Короткий?

ИВАНОВ. Короткий, потому что здесь уже была очень большая настороженность. Вся организация жила страхом, я бы сказал, — [что] *что* деятельность правых *была*, по сути дела, *[была]* накануне коренного разоблачения. [С [другой] одной стороны, это усиливало страх и тревогу, а с другой стороны, начавшийся довольно большой распад уже на периферии под влиянием побед партии. Опять в том] *В этом* разговоре, в частности, — [и этом потом] был поставлен мною вопрос: а где же интервенция, где же нападение на Советский Союз? [Он] *Бухарин* меня информировал [о том], что прини-

маются меры, [с тем,] чтобы *обязательно* побудить в 1937 г. [обязательно] к выступлению фашистские страны — и Японию и Германию, *и* что на это шансы есть.

*ВЫШИНСКИЙ. Все вопросы?

БУХАРИН. Все.

ВЫШИНСКИЙ. У вас нет больше вопросов?

БУХАРИН. Я не получил ответа на тот вопрос, который я задавал. Я прошу Иванова указать, если он все так хорошо помнит, — в каких месяцах 1937 г. я с ним встречался. Если не помнит, — пусть скажет, что не помнит.*[I]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (Иванову). Отвечайте кратко.

ИВАНОВ. Почему обязательно Бухарин думает, что я все месяцы, в которые я с ним разговаривал, я должен помнить. Я сказал о том, что в начале 1937 г. Но это было, может быть, в январе или феврале.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не помните?

ИВАНОВ. Я точно не могу помнить, — было это в январе или феврале, потому что у нас было столько всяких разговоров, что всего не упомнишь.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы очень многословны. Ответили, и хорошо.]

[II] *Председатель.* (К Вышинскому). У вас есть вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (К Бухарину). У вас есть еще вопросы?

БУХАРИН. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь. [, пожалуйста.]

Т. [Вышинский,] *Прокурор,* есть у вас вопросы к Иванову?

ВЫШИНСКИЙ. [И] У меня есть к Бухарину.

[Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, [здесь обвиняемый] *подсудимый* Иванов сказал *здесь* о том, что в 1928 г., даже несколько раньше, он *уже* имел с вами уже разговоры по поводу антисоветской работы той организации правых, в какую вы входили. Вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Да. Разрешите, я расскажу, что я подтверждаю...

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует только этот вопрос, подтверждаете ли или нет?

БУХАРИН. Да, я подтверждаю. Во-первых, то, что мне Иванов знаком с [начала] эпохи Брестского мира *с 1918 г.*

[ВЫШИНСКИЙ. С 1918 г.?]

[БУХАРИН. С 1918 г. О предыдущей деятельности, о «школке»[64] я, разумеется...]

[ВЫШИНСКИЙ. Меня сейчас интересует 1928 г.]

[БУХАРИН.] Во время X съезда я действительно советовал [ему] *Иванову,* считая его контрреволюционно настроенным, продолжать *антипартийную работу.* [быть настроенным антипартийно, потому что во время X съезда, несмотря на то, что был докладчиком по вопросу о партийном строительстве[65]...]

ВЫШИНСКИЙ. Меня сейчас интересует, правильно ли сказал обвиняемый Иванов о том, что в 1928 г. имел с вами разговор относительно антисоветской работы. Вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Да.

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш) и две вертикальные линии (синий карандаш).

[II] Сверху две горизонтальные черты и крестик (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. Вы считаете совершенно правильным заявление обвиняемого Иванова, что в 1927—1928 гг., когда он ехал на Северный Кавказ, вы давали ему директивы?

БУХАРИН. Совершенно правильно, когда он ехал на Северный Кавказ, то я от имени центра правых давал ему директиву относительно вербовки людей и о построении там организации. Причем там имелось в виду и несколько конкретных лиц, как то: Степанов, Пивоваров, Толмачев и др.

Совершенно правильно, что в 1931—1932 гг. я, выражаясь на *его* жаргоне, передал его Лобову, который должен был им руководить.

Совершенно правильно было утверждение обвиняемого Иванова, что я его держал в свете установок правого центра, начиная от Рютинской платформы[66] и кончая последующими установками, о которых суду достаточно хорошо известно.

Совершенно правильно, что я встречался с ним и позднее в 1931—1932 гг., но сроки я здесь не могу назвать.

ВЫШИНСКИЙ. Это мы спросим дальше. Я еще раз повторяю, меня здесь интересует 1928 г. Следовательно, в этой части вы подтверждаете показания обвиняемого Иванова?

БУХАРИН. Что я с ним встречался в то время — подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. И вели те разговоры, которые он заявил суду об антипартийной и антисоветской деятельности.

БУХАРИН. Говорили.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Иванов показал, что вы предлагали ему создать на Северном Кавказе организацию правых с определенными задачами. Это тоже подтверждаете?

БУХАРИН. Тут происходит путаница дат.

ВЫШИНСКИЙ. Раньше всего, сам факт подтверждаете?

БУХАРИН. Сам факт подтверждаю, что я ему давал указания относительно построения организации.

ВЫШИНСКИЙ. Законспирированной?

БУХАРИН. Законспирированной, нелегальной, контрреволюционной. [и прочее.] Но в тот период острота борьбы против партии и советской власти не принимала тех форм...

ВЫШИНСКИЙ. Меня здесь интересует показание обвиняемого Иванова, которое слы*ш*[х]ал суд. Он говорит, что Бухарин давал мне, т.е. Иванову, указание, — приступить на Северном Кавказе к созданию законспирированной организации правых. Вы подтверждаете это?

БУХАРИН. В этой части подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, в 1928 г. вы перешли на путь нелегальной подпольной деятельности.

БУХАРИН. Это был момент такого перехода...

ВЫШИНСКИЙ. Я не спрашиваю когда, но факт это или не факт?

БУХАРИН. Я подтверждаю это.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили ли вы тогда же Иванову о том, что уже действует центр правой организации?

БУХАРИН. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. А в каком составе?

БУХАРИН. В составе троих: Томского, Рыкова и меня, Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили *[ли]*, что этот центр готовит свержение советской власти?

БУХАРИН. [Это г] *Г*оворил, но это относится к последующему периоду.

ВЫШИНСКИЙ. К какому именно?

БУХАРИН. Мне думается, что это относится примерно к 1932—1933 гг.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, несколько позже, но сам факт такого разговора с Ивановым вы подтверждаете?

БУХАРИН. Я подтверждаю. Не помню ни даты, ни месяца, но это было общей ориентацией правого центра. [Я с Ивановым разговаривал и совершенно естественно, что я наверняка с ним говорил...]

ВЫШИНСКИЙ. А разговор, что вы готовитесь к открытым боям, вы подтверждаете?

БУХАРИН. [Это грамотному человеку ясно, что о] *О*ткрытых боев не могло быть в 1926 г. Указание Иванова на то, что мы готовимся к открытым боям — это смешение дат.

ВЫШИНСКИЙ. А на предварительном следствии вы говорили, что это относится к 1926 г.

БУХАРИН. Да, но не в том смысле, как здесь понимают, гражданин государственный обвинитель.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращается к суду). Позвольте том *5, показания* Бухарина, лист 113. Разрешите огласить.

БУХАРИН. Простите, какая страница?

ВЫШИНСКИЙ. Страница 113 показания Бухарина, том 5. Это ваши показания от 25 декабря 1937 г. Здесь, на странице 113 значится: «Вновь я установил связь с Ивановым во время X съезда партии, беседовал с ним в кулуарах... В 1926—1927 гг., когда мы готовились к открытым боям против партии, я рекомендовал Иванову не принимать участия в открытых наскоках на партию, исходя из тех соображений, что Иванов — человек-практик и до поры до времени его целесообразно держать в резерве».

Вы это подтверждаете?

БУХАРИН. На 113 странице у меня написано другое.

ВЫШИНСКИЙ. Там ваша подпись есть?

БУХАРИН. Это подпись моя, и это место совершенно правильно. Но у меня есть дело, где нумерация совершенно другая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвиняемый Бухарин, дело не в нумерации. [, у нас тоже другая нумерация.]

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, в 1926—1927 гг. был ли разговор с Ивановым о том, что вы, группа правых конспираторов, готовитесь к открытым боям с партией?

БУХАРИН. Я прошу простить меня, дело в том, что речь идет об открытом выступлении, а не открытых боях.

ВЫШИНСКИЙ. [Гражданин о] *О*бвиняемый *Бухарин,* этот разговор, который я вам процитировал, был?

БУХАРИН. Был, но слова «открытые бои», не имели смысла насильственных открытых боев.

ВЫШИНСКИЙ. [Я не знаю, какой они смысл имели.] Вы говорите об открытых боях, об этом же вы говорили и с Ивановым.

БУХАРИН. Я говорил не о насильственных...

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили, что Иванова надо сохранить?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили, чтобы Иванов не ввязывался в открытую драку?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили об открытых боях?

БУХАРИН. У Иванова перепутаны даты.

ВЫШИНСКИЙ. Простите, у него ничего не перепутано. Мы видим, что у вас перепутано.

БУХАРИН. Мы говорили об открытых боях не в смысле вооруженного восстания.

ВЫШИНСКИЙ. Я говорю об открытых боях.

БУХАРИН. Я вас понял неправильно, гражданин государственный обвинитель.

ВЫШИНСКИЙ. Извиняюсь, вы меня поняли неправильно, гражданин обвиняемый.

БУХАРИН. Инцидент исчерпан.

ВЫШИНСКИЙ. Обрати*мся*[тесь, пожалуйста,] к вашему тому, стр. 120, найдите там ваши показания.

БУХАРИН. Об этом я договаривался с Ивановым: «В 1926—1927 гг., когда мы готовились к открытым боям против партии, я рекомендовал Иванову не принимать участие в открытых боях, быть в резерве». Это я не отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. Потом в 1927 г. Иванов поехал на Северный Кавказ и вы ему дали поручение. Вы это подтверждаете? Я для контроля задаю вопрос. Вы дали ему указание заниматься организацией нелегальной группы правых. Правильно?

БУХАРИН. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Именно нелегальной?

БУХАРИН. Нелегальной.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы подтверждаете. Вы поручили ему также выполнить ряд ваших заданий в связи с этой организацией в период 1928 г. Речь шла *не* только относительно вербовки, а также относительно организации повстанческих отрядов?

БУХАРИН. Я в технику этого дела не входил.

ВЫШИНСКИЙ. Я не говорю о[б] *технике* организации повстанческих отрядов, я говорю о платформе правых, *в* которой[ая содержит моменты] *были установки на* повстанчество.[а, начиная с 1932 г.] Когда вы поручили Иванову создать нелегальную организацию, тогда был у вас разговор относительно повстанческих отрядов?

БУХАРИН. В это время не был и не мог быть.

ВЫШИНСКИЙ. А чем должны заниматься нелегальные организации?

БУХАРИН. Нелегальные организации должны были заниматься собиранием сил для борьбы против партии, которая обострялась.

ВЫШИНСКИЙ. Только подготовка к борьбе?

БУХАРИН. Это было такой стадией в общем развитии правого уклона.

ВЫШИНСКИЙ. А когда вы поставили вопрос о повстанческих отрядах?

БУХАРИН. Переход к насильственным мероприятиям [, он] относится примерно к 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Где тогда был Иванов?

БУХАРИН. Этого я не помню.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Иванов, [вы в] *где вы находились в* 1932 г.*?* [где находились?]

ИВАНОВ. В 1932 г. я находился в Северном крае.

ВЫШИНСКИЙ. Вопрос относительно организации и формирования повстанческих отрядов вами дебатировался и в какой форме?

ИВАНОВ. Дебатировался? [Это странно говорить, потому что] Бухарин прямо ставил вопрос о связи с [кулацкими] недовольными *кулацкими* элементами [среди] казачества.

ВЫШИНСКИЙ. Это не в Северном крае, а на Северном Кавказе?

ИВАНОВ. Да, на Северном Кавказе.

ВЫШИНСКИЙ. Это относится не к 1932 г. В 1933 г. вы были в Северном крае?

ИВАНОВ. Да, в 1932 г. я был в Северном крае.

ВЫШИНСКИЙ. А вопрос о подготовке повстанческих отрядов был тогда поставлен?

ИВАНОВ. Вопрос о подготовке повстанческих отрядов был поставлен [передо мною] *также* Бухариным *передо мною* в 1932 г., когда ставился вопрос о создании правых организаций [на] *в* Северном крае.

ВЫШИНСКИЙ. В 1933 г. Бухарин не говорил о необходимости усиления повстанческих отрядов?

ИВАНОВ. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы помните, что *у вас* были дважды такие разговоры — в 1928 г. и в 1932 г.?

ИВАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В связи с вашей работой на Северном Кавказе и в Северном крае?

ИВАНОВ. Да.

БУХАРИН. (*Обращаясь к суду).* А я утверждаю, что в 1928 г. не было речи относительно повстанческой ориентации вообще, как об этом свидетельствуют многочисленные документы и данные, и в том числе...

ВЫШИНСКИЙ. А в 1929 г.?

БУХАРИН. Фиксация вопроса относительно повстанческих организаций, которая была апробирована правым центром, была впервые указана в так называемой рютинской платформе.

ВЫШИНСКИЙ. Рютинская платформа, первый ее вариант[67], относится к какому периоду?

БУХАРИН. Варианта никакого не было. Было предварительное совещание, если не ошибаюсь, весною 1932 г., где были намечены тезисы. А в той платформе, которую вы вспомнили — платформе 1928—1929 гг., никакой речи о повстанчестве...

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы утверждаете, что вопрос о повстанческих отрядах ставится только в 1932 г.?

БУХАРИН. Вопрос о повстанческой ориентации стал в 1932 г.

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо, в] *В*опрос о «повстанческой ориентации». Что это такое — «повстанческая ориентация»?

БУХАРИН. Это означает, что во всякой линии есть стратегия, тактика, организация и т.д. Повстанческий отряд — это есть категория организации, а не категория стратегии, и даже не категория тактики. В своей терминологии я обычно различаю это, потому что мне кажется, что это можно различать...

ВЫШИНСКИЙ. Понятно, можно. Но я спрашиваю: в вашей деятельности была линия на повстанческое движение. Это вы называете «повстанческая ориентация»?

БУХАРИН. Да. Тактика.

ВЫШИНСКИЙ. А организация повстанческих отрядов вытекала из этой тактики?

БУХАРИН. Да, она вытекала.

ВЫШИНСКИЙ. И что же вами делалось в этом отношении? Директивы какие вы давали?

БУХАРИН. Мною никаких директив Иванову в этом смысле не давалось.

ВЫШИНСКИЙ. А Иванов говорит, что директивы давались.

БУХАРИН. Совершенно естественно, что Иванов говорит...

ВЫШИНСКИЙ. Да, Иванов это говорит, а вы утверждаете, что прямых директив вы Иванову не давали, но у вас была «повстанческая ориентация».

БУХАРИН. Совершенно понятно, что из этой ориентации вытекают для практики и соответствующие выводы. Если я делаю такую ориентацию, то я отвечаю и за выводы, которые мною не сказаны. Так что, с точки зрения криминала, я прошу судить меня и за то и за другое, и я отвечу...

ВЫШИНСКИЙ. Судить и без вашего ходатайства мы будем.

БУХАРИН. Совершенно верно, и без моего ходатайства. Я [тут] не считаю место и время особенно удобными для острот. Острить я тоже способен...

ВЫШИНСКИЙ. Я не думаю острить и с вами состязаться в этом отношении. Я только хочу сказать, что ваше ходатайство не имеет существенного значения, ибо вас будут судить независимо от ваших ходатайств.

БУХАРИН. Это я даже без компетентных разъяснений знаю [...], гражданин Прокурор.

ВЫШИНСКИЙ. Если вы знаете, то напрасно говорите это. Я вас спрашиваю иное: вы, следовательно, признаете, что показания Иванова в части линии, ориентации на повстанческое движение — правильны?

БУХАРИН. Да, гражданин Прокурор.

ВЫШИНСКИЙ. В какой форме вы ориентировали Иванова относительно ваших повстанческих планов?

БУХАРИН. Было несколько разговоров...

ВЫШИНСКИЙ. Каких, с кем?

БУХАРИН. С Ивановым.

ВЫШИНСКИЙ. О чем у вас был разговор? В какой форме?

БУХАРИН. Я ориентировал Иванова исключительно в форме стратегии и тактики.

ВЫШИНСКИЙ. А если говорить без этих слов — стратегия и тактика?

БУХАРИН. Я говорил, что теперь наступил такой период, когда необходимо перейти к массовой тактике, поддержке повстанческих кулацких движений и т.д.

ВЫШИНСКИЙ. Вот я и хотел это установить. Вы признаете, что вы говорили с Ивановым о том, что надо поддерживать повстанческие, всякого рода кулацкие движения?

БУХАРИН. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили только о том, чтобы поддержать или организовать их?

БУХАРИН. Я же с ним так подробно, гражданин Прокурор, не говорил...

ВЫШИНСКИЙ. Как вы себе представляли?

БУХАРИН. Естественно, если говорится относительно того, что целесообразно прибегать к такого рода методике, то из этого вытекает и все остальное.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

БУХАРИН. То есть организация и руководство.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Бухарин,* говорили вы Иванову [таким образом, чтобы он мог понять], что перед ним стоит задача, поставленная центром правых, — организация повстанческого движения?

БУХАРИН. Он мог так понять.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Иванов, вы так и понимали?

ИВАНОВ. Директива была передана мне довольно ясно для того, чтобы понять ее простой смысл. Ставился вопрос о том, что [в стране растет недовольство,] кулачество озлоблено. [, верхушка середняка затронута.] Это те социальные силы, на которые мы должны ориентироваться. [Отсюда н] *На*ша[ей] задача[ей являлось] *состояла в том, чтобы* возглавить [ожидаемое] восстание. Причем, несколько в другой вариации, но и о Северном Кавказе

шла речь о том, что Северный Кавказ представляет из себя большие кулацкие кадры, что там крестьянское и казацкое движение может начаться раньше чем где-либо, и поэтому мы должны встать во главе этого движения.

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо. *Обращаясь к Бухарину.* Это правильно?] *Бухарин, вы это подтверждаете?*

БУХАРИН. Это правильно, но не по отношению к Иванову. Я говорил это другому лицу.

ВЫШИНСКИЙ. О другом лице будем говорить особо. А мне сейчас важно, что то объяснение, которое здесь приведено, совпадает с той ориентацией на повстанчество, о которой вы говорили?

БУХАРИН. [Оно совпадает, но я] *Я* этого Иванову не мог[у] говорить, потому что в 1932 г. Иванова не было на Северном Кавказе.

ВЫШИНСКИЙ. Иванов о каком году говорил?

ИВАНОВ. Я говорил о Северном крае, но одновременно сказал, что в несколько другой вариации это было и по Северному Кавказу.

ВЫШИНСКИЙ. Вы когда уехали с Северного Кавказа?

ИВАНОВ. С Северного Кавказа я уехал 2 или 1 апреля 1931 г.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы говорили, будучи на Северном Кавказе, с Бухариным?

ИВАНОВ. В 1928 г.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1929—1930 гг.?

ИВАНОВ. Встречался с ним, но таких разговоров как будто не было.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1932 г. были разговоры о повстанчестве?

ИВАНОВ. Да, были такие разговоры.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте подвести итог. Судя по показаниям Иванова и вашим (обращаясь к Бухарину), что [же] можно считать твердо установленным. Во-первых, что вы с Ивановым вели разговоры относительно повстанческой линии. Так это?

БУХАРИН. Так.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы ориентировали Иванова на необходимость использования в интересах борьбы с советской властью кулацких восстаний.

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы имели в виду также и организацию этих кулацких восстаний.

БУХАРИН. Хотя прямо об этом не говорили.

ВЫШИНСКИЙ. Хотя прямо об этом не говорили, но в этом направлении его ориентировали.

БУХАРИН. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Причем вы утверждаете, что [все] это *все* относится к 1932 г.?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1928 г. говорили только о нелегальной группе правых?

БУХАРИН. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Повстанческая ориентация все же имела место, но без тех деталей, о которых говорит Иванов?

БУХАРИН. В 1932 г. да.

ВЫШИНСКИЙ. А разговор о повстанческой ориентации в 1928 г. вы отрицаете?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1932 г. такой разговор имел место?

БУХАРИН. Совершенно правильно. Я это подтверждаю.

ИВАНОВ. Разрешите задать вопрос Бухарину. Может быть, Бухарин напряжет свою память и вспомнит, был ли у нас в 1928 г. разговор о росте недовольства среди верхушки деревни [и] о тенденции к резкому выражению этого недовольства советской властью. Пусть он ответит на этот вопрос.

БУХАРИН. Разумеется, в 1928 г. разговор относительно роста недовольства был, я этого отрицать не могу, потому что мы встречались в 1928 г. Но то, что в 1928 г. я говорил относительно повстанчества, я это категорически отрицаю.

ИВАНОВ. Еще один вопрос. Ставил ли передо мной Бухарин вопрос о том, что Северный Кавказ в осуществлении той линии, которая стоит перед правыми, имеет исключительно большое значение и почему большое значение.

БУХАРИН. Я, когда говорил о Северном Кавказе, то совершенно верно, гражданин Прокурор и граждане судьи, я говорил относительно того, что [в] Северный Кавказ есть одно из мест, где недовольство крестьянства проявляется и будет проявляться наиболее ярким образом, не делая из этого никаких повстанческих выводов, потому что они выросли в гораздо более поздний период.

ИВАНОВ. Бухарин говорил, что возможно проявление яркого недовольства на Северном Кавказе со стороны крестьянства. Это уже ближе подходит к тому, что я утверждаю в отношении этого разговора. В соответствии с вашей концепцией, не ставили ли вы задачу передо мной и перед правой организацией это недовольство подхватить и всячески разжигать настроение крестьянства против советской власти?

БУХАРИН. Вы говорите сначала относительно повстанчества, а я говорил относительно социально подходящей базы для правой организации, относительно вербовки в эту правую контрреволюционную организацию.

ВЫШИНСКИЙ. С какой целью?

БУХАРИН. В целях создания массовых опорных точек для борьбы с партийной линией.

ВЫШИНСКИЙ. Казачьи кулацкие круги для борьбы с партийной линией?

БУХАРИН. Ну и что же?

ВЫШИНСКИЙ. Борьба с советской властью?

БУХАРИН. Борьба с партийной линией это и есть борьба с советской властью.

ВЫШИНСКИЙ. Но борьба с партийной линией выражается в других формах.

БУХАРИН. Мне кажется, гражданин Прокурор, и граждане судьи, и вся страна заинтересованы в том, чтобы видеть, как из известных уклонов формируются в логике борьбы совершенно чудовищные выводы. Поэтому я хочу в этом отношении соблюсти известные пропорции во времени. В 1928 г. была сформулирована антипартийная платформа. В конце 1928 г. и на переходе к 1929 г. был дан лозунг относительно того, чтобы формировать нелегальную организацию. Все это при дальнейшем обострении борьбы привело к тому, о чем вы знаете.

ВЫШИНСКИЙ. Вопрос заключается в том, не ориентировали ли вы Иванова, исходя из того, что на Северном Кавказе [есть], *по вашему мнению, есть* почва для восстания против советской власти?

БУХАРИН. Тогда о такой ориентировке речи еще не было. Была ориентировка, что там есть почва для роста недовольства советской властью.

ВЫШИНСКИЙ. С чьей стороны?

БУХАРИН. Со стороны кулацко-зажиточных слоев крестьянства, а отчасти со стороны средних слоев крестьянства, т.к. среднее крестьянство там очень крепкое.

ВЫШИНСКИЙ. Нельзя ли отсюда сделать тот вывод, что вы ориентировали Иванова на подпольную контрреволюционную работу, в которой он обопрется на эту кулацкую верхушку в борьбе против советской власти?

БУХАРИН. Тогда можно было формулировать так, что всякая социальная база, в данном случае кулацкая, в пределах партии химически выделяет не совсем доброкачественные элементы, т.е. там легче вербовать в нелегальную контрреволюционную организацию даже в пределах партии людей, которые будут представлять известную потенциальную силу в дальнейшем. Но перспектива эта тогда не была развернута.

ВЫШИНСКИЙ. Но она уже намечалась?

БУХАРИН. Потенциально, в эмбриональной форме она была.

ВЫШИНСКИЙ. Форма, кроме этих данных, у вас с Ивановым разногласий не вызывает?

БУХАРИН. Больших разногласий нет.

ВЫШИНСКИЙ. Иванов показывает, что ему от вас стало известно о существовании блока между троцкистами, правыми группировками и националистическими группами. Вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Это я подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. А знали вы о переговорах *Иванова и других [о переговорах]* с капиталистическими странами [Иванова и других]?

БУХАРИН. Да, это относится к гораздо более позднему времени.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, эти показания Иванова о связях с английской разведкой...

БУХАРИН. Относительно разведки и относительно планов я совершенно не был в курсе дела.

ВЫШИНСКИЙ. А в курсе чего вы были?

БУХАРИН. Я посвятил Иванова [, это было уже сравнительно позже,] во внешнеполитическую ориентацию правого центра. [, в линию] *Я говорил ему* относительно того, что в борьбе против советской власти можно использовать военную конъюнктуру и целый ряд других вещей. [Но об этом подробно, гражданин Прокурор, я изложу позже.]

Одним словом, [я бы так формулировал, обобщая это дело, что тут точно так же речь шла об установке и] я был обязан [, если употреблять высокий стиль, который здесь, между прочим, совершенно неуместен, я был обязан] как один из руководителей правого центра доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку. [Я ему сообщил относительно фактического состояния дела.] В чем заключалась эта установка? Коротко, эта установка [(я не вхожу здесь в вопрос относительно разногласий, которые имели место в лагере правого центра, я говорю о массовом итоге)] заключалась в том, что в борьбе с советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны.

ВЫШИНСКИЙ. [То есть, и] *И*наче говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?

БУХАРИН. Да, можно и так сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Иначе говоря, ориентация на поражение [?] *СССР?*

БУХАРИН. В общем, суммарно, повторяю — да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопросов больше нет?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

БУХАРИН. Может быть, вы мне разрешите, гражданин Председательствующий, сказать парочку слов относительно теоретических экскурсов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, это [уж] при вашем допросе.

Приступаем к допросу обвиняемого Зубарева. Обвиняемый Зубарев, те показания, которые вы давали на следствии в НКВД и в органах Прокуратуры, вы подтверждаете?

ЗУБАРЕВ. Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полностью?

ЗУБАРЕВ. Полностью подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. *Товарищ Прокурор,* вопросы имеются?

ВЫШИНСКИЙ. [Да.] Подсудимый Зубарев, когда вы вступили на путь [этой] преступной деятельности в контрреволюционной организации правых?

ЗУБАРЕВ. Я был привлечен к контрреволюционной организации правых в 1929 г.

ВЫШИНСКИЙ. И с тех пор?

ЗУБАРЕВ. И с тех пор вел активную работу по день ареста.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выражалась [эта] ваша активная преступная работа, продолжающаяся по день ареста?

ЗУБАРЕВ. В 1929 г., когда я был вовлечен в организацию правых Смирновым Александром Петровичем, с которым я был знаком с 1919 г. *[при встрече]* [, сначала по совместной работе в Наркомпроде, затем по совместной работе в Наркомземе, я работал сначала в продовольственной сети, а затем был заведующим Областным земельным управлением.] При встрече [с] *в* начале[а] 1928 г. я высказывал свое недовольство и несогласие с линией партии в отношении политики в деревне, он всецело это поддерживал и, наоборот, подкреплял. Зная мои контрреволюционные взгляды в 1929 г., примерно в мае—июне месяце, в Москве он мне подробно тогда охарактеризовал политическое состояние страны, то недовольство, которое возрастает в деревне и на почве хлебозаготовок, и на почве применения чрезвычайный мер в отношении кулацкой верхушки деревни, на почве стеснения частной инициативы крестьянского населения, и о том упадке и сокращении посевных площадей, особенно в экстенсивных районах, в частности, на Урале; он развивал такую точку зрения, что изменить этот порядок внутрипартийным способом правым не удастся, что остается единственный путь — путь борьбы с советской властью. Тогда же он меня информировал о том, что [такая] организация *правых* существует, и я впервые узнал в 1929 г., что он является членом этой организации. [, и т] *Т*огда же *я* впервые узнал о том, что существует союзный центр этой организации.

Далее, он говорил о том, что правые придают большое значение Уралу, что Урал ценен в двух отношениях. (Я говорю не о теперешней Уральской области, потому что тогда существовала Уральская область, которая объединяла и современную Челябинскую область[68], т.е. этот не только крупнейший промышленный район, но и крупнейший сельскохозяйственный район объединял всю восточную часть, примыкающую к Уралу), — что как в промышленном, так и в сельскохозяйственном отношении Урал представлял чрезвычайное в этом отношении значение, что они *(и он, в частности,)* рассчитывают и [он, в частности, рассчитывают] на мое участие в контрреволюционной работе.

[Тогда, к] *К*огда я дал это согласие, он мне тогда же заявил о том, что я на Урале буду не одинок, что на Урале уже есть активный член *контрреволюционной организации*, очень влиятельный, что он связан уже непосредственно с союзным центром через посредство Рыкова. [и Кабакова.] *Он назвал Кабакова.*

ВЫШИНСКИЙ. [Связь с Рыковым уже началась когда?] *Когда началась связь с Рыковым?*

ЗУБАРЕВ. Связь с Рыковым началась в 1930 г., когда он приезжал в Свердловск на [VIII] партийную конференцию[69].

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах у вас возникла эта связь с Рыковым как с руководителем правого заговорщического центра?

ЗУБАРЕВ. Я тогда работал по партийной линии. [Рыков приезжал на Урал для проведения областной партийной конференции.]

[ВЫШИНСКИЙ. Ну и что же?]

[ЗУБАРЕВ.] Во время [этой] конференции я имел с Рыковым довольно длительную беседу.

ВЫШИНСКИЙ. О чем?

ЗУБАРЕВ. Рыков ссылался на А.П. Смирнова, что он от него знает, что я являюсь активным участником правой организации. [и что он желает иметь со мною разговор. Во время этой конференции мы вели с ним беседу.]

[ВЫШИНСКИЙ. О чем?]

ЗУБАРЕВ. Я охарактеризовал ему общее положение Урала, [охарактеризовал] состояние нашей организации, указал на то, что уже в конце 1929 г., в декабре месяце, мы с Кабаковым организовали областную руководящую группу, объединяющую всю работу. *Я* назвал *ему* состав этой группы, в которую входили: Кабаков, я, Советников и другие. [и о той работе, которую я] *Я рассказал ему и о той работе, которую я проводил по заданиям Смирнова* [проводил, центре тяжести работы, которая была поставлена перед нами Смирновым], а через Кабакова [поставлена] *и его* Рыкова.[ым, ибо когда в декабре была организована эта группа, Кабаков говорил о том, чтобы организовать такую руководящую группу.]

Работа в основном тогда сводилась к подготовке кадров, к объединению тех распыленных сил, которые были тогда в организации. Рыков одобрил эту работу и со своей стороны дал мне подробную характеристику состояния тогда в стране, т.к. это было весною 1930 г., т.е. в период наиболее напряженной обстановки в деревне[70], в период классовой борьбы, которая последовала в связи с проведением массовой коллективизации и с политикой раскулачивания.

Характеризовал состояние как чрезвычайно напряженное, что на почве массовой коллективизации, на почве раскулачивания и на почве применения административных мер начинается в целом ряде районов стихийное вооруженное восстание, что политика раскулачивания захватывала не только иногда кулацкую верхушку, но и некоторые середняцкие зажиточные слоя деревни, и что эта величайшая драма в деревне создала и враждебное отношение к политике партии. Тут же характеризовал, что партия заварила эту кашу, и пусть она расхлебывает, а нам чем хуже, тем лучше. [Причем характеризовал положение о том,] *Рыков говорил*, что мы были бы смешны, если бы не вели свою борьбу за [это] кулацкое восстание, [чтобы] *если бы* мы сами не принимали абсолютно никаких мер [и] в [проявлениях] *организации* такого [стихийного] *кулацкого* движения и [стать] *не стали* у руководства. [Но для этого] *Рыков говорил, что* прежде всего необходимо, чтобы со своей стороны мы воспользовались этим моментом для разжигания [еще большего] недовольства в деревне. [, путем тех мероприятий, которые мы сейчас можем проводить на Украине, в частности, свести] *Задачи, которые выдвинул тогда Рыков в беседе со мной можно свести [к трем]* к трем основным *моментам*. [задачам, которые выдвинул тогда Рыков в беседе со мной. Эти задачи можно свести, насколько я помню, к трем основным моментам.]

Первый — это вредительская работа в [области] деревни: срыв посевной кампании путем несвоевременной выдачи и подвоза семенного материала, [низкое] *понижение* его качества[о], [что] *это* будет естественно озлоблять население. [, это с одной] *С другой* стороны, [. С другой стороны,] меры, противоречащие

укреплению колхозов [, что все это, естественно, будет еще больше] *были направлена к тому, чтобы* возбуждать недовольство крестьянского населения.

Что же касается в отношении промышленности, то конкретно задачи тогда в области вредительства в промышленности не ставились, по крайней мере, непосредственно определенных указаний не было.

Кроме того, что мы должны в крупной промышленности создать и укреплять кадры, и укрепиться в особенно важнейших ее отраслях на Урале, и что в этой работе не распыляться, что промышленность слишком разнообразна, и сосредоточить свою работу на основных отраслях промышленности и на основных предприятиях.

Второй момент. Это [момент] возбуждени*е*[я] населения путем различного рода провокационных мер, [что на Урале имеет громаднейшее значение в смысле] неправильная[ой] организация[и, прежде всего,] снабжения[е] основными продуктами питания и особенно [в] *неправильная* организация[и] общественного питания. [, что имело место] *Это было* в целом ряде мест в последующем 1932 г. [недовольство, в] *В* частности, в Перми, Лысве и, насколько мне известно, в районе Кизела в Березняках. [Это второй момент.]

Третий момент [, это ввиду остроты положения] — консолидация всех *элементов* враждебно настроенных к советской власти [элементов в такой напряженный момент и консолидация своих действий], блокирование с существующими тоже на Урале организациями. [, в] *В* частности, с троцкистскими, зиновьевскими и эсеровскими, [причем] *нам* было подчеркнуто, *что,* не теряя своей самостоятельности, снестись с ними и организовать связь и контакт.

Вот, по существу, те установки, которые были мною получены. От Кабакова. Я знаю, что одновременно отдельно у него были тогда беседы в вагоне, довольно длительные, с Рыковым. ...и содержание, [по] существ*о*[у] этой беседы мне известно от самого Кабакова, который мне передавал. Существо этой беседы сводится к тому, о чем я уже говорил.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращается к суду). Разрешите спросить обвиняемого Рыкова?

[Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, что вы можете сказать по этой части показаний [обвиняемого] *подсудимого* Зубарева? Вы подтверждаете встречу?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. *А* [Р]*р*азговоры, поручения?

[РЫКОВ. Разговоры в значительной части подтверждаю.]

[ВЫШИНСКИЙ. В какой?]

РЫКОВ. Подтверждаю разговоры относительно характеристики мной настроений [в деревне] в тот период *в деревне.* Я должен был давать и давал такие поручения. Но тут главное в выводах. В отношении выводов основная постановка вредительства...

ВЫШИНСКИЙ. Сначала о фактах, а потом о выводах. Давали ли вы поручения Зубареву?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Когда?

РЫКОВ. В мае месяце 1930 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы давали поручения о подпольной вербовке членов организации правых?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы подтверждаете?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А дальнейшие указания, которые вы давали Зубареву по линии его преступной работы, вы хотите уточнить?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В основном они правильны?

РЫКОВ. В основном, можно сказать, правильны. В отношении деревни я говорил, выражаясь на нашем языке, о саботаже политики партии в деревне в отношении коллективизации и поддержки индивидуального хозяйства в деревне.

ВЫШИНСКИЙ. Вы давали установки на саботаж мероприятий правительства по коллективизации, на срыв коллективизации...

РЫКОВ. И поддержки индивидуального крестьянского хозяйства.

ВЫШИНСКИЙ. В целях срыва коллективизации?

РЫКОВ. Одно исключало другое.

ВЫШИНСКИЙ. О саботаже политики партии вы давали установки?

РЫКОВ. Ну, конечно, и политики партии в деревне вообще.

ВЫШИНСКИЙ. Вы это подтверждаете?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь. (Обращается к суду). Разрешите спросить у обвиняемого Зубарева.

Обвиняемый Зубарев, скажите, что конкретно вами было сделано [в] *для* совершения[и] преступлений против советского правительства.

ЗУБАРЕВ. В области сельского хозяйства мы имели у руководства членов нашей...

ВЫШИНСКИЙ. Мне не важно, каких вы членов *организации* будете называть. Мне важно, что вы, Зубарев, сделали по совершению преступлений против советского правительства.

ЗУБАРЕВ. Я давал указания по линии сельского хозяйства в отношении срыва хлебозаготовок, поощрения враждебных настроений [в колхозах и совхозах по отношению] *в связи со* сдачей[и] хлеба, *о* противодействии[я] коллективизации, *о* противодействии[я] мероприятиям, проводимым партией и правительством в отношении укрепления колхозов.

ВЫШИНСКИЙ. Это в каком году?

ЗУБАРЕВ. Эти указания я давал, когда был на Урале — в 1931 г.

ВЫШИНСКИЙ. А об организации кулацких восстаний вы давали указания?

ЗУБАРЕВ. Давал. Они находились в прямой зависимости от этих мероприятий.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, что именно вы припоминаете в этой части?

ЗУБАРЕВ. Что нами делалось в отношении кулацких восстаний в области организационных мероприятий? Создание на периферии организационных групп. Ничего другого в тот момент конкретно мы предпринять, конечно, не могли.

ВЫШИНСКИЙ. В каких целях?

ЗУБАРЕВ. В целях быть готовыми в подходящий момент к руководству такого рода восстанием и повстанческим движением.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы делали по личной инициативе или не по личной?

ЗУБАРЕВ. [В порядке проведения] *Я проводил* те[х] директивы, которые [и имел в разговоре со] *я получил от* Смирнова[ым], *от Рыкова. Эти установки* [которые я имел в разговоре с Рыковым, которые] также имел и Кабаков, поддерживавший *все время* непосредственную связь [все время] с Рыковым и Томским.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше в 1932 г., в 1933 г.?

ЗУБАРЕВ. Я должен сказать, что в 1931 г., в конце, я выехал в Москву, но я знал о целом ряде мероприятий, которые проводились на Урале, от участников уральской организации при встрече со мной в Москве. Лично я непос-

редственных указаний не давал. В конце сентября я выехал и больше на Урал не возвращался, и моя связь поддерживалась только при свидании с отдельными участниками организации. [Но я] *Я* знал о той *вредительской* работе, которая проводилась по линии промышленности [в области вредительства], и о той связи, которую имела уральская организация с троцкистами и эсерами.

ВЫШИНСКИЙ. Это когда?

ЗУБАРЕВ. В 1932, 1933 и 1934 гг. Это я знаю со слов целого ряда участников и, в том числе, непосредственно от самого Кабакова.

ВЫШИНСКИЙ. Какие факты вредительства имели место в вашей деятельности?

ЗУБАРЕВ. [В моей непосредственной деятельности были также факты вредительства.] Я давал вредительские установки, наносящие вред Советскому государству в отношении сельского хозяйства на Урале. Что касается моей работы в Москве, то в Москве контрреволюционная деятельность моя начинается с середины 1933 г. [Чем это объясняется, если нужно, я объясню, почему был такой перерыв.]

ВЫШИНСКИЙ. [Нет, с] *С*кажите, в чем выражается ваша вредительская деятельность?

ЗУБАРЕВ. Когда я работал в области семеноводства по линии Наркомзема Союза, она выразилась [по той линии,] *в том*, о [которой] *чем* говорил вчера [обвиняемый] *подсудимый* Чернов: [, относительно] запутывания семеноводства, [относительно] ухудшения [его] качества *семян,* применения недоброкачественного материала, плох*ая*[ой] его очистк*а*[и], небрежно*е*[го] хранени*е*[я], а, в результате, [получалось] *это вызывало* не только снижение урожая, но [это вызывало] *и* враждебное настроение со стороны крестьянства, [на эти,] *недовольство этими,* так называемы*ми*[е] сортовы*ми*[е] семена*ми.*

ВЫШИНСКИЙ. Эти ваши преступления в какой период совершались?

ЗУБАРЕВ. Они имели место в конце 1933 г. и начале 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ. А дальше?

ЗУБАРЕВ. А дальше, в марте *1934 г.* [мес.] я *оставил работу* в Наркомземе Союза [оставил работу] и перешел на работу в Наркомзем РСФСР. [В Наркомземе РСФСР,][I] там существовала наша организация, и я имел возможность связаться с этой организацией через Уралова[II], там как Уралов, будучи членом организации, длительное время был Народным комиссаром земледелия РСФСР, а его заместителем был Лисицын. От Уралова я узнал, что и Лисицын состоит членом нашей организации.

ВЫШИНСКИЙ. В чем ваша преступная деятельность заключалась *в Наркомземе РСФСР?*

ЗУБАРЕВ. [Моя] *Здесь моя* преступная деятельность заключалась, прежде всего, в неправильном планировании посева овощей, [как по отдельным культурам, там и по отдельным районам,] в частности, уделялось слабое внимание развитию посевов овощей в наших восточных районах, где развитие овощеводства имело громадное значение, особенно в связи с развитием промышленности, в частности, на ДВК и в Западно-Сибирском крае. [и з] Завоз туда овощей из основных овощных районов центральной части России составлял величайшие экономические трудности и загружал транспорт чрезвычайно невыгодным грузом, — это во-первых. Во-вторых, проводилась точно такая же работа в отношении слабого развития питомников по плодовым растениям. Плодоводство за последнее время начало чрезвычайно быс-

[I] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

[II] Так в тексте; правильно — Муралов.

тро развиваться, колхозное население стало предъявлять все более растущий спрос в связи с увеличением материального благосостояния. ...а мы не в состоянии были этот спрос удовлетворить. Слабое развитие питомников точно так же осуществлялось как одно из вредительских мероприятий.

По лини совхозов (правда, в Наркомземе РСФСР мы располагали ограниченным количеством совхозов) основное вредительство заключалось в том, что до самого последнего времени не были установлены правильные севообороты, а в целом ряде совхозов вовсе не было севооборота. Все это естественно снижало урожай. Целый ряд совхозов, имевших большое количество скота, вследствие неправильного построения севооборотов оставались без кормов, в результате — падеж скота, медленное развитие скотоводства. Почему я говорю только об этом круге мероприятий? Дело в том, что по линии Наркомзема РСФСР круг наших мероприятий был крайне ограничен, ибо основные мероприятия были сосредоточены по линии Наркомзема Союза.

ВЫШИНСКИЙ. Известно вам было, что в программу этого центра и всей группы право-троцкистского блока входили террористические акты?

ЗУБАРЕВ. Да, известно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы об этом знали. Вы лично причастны в какой-либо мере к организации террористических актов?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Когда, против кого?

ЗУБАРЕВ. В конце 1936 г., примерно, в декабре, мы — и я и Лисицын — имели директиву об организации в Наркомземе РСФСР террористической группы. В состав этой группы входили...

ВЫШИНСКИЙ. Это [нам] сейчас не существенно, кто входил. Вы входили в эту группу?

ЗУБАРЕВ. Да, я входил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы организовали эту группу?

ЗУБАРЕВ. Я был одним из участников и одним из организаторов ее.

ВЫШИНСКИЙ. Против кого вы намеревались совершить ваши злодейские террористические акты?

ЗУБАРЕВ. Вначале мы конкретно *персонально никого*[1] не имели в виду — а вообще намечали *террористические акты* [теракты] против руководящего состава Центрального комитета *ВКП(б)*, в частности, *против членов* Политбюро. [Но конкретная постановка вопроса уже исходила из тех возможностей, которыми мы могли обладать.] В силу своего положения, в силу своих связей и больших возможностей в смысле организации террористического акта мы остановились на... *Молотове.*

ВЫШИНСКИЙ. *На* Молотове — Председателе Совета Народных Комиссаров *СССР?*

ЗУБАРЕВ. Да, на Молотове.

ВЫШИНСКИЙ. А еще были у вас преступные замыслы такого рода?

ЗУБАРЕВ. Мы остановились на этом. Других возможностей мы не видели. Вначале ставился вопрос относительно Сталина, Кагановича, Ворошилова и Молотова, но [при конкретной постановке остановились] *мы остановились* на Молотове по тем соображениям, о которых я уже говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Именно — по техническим условиям?

ЗУБАРЕВ. По техническим условиям и по нашим возможностям.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите, при каких обстоятельствах вы оказались агентом царской охранки.

---

[1] * * — инверсия (синие чернила).

ЗУБАРЕВ. Не охранки, а царской полиции.

ВЫШИНСКИЙ. Это разница?

ЗУБАРЕВ. Маленькая разница есть, но существо одно и то же.

ВЫШИНСКИЙ. Я тоже так думаю.

ЗУБАРЕВ. В 1908 г. в деревне у моего отца, где я также был в тот момент, был произведен обыск с большим нарядом полиции. При обыске было найдено значительное количество литературы.

ВЫШИНСКИЙ. Какой?

ЗУБАРЕВ. Нелегальной литературы. Руководивший обыском пристав Васильев поставил передо мной вопрос в такой плоскости, [что] «если вы, Зубарев, хотите избегнуть репрессии, то у вас есть только единственная возможность — принять мое предложение быть агентом полиции». Я тогда определенного ответа не дал, но сказал ему, что я в случае согласия сумею к нему зайти.

Через некоторое время я был у него на квартире в г. Котельнич, получил от него [директивы] *задания* относительно информации о составе Котельнической организации, о характеристике отдельных, наиболее активных руководителей, [в частности, сведения] о Чибисове, Петухове и Попове, *я должен был давать сведения о спичечной фабрике и о воинском гарнизоне.* [и о тех точках опоры, где, главным образом, развертывается эта работа — на спичечной фабрике и в воинском гарнизоне.] Это было в декабре—ноябре 1908 г. В марте [месяце] я был у него второй раз, затем выехал из пределов Вятской губернии в Уфимскую губернию и поступил на работу в качестве счетовода в кооперативе в уездном городе. В первый момент мне там не пришлось встречаться с полицией, но затем в середине 1910 г. у меня установилась связь со Стерлитамакским исправником.

ВЫШИНСКИЙ. Какая связь?

ЗУБАРЕВ. Как агента.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. вы стали агентом полиции в Стерлитамаке?

ЗУБАРЕВ. Да. Пристав Васильев мне заявил, что им было послано соответствующее уведомление по месту моего последующего жительства. С этого времени началась моя работа, причем я получил кличку «Парень».

ВЫШИНСКИЙ. Это вторая ваша кличка?

ЗУБАРЕВ. Да. Первая кличка была «Василий».

ВЫШИНСКИЙ. Были у вас еще клички?

ЗУБАРЕВ. Была еще кличка «Прохор» в Уфе.

ВЫШИНСКИЙ. В какое время?

ЗУБАРЕВ. В начале 1916 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы чем тогда занимались, кроме провокаторской работы? Ваше официальное положение?

ЗУБАРЕВ. Я работал в г. Стерлитамаке уездным инструктором по кооперации.

ВЫШИНСКИЙ. [Вы к] *Кого вы* продавали*?* [преимущественно?]

ЗУБАРЕВ. Кооперат*ивные*[орские] кадры и кадры земских работников в Стерлитамаке я имел поручение давать сведения о [том значительном количестве] *значительных количествах* ссыльных, которые были в Стерлитамаке.

ВЫШИНСКИЙ. Освещали ссылку?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Большевистскую ссылку освещали?

ЗУБАРЕВ. Там был один социал-демократ, агроном Силин и еще один социал-демократ, фамилию которого я сейчас не помню.

ВЫШИНСКИЙ. [Трудно запомнить.] *Значит, всех, кого предали [трудно за] вам трудно запомнить?*

ЗУБАРЕВ. Во всяком случае, поскольку я не отрицаю самого факта...

ВЫШИНСКИЙ. Я и говорю, всех не запомнили. Так. В конце 1915 г. и начале 1916 г. вы переехали на жительство в Уфу?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах? Почему в Уфу потянулись?

ЗУБАРЕВ. Со стороны губернского земства мне было предложено занять должность губернского инструктора по кооперации. Я приехал в Уфу и через полтора месяца был мобилизован...

ВЫШИНСКИЙ. Приехавши в Уфу, вы опять связались с полицией?

ЗУБАРЕВ. Да, в начале февраля 1916 г.

ВЫШИНСКИЙ. И тут получили кличку «Прохор».

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А затем были призваны в ряды армии?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А будучи в армии, вы продолжали осведомлять полицию по политическим вопросам?

ЗУБАРЕВ. После выезда из Уфы нет.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, когда вы были в армии...

ЗУБАРЕВ. Во всяком случае, меня это дело очень тяготило, ибо мое вступление агентом царской охранки не было вызвано природным органическим пороком.

ВЫШИНСКИЙ. Не органическим пороком?

ЗУБАРЕВ. Я хочу сказать, что я...

ВЫШИНСКИЙ. Органическим пороком или не органическим пороком это было вызвано, мы потом выясним.

Значит, вы вступили в связь с полицией в 1908 г.

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. На протяжении ряда лет эта связь продолжалась. Потом вы оказываетесь в Стерлитамаке, вступаете здесь в связь с полицией, потому что пристав Васильев сообщил о вас в это новое место. В 1910 г. вы живете в Стерлитамаке, в 1911 г. тоже.

ЗУБАРЕВ. Я жил там по 1914 г.

ВЫШИНСКИЙ. За все это время вы поддерживали связь с полицией?

ЗУБАРЕВ. Да, поддерживал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 гг. и часть 1915 г. вы состояли в связи с полицией, проживая в то время в Стерлитамаке.

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Потом вы переезжаете в Уфу и опять связываетесь с полицией. После этого вы призываетесь в армию. [Теперь я вас спрашиваю, к] *К*огда вы были в армии, продолжали вы давать сведения полиции о революционных настроениях в армии?

ЗУБАРЕВ. [Один только раз.] Я получил задание освещать политические настроения *той воинской части, в которой я находился.*

[ВЫШИНСКИЙ. Политическое настроение кого?]

[ЗУБАРЕВ. Той воинской части, в которой я находился.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы это делали?

ЗУБАРЕВ. Да, один раз я это сделал, [потому что] потом [я] выехал из Уфы.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, не пришлось больше.

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, на протяжении большого периода вы были связаны с полицией вплоть до самой революции?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы получали вознаграждение за эту свою работу?

ЗУБАРЕВ. Дважды от пристава Васильева по 30 рублей.

ВЫШИНСКИЙ. По 30 серебряников?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В два раза больше, чем Иуда?

ЗУБАРЕВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Вы [ничего не сказали] *занимались* [о *своей*] шпионской деятельност[и]*ью?*

ЗУБАРЕВ. Я упустил об этом сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы занимались шпионской деятельностью?

ЗУБАРЕВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Расскажите [вкратце] о своей шпионской деятельности*?*

ЗУБАРЕВ. Моя шпионская деятельность началась с конца 1936 г. Вовлечен я был в эту организацию для дачи секретных сведений [по своей линии] секретарем Сулимова — Ивановым. Сведения секретного порядка, касающиеся данных по линии сельского хозяйства, я давал дважды — в январе и в декабре 1936 г. [с] *Я* подробно[ым] освещ*ал*[ением] состояние[я] деревни, [с] освещ*ал*[ением] хлебные[х] запасы[ов], семенные[х] и продовольственные[х] фонды[ов], особенно [по части] фуража, говорил о *состоянии* [большой гибели] скота. [в связи с неблагоприятными климатическими условиями летом 1936 г.] *От Иванова я узнал, что эти сведения*

[В пользу кого давали эти сведения, мне было известно от Иванова, от кого я узнал, что эти сведения] давались в пользу фашистской Германии. Но через кого конкретно осуществлялась эта связь, — я этих сведений по вполне понятным причинам не имел, и мне это неизвестно.

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу вызвать сюда в качестве свидетеля пристава Васильева, который вербовал в свое время Зубарева, для проверки этого обстоятельства.

[(Общее оживление в зале).]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (Зубареву). Садитесь пока.

Суд определил ходатайство Прокурора удовлетворить и вызвать Васильева в качестве свидетеля на заседание суда.

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу допросить его теперь же. Я позаботился о том, чтобы он приглашен *сюда, однако он находится* за предел[ы]*ами* зала суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. [Вызвать] *Комендант, введите* свидетеля Васильева.

(Вводят свидетеля Васильева).

Ваша фамилия Васильев?

ВАСИЛЬЕВ. Васильев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Ваше имя, отчество?

ВАСИЛЬЕВ. Дмитрий Николаевич.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Когда вы родились?

ВАСИЛЬЕВ. В 1870 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Вы в 1907, 1908, 1909, 1910 гг. в каких городах жили?

ВАСИЛЬЕВ. В городе Котельниче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Какую должность занимали?

ВАСИЛЬЕВ. Я был становым приставом 4-го стана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* С какого по какой год были приставом?

ВАСИЛЬЕВ. С 1906 г. по 1917 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Во время вашей работы в качестве пристава приходилось вам кого-нибудь [за]вербовывать в качестве провокатора?

ВАСИЛЬЕВ. [Случай один] был. *[И также случалось.] Приходилось.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В частности, не приходилось ли вам завербовывать [такого] Зубарева?

ВАСИЛЬЕВ. Зубарева, да, так точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. [В двух словах р] *Р*асскажите *в двух словах,* как вы его завербовали.

ВАСИЛЬЕВ. Полицейский урядник Смердинской волости, где жил в деревне Зубарев Прокопий Тимофеевич, в доме своего отца, [полицейский урядник] сообщил *мне*, что [в этом доме] *там* собираются молодые люди, поют революционные песни, читают революционные книги. Ну, я, конечно, по долгу своей службы тогда с урядником Коневым приехал в деревню, сделал обыск, обнаружил, действительно, много революционных изданий, последние отобрал, и Зубарева пришлось, конечно, арестовать. В моей канцелярии Зубарев сказал, что у них еще есть [где-то там] в деревне революционно настроенные люди, назвал он мне *имена* двух человек, [назвал имена этих двух человек,] но фамилии не сказал, и сказал, что он выявит этих двух людей. Я [пошел,] доложил исправнику. ...исправник велел его завербовать и [велел] отобрать от него подписку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Какого характера подписку?

ВАСИЛЬЕВ. О том, что он обязуется давать полиции сведения. При отобрании этой подписки он сказал, что кличка его будет «Васильев».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Сам сказал?

ВАСИЛЬЕВ. Да, сам сказал. Я хорошо помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. О деньгах стал разговаривать?

ВАСИЛЬЕВ. Потом уже о деньгах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая же плата была установлена?

ВАСИЛЬЕВ. Исправник прислал ему 30 рублей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* [Оплату эту вы сами установили?] *Потом вам приходилось давать ему еще деньги?*

ВАСИЛЬЕВ. [Нет, нет.] *Я хорошо помню один раз, но, может быть, еще давал — я не отрицаю.*

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше начальство?]

[ВАСИЛЬЕВ. Мне исправник дал эти деньги и говорит: передайте. А я не мог сам устанавливать, потому что деньги были не в моем распоряжении.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит, не вы определяли сумму, а ваше начальство?]

[ВАСИЛЬЕВ. Да. Дело было так: я прихожу в полицейское управление, а исправник мне говорит: дал он что-нибудь?]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. То есть сведения?]

[ВАСИЛЬЕВ. Да. Я ему говорю: как же он был уже в нескольких деревнях и дал сведения. Тогда он выносит 30 рублей и говорит: передай.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы передали?]

[ВАСИЛЬЕВ. Передал.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Потом вам приходилось давать ему деньги?]

[ВАСИЛЬЕВ. Я помню один раз, но, может быть, я не отрицаю, и еще давал.]

ВЫШИНСКИЙ. В течение какого времени вы были связаны с Зубаревым?

ВАСИЛЬЕВ. С 1908—1909 гг.

ВЫШИНСКИЙ. Сколько же времени в общем?

ВАСИЛЬЕВ. Год в общем.

ВЫШИНСКИЙ. Год с лишним?

ВАСИЛЬЕВ. Да. Связался в начале 1908 г., а в начале 1909 г. выехал из Котельнического уезда.

ВЫШИНСКИЙ. А вы знали его семью по месту?

ВАСИЛЬЕВ. Нет, не знал. У меня было шесть волостей, народу было много.

ВЫШИНСКИЙ. А как вы запомнили его хорошо? С тех пор времени прошло немало, а вы запомнили этого Зубарева так хорошо.

ВАСИЛЬЕВ. [Пришлось] запомни*л.*[ть, потому что мне сказали, чтобы я припомнил.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы его запомнили по вашей работе тогдашней?

ВАСИЛЬЕВ. По моей работе.

ВЫШИНСКИЙ. Он еще раз с вами встречался?

ВАСИЛЬЕВ. После 1909 г. я его в глаза не видел. Он тогда был еще человек молодой, а теперь он как будто бы мужчина пожилой.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, я думаю! Вы тогда тоже были моложе.

(К председателю). Можно Зубарева спросить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Зубарев.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не припомните, этот Васильев *тогда* был приставом [тогда]?

ЗУБАРЕВ. Так как прошло 30 лет, мне трудно сейчас вспомнить, но, кажется, что этот... Не отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. Похож?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда был моложе?

ЗУБАРЕВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы *получали деньги* от Васильева [получали деньги] или от кого-либо другого? [Вы именно Васильеву давали сведения?] *И кому давали сведения?*

ЗУБАРЕВ. Да, [Васильеву.] *от Васильева и передал сведения Васильеву.*

ВЫШИНСКИЙ. Сколько раз, не помните?

ЗУБАРЕВ. Я был у него два раза.

ВЫШИНСКИЙ. Где он жил в то время?

ЗУБАРЕВ. В Котельниче.

ВЫШИНСКИЙ. И в Котельниче являлись?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А арестованы вы где были?

ЗУБАРЕВ. Я арестован тогда не был.

ВЫШИНСКИЙ. Он тогда же вас задержал с литературой?

ЗУБАРЕВ. Да, но он мне поставил тогда такое условие...

ВЫШИНСКИЙ. У вас был тогда обыск?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. У вас была тогда найдена нелегальная литература?

ЗУБАРЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были в связи с этим задержаны?

ЗУБАРЕВ. Да, я был задержан, но мне было предложено такого рода условие, что если я буду давать сведения...

ВЫШИНСКИЙ. Тогда же он взял с вас подписку?

ЗУБАРЕВ. Я не помню сейчас, но, кажется, что так.

ВЫШИНСКИЙ. Но этот факт вы твердо помните?

ЗУБАРЕВ. Да. Я потом выехал из Котельнича и передавал сведения в Стерлитамак*е*.

[ЗУБАРЕВ. ...Он мне говорил, но правильно или нет, боюсь сказать.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вы не помните этого?

[ЗУБАРЕВ. Не не помню, а не знаю.]

ВЫШИНСКИЙ. А кличку «Васильев» вы сами выбрали?

ЗУБАРЕВ. Я не помню, кто давал, сам ли я взял, или с его стороны было предложение, не помню и боюсь отрицать, что он дал или я сам выбрал, но факт этот имел место.

ВЫШИНСКИЙ. Вы подтверждаете, что свидетель Дмитрий Николаевич Васильев напоминает вам того пристава Васильева, который вас впервые завербовал на службу в полицию?

ЗУБАРЕВ. Да, подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвиняемый Зубарев, у вас [нет] *есть* вопрос*ы*[ов] к свидетел*ю*.[ям.]

ЗУБАРЕВ. Я сказал в показаниях, которые давал суду, что меня завербовал пристав *Васильев* на службу в полиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда свидетеля можно освободить?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете идти.

(Обращается к Вышинскому).

У вас вопрос*ы*[ов] к Зубареву *есть?* [нет?]

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв до 6 часов.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

3 марта 1938 г.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ* СУДА *УЛЬРИХ.* Садитесь. [, пожалуйста.] Заседание суда продолжается.

Приступаем к допросу подсудимого Крестинского.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте мне до допроса Крестинского задать несколько вопросов обвиняемому Раковскому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ* СУДА *УЛЬРИХ.* Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Раковский, вы [на вопросы суда и неоднократно на мои вопросы по частным поводам] признали себя виновным в преступлениях, которые вам предъявлены.

РАКОВСКИЙ. Признал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы здесь слышали также ответ *Крестинского, который* [на вопрос суда Крестинскому, который] *на вопрос суда* заявил, что он не троцкист и не *совершил* [сделал] преступлени*й*[я], в которы*х*[ом] он признавался на предварительном следствии.

Я хотел бы *спросить* у вас как у одного из виднейших представителей и руководителей троцкистского подполья в СССР, [спросить,] что вы знаете о троцкистской деятельности Крестинского в последний период времени?

РАКОВСКИЙ. Прежде всего, я должен остановиться на тех показаниях, или на тех заявлениях, которые сделал вчера здесь Крестинский.

ВЫШИНСКИЙ. Да, я вот об этом и говорю.

РАКОВСКИЙ. Крестинский в доказательство того, что он отошел от троцкизма, заявил, что [он] в конце 1927 г. *он* послал письмо Троцкому, в котором он отмежевывается от троцкистских позиций. Еще не ошибаюсь, таков был смысл заявления Крестинского здесь вчера?

ВЫШИНСКИЙ. Так мы все поняли.

РАКОВСКИЙ. [Я должен заявить, что] *Это* письмо Крестинского мне известно.

ВЫШИНСКИЙ. Известно?

РАКОВСКИЙ. [Известно. Письмо Крестинского мне] Троцкий давал *мне его* [по]читать. И не только мне. Но для того, чтобы осветить смысл этого письма, я должен, прежде всего, указать на один факт.

Возвращаясь в Москву, за несколько недель до *посылки Крестинским* этого письма, накануне пленума ЦК перед XV съездом[71], *я остановился в 1927 г.* в Берлине, ...

[ВЫШИНСКИЙ. Год?]

[РАКОВСКИЙ. 1927 г.]

[ВЫШИНСКИЙ. Так.]

[РАКОВСКИЙ. Я в Берлине остановился,] как всегда, в Полпредстве, *где тогда работал Крестинский,* и вместе со мной был Каменев. Он приехал из Рима и тоже отправлялся на пленум ЦК. [Ну, конечно, как между единомышленниками между мной, Каменевым и Крестинским] *Между мной, Каменевым и Крестинским, как между единомышленниками,* происходил *тогда в Берлине* обмен мнений.

ВЫШИНСКИЙ. Как между единомышленниками?

РАКОВСКИЙ. Да. Само собой понятно, как между единомышленниками. До этого времени со стороны Крестинского не было никак*их*[ого] признак*ов*[а] отхода от оппозиции. *При встрече в Берлине мы* [Мы] вместе обсуждали, что следует предпринимать оппозиции на предстоящем пленуме. Крестинский оставался в Берлине. [Крестинский] *Он* был того мнения, что нужно продолжать и дальше маневрировать.

ВЫШИНСКИЙ. Маневрировать?

РАКОВСКИЙ. Маневрировать.

ВЫШИНСКИЙ. [А нельзя ли сказать] *Т.е.* двурушничать?

РАКОВСКИЙ. Тогда это слово не употреблялось.

ВЫШИНСКИЙ. А смысл?

РАКОВСКИЙ. Смысл тот же.

Я не буду говорить о дальнейших спорах, которые происходили между нами. Через некоторое время после этого, когда я уже был в Москве, Троцкий мне показал письмо Крестинского.

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?

РАКОВСКИЙ. Я думаю, что это было [в] *в первых числах* декабря[е] *1927 г.* — [не помню точно, потому что вся эта борьба тогда чрезвычайно остро развернулась в период ноябрь—декабрь. Я думаю, что это было, возможно, в первых числах декабря или в последних числах ноября 1927 г.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы припоминаете, что в этом письме было.

РАКОВСКИЙ. [Что в письме было?] Точное содержание я не помню, но *общее впечатление было такое, что это маневр.* [я не о нем буду говорить, потому что оно более известно, чем Крестинский предполагает, оно известно советской общественности.] [Но, когда я] *Когда я* прочел *это* письмо *Крестинского,* я сказал Троцкому: «Крестинский подготавливает то, что [называется] на языке юриспруденции *называется* свое алиби». *Троцкий подтвердил это. Так в последствии и получилось, ибо* [Вот смысл содержания письма Крестинского. Я не сомневаюсь, что никто из присутствующих здесь обвиняемых — правых, троцкистов или каких бы то ни было — будут утверждать, что достаточно чернильной стряпни для того, чтобы действительно был отход. Мы все знаем, что и зиновьевцы, и троцкисты, и правые

отходили, оставаясь зиновьевцами, троцкистами и правыми. Письмо Крестинского в дальнейшем фигурировало,] когда ЦК *ВКП(б)* обратился[ось] к полпредам, [троцкистам, которые до сих пор не делали никаких заявлений, с вопросом,] *разделявшим троцкистские взгляды, с вопросом,* как они относятся к *исключению руководителей* [тому, что происходило в партии с исключением] оппозиции *из партии*[72]. [Тогда] Крестинский написал *в ЦК письмо и ссылался в нем на это свое «алиби».* [тогда Крестинский ссылался на свое алиби.]

ВЫШИНСКИЙ. [На это письмо как на доказательство?] *Ссылался на письмо Троцкого как на доказательство разрыва с троцкизмом?*

РАКОВСКИЙ. Да, на это письмо как на доказательство, что он отошел. [И этом п] *П*исьмо *Крестинского* в ЦК было напечатано в газетах *в 1928 г.* [, поскольку оно относится к 1930 г., оно было напечатано в газетах.] Я не помню, что из письма Крестинского было напечатано. Он оставил себе копию. Я не могу сказать, что из его письма было приведено, но ссылка на его письмо была[73].

Я тоже на положении обвиняемого. Я не имею права перегружать никого из моих тут соучастников новыми обвинениями. Я думаю, достаточно того, если я передам то впечатление, которое тогда было и осталось. [Отнюдь я не] *Я не* считаю, *что* этот документ *свидетельствует* [, как документ, который свидетельствует] об отходе Крестинского [, по существу, — не ритуально, а, по существу, —] от троцкистской оппозиции.

Это уже не было делом каких-нибудь временных увлечений. Это уже была борьба, которая продолжалась примерно 7—8 лет, борьба между троцкистами и партией. И как можно предполагать, что достаточно заставить себя в течение получаса или часа написать документ для того, чтобы после этого все прошлое, вся идеология, все привычки, связи — все это исчезло?

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, письмо, о котором здесь говорил [обвиняемый] *подсудимый* Крестинский, как о доказательстве его разрыва с Троцким и троцкистами, вы рассматриваете исключительно как *основу, как* документ, который должен был бы, в случае необходимости, свидетельствовать о его алиби?

РАКОВСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, на мой вопрос — был ли в ноябре 1927 г. и позже Крестинский троцкистом — как вы отвечаете?

РАКОВСКИЙ. Да, [был.] *Крестинский был троцкистом и с троцкизмом никогда не порывал.*

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, *как вы расцениваете сделанное здесь вчера* заявление [сейчас обвиняемого] *подсудимого* Крестинского, что он не был троцкистом, [по крайней мере, 1927 г., как вы расцениваете?] *по крайней мере,* с ноября *1927 г.*

РАКОВСКИЙ. Как не соответствующее действительности.

ВЫШИНСКИЙ. Вам известно, что обвиняемый Крестинский и позже был троцкистом?

РАКОВСКИЙ. Известно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы можете привести какие-нибудь факты?

РАКОВСКИЙ. Могу. Я обращусь, если позволит суд, к самому Крестинскому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Пожалуйста.

РАКОВСКИЙ. (Крестинскому). Николай Николаевич, когда я был в ссылке, ты мне писал?

КРЕСТИНСКИЙ. *Да.* Через дочь, которая ехала в Саратов, я писал...

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить *подсудимого* [обвиняемого] Крестинского: в каком году это было?

КРЕСТИНСКИЙ. Это было в 1928 г.

РАКОВСКИЙ. Это было в 1929 г., в августе или июле месяце. В *192*8 г. я был в Астрахани[74].

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Крестинский, а вы куда писали письмо?

РАКОВСКИЙ. Он писал в Саратов.

КРЕСТИНСКИЙ. Точно год я не помню. Но я просил тогда т. Кагановича перевести Христиана Георгиевича из Астрахани в Саратов, ссылаясь на наши с ним дружеские отношения. Это было удовлетворено. И вот, когда он переехал в Саратов, к нему поехала его дочь, я через нее написал ему письмо. Разрешите мне...

ВЫШИНСКИЙ. Виноват. У нас все делается по порядку...

КРЕСТИНСКИЙ. Может быть, я сократил бы вам работу.

ВЫШИНСКИЙ. Я не нуждаюсь в сокращении, тем более, что ваши вчерашние заявления не свидетельствуют, чтобы вы хотели сокращать процесс.

КРЕСТИНСКИЙ. Но, может быть, я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дойдет еще до вас очередь, обвиняемый Крестинский.

ВЫШИНСКИЙ. Я просил бы, [обвиняемый] *подсудимый* Раковский, сообщить, [насколько вы это помните,] *о чем вам писал* [что именно в этом письме сообщалось, о чем вам писал] в 1929 г., во время *вашего* пребывания [вашего] в Саратове, в ссылке, обвиняемый Крестинский?

РАКОВСКИЙ. Крестинский в этом письме писал, чтобы я вернулся в партию, *естественно, в целях продолжения троцкистской деятельности.*

ВЫШИНСКИЙ. Зачем?

РАКОВСКИЙ. Он ничего явно противозаконного в этом письме не писал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы сейчас устанавливаете факт его связи с вами, хотя вы были ссыльным троцкистом?

РАКОВСКИЙ. Да, и его желание, как и других троцкистов, *соединить троцкистские кадры, по возможности проникнуть в партию.* [собрать под крылышком партии все старые кадры. Так я понял.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он уговаривал вас, что вы из тактических соображений, в интересах троцкистского дела [должны вернуться] *вернулись* в партию?

РАКОВСКИЙ. Так я понял.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите задать вопрос [обвиняемому] *подсудимому* Крестинскому. [Обвиняемый] *Подсудимый* Крестинский, правильно понял содержание вашего письмо [обвиняемый] *подсудимый* Раковский?

КРЕСТИНСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. *[(Обращаясь к суду).] Я прошу суд о следующем.* Тогда позвольте мне предварительно сделать следующее. *По моему требованию* [Вчера обвиняемый Крестинский сослался на то, что у него при обыске было изъято письмо от 27 ноября 1927 г. Я заявил, что мне об этом письме неизвестно, т.к. к делу оно не было приобщено. Сейчас по моему требованию были проверены] документы, изъятые *при обыске* у Крестинского, *среди них имелась копия его письма Троцкому от 27 ноября 1927 г., того самого письма, на которое ссылался вчера Крестинский и о котором говорит Раковский.* [и оказалось, что в его материалах содержится копия письма в Берлин 27 ноября 1927 г., не приобщенная к делу следственными властями, потому что оно не имело прямого отношения к тому вопросу и к тем преступлениям, которые сейчас рассматриваются судом.]

Я прошу разрешить мне *[пред]* [во-первых, эту копию, правда, без подписи, не заверенную, что она с подлинным верна,] предъявить Раковскому и Крестинскому *эту копию письма* и спросить *об этом ли письме Троцкого оба они говорят* [было ли действительно это письмо получено Троцким в свое время, копия которого находится сейчас в моих руках, и посылал ли Крестинский это письмо на имя Троцкого,] — после чего прошу разрешить мне поставить еще несколько вопросов.

(Копия письма *от 27 ноября 1927 г.* предъявляется Крестинскому, затем Раковскому).

КРЕСТИНСКИЙ. [Я не прочитываю всего письма, но судя по началу и концу, э] Это то самое письмо.

[ВЫШИНСКИЙ. Середина вас не интересует?]

[КРЕСТИНСКИЙ. Я вижу, что это то самое письмо.]

[РАКОВСКИЙ. Я полагаю, что это письмо Крестинского.]

ВЫШИНСКИЙ. Прошу предъявить копию *этого* письма обвиняемому Раковскому.

РАКОВСКИЙ. Автор письма лучше помнит его, чем я.

ВЫШИНСКИЙ. Это займет у нас две минуты, но факт будет восстановлен.

РАКОВСКИЙ. (Читая письмо). Да, насколько я могу помнить, это есть то самое письмо.

ВЫШИНСКИЙ. Прошу разрешить предъявить Раковскому [следующую] выдержку из газеты «Экономическая жизнь» от [8 апреля] *6 апреля* 1928 г., где написано: «Выдержка из письма Крестинского от 22 марта 1928 г.». Не это ли он имел в виду, когда говорил [, что] *о* письме[о] Крестинского [было опубликовано в печати.] *в ЦК, посланном уже после его письма к Троцкому?*

РАКОВСКИЙ. Да, об этом.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, все факты установлены.

РАКОВСКИЙ. Я читал его в «Правде» или «Известиях», но оно могло быть опубликовано во всех газетах.

КРЕСТИНСКИЙ. Это было 28 апреля.

ВЫШИНСКИЙ. А письмо датировано 22 марта?

КРЕСТИНСКИЙ. Я не помню дату письма.

РАКОВСКИЙ. Я помню, было два письма, отправленных троцкистскими полпредами: Антоновым-Овсеенко и Крестинским.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, все факты установлены. Вы не помните ли, обвиняемый Раковский, что письмо, о котором вы сейчас говорили, начиналось именно так, как начинается копия этого письма: «Дорогой Лев Давыдович»?

РАКОВСКИЙ. Это была обычная форма.

ВЫШИНСКИЙ. [Так, обычная форма. Прошу разрешить мне напомнить еще следующее. Обвиняемый] *Подсудимый* Раковский, не помните ли вы следующего места [письма] *из личного письма Крестинского Троцкому,* как оно отражено в копии. Крестинский пишет: «По моему глубокому убеждению, тактика оппозиции за последние полгода была глубоко ошибочной, вредной, для целей самой оппозиции, можно сказать, трагически неправильной».

Можно ли из этого абзаца сделать заключение, что здесь содержится какое-либо осуждение троцкизма?

РАКОВСКИЙ. Нет. Крестинский рассуждает как человек, находящийся в троцкистской организации. Он исходит из троцкистских предпосылок. Он говорит в интересах троцкистской организации, троцкистских целей. Это то, что он заявлял в Берлине, как я уже сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, здесь есть просто оценка тактической линии троцкистов, [в интересах троцкистской организации. Вы так тогда это воспринимали?] *даваемая человеком, в данном случае Крестинским, остающимся на почве троцкистской борьбы против советской власти?*

РАКОВСКИЙ. [Так я воспринимал все время, и также воспринимал я и второе письмо.] *Да, это так.*

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте *спросить* Крестинского: [спросить:] правильно ли *будет так понимать* [будет сказать, что он так воспринимал] это место из *вашего* письма *Троцкому.*

КРЕСТИНСКИЙ. Да, так.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше в копии этого письма говорится: [«Смешно говорить... (читает) ...потеря влияния неизбежна».] *смешно говорить о сохранении кадров, когда они уже фактически уничтожены неправильной политикой самой оппозиции. Нельзя ведь считать кадрами пару сотен исключенных и поставленных вне закона товарищей. Это кадры для тюрьмы и ссылки, а не для продолжения внутрипартийной борьбы. Еще сложнее говорить о сохранении влияния на массы. Где это бывало в истории, чтобы группа, потерпевшая полное поражение в борьбе, благодаря собственным ошибкам, могла сохранить влияние на массы? А, ведь для всякого не ослепленного ясно, что преждевременные обреченные на неудачу выступления и последующее полное поражение есть результат ошибок, плохого, неверного руководства. И при капитуляции, и при непримиримой тактике потеря влияния неизбежна. Но в первом случае медленно, постепенно, упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, заработать доверие масс и влияние на них».*

О чем же здесь идет речь? Мне представляется, [— и я хочу, чтобы обвиняемые Крестинский и Раковский это здесь подтвердили, —] что здесь речь идет об оценке тактической линии троцкистов с точки зрения интересов троцкистской борьбы против партии, *но никак не о разрыве с троцкизмом.*

РАКОВСКИЙ. Да, это так, я это подтверждаю полностью.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к* [Обвиняемый] *Крестинскому*[ий]*).* [, как вы могли рассматривать это письмо, как доказательство так называемого отхода Раковского] *Вы выслушали подробное объяснение Раковского о так называемом отходе вашем от* троцкизма, [как доказательство его алиби?] *считаете ли вы эти объяснения Раковского правильными?*

КРЕСТИНСКИЙ. [Я его не рассматриваю так. Если бы вы задали вопрос мне первому, я не обвиняемому Раковскому, то вы получили бы от меня этот ответ.] *То, что он говорит — правильно.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы подтверждаете [это] то, что говорил Раковский.

КРЕСТИНСКИЙ. Да, подтверждаю.

[ВЫШИНСКИЙ. Вы выслушали подробное объяснение Раковского о так называемом его отходе от троцкизма. Считаете ли вы эти объяснения Раковского правильными?]

[КРЕСТИНСКИЙ. То, что он говорит, правильно.]

ВЫШИНСКИЙ. Если [вы согласны с тем, что] *верно* то, что говорил здесь Раковский [правильно], то *будете ли вы* продолжать[ете ли вы] обманывать суд и отрицать правильность данных вами [ранее] *на предварительном следствии* показаний?

КРЕСТИНСКИЙ. [Я ожидал, что мне Председательствующий задаст вопрос, отказываюсь ли я от своих показаний во время предварительного следствия, и хотел дать ответ, что с] Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. К Раковскому у меня нет вопросов.

У меня один вопрос к Крестинскому: что значит в таком случае [его] *ваше* вчерашнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать как троцкистскую провокацию на процесс?

КРЕСТИНСКИЙ. [Это не была троцкистская провокация. А в] *В*чера под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглаше*ния*[нного] обвинительного акта, усугубленн*ым*[ого] моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

ВЫШИНСКИЙ. Машинально?

КРЕСТИНСКИЙ. Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что я вел все время троцкистскую борьбу. Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем *тягчайшим* обвинениям, предъявленным лично мне. *Я признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство.*

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше вопросов к [обвиняемому] *подсудимому* Крестинскому *пока* нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ*. Садитесь, [пожалуйста,] обвиняемый Крестинский.

Переходим к допросу подсудимого Рыкова.

[Насколько я понял из ваших реплик и показаний, вы [в] ваши[х] показания[х] полностью подтверждаете.] *Подсудимый Рыков, ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?*

[КРЕСТИНСКИЙ] *РЫКОВ*. Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Т. Прокурор, есть у вас вопросы к подсудимому Рыкову?

ВЫШИНСКИЙ. Имеется ряд вопросов.

[Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, скажите, [пожалуйста, как вы рассматриваете,] когда началась ваша подпольная заговорщическая деятельность против советского правительства?

РЫКОВ. По существу дела она началась с 1928 г.

ВЫШИНСКИЙ. С 1928 г. она оформилась?

РЫКОВ. Может быть, трудно запомнить.

ВЫШИНСКИЙ. Приблизительно в эти годы.

Скажите, [пожалуйста,] в чем выражалась в это время ваша антисоветская деятельность, [как она складывалась,] какие [вы преследовали цели, какие] непосредственно ставили *задачи организационные*[1], [как вы стремились к осуществлению этих задач] *преследовали цели?*

РЫКОВ. В этот период, с 1928 [—] *по* 1930 гг. ...

ВЫШИНСКИЙ. И в последующее время?

РЫКОВ. Я [в этот] *говорю в этот* период, [говорю,] потому что он несколько однотипен. [Моя] *Я боролся активно против всей политики партии* [ьба с партией, *[моя анти]* с *анти*советск*ая*[ой] деятельность[ю] заключалась в том, что я боролся активно против той политики партии и политической деятельности] *и* советского правительства, [которая осуществлялась] *и*, главным образом, [в области] *против политики партии в* отношении к крестьянству. [в деревне.] Эта деятельность выразилась в моих, что называется, легальных выступлениях. [в частности, в моем докладе.] *Нелегальная организация в этот период использовала легальные возможности.*

---

[1] * * — инверсия — «*организационные задачи*».

ВЫШИНСКИЙ. О нелегальной деятельности *расскажите.* [скажите.] Меня интересует нелегальная деятельность.

РЫКОВ. В этот период одно от другого нельзя отделять, потому что нелегальная организация в этот период существовала для того, чтобы использовать легальные возможности. Легальные возможности давали такой резонанс: давали возможность общения среди лиц и слоев населения, которых в последующий период нелегальная организация была лишена. Поэтому руководящий центр, к которому я принадлежал, нелегально выступал и использовал все возможности. Поэтому, если говорить обо мне, то легальные мои выступления в этом время были, я был председателем СНК, и поэтому мои легальные выступления имели специальную роль, которая в партии в тот период еще сохранялась за мной.

ВЫШИНСКИЙ. [Прошу извинить. Поскольку вы сказали, что] *Какие* у вас были отношения [в этот период с Ягодой] *с Ягодой* в 1928—1929 гг. [вот в *[В]* этих отношениях все ли у вас были легально, или были кое-какие моменты нелегального?]

РЫКОВ. В отношениях[и] *с* Ягод*ой*[ы] все было нелегально. [, потому что у] *У* нас уже в этот период, наряду с легальной частью, т.е. той группой членов контрреволюционной организации правых, которая выступала легально, существовал*и* [уже значительный] кадр*ы* [с самого начала], которы*е*[й] был*и* специально законспирированы [в предвидении и] в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода, с которым я был в этот период и перед [этим периодом] *тем* связан лично, от которого я получал [и информацию,] специально подобранную *информацию,* которую я использовал для своих выступлений *против* [о результатах] политики партии в деревне. [, который после короткого промежутка, к] *К*огда в дальнейшем на [том] заседании Политбюро было вскрыто [его] сочувствие *Ягоды* нам по вопросу о [принудительных] *чрезвычайных* мерах в хлебозаготовках, *по отношению к кулачеству* [после короткого времени] он [уже] *после короткого времени* осуществил [этот] маневр двурушничества, заяви[ля]л себя сторонником партии, на самом деле оставаясь членом нашей контрреволюционной организации. Причем, сделано это не только с *моего* ведома, а, насколько помню, [хотя у нас разногласий не было, но, возможно,] и по моему совету.

ВЫШИНСКИЙ. Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что члены вашей подпольной организации им *ли будут* репрессироваться [не будут]?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. [Было. Что он] *[Ягода] Было ли с Ягодой соглашение о том, что он [будет]* будет оберегать подпольную организацию правых, использ*уя*[овать] свое служебное положение?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А какое *служебное* положение *он* в то время *занимал* [было у него]?

РЫКОВ. Он был заместителем председателя *ОГПУ* Менжинского.

ВЫШИНСКИЙ. Заместителем председателя ОГПУ?

РЫКОВ. Да. Вот в этих целях мы и стремились, главным образом, его законспирировать.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к суду).* Позвольте спросить [мне] Ягоду. [Обвиняемый] *Подсудимый* Ягода, вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?

ЯГОДА. Факт подтверждаю [, редакцию нет.][1]

---

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. Редакция вам не нравится.

ЯГОДА. Факт был, но не так, как говорит Рыков.

ВЫШИНСКИЙ. В 1929 г. было это?

ЯГОДА. Было.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к Рыкову). [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, вы говорите, *что это* было в 1929 г.?

РЫКОВ. Да, это было в 1929 г.

ВЫШИНСКИЙ. Во всяком случае, *это было* тогда, когда вы, [обвиняемый] *подсудимый* Ягода, были заместителем председателя ОГПУ и когда на вашей обязанности лежала борьба с подпольными группами?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы совершали прямую государственную измену?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь. [Пожалуйста, п] Продолжайте, [обвиняемый] *подсудимый* Рыков.

РЫКОВ. Я продолжаю эту тему относительно Ягоды. [Такое положение сразу же в] *Уже с самого* начала[е] нашей открытой борьбы [с] *против* партии[ей] *образовалась прослойка членов нашей контрреволюционной организации,* [оно создалось для целого ряда членов партии, т.е. уже с самого начала открытой борьбы, обсуждения так называемых разногласий наших с партией в газетах, в печати, на пленумах ЦК, был создан ряд членов *организации правых,* была уже целая прослойка *организации правых,*] которая[ые с самого начала] не заявляла[и] себя открыто [как] сторонники[и в тот период называвшегося] правых.[ого уклона.] К их числу, кроме Ягоды, принадлежали такие люди, как Антипов, Разумов, Румянцев.

ВЫШИНСКИЙ. А из людей, которые находятся на скамье подсудимых [, здесь]?

РЫКОВ. Здесь?

ВЫШИНСКИЙ. С правой стороны от вас.

РЫКОВ. Иванов, он сманеврировал в этом отношении. О нем знали как об участнике правого уклона. Он тоже сманеврировал [и] одни из первых. Больше я здесь никого не могу назвать. Мы с Бухариным выступали открыто, об остальных я не могу сказать — были ли открытые выступления в защиту программы правых. Относительно Иванова могу сказать, что были. Существовали даже отдельные группы, допустим, Ленинградская группа целиком в составе Комарова и целого ряда других.

Таким образом, в этот период так называемой открытой борьбы, наряду с легальной, открытой борьбой, сразу стал складываться и нелегальный центр [, центр, которые известен, как центр] правых в составе меня, Бухарина [,] *и* Томского. Создался он сам по себе, потому что мы трое принадлежали к одному составу Политбюро. [и р] *Р*уководство борьбой было в наших руках. Этот центр удержался и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

[Эта н] *Н*елегальная [сторона] работа[ы] заключалась в том, что такие же группы в тот период *с 1928 г. по 1930 г.* стали создаваться и на территории Союза. Точного перечисления — где, какие группы создавались, в каком количестве — этого сказать не могу. Был целый ряд участников нашей организации в разных местах, как это перечислено, в том числе и такие, как Кабаков, секретарь...

ВЫШИНСКИЙ. Этого не требуется.

РЫКОВ. [Таким образом, эта деятельность по созданию нелегального костяка организации, она в тот момент, с 1928 по 1930 гг. прошла и не мог-

ла не пройти по всему Союзу.] Главными *составными* частями [, главной составной частью] того, что вошло в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессио*налистами*.[налами.] Бухарин со своими связями, в частности, со своими учениками, *с его* [и] «школкой», потом [и] я с целым рядом своих сторонников, [потом] *затем* Угланов с группой [москвичей] *своих сторонников из Москвы*[75]. [Вот это была такая крупная группа со значительным количеством членов, которая] *Это* сразу составило[а] организацию правых. [На протяжении д] *До* 1930 г. шло накопление этой организации и использование открытых выступлений для вербовки сторонников и создания определенной популярности организации.

В этих же целях, в целях борьбы с партией мы использовали профсоюзный съезд. [, который происходил в то время и который окончился тем, что я привел там фразу Томского, что] *Почти все* 93 человека, [вошли сразу в результате нашей работы в нашу организацию все как один.] *которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде вошли в нашу контрреволюционную организацию.*

[ВЫШИНСКИЙ. Вот Рыков молодец!]

[РЫКОВ. Эти 93 человека те, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде[76].]

Значит, элементы двурушничества, скрытой от партии нелегальной работы тоже были с самого начала.

Тут были отдельные оттенки в отношении оценки легальной или нелегальной контрреволюционной организации. Один из членов, как Антипов, допустим, и целый ряд других настаивали сразу на скорейшем переходе на нелегальность, не придавая никакого значения легальной борьбе, что нелегальное положение приведет к провалу кадров, что оно не сулит успеха, а отдельные члены организации, значительное количество их, оценивали легальные выступления очень хорошо. Когда [в учреждениях партии, например,] на пленумах, конференциях и съездах *партии* позици*ю*[и] правых подвергли систематическому *разоблачению* [освещению], было совершенно ясно, что удержаться на легальной *позиции* [поверхности, с защитой своих правых установок,] было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отказе от правых убеждений. [Эти в] *В*се *эти* заявления были обманом партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавать.

Несколько позднее, одним из последних, подал заявление *об отказе от защиты платформы правых* и я вместе в Бухариным и Томским[77]. [об отказе от защиты платформы правых.] Этим заявлением мы [до некоторой степени] хотели [достичь цели, т.е.] обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда *партии* о несовместимости [защиты] *взглядов* правы*х*[ого уклона] с принадлежностью к партии[78], мы перешли [на 100 %-ю] *полностью на* нелегальность. Были такие совершенно скрытые методы использования легальной печати, но они редко удавались, да и не могли удаваться, а поэтому пришлось перейти на нелегальность.

Таким образом, [к] *с* 1930 г. [после того, как было вынесено это решение на съезде партии,] контрреволюционная организация была [и не могла не быть] нелегальной на 100%, *ее* работа [в значительной степени] была построена на обмане партии.

Кроме того, заявление, которое я подал, мы, *в частности, я,* напечатали в газете [, в частности, я тоже, *мы распечатали*] несколько статей против своих собственных заявлений и установок. [, защищая линию партии.] Этим мы преследовали ту же цель — обман.

ВЫШИНСКИЙ. Так что [это довольно] *обман партии это была* широко практиковавшаяся *вами* система*?* [была в то время?]

РЫКОВ. Да, конечно, *это была система, которая* практиковалась очень широко. Как один из примеров я приводил свой доклад на областной конференции на Урале. Это было в 1930 г.[79] Характерным для этого доклада было то обстоятельство, что в период, когда главным звеном во всей работе партии, рабочего класса и крестьянства была борьба за коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, — я прочел доклад, в котором этот тезис был совершенно выпущен. Здесь было использовано умолчание, такое умолчание, которое в некоторых случаях говорит гораздо громче, чем оглашение. Этот прием был использован мною на конференции в Свердловске[80], о которой рассказывал Зубарев, во время которой я с ним виделся. Эта обстановка в 1930 г. Сегодня я могу назвать кое-каких людей.

ВЫШИНСКИЙ. Это меня не интересует. Меня интересует другой вопрос. [, — это] *В* период времени 1928—1929 гг. [В этот период времени] у вас действовал руководящий [орган, руководящий центр?] *центр?*

РЫКОВ. Да, тройка с самого начала.

ВЫШИНСКИЙ. В лице кого?

РЫКОВ. В лице моем, Бухарина и Томского.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, можно прямо утверждать, что уже в 1928 г. у нелегальной группы правых был своей руководящий центр в лице этой тройки.

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Перейдем к дальнейшему периоду.

РЫКОВ. Следующий период *1930—1933 гг.* [по типу и состоянию строения его ограничивается сроком 1930—1933 гг.] Это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь оговориться, было бы неправильно [, если] сказать, что в [этот] период 1928—1930 гг. никто [не говорил] из [состава той или иной организации правых о применении террора] *правых не говорил о применении таких методов, как террор.*

ВЫШИНСКИЙ. [Были *такие*] *[такие террористические намерения?] Были такие?*

РЫКОВ. Конечно, *в этот период* отдельные лица [, они в этот период] уже выставляли требования *о* применени*и*[я] этих методов, но это были [отдельные лица, которые были] предвестниками того, что потом были принято в виде тактики контрреволюционной организации правых. [Это были отдельные люди.] *Для* период*а* 1930—1933 гг., [для этого периода] в смысле принципиальных установок, является характерной так называемая, рютинская программа [, которая была принята, как я помню, в 1930 г.] Обсуждалась эта рютинская программа дважды в 1932 г. при моем участии на даче Томского. [Еще к] *К*роме меня на первом собрании присутствовал Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых был *Василий* Шмидт и Угланов[81].

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин там был?

РЫКОВ. Бухарин был на первом заседании, когда были выработаны переходные тезисы.

ВЫШИНСКИЙ. А на втором?

РЫКОВ. На втором [он] *заседании Бухарин* не был, *он был в отпуске,* но он потом, ознакомившись с [программой] *платформой,* полностью солидаризировался и присоединился к *ней.* [нам.]

ВЫШИНСКИЙ. На втором собрании вы были *и* [потом] Томский?

РЫКОВ. На первом собрании был я, Томский, Бухарин, Угланов и Шмидт.

ВЫШИНСКИЙ. Василий?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Василий Шмидт?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А на втором?

РЫКОВ. На втором были те же, кроме Бухарина, плюс еще два других лица, о которых я сказал, и некоторые лица, фамилии которых я не знаю, они были приглашены Углановым, они принимали участие. Тут характерно и содержание, и форма. [Платформа называется] *Программа называется* рютинск*ой,*[ая. Она называется рютинской] потому что она была издана *сторонниками правых* — группой Рютина, из московской организации Углановым. [, сторонниками правых.] *Эта группа* [которая] при производстве следствия по поводу этой [программы] *платформы* приняла всю ответственность на себя. [Причем э] *Э*то было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы [не быть] *нам самим не быть* привлеченными к ответственности за эту *платформу*[82]. [программу самим, что б] *Б*лагодаря тому, что Ягода был во главе *О*ГПУ, нам [и] удалось *это* сделать.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Ягода покрыл?

РЫКОВ. И для того, чтобы легче было это сделать, в самой программе была эта фраза, которая заключала в себе некоторое ощущение отмежевания от меня и Бухарина троцкистов; там говорилось нечто вроде того, что эти трое являлись как бы отработанным паром. Это [тоже] было сделано в интересах двурушничества[83].

ВЫШИНСКИЙ. Уже тогда, следовательно, элемент терроризма имел место в вашей деятельности?

РЫКОВ. Существо формулировки сводилось к тактике. [Эта программа] *Платформа* признавала (насколько я помню [этот термин], *а я помню*, ибо [я] принимал участие в редактировании) насильственные методы изменения руководства партией и страной — террор, восстания. Она давала такую широкую формулировку, которая представляла собой директиву о применении насильственных мер в тех формах, которые могут найтись в нашем распоряжении. Вторая формулировка — это [концентрация,] объединение тех сил, тех организаций, которые борются с партией и правительством СССР. [Так что в области тактики э] *Э*ти два тезиса являлись основными и определяющими в рютинской [программе] *платформе* и вместе с тем для всего последующего периода[84].

Как осуществлялась эта программа? Этот период характерен как период острой классовой борьбы в деревне и большой силы сопротивления кулачества, крестьянской буржуазии правительству и партии. Этим накладывался специальный оттенок на этот период. [, и н] *Н*аша контрреволюционная работа [, конечно,] на этот период стремилась опереться и оперлась до некоторой степени на те силы контрреволюции, которые в это время активизировались. Я имею в виду кулацкие выступления, кулацкие восстания, кулацкий саботаж, который в то время был довольно широко развит. Тут [была] *мы* примен*или*[ена] все[я амплитуда] *формы* использования [этой активизации] антисоветских, буржуазных сил в деревне для борьбы с партией и правительством*:* [т.е.] от использования уже назревших [в самих себе преступлений] *выступлений* до сознательной организации кулацких [выступлений, кулацких] восстаний. В качестве примеров могу привести два случая, в которых центр принял непосредственное участие. Конечно, центр не мог руководить каждым отдельным выступлением в каждом месте, но в двух случаях, имеющих значение в связи с данным делом, это имело место. Я имею в виду Северный Кавказ и Сибирь.

ВЫШИНСКИЙ. Северный Кавказ — вы какой год имеете в виду?

РЫКОВ. Тут трудно различать... По моему, 1931, 1932, 1933 гг.

ВЫШИНСКИЙ. А 1930 г. не входит сюда?

РЫКОВ. (После молчания). Боюсь ошибиться.

ВЫШИНСКИЙ. А вот тот спор, который был сегодня в утреннем заседании между обвиняемыми Бухариным и Ивановым по поводу установки на повстанческое движение на Северном Кавказе, как вы вспоминаете, была такая установка?

РЫКОВ. Мое личное участие в контрреволюционной работе центра относится к более позднему периоду и связано с посылкой Эйсмонта на Кавказ, что было осуществлено в 1932 г.[85]

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо.] А вы говорили о том, что в 1928 г. были связаны с Ивановым?

РЫКОВ. Кто, я?

ВЫШИНСКИЙ. Нет, группа правых.

РЫКОВ. Я сегодня слышал Иванова и слышал, что он входил в группу правых, но у меня с ним лично связи не было.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, это была особая установка Бухарина и Иванова?

РЫКОВ. Не знаю. Не мог же каждый член центра иметь дело со всеми членами организации.

ВЫШИНСКИЙ. Это понятно, но Бухарин и Иванов были связаны между собой по подпольной работе. А вы знали об участии Иванова?

РЫКОВ. Я не знал. Может быть, я забыл об этом, но у меня в памяти не сохранилась фамилия Иванова.

ВЫШИНСКИЙ. Но это возможно, что отдельные члены вашего центра имели своих людей, не осведомляя друг друга обо всех лицах?

РЫКОВ. По-моему, это не только возможно, но это абсолютно неизбежно, потому что речь шла не о сотне — другой людей, а речь шла о более значительных кадрах. Это вполне возможная вещь, что не все знали обо всех членах организации.

ВЫШИНСКИЙ. Даже если речь шла о таком крупном подпольном работнике, каким являлся Иванов?

РЫКОВ. Даже и в таком случае.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте. [, пожалуйста.]

РЫКОВ. Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание [, как благодаря специфическим политическим условиям на Северном Кавказе,] *в связи* с большим удельным весом казачества и зажиточного крестьянства и специфическими традициями, так и ввиду его политического и хозяйственного значения как области, граничащей с Украиной, имеющей большое количество национальных республик и дающей большое количество хлеба.

Туда в 1928 г. ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении, т.к. оно развивалось там довольно сильно. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора со мной, с целью, как я уже сказал, всемерного обострения кулацкого движения на Северном Кавказе и содействия его распространению. После этого он мне сообщил, что связался с Пивоваровым и туда, кроме Эйсмонта, [имея в виду большую почву для контрреволюционных выступлений, если так можно сказать,] был послан Слепков, один из видн*ых*[ейших] членов бухаринской организации. [Очевидно, о] *О*н был послан с ведома и по инициативе Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. С ведома Бухарина?

РЫКОВ. По его инициативе, по-моему, [он] *Бухарин* не будет от этого отказываться. Я посылал Эйсмонта и Смирнова, а он [мог] послал[ть] Слепкова.

ВЫШИНСКИЙ. С какими конкретными заданиями поехал Слепков?

РЫКОВ. Подробные задания давал Бухарин, но основное задание было, как я уже сказал, всемерное обострение недовольства кулаков [в деревенской буржуазии], вплоть до всякого рода открытых выступлений.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е., иначе говоря, для организации кулацких выступлений, кулацких восстаний?

РЫКОВ. Конечно. Я это [же самое буквально] и сказал. Только в тех случаях, когда нет данных для вооруженных выступлений, тогда устраивать невооруженные выступления.

ВЫШИНСКИЙ. Такова была задача Слепкова?

РЫКОВ. Такая задача, по-моему, должна была быть дана ему.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин давал?

РЫКОВ. Бухарин давал с нашего ведома, так что я считаю себя за это полностью ответственным.

ВЫШИНСКИЙ. Что [скажет обвиняемый] *вы скажите, подсудимый* Бухарин?

БУХАРИН. Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор Рыков. [от а до set. Может быть, эти задания были не прямо сформулированы этими самыми словами, но] Слепков посылался на Северный Кавказ именно для этой цели. Надо сказать для исторической точности...

ВЫШИНСКИЙ. Вы для истории не старайтесь говорить, подсудимый Бухарин. Она сама запишет то, что для истории будет интересно. А вот Рыков здесь сказал, что с ведома центра, по прямому заданию центра, в частности, его, Рыкова, и Вашему, Бухарина, на Северный Кавказ в 1931 или в 1932 г. ...

БУХАРИН. Я думаю, что это было весною 1932 г.

РЫКОВ. Да, это было в 1932 г.

ВЫШИНСКИЙ. [Ну вот, и дата уточнена.] Стало быть, весной 1932 г. по прямому заданию центра и, в частности, Рыкова и Бухарина направляется на Северный Кавказ один из ваших ближайших соучастников *по* подпол*ью*[я] — Слепков — *для всемерной,* как сказал Рыков, [для всемерной] организации кулацких выступлений. Правильно это?

БУХАРИН. Я уже сказал, что подтверждаю от первого до последнего слова все то, что сказал здесь Рыков.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы послали Слепкова для организации кулацких восстаний на Северном Кавказе?

БУХАРИН. Следовательно, послал *для того, чтобы поднять восстание.*

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично инструктировали Слепкова?

БУХАРИН. Слепков никакого инструктажа не требовал, потому что он был достаточно квалифицированным человеком.

ВЫШИНСКИЙ. Квалифицированным в каком отношении?

БУХАРИН. Квалифицированным в том отношении, чтобы сделать необходимые организационные и практические выводы.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. квалифицированным и для того, чтобы поднять восстание?

БУХАРИН. И для того, чтобы поднять восстание. Тогда стояла задача всемерного обострения кулацкого недовольства по отношению к советской власти, задача разжигания этого недовольства, организации кадров и организации выступлений, [причем выступлений, как было здесь сказано, с различной амплитудой] вплоть до вооруженных кулацких восстаний.

ВЫШИНСКИЙ. Вот это я и хотел знать.

БУХАРИН. Это я и говорю.

ВЫШИНСКИЙ. [Это — Северный Кавказ.] Теперь можно *перейти* к Сибири. [перейти.]

РЫКОВ. Относительно Сибири [я лично данных не имею. Относительно Сибири] я знаю со слов Бухарина...

ВЫШИНСКИЙ. О чем?

РЫКОВ. О том, что Яковенко в Сибири осуществлял такую же работу, какая велась на Северном Кавказе, [используя свои связи с красными партизанами Сибири,] т.е. он стремился поднять кулацкие активные выступления. [При этом о] *О*н неоднократно виделся с Бухариным и разговаривал с ним. Конечно, Бухарин давал ему установки, директивы, пропагандировал его. [что ли.]

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращается к суду).* Позвольте Бухарина спросить по этой части.

БУХАРИН. Тут только нужно более или менее решительно сказать, потому что я говорил как раз, когда предлагал Яковенко план.

ВЫШИНСКИЙ. Какой план?

БУХАРИН. План о восстании при помощи партизан в какой-то области Сибири[86].

ВЫШИНСКИЙ. Значит, этот факт имел место?

БУХАРИН. Этот факт имел место. Я об этом факте докладывал на собрании центра, кажется, там была вся тройка.

ВЫШИНСКИЙ. Рыков как будто отказывается.

БУХАРИН. Я говорю, как я помню.

ВЫШИНСКИЙ. [Меня интересует сам*ый* факт. Обвиняемый] *Подсуди-мый* Рыков правильно осветил факт посылки вами Яковенко в Сибирь для организации кулацкого восстания?

БУХАРИН. Правильно. [Я хотел только сказать с точки зрения официальной, что это был не индивидуально мой акт, хотя я не снимаю с себя ответственности.] Яковенко [начал разговаривать,] встретил[в] меня случайно в Серебряном Бору. [, о] *О*н сказал, что есть достаточные силы для того, чтобы поднять восстание. [Я не могу точно сказать, в какой это области, кажется, около Алтая. Но ведь география здесь второстепенное значение имеет.] Я ему согласия с [самого] начала не дал, [т.е.] сказал, [что я] посоветуюсь со своими единомышленниками. [Я э] *Э*тот вопрос *я* поставил [более или менее] формально на обсуждение [, где присутствовали Рыков и Пятаков.] *центра.*

ВЫШИНСКИЙ. В 1932 г.?

БУХАРИН. Да. Они выразили недовольство, что я сразу не ответил Яковенко положительно.

ВЫШИНСКИЙ. А вы ответили положительно?

БУХАРИН. Нет, они выразили недовольство, что я не ответил положительно.

ВЫШИНСКИЙ. Повторите, пожалуйста, я не расслышал.

БУХАРИН. Извиняюсь, я, может быть, недостаточно громко говорю. После этого состоявшегося решения, [когда было решено,] я об этом сказал Яковенко.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы сказали Яковенко?

БУХАРИН. Я сказал, не вдаваясь в детали технической стороны, что центр стоит за то, чтобы [это] движение разжечь и поднять восстание.

ВЫШИНСКИЙ. И он поехал?

БУХАРИН. Да, он поехал. [, насколько я помню.]

ВЫШИНСКИЙ. [Это выступление было?] *И что же были там в Сибири кулацкие выступления?*

БУХАРИН. [Это] *Да,* выступления[е] были.[о.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы не помните, это было в Бийском районе[87]?

БУХАРИН. Я не помню, может быть, в Бийском районе.

ВЫШИНСКИЙ. Это не так существенно.

БУХАРИН. Да, не так существенно.

*ВЫШИНСКИЙ. Скажите, какую вы официально работу вели, кроме организации кулацкого восстания?

БУХАРИН. Я был членом *центра*[I], членом ЦИК.

ВЫШИНСКИЙ. А потом?

БУХАРИН. Потом я работал в Наркомтяжпроме.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. В качестве кого?

БУХАРИН. В качестве заведующего одного из отделов.

ВЫШИНСКИЙ. Какого?

БУХАРИН. Научно-технического.

ВЫШИНСКИЙ. И одновременно по совместительству организовывали кулацкое восстание?

БУХАРИН. Для иронии это можно назвать совместительством, но я, как я уже сказал, здесь острить не собираюсь.

ВЫШИНСКИЙ. [Мне важно установить, что вы в] *В* 1932 г. *вы* стали на путь прямой государственной измены. Правильно это или нет?

БУХАРИН. Совершенно верно. Я сказал, что я считаю датировку с рютинской платформы. *[с осени 1932 г.]*[88]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, с 1930 г.?

БУХАРИН. Рютинская платформа была принята этой пресловутой конференцией осенью 1932 г. или летом и апробирована на том заседании, о котором говорил Алексей Иванович Рыков.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, с 1932 г.?

БУХАРИН. [Да, с] *С* осени 1932 г.

ВЫШИНСКИЙ. С этой даты вы начинаете исчисление своей государственной измены?

БУХАРИН. Да, с этой даты.

ВЫШИНСКИЙ. А до этой даты были другие еще даты, о чем будем говорить потом?

БУХАРИН. Да, это, несомненно, были другие.

ВЫШИНСКИЙ. Например, в 1918 г.?

БУХАРИН. [Об э] *Этом*[м] сепаратно несколько стоит...

ВЫШИНСКИЙ. [А] Об этом будем говорить особо, но я говорю теперь о вашей деятельности.

БУХАРИН. Я говорю, гражданин Прокурор, с точки зрения эволюции правого уклона, переросшего в контрреволюционную террористическую изменническую группу.

ВЫШИНСКИЙ. В 1932 г. этот процесс перерастания завершился?

БУХАРИН. Да, он завершился, получил идеологическое оформление.

ВЫШИНСКИЙ. Я сейчас интересуюсь не идеологией, а криминологией.

БУХАРИН. Но идеология может быть тоже криминальной, действуют мыслящие люди.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, но нас интересуют действия, практика.

I * * — обведено и рядом помета (красный карандаш): «*ЦК*» .

II * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

БУХАРИН. Меня с*т*[к]олько раз допрашивали относительно Рютинской платформы, может быть, это ошибка со стороны следствия, но я должен сказать...

ВЫШИНСКИЙ. [Ваша платформа меня не интересуется сейчас, сейчас интересует ваша деятельность, которая, разумеется, оформляется на какой-то платформе, з] *З*начит, *ваша* деятельность заговорщика и государственного изменника вам самим исчисляется с 1932 г. в связи с эволюцией правого уклона в контрреволюционную организацию? Правильно?

БУХАРИН. [Так точно, п] *П*равильно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, у вас на балансе значится: подготовка и организация кулацких восстаний на Северном Кавказе и подготовка и организация кулацких восстаний в Западной Сибири. Так?

БУХАРИН. Так.

ВЫШИНСКИЙ. [Садитесь, пожалуйста.]

(Обращаясь к Рыкову). Это, [обвиняемый] *подсудимый* Рыков, вам также было известно? Это с вашего ведома делалось?

РЫКОВ. Конечно. Вот относительно сроков, по-моему, это формальный вопрос. И прежде чем родить ребенка, Рютинскую платформу, нужно было быть беременной, а [беременность это уже потеря,] беременность таким документом как Рютинская программа, это уже потеря невинности, совершенно определенно.

[(Смех в зале).]

ВЫШИНСКИЙ. Ну, ясно.

РЫКОВ. [Я могу продолжать. Тут в] *В* связи с Северным Кавказом [и криминальным отношением] в смысле преступности есть еще один момент, это по линии эсеровской связи, которую перед этим мы обсуждали специально в связи с [крестьянскими] *кулацкими* восстаниями [, т.е. кулацкими восстаниями] и в связи с тем, что некоторые члены центра и вообще нелегальной организации считали необходимым контактировать, использовать кулацкие движения для работы правой организации и эсеровской. [И эта с] Связь с эсерами на основе совместн*ых*[ой работы,] антисоветских выступлений кулачества, она, как *Эйсмонт сообщил мне*[1], была [на] *осуществлена на практике на* Северном Кавказе[89]. [осуществлена на практике] Но такая обстановка создала, конечно, необычайно напряженное положение в стране и усилила чаяния, ожидания, надежды на возможность правыми получить власть, хотя эти кулацкие движения были все-таки антисоветскими и прочее, имели какую-то буржуазную основу, а с другой стороны, это, конечно, относительно было массовое движение в стране, которое являлось поддержкой правого уклона.

Я помню по этому поводу дискуссию, которая была в тройке и среди правого уклона. Тут очень много спорили и приводили в пример Кронштадт[90], говорили о том, что на основе кулацкого выступления можно создать не один, а несколько кронштадтов и получить соответствующий политический успех.

Это [значит] первое, что [является] характерно*[*ым и является наиболее] *для наших* преступ*лений*[ным] за [этот] период — с 1930—1933 гг.

В этот же период сформулировались взгляды прав*ых*[ого уклона] и по вопросу о терроре.

ВЫШИНСКИЙ. О терроре, да.

РЫКОВ. По вопросу о терроре тоже трудно установить такую совершенно точную грань, скажем, пятого числа такого-то месяца и такого-то года.

---

[1] * * — инверсия — «*сообщил мне Эйсмонт*» (синие чернила).

[Тут можно констатировать только постепенное н] *Н*арастание террористических настроений, [нарастание, которое] началось еще до 1930 г., насколько мне известно. Они имели отражение на Радина, который был близок ко мне. [Эти настроения все время нарастали, и в тот период, по-моему, в период тоже п] *П*риблизительно 1932 г. оформилось наше положительное отношение к применению террора, как *методы* борьбы за власть, причем это нашло свое выражение *и на практике*. Я не представляю себе теоретического террора. Когда люди говорят о терроре, то это чисто практическая вещь. [Можно заниматься практикой террора без теории, но н] *Н*ельзя заниматься теорией террора без практики. [Тут ясное дело.] Как только были приняты [соответствующие] установки, сейчас же начались соответствующие организационные и практические выводы из этого, т.е. создался целый ряд террористических групп. Я лично давал целый ряд террористических директив, кроме [своих] людей близких мне, как Нестеров, Радин, целому ряду других. Я передавал эти директивы и национальным организациям, говорил по вопросу о терроре [в] *с участниками* пантюркистской [, в] *и* белорусской *националистической* организации[91], и скоро террористические установки с соответствующими выводами были широко приняты. У меня кроме этих разговоров по этому поводу были и другие. Нестеров *затем* сообщил, что на Урале в Свердловске была *по моим указаниям* создана *организация*. [в силу разговора со мной.]

В позднейшее время, в 1935 г. я имел разговор *террористического характера* с Котовым, руководящим членом московской организации *правых*. Приблизительно в 1934 г. я *дал указание* своей бывшей секретарше Артеминой [дал указание] о наблюдении за прохождение *правительственных* машин. [правительства по Арбату.]

Предприняты были и другими членами нашей контрреволюционной организации аналогичные же меры. Но мы не выносили решения ни одного разу о том, что должен быть убит тот или иной член правительства.

Такого решения центра организации правых не было сделано, но работа заключалась в том, чтобы подготовить такое отношение к террору и такое состояние террористических кадров, что когда центр такое решение вынесет, чтобы это решение было бы приведено в исполнение.

В этот же период по вопросу о терроре была установлена связь с эсером Семеновым через Бухарина. Я лично Семенова не знал. Бухарин сказал, что через Семенова *он* готовит покушение на Сталина. Потом мы, насколько помню, обсуждали вопрос о связи с эсерами по этой линии, и связь эта была установлена через Бухарина, который имел наиболее прочны*е*[ую] связи.[ь.] Я имел разговор такого же террористического характера и с Белобородовым при поездке на курорт на Северный Кавказ. Это было приблизительно в 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращается к суду). Разрешите остановиться *на роли* [насчет] Семенова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, откуда вам известно о связи Бухарина с [этим] *этим* эсером-[боевиком] *террористом* Семеновым?

РЫКОВ. Со слов Бухарина, который говорил, что он был связан с Семеновым со времени эсеровского процесса, [когда было покушение] *в связи с покушением* на Ленина. *На этом процессе, как известно, Бухарин выступал защитником Семенова.* [и он выступал защитником Семенова.][92]

[ВЫШИНСКИЙ. Бухарин выступал защитником Семенова?][1]

---

[1] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной линией (синие чернила).

[РЫКОВ. Да.][I]

ВЫШИНСКИЙ. А вы не имели случая видеть *Семенова* у Бухарина [Семенова]?

РЫКОВ. [Я с этого момента и начал мое сообщение.] Однажды я пришел на квартиру к Бухарину, у него сидел неизвестный мне человек, который после моего прихода ушел.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы говорили об этом, вы как раз имели в виду Семенова?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин вам говорил, что это тот Семенов, который организовывал покушение на Сталина?

РЫКОВ. Он ли организовывал, не могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были в курсе организации этого покушения?

РЫКОВ. Я не в курсе этого дела, но, по-видимому, знал.

ВЫШИНСКИЙ. На предварительном следствии вы говорили, почему я вас *об этом* и спрашиваю, что «в 1932—[1933 гг. застали у] *или в начале 1933 г. я, придя к* Бухарину[а], *застал у него* *неизвестного человека, который *вскоре* ушел. [сейчас же, и что п] *П*осле его ухода Бухарин сообщил вам[II] *(?)*, что это тот Семенов, которого он знает со времени процесса эсеров, которого он защищал *(*то, что вы сейчас показали,*)* — и, далее, он сообщил, что эсеры готовят покушение на Сталина и Кагановича.*[III] Я и Бухарин с удовольствием приняли это сообщение, т.к. исполнение его облегчило бы контрреволюционную деятельность правых». Этот эпизод вы *подтверждаете* [рассказываете]?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к суду).* Позвольте спросить обвиняемого Бухарина.

Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете.

БУХАРИН. В основном подтверждаю, но тут есть целый ряд...

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите по порядку.

БУХАРИН. [Да, н] *Н*о я хотел уточнить...

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, я хочу вам объяснить, что вы будете иметь время уточнять и давать объяснения во время вашего допроса. Теперь я вас [поднимаю для] *спрашиваю по* вопросу[а], который связан с другим обвиняемым. Правильно ли говорит [обвиняемый] *подсудимый* Рыков, что в 1932—1933 г. он застал у вас человека, которого вы назвали Семеновым?

БУХАРИН. Возможно. Точно не помню, видел ли он Семенова и произошла ли эта сцена...

ВЫШИНСКИЙ. Но вы с Семеновым были связаны?

БУХАРИН. Да, я был связан. В курсе этой связи был и Рыков с моих собственных слов. Было ли это в той форме...

ВЫШИНСКИЙ. Это не важно. Мне сейчас важно установить, [что] у вас была связь с эсеровским [боевиком] *террористом* Семеновым[.]*?*

БУХАРИН. Правильно, [но Семенов был член партии.][IV]

[I] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной линией (синие чернила).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (простой карандаш)

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия и помета (простой карандаш): «*№ 6*».

[IV] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. Вы тоже были членом партии.

БУХАРИН. Я Семенова...

ВЫШИНСКИЙ. Вы его защищали?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы, будучи не только членом *коммунистической* партии, но членом ЦК, организовывали террористические акты против руководителей партии?

БУХАРИН. Совершенно верно.

[БУХАРИН. Совершенно верно.]

ВЫШИНСКИЙ. Поэтому то, что Семенов формально был членом коммунистической партии, ничего не меняет. Вы с ним были связаны как с коммунистом или как с эсером?

БУХАРИН. Я с ним был связан, не думаю, как с эсером, а как с террористом, который сочувствует правым.

[(Смех).]

ВЫШИНСКИЙ. Поэтому нечего возвращаться к тому, что он был членом коммунистической партии.

БУХАРИН. Я не хотел уменьшить своей вины, а хотел отяготить свою вину.

ВЫШИНСКИЙ. Я не хочу отягощать вины, я говорю о фактах. У вас была связь с Семеновым — эсером-боевиком, связь по террористической линии?

БУХАРИН. Началась не по террористической линии.

ВЫШИНСКИЙ. Я не говорю о том, с чего началась, а говорю в это время.

БУХАРИН. А в это время была по террористической линии.

ВЫШИНСКИЙ. Вы тогда знали от Семенова, что готовится покушение на тт. Сталина и Кагановича?

БУХАРИН. Нет, Рыков не точно передает. Тут дело обстояло так. Семенов *сообщил,* [сказал, предположил: т.к.] у него есть связь с различными эсеровскими террористическими группами, и т.к. он — [не знаю от него он слышал, не берусь судить, от меня или нет, я не беру на себя смелость утверждать — т.к. он знает] о настроении среди правых контрреволюционных организаций по линии террора, то он *предложил* [сказал, что может эти связи] использовать [.] *эти связи.*

ВЫШИНСКИЙ. Для чего?

БУХАРИН. Для террористической работы.

ВЫШИНСКИЙ. Для какой?

БУХАРИН. Для террористической работы против руководства партии.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

БУХАРИН. Там был[о] назван ряд членов Политбюро.

ВЫШИНСКИЙ. В том числе?

БУХАРИН. В том числе Сталин и Каганович.

*ВЫШИНСКИЙ. Значит, у вас с Семеновым были *в 1932 г.* разговоры о том, что [надо] *[надо] [можно] следует организовать,* произвести террористическ*ие*[ую работу] *покушения* [против руководителей Политбюро, в том числе против] *на* т. [т.] Сталина и *т.* Кагановича.

БУХАРИН. Я не говорю, что можно, я говорю, что было.[1]

ВЫШИНСКИЙ. Я говорю, что в 1932 г. у вас был разговор о том, что готовилось покушение на т. Сталина и т. Кагановича.

БУХАРИН. Если такую формулировку давать, то это придает совершенно конкретный характер.

---

[1] Предложение подчеркнуто волнистой линией (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Очень конкретный.*[1]

БУХАРИН. [А тогда разговор заключался в том, что] *Тогда* шла речь относительно террористических актов против руководящих [членов] *деятелей* партии.

ВЫШИНСКИЙ. Теоретический был разговор?

БУХАРИН. Нет, организация *[террористических]* групп есть не теоретический разговор.

ВЫШИНСКИЙ. О чем же был разговор?

БУХАРИН. Разговор был о террористических планах по [отношению] организации подготовки [для] реализации этого плана [, суммарно выражаясь,] против членов Политбюро.

ВЫШИНСКИЙ. В том числе?

БУХАРИН. В том числе против Сталина и Кагановича.

ВЫШИНСКИЙ. Это же вполне конкретно.

БУХАРИН. Вполне конкретно. Я хотел расшифровать и сказать [что] так, как это соответствует точно действительности.

ВЫШИНСКИЙ. [Скажите, пожалуйста, вы в своем показании на предварительном следствии, которое я могу огласить, — я] *Я* прошу суд разрешить мне [это сделать.] *[Так не показывали?] огласить показания подсудимого Бухарина на предварительном следствии.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. [Лист д] *Дела*[о] 105 — [лист дела] 106. [, вы показывали и говорили. Это было п] *П*ри допросе вас, *подсудимый Бухарин,* Прокурором Союза 1 декабря [. На вопрос] вы [ответили] *показывали*: «Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это, — *(*раньше шла речь о предложении Семенова,*)* — [предложение это] было мною доложено на совещании центра, и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп».

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Это правильно?

БУХАРИН. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Это как раз относится к 1932 г.?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в 1932 г. вы Семенову поручали по решению центра правых организацию террористической группы. Так это или нет?

БУХАРИН. Так.

ВЫШИНСКИЙ. Для чего вы ему поручили организовать террористическую группу?

БУХАРИН. Для совершения террористическ*их*[ого] акт*ов.*[а.]

ВЫШИНСКИЙ. Против кого?

БУХАРИН. Против членов Политбюро.

ВЫШИНСКИЙ. В том числе?

БУХАРИН. В том числе и против Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, можно сказать, что центр правых решил в 1932 г. осуществить террористические акты против членов Политбюро, в том числе против т. Сталина и т. Кагановича, и поручил это осуществить Семенову? Это так?

БУХАРИН. В смысле линии это так.

ВЫШИНСКИЙ. Да или нет?

БУХАРИН. Но это не значит, что вся машина была поставлена и был дан сигнал.

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Мы знаем, как машины эти ставятся и как они действуют.

БУХАРИН. В целях уточнения я это говорю.

ВЫШИНСКИЙ. Вот мы сейчас и уточнили. Садитесь. [, пожалуйста.] Продолжайте, [обвиняемый] *подсудимый* Рыков.

РЫКОВ. Повторяю, я не могу ручаться за абсолютную точность моей памяти. Но я эпизод помню буквально так, что...

ВЫШИНСКИЙ. *Что вы приняли с удовлетворением* [Что значит, что *В*[в]ы приняли] это сообщение Бухарина Семенову, или Семенова Бухарину, или и Семенова и Бухарина? [, с удовлетворением?]

РЫКОВ. Это значит, что наибольшая одиозность с точки зрения политической заключается в том, что мы хотели чужими руками сделать...

ВЫШИНСКИЙ. Что сделать?

РЫКОВ. Произвести террористические акты. [, в данном случае подготовляли только.]

ВЫШИНСКИЙ. Это конкретно было или только теоретически?

РЫКОВ. Я уже сказал, что для меня теоретического террора не существует.

ВЫШИНСКИЙ. [И для меня тоже.] Я тоже так понимаю.

РЫКОВ. Но решения, чтобы в таком-то году убить того или другого члена Политбюро или правительства — такого решения центр не принимал. Он принял такие меры, которые в случае вынесения такого решения давали бы возможность...

ВЫШИНСКИЙ. В том и другом случае дело шло об использовании эсеровских террористов для покушения на т. Сталина и т. Кагановича?

РЫКОВ. Да, я понял дело так. И тут у меня оказывается разногласие с Бухариным. Я думал, что Семенов, *состоя* в другой организации [состоя], это организует. Тот же вариант, который изложен Бухариным, что я поручал Семенову создать какую-то специальную террористическую организацию — я в первый раз слышу.

БУХАРИН. Это очень просто...

ВЫШИНСКИЙ. Очень просто.

БУХАРИН. Это весьма понятно. [Понятность][1] *Факт* заключается в том, что я говорю: я не опровергаю Рыкова, когда он говорит, что он встретил у меня Семенова. Он мог встретить. Но ведь не в этом существо дела. Мог Семенов ему сказать, мог я ему сказать, мог сперва Семенов ему сказать, а потом я, мы могли это оба сказать. [Но ведь не в этом суть, а ф] *Ф*акт [,] заключается в том, что Семенов сделал предложение, это предложение стало известно не только мне, но и другим тогдашним моим *единомышленникам* по преступным действиям [единомышленникам], и они согласились. Я совершенно согласен с Рыковым, что тут есть элемент еще более одиозный, — чтобы чужими эсеровскими руками сделать, — это совершенно понятно. Но я говорю, что была налицо, конечно, несомненная попытка использования эсеровских террористических сил для преступно-изменнической борьбы против руководства партии. Так как я был связан с Семеновым, то в данном случае, несомненно, инициатива принадлежала мне.

Я этой моей инициативности в данном казусе ни в коем случае не ослабить, ни в той или другой форме обелить, уменьшить, не могу.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, инициатива была ваша?

---

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

БУХАРИН. Кажется, Семенов мне предложил, но по отношению к правым моим единомышленникам...

ВЫШИНСКИЙ. По отношению к Томскому и Рыкову?

БУХАРИН. Да, здесь я проявил инициативу.

ВЫШИНСКИЙ. А с Семеновым чья была инициатива?

БУХАРИН. Я не помню, может быть, моя. Я, во всяком случае, этого не отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. Так, может быть, и [ваша] *в этом* была *ваша, подсудимый Бухарин,* инициатива организации [теракта] *террористического акта* против т. Сталина.

БУХАРИН. Это я признал. Но суть дела заключается в том, и я хочу подчеркнуть этот момент, что эта моя инициатива не исключает того, что в данном случае [ответ] Семенов получил с согласия моих двух единомышленников. Я еще раз подчеркиваю, что это не исключает моей инициативной роли в этом деле, а наоборот...

ВЫШИНСКИЙ. [Мне важно сейчас констатировать определенный факт.] Позвольте мне констатировать, что у вас, у Бухарина, как члена центра правой подпольной организации была подпольная конспиративная связь, с [бывшим] эсеровским террористом, [правым или левым безразлично,] *который вместе с вами подготовлял организацию покушения на т. Сталина и других членов Политбюро, причем эта подготовка [терактов] *террористических актов* шла с ведома и одобрения центра правых, в том числе [и в первую очередь] Томского и Рыкова.*[1]

БУХАРИН. Нет, я думаю, не в первую очередь, потому что только они одни и знали об этом.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, вы, Томский и Рыков?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к Рыкову).* Рыков с этим согласен?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, здесь никаких разногласий нет?

БУХАРИН. Я хотел бы подчеркнуть, что инициатива этого дела лежит на моих плечах.

ВЫШИНСКИЙ. Инициатива ваша перед Рыковым и Томским?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. [А, возможно, что здесь сошлись] *Значит, здесь сошлись* линии — эсеровская и бухаринская.

БУХАРИН. Возможно, и это.[м.]

ВЫШИНСКИЙ. Вопросов у меня пока нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь. [, пожалуйста.]

Продолжаем допрос подсудимого Рыкова.

ПРОКУРОР. У вас есть *еще* вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Да, конечно.

(Обращаясь к Рыкову). Мы [только] разобрали[сь с вами] часть ваших преступлений. Закончили мы примерно *19*33 г.

РЫКОВ. Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. [и успокоением в деревне.] В связи с этим правые [организации] потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

характеризуется [уже исключительно] *созданием исключительно* заговорщического типа организаций[ями] и применением самых острых методов борьбы [этими организациями] против партии и правительства. Сюда, в частности, относится одна из попыток, которая была сделана, это подготовка «[Кремлевского] *Дворцового* переворота».

ВЫШИНСКИЙ. К какому времени это относится?

РЫКОВ. Этот план ставил себе целью арест членов правительства в связи с насильственным переворотом, произведенным заговорщической организацией, при помощи специальной организации, созданной для осуществления этого переворота. Эта мысль, поскольку я помню, среди правых возникла в 1933—1934 гг., когда она начала носить более *или* менее оформленный характер. Но также, как по отношению к террору, когда отдельные террористические высказывания были до того, как террор был принят центром правой организации, — точно так же по вопросу о дворцовом перевороте отдельные члены правой организации высказывались в пользу такого метода заговорщической деятельности до того, как центр правых оформил эту мысль и пытался ее осуществить. Это имело место, в частности, в отношении ко мне, когда ко мне в 1930 г. пришел один из членов организации ... [(фамилия не уловлена).] с уже готовым разработанным планом дворцового переворота, с планом ареста правительства при помощи небольшой подготовленной вооруженной силы. В тот период я еще не говорил об этом ни с Томским, ни с Бухариным. Этот вопрос встал в 1933 г. Опорой для осуществления этого контрреволюционного плана явил*ся*[ась роль] Енукидзе, который вступил в качестве активного члена в организацию правых в 1933 г. [, б] *Б*ольшую роль играл Ягода, который возглавлял ГПУ. Вот эти исходные линии, которые давали возможность приступить к организации... *планов переворота.*

Вернее, впоследствии правый центр вместе с Енукидзе и Томским от времени к времени информировал меня о ходе подготовки и осуществления этого. Неважно, в каком месяце это было, я помню, первая информация была о группе кремлевских работников, и особенно тут фигурировали Ягода, Петерсон, Горбачев, Егоров, я имею в виду не начальника штаба, не знаю, что он теперь делает, а Егорова — начальника кремлевской школы. Это три фамилии, которые играли большую роль в внутрикремлевской жизни, которые командовали школой и всем хозяйством в Кремле. Несколько раз Томский мне сообщал о привлечении через этих лиц — Енукидзе и Егорова — группы военных работников во главе с Тухачевским, которые тоже были подготовлены к этому плану и ведут в этом направлении работу. Он называл фамилии: Уборевича, был назван Корк. Вот основа отношений, которые давали возможность осуществления или, во всяком случае, попытки осуществления плана с точки зрения нанесения действительного вреда, внутреннего вреда, кроме сношения с заграницей. Реальная попытка не удалась, но она могла нанести очень серьезную рану социалистической свободе даже.

Я не могу сказать о деталях этой работы, это была очень конспиративная работа. Была создана группа с участием очень влиятельных людей — военная группа. Эта группа с точки зрения подпольной работала независимо от остальных подпольных группировок, она была единой.

Стал вопрос, как согласовать [остальные] силы контрреволюции [в] *для* осуществления[е и использование этого] «дворцового заговора». Был создан центр для этой задачи, с привлечением туда троцкистов и зиновьевцев: [в составе] Каменева, Пятакова, *затем* Енукидзе, [и затем] туда вош[е]л*и также* я, Бухарин и Томский. Мы должны были скомпактовать все силы вокруг этого

центра. Причем, [за пределами этого] *с этим* центр*ом*[а] была *связана* военная группа [Ягоды] *Тухачевского и группа Ягоды.*

В 1934 г. уже обсуждалась возможность тактического использования этой организации в связи с предстоящим XVII партсъездом[93]. Я не помню точно, по указанию *ли* Томского, *или*, может быть, по указанию Енукидзе, был поставлен вопрос, чтобы осуществить этот [акт перед XVII партсъездом.] *переворот во время XVII партсъезда.*

[Предложение в связи с тем, что] *Когда* соберутся все ответственные работники и одновременно с виднейшими [лицами] *членами* правительства можно *будет* подвергнуть аресту тех виднейших работников республик и областей, которые могли бы сопротивляться перевороту. Но этот план был отвергнут. Мне кажется, кроме Томского, едва ли нашелся еще сторонник этого плана. Что побудили отвергнуть? Ясно, что главнейшей причиной тут являлось то, что положение в стране не делало ни в какой степени вероятным какой-нибудь успех. [, потому что с] Сплоченность партии, популярность правительства, отсутствие какого-нибудь недовольства в стране, конечно, делали такого рода попытки совершенно авантюристскими, совершенно никчемными, и это послужило причиной отверждения этого плана. А организация сама по себе осталась. Это предложение в свое время обсуждалось, хотя, повторяю, всеми, в том числе и мною, было отвергнуто. За него был только Томский. Это подтверждение обвинительного акта, в частности, тех статей, которые говорят об этом как об одном из крупнейших контрреволюционных мероприятий. В связи с этим же необходимо перейти к первому абзацу обвинительного акта — ставка на поражение *и помощь* международн*ой буржуазии.* Это все относится, во всяком случае, *в главнейшей своей части, относится к периоду, последующему за 1933 г., в соответствии с тем идеологическим, политическим и деловым..., которое могло только объясняться потерей последнего базиса в стране.*[1] Люди, которые упорствуют в своей контрреволюционной борьбе, [они] прибегают к тем мерам, к тем способам, к тем союзникам, которые в [этот период,] последующий уже за 1933 г. *период, у нас были.* [были.] Это о сношениях центра с [заграницей, в лице] немецк*ими*[их] фашист*ами.*[ов. Фактически] *Естественно, что в этом вопросе* мы [в своих показаниях] и лично я [в своих показаниях, мы] старались несколько смягчить свои показания, потому что это очень скверная вещь. [Значит, м] *М*ы изобразили [не так, как было в самом] дело[е] *так,* что мы не обсуждали предварительно в центре эти сношения. Фактически [инициатива] *дело обстояло так. Инициатива* была у Томского. Узнали я и Бухарин об этом после. [этого.] Но все это [так] формальные моменты, потому что все мы, я и Бухарин, мы ни на минуту не колебались по вопросу о том, что Томский сделал правильно, [что] если бы он спросил, мы бы сказали: так нужно. Во всяком случае, без малейшего упрека к нему мы приступили к обсуждению результатов этого зондажа, как мы называли, этих фактически изменнических переговоров, которые имели место. Что характерно в этих переговорах? Характерно то, что Карахан сообщил, что немецкие фашисты отнеслись, конечно, с полным благожелательством к возможности прихода власти правых, *и* всячески будут это приветствовать... и в отношении своих военных действий против Союза, что они соглашаются на сотрудничество, мирное сожительство при определенных уступках хозяйственного порядка в виде концессий, льгот по внешней торговле и т.д., т.е. то, что в свое время предлагал Бухарин, что с немцами можно сговориться с

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

такого рода уступками без территориальных уступок. [Но о] *О*н говорил, что [кроме этого] немцы настаивают на том, чтобы национальным республикам было предоставлено право свободного выделения из состава Союза.

ВЫШИНСКИЙ. Что это значит по существу? [Это последнее требование?]

РЫКОВ. Это означает то, что от СССР отходят крупнейшие национальные республики, [и то, что они] из национальных республик *они* пытаются сделать [некоторые] смежные с ними территории, которые сделают своими вассалами [и подвергнут своему протекторату] и тем самым получат возможность нападения на оставшуюся часть *Союза*. Они приближаются, таким образом, к сердцу СССР, им облегчается возможность ведения с их стороны победоносной войны с [нами.] *СССР*.

ВЫШИНСКИЙ. Прикрываются [в] эт*и*[о]м.

РЫКОВ. Скрываются за этим.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, это расчленение СССР, отторжение от н*его*[ее] ряда республик?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Естественная п] *П*одготовка *фашистам* плацдарма для нападения и победы*? [врага?]*

РЫКОВ. Да, это несомненно. [В начальной стадии этого их орудием являлись мы.]

ВЫШИНСКИЙ. Не только орудием, но и сознательными соучастниками.

РЫКОВ. Я не знаю, лучше ли быть сознательным или бессознательным орудием. И то и другое плохо.

ВЫШИНСКИЙ. Вы изображает дело так, как будто вы сделались просто жертвой фашистских планов.

РЫКОВ. Нет. Но во всех вожделениях наших мы не были людьми, идущими до конца в отношении фашизма, мы все-таки ограничивали сговор определенными уступками, но мы являлись орудием в том смысле, что этот сговор, то, что приводило к этому сговору, все это облегчало фашизму возможность аннулировать его.

ВЫШИНСКИЙ. Вы шли к своим преступным целям ценою измены?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. И шли сознательно?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. И в этом смысле никаким орудием не сделались?

РЫКОВ. Конечно. Переговоры были...

ВЫШИНСКИЙ. А что вас использовать хотели фашисты [и] — это особый разговор. Вы их тоже хотели использовать в своих целях.

РЫКОВ. Нет, я думаю, что объективно ясное дело движени*е*[я] правых и националистическое движение у нас являются отражением того фашистского и буржуазного окружения, которые есть, потому что если бы буржуазного окружения и фашизма не было бы, правый уклон в СССР породить их не смог, а они целый ряд буржуазных групп создают. Объективно это так.

ВЫШИНСКИЙ. Ясно, конечно. Но ваши планы сводились к тому, чтобы захватить власть ценой измены?

РЫКОВ. Знаете, измена измене рознь.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте [, пожалуйста,] дальше.

РЫКОВ. Таким образом, начала возрастать наша борьба с партией, методы борьбы и цели борьбы все время делались яснее. Тут пришел контактный центр.

ВЫШИНСКИЙ. Этот контактный центр явился результатом организации «право-троцкистского блока»?

РЫКОВ. Трудно сказать. Выражение...

ВЫШИНСКИЙ. Я хочу сказать, что кроме контактного центра у вас существовало предварительное согласие, которое вы называли блоком.

РЫКОВ. Не блок, но формально мы разумели блок с троцкистами с 1935 г. Я говорю формально. Но кроме формальных организационных отношений, конечно, моменты блока выражались в свидании членов той или иной организации. Томский часто виделся с Зиновьевым, с Каменевым. Бухарин виделся тоже. Здесь нет формальных отношений блока. Но такого рода свидания, разговоры на политические темы — и политически, и фантастически без оформления создавал отношения, контактирующие или блокирующие работу этих организаций.

ВЫШИНСКИЙ. [Следовательно, п] *П*равильно или неправильно будет сказать, что в период 1932—1933 г. организовалась группа, которую можно назвать [, которая отражает полностью это название своим существом —] правы*м*[й] троцкистски*м*[й] антисоветски*м*[й] блок*ом*.

РЫКОВ. Фактически он был. Организационно [он] с 1933—1934 гг. выразился [в этом] *в так называемом* контактном центре.

ВЫШИНСКИЙ. [Вот, вот.] *Вот, вот.* Контактный центр явился дальнейшим оформлением организационных отношений?

РЫКОВ. Да. [Я говорю, что других формальных представительств до этого не было.] А фактически и политически это будет правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Это будет правильно, причем этот блок *[что]* поставил своей задачей... Как вы формулируете?

РЫКОВ. Поставил своей задачей насильственное свержение советского строя путем измены и путем соглашения с фашистскими силами за границей [, зондаж Карахана]...

ВЫШИНСКИЙ. На каких условиях?

РЫКОВ. На условиях расчленения СССР, отторжения национальных республик. Причем я должен сказать, что этого ответа немцам после зондажа Карахана у нас не было. Я об этом буду рассказывать дальше. Фактически ответ на их предложение шел гораздо дальше и был гораздо хуже, чем формальное принятие их требований.

ВЫШИНСКИЙ. Этот блок состоял, вы говорили, из правых. Далее, кто *в него* входил?

РЫКОВ. Правые, троцкисты и зиновьевцы.

ВЫШИНСКИЙ. Зиновьевцы и потом некоторые националистические группы союзных республик, скажем, Белоруссия[и]?

РЫКОВ. Да. О национал*ьных*[истических] республиках у меня в последнем абзаце. Я об этом буду говорить.

ВЫШИНСКИЙ. [Я хотел бы выяснить состав блока. Туда входили троцкисты, правые и зиновьевцы, а через них в] *В*ходили и эсеры?

РЫКОВ. По отдельным вопросам.

ВЫШИНСКИЙ. [По отдельным вопросам.] Входили меньшевики, через которых вы были связаны с Николаевским и с Даном за границей. И, наконец, в национальных республиках были отдельные буржуазно-националистические группы. Например, в Белоруссии. Кто там был из подсудимых?

РЫКОВ. Из подсудимых — Шарангович.

ВЫШИНСКИЙ. Это вам известно, что он входил в блок?

РЫКОВ. Я знал от Голодеда, Червякова.

ВЫШИНСКИЙ. А от Шаранговича? Непосредственно с ним лично связаны не были?

РЫКОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы знаете, что он связан с блоком через других?

РЫКОВ. Это не могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Шарангович, вы входили в «право-троцкистский блок»?

ШАРАНГОВИЧ. Я был связан непосредственно с Антиповым, [а] *и знал* о связях Голодеда [и Червякова] с Рыковым. [и Бухариным я знал.]

ВЫШИНСКИЙ. *[(обращаясь к] (Рыкову).* А по Средней Азии?

РЫКОВ. С пантюркскими организациями[94].

ВЫШИНСКИЙ. С кем?

РЫКОВ. С Рыскуловым, Файзулой Ходжаевым.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Файзула Ходжаев, вы подтверждаете?

ФАЙЗУЛА ХОДЖАЕВ. [Я п] *П*одтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы входили в этот блок?

ФАЙЗУЛА ХОДЖАЕВ. Я имел непосредственное [отношение][1] к [*[ую связь с* Алексее*ем*[ю] Ивановиче*м*[у]] Рыкову*[ым],* [потом с Антиповым] был связан позже с [Николаем Ивановичем] Бухариным. [Остальных я не знаю.]

ВЫШИНСКИЙ. Непосредственно по заговорщическим делам?

ФАЙЗУЛА ХОДЖАЕВ. По заговорщическим делам.

ВЫШИНСКИЙ. *[(Обращаясь к суду).]* Обвиняемого Бухарина [позвольте спросить. Я прошу вас сказать,] правильно *ли* показывает Файзула Ходжаев?

БУХАРИН. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к Рыкову).* А с Икрамовым вы не были связаны?

РЫКОВ. С Икрамовым я лично не был связан.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Икрамов, вы входили в право-троцкистский блок?

ИКРАМОВ. [Я с советской] *С* правой группой *я* был связан через Бухарина. Я могу сказать, что Бухариным [в один и тот же день] был завербован. [как правый.] Когда после этого он начал по национальному вопросу клеветать на партию и на Ленина по вопросу о том, что, минуя капитализм, могут прийти к социализму отсталые страны при помощи пролетариата, он сказал, что это ложь, неправильно. Когда он начал говорить по национальному вопросу открыто, тогда я сказал о своей буржуазно-националистической организации и заключил блок с Бухариным в 1933 г. После этого я с ним разговаривал.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, вы подтверждаете показания Икрамова?

БУХАРИН. [В основном, п] *П*одтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в блок входили троцкисты, зиновьевцы, правые, буржуазные националисты, среднеазиатские группы, белорусские группы, *и* через Гринько — украинские группы.

РЫКОВ. С Гринько началась связь.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Гринько, вы в право-троцкистский блок входили?

ГРИНЬКО. Да, но несколько позже, в 1935 г. входил как представитель национально-украинской фашистской организации.

ВЫШИНСКИЙ. С кем?

ГРИНЬКО. С Рыковым, с Бухариным.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы показывали?

---

[1] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

ГРИНЬКО. Да.

РЫКОВ. Должен сказать, что относительно Гринько я знал, что он правый, вел с ним разговоры, что он являлся представителем от Украины, но что он является официальным представителем — я этого не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Мандата он вам не предъявлял?

РЫКОВ. Речь не о мандате...

ВЫШИНСКИЙ. Но вы Гринько знали как старого боротьбиста или не знали?

РЫКОВ. Конечно, знал, и многих других знал, но *не* каждый из них является представителем организации.

ВЫШИНСКИЙ. Что же вы его рассматриваете персонально как Гринько?

РЫКОВ. Я знал, что он должен быть одним из членов этой организации...

ВЫШИНСКИЙ. Что он не только член, а руководитель организации?

РЫКОВ. О его роли я мог подозревать, но я этого не знал.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к суду).* Позвольте спросить обвиняемого Гринько? Обвиняемый Гринько, шла ли речь, что он мог только подозревать вашу роль как руководителя националистической организации на Украине, или шла речь о другом?

ГРИНЬКО. Рыков говорит неправду, потому что моя связь с право-троцкистским центром через Рыкова началась с того, что я в одном из наших разговоров рассказывал ему о национал-фашистской организации на Украине, об ее желании сотрудничать с центральными заговорщическими организациями, о связи националистической фашистской организации с немецкими и польскими фашистами.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, говорил с вами Гринько о том, о чем он сейчас сказал?

РЫКОВ. Нет, я не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Не помните? А вы, обвиняемый Гринько, это утверждаете?

ГРИНЬКО. Утверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. А кроме Рыкова, с кем еще вы были связаны?

ГРИНЬКО. С Бухариным. Кроме того, с Антиповым. Но с Бухариным я был связан уже не по Украине, а по той подрывной работе в общесоюзном масштабе, которую я как член центра блока, представлявший украинскую организацию, вел.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, показания Гринько вы подтверждаете?

БУХАРИН. Я знал, что он входил в блок, вел с ним разговоры, и потом мне было известно, что он связан с националистическими украинскими кругами в общей форме. Я должен сказать, потому что из-за этого здесь происходит некоторая путаница и некоторое непонимание. Ведь право-троцкистский блок это была не оформленная организация, — она оформилась только в этом контактном центре. Поэтому совершенно естественно, что тут ни мандатов, ни представительства в общей организации не было, — речь могла идти только о представителе в каком-нибудь органе, а относительно блока тут не возникал вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Я хочу только выяснить, рассматривали ли вы участие Гринько в этой заговорщической общей группе как роль одного из руководителей националистической украинской организации?

БУХАРИН. Когда вы говорите «группа», вы имеет в виду всю совокупность организации?

ВЫШИНСКИЙ. Конечно.

БУХАРИН. Как представителя — нет, но как человека, фактически выражающего соответствующие настроения, — да.

ВЫШИНСКИЙ. То есть вы имели в виду, что через Гринько вы действуете по отношению ко всей *националистической украинской группе.*

БУХАРИН. Устанавливается определенная связь, он идет репрезентантом, но не в формальном смысле, а в смысле передачи настроений.

ВЫШИНСКИЙ. Речь идет не о репрезентантстве, а речь идет об участии его...

БУХАРИН. Речь шла о применении в право-троцкистском блоке того комплекса идей, комплекса тех мероприятий, которые хвостом тащились за Гринько.

ВЫШИНСКИЙ. Имеет ли право обвинение формулировать этот вопрос таким образом, что в право-троцкистский блок в широком смысле слова, о котором мы сейчас говорили, который обвиняется в целом ряде преступлений, наложенных в обвинительном заключении, входили троцкисты, зиновьевцы, правые, буржуазные националисты в лице Икрамова, Ходжаева, Гринько, Шаранговича и стоящих за ними националистических групп?

БУХАРИН. Если речь идет о право-троцкистском блоке как совокупной организации, а не о верхушечной группе, я считаю, что вполне правильно поставить вопрос так, как вы его ставите.

ВЫШИНСКИЙ. [Вот это я и выясняю. Садитесь, пожалуйста. *(Обращаясь к суду).* Позвольте мне пока спросить Крестинского.] *Позвольте мне спросить Крестинского.*

[Обвиняемый] *Подсудимый* Крестинский, вам известно о том, что троцкисты входили в право-троцкистский блок, о котором здесь идет речь?

КРЕСТИНСКИЙ. Мне известно со слов Пятакова, когда он говорил со мной об этом в феврале 1935 г., что образовалась организация, объединяющая правых, троцкистов и военных и имеющая своей целью подготовку военного переворота. Мне было также известно, что в состав руководящего центра входят от правых: Рыков, Бухарин [и], Рудзутак и Ягода; от военных: Тухачевский и Гамарник, от троцкистов — Пятаков. Что в этот центр входили представители национал-демократических организаций, этого он мне не говорил, и когда в 1937 г. мне пришлось с Розенгольцем быть в этом центре, то представителей этих организаций в этом центре тоже не было.

Что же касается объединения сил, то, несомненно, что этот самый центр, объединявший правых, троцкистов и военных, опирался и на национал-демократические организации, но организационной формы этого объединения я не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы подтверждаете, что в право-троцкистский блок, как организацию антисоветских сил, входили те группы, о которых говорил обвиняемый Бухарин, т.е. правые, зиновьевцы, троцкисты, буржуазно-националистические группы и т.д.

КРЕСТИНСКИЙ. Относительно буржуазно-националистических групп я не решаюсь сказать, что они входили на равных правах.

ВЫШИНСКИЙ. А я и не говорю, что они входили на равных правах. Причем тут равные права? Это ведь не Лига Наций!

[(Оживление в зале).]

КРЕСТИНСКИЙ. Когда мы говорим об организационной структуре...

ВЫШИНСКИЙ. Я не говорю об организационной структуре, я говорю о политической связи. Вы говорите, что знали это от Пятакова, а сами лично...

КРЕСТИНСКИЙ. В 1937 г., когда я вошел в центр вместе с Розенгольцем, после выхода Пятакова, и мы были там в течение 3—4 месяцев, у нас личной связи с ними не было...

ВЫШИНСКИЙ. Вы сами лично входили в этот [контактный][1] центр?

КРЕСТИНСКИЙ. Я его под этим названием не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Называли вы каждый по-своему, но по сути дела?

КРЕСТИНСКИЙ. В этот центр *после ряда арестов* входили *в 1937 г.:* Розенгольц и я от троцкистов, Рудзутак и Ягода от правых, Тухачевский и Гамарник от военных.

ВЫШИНСКИЙ. А Рыков где был?

КРЕСТИНСКИЙ. Рыков был или арестован, или был в нетях. Это было не ранее февраля 1937 г.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, вы когда были арестованы?

РЫКОВ. 27 февраля 1937 г.

КРЕСТИНСКИЙ. Я лично сносился только с Рудзутаком, потому что с Ягодой сносился Рудзутак, мы не собирались все вместе.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы не только со слов Пятакова знали о существовании такого рода объединения антисоветских сил, но и непосредственно в этом убедились?

КРЕСТИНСКИЙ. Это так.

ВЫШИНСКИЙ. [Пока с] Садитесь.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, [пожалуйста,] *продолжайте* дальше.

РЫКОВ. Главнейшей темой, если считать, что все другие вопросы до некоторой степени уже исчерпаны, является вопрос национальных республик.

ВЫШИНСКИЙ. Мы в дальнейшем будем специально допрашивать Шаранговича, Ходжаева и др., тогда поговорим об этом подробнее.

РЫКОВ. Из крупных тем осталась как раз тема национальных республик.

ВЫШИНСКИЙ. Я хочу задать некоторые вопросы в связи с вопросом о блоке и его методах преступной деятельности. [Пораженческая линия, л] *Л*иния на поражение [, она] разделялась и вами и Бухариным, [безразлично,] или же у Бухарина была на этот счет особая точка зрения?

РЫКОВ. Мы точных формулировок не давали, но, во всяком случае, я *[не]* знаю о существенных разногласиях по этому поводу. Помню, что однажды Бухарин в моем присутствии формулировал [в качестве одной из возможностей] вопрос об открытии фронта.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, вы более подробно расскажите об этом?

РЫКОВ. Я бы предпочел дать общее положение вопроса. В заключительном обвинении говорилось об активных и пассивных методах. Здесь достаточно перечислить *ряд* факт*ов.* [ы, которые были.] Существование военной группы во главе с Тухачевским, *была связана с нашим центром и,* которая ставила своей целью использование войны для низвержения правительства. [Как с этим термином обходится активный или пассивный метод?] Это *подготовка* сам*ой*[ая] настоящ*ей*[ая] интервенци*и.*[я.] Наши сношения с немцами, которые *мы* всячески усиливали, должны были *всячески* [усиливать — я не знаю, как на самом деле, но они должны были всячески] стимулировать военное нападение, поскольку здесь заговорщическая организация вступала в изменнические отношения с ними. Есть ли это активный или пассивный метод? Это самое острое, что можно в данной форме из крупных мероприятий выдумать. Взять работу *в* Белоруссии... У нас для сношений был один Карахан, а там были сношения через Ульянова и целый ряд других лиц. Там

[1] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

отношения были гораздо более близкие и деловые, чем это было с Караханом.

ВЫШИНСКИЙ. Связь с польской разведкой имела[о] место?

РЫКОВ. Через Белорусскую польскую организацию и Ульянова эта связь существовала. [, о] Отношения были очень близкие. [, организация б] Был[а в] контакт[е] *по вопросу* [с польским правительством по вопросу] о так называемой независимой Белоруссии. Существовал и целый ряд других дел, вплоть до работы Белорусской организации среди белорусов в самой Польше, причем здесь помощь была взаимная: белорусская организация оказывала помощь пилсудчикам, польским фашистам в их работе в коммунистической партии Западной Белоруссии, а те в свою очередь оказывали помощь здесь. Если такого рода отношения считать активными или пассивными, это была самая настоящая подготовка.

ВЫШИНСКИЙ. План изменнической деятельности?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы на предварительном следствии [давали характеристику белорусской группы право-троцкистского блока,] говорили о том, [что эта общая формула, на которой вы тогда согласились, сводилась к тому,] что в переговорах [и] с поляками *вы были согласны* на отторжение от СССР Белоруссии. [вы согласны. Вы это на основании каких данных сообщаете?[1]]

РЫКОВ. По отношению к белорусской организации. Я был связан с такими деятелями, как Голодед и Червяков.

ВЫШИНСКИЙ. *Какова* [В] *в*аша личная установка в этом вопросе?

РЫКОВ. Этот вопрос обсуждался в свое время в центре, и мы все единогласно — я, Бухарин и Томский — были за то, что в случае возникновения такого национального движения допускаем это выделение.

ВЫШИНСКИЙ. То есть отторжение?

РЫКОВ. Ясно, выделение или отторжение, мы употребляли более мягкие слова.

ВЫШИНСКИЙ. Вы шли прямо на такой изменнический факт, как отторжение Белоруссии от СССР к Польше.

РЫКОВ. На независимость. [Она должна быть *[под]* протекторатом.] *Белоруссия должна была быть под протекторатом Польши.*

ВЫШИНСКИЙ. В вассальных[е] отношениях.

[*(Обращаясь к суду).* Позвольте спросить Бухарина.]

(К Бухарину). Обвиняемый Бухарин, вы согласны по этому вопросу [?] *с Рыковым?*

БУХАРИН. Я должен сказать, что Рыкову здесь изменяет память.

ВЫШИНСКИЙ. [Позвольте спросить, в] *В*ы стояли, как и Рыков, на пораженческой позиции?

БУХАРИН. Нет, но я отвечаю за это дело.

ВЫШИНСКИЙ. *[За]* Что вы отвечаете, — это дело другое. Мне нужно установить факт, был ли у вас разговор с Рыковым и Томским относительно открытия фронта?

БУХАРИН. Был, не с Рыковым, а с Томским.

ВЫШИНСКИЙ. О чем?

БУХАРИН. Это уже относится...

ВЫШИНСКИЙ. Это неважно, когда и почему, это вопрос другой.

БУХАРИН. Был разговор с Томским, он сказал относительно идеи открытия фронта.

---

[1] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила)

ВЫШИНСКИЙ. Был разговор с Томским об открытии фронта. Кому открыть фронт?

БУХАРИН. Против СССР.

ВЫШИНСКИЙ. Кому открыть фронт?

БУХАРИН. Германии.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, шла речь, чтобы открыть фронт Германии.

БУХАРИН. Шла речь об отношении. Я хочу сказать, что в этом разговоре не было директивы.

ВЫШИНСКИЙ. О директивах потом.

Я говорю о фактах, какие имели место. Вы подтверждаете, что у вас с Томским был разговор, чтобы в случае необходимости открыть фронт?

БУХАРИН. Этого я не помню.

ВЫШИНСКИЙ. А вы, обвиняемый Рыков, помните?

РЫКОВ. Конечно, открыть фронт в случае войны.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы не возражали? (Обращается к Бухарину.)

БУХАРИН. Это само собой понятно, что лошади жуют овес.

Вы говорите, что значит — открыть фронт противнику. Томский рассказал, что его мнение такое, а я против этого возражал.

*ВЫШИНСКИЙ. Подождите, как вы возражали, мы еще посмотрим. Мы хотим с вами [посмотреть] *выяснить,* что было в действительности. Значит, Тухачевский вам говорил, что нужно или что целесообразно открыть фронт?

БУХАРИН. Да, он склонялся к этому мнению.

ВЫШИНСКИЙ. Что целесообразно открытие фронта немцам в случае войны?*[1]

БУХАРИН. Да, в случае войны.

ВЫШИНСКИЙ. [Я и говорю: ч] *Что* же это означает?

БУХАРИН. Это означает государственную измену.

ВЫШИНСКИЙ. [Так.] А как открыть [этот] фронт [вам предлагал Тухачевский]? *Кто с вами об этом говорил?*

БУХАРИН. [Он не мне предлагал, а говорил, что есть такое мнение у военных.] *Говорил об этом Томский, что есть такое мнение у военных.*

ВЫШИНСКИЙ. У каких это военных?

БУХАРИН. У правых заговорщиков.

ВЫШИНСКИЙ. Конкретно?

БУХАРИН. [Алексей Иванович] *Он* назвал [—] Тухачевск*ого*[ий], Корк*а*, если не ошибаюсь, и потом троцкист*ов*.[ы.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, [Уборевич,] Корк, Тухачевский, вообще троцкисты собрались открыть фронт в случае войны с Германией, и об этом Томский вам говорил?

БУХАРИН. Да, что среди них есть такое мнение.

ВЫШИНСКИЙ. Мнение или план?

БУХАРИН. План — я не сказал бы. Может быть, это и был план, но в разговоре очень беглом...

ВЫШИНСКИЙ. А Тухачевский входил в эту группу?

БУХАРИН. Я же изложил...

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю: входили Тухачевский и военная группа заговорщиков в ваш блок?

БУХАРИН. Входили.

ВЫШИНСКИЙ. И они разговаривали с членами блока?

БУХАРИН. Совершенно верно.

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Когда члены блока разговаривают о таких вещах, то можно говорить, что это [планирование,] план.

БУХАРИН. Становится планом, когда ставится точка над «и».

ВЫШИНСКИЙ. Можно ли [говорить] *сказать,* что Томский поставил точки над «и»?

БУХАРИН. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, это установлено. А вы были против этого?

БУХАРИН. Да, я был против.

ВЫШИНСКИЙ. А [вы, обвиняемый] *ваше мнение, подсудимый* Рыков, [как смотрите на этот счет? Бухарин был против этого?] *можно сказать, что Бухарин стоял на точке зрения поражения СССР?*

РЫКОВ. Я только хочу изложить факт, который был в моем присутствии.

(Обращаясь к Бухарину). Я от тебя услышал в первый раз термин: открытие фронта.

ВЫШИНСКИЙ. А что вы именно услышали?

РЫКОВ. Я и хочу сказать. Может быть, это было продолжением предыдущей дискуссии или обсуждения с Томским, — я это отнюдь не исключаю, но мы были втроем, я, ты и Томский, и тогда ты высказал такого рода мысль, что в случае открытия фронта необходимо, во избежание захвата власти военными, принять определенные меры против военной диктатуры.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к Бухарину). Правильно это?

БУХАРИН. Это правильно.

РЫКОВ. То есть Бухарин тогда в моем присутствии дискутировал вопрос о том, как при открытии фронта избегнуть...

ВЫШИНСКИЙ. С кем дискутировал?

РЫКОВ. Я говорю, что были я, Томский и Бухарин, никого больше не было. Дискутировал, как в случае открытия фронта избегнуть опасности наполеоновщины, военной диктатуры.

ВЫШИНСКИЙ. А кого подозревали в этой наполеоновщине?

РЫКОВ. Я не помню. Вопрос стоял вообще. Главарем военных был Тухачевский. Я не могу сказать, названо было его имя или нет.

ВЫШИНСКИЙ. Словом, вы опасались, что Тухачевский возомнит себя Наполеоном?

РЫКОВ. Я излагал то, что сказал Бухарин. Вот это я в первый раз, когда услышал термин: открытие фронта. Я говорю: услышал его в этом изложении Бухарина и поэтому в своих показаниях сказал; до этого я не слышал, я не встречался с этой идеей и не говорил об этом с Томским. Я говорил, что Бухарин занимал крайнюю позицию в этом отношении, потому что впервые я услышал слова «открытие фронта» от Бухарина и именно в той концепции, которую я изложил сейчас. Когда он излагал, он вовсе не говорил, что есть какие-то мерзавцы, которые хотят открыть фронт, и прочие такие вещи, этого не было.

ВЫШИНСКИЙ. А как он — *Бухарин* — был за это?

РЫКОВ. Он излагал это спокойно: в случае открытия фронта, т.е. во избежание такой опасности, нужно то-то и то-то. Но если человек ставит вопрос, что нужно предпринять для избежания определенной опасности какие-то меры, то он об этом говорит только в том случае, если осуществление самой меры считает возможным.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно.

РЫКОВ. Поэтому я вынес впечатление, что Бухарин относится, во всяком случае, допустимо к этому.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно.

РЫКОВ. По-моему иначе понимать и толковать это нельзя.

ВЫШИНСКИЙ. Можно вас так спросить: была ли в этом вопросе у Бухарина пораженческая линия?

РЫКОВ. Это слишком элементарно.

ВЫШИНСКИЙ. Бывают элементарные вещи, которые не плохо повторить. Да или нет?

РЫКОВ. Конечно, да.

ВЫШИНСКИЙ. Можно сказать, что Бухарин стоял на точке зрения поражения СССР?

РЫКОВ. Зная Бухарина, я бы сказал, что, возможно, он не считал это единственным, но считал это то, что называется дискутабельным, в определенных условиях осуществимым. [А вовсе не как единственную форточку.]

ВЫШИНСКИЙ. Я не говорю — единственно возможным, а одним из средств открытия ворот врагу. Правильно?

РЫКОВ. Да, но как возможное, но не обязательное.

ВЫШИНСКИЙ. Понятно, как возможное, но не обязательное, т.е. не только этим путем шел к своей цели. Это и есть измена[ник]?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Считаете ли Бухарина изменником?

РЫКОВ. Таким же изменником, как и себя.

ВЫШИНСКИЙ. Вы подтверждаете показания, которые вы дали Прокурору СССР: [«На заданный мне вопрос отвечаю, что Бухарин первый сказал:»] (Читает). *«Что касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял».*

РЫКОВ. Я должен поправку внести: первый в моем присутствии.

ВЫШИНСКИЙ. Ясно, не в отсутствии.

РЫКОВ. Но вообще до меня с кем-то обсуждал.

ВЫШИНСКИЙ. Если рассматривать вас, Бухарина и Томского как центр правой части право-троцкистского блока, то в этом центре о необходимости предварительного соглашения вашей организации с иностранными государствами вы первые услышали от кого?

РЫКОВ. Я был таким же членом центра, как и он, и если при мне говорят такие вещи, и я не веду человека к вам, я уже отвечаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы хотите здесь по-благородному рассуждать, а как было в действительности, он вам говорил, или вы ему говорили?

РЫКОВ. Я писал об этом, я не думал, что это будет так.

ВЫШИНСКИЙ. Вы же говорили, что в моем присутствии первый он сказал, значит, не вы ему говорили, а он вам. Правильно?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы одинаково за это отвечаете. Он вам сказал. Инициатива была у вас или у Бухарина?

РЫКОВ. Инициатива взятия слова?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

РЫКОВ. Это так.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше: «Он крайне положительно отнесся к информации о переговорах с германскими фашистскими кругами». Это подтверждаете?

РЫКОВ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. [Вы это п] *П*одтверждаете [?] *это?*

РЫКОВ. Да. Разрешите внести точность. Положительность заключалась в том, что когда мы обсуждали вопрос о сближении с немцами, об избежании войны с ними, Бухарин сделал предложение о ряде уступок.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше: «что же касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял». Подтверждаете это?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. «И высказывался за эту позицию еще более резко, чем мы». Кто это мы?

РЫКОВ. Я имел в виду себя и Томского. Я имею в виду вопрос об открытии фронта. Детально, как избежать того, другого или третьего, мы не рассматривали.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше «...и как пораженец, он высказывался даже более резко, чем мы».

РЫКОВ. Тут, может быть, лучше изменить *формулировку.* [показания.] Я не хочу в этом отношении ставить себя лучшим, чем он. Мы одинаковые.

ВЫШИНСКИЙ. Это ваши мотивы, а факты?

РЫКОВ. Они были такие же, как и мотивы, потому что я совершенно...

ВЫШИНСКИЙ. Факты не могут быть такими, как мотивы. Факты остаются фактами. Вы хотите положение Бухарина в этом вопросе облегчить.

РЫКОВ. Не то чтобы облегчить, но я не хочу себя облегчать за счет Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. На предварительном следствии вы показывали правду или неправду?

РЫКОВ. Конечно, я показывал правду, я думал, что все понимают, что я человек достаточно взрослый, опытный и можно делать такого рода отличия. Допустим, я сказал то или другое. Я старше его, и моя ответственность не уменьшается и не смягчается.

ВЫШИНСКИЙ. Могу ли я поставить вам иначе вопрос? Высказывался ли Бухарин за эту позицию, за пораженческую позицию, как вы говорите, достаточно резко, столь же резко, как и вы?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И дальше: «он внес предложение и формулировал идею открытия фронта немцам в случае войны».

РЫКОВ. Вот здесь я должен добавить, что он формулировал в моем присутствии так вопрос об опасности захвата власти.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы подтверждаете?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, если Бухарин говорит, что он против пораженческой позиции, прав он или неправ?

РЫКОВ. Тут я Бухарина не понял и не понимаю. Главное, политический деятель отвечает за свои действия и за результаты своих политических действий. Это единственно, что должно требовать и от меня, и от себя, а вовсе не так, что он себе думает. Тогда это будет иметь интерес.

ВЫШИНСКИЙ. У меня к [обвиняемому] *подсудимому* Рыкову вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, в ваших показаниях о работе организации правых в Белоруссии вы отметили, что фактически ваша организация правых в Белоруссии превратилась в экспозитуру польского генерального штаба. Это правильно?

РЫКОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* [И дальше, в этом же показании[1] в] *[вы в своих показаниях отметили] В*ы говорили, что ваша организа-

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

ция правых на территории Белоруссии получила директивы однородные от польского генерального штаба, с одной стороны, и с другой стороны — от центра правых. Как это понимать?

РЫКОВ. В каком смысле однородные?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По вредительской работе, о том, что необходимо уменьшение поголовья скота.

РЫКОВ. Даже больше. Эта директива, как говорил Голодед, была получена своевременно от поляков. Я не помню, чтобы он говорил, что эта директива получена от центра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Но задания от поляков, которые получала ваша организация с Белоруссии, совпадали с теми заданиями, которые давал вам центр?

РЫКОВ. Я не помню, какие давались задания, во всяком случае, я не давал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Вредительские задания давал ваш центр в области сельского хозяйства, в области животноводства?

РЫКОВ. Нет, задания в этой области не давались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но если организации, вам подчиненные, получают задания от польской разведки — заниматься вредительством в области животноводства, в частности, в области конского поголовья, и делать другие диверсионные акты, если вы об этом знаете, как это понять?

РЫКОВ. Как понять? Это есть один из моментов измены. Я получал информацию, когда это было сделано. Я виновен в том, что я покрывал, или в худшем случае. Во всяком случае, эти организации такого типа, это крупные организации, они сами решают на свой риск и страх.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В том же вашем показании говорится, что «по Белоруссии организации правых поставили задачу: превратить Белоруссию в плацдарм для наступления поляков, для отторжения Белоруссии от СССР в интересах Польши. Эта наша директива совпадала с идентичной директивой, получаемой белорусскими организациями от польского генерального штаба».

РЫКОВ. Это неудачное выражение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как неудачное, это в вашем протоколе [точно сказано: «директивы наши совпадали с директивами польского генерального штаба». Так вытекало из ваших показаний, и таков вывод. В момент показаний вы ответили: «в результате, организации правых в Белоруссии фактически стали экспозитурой польского генерального штаба».

РЫКОВ. Это правильно, но здесь есть известная часть, которая заключается в том, что кроме правого центра, кроме фашистской Польши, были белорусские националистические организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Вы говорите об организации правых.

РЫКОВ. Эти националистические организации имели свое мнение, свои установки, свои тезисы, свое решение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Вы в своих показаниях отметили: «наши директивы совпадают с директивами польского генерального штаба». Здесь надо понимать директивы центра — Бухарина, Рыкова, Томского.

РЫКОВ. Когда я это писал, я преследовал цель охарактеризовать окончательно политический результат.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Результат таков, что ваши организации в Белоруссии превратились в экспозитуру польского генерального штаба.

РЫКОВ. Это *[и]* есть формулировка политического результата, а не определеннейших организационных отношений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* [Скажите, в] *В*аши организации правых в Белоруссии развертывали вредительскую работу в сельском хозяйстве, в строительстве дорог по заданию польского генерального штаба?

РЫКОВ. Мне известны два случая со слов Голодеда [, то что вы назвали] — это относительно конского поголовья и второе — относительно коров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Почему понадобилось польской разведке давать задания — проводить вредительскую работу в строительстве дорог?

РЫКОВ. Это, очевидно, для затруднения продвижения наших войск на защиту границ [нашего] *Советского* государства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Как вы понимали роль вашей организации правых на территории Белоруссии в отношении разложения революционного движения в Западной Белоруссии?

РЫКОВ. Я это уже изложил. Я говорил, что между нашей белорусской организацией и фашистами был обмен услугами. По просьбе поляков, белорусы-контрреволюционеры посылали в Польшу людей для работы в духе белорусской организации в составе польской коммунистической организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Для какой цели посылались люди? Для провокационной работы или для какой-нибудь другой?

РЫКОВ. В провокационных целях поляки, конечно, их использовали, но едва ли это была непосредственная задача. [о] *О*дновременно они хотели среди белорусов разложить революционное движение, разложить там коммунистическую партию и вместо нее создать такую белорусскую организацию, которая ставила бы себе цель не только и не столько шпионаж, сколько определенные политические цели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Факт это или нет, что организация правых на территории [польской] *Западной* Белоруссии насаждала провокаторов в зарубежные коммунистические организации?

РЫКОВ. Это верно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Если вы заявили, что организация правых на территории Белоруссии была экспозитурой, как вы выражаетесь, польского генерального штаба, то что можно сказать об организации правых на территории Украины? Чьей она была экспозитурой или органом какого генерального штаба?

РЫКОВ. Я не знаю точно отношений там. Я не имел об этом подробных разговоров. Но, по-моему, там должно быть положение, аналогичное тому, что было в Белоруссии, т.е. — экспозитура немецко-польского фашизма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Таким образом, ваша организация на территории Украины была фактически организацией германского и польского фашизма?

РЫКОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Ваша организация правых на территории Северного края была агентурой разведывательных органов также одного из иностранных государств?

(Рыков молчит).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ. Вы слышали показания Иванова?

РЫКОВ. Относительно его шпионской работы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Да, и относительно возможных уступок леса и лесопильных заводов английским капиталистам?

РЫКОВ. Это я слышал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Вы с этим согласны? Так это было? По крайней мере, такие планы [[Иванов] имел[?]*ись?*] *от вашего центра Иванов имел?*

РЫКОВ. Я об этом не знал и таких директив не давал, по крайней мере...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Скажите, какой у вас был разговор с Енукидзе о необходимости убийства Максима Горького?

РЫКОВ. Я...

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите просить отложить это на тот момент, когда мы будем весь этот эпизод выяснять, ибо здесь отдельный вопрос едва ли что-нибудь даст, поскольку [здесь] *этот вопрос связан с* целым[й] ряд*ом* других вопросов. [связан.] Я бы ходатайствовал отложить это до выяснения всего вопроса в целом.

РЫКОВ. Я поэтому и не касался...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Скажите, подсудимый Рыков, когда вы давали показания о работе организации правых на Северном Кавказе, [вы упоминали, что] *вы упоминали, что* вы имели дело с белогвардейской организацией казачества?

РЫКОВ. Я *здесь* упустил, наряду с второстепенными вещами, одну существенную часть — вопрос о казаках, о казачьей организации правых, которая была там создана. Приступили к ее созданию в период 1930—1931 гг. В дальнейшем об организации работы в казацкой организации меня информировал Пивоваров. Она окончательно оформилась приблизительно в 1934 г., когда она возглавлялась Лариным...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Меня интересует характер связей этой организации.

РЫКОВ. [Теперь о характере этой организации. Это и] *И*з всех организаций едва ли не самая крайняя правая. Туда входили, кроме казаков, реэмигранты, которые, как говорил Пивоваров, сохранили связи с оставшимися за границей остатками казацких армий и в своей работе получали помощь от этих казацких белых армий. Через них и с ними были разговоры о том, что если дойдет до восстания в Средней Азии, то эти самые остатки казачьих организаций заграницей обещали даже помощь при помощи десанта. Вот что я знал от Пивоварова относительно казачьих организаций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* А десант предполагался в каком составе, бело-эмигрантский?

РЫКОВ. Я сказал, остатки казачьих белых армий за границей.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к суду).* У меня, если позволите, два вопроса в связи с показаниями обвиняемого Рыкова, к Крестинскому.

Обвиняемый Крестинский, скажите, пожалуйста, что вам известно об участии группы Тухачевского в право-троцкистском блоке? [Вы слышали показания Рыкова?]

КРЕСТИНСКИЙ. [Я слышал.] Мне об участии Тухачевского известно следующее. Когда я в сентябре *193*3 г. виделся с Троцким в Мексане, он обратил мое внимание на то, что, ориентируясь на государственный переворот, мы ни в коем случае не должны [базироваться] *опираться* только на свои[х] троцкистски*е*[х] сил*ы*[ах], потому что они недостаточны для этого, а что нужно договориться и с правыми, и с военными. Он обратил особое внимание на Тухачевского, человека авантюристического, претендующего на то, чтобы занять первое место в армии, и который, вероятно, пойдет на многое. Он просил меня передать об этом Пятакову и переговорить самому с Тухачевским.

ВЫШИНСКИЙ. Вам пришлось разговаривать с Тухачевским?

КРЕСТИНСКИЙ. Я разговаривал с ним в начале 1934 г. уже после того, как с ним говорил Пятаков, [и] передал ему о своем разговоре с Троцким. Тухачевский сказал, что он принципиально относится вообще положительно не только к объединению сил, но и к постановке перед собой этой задачи. Но вопрос, сказал он, требует обсуждения, выяснения возможностей, и после этого он будет договариваться на эту тему с Пятаковым. О состоянии договоренности я узнал от Пятакова в феврале 1935 г., причем я не спрашивал Пятакова, когда эта договоренность была закончена и когда именно возник этот самый центр. [Но в] *В* дальнейшем мне приходилось несколько раз разговаривать с Тухачевским на эти темы. Это было во второй половине 1935 г., в 1936 и 1937 гг. Мне приходилось неоднократно вести такие разговоры.

В одном из разговоров в 1935 г. он назвал мне несколько человек, на которых он, между прочим, опирается. Он назвал Якира, Уборевича, Корка и Эйдемана. Затем в другом разговоре, очень существенном разговоре, который происходил на Чрезвычайном VIII съезде советов[95], Тухачевский поставил передо мной вопрос о необходимости ускорения переворота. Дело заключалось в том, что переворот увязывался с нашей пораженческой ориентацией и приурочивался к началу войны, к нападению Германии на Советский Союз, и поскольку это нападение откладывалось, постольку откладывалось и практическое осуществление переворота. В этот период начался постепенный разгром контрреволюционных сил. [Ушел Зиновьев, б] Были арестованы Пятаков и Радек, начался арест троцкистов, и Тухачевский начинал бояться, что если дело будет оттягиваться, [на месяцы или даже на годы, то будут разгромлены и остальные участки, в том числе и военный.[х.]] *то оно вообще сорвется.* Поэтому он [естественно] поставил вопрос [о том, чтобы это дело форсировать, отделивши этот вопрос от вопроса о войне.] *об ускорении контрреволюционного выступления.* Мы обсудили этот вопрос с Гамарником и Рудзутаком и пришли к общему выводу, что Тухачевский прав. После этого я запросил письменно через Бессонова мнение Троцкого, и получил от него ответ положительного характера. Все эти вопросы, связанные с Тухачевским, с Троцким и проч., стоит ли их вырывать здесь?

ВЫШИНСКИЙ. Я удовлетворен вашим ответом.

[Обвиняемый] *Подсудимый* Розенгольц, вы в этой части подтверждаете показания Крестинского?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вам приходилось разговаривать с Тухачевским и Крестинским?

РОЗЕНГОЛЬЦ. У меня был в конце марта 1937 г. разговор с Крестинским по вопросу об ускорении организации переворота.

ВЫШИНСКИЙ. Подробно вы будете об этом говорить тогда, когда вас будут допрашивать. Больше у меня к вам вопросов сейчас нет.

У меня есть один вопрос к обвиняемому Чернову. Обвиняемый Чернов, я хочу остановиться на вашей связи с корреспондентом газеты — «Берлинер-Тагеблат» Паулем Шефером. Вы вчера говорили об этом. При каких обстоятельствах вы с ним связались: он к вам явился, или вы его нашли?

ЧЕРНОВ. Я вчера по этому вопросу говорил. Повторяю, ко мне позвонили из информационного бюро Наркоминдела и сообщили о том, что я должен принять корреспондента газеты «Берлинер-Тагеблат» Пауля Шефера и дать ему информацию по вопросам несекретного порядка для использования в печати. Это было весной 1929 г.

*ВЫШИНСКИЙ. А не 1930 г.?

ЧЕРНОВ. Нет, 1929 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы вчера как будто сказали в 1930 г.?

ЧЕРНОВ. Это недоразумение. Если я сказал, что это было в 1930 г., это — оговорка.*[I]

ВЫШИНСКИЙ. Вы с ним виделись один раз или несколько раз?

ЧЕРНОВ. Несколько раз на протяжении 1929 г., пока не прервалась с ним связь.

ВЫШИНСКИЙ. А в результате чего эта связь прервалась?

ЧЕРНОВ. Он сказал, что боится провала и уезжает из Советского Союза. Точно я не могу сказать, когда это было — или в конце 1929 г., или в 1930 г., скорее, это было в 1929 г.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, Крестинский помнит?

КРЕСТИНСКИЙ. Мне кажется, что Шефер уехал из Советского Союза еще до моего возвращения из Берлина.

ЧЕРНОВ. Я так и говорю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите: или в конце 1929 г. или в начале 1930 г.

ЧЕРНОВ. Я на предварительном следствии показал как период, когда я встречался с Шефером, так и период, когда связь прекратилась.

ВЫШИНСКИЙ. На предварительном следствии за вашей подписью вы показали, том 8 на 45 странице: в конце 1929 г., а, может быть, в 1930 г. Шефер из СССР уехал и связь оборвалась.

*[ЧЕРНОВ. Я, видимо, оговорился или, может быть[II], волновался.]

[ВЫШИНСКИЙ.] Во всяком случае, вы помните, что вскоре после этого случая он уехал. У вас был с ним разговор об объезде?

ЧЕРНОВ. Был разговор.

ВЫШИНСКИЙ. Больше нет вопросов.*[III]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Перерыв до 11 часов утра.

4 марта 1938 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых: ШАРАНГОВИЧА
ХОДЖАЕВА

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых: РОЗЕНГОЛЬЦА
КРЕСТИНСКОГО (второй раз)
РАКОВСКОГО

Подлинник: стр. с 344 по 531 вкл.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

4 марта 1938 г.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Переходим к допросу подсудимого Шаранговича.

Подсудимый Шарангович, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[II] Подчеркнуто (красный карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ШАРАНГОВИЧ. [Я п] *П*олностью подтверждаю. Я хочу рассказать суду полностью, откровенно о своих изменнических и предательских преступлениях. Прошу предоставить мне возможность сделать это в том плане, который я наметил.

*ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (к товарищу Вышинскому). Подсудимый просит изложить все связано.

ВЫШИНСКИЙ. Это неудобно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (К Шаранговичу). Покороче, пожалуйста. Основные этапы.*[1]

ШАРАНГОВИЧ. Изменником родины я стал в августе месяце 1921 г. и был им до ареста. В августе месяце 1921 г. после заключения мира с Польшей, я возвращался из Польской тюрьмы в порядке обмена как заложник с группой осужденных[96]. [При возвращении я] *Я* остановился в Варшаве. В Варшаве нас вызывали поочередно в советское посольство [для разговоров и, так сказать, выяснения нас], *чтобы выяснить лицо каждого из нас.* В советском посольстве работал тогда, — я не знаю точно, какую он занимал официальную должность, — некто Вноровский.

ВЫШИНСКИЙ. Как его звали?

ШАРАНГОВИЧ. Его имени и отчества я не знаю. С этим Вноровским я имел три разговора. Я не хочу... не то что не хочу, а считаю, что нет надобности излагать подробности этих разговоров, но суть их заключается в том, что Вноровский заявил мне, что поляки не хотят меня выпускать и что они смогут это сделать только в том случае, если я дам согласие работать в польской разведке. [Сначала я этого согласия и ответа Вноровскому не дал, но потом, при отправлении, я] *Я* это согласие дал. [Не было там официальных заявлений каких-нибудь и документов, но, однако, я ему это согласие дал.]

И после этого [я] *польской разведкой я* был переброшен в Советский Союз. По прибытии в Минск [, по существу,] этим же Вноровским я был связан с ответственным резидентом польской разведки Богуцким, который занимал тогда [официально довольно] ответственный пост в Белоруссии. Длинных разговоров с Богуцким я не имел, да и дополнительной вербовки меня не требовалось, потому что Богуцкий о всех разговорах Вноровского со мною и о моем согласии знал хорошо от Вноровского. Поэтому мы условились с ним, Богуцким, и он мне сказал тогда, что если потребуются какие-нибудь конкретные услуги потом или задания, которые нужно будет дать, — он мне скажет. Однако я от Богуцкого конкретных заданий в течение года или двух лет не получал. Богуцкий уехал из Белоруссии в [конце] 1923 [или в половине 1923] г. [Он меня передал и связал тоже с ответственным] *Перед отъездом связал меня с ответственным* польским резидентом, занимавшим тогда в Белоруссии тоже довольно ответственное положение, — Славинским.

Причем Славинский, конечно, все эти подробности — и насчет вербовки меня Вноровским, и насчет договоренности, которая существовала с Богуцким, — знал хорошо. От Славинского я уже получил задание. Я сейчас, конечно, не помню конкретно всех этих заданий. [, но я.] *Я* тогда работал в Белоруссии с половины 1923 г. и до половины 1924 г. старшим помощником Прокурора республики. Через меня проходило много дел, шпионских и других дел более важных. [Я п] *П*о [этому] заданию Славинского *я* информировал его о сущности этих дел и о лицах, проходящих по ним.

Потом я в конце 1924 г. перешел на работу в профсоюзы, и поэтому это задание Славинского по этому вопросу оборвалось. В профсоюзах я не по-

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

лучал никаких заданий от Славинского. В 1925 г. Славинский уехал из Белоруссии. [,а в] *В* самом начале 1926 г. я [тоже] уехал из Белоруссии в Сибирь, и [после этого] у меня связи с польской разведкой *временно* оборвались. Оставался я, конечно, агентом польской разведки, но конкретно никаких-нибудь заданий я не получал.

Возобновилась у меня эта связь — и более активная, чем предыдущая, — в конце 1932 г. или в начале 1933 г., [с польской разведкой,] конкретно с консулом одного из иностранных государств, граничащих с Белоруссией. [, в Минске.] Это было уже после того, когда я вступил в национал-фашистскую антисоветскую организацию в Белоруссии. [, о чем я буду говорить ниже.]

[Обстоятельства дела, которые, так сказать, связали меня опять, были следующие: к] *Было это так. К*о мне [сначала] обратился [по этому вопросу] некто Жебровский, который тогда занимал пост третьего секретаря *ЦК Компартии* Белоруссии, но с ним разговор я имел, собственно говоря, зондирующий. [, однако, предложение и от Жебровского было насчет связи с этим консулом.] Более [точный и] ясный разговор по этому поводу я имел с Бенеком, который [, насколько я помню,] работал *в Белоруссии* [или заместителем председателя СНК или уже] Наркомземом. Бенек *мне от имени этого консула предложил*[1] следующее [или заявил следующее], что хотя этот консул и имеет уже достаточно тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организацией в Белоруссии, в том числе и с ним, с Бенеком, однако, он хочет установить и со мной эту связь, имел в виду, что я нахожусь на партийной работе. [и, возможно, потребуются некоторые данные, материалы, которые для него будут нужны.]

Собственно говоря, я должен сказать, что для вербовки меня тогда каких-нибудь или больших уговоров не было надобности, потому что я тогда уже был одним из руководителей национал-фашистской организации в Белоруссии, потому что я тогда уже знал относительно тесной связи других руководителей национал-фашистских организаций в Белоруссии с поляками, так — Голодед, Червяков и тот же Бенек. Вообще, все прошлые моменты и моя связь с поляками привела меня, как говорится, в это лоно без всяких уговоров.

В это время я передал *через Бенека* содержание некоторых решений ЦК ВКП(б), относящихся к Белоруссии. Потом, [помню,] *дал информацию* о шоссейных дорогах, о сети партийных ячеек и [, кажется, одну] *по ряду* политическ*их*[ую информацию.] *вопросов*. [Это все, что я передавал, н] *Н*о дело, [видите ли,] конечно, заключается не только в том, что я передавал и не только в моих личных связях, а дело [заключается], главным образом, в том, что уже к тому периоду наша национал-фашистская организация, одним из руководителей которой я был, была, по существу, тесно связана с польским генеральным штабом. Вот об этом я хочу более полно рассказать после того, как я изложу вопросы, связанные с национал-фашистской организацией.

В национал-фашистскую организацию я был завербован Голодедом и Чернышевичем в начале 1932 г. Я не буду говорить об обстоятельствах связей, о том, что меня побудило вступить в эту организацию, потому что то, что я уже рассказывал, это само за себя говорит. Я находился в этой национал-фашистской организации, а это было тем, к чему я стремился. Об обстоятельствах вербовки, или вовлечения, мне кажется, вряд ли здесь нужно говорить.

Когда я вступил в национал-фашистскую организацию, это было, видимо, в марте или в конце февраля, меня...

---

[1] * * — инверсия (синие чернила): «*предложил мне от имени этого консула*».

ВЫШИНСКИЙ. Какого года?

ШАРАНГОВИЧ. [1932 г. Меня] Голодед подробно информировал *меня [меня]* и [о] *о* составе этой организации. [, о составе центра этой организации, в который входил тогда, я помню...]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Шарангович, не стоит называть фамилии лиц, которые не привлечены по данному делу. Следствие в отношении их не закончено.]

[ШАРАНГОВИЧ. И, наконец, он посвятил меня относительно того,] *И о том,* что эта национал-фашистская организация связана с московским центром правых, получает от него директивы, [и] персонально от Рыкова и Бухарина. [Относительно директив и установок, как о] *О*сновны*е*[х] цели[ях, он] *национал-фашистской организации Белоруссии Голодед* коротко формулировал так: [им образом —] свержение советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами.

Что же касается методов и средств, то сюда входили: вредительство, диверсия, террор.

Я должен подчеркнуть, что уже тогда меня Голодед информировал, что в этих установках московского центра правых, получавшихся от Рыкова и Бухарина. [, было о] *О*собенно *Голодедом была* подчеркнут*а*[о относительно] необходимость установления, в целях осуществления этих задач, тесной связи с польским генеральным штабом. Да, собственно, это совершенно ясно вытекало из этих целей, которые ставятся.

Я не скажу, что мы все эти установки принимали, выполняли и руководствовались ими, я не скажу, что мы были, в том числе я, младенцами и не понимали сущности их и, так сказать, не сознавали всю серьезность изменнических преступных целей, методов и средств, о которых я говорю, но, однако, я должен констатировать, что такие установки были. Я должен тут же сказать попутно несколько, если можно так сказать, развить, относительно того, почему мы называли себя национал-фашистами. Дело в том, что и основной состав центра, и основные кадры были националистические. Конечно, и в центре, и кадры были правые и троцкистские, но между ними нельзя сделать какую-нибудь грань или даже говорить, если хотите, о блоке, потому что если взять любого из нас, основных руководителей этого центра, то они были и правые и, в первую очередь, националисты. Если взять, например, таких людей, как Жебровский, который был активным троцкистом, но он более резко по всем вопросам, связанным с целями и задачами, выступал, чем мы. Если взять Гикало, который был правым, но он не менее резко был связан по вопросам националистическим и по тем целям, которые мы ставили перед собой, чем мы.

Поэтому я должен сказать, что, по существу, там были националисты основной группой, собирающей вокруг себя все кадры и силы для борьбы с советской властью, для свержения советской власти. Я должен сказать, что у нас связь с московским центром правых была не теоретическая и формальная, и не в порядке даже какого-либо легального блока. [Мы получали] *В этом направлении мы и получали* систематическ*ие* директивы [в своей преступной деятельности,] *и* инструктировались московским центром правых. [И я] *Я* это хочу подтвердить рядом фактов. [и моих личных, и мне известных.]

...В ноябре 1932 г. [(не могу припомнить по каким делам, да они вообще часто ездили в Москву)] *в Москву* ездили Голодед и Червяков. Они встречались с Рыковым и Бухариным, причем, я должен сказать, что, насколько

мне известно, [от самих Голодеда и] Червяков[а, они] был[и] связан[ы] с Рыковым [и Бухариным. Червяков —] еще с 1928 г., а Голодед — с 1930 г. [После этой поездки,] *После поездки Голодеда и Червякова в 1932 г. в Москву*, когда они возвратились, у нас было *в Минске* совещание центра *нашей организации* в полном составе, *где* они информировали нас. Информация эта сводилась к тому, что и Рыков и Бухарин подтверждали все прежние установки для [преступной деятельности] нашей организации, [и] выразив[ли] недовольство [, что наша организация плохо активизируется по этим установкам.] *слабой деятельностью нашей организации.* Там же *в Москве* был дан ряд конкретных установок, в первую очередь, по вопросам вредительской, диверсионной деятельности [;] *и,* во-вторых, — относительно усиления и установления более тесной связи с польским генеральным штабом. Голодед и Червяков потом систематически встречались с Рыковым и Бухариным.

Кроме этих связей, о которых я уже сказал, у меня лично были установлены связи сначала с Сулимовым, по-моему, в октябре 1932 г., когда он приезжал в Белоруссию в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР по отгрузке картошки. Я уже тогда с Сулимовым имел подробный разговор. Он сводился к тому, что Сулимов информировал меня о том, что я уже знал от Голодеда и Червякова; я ему также рассказал относительно кадров, относительно того, что делает наша организация. Больше у меня встреч с Сулимовым не было. Но весной 1932 г. я связался с Антиповым. Первую встречу с Антиповым мне устроил Голодед у него же в кабинете. В этой встрече с Антиповым он сначала интересовался относительно деятельности нашей организации, подтверждал те установки, о которых я уже знал. В этом разговоре с Антиповым я поставил перед ним некоторые вопросы, причем поставил я эти вопросы не с точки зрения того, что я с ним был не согласен, или мне требовались разъяснения какие-нибудь особые, а с точки зрения подтверждения их от самого Антипова. Потому что, когда устраивались эти разговоры, Голодед сказал о том, что он является руководителем параллельной группы правых. Во время этого разговора я поставил перед Антиповым вопрос о том, как он смотрит на такую отк[о]ровенную резкую установку о связи с польским генеральным штабом. На это мне Антипов заявил следующее: видите ли, если мы ставим перед собой вопрос свержения советской власти, если мы ставим перед собой вопрос поражения Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами, если мы ставим перед собой задачу отторжения Белоруссии, — то как же не использовать и не пойти на сговор с такой реальной силой, какой является фашистская Польша.

Второй вопрос, который я поставил перед Антиповым, был вопрос об отторжении Белоруссии и создании, так сказать, под протекторатом Польши буржуазного белорусского государства. Мы, конечно, понимали все, что значит этот протекторат, потому что это отнюдь не являлось для нас теоретической формулой. Это значило отдать под ярмо польских помещиков и капиталистов советскую Белоруссию, применяя все те средства, которыми мы тогда уже располагали. На это мне Антипов ответил, что эта формула дает возможность лучше сколачивать все националистические и антисоветские кадры, и, во-вторых, этой формулой мы одновременно приманиваем, если можно так сказать, польский генеральный штаб. Вот эта была наша первая встреча. Надо сказать, что Антипов в 1933 г. довольно часто наезжал в Белоруссию, потому что он был председателем комиссии по чистке белорусской партийной организации.

При второй встрече с Антиповым присутствовали: Голодед, Червяков, Гикало и я. Встреча происходила на даче под Минском. Антипов, выслушав

информацию о преступной и подрывной деятельности нашей организации, и опять-таки потребовал от нас активизации, особенно в вопросах вредительства и диверсии, в вопросах организации террористических групп и в вопросах о связи с польским генеральным штабом.

ВЫШИНСКИЙ. [Может быть, вы р] *Р*асскажите конкретно[ее] о вашей преступной деятельности в области вредительства.

ШАРАНГОВИЧ. Я к этому подойду.

ВЫШИНСКИЙ. Вы подходите к этому очень долго, а меня это главным образом интересует. Возьмите конкретно ваше вредительство. Позже мы подойдем и к вашим шпионским связям. Сейчас расскажите, пожалуйста, о вашей преступной деятельности по части вредительства, какие задачи перед вами стояли, как выполнялись эти задачи и т.д.

ШАРАНГОВИЧ. [У нас были] *Мы ставили перед собой* задачу[и, которые мы перед собой ставили относительно того, чтобы] наиболее широко развернуть вредительство во всех областях народного хозяйства.

ВЫШИНСКИЙ. В каких целях?

ШАРАНГОВИЧ. В целях *подготовки поражения СССР* [, конечно, и пораженческих,] *и* в целях создания недовольства населения [, в целях...] *в стране.*

ВЫШИНСКИЙ. В целях провокационных?

ШАРАНГОВИЧ. Конечно. В целях подрыва оборо[н]но[й]способности. Я конкретно по распределению ролей, которое у нас было, занимался вредительством в сельском хозяйстве.

ВЫШИНСКИЙ. О распределении ролей мы сейчас не будем говорить. Вы мне вот что скажите. Вот эти задачи подрыва мощи Белорусской республики, ослабление обороноспособности, подготовки условий, более благоприятных для нападения со стороны врагов, — вот эти задачи вашей Белорусской группой были поставлены самостоятельно или эти задачи были перед ней кем-нибудь поставлены?

ШАРАНГОВИЧ. Эти задачи были поставлены и сформулированы в общей постановке вредительства, но и в конкретной постановке московского центра правых, Рыкова и Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. И еще кем они были поставлены?

ШАРАНГОВИЧ. И польской разведкой.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы работали одновременно и под руководством центра правых и под руководством польской разведки.

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выразилась [ваша] конкретно[ая] *ваша* преступная деятельность?

ШАРАНГОВИЧ. [Как я уже говорил, я] *Я* занимался вредительством, главным образом, в области сельского хозяйства. В 1932 г. мы [,] *и* я лично в этой области развернули большую вредительскую работу. Первое — по срыву темпов коллективизации. [Я лично...]

ВЫШИНСКИЙ. Вы какую должность тогда занимали?

ШАРАНГОВИЧ. Я был вторым секретарем Центрального комитета [Белорусской компартии] *компартии Белоруссии.*

ВЫШИНСКИЙ. Так что возможности у вас были большие?

ШАРАНГОВИЧ. Конечно. Я лично давал *вредительские* установк*и*[у] ряду работников...

ВЫШИНСКИЙ. Своим сообщникам?

ШАРАНГОВИЧ. Да, сообщникам. Мы организовали выходы из колхозы. [Второе -] *Затем мы* запутывали посевные площади. Суть этого дела заклю-

чалась в том, что мы давали району такие посевные площади, [в] которы*е*[х не было столько земли] *они не могли освоить,* другим *районам,* [давали задания уменьшенные при больших посевных площадях. Третье —] *имевшим большие площади для посева, наоборот, давали уменьшенные задания. Кроме того, мы организовали* срыв хлебозаготовок. В 1932 г. это было проведено таким образом. Сначала *наша национал-фашистская* организация приняла все меры к тому, чтобы хлебозаготовки шли плохо. Т.е. срывали их. Потом, когда было вынесено специальное решение Центрального комитета *ВКП(б)* [партии] о ходе хлебозаготовок в Белоруссии, *то наша* организация, боясь провала и возможного разоблачения, приняла срочные меры к тому, чтобы [они были выполнены] *хлебозаготовки немного подтянуть.*

[В] *Я должен [сказать] также сказать, что в* 1932 г. *[нами]* была *нами* распространена чума среди свиней, в результате чего был большой падеж *свиней,* причем это делалось таким образом, что прививку чумы свиньям делали вредительски.

ВЫШИНСКИЙ. По вашим лично указаниям?

ШАРАНГОВИЧ. Да, здесь были и мои лично указания.

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует ваша преступная деятельность.

ШАРАНГОВИЧ. Я повторяю: были и мои указания и другие.

[Потом] *Наряду с этим, мы проводили* организацию[я] совхозов *в республике* [проводилась] за счет земель колхозников и единоличников.

ВЫШИНСКИЙ. С нарушением [их] интересов [?] *колхозников и единоличников?*

ШАРАНГОВИЧ. Конечно, да.

ВЫШИНСКИЙ. В каких целях?

ШАРАНГОВИЧ. Во вредительских целях, преступных целях, создания недовольства.

ВЫШИНСКИЙ. Провокационных целях?

ШАРАНГОВИЧ. Позднее несколько по линии сельского хозяйства была проведена *наша* вредительская работа [относительно] *в области* наделения колхозников приусадебными участками.

Я должен [несколько] особо остановиться на вопросе относительно единоличников, потому что это связано с планами нашей национал-фашистской организации. В Белоруссии *к этому периоду* еще насчитывалось около 100.000 единоличников. *Нам* [Б]*ы*ла дана такая установка, что раз единоличник[ов] не идет в колхоз, то он является врагом советской власти. Это было *нами* сделано [для] *в* провокационных *целях* [, потому что многим были применены такие налоговые мероприятия, которые] *к* единоличник*ам,* [ов фактически полностью разоряли, а этим, значит, создавали среди единоличников недовольства,] *сопротивляющимся коллективизации. Мы, исходя из своих провокационных установок, применяли также налоговые мероприятия, которые создавали среди единоличников недовольство и* повстанческие настроения.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не припоминаете лепельского дела?

ШАРАНГОВИЧ. Я это все и связываю с лепельским делом. [Это факт, о котором я говорю.] Лепельское дело, если можно так выразиться, было просто эпизодом *в цепи нашей подрывной работы.*

ВЫШИНСКИЙ. Значит, лепельское дело это был результат вашей нарочито преступной, провокационной деятельности?

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. В чем это выразилось конкретно?

ШАРАНГОВИЧ. В лепельском деле [это конкретно] *вредительство* выразилось в том, что там [также] *нажим на* единоличник*ов*[и] был[и] *особенно*

силен. [разорены совершенно, и когда проводилась перепись, то среди них было большое недовольство. Некоторые из них отказывались заполнять анкетные листы переписи. Недовольство это было создано провокационной организацией. На самом деле п] *П*отом *ЦК ВКП(б) принял соответствующие меры* [, когда с этими единоличниками поговорили и приняли соответствующие меры] *для* исправления того, что было *нами* проделано, то положение изменилось. Настроение у единоличников [вообще было хорошее, и к советской власти они относились хорошо], *у той части, которая была спровоцирована, резко улучшилось.* Но я повторяю, что лепельское дело было одним из эпизодов, потому что подобные факты более резко проявлялись в других районах.

ВЫШИНСКИЙ. И все это было под вашим непосредственным указанием?

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

Дальше, [в области] *по* сельско*му*[го] хозяйству[а] я хочу сказать относительно *нашей* диверсии [по коню.] *в области коневодства.* [Это относится к] *В* 1936 г. *в Белоруссии* [здесь] была *нами* [распространена] широко *распространена* анемия. Это проводилось *нами* с целью, т.к. конь в Белоруссии играет огромное оборонное значение, *мы стремились* [с целью] подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной. [Благодаря] *Вследствие* этой меры, пало, — насколько я помню сейчас — около 30 тысяч лошадей. Я должен сказать, что эту меру относительно лошадей мы провели не только по своей инициативе.

ВЫШИНСКИЙ. А еще по чьей?

ШАРАНГОВИЧ. Мы имели прямую установку из московского центра правых. Дальше в области сельского хозяйства была *нами* проведена вредительская работа, [заключающаяся в большом завышении урожайности, причем это было проведено, главным образом, по пограничным районам, с той целью, чтобы экономические показатели этих] *следствием которой в* пограничных район*ах*[ов были] *экономические показатели были* худшие, чем в тыловых районах. Вот, собственно, основное.

ВЫШИНСКИЙ. А в области промышленности?

ШАРАНГОВИЧ. В области промышленности вредительство заключалось [и, главным образом, базировалось] на таких объектах, как торф. Торф как топливная база для энергетики Белоруссии имеет очень большое значение, и поэтому подрыв этой топливной базы [создавал соответствующий подрыв в работе] *вел к подрыву* всех отраслей промышленности. [и в выполнении промфиплана.]

Энергетика. Здесь, главным образом, внимание концентрировалось в отношении Белгрэс, [а] который снабжает промышленность Витебска, Орши, Могилева. Здесь [и] топливо не подвозилось своевременно. [и включение, в смысле снабжения энергетикой этих заводов. Здесь вредительство заключалось в т] *Т*орм*озилось*[жение] строительство,[а объектов. К] *к*онкретно я беру Кричевский цементный завод, Оршанский льнокомбинат, Могилевский труболитейный завод...

ВЫШИНСКИЙ. И т.д.

ШАРАНГОВИЧ. Да. И целый ряд еще вредительств, которые шли по линии промышленности. Дальше, говоря о вредительстве, я должен остановиться на культурном фронте, потому что наша национал-фашистская организация [этому участку] придавала *этому участку* особое значение в условиях национальной республики. [и потому что н] *Н*а этом участке работало значительное количество участников нашей национал-фашистской органи-

зации и, кроме того, там было достаточное количество таких людей, если не участников, то таких, которых и привлекать было легче и через которых легче было эту работу проводить. Это [делалось] *вредительство проводилось* в целях компрометации национальной политики [, проводимой] партии[ей] и советской власти.[ью.] Здесь вредительство шло и по линии школ и по линии [— если нужно, я могу подробнее это изложить, — и по линии] писательских организаций и театра.

ВЫШИНСКИЙ. Словом, по всем линиям культурного фронта, где только можно было вредить.

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, подытоживая вашу преступную вредительскую деятельность, можно сказать, что ни одна отрасль социалистического строительства не осталась [вне поля зрения,] вне нашей вредительской деятельности.

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. В сельском хозяйстве борьба против коллективизации, беззакония в отношении единоличников с провокационной целью вызвать недовольство среди населения, запутывание посевных площадей в тех же целях...

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Срыв совхозного строительства за счет совершенно нерациональных, бесхозяйственных и беззаконных мероприятий, направленных и против совхозов и против единоличников.

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Срыв хлебозаготовок всякого рода опять-таки незаконными мероприятиями.

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Целая система таких мероприятий. Затем истребление скотопоголовья, так что ли?

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Сознательное заражение скота чумой, эпизоотия чумы, удар по коню.

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Удар по коню с целью развалить и сельское хозяйство и подорвать обороноспособность страны.

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Наконец, торфяная промышленность, срываете развитие энергетики и энергетического хозяйства.

ШАРАНГОВИЧ. Правильно. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Весь культурный фронт, как могли и где могли, сея национальную рознь, разжигая шовинистические настроения и срывая, таким образом, осуществление, проведение в жизнь ленинско-сталинской национальной политики.

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. И это все делалось вами как руководителем организации по прямым указаниям центра правых как части блока и польской разведки...

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. ...агентом которой вы были с 1920 г.

ШАРАНГОВИЧ. С 1921 г.

ВЫШИНСКИЙ. В материалах следствия есть данные, что с 1920 г., но это не играет большой роли. Вы, следовательно, появились в СССР уже в качестве польского шпиона?

ШАРАНГОВИЧ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И этим польским шпионом продолжали оставаться долгие годы.

ШАРАНГОВИЧ. До дня ареста.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, 1922, 1923, 1924, 1925 гг., словом, все года, 16—17 лет.

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно. Были перерывы, но это не меняет положения.

ВЫШИНСКИЙ. Перерывы независящие от вас, случайные.

ШАРАНГОВИЧ. Конечно. Можно продолжать?

Теперь эта роль относительно террора. Мы имели установку относительно террора.

ВЫШИНСКИЙ. От кого?

ШАРАНГОВИЧ. От Московского центра правых.

ВЫШИНСКИЙ. Непосредственно от кого?

ШАРАНГОВИЧ. От Рыкова.

ВЫШИНСКИЙ. Непосредственно или через кого-нибудь?

ШАРАНГОВИЧ. Я знал от Голодеда, Антипова, Червякова.

ВЫШИНСКИЙ. Лично с Рыковым не приходилось встречаться?

ШАРАНГОВИЧ. Нет. Мы, в том числе и я, в 1932 г. приняли эту террористическую установку.

ВЫШИНСКИЙ. Вообще, вы как, теорией интересовались или больше практикой?

ШАРАНГОВИЧ. Я думаю, что для такой преступной работы, которую я проводил...

ВЫШИНСКИЙ. И в вашем положении шпиона польской разведки.

ШАРАНГОВИЧ. Да, в моей организации, которую я возглавлял, вообще никакой теории не нужно. Какая теория нужна для таких головорезов, простите, как мы. [(В зале смех).][1] Подумаешь, большая теория нужна для того, чтобы...

ВЫШИНСКИЙ. Выполнять задания какой-нибудь разведки. Я это напоминаю вам для того, чтобы вы не ударились в область теории, с чего вы начали. Давайте ближе к практике.

ШАРАНГОВИЧ. [Так вот, мы эти установки принимали и проводили,] *Далее, мы приняли и проводили как практическую задачу террор. Мы* создавали террористические группы, подготовляли террористические акты, в первую очередь, *подготовляли* террористический акт в 1936 г. [на] *против* Ворошилова, когда он приезжал в Белоруссию на маневры. Тогда были *нами* созданы две террористические группы, но этого *террористического* акта не удалось совершить. Кроме этого подготовляли террористические акты и против других руководителей партии и советского правительства. *Наряду с этим* [З]здесь в Москве *нами* была *создана* группа, которая [была] *находилась в* связи[ана с белорусской национал-фашистской организацией, которая была связана, по-видимому, и здесь в Москве с другими группами] *и существовала на случай необходимости проведения терактов в Москве.*

ВЫШИНСКИЙ. С вами была связана?

ШАРАНГОВИЧ. Непосредственно?

ВЫШИНСКИЙ. Как с руководителем организации?

ШАРАНГОВИЧ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Откуда же вам известно, что такая группа в Москве была?

ШАРАНГОВИЧ. Мне известно об этом было от Голодеда и Волковича.

---

[1] Зачеркнуто (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Ну, одним из руководителей этой организации были вы?
ШАРАНГОВИЧ. В тот период...
ВЫШИНСКИЙ. Эта группа существовала в тот период, когда вы были одним из руководителей национал-фашистской группы в Белоруссии.
ШАРАНГОВИЧ. Я тогда в центр непосредственно не входил.
ВЫШИНСКИЙ. Входили или не входили, я не об этом спрашиваю. Арестованы вы в какой должности?
ШАРАНГОВИЧ. В должности первого секретаря.
ВЫШИНСКИЙ. Вы были одним из руководителей фашистской группы в Белоруссии, которая являлась частью право-троцкистского антисоветского блока?
ШАРАНГОВИЧ. Когда в 1936 г. подготавливался этот террористический акт, я там не был.
ВЫШИНСКИЙ. А когда вы там были?
ШАРАНГОВИЧ. В Белоруссию я приехал в марте месяце 1937 г.
ВЫШИНСКИЙ. Значит, в 1937 г. вы были в Белоруссии?
ШАРАНГОВИЧ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. И руководили этой подпольной антисоветской провокаторской работой?
ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.
ВЫШИНСКИЙ. И эта группа существовала до последнего момента?
ШАРАНГОВИЧ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. И вы знали об этом от Голодеда и Волковича?
ШАРАНГОВИЧ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Как соучастник?
ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.
ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, эта группа действовала с вашего ведома?
ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.
ВЫШИНСКИЙ. А т.к. вы были руководителем, то, можно сказать, что и под вашим руководством?
ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.
ВЫШИНСКИЙ. Вот об этом я и говорю. Продолжайте.
ШАРАНГОВИЧ. Кроме этих двух террористических актов, о которых я говорил, была в этой области развернута большая работа и создан целый ряд террористических групп.
ВЫШИНСКИЙ. [Значит, п] *П*одытожи*м*[вая, можно сказать о ваших преступлениях] кратко, [вашими словами,] что в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу. [, беря всю совокупность ваших преступлений в краткой форме.]
ШАРАНГОВИЧ. Во-первых, что я изменник родины.
ВЫШИНСКИЙ. Старый польский шпион.
ШАРАНГОВИЧ. [В связи с этим, конечно] Во-вторых, [что] я заговорщик.
ВЫШИНСКИЙ. Заговорщик.
ШАРАНГОВИЧ. В-третьих, что я непосредственно проводил вредительство.
ВЫШИНСКИЙ. Нет. В третьих, [что] вы непосредственно один из главных руководителей национал-фашистской группы в Белоруссии и один из активных участников право-троцкистского антисоветского блока.
ШАРАНГОВИЧ. [Совершенно п] *П*равильно. [Я думаю, что это само собой понятно.]
ВЫШИНСКИЙ. А мы формулируем теперь итоги.

ШАРАНГОВИЧ. Потом, что я лично проводил [то] вредительство. [, о котором я говорил.]

ВЫШИНСКИЙ. Диверсии.

ШАРАНГОВИЧ. [Совершенно п] *П*равильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Организатор террористических актов против руководителей партии и правительства.

ШАРАНГОВИЧ. [Совершенно в] *В*ерно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* И все это совершал в целях...

ШАРАНГОВИЧ. Я все это совершал в целях свержения советской власти, в целях победы фашизма, в целях [, так сказать,] поражения Советского Союза, в случае войны с фашистскими государствами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Идя на расчленение СССР, отделения Белоруссии, превращения ее...

ШАРАНГОВИЧ. Превращения ее в [буржуазное] *капиталистическое* государство под ярмом польских помещиков и капиталистов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* В этом вы себя признаете полностью виновным?

ШАРАНГОВИЧ. Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Вопросов у мне больше нет. Садитесь.

Переходим к допросу подсудимого Ходжаева. Показания, которые вы давали о вашей антисоветской деятельности в течение многих лет, вы подтверждаете?

ХОДЖАЕВ. Подтверждаю. В Узбекистане я проводил антисоветскую деятельность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Т. Вышинский у вас есть вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, *подсудимый Ходжаев,* в чем вы себя признаете виновным?

ХОДЖАЕВ. Я уже на предварительном следствии дал искреннее и честное признание в совершенных мною преступлениях и, не скрывая ничего, намерен перед судом сказать, хотя бы вкратце, основные вехи этих преступлений, которые мною совершены. Мое преступление против революции, против рабоче-крестьянского государства, против партии начинается с 1920 г. В 1920 г. я был поставлен во главе нового Советского государства, — я говорю о Бухарской [советской] народной республике, во главе высшей ее исполнительной власти[97]. Вот в этот период моей работы я примкнул к буржуазно-националистической организации — «Милли [иктифак] *Иттихад*».

ВЫШИНСКИЙ. Что это значит?

ХОДЖАЕВ. Это значит «национальный союз», который ставил перед собой задачу превратить Бухарскую [советскую] *народную* республику в буржуазно-демократическую республику как буферное государство между Англией и Советской Россией[98]. Я вошел вот в эту буржуазно-националистическую организацию [,] и, как активный руководитель этой буржуазно-националистической организации, участвовал, руководил ее контрреволюционной, антисоветской работой. Это [вот] первый этап.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжается этот этап до которого года?

ХОДЖАЕВ. Если разрешите, я потом перейду к этому вопросу.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста.

ХОДЖАЕВ. Я хочу сказать о моих преступлениях.

ВЫШИНСКИЙ. По существу.

ХОДЖАЕВ. По существу.

ВЫШИНСКИЙ. Но, если вам не трудно, говорите и годы. С 1920 г. по...

ХОДЖАЕВ. Формально для меня до 1921 г., но, по существу, он продолжался и дальше. В 1925 г. я был назначен председателем Совнаркома Узбекистана. [И вот, н] *Н*ачиная с 1928 г. [, опять-таки формально, потому что это существа дела не касается, в 1928 г.] я сблизился с националистическим кругом бывшей Туркестанской республики, [перешедшей в новую Узбекскую республику. И] *а в последующее время, в Узбекистане*, в лице одного из руководителей компартии Узбекистана, в лице Икрамова, я нашел себе союзника, и вместе с ним мы составили то ядро, которое вело в Узбекистане националистическую, антисоветскую работу.

Таким образом, это — второй этап моей активной антисоветской националистической работы.

Наконец, третий этап — 1930 г., когда я в один из своих приездов в Москву, после деловой встречи с [Алексеем Ивановичем] Рыковым в Совнаркоме Союза, беседуя[ю] на различные темы, договорился с ним [в результате этой беседы] о нашей совместной *антисоветской* работе.

ВЫШИНСКИЙ. О какой работе?

ХОДЖАЕВ. Об антисоветской.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

ХОДЖАЕВ. То есть о совместной работе узбекской националистической организации под руководством правых против руководства партии, против Советского государства. [А.И.] Рыков тогда еще мне говорил о том, что в этом случае — в случае нашей совместной работы — центр правых гарантирует независимость Узбекской Республики...

ВЫШИНСКИЙ. Что это значит — независимость Узбекской Республики?

ХОДЖАЕВ. В данном случае эту независимость от Советского Союза надо рассматривать как зависимость от какой-то другой — капиталистической — страны. [Так я это объяснял.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы так понимали Рыкова?

ХОДЖАЕВ. Да, я так и понимал.

ВЫШИНСКИЙ. А чем он мотивировал это?

ХОДЖАЕВ. Мотивировка была одна — что и правые и мы, националисты, боролись против руководства партии, против советского правительства. Для того, чтобы правые достигли своих целей, для того, чтобы мы достигли своих целей, мы должны были сломать это руководство. В этих целях мы заключили союз. Значит, цель оставалась одна — свернуть советское правительство, свергнуть руководство ЦК ВКП(б).

ВЫШИНСКИЙ. Ослабить СССР?

ХОДЖАЕВ. Ослабить СССР, безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. А для чего ослабить СССР?

ХОДЖАЕВ. Для того, чтобы к этому перейти, разрешите мне более систематично изложить.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо, только я вас прошу постараться мне ответить на этот вопрос.

ХОДЖАЕВ. [Обязательно отвечу. Я начну с бухарского периода.] Я коротко хочу остановиться на [этом] *бухарском периоде*, чтобы было понятно, каким образом я пришел к сегодняшнему моему положению.

[Должен сказать, что в] *В* заговорщическую организацию бухарских националистов после революции 1920 г. я пришел не случайно, потому что я был воспитан как националист, и то небольшое, кратковременное участие мое в революционном движении, в революции, эмиграция в Советскую Россию[99], благодаря которому, как я думал, я изжил свой национализм, — этого оказалось недостаточно, и хотя мне казалось, что я изжил национа-

лизм — в самом деле это оказалось неправильным. И вот, будучи уже членом партии, [не изжив этот национализм, оказавшись во главе независимого в известном смысле государства, под влиянием обстановки, среды,] я тогда вошел в [эту] буржуазную националистическую организацию.

[Надо вам сказать, что б] *Б*ольшинство [всей] буржуазно-националистической организации Бухары ориентировалось тогда на Англию. [, как на такую страну, опираясь на которую, якобы возможно обеспечить независимость.] Разумеется, эти националистические круги и тогда совершенно ясно представляли себе, что независимость от Советской России, опора на Англию не могут обойтись так просто, *и* не ради прекрасных глаз будет Англия оказывать содействие. Они и тогда считали возможным принять протекторат Англии и под этим протекторатом отделиться окончательно от Советской России. Вот в целях осуществления этой задачи, мы тогда проводили целый ряд действий. [Это заключалось в захвате советского и партийного руководства.] Мы систематически вытесняли из советского и партийного аппарата действительных членов партии, настоящих советских людей и занимали эти посты своими людьми. Мы готовили кадры для того, чтобы по настоящему занимать руководящие посты в советском аппарате, по-настоящему руководить государством. [Мы эти] *Свои* кадры *для этого мы* формировали, главным образом, из буржуазной молодежи и обучали их не в советских школах, а посылали преимущественно за границу — в Германию, в Турцию. Мы вместе с тем вели очень большую работу по организации вооруженных сил, т.к. мы не имели большого влияния в армии. [, т.к. своих специалистов у нас еще тогда не было. Мы н] *Н*аши вооруженные силы формировали, главным образом, в виде милиции. Мы пытались использовать басмачество, которое к этому времени уже появляется в пределах Бухары[100], [а другие круги, более агрессивно настроенные против Советской России] *мы* пытались создавать новые кадры басмачества.

Вот сущность той работ, которую мы проводили внутри Бухары.

Я уже говорил о внешнеполитической ориентации, которая заключалась в том, чтобы ослаблять всемерно влияние Советской России на Бухару и усиливать связи и взаимоотношения с сопредельными капиталистическими государствами, а через них связаться по-настоящему с Англией, которая в те времена была наиболее яркой противницей Советской России. Я имею в виду 1920—1921 гг.

Между прочим, это мое антисоветское настроение выразилось еще в том, что когда в 1923 г. был поставлен вопрос об экономическом объединении Туркестана, Бухары и Хорезма в целях координации действий, я был ярким противником этого экономического объединения, считая, что это экономическое объединение есть пред*д*верие к еще большему усилению влияния Советской России и советизации Бухары.

Дальше, когда в 1924—1925 гг. был поставлен вопрос о национально-территориальном размежевании советских республик Средней Азии, я был против этого размежевания, но в историю мое имя вошло как сторонника этого национального размежевания, ибо я говорил об этом, агитировал за это. Но это случилось вот почему, ведь, собственно говоря, бухарского народа как такового не было, *было бухарское государство, там жили узбеки, туркмены, таджики и ряд других народностей.*[1] В результате роста национального самосознания этих народов возник вопрос об их государственном оформлении, они хотели жить самостоятельно. Ленинско-сталинская поли-

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (простой карандаш).

тика не ставила этому никаких преград. Отсюда возникал вопрос национального размежевания. [Бы] *Быть* открыто против размежевания означало ставить тогда себя открытым врагом, на что я не мог идти. Я располагал, законспирировавшись, продолжать борьбу. Может быть, с успехами, это убеждение у меня было.

Вот почему [, когда стали создавать это Бухарское государство,] я под маркой сторонника национального размежевания [, один из инициаторов этого дела] оказался во главе Узбекского советского государства. [, т.к. большая часть этого Бухарского государства объединилась с большей частью бывшей Узбекской и Хорезмской республики и стала Узбекским советским государством в составе Союза.][101]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, сманеврировали?

ХОДЖАЕВ. Сманеврировал, двурушничал.

Конечно, в 1925—1926—1927 гг. я, конечно, не мог еще вести антисоветскую работу в Узбекистане, хотя я оставался националистом, буржуазным националистом. Не мог только потому, что у меня не было части своих кадров. Часть я растерял в Бухаре в период этой борьбы, часть вообще отошла, а в Узбекистане новых людей я еще не имел. Поэтому для меня эти два-три года прошли как годы подготовки.

ВЫШИНСКИЙ. К чему?

ХОДЖАЕВ. Подготовки к формированию буржуазно-национальных сил для борьбы, для продолжения той борьбы, которую я вел еще с 1920 г., когда был в Бухаре.

ВЫШИНСКИЙ. Против?

ХОДЖАЕВ. Против советской власти.

[И вот, в] *В* узбекской парторганизации известна «группа 18-ти». [Эта группа][1] возникла в 1918 г. Организатором этой группы был я. [Я сейчас не буду входить в подробности, я думаю, суд это не интересует, как возникла эта группа, как она организована.] Когда проводилась земельная реформа в целях наделения землей бедняцких слоев населения Узбекистана, в этот период значительно оживилась кулацко-байская верхушка. Кроме того, часть ответственных работников Узбекистана была недовольна этой реформой. Я использовал это недовольство и начал формировать группу узбекских националистов.

Если взять группу «18» как известный этап к переходу к активной националистической работе моей — она объясняется вот таким образом.

ВЫШИНСКИЙ. Это какой год?

ХОДЖАЕВ. Это, примерно, середина 1925 г. [, точно я месяца не помню.] Эта группа «18» решила провести известное давление на партию. Исходила она из того, что крупных работников не так то уже много в Узбекистане. Если эти 18 человек, наиболее видны*е*[х] люд*и*[ей], в виде протеста подадут в отставку, то этого достаточно будет для того, чтобы партия пошла на известные уступки байству и кулачеству, [и] этим путем *хотели* захватить [и руководство] партийное *руководство* в Узбекистане. [, с тем, чтобы после уже можно было развернуть большую работу.] Мы рассчитывали в этом своем маневре тогда на одного из руководителей компартии Узбекистана Икрамова; рассчитывали, зная, что он в период 1918—1920 гг., будучи еще молодым человеком, участвовал в буржуазно-националистических организациях Туркестана. Это знал я, знал ряд других участников и в группе «18»[102].

ВЫШИНСКИЙ. В каких организациях?

---

[1] Фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией.

ХОДЖАЕВ. Это была пантюркистская организация, которой руководил Рыскулов.

ВЫШИНСКИЙ. Когда?

ХОДЖАЕВ. Это было в 1918—1919 гг.

ВЫШИНСКИЙ. Под каким названием?

ХОДЖАЕВ. «Иттихад-Быхерты». (?) Это означает «Единение и прогресс». Это по типу младотюркской партии «Единение и прогресс»[103].

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

ХОДЖАЕВ. Мне было известно, что Икрамов принадлежал к этой группировке, но почему-то Икрамов с нами не объединился, а мы с ним не вели никаких непосредственных переговоров. Мы оказались битыми на съезде. После этого опять мы решили законспирироваться, подали заявление, что мы ошибались, неправильно поступали, что мы согласны проводить линию партии.

ВЫШИНСКИЙ. Второй раз сманеврировали?

ХОДЖАЕВ. Второй раз сдвурушничал. [Однако м] *М*ежду 1925—1928 гг. [за эти три года с двух концов происходило сближение] *у меня происходило сближение с Икрамовым* на почве практической работы. Икрамов работал в ЦК, я — в Совнаркоме. Я то знал, что я — руководитель националистической группы.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали?

ХОДЖАЕВ. Я знал, что я сам руководитель националистической группы, а что Икрамов принадлежал к той же буржуазно-националистической группе и о том, что у Икрамова есть своя националистическая группа, — этого еще не знал. [В 1928 г. э] Это сближение [с обоих концов] привело к тому, что я узнал, что у Икрамова есть своя националистическая группа, которая называется «Милли[-Истыклял] *Истиклял*», что значит «Национальная независимость». Мы с ним не то что объединились, но начали контактировать нашу работу. Если говорить о нашей антисоветской работе конкретно в этот период...

ВЫШИНСКИЙ. Это было когда?

ХОДЖАЕВ. Это было в середине 1928 г. или в начале 1928 г. Точно сказать очень трудно. Много времени прошло с тех пор.

ВЫШИНСКИЙ. Вы с Икрамовым контактировали работу?

ХОДЖАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. (К Председателю). Позвольте вопрос Икрамову. Подсудимый Икрамов, вы слышали эти показания Ходжаева?

ИКРАМОВ. Да, мы слышали.

ВЫШИНСКИЙ. Вы согласны с его показаниями?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Икрамов,* [В] *в*ы были членом подпольной националистической организации в 1928 г.?

ИКРАМОВ. Да. [,с 1928 г.]

ВЫШИНСКИЙ. Эта организация назывались «Милли Истиклял».

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в этой части показания Ходжаева правильны?

ИКРАМОВ. Правильны.

ВЫШИНСКИЙ. [Он] *Ходжаев* был членом подпольной националистической фашистской организации «Милли Истиклял»?

ИКРАМОВ. Нет, Файзулла Ходжаев не был. [, а я был.] У Ходажева была своя организация.

ХОДЖАЕВ. Я так и говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Ходжаев был в своей организации, а вы в своей. Обе организации *буржуазно*-националистические, *фашистского типа.*

[ВЫШИНСКИЙ. Оба были в буржуазно-националистической организации фашистского типа.]

ИКРАМОВ. Правильно. Но что контакт *сами* установили — это неправильно.

[ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста, скажите.]

[ИКРАМОВ.] Контакт установлен под нажимом правого центра.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

ИКРАМОВ. *Под нажимом* Бухарина и *под непосредственным руководством* Антипова [, что разрозненно нельзя. Нажим был особенно на меня, я был наступательной силой. Под нажимом Бухарина и под непосредственным руководством Антипова] сконтактировали работу двух националистических организаций.

ВЫШИНСКИЙ. В чем же у вас разногласия с Ходжаевым [сейчас]?

ИКРАМОВ. Я говорю, что не в 1928 г., а в 1933 г. под нажимом Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1928 г. не контактировали?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Действовали порознь? Обвиняемый Ходжаев, в чем тут дело?

ХОДЖАЕВ. Я с Икрамовым по этому вопросу не говорил перед тем, как давать свои объяснения суду, и не понимаю, из каких мотивов исходит обвиняемый Икрамов, когда он, признавая принадлежность к буржуазно-националистической организации, отодвигает срок нашей совместной работы. Мне кажется, Икрамову хочется от кое-каких фактов [, о которых я скажу, еще до появления правых,] отмахнуться. Может быть, я ошибаюсь, это мое предположение, но разрешите мне огласить пару фактов.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста.

ХОДЖАЕВ. До того периода, как мы пошли на союз с правыми, мы с Икрамовым, главным образом, (я других людей сейчас не называю, поскольку они на суде не участвуют) были руководителями, по существу говоря, широкой антисоветской работы. В чем она заключалась? Во-первых, [эта работа заключалась] в том, что мы поставили перед собой задачу захвата [нашими людьми,] нашими националистическими кадрами целого ряд советских организаций в Узбекистане, таки*х*[е] орган*ов,*[ы,] как Наркомпрос, чтобы школы иметь в своих руках, университет иметь в своих руках, печать, плановые организации, Наркомзем и т.д. Я должен сказать, что эту задачу мы осуществили.

ВЫШИНСКИЙ. Кто мы?

ХОДЖАЕВ. Я и Икрамов. В нашем лице были две националистические организации, о которых я говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Икрамов, в этой части вы согласны с показаниями обвиняемого Ходжаева?

ИКРАМОВ. Согласен.

ВЫШИНСКИЙ. Захват руководящих должностей в ряде организаций.

ИКРАМОВ. Да. Я показания дам более широкие.

ВЫШИНСКИЙ. Вы тогда делали по своей линии?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Контактировали с Ходжаевым?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Ваши помощники, может быть, разговаривали?

ИКРАМОВ. Возможно.

ВЫШИНСКИЙ. Во всяком случае, тот факт, который приводит обвиняемый Ходжаев, свидетельствующий об определенной вашей преступной политической линии, он верен?

ИКРАМОВ. Верен.

ВЫШИНСКИЙ. [Откуда обвиняемому] *Подсудимый* Ходжаев[у], *откуда вам* известно, что [ваша] организация *Икрамова* тоже действовала?

ИКРАМОВ. Пусть он скажет.

ХОДЖАЕВ. [Это было таким образом.] Я в предварительных показаниях указывал конкретные факты. В 1928 г. от имени Икрамова ко мне явился некий Бурнашев, ближайший помощник Икрамова.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Икрамов, был у вас такой помощник по вашей заговорщической организации Бурнашев?

ИКРАМОВ. Бурнашев членом националистической организации не был.

ВЫШИНСКИЙ. А кем он был?

ИКРАМОВ. Он был во внутрипартийной группе. Он пошел разговаривать с Файзуллой.

ВЫШИНСКИЙ. Виноват, не совсем ясно. Вы знаете Бурнашева?

ИКРАМОВ. Знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Он был вашим помощником по подпольной работе?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Он знал о подпольной работе?

ИКРАМОВ. Как националистической организации, — не знал.

ВЫШИНСКИЙ. А как знал?

ИКРАМОВ. Он принадлежал к внутрипартийной группе Икрамова.

ВЫШИНСКИЙ. Какая такая группа?

ИКРАМОВ. Легальная.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году это было?

ИКРАМОВ. В 1928 г.

ВЫШИНСКИЙ. Так что это за группа?

*ИКРАМОВ. Эта группа существовала в легальном порядке в 1927—1928 гг. На каждом пленуме ЦК Файзуллу и его группу били. Он, говорят, своих людей, бухаринскую группу[I], растерял, а мы его растеряли, т.е. разбили.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ИКРАМОВ. У нас был дуализм.*[II] Мы боролись один из партийной позиции, другой...

ВЫШИНСКИЙ. На националистической?

ИКРАМОВ. На националистической.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы были руководителем этой организации.

ИКРАМОВ. Руководителем организации я не был, был членом организации.

ВЫШИНСКИЙ. Активным членом?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Пассивным?

ИКРАМОВ. Пассивным. Тогда во время дуализма и с точки зрения конспирации я два раза разговаривал.

ВЫШИНСКИЙ. Но Бурнашев знал, что у вас дуализм?

ИКРАМОВ. Наверное, знал, или подозревал.

ВЫШИНСКИЙ. Возможно, конечно, что Бурнашев что-то предполагал и на этих предположениях основывал свои переговоры с Ходжаевым. Мне важно знать: то, что говорит Ходжаев, соответствует действительности?

[I] Подчеркнуто (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ИКРАМОВ. Бурнашев без моего согласия пошел разговаривать с Файзуллой.

ВЫШИНСКИЙ. Такой факт был?

ИКРАМОВ. Был.

ВЫШИНСКИЙ. О чем они говорили?

ИКРАМОВ. Он пришел и сказал...

ВЫШИНСКИЙ. О чем они говорили?

ИКРАМОВ. О чем они говорили, я не знаю, а что он мне передавал, я могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Что он вам передавал?

ИКРАМОВ. Что Файзулла полностью разоружается и хочет подчиниться во всех отношениях тебе, Икрамову.

ВЫШИНСКИЙ. Для чего это?

ИКРАМОВ. Чтобы прекратить борьбу. Я сказал Бурнашеву, я тебя не уполномочивал и тебе незачем вмешиваться.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ИКРАМОВ. Потому что тогда недобиты были кадры Файзуллы Ходжаева.

ВЫШИНСКИЙ. Это ваша внутренняя политика, мы в ней разберемся еще. Факт тот, что Бурнашев ваш человек?

ИКРАМОВ. Мой человек.

ВЫШИНСКИЙ. У вас были свои люди, у Ходжаева свои люди, и тот и другой были членами националистической организации?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И этот человек пошел разговаривать к чужому хозяину Ходжаеву?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И вы были недовольны?

ИКРАМОВ. Был недоволен.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Икрамов,* [Т]*то*, что Ходжаев говорит, что к нему приходил Бурнашев от вашего имени говорить, — это факт?

ИКРАМОВ. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Об этом я и хочу знать. Садитесь.

ХОДЖАЕВ. Если суд разрешит, в связи с этим заявлением я хотел бы привести два факта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ХОДЖАЕВ. Мне опять непонятна такая позиция Икрамова. Это его дело, конечно. Он говорит, что Бурнашев вел со мной разговор, а он не знал, он ссылается на борьбу со мной. Борьба действительно была.

ВЫШИНСКИЙ. За что?

ХОДЖАЕВ. Я возглавлял группу «18». Партия меня била. Икрамов двурушничал. Он стоял во главе партии, меня бил, я ничего не мог сделать.

ВЫШИНСКИЙ. А сам Икрамов в это время был...

ХОДЖАЕВ. А сам в это время был националистом. Вот такого рода была борьба.

Я не отрицаю. Я в своих показаниях это указывал.

ВЫШИНСКИЙ. Один вопрос к Икрамову. Это правильно, что вы в это время двурушничали?

ИКРАМОВ. В 1921—1922 гг.?

ВЫШИНСКИЙ. Нет, в 1928 г.?

ИКРАМОВ. Я двурушничал в 1928 г.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

ХОДЖАЕВ. [Вот этот факт заключается в том, что — не помню в] *В* конце 1929 или начале 1930 г. были арестованы два ближайших друга Икрамова *и участники организации* — Рамзи[н] и Бату.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

ХОДЖАЕВ. В начале 1930 г. *или* в конце 1929 г. Они были арестованы за контрреволюционную антисоветскую деятельность.

ВЫШИНСКИЙ. Кем они были?

ХОДЖАЕВ. Один работал в Наркомпросе, другой — не помню — кажется, вторым секретарем.

ВЫШИНСКИЙ. Мы спросим Икрамова. Рамзи и Бату кем они были тогда?

ИКРАМОВ. Рамзи был [председателем] *руководителем* Научно-исследовательского института, а Бату — в Наркомпросе был главным по культурным делам.

ВЫШИНСКИЙ. За что они были арестованы?

ИКРАМОВ. За участие в националистической контрреволюционной организации.

ВЫШИНСКИЙ. Под вашим руководством?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Кто тогда был руководителем?

ИКРАМОВ. Тогда формально руководителем был Каримов. Я два раза говорил только с этими людьми.

ВЫШИНСКИЙ. Можно один раз поговорить, но очень существенно. Это были ваши люди?

ИКРАМОВ. Нет.

ХОДЖАЕВ. И вот, когда произошел арест этих людей, — мне трудно сейчас говорить, потому что у меня свидетелей нет.

ВЫШИНСКИЙ. Свидетель Икрамов.

ХОДЖАЕВ. Икрамов будет отрицать. Я прошу мне верить, конечно, мне верить тоже нельзя, потому что я фигурирую в такой обстановке. [Но дело в том, что п] *П*ервый, к кому обратился Икрамов по поводу ареста этих лиц, был я.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ХОДЖАЕВ. Потому что он струсил, [потому что] он думал, что дело касается его. Он знал, что я знаю это дело, он вызвал меня по телефону, пригласил к себе домой, у Икрамова мы советовались как быть и решили не вмешиваться в дело Рамзи и Бату, чтобы это дело не коснулось, с одной стороны, Икрамова, с другой стороны, меня. Я так же, как и Икрамов, в силу солидарности с ним, вел борьбу с тогдашним руководством ЦК Узбекистана, который хотел, в связи с делом Рамзи и Бату, разоблачить националистов. Я вел вместе с Икрамовым борьбу в связи с процессом над этими работниками, которые вели борьбу против партийного руководства и против тогдашнего Средазбюро.

ВЫШИНСКИЙ. Это процесс Касымова?

ХОДЖАЕВ. В связи с процессом Касымова, дела националистов могли раскрыть, и мы приняли меры с Икрамовым, чтобы не раскрыли. Правда, я с Касымовым дела не имел, но поскольку Икрамов стремился это дело заглушить и Икрамов является моим союзником, я всячески поддерживал его линию. Не знаю, почему это он вычеркивает и делает связь со мной с 1933 г. Я не возражаю, но я говорю это для того, чтобы суд, по крайней мере, знал с моих слов, что мне известно. Кому суд поверит, это другое дело, но я со своей стороны говорю все, что я знаю.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопрос к Икрамову. Насчет ареста Рамзи и Бату, вы звонили Ходжаеву?

ИКРАМОВ. Я хочу выяснить, в каком городе это было.

ХОДЖАЕВ. В Самарканде.

ИКРАМОВ. Если в Самарканде, то я в то время там не был, я был в Кисловодске.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, вы звонили Ходжаеву? Арестовали Рамзи где?

ИКРАМОВ. В Самарканде.

ВЫШИНСКИЙ. Вы где были?

ИКРАМОВ. В Самарканде.

ВЫШИНСКИЙ. Звонили Ходжаеву?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Ходжаев к вам приезжал?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он неправду говорит?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А вы хлопотали за освобождение Рамзи?

ИКРАМОВ. Я показания дал...

ВЫШИНСКИЙ. Об освобождении Рамзи вы хлопотали?

ИКРАМОВ. Хлопотал.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь. Обвиняемый Ходжаев, продолжайте.

ХОДЖАЕВ. Я перехожу к более существенной части моего показания, которая относится к периоду 1928 г., [.] *т.е. периоду составления первой пятилетки*[104].

ВЫШИНСКИЙ. Значит, здесь все-таки можно установить, что вы были главарем одной буржуазно-националистической организации в 1928 г. Икрамов был главарем другой националистической организации, по вашим словам, а по его словам — он был участником этой организации.

ХОДЖАЕВ. Мне нельзя вам задавать вопросы, а то бы я задал вам вопрос один...

ВЫШИНСКИЙ. Нет уж, вы лучше задайте вопрос Икрамову.

ХОДЖАЕВ. (Икрамову). Каримова ты считаешь руководителем этой организации? Но ведь Каримов по сравнению с тобой — щенок, он твой ученик, как же он мог руководить тобой?

ИКРАМОВ. Я руководство понимаю по усилению работы, какую я с 1931 г. вел...

ВЫШИНСКИЙ. Бывает повседневное руководство и бывает не повседневное.

ИКРАМОВ. За три года два раза разговаривали. Если сказать, идейное руководство...

ВЫШИНСКИЙ. У вас Каримов был членом организации?

ИКРАМОВ. Был.

ВЫШИНСКИЙ. Он вами руководил в это время как членом организации или вы им руководили?

ИКРАМОВ. Ни я им, ни он мною не руководил.

ВЫШИНСКИЙ. А кто руководил?

ИКРАМОВ. Я так дело понимаю...

ВЫШИНСКИЙ. Кто у вас был руководителем «Милли-Истиклял»?

ИКРАМОВ. Каримов.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, был руководителем Каримов?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были членом этой организации?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он вами руководил?

ИКРАМОВ. Нет, мне никакого поручения не давал.

ХОДЖАЕВ. [Что касается наиболее существенной части той работы, которую мы организовали, то, должен сказать, что это совпало с периодом составления первой пятилетки.] Я не знаю, известно ли суду, что у буржуазных националистов, особенно в Средней Азии, существовала такая теория — организовать замкнутое хозяйство, т.е. сделать так, чтобы хозяйство Республики развивалось независимо от других частей Союза, чтобы, по возможности, Республика жила бы без нужды в остальном Союзе, на случай каких-либо возможностей для активной непосредственной борьбы. И вот эту теорию мы претворили в жизнь, т.е. мы составили первую пятилетку, которая [не] шла в [соответствии] *разрез* с директивами Союзного правительства, [а шла в] *и* соответств*овала*[ии с этой общей] установк*е*[ой] националистов [в] *на* замкнуто*е*[м] хозяйство.[е.]

Мы планировали хозяйство таким образом, чтобы [в] меньше[й мере] иметь хлопка как культуру техническую, которая больше всего связывает Узбекистан с Союзом, во-вторых, развернуть таким образом сельское хозяйство Узбекистана, чтобы иметь в большей мере не только на богарных, на неполивных землях, но и в поливных землях зерновое хозяйство, чтобы не зависеть от привозного русского хлеба и, наконец, запланировать таким образом развитие промышленности, строительство дорог и пр., чтобы мы в результате осуществления этой первой пятилетки оказались бы в экономическом отношении более независимыми от Советской России, от Советского Союза, чем когда бы то ни было.

Этот план был расшифрован в Москве. Правительство не приняло эту пятилетку. По инициативе Сталина был поставлен вопрос о пересмотре хлопковой программы. [, т.к. основу всего плана составлял у нас хлопок.] И вот, я сейчас точно не могу сказать, но помню одно, что по директиве дать по Союзу 36 миллионов пудов хлопка, по этому новому решению ЦК ВКП(б) и правительства Узбекистан должен был дать около 21 миллионов пудов хлопка.

ИКРАМОВ. 28 миллионов пудов.

ХОДЖАЕВ. 28 миллионов — это потом.

И вот мы увидали, что если осуществить эту директиву правительства, тогда от той пятилетки, которую мы составили, ни черта не останется. И вот, для того чтобы сломать эту новую директиву ЦК ВКП(б) и правительства, чтобы не дать хлопка, [раз уже наша не прошла, так чтобы и это не прошло, тогда пошли на другую вещь —] *мы* создали новый план, дутый, *значительно преувеличенный*. Так, если правительство требовало по Союзу 36 миллионов пудов хлопкового волокна, то по нашему плану выходило — если бы все остальные республики равнялись по Узбекистану, как мы спланировали, примерно, 45—48 миллионов пудов вышло бы по Союзу, но чтобы осуществить такой план в 45—48 миллионов пудов хлопка, что надо было бы? [Прежде всего надо было бы осуществить] *Мы стали проводить* теорию монокультуры [в жизни], т.е. *теорию* [иметь только] одн*ой*[у] культур*ы*[у] в сельском хозяйстве как доминирующей[ую] культур*ы*[у] — хлопок. [, т.е.] *Для этого [нам] надо было* разбить, разгромить севооборот, уничтожить луга, т.е. клевер, корм*а* вытеснить на поливных землях не только [в относительном проценте зерновые культуры] — пшеницу, ячмень, но и так*ую*[ие] культур*у*,[ы,] как рис, которая иначе не растет, вытеснить ее. А это означа*ло*[ет] вызвать колоссальное недовольство [широчайшей массы] народа, потому

что мы представили дело так: план — московский, мы, якобы, московские приказчики, мы осуществляем директивы Москвы. — «Недовольны? Так, вот жалуйтесь на Москву». Эту задачу мы поставили.

ВЫШИНСКИЙ. Провокационную задачу?

ХОДЖАЕВ. Провокационную задачу, поставили ее сознательно и осуществляли в течение ряда лет.

К чему это привело? [Это привело, действительно, к огромному недовольству,] Это привело, *действительно*, к уничтожению севооборота, это привело к снижению поголовья скота, это привело к снижению шелководства, потому что и тут навредили. [, э] *Э*то привело, в конце концов, и к снижению самой урожайности хлопка. И поэтому Узбекистан *годами* не выполнял план*ы*[а] по хлопку. [годами.]

[С другой стороны, м] *М*ы [так с]планировали *так,* [посевные площади наряду с этой общей установкой,] что, скажем, в Фергане — в основной хлопковой базе Советского Союза, в Бухаре — вторая в то время база — [там] процент хлопководства доходил до 96—98 % Если у крестьянина 10 га земли, он должен на 8 или на 9 га посеять хлопок. Сами понимаете, если один гектар остается на все остальное, то это хозяйство начинает гибнуть. А в Самаркандской, Ташкентской областях, где огромное количестве земель, где люди сеяли испокон века экстенсивные культуры, там процент хлопководства 30—35 и 40—45.

А ведь можно было бы сделать так, что в Узбекистане занять 50 % площади под хлопок, а в Фергане и Бухаре — 80 %. В этом случае можно было бы безболезненно выполнить поставленные планы. Это и было сделано в 1935 г. под давлением[105]. Но в этот период мы этого не сделали. Я хочу здесь сказать, что это не было случайной вещью, что это не было головотяпством или результатом неумелой работы. [, — э] *Э*то было сделано вполне сознательно [. Как? Н] *н*ашей организацией, под моим руководством, под руководством Икрамова. Мы вдвоем — он по партийной линии начальство, а я по советской, — мы вдвоем руководили этим делом.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите задать вопрос обвиняемому Икрамову.

[Обвиняемый] *Подсудимый Икрамов,* [как] *что* вы [смотрите] *скажите по поводу этих* [на это] объяснени*й*[е]?

ИКРАМОВ. Я [его] *их* полностью подтверждаю. Но я еще [немножко] хочу дополнить. В этом деле нашим союзником (договоренности не было, а было молчаливое согласие), нашим*и* союзник*ами*[ом] были троцкисты.

ВЫШИНСКИЙ. Вы же действовали под руководством блока.

ИКРАМОВ. Каждый по своей линии действовал. Словесной договоренности не было, но троцкисты во главе с Хлопкомом, которы*м*[й] руководил Рейнгольд, и под руководством Зеленского эту политику поощряли.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Зеленский, вы подтверждаете, что эта политика проводилась под вашим руководством?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я уехал из Туркестана в январе 1931 г.

ХОДЖАЕВ. А это было в 1928 г.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Зеленский, не вам ли принадлежит эта формула — догнать и перегнать в Средней Азии передовые районы Советского Союза?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, мне[106].

ВЫШИНСКИЙ. А что означала эта формула?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Срыв коллективизации.

ВЫШИНСКИЙ. Не только это, но и срыв хлопковых планов, и разорение дехканских хозяйств. Вы подтверждаете это?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, подтверждаю.
ВЫШИНСКИЙ. Вы тогда кем были там?
ЗЕЛЕНСКИЙ. Секретарем ЦК.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь, пожалуйста.
Подсудимый Ходжаев, продолжайте ваши показания.
ХОДЖАЕВ. [Таким образом, я п] *П*ерехожу к третьему этапу. Я уже говорил вначале, что начиная с 1930 г. я связался с правыми в лице [Алексея Ивановича] Рыкова.

Я хотел бы рассказать, при каких обстоятельствах и на каких условиях я встретился, и на каких условиях мы договорились с Рыковым. Это было в 1930 г., на одном из приемов по официальным делам. Рыков меня расспрашивал о положении в Узбекистане в связи с коллективизацией. Я ему рассказывал известные мне факты о том, что происходит в деревне, говорил об известном недовольстве, которое имелось в тот период в Узбекистане, говорил о целом ряде недостатков. Когда Алексей Иванович у меня спросил: а как у вас с темпами коллективизации, как у вас с поголовьем скота, — я сказал, что есть урон поголовья скота. Темпы большие, что и вызывает известное недовольство, но мы исправляем это на основании соответствующих решений по этому вопросу. Словом, мы действуем на основе директив партии[107], — таков был мой ответ примерно. По-видимому, Рыков понял, что я говорю с ним не впрямую, говорю не откровенно, тогда он мне сразу заявил, что ему известно о том, что я принадлежу к буржуазно-националистической группировке Узбекистана, так же как и Икрамов, о котором он тоже знает, и что незачем нам между собой дипломатничать, а надо говорить начистую.

Рыков охарактеризовал положение советской страны для того периода критическим в связи с коллективизацией, в связи с недовольством, как он говорил, крестьянства и в связи со всей той безумной, по его словам, линией, которую проводит в жизнь сталинское руководство. Он говорил, что если это пойдет так, то неминуемо приведет к краху. Мы, мол, правые, боремся за то, чтобы изменить эту линию, но изменить линию возможно только в результате прихода к власти. Значит, наша задача заключается, чтобы сбросить советскую власть. Мы боремся с руководством партии с целью захвата власти, с целью захвата правительства в свои руки. Вы, националисты, тоже, конечно, недовольны этой политикой, но, изолированно действуя, вы не достигнете цели, вот если бы нам объединиться с вами — националистами, есть и другие силы, тогда получилась бы очень большая сила, объединенная сила, тогда мы, конечно, могли бы пойти на то, чтобы изменить это руководство.

Я, конечно, не могу сказать, что передаю его слова дословно, но передаю основной смысл того, что говорил Рыков. Смысл заключается именно в этом.

На такую прямую постановку вопроса я не мог ответить иначе, я сразу раскрылся перед ним и сказал, что это верно, тем более что предыдущая моя работа, особенно работа с 1928 по 1930 г., в значительной мере меня уже подготовила к тому, чтобы принять не только предложение, которое бы исходило от столь для меня тогда авторитетного лица, как Алексей Иванович Рыков, но и лица пониже, я бы тоже принял предложение, потому что я был уже подготовлен для этого.

[И вот м] *М*ы условились насчет методов нашей работы. [Тогда, в] *На* первое время Рыков мне дал следующие установки: во-первых, вредительство, главным образом, в области сельского хозяйства; то, о чем я говорил, в

связи с составлением первой пятилетки и планом хлопководства[108]. Это в значительной мере отражало ту директиву, которую я получил от А.И. Рыкова и относительно которой я поделился с Икрамовым.

Второе, — [что мне было сказано Рыковым, это относительно того, что хотя с одной стороны — правые, с другой — мы, националисты в Узбекистане, но пренебрегать силами нельзя] *это то,* что надо объединять все возможные оппозиционные группировки [,] *и* силы, какие найдутся, [на территории Узбекистана] и направлять эти силы [также] против руководства ВКП(б), против правительства, — активизируя [их усилия на] вредительство,[е, активизируя их усилия на] провокационные[х] методы[ах] работы, [активизируя их] антисоветскую деятельность.

[Вот я и говорю, что мы, в] *В* осуществлении этой директивы Рыкова (тогда у меня еще ни с кем другим связи не было, да и едва ли у кого-нибудь была эта связь до меня), *мы* начали проводить это вредительство. Я потом более подробно остановлюсь в отношении отдельных отраслей хозяйства и на других директивах.

В 1933 г. *осенью* приехал в Узбекистан как будто бы по пути в Киргизию или на Памир, — я уж не знаю, не помню, — [Н.И.] Бухарин[109]. [Бухарин приехал осенью.] Я тогда имел с ним одну только встречу на даче ЦК в Ташкенте, но непосредственных разговоров у меня с Бухариным не было. [, однако, с] Со слов Икрамова я знаю о беседах между Бухариным и Икрамовым и о тех директивах, какие оставлял Бухарин для нашей националистической организации. Я думаю, что Икрамов сам более подробно это дело расскажет, поэтому я на этом эпизоде останавливаться не буду.

В 1934 г. [приехал] в Узбекистан *приехал* Антипов. До этого я не знал, что Антипов принадлежит также к правым. В этот период своего приезда Антипов прямо мне сказал, что ему от Рыкова и Бухарина известно о том, что я руковожу одной из националистических группировок Узбекистана, что в моем и Икрамова лице заключен блок между правыми и нашими националистическими группировками, и что он по этому поводу хотел бы от имени центра правых переговорить со мной.

Первое, что мне Антипов сказал по этому поводу, заключалось, главным образом, в том, что он упрекал меня и нашу организацию в недостаточной активности, в неумении работать, в работе старыми методами, в непонимании обстановки, что мы не понимаем обострившейся борьбы, что мы этим самым своим непониманием идем на провал.

[И вот] Антипов [впервые] мне [тогда] непосредственно *дал директиву активизировать вредительство, диверсионную работу.* [, — хотя я раньше это знал через Икрамова от Бухарина, — вдобавок к тому, что я имел от Рыкова, предложил следующую директиву, что вредительство это само собой надо проводить, это теперь, мол, общее дело, общее явление, а вот надо активизировать, когда идет речь о вредительстве, диверсионную работу.] Мало того, надо провокационную работу усилить, чтобы было достигнуто большое недовольство масс, [чтобы] более активно приступить к формированию повстанческих групп, [и, наконец... нет, извиняюсь, он еще говорил относительно того, что нельзя ли] в Узбекистане *надо* создать пару террористических групп на всякий случай, понадобятся мол. И [, наконец,] последнее — [это о том, что] *нам* надо связаться [нам] непосредственно с Англией как с той страной, которая больше, может быть, заинтересована в разрешении судеб Средней Азии.

Вот эту директиву предложил мне Антипов в течение ряда наших бесед. Он там проживал месяц или больше. При этом Антипов мне говорил, что он аналогичные беседы вел и с Икрамовым, что у Икрамова по этому воп-

росу нет никаких возражений. Разумеется, что и у меня не было возражений. Я после этого с Антиповым имел ряд бесед у него на даче, в Совнаркоме, в его служебном кабинете, но это уже не директивного характера беседы. Я больше его информировал о том, что делается.

В 1936 г. приехал в Ташкент [Николай Иванович] Бухарин[110]. Я имел с ним две встречи: одну встречу я имел с ним на даче ЦК, где он жил у Цехера, а вторую встречу я имел с ним у меня на даче под Ташкентом. Это было в августе [месяце] 1936 г.

[Наша беседа началась с того, что] Бухарин меня спросил, как мы осуществляем директивы правого центра. Я ему рассказал о широких планах вредительства, о том, что в области ирригационных работ пару диверсионных актов намечаем осуществить, что вообще эта работа у нас поставлена довольно хорошо, но в области сельского хозяйства работа затрудняется тем, что политика партии — это исправление перегибов, это передача приусадебных участков колхозникам, это премии, надбавки за перевыполнение плана, — это, мол, нам мешает работать, это наши планы подрывает, создает затруднения, но тем не менее мы стараемся и сколько возможно выполняем ваши директивы. Что касается других отраслей хозяйства, то я его тоже информировал. Не буду подробно сейчас останавливаться на этом. Но [Николая Ивановича] *Бухарина* эта моя информация не удовлетворила. Не удовлетворила не потому, что мы плохо проводили вредительство [, плохо проводили] *и* антисоветскую провокационную работу, [— а это его не удовлетворило, главным образом, с точки зрения следующих трех задач...]

[ХОДЖАЕВ. Это —] *[(что отсутствовали] [что, во-п]* *а потому, что, во-первых, отсутствовали* повстанческие кадры, [это —] *во-вторых,* отсутствовали[ие] оформленные[х] террористические[х] группы, [это —] *и в-третьих,* что мы [с Англией еще] *еще* не были связаны *с Англией.* Эти три вещи вызвали недовольство [Николая Ивановича] Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. В чем это выразилось?

ХОДЖАЕВ. Он сказал, что плохо работаем, что нельзя так работать. Конечно, он меня не ругал и не мог ругать, а так просто говорил, что это плохо, что это недостаточно, что так союзники не работают.

ВЫШИНСКИЙ. Предлагал [лучше работать?] *проявлять больше активности?*

ХОДЖАЕВ. Да, лучше, активнее *работать...*

ВЫШИНСКИЙ. Т.е.?

ХОДЖАЕВ. По организации повстанческих кадров.

ВЫШИНСКИЙ. Это раз.

ХОДЖАЕВ. По организации террористических групп.

ВЫШИНСКИЙ. Это два.

ХОДЖАЕВ. И связь с Англией.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, у Бухарина английская линия?] *Что у вас требовал Бухарин, говоря о связи с Англией?*

ХОДЖАЕВ. Я хотел об этом потом рассказать, но могу и сейчас это сделать. Бухарин говорил, что есть соглашение с фашистской Германией, есть намечающееся соглашение с Японией. Но, когда идет речь о среднеазиатских республиках, наиболее близкая мощная страна — это Англия. С ней надо договориться. Что мы, правые, со своей стороны примем участие, но вы ближе стоите от границы, вы [— берите сами] *сами* установите связь.

ВЫШИНСКИЙ. [Какая граница?] *Близко от какой границы?*

ХОДЖАЕВ. *С* Афганистан*ом.* Там есть английский представитель. [Бухарин сказал — сами установите какую-нибудь связь по этой линии. Он фор-

мулировал] *Бухарин сказал,* что когда идет речь о помощи капиталистических стран, нам, правым, в захвате власти и вам — в деле нашей независимости, надо что-нибудь пообещать, что-нибудь дать.

ВЫШИНСКИЙ. Что дать? Что пообещать?

ХОДЖАЕВ. [Я хотел бы более систематически об этом рассказать, но могу и сейчас.] Дать — это значит признать протекторат Англии, это как минимум. Я не говорю об экономических вещах, которые естественны. [, если мы отмежевываемся, отходим от Союза.] Не может Узбекистан [в] *с* 5 млн населения сделаться независимым государством между двумя колоссами — с одной стороны Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу. Если от одного берега отходи*шь*[ть], к другому берегу пристаешь.

ВЫШИНСКИЙ. Так говорил Бухарин?

ХОДЖАЕВ. Я так понял.

ВЫШИНСКИЙ. И Бухарин указывал на Англию как на новый берег?

ХОДЖАЕВ. Я так понимал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, отход от Советского Союза, независимость Узбекистана, договоренность с Англией означают приход Узбекистана к другому берегу?

ХОДЖАЕВ. Я так понял.

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?

ХОДЖАЕВ. Это было в августе месяце 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. Это совпадало с вашими настроениями и желаниями?

ХОДЖАЕВ. Я бы не хотел об этом говорить перед судом сейчас, потому что это наиболее тяжелое с точки зрения личной. Объективно [это так, как вы говорите, что] это совпадало. Но мои личные настроения были разные, и я не буду говорить. Я совершил преступления, хочу за них отвечать, как это было.

ВЫШИНСКИЙ. Ваше право говорить, что вы хотите, и не говорить, что вы считаете необязательным.

ХОДЖАЕВ. Мы имели с Бухариным довольно продолжительную беседу вокруг этих вопросов. Не знаю, есть ли необходимость передавать все содержание беседы или достаточно того, что я уже сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Все, что имеет прямое отношение к этому делу.

ХОДЖАЕВ. Обоснования, как приводилось, для этого были.

ВЫШИНСКИЙ. Те же, что и по другим подобным вопросам, о которых здесь высказывались? Например, Шарангович?

ХОДЖАЕВ. Несколько большего порядка. [Николай Иванович] *Бухарин* тогда только что вернулся из поездки по европейским странам[111].

ВЫШИНСКИЙ. Из-за границы?

ХОДЖАЕВ. Из-за границы. Он говорил о [положении различных стран, говорил относительно] стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно, немецкий фашизм.

ВЫШИНСКИЙ. Хвалил фашизм?

ХОДЖАЕВ. [Ну, это и есть хваление, если он говорил, что капитализм стабилизировался, что фашизм сыграл большую роль в этом деле.] Я понимаю это как [хваление] *восхваление* фашизма. Он говорил, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, что методом для этого у Германии является [, во-первых, —] фашизация всей Европы, [по возможности, и во-вторых] фашизация Германии и, таким образом, подготовка соответствующей обстановки внутри европейских стран для создания европейского блока, или так назы-

ваемого плацдарма. [и] *Что идет* подготовка соответствующего соглашения с крупными азиатскими государствами, в частности, с Японией, что, возможно, [такое] соглашение между фашистской Германией и Японией [на фоне] *для* борьбы с СССР. О намерениях Гитлера мы давно знали, и мы с двух слов понимали, о чем речь идет. Отсюда он делал вывод насчет того, что в блоке этих двух фашистских государств, в союзе этих государств, при фашизации Европы, СССР трудно будет выдержать войну, и что СССР должен потерпеть поражение в этой войне. Затем он делал обзор внутреннего состояния СССР, — это трудности, которые имеются в деревне. Он говорил, хотя коллективизация победила, но все-таки есть значительные слои в деревне, которые не вошли в колхозы, — это единоличники — крестьяне, и их недовольство мы должны учесть. Огромные недостатки внутри колхозов, что колхозы недостаточны укрепились. Хотя индустриализация и победила, но промышленность работает с перебоями, что в промышленности огромные недостатки, что промышленность ширпотреба работает еще хуже, что в области товарооборота у нас в стране таки*е* недостатки, которые не могут не привести к огромному дополнительному недовольству населения. [И вот о] *О*тсюда он делал вывод, что [наша] задача заключается в [том, чтобы помочь этому процессу как внутреннему, так и внешнему, путем] активизации наших *контрреволюционных* сил. [, путем усиления нашей работы.] Икрамова тогда не было в Ташкенте. [, он был в Москве или где-то в другом месте, так что эту беседу я вел с Бухариным.] После приезда Икрамова я его информировал об этой беседе с Бухариным, и т.к. я уверил Бухарина и от своего имени, и от имени Икрамова в том, что мы эти директивы осуществим, то мы и начали их осуществлять.

[Вот я т] *Т*еперь [и] пере*йду*[хожу] к [последней части моих показаний — о] *к* конкретно*й*[ом содержании работы.] *моей вредительской работе.*

Я уже о вредительстве частично сказал. Я коротко скажу о сельском хозяйстве еще раз. В сельском хозяйстве наша вредительская задача заключалась в том, чтобы [запутать] *сломать* севообороты. Это мы осуществили в течение первой и второй пятилеток. Севооборота ни поливного, ни неполивного хозяйства Узбекистана больше не существует. Наша задача заключалась в том, чтобы запутать семенное дело. Эту задачу мы осуществили, но, благодаря мероприятиям ЦК ВКП(б) и правительства Союза, семенное дело по хлопку сейчас выправлено, по всем же остальным культурам оно остается в том положении, в какое мы его поставили. Наша задача заключалась в том, чтобы вызвать недовольство крестьянского населения администрированием, перегибами. Мы добились этой цели постольку-поскольку. Я вам уже рассказывал о дутых планах по хлопку, о неправильном доведении планов до районов, о разнице между Бухарой и Ферганой, с одной стороны, между Самаркандом и Ташкентом, с другой стороны. Этим мы добивались ряда провокационных выступлений, ряда выступлений, основанных на нашей провокации. Затем нам удалось нанести значительный ущерб поголовью животноводства. Я уже говорил, каким образом мы подошли к этому делу. [Теперь я х] *Х*очу привести один конкретный пример. [в этой области.] За 1936 г., согласно решению партии и правительства, мы должны были передать колхозникам [телок, овец и прочих видов поголовья] около 130.000 *телок, овец и прочего поголовья.* Мы передали это в течение года. [А когда мы рассмотрели] *Но* итоги учета поголовья за второе полугодие 1936 г. и первое полугодие 1937 г. [, то оказалось] *показали,* что на этих 130.000 голов в наличии [имеется] *оказалось* лишь около 30—40 тысяч. Я имею в виду молодняк. Куда же делось остальное? Во-первых, [сама передача была организо-

вана таким образом, что] часть этого поголовья вообще не попадала крестьянам. Это были наши люди, которые сидели в районах [,] *и* в округах, [и] сами себя наделяли этими телками [, этими] *и* овцами, а потом резали их и продавали. [(куда же им девать эти вещи?).] Во-вторых, не была поставлена в колхозах работа [за] *по* сохранени*ю*[е] молодняка. А ведь это дело требует, как всем известно, большой работы. Я уже не говорю о срыве племенных мероприятий, зоомероприятий и т.д. Этого конкретного примера, я думаю, достаточно для того, чтобы я мог более расширенно не отвечать на этот вопрос. [Если взять] *В области* шелководства [, то надо сказать, что вообще в Узбекистане оно выросло колоссально, это не подлежит сомнению.] *мы осуществили следующую вредительскую меру.* Если в 1928 г. мы имели [что-то] около 7—8 тыс. тонн шелка-сырца, то сейчас имеется [гораздо больше:] 10—12 тыс. тонн. Однако возможности Узбекистана по [нашим же подсчетам] [(] настоящим подсчетам [)] составляют, примерно, 22—23 тыс. тонн. Этого можно было бы достигнуть, если бы не была осуществлена одна мера. Суду, конечно, известно, что в сельском хозяйстве проводится механизация, т.е. вводятся трактора, машины, а у нас земельные участники небольшие, обарыченные, — проходят канальчики для полива участков. В Узбекистане нет такого арычка, который бы не был обсажен тутовым деревом, а [этот тут] *это дерево* является кормом для *шелковичного* червя [который делает шелк]...

Так есть план, по которому можно в год от одного до двух вырубать тут старый с тем, чтобы заменить его в другом месте новыми насаждениями. [А мы] *И вот мы* под тем видом, что нельзя механизировать сельское хозяйство, нельзя пускать трактор там, где нет большого поля, что это не экономично, [нерационально,] что это убыточно, под [этим] флагом [мы] *механизации мы* провели вырубки *до 10% тутовых деревьев* [от 5, а в некоторых районах и до 10%] и тем самым уничтожили кормовую базу шелководства. Если бы об этом деле не сказали здесь люди, которые это проводили сами, если бы об этом не сказали бы сами специалисты-колхозники, которые больше всех других являются специалистами в этом деле, если бы они этого не сказали, то вообще догадаться о вредительстве в этой области невозможно, трудно. Но это факт, факт такой, что мы это вредительство проводили, проводили все это под хорошей маркой. [, а л] *Л*юдей, которые говорили, что нельзя вырубать, [тут,] мы били, [и били под хорошим флагом —] *заявляя:* [«Как,] «ты против механизации, ты против политики партии? Значит, ты оппортунист, тебя надо бить».

(Движение в зале).

Вот это есть те мероприятия вредительского характера, которые мы проводили в Узбекистане.

Я уже не говорю о люцерне, [о такой значительной культуре,] которая [является] сопутству*ет*[ющей] хлопку и [которая] является одной из главных культур в севообороте, [которая] *люцерна* была *вредителями* почти *полностью* уничтожена. [и которая] *Она* восстанавливается только в последние два года под непосредственным нажимом ЦК ВКП(б). В последнее время мы каждую неделю получали телеграммы за подписью Сталина — «почему люцерна отстает? Почему не сеете?». Только под этим нажимом мы начали исправлять положение с люцерной[112].

Я не говорю также о целом ряде других [вещей] *вредительских действий* в области сельского хозяйства.

Что касается промышленности, я только в общих словах могу сказать, т.к. непосредственное руководство этим делом принадлежало вот тому Ка-

римову, о котором говорил здесь Икрамов. Я больше был в курсе дел сельскохозяйственных.

Я [извиняюсь, я в отношении сельского хозяйства] забыл сказать о [тех] двух диверсионных актах, которые были проделаны в области ирригации. Первый акт, это в отношении Раватхаджа, *плотины, построенной советской властью,* [в отношении новой, советского времени плотины, вододелителя] огромного *вододелителя,* делящего воду р. Заравшан, а эта река командует около 2—3 (?) тысячами гектар земли. [Так вот, в] *В* начале 1936 г. членом нашей организации Халбатыровым подготовлялся диверсионный акт по уничтожению, по порче этой самой плотины. [, но е] *Е*му это дело не удалось, т.к. его и его помощников органы НКВД во время арестовали.

Другой такой же акт подготовлялся в Фергане, тоже на большом вододелителе, [туземного типа, но] который командует полями почти [всей] половины *всей* Ферганы.

Этот акт тоже не удалось полностью осуществить, хотя частично он был осуществлен Рахмановым, начальником Узбекского Водхоза, который также являлся членом нашей организации.

[I]ВЫШИНСКИЙ. Вы имеете в виду какие вододелители?

ХОДЖАЕВ. Первый вододелитель — это Рават Хаджа и второй Компыр Рават в Фергане[II] .[III 113]

Что касается промышленности, мне известно о вредительстве на Чирчикстрое. Это — крупное строительство трех электростанций и азотного комбината. Начальником этого строительства был Розит. Он — правый по своему прошлому и настоящему. [Вот этот Розит был начальником этого строительства.] Мне [известно], как и Икрамову и другим членам нашей организации, *известно,* что [этот] Розит проводил там вредительство. Вредительство [это] заключалось, как я понимал, в трех вещах. Во-первых, в том, чтобы удорожить стоимость строительства. Во-вторых, дефицитные материалы тратить на второстепенные постройки. Например, все знают, что в Ташкенте лучшие дома строятся обычно на кирпиче, а дома обычного типа — на сырце. А на этом строительстве одноэтажный дом построен на железобетоне, в то время как для электростанции не хватило ни цемента, ни железа.

Наконец, в-третьих, это вредительство выражалось в том, чтобы изгонять из Чирчикстроя людей, преданных советской власти. Советская печать в свое время сообщала о случае с Зильберштейн. Это имеет непосредственное отношение к данному делу.

ВЫШИНСКИЙ. Что за случай и какое отношение имеет к данному делу?

ХОДЖАЕВ. Зильберштейн являлась очень дельным и преданным инженером. [из Днепропетровска.] Она строила на Чирчикском строительстве плотину. Зильберштейн принадлежала к той группе специалистов, которая вела активную честную советскую работу. А Розит выжил ее под разными [соусами] *предлогами* с этого строительства.

ВЫШИНСКИЙ. С вашего ведома?

ХОДЖАЕВ. Безусловно. *Мы против этого не возражали.*

ВЫШИНСКИЙ. По вашему указанию?

ХОДЖАЕВ. Нет, без моего указания, потому что у нас прямой связи с Розитом не было. Но, безусловно, мы против этого не возражали.

[I] Рядом на полях галочка (простой карандаш).

[II] В тексте стенограммы оставлено место для названия. Название вододелителя вписано по «Судебному отчету» (см.: Ф. 17. Оп. 171. Д. 402. Л. 212).

[III] * * — рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. А о том, что Розит вредительствует, вы знали?

ХОДЖАЕВ. Разумеется.

ВЫШИНСКИЙ. По объективным данным?

ХОДЖАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И покрывали его?

ХОДЖАЕВ. Да, покрывал. Если бы я хотел вскрыть это дело по-настоящему, то почему бы я два года тому назад не мог написать записку о снятии Розита и предании его суду? Но я этого не хотел.

Второе — это Кувасаевская ГРЭС, крупная электростанция, которая строится в Ферганской долине на 48—50 тысяч киловатт и которая должна дать электроэнергию всей или почти всей ферганской промышленности. Тянулось это строительство [...] *очень долго. И это не случайно.*

Тут я хотел бы одновременно с указанием о вредительстве на месте сказать и о том, что было в Москве. Эстакаду для подвоза угля и переброски построили, исходя из расчета 75.000, здание для электростанции построено на 48.000, а запроектированная мощность станции составляет 70.000. Как видите, в основе проекта уже были элементы вредительства. В строительстве Узбекистана были значительные элементы вредительства, потому что главные средства и силы были переброшены на подготовительные работы, а не на станцию.

И последнее, наконец, что исходило от Москвы, это систематический срыв машин, поэтому станция, начиная чуть ли не с 1929—1930 гг., семь лет строится и еще не построена.

Ряд таких [мелких] вредительск*их*[тв] *актов производился* в Бухаре, в Самарканде и в ряде других *мест.*

ВЫШИНСКИЙ. Хильковский цементный завод?

ХОДЖАЕВ. Тогда [стоял вопрос относительно] останов*или*[ки] завод[а] якобы на ремонт, *для* переоборудования его на новый лад, хотя это можно было сделать через два—три года. После того, как Кувасаевский цементный завод был пущен на полный ход, а это не нужно было делать, можно было пустить его позже с тем, чтобы пустить раньше другой завод, все же это было сделано, не дожидаясь. Таким образом, [вся] ирригация Чирчикстроя осталась без цемента. Цемент нужно было возить из Новороссийска, а вы знаете, как у нас обстоит дело с дорогами.

ВЫШИНСКИЙ. Затем серные *рудники.*

ХОДЖАЕВ. Я непосредственно лично не был связан с группой, которая работала на Шор-Су.

ВЫШИНСКИЙ. То есть вредила?

ХОДЖАЕВ. Я все время имею в виду вредительство. Я не знаю никого из участников нашей группы, которые бы имели непосредственную связь с ними. Но мне одно совершенно ясно было; в Ташкенте я эту формулу более или менее высказывал и теперь говорю, что серный рудник выбыл из строя не сам по себе, не благодаря пожару, а потому что Невский — [это] старый троцкист, который был послан Пятаковым, организовал [этот] пожар и взрыв на руднике.

В чем я лично считаю себя виновным в этом вопросе? Во-первых, что после того, как это дело произошло, Невского надо было немедленно арестовать, если бы мы хотели честно, по-советски разобраться в этом деле и на месте выяснить всю обстановку. Вместо этого мы занимались перепиской с Москвой, надеясь, что его кто-либо возьмет под защиту; все время запрашивали, можно ли Невского привлекать к ответственности или нельзя, *все же* [но, в конце концов,] Невский, *в конце концов,* был арестован — мне кажется, что он в своих делах сознался.

Вот это о промышленности. Я повторяю, что более подробно о промышленности говорить я не могу, потому что непосредственно этим делом я не руководил.

Далее, я хочу остановиться на вопросе строительства. Темпы отставания строительства в Узбекистане объясняли[сь] тем, что там мало строительных материалов: цемента, железа[о], леса, но [это только половина правды, а вся правда заключается в том, что это] *строительство сознательно* срывалось. Вот, например, [школьное] строительство *школ.* [Школьное строительство] *Оно* требует, главным образом, [не железа и не леса, а главным образом] кирпича. [Леса же в Узбекистане столько, что можно сделать миллиарды кирпича.] *На месте, в Узбекистане можно приготовить миллиарды штук кирпича. Между тем* [В] *в* строительный сезон как правило кирпича у нас не бывало.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ХОДЖАЕВ. Потому что *производством* кирпича[ем] руководил Рахман, член троцкистской организации, руководимой Цехером, связанной с нами. Я думаю, ясно, почему это происходит.

ВЫШИНСКИЙ. Понятно.

ХОДЖАЕВ. То же самое с больницами [, то же самое] *и* с целым рядом других культурно-просветительных учреждений. Я уже не говорю о такой большой задаче, которую мы поставили перед собою уже давно и которую мы осуществляли, — [это захват] *мы захватили в свои руки* руководство[а] школами. [в свои руки.] В этом отношении, конечно, в Узбекистане никто с нами конкурировать не мог. [Кадры буржуазно-националистические м] *М*ы подготовляли *буржуазно-националистические кадры* и [в] их рук[и]*ами* [школы] захватывали[сь] *школы, университеты.* Я не рискую заявить, что все школы были буржуазно-националистически настроены, что дети всюду так воспитывались, но, во всяком случае, мы здесь имели большие успехи, особенно в университетах и вузах. Мне трудно опять-таки здесь подробно говорить, потому что это та отрасль, которой руководил единолично Икрамов, область культуры и идеологии, — эта область, которой руководил непосредственно Икрамов. Сельским хозяйство — мы вместе с Икрамовым, а промышленностью — я вместе с Каримовым. Вот соответствующее разделение.

Что касается выполнения других директив — [это вопрос] об организации повстанческих групп в Узбекистане, — мы боялись непосредственно сами взяться за организацию этого дела, потому что это дело могли бы разнюхать сразу. Поэтому после совещания с Икрамовым мы совместно [, не письменно, а] в устном виде *дали указания* нашим людям *из состава* секретар*ей*[ям] райкомов [,] *и* председател*ей*[ям] исполкомов, [дали указания такого рода,] чтобы *они проводили подготовку к организации ядра, через которое можно было бы уже перейти к массовой организации повстанчества.* * [они в некоторых частях милиции, в Осоавиахимовских организациях, в некоторых отрядах комсомола проводили бы подготовку по организации того ядра, через которое можно было бы уже перейти к массовой организации повстанчества.] Это одна директива.[I] *[II]

Другая директива заключалась в том, чтобы из амнистированных рядовых басмачей, сдавшихся еще в свое время, в 1922—1923 гг., была бы подготовлена в кишлаках, селах соответствующая группа. Таковы *были* директивы. [нашим районам.] На местах эта работа проводилась, т.е. [такие] люди вовлекались, [такие] группы создавались, хотя я сейчас сказать вам, сколько

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

таких групп, кто возглавляет каждую группу, — не могу, потому что не имею этих данных под рукой.

ВЫШИНСКИЙ. Эти группы были вами организованы?

ХОДЖАЕВ. Директива была дана, чтобы они были организованы.

ВЫШИНСКИЙ. А эта директива была выполнена?

ХОДЖАЕВ. Была.

ВЫШИНСКИЙ. А почему же Бухарин был недоволен?

ХОДЖАЕВ. Бухарин со мною разговаривал в августе 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. А это было когда?

ХОДЖАЕВ. А это было уже после. Что касается террористических групп, то об этом деле я никому не говорил, кроме двух лиц. Я сам знаю, *знал* Икрамов *и* знал [и] некий Шермухамедов [знал], которому я поручил организацию этих террористических групп, *посовещавшись с Икрамовым*[I]. Икрамов мотивировал это поручение тем, что Шермухамедов — наиболее надежный человек, знает село, знает наши кадры, ему следует поручить, я сам, говорит, с ним переговорю.

ВЫШИНСКИЙ. Нашел его Икрамов, а не вы?

ХОДЖАЕВ. Нет, но его и искать не надо было; это было человек известный, он был членом Бюро ЦК, его мы оба знали, и когда я с Икрамовым посовещался, кому это дело поручить, он сказал, что поручить это надо Муслиму Шермухамедову.

ВЫШИНСКИЙ. Это кандидатура Икрамова?

ХОДЖАЕВ. Я бы не сказал. Это, можно сказать, наша общая кандидатура.

ВЫШИНСКИЙ. Это ваша общая кандидатура?

ХОДЖАЕВ. Наша общая. Говорил ли Икрамов с Шермухамедовым, я не знаю, но знаю, что Шермухамедов некоторую работу как в кишлаках, так и среди учащейся молодежи вел, он говорил, что пара групп у него есть.

ВЫШИНСКИЙ. Я Икрамова хочу спросить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Икрамов,* насчет [Муслима] Шермухамедова Ходжаев правильно показывает?

ИКРАМОВ. Кандидатура Шермухамедова обсуждалась.

ВЫШИНСКИЙ. А для чего?

*ИКРАМОВ. *Ему было дано поручение* относительно террора. [было поручение.] Он не сказал, поручил ли Шермухамедову. Эта часть не известна, но о том, что кандидатура обсуждалась — это правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Надо террор подготовить.

ИКРАМОВ. Да. Он сказал от имени Бухарина.

ХОДЖАЕВ. И, наконец, последний пункт — это насчет связи *с Англией.*[II] [Видите ли, м] *М*не самому непосредственно устанавливать связь с Англией было невозможно. [Таким образом, мне н] *Н*адо было искать для этой связи какие-то средства. [Что я мог сделать в этом отношении?] Я мог [сделать следующее: во-первых,] поискать людей в Таджикистане, потому что там басмачество продолжалось до недавнего времени, значит, некоторые английские эмиссары и прочие могли быть там. Я так предполагал.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы так предполагали?

ХОДЖАЕВ. Я говорю, что басмачество так продолжалось до 1930 г., а то время как в Узбекистане басмачество было ликвидировано в 1922—1923 гг. Значит, там было больше оснований найти связи.

[I] * * — знак переноса этой фразы — «*которому я, посовещавшись с Икрамовым, поручил организацию этих террористических групп*».

[II] * * — рядом на полях галочка (красный карандаш).

Вот это о промышленности. Я повторяю, что более подробно о промышленности говорить я не могу, потому что непосредственно этим делом я не руководил.

Далее, я хочу остановиться на вопросе строительства. Темпы отставания строительства в Узбекистане объясняли[сь] тем, что там мало строительных материалов: цемента, железа[о], леса, но [это только половина правды, а вся правда заключается в том, что это] *строительство сознательно* срывалось. Вот, например, [школьное] строительство *школ.* [Школьное строительство] *Оно* требует, главным образом, [не железа и не леса, а главным образом] кирпича. [Леса же в Узбекистане столько, что можно сделать миллиарды кирпича.] *На месте, в Узбекистане можно приготовить миллиарды штук кирпича. Между тем* [В] *в* строительный сезон как правило кирпича у нас не бывало.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ХОДЖАЕВ. Потому что *производством* кирпича[ем] руководил Рахман, член троцкистской организации, руководимой Цехером, связанной с нами. Я думаю, ясно, почему это происходит.

ВЫШИНСКИЙ. Понятно.

ХОДЖАЕВ. То же самое с больницами [, то же самое] *и* с целым рядом других культурно-просветительных учреждений. Я уже не говорю о такой большой задаче, которую мы поставили перед собою уже давно и которую мы осуществляли, — [это захват] *мы захватили в свои руки* руководство[а] школами. [в свои руки.] В этом отношении, конечно, в Узбекистане никто с нами конкурировать не мог. [Кадры буржуазно-националистические м] *М*ы подготовляли *буржуазно-националистические кадры* и [в] их рук[и]*ами* [школы] захватывали[сь] *школы, университеты.* Я не рискую заявить, что все школы были буржуазно-националистически настроены, что дети всюду так воспитывались, но, во всяком случае, мы здесь имели большие успехи, особенно в университетах и вузах. Мне трудно опять-таки здесь подробно говорить, потому что это та отрасль, которой руководил единолично Икрамов, область культуры и идеологии, — эта область, которой руководил непосредственно Икрамов. Сельским хозяйство — мы вместе с Икрамовым, а промышленностью — я вместе с Каримовым. Вот соответствующее разделение.

Что касается выполнения других директив — [это вопрос] об организации повстанческих групп в Узбекистане, — мы боялись непосредственно сами взяться за организацию этого дела, потому что это дело могли бы разнюхать сразу. Поэтому после совещания с Икрамовым мы совместно [, не письменно, а] в устном виде *дали указания* нашим людям *из состава* секретар*ей*[ям] райкомов [,] *и* председател*ей*[ям] исполкомов, [дали указания такого рода,] чтобы *они проводили подготовку к организации ядра, через которое можно было бы уже перейти к массовой организации повстанчества.* * [они в некоторых частях милиции, в Осоавиахимовских организациях, в некоторых отрядах комсомола проводили бы подготовку по организации того ядра, через которое можно было бы уже перейти к массовой организации повстанчества.] Это одна директива.[I] *[II]

Другая директива заключалась в том, чтобы из амнистированных рядовых басмачей, сдавшихся еще в свое время, в 1922—1923 гг., была бы подготовлена в кишлаках, селах соответствующая группа. Таковы *были* директивы. [нашим районам.] На местах эта работа проводилась, т.е. [такие] люди вовлекались, [такие] группы создавались, хотя я сейчас сказать вам, сколько

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

таких групп, кто возглавляет каждую группу, — не могу, потому что не имею этих данных под рукой.

ВЫШИНСКИЙ. Эти группы были вами организованы?

ХОДЖАЕВ. Директива была дана, чтобы они были организованы.

ВЫШИНСКИЙ. А эта директива была выполнена?

ХОДЖАЕВ. Была.

ВЫШИНСКИЙ. А почему же Бухарин был недоволен?

ХОДЖАЕВ. Бухарин со мною разговаривал в августе 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. А это было когда?

ХОДЖАЕВ. А это было уже после. Что касается террористических групп, то об этом деле я никому не говорил, кроме двух лиц. Я сам знаю, *знал* Икрамов *и* знал [и] некий Шермухамедов [знал], которому я поручил организацию этих террористических групп, *посовещавшись с Икрамовым*[I]. Икрамов мотивировал это поручение тем, что Шермухамедов — наиболее надежный человек, знает село, знает наши кадры, ему следует поручить, я сам, говорит, с ним переговорю.

ВЫШИНСКИЙ. Нашел его Икрамов, а не вы?

ХОДЖАЕВ. Нет, но его и искать не надо было; это было человек известный, он был членом Бюро ЦК, его мы оба знали, и когда я с Икрамовым посовещался, кому это дело поручить, он сказал, что поручить это надо Муслиму Шермухамедову.

ВЫШИНСКИЙ. Это кандидатура Икрамова?

ХОДЖАЕВ. Я бы не сказал. Это, можно сказать, наша общая кандидатура.

ВЫШИНСКИЙ. Это ваша общая кандидатура?

ХОДЖАЕВ. Наша общая. Говорил ли Икрамов с Шермухамедовым, я не знаю, но знаю, что Шермухамедов некоторую работу как в кишлаках, так и среди учащейся молодежи вел, он говорил, что пара групп у него есть.

ВЫШИНСКИЙ. Я Икрамова хочу спросить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Икрамов,* насчет [Муслима] Шермухамедова Ходжаев правильно показывает?

ИКРАМОВ. Кандидатура Шермухамедова обсуждалась.

ВЫШИНСКИЙ. А для чего?

*ИКРАМОВ. *Ему было дано поручение* относительно террора. [было поручение.] Он не сказал, поручил ли Шермухамедову. Эта часть не известна, но о том, что кандидатура обсуждалась — это правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Надо террор подготовить.

ИКРАМОВ. Да. Он сказал от имени Бухарина.

ХОДЖАЕВ. И, наконец, последний пункт — это насчет связи *с Англией.*[II] [Видите ли, м] *М*не самому непосредственно устанавливать связь с Англией было невозможно. [Таким образом, мне н] *Н*адо было искать для этой связи какие-то средства. [Что я мог сделать в этом отношении?] Я мог [сделать следующее: во-первых,] поискать людей в Таджикистане, потому что там басмачество продолжалось до недавнего времени, значит, некоторые английские эмиссары и прочие могли быть там. Я так предполагал.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы так предполагали?

ХОДЖАЕВ. Я говорю, что басмачество так продолжалось до 1930 г., а то время как в Узбекистане басмачество было ликвидировано в 1922—1923 гг. Значит, там было больше оснований найти связи.

[I] * * — знак переноса этой фразы — «*которому я, посовещавшись с Икрамовым, поручил организацию этих террористических групп*».

[II] * * — рядом на полях галочка (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Через басмачей?

ХОДЖАЕВ. Через курбаши, т.е. начальников басмачей.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы так думаете?

ХОДЖАЕВ. Я не докончил свою мысль.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста, докончите.

ХОДЖАЕВ. Курбаши, если он настоящий начальник басмачей, не может [не] быть *не* связанным с англичанами, потому что басмачество было организовано [не без] с участи*ем*[я] англичан.

ВЫШИНСКИЙ. Ваша практика так говорит?

ХОДЖАЕВ. Я говорю как было.

*ВЫШИНСКИЙ. Я ведь спрашиваю вас как свидетеля[I] по этому вопросу.

ХОДЖАЕВ. Правильно.*[II]

Среди работников Таджикистана я мог найти людей, которые могли бы выполнить эту задачу. Я вспомнил, был такой Максум — бывший председатель ЦИК Таджикистана, которого я знал с 1922 г., когда Восточный Таджикистан еще входил в состав Бухары. И вот я ему хотел поручить. Я знал о его англофильских настроениях, он выражал очень часто недовольство советской политикой. Значит, я, зная эти настроения его, хотел использовать его.

ВЫШИНСКИЙ. А Мухетдинов это кто?

ХОДЖАЕВ. Мухетдинов — один из руководящих деятелей бухарской буржуазно-националистической партии.

ВЫШИНСКИЙ. Какой ориентировки?

ХОДЖАЕВ. Английской ориентации. Он работал с 1924 г. Я на него не ссылаюсь, потому что человека нет, на мертвого человека нечего ссылаться.

ВЫШИНСКИЙ. История есть.

ХОДЖАЕВ. А для истории такой человек был. Этот Максум его человек.

ВЫШИНСКИЙ. Я поэтому о нем и спрашивал.

ХОДЖАЕВ. Совершенно правильно.

ХОДЖАЕВ. Но я, к счастью своему, к тем огромным преступлениям перед советским народом, перед партией, которые мною совершены, не могу зачислить это последнее, т.е. в том смысле не могу зачислить, что я с директивами согласился, принял к исполнению, пытался осуществить, но не успел осуществить.

ВЫШИНСКИЙ. По обстоятельствам, от вас независящим?

ХОДЖАЕВ. Да, от меня не зависящим. Я хотел бы закончить свои показания с указанием на то, что, конечно, я не младенец, я начал эту антисоветскую работу сознательно, как националист, ибо прежде чем перейти к революции и принять в ней участие, — я был националистом.

ВЫШИНСКИЙ. [Кстати, с] *С*кажите, вы к каким общественным [классам,] слоям принадлежите по своему происхождению?

ХОДЖАЕВ. Я из купеческой семьи.

ВЫШИНСКИЙ. Кто был отец?

ХОДЖАЕВ. Торговец.

ВЫШИНСКИЙ. Крупный, мелкий?

ХОДЖАЕВ. Крупный. Торговал каракулем, умер в 1912 г. Я остался 14-ти лет.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы остались?

ХОДЖАЕВ. Дело отца перешло к опекуну. Я с 16-ти лет примкнул к подпольной организации, я считал ее подпольной организацией, она, по существу, и была подпольной, а потом работала против эмирата.

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш)

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. После смерти отца дело продолжали вы?

ХОДЖАЕВ. Я не мог этим заниматься, мне было 14 лет. Все перешло к моему дяде — опекуну. Раздел имущества произошел в 1917 г. Мне достался дом, часть земли и другое, на сумму около 17 тысяч рублей. Это можно установить по документам.

ВЫШИНСКИЙ. У вас были связи с буржуазными кругами по вашему прошлому социальному положению?

ХОДЖАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Потом?] Когда впоследствии вы возглавляли вредительскую организацию в Узбекистане, вам приходилось заниматься вредительством в области [каракульчи? Каракулевого хозяйства?] *каракулеводства?*

ХОДЖАЕВ. Непосредственно нет. Но в колхозах в 1931 г. *был* урон поголовья под руководством некоего Хисметова [наши работники][I]...

* ВЫШИНСКИЙ.[II] Как наши? Вы назад показываете.

ХОДЖАЕВ. Нашего лагеря. Моего с Икрамовым, хотя мы собственными руками не делали.*[III]

ВЫШИНСКИЙ. Я понимаю, не могли вы все делать собственными руками. Вредительство было?

ХОДЖАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы организовывали?

ХОДЖАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы ничего не сказали об этом, когда говорили о вредительстве в сельском хозяйстве?

ХОДЖАЕВ. Когда я говорил о сельском хозяйстве, мне казалось, что это понятно.

ВЫШИНСКИЙ. К какой организации вы принадлежали [?] *до революции?*

ХОДЖАЕВ. Организация, к которой я принадлежал [в 1916 г.,] — это партия бухарских либералов, конституционно-монархическая партия.

ВЫШИНСКИЙ. Кадетская?

ХОДЖАЕВ. Да. В 1917 г. я отошел от этой партии и был в числе организаторов другой партии — младо-бухарской партии, программу которой мы напечатали в 1917 г. Мы ставили перед собой задачу буржуазно-националистического развития Бухары. К этой партии я принадлежал.

После мартовских событий 1918 г., когда я принимал участие, руководящее участие, в вооруженных выступлениях против эмирского правительства, я был объявлен вне закона, присужден к смертной казни, бежал в царскую Россию. Провел здесь с марта месяца 1916 г. по середину 1919 г., а в конце 1919 г. я попал в Ташкент. Там был на руководящей работе. Это было и в 1920 г. Принимал участие в свержении эмирата[114]. Вот мне и хотелось...

ВЫШИНСКИЙ. Потом опять примкнули к националистам?

ХОДЖАЕВ. Потом, когда я оказался во главе власти, я примкнул [к] *опять к* националистам.

ВЫШИНСКИЙ. И с тех пор *вели* эту линию. [вели.]

ХОДЖАЕВ. И с тех пор эту линию вел.

ВЫШИНСКИЙ. И вам помогал Бухарин?

ХОДЖАЕВ. Я об этом и говорю. [Я говорю, что я] *Я* начал свою деятельность как националист, прошел я большой и длительный путь — 23 года из

[I] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

41-го *г.* Был во всех переплетах, но это неважно, а важно то, что мне особенно больно и обидно, — в этом я сам повинен, — то, что мне пришлось очутиться, благодаря моим действиям, на скамье подсудимых, наряду с людьми, которые поставили перед собою задачу — ударить по революции, с людьми, которые не гнушались никакими средствами для того, чтобы достигнуть своей цели. И я сам, осуществляя [,] целый ряд мероприятий, ничем не отличаюсь от них. Я изменил не только народам Бухары, Узбекистана, *но и* Советскому Союзу в целом, но я ответил черной неблагодарностью тем, кто в 1917 г., в 1918 г., когда я был объявлен вне закона, когда не было пристанища, открыли мне широкие двери гостеприимства, дали мне приют, пытались меня воспитать, чтобы я рос. Я изменил тому народу, который оказал помощь народам Бухары [,] в деле свержения ненавистной им эмирской деспотии, средневекового произвола. Я изменил партии, благодаря политике которой было ликвидировано политическое и экономическое неравенство, установившееся уже в течение более полстолетия. Я изменил народу, партии, которые дали эту независимость Бухаре, но независимость не в буржуазном смысле, а советскую независимость. Я особенно чувствую свое положение тяжелым, ибо я являюсь втройне преступником — и как националист, и как участник право-троцкистского блока, и как человек, который обманул доверие Сталина, руководителей партии и правительства. Я думаю, что таких людей в Союзе много было бы по своему интеллектуальному развитию и проч. Меня воспитали, мне помогали, меня вытаскивали, когда я оказывался в тяжелом положении, как, например, в 1923 г., когда я совершил ошибку, мне хотели помочь[115]. Но, невзирая на это, я изменил и этим лицам, изменил Сталину по директиве правого центра. Я оказался участником в составлении террористических групп.

Вот почему я несу полную ответственность перед советским судом, перед советским народом. Я понимаю, что это мое позднее раскаяние делу не поможет, но я говорю об этом для того, что, может быть, это предупредит хоть кого-нибудь, чтобы по моему следу не пошли.

ВЫШИНСКИЙ. [Вам] *Что вам* известно [событие —] *об* убийстве[а] Абид Саитова?

ХОДЖАЕВ. [Я слышал о нем.] Я слышал об этом деле в 1931 г.

ВЫШИНСКИЙ. Что вам известно об убийстве Абид Саитова?

ХОДЖАЕВ. Мне известно это из двух источников. Был такой Саид Ахмет. Саид Ахмет — это советский судья, ташкентский человек. Он как раз был разоблачителем в деле Касымова. После суда Касымова на него начались гонения в Узбекистане. И вот он приходил ко мне, не зная, что я состоял членом той организации, обращался ко мне за защитой — вот, мол, я сделал советское дело, разоблачил сволочей, а на меня гонения. Я его успокоил и даже однажды разговаривал с Икрамовым, говорил, чтобы не трогать — зачем же гонения на человека устраивать. Не забудьте, это был 1930 г., когда мы еще не были такими, как сейчас...

[ВЫШИНСКИЙ. Не совсем такими, как сейчас?

ХОДЖАЕВ. Не совсем. Вот тогда Саид Ахмет рассказал мне, что человек, о котором вы меня спросили, — Абид Саитов — был тогда членом коллегии Наркомпроса, что он был убит своим братом.

ВЫШИНСКИЙ. Абид Саитов тоже был разоблачителем?

ХОДЖАЕВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Убит он был за что?

[Рядом стоит галочка (простой карандаш).

ХОДЖАЕВ. Он был активным свидетелем на суде. Он был убит своим братом по постановлению националистической организации «Милли Истиклял»...

ВЫШИНСКИЙ. Которой руководил?

ХОДЖАЕВ. Я тогда не знал, кто руководил...

ВЫШИНСКИЙ. В которой *кто* участвовал?

ХОДЖАЕВ. В которой участвовал Икрамов.

ВЫШИНСКИЙ. А Икрамов причастен к этому делу?

ХОДЖАЕВ. Я об этом ничего не знаю и сказать не могу.

ВЫШИНСКИЙ. А вам как говорили?

ХОДЖАЕВ. Мне говорили, что Икрамов, по крайней мере, покровительствует этим людям. Саид Ахмет мне прямо на Икрамова не указывал; возможно, он боялся, потому что Икрамов был секретарем. Затем, второй человек, который говорил мне об этом, — Абидова, теперешний постоянный представитель Узбекистана в Москве. Она была женорганизатором или заведующей женотделом в то время. Она выступала на суде общественной обвинительницей. Она довольно активный человек и приняла в этом суде очень активное участие. Она говорила мне и тогда и совершенно недавно, теперь, в июне—июле 1937 г. еще раз повторила, что этот Абид Саитов был убит националистами, что убийцы эти не были разоблачены до конца, не все разоблачены, что не все они понесли наказания, что Икрамов этим убийцам оказывал покровительство, но о том, что Икрамов принимал участие или что-нибудь в этом роде, — она мне не говорила.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте подсудимого Икрамова спросить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Икрамов, был такой факт — убийство Абид Саитова?

ИКРАМОВ. Был такой факт.

ВЫШИНСКИЙ. За что он был убит?

ИКРАМОВ. Мне это дело непосредственно от участников убийства неизвестно, потому что меня не было...

ВЫШИНСКИЙ. За что он был убит?

ИКРАМОВ. Официально, что знаю, то только и могу сообщить.

ВЫШИНСКИЙ. Ну что вы знаете?

ИКРАМОВ. Официально знаю, что он разоблачал на суде «Милли Истиклял», контрреволюционеров и [, якобы,] по заданию этой [организации] группы[а молодежи убила] его *убили.*

ВЫШИНСКИЙ. Какая группа его убила?

ИКРАМОВ. Группа «Милли Истиклял».

ВЫШИНСКИЙ. А членом этой группы вы были?

ИКРАМОВ. Был.

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?

ИКРАМОВ. В 1930 г.

ВЫШИНСКИЙ. Кто тогда руководил этой группой?

ИКРАМОВ. «Милли Истиклял»?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

ИКРАМОВ. Я сказал, что я с 1928 г. состою, и руковожу, и несу ответственность.

ВЫШИНСКИЙ. В 1930 г. вы занимали в этой группе руководящую роль?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. [Каримов руководил?] *Кто ею руководил?*

ИКРАМОВ. [Каримов был п] *П*редседателем *был Каримов,* [но] в то время у нас была поставлена одна задача [у «Милли Истиклял», задача] захватить вузы, засорить вузы классово-враждебными [к антисоветской власти][1] элементами, [таким образом,] подготовить кадры. [, больше ничем не заниматься.] Вот это основная линия.

ВЫШИНСКИЙ. А [тут] между прочим убили Абид Саидова?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А кто его убил?

*ИКРАМОВ. Я официальный материал могу сообщить, который знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, неофициальный сообщите?

(Смех).

За что был убит Абид Саидов? [Например, б] *Б*ыл ли в числе убийц Абид Саидова Бату?

ИКРАМОВ. *За то, что разоблачал буржуазных националистов. Бату участник убийства.* [По официальным данным он участник убийства.]

ВЫШИНСКИЙ. Это тот Бату, который с Рамзи [был назван вашими людьми?] *являлся вашим человеком?* *[II]

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Абид Саидова убил Бату — ваш человек?

ИКРАМОВ. Да.

(Движение в зале).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

4 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
4/III-38 г.

Светло. Голубой потолок, белые стены, голубые панно, в которых плавают белые амуры. Темно-голубые занавески (так же, как и на окнах), красный ковер. Народ, с оживленными лицами, толпится, переговаривается, впереди женщина в зеленом платье с крашеными волосами.

Такой же голубой зал с белыми колоннами, голубые занавески. На эстраде зеленый стол. Пол покрыт туркменским ковром. Ложи раньше задрапированы красным, теперь они зеленые. Сидит, положив локти на передний стул, Москвин и разговаривает с майором.

Первым входит Бухарин, последним, волоча ноги, Крючков, в очках, держа ...нюю[III] папку. Перед тем как садиться, поправил микрофон. Похудевшие. Крайний к тому концу, Бухарин. Доктор Левин в пенсне. Из-за его плеча виден один глаз Крючкова. Ходжаев, гладко стриженный, смуглый. Рядом с ним в лысине, в усах, почтенный с виду Раковский, такие могут быть коммерсанты.

Розенгольц. Черный с усами, плачет. Розовый Вышинский. Бледный. В темно-коричневом костюме, в голубой рубашке, слегка шепелявит. Рядом с рукой кружка голубоватая. Читает, видимо, по мелко исписанной бумажке.

Ходжаев трет пальцем глаза.

---

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях две горизонтальные линии (красный карандаш).

[III] Часть слова не дописана и не поддается восстановлению.

Крестинский говорит торопливо. Очками прикрывает глаза. Лысина, очень моложав.

Он говорит о директивах Седова.

— [Бди]тельность?

— Они должны заключаться в том, надо ставить людей, которые бы были верны Троцкому.

— А по существу деятельности?

Он делает успокаивающий жест рукой и читает спокойно. Поднимает голову, даже успевает взглянуть в сторону — делает пальцем жест в стороны — «Это в сторону Германии и Японии».

Идет стенографистка в сером. Он взглянул на нее, продолжает.

— Ускорить переворот, не дожидаясь событий?

— 34?

Пауза. Молчит. Затем говорит уже торопливо.

— Ряд провалов...

Раковский гладит усы.

Крестинский — тенор. В сером жилете.

— 36 году — Тухачевский, не увязывать с началом войны, ускорить, поторопить переворот.

Рыков с громадной головой.

Он говорит со злостью. Смотрит на голубой потолок. Подстриженная бурая борода. Говорит, заикаясь, протяжно.

— Ответить на смерть Пятакова террористическим актом против руководства партии и правительства.

Крестинский. Получены по линии Аркадия Павловича. Негодование Троцкого на признание Пятакова, указал.

— Удастся обмануть?

Качнул головой.

Розенгольц начинает спокойно. О совещании с Тухач.[евским] на его квартире в конце марта. Переворот удастся осуществить в половине мая. Ряд вариантов... в момент совещания...

Тишина в зале.

— Захв.[атить] и убит.[ь] руководителей партии и правительства. Один из возможных вариантов Тухачевск.[ого.]

...навалился[1]*. Розенгольц откидывается, берет кружку.*

Торопится Тухачевский и Крестинский.

— Вы хотели ускорить?

— До ноября 36 г. я так не думал. Разговор был с Тухачевским совместный. После коронации английского короля.

— Связь с Гамарником?

Думает долго.

— Нападение на НКВД.

— Террор остался беспризорным. А Троцкий писал о необходимости терактов. — играет пальцами Крестинский. — Гамарник взял на себя. Мы не говорили конкретно.

Розенгольц продолжает лекцию, откинувшись назад, перечисляет, кто с ним работает, подчеркивает связь с Троцким. 300 тыс. долларов передано Троцкому через соотв.[етствующие] фирмы. Через немца 110 тыс. в течение трех лет.

— А по мелочам?

---

[1] Часть предложения отсутствует и не поддается восстановлению.

Он поднимает палец.

Он улыбается:

— Не к тому, чтобы себе выгадать...

— 25 тыс. фунтов...

Рыхлое лицо с черными волосами.

— Начиная с 31 г. секр.[етные] сведения... до 36 г. — он улыбается. — Я говорю, какая картина была.

Крестинский наклоняется и говорит.

...требования[I] *— контрразведчиков, получались деньги, затем передавал деньги Троцкому.*

Ф. Ходжаев зевает, прикрывает рот рукой. Слегка лыс.

Розенгольц — как будто продолжает доклад, цинк, чугун в Японии, выдача ордеров, заключение невыгодных договоров. Особо нужно отметить — задержка оборон. т. экспорта[II].

— Вот, собственно, все основное...

Сложил бумажку и положил в карман.

Крестинский (выпил) — Это измена отечества ... Я это сделал с содроганием, сговариваясь с Сектом.

Прокурор, розовый, с седыми волосами, подперев голову, спрашивает и смотрит на публику.

Когда Сект не дает денег, и тогда он ставил предположения — шпионская информация приняла более постоянный характер, и чтобы троцкисты пришли к власти, экономическое положение. Ответ: «Информация стала носить систем.[атический] характер, а не спорадический»...

200 млн. марок получено.

— Больше отношения к этим денежным делам я не имел. — выпил из чашки воды, покачивается. Говорит даже с удовольствием. Худые руки, красные.

— Я думаю, что он больше меньшевик, чем троцкист, — улыбается очень легкой улыбкой. — Да, да...

Любит уточнять.

— Но это для Истпарта, — бегло бросает Вышинский.

— Да, да...

— А физическая сторона 250 т.[ыс.] марок?

— Это секретная троцкистская сторона.

— Вы это подтверждаете? Что в 1920 г. в июне Троцкий с ген.[ералом] секрм[III]

Небрежно: «Да».

— Собственно через отдел печати, сведения инкоров. Этим заведов.[ал] Мир[о]нов, так как Радеку было трудно.

Осматривает иностр.[анных] корреспондентов.

— Он исполн. с широкими полномочиями, — говорит, улыбаясь.[IV]

— До 29 [г.] новая концепция еще недодумана, — покачивается, — террор и вредительская деятельность — эта сопутствующая, но не захват власти.

— Как можно захватить власть?

— Мы в разговорах думали. Мы думали, что без помощи воор.[уженной] извне, не о[бо]йтись. И поэтому... — подчеркивает, покачивается.

Слушая прокурора наклоняется, затем откидывается и говорит, прикасаясь руками к жилету. Прокурор стоит, заложив руки за спину.

[I] Текст не читается. Вероятно, «контртребования».

[II] Так в документе. Вероятно, следует: «задержка оборонного экспорта»

[III] Так в документе. Вероятно, следует: «Сектом».

[IV] Так в документе. Восстановить не удалось.

Меняется караул из четырех человек.

— Я сам лгал, — смеется, говоря о Бессонове.

...соглашение для победы, — и делает ручкой, — над Кр.[асной] армией. Разводит ручками. Почешет в ухе.

У всех остатки достоинства. Левин идет важно, животом вперед, плечи назад. Спокойно и несколько пренебрежительно говорит Рыков.

В проходах с красными повязками на руках «дежурные по залу».

Идут. Впереди, понурившись, Бухарин, очень гордо доктор Казаков, Ягода в черном, с большими усами, седой, неопрятный, заломив руки за спину и слегка наклонив голову. Крестинский сидит, положив руки на деревянную решетку, слегка помахивая рукой.

Бухарин держится рукой за голову. Он тощий, похож на ободранного цыпленка. Командир сильный, большой, наклоняется к нему и затем оборачивается и говорит, — с уха на ухо, — с другим командиром.

— Основные силы соглашения еще не разгромлены... — он подчеркивает и играет руками, — на съезде советов Тухачевский имел взволнованный разговор... Если Ягоду раскопают. Надо начинать самим, ждать военного наступления нечего. Переговорили с Розенг.[ольцем] и Рудзутаком. Дело не терпит. Запросили Троцкого.

— Обращение к населению — свергли плохое правительство и ставим хорошее. Не выступать в воззваниях по вопросу о земле, несколько изменяет то обво? отношения[1].

В конце речи он смотрит более часто на барьер, разводит руками и говорит «так сказать».

— Рассчитывали на арестованных как на кадры, захватив тюрьмы и НКВД, мы могли поставить на руководящую работу. Тухачев.[ский] настаивал, и тогда выделили Гамарника.

В конце говорит очень медленно.

— Шпионом?

— Не с 21 г., а с 23 г.? Будем говорить с 22 г., хотя это и было с 23 г. фактически. Происходила известная эволюция.

— В центре? Членом?

— Членом группы при центре (смех).

— Розенгольц.

Раковский. С бородой, тонкий голос. Показывает, какими нитями был связан. В руках очки. Он ими играет.

Высоким голосом:

— Моя изменнич.[еская] работа, — тише, — делится на два периода.

Он почти поет. Почти убеждает. Он говорит мимо микрофона, наклонившись, и даже перегибается. Он убеждает, в чем его убеждал Муралов. Он откидывается и убеждает затем самого себя.

Крестинский протирает глаза, затем дует на очки и протирает их.

— Юренев показывает письмо, — он поднимает ладонь, — Пятакова, которое я сам ему привез.

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Переходим к допросу подсудимого Розенгольца.

---

[1] Так в документе. Вероятно, следует: «несколько изменяет то обращение».

Показания ваши, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Т. Прокурор, вы имеете вопрос?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу.

*ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Розенгольц, расскажите кратко о вашей преступной деятельности начиная с того момента, который открывает вам дорогу к право-троцкистскому блоку.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я несколько слов скажу о более раннем периоде.*[1]

Я, как известно, был участником троцкистской профсоюзной оппозиции во время профсоюзной дискуссии в 1920—1921 гг.[116] Затем в 1923 г. я подписал так называемую платформу «46»[117], хотя в тот период со значительными оговоренными разногласиями.

В начале 1925 г. у меня наметились известные разногласия с Троцким, в связи с требованием, которое я предъявил Троцкому о том, чтобы он признал ошибочность теории так называемой «перманентной революции»[118]. Он это категорические отклонил и на этой почве было охлаждение отношений и известные расхождения.

С Троцким отношения у меня восстановились, хотя и не непосредственно. [, в] *В* 1929 г. [в связи с приездом] Крестинск*ий*[ого, который] привез [директиву] *мне директиву* Троцкого о том, чтобы Крестинский и я законспирировались и по возможности заняли бы ответственное положение, заняли бы выжидательную позицию до того момента, когда соответствующие силы в стране, по мнению Троцкого, могли одержать верх, и мы могли бы принять участие в организации новой власти.

Так было примерно до 1933 г. В 1933 г. в связи с новой директивой и с нашими решениями мы вступили на путь более активной, нужно прямо сказать — активной преступной деятельности.

Прежде всего, какие за это время были встречи?

Тут было получено письмо Крестинского в начале 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. А до 1933 г., скажем в 1929 г., у вас была переписка с Троцким, когда Троцкий был уже за границей[119]?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Вы говорите о 1929 г.?

ВЫШИНСКИЙ. Да, я спрашиваю, была у вас в 1929 г. переписка с Троцким, или, может быть, вы получили через другое лицо, или в письменной форме указание от Троцкого?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Основным был приезд Крестинского, который передал устную директиву.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в 1929 г. Крестинский привез вам директиву от Троцкого?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы скажете на этот счет, [обвиняемый] *подсудимый* Крестинский?

КРЕСТИНСКИЙ. Тут имеется некоторая [путаница во времени.] *неточность*. Я виделся с сыном Троцкого в конце 1929 г. Я работал тогда за границей и мог передать Розенгольцу эту директиву только [в] *в начале* 1930 г.[у.]

ВЫШИНСКИЙ. Разница между концом 1929 г. и началом 1930 г. небольшая. Мне здесь важно установить, что вы действительно передали некую директиву Троцкого Розенгольцу. Значит, это было [в 1930 г., а не] в *конце* 1929 г. [у] *или начале 1930 г.*

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я об этом уже сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в конце 1929 г. или, вернее, в начале 1930 г. вы получили от Троцкого через Крестинского некую директиву.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я об этом уже сказал.

[В] *Далее, в* 1933 г. [было] Крестинским *было* получено письмо из-за границы. Затем, когда Крестинский сам был за границей, он имел свидание. [Потом я в] *В* 1933 г. *я* был за границей и в Фельдене в Австрии имел встречу с Седовым, имел с ним несколько продолжительных разговоров вблизи дома, где я жил. Затем я виделся с Седовым в 1934 г. в Карлсбаде.

ВЫШИНСКИЙ. Содержание ваших разговоров?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Вот я хочу сообщить.] Седов передал следующие основные директивы [во время этих разговоров.] *Троцкого.* Я здесь излагаю те директивы, которые я получал во время разговоров от Седова и *которые сообщались через Крестинского, потому что они были*[1] совпадающими в основном. Значит, это относительно связи с правыми. Рекомендовалось связываться с правыми и работу вести в контакте с ними.

ВЫШИНСКИЙ. С кем конкретно?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Мне это не говорилось. Крестинский мне об этом сообщал, но фамилии не назывались, кроме Тухачевского.

ВЫШИНСКИЙ. Но предполагалось?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [А] Крестинский сообщал, что он имел указания в отношении Рыкова и Рудзутака. [Затем в отношении Тухачевского.] Седов много говорил о необходимости максимальной, возможно, более тесной связи с Тухачевским, поскольку, по мнению Троцкого, Тухачевский и военная группа должны были быть решающей силой [в военном перевороте и вообще в возможном перевороте. Тут в этих] *контрреволюционном выступлении. В* разговорах выявилось [в то же время очень большое] *также* имеющееся у Троцкого опасение в отношении [Тухачевского и в отношении] бонапартистских [его] тенденций *Тухачевского.* В одном разговоре Седов сообщал о том, что Троцкий даже высказывает опасение в том отношении, что если Тухачевский удачно совершил бы военный переворот, то он, возможно бы, не пустил Троцкого в Москву, и в этом отношении указывал на необходимость максимальной бдительности с нашей стороны. Во исполнение этих директив относительно связей...

ВЫШИНСКИЙ. В чем же должна был заключаться эта бдительность?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Бдительность должна была заключаться, по мнению Седова, в том, что в момент] *Поэтому Троцкий предлагал во время* переворота [и после переворота на ряд ответственных постов] *повсюду* ставить *своих* людей, которые были бы верны троцкизму и на которых можно было бы положиться в отношении бдительности. Я уже не говорю о ряде технических мелочей, которые не имеют здесь значения.

Во исполнение этой директивы Крестинский был связан с Тухачевским. В течение всего этого периода времени, с 1933 по 1937 г. у меня связь была с Рыковым и с Рудзутаком. Наиболее существенный момент в этих переговорах *с Седовым* — это вопрос относительно наметки состава правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, это, может быть, потом немножко. Пока по существу преступной деятельности расскажите.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я перечисляю главнейшие вопросы. [Затем в этих директивах также сообщал] Седов *также передал директивы Троцкого по организации* [об установках Троцкого в отношении] террора, указывая, что в тот пе-

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш)

риод эти указания о терроре — они не должны иметь непосредственного практического отношения ко мне и к Крестинскому по конспиративным соображениям, т.к. по этому поводу даются специальные поручения имеющейся на этот счет специальной организации Ивана Никитича Смирнова.

В 1933 же году были директивы и указания в отношении [осуществления] вредительства в области внешней торговли. Поскольку Седов сообщил об имеющемся *соглашении у Троцкого*[1] с соответствующими германскими кругами, вопрос вредительства имел с этой точки зрения очень существенное значение для Троцкого. [, и качество] *Для* поддержания и его авторитета, и поддержания [этого] соглашения. [, причем о] *О*сновные линии вредительства шли в направлении возможной помощи в области внешней торговли интересам Германии и Японии. [с этой точки зрения.] Затем был поставлен вопрос, и он несколько раз и очень настойчиво ставился со стороны Троцкого и Седова, [это] вопрос о финансировании [, использовании внешней торговли,] *через* каналы[ов] внешней торговли [для финансирования] троцкистского движения. В течение 1935—1936 гг. так же был известен обмен письмами из-за границы в Москву и обратно по этим вопросам. Я остановлюсь на письме 1937 г., которое пришло на имя Крестинского уже после процесса над Пятаковым[120].

ВЫШИНСКИЙ. Это уже 1937 г.?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. А несколько раньше? Я бы хотел остановиться, скажем, возьмем 1935 или даже 1934 г., вот эту вторую вашу встречу в Карлсбаде.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я об этом говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Я понимаю, что вы говорили. Как тогда ставился вопрос о войне?

РОЗЕНГОЛЬЦ. В отношении войны линия у Троцкого была на поражение [и вопрос о перевороте возможном]...

ВЫШИНСКИЙ. Предполагалась, что будет война? Когда?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Это несколько оттягивалось, в] *В* 1935 и 1936 гг.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Троцкий предполагал, что война должна возникнуть в 1935—1936 гг. и в этой связи...

РОЗЕНГОЛЬЦ. Стоял вопрос о перевороте. Причем здесь произошло изменение в установках, потому что [в этот период] *сначала* шел вопрос о желательности и необходимости осуществления военного переворота *применительно* к срокам возможного начала войны. Тут разница могла быть в течение нескольких недель. [В то время как] *А потом* ввиду выяснившейся оттяжки войны стал вопрос о том, что желательно ускорить переворот. [, э] Это было уже в 1937 г., не дожидаясь военных событий.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо. Значит, в 1934 г., во время беседы с Седовым, стоял вопрос о войне 1935—1936 гг. и о ставке на поражение.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Не пришлось ли вам в 1934 г. говорить с кем-либо из руководителей блока на эту же тему? [.]

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я так точно не вспоминаю в отношении 1934 г., трудно по отдельным датам вспомнить.

ВЫШИНСКИЙ. Но Рыкова в 1934 г. не встречали?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Несомненно, встречал. Во всяком случае, после этих директив такой обмен и контакт был.

ВЫШИНСКИЙ. Был?

---

[1] * * — инверсия: «*соглашения у Троцкого*».

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

РОЗЕНГОЛЬЦ. В 1937 г. ...

ВЫШИНСКИЙ. До 1937 г. еще один вопрос — не пришлось ли вам с Рыковым на эту тему говорить и в 1936 г.?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Об этом были разговоры в течение всего этого периода и в 1934, и в 1935 и в 1936 гг.

ВЫШИНСКИЙ. Шла подготовка?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да, причем у Рыкова была главная ставка и надежда на восстание в деревне.

ВЫШИНСКИЙ. Это до 1936 г., а в 1936 г. на что была главная ставка?

РОЗЕНГОЛЬЦ. На военный переворот, на группу Тухачевского.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не припоминаете, как вообще Рыков относился к оттяжке сроков [восстания Тухачевского.] *контрреволюционного выступления?*

РОЗЕНГОЛЬЦ. Он относился *к оттяжке сроков выступления* очень нежелательно.

ВЫШИНСКИЙ. Нервничал?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Он, понятно, не очень нервничал, [а было опасение у] Рыкова и других [о том] *было опасение*, что оттяжка [этим самым] может вызвать целый ряд провалов. [и может дезорганизовать.]

ВЫШИНСКИЙ. Говорил ли вам Рыков, что Тухачевский обещает выступить, а не выступает?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А кто еще говорил?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Об этом говорил и Крестинский, и Седов передавал мнение Троцкого. Так что это был постоянный и основной метод в разговорах.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить обвиняемого Крестинского и Рыкова?

[Обвиняемый] *Подсудимый* Крестинский, подтверждаете ли вы показания обвиняемого Розенгольца?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, но есть некоторые сравнительно незначительные неточности.

ВЫШИНСКИЙ. В основном?

КРЕСТИНСКИЙ. В основном, да. Но неточность заключается в том, что в 1933 г., вначале, у меня не было письма от Троцкого, от него, видимо, имел письмо Радек.

ВЫШИНСКИЙ. А о письме на имя Рыкова вы знали?

КРЕСТИНСКИЙ. От Радека я знал.

ВЫШИНСКИЙ. Он показывал?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, он рассказывал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы знали?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, я знал. Но письма я начал получать после Меранского свидания и разговаривал с Тухачевским не в 1933, а в 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ. [Меня интересует такой вопрос,] *Подсудимый Крестинский,* скажите, в 1936 г. вы говорили Розенгольцу о том, что Тухачевский медлит с [восстанием] *контрреволюционным выступлением?*

КРЕСТИНСКИЙ. Говорил, но тут, по-моему, иначе было.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили на эту тему или нет?

КРЕСТИНСКИЙ. Да. Дело в том, что в 1933 г. Троцкий разговаривал со мной в Меране, он подробно развивал пораженческую теорию.

ВЫШИНСКИЙ. Вы об этом потом скажете, а вы скажите в части показаний, которые суд слышал от обвиняемого Розенгольца, который говорил,

что в 1936 г. Рыков нервничал и говорил, что Тухачевский назначает срок осуществления своего преступного плана — восстания и оттягивает. Об этом сказал Розенгольц, говорил и Крестинский. Я спрашиваю, правда это?

КРЕСТИНСКИЙ. Это не так, потому что с самого начала с Тухачевским было обусловлено, по поручению Троцкого, что выступление будет увязываться с войной. [, потом изменения этого произошли только в] *В конце 1936 г. [и] вопрос был поставлен одновременно и Троцким за границей в письме Рыкову[1] и Тухачевским самим о том, чтобы ускорить переворот и чтобы этого не увязывать с началом войны.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. То есть выступать, не дожидаясь войны?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. То есть ускорить войну, то есть поторопиться.

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Тухачевский торопил?

КРЕСТИНСКИЙ. В конце 1935 г. Тухачевский стал торопить.

ВЫШИНСКИЙ. А вы в это время торопили его?

КРЕСТИНСКИЙ. Я с ним согласился.

ВЫШИНСКИЙ. Торопили или нет?

КРЕСТИНСКИЙ. Я не торопил, но соглашался.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы [держались точки зрения, что] *считали, что надо* ускорить [войну] *контрреволюционное выступление*, т.е. поторопиться. Если держались такой точки зрения, значит, торопили?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, но в более поздний период.

ВЫШИНСКИЙ. В конце 1936 г.? Мне важно знать, что вами овладевало нетерпение, нетерпеж, ускорение Тухачевским восстания, и об этом вы заявили Розенгольцу.

КРЕСТИНСКИЙ. Да, в 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он правильно говорит?

КРЕСТИНСКИЙ. Это было в ноябре месяце 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. Но ноябрь 1936 г., это 1936 г.?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить обвиняемого Рыкова?

Обвиняемый Рыков, правильно ли излагает вопрос обвиняемый Розенгольц?

РЫКОВ. Относительно Тухачевского?

ВЫШИНСКИЙ. Вы с Тухачевским разговаривали?

РЫКОВ. С Тухачевским? Нет.

ВЫШИНСКИЙ. С Розенгольцем разговаривали?

РЫКОВ. С Розенгольцем я разговаривал раза два.

ВЫШИНСКИЙ. Относительно того, что вы торопили и говорили, что Тухачевского надо торопить?

РЫКОВ. Нет, этого не было.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Розенгольц, где у вас происходила встреча?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Встреча с Алексеем Ивановичем Рыковым была в кулуарах Совнаркома, и я твердо помню, что такой разговор был.

ВЫШИНСКИЙ. Был?

РЫКОВ. Я тоже твердо помню, что такого разговора не было.

ВЫШИНСКИЙ. А о выступлениях, предполагавшихся Тухачевским, вам было известно?

---

[1] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

РЫКОВ. Я вчера сообщал, что существовала военная группа, связанная с переворотом и заговором.

ВЫШИНСКИЙ. А сегодня это подтверждаете?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы только не припомните такого разговора с Розенгольцем, но сам факт остается фактом?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Но с существовавшей заговорщической группой вы были в связи?

РЫКОВ. Я был в связи через Томского и Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. Через Томского и Енукидзе?

РЫКОВ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. (К Розенгольцу). Вы припоминаете, что Крестинский и Рыков говорили на эту тему?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы реагировали на арест Пятакова в этом плане?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Я к этому и перехожу.] Уже после [процесса] *суда* над Пятаковым[121] пришло письмо [из-за границы] *от Троцкого,* в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание [.] *у меня на квартире.*

ВЫШИНСКИЙ. А что это за письмо было, нельзя ли подробнее узнать?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Там *Троцким* ставилось несколько вопросов. Прежде всего указывалось, что если будут медлить, то произойдет то, что [по отдельным] *по* частям будут разгромлены все контрреволюционные силы. Поэтому, поскольку уже значительный разгром кадров произведен, необходимо ряд возможных акций максимально ускорить.

ВЫШИНСКИЙ. Например.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Главным образом, ставилось два вопроса: первый вопрос — относительно того, чтобы на постановление о Пятакове ответить террористическими актами.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. на приговор суда?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Да, на постановление] *В ответ на приговор* суда о расстреле Пятакова [ответить] *ставился вопрос об организации* террористических[ми] акт*ов.*[ами.]

ВЫШИНСКИЙ. В отношении кого?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [В ответ на приговор суда о расстреле Пятакова ставился вопрос об ответе террористическими актами в] *В* отношении руководителей партии и правительства и вопрос в отношении максимального форсирования военного переворота.

ВЫШИНСКИЙ. Больше ничего в этом письме не содержалось?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Ставился вопрос о большей активности меня и Крестинского.

ВЫШИНСКИЙ. *[Не]* А не содержалось ли в этом письме мнения Троцкого о поведении на суде Пятакова? Не припоминаете ли вы, что в этом письме Троцкий давал оценку поведения *на суде* Пятакова [на суде], сознавшегося в своих преступлениях?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я точно не припоминаю этого момента. Здесь мне наиболее запомнились два момента, о которых я говорил: относительно активного момента в предложении Троцкого об ответе терактами и вопрос относительно ускорения военного переворота.

ВЫШИНСКИЙ. Это два вопроса по существу о преступной деятельности, а третий вопрос по отношению тактики.

(К суду). Разрешите спросить обвиняемого Крестинского.

Обвиняемый Крестинский, вы не припоминаете, что Троцкий писал в этом письме?

КРЕСТИНСКИЙ. В одном из писем, полученных в первой четверти 1937 г. по линии Аркадия Павловича...

ВЫШИНСКИЙ. Что значит по линии Аркадия Павловича?

КРЕСТИНСКИЙ. Через его заграничную связь.

ВЫШИНСКИЙ. Через Розенгольца?

КРЕСТИНСКИЙ. Да. У меня связь после отъезда Бессонова и его ареста оборвалась.

[Так, в] *В* этом письме было [указано,] негодование Троцкого по поводу поведения Пятакова. [и так, что б] *Б*ыло предложение о том, чтобы в дальнейшем, если такой случай будет, — так себя не вести.

ВЫШИНСКИЙ. А как себя вести?

КРЕСТИНСКИЙ. Не признавать свою вину.

ВЫШИНСКИЙ. Это еще тогда было указание Троцкого?

КРЕСТИНСКИЙ. Было. Это была в письме как бы деталь, незначительная часть, это не рассматривалось как нечто актуальное, этому было посвящено несколько предложений.

ВЫШИНСКИЙ. На предварительном следствии вы так показывали (лист дела 72): «Второе письмо... В этом письме Троцкий резко критиковал позицию Пятакова на процессе[122] и предлагал, в случае дальнейших арестов, не признавать себя виновными и не давать показания». Правильно ли это?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Да. Так и было?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, ваше поведение на суде два дня тому назад тоже было продиктовано вот этой директивой?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет. [, оно было продиктовано именно теми соображениями...]

ВЫШИНСКИЙ. Но эту директиву Троцкого вы помнили?

КРЕСТИНСКИЙ. Помнил, но не этим было продиктовано мое поведение. Это было увязано с теми моментами, о которых я указал вчера.

ВЫШИНСКИЙ. Вы когда были арестованы?

КРЕСТИНСКИЙ. В конце мая.

ВЫШИНСКИЙ. А когда вы признали себя виновным на предварительном следствии?

КРЕСТИНСКИЙ. В основном преступлении, которое мне было наиболее тяжело признать, именно о связи моей с немецкой разведкой и с генералом Сектом, я сделал через неделю, на первом допросе.

ВЫШИНСКИЙ. А неделю отрицали?

КРЕСТИНСКИЙ. К концу первого допроса я признался.

ВЫШИНСКИЙ. Не потому ли отрицали свою вину, что хотели выполнить директиву Троцкого?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, я просто надеялся, что мне поверят и что...

ВЫШИНСКИЙ. Что вам удастся обмануть.

КРЕСТИНСКИЙ. Что мне удастся обмануть, что мне удастся, тем самым, спастись.

ВЫШИНСКИЙ. Но не удалось!

КРЕСТИНСКИЙ. Не удалось.

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо. Продолжаем с Розенгольцем.] *Подсудимый Розенгольц, продолжайте.*

РОЗЕНГОЛЬЦ. Момент, на котором я остановился, это [единственное] совещание, которое было с Тухачевским. Оно было в конце марта. Крестинский на очной ставке внес поправку, что оно было в начале апреля, но это разногласие несущественное. Было совещание с Тухачевским.

ВЫШИНСКИЙ. Где было это совещание?

РОЗЕНГОЛЬЦ. У меня на квартире.

ВЫШИНСКИЙ. У вас на квартире совещание, с кем?

РОЗЕНГОЛЬЦ. С Тухачевским и с Крестинским.

ВЫШИНСКИЙ. Когда было совещание, дайте точную дату?

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Я точно не могу вспомнить. Я помню, что э] Это было в конце марта *1937 г.*

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

РОЗЕНГОЛЬЦ. На этом совещании Тухачевский сообщил, что [силы военные, которые у него имеются, и организация — это вполне надежная организация, что] он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая ему удастся этот военный переворот осуществить. [, кремлевский переворот осуществить.]

ВЫШИНСКИЙ. В чем заключался план этого [переворота] *контрреволюционного выступления*?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это возможность [значительной] *для* группы военных, *его сторонников* [командиров, которые должны были] собраться [в момент какого-либо центрального военного совещания, — собраться] у него на квартире под каким-нибудь предлогом, проникнуть в Кремль, [овладеть Кремлем,] захватить кремлевскую станцию и убить руководителей партии и правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Это был его план или был ваш общий план?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Мы этот план его не обсуждали. Он просто сообщил нам его как один из вариантов, на который он возлагает большие надежды.

ВЫШИНСКИЙ. А вы предоставляли уже ему действовать?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Ну, понятно. Мы не могли входить в эти вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. А почему он посвящал вас в этот план?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Поскольку мы вообще ставили вопрос о военном перевороте.

ВЫШИНСКИЙ. Как руководители этого выступления?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Этого заговора?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте Крестинского сейчас спросить.

(К Крестинскому). Вы подтверждаете это?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, подтверждаю. *Совещание это было у Розенгольца.*

...Это было в начале апреля. Мы в этом совещании говорили уже об аресте Ягоды и исходили из этого ареста как из факта. Об аресте Ягоды я узнал 2—3 апреля. Значит, это было в апреле месяце.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были также осведомлены об участии Ягоды в заговоре?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, я об этом уже говорил вчера.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь.

Обвиняемый Розенгольц, продолжайте.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Тут же встал вопрос о теракте. Мы с Крестинским обсуждали этот вопрос о возможном террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Крестинский, обсуждали вы вопрос о [теракте] *террористическом акте* против Вячеслава Михайловича Молотова?

КРЕСТИНСКИЙ. Мы обсуждали с ним вопрос иначе — в более широком разрезе...

ВЫШИНСКИЙ. Этот вопрос стоял у вас?

КРЕСТИНСКИЙ. Мы с ним говорили вообще о необходимости восстановить террористическую деятельность троцкистов, прервавшуюся после смерти Пятакова, и на эту тему мы говорили с Розенгольцем и Гамарником, говорили о необходимости террористических актов против руководителей партии и правительства.

ВЫШИНСКИЙ. *Против* [К]*кого* именно?

КРЕСТИНСКИЙ. Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович, но специально [теракта] *террористического акта* в отношении [Вячеслава Михайловича] Молотова в деталях мы не обсуждали.

ВЫШИНСКИЙ. Меня не интересует детали. Был у вас разговор о подготовлявшемся [теракте] *террористическом акте* против т. Молотова?

КРЕСТИНСКИЙ. Не о подготовлявшемся, а о необходимости подготовить[I].

*ВЫШИНСКИЙ. [Но вы] *И так вы* говорили о необходимости подготовить теракт для того, чтобы его подготовить[II]?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь.*[III]

Обвиняемый Розенгольц, продолжайте.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Теперь — в отношении отдельных крупнейших отраслей этих преступлений и преступной деятельности...

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте поставить один вопрос предварительно. После ареста Ягоды Крестинский не высказывал ли вам своих требований об ускорении вооруженного восстания?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Он высказывал это все время и в течение 1936 г. и в течение 1937 г.

ВЫШИНСКИЙ. А после ареста Ягоды?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я так точно не помню даты ареста, когда это было, но, во всяком случае, это должно было совпадать, потому что этот вопрос он ставил и в марте, и в апреле стоял этот вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Мне интересно знать — роль Крестинского в вашем заговоре была достаточно активной или нет?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Об ускорении переворота Крестинский совершенно отчетливо ставил вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Одно дело отчетливо ставить вопрос, другое дело — направлять это дело, — торопить, организовывать, настаивать на осуществлении плана заговора.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Все переговоры с Тухачевским вел Крестинский, за исключением одного совещания, которое было у меня.

ВЫШИНСКИЙ. Насколько я понимаю, по вашей концепции так выходило, что основная ваша надежда в этом преступном замысле была на группу Тухачевского. Так это?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (зеленые чернила)

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

[III] * * — рядом на полях галочка (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. С этой группой прямую и непосредственную связь держал кто?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Крестинский.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, он в известной мере, как член блока, организует деятельность этой группы. Так я понимаю?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Понятно.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, ему в этом деле принадлежит одна из ведущих ролей?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Он все время торопил Тухачевского...

ВЫШИНСКИЙ. И когда вы на предварительном следствии говорили, что Крестинский после ареста Ягоды или даже раньше — после ареста Пятакова — особенно остро ставил вопрос перед Тухачевским, то это так и было в действительности? Это характеризует энергию, какую развивал тогда Крестинский в этом вопросе?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я не хочу и не имею оснований специально выделять Крестинского...

ВЫШИНСКИЙ. Вы — нет, а у меня есть основания...

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю как человека, который вместе с Крестинским организовал этот черный заговор.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Крестинский так же, как и я, считал необходимым ускорение этого переворота и торопил Тухачевского систематически.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый Крестинский, п][1] *П*равильно ли, что вы систематически торопили с [этим] переворотом Тухачевского?

КРЕСТИНСКИЙ. Начиная с ноября 1936 г. я был решительным сторонником максимального ускорения этого переворота. Торопить Тухачевского не приходилось, ибо у него было такое же настроение, и он сам поставил перед нами — перед правыми, передо мной, Розенгольцем и Рудзутаком — этот вопрос и просил нашего согласия на отделение этого выступления от военного нападения. Так что торопить его не приходилось. [и н] *Н*аши настроения в вопросе в перевороте совпадали.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *(Розенгольцу)*. Розенгольц, почему вы утверждаете, что Крестинский систематически торопил Тухачевского с осуществлением этого переворота?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Потому что он сам информировал меня об этом, информировал о том, что он ведет переговоры в течение длительного времени и что Тухачевский дает ему обещания, устанавливает сроки, которые не выдерживает.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Крестинский, вы высказывали мысль о необходимости ускорить этот акт?

КРЕСТИНСКИЙ. До ноября 1936 г. я не мог этого делать, потому что для всех нас было несомненным в то время, что это выступление не может произойти ранее нападения на Советский Союз иностранных государств. Но после этого у нас были совместные разговоры, и стоял вопрос о том, как ускорить это выступление. Это было в пределах марта 1937 г., со времени возвращения Тухачевского из отпуска[123], и до конца марта я с ним несколько раз говорил на эту тему, а затем сообщил Розенгольцу, но не в такой форме, что Тухачевский назначил какой-то определенный срок и его не выдерживает, потому что срока никакого не было установлено. На квартире у Розенгольца разговор был более определенный. Тухачевский предполагал

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

поехать в Лондон на коронацию английского короля[124], чтобы не вызывать никаких подозрений. Но когда выяснилось, что эта поездка отменена, он сказал, что в первой половине мая он поднимет восстание.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Тухачевский заявил, что в первой половине мая он поднимет восстание?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, он это заявил.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте, обвиняемый Розенгольц.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я хочу теперь коснуться преступного использования канала Наркомвнешторга в своей троцкистской деятельности.

ВЫШИНСКИЙ. *(Розенгольцу.)* [А относительно встреч] *Что вы скажете о* ваших *встречах* с Гамарником*?* [вы считаете вопрос исчерпанным?]

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я подтверждаю те показания, который я давал на предварительном следствии.

ВЫШИНСКИЙ. Какие [?] *именно?* [Суд, может быть, не слышал их.]

РОЗЕНГОЛЬЦ. [По вопросу о] *О*тносительно Гамарника основным моментом является то, что Гамарник сообщил о своем предположении, повидимому, согласованном с Тухачевским, о возможности *захвата здания Наркомвнудела*[1] во время военного переворота. Причем Гамарник предполагал, что это нападение осуществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством, полагая, что он в достаточной мере пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковым частях. [Он считал, *рассчитывал,* что это нападение, несомненно, должно увенчаться успехом.] Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих. Помню, что он назвал фамилию Горбачева.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, кроме того, что Тухачевский вас посвящал в план своего преступного заговора, вас также посвящал в этот план и Гамарник?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Крестинский участвовал в этих разговорах с Гамарником в обсуждении этого плана?

РОЗЕНГОЛЬЦ. В этом разговоре он не участвовал.

ВЫШИНСКИЙ. А в другом случае?

РОЗЕНГОЛЬЦ. У меня были разговоры с Гамарником без Крестинского.

ВЫШИНСКИЙ. Крестинский не принимал участие?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А вам неизвестно — у Крестинского были такого рода переговоры с Гамарником?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Эти разговоры с Гамарником, которые были у Крестинского, они мне неизвестны.

ВЫШИНСКИЙ. Неизвестны?

(К Крестинскому). Крестинский, что вы скажете по этому поводу?

КРЕСТИНСКИЙ. У нас был один общий разговор с Гамарником и Аркадием Павловичем Розенгольцем, где обсуждался вопрос о терроре. Когда мы увидели, что это дело, с которым мы во времена Пятакова не были связаны, после его расстрела осталось беспризорным в наших троцкистских рядах, потому что этим делом никто не занимался, а вместе с тем было ясно, и Троцкий писал о необходимости террористических актов, тогда мы встретились втроем, чтобы переговорить относительно того, как быть. И в этом разговоре мы единодушно пришли к тому мнению, что из нас троих, в качестве людей, могущих за это дело взяться, мы с Розенгольцем не подходим,

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

т.к. по роду нашей работы и наших связей мы не были связаны с теми группами членов партии и граждан, которые бы могли взять на себя задачу по подготовке и совершению террористических актов.

ВЫШИНСКИЙ. Словом, это дело взял на себя Гамарник?

КРЕСТИНСКИЙ. Да. И после этого мы уже с ним — ни Розенгольц, ни я — не говорили конкретно о том, что он делает, а он нам говорил, что это у него идет, что он подбирает кадры, подбирает группы.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Относительно использования каналов связей по внешней торговле для преступных троцкистских связей. Я бы мог назвать, что Иван Никитич Смирнов в свое время использовал внешнюю торговлю. Я знал, что Гольцман работал во внешней торговле, затем Герцберг, работал такой в Берлине и имел связь с Троцким, потом Биркенгоф поддерживал связь с Троцким, с Гавеном. В более последнее время это Краевский и Шостак. Но основная связь осуществлялась через Наркоминдел, поскольку в руках Крестинского была почта.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, дипломатическая почта использовалась? *[Продолжайте.]*

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, использовали дипломатическую почту и тех лиц, которые имели у него дипломатический паспорт, так что свободно могли перевозить все, что им надо.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте.

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Также п] *П*реступно была использована внешняя торговля в отношении использования и расхищения средств для финансирования троцкистского движения. Не касаясь целого ряда, может быть, незначительных операций, [я] назову[вал бы] два наиболее крупных примера. Первое это операции, которые осуществлял Краевский в размере до 300.000 долларов [в целом], которые были переданы троцкистской организации или Троцкому непосредственно.

ВЫШИНСКИЙ. В распоряжение Троцкого?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

(Движение в зале.)

ВЫШИНСКИЙ. Краевским?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. По вашему поручению?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да. Осуществлялось это через соответствующие фирмы путем использования Седова в качестве комиссионера. [и] затем *это* [непосредственно лично мною] *финансирование было организовано также мною лично,* когда я вошел в соглашение с одним официальным лицом в Москве при заключении договора.

ВЫШИНСКИЙ. С каким таким официальным лицом?

РОЗЕНГОЛЬЦ. С представителем одного из государств.

ВЫШИНСКИЙ. Одного из иностранных государств?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да. Относительно соглашения, по которому, примерно, около 110 тыс. долларов ежегодно, в течение трех лет, должен был получать Троцкий.

ВЫШИНСКИЙ. Так что финансирование Троцкого было вами налажено [и] регулярно[е] и как следует?

РОЗЕНГОЛЬЦ. *Да.* [Вот, что я сообщил, теперь подтверждаю.]

ВЫШИНСКИЙ. Это более крупное, а по мелочам? Например, в 1933 г. было передано в распоряжение Троцкого 2 тыс. фунтов стерлингов.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Это помимо меня, *но* с моего ведома, конечно, я говорю это не к тому, чтобы себя выгородить, но для точности.

ВЫШИНСКИЙ. Это по линии внешней торговли, а вы были тогда...

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я был Наркомом внешней торговли и с моей санкции и с ведома...

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вами. Значит, 2 тыс. фунтов стерлингов передано. Это тоже крупная сумма, но перед 110 тыс. долларов — это мелочь. А в 1931 г. 15 тыс. фунтов стерлингов тоже было передано Троцкому?

*РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, вы скажете, как это — 15 тыс. фунтов стерлингов — это не фунт изюма, это 15 тыс. стерлингов.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, 15 тыс. фунтов, потом еще один раз 10 тыс. *фунтов.*

ВЫШИНСКИЙ. 15 тыс., потом 10 тыс., потом 2 тыс., набирается уже 27 тыс. фунтов стерлингов.*[1]

РОЗЕНГОЛЬЦ. И еще 20 тысяч марок.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, деньги все-таки приличные.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да. Я назвал с самого начала только две, наиболее крупные суммы.

ВЫШИНСКИЙ. Я понимаю. К этому еще добавить 300 тыс. долларов. За какой срок? [За шесть лет?]

РОЗЕНГОЛЬЦ. Это с 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. С 1931 г.?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да. [Это п] *По* Экспортлесу 300 тыс.

ВЫШИНСКИЙ. По Экспортлесу — это особо. Дальше еще что [нам расскажете?] *вы имеете показать.*

РОЗЕНГОЛЬЦ. Теперь я хотел отметить еще, что в более ранние годы — в 1923 г., в связи с имевшимся у меня деловым контактом...

ВЫШИНСКИЙ. С кем?

РОЗЕНГОЛЬЦ. С немецкими военными кругами, Троцкий предложил [мне] передать Секту сведения о советских военно-воздушных силах.

ВЫШИНСКИЙ. А вы передали?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, я эти сведения [я] передал.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме денег Троцкому, вы еще передали шпионские сведения Секту?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да, это было в 1923 г.

ВЫШИНСКИЙ. И позже, потом?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Начиная с 1931 г. *передавались* сведения [были] о заказах по внешней торговле.

ВЫШИНСКИЙ. Секретные, государственные?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да. [, да, безусловно.]

ВЫШИНСКИЙ. В течение долгого срока вы обслуживали, таким образом, иностранную разведку?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Эти сведения были с 1931 г. до 1935 г. и 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1937 г.?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Не было.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я говорю просто, какая картина была.

ВЫШИНСКИЙ. Но почему такая картина? Почему в 1937 г. вы ничего не передавали?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Не были встреч.

ВЫШИНСКИЙ. Не было случая подходящего?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, не было случая.

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. А в 1923 г. вы передали генералу Секту шпионские сведения по поручению Троцкого?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Вам не известно [, кроме того, что вы передали Секту шпионские сведения,] еще кто-либо другой передавал ли аналогичные сведения *Секту в то время?*

РОЗЕНГОЛЬЦ. [Я этого не знаю.] Я знал, что у Крестинского была какая-то нелегальная связь с Рейхсвером.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы об этом узнали?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Примерно в этот же период и позже несколько, затрудняюсь сказать, но характера этой связи не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. О характере этой связи, может быть, скажет обвиняемый Крестинский.

Обвиняемый Крестинский, о какой связи с Рейхсвером говорит Розенгольц?

КРЕСТИНСКИЙ. В 1921 г. Троцкий предложил мне, воспользовавшись встречей с Сектом, при официальных переговорах предложить ему, Секту, чтобы он оказывал Троцкому систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы, причем предупредил меня, что если Сект попросит в качестве контртребования оказание ему услуг в области шпионской деятельности, что на это нужно и можно пойти. О том разговоре, который был у меня с Троцким при даче мне поручений, об этом я буду говорить потом. Я поставил *этот* вопрос перед Сектом, назвал сумму 250.000 марок золот*ом*[ыми], т.е. 60.000 долларов [тогдашних] в год. Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, [он попросил прервать наш с ним разговор, отошел, поговорил с ним и после этого] дал принципиальное согласие и поставил в виде контртребования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему, хотя бы и не систематически, некоторые *секретные и серьезные* сведения военного характера, настолько секретные и серьезные, чтобы немецкий военный атташе при разговоре получить от Красной Армии их не мог бы. Кроме того, ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков. Это контртребование генерала Секта было принято, и начиная с 1923 г. этот договор стал приводиться в исполнение.

ВЫШИНСКИЙ. Вы передавали шпионские сведения?

КРЕСТИНСКИЙ. По-моему не я, но мы — русские троцкисты. Но были случаи, когда эти сведения передавал непосредственно я генералу Секту.

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично передавали?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, [но редки были случаи, когда] мне приходилось *также* получать пару раз деньги.

ВЫШИНСКИЙ. От кого приходилось вам [пару раз] получать деньги?

КРЕСТИНСКИЙ. От генерала Секта.

ВЫШИНСКИЙ. Где?

КРЕСТИНСКИЙ. У него в служебном кабинете. [, я] *Я* передавал деньги непосредственно Троцкому, когда ездил в Москву.

ВЫШИНСКИЙ. Лично?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, не привлекал к этому никого.

ВЫШИНСКИЙ. Переговоры с Сектом начались с какого года?

КРЕСТИНСКИЙ. Это было весною и летом 1922 г. В обвинительном акте сказано в 1921 г. Это явление не имеет большого значения, но эта первая встреча официального характера, которую Троцкий предложил использовать, произошла зимой с 1921 г. на 1922 г.

*ВЫШИНСКИЙ. Эта встреча уже была использована?

КРЕСТИНСКИЙ. Узнавши об этих встречах, Троцкий предложил использовать их, последнюю встречу, которая происходила в конце весны или лета 1922 г. Это не имеет значения с точки зрения моего обвинения.*[I]

ВЫШИНСКИЙ. Уже зимой 1921—1922 гг., т.е. начиная с 1921 г. вы установили связь с Рейхсвером в лице генерала Секта.

КРЕСТИНСКИЙ. Связь преступного характера была установлена с 1922 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы вначале организовали связь, а потом?

КРЕСТИНСКИЙ. А потом она переросла в преступную связь.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, перешла в преступную связь?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, с 1922 г. — в преступную связь.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь. [, обвиняемый Крестинский.]

Значит, вы, Розенгольц, с 1923 г. уже связывались с германской разведкой?

РОЗЕНГОЛЬЦ. С Сектом непосредственно.

*ВЫШИНСКИЙ. Вы это разделяете?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я просто для уточнения.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, *вы, подсудимый Розенгольц,* с 1923 г. [вы] начали передавать шпионские сведения иностранным государствам?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте дальше.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я должен также сообщить, хотя об этом я показывал на предварительном следствии, о том, что *мной в 1926 г. были даны сведения Фар[ф]*б*ану[III] — английскому журналисту, который в то же время являлся троцкистом.*[IV] Эти сведения касались внешней политики СССР. После этого в период 1932—1935 гг. давал сведения приезжавшему от его имени редактору англо-русского журнала Толпатову (?) («Толбутон»?)[V] о заказах по внешней торговле.

Теперь относительно вредительства, [которого я касался,] я хочу отметить, что это вредительство ставило [себе] задачей помощь Германии, главным образом, и частично Японии. [Кроме того, вредительство было непосредственно и в экономических и политических интересах Советского Союза.]

Из наиболее крупных [примеров] актов этого вредительства, которое, понятно, является одновременно и изменнической деятельностью, я назову заключение нефтяного договора с Германией, назову факт экспорта золотоотходов [также] в Германию, в то время как рациональнее было бы их перерабатывать в Советском Союзе. [,] *Далее,* экспорт цинковых концентратов, [заключение договора в 1936 г., а] *А*вансовый экспорт, *затем* экспорт чугуна в Японию по удешевленным ценам и в значительном количестве в тот период, когда на рынке была острая нужда в чугуне, выдача фрахтовых ордеров с задержкой, что вызвало переплату, заключение ряда невыгодных условий в договорах, в частности, [о] формулировку[е] пункта о форс-мажоре. Также задержка экспорта в Монголию, Западный Китай.

Особенно нужно отметить вредительство, вытекающее из задачи на поражение, — это задержка оборонного импорта.

[I] * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[III] Правка (красный карандаш). Так в тексте. Правильно: «Фарбману».

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[V] Так в тексте. В «Судебном отчете» — «от его имени редактору англо-русского журнала Тальботу».

ВЫШИНСКИЙ. Об этом вы более подробно расскажете в закрытом заседании. Я думаю, что сейчас не следует касаться этого вопроса.

РОЗЕНГОЛЬЦ. Вот, собственно, все основное. [, как вы просили. Я вкратце об этом изложил.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть у вас вопросы к обвиняемому, т. Прокурор?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте допросить Крестинского.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Крестинский, расскажите вкратце о вашей [к.р.] *контрреволюционной* деятельности, не останавливаясь на тех моментах, которые уже освещены.

КРЕСТИНСКИЙ. Я начал мою нелегальную [к.р.] троцкистскую деятельность в конце 1921 г., когда по предложению Троцкого я дал свое согласие на [организацию] *создание* нелегальной троцкистской организации и на включение меня в состав [ее] центра, предусмотренного в составе: Троцкого, Пятакова, Серебрякова, Преображенского и меня, Крестинского. Это предложение Троцкий сделал мне сейчас же после X съезда. Тогда я это отверг, потому что мне казалось, что разногласия мои с партией носят эпизодический характер и что я смогу по возвращении из моего летнего отпуска для лечения продолжать партийную работу, не чувствуя себя ограниченным в правах, и что у меня никаких основания и побуждений для какой-либо деятельности совместно с Троцким не было. Но когда во время моего заграничного лечения выяснилось, что я получил назначение в Берлин и после моего приезда просьба моя об отмене этого назначения была отклонена, — Троцкий стал мне говорить, что это назначение вызывается не деловыми соображениями, что я для заграничной работы не гожусь, языка не знаю, заграницы не знаю, что это является шагом отстранить меня навсегда от партийной работы. В результате такого рода систематической, в течение пары недель, обработки меня, я дал свое согласие на вступление в эту организацию, что было явным нарушением как партийного устава, так и специального постановления X съезда о запрещении [и] группировок[125]. Это было преступление еще внутрипартийного характера, которое не повлекло бы за собой для меня, в случае моего рассказа об этом партийному руководству, — тяжелых последствий. [Но г] Годом позднее я [сделал] *совершил* уже преступление [, которое считаю непоправимым и определившим собою дальнейшее мое контрреволюционное развитие. Э] — это именно то, о чем я рассказал во время [показаний] *допроса* подсудимого Розенгольца, — [именно] мое соглашение по поручению Троцкого [от имени троцкистской организации] с генералом Сектом, с Рейхсвером в его лице, о финансировании троцкистской организации в обмен на те услуги шпионско-разведывательного характера, которые мы при этом брались оказывать Рейхсверу. Тогда, когда Троцкий давал мне это поручение, я, главным образом, из большого опасения, но опасения не страха, а так сказать, некоторого внутреннего содрогания, отнесся к этому предложению, указав, что это является шпионажем и изменой отечеству. Но Троцкий аргументировал тем, что наша внешнеполитическая линия с Германией того периода совпадает, что Германия разрушена войной и, во всяком случае, ввиду наличия в Германии реваншистских настроений в отношении к Франции, Англии и Польше, исключено на ближайшее время столкновение ее с Советским Союзом или в то время Советской Россией, что поэтому можно пойти на это дело без того, чтобы совершать фактически тяжелое преступление.

В своем фракционном озлоблении я дал себя убедить этими несерьезными, детскими аргументами. Соглашение было заключено.

ВЫШИНСКИЙ. Эти аргументы — скорее, не детские, а изменнические.

КРЕСТИНСКИЙ. Детские — с точки зрения их неубедительности, с точки зрения их пустоты и легкости, даже для ребенка, опровергнуть эти аргументы.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы-то ведь не ребенок.

КРЕСТИНСКИЙ. Вот я и говорю, что хотя это были аргументы, которые даже для юноши, для ребенка были бы неубедительными, тем не менее, я дал себя убедить этими аргументами.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы дали себя убедить?

КРЕСТИНСКИЙ. Я уже сказал: во фракционном озлоблении, в стремлении к борьбе с руководством.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, вас не особенно надо было убеждать?

КРЕСТИНСКИЙ. Я уже сказал, что первые возражения я привел по традиции, по внутреннему, независящему от ума побуждению. Это была у меня репульсивная эмоция, не сознательная, но я ее подчинил разуму...

ВЫШИНСКИЙ. Троцкистскому разуму?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, троцкистскому разуму, давши убедить себя этими троцкистскими изменническими аргументами. С 1923 г. [это] соглашение *об этом* приводилось в исполнение, главным образом, в Москве, иногда в Берлине. Но поскольку я был человеком, заключившим это соглашение, поскольку я его иногда выполнял и поскольку я был членом той организации, от имени которой это соглашение было заключено, то, конечно, всю политическую ответственность и за те акты, которые были сделаны в Москве, я, естественно, полностью несу. Это соглашение не осталось в неизмененном виде. В 1926 г. Рейхсвер поставил вопрос об отказе от этого соглашения. Я [не] думаю, что[бы] это [было искреннее желание отказаться от этого соглашения, но это] был тактический шаг для того, чтобы поставить нам повышенные требования...

ВЫШИНСКИЙ. Кому «нам»?

КРЕСТИНСКИЙ. Троцкистам. Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты...

ВЫШИНСКИЙ. Привыкли к получению денег [?] *от иностранных разведок?*

КРЕСТИНСКИЙ. Да. Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее...

ВЫШИНСКИЙ. На что — «прочее»?

КРЕСТИНСКИЙ. На разъезды, *на* агитаторов, содержание некоторых профессионалов в тех или иных странах...

ВЫШИНСКИЙ. На организацию шпионажа?

КРЕСТИНСКИЙ. В тот период, я думаю, на организацию шпионажа, возможно, деньги не нужны были.

ВЫШИНСКИЙ. Розенгольц передавал шпионские сведения в 1923 г. Почему же деньги не нужны были?

КРЕСТИНСКИЙ. Для этого ему не надо было тратить деньги.

ВЫШИНСКИЙ. Ему — нет, но кому-нибудь, может быть, надо было. Ведь ваша троцкистская организация тогда уже шпионажем занималась?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, но деньги, которые получались, шли не на «издержки производства», а шли на...

ВЫШИНСКИЙ. Вы не можете ручаться, что шли деньги на это или не шли.

КРЕСТИНСКИЙ. Не могу. Вероятно, Троцкий получал эти сведения в бесплатном порядке от троцкистов, сидевших в разных учреждениях.

ВЫШИНСКИЙ. Почему, если здесь сидели Розенгольц и Крестинский, то там не могли сидеть свои Розенгольцы и Крестинские, которым тоже нужны были 250 т. марок? Словом, можно сказать, что деньги шли на всякого рода троцкистские, преступные цели?

КРЕСТИНСКИЙ. [Да, на преступные цели.] И в 1926 г., в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством как в Москве, так и у братских партий[126], отказ от этих денег мог бы подрезать борьбу троцкистов. И поэтому, когда Сект предупредил, что он предполагает прекратить это субсидирование, я, естественно, поставил вопрос — на каких условиях он согласился бы продолжить соглашение. Тогда он выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась *ему* не систематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливы*е*[о]е требования[е] германской буржуазии, т.е., главным образом, требования получения концессий и заключения другого рода договоров.

После [моего сношения с] *запроса* Троцк*ого*[им] — я не помню, было ли это вначале лета, когда Троцкий находился на лечении в Берлине, или это было позднее, — [но после запроса Троцкого и] получения от него [положительного ответа] *согласия*, я дал [также] генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер, а не спорадический, как это было раньше. [Точно также были даны в] *В* устном порядке *были даны* [эти] обещания насчет будущего послевоенного соглашения.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, деньги продолжали к вам поступать?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, деньги продолжали поступать.

ВЫШИНСКИЙ. Не скажете ли вы, сколько было всего получено денег?

КРЕСТИНСКИЙ. Начиная с 1923 г. до 1930 г. мы получали каждый год [по той сумме, которую я здесь назвал, —] по 250 тыс. германских марок [.] *золотой валюты.*

ВЫШИНСКИЙ. Это составит примерно 2 миллиона золотых марок [.] *за эти годы?*

КРЕСТИНСКИЙ. Да, примерно 2 миллиона золотых марок.

ВЫШИНСКИЙ. Это то, что вам известно?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, это то, что мне известно.

ВЫШИНСКИЙ. Это соглашение, заключенное с 1923 г., [оно] действовало до 1930 г.?

КРЕСТИНСКИЙ. *Через меня до 1930 г.* До конца 1927 г. [, до разгрома троцкизма. И] *и*сполнение этого соглашения шло, главным образом, в Москве. Затем с конца 1927 г. почти до конца 1928 г., в течение примерно 10 месяцев был перерыв в получении денег, потому что после разгрома троцкизма[127] я был изолирован, не знал планов Троцкого, не получал от него никакой информации и указаний, и поэтому при получении денег я бы не знал, что с ними делать. С другой стороны, и у немецкой стороны не было побуждений меня торопить, потому что они понимали мое тогдашнее положение, читали в газетах о моем отходе, понимали, что за мной, вероятно, идет наблюдение и что, по всем видимостям, у меня никаких интересующих их сведений нет. Так продолжалось до октября 1928 г., когда я получил от Троцкого, *который в то время был в ссылке,* из Алма-Аты[128] письмо, переданное мне Райхом.

ВЫШИНСКИЙ. Райхом-Иогансоном?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, это совсем другой человек. Райх-Иогансон был человек Бессонова, с которым он держал связь.[I] В этом письме содержалось указание Троцкого о получении [у] немецких [военных] денег, которые он предлагал передать или Маслову или французским друзьям Троцкого, т.е. Росмеру, Мадлене [Маркс] *Паз* и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов. Но с его преемниками у меня не было контакта, и я к ним не стал обращаться. Я обратился к Секту, рассказал ему, что прервалась связь в Москве, я имею определенные указания, и просил его оказать мне содействие в этом деле. Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги он получил.

ВЫШИНСКИЙ. А кто такой этот Гаммерштейн?

КРЕСТИНСКИЙ. Гаммерштейн был в тот период начальником штаба *Рейхсвера,* а с 1930 г. стал командующим Рейхсвером.

Он получил эти деньги, и я к нему зашел — не помню, тогда ли или после, но я зашел к нему. При нашем свидании он завел со мной, не говоря о нашей обязанности сообщать шпионские сведения, [завел со мной] *политическую беседу на международные темы с тем, чтобы получить от меня некоторую информацию. Не помню, какой именно разговор был тогда, но раньше, когда я с ним встречался, я ему сообщал относительно переговоров Довгалевского с Д. ... относительно готовившегося тогда соглашения, и об этом я его поставил в курс до того, как это было опубликовано.*[II] Затем я сообщил о переговорах Любимова с Муссолини или с помощниками Муссолини о торговом соглашении, о кредитной сделке, опять-таки до того и в более полной форме, чем это было впоследствии опубликовано. В этот первый визит я не помню, о чем мы говорили. [, но н] *Н*ебольшую информацию секретного характера я ему дал. [, не давая повода ему напомнить мне о том, что это является нашей обязанностью в виде компенсации тех денег, которые мы получаем от них.]

ВЫШИНСКИЙ. [Но д] *Д*еньги *он у*платил[и]?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, деньги он дал.

ВЫШИНСКИЙ. Он знал, за что [он] дает?

КРЕСТИНСКИЙ. Знал. Но я повел беседу так, чтобы не было разговора специально на эту тему.

ВЫШИНСКИЙ. Но раньше, до этого разговор был? Раньше вы с ним о деньгах уславливались?

КРЕСТИНСКИЙ. Конечно.

До получения денег ко мне позвонил Маслов и эзоповским языком спросил, не был ли у меня кто-нибудь и нет ли чего-нибудь для передачи ему. Я к Маслову относился отрицательно, считая его непринципиальным. Я его не любил не за те или другие его троцкистские изменнические настроения, а считал его человеком и в этих вопросах непринципиальным.

ВЫШИНСКИЙ. В каких вопросах?

КРЕСТИНСКИЙ. В троцкистских.

ВЫШИНСКИЙ. А вы считаете себя человеком принципиальным?

КРЕСТИНСКИЙ. Ну, я был троцкист, а он мог быть сегодня троцкистом, завтра отойти от троцкизма, затем опять становился троцкистом...

ВЫШИНСКИЙ. [А] вы всегда были троцкистом?[III]

[I] Знак абзаца (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[III] Положение слов в этом предложение изменено (синие чернила) — «*[А] Троцкистом вы были всегда*».

КРЕСТИНСКИЙ. Я все-таки придерживался более или менее постоянной точки зрения. У меня были некоторые разногласия, были колебания...

ВЫШИНСКИЙ. Но троцкистом всегда были?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, но у меня в троцкистских рядах с Троцким были некоторые разногласия, некоторые колебания, но эту троцкистскую линию я вел все время.

ВЫШИНСКИЙ. Троцкистом вы были всегда?

КРЕСТИНСКИЙ. Да. Маслову я сказал, что для него у меня нет денег, а есть для Росмера и Мадлены [Маркс] *Паз.* Через десять дней он позвонил и сказал, что приехала Мадлена [Маркс] *Паз*, сказал, что она остановилась в отеле «Эксцельсиор». Там у меня с ней состоялось свидание, и я передал ей деньги. И так продолжалось до осени 1930 г. Когда я уехал из Германии, [не желая, чтобы это дело прервалось, не желая лишаться этих денег, и в то же время не имея кому их передать, я] наметил два варианта: первый вариант — связать с Сектом Седова, с которым у меня уже к моменту отъезда была встреча и установился контакт, или же связать Путно[I], незадолго до моего отъезда назначенный военным атташе в Берлине, и о котором я знал от [Ивана Никитича] Смирнова, что он [прежде] был троцкистом, и о котором я думал, что он троцкистом является и сейчас, но с которым я не мог разговаривать о передаче денег от Секта ему. Я [поэтому] дал знать Седову, чтобы он постарался приехать в Берлин до моего отъезда, а Секту сказал, что к нему от моего имени или от имени Троцкого зайдет кто-нибудь. Если зайдет Седов или Путно, то он может не требовать от них никакой письменной рекомендации и легализации и смело иметь с ними дело.

Если же зайдет кто-нибудь третий, то тогда должно быть письмо от Троцкого или записка от меня. На этом мы договорились. Седов не приехал *[поехал к Секту]* [до моего отъезда, и я уехал, не связавши с Сектом никого, и предоставив, чтобы это произошло после][II] моего отъезда, когда Седов явится; я оставил Якубовичу, второму советнику Торгпредства, который был моим помощником по троцкистским делам, указание — направить Седова к Секту. [В общем,] Седов не попал к Секту. А в 1931 г., когда Пятаков поехал в Берлин заканчивать *кредитное* соглашение [, вчерне заключенное покойным Орджоникидзе с немецкой делегацией[129], кредитное соглашение, он ехал его оформлять] и выдавать заказы, с ним ехал [, в числе многих людей, Иван Никитич] *и И.Н.* Смирнов. Тогда я сообщил Пятакову о соглашении, которое было между мною и Сектом, и предложил ему выяснить и, если Путно является [человеком] *членом нашей* организации, *его в это дело включить*[III]. Пятаков сказал, что сделает это дело, и при возвращении сказал, что дело сделано и что Путно эту связь принял и поддерживает. Так что я больше к денежным делам отношения не имел, они перешли к Путно, а потом непосредственно к Троцкому и Седову, и переросли потом в более крупное соглашение. Теперь скажу о своих встречах...

ВЫШИНСКИЙ. Поскольку вы заканчиваете этот период вашей преступной деятельности, я хочу уточнить один вопрос. Вы говорите, что зимой 1921—1922 гг. у вас возникли эти планы на германский Рейхсвер.[IV]

КРЕСТИНСКИЙ. Планы на использование германского Рейхсвера в преступных, троцкистских целях возникли весной 1922 г.

[I] Так в тексте. Здесь и далее правильно — «Путна В.К.»

[II] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной волнистой линией и рядом на полях помета (синие чернила): «*Восстановить*».

[III] * * — во фразе изменен порядок слов (синие чернила) — «*включить его в это дело*».

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. [А вот к] *К*онтакт с Сектом у вашей троцкистской организации имел место даже до 1921 г.?

КРЕСТИНСКИЙ. [Нет, там] *Там* был контакт с ним, о котором я не хочу говорить в открытом заседании. Это был контакт одного из членов организации, тогда еще не члена нашей организации, и он носил характер не троцкистский.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте, позвольте, мы всего не будем говорить в открытом заседании, но кое-что можно сказать *сейчас*. Во-первых, кто такой был Копп?

КРЕСТИНСКИЙ. Копп был, вообще, старый меньшевик.

ВЫШИНСКИЙ. В каких отношениях он стоял к Троцкому?

КРЕСТИНСКИЙ. Он с Троцким еще в период довоенный, дореволюционный находился в добрых отношениях, в деловых и личных.

ВЫШИНСКИЙ. А в партийных?

КРЕСТИНСКИЙ. Когда я говорю в деловых, я говорю о партийных его, в то время, меньшевистских делах.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он был связан с Троцким по меньшевизму и по троцкизму.

КРЕСТИНСКИЙ. Если считать...

ВЫШИНСКИЙ. Мы все знаем, что можно считать.

КРЕСТИНСКИЙ. Был ли он троцкистом формации довоенной, я это просто не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Я не спрашиваю о формации, я спрашиваю вас, кто такой был Копп? Был ли он тогда ближайшим человеком к Троцкому?

КРЕСТИНСКИЙ. Он был близким человеком к Троцкому.

ВЫШИНСКИЙ. Как меньшевик?

КРЕСТИНСКИЙ. Как меньшевик.

ВЫШИНСКИЙ. Как разделявший троцкистские взгляды?

КРЕСТИНСКИЙ. Я думаю, что он был больше меньшевиком, чем троцкистом.

ВЫШИНСКИЙ. А я думаю, что Троцкий был больше меньшевиком, чем троцкистом. (Движение в зале). Хорошо, значит, у нас тут разноречий нет.

КРЕСТИНСКИЙ. Разноречий нет.

ВЫШИНСКИЙ. У вас с Троцким и Коппом был разговор о том, чтобы достать средства для конспиративной троцкистской работы.

КРЕСТИНСКИЙ. Этот разговор был весной 1922 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Копп [заинтересовался] *занимался* троцкистской, конспиративной работой?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, можно говорить, что Копп был троцкистом?

КРЕСТИНСКИЙ. Но не в тот период, о котором вы говорили.

*ВЫШИНСКИЙ. А до этого периода он был меньшевиком, связанным с Троцким. Я разницу здесь не вижу. Это для Истпарта.

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, но...*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите так, что в июле 1920 г. по вопросу, о котором вы, очевидно, не думаете здесь говорить, а скажете в закрытом заседании, [что совершенно правильно,] этот самый Копп наладил контакт [, как вы выражаетесь,] с Сектом.

КРЕСТИНСКИЙ. Сект обратился к Коппу.

---

[1] * * — рядом на полях галочка (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Копп был тогда уполномоченным Красного Креста по эвакуации военнопленных, какое ему дело до Секта?

КРЕСТИНСКИЙ. В то время он был в Берлине фактически неофициальным нашим полпредом.

ВЫШИНСКИЙ. Вашим или не вашим, в этом потом разберемся. Но Копп, когда был уполномоченным Красного Креста в 1920 г., у него был контакт с генералом Сектом. Правильно это?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Я делаю из этого вывод, что не только в 1921 и 1922 г., но это уже было в 1920 г., [когда] Троцкий через Коппа прощупывал и нашел дорогу к Секту.

КРЕСТИНСКИЙ. [То, что мне известно об этом...] *Подробностей этого я не знаю. Тогда были неофициальные встречи.*

ВЫШИНСКИЙ. Такой вывод естественен?

КРЕСТИНСКИЙ. Мне известна другая сторона этого вопроса, чисто официальная.

ВЫШИНСКИЙ. Вам известна чисто официальная сторона, а вопрос о денежных средствах это официальная сторона?

КРЕСТИНСКИЙ. Официальная.

ВЫШИНСКИЙ. Вопрос о денежных средствах на троцкистские цели от Германского Рейхсвера, это официальн*ая*[ый вопрос] *сторона* или нет?

КРЕСТИНСКИЙ. Это секретная троцкистская сторона, преступная вещь.

ВЫШИНСКИЙ. Которая приходится на 1921—1922 гг.

КРЕСТИНСКИЙ. На 1922 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите, что зимой 1921 г. были уже встречи и разговоры об этом с генералом Сектом?

КРЕСТИНСКИЙ. Не об этом.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте огласить следующее место в томе III, 13-й оборот: «во время этих разговоров стал вопрос о денежных средствах *для конспиративной троцкистской работы*....

[Этот вопрос о денежных средствах, т.е. говорили это или нет.] Этот вопрос о денежных средствах поднял Троцкий....»

КРЕСТИНСКИЙ. Верно.

ВЫШИНСКИЙ. «...у которого были какие-то затруднения в использовании *конспира*тивных*[ции] для*[1] троцкистских целей *аппаратных* средств.[ах.] Тогда Копп предложил *сделать попытки* получить *необходимые* средства от Германского Рейхсвера. Этому способствовало следующее обстоятельство. Еще в июне 1920 г. и т.д. ...

[В заключение] контакт между Коппом и генералом Сектом был уже, таким образом, установлен....»

Это показание *обвиняемого Крестинского* от 9 июня *1937 г.* [обвиняемого Крестинского.]

Обвиняемый Крестинский, вы это подтверждаете?

КРЕСТИНСКИЙ. *Да,* да, вполне, но несколькими строками раньше говорится о том, что этот разговор между мною, Троцким и Коппом происходил во время моего приезда на XI съезд[130].

ВЫШИНСКИЙ. Но этому предшествовал разговор Коппа с Сектом в 1930 г., который вы здесь хотите изобразить как контакт официальный, а я считаю, что это есть уже первый момент вашей троцкистской изменнической связи, с использованием вашего официального положения, с генералом Сектом. Это вы подтверждаете?

---

[1] * * — инверсия — «*для конспиративных*».

КРЕСТИНСКИЙ. Да, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, у вас в этой части вопросов нет?

ВЫШИНСКИЙ. Нет. *Подсудимый Крестинский, продолжайте.*

КРЕСТИНСКИЙ. В 1929 г. осенью, кажется, в сентябре [месяце], когда я находился в отпуске на юге Германии в Киссенгене, ко мне по телефону позвонил [и сообщил] из Берлина Якубович [, я не помню точно выражения, но было] *и сообщил, это было* сказано эзоповским языком, [речь шла о] *что* сын[е] Троцкого [, который] хочет меня повидать по поручению отца. Я предложил *ему* приехать в Киссенген. На другой день или через день приехал Седов и Якубович. Они остановились в разной гостинице. Седов остановился в гостинице «Энглише Гоф», которая не посещалась [русскими или] советскими [людьми.] *гражданами.* В этой гостинице состоялось свидание.

Так как Розенгольц говорил об этом в общих суммарных чертах, я скажу более подробно о той информации и указаниях, которые получил. Информация *Седова* заключалась в том, что Троцкий [по всем имевшимся у него и возможным каналам] совет*ует*[овал] высланным и исключенным троцкистам подавать заявления о том, что они отказываются от оппозиционной борьбы и о принятии их обратно в партию. В частности, он сообщил, что с Пятаковым и Радеком я могу откровенно разговаривать, хотя Пятаков подавал заявление *об отказе от троцкизма* в [начале] 1928 г., а Радек [примерно], *кажется,* в 1929 г.[131], [но] *и указал,* что они остаются [его] сторонниками *троцкизма.*

Далее, он сказал, что необходимо [изменить сам характер работы.] *отказаться от работы в массах.* До сих пор работа троцкистов ориентировалась на массовом характере, на том, чтобы завоевать массы и прийти, что ли, к власти в партии, а потом в Советском Союзе при помощи широкой массовой работы, приобретения сторонников. Сейчас Троцкий считает, что это, во-первых, утопично, да, наконец, и невозможно, поскольку он предлагает вернуться обманным путем в партию и законспирироваться. Нельзя же одновременно законспирироваться и выдавать себя за честных, верных партии людей и в то же время вести работу среди масс по привлечению их в ряды троцкистов. [От этого необходимо отказаться, н] *Н*ужно озаботиться о том, чтобы сохранить определенный костяк; чтобы эти люди проникали в партийные и советские организации и старались занять [и там, и] там более или менее самостоятельные, ответственные посты, [чтобы можно было использовать их положение в дальнейшем,] чтобы *работа велась*[1] в строго законспирированном виде по привлечению новых [отдельных] сторонников из числа надежных людей в единичном порядке для увеличения и укрепления [этого] кадрового костяка.

Вопрос о том, когда и каким образом будут использованы эти кадры для прихода к власти в партии и в советском государстве, — этот вопрос тогда еще не ставился. Когда Розенгольц говорил, что он передавал о свидании, он сказал, что основа свидания заключалась в том, чтобы ему и мне занять ответственные посты и строго законспирироваться. Но не совсем так. Директива относилась к тому, чтобы проникать в партию на ответственные посты, она относилась ко всем, а не только к нам.

ВЫШИНСКИЙ. Я не совсем понял вас. Эта директива относилась не только к вам, вы говорите?

КРЕСТИНСКИЙ. Не только к нам двоим, но и ко всем.

---

[1] * * — инверсия (синие чернила) — «*велась работа*».

ВЫШИНСКИЙ. Но и к вам?

КРЕСТИНСКИЙ. Я говорю более широко. Она не ограничивала нас тем, чтобы законспирироваться и ждать. [Я должен был...] Я должен был продолжать отношения с Рейхсвером по получению денег и по передаче информации, [если таковая у меня будет,] и я должен был наладить связь между Троцким и его уполномоченными в Европе и [с] троцкистами в Советском Союзе. По отношению к Розенгольцу, действительно, никаких конкретных заданий по какой-либо его работе, кроме того, чтобы занять какой-нибудь пост, не давалось. Мне было поручено передать об этом разговоре Пятакову и Розенгольцу. Я передал Пятакову в тот же год, в течение нескольких недель, в конце моего отпуска. Розенгольцу я передал об этом в начале 1930 г. Затем я переехал через год, в первых числах октября 1930 г., в Москву на постоянную работу в качестве заместителя наркома иностранных дел. Как я поступил с этой связью с Рейхсвером, я уже сказал. Она в общем перешла при помощи Пятакова и Смирнова в руки Путно.

Связь с Троцким была установлена следующим образом. В Берлине еще год приблизительно после моего отъезда оставался Якубович, и мы договорились с ним, что он будет получать от меня в дипломатической почте письма, если будет нужно, для переотправки Троцкому, а он во время свидания с Седовым договаривался о тех парижских адресах, по которым он будет пересылать эти письма.

Кроме того, т.к. у меня установилась в то время связь с другим работником Полпредства — Штерном, который питал троцкистские симпатии, то я [, не вводя Штерна в курс моих секретных отношений с Троцким, предупредил только его, что Якубович имеет от меня некоторые поручения личного и секретного характера и,] *договорился с ним,* что если Якубович будет уезжать из Берлина раньше его, Штерна, то я прошу Штерна от Якубовича эти мои поручения и задания перенять, что и было сделано, потому что когда Якубович в 1931 г. уезжал, а Штерн оставался до 1932 г., то и парижские адреса и сообщения о связи с Троцким через Париж Якубович Штерну передавал полностью, его в этом отношении информировал. До 1933 г. в Москве я, действительно, другой работы не должен был вести. Я на это дело не соглашался, но когда в ходе дел чувствовалась потребность в информации о событиях в Советском Союзе, в такой информации, которая не оглашалась в советской печати и не выпадала через иностранных корреспондентов в нормальном порядке за границу, во всяком случае, по нашим троцкистским соображениям. [, — а Радек, который должен был этим делом заниматься, не имел систематической возможности постоянно встречаться с иностранными корреспондентами, то он] *Кроме того, Радек* обратился ко мне, [и] я через некоторых моих наркоминдельских работников отдела печати наладил [такого рода] снабжения некоторых [инкоров уже материалами] *иностранных корреспондентов серьезной информацией.*

ВЫШИНСКИЙ. Каких, [например, интересно?] *именно иностранных корреспондентов?*

КРЕСТИНСКИЙ. Я не называю вам фамилии, потому что сам Миронов, который это дело вел, мне не называл точно этих имен. Я не хотел бы догадываться.

ВЫШИНСКИЙ. У нас в обвинительном заключении фигурирует фамилия Шефера.

КРЕСТИНСКИЙ. Шефер — это другое дело. Шефер уехал из Германии после моего отъезда, и не он имелся здесь в виду.

ВЫШИНСКИЙ. А его не снабжали через других?

КРЕСТИНСКИЙ. Это я затрудняюсь вам сказать. Он уехал в Америку.

ВЫШИНСКИЙ. Это уже не имеет значения.

КРЕСТИНСКИЙ. Это я затрудняюсь сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Кого-нибудь назовите из инкоров. Интересно знать, кого вы снабжали.

КРЕСТИНСКИЙ. Имелись в виду немецкие [и некоторые американские] корреспонденты.

ВЫШИНСКИЙ. А фамилии их?

КРЕСТИНСКИЙ. Фамилии их я не хочу называть. Некоторых мне называли, но они не назывались открыто.

ВЫШИНСКИЙ. Но они не сидят у нас на скамье подсудимых, а вы сидите. Председатель нас предупредил, обе стороны, что мы не можем называть фамилии и имена официальных представителей иностранных государств. Инкоры к этой категории не принадлежат.

КРЕСТИНСКИЙ. Конечно. Поскольку Миронов не называл мне фамилий, а только говорил, то я догадывался.

ВЫШИНСКИЙ. Вы фамилии [эти] знаете?

КРЕСТИНСКИЙ. Догадываюсь, предполагаю.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы предполагаете?

КРЕСТИНСКИЙ. Предполагаю, что это был Баум, предполагаю, что это был Юст, что это были [Бинтерштейн] *[Штейн]* [Вильштейн] *Гюнтер Штейн и Вильям Штейн*, потому что с ними Миронов был тесно связан по своей служебной работе и в личных отношениях.

ВЫШИНСКИЙ. А вы с ними были связаны?

КРЕСТИНСКИЙ. Я с ними был связан официально.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы организовали эту связь?

КРЕСТИНСКИЙ. Я организовал передачу Мироновым сведений иностранным корреспондентам.

ВЫШИНСКИЙ. Таких сведений, которые было интересно публиковать в троцкистских целях?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, в] *В*ы — организатор этого дела?

КРЕСТИНСКИЙ. Да. Я уже сказал, что, конечно, я полную ответственность за это дело несу. Я лишь отмечаю, что я сам непосредственно связан с ними не был.

ВЫШИНСКИЙ. Я не говорю о непосредственной связи. Тут было известное разделение труда: вы — организатор, он — исполнитель, а они — ваши соучастники?

КРЕСТИНСКИЙ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, для осуществления шпионских связей вы привлекли кое-каких инкоров? Правильно это?

КРЕСТИНСКИЙ. Да. Я через Пятакова, отчасти через Радека, был несколько в курсе общей работы и интересовался проблемами работы. До 1929 г. положение представлялось следующим образом: получались деньги, скажем, от Рейхсвера; деньги эти тратились на массовую работу...

ВЫШИНСКИЙ. На какую массовую работу?

КРЕСТИНСКИЙ. Троцкистскую работу. И теоретически можно было предполагать, что благодаря этой массовой работе троцкисты приходят к власти в партии и в государстве...

ВЫШИНСКИЙ. Как это «приходят»?

КРЕСТИНСКИЙ. Был перспектива в тот период — до 1929 г.: не путем заговоров, не путем восстаний, а путем приобретения влияния на массы,

при использовании иностранных денег, — троцкисты придут к власти. Такова была концепция до 1929 г. Но после 1929 г., когда от массовой работы отказались, эта концепция отпала, а новая концепция не была додумана, не была поставлена. Есть деньги, есть кадры, кадры эти сохраняются и понемножку расширяются, а как эти кадры и их руководитель Троцкий придут к власти — вопрос оставался нерешенным. Через Ивана Никитича Смирнова, в начале 1923 г. через Радека получается указание о терроре, о вредительской деятельности. Но террор и вредительская деятельность это есть сопутствующие методы, а не методы захвата власти, террор это есть...

ВЫШИНСКИЙ. Мы же знаем, что такое террор...

КРЕСТИНСКИЙ. Я хочу сказать, какое он имеет значение политическое...

ВЫШИНСКИЙ. Это мы знаем.

КРЕСТИНСКИЙ. При помощи террора можно убить того или иного человека, дезорганизовать в некоторой степени власть, но нельзя власть захватить в свои руки.

ВЫШИНСКИЙ. А как можно ее захватить?

КРЕСТИНСКИЙ. Это — вопрос, который стоял, и мы у себя в маленьких разговорах с Пятаковым думали, говорили, что без помощи из вне, т.е. без интервенции, без вооруженной помощи со стороны не обойтись. ...и когда я ехал за границу...

ВЫШИНСКИЙ. Без вооруженной помощи, чьей?

КРЕСТИНСКИЙ. Иностранной буржуазии, буржуазных государств. И поэтому, когда я в 1933 г. ехал за границу, то я намечал в разговоре с Троцким выяснить перспективу и наметить пути, потому что получалось, что работа идет вхолостую и бесперспективно. Когда я встретился с Троцким в Меране...

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите, [пожалуйста,] как была организована ваша встреча *с Троцким* в Меране.

КРЕСТИНСКИЙ. Я был проездом несколько дней в Берлине. В Берлине сидел советником наш троцкистский человек Бессонов, у которого связь с Троцким должна была быть, ибо, когда он в мае 1933 г. уезжал в Берлин, я говорил, чтобы он эту связь установил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ему поручили?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, поручил установить эту связь. Дело в том, что Якубович и Штерн из Германии тогда уехали, и у меня связь порвалась. Была связь у Пятакова через его людей, которые ездили в Германию за заказами, но эта связь была не регулярной, а поэтому требовалось установить связь через Берлинское Полпредство, чтобы использовать дипломатическую почту. И это Бессонову было поручено. Я сказал ему, что надо дать знать Троцкому, что я хочу с ним повидаться.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Бессонов рассказывал нам здесь сущую правду?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А вы *ранее* пытались это отрицать?

КРЕСТИНСКИЙ. Это ведь было тогда, когда я сказал, по каким соображениям я отрицал.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас не обвиняю, я только хочу установить факт.

КРЕСТИНСКИЙ. Когда в первый день я отрицал свою виновность, не будучи в состоянии публично ее признать, я, естественно, как логический вывод из этого, отрицал и то, что говорили Розенгольц и Бессонов.

ВЫШИНСКИЙ. Но согласитесь, что этим вы поставили Бессонова в положение лгуна.

КРЕСТИНСКИЙ. Ну, что ж! Я же сам лгал. Если я ставил себя в положение лгуна, то тем легче было мне поставить других в это положение.

ВЫШИНСКИЙ. Такова ваша логика!

КРЕСТИНСКИЙ. Когда я сказал, что хочу повидаться с Троцким, он ответил, что такая возможность есть, причем я сказал, что до конца сентября буду в Кисенгене, а числа до 10 октября буду в Меране и дал ему адрес Кисенгенской санатории, в которой я всегда останавливался, а также и адрес свой в Меране. Там я два раза останавливался в одной и той же гостинице и полагал, что эта гостиница по-прежнему существует. Я сказал, что найти меня по этому адресу (а ехал я под своим настоящим именем) будет нетрудно.

Я еще был в Кисенгене, когда мне позвонил Бессонов по телефону и сообщил, что встреча состоится в Меране, а я в это время получил подтверждение, что гостиница, в которой я останавливался за 8 лет перед этим, существует, это отель «Бавария». Троцкий приехал в Меран около 10 октября вместе с Седовым. Райх, как говорил Бессонов, с ним не приезжал, по крайне мере, я этого не слышал, а видел только отца и сына.

ВЫШИНСКИЙ. А духа святого?

КРЕСТИНСКИЙ. Не видел. Дух святой...

ВЫШИНСКИЙ. Витал над вами.

КРЕСТИНСКИЙ. Или остался в Париже, если этого Райха можно считать святым духом.

Приехал Троцкий, как он мне говорил, под чужим французским паспортом, и приехал тем маршрутом, о котором говорил Бессонов, т.е. через франко-итальянскую границу, а не через Швейцарию и Германию. *Для* Троцк*ого*[ий над этим] вопрос*ы*[ами], *о* которы*х*[е нас мучили] *мы думали* в Москве, [думал раньше нас, для него они] были бесповоротно решены, и он [, не дожидаясь изложения с моей стороны этих вопросов,] сам перешел к [их] изложению, к изложению своих указаний по этому поводу. Он сказал, что поскольку мы с 1929 г. перешли [от массовой организации] к организации заговорщического типа, постольку, естественно, захват власти может быть осуществлен только силой. Но наша заговорщическая организация [, охватывающая несколько тысяч человек, какими бы решительными эти люди ни были и как бы хорошо они ни были организованы,] никакого переворота *сама* произвести не может. Необходимо по этому поводу прямое соглашение с какой-нибудь буржуазной [организацией за границей.] *страной*. Он отметил, что зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с Рейхсвером, но [оно,] это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни троцкистов, ни немецкую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контрагентом в этом деле является только Рейхсвер, а не германское правительство в целом. Если Рейхсвер при прежних правительствах играл решающую роль и можно было считаться с ним как с правительством в целом, то с приходом к власти Гитлера и стремлением Гитлера подчинить себе Рейхсвер, и с некоторой настороженностью в отношениях со стороны некоторых руководителей Рейхсвера к проникновению Гитлера в Рейхсвер, нельзя идентифицировать германское правительство с Рейхсвером и надо постараться, чтобы нашим контрагентом стал не только Рейхсвер, но и германское правительство в целом. Это первое.

Второе. В чем сущность соглашения с Рейхсвером? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, в частности, Гитлеру, нужны колонии, территории, а не *только* шпионская информация. И он готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией [из

владений] Советск*ого*[ой России] *Союза*. А нам нужны не 250 тыс. золотых марок, нам нужны германские вооруженные силы для того, чтобы при их помощи прийти к власти, и в этом направлении нужно вести работу. Эта работа есть изменническое соглашение с иностранным правительством об использовании вооруженных иностранных сил для победы над Красной армией и для открытия пути к власти троцкистам. Но ведь, если даже произойдет нападение, скажем, Германии на Советский Союз, [произойдет поражение Красной армии,] это еще не дает возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут в этом направлении подготовлены известные внутренние силы, а троцкисты, как таковые, недостаточно многочисленны и сильны, чтобы такую организацию одним создать. Необходимо иметь оплот и в городе и в деревне у мелкой буржуазии и у кулаков, а там связь имеют, главным образом, правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты и прийти к власти, заменить нынешнее правительство, которое должно быть арестовано, и посадить на его место свое собственное правительство, заранее подготовленное.

Из этого вытекало: первая установка была на соглашение с иностранными правительствами, вторая — на создание в Советском Союзе [уже] объединенных сил троцкистов, правых и военных *заговорщиков*.

Говоря о правых, о необходимости организационно связаться с ними, Троцкий говорил, что не надо ограничиваться Рыковым, Бухариным и Томским, т.к. хотя они и признанные вожди правых, но они в достаточной степени уже скомпрометированы и под надзором, и что надо использовать для связи Рудзутака, который в течение многих лет сидел в советском правительстве с Рыковым в качестве его заместителя, и никогда никому не было известно о каких-либо *его* разногласиях [между ними и] *с партией, и* поэтому [он, по всей вероятности, является правым, и он не скомпрометирован, является членом Политбюро, пользуется доверием и влиянием и потому] надо на него обратить внимание и связаться с ним.

Что касается военных, то, говоря о них, Троцкий назвал только одно имя — имя Тухачевского как человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть [первую роль военную, стремящегося играть] *[не только роль военно-полит]* не только военную, но и военно-политическую роль, который, несомненно, [если увидит, что при нашем содействии, при содействии правых, он сможет прийти к власти, может получить более широкую военно-политическую арену для себя,] с нами пойдет.

Далее, Троцкий развил мысль о необходимости террора, вредительства и диверсий, причем диверсионные акты и террористические акты он рассматривал под углом зрения и применения их во время войны и для дезорганизации обороны Красной армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота, [а до того диверсионные акты как известного рода пробу сил, террористические акты как систематически дезорганизующие правительство] и в то же время эти диверсионные и террористические акты давали бы ему, *Троцкому,* большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны, и достаточно активны.

Он брал на себе переговоры с немцами. Что касается японцев, о которых он говорил как о силе, с которой надо тоже договориться, то он говорил, что ему *непосредственно с ними* пока [с ними сговориться,] связаться [непосредственно трудно] *трудно,* что надо будет говорить с ними в Москве, что для этого надо использовать Сокольникова, который работает в Наркомин-

деле и как раз занимается восточными делами. И [постольку] поскольку разговор будет происходить только с официальным лицом, и первоначальный разговор *будет иметь* зондирующий *характер,* то для начала можно ограничиться такими общими заявлениями о том, что если к власти в Советском Союзе придет правительство из блока оппозиционных группировок, то оно будет благоприятно относиться к японцам и учтет пожелания японцев при обсуждении и разрешении с ними тех спорных вопросов, которые между советским правительством и японским правительством существуют. Он просил меня об этих всех установках, и, в частности, о необходимости сноситься с японцами, [передать] *снестись с* Пятаковым.[у.] Кроме того, просил меня, чтобы, не ограничиваясь разговором Пятакова с [Бухариным] *Тухачевским* и Рудзутаком, я тоже с ними повидался, потому что я имею возможность рассказать о непосредственном разговоре с Троцким, о непосредственном впечатлении, а это может в этом смысле оказать несколько большее влияние.

ВЫШИНСКИЙ. Извиняюсь, вы этим заканчиваете свои объяснения по своему Меранскому свиданию с Троцким?

КРЕСТИНСКИЙ. [На] *Этим я заканчиваю мое свидание с Троцким в* Мера*не.*[ском свидании я заканчиваю.] При Меранском свидании он обращал мое внимание на использование нескольких человек. Он говорил мне о Розенгольце...

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует только Розенгольц, который является подсудимым по настоящему делу. Что он говорил вам о Розенгольце?

КРЕСТИНСКИЙ. О Розенгольце впервые со мной говорил еще Седов в 1923 г., просил меня передать содержание разговора Розенгольцу. А в 1933 г., что Розенгольц до сих пор ничем не проявляет себя. Между тем Розенгольц человек очень активный, вообще говоря, настойчивый, упорный [,] и, человек, у которого большие связи и по его военной работе и по партийной работе, по фронтовой работе с разнообразными кругами бывших троцкистов и вообще с широкими кругами, что он в этом отношении, в смысле знания людей, уступает только Серебрякову. Но Серебряков — человек на отшибе, не имеющий связ*ей*[и], а Розенгольц — человек, связанный с людьми, влиятельный человек, и что нужно его активизировать в этом вопросе, привлечь к работе. И, кроме того, говорил о необходимости Розенгольцу в его ведомстве развернуть и вредительскую деятельность.

ВЫШИНСКИЙ. Об этом вы передали Розенгольцу?

КРЕСТИНСКИЙ. Я передал Розенгольцу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ. Перерыв на полчаса.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Заседание продолжается, садитесь.

Подсудимый Крестинский, прошу, только, пожалуйста, будьте короче, не касайтесь тех обстоятельств, на которые давали уже ответы.

КРЕСТИНСКИЙ. [Я буду коротко, но я] *Я* должен изложить последствия своих действий по возвращении из-за грани*цы.*[чных поездок. Я, в] *В*озвратившись, *я* сразу информировал [о своей поездке и] о своих разговорах Пятакова и Розенгольца. Пятаков переговорил с Тухачевским и Рудзутаком. Может быть, он говорил и с другими правыми, может быть, и с Гамарником, но я не знаю, но сообщил, что говорил с Тухачевским и Рудзутаком.

[В 1934 г., в] *В* феврале *1934 г.* [месяц, примерно после XVII съезда партии[132]] я виделся и с Тухачевским и Рудзутаком, передал содержание разговора, получил от обоих принципиальное подтверждение, признание линии

на соглашение с иностранными государствами, [и] на *их* военную помощь, [их, и] на пораженческую установку, [и] на создание внутренней *объединенной* организации, [и что] *они заявили, далее, что* вопрос у них не в принципе, а в необходимости выяснить свои силы, и после этого будет дан *окончательный* ответ [,] Пятакову как главному представителю троцкистской организации в СССР. [, и велись дальнейшие переговоры.]

Еще до получения *от Пятакова мною сообщения*[I], что дело уже завершено и соглашение заключено, я уже *тоже* начал у себя в Наркомате [тоже] подбирать силы и намечать, на кого я могу [в случае] *в случае контрреволюционного переворота* опираться, хотя для меня было ясно, что переворот — это дело не ближайшего будущего, и даже не ближайших одного — двух лет, раз это дело увязывалось с началом войны с Германией и предполагалось одновременно с Японией, потому что Германия не выступит без Японии, они выступят вместе.

В начале 1935 г. Пятаков сообщил, что договоренность есть, назвал состав центра, который я уже приводил вчера, и *сообщил,* что я и Розенгольц будем, не входя в состав центра, работать под его руководством, главным образом, по намечанию и подготовке будущего правительственного аппарата. Это было разделение труда. [для нас, причем по этому делу будем] *Нам было указано, что по этому делу мы будем* связаны с Рудзутаком от правых *и Тухачевским.* [, у] *У меня осталось впечатление о Рудзутаке. [, н] Но после Розенгольц, который принимал в этом участие, [. Я не сомневаюсь и знаю, что] в дальнейшем [он] передавал мне о своих свиданиях с Рыковым. Вообще, Рыков и Рудзутак от правых, Тухачевский от военных[II]. Тут не было такого положения, что я не знаю о связях с Тухачевским, а Розенгольц не знает*[III], но по разделению труда он взял на себя, главным образом, сношение с правыми, хотя с Рудзутаком встречался я, а с Тухачевским, главным образом, я, но и он. Он говорил о свидании в 1937 г., у меня также было впечатление, об этом я показывал на допросе, что на одном из первых свиданий на даче у Рудзутака его не было, я говорю со слов Розенгольца.

Но поскольку Розенгольц в дальнейшем на очной ставке и здесь говорил о том, что он с Тухачевским столкнулся, и говорит, впервые в 1937 г., а я говорил со слов Розенгольца, то, очевидно, так это и было.

Теперь относительно намечения сроков выступления. С самого момента [моего меранского] свидания *в Меране* считалось непререкаемо установленным, что выступление приурочивается к началу войны и что поэтому мы самостоятельно здесь, в Союзе, сроков выступления Тухачевского устанавливать не можем и не производили. [Кроме этого э] *Этот* вопрос выходил за пределы компетенции моей и Розенгольца. [, потому что мы] *Мы* были связаны с Тухачевским, Рудзутаком и Рыковым, [по определенным заданиям,] *но* по вопросам высокой политики, о сроках[и] выступления [— это были] *велись* разговоры [, которые велись] Пятаковым. [в центре, куда мы не входили. Центр и решал эти вопросы.]

Поэтому до осени 1936 г., до ареста Пятакова, мне не приходилось на эти темы разговаривать ни с Тухачевским, ни с Розенгольцем, поскольку вопрос стоял вне сферы обсуждения. Мы ждали начала войны, ждали нападения.

[Что это именно так, подтверждается тем, что к] *К*огда после ареста Пятакова и Радека Бессонов уезжал [из отпуска из Москвы] в Берлин, я, поль-

[I] * * — инверсия (синие чернила) — *«Еще до получения мною сообщения от Пятакова».*
[II] В этом предложении правка красным карандашом.
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

зуясь его отъездом, послал [не письменную, а] устную информацию Троцкому *о том,* что я, по согласовании с Розенгольцем и Рудзутаком, формулирую положение так: мы считаем, что арестовано довольно много троцкистов, но тем не менее основные силы этого антисоветского соглашения — троцкисты, правые и военные *заговорщики* — еще не затронуты, не разгромлены, что выступление может состояться, и что для этого нужно центру ускорить внешние иностранные выступления. Это было в октябре 1936 г. Но в конце ноября 1936 г. на *чрезвычайном VIII* Съезде Советов[133] Тухачевский имел со мной взволнованный серьезный разговор. Он сказал: [провалы] начались *провалы,* и нет никакого основания думать, что на тех арестах, которые произведены, дело остановится. Очевидно, пойдет дальнейший разгром троцкистов *и правых.* [Не исключено, что это дело перекинется на правых, потому что с] Снятие Ягоды из Наркомата указывает на то, что тут не только недовольство его недостаточно активной работой в НКВД[134]. Очевидно, здесь политическое недоверие ему — Ягоде как Ягоде не просто бывшему народному комиссару внутренних дел, а как активному правому, участнику объединенного центра, и, может быть, до этого докопаются. А если докопаются до этого, докопаются и до военных, тогда придется ставить крест на выступлении. [Мы должны ставить вопрос так:] *Он делал выводы:* ждать интервенции не приходится. Надо действовать [нам.] *самим.* Начинать самим — это трудно, это опасно, но зато шансы на успех имеются. Военная организация большая, подготовленная, и, мне кажется, что надо действовать. Вот об этом надо просить дать ответ.

И вот он просит дать ответ от имени нашей организации, и если я могу, — чтобы ему не связываться по этому вопросу с правыми, — правым это передать. Я тогда разговаривал на эту темы с Розенгольцем. С Гамарником мы тогда, кажется, не говорили, [потому что я вынес такое впечатление, что] Тухачевский говорил не только от своего имени, но и от имени *контрреволюционной организации* военных, [вообще,] а Гамарник был участником военной организации и участником общего центра от военных. Я поговорил с Розенгольцем, [мы] *затем* поговорили с Рудзутаком и пришли к выводу, что [совершенно прав] Тухачевский *прав,* что дело не терпит. [, что надо по этому поводу] *Решили* запросить Троцкого. Я по таким вопросам избегал переписываться, предпочитал устную передачу. [но дело было спешное, и поэтому я с] *С* дипломатической почтой *я* переслал письмо Троцкому через Бессонова. **[*Это письмо он прочитал, но, т.к. оно было написано слишком условным, эзоповским языком, то он там ничего не понял;*[I] он понял только, что] *В письме* речь шла [об изменениях некоторых] *о перемене* установк*и*[ок. Речь шла о перемене установки] на непременную связь между нашим внутренним выступлением и войной.**[II] [, и что мы от имени организации, объединенной в союз, ставили перед Троцким вопрос о том, чтобы выступать уже.] *Я говорил о необходимости ускорить выступления.* Я в этом же письме, без согласования с Тухачевским и прочими, поставил перед Троцким и некоторые другие вопросы на случай его положительного ответа. [Так как д] *Для* меня было ясно, что придется при такого рода выступлении [иметь всякого рода] *открыть истинные цели переворота,* обращ*аться*[ения] к населению, к армии и к иностранным государствам, то я поставил вопрос так, что, во-первых, было бы правильно в своих обращениях к населению не говорить о том, что наше выступление направлено к свержению сущест-

[I] * * — зачеркнуто (красный карандаш).
[II] ** ** — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).

вующего социалистического строя. [и советской власти, — а к нападению на правительство тогдашнее и теперешнее, что оно ведет страну к войне, что оно правит диктаторскими методами и прочее, самим выступить в роли защитника советского строя, Советского государства,] *Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и на территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились. Заявить об этом открыто советскому народу мы не смели. Я поставил перед Троцким вопрос о том, что мы выпустим соответствующее обращение к населению и армии, в котором обойдем все вопросы, связанные с истинными целями переворота,* т.е. *будем* обманывать население и выступать под личиной советских переворотчиков; свергнем плохое советское правительство и возродим хорошее советское правительство, что точно так же...

ВЫШИНСКИЙ. Так вы рассуждали там?

КРЕСТИНСКИЙ. Так мы собирались обращаться к населению, так мы собирались говорить, но про себя мы рассуждали иначе. Затем было решено, что в обращениях к иностранным государствам мы не будем говорить о том, что мы тоже изменяем всю основу государства и что мы согласны на известные территориальные уступки, а мы в обращении к населению, к армии и в обращениях к иностранным государствам будем говорить о том, что, ведя мирную политику, уменьшая вооружение и прочее, мы, тем не менее, будем выступать на защиту границ Советского Союза и не допустим насильственного отторжения от Советского Союза тех или иных частей.

[Точно также я в этом] *В* этом письме *я* запрашивал мнение Троцкого и по [тому] вопросу [, чтобы нам не выступать в этих воззваниях с какими-либо коренными предложениями в области аграрной, т.е.] *о* разделе[а] совхозов и колхозов. [, потому что м] *М*не казалось, что колхозная форма [настолько] себя хозяйственно, с точки зрения производительности труда, оправдала в глазах колхозных крестьян, [что они и после переворота предпочтут может быть сохранить эту форму, изменивши несколько взаимоотношения внутри колхоза, чтобы дать там возможность выделяться верхушке и прочее, что во всяком случае нам не следует резко выступать по этому вопросу.] *я думал, что лучше на время сохранить эту форму, изменивши несколько взаимоотношения внутри колхоза, чтобы дать там возможность выделяться верхушке. Поэтому я полагал, что, во всяком случае, сейчас нам не следует резко выступать по этому вопросу.*

Это письмо Бессонов переправил Троцкому, который находился тогда еще в Норвегии. У меня тогда было представление, что Бессонов это сделал, вызвавши к себе Седова, но, как оказывается, он послал письмо через Райха-Иогансена, и на это письмо был получен ответ. Троцкий отвечал, что он согласен.

ВЫШИНСКИЙ. Когда получили ответ?

КРЕСТИНСКИЙ. Ответ этот, вероятно, был в конце декабря *или в начале января.* Мне сейчас трудно сказать точно дату. Разговоры у нас были в ноябре на съезде, послал я письмо в начале декабря, ответ, по-видимому, был в конце декабря, а может быть в начале января...

ВЫШИНСКИЙ. А может быть в середине декабря?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, в середине декабря не могло быть по срокам: пока письмо пошло в Норвегию, пока получился ответ. Оказалось, что Троцкий по своей инициативе поставил вопрос об ускорении [переворота] *выступления* и послал это указание в письме на имя Розенгольца — иным, окольным путем. Розенгольц получил это письмо приблизительно в то же время или несколько позднее (кажется, через Шостака). И вот, после полу-

чения этого ответа и началась более непосредственная подготовка [переворота] *выступления*, — Тухачевскому были развязаны руки, ему дана была карт-бланш — к этому делу приступать непосредственно. Примерно к началу февраля относится и [наше с Розенгольцем] оформление вступления в центр *Розенгольца и меня*. В ноябре [месяце как] *Розенгольцу, мне и Гамарнику* пришлось взять на себя руководство [по] троцкистской [линии] организацией. [— ему, мне и Гамарнику, — за отсутствием начальства, т.к.] Пятакова [нет,] *уже не было,* Радека [нет.] *тоже*. Нам пришлось *вести* разговоры с Тухачевским и Рудзутаком, [вести также] никому не докладывая это по троцкистской линии, т.к. над нами не было вышестоящих, дающих нам указания, руководящих нами людей, [и] *нам* пришлось переписываться непосредственно с Троцким, а уже не через Пятакова, как это делалось прежде, при жизни Пятакова. А раз это так, то мы сказали Рудзутаку, что отныне, пускай, он считается с нами как с основными представителями троцкистов, и числит нас в этом не собирающемся в полном составе, но существующем центре. Тухачевского в этот момент, в феврале, не было — он находился в отпуске в Сочи[135]. Уезжая в отпуск, он своим единомышленникам и помощникам по военной линии [,] дал указание — приготовиться. [, а когда он вернулся,] *Затем* у нас состоялось [то] совещание на квартире *[у]* Розенгольца, о котором Розенгольц рассказывал. Я повторять сущности не буду, потому что Розенгольц довольно подробно это передал. [Тогда н] *На* этом совещании был намечен срок *выступления* — вторая половина мая. [Затем] *Но* в самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон[136]. К этому времени вернулся *из Средней Азии* Рудзутак. [, находившийся тогда в Туркестане. После совещания Розенгольц написал ему, чтобы тот немедленно выезжал.] После возвращения Рудзутака и после выяснения того, что Тухачевский в Лондон не едет, [и состоялось у нас заявление Тухачевского, что] он *заявил, что* может произвести это[т переворот] *выступление* в первой половине мая. [Я связался тогда же с москвичами.] С 1935 г. у меня была связь с тремя ответственными работниками Московской партийной организации, которые были скрытыми троцкистами — *Постоловским, Фурером и Корытиным,* которые занимались тем, что они проводили на московские областные и городские ответственные должности скрытых троцкистов, держали контакт с партией в московском масштабе и знали от меня, что может наступить момент, когда понадобится определенное выдвижение людей и для центрального аппарата. [Тут я им] *Я связался с ними и* сказал, что близится выступление и необходимо поэтому, чтобы они наметили списки людей в Москве, которых нужно будет арестовать и снять с постов в момент [переворота] *выступления,* и списки людей, которых можно будет назначить на эти освободившиеся места. Так как в то время в Москве проходила целая серия московских районных конференций и различного рода передвижения[137]. [, то б] *Б*ыло условлено, что примерно к 12 мая соответствующие списки я могу получить. Но в первых числах мая начался разгром *контрреволюционной организации*, были опубликованы передвижения в военном ведомстве, снят Гамарник с поста первого заместителя наркома, Тухачевский с поста второго заместителя наркома, Тухачевский переведен в Самару, Якир из Киева, Уборевич из Белоруссии, арестованы Корк и Эйдеман. Стало ясно, что [переворот] *выступление* становится невозможным, так что вопрос о том, чтобы переворот произошел в половине мая, стал явно недискутабельным.

Я стал готовиться к аресту, говорил с Розенгольцем. Розенгольц не ждал своего провала и брал на себя продолжение сношений с Троцким. Москви-

чей я тоже предупредил о том, что на случай моего провала нужно связываться с Розенгольцем. Через несколько дней после этого я был арестован.

Я хочу немного дополнить свои показания. Я не говорил о сношениях с Троцким после моего возвращения из-за границы. Эти сношения поддерживались через Берлин и через Бессонова, и только после того, как Троцкий переехал в Осло[138], через нашего полпреда в Осло — Якубовича, фамилию которого я называл как посредника в моей встрече с Седовым в 1929 г.

Осенью 1935 г. Троцкий через Якубовича бросал нам всем упрек в недостаточной активности. Тут речь шла не об активности в смысле ускорения переворота, ибо это было связано с внешними обстоятельствами и началом войны, а в смысле развертывания террористической и диверсионной деятельности. Это я передал всем руководящим товарищам.

Затем Пятаков был за границей, и через Бессонова шло значительное количество писем. Шло немало писем и от Пятакова, которые передавались, главным образом, через Бессонова, иногда через Якубовича, и когда этот последний зимой 1935 г. уезжал, через него было передано о том положении, которое мы испытывали. Через Бессонова я передавал в 1934 г. о результатах моих разговоров с Розенгольцем, Рудзутаком и Тухачевским. Через Бессонова я передавал о том, что сформирован комитет в 1935 г., хотя, вероятно, об этом раньше меня говорил Пятаков, но я тоже считал своим долгом сообщить это.

Вопрос в отношении террористической деятельности. Розенгольц здесь правду говорил о том, что это дело было централизовано, что им занимался Смирнов. Вскоре он был арестован, и этим делом стал заниматься Мрачковский. Потом эти вопросы перешли к Пятакову, но когда не стало Пятакова и когда это дело стало безначальным, за него взялся Гамарник.

Во время свидания с Тухачевским последний настаивал на том, чтобы *до контрреволюционного выступления* [во время переворота или перед переворотом] были совершены некоторые террористические акты. У нас с Розенгольцем были сомнения не принципиального характера, а сомнения характера политической целесообразности.

Мы думали, что эти террористические акты до переворота могут создать менее благоприятную обстановку для выступления, настороженности и правительства, и рабочих масс, и Красной армии, что, кроме того, в результате *того* или иного террористического акта могут последовать радикальные репрессии против многих арестованных, а мы на них рассчитывали как на свои кадры. Если во время переворота будет захвачено здание НКВД и тюрьмы, мы рассчитывали, что можем получить целый ряд ответственных людей, в первую очередь Пятакова, которые могут *быть* использованы для руководящей работы. [Но, п] *П*оскольку Тухачевский [, как ответственный организатор переворота,] настаивал на [этом] *террористических актах*, прежде всего, в отношении Молотова и Ворошилова, [то] мы дали свое согласие, заявили ему, что [такие то люди] *террористы-исполнители* будут ему даны. [А] Гамарник, который по этому вопросу был человеком в двух лицах — он действовал одновременно и от военной организации и от нашей организации, — [он] сказал нам, что [из намеченных им] *у него тоже намечены* кадровики[ов] — исполнители[ей терактов, он выдвинет людей] *террористических актов.*

Вот, мне кажется, все, что я могу рассказать о своей деятельности и деятельности связанных со мной людей по террористическому подполью, по заговорщической и изменнической работе.

ВЫШИНСКИЙ. После всех ваших колебаний и противоречивых заявлений, которые были здесь на суде сделаны, вы теперь признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, признаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы признаете, что в течение всей нашей революции вы были одним из активнейших и ближайших участников троцкистской организации?

КРЕСТИНСКИЙ. Не на протяжении всей революции, а с 1921 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы признаете себя виновным в том, что вы с [этого] 1921 г. систематически передавали шпионские сведения германской разведке?

КРЕСТИНСКИЙ. [В 1922 г. договорился, а] *Фактически* с 1923 г. начал, [осуществлять.] *хотя договоренность была в 1922 г.*

ВЫШИНСКИЙ. Это тот спор о датах, который у нас был.

КРЕСТИНСКИЙ. Это не спор о датах, в закрытом заседании я укажу об этом подробней.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, хорошо. Во всяком случае, вы сегодня признаете себя германским шпионом с большим стажем, исчисляемым вами, по крайней мере, с 1923 г., а нами с 1921 г.

КРЕСТИНСКИЙ. Фактически с 1923 г., хотя договоренность была в 1922 г. Когда *я договорился* с троцкистской организацией [договорился] относительно этого, я считаю, что преступление уже было совершено.

ВЫШИНСКИЙ. Признаете вы себя виновным в том, что вы были активным участником право-троцкистского блока?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, я был активным участником право-троцкистского заговорщического блока.

ВЫШИНСКИЙ. С того момента, когда блок сложился?

КРЕСТИНСКИЙ. Он сложился несколько раньше, я вступил в него несколько позже, но готов был к вступлению в этот блок с момента своего свидания с Троцким.

ВЫШИНСКИЙ. Но до своего вступления в блок ваша деятельность мало чем отличалась от деятельности блока, ваша организация все больше и больше подходила к тем основным задачам, которые были затем записаны в программе блока?

КРЕСТИНСКИЙ. Да, да. С начала 1935 г. я участник этой организации.

ВЫШИНСКИЙ. Далее, что вы не только участник, но и один из организаторов заговора против советской власти?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Также признаете?

КРЕСТИНСКИЙ. Да. Не член центральной группы до 1937 г., а один из участников.

ВЫШИНСКИЙ. Но *вы были* членом группы [в] *при* центре.

КРЕСТИНСКИЙ. *[Но вы были]* Член*[ом]* группы при центре. (Смех).] *Да, был членом группы при центре.*

ВЫШИНСКИЙ. Что вы засим непосредственно подготовляли [или] *и* были участником подготовки плана *антисоветского* государственного переворота в СССР?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Путем вооруженного восстания, подкрепленного террористическими актами...

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В расчете на вовлечение СССР [в] *в войну и на* поражение *СССР?*

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Со всеми теми политическими выводами, которые из этого факта могли бы вытекать.

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В этом вы себя также целиком и полностью виновным признаете?

КРЕСТИНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И, наконец, что вы были одним из участников обсуждения и подготовки террористических актов против т. Сталина, [т. Ворошилова,] *т. Молотова* и т. Кагановича?

[КРЕСТИНСКИЙ. Нет, Ворошилова там не было, — Сталина, Молотова и Кагановича.]

[ВЫШИНСКИЙ. Тоже признаете?]

КРЕСТИНСКИЙ. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. [Вам н] *Не* известно ли, не брал ли на себя специальную задачу осуществить террористический акт и ваш сообщник [, кроме Гамарника? ...][1] Розенгольц*?*

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме Гамарника, который брал на себя задачу организовать этот акт?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет. Я [уже] об этом слышал от него. [на очной ставке, но тогда я не знал, что он брал на себя это дело.]

ВЫШИНСКИЙ. Он с вами этим не делился?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. (К председателю). Можно спросить подсудимого Розенгольца?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Розенгольц, был ли у вас *лично* преступный замысел осуществить террористический акт против кого-либо из руководителей советского правительства [лично]?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, я об этом показал и подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично намеревались совершить террористический акт?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, вы скажите, против кого?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Против, как показано [у меня] *мной* на предварительном следствии, против Иосифа Виссарионовича Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. [Садитесь.] У меня *больше* вопросов [нет. К] *к* Крестинскому [вопросов тоже] нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ*СТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ.* Подсудимый Раковский, показания, данные вами на предварительном следствии, вы подтверждаете?

РАКОВСКИЙ. Полностью подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (К Вышинскому). Есть вопросы у вас?

ВЫШИНСКИЙ. Да. [Обвиняемый] *Подсудимый* Раковский, скажите кратко, в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу?

РАКОВСКИЙ. Позвольте мне одно предварительное замечание.

ВЫШИНСКИЙ. Если оно не очень длинное будет.

РАКОВСКИЙ. Очень короткое.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста.

РАКОВСКИЙ. Из процессов, которые развернулись[139], и из процесса, который мы слушаем здесь уже третий день, можно сделать по отношению ко мне, я так думаю, вывод, что я находился несколько на отлете, потому что никто не будет предполагать, конечно, что мое имя будет умолчено. Но

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

это я говорю не для того, чтобы снять с себя какую бы то ни было ответственность, нет. Я просто хочу сказать, что наряду с этими организациями, вот перед вами находится виновный в государственной измене, который был с ними связан известными нитями — одни шли горизонтально, а другие шли вертикально, и все сводилось к Троцкому. Это, если так сказать, руководящее начало во всех этих заговорах, во всех этих предательствах и изменах против Советского Союза, вождей правительства и Партии. Вот мое предварительное замечание.

Моя изменническая работа делится на два периода. [и м] *М*ежду этими двумя периодами [находится] *проходила* моя ссылка. Только [, может быть,] это обстоятельство и помешало тому, что я не вошел так глубоко во все эти центры, которые здесь создавались. [И п] *П*оскольку после ссылки моя изменническая работа имела более систематический характер, [а до ссылки более эпизодический,] я позволю себе начать именно со второго периода, а потом вернуться к первому.

Получив разрешение лечиться на озере Широ в 1932 г.[140], *я* потом, [я,] проездом через Новосибирск, виделся с Николаем Ивановичем Мураловым. И вот здесь, это было в июле или начале августа, был разговор с ним. Он мне сообщил, что у него имеются чрезвычайно важные новости, и тогда он мне сказал, что от Троцкого получены указания [для того, чтобы] *о* перехо*де*[йти] на новые *террористические* методы борьбы. Когда я попросил, чтобы он мне выяснил, в чем они заключаются, он сказал: террористические методы борьбы. Троцкий указывал, что после разгрома оппозиции, после того отпора, который она встретила в партии и среди рабочего класса, после того разброда и разложения, которы*е*[й] наступил*и* в ее собственных рядах, старые методы борьбы уже не приведут [к цели] *к* захвату[а] власти. Я должен вам заявить не для того, чтобы создавать для себя какое-либо обстоятельство, смягчающее мою вину, а потому, что это соответствует действительности, — сообщение Муралова произвело на меня потрясающий эффект и, в то же самое время, вызвало сильную реакцию. Я находился в ссылке, уединенной, занимался всякими теоретическими выкладками, и то, что происходило в Москве, где жили лидеры — руководители троцкистской подпольной оппозиции в сгущенной атмосфере кружковщины, со своим обычным озлоблением там, — между этой атмосферой и мной была, конечно, разница. Там эта эволюция троцкизма, которая является естественной, она происходила быстрым темпом. Я не был подготовлен к этому, я заявил Муралову: я возражаю решительно против такой тактики, которая идет вразрез со всем прошлым, со всеми традициями рабочего движения не только в России, но и во всем мире. Я просил его написать Троцкому, потому что, хотя он мне и дал адрес Троцкого, но из Барнаула, где я был, я не мог написать, поскольку моя переписка находилась под известным контролем.

Это происходило в июле или августе 1932 г. [В феврале 1934 г., т.е. п] *П*олтора года спустя *в феврале 1934 г.* я дал телеграмму в ЦК ВКП(б), что полностью идейно и организационно разоружаюсь и прошу принять меня обратно в партию. Эта телеграмма была неискренней, я солгал. [У меня произошли сдвиги, большие, значительные сдвиги произошли в сторону понимания линии партии, но они не были устойчивы, а кроме того, я считал, с одной стороны, правильность такой линии, а другой —] *Я* намеренно собирался скрыть от партии и от государства [то, что мне было известно. Во-первых, о самом себе, что я имею] *о моей* связи[ь] с «Интеллидженс Сервис» с 1924 г., о связи Троцкого с «Интеллидженс Сервис» с 1926 г., собирался скрыть мой разговор с Мураловым в 1932 г. и тот разговор, который про-

изошел, когда я ехал через Новосибирск в 1934 г., когда получил разрешение возвратиться в Москву[141], я с этим Мураловым встретился на улице, он сказал, — вы возвращаетесь в тот момент, когда все ваши товарищи по борьбе вернулись обратно на активную подпольную работу. Муралов считал, что я должен был остаться в ссылке для того, чтобы своим пребыванием там сохранить те остатки троцкистских кадров, которые находились в ссылке в то время.

Приехавши в Москву в мае [месяце], я встретился с Сосновским. Сосновский *заявил* мне [подтвердил, что действительно сообщение Муралова относительно возвращения] бывши*е*[х] руководители[ей] старой троцкистской оппозиции снова *возвращаются* на активную подпольную работу. [отвечает действительности.] Это есть период, который закончится скоро, период известных колебаний. Я написал Троцкому и снова указывал на безрассудность рекомендуемой им тактики, я указывал на беспочвенность позиций, поскольку на основе тех впечатлений, которые я получил в Москве и на месте, когда я был в ссылке, действительно, картина страны совершенно противоречива была тем мрачным прогнозам, которые дала троцкистская оппозиция.

Во втор*ой*[ую] половину июля [я] *1934 г., когда я* получил [ответ] *письмо* от Троцкого. Написал я Троцкому в Копенгаген и получил ответ по способу, на который я указывал в моем письме. В своем ответе Троцкий, прежде всего, старался рассеять мое благоприятное впечатление о социалистическом строительстве. Он писал, что я поддаюсь мистике статистических цифр, не учитывая подпочвенного процесса и т.д.

Что же касается рекомендуемой им тактики, он писал, он, конечно, понимает, что после такой длительной ссылки, ввиду моего возраста, усталости и т.д., я не в состоянии принять участие во всем объеме в активной работе оппозиции. [Но о] *О*н [меня] *в письме* просил[т] *меня* [только об одном, что соответствует моим силам, — что я могу] использовать [свои] *мои* обширные связи с заграничными политическими, преимущественно «левыми», кругами. [Он буквально писал: нужно изолировать Сталина в международном отношении. Другими словами — я понял смысл этих указаний так:] *Я понял смысл этих указаний так:* нужно укрепить и усилить капиталистическую агрессию против Советского Союза.

Это был компромисс, это, так сказать, шли мне навстречу в том смысле, что рекомендовали мне несколько более близкие методы в смысле знакомства, использования мои прошлых связей. На это[т компромисс] *предложение* я пошел. Я не буду здесь входить в психологические объяснения, почему и как. [Но факт тот, что с] *С* этого момента я уже обеими ногами стоял на позиции троцкизма, я говорю на позиции неотроцкизма, если можно так выразиться.

В сентябре месяце 1934 г. я был отправлен в Токио во главе с советской краснокрестской делегацией на международную [краснокрестскую] конференцию *обществ Красного Креста,* которая должна была состояться там в октябре месяце[142]. На второй же день после моего приезда в Токио, [будучи в] здани*я*[и] японского Красного Креста, *в коридоре*[1] меня встретил один крупный общественный деятель Японии. Я могу его назвать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Нет, не надо.

РАКОВСКИЙ. Значит, я назову его на закрытом заседании. Он пригласил меня на чай. Я с ним познакомился, он занимал положение, имеющее отно-

[1] * * — знак переноса этой фразы (синие чернила): «*в коридоре здания[и] японского Красного Креста...*»

шение к моей миссии, я говорю к миссии не оппозиционной, а правительственной. Я ответил положительно на его любезное приглашение. *В разговоре* [У]указанное лицо [начало своей разговор,] *(я тут отметаю различные комплименты, банальные фразы, льстивые разговоры)* [, остановлюсь на том, что он] сказало: [то течение] те *интересы того* политическо*го*[е] *течения,* к которому я принадлежу в СССР, и интересы некоего правительства вполне совпадают.

...и что мой приезд в Токио он лично приветствует, потому что это даст ему возможность поговорить о некоторых вопросах, касающихся обеих сторон, и, в частности, он заявил, что *некоего правительства и* для него чрезвычайно [ценно и для некоего правительства] *ценно* знать мою оценку внутреннего политического положения [Союза.] *Союза.*

Надо сказать, что я этого разговора не ожидал, я не был к нему подготовлен. Я заявил: во-первых, я не являюсь, не вхожу, не участвую в руководящих кругах нашей страны, я теперь занимаю чрезвычайно скромное место, скромный пост в Народном комиссариате здравоохранения, и, к сожалению, я в этом отношении не могу быть вам полезен. Я уклонился от дальнейшего разговора и ушел.

Я передаю вам суть, не ручаюсь, конечно, за каждое мое слово. Я хотел выяснить мотивы происхождения такого рода предложения. В тот же вечер я имел беседу с полпредом Юреневым, которого я знал как троцкиста еще с 1926 г., когда мы вместе с ним провели лето на юге Франции в Сен-Жанде-Люз. [И вот я] *Я* ему рассказываю об этом несколько странном [, может быть, предложении и] разговоре указанного мною лица. Я его представляю в несколько более острой форме, потому что обыкновенно это дело рассиропивают и даже не дают возможности протестовать. [Но] *Я сказал* Юреневу [я сказал], что тут речь идет о привлечении меня в качестве шпиона, информатора некоего правительства.

Тогда Юренев вынимает из кармана письмо и говорит мне: «Дело решенное, нечего колебаться». Он даже сказал: «Жребий брошен». [Тогда о] *О*н мне показал письмо Пятакова [. Письмо Пятакова], *которое я* привез [я сам] ему из Москвы [.] *сам.* Оно мне было послано в таких условиях, что я не мог знать о его содержании.

Я должен вам заявить, что я, приехавши в Москву, подавши заявление в партию, отправился немедленно лечиться, потом приехал, поступил на работу и через два месяца уехал в Токио. За это время я имел возможность видеть только Сосновского, был два раза по служебным делам в Наркоминделе, где виделся с Крестинским, обменялся несколькими словами, — я об этом буду дальше говорить, — но, в общем и целом, это был период, — когда я стремился вернуться в партию и вообще избегал каких бы то ни было встреч с известными оппозиционерами.

Однажды перед моим отъездом я получил в Наркомздраве с курьером Наркомтяжпрома конверт на мое имя; в этом конверте был второй конверт на имя Юренева и записка ко мне. Записка была от Пятакова. В ней он меня поздравляет с моим возвращением и просит, чтобы я отвез письмо Юреневу и настаивал перед Юреневым, чтобы он выполнил его просьбу. Письмо было написано клером. Содержание этого письма имело отношение к методам, применяемым Японией для сплава цветных металлов; Пятаков просил Юренева, чтобы он ему сообщил, какие там применяются методы и вместе с тем отправил был ему имеющуюся в Японии литературу по этому вопросу на английском и немецком языках. Но когда после моего разговора с известным общественным деятелем, о котором я упомянул, Юренев вынул

письмо из своего кармана, [то в этом письмо] *в нем,* наряду с текстом, написанным клером, был другой текст, написанный симпатическим чернилами. Тогда Юренев мне прочел, прежде всего, то, что касается меня. Пятаков ему писал: Раковский, кроме болезни, имеет еще другой мотив остерегаться, это — его желание вернуться в партию; так что в этом смысле нужно его щадить, но по возможности использовать его пребывание в Токио. А потом дальше была сказана буквально следующая фраза: «Вероятно, некое правительство само предпримет шаги в этом направлении» (т.е. в направлении использования Раковского). Дальше Пятаков писал Юреневу относительно Богомолова — полпреда в [Шанхае] *Китае*, указывая ему, что некое правительство недовольно его политической линией, что он больше помогает Великобритании, чем данному правительству. Дальше было указано, что Юренев должен постараться использовать, по возможности, пребывание в Токио заведующего правовым отделом Наркоминдела Сабанина. Наконец, Юренев сказал, читая письмо: «А вот это [что такое? М] *м*не [очень] трудно [это] сделать». Там ему было указано о необходимости использовать известные переговоры [, которые тогда велись насчет] *о* продаже[и дороги] *КВЖД*[143], для того, чтобы можно было что-нибудь выручить в пользу троцкист*ов*. [ской пропаганды.]

Вот я вам рассказал, примерно, содержание письма Пятакова к Юреневу. Юренев [уже] был связан с троцкистским подпольем в Москве, с Пятаковым. [, может быть, с Сокольниковым, а также с Богомоловым.]

На второй или третий день после моего разговора с Юреневым, после одного торжественного обеда, на который были приглашены все делегаты, приехавшие на Краснокрестную конференцию[144], по окончании обеда ко мне явилось *[некое высокопоставленное]* лицо, которое заявило, что некое высокопоставленное лицо, присутствующие на этом обеде, [желает] познакоми*лось*[ться] со мной. [Я очень охотно встал, и, стоя, мы обменялись мнениями.]

Официальное лицо заявило, что оно очень радо данному знакомству и т.д., а потом [сообщило] *заявило,* что *наши* интересы [наши] совпадают с интересами некоего государства, что между *троцкистами* [течением] в СССР и между представителями некоего государства достигнуто соглашение, но мы еще не знаем точных условий этого соглашения.

[В то же самое время указанное лицо мне сообщило, что к] *К*рупный общественный деятель, который со мной разговаривал, *как я узнал,* сделал это по поручению высокопоставленного лица. После этого я имел еще два свидания с общественным деятелем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Извиняюсь, подсудимый Раковский. Поскольку сейчас 10 часов и ваше показание продлится еще не менее часа, закончите его завтра.

Объявляю перерыв до 11 часов утра.

5 марта 1938 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых: РАКОВСКОГО (продолжение)
ЗЕЛЕНСКОГО

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых: ИКРАМОВА
БУХАРИНА

Подлинник стр. с 532 по 730 вкл.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

5 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
5/III-38 г.

Свет люстр путается с дневным светом. Сегодня оттепель, с крыш на кепку капает. Еще стучат стулья, но уже...

— Вчера я кончил свое показание, — раздельно говорит Раковский, — ...на втором или третьем свидании был тот характер сведений, анализа, правильнее, которые я обязался передать японской разведке.

Покачиваясь, держась за перегородку, он рассказывает о том, как был связан с японской разведкой.

— Он просил меня пойти кофе пить... — он облокачивается и говорит несколько резко. — Мы в праве ожидать от Троцкого иную линию поведения касательно Китая и китайских троцкистов. Он... — и поднимает руки от барьера. Рядом — Крестинский, положив и вытянув руки.

Рядом Крестинский, положив и вытянув руки. Ходжаев, наклонив голову, и держит пальцами пере...[I] *У Раковского борода в бурых пятнах.*

— Играем тремя картами.

Он в черном.

— Япония явл.[яется] акт.[ивным] агрессор.[ом] против СССР. — очень резко — Яп.[онская] карта очень важна.

Читает лекцию. — В области исти...[II]

— Кончаю. Таким образом, надо держать связь с англ.[ийской] разведкой.

— И Герм.[анской.]

— Она как перспектива!

В.[III] *— Троцкизм полностью себя обнажил...*

— Когда авантюра удается, то авант.[юристов] называют великими историческими людьми. Ва-банк! Все за все!

— Я передал японской разведке «пять анализов», сущность была в тенденции, — подчеркнуто, рукой бьет.

— Изолировать Сталина в межд.[ународном] отношении... — указывает себе на грудь.

Взялся за микрофон:

— Как я стал агентом «И.[нтеллидженс] С.[ервис]»...

Два пальчика соединил:

— Гражданин прокурор! Вы меня спрашиваете, когда я познакомился с Армстронгом?

— Как вас завербовали?

Он откинулся и держится руками за перила. Вынул из кармана бумагу и показал ладонью.

О подлоге. Размахивает руками.

В.[ышинский] — Что вам известно о Троц.[ком]?

Откидывается, задумывается, потирает бороду, указывает на карту:

— Он рассчитывает на побег.

Кивает головой, говорит:

— Что с 26 г. пошел на связь с «И.[нтеллидженс] С.[ервис]» через конц.[ессионера] «Лена Гольд.[фильд.]».

[I] Так в документе. Вероятно, следует: «перегородку».
[II] Так в документе. Вероятно, следует: «истории».
[III] Так в документе. Должно быть: Р.[аковский.]

Задумывается, смотрит на ботинки:

Он уже успел оказать извест.[ную] услугу «И.[нтеллидженс Сервис]», что это относится с началу 27 г. Он спровоцировал налет на «Аркос», чтобы убедить анг.[лийских] коллег, и разорвал дип.[ломатические] отношения с СССР.

Два шпиона сговариваются.

— Как вы форм.[улируете] свои показания?

Тишина. Зал слушает.

— Я явл.[яюсь] с 24 г. изменником.

Жара. Душно. Он рассказывает о личной дружбе с Троцким, свыше 35 лет.

Он все так же размахивает руками:

— Во имя чего?

Прямо:

— Во имя захвата власти.

— А цели?

Показывает руками:

— К ликвидации достижения.

Тихо. О сознании и подсознании, о прогнозах историч.[еских], бьет себя в грудь, берет себя за бороду.

— Если бы мы захватили власть, то были бы не только преступниками, но и дураками.

В конце концов, он пьет воду:

— Они были бы в руках фашистских агрессоров.

Прокурор нравоучительно.

— Признаю.

Кивая головой:

— Это измена.

Он несколько возмущенно:

— Я это уже сказал!

8 месяцев запирался.

Он показывает руками:

— Старые ре.[волюционные] навыки переносятся на контрреволюц.[ионные.]

Он никак не может оторваться от микрофона, бьет ручкой, почему он молчит. С пафосом говорит о том, что он делал и что он ответственен за то, что происходит в Китае и Японии:

— Перед своим собственным судом. Я с юных лет отдавал себя рабочему движению, и к чему я пришел?

Кричит о фашизме и агрессии. Оскорбление и честолюбие, и ...?[1] *Я буду [да]вать следователю...*

Перерыв. За окнами идет снег.

Москвин: «Вот если бы энергию Раковского употребить в нашу пользу — при его изворотливости... Казаков отказывал институт, в президиуме сидят люди, а затем они уже умерли — уничтожены. Казаков, залечили». Снег идет хлопьями. В зале свежо. Подсудимые сидят еще ровно.

Зеленский. Измятое лицо, как будто бы изрытое, в очках. Темно-серая тужурка. Покашливает. Низенького роста, шепелявит.

— Совершил измену, предательство, — посматривает в бумагу. Лицо у него серое, покачивает головой. Прикладывает пальцы к тужурке, растопырив их. Его допрашивают, почему им интересуются три охранки. Он улыба-

[1] Так в документе. Восстановить не удалось.

ется, заглядывает в бумагу. Рыхлый рот. Бледные уши. Русые волосы и темные очки.

Прокурор говорит о братьях-охранниках. Зеленский багровеет.

Фотогр.[афические карточки] — «интересовался и волновался». Ягода привез.

Ягода говорит очень отчетливо и резко.

Зеленский вытирает рот, когда говорит, что он секретарь МК.

— Я примкнул к организ.[ации] правых из боязни разоблачения.

Смотрит и мямлит, вытирает лоб. Он оживляется, когда начинает говорить о развале колхозов. Он подчеркивает свои слова ударами рук. У него длинные рукава. Он говорит о поддержке правых. Пьет воду. Перебирает листки.

— После моего прибытия из Ташкента.

Волосы у него мокрые, торчат уже как перья. В зале душно. Выпивает воды из кружки.

— Как я производил вредительскую работу?

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Подсудимый Раковский, вы имеете слово для окончания ваших показаний.

РАКОВСКИЙ. Вчера я кончил свои показания на том факте, что я имел после моего разговора с высокопоставленным лицом, близким японскому правительству, имел три разговора с тем общественным деятелем, возглавляющим крупную общественную организацию в Японии, о котором я говорю.

На втором и на третьем свидании *с деятелем, возглавляющим крупную общественную организацию в Японии,* у нас были [уже] установлены [и] характер тех [свиданий] *сведений,* [анализов, вернее,] которые я обещался передавать японской разведке в Москве, а также и техники этой передачи. [Что касается техники, собственно говоря, не мне пришлось переговаривать об этом, потому что е] Еще в Токио я привлек к этому делу доктора Найда, секретаря Краснокрестной[овской] делегации, принадлежность которого к подпольной контрреволюционной террористической организации мне уже была известна. Я отправил доктора Найда с моей визитной карточкой к общественному деятелю, и с ним он уговорился, каким образом в Москве, с кем должен доктор Найда встречаться. *Он и* играл[я, таким образом,] роль агента связи между мною и японской разведкой.

В Токио я [Я] имел еще одну встречу с третьим лицом. Все эти международные конференции, как вам, вероятно, известно, *сопровождаются всякими приемами, обедами, спектаклями, встречами, которые, обыкновенно, являются кадром[I] для ведения очень серьезных разговоров, вполне законны[у]х, а иногда и незаконных. Я говорю с точки зрения всяких вербовок. [Я имел встречу еще с третьим лицом.] Я был [познакомлен,] представлен этому третьему лицу вторым высокопоставленным лицом.*[II] Он попросил меня пойти с ним вместе пить кофе, — это было после ужина, — и, засевши за столиком, мы начали разговаривать.

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

Передавать *я всю беседу*[1] не буду, и это не нужно, я скажу существо. *Беседу со мной* [О]он начал с того, что заявил мне: «Нам известно, что вы являетесь ближайшим другом и *един*[с]омышленником господина Троцкого. Я должен вас[м сказать с просьбой] *попросить*, чтобы вы [об этом] ему написали, что некое правительство недовольно его статьями по китайскому вопросу, а также и поведением китайских троцкистов. Мы вправе ожидать от господина Троцкого иной линии поведения. Господин Троцкий сам должен понимать, что является необходимым для некоего правительства. Входить в подробности не нужно, но ясно, что вызва*ть*[нный] инцидент в Китае яв*илось*[лялся] бы желательным поводом для того, чтобы можно *было* вмешаться в Китай». Обо всем этом я написал Троцкому — о моих переговорах в Токио, о моих разговорах с Юреневым, о моих встречах и, конечно, об этом последнем предложении.

[Но я об этих] *О* всех моих разговорах *я* ставил также в известность и [моего сомышленника] Юренева. Последнюю неделю я заболел воспалением вен правой ноги и оставался в полпредстве. Я говорю об этом, потому что это давало возможность мне и Юреневу часть видеться. Он [приехал] приходил ко мне, в это время другие члены делегации, конечно, отсутствовали, приходил ко мне, и мы разговаривали о наших общих троцкистских делах. Юренева *сильно* смущало [чрезвычайно сильно] одно обстоятельство. «Мы, — говорит, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься, как бы удовлетвори*в*[л] одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, *а* нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведкой...»

ВЫШИНСКИЙ. Кому это — нам?

РАКОВСКИЙ. Троцкистам. «Московский центр, Пятаков в данном случае жалуется, что Богомолов держит сторону англичан. Мне приходится вот в этом всем ориентироваться...»

Я ему сказал: [, в сущности,] вы преувеличиваете трудность вашего положения. Из чего нужно исходить? Нам, троцкистам, приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской. Немецкая карта *[по кр]* [для нас еще недостаточно], по крайне мере, в тот момент для меня *была* недостаточно [была] ясна. Я лично считал, что не исключено, что Гитлер будет искать сближения с правительством СССР. [Вообще, часто] *Я* ссыла*лся*[ются] на [ряд исторических прецедентов и, между прочим, самая излюбленная ссылка это ссылка на] политику Ришелье: у себя он истреблял протестантов, а в своей внешней политике заключал союзы с протестантскими германскими князьями. [Так что для нас еще недостаточно ясны были о] *О*тношения между Германией и Польшей [,] тогда [они] были все еще в стадии рождения. [Что касается Японии,] Япония *же* является актуальным агрессором против СССР. Японская карта *была для нас, троцкистов,* чрезвычайно важна, но, с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии как нашего союзника против советского правительства. [Токио гораздо ближе от Владивостока, чем Москва от Токио и е] *Е*сли даже японская агрессия *и* сможет продвинуться на территорию СССР, [то] она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Великобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Я рассказываю наши внутренние разговоры, которые должны показать, почему мы следуем той или иной линии. В данный момент мы

[1] * * — инверсия (синие чернила) — «*всю беседу я ...* ».

находимся в антагонизме с Японией, но, не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась[145].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ. Вы поменьше *уходите в область прошлого* [экскурсий в область прошлого] и побольше *говорите* насчет троцкистской организации.

РАКОВСКИЙ. [Кончаю.] Таким образом, *вывод заключается в том, что* нужно держать связь с английской разведкой, а в данный момент направить внимание на японскую разведку. [Я уехал в Москву...]

ВЫШИНСКИЙ. Я не совсем вас понял. Вы говорите: нужно держать связь с английской разведкой, а внимание направить на японскую разведку.

РАКОВСКИЙ. Главное, внимание направить.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, надо служить и японской и английской разведке, [и] *а* вдобавок еще и германской?

РАКОВСКИЙ. [Она]*Последняя, по моему тогдашнему личному мнению,* [она] как [в] перспектива.

ВЫШИНСКИЙ. Вы видели из показаний Крестинского, что это *была* вовсе не [была] перспектива.

[РАКОВСКИЙ. У меня лично, в данном случае, я говорю, что мне было известно.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите лично о своей преступной деятельности?]

[РАКОВСКИЙ. Да, да.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично были связаны, с какими разведками?

РАКОВСКИЙ. С английской и японской.

ВЫШИНСКИЙ. А Крестинский? Обвиняемый Крестинский, вы с какой разведкой были связаны?

КРЕСТИНСКИЙ. С немецкой.

ВЫШИНСКИЙ. В перспективе или реально?

КРЕСТИНСКИЙ. В действительности.

ВЫШИНСКИЙ. В действительности*?* [.] Продолжайте, пожалуйста.

РАКОВСКИЙ. Я вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона. Мне это нетрудно в теперешних моих настроениях сказать открыто, и то, что я раньше перед своей собственной совестью не хотел бы признать, признать открыто, перед гражданским судом. [Я б] *Б*ыстро, в течение нескольких месяцев, можно сказать, *я* завершил ту эволюцию троцкизма, которую другие троцкисты завершили в течение нескольких лет.

Я говорю несколько месяцев, потому что я до этого был вне связи, вне активной деятельности. Троцкизм пережил период пассивного пораженчества, когда он злорадствовал каждому промаху, каждой неудаче партийного строительства и советского правительства в социалистическом строительстве. И в тот период и в моем лице были уже зацепки с той или иной разведкой. Об этом я буду говорить о моей связи с английской разведкой. Но это было уже, как я сказал вчера, эпизодически. А второй период, период активного пораженчества, период, когда не ждешь промаха или поражения, промаха во внутренней работе, а начинаешь вызывать для этих вредительств по известной системе проводимой программы, когда не ждешь предложений извне, случайно, а начинаешь искать связь, шпионаж становится системой. Вот эту эволюцию троцкизма — от пассивного пораженчества к активному пораженчеству — я пережил в период 1934 г. Троцкизм раньше выдавал себя за известное идеологическое течение, теперь он полностью себя обнажил в моем лице. В 1934 г. я уже видел, что все теоретические и идеологические предпосылки, — это все отошло в прошлое, это все без всякого значения и, в том числе, пресловутая, схоластическая теория о невозмож-

ности строительства социализма в отдельной стране. Теперь мы становимся школой шпионажа, вредительства, государственной измены, террора. Мы — авангард иностранной агрессии, международного фашизма и не только в СССР, но и в Испании, в Китае, во всем мире. Понятно, что тут была какая-то внутренняя увязка и с нашим прошлым. Никто, я думаю, не подведет знак итога между нами и фашистами. Это было бы [действительно] *искажением* всей[ю] картины[у] и во вред правде и во вред борьбе с троцкистами. [изменить в неправильном освещении.] Тут были другие, далеко идущие расчеты. *Вся политика была политикой авантюризма, авантюры, но говорили себе [,] *(я* и в разговоре с Юреневым не скрывал*),* что я пишу Троцкому о том, что мы делаем, — является политикой ва-банк, все за все. Но когда авантюра удается, авантюристов называют великими государственными людьми. Какие у нас расчеты*?**[I] [.] Я возвращаюсь к разговору с Юреневым, потому что я считаю, что они характерны.

Вот японская агрессия. Она может вызвать внутри колоссальное недовольство, а мы в это время явимся уже как друзья, связанные узами сотрудничества, в роли спасителей родины. И тогда уже будут применять программу относительно Приморья, Приамурья и т.д.

Приехав[ши] в Москву, я продолжал болеть *до 15 января 1935 г.* Присутствующий здесь, между прочим, профессор Плетнев и другие врачи меня лечили. Казаков впрыскивал мне лизаты. [Я проболел флебитом до 15 января.]

В это время пришел навестить меня Сосновский. [Да] *Да,* я позабыл сообщить одну важную подробность, что Юренев в ответ *Пятакову написал письмо тем же способом, конечно, о способах сплавки Кверома, о разведывательной связи и шпионской работе. Написано было симпатическими чернилами. [Это письмо передал Сосновскому, причем я] *Я* [его] поставил *его* в известность о всех моих разговорах в Японии. *Я передал Сосновскому отдельное письмо Юренева Пятакову, написанное симпатическими чернилами.* В течение 1935 г. и в первой половине 1936 г., т.е. до процесса Каменева и Зиновьева[146], [когда я счел целесообразным прекратить связь,] я передал *через Найда* японской разведке пять [анализов] *сообщений.* Я не буду говорить о проблемах этих анализов, существенное не в этих проблемах.*[II] Главное заключалось в том, что я [излагал вопрос относительно] *передавал о* влиянии[я] отмены карточной системы[147] на уровень заработной платы, [я писал] о состоянии колхозов, о выполнении промфинплана. [Но и не в этом состояла суть моих анализов, которые я передавал через Найда. Нет. Суть состояла в той тенденции, которую я проводил в тех песси] *Изложение и выводы сознательно делались резко песси*мистически[х], *в* сгущенных черных красках. [изложениях и выводах. Для чего я] *Я* это сделал [? Д] *для* того, чтобы поощрять аппетиты агрессоров.

В начале 1935 г. [, когда я был болен,] я получил второе письмо от Троцкого. [Это письмо, между прочим, не было ответом на мое письмо из Токио. Мое письмо я посылал через Виа Суэс, через Суэцкий канал, посылал его через Виа Уорс. Поэтому письмо путешествовало долго. В этом втором письме Троцкий снова] *Он* возвращался к своей теме, изложенной в первом письме, *и давал директивы о необходимости* изолировать Сталина, *изолировать Советский Союз* в международном отношении. Он развивал уже здесь более конкретную аргументацию, которую следует применить в моей работе по международной изоляции Советского Союза.

I * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
II * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).

Конечно, прежде всего, [если идет] *шла* речь о левых заграничных элементах. [, то т] *Т*ут надо играть на их па[сс]*ци*фи*стских*[ческие] чувствах. [— н]*Н*адо так представлять дело, что СССР может стать причиной войны. [, вообще, перед ними все время выдвигать опасность войны.] Если *же* я буду говорить с английскими лейбористами, то надо исходить из того, как английские элементы боятся восстановления обязательной воинской повинности, что неминуемо в случае войны. Поскольку речь [идет] *шла* о правых заграничных элементах — [, конечно,] тут дело проще, [тактике проще,] их настроения против СССР достаточно ясны и определенны. [, чтобы можно было с] *С* ними *можно* говорить открытым языком. [А ч] *Ч*то *же* касается демократических элементов, — *то* тут надо подходить не лобовым ударом, а обходным движением. И вот представился случай, когда я мог применить эту директиву Троцкого. Это было во время приезда французского премьера Лаваля. Среди журналистов, которые приехали из Франции вместе с Лавалем, был один *Эмиль Бюре* — мой близкий старый товарищ по [партийной работе во] Франции [с начала 1890-х гг., который потом] переше[л]*дший* в лагерь правых [(я имею в виду не правых коммунистов, а правых] республиканцев [)] и ста[л]*вший* [во главе,] директором одной из *крупнейших* и самых авторитетных французских газет «Л'ордр». [Речь идет об Эмиле Бюре. И вот я] *Я* пошел к нему в гостиницу «Метрополь», [и] поставив[л] себе задачу убедить его, что франко-советское сближение[148] [является] чревато[ым] опасностью, [. Я говорил ему (не стану излагать весь разговор, скажу только самое существенное), что слишком большое сближение между СССР и Францией, в особенности если бы был заключен военный союз, может привести к восстановлению довоенных группировок, которые существовали в старое время, и это] *что оно* может привести к новой превентивной войне со стороны Германии. [— войне предварительной, профилактической, в которой она, Германия, будет говорить, что я вынуждена воевать, т.к. я окружена (я имею в виду фашистскую Германию). Я ему заявил, что это —] *Я ему заявил, что это* не мое только мнение, я ведь знал настроения всей оппозиции, *[ее]* пораженческие настроения.

ВЫШИНСКИЙ. Какой оппозиции? Когда это дело было?

РАКОВСКИЙ. Это было в середине 1935 г., когда Лаваль приезжал в Москву.

ВЫШИНСКИЙ. О какой же оппозиции вы говорите?

РАКОВСКИЙ. Я говорю и о правых и о троцкистах.

ВЫШИНСКИЙ. Какая же это оппозиция? Это бандитская группа контрреволюционеров.

РАКОВСКИЙ. Гражданин Прокурор, вы меня простите, долго этот термин...

ВЫШИНСКИЙ. Вы в своих объяснениях сегодня вообще допускаете целый ряд таких выражений, как будто вы забываете, что дело идет о вас как члене контрреволюционной бандитской, шпионской, диверсионной организации изменников. Я считаю себя обязанным вам об этом напомнить, ведя ваш допрос, и просить вас держаться ближе к существу совершенных вами изменнических преступлений, говорить без философии и т.п. вещей, которые здесь совершенно не к месту.

РАКОВСКИЙ. Бюре мне ответил: Франция не может оставаться изолированной перед растущей милитаризацией Германии. На агрессора нужно надеть смирительную рубашку, это есть единственный способ подавить войну. Об этом ответе я написал Троцкому. Повторяю, это было летом 1935 г., когда Лаваль был в Москве.

В начале января 1936 г. мне позвонил Пятаков из Наркомтяжпрома [, я впервые слышал его голос. Он мне позвонил и сказал] *и [заявил] сказал* короткую фразу по-французски: «наш друг недоволен тобой, ты не активен». Я положил трубку, т.к. считал абсолютно неуместным вести подобные разговоры по телефону.

Через некоторое время я встретился с Радеком, и он мне рассказал о поездке Пятакова в Осло. [, что имело место.] Эта встреча была в начале июля во время приема международной комиссии по гигиене при Лиге Наций. [, организованного Наркомздравом.] Радек поставил меня в известность о переговорах между немцами и Троцким и просил моего содействия. Он предполагал, что следовало бы поддержать Троцкого в Москве, т.е. перед представителями Германс*кой*[ии] *разведки* в Москве. [, или иначе говоря, германской разведкой.] Я делал по этому поводу некоторые критические замечания, но это не имеет значения. Важно то, что я уезжал на юг вместе с этой делегацией и условился с Радеком, что по приезде с юга я заеду к нему за город, причем Радек дал мне адрес своей дачи в Химках.

Когда я вернулся с юга (это было в конце июля), через очень короткий период времени начался процесс Каменева—Зиновьева[149], и я Радека больше не видел.

Я теперь[I] возвращаюсь к моей изменнической деятельности до ссылки и начну с показани*й*[я] относительно того, как я стал агентом «Интеллидженс Сервис».

Дело происходило в конце 1924 г. После падения [рабочего] правительства Макдональда[150] ко мне в полпредство в Лондоне явились два англичанина — Армстронг и Леккарт, мне лично знакомые.

ВЫШИНСКИЙ. Кто они такие были? [Кто такой Армстронг?]

РАКОВСКИЙ. Армстронг — бывший морской офицер, [а] Леккарт [, как] и Армстронг [, между прочим, они делали] *составляли* часть окружения известного английского крупного капиталиста лорда Инверфорса, бывшего министра [военного] кабинета [Лориа] *Ллойд* Джорджа. С Армстронгом я познакомился еще в Лозанне, вскоре после моего приезда туда, в начале 1923 г. во время Лозаннских переговоров[151]. Он явился туда и устроил свидание нашего наркома с лордом Керзеном[II], но это по другой линии.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. по какой по другой?

РАКОВСКИЙ. По линии форейн-офис.

ВЫШИНСКИЙ. А ваше знакомство с ним в 1924 г. было по какой линии?

РАКОВСКИЙ. Первое знакомство, как я сказал, было в Лозанне, а потом я виделся с Армстронгом, который был очень хорошо знаком с морским атташе нашего полпредства Бернсом, и вместе с Армстронгом и Бернсом я имел встречу с лордом Инверфорсом, которая касалась организации кредита, так что я его видел в тот раз...

ВЫШИНСКИЙ. Меня не интересует, какие встречи у вас были со всякими лордами, а меня интересует ваша преступная деятельность в пользу английской разведки.

РАКОВСКИЙ. Но т.к. вы меня спросили, когда я видел Армстронга...

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашивал, и вы сказали, что в 1924 г. к вам пришел Армстронг.

РАКОВСКИЙ. В конце 1924 г.

[I] * * — инверсия (синие чернила) — «*Теперь я*»

[II] Так в тексте. Правильно — «Керзоном».

ВЫШИНСКИЙ. Что это было ваше знакомство уже по другой линии. Вот я вас и спрашиваю: по какой по другой линии?

РАКОВСКИЙ. По линии ведения переговоров для открытия кредита в Англии.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, тоже официальная линия?

РАКОВСКИЙ. Линия официальная, где я выполнял директиву.

ВЫШИНСКИЙ. Каким образом вы оказались завербованным для службы в английской «Интеллидженс Сервис»? Это нас интересует. В этом мы вас обвиняем.

РАКОВСКИЙ. Гражданин Прокурор, я понял, что вы меня спрашиваете, когда я познакомился с Армстронгом.

ВЫШИНСКИЙ. В 1923 г., вы ответили.

РАКОВСКИЙ. А потом в Лондоне я его видел и до этого.

ВЫШИНСКИЙ. Если я вас правильно понял на предварительном следствии и правильно понял то, что содержится в документах предварительного следствия, то вы уже в 1924 г. оказались завербованным в качестве агента «Интеллидженс Сервис». Правильно?

РАКОВСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. [Я и спрашиваю вас, будьте добры, с] Скажите, при каких обстоятельствах произошла эта [ваша] вербовка, при каких обстоятельствах [, иначе говоря,] вы сделались агентом «Интеллидженс Сервис» в 1924 г. [Это нас интересует.]

РАКОВСКИЙ. Я позволю себе повторить этот момент, что после падения правительства Макдональда в ноябре 1924 г.[152] ко мне явились Армстронг и Леккарт, с которыми я раньше уже был знаком и по другой линии.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, пожалуйста. Дальше, как произошла ваша вербовка. Я понимаю, что это вам, может быть, не совсем приятно сейчас говорить, но это необходимо.

РАКОВСКИЙ. Я все изложил в своем показании и здесь.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда, будьте добры, расскажите именно об этом вопросе, об этом факте, как вас завербовали?

РАКОВСКИЙ. Армстронг [начал первый разговаривать со мной и] сказал: «[мы имеем сделать вам очень важное сообщение,] мы питаем к вам большую симпатию, [и т.д. И] хотим предупредить вас против опасности, которая вам грозит». [И тогда Армстронг] *Он* вынул из кармана бумажку, которую [он мне] предъявил *мне*.

ВЫШИНСКИЙ. Что это за бумажка?

РАКОВСКИЙ. Эта [бумажка —] было письмо, написанное на машинке и подписанное моей подложной подписью.

ВЫШИНСКИЙ. Подложной ли?

РАКОВСКИЙ. Подложной.

ВЫШИНСКИЙ. А куда было адресовано это письмо?

РАКОВСКИЙ. Без адресата.

ВЫШИНСКИЙ. Кому предназначалось?

РАКОВСКИЙ. Я расскажу содержание письма.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не хотите, чтобы я вам ставил вопросы?

РАКОВСКИЙ. Нет, я не имею права.

ВЫШИНСКИЙ. Вы имеете право.

РАКОВСКИЙ. Пожалуйста, задавайте, может случиться так, то, что я хочу рассказать, вы зададите вопросы, и я охотно отвечу.

ВЫШИНСКИЙ. Для кого было предназначено это письмо?

РАКОВСКИЙ. Это письмо было написано в Германию, а адресата не было.

ВЫШИНСКИЙ. Письмо было предназначено для Германии?

РАКОВСКИЙ. Из содержания вытекало, что оно предполагалось для германского правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Для германской разведки [.]*?*

РАКОВСКИЙ. Возможно.

ВЫШИНСКИЙ. [Перейдем дальше.] Что же в этом письме говорилось?

РАКОВСКИЙ. В этом письме говорилось, *примерно,* следующее.

[ВЫШИНСКИЙ. От Вашего имени.]

РАКОВСКИЙ. [Да, от моего имени. В этом письме говорилось следующее:] «Посылаю вам приложенный список *румынских* торговых фирм и редакций газет [румынских], которые следует привлечь на сторону Германии для привлечения самой Румынии в войну на стороне[у] той же самой Германии». [Я передаю здесь смысл.]

ВЫШИНСКИЙ. [Да, да.] Что означает такое содержание письма*?* [.]

РАКОВСКИЙ. Содержание письма означало, что у меня с германской разведкой, с германским правительством или какой-то германской организацией существовала связь.

ВЫШИНСКИЙ. И вы [, якобы, в этой связи содействовали] *помогали* Германии *в* вербовк*е*[ать] на территории Румынии румынских граждан для [службы и] содействия[и] Германии?

РАКОВСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Так обстояло дело?

РАКОВСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. А скажите, в Румынии вы были в это время, к которому относится это письмо?

РАКОВСКИЙ. Время, к которому относится письмо?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

РАКОВСКИЙ. Письмо было помечено из Берна в октябре *1915 г.*, а в это время меня не было в Берне.

ВЫШИНСКИЙ. А вы в Румынии были?

РАКОВСКИЙ. Был, как же, к рабочему движению я был причастен.

ВЫШИНСКИЙ. Рабочее движение вы оставьте в стороне, я говорю не о рабочем движении, которому вы изменили по вашим собственным показаниям в 1924 г. [Вы изменили рабочему движению? А вы касаетесь рабочего движения и прочего.] Вы сказали, что в 1924 г. вы сделались агентом английской разведки?

РАКОВСКИЙ. Сделался.

ВЫШИНСКИЙ. Это есть измена рабочему классу? Давайте здесь уточним, раз мы коснулись этого вопроса.

РАКОВСКИЙ. Изменил.

ВЫШИНСКИЙ. Поэтому поменьше говорите о рабочем движении, а скажите по вопросам, которые ближе к процессу. В каком году вы были в Румынии?

РАКОВСКИЙ. В Румынии я был с 1904 по 1907 гг. [, потом был пятилетней перерыв,] и с 1912 по 1917 гг. [, но в последнее время я находился на свободе.]

ВЫШИНСКИЙ. В период войны вы находились в Румынии?

РАКОВСКИЙ. В Румынии[153].

ВЫШИНСКИЙ. Чем вы занимались в Румынии *официально*?

[РАКОВСКИЙ. Тогда я должен вам сказать...]

[ВЫШИНСКИЙ. Официально.] Какие у вас были средства к существованию?

РАКОВСКИЙ. Мои средства существования?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

РАКОВСКИЙ. Я был сын*ом* состоятельного человека.

ВЫШИНСКИЙ. Кого? В чем состоятельность его выражалась? Фабрикант он был или землевладелец?

РАКОВСКИЙ. Мой отец был [средним] помещиком.

ВЫШИНСКИЙ. Помещиком?

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Имел какое-нибудь промышленное дело?

РАКОВСКИЙ. Промышленного дела не имел.

ВЫШИНСКИЙ. Какое-нибудь торговое дело?

РАКОВСКИЙ. Торговлей не занимался.

ВЫШИНСКИЙ. Чем занимался?

РАКОВСКИЙ. Мой отец умер в 1903 г.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас не упрекаю за вашего отца, вы сами о нем вспомнили. Я спросил — каковы *были* ваши средства [были] к существованию?

РАКОВСКИЙ. Мои*ми* средства*ми* к существованию были — доходы от имущества отца.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы жили на доходы [от имущества отца?] *в качестве рантье*?

[РАКОВСКИЙ. Да.]

[ВЫШИНСКИЙ. В качестве рантье?]

РАКОВСКИЙ. В качестве сельского хозяина.

ВЫШИНСКИЙ. То есть помещика?

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, не только ваш отец был помещиком, но и вы [продолжали эту профессию] *были помещиком, эксплуататором*?

[РАКОВСКИЙ. То есть я продолжал получать доходы от этой земли.]

[ВЫШИНСКИЙ. То есть, иначе говоря, вы эксплуатировали...]

[РАКОВСКИЙ. Ну, конечно.]

[ВЫШИНСКИЙ. То есть вы были помещиком, эксплуататором.]

РАКОВСКИЙ. Ну, конечно, я эксплуатировал. Получал же я доходы. Доходы же, как известно, получаются от прибавочной стоимости.

ВЫШИНСКИЙ. А прибавочная стоимость была в ваших руках?

РАКОВСКИЙ. Да, прибавочная стоимость была в моих руках.

*ВЫШИНСКИЙ. Значит, я не ошибаюсь, когда говорю, что вы были средним помещиком?

РАКОВСКИЙ. Не ошибаетесь.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Вот, мне важно было выяснить, откуда шли ваши доходы.

РАКОВСКИЙ. Но мне важно сказать, на что шли эти доходы.

ВЫШИНСКИЙ. Это другой разговор. Имели вы тогда отношения с разными помещичьими и капиталистическими кругами, в какой бы то ни было мере*?* [, с частью их, с более либеральной частью или оппозиционной?]

РАКОВСКИЙ. Нет, очень мало. [, чрезвычайно мало.] Если надо брать деньги в заем в банке, то имел дело с этим банком. Ведь я в самой Румынии жил очень мало.

ВЫШИНСКИЙ. Но всю войну вы прожили в Румынии?

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Я хочу прямо поставить вопрос: у меня есть большое подозрение, что письмо, которое вам предъявил Армстронг, письмо в адрес

---

[1] * * — рядом на полях три вертикальные линии (красный карандаш).

германской разведки было подписано не вашим подложным именем, *а вами действительно было подписано, потому что вы тогда уже состояли в германской разведке. Правильно это или неправильно?

РАКОВСКИЙ. Абсолютно неправильно.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда перейдем к дальнейшему, к *вашему сотрудничеству с* английской разведк*ой*.[е.] Продолжайте.*[1]

РАКОВСКИЙ. Когда [он мне дал] *Армстронг и Леккарт мне предложили* этот документ, я сказал: «Да это же грубейший подлог». Документ был помечен Берном 15 октября, а я тогда был в Румынии, а не в Берне. А потом, какой смысл, чтобы я писал германскому правительству о румынских торговых фирмах и о румынских газетах, когда Румыния, являвшаяся десятки лет военным союзником Германии, представляла собой германскую агентуру, там германские фирмы, германские ежедневные газеты имеются, германские банки, — что же я могу им сообщить? Они же в тысячу раз лучше знают, немцы, что собой представляет Румыния и румынские торговые фирмы. Это же абсурд. Это не только подлог, но и нелепый подлог. Тогда они мне заметили: «Вы утверждаете, что является подлогом и письмо Зиновьева, а вот результат: падение [рабочего] правительства *Макдональда*[154] и предстоящее аннулирование того договора, который вы подписали с английским правительством».

Я должен вам заявить, что с самым большим возмущением я им сообщил: вы просто шантажисты. Нет, мы к вам исключительно являемся побуждаемые хорошими чувствами. Знаете ли вы, они меня спросили, каким образом вы получили агреман в Англии? Знаю. Они намекали на то обстоятельство, что данный мне агреман в Англии, когда я был назначен впервые в качестве полпреда, когда он был задержан английским правительством, в связи с известной кампанией, которая началась в английской печати; а потом английское правительство дало его, убедившись, что эта кампания основана на клеветнических данных относительно мнимой речи, которую, якобы, я произнес в Харькове, что я еду в Англию для того, чтобы организовать социальную революцию. Тогда они мне сказали: нет, вы не все знаете, мы осведомлялись относительно вас у господина Истмена. [Нужно вам сказать, что] *(*Истмен — американский троцкист*)* и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И [тогда] *только вследствие этого обстоятельства* «Интеллидженс Сервис» дало[а свое согласие на то, что вам был дан] агреман *на назначение вас полпредом в эту страну*[155]. Это заявление изменяло всю ситуацию. Они говорили: «нет, *[»]* мы [не] яв*ились*[ляемся здесь] *сюда не* как ваши враги». [Они из шантажистов становились союзниками.] Я им заявил: прежде всего мне необходимо иметь подтверждение, что вы действительно в данном случае представляете «Интеллидженс Сервис». Через некоторое время я был приглашен на обед в ресторан на улице Оксфорд-стрит, где они меня познакомили с лицом, которое они представили как заведующего русским отделом «Интеллидженс Сервис». Фамилию его я не помню точно, это дело относится к 1924 г., [но кончалось оно на «сон»,] если память *[мне]* не изменяет, не то Ричардсон, не то Робертсон. [, я не могу в точности сказать.] Он подтвердил, что [он] Армстронг и Леккарт действуют от имени «Интеллидженс Сервис», что идет речь относительно создания дружественных близких отношений между известными политическими течениями, что тут не нужно говорить о вульгарном шпионаже и т.д. Но поскольку сам Ричардсон или

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

Робертсон мне не был известен, я заявил: мне нужно еще подтверждение лица официального, которое я знаю.

ВЫШИНСКИЙ. А этот ваш собеседник фамилию какую носил, вы не помните?

РАКОВСКИЙ. Я сказал, что не помню точно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы сказали, что Робертсон или Ричардсон?

РАКОВСКИЙ. Может быть, Никольсон, что-то в этом духе. Они мне обещали, что такое подтверждение я получу.

[В это время] *После этого* я поехал в Москву. Для меня было важно [вообще] тут выиграть время. [, чтобы этот вопрос обсудить с Троцким.] Я приехал в Москву и сообщил Троцкому. Троцкий говорил, что *подложное* письмо[енное предложение будет] *было* предлогом для разговоров, что это такое дело, над которым следует задуматься. Вообще надо учитывать, что наше положение, говорил Троцкий, таково, что мы скоро будем сведены на нет. Тебя сняли с Украины, до этого еще при Ленине вывели из Центрального Комитета Крестинского, Серебрякова, Преображенского, Смирнова[156]. [Смирнова кроме того, сняли...]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы говорите о связи с английской разведкой, а перечисляете, кого вывели из Центрального Комитета, в каком году. Это уже известно.

РАКОВСКИЙ. Троцкий согласился с тем, чтобы войти в связь с английской разведкой, благословил, так сказать, меня на это дело, оговаривая, что нужно [будет] быть осторожнее, что нужно еще выявить, что они могут дать для троцкизма. Возвратившись [из] *в* Лондон[а], я вскоре был вызван к одному официальному лицу, который мне подтвердил, что данное «*Интеллидженс Сервис*» предложение действительно санкционировано. [, что ему известно, этому лицу.] В свою очередь Армстронг и Лекарт заявили, что агентом связи между мною и ими будет журналист Фарбман. К этому делу в качестве агентов связи я привлек, завербовал еще двух сотрудников полпредства, [Андрейчина...]

[ВЫШИНСКИЙ. Это нам сейчас не важно. Мы не следствуем всех решительно ваших знакомых и связей.]

[РАКОВСКИЙ. Я завербовал двух сотрудников полпредства.] Это произошло уже в начале 1925 г. [Я успел п] *П*еред отъездом из Лондона *я успел* передать документ — оценку[а] советской политики в Среднеазиатских национальных республиках, с *точки зрения человека, который желал поддержать враждебное отношение к СССР*. 3 октября того же 1925 г. я был переведен *полпредом* в Париж. [Нужно сказать, что я часто приезжал в Москву, причем оставался раз в течение 2-х месяцев в 1925 г. В Лондоне оставался короткое время и успел передать и эти документы. ...где я делал анализ состояния Среднеазиатских республик, опять-таки с точки зрения человека, который желает поддержать враждебные отношения.] *Держать непосредственную связь с «Интеллидженс Сервис» мне в этом положении было трудно.*

И когда [я был в Париже,] ко мне явился *снова [сюда]* Фарбман, *посоветовавшись с ним, решили привлечь к непосредственному общению с «Интеллидженс Сервис» — Мдивани.* [и просил, чтобы я ему снова дал что-нибудь. Я сказал Фарбману, что теперь у меня другая цель, я должен укрепить свое положение во Франции. Я не буду говорить обо всей организации, о том, чтобы англичане не сорвали переговоров с Францией, как они сорвали план переговоров в 1924 г.[157] Он сказал: действительно, вы только себе можете этим напортить. Ну кого мне привлечь? Может быть, Мдивани? Я говорю: удачная идея.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы обсуждаете вопросы, кого привлечь, а нас интересует, что вы делали, чем занимались в шпионских целях?

РАКОВСКИЙ. Вербовкой.

ВЫШИНСКИЙ. Вы об этом сказали. Дальше, помимо вербовки?

РАКОВСКИЙ. [Моя] *Затем моя* связь *с «Интеллидженс Сервис»* прекратилась с момента моего отъезда из Лондона, вернее, не моя связь, а мои доношения.

ВЫШИНСКИЙ. Обслуживание.

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А потом возобновилось?

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

РАКОВСКИЙ. Через 10 лет.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е.?

РАКОВСКИЙ. Обслуживание возобновилось в начале 1936 г. Через 10 лет возобновились связи.

ВЫШИНСКИЙ. А потом началось обслуживание?

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. При каких обстоятельствах возобновились связи?

РАКОВСКИЙ. Летом 1934 г. [в] *после того, как я вернулся из ссылки, мои связи возобновились. В* Москву приехала одна моя знакомая английская женщина, которая напомнила мне, что следует возобновить связи с «Интеллидженс Сервис».

ВЫШИНСКИЙ. Почему этот вопрос интересовал английскую женщину?

РАКОВСКИЙ. Я ее знал [из] *в* Лондоне.[а, но в]*В*озможно утверждать, что она сама была связана *с «Интеллидженс Сервис».*

ВЫШИНСКИЙ. Иначе говоря, английская разведчица?

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Как ее фамилия?

РАКОВСКИЙ. Леди Пейджет.

ВЫШИНСКИЙ. Леди Пейджет. Какое у нее социальное положение?

РАКОВСКИЙ. Она известная крупная филантропка; во время войны имела госпиталь в Киеве.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ее так и считали филантропкой?

РАКОВСКИЙ. По совместительству.

ВЫШИНСКИЙ. Так*же,* как и вы, филантроп по совместительству?

РАКОВСКИЙ. (Молчит).

ВЫШИНСКИЙ. Вы возобновили эту связь через Пейджет тоже с ведома Троцкого?

РАКОВСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были с [ним] *Троцким* в связи с 1934 г.?

[РАКОВСКИЙ. С кем?]

[ВЫШИНСКИЙ. С Троцким?]

*РАКОВСКИЙ. Был. В 1934 г. я ему писал, т.е. в 1935 *г.*

ВЫШИНСКИЙ. Вы информировали Троцкого об этой своей связи с леди Пейджет через «Интеллидженс Сервис»?

РАКОВСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Специально не информировали?

РАКОВСКИЙ. Нет.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите о том, что вам известно о связях Троцкого с «Интеллидженс Сервис»?

---

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).

РАКОВСКИЙ. Это было накануне [отъезда] *ссылки* Троцкого в Алма-Ату. [, т.е. накануне его ссылки.] Первоначально [ему дали] *его должны были направить в* Астрахань, но он добивался отмены этого назначения и получил Алма-Ату[158]. Будучи у него на квартире [в] *на улице* Грановско*го*[м переулке], я нашел его очень довольным тем, что ему обменяли Астрахань на Алма-Ату. Я удивился. Ведь до Алма-Аты надо ехать от Фрунзе несколько дней (тогда там еще не было железной дороги). Он ответил: но зато ближе к китайской границе, и [, показав] *он указал* мне на сверток карт. [, который был у него, о] *О*н дал мне понять, что [он] рассчитывает на побег. Я его спросил, каким же образом через Западный Китай, через песчаные пустыни, через горы, без средств, можно организовать побег. Мне поможет «Интеллидженс Сервис», — сказал Троцкий. И [тогда] *тут* он мне строго конфиденциально сообщил, что с 1926 г. он вошел в преступную связь с «Интеллидженс Сервис».

ВЫШИНСКИЙ. Через кого?

РАКОВСКИЙ. Через одного из представителей [, одного из] концессии[онеров] «Лена Гольдфильд».

ВЫШИНСКИЙ. А он имел отношение к этой концессионной фирме?

РАКОВСКИЙ. Он был *тогда* председателем Главконцесскома.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, тогда, когда он был председателем Главконцесскома, он вошел в связь с «Интеллидженс Сервис» через *представителя* фирмы[у] «Лена Гольдфильд»?

РАКОВСКИЙ. Вполне правильно. Он мне сообщил [,] еще другой факт. [: что о] *О*н уже успел оказать известную услугу английской «Интеллидженс Сервис». [, и что э] *Э*то относится к началу 1927 г. [, что он участвовал через некоторых лондонских троцкистов, — он назвал при этом не то Мюллер, не то Меллер, — в спровоцировании инцидента, который вызвал налет английской полиции на «Аркос» и дал] *По его словам он за некоторые услуги этой организации в свою очередь помог концесторам осуществить разрыв отношений с СССР, что он указал «Интеллидженс Сервис» на удобный инцидент, на возможность организации налета на Аркос. Он назвал при этом некоторых лондонских троцкистов, работавших там, в том числе Мюллера или Миллера, через которых было обеспечено нахождение в помещение Аркоса специально сфабрикованных документов и что он дал таким образом* в руки Джойнсона Хикса (*тогдашнего* министра внутренних дел) повод [и возможность] *к тому, чтобы* убедить [своих] коллег [(в то время были какие-то колебания в правительстве)] в необходимости разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией. [Учитывая, что о] *О*ппозиция ожидала [в] *тогда, что она сможет использовать* трудности[ях, которые стоят перед правительством, получить возможность себя несколько поднять (мол, без нас вы не обойдетесь), и зная, что я] *Я* сам с конца 1924 г. был [в] *связан с* «Интеллидженс Сервис», [я так это все] *потому [что] я легко* понял *все* то, что мне говорил Троцкий *о его связи с «Интеллидженс Сервис»*. Я должен сказать, что к 1927 г. относится еще один факт из моей изменнической работы.

Это переговоры с правыми капиталистическими кругами во Франции. Дело началось во время июльского пленума 1927 г. После речи Сталина, где он резко выступил против так называемого тезиса о Клемансо Троцкого[159], я был у Троцкого на обеде, и спросил у него: «Я не понимаю, почему так резко ставит вопрос Сталин. [в] *В* этом сравнении с Клемансо я не вижу ничего особенного». Троцкий мне заметил: Сталин прекрасно понимает, что он делает, Сталин считает, что если пропасть [...Тут я опять должен употребить термин оппозиция.]

[ВЫШИНСКИЙ. Тут, конечно.]

[РАКОВСКИЙ. ...если пропасть] между оппозицией и [большинством] *партией* будет углубляться, то в силу логики вещей оппозиция должна перейти на последовательные пораженческие позиции. На второй день у меня опять был разговор с Троцким, [который он начал сам, причем сказал: я снова думал над нашим вчерашним разговором и] *он сказал: я* пришел к выводу о необходимости сделать указание нашим [соу]*едино*мышленникам за границей, полпредам и торгпредам, чтобы они зондировали у правых *кругов* капиталистических [кругов] стран, где они находятся, в какой степени [оппозиция] *троцкисты* мо*гут*[жет] рассчитывать на поддержку с их стороны. Я ему сказал, что во Франции приходится иметь дело, главным образом, с Пятаковым. [и о] *О*н просил меня ему об этом сообщить. [Приехав во Францию (это было в августе 1927 г., я ехал на лечение в Руая) я встретился с одним правым...]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Раковский, то, что вы сейчас говорите, имеет отношение к [работе] *вашей связи с* английской разведк*ой*[и]?

РАКОВСКИЙ. Имеет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы даете показания о вашей связи с английской разведкой. Вы перешли к 1934 г., а теперь возвращаетесь обратно к 1927 г.

РАКОВСКИЙ. Я закончил с английской разведкой. Если есть вопросы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я понял, что в 1934 г. возобновилась ваша связь и дальнейшая работа в английской разведке, а вы вернулись снова к 1927 г. Скажите, после попыток привлечь вас в английскую разведку, в 1934 г. вы принимали какое-нибудь участие в работе английской разведки?

РАКОВСКИЙ. Да, я сказал, что в начале 1936 г. снова стал обслуживать ее. Я передал анализ новой Конституции с точки зрения отношений периферических республик с центром, причем [я передал это с точки зрения зажима центра по отношению к периферическим республикам, т.е. анализ новой Конституции был дан] *анализ новой Конституции*[160] *был дан* абсолютно отрицательный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Кому вы передали этот анализ?

РАКОВСКИЙ. Ко мне явился Донской.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Какой такой Донской?

РАКОВСКИЙ. Сотрудник Наркомздрава, и я через него передал этот анализ. Это было в начале 1936 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Это были последние сведения?

РАКОВСКИЙ. Последние.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Вышинскому). У вас есть вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

РАКОВСКИЙ. Теперь я могу вернуться...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Тогда уже все.

ВЫШИНСКИЙ. Нет. Я к этой части объяснений обвиняемого вопросов больше не имею, но он должен продолжить свои объяснения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Раковскому). О чем вы хотите еще говорить?

РАКОВСКИЙ. Я хочу *еще* сказать относительно тех переговоров, которые мне поручил вести Троцкий летом 1927 г. *во Франции.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

РАКОВСКИЙ. Я встретился с депутатом Николь в Роэ. Николь — очень крупный льнопрядильщик севера, фабрикант. Я его знал, потому что он по-

купал у нас лен. Я познакомился с ним еще в первое время приезда в Париж и знал, что он принадлежит к правым республиканским кругам. Когда я встретился с ним, он даже сам начал говорить, потому что о тех инцидентах, которые происходили на пленуме, говорила вся французская печать[161]. Одним словом, по поводу пленума начался разговор. Я его спросил тогда относительно возможностей или перспектив, которые существуют для оппозиции, — *можно ли* искать опоры среди французских капиталистических кругов, [среди тех,] которые настроены агрессивно против СССР. Он мне ответил: «Конечно, и в большей мере, чем вы, может быть, сами ожидаете». Но это будет, как он сказал, главным образом, зависеть от двух обстоятельств. Первое обстоятельство — это то, чтобы оппозиция стала действительно реальной силой, а второе обстоятельство — в какой степени она пойдет на концессии французскому капиталу.

Второй разговор я имел в Париже в сентябре тоже 1927 г. с депутатом, крупным зерноторговцем Луи Дрейфус. Нужно сказать, что и разговор и заключение — аналогичны с теми, которые у меня были с Николем.

Теперь о моих контрреволюционных связях. Я исчерпал уже и период перед моей ссылкой, касающейся моей изменнической деятельности. [Скажу] *Теперь* о моих контрреволюционных связях. Приехав[ши] из ссылки в 1934 г., я встретился с Сосновским, и с ним [, в сущности,] поддерживал связь. В марте 1935 г. Сосновский сообщил мне о том, что уже давно, но в какой период, он не указал мне, — был заключен блок между правыми и троцкистами, что [в их] *есть полное согласие в* целях и в методах — шпионаж, диверсия, вредительство. [— есть полное согласие.] Он указывал на такую подробность, [что] *что* правые говорили о преимуществах той тактики, которую они проводили по отношению к партии, потому что в противоположность троцкистам, которые давали открытый бой и, таким образом, выявили все свои кадры, правые дали директиву, чтобы все [эти] *их* кадры ушли в глубокое подполье и были бы, таким образом, неуязвимы. [, и они] Так *они* сохраня[и]ли свои кадры. Я передаю в общих чертах то, что мне сказал тогда Сосновский.

Другим подпольщиком, с которым я встретился в 1934 г., был Крестинский. Я у него был два раза в Наркомате связи [, как раз] с моей поездкой в Токио. Тогда отсутствовал Литвинов, и Крестинский его замещал. Наш первый разговор касался, главным образом, предстоящего выступления в Токио на Токийской конференции[162]. Под конец [я ему заявил,] он меня поздравил с заявлением...

ВЫШИНСКИЙ. С чем?

РАКОВСКИЙ. С моим заявлением.

ВЫШИНСКИЙ. Кому?

РАКОВСКИЙ. В ЦК[163]. Я ему заявил, что я вернулся опять на работу. В этот первый разговор Крестинский посмотрел на меня и ничего не сказал. Происходило какое-то взаимное щупание. Второй раз, когда я его видел, [потому что нужно было согласовать окончательный текст, тогда] он сказал, что [он] работает [.]

[ВЫШИНСКИЙ. В каком направлении?]

[РАКОВСКИЙ. Т.е. он работает] как подпольщик. [, но в каком направлении, не говорил.]

ВЫШИНСКИЙ. Как троцкист?

РАКОВСКИЙ. Как троцкист. А относительно содержания работы он говорил, когда приехал из Токио, тогда мы поговорили. Но, я должен сказать, что после этого с Крестинским я не виделся и никаких разговоров не было. С Бухариным я встретился в 1934 г. на улице, когда он отправлялся читать

доклад на Международном конгрессе литераторов[164]. И этим была исчерпана наша встреча. Рыкова я видел один раз на Совнаркоме. [С Сосновским встречался чаще, но п] *П*оследняя встреча *с Сосновским* была в декабре 19[2]*35* г.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, как вы *могли бы* кратко [могли бы] формулировать признание своей вины перед Советским Союзом.

РАКОВСКИЙ. Я признаю, что, начиная с 1924 г., я являлся изменником Советской Социалистической родины.

ВЫШИНСКИЙ. А ваше *фракционная сначала*[I], потом контрреволюционн*ая*[о] подпольная троцкистско-преступная деятельность в каком году началась?

РАКОВСКИЙ. [Тогда вы мне разрешите. Здесь я должен указать на следующее, что с] *С* Троцким я был лично знаком с 1903 г. Это знакомство укрепилось, и я являлся его близким другом[165].

ВЫШИНСКИЙ. Политическим?

РАКОВСКИЙ. Политическим, когда касались политических вопросов.

ВЫШИНСКИЙ. И личным?

РАКОВСКИЙ. И личным.

ВЫШИНСКИЙ. И оставались таковым до последнего времени?

РАКОВСКИЙ. И оставался таковым до последнего времени.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, [свыше] почти 35 лет вас связывает политическая и личная дружба с Троцким?

РАКОВСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. [За это время в] *В*ы вели борьбу против партии и советского правительства?

РАКОВСКИЙ. В 1921 г. была *о* *профсоюз*ах*[ная] дискуссия[166]*[II], что называется, *«проба сил»*. [«махтпроба».]

[ВЫШИНСКИЙ. Или проба сил?]

[РАКОВСКИЙ. Или проба сил.] А с конца 1924 г. уже создается [вне] *не*легальн*ая*[ых рамках] связь, переходящая *в* рамки уголовного кодекса.

ВЫШИНСКИЙ. *Создаются с 1924 г.*[III] нелегальные, преступные, караемые советским законом, связи и преступная деятельность?

РАКОВСКИЙ. Которую я изложил.

ВЫШИНСКИЙ. Которую вы признали. Во имя чего вы, *троцкисты,* вели эту борьбу против Советского государства*?* [, как и троцкисты в целом?]

РАКОВСКИЙ. Во имя захвата власти.

ВЫШИНСКИЙ. И далее, в каких целях захват власти?

[РАКОВСКИЙ. В этом отношении я должен сказать, гражданин Прокурор, что цели изменялись.]

[ВЫШИНСКИЙ. Но сводились в основном к чему?]

РАКОВСКИЙ. [Но они] *Цели* сводились в основном к ликвидации тех достижений, которые существуют в настоящий момент.

ВЫШИНСКИЙ. То есть, иначе говоря, к ликвидации социалистического строя?

РАКОВСКИЙ. К возвращению, я не говорю открыто, капиталистического строя ...

ВЫШИНСКИЙ. Открыто вы этого не скажете?

РАКОВСКИЙ. Я хочу сказать, что в моем сознании не фигурировало это как открытая, как ясная цель, но в моем подсознании я не могу не отдавать себе отчета, что я на это [иду.] *шел.*

I * * — инверсия (черные чернила).

II * * — инверсия (черные чернила) — *«дискуссия о профсоюзах»*.

III * * — инверсия (черные чернила) — *«С 1924 г. создаются»*.

ВЫШИНСКИЙ. Вы исходили из какой предпосылки и из какого прогноза исторического?

РАКОВСКИЙ. Прогноз очень неопределенный. Тут была авантюра — удастся захватить власть — хорошо, не удастся...

ВЫШИНСКИЙ. Но вы исходили, во-первых, из основного троцкистского тезиса о невозможности построения в СССР как отдельно взятой стране, при ее экономическом и культурном уровне, социалистического общества[167].

РАКОВСКИЙ. Эта идеологическая предпосылка отпала.

ВЫШИНСКИЙ. Она впоследствии отпала, потому что заменилась какой-то другой предпосылкой?

РАКОВСКИЙ. Никакой идеологической предпосылки не было.

ВЫШИНСКИЙ. Никакой идеологической предпосылки не было?

РАКОВСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А задача заключалась в озверелой борьбе против социалистического государства [, как страны победившего социализма,] в целях захвата власти в интересах — в конце концов, каких же?

РАКОВСКИЙ. Гражданин Прокурор, если я скажу вам, что мы хотели взять власть для того, чтобы ее передать фашистам, мы были бы не только преступниками, какими мы являемся, но были бы дураками. Но...

*ВЫШИНСКИЙ. Но?

РАКОВСКИЙ. Но мы, думая захватить власть, [думая]*и полагая*, что можно ее удержать и не передать фашистам [были бы безумцами.] — это безумие, это утопия.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, если бы вам удалось захватить власть, то неизбежно она оказалась бы в руках фашистов?

РАКОВСКИЙ. [Эту[о] оценка, и вот э] *Э*ту оценку я абсолютно разделяю.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы хотели захватить власть [общими силами или] при помощи фашистов?

РАКОВСКИЙ. При помощи фашистов.

ВЫШИНСКИЙ. Если фашисты вам обеспечивают захват власти, то власть оказывается в чьих руках?

РАКОВСКИЙ. История знает...

ВЫШИНСКИЙ. Нет, вы историю оставьте в покое.

РАКОВСКИЙ. Нет тут единого ответа. Но, если хотите, получилось бы нечто вроде петлюровщины на Украине[168].

ВЫШИНСКИЙ. «Нечто вроде» зависит от многих обстоятельств, которыми вы не управляете. Я спрашиваю вас, рассчитывали троцкисты и право-троцкистский блок, представители которого сидят здесь на скамье подсудимых, захватить власть и ликвидировать советскую власть своими собственными силами?

РАКОВСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Нет. При чьей помощи право-троцкистский блок рассчитывал на захват власти? При чьей помощи?

РАКОВСКИЙ. При помощи агрессора, фашистского агрессора.

ВЫШИНСКИЙ. Путем поражения, расчленения СССР и т.д., того, что мы здесь все уже выясняли. Я вас спрашиваю теперь: если ваш блок рассчитывал захватить власть, и это было единственной для вас надеждой, при помощи фашистских агрессоров, то в чьих руках была бы эта власть — в руках блока или в руках фашистских агрессоров?

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

РАКОВСКИЙ. В конце концов, она оказалась бы в руках фашистских агрессоров.

ВЫШИНСКИЙ. И в конце концов и в начале начал.

Следовательно, ваш право-троцкистский блок являлся, и вы в этом признаете себя виновным как один из активнейших и виднейших троцкистов и руководителей троцкистского подполья в СССР, право-троцкистский блок являлся одним из отрядов фашистского агрессора?

РАКОВСКИЙ. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. И *вы лично* действовали в целях и интересах этого фашизма?

РАКОВСКИЙ. Признаю.[сь.]

ВЫШИНСКИЙ. Действовали методами шпионажа...?

РАКОВСКИЙ. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. Подготовки поражения СССР в предстоящей войне в случае нападения на СССР?

РАКОВСКИЙ. Признаю.

*ВЫШИНСКИЙ. Подготовки ослабления мощи и обороноспособности СССР методами вредительства, диверсии и террора?

РАКОВСКИЙ. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. Это реальная действительность или фантазия? Или, как вы говорите, авантюра?

РАКОВСКИЙ. Вы меня поняли. Я говорю авантюра в смысле достижений целей, захвата власти.

ВЫШИНСКИЙ. Конечно, все это авантюра, потому что это несбыточно.

РАКОВСКИЙ. Потому что это не удалось бы.

ВЫШИНСКИЙ. И никогда не удастся.

РАКОВСКИЙ. В этом я не сомневаюсь.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Но это реальная программа?

РАКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Так было в действительности?

РАКОВСКИЙ. Так было, да.

ВЫШИНСКИЙ. При вашем участии?

РАКОВСКИЙ. При моем участии.

ВЫШИНСКИЙ. Это есть государственная измена, вами совершенная?

РАКОВСКИЙ. Я уже сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Это есть не только измена перед Советским государством, но и перед всем международным рабочим движением. В этом вы себя признаете виновным?

РАКОВСКИЙ. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вопрос больше нет.

РАКОВСКИЙ. Я должен заявить, что я себя признаю в этом виновным с того момента, когда решил давать полные, исчерпывающие, откровенные показания. В течение 8 месяцев я запирался, отказывался.

ВЫШИНСКИЙ. Следуя директиве и тактике троцкистов.

РАКОВСКИЙ. Тут переносятся старые революционные навыки, переносятся и контрреволюционные навыки.

ВЫШИНСКИЙ. Какие же у вас революционные навыки? У вас осталась кое-какая фразеология, это другое дело.

РАКОВСКИЙ. Но нельзя отрицать, что я принадлежал когда-то...

ВЫШИНСКИЙ. Но вы были арестованы не когда-то, а теперь, советской властью, и вы вообразили, что в отношении следственных органов со-

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ветского государства вы можете действовать теми старыми методами, которыми вы действовали когда-то, когда были в числе революционеров?

РАКОВСКИЙ. Это значит, что я в течение 8 месяцев продолжал жить той же старой троцкистской контрреволюционной идеологией.

ВЫШИНСКИЙ. Вот я про это и говорю. И не только идеологией, но и тактикой.

РАКОВСКИЙ. И тактикой. А потом, если разрешите, я скажу.

ВЫШИНСКИЙ. А потом, как говорится, разоружились.

РАКОВСКИЙ. Я вам скажу, что меня заставило...

ВЫШИНСКИЙ. Я не возражаю, если кратко об этом скажете, без больших исторических отступлений, я не возражаю.

РАКОВСКИЙ. Очень кратко. Как я заявил, я только на 8-м месяце стал давать показания откровенные, касающиеся моей основной деятельности.

ВЫШИНСКИЙ. Преступной.

РАКОВСКИЙ. Преступной своей деятельности, понятно. Но до этого момента у меня много раз возникала мысль: правильно ли я поступаю, что отрицаю. Никто не будет отрицать, — заключение, уединение вообще заставляет переоценивать ценности. Но я помню и никогда этого не забуду, пока буду жив, то обстоятельство, которое меня окончательно толкнуло на путь показаний. Во время одного из следствий я узнал, это было летом, во-первых, что разразилась японская агрессия против Китая, против китайского народа[169], я узнал относительно неприкрытой агрессии Германии и Италии против испанского народа...[170]

Я узнал относительно лихорадочных подготовлений всех фашистских государств для развязывания мировой войны. То, что читатель обыкновенно вычитывает каждый день по маленьким дозам в телеграммах, я это получил сразу в крупной массивной дозе. Это на меня подействовало потрясающим образом. Передо мною встало все мое прошлое. Оно, конечно, может перекрыться, и оно будет уничтожено моим позорным действием, но как внутренний мотив, никто и ничего не может с этим сделать. Встало мое прошлое и моя ответственность, и передо мною стало ясно, что я сам в этом деле, в известной степени, причастен и ответственен, что я сам своими изменническими действиями поощрял агрессора. Я знал, что я не один, что я в них питал иллюзии. В эти сети попали бывшие председатели правительства, бывшие наркомы, бывшие заместители наркомов, бывшие послы. И тогда я стал сам перед собою следователем, я предстал перед своим собственным судом. Это суд, которого никто не будет упрекать в какой бы то ни было пристрастности. *Я встал перед своим собственным судом. Я с юных лет отдавал себя рабочему движению, и к чему я пришел? Я пришел к тому, что я своими действиями облегчал самую гнусную, облегчал то, что фашистские агрессоры подготовляли для уничтожению культуры, цивилизации, всех завоеваний демократии, всех завоеваний рабочего класса.*[1]

Вот что меня заставило, вот что устранило мое упрямство, мой ложный стыд, проистекающий из самолюбия, мой страх за свою собственную участь, которая не достойна для людей, которые когда-то участвовали в революционном движении. Мое озлобление, которое, несомненно, у всех, у одних больше у других меньше, озлобление против руководства, озлобление против отдельных личностей сыграло огромную роль. Озлобление и честолюбие. Это все отошло. Я считал, что отныне моя обязанность — помочь в этой борьбе против агрессора, что я пойду и разоблачу себя полностью

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

и целиком, и я заявил следователю, что с завтрашнего дня я начну давать полные и исчерпывающие показания. Я должен заявить, что те показания, которые я давал сейчас, они являются абсолютно полными, искренними и исчерпывающими.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет. Прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Переходим к допросу подсудимого Зеленского.

Подсудимый Зеленский, показания, которые вы давали на предварительном следствии, *вы подтверждаете*?[1]

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, я подтверждаю и прошу суд предоставить мне возможность рассказать о разоблачающих моментах как моей предательской, так и преступной деятельности в качестве члена контрреволюционного изменнического «право-троцкистского блока», поставившего своей задачей реставрацию капитализма в стране Советов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Покороче и поконкретнее.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я должен коснуться, в первую очередь, самого тяжелого для меня преступления — это о своей работе в царской охранке. Я состоял агентом самарской охранки с 1911 по 1913 г. Обстоятельства, при которых я был завербован, заключаются в следующем.

Летом 1911 г. у меня был произведен обыск, у меня были найдены кое-какие документы, изобличающие меня в принадлежности к социал-демократической организации. Я был доставлен в жандармское управление, допрошен полковником Бетипажем, который заявил мне следующее: либо они создадут для меня каторжный процесс, либо я должен стать информатором охранного отделения. Мне было известно несколько случаев, когда самарская охранка создавала такие процессы. Я смалодушничал и вместо того, чтобы отказаться, дал согласие на то, чтобы стать осведомителем, поддался на переговоры, совершил измену и предательство делу революции.

Я не имею никаких смягчающих вину обстоятельств в этом деле. Я не могу сослаться на молодость, потому что мне был 21 год, я не могу сослаться на неопытность, потому что я уже принимал участие в революционном движении с 1906 г. Я дважды до Самары был арестован, высылался и, таким образом, я был человеком «обстрелянным». И тем более тяжелым является мое преступление.

При вербовке мне была дана кличка «Очкастый». Мне было предложено информировать о работе местной социал-демократической большевистской группы, о ее борьбе с ликвидаторами. В дальнейшем я регулярно получал деньги за эту предательскую работу — 25, 40, 50 и даже 100 рублей. Так продолжалось до февраля месяца 1912 г.

За это время моя предательская преступная работа заключалась в следующем. Я давал сведения о работе большевиков в Обществе взаимопомощи клуба печатников, о работе большевиков в[о 2-ом] Обществе потребителей. Я давал общую характеристику работы социал-демократической большевистской группы в Самаре. Само собой разумеется, что я имел встречи на конспиративной квартире с жандармским офицером, [который по] фамилию[и не был назван] *которого я не знал*, а называли его Василий Константинович. Я [называл] *ему сообщал* имена [ряда] руководящих работников самарской организации.

---

[1]* * — знак переноса фразы — «*Подсудимый Зеленский, вы подтверждаете показания, которые вы давали на предварительном следствии?*»

То, с чего начались переговоры и уговоры жандарма — что с меня не будут требовать имен, — конечно, оказалось фикцией. Сперва требовали информацию общую, а затем потребовали и называния имен активных участников революционного дела. Я выдал ряд людей, которые [позже] были арестованы. [и фамилии которых я назову.] Помимо работы по осведомлению, жандармы поручают мне и [такого рода] провокаторскую работу: мне было дано поручение связаться с работниками печати местных газет. Это мне выполнить не удалось по той причине, что с социал-демократами, работающими в одной газете, у меня были очень обостренные, плохие личные отношения, а в другой газете, в которой тогда редактором был покойный Свидерский, дело обстояло таким образом, что Свидерский тогда стоял фактически на позициях кадетской партии. Мне было дано [также] поручение организовать типографию. Мне было поручено организовать при помощи квитанционных книжек сбора членских взносов с тем, чтобы там были печати, т.е. мне было дано задание подготовить такой фактический материал, который при аресте организации послужил бы основанием для создания судебного процесса по 102-й статье[171] и высылки людей на каторгу. [Этого я тоже не выполнил.] В феврале 1912 г. я был арестован вместе с теми людьми, [о] которых я [сообщил:] *выдал*: Буянов, Благода[т]*р*ова, Левин, Вульфсон, Кучм[ин]*енко*. В связи с подготовкой январской конференции и после январской конференции в 1912 г. в Самару приезжал Серебряков[172]. Я сообщил и об этом приезде Серебрякова, который был арестован вместе с нами. Я сообщил также адрес, который был привезен Серебряковым для сношения с заграницей. Будучи арестован и заключен в Самарскую тюрьму, я обратился к Бетипажу с заявлением о вызове меня на допрос, т.к. я желал узнать мотивы моего ареста. Бетипаж меня вызвал и заявил относительно мотива моего ареста, что это сделано для того, чтобы предохранить меня — «для вас *же* лучше, что мы вас арестовали». В тюрьме я просидел 6 месяцев, после чего был выслан в Нарымский край[173]. Перед отправкой [в Нарымский край] *ко мне* в тюрьму [ко мне] явился тот же самый жандармский офицер, с которым у меня были свидания на конспиративной квартире, и потребовал, чтобы я из ссылки информировал о настроениях ссыльных. [, присылаемых из Самары, и ссыльных, которые отправляются из ссылки в Самару.]

Должен сказать, что кроме непосредственной связи с жандармским офицером, охранка связала меня с другим агентом — провокатором Полонго, который доставлял часть той информации, которую я давал, т.е. служил связующим звеном.

Обязав меня информировать из ссылки, жандармское управление сообщило мне конспиративный адрес для сношений, именно типографию Авербуха. Позже, на основании этого показания, как мне сообщил следователь, допрошенный Авербух подтвердил полностью мои сообщения. Таким образом, уже в Нарымскую ссылку я пришел предателем рабочего движения.

Конечно, смешно сейчас говорить, не время и не место говорить о том, как мучительно я переживал это предательство. Я из Нарыма послал два письма, после чего моя связь с охранкой порвалась. Я должен объяснить обстоятельства, при которых произошел этот разрыв. Передо мной были две возможности разрыва, как мне тогда казалось. Первая возможность честного признания, поскольку можно в этом деле говорить о честной возможности, заключалась в том, чтобы разоблачить свое предательство перед партийной организацией, отдать себя на суд партийной организации и предоставить себя решению партийной организации. Это был путь единственно правильный и честный в данном преступлении.

Я этим путем не воспользовался. Я порвал связь следующим образом. В начале 1913 г. я довольно тяжело заболел, после этого наступила распутица, и я был послан в небольшой пункт Нарымского край Барабель, где было незначительное количество ссыльных, и весной уже перебрался в Нарым. Поскольку я скрывал свое преступление от партийных организаций и партийных людей, я пользовался их доверием как член партии. Я принял тогда предложение Александра Смирнова...

ВЫШИНСКИЙ. Вы уже переходите к следующей части ваших показаний.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я хочу сначала сказать все, что касается...

ВЫШИНСКИЙ. Я полагал бы, что нужно закончить сначала этот период вашей работы в охранном отделении.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Относительно вашей работы в качестве осведомителя, охранника, агента Самарского жандармского управления, вы все уже сказали или хотите еще что-нибудь сказать?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Кажется, все.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к суду). Тогда позвольте задать несколько вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. В каком месяце вы были завербованы?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Это было летом, кажется, в июне или в июле.

ВЫШИНСКИЙ. Июнь, июль какого года?

ЗЕЛЕНСКИЙ. 1911 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не знаете, вами во время вашего ареста, происшедшего в 1912 г., интересовались жандармское управление?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я не понимаю...

ВЫШИНСКИЙ. Вы были арестованы в 1912 г.?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, был. Я об этом докладывал.

ВЫШИНСКИЙ. Неизвестно ли вам, интересовалось ли жандармское управление вами лично во время вашего ареста в 1912 г. Не запрашивало ли оно другие охранные учреждения о причинах ареста, что с вами случилось и т.д.?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Не знаю, вероятно, запрашивало. Это мне неизвестно.

ВЫШИНСКИЙ. Вам неизвестно?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я думаю, что раз я привлекался в других местах, вероятно, запрашивало.

ВЫШИНСКИЙ. В августе 1911 г. или весной 1911 г., точных данных у меня нет, вы были подвергнуты обыску?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Вот это и был тот самый обыск, после которого я был доставлен в жандармское управление, где я был завербован.

ВЫШИНСКИЙ. И были завербованы?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, д] *До* этого момента вы не были ни в какой связи с охран*кой?*[нной полицией?]

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А чем тогда объяснить, что [в] *11* августа[е] 1911 г. был запрос начальника Саратовского губернского жандармского управления по району о том, что «из полученных агентурным путем писем видно, что арестованный вами Зеленский весной или летом сего года будто бы был подвергнут вами обыску. Вследствие того, что сообщения об этом от вас не было, прошу сообщить достоверно ли это[»], что послужило поводом к его обыску и какие результаты такового». Выходит, что начальник Саратовского жандармского управления 11 августа 1911 г. интересуется вашим делом специально. Чем это объяснить?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я сам — уроженец Саратова, в Саратове привлекался, был связан с некоторыми саратовскими работниками, находился с ними в переписке, и очень возможно, что в той мере, в какой следили за моей перепиской с этими людьми, это могло интересовать жандармов.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, безотносительно к тому, что вы были агентом охранки?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Безотносительно.

ВЫШИНСКИЙ. А, может быть, и в этой связи?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Не знали ли вы о том, что 4 сентября 1911 г. начальник Оренбургского губернского жандармского управления запрашивал: «Прошу уведомить, что такое могло случиться за последнее время с Зеленским». То же самое *делал* начальник *Самарского* губернского жандармского управления. Выходит, что вами интересуются сразу три охранных управления жандармских: Самарское, где вы были завербованы в июле 1911 г., затем Саратовское — 11 августа 1911 г. и, наконец, в сентябре месяце Оренбургское жандармское управление.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Периферия как будто довольно широкая.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Периферия там, где я работал.

ВЫШИНСКИЙ. «Что *такое* могло случиться за последнее время с Зеленским». Что это значит?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я не могу дать разъяснения по этому поводу.

ВЫШИНСКИЙ. Не можете? Вы лично объяснение этому не можете дать? У меня есть объяснения, но я хотел бы узнать это от вас.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я объясняю следующим образом. Я работал в Оренбурге, в Оренбурге арестовывался, в Оренбурге у меня были точно также связи и люди, которые были со мной связаны. Я думаю, что поскольку при аресте было известно и до ареста было известно о моей работе и в Саратове и в Оренбурге, жандармские управления этих мест получали уведомления о моем аресте и, естественно, интересовались, нет ли материалов, которые имеются в Саратовском жандармском управлении, могущих уличить или раскрыть кого-либо из находящихся в связи письменной или в иных сношениях в Оренбурге и Саратове.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы посмотрите, формулировка какая:[?] «Прошу уведомить, что такое могло случиться за последнее время с Зеленским». Это же формулировка очень определенная: дескать, Зеленский — наш человек, а вы его арестовываете. В чем дело? Что случилось с ним? Только так можно понять. Или по-иному можно этому понять?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я могу сказать следующее: ...

ВЫШИНСКИЙ. Можно так понять?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Можно так, а можно и не так.

ВЫШИНСКИЙ. Вы в 1912 г. где находились в заключении?

ЗЕЛЕНСКИЙ. В Самарской тюрьме.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не обращались ли к его высокородию господину *Начальнику*...

[ЗЕЛЕНСКИЙ. Я уже говорил об этом.]

[ВЫШИНСКИЙ. С чем вы обращались?]

ЗЕЛЕНСКИЙ. *Я подал заявление* [С] *с* просьбой вызвать меня для допроса.

ВЫШИНСКИЙ. Для допроса?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А не для выяснения вопросов некоторых?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я уже сказал, что я просил вызвать меня...

ВЫШИНСКИЙ. Для допроса?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да. Это было написано в заявлении. Я имел в виду выяснить мотивы моего ареста.

ВЫШИНСКИЙ. Мотивом ареста для революционера вполне естественно является его революционная деятельность. А вы думали, они вам скажут, кто вас выдал?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет, не кто меня выдал.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы хотели?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я подал заявление с просьбой вызывать меня для допроса.

ВЫШИНСКИЙ. А я думаю, что вы не так писали. Разрешите огласить ваше заявление, потом [будем] *можете* спорить.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Простите, разрешите мне сказать, может быть, не стоит вам терять время.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите мне потерять время и огласить:[.]

[ВЫШИНСКИЙ. Разрешите мне все-таки потерять время и огласить:] «Его высокородию, господину начальнику Самарского жандармского управления. Прошение. Имею честь покорнейше просить вам вызвать меня в управление или пожаловать в Самарскую губернскую тюрьму для выяснения вопросов, связанных с моим арестом, а также разрешите мне свидание с моим братом Яковом Абрамовичем Зеленским». Ваш брат не был агентом жандармского управления?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет, не этот, а другой брат.

ВЫШИНСКИЙ. Как его звали?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Александр.

ВЫШИНСКИЙ. Он тоже был агентом жандармского управления?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Какого?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Тоже Самарского.

ВЫШИНСКИЙ. Тоже Самарского?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Тоже Самарского.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, у вас семейное дело возникло?

(Зеленский молчит).

В 1913 г.[1] [в]*В*ам неизвестно, что вами интересовался полицмейстер и почему? Его запрос в Самарское губернское жандармское управление: «По встретившейся надобности, прошу вас не отказать уведомить меня, куда и на какой срок выслан Исаак Аврум[р]ович Зеленский». Это вы?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В июле 1911 г. вас завербовывают агентом Самарского жандармского управления, в августе запрашивают Саратовское жандармское управление и в сентябре Оренбургское жандармское управление, — что могло с вами случиться. Наконец, в 1913 г. в январе полицмейстер запрашивает, куда вы высланы, на какой срок. Все, значит, с вами ищут связи и заботятся о вашей судьбе. Так это или нет?

(Зеленский молчит).

*ЗЕЛЕНСКИЙ. Я думаю...

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, это факт?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Факты таковы.

ВЫШИНСКИЙ. Вы скажите, что вы были знакомы с Полонго?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Не знаком, а он являлся агентом, провокатором.

---

[1] * * — знак переноса фразы (синие чернила): «*Вам неизвестно, что в 1913 г. ...*»

ВЫШИНСКИЙ. Какое отношение вы к нему имели?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Он был агентом охранки, и было предложено мне сноситься через Полонго с охранкой[I].

ВЫШИНСКИЙ. Я вопросов не имею сейчас. Но прошу суд удостовериться, взять том № 51 настоящего дела, там имеется архивная справка исполняющего обязанности начальника жандармского управления Истомина.*[II] В [этой] *этой* справке /того же/ [Самарского][III] жандармского *[с 1910 г.]* управления говорится: «Полонго Александр Александрович, аптекарский ученик, железнодорожный служащий...»

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я его родословную не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Не родословная, но это факт, что Александр Александрович ПОЛОНГО состоял секретным сотрудником Самарского губернского жандармского управления под кличкой «Новикова». Вы знали его кличку — «Новиков»?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А у вас какая была кличка?

ЗЕЛЕНСКИЙ. «Очкастый».

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Очевидно, потому что носил очки.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, я думаю, не поэтому. А еще какая?

ЗЕЛЕНСКИЙ. «Салаф».

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. По справке того же жандармского управления в 1910 г. Полонго получал 40 рублей в месяц. Оплата производилась по ведомости № 25 за 1910 г.: «сентябрь—октябрь — 60 рублей, ноябрь—декабрь — 40 рублей... февраль — 60 рублей, март — 60 рублей, в апреле — 100 рублей. А у вас как?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Тоже — 25, 40, 50, тоже 100.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы с Полонго двигались параллельно?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Полонго установлен у нас документально. Авербух вам известен?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Лично я с ним незнаком, но это есть та фамилия, адрес, на который я должен был посылать письма в охранку из ссылки.

ВЫШИНСКИЙ. Из ссылки посылали письма на имя Авербуха. Кто такой был Авербух?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Владелец типографии.

ВЫШИНСКИЙ. И одновременно агент охранки?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Вероятно, да.

ВЫШИНСКИЙ. Если вы на его имя посылали свои письма из ссылки, а он должен был их передавать в охранку, вероятно, он был агентом охранки?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Прошу суд удостовериться, что в том же 51 томе, на листе 24, содержится протокол допроса [впоследствии] арестованного в декабре 1937 г. Авербуха Лейба Моисеевича. Это он?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я сказал, что я имени его не знаю.

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[III] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. «Я имени его не знаю». (Смех). Но Авербух есть Авербух?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Полагаю, что это тот самый.

ВЫШИНСКИЙ. [Потом он показывает] *И вот Авербух показывает* — «Кроме этого, мой адрес использовался Самарским жандармским управлением, агентами жандармского отделения, находящимися даже в ссылке. Помню, через меня шли донесения некоего Исаака Абрамовича, находящегося в ссылке». Это вы?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Полагаю, что так.

ВЫШИНСКИЙ. «Его письма я передавал в жандармское управление». Вопрос: «Персонально, кому вы передавали письма Исаака Абрамовича?» Ответ: «Фамилию лица я не помню». Вопрос: «Сколько писем вы передали?» Ответ: «Всего с 1913 по 1916 г. я передал четыре—пять писем в жандармское управление».

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я с 1913 по 1916 г. не был в Нарыме[174].

ВЫШИНСКИЙ. Это не только вас касается, могли быть письма и от других. А то, что касается вас, это факт?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Далее, он говорит: «Исаака Абрамовича по фамилии Зеленский я не знаю. Мне известен по письмам, пересылаемым в жандармское управление, Исаак Абрамович, фамилию которого я не знаю, письма которого я получал и передавал в жандармское управление». Сам получал 50 рублей в месяц, вы получали больше. Это все вы подтверждаете, обвиняемый Зеленский?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, пожалуйста, был ли такой случай, что обвиняемый Ягода в 1924 г. вас посетил и вам предоставил вот эти фотографические и дактилоскопические данные из жандармского управления?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к Председателю). Можно обвиняемого Ягоду спросить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Ягода, вы подтверждаете этот факт?

ЯГОДА. Да. Это было дело его брата.

ВЫШИНСКИЙ. Это было дело его брата?

ЯГОДА. Да, его брат был арестован. Зеленский очень волновался. Брат был провокатором и расстрелян в 1924 г.

ВЫШИНСКИЙ. А вы передавали этот материал Зеленскому? Почему?

ЯГОДА. Я не передавал этого материала. Дзержинский предложил мне показать дело Зеленскому. Я Зеленскому сказал, чтобы он приехал. Он был в то время секретарем Московского комитета партии[175]. Он не приехал, но звонил, чтобы я приехал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были?

ЯГОДА. Был. Я ему показал все дело. Зеленский очень взволновался и просил оставить у него дело.

ВЫШИНСКИЙ. И вы оставили?

ЯГОДА. Нет, я забрал обратно.

ВЫШИНСКИЙ. А каким образом эти дела оказались у него?

ЯГОДА. Я не помню.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Он привез мне дело моего брата и мои лично дела самарские.

ВЫШИНСКИЙ. Вот эти дела?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да. Я попросил дать мне эти два фотографических снимка.

ВЫШИНСКИЙ. Два?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Два или сколько там.

ВЫШИНСКИЙ. Одно, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять целых снимков.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Это же все на одной карточке.

ВЫШИНСКИЙ. Карточка одна, но снимков девять.

[Если в одном доме сидит сто человек, это все-таки сто человек, а не один человек. Ягода вам их оставил?]

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Теперь можете переходить к вашей дальнейшей эпопее.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Но эти карточки не удостоверяют... А удостоверяют то, что я был привлечен к жандармскому дознанию по делу о принадлежности к социал-демократической организации.

ВЫШИНСКИЙ. Мне важно сейчас зафиксировать показания обвиняемого Ягоды, что вы волновались, интересовались и, в результате этих ваших интересов и волнений, девять карточек этого вашего брата, провокатора, оказались в вашем распоряжении.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Не моего брата, а моих карточек. А второй экземпляр остался в деле.

ВЫШИНСКИЙ. А это осталось у вас?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы кем были тогда?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Секретарем Московского комитета.

ВЫШИНСКИЙ. Вы сообщили тогда Центральному Комитету *партии* об этом факте?

ЗЕЛЕНСКИЙ. О брате? Да?

ВЫШИНСКИЙ. Нет, о себе.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет, [не только тогда не сообщил,] не сообщил. [об этом ни раньше, ни позже, о чем сейчас хочу сказать.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы скрыли все это? Рассказываете теперь дальше?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Значит, я бежал из ссылки, использовал доверие, оказанное мне партийными людьми, в Царицын, с поручением восстановить там партийную организацию и провести там кампанию по перевыборам больничных касс. Я проработал в Царицыне — $2—2^1/_2$ месяца, был арестован и возвращен в Нарым. В Нарыме я продолжал скрывать свои преступления перед партией; окончил ссылку, после чего продолжал находиться в связи с партийной организацией, выполнять партийную работу. Работал под Москвой — в Богородске — на Электропередаче, работал в Сормове и, в сентябре 1915 г. был снова арестован и выслан в Верхоленск, Иркутской губернии, просидев в тюрьме больше 8 месяцев. В Иркутске я так же продолжал скрывать перед ссыльными свое участие, свою предыдущую провокаторскую работу. Бежал из Иркутской ссылки в декабре 1916 г. Здесь именно я узнал, при приезде из ссылки и встрече с братом о том, что он также завербован охранкой, и предложил ему, вместо того, чтобы разоблачить его, порвать всякую связь с партийной организацией. Не знаю, сделал он это или нет, потому что в феврале 1917 г. он был разоблачен, объявлен провокатором, арестован и судим. Это, так сказать, первая позорная эпопея из моей преступной жизни. Я связался с правыми в конце 1928 или в 1929 г.

Прежде чем рассказать о характере своей связи с правыми, я хочу остановиться на одном своем также антипартийном и преступном шаге, о котором хотя и известно было партии, но который не получил достаточного освещения.

Я хочу сказать о письме, которое я написал из Ташкента Каменеву летом 1924 г. Я хочу об этом сказать не в целях вскрытия только своих преступлений, но и потому, что это имеет некоторый общественный интерес и открывает некоторые вопросы, освещающие состояние московских организаций в то время и подготовку Каменевым нападения на партию уже летом 1924 г. Мое письмо рассматривалось как письмо человека, обиженного снятием с работы. На самом деле это не так. Письмо носит, несомненно, фракционный характер. В письме содержится антипартийное, антиленинское противопоставление линии Ленина линии Сталина. Письмо свидетельствует о том, что уже тогда намечалась подготовка антипартийной борьбы против Сталина. Существо вопроса заключается в следующем. Каменев усиленно культивировал в Москве местнические настроения, он стремился к тому, чтобы московская организация фактически явилась вотчиной.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, покороче об этом, нас сейчас Каменев не интересует.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Вопрос заключается в том положении, в тех тенденциях, которые могут возникнуть.

ВЫШИНСКИЙ. Нам неважны тенденции, которые могут возникнуть, а нам важен факт, конста[н]тирующий вашу преступную деятельность. Все остальное можете сказать в своем заключительном слове, а сейчас идет допрос суда. Следовательно, будьте добры, сообщите факты, касающиеся вашей преступной деятельности как члена право-троцкистского и антисоветского заговора и блока, а вы издалека очень.

*ЗЕЛЕНСКИЙ. Я об этом и сообщаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. В этом письме имеются[I] ваши показания, которые не представляют особого интереса для открытого судебного заседания, к делу непосредственного отношения не имеющие.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Имеют отношение в том смысле, что показывают, что летом 1924 г. Каменев подготовлял борьбу против Центрального Комитета партии.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Это тоже известно.

ЗЕЛЕНСКИЙ. А я был соучастником этого дела.

ВЫШИНСКИЙ. Так и скажите, что вы уже в 1924 г. были соучастником Каменева в антисоветской борьбе.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Тогда еще не было антисоветской борьбы, а она подготовлялась.

ВЫШИНСКИЙ. Но, по существу, это была борьба против партии и против Советского государства.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Теперь вопрос относительно моей вредительской работы. [и о вербовке правых.] Я примкнул к организации правых в конце 1928 или в начале 1929 г. [.]

[ВЫШИНСКИЙ. Главным образом это нас интересует.]

[ЗЕЛЕНСКИЙ. Я примкнул к организации правых и главным образом] по [тем] мотивам, которые указаны в обвинительном заключении, из-за боязни разоблачения моей преступной деятельности.

ВЫШИНСКИЙ. Какой преступной деятельности?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Провокаторской.

ВЫШИНСКИЙ. Вот так и говорите.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я примкнул к организации правых не только поэтому, но и потому, что линия партии, принятая в это время, нападение на кулачество,

---

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

окончательная ликвидация кулачества, последнего эксплуататорского класса, особенно резко толкнула меня в лагерь контрреволюции. Я связался со Смирновым. Связался с ним по той причине, что я был ранее с ним знаком и близок, и по той причине, что связь с ним представлялась более удобной, т.к. он занимал высокий партийный пост. Я был завербован *А.П.* Смирновым. [Смирнов сказал мне о наличии организации правых. Я] *Приезжая из Ташкента, я* принимал участие на ряде собраний правых, имевших место у [него] *Смирнова* в течение 1929—1930 гг. [, приезжая из Ташкента.] На [этих] собраниях участвовал ряд людей, имена которых я называл в своих показаниях и которые разрешите здесь огласить.

ВЫШИНСКИЙ. Это не имеет значения, кто принимал участие на собраниях 10 лет тому назад. Из подсудимых есть кто-нибудь?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы участвовали?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вот раньше всего о себе и говорите.

ЗЕЛЕНСКИЙ. На собраниях [обсуждались вопросы,] резко критик*овалась*[ующие] линия[и] партии, [и руководства. В] *в*ырабатывалась линия борьбы против ЦК партии. [и против руководства.] Смирнов во время одного из посещений сообщил мне о наличии центра правых в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и его, Смирнова.

Говоря о тактике центра в период 1929—1930 гг., я должен отметить, что Смирнов уже тогда высказывал резкое недовольство. Он считал недостаточно активной и решительной линию правых — Бухарина и Троцкого. Он требовал более решительных [на]*вы*ступлений, более решительных действий в борьбе за смену руководства. Уже тогда он высказывался за необходимость блока с Каменевыми, [и] Зиновьевым. [, т.е. с троцкистами.]

В 1929—1930 гг. [, чувствуя, что почва уходит из-под ног, что необходимо не только бороться в рамках партийности, допускаемой советской легальностью, против линии партии, —] Смирнов давал мне ряд указаний [, да и я сам, как правый, несу ответственность за проведение их в жизнь,] относительно срыва коллективизации в Средней Азии.

Указания эти заключаются в следующем: необходимо всячески сохранить, как Смирнов выражался, мощное хозяйство, подразумевая под этим кулацкие хозяйства; необходимо всячески тормозить развитие коллективного движения, [преуменьшая его действительные размеры,] тормозить и срывать колхозное строительство. Он указывал на необходимость оказать поддержку правой националистической организации в ее борьбе против партии. Я сообщил эти директивы. По отношению к Средней Азии они заключаются в том конкретно, что я представил в ЦК партии план коллективизации, значительно преуменьшающий фактические возможности и представляющий собой заниженные темпы. Тот план коллективизации, который был мною представлен на первое пятилетие, предусматривал возможность коллективизации 52 % крестьянских хозяйств. ЦК отверг этот план и установил процент коллективизации в 68 %.

Вместо того, чтобы организовать борьбу за осуществление этого плана путем всемерного усиления организационно-хозяйственной работы в колхозах, подготовки кадров, я [, получив эти указания,] по приезде в Ташкент выдвинул лозунг «Догнать и перегнать передовые в отношении коллективизации районы Союза». [Фактически н] *Н*а основе этой директивы местные [националистические] организации [, в частности, работники Узбекского Наркомзема,] разработали план быстрых темпов коллективизации, [и на основе

этого плана, без достаточной организационной подготовки, без предварительного создания организационно-технической базы,] приступили к организации колхозов, применяя при этом [зачастую] административные методы. Этот способ срыва[ния] колхозного строительства был подхвачен национал-шовинистическими организациями, которые организовали ряд перегибов. [, приведших к массовым выступлениям в ряде кишлаков (в Чусте, в Багдаде и т.д.).] Когда недовольство приняло значительные размеры [, когда стало совершенно очевидным] и перед ЦК нельзя было скрывать этих грубых ошибок, допущенных при коллективизации, мною было дано указание о том, чтобы вместо исправления ошибок [по коллективизации,] пустить дело таким образом, чтобы люди выходили из колхозов — не препятствовать этому[176]. Под этой, казалось бы, легальной формулой [с]*от*крывал*ся*[ось следующее: вместо того, чтобы сосредоточить внимание на организационном укреплении колхозов, на агитации за укрепление колхозов, на противодействии кулацкой] *путь на кулацкой* агитации [, — этим лозунгом был расчищен путь кулацкой агитации] и кулацкой активности в направлении развала колхозов. Из 55 % охвата хозяйств колхозами, который был к концу 1930 г., после выхода из колхозов количество хозяйств, объединенных в колхозы, упало до 28 %, т.е. 15—18 % отсеялось из колхозов. Кроме этого вредительства в колхозном строительстве, я поддерживал правых в национальных республиках, в том числе Файзуллу Ходжаева в Узбекистане, Атабаева в Туркмении, Хаджибаева в Таджикистане и т.д.

После снятия меня из Ташкента [, из Средней Азии] и по приезде в Москву я продолжал поддерживать отношения со Смирновым как представителем центра правых. Смирнов в конце 1931 г. или в начале 1932 г., говоря о провале тактики правых по срыву колхозного строительства, познакомил меня с рютинской платформой[177]. Рютинская платформа, как известно, есть платформа реставрации капитализма. Говоря об этой платформе, Смирнов рассказал мне о той новой тактике, которая намечается центром правых и заключается в следующем: применение двурушничества, конспиративный характер организации, переход к тактике вредительства, диверсий, подрыва, подготовки повстанческих кадров, переход к террору...

Говоря о необходимости концентрировать свои силы в борьбе по устранению руководства партией и страной, Смирнов считал, выражая этим мнение центра, с которым я также солидаризировался, возможным допускать всякие средства, подразумевая тем самым борьбу и путем восстаний и путем террора.

После того, как Смирнов был разоблачен как правый[178], я стал держать связь с Антиповым, который мне известен как активный участник контрреволюционной организации правых. От [Антипова] *него* я получал указания относительно активизации вредительской работы в кооперации и Центросоюзе. Цель вредительской работы, которую ставила себе организация правых в торговле, заключалась в следующем: Антипов [, и, я думаю,] *и* все правые придавали особое значение дезорганизации хозяйства в тех отраслях, которые наиболее близко соприкасаются с населением: жилищное дело, кооперация, торговля, товарооборот и т.д.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы говорите об истории организации правых. Лучше скажите о своей вредительской работе, а то вы выступаете как свидетель, а о себе ничего не говорите.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Каждый обвиняемый в то же время и свидетель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Хорошо, но о своей вредительской работе не забудьте сказать.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я свидетельствую о том содержании вредительской работы и о тех целях, которые преследовала вредительская работа. Я полагаю, что это имеет значение.

Так вот, цели вредительской работы заключались в том, чтобы вызвать недовольство[а] населения плохой работой по снабжению, недовольство работой снабженческих [,] торговых, в данном случае, кооперативных органов, а этим самым вызвать недовольство *против* правительства, т.е. *с* явно провокационн*ой*[ые] цел*ью*.[и.] Каким путем я осуществлял эту вредительскую работу. Я завербовал как в Центросоюзе, так и на местах...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Фамилий называть не нужно.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Хорошо... Завербовал несколько работников. Содержание вредительской работы заключалось в следующем. Правые организовали перебои в торговле товарами повседневного спроса. [и не боролись с этими перебоями.] Так, например, такие перебои были организованы в Курской области. [по торговле сахаром.] В первом квартале 1936 г. [по 10—15 районам Курской области] *в торговле сахаром* многие лавки в течение недели—двух не имели сахара. Такого же рода вредительские перебои были организованы в Ленинградской области в торговле махоркой. Такого же рода перебои были [в Белоруссии] летом 1936 г. в торговле печеным хлебом ряда сельских местностей *БССР*, расположенных в пограничных районах.

Чтобы дать некоторое представление о том, какого характера были эти перебои, я укажу на следующее: из 30 тысяч лавок, которые были обследованы торгово-кооперативными секциями советов и торговой инспекцией, в первом квартале 1936 г. не было соли в 3700 лавках. Из 42 тысяч лавок в 2 тысячах лавок отсутствовала продажа сахара. В 3-м квартале 1936 г. отсутствовала продажа махорки в 1600 лавках из 36 тысяч лавок. Так что это были не единичные явления, а довольно распространенные.

Правые не боролись против обмера, обвеса и обсчета населения. Больше того, они содействовали этому преступному делу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Они или мы?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Мы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Так вы и говорите о себе, а не о них.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Хорошо, мы.

Это достигалось следующим образом.

ВЫШИНСКИЙ. Вы насчет общего?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А насчет [предметов первой необходимости, например, с] масл*а*[ом] как обстояло дело, благодаря вашей преступной деятельности?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я перейду к этому. Это я имею в виду осветить.

ВЫШИНСКИЙ. Это меня интересует по ходу дела следствия, как обстояло дело с маслом. Вы говорили о соли, о сахаре, как вы вредительским образом задерживали продажу этих продуктов населению и т.д. А как было дело с маслом?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Маслом мы в деревне не торгуем. [, а заготовляем масла.]

ВЫШИНСКИЙ. Я не [говорю] *спрашиваю,* чем вы торгуете. Вы торговали раньше всего основным — родиной, [а не маслом, а] я говорю о том, какие *меры предпринимала* ваша организация [предпринимала мероприятия] для того, чтобы сорвать товарооборот и лишить население необходимейших первых предметов потребления. Кроме сахара и соли, известно ли вам [в этом смысле] что-нибудь [по] *относительно* масл*а*.[яной линии.]

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я вам сказал, что кооперация в деревне маслом не торгует.

ВЫШИНСКИЙ. Вы же не кооператор, а вы — член заговорщической организации. Относительно масла вам известно?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Например, то, что не выпускали дешевых сортов масла.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Это другое дело *совсем*[1].

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. как другое?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Это я могу объяснить вам сейчас. Я хочу рассказать вам то, что имело отношение...

ВЫШИНСКИЙ. Нет, вы делите свою деятельность на две части: ваша деятельность как кооператора и ваша деятельность как заговорщика, а я хочу, чтобы вы выступали здесь не как кооператор, а как заговорщик.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Правильно, но некоторую последовательность в изложении мне можно разрешить?

ВЫШИНСКИЙ. Вы же не докладчик.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Но в отношении изложения моей преступной деятельности известная последовательность должна быть?

ВЫШИНСКИЙ. Я считаю последовательностью ответы на те вопросы, которые предъявляет вам судебное следствие, и спрашиваю вас: известны ли вам преступные операции в отношении снабжения населения маслом, в частности, дешевыми сортами масла, или нет? Операции, которые были проделаны по указанию [этого] вашего право-троцкистского блока, известно вам это или нет?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, известно.

ВЫШИНСКИЙ. В чем они заключались [эти указания]?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Они заключались в следующем. Все заготовительные организации при выработке масла пользовались мировыми стандартами, определяющими сортность масла.

ВЫШИНСКИЙ. Это не то.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Вот это и есть.

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Как нет. Это производилось...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Зеленский, не пререкайтесь и отвечайте по существу.

ВЫШИНСКИЙ. Вы хотите мне объяснить технику дела, а я хочу выяснить суть этого дела. [Были ли направлены ваши мероприятия на то, чтобы лишить населения масла, или нет?]

[ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет.]

[ВЫШИНСКИЙ. Нет? А в] *В*от вы говорили на предварительном следствии, что подрывной характер работы заключался и в следующем: установленная шкала для определения сортности масла, вырабатываемого из молока, приводила к тому, что получалось масло только высшего сорта, дешевого масла на рынок не поступало.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я это хотел вам сейчас объяснить.

ВЫШИНСКИЙ. Факт это или не факт?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше. Это отражалось на бюджете потребителя. Так или не так?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. [И в] *В*ызывало это [в] со стороны населения удовольствие или неудовольствие?

---

[1] * * — перенос слова в предложении (синие чернила) — *«Это совсем другое дело»*.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Неудовольствие.

ВЫШИНСКИЙ. Вы стремились к этому?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Стремились.

ВЫШИНСКИЙ. Ваша организация стремилась.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Стремилась.

ВЫШИНСКИЙ. А то масло, которое выпускалось, всегда было доброкачественным, или вы тоже старались сделать его недоброкачественным?

ЗЕЛЕНСКИЙ. *Да.* [Тоже старались сделать его недоброкачественным.]

ВЫШИНСКИЙ. Были ли случаи, что члены вашей организации, имеющие отношение к масляному делу, в масло подбрасывали стекло?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Были случаи, когда в масле оказывалось стекло.

ВЫШИНСКИЙ. Не «оказывалось», а подбрасывалось стекло. Вы поднимаете разницу: подбрасывалось стекло. Были случаи такие, или нет?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Были случаи, когда в масло подбрасывалось стекло.

ВЫШИНСКИЙ. Были ли случаи, когда ваши соучастники, сообщники преступного заговора против советской власти и советского народа подбрасывали в масло гвозди?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Были случаи. [, когда подбрасывали гвозди.]

ВЫШИНСКИЙ. С какой целью? [Для чего? или] Чтобы было «вкуснее»?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Это ясно.

ВЫШИНСКИЙ. Вот это и есть организация вредительской диверсионной работы. В этом вы себя признаете виновным?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Признаю. [Я себя в этом признаю виновным.]

ВЫШИНСКИЙ. А вы говорите: «мы этим не занимаемся, это не кооперативное дело».

[ЗЕЛЕНСКИЙ. Простите, я же должен признавать те преступления, которые я совершал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вот я и спрашиваю, вы член подпольной организации?]

[ЗЕЛЕНСКИЙ. Член.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы член право-троцкистского заговорщического блока?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Член.

ВЫШИНСКИЙ. Вы участвовали во вредительской диверсионной террористической шпионской работе этого блока?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Во вредительской, диверсионной работе участвовал.

ВЫШИНСКИЙ. О шпионской работе вы пока умалчиваете.

(Молчит).

Вы отвечаете за всю *деятельность преступную*[1] [совершаемую] блок*а*[ом]?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Отвечаю.

ВЫШИНСКИЙ. В том числе за диверсионную?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Отвечаю.

ВЫШИНСКИЙ. За гвозди, за стекло в масле, которые резали горло и желудки нашего народа.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Отвечаю. Можно продолжать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я остановился на изложении вредительской деятельности в отношении обмера, обвеса и обсчета, которые достигались таким путем, что местные организации оптовые не имели прейскуранта.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы опять насчет обсчета. А вот насчет яиц.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Тогда разрешите установить порядок допроса.

---

[1] * * — инверсия (синие чернила) — «*преступную деятельность*».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Зеленский, когда вы будете говорить защитительную речь или последнее слово, никто не будет вас прерывать, а сейчас, если подсудимому задают вопросы, потрудитесь отвечать.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я отвечаю на все вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Зеленский, Прокурор Союза задает вам вопросы, вы можете отвечать или не отвечать, вы можете совсем не говорить и сесть на место, но если вам задают вопросы, потрудитесь отвечать.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите об обсчете, а меня интересуют вопросы, которые ближе к маслу, ближе к яйцам, я хочу по поводу яиц говорить, а потом по поводу обсчета. Как вы предпринимали такого рода меры, как в отношении масла и в области снабжения населения яйцами? Этот вопрос тоже интересует население. Например, был ли такой случай или случаи, [что] *когда* Москву периодически пытались оставить без яиц. Были такие случаи?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, были.

ВЫШИНСКИЙ. В 1936 г. был такой случай, [что] *[когда] что* Москва сидела без яиц по вашей вине, по вине не вашей персонально, а одного из активных участников этого заговорщического блока?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Был.

ВЫШИНСКИЙ. Не припомните ли, когда особенно резко это выявилось.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я сейчас месяц не могу назвать, но могу сообщить о следующем факте. В 1936 г. была допущена вредительская порча 50 вагонов яиц.

ВЫШИНСКИЙ. 50 вагонов яиц? Это где, в Москве?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Сознательно?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я полагаю. [, что сознательно.]

ВЫШИНСКИЙ. Полагаете только? А кто это допустил, я спрашиваю не фамилию, а кто по отношению к вашей организации.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Это допустил человек, которого я поставил руководить этой организацией — заведующий яйцептичным отделом Кулиновский и заведующий Московской конторой, который мною не завербован, но, я полагаю, что он был членом организации.

ВЫШИНСКИЙ. Но они проводили эту операцию с вашего ведома?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет, я об этом потом узнал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, по собственной инициативе?

ЗЕЛЕНСКИЙ. По-видимому.

ВЫШИНСКИЙ. А директива была вредить чем можешь?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Была.

ВЫШИНСКИЙ. И они, поставленные на яичное дело, вредили в этом деле? Было ли это с вашего ведома?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, это было с моего ведома.

ВЫШИНСКИЙ. Разве это по собственной инициативе?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет, под мою ответственность.

ВЫШИНСКИЙ. Как члена...

ЗЕЛЕНСКИЙ. Контрреволюционной организации.

ВЫШИНСКИЙ. А вы кем в это время были?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Председателем Центросоюза.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, на вашей обязанности было снабжение населения предметами питания?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И вы так вот снабжали население питанием. А в яйца гвозди не подсыпали?

(Смех).

ЗЕЛЕНСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Почему? Не выходило? Скорлупа мешала?

Теперь можете [пока] говорить [о вашем обсчете.] *дальше.*

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я считаю, что обсчет, обмер, обвес не менее вредительское дело.

ВЫШИНСКИЙ. Да, это серьезное дело.

ЗЕЛЕНСКИЙ. И я хочу раскрыть механику этого дела.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите сначала, в чем это заключалось, а потом о механике будете говорить.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Мне кажется, что вопросы обсчета, обмера и обвеса ясны для каждого, это очень ясно. Дело заключается в том, что когда человек приходит за покупкой в лавку, его обсчитывают, обмеривают и обвешивают, т.е. ему назначают цену большую, чем та, по которой продается товар, либо ему дают вес меньший, чем это следует, либо отпускается товар не того качества.

ВЫШИНСКИЙ. Для чего это делается?

ЗЕЛЕНСКИЙ. [Все вредительство делается д] *Д*ля того, чтобы вызвать недовольство населения.

ВЫШИНСКИЙ. То есть с провокационными целями?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Понятно. Механика этого дела заключается в том, что в оптовых организациях отсутствует прейскурант цен. Таким образом, часто ревизующие организации и сами потребители лишены возможности проверить правильность назначенных цен. Цены назначаются торгующими организациями или продавцами лавки очень часто по своему усмотрению, т.е. бесконтрольно. Таким образом, поймать человека, обсчитывающего потребителя, почти невозможно. Это явление приняло серьезный характер и большое распространение. Чтобы дать характеристику размерам этого [явления, этого] вредительства, я укажу на то, что из 135.000 лавок, которые были проверены Инспекцией торгово-кооперативной сети, установлены случаи обсчета и обмана покупателей в 13.000 лавок. Фактически же количество их значительно больше.

Очень важный вид вредительства, также в целях вызова недовольства населения [и срыва экономического,] заключается в замораживании товарооборота, [. Замораживание товарооборота] достигае*мом*[ется] путем неправильной [засылки товаров,] *или* несвоевременной засылки товаров. Так, например, были случаи, когда летние товары засылались зимой, и, наоборот, зимние товары прибывали в лавки летом.

ВЫШИНСКИЙ. То есть летом населению предлагали валенки, а зимой — тапочки?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да. [, об этом я указывал в моих показаниях.]

ВЫШИНСКИЙ. Это ваш такой был план?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Это случайность или это план и система?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Раз вредительство, стало быть, случайности быть не может.

ВЫШИНСКИЙ. Стало быть, это делалось преднамеренно, по вашим указаниям?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В тех же провокационных целях?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Какие размеры приняло это вредительство?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Общий размер, который приняло это экономическое вредительство, выражался в следующем. Как правило, размер тех или иных ос-

татков в торгующей сети превышал на один—полтора процента, т.е. составлял 100—150 миллионов рублей...

Фактически же размер замораживания был выше, потому что в некоторых областях — в Западной Сибири, например, Курской области, Саратове, фактически товарные остатки были выше того, что в плане на 8—10 дней и т.д. Я должен еще указать один [случай] *метод* вредительства в завозе и замораживании товаров. [Этот случай заключался в следующем.] В четвертом квартале 1936 г. были определены товары для хлебозакупок. [, т] *Т*овары[ный фонд этот был утвержден весною при начале хлебозакупочной кампании, когда] были направлены во все[х] районы хлебозакуп*ок*,[а] и оказалось, что в Татарии, Башкирии [, по ... области] и других местах хлебозакупка не идет удовлетворительно. [и не может идти удовлетворительно.] Товары же, предназначенные для хлебозакупочного фонда, держались там в течение 4—6 месяцев, и только по про/*ис*/шествии этого [, я] *был* постав*лен*[ил] вопрос об их разбронировании. Население видело товары в лавках и не имело возможности получить [эти товары] *их*, и это, в свою очередь, вызывало острое недовольство у населения[179].

Я должен коснуться еще крупнейшего вопроса — это вопрос о содействии растратам и хищениям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ. Покороче, пожалуйста.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Мое содействие растратам и хищениям выразилось в двух видах. Мною было поручено разработать вредительскую инструкцию по учету. Суть вредительства здесь заключалась в том, что я разрешил производить групповые записи торговых операций по так называемой группов*ой* системе, что ослабляло возможность контроля. Кроме того, мною была резко сокращена бухгалтерская отчетность, и была сохранена довольно значительная отчетность — оперативная, что ослабляло всякую возможность учета подотчетных лиц. Мною сознательно тормозилась работа ревизионных комиссий сельских потребительских обществ. Осуществить борьбу против растрат и хищений без работы ревизионных комиссий, без организации общественного контроля невозможно. [Важнейшим условием явилась бы работа ревизионных комиссий.] Мною сознательно не были приняты меры для того, чтобы организовать эту работу. Я должен указать так же и на то, что мы принимали меры к разрушению учета пайщиков, учета паевого капитала, что тормозило привлечение пайщиков к управлению делами кооператива. Вот главнейшие виды и отрасли работы, которые были охвачены вредительством, которое я организовал, за которое я несу полную ответственность.

Я должен сказать следующее. Мы, вредители, могли проводить такого рода широкую работу только при наличии пособников. [, прикрывающих вредительскую работу.] *Пособниками [т]*Т*акими*[1] в товарообороте являлись вредительские организации Наркомвнуторга и Госплана. Пособниками являлись те, кто должен был ревизовать и контролировать, т.е. [Комиссия Советского Контроля и] Антипов, [который, в данном случае,] *а он* являлся тем человеком, от которого я непосредственно получал директивы [и руководство.] *по вредительству.*

Но я хочу указать еще на двух пособников. Эти пособники следующие. Во-первых, в нашей вредительской работе мы использовали ведомственные трения и бюрократические, всяческие закорючки в советских организациях. Это давало возможность прикрывать вредительскую работу, и вредительская

[1] * * — инверсия (синие чернила): «*Такими пособниками*».

работа возможна была при наличии такого пособника как оппортунистическое, терпимое, обывательское отношение со стороны многих коммунистов и беспартийных, терпимо относящихся ко всякого рода проявлениям мелкого вредительства, как, якобы, к проявлению мелких недостатков объективного порядка. Для того чтобы искоренить вредительство, были приняты меры по линии Наркомвнудела, но если можно таких вредителей, как мы, искоренить путем ареста, то вредители широких и пособников их, путем органов Наркомвнудела, устранить нельзя, а нужно организовать дело так, чтобы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ. Обойдемся без вас.

(Смех в зале).

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я должен коснуться еще одного вопроса. Правые придавали большое значение использованию кооперативного аппарата в антисоветских целях. Я имел задание и преследовал цель засорять этот аппарат чуждыми, враждебными, антисоветскими, [и, тем самым,] повстанческими элементами. Засоренность аппарата Центросоюза видна из того, что в аппарате Центросоюза было при мне около 15 % бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и т.д. В некоторых областях количество [людей] *чуждых,* выходцев из других партий, [чуждых,] колчаковских офицеров и т.д., например, в Красноярском крае, Иркутске, Западной Сибири было значительно выше.

[Мы имели директиву — держать этих людей и я] *Я* давал указания [и организовывал работу на местах], чтобы не выгонять этих людей из аппарата, имея в виду, что при это разветвленном аппарате в деревне, который имеет кооперация, эти люди могут всегда явиться центром притяжения всякого рода антисоветских элементов и организатором всякого рода повстанческих групп и банд.

Правые имели в виду также использовать кооперацию на предстоящих выборах в Верховный Совет. Но тут ничего сделать не удалось, т.к. произошел арест. Правые имели в виду использовать сельский аппарат на выставление своих кандидатур, в первую очередь, в местные кооперативные органы[180].[1]

ВЫШИНСКИЙ. В период вашего пребывания в Средней Азии вы вели подпольную контрреволюционную работу?

ЗЕЛЕНСКИЙ. В период моего пребывания в Средней Азии я вел работу, о которой говорил. Я вел работу по срыву коллективизации.

ВЫШИНСКИЙ. Вы вели там подрывную контрреволюционную работу?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я вел работу по срыву коллективизации, что является контрреволюционной подрывной работой.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы вели подрывную контрреволюционную работу. Я так вас понимаю?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Затем приехали в Москву? Это в каком году?

ЗЕЛЕНСКИЙ. В 1931 г.

ВЫШИНСКИЙ. После этого вы порвали свою связь с вашими сообщниками по Средней Азии?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я никакой организации в Средней Азии не создавал.

ВЫШИНСКИЙ. Я про организацию не говорю, а говорю про вашу связь. Прервали свою связь?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Прервал.

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. А в Москве с Икрамовым не участвовали в нелегальных совещаниях?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Участвовал с Икрамовым на нелегальном совещании у Смирнова, имевшем место в 1929 или 1930 г.

ВЫШИНСКИЙ. А кто туда пригласил Икрамова? Не помните?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Возможно, что я.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить обвиняемого Икрамова.

Обвиняемый Икрамов, вы не припомните, как попали на нелегальные совещания в 1929 или 1930 г.?

ИКРАМОВ. Легальное или нелегальное, сказать не могу сейчас, но у Смирнова было совещание, на которое пригласил меня Зеленский. На этом совещании были все правые.

ВЫШИНСКИЙ. Кто вас позвал?

ИКРАМОВ. Я был два раза, один раз меня пригласил Зеленский, а второй раз Антипов.

ВЫШИНСКИЙ. (К Икрамову). Вас Зеленский приглашал?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Приводил?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Связывал?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А что?

ИКРАМОВ. Не знаю, по каким причинам, но открытых антисоветских разговоров не было, разговаривали намеками.

ВЫШИНСКИЙ. А не было ли того, что некоторые из участников этого совещания резко высказывались против политики советской власти?

ИКРАМОВ. Я хотел сказать об этом в показаниях.

ВЫШИНСКИЙ. Были такие высказывания?

ИКРАМОВ. Были.

ВЫШИНСКИЙ. Были, а как же вы говорите, что не было?

ИКРАМОВ. Были намеки.

ВЫШИНСКИЙ. Но намеки достаточно ясные. Например, не было ли там, на этом собрании, допущено прямой клеветы против Кирова?

ИКРАМОВ. Была.

ВЫШИНСКИЙ. Это намек или клевета?

ИКРАМОВ. Открытая клевета.

ВЫШИНСКИЙ. Это антисоветская клевета?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А Зеленский там участвовал?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно это, подсудимый Зеленский?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы ничего не сказали о ваших антисоветских связях за границей. Расскажите, в двух словах, как вы пытались использовать некоторые личные связи за границей в антисоветских целях?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я использовал иностранное бюро Центросоюза в целях тенденциозной и неправильной рассылки информации о состоянии кооперации, об ее отношении с советским правительством. Подчеркивая самостоятельный характер кооперации и преувеличивая ее хозяйственно-политическое значение, я пытался вести разговор...

ВЫШИНСКИЙ. Вы скажите прямо, использовали ли вы свое положение, будучи председателем Центросоюза, в аппарате, в котором находилось

иностранное бюро, для антисоветской контрреволюционной деятельности за границей?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я думаю, что рассылка тенденциозных...

ВЫШИНСКИЙ. Тенденциозных с антисоветским уклоном провокаторских сведений. Это есть антисоветская работа?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Все бюллетени проходили через тщательную цензуру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Говорится не об официальных сношениях.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Других не было.

ВЫШИНСКИЙ. Тенденциозность была?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Она проходила через цензуру и все-таки оставалась?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы умели использовать легальные возможности в нелегальных целях?

ЗЕЛЕНСКИЙ. (Молчит).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы пытались договориться с английскими кругами об оказании возможной помощи на случай восстания против советской власти?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я эти показания давал Прокурору.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. В ваших показаниях имеется фраза: «договориться с этими руководителями об оказании возможной помощи на случай восстания против советской власти». Вы подтверждаете это или нет?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Как же это вы пытались использовать?

ЗЕЛЕНСКИЙ. При свидании с некиим Александ*ер*[ровым] ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Кто этот Александ*ер*[ров]?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Лидер английской кооперативной партии, входящей в состав рабочей партии. При [переезде] *проезде его* я ставил вопрос о том, как отнеслись *бы* английские кооператоры, если бы в советской стране к власти пришли правые. Как*ую*[ие виды] помощь[и] они могли бы оказать правительству правых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. [Какую помощь] Александ*ер*[ров вам оказывал. Он] *эту помощь [ока]* обещал или воздержался от ответа?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Александер заявил, что он приветствовал бы приход правительства правых. Что касается помощи, то он заявил о том, что английские кооператоры могут гарантировать получение, во всяком случае, таких кредитов и такой помощи, которая была предоставлена советскому правительству во время эмбарго.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У вас вопросов больше нет, т. Прокурор?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв до 6 часов.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

5 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
5 — вечер.

Икрамов. Черный, сморщив лицо, говорит напряженно. Темно-серый костюм, коричневая светлая рубаха. Говорит очень усердно, иногда обращается к

залу. Как подготовлять кадры. Морщит лицо. Жестов очень мало, иногда чуть поднимает руку. Когда убили, то они выступили и говорили «разоблачая убийцу». Держит тетрадку, смотрит на потолок, вспоминает.

— Террор никаких польз не дает.

— Взять большевистскую тактику, завоевать.

— Я плохо знать русского языка, — смеется, показав зубы, — прошу помогать мне. Одного убьем — сов.[етская] власть крепка, и мы ее не потрогает.

— Абид Саидов нечестный человек, он разоблачил организ.[ацию] басмач.[ества.]

— Он поступил как честный человек.

— Возможно.

— Таких людей гнать, антисоветских.

— Это честно?

Дотрагивается до груди:

— Как провели?

— Один год провели, на другой год ударили по голове, мы не могли делать, Бухарин ездил к нему на охоту. О феод.[альной] эксп.[луатации] крестьянства, сравнивал колхоз с барщиной... бухаринская концепция, что инду[стриализация] ведет к гибели... — вспоминает, морща лоб, цитату из Ленина.

Договорились. Бухарин сформулировал: задача реставр.[ации] капитализма. Икрамов говорит.

Бухарин требует вредительства и восстание кулаков.

— Что вы чудаки, что вы будете говорить, что вы делали. Это сделала, мол, сов.[етская] власть. Когда все хорошо, то нельзя вызвать недовольства масс. Террор.

Улыбается:

— Это программные вопросы в 33 г. Я дальше изложу, как действовал.

Голос мягкий.

— Я раскрыл его. Он меня хочет теперь перекрыл[1].

Бухарин — розовый от волнения. Икрамов — серый. Спор о вредительстве. Бухарин отрицает. Икрамов улыбается.

— Моя жена, его. Еще какая-то тетя Соня. (Хохот).

— При обостренной фантазии.

Насмешливо: «Ну, извините...»

Рядом стоят. Бухарин стоит, навалившись, с розовой лысиной и с пушком наверху.

Он ядовито:

— Вы пошли в хорошо обставленную комнату.

Икрамов и Ходжаев вносят поправки. Ходжаев в коричневом костюме с карандашом.

— Они прикр.[ываются.] Это — такой, Зеленский — такой, значит, прикрываясь правильной [линией].

— Я считаю это неправильным, недостойным Икрамова.

— Это верно?

— Верно.

Улыбается:

— Я это и сказал.

— Петушиные бои?

— Петушиные бои до крови. А тут крови не было. Была видимость драки с Ходжаевым.

---

[1] Так в документе.

Икрамов говорит о полученной записке (и оглядывается, нет ли секретаря) на Ходжаева. Икр.[амов] боится разоблачения. Поэтому он не говорит с Ф. Ходжаевым.

— Но когда ориентация басмаческая была принята?

— Кем?

— Нами. Максум — басмач.

Все смеются.

Переругались.

Икрамов:

— Махумутдинов[I] *страшно противный человек был.*

Пока поднялись, пока пошли в зал. Ходжаев на лестнице дает инструкц[ию], как продать Среднюю Азию — узбекский народ восстанет, если предложить Англ.[ии] Узбекистан. У Икрамова светло-коричневая рубашка, голые пуговицы. В важных местах поднимает палец, как бы говоря «обратите внимание!».

Бухарин несет папку, как будто она свинцовая. У Ягоды — багровые опущенные щеки. От всех отстает, прихрамывая и держась за темную перегородку, Крючков. У него скучающий и вялый вид. Бессонов, высокий, басом, бритый — вытянув вперед голову, он говорит бесстрастно, голова гладкая, как будто у него тяжесть на плечах. Положив длинные руки на перила, он говорит раздельно.

Бухарин — «дьяк», говорит углубленно, немного грассируя. Стоит пям...[II]*, опираясь рукой о бедро, рука лежит на бумаге. Сцепляет пальцы:*

— Эта контррев.[олюционная] организация преследовала...

— При помощи?

Царапает мембрану рукой, отвечает медленно.

— То есть?

Гладит по усам. На верхушке — полосы. Всюду оговорки: «эта ориентация на вредительство», «видите ли», «так сказать», «общая проблематика и идеолог.[ическая] сторона дела».

Бухарин — светлый, держит бороду во рту, слушая темного смуглого Ходжаева.

— Решали от случая к случаю. Вийска[III] *я не отрицаю.*

Маленькая головка, голубая рубашка.

Бухарин и Рыков — у него громадная голова. Он оскаливается, отрицает.

Ягода — в черном.

Спорили. Затем глухо Ягода говорит:

— Я не протестовал.

— О плане ареста Сталина?

Он кидает руки назад:

— Был план ареста Ленина, Сталина, Свердлова.

— Не план, а намерен.[ие.]

Когда прокурор говорит «пока вопросов не имею», Бухарин встрепенулся, чтобы говорить.

— Но я могу остановиться на вопросе о реставрации капитализма.

— Это ваша основная специальность. (Хохот зала.)

И, не обращая внимания на смех, он продолжает читать лекцию. Даже руками разводит. Что-то произошло в конце, и все нервно, напряженно обора-

---

[I] Так в документе. Вероятно, следует: «Мухетдинов».

[II] Так в документе. Восстановить не удалось.

[III] Так в тексте. Восстановить не удалось.

чиваются. Бухарин продолжает читать. Вышинский ходит нервно. Бухарин продолжает вскрывать причины своего падения.

— Как это выразилось в уголовных действиях?

Он перелистывает тетрадь. Затем читает свою программу. «На позиции цезаризма». Маленькие ручки.

— ...элементы фашизма.

Прикладывает руки к груди.

— Вы скатились к фашизму?

— Да. Хотя... (Хохот зала).

Рыков подходит важно, кладет руки на перила.

— Но, тем не менее, я не знал.

Тонким голосом говорит Бухарин и не спеша начинает перечислять, в каких тюрьмах он сидел — в австрийской, германской и т.д. Положив руки на бедра, берет фаянсовую книжку, перед ним микрофон и синяя папка. Он развивает свою программу. Он признает очередные свои ошибки. Сцепляет руки на груди и с нежностью говорит: «Платформа 28 г.».

Меняются часовые. Хромая, идет Икрамов. Жара. Душно.

Бухарин продолжает свои счета. Публика ждет, чтобы скорее одеться.

— Эти участники школки.

В зале душно, и поэтому спешат уйти.

Откинувшись назад — сидит Ягода, он сидит у входа, прислонившись седой и растрепанной головой к перилам, сидит он предпоследним.

— Меня интересуют ваши преступл.[ения.]

— Их так много, что из них надо выбирать. (Зал хохочет).

— От такой «академической» постановки вопроса...

Двумя руками, отделив указат.[ельный] палец, покачивает и доказывает.

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.

Подсудимый Икрамов, [показания, данные] *вы подтверждаете показания данные* на предварительном следствии*?* [, подтверждаете?]

ИКРАМОВ. Полностью подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Расскажите вкратце о вашей антисоветской деятельности.

ИКРАМОВ. На путь антисоветских действий я вступил в 1928 г. [Перед тем, как говорить об этом, я хочу сказать несколько слов для характеристики меня самого, моей прошлой деятельности. В] *Правда, еще в сентябре* 1918 г. [в сентябре месяце] я вступил в нелегальную молодежную организацию националистического типа. [, скаутского типа. До апреля или мая 1919 г. я состоял членом этой организации, потом был исключен. В 1922 г. примкнул к] *К* троцкистской оппозиции *я примкнул в 1923 г.*

В 1928 г. я [принял участие и] был фактически одним из руководителей контрреволюционной националистической организации, которая, [хотя и называлась фашистской, но] по существу, являлась[ется] национал-фашистской. [организацией — «Милли Истиклял», что значит «национальная независимость». Это название само за себя говорит. Что это за независимость? Какую не] *Эта организация называлась «Милли Истиклял», что значит «национальная независимость». Это название [говорит] само за себя говорит. Какую же* зависимость могут люди ожидать при советской власти, какую другую

независимость, кроме как буржуазную, реставраторскую независимость? [.] В этой организации я принимал участие. *Мы боролись за буржуазную независимость.* Вчера я говорил относительно непосредственного руководства. Руководство заключалось вот в чем. [Я тогда, когда об этом разговаривали, сказал, что сейчас ни к каким] *Мы тогда ни к каким* большим конкретным действиям приступить не мо*гли*[жем], надо *было* накоплять силы, подготовить кадры; с этой целью принимать в вузы таких людей, которые бы в будущем стали *верными нашими*[I] кадрами, т.е. *мы набирали* молодежь *из среды* социально чуждой советской власти [среды]; подготовляли этих людей. [, выдвигать их на ответственную партийную и советскую работу. Таким образом, можно будет] *Мы рассчитывали через них* захватить советский *и* партийный аппарат, чтобы в нужный момент [с] этими силами можно было сделать переворот. Но непосредственно в то время две эти задачи ставились, и больше никаких других задач тогда не было. Из материалов, которые я давал на предварительном следствии как в НКВД, так и в Прокуратуре, наверное, видно, что организация в момент, когда она создавалась, и через 2—3 года после этого не была такой, какой она есть сейчас, потому что по мере роста и укрепления советской власти, по мере накопления кадров в этой националистической контрреволюционной организации прибавлялись в действиях этой организации новые моменты борьбы с советской властью.

В 1930 г., в связи с убийством групп*ой*[ы] молодежи *из* этой организации *Абид Саидова*[II], была арестована группа людей, человек 7—8. Я узнал об этом в Кисловодске. Приехав в Москву, я зашел в ОГПУ и узнал причины ареста. Меня информировали Кауль или Каваль, не помню, и Соболев об убийстве и об аресте. [Я п] *П*осле этого [сейчас же] *я* решил, что провал есть уже совершившийся факт, надо защитить оставшихся людей.

Каким образом можно было их защищать? Просто говорить о том, что они невиновны было бы смешно, таким образом, их защитить было нельзя. [А п] *П*оэтому мы [взяли и] стали проводить двурушническую линию, т.е. я, Каримов, Рахими выступали в партийной организации с разоблачением этих людей. И, таким образом, нам удалось сохранить остальные кадры.

[Только] *Однако* этим я не ограничился, и в 1932 г. (может быть, год не тот, я не знаю, имеет ли это значение) я начал ходатайствовать об освобождении некоторых *арестованных* людей из этой группы: [арестованных:] Рамзи, Качимбека, Назирова и других.

ВЫШИНСКИЙ. А Бату?

ИКРАМОВ. Об этом непосредственном участнике я не ходатайствовал, у меня была некоторая злоба на него за то, что он стал на путь террора тогда, когда этого не нужно было делать, и это был удар по нашей организации. Я считал, что он своими действиями подрубает сучок, на котором мы сидим. Вот как я оценивал его поведение. Мне удалось добиться освобождения Рамзи.

ВЫШИНСКИЙ. Рамзи участвовал вместе с Бату в этом убийстве?

ИКРАМОВ. Нет, он в убийстве не участвовал, потому что его не было в Узбекистане.

ВЫШИНСКИЙ. А Бату участвовал?

ИКРАМОВ. Об этом я уже сказал вчера. Я могу говорить только на основании официальных материалов.

I * * — инверсия (синие чернила) — «*нашими верными кадрами*».

II * * — знак переноса этой фразы (синие чернила) — «в связи с убийством Абид Саидова групп*ой*[ы] молодежи...».

ВЫШИНСКИЙ. Но Рамзи в это время был разоблачен как член вашей организации?

ИКРАМОВ. Я не помню. Качимбек и Назиров были разоблачены.

ВЫШИНСКИЙ. А Назиров участвовал в убийстве?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А кто *из них* участвовал [?] *в убийстве?*

ИКРАМОВ. Я могу сказать только на основании официальных материалов. Из участников этого убийства помню: Бату, Саидова...

ВЫШИНСКИЙ. Это Насыр Саидов?

ИКРАМОВ. Да, Насыр Саидов. Кажется, участвовал Садыр Кадыров, остальных я не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Все они члены этой организации?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Которой и вы были членом?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А вы хлопотали за них по соглашению с другими членами организации?

ИКРАМОВ. Я должен сказать, что я уже не спрашивал мнения других по вопросам, касающимся вредительских действий в пользу нашей организации. Вам известно, гражданин Прокурор, и вы сами понимаете, что мое преступление становится еще тяжелее, потому что мне, как бывшему секретарю ЦК Узбекистана, руководство партии и советской власти оказывало большое доверие. Я этим воспользовался и действовал самостоятельно.

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо. Но у вас были в другими,] *Вы обсуждали с другими,* уцелевшими членами вашей организации, с Каримовым, с Шермухамедовым и другими [обсуждения] вопрос[а] о терроре, о [целесообразности его, о] тактике и т.д.

ИКРАМОВ. После того, как я увидел, что организация разваливается, я вызвал к себе Каримова, Шермухамедова и сказал им, что надо собирать силы и решительно действовать. Надо проводить настоящую работу.

ВЫШИНСКИЙ. А насчет террора?

ИКРАМОВ. В связи с этим обсуждали вопрос [, сказали, что террор] *и решили, что террор* сейчас нам никакой пользы не дает.

ВЫШИНСКИЙ. Пока не дает?

ИКРАМОВ. Никакой пользы не дает. Пока у нас должна быть программа накопления сил в то время, тем более, что Абид Саидов из нашей организации ни одного человека не разоблачил и, наоборот, на суде Икрамова хвалил. И его должны были убить милли-иттидихадисты. Это меня страшно возмутило, поведение в отношении Абид Саидова. Мы тогда решили терроризм не заниматься, накопить силы и из той программы, которую я изложил, не выходить.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, терроризм не заниматься по тактическим соображениям или по принципиальным?

ИКРАМОВ. И принципиально и тактически. [Принцип такой, что отдельными террористическими актами цели не добьемся.][I] *[Террор пользы не приносит и только мешает достижению цели.]*

ВЫШИНСКИЙ. [А как же нужно действовать?][II] *[Какой?]*

[I] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (зеленые чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[II] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (зеленые чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

ИКРАМОВ. Я там прямо говорил. Я здесь нарочно не хотел говорить. Я сказал, что нужно взять большевистскую тактику завоевания масс.

ВЫШИНСКИЙ. Масс? Хотите завоевать массы? (Смех в зале). Но массы то вам завоевать не удалось.

ИКРАМОВ. Я очень прошу пожалеть мой русский язык. Я изложу сначала, чтобы потом вопросы задавали, как Шаранговичу.

ВЫШИНСКИЙ. Я постараюсь вам не мешать в изложении, а, наоборот, только помогать. Меня интересует вот что. Это общий вопрос о терроре — одно дело, а вот насчет того, что Саидов Абид делал, насчет того, применять террор по отношению к местным людям, которые шли против вашей организации, или не применять. Как этот вопрос стоял?

ИКРАМОВ. Насчет террора — ни в коем случае нельзя.

ВЫШИНСКИЙ. В данный момент вы говорите. В то же время вы считали, что это вам пользы не принесет. Значит, по тактическим соображениям.

ИКРАМОВ. Нет, и по принципиальным.

ВЫШИНСКИЙ. Пользы не принесет.

ИКРАМОВ. Да, пользы не приносит и только мешает достижению цели.

ВЫШИНСКИЙ. Какой?

ИКРАМОВ. Одного убьем, а советская власть крепкая, раскроет всех нас.

ВЫШИНСКИЙ. Ну вот, это и есть тактические соображения.

ИКРАМОВ. И принципиальные. Мы хотели народ завоевать.

ВЫШИНСКИЙ. Принцип у вас был один, чтобы вас не разгромили.

ИКРАМОВ. Нет, кроме того, мы хотели массы завоевать.

ВЫШИНСКИЙ. Это удалось вам?

ИКРАМОВ. Я хочу еще рассказать...

ВЫШИНСКИЙ. Нет, вы ответите сначала на вопрос: удалось вам завоевать массы?

ИКРАМОВ. Нет, не удалось.

ВЫШИНСКИЙ. И не удастся.

ИКРАМОВ. И, слава тебе господи, если не удастся.

ВЫШИНСКИЙ. Какие же вы хотели принимать меры, чтобы оградить себя от тех честных граждан, кто вас разоблачал? Абид Саидова за что убили?

ИКРАМОВ. Абид Саидов был нечестный человек. [Он только что из тюрьмы вышел, и] *И* я убежден, что он [опять] попал бы в тюрьму или убежал. Он был [активный] *раньше* организатор басмачества.

ВЫШИНСКИЙ. Он бы сидел, по вашему мнению, а вы уже сидите. Так что вы нам не говорите, что он нечестный. За что он был убит?

ИКРАМОВ. Я это только по официальным материалам сообщаю.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы знаете по официальным материалам, за что убили Абид Саидова?

ИКРАМОВ. За то, что он разоблачил «Милли-[иттинхадистов] *истиклял*».

ВЫШИНСКИЙ. То есть [контрреволюционную] *вашу контрреволюционную* организацию?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, поступил как честный гражданин.

ИКРАМОВ. Возможно.

ВЫШИНСКИЙ. Как это «возможно»? Я думаю, что он поступил как честный человек, разоблачил [к.р.] *контрреволюционную* организацию. Ведь он погиб за это?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Погиб за советскую власть?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Как же вы позволяете себе говорить о том, что он нечестный человек?

ИКРАМОВ. Он был одним из организаторов басмачества.

ВЫШИНСКИЙ. Кто он был — это один вопрос. А вот кем он стал? Он стал вашим разоблачителем.

ИКРАМОВ. Нет, не нашим разоблачителем.

ВЫШИНСКИЙ. Он разоблачил контрреволюционную организацию?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Но ведь вы тоже были членом контрреволюционной организации?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вашим?

(Смех в зале).

Вот я спрашиваю вас, вы обсуждали вопрос о том, какими мерами бороться с разоблачением вашей организации? Что вы по этому поводу решили?

ИКРАМОВ. Мы этот вопрос обсудили и приняли такое решение: [что таких людей, как людей плохих, антисоветских,] против [них] *таких людей, как людей плохих,* устраивать гонения, выгонять с работы, чтобы они не могли нам мешать.

ВЫШИНСКИЙ. [Т.е. о] *О*бъявлять их людьми антисоветскими, может быть, националистами, устраивать на них гонения, словом, действовать всякими провокационными способами. Правильно?

ИКРАМОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Это честно?

ИКРАМОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вот я и напоминаю насчет того, что вы говорили относительно [Саид-Абидова] *Абид Саидова*, будто он не честный человек. Вы на самом деле этим маневром хотели спрятать свое настоящее лицо? Это была ваша тактика?

ИКРАМОВ. Да, правильно.

ВЫШИНСКИЙ. И этим путем вы хотели накопить себе кадры?

ИКРАМОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте.

ИКРАМОВ. По мере усиления советской власти и обострения классовой борьбы перед нами выдвигались новые задачи.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте еще один вопрос. Может быть, я вам немного мешаю, но я задам вам еще один вопрос и больше постараюсь не мешать. У меня такой вопрос: когда вы пришли к этой тактике провокаторской?

ИКРАМОВ. В 1931 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы совещались по этому поводу со своими людьми, собирали их, дали такую директиву?

ИКРАМОВ. Да, это было, и эту директиву дал я.

По мере обострения классовой борьбы в Узбекистане выдвигались новые вопросы, в частности, вопрос о коллективизации. Зеленский тут говорил относительно своего лозунга «догнать и перегнать»[181]. Это правильно. Такой лозунг был выдвинут, [. Я] *я* [тоже] дал такую установку. [, п] **Перефразировав*[л] установку Зеленского,*[1] [говоря, что] Узбекистан — хлопковый район, сельскохозяйственный район, поэтому в деле коллективизации мы не должны отставать от передовых районов Советского Союза. В результате этого в ряде районов были массовые выступления против колхозов.

---

[1] * * — знак переноса этой фразы — *«[п] Перефразировав[л] установку Зеленского, я [тоже] дал такую установку»*.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. этот лозунг был провокационным?

ИКРАМОВ. Да, этот лозунг был провокационным.

ВЫШИНСКИЙ. [Результатом этого провокационного лозунга что явилось, ч] *Что* получилось на практике от этого вашего *провокационного* лозунга?

ИКРАМОВ. Были массовые выступления против коллективизации.

ВЫШИНСКИЙ. А раньше всего удар по хозяйству дехкан.

ИКРАМОВ. Это верно, был удар по дехканам. Был также удар по коллективизации и развал крестьянского хозяйства.

ВЫШИНСКИЙ. Потом поправилось крестьянское хозяйство?

ИКРАМОВ. Да, поправилось.

ВЫШИНСКИЙ. Этот маневр ваш был разоблачен.

ИКРАМОВ. [Маневр не был разоблачен, но н] *Не* дали ему ходу.

ВЫШИНСКИЙ. Не дали ходу — значит, [и был] *маневр был* разоблачен. Продолжайте.

ИКРАМОВ. [Дальше было такое дело с монокультурой — хлопком,] *мы дали такую директиву, [чтобы]* что все поли[е]вные посевные площади должны быть засеяны хлопком. [Мы дали такую директиву, ч] *Чтобы нарушить севооборот,*[I] [оставить] *Тем самым* скот *оставался* без корма и дехканам не дава*ли*[ть] сеять для себя продовольственных и бахчевых культур.

[ВЫШИНСКИЙ. Например, рис, арбузы?]

ИКРАМОВ. [Рис еще не так, а вот] *Я имею в виду* дыни, арбузы, лук, морковь [, такие более] *и другие* важные культуры. ...[что вызывало] *Все это вызывало* со стороны дехканства недовольство.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы использовали это недовольство?

ИКРАМОВ. Это недовольство [партия и советская власть не дали провести, учесть.] *не могло нарастать.* Один год мы провели, но на следующий год *партия и советская власть* нас по голове ударили[а] и исправили это.

(Движение в зале).

Теперь я хочу сказать относительно блока с центром правых *нашей националистической организации*.[II] [Я на предварительном следствии дал показания, что в 1931 г. м] *М*еня хотели завербовать, хотели сделать соучастником правых *еще в 1931 г.* Поэтому меня два раза приглашали на дачу *к А.П. Смирнову.* Это было перед XVI съездом партии и во время XVI съезда партии[182].

ВЫШИНСКИЙ. Первый раз *кто* приглашал*?* [кто?]

ИКРАМОВ. Первый раз приглашал, *кажется, Смирнов,* я точно сказать не могу. [, может быть, Смирнов сам приглашал, я] *Я* поехал к Зеленскому, *и он меня повел к Смирнову.* Другой раз приглашал Антипов.

ВЫШИНСКИЙ. Вы сегодня утром сказали, что Зеленский вас приглашал.

ИКРАМОВ. Я утвердительно не могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали, где находится дача Смирнова?

ИКРАМОВ. Я знал, что дача находится в Серебряном бору.

ВЫШИНСКИЙ. Я не спрашиваю — теперь, а тогда вам было известно?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Зеленский знал?

ИКРАМОВ. Может быть, и знал.

[I] * * — знак переноса этой фразы — «*[ч] Чтобы нарушить севооборот мы дали такую директиву, [чтобы] что все поли[е]вные посевные площади должны быть засеяны хлопком*».

[II] * * — знак переноса этой фразы — «*Теперь я хочу сказать относительно блока нашей националистической организации с центром правых*».

ВЫШИНСКИЙ. Кто же из вас кого вез?

ИКРАМОВ. Он меня. Я [в] *на* этом[т] этапе не был завербован и блок не установил. Поэтому, я думаю, что мне можно перейти непосредственно к контрреволюционной связи блока с правыми, которые были. [Это было в] *Непосредственную контрреволюционную связь с правыми я установил в* 1933 г., [в августе или сентябре месяце, осенью,] в Ташкенте. Бухарин приехал в Среднюю Азию отдыхать[183]. До тех пор у меня с ним не было никаких дружеских отношений. Он дал телеграмму, что едет отдыхать. [Его встретили, о] *О*н приехал ко мне и дней 7 или 8 жил у меня на квартире. Мы вместе ездили на охоту, на дачу, всегда вместе были. В это время у нас установились связи — организационно-политическая связь с правой контрреволюционной организацией и правым центром. Бухарин сначала завел разговор о коллективизации, о колхозах, что это неправильная линия. [и п] *П*овторил старый, общеизвестный, бухаринский [разговор] *тезис* о военно-феодальной эксплуатации крестьянства[184].

ВЫШИНСКИЙ. В 1933 г.?

ИКРАМОВ. Да.

Сравнивал колхозы с барщиной.

Затем дальше, вопрос относительно индустриализации, он все время нажимал на это дело.

ВЫШИНСКИЙ. В каком смысле нажимал на это дело?

ИКРАМОВ. Я не хотел говорить, поскольку известна бухаринская концепция. *Дальше* Бухарин говорил, что партия и советская власть ведут неправильную линию, что индустриализация не нужна, что индустриализация ведет к гибели.

ВЫШИНСКИЙ. Индустриализация ведет к гибели?

ИКРАМОВ. Да.

Наряду с этим он сказал, что не верит в тезис[ы] Ленина, [что тезисы Ленина неправильные о том,] что отсталые колониальные страны при поддержке передового пролетариата [, минуя губительную стадию капитализма,] могут прийти к социализму, *минуя стадию капитализма.* Бухарин [говорит] *сказал,* что [это неправильно. Все-таки в такой] *и в* республик*ах*[е], как Средняя Азия, это невозможно, и что [, по-видимому,] *им* придется обязательно пройти стадию нормального развития капитализма.

ВЫШИНСКИЙ. То есть он предлагал в Узбекистане восстановить капитализм?

ИКРАМОВ. Да, именно [да. Тогда я] *так. Я* [ему дал] *с ним* согласи*лся.*[ие. Сперва] *Так* он меня завербовал. [и] *Бухарин* при этом спросил: ты согласен? Согласен. Будешь действовать с нами? Буду, говорю. И тут [же] я ему сказал, что я не с сегодняшнего дня контрреволюционный человек, что я не новичок, а [я] руководитель такой же контрреволюционной организации. [И] *Я* рассказал о своей организации, [. И тут] *и мы* договорились, что вместе будем действовать, политическая линия единая и организационно установим такую же единую линию. [, чтобы вместе действовать.] Тогда он сформулировал *наше соглашение* таким образом: цель одна, свергнуть руководства партии и советской власти и прийти самим к власти для того, чтобы осуществить эти задачи.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

ИКРАМОВ. Для реставрации капитализма.

ВЫШИНСКИЙ. В целом?

ИКРАМОВ. Да, не только в Узбекистане, но и во всем Союзе. Тогда он сказал: какая ваша тактика? Я сказал: накопление сил и [конституционный]

контрреволюционный переворот. [Возможно, будем требовать нечто вроде конституции от советской власти.] Конечная цель — отторжение Узбекистана от Советского Союза. Он сказал: ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для советской власти, и тогда вы будете действовать. И приводил тургеневские слова о том, что русский человек ждет чуда, неожиданности, уповает на бога, что русский человек ожидает случая. *Нет,* лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В этом вопросе у [нас] *правых* есть договоренность с украинскими националистами, белорусскими *и* националистами [и] других республик. Он сказал других, я о других не спрашивал. [И т] *Т*аким образом, политически *мы* полностью договорились. Тогда *Бухарин* перед нами [он] поставил *ряд* задач[у], — первый вопрос [поставил о] вредительств*о*[е], второй вопрос — [о] кулацко*е*[м] восстании. Эти два вопроса он увязал таким образом, что без организации вооруженной борьбы нельзя достигнуть цели. [Мы тоже много времени тратили, сейчас] *Он говорил, что* надо кулаков организовывать, [и в ваших условиях, когда у вас силен] *использовать* религиозный фанатизм, [нужно] *привлечь* духовенство [привлечь к этому делу] и, таким образом, создать повстанческую организацию. Что касается вредительства, мне [это тогда] *в начале его указания* был*и*[о] не очень понятн*ы*.[о, почему надо вредить.] Я боялся, что если мы сами руководители будем вредить, то завтра народ скажет, сидите сами. Он [сказал, что] *ответил:* вы — чудаки, если думаете, что [они] будут говорить о том, что вы делали. Надо в каждом случае [, наоборот,] сказать, что это линия советской власти и, таким образом, виновата советская власть. Это поможет оттолкнуть народ от советской власти. Кулаков теперь у нас мало, духовенство тоже в малом количестве, но под их предводительством надо организовать широкие массы. А как организовать широкие массы, когда все хорошо, все растет? Невозможно вызвать недовольство с тем, чтобы организовать из них повстанческие группы.

Я согласился. Дальше он сказал, что в программе правых стоит вопрос и о терроре. Он прямо приводил тезисы, которые мне через два месяца стали известны как платформа Рютина об устранении руководства партии[185].

ВЫШИНСКИЙ. Он тогда уже рассказал?

ИКРАМОВ. Да, да. Через месяц я уже узнал об этой платформе в официальном порядке.

ВЫШИНСКИЙ. И вы сразу узнали ее?

ИКРАМОВ. Это та же самая программа, что Бухарин устно изложил, я получил в письменном виде ее. Относительно террора он прямой задачи не поставил. Потом *он* [с]*у*казал, что обязательно нужна будет диверсионная подрывная работа. Вот [3] задачи, которые он поставил тогда. Я согласился, сказал, что [хорошо, я согласен,] будем действовать. Я сначала [скажу] *перечислю* все программные вопросы, а потом — как действовали.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы называете программными вопросами?

ИКРАМОВ. Это [вопросы] *программа,* на основании котор*ой*[ых] мы действовали.

ВЫШИНСКИЙ. Это изложено было в 1933 г.?

ИКРАМОВ. Да, в августе, или в сентябре. [месяце.]

ВЫШИНСКИЙ. В течение нескольких дней пребывания у вас в гостях?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Это все, что говорил и передал Бухарин?

ИКРАМОВ. Это все, потому были другие встречи, другие вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. Это уже в другие годы?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Я Бухарина хочу спросить. У вас было свидание с Икрамовым в 1933 г.?

БУХАРИН. Было, я жил у него в течение нескольких дней в 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он правильно рассказывает.

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Были политические разговоры?

БУХАРИН. Были.

ВЫШИНСКИЙ. Икрамов правильно излагает их?

БУХАРИН. В основном я держался Рютинской платформы[186].

ВЫШИНСКИЙ. В основном правильно излагает?

БУХАРИН. Что считать основным.

ВЫШИНСКИЙ. [Вместе] *Вы предлагали еще вместе* с вами бороться против советской власти?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Затем [эти методы.] *говорили, какие методы в этой борьбе применить?*

БУХАРИН. Методы, которые входят в Рютинскую платформу. Там было глухо и о терроре.

ВЫШИНСКИЙ. О вредительстве тоже с ним говорили?

БУХАРИН. Нет, не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Что же он неправильно показывает?

БУХАРИН. Он, очевидно, спутал.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, попозже говорили?

БУХАРИН. Дело в том, что Икрамов на очной ставке отрицал всякий разговор политического характера. Я заставил его сознаться.

ВЫШИНСКИЙ. Бывает, что не хочет говорить, а потом перекрывает.

БУХАРИН. А потом хочет перекрыть.

ВЫШИНСКИЙ. Бывает. Вот мы и проверяем.

БУХАРИН. Я хочу сказать, что я не отрицаю, что все установки давал, что я вербовал его и что я первый завербовал его в правую организацию.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы признаете? Я ставлю вопрос — он ничего не перекрывает, он говорит правду?

БУХАРИН. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы первый завербовали его в контрреволюционную [правую] организацию [?] *правых?*

БУХАРИН. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Для борьбы с советской властью?

БУХАРИН. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Знакомили в пределах Рютинской платформы?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Отрицаете, что в этот раз говорили о вредительстве и диверсиях?

БУХАРИН. Это был первый разговор...

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы не отвечаете на вопрос?

БУХАРИН. Я мотивирую мой отрицательный ответ.

ВЫШИНСКИЙ. Мне мотивировка не нужна.

БУХАРИН. Я отвечаю отрицательно.

ВЫШИНСКИЙ. А в последующие годы о вредительстве и диверсиях говорили с Икрамовым?

БУХАРИН. Нет, не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Икрамов, вот вас обвиняет Бухарин в том, что вы хотите перекрыть сами себя.

ИКРАМОВ. Когда я не был арестован, я отрицал. Сейчас я никак не хочу перекрываться за Бухарина или «наших вождей», но нужно сказать, что мы научились у них...

ВЫШИНСКИЙ. Чему?

ИКРАМОВ. Вы свидетель тому, сколько дней мы отрицали, сколько раз мои «руководители» отрицали это на Пленуме ЦК[187]. У нас арсенал один и тот же, один и тот же метод отрицания.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к Икрамову).* Вы сейчас утверждаете то, что Бухарин с вами говорил о вредительстве?

ИКРАМОВ. У нас еще был с ним разговор. Это было в 1935 г., не помню, какого числа. Он придирался к кому-то, что перепутали даты и месяцы. Я могу указать несколько обстановку. Это было на Зубовском бульваре, у новых домов, на четвертом или пятом этаже. Мы там встретились. Кроме нас, была моя жена, его жена[188] и еще какая-то тетя Соня. Мы в кухне ужинали, а потому Бухарин отвел меня в другую комнату, и мы там говорили.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бухарину). Была там тетя Соня?

БУХАРИН. Если вас интересует матримональная сторона — другое дело.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, разговаривали ли вы о вредительстве?

БУХАРИН. Вы даете формулировки не совсем ясные, гражданин Прокурор, не совсем понятно, что вы хотите спросить.

ВЫШИНСКИЙ. [Я] *Подсудимый Бухарин, я* вас спрашиваю, припоминаете ли вы ту обстановку*?* [, где были вы с женой, Икрамов с женой и какая-то тетя Соня?]

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Этот факт встречи с Икрамовым в 1935 г. был?

БУХАРИН. Был.

ВЫШИНСКИЙ. На какой основе?

БУХАРИН. Ни одного слова о политике я с ним не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. (К Икрамову). Правильно он говорит?

ИКРАМОВ. Нет, неправильно.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бухарину). А что вас связывало с Икрамовым? Он был членом вашей организации?

БУХАРИН. Да, в 1933 г. я его завербовал.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1935 г. он остался членом организации?

БУХАРИН. Думаю.

ВЫШИНСКИЙ. А почему вы думаете, если вы с ним на эту тему не говорили?

БУХАРИН. Я знаю, что Икрамов достаточно серьезный человек. Если он дал определенное обязательство, согласился с целым рядом линий, то он не отступает. Самое существенное, о чем сегодня Икрамов в своих показаниях не сообщил, это один разговор. Я приехал из Москвы и говорю, что тезис Ленина о капиталистической эволюции [,] — неправильный. Давайте установим [,] в Узбекистане капитализм. Я не так глуп, так рассуждать не могу, как показывает Икрамов. Разговор начался...

ВЫШИНСКИЙ. Я не интересуюсь, с чего начался разговор. Я вас спрашиваю, в 1935 г. встреча на 4-м этаже была?

БУХАРИН. Я ответил, гражданин Прокурор, что о политике в этот раз ни одного слова не говорили.

ВЫШИНСКИЙ. А о чем же?

БУХАРИН. О чае, о погоде, какая погода в Туркестане, но не говорили о политике. Почему не говорили? Потому что...

ВЫШИНСКИЙ. Потому что вы думаете, что, когда вы в 1935 г. разговаривали о погоде в Туркестане и Узбекистане, то Икрамов оставался членом вашей контрреволюционной организации.

БУХАРИН. Во время первого разговора у Икрамова было большое эмоциональное чувство, он был озлоблен против руководства партии в связи с теми событиями, которые были в Казахстане.

ВЫШИНСКИЙ. Это было в 1933 г.

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1935 г.?

БУХАРИН. Я говорю, что в 1935 г. я такого разговора не имел, но такая зарядка уже была в 1933 г. У меня сложилось убеждение, что он настолько сильно привязан к антипартийной и контрреволюционной ориентации, что такое положение должно у него остаться.

ВЫШИНСКИЙ. И вы, руководитель подпольной организации, встретивши через два года члена вашей организации, вами завербованного, не проверили — остается ли он на позициях вашей контрреволюционной организации, не интересовались этим, а стали говорить о погоде в Узбекистане. Так это было или не так?

БУХАРИН. Нет, не так. Вы мне задаете вопрос, который содержит в себе иронический ответ. А на самом деле я рассчитывал на следующую встречу с Икрамовым, которая случайно не состоялась, потому что он меня не застал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы замечательно хорошо помните как раз те встречи, которые не состоялись.

*БУХАРИН. Я не помню те встречи, которые не состоялись, потому что они — фантом, а помню те, которые не реализовались.

ВЫШИНСКИЙ. Вы хотите убедить нас в том, что вы, встретившись со своим сообщником, с ним на контрреволюционные темы не разговаривали.*[I]

БУХАРИН. Не разговаривал я не из добродетели, а потому что обстановка была для этого неудобная.

ВЫШИНСКИЙ. Икрамов, что вы скажите?

ИКРАМОВ. Относительно Казахстана он совершенно правильно говорит. О Казахстане был разговор. Ехал, по дороге из окна вагона смотрел, что видел — ужас[189]. Я поддержал это. Я уже объяснил, какой я был до этого человек. Сразу я дал согласие ему.

ВЫШИНСКИЙ. Это 1933 г.?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А вот 1935 г. Бухарин отрицает, что вы в это время в четвертом этаже какого-то дома на Зубовском бульваре разговаривали с ним на тему о вашей контрреволюционной работе.

ИКРАМОВ. Обстановка была действительно такая... Было три посторонних человека...

ВЫШИНСКИЙ. Там была одна только комната?

ИКРАМОВ. Мы в кухне ужинали, потом вышли в другую, хорошо обставленную комнату...

ВЫШИНСКИЙ. Значит, была другая комната, отдельная, в которой два человека могли поговорить спокойно?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А почему же Бухарин говорит, что обстановка была неподходящая?

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ИКРАМОВ. Пусть суд сам рассудит. В квартире три комнаты. Я хорошо помню, что в кухне ужинали, потом было так, что мы, двое мужчин, должны были выйти. Вы понимаете?

ВЫШИНСКИЙ. Понимаю.

Обвиняемый Бухарин, у вас вообще после 1933 г. была антисоветская связь с Икрамовым?

БУХАРИН. Я виделся с ним в 1933—1934 гг. или в 1932—1933 гг., точно не помню.

ВЫШИНСКИЙ. С момента, как вы его завербовали, вы с ним встречались?

БУХАРИН. Встречался.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили с ним на темы, связанные с вашей антисоветской работой?

БУХАРИН. [Вообщем, г] *Г*оворил.

ВЫШИНСКИЙ. Это самое главное. Садитесь.

Подсудимый Икрамов, продолжайте.

ИКРАМОВ. Самый главный был разговор такой: [он] *Бухарин* говорил, почему у нас две группы — Файзуллы Ходжаева и Икрамова. [Если бы] *Надо вам* совместно действовать. [, от этого мне ничего не прибавилось бы с точки зрения моих грехов.] Но почему я не могу с Файзуллой вместе быть, почему у нас не совместные действия? Это никак моих преступлений не увеличивает...

ВЫШИНСКИЙ. Вы, в конце концов, сговорились с Ходжаевым?

ИКРАМОВ. В 1925—1927 гг. у меня с Файзуллой Ходжаевым была острая борьба. Я не хочу сказать, что был коммунистом, но, может быть, здесь действовало подсознание, что я был союзником, временным попутчиком. Когда проводилась земельно-водная реформа (из присутствующих здесь Иванов и Зеленский это помнят), я был одним из активных инициаторов по проведению земельной реформы. На меня было возложено председательствование, и я довел дело до конца. Может быть, мне, как буржуазному национал-демократу, фактическое завершение этого дела, ликвидация феодального хозяйства, была мне по душе.

ВЫШИНСКИЙ. А Ходжаеву не по душе?

ИКРАМОВ. Он сам показывал вчера относительно группы 18-ти. На II партийной конференции Узбекистана обсуждался вопрос о том, что эта группа выступила, по существу, с отставкой земельно-военной реформы[190].

ВЫШИНСКИЙ. Это мы вчера слышали.

ИКРАМОВ. На этой почве развернулась борьба за кадры...

ВЫШИНСКИЙ. Чем кончилась ваша борьба с Ходжаевым?

ИКРАМОВ. Победой линии партии, на которой я стоял.

ВЫШИНСКИЙ. [Нет, я спрашиваю с] *С* Ходжаевым был заключен союз?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Против кого?

ИКРАМОВ. Против советской власти.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, сначала дрались, а потом помирились?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И стали драться против советской власти вместе?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Ходжаев, правильно это?

ХОДЖАЕВ. Я хочу дать свои объяснения по этому вопросу, если позволите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ХОДЖАЕВ. Я хочу сказать, что Икрамов не совсем правильно говорил по поводу того, что до 1933 г., до разговора с Бухариным, у нас не было с ним согласованных действий.

ВЫШИНСКИЙ. Они были?

ХОДЖАЕВ. Были они. В 1925 г. я действительно не был согласен с формой земельно-водной реформы, потому что она слишком ущемляла байско-кулацкую верхушку деревни.

ВЫШИНСКИЙ. Вам это не нравилось?

ХОДЖАЕВ. Мне это не нравилось, и я выступал против *нее*. Действительно, тогда эта тройка, т.е. Зеленский, Икрамов и Иванов, прикрываясь партийной линией, правильной партийной линией, меня побила.

ВЫШИНСКИЙ. Но прикрываясь?

ХОДЖАЕВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы думаете, что они прикрывались?

ХОДЖАЕВ. Потому что Зеленский сказал вам, кто он такой. Иванов сказал, кто он такой. Икрамов пытался отрицать, но тоже не выходит. Значит, прикрывались!

ВЫШИНСКИЙ. Правильно!

ХОДЖАЕВ. Я хочу сказать, что о моих грехах более или менее было известно. Это облегчало задачу бить меня. В 1926—1927 гг. у нас не было совместной работы с Икрамовым, но с 1928 г. мы работаем вместе.

ВЫШИНСКИЙ. В каком смысле работаете?

ХОДЖАЕВ. В смысле вредительства. Я другого смысла не вкладываю в эти слова. Икрамов неправильно хочет сказать о том, что только после нажима Бухарина в 1933 г. он стал на позиции вредительства и со мной вместе работал. Этим он хочет часть вины от себя отвести, так же как руководство националистической организацией хотел свалить на Каримова. Я считаю, это недостойным Икрамова.

(Смех, движение в зале).

ИКРАМОВ. Разрешите продолжить.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, подождите. Я хочу еще обвиняемого Ходжаева спросить. А все-таки Бухарин сыграл какую-нибудь роль в объединении ваших контрреволюционных сил?

ХОДЖАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Какую?

ХОДЖАЕВ. В том смысле, что у нас с 1928 г., хотя и была единая работа вместе с Икрамовым, вредительская работа, но борьба за влияние в Узбекистане иногда мешала, если можно так выразиться, плодотворности этой антисоветской работы. Поэтому сначала Бухарин в той беседе, на которую ссылается Икрамов (я тогда непосредственно с Бухариным не говорил), потом Антипов предлагал мне единение с Икрамовым. Они говорили, чтобы мы вместе работали, вместе вели борьбу...

ВЫШИНСКИЙ. Против?

ХОДЖАЕВ. Против советской власти, против партии, против руководства партии.

ВЫШИНСКИЙ. Это верно, *подсудимый* Икрамов?

ИКРАМОВ. Верно. Мне разрешили бы, и я бы то же самое сказал.

(Смех в зале).

ВЫШИНСКИЙ. То, что говорит Ходжаев о том, что в объединении ваших [к.р.] *контрреволюционных* сил сыграл огромную роль Бухарин, это вы подтверждаете?

ИКРАМОВ. Ну, конечно.

ВЫШИНСКИЙ. А Бухарин подтверждает?

БУХАРИН. Я бы хотел сказать...

ВЫШИНСКИЙ. Подождите.

ИКРАМОВ. Я хотел сказать, что с 1925 г., поскольку такое обострение было до 1929 г., до 4-го курултая[191], у нас с Файзуллой объединения не было. После 4-го курултая у нас такие совместные действия были. Здесь только о деталях идет речь.

ВЫШИНСКИЙ. А внешне вы все-таки дрались между собою?

ИКРАМОВ. Нет, внешне не дрались.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте, вы сейчас деретесь. Как же вы отрицаете, что вы не дрались?

ИКРАМОВ. То драка была неискренняя, видимая.

ВЫШИНСКИЙ. Петушиные бои?

ИКРАМОВ. Даже не петушиные бои. Петухи до крови иногда дерутся.[I]

ВЫШИНСКИЙ. Даже таких боев не было?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Даже петушиных боев не было?

ИКРАМОВ. Да.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Борьба сначала была молчаливая, а потом приехал Бухарин, вас помирил и по существу. Так я понимаю?

ИКРАМОВ. Да, я скажу.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста.

ИКРАМОВ. В нашей подпольной националистической организации мы договорились таким образом, чтобы стараться националистов никого не принимать в эту организацию. Не потому что они нам не нужны, а потому что на каждого из них есть куча материалов.

ВЫШИНСКИЙ. Где?

ИКРАМОВ. В органах советской власти, которым все документы доступны. Очень многих на различных участках партия и народ разоблачили, писали об этом в печати. Поэтому для того, чтобы наша конспирация полностью удалась, этих людей решили не принимать. Файзулла вчера где-то нашел, что я хочу что-то прикрыть. Я ничего не прикрываю, что есть, то и говорю. Что мы сделали? Мы этих людей не принимали. [Он] *Ходжаев* говорит, что между 1925—1928 гг. у него было затишье, не было людей. У нас большинство наркомов было пантюркиста*ми*[ы] и националисты: Хедыр Алиев, [Пактюр Кисты], Хаджибаев, *Курбанов* и другие, — [это] все *это* были люди, связанные с Файзуллой[192]. [И Курбанов.] У нас известный отпечаток оставили друг у друга в острой борьбе. Они могли бы быть до сих пор в Узбекистане. В 1933 г. мы, может быть, договорились бы с ними. Сейчас у меня разницы с ними нет. С 1931 г. разницы нет.

ВЫШИНСКИЙ. А с Бухариным?

ИКРАМОВ. С Бухариным с 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Какая же роль у Бухарина была? [Он крепил что ли?]

ИКРАМОВ. Бухарин сказал, почему у вас две группы? [Для общего усиления в] *В*ам надо объединиться. Я тогда ему определенного ответа не дал. В конце 1934 г. приехал к нам Антипов. Он мне сказал, что по поручению центра правых [он должен с нами связаться, а затем после разговора и взаимной информации он заявил, что] необходимо обе наши организации обязательно объединить, чтобы во всех вопросах была договоренность и сов-

I * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

II * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш).

местные выступления. Он не требовал формального объединения, а объединения по существу. После этого произошло фактическое объединение наших двух организаций, как это было между троцкистами и правыми, но при этом каждая из наших организаций сохранила свое особое, отвратительное лицо. Вот поэтому, когда я говорил вчера об этом, я считаю, что с 1929 г. у нас с Файзуллой была молчаливая согласная работа. Я об этом сказал. Почему же он здесь говорит, что я на кого-то хочу свалить вину? Это неверно. Я своей вины ни на кого не сваливаю. Такая договоренность между организациями была в 1934 г. установлена. Собралась тройка — Антипов, Ходжаев, Икрамов. [— и м] *М*ы договорились относительно совместной работы наших организаций.

Теперь дальше. Почему мы не хотели принимать старых интеллигентов-националистов? Когда Бурнашев поставил передо мной в 1928 г. вопрос о том, что надо с Ходжаевым сблизиться, в это время я действительно думал — умный человек, дельный человек, можно сблизиться. Но в это время я получил записку некоего Мухтдинова о том, что он подал заявление в Средазбюро или в ГПУ, что он раскаивается в своих контрреволюционных преступлениях, и он там показывал на Файзуллу ужаснейшие вещи. Я думал, что скоро будет обсуждение, и мы вместе с Файзуллой можем провалиться раньше срока. Он показывал о том, что он принимал Энвер-Пашу, это — известный турецкий авантюрист. Так что не так уж все было чисто. Мы оба были грязными, два сапога — пара, но только у меня было тактическое соображение...

ВЫШИНСКИЙ. На него был материал, а на вас не было?

ИКРАМОВ. На меня не было.

ВЫШИНСКИЙ. Поэтому вы считали, что связываться вам не следует, опасно, провалитесь сами?

ИКРАМОВ. Да, правильно. Я об этом сказал и ничем не прикрывался. Я не хочу уменьшать свои преступления.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Ходжаев, [насчет] *что вы можете сказать относительно* басмача Максума? [Икрамов правильно показывает?]

ХОДЖАЕВ. Максум был начальником милицейского отряда при председателе Ревкома. В 1921 г. мы его в Бухаре разоружили, [тогда] *но* он бежал. [Тогда бухарская организация националистов не принадлежала к националистам. Это 1920 г. ... он тогда был пойман, судим, это было после того, как ориентация басмаческая была принята.] *Вскоре был пойман, судим. Это было после того, как была принята басмаческая ориентация.*

ВЫШИНСКИЙ. Кем была принята?

*ХОДЖАЕВ. Нами.

ВЫШИНСКИЙ. То есть вы ему помогли избежать ответственности?

ХОДЖАЕВ. [То есть о] *О*н был амнистирован.

ВЫШИНСКИЙ. У вас была басмаческая ориентация? Во-первых, Мухтдинов был крупный басмач.

ХОДЖАЕВ. Не басмач, он был национал-демократ.

ВЫШИНСКИЙ. Вы с ним держали связь?

ХОДЖАЕВ. С ним был Максум связан. Он меня мог компрометировать.

ВЫШИНСКИЙ. А в какой мере он вас мог компрометировать?

ХОДЖАЕВ. То, что говорит Икрамов, для меня непонятно. Та записка, о которой говорит Икрамов, находится в моем деле.

ВЫШИНСКИЙ. М...[1] был?

---

[1] Речь идет о Максуме.

ХОДЖАЕВ. Да, был.

ВЫШИНСКИЙ. У вас свидание с [Икрамовым] *[о] Энвер-Пашой* было?

ХОДЖАЕВ. [Я дал по этому поводу показания.] Я имел три свидания.

ВЫШИНСКИЙ. Когда?

ХОДЖАЕВ. [Первое свидание было в Москве в Наркоминделе, два свидания — в] *В* Бухаре *два свидания* [, одно у меня на квартире] официальн*ые.*[ое, другое неофициальное.] *Одно у меня на квартире неофициальное.**[1]

ВЫШИНСКИЙ. Цели этого свидания?

ХОДЖАЕВ. Цель последнего свидания заключалась в том, чтобы обсудить предложение Энвер-Паши[а] о том, какой линии должно держаться бухарское правительство по отношению к Советскому Союзу и какая требуется тактика.

ВЫШИНСКИЙ. От советского правительства вы об этих свиданиях скрыли?

ХОДЖАЕВ. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. Это и было в записке Максума?

ХОДЖАЕВ. Нет, он просто говорил, что о контрреволюции в отношении себя он ничего не сообщает и пытается бухарскую контрреволюционную националистическую организацию свалить на меня. Это было сделано с целью, я тогда ответил соответствующей запиской.

ВЫШИНСКИЙ. И ссылается на вашу связь с некоторыми?

ХОДЖАЕВ. Да.

Разрешите к этому добавить. Зеленский [сегодня] как будто очень правдиво говорил о своей деятельности в Средней Азии. Он говорил, что поддерживал правых, Файзуллу Ходжаева, Атабаева, [а между тем каждая палка в Средней Азии знает, что меня] Зеленский [бил, а не] поддерживал *не меня, а Мухаметдинова,* [. На каком основании — это его дело, но что он поддерживал Мухтдинова] который имел английскую ориентацию, об этом он ни слова не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Мы сейчас спросим. [, может быть, теперь Зеленский расскажет.]

[Обвиняемый] *Подсудимый* Зеленский, скажите, этот эпизод с Мухтдиновым имел место? [Вы говорили, что вы поддерживаете Ходжаева, а он говорит, что каждая палка в Средней Азии знает, что вы его били.]

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я должен был время от времени выступать против Ходжаева, иначе я бы себя разоблачил. [Каждая палка в Средней Азии точно так же знает о моих отношениях к Икрамову, очень обостренных, особенно в последнее время.] Теперь в отношении Мухетдинова. Я слышу в первый раз о том, что он был награжден орденом Трудового Знамени[193].

ВЫШИНСКИЙ. Кто его награждал?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Не знаю.

ХОДЖАЕВ. В 1936 или 1937 г. по постановлению ЦИК Узбекистана по предложению Зеленского и Икрамова[194]. Могу соответствующие документы представить по этому вопросу.

(В зале смех).

ЗЕЛЕНСКИЙ. Понятия не имею.

ИКРАМОВ. С Мухетдиновым один раз я ехал отсюда в вагоне. Один раз видел человека, это страшно ненавистный был человек. У меня с ним была такая ненависть. Он все время таджикский вопрос тащил на себе, противопоставлял таджиков узбекам. Более ненавистного человека я не видел.

---

[1]* * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. А вы скажите, орден он получил?

ИКРАМОВ. Не помню просто. Может, Файзулла просто ошибся. Кого, кого, а этого Мухетдинова я не мог награждать.

ВЫШИНСКИЙ. А Зеленский был тогда секретарем?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Во всяком случае, если награждали, то без Зеленского это не могло пройти.

ИКРАМОВ. Могло и пройти.

ВЫШИНСКИЙ. Как так, без секретаря Средазбюро?

ИКРАМОВ. В практике иногда ЦК Узбекистана сам рассматривал.

ВЫШИНСКИЙ. Это частный эпизод. Я его выяснял по просьбе Файзуллы Ходжаева. Можно только Зеленского по одному поводу спросить, пока он не ушел на место?

(К Зеленскому). Вы были в Средней Азии в каком году?

ЗЕЛЕНСКИЙ. В 1924 г.

ВЫШИНСКИЙ. И там оставались до какого года?

ЗЕЛЕНСКИЙ. [До] 1931 г., *до января*[1].

ВЫШИНСКИЙ. Значит, [24, 25, 26, 27, 28, 29 и 30 гг.] вы там пробыли 7 лет?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. За эти 7 лет, занимаясь [этой] контрреволюционной вредительской деятельностью, вы имели связи с Икрамовым и Ходжаевым?

ЗЕЛЕНСКИЙ. [Как я уже объяснял, с] Связи [по контрреволюционной деятельности я не имел] с Икрамовым [, а Ходжаева я покрывал, его правую линию.] *я не имел, а правую линию Ходжаева я покрывал.*

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы вели свою линию самостоятельно.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Самостоятельно.

ВЫШИНСКИЙ. А чем объяснить, что вы ни с тем, ни с другим не столкнулись?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Не было надобности. Может быть, немножко опасался их.

ВЫШИНСКИЙ. Чего опасались?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Разоблачения.

ВЫШИНСКИЙ. Провала? Значит, из конспиративных соображений. А вы видели, чем они заняты?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Видите ли, я должен сказать, что в отношении Икрамова у меня до 1928 г. не было сомнений в том, что он держится на партийных позициях, уступая время от времени своим националистическим тенденциям.

ВЫШИНСКИЙ. А с 1928 г.?

ЗЕЛЕНСКИЙ. С 1928 г. мне стала яснее [его] связь *Икрамова* с националистической организацией, и когда была раскрыта организация «Милли-Истиклял», [а также] *тогда* в целях самосохранения *я* очень решительно выступил [тогда] против Икрамова, — это известно по 4-му Курултаю, ставил [в ЦК] вопрос о *его* снятии [его] вплоть до ареста[195].

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, в] *В* порядке *пере*страховки?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вам была известна контрреволюционная работа, и, по существу, вы страховались.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Мне не была известна, я предполагал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ставили вопрос об аресте только на основании предположения? Вы говорите, что в целях перестраховки ставили вопрос об аресте Икрамова.

---

[1] * * — знак переноса этой фразы — *«До января 1931 г.»*.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. На каком основании? За что его арестовывать?

ЗЕЛЕНСКИЙ. [Основания были следующие: к] *К*огда была раскрыта группа «Милли Истиклял», то ряд участников этой организации в своих показаниях в органах ОГПУ указали на то, что фактически руководителем этой организации является Икрамов.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы знали по показанию ряда участников, что Икрамов являлся руководителем?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И для перестраховки ставили вопрос о том, чтобы Икрамова арестовать.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А в действительности боролись против его контрреволюционной деятельности?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я был вскоре оттуда отозван.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, вы же говорите, что с 1928 г. вам стало ясно, что Икрамов ведет националистическую контрреволюционную работу.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Да, стало ясно. Я вел против него формально борьбу.

ВЫШИНСКИЙ. А, по существу, не вели против него борьбу?

ЗЕЛЕНСКИЙ. А, по существу, не [вел, не мог вести.][1] *[боролся]*

ВЫШИНСКИЙ. Почему не могли?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Тут Файзулла уже охарактеризовал меня...

ВЫШИНСКИЙ. Вы согласны с характеристикой, данной вам Файзуллой?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Я сам дал о себе такую же характеристику, [т.е. не вел борьбы,] *по существу, не боролся, не мог бороться,* потому что сам был уже [тогда] изменником.

ИКРАМОВ. Теперь дальше. Непосредственно под руководством Антипова, по поручению правого центра, установили блок обе националистические организации. [Тогда] Антипов информировал [, — не знаю вместе с Файзуллой, или отдельно, —] о германо-японской ориентации и о связи [и блоке] с немцами и японцами. [Дальше, о] *О*н [тогда] говорил [(фамилий он не называл)] *также* о существовании военной группы и о том, что на случай войны они будут действовать путем открытия фронта для наступающих сил интервентов. Тогда *же* он сказал, [— почему мы не развертываем работы по линии антисоветской деятельности] *что и нам надо действовать.* У нас тогда не было еще разговора о вредительстве, вредительства тогда вообще не было, по вопросу о повстанчестве практически никаких директив организациям не давали, поэтому он сказал, что надо действовать.

[Теперь] *При* втор*ой*[ая] встреч*е*[а] с Бухариным, он о политике ничего не говорил, а говорил о том, почему связали с Антиповым. Он сказал, что нам с тобой встречаться не совсем удобно, а Антипов почти каждый год ездит в Среднюю Азию по хлопку, что его занимаемое положение таково, что ты всегда сможешь ходить к нему по делам. [Поэтому вот м] *М*ы решили, что постоянную связь нужно держать с Антиповым. Он спросил меня относительно действий. Я сказал — кое-какое вредительство проводим. [, но недостаточное.] Он сказал, что этого совершенно недостаточно, надо развертывать, надо действовать, время нельзя упустить. [Он об этом сам сказал. Вот все, что я знаю по этим вопросам.]

---

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила)

Третья встреча была связана [с тем, о чем говорил Файзулла вчера — это с] *с вопросом о* связи с Англией, *о чем говорил вчера Файзулла.* Действительно, Файзулла Ходжаев в октябре [месяце] 1936 г. сообщил мне о том, что [Николай Иванович] Бухарин разговаривал с ним, что Бухарин очень оптимистически отнесся к капиталистической стабилизации европейских стран, [о накоплении сил,] в особенности фашистских государств. Он сказал, что надо ориентироваться на Англию. Поскольку вопрос был серьезный и крупный, я в конце ноября или в начале декабря 1936 г. спросил об этом Бухарина. Он ответил утвердительно.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин ответил утвердительно?

ИКРАМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А где он это сказал?

ИКРАМОВ. Это было во время Съезда Советов в ноябре [месяце] или в начале декабря [месяца] 1936 г.[196] Во время Съезда Советов я встретил Бухарина на лестнице, никого не было, и *его* спросил об этом. Он *утвердительно ответил*[I], причем он сформулировал таким образом: если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет — нашему делу капут. Могут всех нас переловить, а вопрос ускорения войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром. Пока она *не* решится в какую-нибудь сторону, не придет к чему-нибудь, до тех пор войны не будет. А сейчас в этой войне, которая готовится, англичане до тех пор, пока им конкретно не будет ясно, где, что они возьмут, вопроса не поставят. [Тебе и] *И*звестно, говорит Бухарин, что англичане давно смотрят на Туркестан как на лакомый кусочек. [, они к этому давно стремятся.] Если будет такое предложение, тогда англичане, может быть, скоро перейдут [в] *на* сторону агрессора против Советского Союза. [Пока мы прошли в зал, у нас состоялся такой короткий разговор.]

Вот почему я поверил, когда мне Файзулла Ходжаев сообщил *об ориентации на Англию.* В Узбекистане народ ненавидит империалистов, в особенности, английских афганцев и индусов Индии. Они раньше приезжали, торговали у нас, потом были их представители, уезжали обратно через этот путь. Они знают, что в Индии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Икрамов, по внутренним делам чужих государств не занимайтесь вопросами. Давайте свои показания.

ИКРАМОВ. Народ Узбекистана восстанет против такого предложения, кто бы его ни сделал. Нас выгонят по шапке. Я был не такой, чтобы испугаться, но настроение народа меня запугивало. Я решил проверить, что Файзулла Ходжаев мне говорил в октябре месяце 1936 г.

*[Тогда о] *О*тносительно террора мне говорил Антипов. Я сказал: как же так, террористическую группу в Узбекистане вы поручили... Он говорит: это для проверки вашей готовности, а фактически здесь это будет совершено. Если кто хочет к вам доехать — едва ли доедет. Он хвалился: кого наметили убить правые, тот до Средней Азии не доедет. [, наши силы достаточно крепкие.]*[II]

ВЫШИНСКИЙ. Кто это говорил?

ИКРАМОВ. Антипов.

Я был связан с националистической контрреволюционной организацией такого же типа, как в Узбекистане, в Таджикии — через Рахимбаева. Правда, один только раз был у нас разговор, но я имел связь с Таджикской

I * * — инверсия — «*ответил утвердительно*».

II * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

контрреволюционной организацией через Рахимбаева. Если нужно, я могу рассказать подробно...

ВЫШИНСКИЙ. Следствие еще не закончено по тому делу, так что лучше подробностей не говорить[197].

ИКРАМОВ. Файзулла мне говорил, что он связался или связывается с Туркменской организацией. Я подробно у него не спрашивал.

Теперь разрешите сказать, что сделала наша националистическая контрреволюционная организация в осуществлении своего плана, своей программы. [Когда] *После того, как* Бухарин упрекнул меня *в недостаточной активности,* [после этого] я [один раз] сам совершил непосредственно вредительский акт. В 1935 г. мы — я, Любимов и Файзулла Ходжаев совместно дали директиву за подписью Любимова и Икрамова (подписи Файзуллы, кажется, не было): принять хлопок повышенной влажности против установленного правительством Союза стандарта, в результате чего 14 тыс. тонн хлопка пропало, из них 2.600 тонн пошло на ватную фабрику, а остальное количество — на низкие сорта. [Было] *Убытки составили* несколько миллионов рублей. [убытка.]

ВЫШИНСКИЙ. Это сознательно было вами сделано?

ИКРАМОВ. Конечно. Если бы это были случайные вещи, я бы о них здесь не говорил. По каракулю было вредительство. Мы не сами его непосредственно сделали, но через членов нашей организации, — было снижение сортности. За 1936 г. *ввиду неправильного ухода* была снижена сортность на 27 %. [ввиду неправильного ухода.] В 1937 г. была массовая порча каракулевых шкурок при пардозе — при переработке каракулевых шкурок произошло массовое сгорание. Это тоже было сделано членами нашей организации (там работал Сата Ходжаев).

Было *осуществлено* вредительство [по] *и в* коммунальном[у] хозяйстве[у в] Ташкента[е] и Бухары.[е.] В [т]Ташкенте действовал член нашей организации Таджиев — [по] *он вредил в области* планирования[ю], [по] канализации, [по] строительства.[у.]

Вот факт вредительства [по] *в области* строительства.[у.] Ташкент делится на две части: старый город и новый город. [Причем старый город — это очень старинная часть города. К] *В старинной части* канализации [там] нет, огромные *пространства занимают* земли, [занимает, так называемый, культурный пласт, культурные земли,] на которых нельзя строить дома. Кроме того, имеется много поглощающих ям. Новое здание Наркомпочтеля начали строить, причем ввиду наличия девятнадцати поглощающих ям надо было начинать закладывать фундамент с 30—40 метров.

В коммунальном хозяйстве Бухары также проводилось вредительство. Разрушали город, распродавали дома. Жителям предлагали платить непосильные налоги, они *дома оставляли*[1], [а их распродавали.] *которые подвергались распродаже.*

Сознательно распыляли, размазывали средства, отпущенные правительством Союза на районное строительство. Незаконченное строительство к 1937 г. выражается в сумме 34 миллиона рублей.

ВЫШИНСКИЙ. Все из-за размазывания [?] *средств?*

ИКРАМОВ. Да. Это дело рук Каримова и Файзуллы Ходжаева.

ВЫШИНСКИЙ. А ваших?

ИКРАМОВ. Я непосредственного участия не принимал, но само собой понятно, что должен нести не меньшую ответственность.

---

[1] * * — инверсия — «*оставляли дома*».

ВЫШИНСКИЙ. С вашего ведома делалось?

ИКРАМОВ. Конечно. И если бы я хотел, я мог раскрыть. Такое же крупное [дело] *вредительство,* на которое мы закрывали глаза, имело место по линии строительства Наркомлегпрома [по] *на* хлопкозавод*ах*[ам] и шелковы*х*[ым] фабрика*х*.[м.] Цифры я сейчас не помню, *огромные средства вложены в строительство, переходящее из года в год.* Кажется, строительство Наркомлегпрома по шелковой промышленности было запроектировано на 300 миллионов рублей. Из них 80 миллионов вложено в строительство, а остальное из года в год идет как переходящее строительство. [Например, в] *В* Намангане начали строить шелкомотальную фабрику. Полтора—два миллиона израсходовали, а в середине года говорят, что нужно консервировать. Я очень удивился, т.к. не знал техники этого дела. Говорят, что для консервации потребуется полмиллиона рублей, и, действительно, Наркомлегпром отпустил для консервации полмиллиона рублей.

На строительство хлопкоочистительного завода в Бухаре затрачено 5 миллионов рублей. Завод готов, но не может работать, хотя и машины привезены. Почему? Потому что нет прессов.

ВЫШИНСКИЙ. Сколько стоит пресс?

ИКРАМОВ. Наверное, 100—200 тысяч. Даже дома построены для рабочих и служащих, а завод стоит и используется сейчас под амбар.

ВЫШИНСКИЙ. Кто отвечает за это?

ИКРАМОВ. За это отвечает [тот, кто организовал], в частности, Наркомлегпром. Но и я, как человек закрывавший на это глаза, конечно, тоже отвечаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы прикрывали это?

ИКРАМОВ. Конечно. [, поскольку закрывал глаза, и] *Я* делал вид, что не вижу.

Такие же на самые деле по хлопковым амбарам. Это относительно вредительства. Теперь относительно повстанчества. Файзулла в своем показании об этом говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы сделали для организации повстанческих отрядов?

ИКРАМОВ. Мы дали им такую директиву. Что конкретно сделано, мне неизвестно. Но Ба[к]*л*табаев говорил, что Алмазов заявлял ему, что он уже приступил к этому делу *в Маргеланском районе,* что у него уже кое-какие кадры есть.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, готовили эти кадры?

ИКРАМОВ. [Да.] Потом, кажется, Файзулла мне говорил, что в Бухаре тоже [как будто] готовится это дело. Вот относительно [всех] мои[х] преступления[ий] перед советской властью. Если можно *подытожить, я* сформулиру*ю*[овать, я сформулирую.] *мои преступления.* [Прежде всего, э] *Э*то [есть] измена социалистической родине, измена советскому народу, в первую очередь, узбекскому народу, который меня вскормил, взрастил. [Измена этому народу. Вот я так формулирую все мои преступления.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ.* (К Вышинскому.) [Нет вопросов?] *У вас есть вопросы к подсудимому Икрамову?*

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляю перерыв на полчаса.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.

(Обращаясь к Вышинскому.) У вас есть вопросы к подсудимому Икрамову?

ВЫШИНСКИЙ. *(К Председательствующему.)* [Нет.] У меня есть вопрос к подсудимому Бессонову.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ.* Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Я хотел бы, подсудимый Бессонов, чтобы вы *уточнили, несколько*[1] [детализировали тот] *один* факт [, о котором вы говорили вчера,] относительно свидания с *эсером* Масловым. Вы говорили в первый день *процесса*, [в день вашего допроса о том,] что получили от Пятакова задание связаться с эсерами.

БЕССОНОВ. Да, я об этом говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы это осуществили через кого?

БЕССОНОВ. Речь идет [не] о связи [с эсерами, а о связи] с Трудовой крестьянской партией.

ВЫШИНСКИЙ. Эсеровской?

БЕССОНОВ. Базой которой являлись остатки бывшей эсеровской партии[198].

ВЫШИНСКИЙ. Значит, речь шла о связи с Трудовой крестьянской партией, состоявшей из остатков бывшей эсеровской партии?

БЕССОНОВ. Да, правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте.

БЕССОНОВ. Осенью 1934 г., во время моего очередного свидания с Пятаковым, [Пятаков] *он* впервые коснулся моего эсеровского прошлого, в особенности, внимательно расспрашивал меня о Вологодском периоде моей работы. Я дал ему подробную характеристику деятелей эсеровской партии по Северной группе[199], в том числе характеристику Сергея Семеновича Маслова, являвшегося в прошлом и являющегося в настоящее время руководителем Трудовой крестьянской партии, которую он основал, будучи в эмиграции за границей[200]. Я спросил Пятакова, для какой цели он интересуется моим эсеровским прошлым. Пятаков сказал, что у него на этот счет имеются соображения, навеянные отчасти разговорами с правыми и отчасти возникшие у него самостоятельно. Действительно, перед моим отъездом в Берлин, примерно через месяц после этого разговора, Пятаков попросил меня повидаться с Масловым, аргументируя необходимость этого свидания следующим образом. Во-первых, у него имеется [характеристика] *указания,* идущи*е*[ая] из право-троцкистского блока [по вопросу о том], что Трудовая крестьянская партия располагает довольно значительными кадрами деревенской интеллигенции, главным образом, среди кооператоров и агрономов. По своим программным и тактическим установкам она представляет из себя организацию, с которой легко можно и нужно установить контакт. Так как я хорошо знаю Маслова по прошлой работе, когда еще был в эсеровской партии, и т.к. я живу постоянно за границей, то ему представлялось, что я являюсь подходящей кандидатурой, чтобы произвести [предварительный] зондаж относительно соглашения с Трудовой крестьянской партией.

ВЫШИНСКИЙ. Соглашения Трудовой крестьянской партии с кем?

БЕССОНОВ. Пятаков говорил от своего имени, [но и] *т.е.* от имени *троцкистов и от имени* блока. Как я уже упоминал, мысль о соглашении родилась у него отчасти самостоятельно, отчасти под влиянием разговоров с правыми.

ВЫШИНСКИЙ. Не помните ли, с кем он вел эти разговоры?

БЕССОНОВ. Никаких фамилий он не называл.

ВЫШИНСКИЙ. А имелся в виду?

---

[1] * * — инверсия — *«вы несколько уточнили»*.

БЕССОНОВ. Я думаю, что кто-нибудь из работников *Наркомата* земледелия, потому что в ходе дальнейших переговоров с Масловым выяснилось участие работников из Комиссариата земледелия.

Несколько позже, после свидания с Масловым, я получил задание связать Маслова с работниками, бывшими в Чехословакии.

ВЫШИНСКИЙ. У вас это свидание с Масловым состоялось?

БЕССОНОВ. Состоялось, но не в 1931 г., а в 1935 г. летом.

ВЫШИНСКИЙ. Где состоялось?

БЕССОНОВ. В Праге.

ВЫШИНСКИЙ. А почему в Праге?

БЕССОНОВ. Маслов живет постоянно в Праге.

ВЫШИНСКИЙ. С какого времени он там живет?

БЕССОНОВ. [Я думаю, что] *По моим данным* он живет в Праге с 1922 г. или с конца 1921 г.

ВЫШИНСКИЙ. После Октябрьской революции он вскоре переселился в Прагу?

БЕССОНОВ. Я не могу точно сказать, но, мне кажется, что Маслов эмигрировал из Советского Союза в 1921 г.

ВЫШИНСКИЙ. Словом, он по вашим данным уже долгое время проживал в Праге?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Чем он там занимался?

БЕССОНОВ. Он издавал там журналы и газеты[201].

ВЫШИНСКИЙ. А на какие средства?

БЕССОНОВ. Это выяснилось в разговоре с ним...

ВЫШИНСКИЙ. На какие средства он издавал газеты и журналы?

БЕССОНОВ. В начале разговора выяснилось, меня тоже занимал этот вопрос, чем он располагает.

ВЫШИНСКИЙ. Или на какие средства он существует?

БЕССОНОВ. Материальные возможности у него хорошие. Он располагает на своих старых людей. Когда я спросил, то на эту сторону дела Маслов [ответил] *говорил,* что он получает средства от Трудовой крестьянской партии. Родилась эта партия в 1921 г.[I 202]

ВЫШИНСКИЙ. Меня не интересует, как она рождалась, какие у нее идеи, а на какие средства она жила?

БЕССОНОВ. Вы хотите, чтобы я ответил, на какие средства?

ВЫШИНСКИЙ. Да, если вам известно.

БЕССОНОВ. Он сказал, что подобно тому, как вы. Я обращался от имени Пятакова.

ВЫШИНСКИЙ. Кто это вы?

БЕССОНОВ. Вы — это троцкисты. Он сказал, что если вы не гнушаетесь получать средства для своей работы, то еще в меньшей степени это можно ожидать от Маслова. Он откровенно сказал, что у него имеются источники финансирования из польских, румынских и югославских кругов.

ВЫШИНСКИЙ. То есть, попросту говоря, как это переложить на язык действительных отношений?

БЕССОНОВ. В каждой из этих стран существует довольно большая прослойка правящего класса, который заинтересован как в деятельности Трудовой крестьянской партии, так и в деятельности право-троцкистского блока.

[I] Наверху на полях помета (красный карандаш). Неразборчиво.

ВЫШИНСКИЙ. То есть, иначе говоря, они находились *у них* на содержании?

БЕССОНОВ. У этих кругов.

ВЫШИНСКИЙ. У этих реакционных, буржуазных кругов?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А не были ли [они] *[они] эсеры* связаны с [какими-либо еще реакционными органами?] *с разведками?*

БЕССОНОВ. [Всякие реакционные круги состоят из специальных органов.]

В начале разговора с Масловым выяснилось, что они имеют связь и с организацией [«Хинляйн»] *«Тенлейна»*.

ВЫШИНСКИЙ. Что это за организация?

БЕССОНОВ. Организация [«Хинляйн»] *«Тенлейна»* настолько общеизвестна...

ВЫШИНСКИЙ. Все же расскажите о ней.

БЕССОНОВ. Это есть организация, которая ставит перед собой задачу [, при отторжении Богемии от Чехословакии,] присоединить к Германии [Чехословакию] *Богемию*. Это организация, [которая финансируется] *которая* и по форме, и по содержанию является фашистской организацией.

ВЫШИНСКИЙ. Маслов издавал свои газеты и журналы, и в то же время сам существовал, [находился] *и его организация находилась* на содержании реакционных кругов буржуазии: Польши, Румынии, Болгарии?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме того, он связан с другими организациями?

БЕССОНОВ. Он связан с организацией [«Хинляйн»] *«Тенлейна»*.

ВЫШИНСКИЙ. [Которая является?] *Что это за организация? Чем она является?*

БЕССОНОВ. Агентурой немецкого фашизма в Чехословакии.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, он связан с немецкой разведкой?

БЕССОНОВ. Я в этих вопросах привык к точности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Будьте добры, говорите громче.

БЕССОНОВ. Это организация фашистских агентов, которая руководствуется иностранным отделом национал-социалистической партии, которая имеет свой центр в Мюнхене и которая является одной из организаций германского фашизма по развертыванию агрессии, но которую, в точном смысле, разведкой называть нельзя.

ВЫШИНСКИЙ. Имеет свои специальные задачи и работает в общем плане с разведкой.

БЕССОНОВ. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Что у вас был за разговор с Масловым?

БЕССОНОВ. Я изложил ему сущность того поручения, которое мне дал Пятаков. Маслов после того, как дал мне довольно подробную характеристику того, чем Трудовая крестьянская партия располагает, по его мнению или по его характеристике, в Советском Союзе, о чем я дал подробные сведения на предварительном следствии, не знаю, нужно ли об этом говорить здесь, он указал на три условия, на которых он согласен предоставить свою организацию под общее руководство право-троцкистского блока. В [состав] эти[х] условия[й], очень неоднородные[х] входило и соглашение [или договоренность] по некоторым программным вопросам. Он имел в виду, прежде всего, деревенский вопрос и национальный вопрос, но подчеркивал, что это не имеет существенного значения. Центральное[ым пунктом] его условие[й было, собственно говоря, просьба о деньгах,] — немедленное предоставле-

ние ему известной суммы денег со стороны право-троцкистского блока как в иностранной, так и в советской валюте. И затем предоставление *для работы Трудовой крестьянской партии* легальных возможностей, которыми располагал блок. [для работы Трудовой крестьянской партии.] В обмен на эти условия он считал возможным дать директиву своей организации в Советском Союзе, [контактировать и не только контактировать, но и] соподчинить работу [по всем направлениям] Трудовой крестьянской партии *по всем направлениям* право-троцкистскому блоку. Я, конечно, ответа ему на эти вопросы дать не мог. Но в течение 1935 г. я связал Маслова с представителем Троцкого, который с ним по этому пункту и договорился.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, Маслов в беседе с вами высказал желание связаться с Троцким?

БЕССОНОВ. Он говорил, что он пытался установить контакт с Троцким через одного чешского троцкиста.

ВЫШИНСКИЙ. А он не говорил, по чьей инициативе, у кого возникло это желание установить свидание с Троцким? Он не ссылался на «[Х]*Т*енлейн»?

БЕССОНОВ. [Он г] *Г*оворил. [о «[Х]*Т*енлейне».] Я указывал на это на предварительном следствии. Так и было. Его ссылка на «[Х]*Т*енлейн» была. Он говорил, что в последнее время подготовлялось слияние с организацией «[Х]*Т*енлейн*а*», [с мотивировкой,] что в ближайшее время предстоит объединение всех оппозиционных группировок, работающих в Советском Союзе и контактирующих свою деятельность с соответствующими органами фашистской Германии.

ВЫШИНСКИЙ. То есть всех фашистских группировок.

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Как он рассматривал эту возможность связи с Троцким?

БЕССОНОВ. Эта связь была установлена мною.

ВЫШИНСКИЙ. То есть ваше поручение, которое вы имели относительно того, чтобы установить связь Маслова с Троцким, вы выполнили, и в результате было создано соглашение. Это соглашение произошло на тех нескольких условиях, о которых вы говорите.

БЕССОНОВ. Эти условия входят составной частью. Что касается организационной стороны, то вот эти два условия: во-первых, предоставление Трудовой крестьянской партии известной суммы денег со стороны право-троцкистского блока в иностранной и советской валюте и предоставление право-троцкистским блоком ему, Маслову, и, стало быть, Трудовой крестьянской партии тех легальных возможностей, которыми право-троцкистский блок располагает в силу официального положения своих членов. Входила ли в это соглашение, считавшаяся самим Масловым недостаточно существенной, договоренность по программным вопросам, не могу сказать, но считаю, действительно, этот вопрос не имевшим никакого серьезного значения при переговорах, что подчеркивал сам Маслов.

ВЫШИНСКИЙ. Касались ли вы в разговоре с Масловым в какой-нибудь мере или степени Бухарина и Рыкова?

БЕССОНОВ. Маслов сказал, что он очень хорошо ориентирован [о] *в* развитии [внутрипартийной борьбы в Советском Союзе и о развитии оппозиционных] *антисоветских* группировок внутри Советского Союза, и что он ориентирован как по информациям своих заграничных друзей, как он выразился, так и по информациям получа*емой*[ющийся] им непосредственно от своих ячеек в Советском Союзе.

Кроме того, он сказал, что он предпринимал шаги к установлению контакта [известного] с некоторыми правыми. Он упоминал в этой связи фамилию *наркомземовского работника* Муралова, с которым установил связь посредством какого-то кооператора, фамилию которого сейчас не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, он был в курсе антисоветской деятельности Бухарина и Рыкова?

БЕССОНОВ. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. И сам имел связь *с правыми?*

БЕССОНОВ. Он характеризовал эту связь как шаг к установлению прочной организационной связи [.] *с правыми.*

ВЫШИНСКИЙ. Была организационная связь, которая впоследствии благодаря его шагам превратилась в прочную организационную связь?

БЕССОНОВ. Да, в 1935 г.

ВЫШИНСКИЙ. Еще что можете сказать, кроме того, что говорили?

БЕССОНОВ. Разве только о том, чем располагала Трудовая крестьянская партия.

ВЫШИНСКИЙ. Это больше интересует следствие по делу Трудовой крестьянской партии[203], чем по настоящему делу. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Переходим к допросу подсудимого Бухарина.

БУХАРИН. Я имею ходатайство к суду по следующим двум пунктам: во-первых, предоставить мне возможность свободного изложения перед судом, и, во-вторых, разрешить мне в начале моего изложения остановиться более или менее, насколько это позволяет время, на анализе идейно-политических установок преступного право-троцкистского блока по следующим мотивам: во-первых, потому что об этом говорили сравнительно мало, во-вторых, это имеет известный общественный интерес, и, в-третьих, — гражданин общественный обвинитель этот вопрос задавал на предыдущем, если не ошибаюсь, заседании.

ВЫШИНСКИЙ. Если обвиняемый Бухарин предполагает ограничить как-либо право государственного обвинителя задавать вопросы в процессе его объяснений, то, я думаю, что т. Председателю надлежит разъяснить Бухарину, что это основано на законе. Поэтому я прошу отклонить это ходатайство, как это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом.

*БУХАРИН. Я не так понимал свое ходатайство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Первый вопрос к подсудимому Бухарину: подтверждаете ли вы ваше показание *на предварительном следствии* об антисоветской деятельности?

БУХАРИН. Я свое показание подтверждаю полностью и целиком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Что вы желаете сказать об антисоветской деятельности? А т. Прокурор имеет право задавать вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте начать допрос обвиняемого Бухарина. Сформулируйте коротко, в чем именно вы признаете себя виновным.

БУХАРИН. Во-первых, в принадлежности к контрреволюционному право-троцкистскому блоку.

ВЫШИНСКИЙ. С какого года?

БУХАРИН. С момента образования блока. [Я е] *Е*ще до этого *я* признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации правых.

ВЫШИНСКИЙ. С какого года?*[1]

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

БУХАРИН. Примерно с 1928 г. Я признаю себя виновным в том, что я был одним из крупнейших лидеров этого право-троцкистского блока. Я признаю себя, следовательно, виновным в том, что вытекает непосредственно отсюда, виновным за всю совокупность преступлений, совершенных этой контрреволюционной организацией, независимо от того, знал ли я или не знал, принимал или не принимал прямое участие в том или ином акте, потому что я отвечаю как один из лидеров, а не стрелочник этой контрреволюционной организации.

ВЫШИНСКИЙ. Какие цели преследовала эта контрреволюционная организация?

БУХАРИН. Эта контрреволюционная организация, если сформулировать коротко...

ВЫШИНСКИЙ. Да, пока коротко.

БУХАРИН. Она преследовала, по существу говоря, хотя, так сказать, может быть, недостаточно сознавала и не ставила все точки над «и» своей основной целью реставрацию капиталистических отношений в СССР.

ВЫШИНСКИЙ. Свержение советской власти?

БУХАРИН. Свержение советской власти — это было средством для реализации этой цели.

ВЫШИНСКИЙ. [Путем?][1] *[При помощи?]*

БУХАРИН. Как известно...

ВЫШИНСКИЙ. Путем насильственного ниспровержения?

БУХАРИН. Да, путем насильственного ниспровержения этой власти.

ВЫШИНСКИЙ. При помощи?

БУХАРИН. При помощи использования всех трудностей, которые встречаются на пути советской власти, в частности, при помощи использования войны, которая прогностически стояла в перспективе.

*ВЫШИНСКИЙ. Которая стояла прогностически в перспективе при чьей помощи?

БУХАРИН. Со стороны иностранных государств.*[II]

ВЫШИНСКИЙ. На условиях?

БУХАРИН. На условиях, если говорить конкретно, целого ряда уступок.

ВЫШИНСКИЙ. Вплоть до...

БУХАРИН. Вплоть до территориальных уступок.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е.?

БУХАРИН. Если ставить все точки на «и», — на условиях расчленения СССР.

ВЫШИНСКИЙ. Отторжения от СССР целых областей и республик?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Например?

БУХАРИН. Украины, Приморья, Белоруссии.

ВЫШИНСКИЙ. В пользу?

БУХАРИН. В пользу соответствующих государств, которые географически и политически...

*ВЫШИНСКИЙ. Именно?

БУХАРИН. В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти — Англии.

ВЫШИНСКИЙ. Так о чем было соглашение с соответствующими кругами? Мне известно одно соглашение, которое существовало у блока.

---

[1] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

БУХАРИН. Да, у блока существовало соглашение.

ВЫШИНСКИЙ. А также путем ослабления обороноспособности?

БУХАРИН. Видите ли, этот вопрос не обсуждался, по крайней мере, в моем присутствии.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. [Хорошо. К] *А как* насчет вредительства дело обстояло?

БУХАРИН. С вредительством дело обстояло так, что, в конце концов, в особенности под нажимом троцкистской части, так называемого контактного центра, который возник примерно в 1933 г., несмотря на целый ряд внутренних разногласий и манипулярную политическую механику, что не представляет интереса для следствия, после различных перипетий, споров и прочего, была принята ориентация на вредительство.

ВЫШИНСКИЙ. Это ослабляло обороноспособность нашей страны?

БУХАРИН. Разумеется.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, была ориентация на ослабление, на подрыв обороноспособности?

БУХАРИН. Этого не было формально, но, по сути дела, это так.

ВЫШИНСКИЙ. Но действия и деятельность в этом направлении были ясны?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. О диверсионных актах вы то же самое можете сказать?

БУХАРИН. О диверсионных актах, в силу разделения труда и определенных своих функций, которые вам известны, я, главным образом, занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни [моих знаний] *моей осведомленности* относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов. [, но и в блок этот не входил.]

ВЫШИНСКИЙ. Я понимаю, что у вас было разделение труда.

БУХАРИН. Но я, гражданин Прокурор, говорю, что я несу ответственность за блок.

ВЫШИНСКИЙ. Но блок, во главе которого вы стояли, ставил задачей организацию диверсионных актов?

БУХАРИН. Насколько я могу судить по отдельным различным, всплывающим у меня в памяти вещам, это [, как говорят немцы,] *в зависимости* от конкретной обстановки и конкретных условий.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы видите из процесса, обстановка была достаточно конкретной. Вы с Ходжаевым разговаривали о том, что мало вредят, что плохо вредят?

БУХАРИН. Насчет того, чтобы форсировать вредительство, разговоров не было.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте спросить подсудимого Ходжаева.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Ходжаев, был у вас разговор с Бухариным о том, чтобы форсировать вредительство?

ХОДЖАЕВ. В августе 1936 г. у меня на даче, когда я разговаривал с Бухариным, он указывал на то, что вредительская работа слабо поставлена в нашей националистической организации.

ВЫШИНСКИЙ. И что же нужно сделать?

ХОДЖАЕВ. Усилить, и не только усилить вредительство, но надо перейти к организации повстанчества, террора и т.п.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Бухарин, правильно говорит Ходжаев?

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

БУХАРИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. [По линии повстанчества у] *У* вас ставилась задача организовать повстанческое движение?

БУХАРИН. Повстанческая ориентация была.

ВЫШИНСКИЙ. Ориентация была? Вы на Северный Кавказ посылали Слепкова для организации этого дела. [Вы в Бийск п] *По*сылали *вы в Бийск* [Яковенко][1] для той же цели?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А это не есть то, что говорит Ходжаев применительно к Средней Азии?

БУХАРИН. Я думал, что когда вы спрашиваете о Средней Азии, то речь должна идти в моем ответе только о Средней Азии.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы отрицаете этот факт для Средней Азии, но не установку блока, а я вас спрашивал об установке блока.

БУХАРИН. А я вам указал, что этот вопрос решался от случая к случаю, в зависимости от географических, политических и других условий.

ВЫШИНСКИЙ. Вы отрицаете показания Ходжаева? Я пригласил сейчас Ходжаева свидетельствовать против вас, потому что мне важно иллюстрировать факт, что ваш право-троцкистский блок давал задания, как вы говорите, от случая к случаю, в зависимости от обстановки, на организацию повстанческого, диверсионного, вредительского движения. Вы с этим согласны?

БУХАРИН. Я с этим согласен. Но только я должен уточнить, чтобы не вышло путаницы. Те восстания, о которых вы говорили, были в 1930 г., а право-троцкистский блок был организован, как вам известно, гражданин Прокурор, в 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Но его тактика ничем не отличалась от тактики вашего правого центра. Вы с этим согласны?

БУХАРИН. Согласен.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, организация повстанческого движения имела место и в деятельности право-троцкистского блока?

БУХАРИН. Имела место.

ВЫШИНСКИЙ. И за это вы несете ответственность?

БУХАРИН. Я уже сказал, что я за всю совокупность действий отвечаю.

ВЫШИНСКИЙ. Установка на организацию террористических актов, на убийство руководителей партии и советского правительства у блока была?

БУХАРИН. Она была, и, я думаю, что эту организацию следует датировать примерно 1932 г., осенью.

ВЫШИНСКИЙ. А ваше отношение к убийству Сергея Мироновича Кирова[204]? Это убийство было совершено также с ведома и по указаниям право-троцкистского блока?

БУХАРИН. Это мне не было известно.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю: с ведома и по указаниям право-троцкистского блока совершено было это убийство?

БУХАРИН. А я повторяю, что это мне неизвестно, гражданин Прокурор.

ВЫШИНСКИЙ. Специально по убийству С.М. Кирова вам это не было известно?

БУХАРИН. Не специально, а...

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемого Рыкова разрешите спросить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

---

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, что вам известно по поводу убийства Сергея Мироновича Кирова?

РЫКОВ. Я ни о каком участии правых и правой части блока в убийстве Кирова не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вообще, подготовка террористических актов, убийства членов партии и правительства — об этом вам известно?[1]

РЫКОВ. Я, как один из руководителей правой части этого блока, участвовал в организации целого ряда террористических групп и в подготовке террористических актов. Как я сказал в своих показаниях, я не знаю ни одного решения правого центра, через который я имел отношение к право-троцкистскому блоку, о фактическом выполнении убийств...

ВЫШИНСКИЙ. О фактическом выполнении. Так. Известно ли вам, что право-троцкистский блок ставил одной из своих задач организацию и совершение террористических актов против руководителей партии и правительства?

РЫКОВ. Я сказал больше того, что я лично организовывал террористические группы, а вы меня спрашиваете, знал ли я через какое-то третье лицо об этих задачах.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, имел ли право-троцкистский блок отношение к убийству т. Кирова?

РЫКОВ. В отношении правой части к этому убийству у меня никаких сведений нет, и поэтому я до настоящего времени убежден, что убийство Кирова произведено троцкистами, без ведома правых. Конечно, я об этом мог и не знать.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были связаны с Енукидзе?

РЫКОВ. С Енукидзе? Очень мало.

ВЫШИНСКИЙ. Он был участником право-троцкистского блока?

РЫКОВ. Был [, приблизительно,] с 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Он представлял в этом блоке какую часть, троцкистскую или правую, к какой он тяготел?

РЫКОВ. Должно быть, представлял правую.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо, садитесь, пожалуйста. Позвольте обвиняемого Ягоду спросить. [Обвиняемый] *Подсудимый* Ягода, известно ли вам, что Енукидзе, о котором говорил сейчас обвиняемый Рыков, представлял правую часть блока и имел непосредственное отношение к организации убийства Сергея Мироновича Кирова?

ЯГОДА. И Рыков и Бухарин говорят неправду. Рыков *и Енукидзе* участвовали [в] *на* заседании *центра*, где обсуждался [этот] вопрос [.] *об убийстве С.М. Кирова.*

ВЫШИНСКИЙ. Имели ли к этому отношение правые?

ЯГОДА. Прямое, т.к. блок право-троцкистский.

ВЫШИНСКИЙ. Имели ли к этому убийству отношение, в частности, [обвиняемые] *подсудимые* Рыков и Бухарин?

ЯГОДА. Прямое.

ВЫШИНСКИЙ. Имели ли к этому убийству отношение вы как член право-троцкистского блока?

ЯГОДА. Имел.

ВЫШИНСКИЙ. *Правду ли* [Г] *г*оворят [ли] сейчас Бухарин и Рыков, что они об этом не знали*?* [правду?]

---

[1] Подчеркнуто горизонтальной линией, рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).

ЯГОДА. Этого не может быть, потому что когда Енукидзе передал мне, что они, т.е. право-троцкистский блок решил на совместном заседании вопрос о совершении террористического акта над Кировым, я категорически возражал...

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ЯГОДА. ...[и заявил ,что я] *Я заявил, что я* никаких террористических актов не допущу. Я считал это совершенно ненужным.

ВЫШИНСКИЙ. И опасным для организации?

ЯГОДА. [Да, к] *К*онечно.

ВЫШИНСКИЙ. Тем не менее?

ЯГОДА. Тем не менее, Енукидзе подтвердил...

ВЫШИНСКИЙ. Что?

ЯГОДА. Что они на этом заседании...

ВЫШИНСКИЙ. Кто они?

ЯГОДА. Рыков и Енукидзе *сначала* категорически возражали...

ВЫШИНСКИЙ. Против чего?

ЯГОДА. Против совершения террористического акта, но под давлением остальной части право-троцкистского блока...

ВЫШИНСКИЙ. Преимущественно троцкистской?

ЯГОДА. Да, под давлением [этой] *остальной* части *право-троцкистского* блока [Рыков и Енукидзе] дали согласие. Так мне говорил Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично после этого приняли какие-нибудь меры, чтобы убийство Сергея Мироновича Кирова осуществилось?

ЯГОДА. Я лично?

ВЫШИНСКИЙ. Да, как член блока.

ЯГОДА. Я дал распоряжение...

ВЫШИНСКИЙ. Кому?

ЯГОДА. В Ленинград Запорожцу. Это было немного не так.

ВЫШИНСКИЙ. Об этом будем после говорить. Сейчас мне нужно выяснить участие Рыкова и Бухарина в этом злодействе.

ЯГОДА. Я дал распоряжение Запорожцу. Когда был задержан Николаев...

ВЫШИНСКИЙ. Первый раз?

ЯГОДА. Да. [Он] *Запорожец* приехал и доложил мне, что задержан человек...

ВЫШИНСКИЙ. У которого в портфеле?

ЯГОДА. Были револьвер и дневник. И он его освободил[205].

ВЫШИНСКИЙ. А вы это одобрили?

ЯГОДА. Я принял это к сведению.

ВЫШИНСКИЙ. А вы дали потом указания не чинить *препятствий* к тому, чтобы Сергей Миронович Киров был убит?

ЯГОДА. Да, дал... Не так.

ВЫШИНСКИЙ. В несколько иной редакции?

ЯГОДА. Это было не так, но это неважно.

ВЫШИНСКИЙ. Указание дали?

ЯГОДА. Я подтвердил.

ВЫШИНСКИЙ. Подтвердили. Садитесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Вышинскому). Еще вопросы есть?

ВЫШИНСКИЙ. К Бухарину еще один вопрос. Ваше отношение к террору положительное или отрицательное, к террору против советских деятелей?

БУХАРИН. Я понимаю. У меня по этому поводу в первый раз постановка вопроса относительно террора возникла при разговоре с Пятаковым,

причем я знал, что Троцкий настаивает на террористической тактике. Я тогда возражал.

ВЫШИНСКИЙ. Это когда было дело?

БУХАРИН. Но, в конце концов, с Пятаковым был найден общий язык под формулой, что все рассосется, и, так или иначе, утрясутся разногласия, а потом я докладывал вам, гражданин государственный обвинитель...

ВЫШИНСКИЙ. Докладывали суду в моем присутствии...

БУХАРИН. Докладывал суду в вашем присутствии, что ориентация на террор пошла, по существу дела, фактически уже по Рютинской платформе[206].

ВЫШИНСКИЙ. Я понимаю. Я хочу знать, что ваше отношение к террору было положительное?

БУХАРИН. То есть вы что хотите сказать?

ВЫШИНСКИЙ. Что вы являлись сторонником того, чтобы убивать руководителей партии и правительства нашего.

БУХАРИН. Вы спрашиваете... Я, как участник право-троцкистского центра, был ли сторонником...

ВЫШИНСКИЙ. Террористических актов.

БУХАРИН. Был. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Против кого?

БУХАРИН. Против руководителей [страны] *партии* и правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Детали будете после рассказывать. Вы стали таким сторонником примерно с 1929—1930 гг.?

БУХАРИН. Нет, я думаю, что *с 1932 г. примерно*[1].

ВЫШИНСКИЙ. А в 1918 г. вы не были сторонником убийства руководителей нашей партии и правительства?

БУХАРИН. Нет, не был.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были сторонником ареста Ленина?

БУХАРИН. Ареста? Было два таких случая, из которых о первом я сказал самому Ленину, а о втором умолчал из конспиративных соображений, о чем могу дать, если вам будет угодно, более подробное разъяснение. Это было.

ВЫШИНСКИЙ. Это было?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А о том, [чтобы, в случае сопротивления,] *чтобы* убить Владимира Ильича?

БУХАРИН. [Об этом не только не было, наоборот, г] Говорилось в первый раз относительно задержания на 24 часа. Была такая формула[207], а во второй...

ВЫШИНСКИЙ. А если не сдается Владимир Ильич?

БУХАРИН. Но Владимир Ильич, как вам известно, не вступал в вооруженную борьбу, он не был бреттером.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы рассчитывали, что Владимир Ильич, когда вы придете его арестовывать, сопротивляться не будет?

БУХАРИН. Видите ли, я могу сослаться на другого человека. Когда «левые» эсеры арестовали Дзержинского, он тоже не оказал вооруженного сопротивления[208].

ВЫШИНСКИЙ. Это зависит каждый раз от конкретной обстановки. Значит, в данном случае вы не рассчитывали на сопротивление?

БУХАРИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А на арест т. Сталина в 1918 г. не рассчитывали?

БУХАРИН. Тогда было несколько разговоров относительно...

---

[1] * * — инверсия — «*примерно с 1932 г.*».

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю не о разговорах, а о плане ареста т. Сталина.

БУХАРИН. А я говорю, что если я не согласен с вашей характеристикой этого как плана, то разрешите мне и доказывать суду то, что было на самом деле. Тогда, можно сказать, плана у нас не было, а был разговор.

ВЫШИНСКИЙ. О чем?

БУХАРИН. Был разговор относительно составления опять-таки нового правительства «левых коммунистов».

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю: у вас был план ареста в 1918 г. т. Сталина?

БУХАРИН. Не т. Сталина, а был план ареста Ленина, Сталина и Свердлова.

ВЫШИНСКИЙ. Вот трех: Ленина, Сталина и Свердлова?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, не т. Сталина, а тт. Сталина, Ленина, Свердлова?

БУХАРИН. Так точно.

ВЫШИНСКИЙ. Был план ареста?

БУХАРИН. Я говорю: был не план, а разговоры по этому поводу.

ВЫШИНСКИЙ. А насчет убийства тт. Сталина, Ленина и Свердлова?

БУХАРИН. Ни в коем случае.

ВЫШИНСКИЙ. Я буду ходатайствовать [у] *перед* суд*ом*[а] вызвать сегодня к концу заседания или в следующее судебное заседание свидетелей по настоящему вопросу: [: это] — бывшую активную участницу группы «левых коммунистов» Яковлеву[а], бывшего активного участника так называемой группы «левых коммунистов» Осинского, Манцева и затем «левых» эсеров, членов ЦК «левых» эсеров Карелина и Камкова для того, чтобы их [спросить] *допросить* по вопросу о том, был *ли* и какой план ареста и убийства у Бухарина, [у][I] «левых коммунистов», которых он тогда возглавлял, вместе с «левыми» эсерами в отношении тт. Ленина, Сталина и Свердлова. Пока вопросов не имею.

БУХАРИН. Разрешите начинать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ. (После совещания с членами суда).* Суд определил удовлетворить ходатайство государственного обвинителя о вызове в качестве свидетелей Яковлевой, Осинского, Манцева, Карелина и Камкова... (окончание не уловлено)[II].

ВЫШИНСКИЙ. Это меня вполне удовлетворяет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вопросов к Бухарину у вас нет пока.

ВЫШИНСКИЙ. Пока нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я разъясняю подсудимому Бухарину, что он имеет не защитительную речь и не последнее слово.

БУХАРИН. Я это понимаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Поэтому, если вы желаете что-нибудь сказать о вашей преступной антисоветской деятельности, [то,] пожалуйста, вы имеете слово.

БУХАРИН. Я [могу] *хочу* остановиться на вопросе о реставрации капитализма? — *Разрешите.*

ВЫШИНСКИЙ. Конечно, это *же* [—] ваша основная специальность.

(Общий смех).

[I] Вероятно, восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто двумя горизонтальными линиями (синие чернила).

[II] Оставлено место для окончания предложения. В «Судебном отчете» (Ф. 17. Оп. 171 Д. 402. Л. 339) окончание предложения также отсутствует.

БУХАРИН. Я хотел бы вначале остановиться на идейных установках не в том смысле, чтобы отклонить ответственность за практическую преступную контрреволюционную деятельность. И я бы вовсе не хотел, чтобы у пролетарского суда сложилось именно такое мнение. [Но я] *Я* хочу ответить на тот вопрос, который гражданин [общественный] *государственный* обвинитель задал [в допросе] Раковскому [, в конце его допроса, когда он его спросил] — во имя чего право-троцкистский блок проводил такую преступную борьбу против советской власти. Я сознаю, что я не лектор и не должен здесь читать проповеди, а я — подсудимый, который должен нести ответственность как преступник, стоящий перед судом пролетарской страны. Но именно потому, что мне казалось, что этот процесс имеет общественное значение и этот вопрос чрезвычайно мало освещался, я думал, что полезно было бы остановиться на программе, которая нигде никогда не была записана, на практической программе право-троцкистского блока и раскрыть скобки одной формулы — что такое реставрация капитализма, так, как она реализовывалась и мыслилась в кругах право-троцкистского блока. Повторяю, что, когда я хочу остановиться на этой стороне дела, я отнюдь не хочу снять с себя ответственность за различные практические вещи, за свои контрреволюционные преступления. Но я хочу сказать, что я не был стрелочником контрреволюции, а одним из лидеров контрреволюции, и, как один из лидеров, играю и отвечаю в гораздо большей степени, несу гораздо большую ответственность, чем это относится к любому из стрелочников. Так что меня нельзя заподозрить, что я хочу улизнуть или отмахнуться от ответственности, хотя бы даже не был участником право-троцкистской организации. Суд и общественное мнение нашей страны, как и общественное мнение других стран, поскольку речь идет о прогрессивном человечестве, можно судить, как люди дошли до такой степени, как мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родины, как мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма, и какие, в конце концов, идеи, политические установки право-троцкистского блока. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Но во имя чего мы пошли на это дело? Мы превратились в повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть столь доблестное руководство Сталина, советскую власть, пролетариата.

Одним из весьма распространенных ответов, что нас заставило быть контрреволюционерами, заговорщиками, предателями, что нас привело к такому позору, к такому преступлению, в результате которых мы находимся на скамье подсудимых. Я уже не говорю, что такие вещи в общественной жизни не бывают, тут существует логика, логика борьбы сочетается с приемами борьбы, с установкой.

Мне на этих данных хотелось бы остановиться, хотя я убежден, что, по сути дела, такая терминология звучит довольно странно по отношению к столь преступной деятельности, но, тем не менее, мне кажется, что все-таки важно на этом остановиться.

Довольно много раз и разжевано десятки тысяч раз, что правый уклон, когда только зарождался и был в эмбриональном состоянии, с момента своего зарождения, ставил задачи реставрации капитализма. Об этом я не собираюсь говорить. Я хотел говорить о другой стороне дела, с точки зрения гораздо более важной, с объективной стороны этого дела, потому что здесь выступает проблема вменяемости и осуждения, с точки зрения преступлений, вскрывающихся на суде, тем более, что я являюсь одним из лидеров на скамье подсудимых. Нужно здесь исходить из исходного пункта.

Правые контрреволюционеры были как будто на первое время «уклоном», как будто на первый взгляд такие, которые начинались с недовольства в связи с коллективизацией, с недовольства в связи с индустриализацией, что, якобы, индустриализация губит производство. Это было, на первый взгляд, основное. Затем вышла рютинская платформа. Когда все государственные машины, все средства, все лучшие силы были брошены на индустриализацию страны, на коллективизацию, мы очутились, буквально в 24 часа, на другой стороне, мы очутились с кулаками, с контрреволюционерами, мы тогда очутились с капиталистическими остатками, которые тогда еще существовали в области товарооборота. Отсюда и вытекает основной смысл, оценка, с точки зрения субъективной, ясна.

Тут получился у нас очень интересный процесс, переоценка индивидуального хозяйства переползает в его идеализацию, в идеализацию собственника его. Такова была эволюция. В программе зажиточное крестьянское хозяйство индивидуала, а кулачок, по сути дела, превращается в самоцель. Над колхозами иронизируют. У нас, контрреволюционных заговорщиков, в то время все больше вылезала такая психология: колхозы — музыка будущего. Надо развивать богатых собственников. Такой громадный переворот произошел в установках и в психологии. В 1917 г. ни кому бы из членов партии, в том числе и мне, не пришло бы в голову жалеть каких-нибудь убиенных белогвардейцев, а в период ликвидации кулачества в 1929—1930 гг. мы жалели раскулаченных из так называемых гуманитарных соображений. Кому бы из нас пришло бы в голову вменять разруху в 1919 г. в области нашей экономики, вменять эту разруху большевикам, а не саботажу. Никому. Это просто звучало бы совершенно открыто как измена. А ведь уже в 1928 г. я сам дал формулу относительно военно-феодальной эксплуатации крестьянства, т.е. вменял издержки классовой борьбы не классу, враждебному по отношению к пролетариату, а именно руководству самого пролетариата[209]. Это же поворот уже на 180 градусов. Это, значит, здесь идейно-политические установки переросли в установки контрреволюционные. Кулацкое хозяйство и его интересы стали фактически программным пунктом. Логика борьбы привела к логике идей и к перемене нашей психологии, к контрреволюционизированию наших целей.

Промышленность возьмите. Сперва был у нас крик против переиндустриализации, чрезмерную бюджетную напряженность и т.д.[210] А, по сути дела, это было программное требование, был идеал кулацко-аграрной страны с индустриальным привеском. А психологически? А психологически мы в свое время проповедовали социалистический индустриализм, стали, с пожиманием плеч, с иронией, а потом и с озлоблением, в основном, смотреть на наши громадные гигантски растущие заводы, как на какие-то прожорливые чудовища, которые все пожирают, отнимают средства потребления от широких масс и что они представляют собой известную опасность[211]. Героические усилия рабочих-передовиков...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, вы же опять не поняли. Вы имеете не последнее слово сейчас. Вам было сказано: что вы желаете сказать в отношении вашей антисоветской контрреволюционной деятельности, а вы читаете лекцию. В последнем слове вы можете говорить, что угодно. Третий раз я разъясняю вам.

БУХАРИН. Тогда разрешите дать мне очень кратко...

ВЫШИНСКИЙ. Вы скажите, *подсудимый Бухарин,* как практически это облеклось у вас в антисоветскую деятельность?

БУХАРИН. Тогда позвольте мне перечислить некоторые программные пункты. И сейчас же я перейду к изложению моей контрреволюционной практической деятельности. Это можно, гражданин Председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Покороче, пожалуйста. Вы будете иметь возможность сказать речь в качестве собственного защитника.

БУХАРИН. Это у меня не моя защита, это у меня самообвинение. Я ни одного слова в свою защиту не сказал. [Я хотел сказать, что е] *Е*сли формулировать практически *мою* программную [мою] установку, то это будет в отношении экономики — государственный капитализм, хозяйственный мужик-индивидуал, сокращение колхозов, иностранные концессии, уступка монополии внешней торговли и, результат, — капитализация страны.

ВЫШИНСКИЙ. К чему сводились ваши цели? Какой общий прогноз вы давали?

БУХАРИН. Прогноз сводился к тому, что будет больший крен в сторону капитализма.

ВЫШИНСКИЙ. А оказалось?

БУХАРИН. А оказалось совсем другое.

ВЫШИНСКИЙ. А оказалась полная победа социализма.

БУХАРИН. Оказалась полная победа социализма.

ВЫШИНСКИЙ. И полный крах вашего прогноза.

БУХАРИН. И полный крах нашего прогноза. Внутри страны *наша* фактическая программа, — это нужно, мне кажется, сказать всеми словами, — это сползание к буржуазно-демократической свободе, [и свободе партии,] к коалиции, потому что из блока с меньшевиками, эсерами и прочими вытекает свобода партий *и* коалиций, а *вытекает совершенно логически* из блокировки для борьбы [коалиций вытекает совершенно логическая необходимость], потому что, если подбирать себе союзников для свержения правительства, то на второй день, в случае мысленной победы, они были бы соучастниками власти. Сползание *не только* на рельсы буржуазно-демократической свободы [и сползание не только на рельсы буржуазно-демократической свободы], но в политическом смысле на рельсы, где есть, несомненно, элементы цезаризма.

ВЫШИНСКИЙ. Говорите просто фашизма.

БУХАРИН. Если в кругах право-троцкистского блока была идейная ориентация на кулачество и в то же самое время ориентация на дворцовый и государственный переворот, на военный заговор, на преторианскую гвардию контрреволюционеров, то это и есть ничто иное, как элементы фашизма.

Если действуют в области экономики те моменты государственного капитализма, о которых я говорил...

ВЫШИНСКИЙ. Коротко говоря, вы скатились к прямому оголтелому фашизму.

БУХАРИН. Да, это правильно, хотя *мы* (в зале движение и смех) и не ставили всех точек над «и». Вот формулировка, характеризующая нас как заговорщиков, реставраторов капитализма, верная со всех точек зрения. И совершенно естественно это сопровождалось вырождением и перерождением всей идеологии, всей нашей практики и методики борьбы.

Теперь позвольте перейти сразу к изложению моей преступной деятельности.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, предварительно мне можно задать два-три вопроса биографического порядка?

БУХАРИН. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Вы в Австрии были?

БУХАРИН. Был.

ВЫШИНСКИЙ. Долго?[ие годы?]

БУХАРИН. 1912—1913 гг.

ВЫШИНСКИЙ. У вас связи с австрийской полицией не было?
БУХАРИН. Не было.
ВЫШИНСКИЙ. В Америке жили?
БУХАРИН. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Долго?
БУХАРИН. Долго.
ВЫШИНСКИЙ. Сколько месяцев?
БУХАРИН. Месяцев 7.
ВЫШИНСКИЙ. В Америке с полицией связаны не были?
БУХАРИН. Никак абсолютно.
ВЫШИНСКИЙ. Из Америки в Россию вы ехали через...
БУХАРИН. Через Японию.
ВЫШИНСКИЙ. Долго там пробыли?
БУХАРИН. Неделю.
ВЫШИНСКИЙ. За эту неделю вас не завербовали?
БУХАРИН. Если вам угодно задавать такие вопросы...
ВЫШИНСКИЙ. Я имею право на основании [УПК] *Уголовно-процессуального кодекса* задавать такие вопросы.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ.* Прокурор тем более имеет право задавать такой вопрос, потому что Бухарин обвиняется в попытке убийства руководителей партии еще в 1918 г., *в том, что вы еще в 1918 г. подняли руку на жизнь Владимира Ильича Ленина.*
ВЫШИНСКИЙ. Я не выхожу из рамок [УПК] *Уголовного кодекса.* Угодно — вы можете сказать «нет», а я могу спрашивать.
БУХАРИН. Совершенно правильно.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Согласие подсудимого не требуется.
ВЫШИНСКИЙ. [И н] *Н*икаких связей с полицией не завязывалось?
БУХАРИН. Абсолютно.
ВЫШИНСКИЙ. Как у Чернова в автобусе. Я вас спрашиваю о связях с каким-нибудь полицейским органом.
БУХАРИН. Никаких связей ни с какими полицейскими органами.
ВЫШИНСКИЙ. Тогда почему так легко вы пришли к блоку, который занимался шпионской работой?
БУХАРИН. Я относительно шпионской работы совершенно ничего не знаю.
ВЫШИНСКИЙ. Как не знаете?
БУХАРИН. Так.
ВЫШИНСКИЙ. А блок чем занимался*?* [разве не тем, что вы знали?]
БУХАРИН. Здесь прошло два показания относительно шпионажа — Шаранговича и Иванова, т.е. двух провокаторов.
ВЫШИНСКИЙ. [Позвольте спросить о Рыкове. Как вы, обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, [считаете] *а* Рыкова *вы считаете* провокатором*?* [или нет?]
БУХАРИН. Нет, не считаю.
ВЫШИНСКИЙ. (К Рыкову). [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, вам известно, что «право-троцкистский блок» вел шпионскую работу?
РЫКОВ. Я знаю, что были организации, которые вели шпионскую работу.
ВЫШИНСКИЙ. Скажите, белорусская национал-фашистская организация, являющаяся частью вашего «право-троцкистского блока», руководимая обвиняемым Шаранговичем, вела шпионскую работу?
РЫКОВ. Об этом я уже сказал.
ВЫШИНСКИЙ. Вела шпионскую работу?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Была связана с польской разведкой?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали об этом?

РЫКОВ. Знал.

ВЫШИНСКИЙ. А Бухарин не знал?

РЫКОВ. По-моему, знал и Бухарин.

ВЫШИНСКИЙ. Итак, обвиняемый Бухарин, об этом говорит не Шарангович, а ваш дружок *Рыков.*

БУХАРИН. Но, тем не менее, я не знал.

[(Смех в зале).]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, у вас вопросов больше нет?

ВЫШИНСКИЙ. Мне хочется объяснить обвиняемому Бухарину. Вы теперь понимаете, почему я спрашиваю у вас относительно Австрии?

БУХАРИН. Связь с австрийской полицией заключалась в том, что я сидел в крепости в Австрии.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Шарангович, [вы] *вы были польским шпионом, хотя и* сидели в тюрьме?

ШАРАНГОВИЧ. [Сидел.] *Был, хотя и сидел.*

БУХАРИН. [Ну что ж такого?] Я сидел в шведской тюрьме, дважды сидел в российской тюрьме, в германской тюрьме[212].

ВЫШИНСКИЙ. То, что вы сидели в [австрийской] тюрьме, не служит свидетельством того, что вы не могли быть шпиком.

Обвиняемый Рыков, *вы* подтверждаете, что после всех сидок и отсидок в тюрьмах разных стран Бухарин вместе с вами знал о шпионской связи Шарангoвича с польской разведкой? Знал и одобрил это?

РЫКОВ. Я знал об организациях, которые ведут шпионскую работу. [, имеют ли они шпионскую связь, я не знал.]

ВЫШИНСКИЙ. То, что Бухарин сидел в разных тюрьмах, [это ему] не помешало *ему* одобрить связь с польской разведкой [ваших] *своих* сообщников. Вы это[го не] понимаете?

РЫКОВ. Нет, не понимаю.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин это понимает.

БУХАРИН. Я понимаю, но я это отрицаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Продолжайте дальше.

БУХАРИН. Я должен коротко сказать по этапам. Моя революционная деятельность, в сущности говоря, поскольку речь идет о правом уклоне, о его эволюции вплоть до «право-троцкистского блока» с соответствующей методикой борьбы, с соответствующими преступными действиями, по сути дела, заложена сознательно еще в 1919—1920 гг., когда я из своих учеников Свердловского университета сколачивал определенную группу, которая очень быстро стала перерастать во фракцию. Состав этой группу известен, он находится в следственных материалах[213], и, насколько я могу ориентироваться по репликам гражданина судьи, он об этом осведомлен.

ВЫШИНСКИЙ. В числе ваших учеников был Слепков, которого послали на Северный Кавказ организовывать восстания?

БУХАРИН. Совершенно верно. Я могу еще несколько фактов привести.

ВЫШИНСКИЙ. Такого же рода?

БУХАРИН. Нет, не такого рода.

ВЫШИНСКИЙ. Но такого типа?

БУХАРИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, вроде этого?

БУХАРИН. Позвольте, в одном слове я не могу раскрыть все содержание.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте.

БУХАРИН. Создалась известная кадровая ячейка, которая потом вошла в одну из составных частей в совокупную контрреволюционную организацию правых, а затем, следовательно, в право-троцкистский блок.

Примерно в 1923 г. я написал так называемый меморандум, который должен был быть вручен в Центральный Комитет, однако я туда его не отнес, а он получил хождение в кругах этой школы, в которой наметился целый ряд установок, кои потом выросли, распустились и принесли соответствующие ядовитые плоды. Там я говорил относительно того, что в руководстве партии кризис один будет сменяться...

ВЫШИНСКИЙ. Это нам сейчас совершенно не интересно, что вы там говорили.

БУХАРИН. В 1928 г., когда в стране наступили элементы кризиса в отношениях между пролетариатом и крестьянством, а партийное руководство во главе со Сталиным наметило линию преодоления трудностей и наступления на кулачество, стала оформляться оппозиция — вначале только как оппозиция. Один из эпизодов заключается в том, что я в этом году приходил за тенденциозно подобранными материалами к тогдашнему руководителю ОГПУ — Г.Г. Ягоде, который мне и дал соответствующе подобранные материалы, которые я потом использовал для формирования своей контрреволюционной идеологии и соответствующих на основе ее действий...

ВЫШИНСКИЙ. Когда оформилась ваша контрреволюционная правая организация?

БУХАРИН. Примерно [в] *к* 1928—1929 гг. [. К этому времени] относится мои сближение с Томским и Рыковым, — потом связи и прощупывание среди тогдашних членов Центрального Комитета, нелегальные совещания, которые были нелегальными по отношению к Центральному Комитету, а, следовательно, организация перешла границы советской государственной легальности, и на этой уже основе быстро выросла своеобразная организация руководства правой организацией, которую можно изобразить как иерархическую лестницу примерно так: тройка — *Рыков, Томский и я*, — которая тогда входила в состав Политбюро, оппозиционные члены Центрального Комитета по своим установкам тогда уже перераставшие в контрреволюционную группировку, затем различные группировки, основными, составными частями которых следует назвать следующих: Бухарин и его пресловутая «школка» — во-первых, Томский и кадры профсоюзников — во-вторых, Рыков и его секретари и люди советского аппарата — в-третьих, Угланов с московскими районными работниками и группа в Промакадемии[214] — в-четвертых. Таким образом, здесь сформировалась верхушка этой контрреволюционной организации.

ВЫШИНСКИЙ. А Ягода куда девался?

БУХАРИН. Ягода стоял в стороне.

ВЫШИНСКИЙ. Он был с вами связан?

БУХАРИН. Да, он был связан.

ВЫШИНСКИЙ. Помогал вам подбирать тенденциозный материал?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, был участником...

БУХАРИН. Я говорю сейчас об иерархической лестнице руководства, и потому о Ягоде...

ВЫШИНСКИЙ. Я не хотел просто обижать обвиняемого Ягоду.

БУХАРИН. Тут начались поиски блоков. Во-первых — мое свидание с Каменевым на квартире у него. Во-вторых, свидание с Пятаковым в больнице, при котором присутствовал и Каменев. В-третьих — свидание с Каменевым на даче у Шмидта.

Я забыл сказать, что еще в 1928 г. на основе и в связи с выступлением оппозиционных тогда еще, но перераставших уже в контрреволюционные установки, представителей целой группы Центрального Комитета и на основе соответствующего плана была мною составлена так называемая платформа 1928 г.

Я упоминаю о ней не потому, что она получила широкое хождение и не потому, что, как известно, ее идеи легли тогда во все практические мероприятия, и она стала идеологически формирующим началом, а потому, что во втором зондаже с троцкистско-зиновьевскими кругами, а именно при свидании с Каменевым и Пятаковым, я экономическую часть этой платформы показал означенным лицам.

Я не знаю, заинтересует ли вас подробно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. По-моему, эти эпизоды можно покороче рассказывать.

БУХАРИН. Хорошо. Свидание с Каменевым у него на квартире. Здесь были резкие клеветнические разговоры насчет руководства партии, партийного режима, организации голода, гражданской войны в стране, клевета на партийное руководство и т.д. и т.п.

Свидание в больнице. Я повторяю, что, поскольку здесь экономическая платформа получила это известное мычание, тут никакого соглашения не было, но зондаж, прощупывание и попытка соглашения здесь были.

И, наконец, в-третьих, свидание на даче у Василия Шмидта, которого самого тогда не было, и на котором присутствовали я, мой секретарь Цейтлин, Каменев и Томский. Разговор здесь был сравнительно кратким и заключался в обсуждении той тактики, которой должны держаться мы, находившиеся в оппозиции члены ЦК, на предстоящем тогда пленуме Центрального Комитета. Причем позиция Каменева заключалась в том, что он подзуживал нас на выступление, а мы тоже выжидали. Так что я рассматриваю все эти три попытки как поиски преступной связи и преступной блокировки против руководства партии и против партии с теми кругами, которые группировались вокруг Каменева—Зиновьева, с одной стороны, и троцкиста Пятакова — с другой.

В 1930—1931 гг. начинается следующий этап в развитии контрреволюционной организации правых. Тогда в стране было большое обострение классовой борьбы, саботаж кулачества, сопротивление кулачества политике партии и т.д. *[, и в связи с некоторыми партийными репрессиями, принятыми со стороны партийного руководства, и разгромом в организациях правая организация перешла к тактике двурушничества.]*[1]

Этот этап я считаю переходом к «двойной бухгалтерии» по всему фронту. Тройка превратилась в нелегальный центр, и поэтому, если раньше эта тройка была головкой оппозиционных кругов, то она сейчас превратилась в центр нелегальной контрреволюционной организации. А поскольку они, повторяю, были нелегальны по отношению к партии, они, тем самым, стали нелегальными по отношению к органам советской власти.

К этому нелегальному центру близко примыкал Енукидзе, который имел связь с этим центром через Томского. Близко к нему стоял также Угланов,

[1] * * — зачеркнуто (зеленые чернила и красный карандаш), рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

удельный вес которого в партийной организации был достаточно велик, потому что он в недавнем прошлом, применительно к тому времени, руководил московской партийной организацией.

[К тому же времени,][1] [П]*примерно,* к концу 1931 г., участники так называемой «школки» были переброшены на периферию: в Воронеж, Самару, Ленинград, Новосибирск[215], и этот факт переброски их на периферию был использован в контрреволюционных целях уже тогда.

ВЫШИНСКИЙ. Каким образом он был использован?

БУХАРИН. Он был использован в том смысле, что этим разложившимся людям мы, члены этой нелегальной тройки, члены правого центра, в том числе и я, даем прямое задание, прямое поручение, в первую очередь, насчет вербовки людей. Что касается Ягоды, то, насколько мне память не изменяет, по сообщению А.И. Рыкова, он тогда требовал для себя особого положения как раз именно в тот период с особой настойчивостью.

ВЫШИНСКИЙ. В каком смысле особого положения?

БУХАРИН. Особого положения внутри правой организации в смысле особо конспиративных форм прикрытия, что вполне понятно в связи с занимаемым им постом в официальной советской иерархии.

ВЫШИНСКИЙ. Он добился такого положения?

БУХАРИН. Он добился такого положения. Примерно к осени 1932 г. начинается следующий этап в развитии правой организации, а именно: переход к тактике насильственного ниспровержения советской власти.

ВЫШИНСКИЙ. Каким годом вы его начинаете?

БУХАРИН. Я его начинаю, примерно, летом 1932 г. Но я, гражданин государственный обвинитель, должен сказать, что вообще во всей этой периодизации нужно иметь в виду, что она носит условный характер, потому что, например, скажу факт посылки Яковенко с согласия моего и правого центра, упомянув те факты, о которых вы меня допрашивали и о которых я вам дал утвердительный ответ. Они относятся к более раннему периоду. Из этого я только делаю вывод, что несовпадение дат никоим образом не может служить опровержением преступности того или иного акта, потому что здесь не было резко очерченной границы. Кроме того, в некоторых случаях, как в случае с Яковенко, была такая горячая ситуация, что она вызвала соответствующую преступную реакцию с нашей стороны.

Переход[я] к тактике насильственного ниспровержения в общем, я датирую [это с той поры] *моментов*, когда [она] была зафиксирована [платформенно-программно, а платформенно-программно она была зафиксирована в так называемой] *так называемая* Рютинск*ая*[ой] платформ*а.*[е.] О Рютинской платформе здесь говорилось достаточно много, и может быть не нужно на ней останавливаться. [Я только хотел бы сказать для ее характеристики следующее: о] *О*на была названа рютинская в конспиративных целях, [она была названа рютинской на случай] *для* перестраховки от провала, она была названа рютинской, чтобы прикрыть правый центр и его самые руководящие фигуры. Кроме того, больше я должен сказать: мне кажется, что рютинская платформа, — я поэтому позволю себе задержать ваше внимание несколькими минутами больше, — рютинская платформа, насколько я вспоминаю во время процесса, это платформа правой контрреволюционной организации, уже, пожалуй, была общей фактической платформой и других группировок, в том числе зиновьевской, каменевской и троцкистской[216].

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (зеленый карандаш).

[Дело в том, что к] *К*ак раз к этому самому [времени, и к этому самому] моменту получилась такая ситуация, [получилось такое положение вещей,] что Троцкий свой левацкий мундир должен был сбросить. Когда дело дошло до точных формулировок того, что же нужно, в конце концов, делать, то сразу обнаружилась его правая платформа, т.е. он должен был говорить относительно деколлективизации и т.д.

ВЫШИНСКИЙ. То есть вы идейно вооружили и троцкизм?

БУХАРИН. Совершенно верно. Тут такое было соотношение сил, что Троцкий давил в смысле обострения методов [при его платформенности, а дело получалось так, что] *борьбы, а* мы до известной степени его вооружали *идеологически.*

(К Вышинскому.) Больше не нужно вопросов о рютинской платформе?

ВЫШИНСКИЙ. Это ваше дело.

БУХАРИН. Нет, я спрашиваю, вас интересует это или нет?

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует ваше преступление.

БУХАРИН. Хорошо, но преступлений этих там много, гражданин Прокурор, что из них нужно выбирать наиболее существенные.

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересуют они все, не на выборку, а от начала до конца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пока еще вы ходите вокруг да около, ничего не говорите о преступлениях.

БУХАРИН. Значит, вы не считаете нелегальную организацию преступлением, рютинскую платформу тоже не считаете преступлением?

ВЫШИНСКИЙ. Не в этом дело, но вам говорят, что вы ходите вокруг да около.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, я вас прошу не пререкаться, а говорить, если вы хотите говорить.

БУХАРИН. Я буду говорить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Минут через 15 по регламенту заседание должно быть закончено, я вас попрошу закруглить ваши мысли или закончить.

ВЫШИНСКИЙ. Вы относительно Ягоды тут говорили. Я хочу спросить Ягоду. Обвиняемый Ягода, скажите, пожалуйста, вы предъявляли требование к блоку о том, чтобы вы были поставлены в особо законспирированное положение?

ЯГОДА. Да, такое требование было с моей стороны.[1]

ВЫШИНСКИЙ. Не припомните ли, при какой обстановке это было и с кем вы об этом говорили?

ЯГОДА. Я говорил с Рыковым.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, вы это подтверждаете?

РЫКОВ. Подтверждаю, я об этом уже говорил в своих предварительных показаниях.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте.

БУХАРИН. В рютинской платформе был зафиксирован переход к тактике насильственного ниспровержения советской власти[217].

В связи с этим, мне кажется, нужно остановиться на конференции 1932 г. Эти разосланные периферийные работники, которые, главным образом, состояли из этих «молодых», они вернулись со своих мест, и по инициативе Слепкова и с моей санкции они созвали в конце лета 1932 г. конференцию, на которой были доклады с мест.

---

[1] Рядом на полях галочка (простой карандаш)

ВЫШИНСКИЙ. Нелегальные?

БУХАРИН. Нелегальные. Конференция была нелегальная, работа была нелегальная, доклады были нелегальные и доклады были о нелегальной работе.

ВЫШИНСКИЙ. Конференция была контрреволюционная, доклады были контрреволюционные и доклады были о контрреволюционной работе.

БУХАРИН. Да, все это было контрреволюционное.

На этой конференции в числе пунктов порядка дня стоял, между прочим, и вопрос о рютинской платформе, причем конференция эту рютинскую платформу апробировала. После этого состоялось совещание «трех» плюс Угланова[218]. Я на этом совещании не участвовал, т.к. был в отпуске, но по возвращении из отпуска я вполне с этой платформой согласился и полностью несу за это ответственность. [Таким образом, р] *Р*ютинская платформа была апробирована от имени правого центра. В суть рютинской платформы вошли — «дворцовый переворот», террор, курс на прямую смычку с троцкистами[219]. К этому времени созревает в правых кругах, причем не только в верхушечных кругах, но и, сколько мне помнится, в среде части периферийных работников идея «дворцового переворота». В начале эта мысль была высказана со стороны Томского, связанного с Енукидзе. Эта мысль пришла Томскому в связи с возможностями использования служебного положения Енукидзе, в руках которого тогда сосредотачивалась охрана Кремля. Мы имеем тут логику борьбы и исчезновения путей для легальной работы, развитие этой идеи, упрочение связи Томского с Енукидзе и Рыкова с Ягодой. Томский рассказывал, что Енукидзе согласен принять активное участие в этом перевороте. Томский рассказывал также, что Енукидзе завербовал Петерсона. И тут, выражаясь иронически, из академической постановки вопроса вопрос вызрел в постановку практическую, потому что были налицо элементы организации этого переворота.

Следовательно, уже тогда намечался план и подбирались организационные силы для реализации этого плана, т.е. вербовки людей для осуществления дворцового переворота.

[Я должен сказать, для того, чтобы были понятнее, что в] *В* то время [у периферийных работников, которые работали на местах из правых, по собственной инициативе,] возникал*а* [зондаж и] политическая блокировка с Каменевым, Зиновьевым. [К этому периоду относится возникновение правых — как блока.] В этот период были встречи с Сырцовым и Ломинадзе. [Таким образом, сама периферия, низовые организации создавали базу, дополнительную базу для поисков или для интенсификации поисков этих верхушечных слоев.]

Я должен сказать, только прошу, чтобы суд не понимал это так, что я хочу смягчить свои обвинения, что в этой группе была политически не совсем безразличная тенденция, что правые не были объединены с троцкистами, троцкисты рассчитывали на террор, а правые надеялись на повстанческое движение. Правые форсировали организацию на массовое выступление.

Я думаю, что это не есть смягчение, но, в данном случае, я рассказываю то, что было и что было известно из докладов тогда, имевших место. Мы рассчитывали привлечь массы.

[Таким образом, низовка контрреволюционной организации, если можно так выразиться, стимулировалась путем поисков этих методов. Здесь началась новая волна разговоров.] Я разговаривал с Пятаковым, Томским и Рыковым. Рыков разговаривал с Каменевым и Зиновьев с Пятаковым. Я разговаривал в первый раз в больнице в 1929 г.

Летом в 1932 г. я второй раз разговаривал в Наркомтяжпроме. Разговаривать тогда мне было очень просто, т.к. я работал под руководством Пятакова. Он тогда был моим хозяином. Я должен был по делам заходить к нему в кабинет, не вызывая никаких подозрений. Не вызывало никаких подозрений и то, что я долго засиживался у него в кабинете. Мало ли какие дела могли быть.

ВЫШИНСКИЙ. Использовали все легальные возможности для нелегальных разговоров.

БУХАРИН. [Я сказал, что и] *И*спользовал легальные возможности для антисоветских, нелегальных целей. Пятаков рассказал в этой беседе, которая происходила летом в 1932 г., о встрече с Седовым относительно установки Троцкого на террор. В то время мы с Пятаковым считали, что это не наши идеи, но мы решили, что очень быстро найдем общий язык и что разногласия *в борьбе* против советской власти будут изжиты. Томский и Рыков, может быть, я ошибаюсь, говорили с Каменевым и Сокольниковым. Мне помнится, что в тот период Томский особенно настаивал на осуществлении государственного переворота и на концентрацию всех сил, тогда как члены правого центра ориентировались на [массовое] повстанческое движение. К концу 1932 г. можно сказать уже, — рютинская платформа датируется осенью, концом лета 1932 г.[220], конференция датируется...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Заседание подходит к концу, кончайте.

БУХАРИН. Тогда кончу только мысль, что к концу 1932 г. [, можно считать, что] создался уже контрреволюционный блок правых, троцкистов и каменевцев-зиновьевцев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ*. На этом заседание заканчивается. Следующее заседание состоится 7 марта в 11 часов утра.

7 марта 1938 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимого БУХАРИНА (продолжение)
свидетеля ЯКОВЛЕВОЙ

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос свидетелей — ЯКОВЛЕВОЙ
ОСИНСКОГО
МАНЦЕВА
КАМКОВА
КАРЕЛИНА

Подлинник стр. с 731 по 954 вкл.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

7 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
7/III-38 г.

Утро. Свежие голоса на разных языках. Корреспондентка направо читает плотную книгу и ест конфеты. Налево говорят седые кор.[респонденты] ком.[мунистической] прессы, получают переводы, напеч.[атанные] на машинке на папиросной бумаге, идут в проходах ...заков[1] *и Заславский, разговаривают о*

[1] Так в тексте. Восстановить не удалось.

том, как пришла машина, как Заславский остался без нее и не знал, как добраться. В проходах стоят командиры в фуражках с красными тулеями, часовой — между местами для подсудимых и барьером, стулья с бронзовыми гвоздиками, хрустальные люстры с их рассеянным светом, приспособленным для отражения бриллиантов, по бокам зала громкоговорители — квадратные ящики на поржавевших никелевых подставках. Поднимает командир голубые портьеры. Входят три крас[1] *Бухарин — Яковлев, наклонившись слегка, прямой Яковлев*[221].

Бухарин заложил руки за борт пиджака. Так же он и рассказывает, спокойно поглаживая волосы у лысины, покашливает. Он хочет остановиться на «идее госуд.[арственного] переворота». Он говорит лениво, подергивая бородку. Он еще не загорелся. Он говорит о «дворцовом перевороте», как бы подводя единую линию между собой и правительством.

— Всякое отрицание — есть утверждение. Еще Спиноза сказал...

Он говорит лениво:

— Понимаю.

Спорят о восстании и его понимании.

— О связи с бел.[ыми] и фашис.[тами.]

Рыков поднимает голову, смотрит на потолок, покачивает головой, откидывает голову, — и как бы гордясь своим сознанием. У него резко выделяется черепная коробка на висках. Рыков поднимает голову, как бы показывая височные и лобные кости, он на полголовы выше Бухарина. Оба в черном. У Бухарина низкие воротнички. Рыков стоит, откинув назад голову, ему так скучно, как будто хочет уснуть. Он лениво отталкивается от барьера, сам отходит от микрофона и, постояв, садится. Бухарин пытается отрицать связь с фашистами. Он все время хочет ускользнуть от организации восстания, а хочет вернуться к самому важному для него — конференции 32 г., он не помнит этого восстания.

— Проблемы реальности этого мира!..

— Это факт.

— С точки зрения матем.[атической] вероятности можно сказать, что это факт.

— Я считаю, — улыбаясь, — по теории «мат.[ематической] вероят.[ности]», что это факт.

О Карахане. Рыков откинулся и молчит, держась за перила, и говорит, покачивая головой. Бухарин вытирает лоб, между «первым» и «вторым» фактами у него пауза. Прокурор читает. Рыков рассматривает потолок.

— Расчленение так называем.[ое] СССР.

— Отторгнуть Украину!

Он приподнимает ладонь от барьера. Бухарин стоит, держа листья в левой руке, а правой рукой жестикулирует:

— А вы прочтите следующую правду, гр.[аждани] прокурор!

Бух.[арин]: «Я не могу отвечать одним словом, у меня на это не хватает способностей.

Рыков с усилием открывает рот, прикрытый бурыми волосами.

— Этого мы не уточняли, какую часть СССР отдать.

Бухарин все спорит с прокурором, что Карахан сам вел переговоры, не будучи уполномочен.

Рыков раскачивается и строго смотрит на публику.

— Я и Бухарин инициативу Карахана одобрили. Нейтралитет в таких вещах играть нельзя. Мы не маленькие люди.

---

[1] Так в тексте. Восстановить не удалось.

Рыков беззвучно смеется, когда Бухарин повторяет его слова.

— Он объяснил вам.

— Он суду дает объяснения, а не мне, тов.[арищ] Бухарин.

Затем Рыков съежился, наклонил голову и слушает спор об Украине или Белоруссии, что они хотели отдать. Бухарин все с листочками. Рыков поднимает руку. Бух.[арин] накл.[онился] вперед. Рыков откинулся назад, только играет пальцами, положенными на барьер. Рядом с ним, упершись в руку подбородком, слушает Крестинский. Рыков читает дело, низко наклонившись, достав пенсне из футляра. Кладет футляр в карман.

Прокурор уточняет:

— Еще до прихода Гитлера.

— Не от Гитлера [нач.]алась история.

Шарангович, растрепанный, плотный, с торчащими волосами, в белорусской рубашке, коричневом пиджаке.

Рыкову дают дело. Он поджимает плечами и возвращает дело.

— Вы были шпионами?

— Орг.[анизаторами] шпионами[1] , можно сказать.

Пауза.

Бухарин: «Я не признаю. Они говорят, но я не признаю».

— Там в связи с поляками не было..? Шпионства, — говорит Рыков.

Бухарина ловят. Бухарин подпирает подбородок.

— Мое положение в этом деле не таково, чтобы я мог высказывать предположения, — говорит Рыков, слушая ловлю Бухарина и нехотя выдавая его.

Показания подписаны на каждой странице.

Спор о «разумеется».

Рыков пьет воду, смотрит на публику и смеется: «Знал ли я? Конечно».

— Вы поспорите на досуге!

— Я боюсь, что этого досуга не будет, — говорит он Рыкову.

— Я должен знать, когда, что предполагаете.

Затем Бухарин продолжает свой доклад о заговоре.

Группа Енукидзе. Команд.[ная] сила из Кремл.[евской] школы.

Бухарин на следствии не говорил, что идет шпионаж, что он связан со шпионскими средствами.

Ходжаев и Бухарин. а) коричневый; б) белый; г) прямо; д) не волновался.

Ходжаев: «Этот разговор подтвержд.[аю.]»

— В логике Гегеля слово «этот» счит.[ается] самым трудным.

— Вы не поучайте.

— Я прекрасно понимаю, в каком положен.[ии.]

— «Клавиши Англии»... Я говорю и повторяю, гр.[аждании] прокурор? — и продолжает о противоречиях капитализма.

Дневное заседание прерывается потряс.[ающим] по напряжению вопросом прокурора к Бухарину:

— Кем вы были завербованы?

— Никем. — Пискливо отвечает Бухарин.

Перерыв.

Идут. Впереди Бухарин — дьячок, сгорбившись, за ним Яковлев, затем, руки заложив за спину, Гринько и Бессонов, затем важно, как на консилиуме у вр[ачей], врач Казаков, большими шагами, больш.[ую] голову вперед, и за ним мелкими [шагами], опустив голову, Левин, и затем уже более быстро — осталь-

[1] Так в документе. Вероятно, следует — «шпионажа».

ные. Позади, заложив руки за спину — Ягода. Появляется Крючков с недовольным [лицом], прихрамывая, он с усилием проходит между стульями, и садится, сидит такой же, как в машине, за ним Ягода.

Все идут неторопливо, задумчиво.

Прокурор после перерыва возвращается очень гордый.

Бухарин начинает читать опять скучным голосом все то, что у него было приготовлено, но что сейчас не имеет уже значения. Он опять сцепил пальцы на груди, затем кладет руки на перила.

— Как я уже докладывал, приурочить это к XVII съезду.

Расцепил руки, но, не убирая их с груди, он вытягивает их вперед — пальцами.

Говорят о связях. Прокурор опять напирает о его связях не только с эсерами и меньш.[евиками], но и с фашистами.

— Я ничего не знаю, гражд.[анин] прокурор.

— О бонапартизме, о разговорах и о Тухачевском, и о том, как расправлялся Наполеон с «идеологами».

— Вы себя считали идеологом?

— И идеологом и практиком. Вы бы предложили, чтоб я называл себя шпионом. Я этого сделать не могу.

— Посмотрим, какая точка зрения восторжествует.

Прокурор в синем, сивые волосы, очки в черепаховой оправе, заложив руки за спину, розовый.

Прокурор читает показания Бухарина об открытии фронта. Бухарин сверяет это по делу в синей обложке.

Бухарин:

— Вы не отвечайте за меня, я отвечаю...

— Возражал ли Бухарин против открытия фронта?

— В моем присутствии не возражал, — смеясь, говорит Рыков и смотрит на публику.

События 1918 г.

Ведут свидетеля Яковлеву. В синем английском костюме, с острым профилем, с горбатым носом, голос протяжный, растягивая слова, бледная. Бухарин записывает на своих показаниях, там, где бело, зеленым карандашом. Она говорит [об] «аресте». Рыков поддерживает руками голову. Она говорит тихо. Бухарин записывает карандашом. Подсудимые кладут согнутые ладони к ушам. Бухарин записывает и подчеркивает. Говорит она долго, скучно и медленно. Меняется караул. Ин.[остранные] корресп.[онденты] относят листки телеграмм. Душно. Очень жарко. Адвокаты зевают. Многие держатся за голову. У Казакова в ушах вата, и он все же держит ладонь у уха.

Справа ударило солнце, засияло на люстрах, на очках. Огни горят.

За окном блестят крыши. Яковлева продолжает о «левых коммунистах». Создалась из-за солнечного луча как бы пыльная, туманная стена. Ходят стенографистки. Подсудимые все наклонились. Бухарин держит руки между колен, покачивает руками, глаза у него на уровне барьера, он оглядывает зал, перед ним развернутая папка. Он взглянул на Кольцова, на уходящих журналистов, затем подпер голову правой рукой.

— Физическое уничтожение, это — ... — говорит Яковлева.

Бройдо[1] *зевнул, закрыв рот рукой. Крестинский протянул скрещенные руки и смотрит в зал. Бухарин записывает. Яковлева говорит как стершаяся пластинка.*

---

[1] В тексте ошибка. Имеется в виду адвокат И.Д. Брауде.

Расспрос об аресте. Бухарин стоит, сложив руки на барьер, говорит, слегка полунаклонив голову. Спрашивают Яковлеву. Она встает со стула.

— Возм.[ожность] убийства?

Бухарин смотрит на пол перед столом.

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ*. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Бухарин, продолжайте ваши показания о вашей антисоветской деятельности.

БУХАРИН. Слушаю. [Вчера] *Третьего дня* я закончил на том, что в конце 1932 г. образовался блок правых — троцкистов-зиновьевцев, примерно, на основе рютинской платформы. Среди участников контрреволюционной организации правых к этому времени уже стали возникать террористические настроения. Их можно было констатировать [как] в кругу так называемых моих учеников, [так] в группе Матвеева, группировавшейся около Угланова, [так и] среди сторонников Рыкова, [так] и среди некоторых профсоюзников, что в свое время было вскрыто в печати[222]. [Я думаю, об инциденте Козылева.] К этому периоду относится создание группы заговорщиков в Красной армии[223]. Я об этом слышал от Томского, который непосредственно был информирован об этом [от] Енукидзе, с которым был связан в личных отношениях, а также с которым ему было удобнее сноситься, потому что они жили на одном и том же коридоре, в Кремле.

Оба — и Томский, и Енукидзе, как я слышал об этом, вернее, слово «слышал» не особенно подходящее слово, скорее, информирован был от Томского и Енукидзе, которые говорили мне, что в верхушке Красной армии произошло в это время объединение правых, зиновьевцев и троцкистов, причем мне были названы имена, я не ручаюсь, что я помню всех их точно, но те, которые я запомнил, — это имена Тухачевского, Корка, Примакова и Путно.

Связь с правым центром, таким образом, шла по такой линии: Военная группа, Енукидзе, Томский и остальные. Примерно к этому же времени, т.е. к концу 1932 г., или началу 1933 г. [, я точно не помню здесь месяцев, не могу взять на себя гарантии, что я могу назвать точную дату, мне кажется, что, скорее, к началу 1933 г., чем к концу 1932 г., —] образовался так называемый контактный центр, [о котором была речь,] куда вошли представители различных антипартийных контрреволюционных течений, в том числе и правые.

Возвращаясь к рассказу или к показаниям относительно преступной активности контрреволюционного правого блока, я, прежде всего, хочу остановиться на идее государственного переворота как одной из центральных преступных идей, и соответствующей этому практической подготовке, потому что эта самая идея и соответствующая практическая подготовка пришла в зависимости от различных периодов и общеполитической конъюнктуры в различных стадиях своего развития.

[Если я не ошибаюсь, то з] Зарождение идеи государственного переворота у нас, у правых заговорщиков, относится, [ко времени еще сравнительно раннему, т.е.] примерно, к 1929—1930 гг., причем, в то время, в своем эмбриональном состоянии, этот государственный переворот мыслился, вернее, о нем шли разговоры как о государственном перевороте на очень сравнительно узкой базе. Я бы сказал, что это была идея узкого государственного

переворота, вернее, дворцового переворота, [и возникла она] (я опять боюсь сказать, чтобы не получилось впечатления, как будто бы я с себя хочу слагать здесь ответственность) [и возникла эта мысль,] впервые была высказана Томским, [. Она была высказана] в связи с тем обстоятельством, что у Енукидзе, который [, как я уже выше говорил,] был лично связан с Томским и часто с ним общался, в это время была сосредоточена в его руках охрана Кремля. [, и] *И* в то же самое время можно было говорить об использовании служебного положения Рыковым, который был председателем Совнаркома, и в связи с этим имелся целый ряд легальных возможностей и прикрытий, которые облегчали всяческие конспиративные преступные действия, и поэтому могли служить известным условием, в котором мыслился этот дворцовые переворот. Это датируется, примерно, 1929—1930 гг., но в то время на осуществление дворцового переворота не пошли, и не пошли, собственно говоря, по двум основаниям: одно основание — более широкое...

ВЫШИНСКИЙ. Почему не пошли — это не так интересно, как то, почему пошли; почему не пошли, почему не случилось — это нам не интересно.

БУХАРИН. Хорошо, я не буду останавливаться на этом, если не интересно...

ВЫШИНСКИЙ. Вы уже подошли к 1933 г.

БУХАРИН. Я потому хотел упомянуть об этом вопросе, что это имеет связь с практической подготовкой...

ВЫШИНСКИЙ. Так и скажите о практической подготовке, а вы начинаете говорить, почему то или другое не произошло. Суду интересно — что и почему произошло.

БУХАРИН. Да, но всякое отрицание имеет утверждение, гражданин Прокурор. Еще Спиноза сказал, что в области детерминации...

ВЫШИНСКИЙ. Скажите конкретно: как вы готовили захват власти, с помощь кого, какими средствами, во имя каких задач и целей?

БУХАРИН. Так как не пошли на дворцовый переворот по причинам, о которых здесь не интересно слушать, перешли к ориентации на кулацкие восстания...

ВЫШИНСКИЙ. Что означает выражение «дворцовый переворот»? Идет речь о прямом захвате власти, о захвате власти силами вашего блока. Так я понимаю?

БУХАРИН. Совершенно верно, политически — силами блока. А почему я говорю «дворцовый переворот»? Значит, силами, которые организационно сосредоточены в Кремле.

ВЫШИНСКИЙ. Силами такими, какие оказались бы в вашем распоряжении, а совершенно не обязательно — силами, которые были в Кремле?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда не лучше ли говорить не о дворцовом перевороте, а о попытке захвата власти путем вооруженного восстания?

БУХАРИН. Нет, вооруженное восстание сказать не совсем правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Как же так? С оружием в руках хотели захватить.

БУХАРИН. Вооруженное восстание есть массовая вещь, а здесь дело идет о более узком...

ВЫШИНСКИЙ. Какие массы, у вас не было никаких масс.

БУХАРИН. Следовательно, это не есть восстание.

ВЫШИНСКИЙ. Восстание при помощи группы.

БУХАРИН. Если вам угодно определять восстание группы как восстание, это верно.

ВЫШИНСКИЙ. Во всяком случае, это более правильно, чем говорить о дворцовом перевороте, который, якобы, совершается в каком-то дворце.

БУХАРИН. Говоря о дворцовом перевороте, я имел в виду...

ВЫШИНСКИЙ. Группу заговорщиков?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Я полагаю, что так лучше и говорить. Скажите, как вы готовили группу заговорщиков к захвату власти?

БУХАРИН. Это уже относится к следующему периоду. Может быть, вы разрешите рассказывать в хронологическом порядке, как у меня расположен материал, сначала о дворцовом перевороте, затем переходе к восстанию, от восстания к собственно государственному перевороту.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, какова была основная задача группы заговорщиков в этой области?

БУХАРИН. Даже в этот период главной задачей было свержение советского правительства насильственным путем.

ВЫШИНСКИЙ. Вот вы и скажите, как готовились к свержению советского правительства насильственным путем.

БУХАРИН. [Я и говорю, что в] *В* этот период мы уже обсуждали вопрос о свержении советского правительства насильственным путем, [ну там восстания] *с помощь группы участников заговора* военных. [сил, сосредоточенных, главным образом, в Кремле.]

ВЫШИНСКИЙ. Группы?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Группы участников вашего заговора?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. В лице Тухачевского, Примакова и некоторых других?

БУХАРИН. Там была еще группа Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. О группе Енукидзе мы уже говорили.

БУХАРИН. Совершенно верно. К 1931—1932 гг., в связи с изменением политической конъюнктуры [и в связи с возрастанием кулацкого сопротивления, удар стал делаться] *упор был поставлен* на развитие повстанческого движения, и контрреволюционной правой организацией во главе с правым центром было спровоцировано несколько кулацких восстаний, о которых, гражданин Прокурор, отчасти уже шла речь, когда вы меня допрашивали в связи с Яковенко, Слепковым и пр.

ВЫШИНСКИЙ. По*д* вашим непосредственным указаниям и под вашим руководством?

БУХАРИН. Совершенно верно. Я могу здесь сказать еще об одном факте, который не упоминался. Тогда я говорил относительно самого себя. *Я послал* Слепкова [я послал] для подготовки [соответствующего] *кулацкого* восстания на Кубани, [и затем, как я показал на предварительном следствии,] Рыков послал на Кавказ Эйсмонта[224], который вступил в связь с правым Пивоваровым и троцкистом Белобородовым, о чем говорилось на судебном следствии. Кроме того, [можно] *могу* сообщить, что о кулацком саботаже как некой предварительной стадии более острых форм борьбы, мне сообщали *П.* Петровский и Зайцев.

ВЫШИНСКИЙ. Поскольку вы упомянули об Эйсмонте, [о Северном Кавказе,] я хотел бы просить вас относительно ваших связей с белогвардейскими кругами и немецкими фашистами. Вам известно это обстоятельство?

БУХАРИН. Я не понимаю, что вы имеете в виду.

ВЫШИНСКИЙ. Повторяю свой вопрос: о ваших связях, о связях бывшей заговорщической группы с белогвардейскими кругами за рубежом и немецкими фашистами. Вопрос ясен?

БУХАРИН. [Ясен, но м] *М*не это неизвестно. Во всяком случае, я не помню.

ВЫШИНСКИЙ. (К суду). Позвольте Рыкова спросить. Вы слышали мой вопрос? Что вы можете сказать по этому поводу?

РЫКОВ. [Я могу сказать, что м] *М*не от Пивоварова было известно, что казацкий союз, который был организован по указанию, по совету Слепкова...

ВЫШИНСКИЙ. Белогвардейский казацкий союз?

РЫКОВ. Да... он через реэмигрантов, которые входили в состав кадров этой контрреволюционной организации, имел связи с остатками казачьей эмиграции за границей... и в этой связи помощь оказывали немецкие фашисты.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, группа заговорщиков на Северном Кавказе, [о чем и вам было известно со слов Пивоварова, была в связи с Белогвардейским казачьим союзом за границей и с немецкими фашистами.

РЫКОВ. Да, так.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, вы об этом знали, знали Пивоварова?

БУХАРИН. Я Пивоварова [совсем] не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Кем был Пивоваров на Северном Кавказе?

БУХАРИН. Он стоял во главе советской власти на Северном Кавказе.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы знали, что Пивоваров был председателем краевого Исполкома на Северном Кавказе?

БУХАРИН. Я знал, что он является председателем краевого Исполкома, но лично Пивоварова я не знал.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит,] Рыков знал, что Пивоваров возглавляет на Северном Кавказе местную организацию изменников, контрреволюционеров [, а] *и* что он связан с белогвардейскими казачьими кругами за границей, *а* вы, Бухарин, не знали?

БУХАРИН. Я не оспариваю возможность такого факта, но я [это] *этого* не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Был такой факт или не был, что Пивоваров был связан с белогвардейскими казачьими кругами за границей?

БУХАРИН. Я отрицать этого не могу, я могу только предположительно сказать, что это могло быть, т.к. у нас была ориентация на использование всяких сил.

ВЫШИНСКИЙ. В том числе и белогвардейских?

БУХАРИН. Это не исключалось.

ВЫШИНСКИЙ. Для вас это было ясно?

БУХАРИН. То, что это могло быть, я этого не отрицаю, но я не могу вспомнить этого с достаточной степени точностью, у меня в сознании нет того, чтобы я мог вспомнить о связи с Белогвардейским казачьим союзом за границей.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, был ли такой факт, о котором говорит Рыков, которому это было известно как одному из руководителей вашей организации?

БУХАРИН. У меня в сознании этого факта нет. Но отрицать возможности такого факта я не могу. Больше того, это очень вероятно, что такая связь была.

ВЫШИНСКИЙ. Вы хотите так изобразить дело, что вы практического отношения к этим преступлениям не имели.

[Здесь — галочка (синие чернила).

БУХАРИН. Как же не имел, когда я посылал в Сибирь Яковенко для организации вооруженных кулацких восстаний, посылал на Северный Кавказ Слепкова для той же цели[225].

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, знал об этом факте Бухарин или не знал?

РЫКОВ. Инициатива организации этого союза, по словам Пивоварова, принадлежала Слепкову, которого на Северный Кавказ послал Бухарин и которому, как я полагаю, Бухарин давал определенные указания и директивы.

ВЫШИНСКИЙ. *[Следовательно,]* [Стало быть,][1] Слепков посылался на Северный Кавказ по инициативе Бухарина. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Слепкова я посылал как такого квалифицированного человека по организации повстанческого движения. Но Слепков на месте мог, ориентировавшись и узнав, какие там имеются организации, он мог предпринять некоторые шаги помимо меня.

ВЫШИНСКИЙ. Несете вы ответственность за эти преступные действия как один из руководителей организации?

БУХАРИН. Ответственность, безусловно, несу.

ВЫШИНСКИЙ. За связь вашей организации с белогвардейскими казацкими кругами и немецкими фашистами?

БУХАРИН. Конечно, несу.

ВЫШИНСКИЙ. Факт этот был?

БУХАРИН. Если говорят другие, что факт был, значит — был.

РЫКОВ. Я категорически утверждаю, что поручение это было, что Слепков был направлен на Северный Кавказ, потому что он играл большую роль и мог сколотить контрреволюционную организацию. Я не знаю, разговаривал ли он по этому поводу с Бухариным, но инициатива была там, по словам Пивоварова, за Слепковым.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, эта связь исходила по бухаринской линии?

РЫКОВ. Идея исходила по бухаринской линии.

ВЫШИНСКИЙ. Идея и практическое претворение ее в жизнь.

РЫКОВ. Слепков это делал.

БУХАРИН. Что Слепкова я посылал, я не отрицаю. Я посылал его, чтобы он связался с белогвардейскими [эмигрантскими] казацкими кругами.

ВЫШИНСКИЙ. Что это было в плане вашего руководства?

БУХАРИН. Я конкретно не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы утверждаете, что о связи с немецкими фашистами и белогвардейскими казацкими кругами вы не знали?

БУХАРИН. Я не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Рыков знал, Слепков знал, а вы не знали?

БУХАРИН. Они были там на месте.

ВЫШИНСКИЙ. Вы посылали Слепкова?

БУХАРИН. Да, посылал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были связаны со Слепковым, когда он был на месте?

БУХАРИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы с ним говорили, что он делал на месте?

БУХАРИН. Потом.

ВЫШИНСКИЙ. Да, потом?

БУХАРИН. Подробного разговора не было.

ВЫШИНСКИЙ. А вы с ним встречались?

---

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

БУХАРИН. Один раз я с ним встречался.

ВЫШИНСКИЙ. Один раз встречались, этого достаточно для того, чтобы узнать, выполнил он ваше поручение или нет.

БУХАРИН. Нет, мы об этом не говорили.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите, о чем вы с ним разговаривали?

БУХАРИН. Мы разговаривали мало.

ВЫШИНСКИЙ. Вы посылали Слепкова для организации кулацкого восстания. Слепков организовывал это восстание, работал в этом направлении.

БУХАРИН. Подробного ответа он мне не давал.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, было так или нет?

БУХАРИН. Я его посылал.

ВЫШИНСКИЙ. Он выполнил ваше задание?

БУХАРИН. Задание он, очевидно, выполнил.

ВЫШИНСКИЙ. Очевидно?

БУХАРИН. Очевидно.

ВЫШИНСКИЙ. А вам он говорил об этом?

БУХАРИН. Я говорю, что я виделся с ним один раз.

ВЫШИНСКИЙ. Вам говорил Слепков, как он выполнил ваше поручение?

БУХАРИН. Я не помню, чтобы он много говорил.

ВЫШИНСКИЙ. А почему вы говорите, что детально не говорили?

БУХАРИН. Он сказал в общем.

ВЫШИНСКИЙ. В общем сказал?

БУХАРИН. В общем сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Если в общем сказал, значит, сказал?

БУХАРИН. Если в общем сказал, значит, сказал.

ВЫШИНСКИЙ. А вы только что сказали, что он не говорил.

БУХАРИН. Он детально не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, обвиняемый Бухарин, вы посылали Слепкова для организации белогвардейских кулацких восстаний?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Он вам сообщил, как выполнил ваше поручение?

БУХАРИН. Он не говорил, как выполнил.

ВЫШИНСКИЙ. А как он выполнил?

БУХАРИН. Он говорил, что там были волнения.

ВЫШИНСКИЙ. Не восстание, а волнения?

БУХАРИН. Разговор быстро перешел на другую тему — о подготовке конференции в 1932 г.

ВЫШИНСКИЙ. У вас разговоры, конечно, очень быстро переходили от одной темы к другой.

Мне важно установить, что на Северном Кавказе в это время была часть вашей правой заговорщической организации.

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, факт?

БУХАРИН. Факт.

*ВЫШИНСКИЙ. Что об этом знали вы?

БУХАРИН. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы посылали туда ряд связей[I] с этой организацией вашего Слепкова.*[II] Что Слепков там что-то делал в этом направлении, о чем вам говорил... Факт?

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (зеленый карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (зеленый карандаш).

БУХАРИН. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Что там были волнения кулацкие. Факт?

БУХАРИН. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Что это было связано с его деятельностью. Факт?

БУХАРИН. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Было связано с вашей деятельностью? Факт?

БУХАРИН. Факт.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше, известно, что эта группа Северо-Кавказская была в связи с немецкими белоэмигрантскими кругами... Факт это или не факт?

БУХАРИН. Я же говорил вам, что не могу отрицать этого факта, гражданин Прокурор.

ВЫШИНСКИЙ. [Будьте добры, гражданин обвиняемый, отвечайте,] *Подсудимый Бухарин,* — факт или не факт? Что группа ваших сообщников на Северном Кавказе была связана с белоэмигрантскими казацкими кругами за границей? Факт или не факт? Рыков говорит об этом, Слепков говорит об этом.

БУХАРИН. Если Рыков говорит об этом, я не имею основания не верить ему.

ВЫШИНСКИЙ. Можете мне ответить без философии?

БУХАРИН. Это не философия.

ВЫШИНСКИЙ. Без философских выкрутасов.

БУХАРИН. Я же показал, что имел объяснение по этому вопросу.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите мне «нет».

БУХАРИН. Я не могу сказать «нет» и не могу отрицать, что это было.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, ни «да» ни «нет»?

БУХАРИН. Ничего подобного, потому что есть факты, независимо от того, входят ли они в сознание того или другого человека. Это проблема реальности внешнего мира. Я не солипсист.

(В зале смех и движение.)

ВЫШИНСКИЙ. Значит, независимо от того, вошел этот факт в ваше сознание или нет, вам как заговорщику и руководителю был известен такой факт?

БУХАРИН. Мне он не был известен.

ВЫШИНСКИЙ. Или нет?

БУХАРИН. Но на ваш вопрос я могу сказать: т.к. эта вещь лежала в общем плане, я считаю ее вероятной, а т.к. Рыков говорит об этом положительно, у меня нет никаких оснований ее отрицать.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, это факт?

БУХАРИН. С точки зрения математической вероятности можно сказать, [что] *с* очень больш*ой*[ая] вероятност*ью*, что это факт.

(Смех в зале.)

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы просто ответить не умеете?

БУХАРИН. Не «не умеете», а есть такие вопросы, на которые нельзя сказать прямо «да» или «нет», как вы отлично знаете из элементарной логики.

ВЫШИНСКИЙ. [Рыкова] позвольте спросить еще [раз, маленький вопрос:] *Рыкова*: Бухарину было известно об этом факте?

РЫКОВ. Я с ним об этом не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Вот знал ли Бухарин об этом или нет?

РЫКОВ. Я лично считаю с математической вероятностью, что он должен был об этом знать.

(Смех в зале.)

[I]ВЫШИНСКИЙ. *Ясно.* [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, вам известно было, что Карахан был участником право-троцкистской заговорщической группы?

БУХАРИН. Известно.

ВЫШИНСКИЙ. Известно вам было, что Карахан *шпион немецкий*[II]?

БУХАРИН. Нет, это неизвестно.

ВЫШИНСКИЙ. (К Рыкову.) [Вам известно это было, обвиняемый *[подсудимый]* Рыков, *[Вам известно было,]* что Карахан — немецкий шпион?][III]

РЫКОВ. Нет, *[это м]* неизвестно.[IV]

ВЫШИНСКИЙ. А что Карахан вел переговоры с *некоторыми* немецкими [соответствующими] кругами. Это вам неизвестно?

РЫКОВ. Это переговоры по поводу правого центра?

ВЫШИНСКИЙ. Да, конечно, по поводу правого центра.

*РЫКОВ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. Изменнические разговоры?

РЫКОВ. Изменнические.

ВЫШИНСКИЙ. С кем же он вел, с каким учреждением?*[V]

РЫКОВ. (Молчит.)

ВЫШИНСКИЙ. А?

РЫКОВ. Этого я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. В каком направлении, скажите, в таком случае велись переговоры?

РЫКОВ. Он вел в направлении... Тогда переговаривались с немецкими правительственными кругами.

ВЫШИНСКИЙ. С какими это кругами?

РЫКОВ. По вопросу об их отношении к правым, к возможному перевороту правых.

ВЫШИНСКИЙ. Были переговоры или нет относительно организации поражения СССР?

РЫКОВ. Этого я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда я хочу напомнить Рыкову его показания на предварительном следствии том 1 лист дела 112: «Следовательно, в направлении подготовки поражения СССР действовала не только группа Тухачевского, являвшаяся составной частью нашей организации. Это поражение подготовляла вся наша международная ориентация и переговоры Карахана». Правильно это?

РЫКОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Что же из этого следует?

РЫКОВ. Я имел в виду поражение не в прямом смысле. Я имел в виду, что если группа заговорщиков какой-либо страны переговаривается с неприятелем, то самый факт этих переговоров сам по себе, во-первых, должен содействовать ускорению войны, — неприятель тем скорее нападет, чем больше имеет поддержки внутри страны, — и, во-вторых, что способность страны обороняться, а другой нападать соответствующим образом, т.е. оборона ослабевает, а нападение усиливается.

[I] Рядом на полях гялочка (зеленый карандаш).

[II] * * — инверсия (синие чернила): «*немецкий шпион*».

[III] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (зеленые чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[IV] Подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[V] * * — рядом на полях галочка (зеленый карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Значит, этот факт имел место?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И дальше: «В самой международной ориентировке мы исходили из того, что нужно получить поддержку со стороны международной буржуазии, и нашу деятельность и успех своей контрреволюционной работы в СССР мы связывали с прямой поддержкой со стороны фашизма», в скобках указано «переговоры Карахана». Можно сделать из этого такой вывод, что с вашего ведома Карахан вел переговоры с фашистскими кругами о поддержке вашей изменнической деятельности на определенных условиях? Так было дело?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А условия заключались в чем?

РЫКОВ. Во-первых, в целом ряде экономических уступок и, во-вторых, в так называемом расчленении СССР.

ВЫШИНСКИЙ. Что это значит?

РЫКОВ. Это значит отделение национальных республик под протекторат или в зависимость, формально не в зависимость, а фактически в зависимость...

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. территориальные уступки?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. [И так] Карахан от имени нашего блока предполагал уступить немцам какую-то часть союзной территории?

РЫКОВ. Это было несколько иначе.

ВЫШИНСКИЙ. Я говорю о смысле этих уступок.

РЫКОВ. Я с Караханом сам не виделся, я знаю это со слов Томского, который излагал в моем присутствии и в присутствии Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, и Бухарин знал? Разрешите спросить Бухарина. Вы знали?

БУХАРИН. Я знал.

РЫКОВ. Изложение было таково, что немецкие фашисты принимают эти условия, т.е. льготы по концессиям, торговым договорам и [целому ряду других] *т.д.*, но со своей стороны они требуют, чтобы национальным республикам было предоставлено право свободного выделения.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, а что это означает?

РЫКОВ. Значит не то, что мы предлагали. Это было новое требование немцев. Это, конечно, означает на деловом языке расчленение СССР.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. отдачу части СССР немцам?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вам известно, что Карахан с вашего ведома вел переговоры с немецкими кругами, чтобы отдать часть СССР. Какую именно часть?

РЫКОВ. Об этом разговора не было.

ВЫШИНСКИЙ. В вашем плане было отторгнуть Украину в пользу немцев или нет?

РЫКОВ. Я лично относительно Украины не могу сказать, — я повторяю, — не потому, что мы были против отторжения Украины.

ВЫШИНСКИЙ. А за отторжение? Против или за?

РЫКОВ. Просто об отторжении Украины у нас разговора не было, и вопрос не решался.

ВЫШИНСКИЙ. [Что в] *В*ы имели в виду отторгнуть Украину в пользу германского фашизма?

РЫКОВ. Формулировка такая.

ВЫШИНСКИЙ. Не формулировка, а практически?

РЫКОВ. Практически речь могла идти насчет Белоруссии.

ВЫШИНСКИЙ. А насчет Украины?

РЫКОВ. Не было. [И не могли м] *Мы не могли* решать этот вопрос без согласия украинских контрреволюционных организаций.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда я обращаюсь к [обвиняемому] *подсудимому* Бухарину. У вас в 1934 г. были *ли* об этом переговоры с Радеком?

БУХАРИН. Не переговоры, а разговоры.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста, разговоры. Были или нет?

БУХАРИН. Были только не об этом.

ВЫШИНСКИЙ. А о чем?

БУХАРИН. [Разговоры с] Радек[ом заключались в том, что он] *мне* рассказал относительно его переговоров с Троцким, [что он говорил с Троцким,] что Троцкий имел переговоры с немецкими фашистами о территориальных уступках за помощь контрреволюционным организациям.

ВЫШИНСКИЙ. Вот, вот.

БУХАРИН. Я тогда возражал Радеку.

ВЫШИНСКИЙ. [Что же вам г] *Г*оворил *вам* Радек, [? Ч] что по указанию Троцкого надлежит уступить, отдать немцам Украину?

*БУХАРИН. Насчет Украины я положительно помню.

ВЫШИНСКИЙ. Были или нет?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А насчет Дальнего Востока?*[1]

БУХАРИН. Насчет Украины я положительно помню, [но мне помнится, что] речь шла относительно других областей, но о каких, я не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Вы показывали таким образом: «что Троцкий, форсируя [территориальные уступки] *террор*, все же считает основным шансом для прихода к власти блока поражение СССР в войне с Германией и Японией за счет территориальных уступок (немцам — Украины, японцам — Дальнего Востока)». Было это?

БУХАРИН. Да, было.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, это и есть уступки.

БУХАРИН. Я был не согласен.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше сказано: «Я не возражал против идеи сговора с Германией и Японией, но не был согласен с Троцким в вопросах размеров».

БУХАРИН. Прочтите еще следующую фразу, там объясняются размеры и характер.

ВЫШИНСКИЙ. Я прочитал, я хочу говорить относительно этого.

БУХАРИН. Я сказал, что я был против территориальных уступок.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, я хочу об этом сказать. Итак, Радек говорил вам, что Троцкий дал указания идти на уступки немцам Украины. Говорил?

БУХАРИН. Говорил, но я не считал для себя обязательными указания Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ. Это было известно Рыкову или не было известно об этом разговоре с Радеком?

РЫКОВ. Вы кого спрашиваете?

ВЫШИНСКИЙ. Бухарина.

БУХАРИН. Я не помню, говорил ли я Рыкову.

ВЫШИНСКИЙ. А Рыков?

РЫКОВ. Он мне не говорил.

---

[1] * * — рядом на полях три горизонтальные линии и галочка (зеленый карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, о разговоре Бухарина с Радеком вы не знали?

(Рыков молчит.)

А он разговаривал частным порядком с Бухариным?

РЫКОВ. Кто?

ВЫШИНСКИЙ. Радек. Обвиняемый Бухарин, как с вами разговаривал Радек? Какую должность вы тогда занимали?

БУХАРИН. Дело не в должности.

ВЫШИНСКИЙ. Какую должность вы занимали?

БУХАРИН. Я был редактором «Известий».

ВЫШИНСКИЙ. Вы разговаривали с Радеком как редактор «Известий» или как член заговорщической организации?

БУХАРИН. Вы отлично понимаете, что я разговаривал с ним как член заговорщической организации.

ВЫШИНСКИЙ. Рыков и Томский составляли тогда центр, и вы при этих условиях ничего об этом разговоре с Радеком не сказали?

БУХАРИН. Простите, я вам хочу ответить на этот вопрос. На всякий вопрос я не могу отвечать одним словом, у меня на это не хватит достаточных способностей.

Были конспиративные условия свиданий, т.к. мы почти не собирались вместе, а говорили от случая к случаю, используя коридорные встречи, встречи на улицах и прочее. Могло случиться, что я мог ему об этом разговоре не говорить. Я говорю не для обеления Рыкова, это объясняется конспиративной практикой, которая существовала в организации правых.

ВЫШИНСКИЙ. Вы отрицаете, что передавали Рыкову такой серьезный разговор, который был у вас с Радеком? Вы не передавали Рыкову о серьезных разговорах с Радеком?

БУХАРИН. Гражданин Прокурор, я не считал директивы Троцкого для всех нас обязательными.

*ВЫШИНСКИЙ. Я не говорю директивы, а разговоры.

БУХАРИН. Я не помню и поэтому не могу вам сказать, говорил ли я об этом. Я не помню этого.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не отрицаете, но вы не помните. Спрошу Рыкова.

Обвиняемый Рыков, за счет чего шла речь о расчленении СССР?*[I]

РЫКОВ. При изложении Томским вопроса о дополнительных требованиях немецких фашистов относительно правых, мы в основном, в общем виде это предложение приняли.

ВЫШИНСКИЙ. О чем здесь шла речь или о каких частях СССР?

РЫКОВ. Конкретно, о каких республиках, о каких частях — речи не было.

ВЫШИНСКИЙ. Вы показали на предварительном следствии и здесь на суде, что Карахан с немецкими фашистами вел переговоры о помощи вашему заговору. Факт это или этого не было?

РЫКОВ. О помощи заговору? Если иметь в виду политическую помощь, то за благоприятное отношение к нему.[II]

ВЫШИНСКИЙ. За что?

РЫКОВ. Я уже перечислял.

ВЫШИНСКИЙ. Уступки территориальные. Какой части СССР это касалось?

РЫКОВ. Этого мы не определяли.

[I] * * — рядом на полях две вертикальные линии (зеленый карандаш).

[II] * * — рядом на полях галочка (зеленый карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Не уточняли?

РЫКОВ. Не уточняли.

ВЫШИНСКИЙ. Вы то имели в виду, какую-то часть СССР или нет? Или вообще абстрактно говорили?

РЫКОВ. Было то, о чем я уже говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е.?

РЫКОВ. [Я не могу добавить к тому, что я повторил уже два раза, ничего.] Мы приняли *акты,* благоприят*ствующие*[но] практической[ую] деятельности[ь] правого центра. Это реализовалось в работе, в руководстве по отношению к Белоруссии.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, немцы беспокоились о Белоруссии в пользу кого?

РЫКОВ. О чем беспокоились немцы — я не могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Они беспокоились о том, что вы отдадите Белоруссию кому? Не немцам?

РЫКОВ. Полякам.

ВЫШИНСКИЙ. А немцам что? Выходит, что немцы хлопочут ради кого? Ради поляков? Немцы оказывают вам услугу, а вы взамен этого Белоруссию отдаете полякам. Они оказываются в смешном положении.

РЫКОВ. (Молчит.)

ВЫШИНСКИЙ. Перехожу к первому вопросу. Следовательно, Карахан вел переговоры с немцами. Видимо, это происходило с ведома вашего блока. Бухарин об этом знал?

РЫКОВ. Томский об этом сказал мне и Бухарину.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Бухарин знал об этом?

Подсудимый Бухарин, вы знали об этом?

БУХАРИН. Гражданин Прокурор, я два раза уже сказал, что знал.

ВЫШИНСКИЙ. Одобрили это?

БУХАРИН. Что именно «это»?

ВЫШИНСКИЙ. То, что вы два раза уже сказали.

БУХАРИН. Я не одобрял. На предварительном следствии я подробно показывал, что Карахан...

ВЫШИНСКИЙ. Вы одобрили?

БУХАРИН. Я был поставлен перед самым фактом, потому что Карахан...

ВЫШИНСКИЙ. Вы одобрили эти переговоры Карахана с немецкими фашистами?

БУХАРИН. Я, гражданин Прокурор, говорю, что это был политический факт.

ВЫШИНСКИЙ. Вы одобрили переговоры Карахана от имени блока с немецкими фашистами?

БУХАРИН. Вообще, относительно переговоров... я одобрял, т.е. считал, что целесообразно...

ВЫШИНСКИЙ. Не вообще, а переговоры, которые вел Карахан?

БУХАРИН. Я уже вам объяснял, гражданин Прокурор, что дело обстояло таким образом, что Карахан поехал без предварительного решения общего центра и вернулся...

ВЫШИНСКИЙ. Вам известно было, что Карахан вел переговоры с немецкими фашистами?

БУХАРИН. Известно. Известно мне это было от Томского, от самого Карахана...

ВЫШИНСКИЙ. Вы эти переговоры одобрили?

БУХАРИН. Или дезавуировали? Не дезавуировал, следовательно, одобрил.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю: одобрили или нет?

БУХАРИН. Я повторяю, гражданин Прокурор: т.к. не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, одобрили?

БУХАРИН. Если не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

ВЫШИНСКИЙ. Вот я и спрашиваю: значит, одобрили?

БУХАРИН. Значит, «следовательно» — все равно, что «значит».

ВЫШИНСКИЙ. Что значит?

БУХАРИН. Значит, одобрил.

ВЫШИНСКИЙ. А вы говорите, что вы об этом узнали постфактум.

БУХАРИН. Да, это ни капли не противоречит одно другому.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите спросить подсудимого Рыкова?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Рыков, эти переговоры Карахан вел по собственной инициативе?

РЫКОВ. Он вел их по поручению, по инициативе Томского, но я и Бухарин эту инициативу одобрили, когда нам докладывали об этих переговорах.

ВЫШИНСКИЙ. Одобрили не только факт переговоров, но и инициативу, т.е. самое дело в целом?

РЫКОВ. Мы оба — не маленькие люди. Если не одобрять такие вещи, тогда с ними надо бороться. *В* [Н]*е*йтралитет в таких вещах играть нельзя.

ВЫШИНСКИЙ. Итак, можно установить, что с ведома Бухарина Карахан вел переговоры с немецкими фашистами. Вы это, обвиняемый Рыков, подтверждаете?

РЫКОВ. Да.

БУХАРИН. Что значит «с ведома Бухарина»? Не было такого положения, что я знал, что он туда едет.

ВЫШИНСКИЙ. Что он едет — я не об этом говорю. Вы знаете, что такое инициатива...

БУХАРИН. Смутно догадываюсь.

ВЫШИНСКИЙ. Смутно? Я вижу, что ваше положение заставляет вас смутно догадываться об очень ясных вещах.

БУХАРИН. Возможно.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков сейчас показал перед судом в вашем присутствии, что Карахан начал переговоры с немцами по инициативе не своей, а Томского...

БУХАРИН. Но тогда ни Рыков, ни я об этом не знали...

ВЫШИНСКИЙ. Но когда потом узнали, то одобрили?

БУХАРИН. Рыков здесь уже сказал, что в таких случаях не может быть нейтралитета: если не прервал, то, значит, одобрил. А это — парафраз того, что я сказал: если не дезавуировал, то одобрил.

ВЫШИНСКИЙ. Итак, *подсудимый Бухарин,* вы несете ответственность за эти переговоры Карахана с немцами?

БУХАРИН. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. Переговоры о подготовке поражения?

БУХАРИН. Так вопрос не стоял.

ВЫШИНСКИЙ. О помощи вам?

БУХАРИН. Вообще, о помощи... о нейтрализации, я сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Рыков уже вам объяснил.

БУХАРИН. Он, мне кажется, суду дает объяснения, а не мне.

ВЫШИНСКИЙ. Он объяснил, что самый факт переговоров с неприятелем уже означает ему помощь.

БУХАРИН. Ну, да, в этом смысле, но я различаю вопрос — с юридической стороны не так обстояло дело, потому что...

ВЫШИНСКИЙ. В чем помощь должна была быть оказана? В содействии успеху заговора?

БУХАРИН. Во время заговора могла быть немецкая интервенция вообще против нас...

Нужно это нейтрализовать, это и есть помощь.

ВЫШИНСКИЙ. То есть, чтобы они помогли вам удержаться у власти?

БУХАРИН. Нейтрализовать их и тем самым помочь удержаться у власти.

ВЫШИНСКИЙ. За счет известных уступок?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков [говорит] *сказал,* что в тот период речь шла о том, чтобы отторгнуть Белоруссию. Так я понимаю?

БУХАРИН. Я себе представляю это совсем не так.

РЫКОВ. Томский нам передал, что Карахану немцы сказали, что в придачу к [этим] экономическим уступкам немецкие фашисты настаивают на предоставлении национальным республикам права выделения. Мы тут же поняли и истолковали это так, что речь идет о расчленении СССР.

ВЫШИНСКИЙ. То есть о том, чтобы отдать Белоруссию?

РЫКОВ. И тут же [в этой] общей форме, насколько я помню (а такие вещи нельзя и трудно забывать), в этой общей форме мы приняли это.

ВЫШИНСКИЙ. Кто это мы*?* [приняли?]

РЫКОВ. Я, Бухарин и Томский.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно, *подсудимый* Бухарин?

БУХАРИН. Не совсем. Не насчет Белоруссии, [и] *а* насчет Украины.

ВЫШИНСКИЙ. Ага, теперь уже насчет Украины. А ведь речь до сих пор шла насчет Белоруссии.

БУХАРИН. Вы меня по этому поводу не допрашивали, так что у меня нет логически никакого противоречия.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите предъявить Рыкову его показания том 1, лист дела 119: «Должен, однако, сказать, что вопрос об ориентации на Польшу с той точки зрения, чтобы заручиться поддержкой на случай нашего прихода к власти, возник значительно раньше, а именно в 1930—1931 гг.». Вы подтверждаете это?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин, вы подтверждаете?

БУХАРИН. Я этого не знаю и не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, о ком же вы говорили, имея в виду этот вопрос?

РЫКОВ. Речь идет о моих отношениях с представителями Белорусской организации.

ВЫШИНСКИЙ. А с Бухариным вы не могли обсуждать этот вопрос?

РЫКОВ. Этого я утверждать не могу.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда позвольте прочитать ваши дальнейшие показания: «В тот период этот вопрос был несколько раз предметом обсуждения между мною, Бухариным, Томским, с одной стороны...» и т.д. Таким образом, я спрашиваю у вас: значит, этот вопрос вы обсуждали с Бухариным?

РЫКОВ. Под этим вопросом разумеется вопрос о соглашении с контрреволюционной белорусской организацией. Может быть, я не совсем правильно выразился, но я имел в виду именно это.

ВЫШИНСКИЙ. Вы имели в виду, очевидно, то, что имелось в виду. Тут ясно сказано, что вопрос об ориентации на Польшу обсуждался в 1930—

1931 гг. А дальше говорится «в тот период», т.е. именно в этот период, этот вопрос, т.е. вопрос об ориентации на Польшу.

РЫКОВ. (После молчания). У меня нет этих показаний, может быть, какое-нибудь слово...

ВЫШИНСКИЙ. Тут каждое слово играет большую роль.

РЫКОВ. Это совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Прямо говорится: в тот период этот вопрос, т.е. вопрос, о котором говорилось раньше, вопрос об ориентации на Польшу. Прочтите, пожалуйста.

(Рыкову предъявляют его показания, данные на предварительном следствии.)

РЫКОВ. Тут сказано: «В тот период этот вопрос...», это относится ко всему предыдущему абзацу, а вовсе не к последней фразе этого абзаца.

ВЫШИНСКИЙ. [Но дальше об этом не говорится. Что вы отрицаете? Оглашаю дальше:] *Оглашаю дальше:* «Общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводится к тому, что в переговорах с поляками, связь с которыми через Червякова была уже к тому времени восстановлена, мы пойдем на отторжение от СССР Белорусской советской республики».

...Верно? С кем *вы* обсуждали [?] *этот вопрос?*

РЫКОВ. Я это обсуждал с Голодедом и Червяковым, они были в курсе дела.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, о] *О*ни были в курсе дела? [Значит,] *А* Бухарин был в курсе дела?

БУХАРИН. Я не виделся с Червяковым.

ВЫШИНСКИЙ. Не в том дело, что вы не виделись с Червяковым. Я говорю про Рыкова. Я предъявляю ему вот эти три абзаца из его показаний. Первый абзац: «Должен, однако, сказать, что вопрос об ориентации на Польшу неоднократно обсуждался в 1930—1931 гг.». Второй абзац: в тот период, т.е. в период 1930—1931 гг., этот вопрос, т.е. вопрос, о котором говорилось раньше, вопрос об ориентации на Польшу, был несколько раз предметом обсуждения между мною, Бухариным, Томским и бывшим председателем ЦИК Белоруссии Червяковым. Червяков является скрытым, но чрезвычайно активным участником правой организации с 1928 г. Третий абзац: общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, чтобы... (читает).

Вы это подтверждаете?

РЫКОВ. Да. [, подтверждаю.]

ВЫШИНСКИЙ. [Значит,] *Подсудимый* Бухарин, *вы* знали обо всем этом?

БУХАРИН. В 1930 г. не могло стоять такого вопроса, Гитлер к этому времени еще не был у власти.

ВЫШИНСКИЙ. Но этот вопрос стоял. Не от Гитлера начинается история вашего предательства.

БУХАРИН. Это верно.

ВЫШИНСКИЙ. В 1930—1931 гг. были у вас разговоры с Рыковым и Томским?

БУХАРИН. Я не помню этого.

ВЫШИНСКИЙ. Вот Рыков показывает о том, что такие разговоры были. Я вас спрашиваю — были такие разговоры или не были. Да или нет?

БУХАРИН. А я говорю — не помню. Я имею право говорить суду не так, как вы хотите, а так, как есть на самом деле.

ВЫШИНСКИЙ. Я от вас и не требую этого.

БУХАРИН. Я имею право перед судом говорить и говорю — не помню.

ВЫШИНСКИЙ. [Вы так и скажите — н] *Не помните?* [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, что вы скажете?

РЫКОВ. Первое сообщение об этом было сделано Томским, [который] *он* сослался на Червякова, который был у него на даче. И тогда по сообщению Томского мы втроем обсуждали этот вопрос и это предложение [Червякова] о контакте с контрреволюционной белорусской организацией правых. Во всяком случае, это было в присутствии Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Так как это было в присутствии Бухарина, значит, Бухарин знал об этом.

Разрешите обратиться к Шаранговичу, одному из руководителей Белорусской подпольной организации заговорщиков. Что вы по этому поводу скажите, [обвиняемый] *подсудимый* Шарангович?

ШАРАНГОВИЧ. И Голодед и Червяков об этой установке информировали нашу организацию как о совершившемся факте. Причем я должен сказать, что в разговорах относительно этой установки Томский никогда не фигурировал, речь шла о Рыкове и Бухарине. При этом Червяков имел несколько разговоров с Бухариным, [потому,] *и* он после разговоров не только меня информировал, но информировал на совещании центра нашу организацию. С ссылками на Бухарина и Рыкова.

ВЫШИНСКИЙ. Следующий абзац ответа Рыкова: «Были некоторые варианты, которые состояли именно в этом. Эту компенсацию Польше мыслилось реализовать в условиях прихода к власти в военное время. Факторы, вызывающие войну, нападение империалистических государств (Польши и Германии), войну, которую мы организовывали на приход к власти, этот фактор мы во всей своей практической деятельности всячески обостряли и стимулировали».

Подтверждаете показания ваши?

РЫКОВ. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Кого вы имели в виду?

РЫКОВ. Я имел в виду центр правых.

ВЫШИНСКИЙ. Лично кого?

РЫКОВ. Я об этом говорил уже довольно много.

ВЫШИНСКИЙ. Я хотел, чтобы вы не постыдились и здесь сказали.

РЫКОВ. Я имел в виду Бухарина. Центр состоял из трех лиц: меня, Бухарина и Томского. Следовательно, это относится и к Бухарину.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, это относится и к Бухарину?

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

БУХАРИН. В общем, была такая установка центра.

*ВЫШИНСКИЙ. [Затем, дальше,] *Следующий абзац ответа Рыкова* лист дела 120: «Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность в своих взаимоотношениях с поляками. Он связа[н]*лся* с ними по нелегальной деятельности. *Сделали все практические выводы из этой нашей директивы».* Вы это подтверждаете, [?] *Рыков?*[1]

РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, Червяков и [сведущие] люди, связанные с вами, имели систематическую связь с поляками?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Во исполнение ваших директив?

---

[1] * * — рядом на полях три вертикальные линии (зеленый карандаш).

РЫКОВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Это не шпионская связь?
РЫКОВ. Нет.
ВЫШИНСКИЙ. Какая [же] это связь?
РЫКОВ. Там была и шпионская связь.
ВЫШИНСКИЙ. Шпионская [часть] *связь* с частью вашей организации имелась с поляками по вашей директиве?
РЫКОВ. Конечно.
ВЫШИНСКИЙ. Шпионская?
РЫКОВ. Конечно.
ВЫШИНСКИЙ. В том числе и Бухарина?
РЫКОВ. Конечно.
ВЫШИНСКИЙ. Вы и Бухарин были связаны?
РЫКОВ. Безусловно.
ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы были шпионами?
РЫКОВ. (Молчит.)
ВЫШИНСКИЙ. И организаторами шпионажа?
РЫКОВ. Я ничем не лучше шпиона.
ВЫШИНСКИЙ. Вы были организаторами шпионажа, были шпионами.
РЫКОВ. Можно сказать, да.
ВЫШИНСКИЙ. Можно сказать, что шпион. Я спрашиваю, вы организовывали связь с польской разведкой и соответствующими кругами. Вы признаете себя виновным в шпионаже?
РЫКОВ. Если речь идет об организации, то в данном случае, конечно, признаю себя виновным.
ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, вы признаете себя виновным?
БУХАРИН. Я не признаю. [себя.]
ВЫШИНСКИЙ. А Рыков что говорит, а Шарангович что говорит?
БУХАРИН. Я не признаю.
ВЫШИНСКИЙ. Когда организовалась в Белоруссии организация правых, вы возглавляли ее, вы это признаете?
БУХАРИН. Я вам сказал.
ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, признаете вы или нет?
БУХАРИН. Я белорусскими делами не интересовался.
ВЫШИНСКИЙ. [Я спрашиваю,] *Вы* интересовались [ли вы] шпионскими делами?
БУХАРИН. Нет.
ВЫШИНСКИЙ. А кто интересовался?
БУХАРИН. Я в этого рода деятельности не получал никаких информаций.
ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, получал ли Бухарин какую-нибудь информацию об этого рода деятельности?
РЫКОВ. У меня с ним разговоров об этом не было.
ВЫШИНСКИЙ. Как не было, а разговор с Бухариным относительно шпионской связи белорусский организации с поляками?
РЫКОВ. Там не было подчеркнуто, что специально шпионская.
ВЫШИНСКИЙ. Я говорю о характере, о существе.
РЫКОВ. Неизбежно, в этих условиях, какая бы ни была связь с поляками, она автоматически и неизбежна, а это понятно для каждого гражданина, политика перерастает очень быстро в шпионскую связь.
ВЫШИНСКИЙ. Они не только должны были перейти, но они перешли?
РЫКОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Под вашим руководством?

РЫКОВ. То есть переходом этим мы непосредственно не руководили, но вопрос не в непосредственном руководстве, а касается общего руководства. Мы за это отвечаем совершенно определенно.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит,] *Вам* незачем делать постное лицо, [обвиняемый] *подсудимый* Бухарин, и нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас име*лась*[ется] группа ваших сообщников, заговорщиков в Белоруссии, возглавляемая Голодедом, Червяковым, Шаранговичем. Правильно, Шарангович?

ШАРАНГОВИЧ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. И по [вашей] директиве *Бухарина и Рыкова?* под [вашим] *их* руководством *вы* связались с польской разведкой и польским генштабом? Правильно, Шарангович?

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. И относительно шпионской связи — под вашим руководством. Правильно, Шарангович?

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, кто был организатором шпионажа, которым вы занимались?

ШАРАНГОВИЧ. Рыков, Бухарин.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, они были шпионами*?* [в ваших глазах?]

ШАРАНГОВИЧ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Так же как...

ШАРАНГОВИЧ. *Как* и я сам.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь.

(К Рыкову). [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, в 1932 г. Голодед вам рассказывал, что все сколько-нибудь крупные назначения людей на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывались с польской разведкой?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин об этом знал?

РЫКОВ. Этого я [опять-таки] не могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Не знаете? Не хотите выдавать дружка?

РЫКОВ. То есть о том, что я знаю, что он неправильно говорит, я его уличаю, а о том, что я не знаю, — я этого делать не могу и не буду.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю вас о том, что поляки давали согласие на различные должностные назначения в Белоруссии. Об этом известно было вашему руководящему центру?

РЫКОВ. Мне было известно. С Бухариным я об этом не говорил. Мне было известно также, что Червяков и Голодед имели связь, кроме меня, с Бухариным и Томским. Говорили они об этом с Бухариным или не говорили, я об этом сказать не могу, потому что при этих разговорах я не присутствовал.

ВЫШИНСКИЙ. Считаете ли вы, что было бы естественно тому же Голодеду иметь разговор с Бухариным по этому вопросу, или же они должны были конспирировать это от Бухарина?

РЫКОВ. Я думаю, что, естественно, он[и] говорил[и] с [ним] *Бухариным*, но о чем они говорили, мне неизвестно.

ВЫШИНСКИЙ. Я теперь в порядке предположения вас спрошу. Вы предполагаете, что Бухарин об этом был осведомлен?

РЫКОВ. Это обстоятельство... Я предпочитаю говорить только о том, что я знаю, а чего я не знаю — мое положение вовсе не таково в этом зале, чтобы я еще высказывал предположения.

ВЫШИНСКИЙ. А по белорусским заговорщическим делам были разговоры с Бухариным?

РЫКОВ. Единственный разговор, который был и который я помню — может быть, были и другие, но я их не помню, — это начальная стадия наших отношений, которые возникли в результате сообщения Томского.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте, вы же говорили о том, что в период даже 1931 г. было несколько раз, когда вы с Бухариным говорили по этим вопросам. Я же вам напоминал сейчас 119—120 стр.

РЫКОВ. Но не только о том, о чем вы спрашиваете, разговор был.

ВЫШИНСКИЙ. Несколько раз вы говорили с Бухариным?

РЫКОВ. О том, что в Белоруссии была организация, уже велась работа...

ВЫШИНСКИЙ. Какая работа?

РЫКОВ. Контрреволюционная работа по поддержке нашего...

ВЫШИНСКИЙ. В которую входит также шпионская работа.

РЫКОВ. Об этой специально шпионской работе я не помню разговоров. Я не исключаю, чтобы они были, но я не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, пожалуйста, была ли от поляков директива о подрывной работе в области обороноспособности?

РЫКОВ. Я знаю два случая. Вы мне задавали этот вопрос уже два заседания тому назад. Я указывал на два случая, которые мне известны — это конский состав и дорожное строительство. Вы спросили — почему дорожное строительство, я ответил — по-видимому, потому, чтобы затруднить продвижение наших войск.

ВЫШИНСКИЙ. Об этом знал Бухарин? Об этой директиве польской разведки мешать и разрушать нашу обороноспособность?

РЫКОВ. Я на этот вопрос, как и на предыдущие вопросы, ответить не могу.

ВЫШИНСКИЙ. Насчет изменнической деятельности польского шпиона Ульянова, вам известно?

РЫКОВ. Мне известно.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин об этом знал?

РЫКОВ. Я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Насчет изменнической деятельности польского шпиона Бенека, известно?

РЫКОВ. Мне известно.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарину известно?

РЫКОВ. Не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите тогда, *т. Председатель,* прочитать лист дела 127, где содержится некоторый вопрос [и] *Рыкову и его* ответ: «Вопрос: В отношении осведомленности и руководства деятельностью вашей организации в Белоруссии, вы все время говорите почти исключительно о себе, а какова *была* роль остальных [участников] *членов* центра. Ответ: То, что я здесь показал...». А вы здесь показали о Бенеке, об Ульянове, о директиве поляков о подрыве обороноспособности, о назначении с ведома польской разведки должностных лиц, — это вы показали?

РЫКОВ. И кое-что еще.

ВЫШИНСКИЙ. Это показали?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. «То, что я здесь показал, знали, *разумеется,* и остальные члены центра, знали Бухарин и Томский». Подтверждаете вы это?

РЫКОВ. Это относится ко всему нашему отношению к Белоруссии.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, вы здесь не вывернетесь, [сказано ясно] *я прочту дальше...* «то, что я здесь показал», а здесь вы показали о польской директи-

ве портить оборонные пути сообщения, — это лист дела 123, о шпионской изменнической работе Бенека, лист дела 124, о шпионской изменнической работе Ульянова, лист дела 125 и 126, это, наконец, 127 стр., где говорится: «Из информации Червякова я запомнил основное, а именно, что руководству нашей организации в Белоруссии активно помогали польские разведывательные органы в деле разложения революционного движения в Западной Белоруссии и т.д.». И вопрос: вы говорите о себе, а скажите о соучастниках, которые знали. И ответ: знали и остальные члены центра — Бухарин и Томский.

РЫКОВ. Там поставлено слово «разумеется». Это значит, что это мое предположение, моя уверенность не основана на непосредственных фактах.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, вы ответили, что предпочитаете говорить о том, что знаете.

РЫКОВ. А здесь я сделал оговорку — разумеется.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда я прочту дальше «Знал Бухарин и Томский...». Тут уже не сказано «разумеется», а сказано, знали Бухарин и Томский, частично [знал] *в эти дела был посвящен* Шмидт, — вы имеете в виду Василия Шмидта, — «но на своей роли я больше останавливался по той причине, что *по решению центра* основные связи *по Белорусской антисоветской организации правых* были сосредоточены в моих руках». Ясно?

РЫКОВ. Мне это ясно.

БУХАРИН. Меня на предварительном следствии не спрашивали ни единого слова и вы, гражданин Прокурор, в течение трех месяцев не допросили меня, ни одного слова.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас сейчас допрашиваю. Это мое право.

БУХАРИН. Но на предварительном следствии?

ВЫШИНСКИЙ. Будьте любезны, не поучайте меня, как вести предварительное следствие, тем более, что вы в этом ничего не понимаете. Вы больше понимаете в тех делах, за которые вы очутились на скамье подсудимых.

БУХАРИН. Возможно.

ВЫШИНСКИЙ. Связь с контрреволюционными организациями была возложена по вашему постановлению на обвиняемого Рыкова?

БУХАРИН. В общей форме была возложена.

ВЫШИНСКИЙ. Поэтому вы состояли в законспирированном положении.

БУХАРИН. Здесь внутри конспирированного положения не было.

ВЫШИНСКИЙ. По связям с белорусской группой?

БУХАРИН. Вообще, все было законспирировано.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы были особо законспирированы?

БУХАРИН. Тут нельзя применять этот термин, он не подходит.

ВЫШИНСКИЙ. Вы хотите спорить о термине?

БУХАРИН. Нет, я не хочу спорить, наоборот, я умолкаю.

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу суд удостовериться. То, что мною процитировано, имеет полное тождество с тем, что записано в подлинном протоколе, подписанном Рыковым, и я прошу суд предъявить это Рыкову для того, чтобы он опознал свою подпись.

РЫКОВ. Я не отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. Слово «разумеется» относится к предыдущей фразе, а в отношении Бухарина сказано без слова «разумеется». «Бухарин и Томский знали, знал частично и Шмидт».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подтверждаю, что эти цитаты соответствуют подлинному протоколу, имеющему подпись *Рыкова* на каждой странице. [Рыкова.]

РЫКОВ. Я утверждаю то, что прочитано, к этому относится слово «разумеется».

ВЫШИНСКИЙ. Слова «разумеется» нет.

РЫКОВ. То, что я показывал: «знал Бухарин и Томский, частично знал Шмидт», надо понимать слово «разумеется». Я не такой хороший стилист. Если я в первой фразе сказал слово «разумеется», а вторая фраза есть пересказ первой фразы, то слово «разумеется» здесь подразумевается.

ВЫШИНСКИЙ. По вашему предположению, Бухарин *об этих шпионских связях* знал или не знал?

РЫКОВ. Он должен был знать, но менее детально и менее подробно, чем я знал. Но какие детали, какие подробности, какие факты из того, что я сообщил и что я знал более подробно, чем он, я этого сказать не могу.

ВЫШИНСКИЙ. Если вы по решению центра были уполномочены на связь с белорусской группой, то это значит, что вы знали все детали по связи.

РЫКОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. По связи, которую вы осуществляли, вы должны знать все.

РЫКОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. По вашей связи, которую вы делали, вы должны все знать.

РЫКОВ. Что я делал, должен знать? Этого я не пойму, что вы хотите.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю то, что вы делали, вы должны были знать?

РЫКОВ. То, что я делал?

ВЫШИНСКИЙ. Конечно.

РЫКОВ. То есть вы хотите спросить, был ли я всегда в сознательном состоянии или бессознательном?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

РЫКОВ. Я с Бухариным не разговаривал, но, думаю, что он знал.

ВЫШИНСКИЙ. А детали Бухарин мог не знать. Я спрашиваю вас не о деталях, а о существе. Существо Бухарин знал?

РЫКОВ. О существе связи Бухарин был информирован и знал об этом.

ВЫШИНСКИЙ. Я это и хотел установить. Позвольте считать установленным, что Рыков и Бухарин знали о существе изменнической связи, в состав которой входил и шпионаж. Правильно, Рыков?

РЫКОВ. То есть вытекал шпионаж.

БУХАРИН. Таким образом, получается, что я знал что-то, из чего то что-то вытекало.

ВЫШИНСКИЙ. Об этом вы поспорите на досуге.

РЫКОВ. Боюсь, что этого досуга не будет.

ВЫШИНСКИЙ. Это дело суда. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, продолжайте.

БУХАРИН. В 1933—1934 гг. кулачество было уже разгромлено, [ставка на массы уже уплыла, она] *повстанческое движение* перестало[а] быть реальной возможностью, [для заговорщических крупных планов повстанческого движения,] и поэтому в центре правой организации снова наступил период, когда ориентация на [голый] контрреволюционный заговорщический переворот сделалась центральной идеей. Таким образом, от дворцового переворота, комбинации переворота с массовыми восстаниями и ориентация на массовые восстания и соответствующая практика дела перешли к голому контрреволюционному заговорщичеству и в центре стали идеи государственного переворота, осуществляемого путем вооруженного заговора.

[Коротко, с] *С*илы заговора [здесь могли бы быть вскрыты —] это [были][1] силы Енукидзе плюс Ягода, их организация в Кремле и НКВД, причем Енукидзе в то время удалось завербовать, насколько мне [представляется и насколько я вспоминаю] *помнится,* бывшего коменданта Кремля Петерсона, который, кстати сказать, был в свое время комендантом поезда Троцкого. [, затем кое-какие курсантские силы, точно не могу сказать, но мне кажется, что речь шла о школе ВЦИК или какой-нибудь группе из этой школы, и кое-кого из командного состава этой самой школы[226]. Это второе.]

[Третье] *Затем* — военная организация заговорщиков: [та, о которой я уже вас докладывал, —] Тухачевский, Корк и другие.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году это было?

БУХАРИН. Я считаю, что это было в 1933—1934 гг.

ВЫШИНСКИЙ. А одновременно *вы вели переговоры* с Ходжаевым [вели переговоры такого] пораженческо-изменнического характера?

БУХАРИН. С Ходжаевым я имел один единственный разговор в 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. В 1936 г. А этот разговор о чем был?

БУХАРИН. Какой этот?

ВЫШИНСКИЙ. Который вы вели с Ходжаевым.

БУХАРИН. В 1936 г.?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

БУХАРИН. Собственно говоря, я слышал ведь показания Ходжаева, слышал, как они выступали на суде, и к этим выступлениям я должен внести целый ряд коррективов.

ВЫШИНСКИЙ. Сначала то, что не требует коррективов, а потом уже корректировать будете.

БУХАРИН. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили с Ходжаевым о том, что уже имеется соглашение с фашистской Германией?

БУХАРИН. Нет, не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. (К суду). Позвольте спросить обвиняемого Ходжаева. [Обвиняемый] *Подсудимый* Ходжаев, говорил с вами Бухарин?

ХОДЖАЕВ. Да, говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Как, где, когда, о чем конкретно?

ХОДЖАЕВ. В августе месяце, когда Бухарин приехал в Ташкент[227]...

ВЫШИНСКИЙ. Коротко изложите то, что вы показывали на суде, не дублируя.

ХОДЖАЕВ. Я показывал на предварительном следствии, показывал и на суде. [, что р] *Р*азговор между мною и Бухариным произошел на даче у меня в Чим[н]гане.

БУХАРИН. Это и я показывал.

ХОДЖАЕВ. После обзора международного положения СССР, после обзора положения по различным европейским странам, это дано подробно в предварительных показаниях, и затем обзора внутреннего положения Советского Союза, Бухарин [говорил] *сказал*, что надо нашу деятельность направить таким образом, чтобы эта деятельность помогла [этому естественному процессу, т.е. процессу, который бы мог] привести к поражению Союза.

ВЫШИНСКИЙ. То есть это он считал естественным процессом?

ХОДЖАЕВ. [Да, потому что п] *П*о его словам, внутреннее и внешнее положение вело к этому. Он сказал, что мы, правые, имеем соглашение с фашистской Германией, намечаем соглашение с Японией.

---

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, были вы у Ходжаева на даче?

БУХАРИН. Был.

ВЫШИНСКИЙ. Разговор вели?

БУХАРИН. И вел разговор, и у меня была голова на плечах все это время, но из этого не следует, что я вел разговор о том, о чем сейчас говорит Ходжаев, а я первый раз вел разговор...

ВЫШИНСКИЙ. Первый или не первый — это неважно. Такой разговор подтверждаете?

БУХАРИН. Не такой, а другой разговор, тоже конспиративный...

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре.

БУХАРИН. В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным...

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу суд разъяснить обвиняемому Бухарину, что он здесь не философ, а преступник, и о гегелевской философии ему полезно воздержаться говорить, это лучше будет, прежде всего, для гегелевской философии...

БУХАРИН. Может быть философ — преступник.

ВЫШИНСКИЙ. Да, т.е. те, которые воображают себя философами, оказываются шпионами. Философия здесь не к месту. Я вас спрашиваю, тот разговор, который передает сейчас Ходжаев, вы подтверждаете или отрицаете?

БУХАРИН. Я не понимаю слово «тот». Разговор на даче был.

ВЫШИНСКИЙ. Чего же тут не понимать? Разговор того содержания, которое здесь изложил Ходжаев. Ясно это?

БУХАРИН. Если вы говорите о содержании разговора, то содержание было несколько иное, а разговор этот на даче был.

ВЫШИНСКИЙ. Какое иное содержание?

БУХАРИН. Я с Ходжаевым говорил первый раз в жизни — политически. Это объясняет характер разговора. Я с ним говорил относительно того, что необходимо быть готовым к свержению советской власти насильственным путем и для этого необходимо использовать возможные массовые движения, которые бы могли быть там. Во-вторых...

ВЫШИНСКИЙ. При чем тут соглашение с фашистской Германией?

БУХАРИН. Я не говорил о соглашении.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Ходжаев, говорил Бухарин о соглашении?

ХОДЖАЕВ. Я подтверждаю, что им было сказано то, о чем он здесь говорил, но после этого, как раз, он сказал о соглашении с Германией.

ВЫШИНСКИЙ. Насчет Англии был разговор?

ХОДЖАЕВ. Да, был. Он сказал, что намечается соглашение с Англией и что правый центр примет со своей стороны меры к тому, чтобы это соглашение было, и что мы — центр националистической организации Узбекистана также со своей стороны должны предпринять необходимые шаги в этом направлении.

ВЫШИНСКИЙ. Именно?

ХОДЖАЕВ. В смысле связи с английскими резидентами.

ВЫШИНСКИЙ. Через?

ХОДЖАЕВ. По вопросу о «через» — мы — я и Бухарин — вместе это установили, не в смысле директивы, а просто в виде разговора...

ВЫШИНСКИЙ. Консультация?

ХОДЖАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, вы подтверждаете эту часть показаний Ходжаева?

БУХАРИН. Я говорил Ходжаеву, что во внешнеполитической ориентации надо использовать все клавиши, в том числе и английские...

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили не об английской ориентации, а об английских клавишах?

БУХАРИН. Если вам угодно, об английских клавишах.

ВЫШИНСКИЙ. А попросту вы бы могли сказать?

БУХАРИН. Во внешней политике новая ориентация исключительно на нейтрализацию, поддержку или еще что-нибудь одних групп Японии или Германии не нужна, что, однако, остается в силе, и что нужно использовать международные противоречия...

ВЫШИНСКИЙ. Надо ориентироваться на кого?

БУХАРИН. Простите, я же говорю, а не вы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, не забывайте, что не вы регулируете здесь вопросы и ответы.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, на кого надо ориентироваться по-вашему?

БУХАРИН. Я ему говорил, что нужно использовать международные противоречия...

ВЫШИНСКИЙ. [Я вас спрашиваю, говорили ли вы с тем, что нужно использовать какие-то иностранные государства?] *Подсудимый Бухарин, вы подтверждаете показания Ходжаева?*

БУХАРИН. Я говорил, что нам придется иметь дело *с различными иностранными государствами и что нельзя иметь дело*[1] только с одной группировкой, но нужно иметь дело и с другими.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы говорили Ходжаеву, что надо ориентироваться на некоторые иностранные государства?

БУХАРИН. Видите ли, я перестал употреблять выражение ориентация из-за его двусмысленности и поэтому уточняю...

ВЫШИНСКИЙ. Вот и уточните.

БУХАРИН. Я ему сказал...

ВЫШИНСКИЙ. Об Англии был разговор?

БУХАРИН. Был.

ВЫШИНСКИЙ. О Японии был разговор?

БУХАРИН. Был.

ВЫШИНСКИЙ. О Германии был разговор?

БУХАРИН. Был.

ВЫШИНСКИЙ. Был разговор о том, что нужно использовать и то и другое в интересах вашей борьбы против советской власти?

БУХАРИН. Такой постановки вопроса не было. Я ведь говорил с Ходжаевым первый раз.

ВЫШИНСКИЙ. Да, что вы, вы говорили о свержении советской власти первый раз!

БУХАРИН. Да, по очень простой причине, напрасно вы машете рукой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Обвиняемый Бухарин, не забывайте, где вы находитесь.

БУХАРИН. Этот разговор шел в терминах, совершенно конспиративных, и не было сказано ни одного слова...

ВЫШИНСКИЙ. Я вас не спрашиваю о терминах, а спрашиваю о содержании разговора.

БУХАРИН. Я говорю теми же словами, какими говорил и в своих показаниях на предварительном следствии...

---

[1] * *— рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. Я же не о словах говорю. Я вынужден буду тогда прекратить допрос, потому что вы, очевидно, придерживаетесь определенной тактики и не хотите говорить правду, прикрываясь потоком слов, крючкотворствуя, отступая в области политики, философии, теории и т.д., — что вам нужно забыть раз и навсегда, ибо вы обвиняетесь в шпионаже и являетесь, очевидно, по всем данным следствия, шпионом одной из разведок. Поэтому бросьте крючкотворствовать. Если вы так хотите защищаться, я прекращу допрос.

БУХАРИН. Я отвечаю на ваши вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. Вы с Ходжаевым разговаривали о свержении советской власти, [о] подготовляющемся [или подготовлявшемся] вашей заговорщической группой? [свержении советской власти?]

БУХАРИН. Говорил в закрытых, туманных формулах.

ВЫШИНСКИЙ. В таких, однако, формулах, чтобы он понял вас?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. (К Ходжаеву.) Вы поняли?

ХОДЖАЕВ. Абсолютно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, речь идет не о словах, а о содержании. Говорили вы о том, что нужно ориентироваться во внешних отношениях на различные иностранные государства, исходя из внутренних противоречий и международных противоречий, в интересах борьбы вашей группы заговорщиков против советской власти?

БУХАРИН. Так точно.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили?

БУХАРИН. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Ходжаев прав, что вы ему говорили насчет связей с английскими разведчиками?

БУХАРИН. А этого не было.

ВЫШИНСКИЙ. (К Ходжаеву.) Было так, Ходжаев?

ХОДЖАЕВ. Было.

БУХАРИН. Это же нелепо, потому что помощь не разведчиками определяется...

ХОДЖАЕВ. Я говорю не разведчиками, а резидентами.

ВЫШИНСКИЙ. Как видите, не просто разведчиками, а резидентами.

ХОДЖАЕВ. Мы установили с ним, что лучше действовать либо через таджикских людей, либо послать в Афганистан человека.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бухарину.) Это вы отрицаете?

БУХАРИН. Отрицаю. Меня никто об этом не спрашивал.

ВЫШИНСКИЙ. Вот я вас и спрашиваю.

БУХАРИН. За год моего сидения в тюрьме меня об этом ни разу не спрашивали.

ВЫШИНСКИЙ. Мы вас спрашиваем здесь на главном пролетарском суде, мы спрашиваем здесь на этом суде перед всем миром.

БУХАРИН. Но раньше вы не спрашивали об этом.

ВЫШИНСКИЙ. Я еще раз спрашиваю на основании того, что здесь было показано против вас: не угодно ли вам признаться перед советским судом, какой разведкой вы были завербованы — английской, германской или японской?

БУХАРИН. Никакой.

ВЫШИНСКИЙ. Я к Бухарину пока не имею вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляю перерыв на полчаса.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ*. Садитесь, пожалуйста.

[Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, продолжайте ваши показания, только говорите поконкретнее.

БУХАРИН. Хорошо, слушаюсь.

Я закончил свое показание на том, что создалась организация преступного контрреволюционного заговора, в которую входили силы Енукидзе, Ягоды, организации в Кремле, НКВД, военной организации и силы московского гарнизона, которые входили под руководство заговорщиков военной группы, что само собой не исключало и использование других сил и кадров состава троцкистов и зиновьевцев. Тем более, что в самой группе, которая была непосредственным организатором сил долженствующей и фактической организацией военного переворота, был уже сравнительно давно блок между правыми, троцкистами и зиновьевцами, которые, насколько мне память не изменяет, вошли в эту военную группу до того, как был организован контактный центр.

[Из конкретных действий, о которых можно было бы говорить, кроме организационной стороны дела, я должен отметить, что в] *В* период около XVII партсъезда[228], по инициативе Томского, возникла мысль о том, чтобы государственный переворот, путем применения этих вооруженных контрреволюционных сил, [важнейшей составной частью которых, как я уже докладывал, была эта военная группа,] приурочить [этот государственный переворот] как раз к моменту XVII партийного съезда. [Причем, п] *П*о мысли Томского, составной частью этого переворота было чудовищное преступление — [насколько мне помнится,] арестовать XVII партсъезд.

Эта мысль Томского подверглась обсуждению, правда, очень беглому, но против этой мысли со всех сторон раздавались возражения. Я боюсь ошибиться, но, мне кажется, что было таким образом, что сперва это обсуждалось в правом центре, но т.к. там это было провалено, то вопрос этот обсуждался в так называемом контактном центре.

Пятаков против этой идеи высказался не по принципиальным соображениям, а по соображениям тактического порядка, [что] это вызвало бы исключительное возмущение среди масс. Словом, не по принципиальным соображениям высказывались против, а чисто по тактическим соображениям. [Таким образом, э] Эта идея была отвергнута. Но уже одно то обстоятельство, что эта идея возникла и что подверглась обсуждению, достаточно ярко говорит о всей чудовищности, преступности подобной организации.

[Я еще забыл остановиться, хотя это относится к гораздо] *Должен сказать, что еще в гораздо более* ранн*ий*[ему] период[у, и отчасти этого вопроса касались на предыдущем заседании суда, что] я [еще] лично [отвечаю, это было, мне кажется, на перекрестном допросе меня с Рыковым, я хочу дополнить картину для того, чтобы не было мысли, что я отступил на задний план, должен сказать или напомнить, что еще в гораздо более ранний период я лично] давал поручения Семенову об организации террористических групп... причем докладывал об этом в нашем правом центре. Это было принято. [, и т] [*Таким*][1] образом, я более, чем кто-либо другой из членов центра, ответственен за организацию террористических групп Семенова.

Я должен также остановиться на продолжении мысли, которой отчасти я уже касался, или фактов, о которых я упоминал, — блокировки с различны-

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

ми контрреволюционными силами, в частности и в особенности, с эсерами и меньшевиками. Что касается моей непосредственной практической деятельности в то время, а не только теоретически-установочной, то я должен по этому поводу показать, что через несколько лиц я пытался устанавливать, и я сам лично, такого рода связь. [Я, прежде всего, упоминаю о том, что я] *Я* давал *также* поручение [тому же самому] эсеру Семенову[229], о котором речь шла [вчера] *третьего дня* на допросе, — связаться с подпольными членами эсеровского ЦК, которые, если не ошибаюсь, находились тогда в ссылке, (но это дело не меняет) и, следовательно, несу за это уже непосредственную, даже не только как член правого центра, но и непосредственно в самом узком смысле слова, ответственность.

Во-вторых, я пытался установить связь с заграничными организациями и группами эсеров через некоего [Семена Борисовича] Членова. Это один из работников нашей дипломатической службы, который был мне известен еще с очень давних лет, еще по гимназическим временам, когда он был в организации социал-демократической тогдашних времен[230]. Я это говорю не для того, чтобы в экскурс исторический пускаться, а для того, чтобы объяснить и показать, для чего я к нему, не взирая на конспиративность тогдашней работы, возымел такое доверие. И он пытался установить связь с ЦК эсеров, причем, когда он возвратился, то он не успел со мною переговорить на этот счет подробно, но я из этого разговора выяснил, примерно, следующее. [, что э] *Э*серы ответили согласием *принципиальным*[I] на поддержание блока и контакта с правыми, троцкистами, зиновьевцами и прочими, [и что] *но* они потребовали [каких-то] формальных гарантий, чуть ли [даже] не в письменной форме. [но у] *У*словия, которые они поставили, [они, главным образом,] сводятся к изменению крестьянской политики в духе кулацкой ориентации и затем к легализации [так называемых «социалистических»] партий [т.е. конкретно,] — эсеров и меньшевиков, из чего, [как само] *само* собою разумеется, вытекал[о, и как об этом я докладывал вчера, — вытекал] коалиционный состав того правительства, которое имеет возникнуть в случае успеха *заговора*. [заговорщического движения или комбинации заговорщического движения с массовым движением.]

Кроме того, непосредственно [и тоже самое] лично я во время своей [заграничной поездки] последней *заграничной поездки* в 1936 г., после разговора с Рыковым, установил связь с *Николаевским — меньшевиком*[II], который очень близок к руководящим кругам меньшевистской партии[231]. [, причем и] *И*з разговора с Николаевским я выяснил, что [Николаевский находится] *он* в курсе соглашений между правыми, [с одной стороны, с] зиновьевскими, каменевскими людьми и троцкистами. [, с другой, ч] *Ч*то он вообще [, так сказать,] в курсе [довольно подробно] *все*возможных дел, в том числе, [начиная с] *и* Рютинской платформы[232]. [И т] *Т*о конкретное и новое, о чем шел между нами разговор, заключалось в том, что, в случае [нашего] провала [, т.е. провала правого] центра *правых*, или контактного центра, или вообще верхушечной организации все*го*[й] заговор*а*[щической организации по совокупности], у него, *через* Николаевского, [или через него] будут договор*енности*[ы] с лидерами второго Интернационала о том, что они поднимают соответствующую кампанию в печати[233].

[Я должен сказать, что к] *К*роме меня персонально, некоторые другие из крупных руководителей право-троцкистской организации (я в данном слу-

---

I * * — знак переноса слова (синие чернила) — «*Эсеры принципиальным ответили согласием*».
II * * — инверсия (синие чернила) — «*меньшевиком Николаевским*».

чае могу сказать о правых, о других у меня сведений нет) то же самое имели связи, [имели дело с] устанавл*ивали*[ением] преступн*ый*[ого] контакт[а и даже больше, чем контакта] с представителями *давно сложившихся* контрреволюционных организаций. [, уже, так сказать, давно исторически сложившихся.] У Рыкова был*и*[а] связ*и*[ь с меньшевиками, мне кажется, через того же] *через* Николаевского *с меньшевиками*... Я позабыл сказать, что свидание с Николаевским мне облегчалось и не только облегчалось, но и прикрывалось тем обстоятельством, что по роду своей служебной командировки я должен был с этим Николаевским встречаться[234]. Таким образом, у меня было вполне легальное прикрытие для того, чтобы вести контрреволюционные разговоры и устанавливать те или иные соглашения.

[У Рыкова были связи через этого Николаевского с меньшевиками и затем были о] *О*чень крупные связи *были* у А.[лександра] П.[етровича] Смирнова, так называемого, Фомы, еще с давних времен. [когда он был в Наркомземе, — в Наркомземе,] *Они установились еще тогда, когда он был в Наркомземе, где*, как известно, был целый ряд крупнейших деятелей эсеровского или около эсеровского движения. Всем известно, что часть их прошла по вредительским процессам[235]. И Смирнов точно так же со своей стороны налаживал связи с эсерами.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению — и я это вполне целиком и полностью признаю, что кроме блокировки с троцкистами, зиновьевцами, каменевцами, буржуазно-националистическими [элементами и] организациями, [еще] была *еще* совершенно непосредственная и реальная связь с [правыми] эсерами и меньшевиками, [Правда, насколько мне известно, сейчас эсеры разбились на различные группировки, но я здесь, уточняя, говорю, что мне известно] к чему непосредственным виновником в значительной мере был я сам, разумеется, [не] в качестве [поросли, а в качестве] руководящего центра правых. Речь шла, в первую очередь, об эсерах подпольных, которые оставались здесь, т.е. о бывшем центральном комитете официальной партии эсеров, и, во-вторых, о заграничной организации, которая, главным образом, сосредотачивалась около такой фигуры, как Марк Вишняк, — бывший секретарь учредительного собрания.

После того, как произошел большой разгром троцкистов и зиновьевцев в связи с убийством Сергея Мироновича Кирова[236], после этого...

ВЫШИНСКИЙ. Вы хотите переходить уже к другому периоду, а я хотел бы спросить по поводу эсеровских вопросов. Здесь Бессонов дал показания относительно его поездки в Прагу и свидания с Сергеем Масловым. Там была [ссылка на Бухарина и Рыкова] в разговоре Бессонова с Масловым *была ссылка на Бухарина и Рыкова.* Бессонов говорил здесь, вы помните?

БУХАРИН. Мне казалось, он говорил о том, что он был информирован о подпольной деятельности Бухарина и Рыкова.

ВЫШИНСКИЙ. Вот я и хотел бы спросить предварительно Бессонова. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бессонов, вам говорил Маслов о том, что он был в курсе подпольной деятельности Бухарина?

БЕССОНОВ. Он говорил, что он в курсе [эволюционных] *контрреволюционных* взглядов правой оппозиции и их подпольной деятельности.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, у вас была непосредственная связь с Масловым?

БУХАРИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вам известно [также] кем был *в Праге Маслов*[1]? Что он был организатором [«Трудовой Крестьянской партии»? *Так, обвиняе-

[1] * * — инверсия — *«Маслов в Праге»*.

мый *[подсудимый]* Бессонов?*[I]] *контрреволюционной кулацкой партии, что он жил на средства иностранной разведки и на средства своих газет и журналов. Так, подсудимый Бессонов?*

БЕССОНОВ. Совершенно верно.

[ВЫШИНСКИЙ. Что он жил на средства иностранной разведки и на средства своих газет и журналов.[II] Через кого он был информирован?[III]] *[Так, подсудимый Бессонов?]*

ВЫШИНСКИЙ. Через кого он был информирован?

БУХАРИН. Мне это неизвестно, но я предполагаю, что это было сделано через оставшихся членов заграничного Центрального Комитета эсеров[237].

ВЫШИНСКИЙ. Вы были [с ним] связаны [?] *с ЦК эсеров?*

БУХАРИН. Через Членова с Рапопортом.

ВЫШИНСКИЙ. Эсером?

БУХАРИН. Этот Рапопорт был связан с Марком Вишняком.

ВЫШИНСКИЙ. И они были связаны?

БУХАРИН. Я не знаю, а могу предполагать. Вы знаете, что в эмиграции обычно имеют связь старые знакомые.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы предполагаете, что о вашей подпольной деятельности Сергей Маслов был информирован через членов заграничного ЦК эсеровской организации...

БУХАРИН. Или Рапопорт или Вишняка.

ВЫШИНСКИЙ. А по линии Рыкова через Николаевского?

БУХАРИН. Нет, это я не думаю.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Рыков, вы не предполагаете, откуда Сергей Маслов получил информацию?

РЫКОВ. У меня по этому вопросу никаких сведений и предположений нет.

ВЫШИНСКИЙ. *[(Рыкову).]* [А *в] Вы* о своей подпольной деятельности сообщали меньшевикам, с которыми были связаны?

РЫКОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А как же?

РЫКОВ. Они знали, что я веду работу против ЦК.

ВЫШИНСКИЙ. Откуда знали?

РЫКОВ. От меня знали.

ВЫШИНСКИЙ. А вы говорили...

РЫКОВ. Тут я понял, что речь идет о том, что определенная организация ведет работу, а какую работу...

ВЫШИНСКИЙ. Подпольную, антисоветскую работу. Они знали?

РЫКОВ. В этой форме знали, а более конкретных вещей не знали.

ВЫШИНСКИЙ. И не было необходимости более конкретные вещи знать. Значит, можно предполагать, что в эмигрантском кругу, где вращался Николаевский, были сведения от него о вашей подпольной деятельности.

РЫКОВ. Я в эмиграции хотя и был[238], но по этому вопросу сказать не могу.

ВЫШИНСКИЙ. Это не экспертиза, а выяснение тех связей, которые вы имели.

[I] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (зеленые чернила) и подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

[III] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

РЫКОВ. Я о своих связях сказал. Вы спрашиваете, перешла ли эта связь к Маслову?

ВЫШИНСКИЙ. Понятно.

РЫКОВ. Да.

*ВЫШИНСКИЙ. *(Рыкову).* Вы информировали о своей подпольной [работе] Николаевского*?* [Вы это подтверждаете?]

РЫКОВ. Да. [, сообщал через здешнего брата.]

ВЫШИНСКИЙ. Можно установить, обвиняемый Бухарин, что сообщение Бессонова здесь о его разговоре с Масловым, о том, что он был в курсе и поддерживал контакт с правыми. Вы, как руководитель этой контрреволюционной организации, следовательно, также были в сфере этого контакта. Вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Я не был в сфере этого контакта. Я был в сфере контакта с эсерами. Что они делали, я сведений не имею, но на ваш вопрос я высказываю предположение, по какой линии это могло быть.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. По каким каналам это могло идти?

БУХАРИН. Да, по каналам, по которым это могло идти.

ВЫШИНСКИЙ. [Продолжайте.] *Подсудимый Бухарин, продолжайте.*

БУХАРИН. Таким образом, я закончил на вопросе относительно состава «право-троцкистского блока», который, как это видно из всего, называется право-троцкистский центр, а на самом деле имеет гораздо более широкое содержание не только с точки зрения своих хвостов или своего окружения, но с точки зрения самого своего состава.

ВЫШИНСКИЙ. Говоря об этих связях вашего центра и вашего блока, вы не сказали о связях с иностранной разведкой и фашистскими кругами.

БУХАРИН. По этому поводу я ничего не имею показать.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме того, что вы показали?

БУХАРИН. Да, кроме того, что я показал.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

БУХАРИН. [После разгрома троцкистов и зиновьевцев с] *С* приходом к власти фашистов в Германии [встали различные разговоры в обмен мнений] среди верхушки контрреволюционных организаций [по вопросу] *начался обмен мнений* относительно возможности использования иностранных разведок в связи с военной ситуацией. Здесь я должен прямо сказать, а на суде я рассказываю то, что я именно помню, дело обстояло в этом важнейшем вопросе, который представляет очень крупный объект для суждения суда и для применения тех или иных санкций судебного порядка, дело обстояло таким образом, что у троцкистов с места в карьер речь шла относительно территориальных уступок, тогда как в общем и целом в сферах руководящих кругов правой контрреволюционной организации речь шла в первую очередь относительно концессий, торговых договоров, тарифов цен, поставки сырья, горючего и т.п., одним словом — различных уступок экономического содержания. Я заявил суду в самом начале своих показаний, что я, как один из руководителей контрреволюционного блока, а не как стрелочник, несу ответственность за совокупность решительного всего, что производилось этой организацией. Но, поскольку речь идет относительно конкретных вещей, мне кажется, что можно охарактеризовать дело таким образом, что ведущим началом в блоке, наиболее активным политическим началом в смысле остроты борьбы, в смысле далеко идущих преступных связей и прочее, — все-таки была троцкистская часть. Опять-таки я говорю не для того, чтобы

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (зеленый карандаш).

снять ответственность с правой части, потому что в данном случае, с точки зрения криминологии, не важно, кто первый сказал «а», кто повторил это «а», кто его раскрыл и его донес. ...но с точки зрения внутренней механики этого дела и с точки зрения выяснения личной роли Троцкого, который, к сожалению, вне пределов досягаемости сюда, мне кажется, этот вопрос имеет известное значение, и поэтому я осмеливаюсь здесь его подчеркнуть.

[Первый раз я узнал об этом из разговора с Радеком. Если не ошибаюсь, это было л] *Л*етом 1934 г. [.] Радек мне [тогда] сказал, что от Троцкого получ*ены*[ились] директивы, что [ему известно, что] Троцкий с немцами ведет переговоры, [причем эти переговоры Троцкий проводил до всяких сношений с остальными частями блока,] что Троцкий уже обещал немцам целый ряд территориальных уступок, в том числе Украину. Если мне память не изменяет, там же фигурирова*ли*[а] *территориальные уступки* и Япония. Вообще, Троцкий вел себя в этих переговорах уже не только как заговорщик, который в будущем имеет надежду на то, что*бы* путем вооруженного переворота стать у власти, но уже сам чувствует себя хозяином советской земли, которую он хочет превратить из советской в несоветскую.

Должен сказать, что тогда, в ту пору, я Радеку возражал. Это Радек в своих показаниях подтверждает, точно так же, как он подтверждал на очной ставке со мною, что я против этого возражал, что я считал необходимым, чтобы он, Радек, написал Троцкому, что Троцкий слишком далеко идет в этих переговорах, что он может скомпрометировать не только самого себя, но и всех своих союзников, в частности, нас, правых заговорщиков, и что это обеспечит нам наверняка провал. Мне казалось, что при развитии массового патриотизма, который не подлежит никакому сомнению, эта [элементарная форма, на] точк*а*[е] зрения [которой стоял] Троцк*ого*[ий,] политически [нецелесообразна] и тактически нецелесообразна с точки зрения самого заговорщического плана, и что здесь надо действовать гораздо более осторожно.

ВЫШИНСКИЙ. Кто сказал это?

БУХАРИН. Я говорил это. Я даже считал [на определенной стадии развития], что предварительные переговоры *не нужны*. [вообще совершенно ни к чему и что может идти речь только о последующих переговорах.]

ВЫШИНСКИЙ. Чтобы не провалиться?

БУХАРИН. Нет, тут были и другие соображения...

ВЫШИНСКИЙ. Как вы только что сказали, вы тогда указывали, что это могло слишком далеко завести... Вы боялись провала?

БУХАРИН. Я говорю не о провале в смысле ареста, а в смысле провала всего дела.

ВЫШИНСКИЙ. Я тоже об этом говорю. Из осторожности, чтобы не провалить свое заговорщическое дело, вы высказывали такую точку зрения?

БУХАРИН. Тут надо перевернуть несколько...

ВЫШИНСКИЙ. Можете переворачивать как хотите...

Это в каком году было?

БУХАРИН. Разговор с Радеком [, если не ошибаюсь,] был летом 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ. А разговор с Караханом был позже?

БУХАРИН. Был после его приезда [.] *в Москву в 1935 г.*

[ВЫШИНСКИЙ. То есть в какому году?]

[БУХАРИН. Я думаю, в 1935 г.]

ВЫШИНСКИЙ. А этому разговору с Караханом предшествовал разговор с Енукидзе или разговор с Енукидзе на эту тему был позже?

БУХАРИН. Первый разговор был с Томским.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, в основе лежал разговор с Томским.

БУХАРИН. По этому поводу были три разговора.

ВЫШИНСКИЙ. Мы перейдем к этому позже. Продолжайте.

БУХАРИН. Должен ли я остановиться на внутренней стороне дела, на разговорах, которые имели место, или это неинтересно?

БУХАРИН. Смотря о чем были разговоры.

БУХАРИН. Конечно, не о погоде.

ВЫШИНСКИЙ. Говорите о ваших преступных разговорах.

БУХАРИН. Томский признавал возможным использование войны и предварительных соглашений с Германией. Тогда я выступил против этого со следующими аргументами. Я говорил, что, во-первых, если речь идет относительно вмешательства в той или иной форме Германии во время войны в помощь контрреволюционному перевороту, то, как всегда эта бывает, и т.к. она представляет собой довольно сильный военный и технический фактор, — она неизбежно положит ноги на стол и разорвет всякое предварительное соглашение, которое предварительно было бы заключено. Во-вторых, я выставляю тот аргумент, что, поскольку речь идет о военном перевороте, то, в силу самой логики вещей, будет необычайно велик удельный вес именно военной группы заговорщиков, и, как всегда бывает в этих случаях, именно эта часть совокупных верхушечных контрреволюционных сил окажется в распоряжении больших материальных сил, а, следовательно, и политических, и что отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я, в частности, имел в виду Тухачевского, первым делом расправя[и]т[ь]ся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу. Я всегда в разговорах называл Тухачевского «потенциальным Наполеончиком», а известно, как Наполеон расправлялся с так называемыми идеологами.

ВЫШИНСКИЙ. А вы считали себя идеологом?

БУХАРИН. В том числе и идеологом контрреволюционного переворота.

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

БУХАРИН. И практиком.

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

БУХАРИН. Вам, конечно, предпочтительнее сказать, что я считал себя шпионом, но я им себя не считал и не считаю.

ВЫШИНСКИЙ. Это было бы правильнее всего.

БУХАРИН. Это ваше мнение, а мое мнение другое.

ВЫШИНСКИЙ. Посмотрим, какое будет мнение суда. Скажите, когда вы вели с Томским этот «идеологический» разговор или в другой раз, излагал ли вам Томский два варианта захвата власти?

БУХАРИН. У меня через несколько строк как раз будет и об этом.

ВЫШИНСКИЙ. Я подожду.

БУХАРИН. Хорошо. Я хотел сказать, что после этих предварительных разговоров в 1935 г., я не знаю, какие факторы еще сыграли роль до принятия какого-нибудь решения со стороны правого центра и со стороны контактного центра, напирал ли на Томского Енукидзе, или военные круги, или Енукидзе, троцкисты и зиновьевцы вместе, — но факт тот, что Карахан уехал без предварительного разговора с членами руководящего центра, за исключением Томского.

Вот теперь я хочу передать суду то, что сохранилось в моей памяти по поводу трех разговоров, которые имели место после приезда Карахана. Первый разговор был с Томским, второй разговор с Енукидзе и третий разговор с Караханом, который вносил некоторые детали и добавочный коэффициент в разговор.

Как я вспоминаю, мне рассказывал Томский, что Карахан добился соглашения с Германией на более выгодных формах, чем Троцкий.

ВЫШИНСКИЙ. Раньше всего скажите насчет Томского. Меня интересует ваша беседа с Томским по существу вашего плана осуществления государственного переворота, как вы называете, захвата власти. Когда был у вас разговор относительно того, чтобы открыть немцам фронт?

БУХАРИН. Я сейчас перейду к этому.

ВЫШИНСКИЙ. Нельзя ли коснуться, как вы собирались с Томским открывать немцам фронт в случае войны?

БУХАРИН. Я об этом скажу несколько позже.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не хотите говорить о том, что интересует сейчас следствие?

БУХАРИН. Я скажу относительно этого фронта.

ВЫШИНСКИЙ. Я ставлю третий раз вопрос. [Желаете ли вы рассказывать, как вы с Томским собирались в случае войны с Германией открыть] *Когда у вас был разговор относительного того, чтобы открыть немцам* фронт*?* [на границе?]

БУХАРИН. Когда я спросил Томского, как он мыслит механику переворота, он ответил, что это дело военной организации, которая должна открыть фронт. [Вот был ответ Томского.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Томский собирался открыть фронт?

БУХАРИН. Он этого не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Да или нет?

БУХАРИН. Я сказал, как же мыслится механика этого вмешательства.

ВЫШИНСКИЙ. Чьего вмешательства?

БУХАРИН. Некоторых иностранных государств.

ВЫШИНСКИЙ. Как мыслится, он сказал?

БУХАРИН. Томский сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Томский сказал — открыть фронт?

БУХАРИН. Я скажу точно.

ВЫШИНСКИЙ. Что он сказал?

БУХАРИН. Томский сказал, что это дело военной организации, которая должна открыть фронт.

ВЫШИНСКИЙ. Почему она должна открыть фронт?

БУХАРИН. Он этого не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Почему она должна открыть фронт?

БУХАРИН. Она, с моей точки зрения, не должна была открыть фронт.

ВЫШИНСКИЙ. С точки зрения вашей организации?

БУХАРИН. С точки зрения нашей организации.

ВЫШИНСКИЙ. С точки зрения Томского они должны были открыть фронт или нет?

БУХАРИН. С точки зрения Томского. Он, во всяком случае, не возражал против этой точки зрения.

ВЫШИНСКИЙ. Согласен был?

БУХАРИН. Если он не возражал, то на три четверти, вероятно, был согласен.

(Смех в зале.)

ВЫШИНСКИЙ. Одну четверть все-таки спрятал на запас?

БУХАРИН. Это я хочу только подчеркнуть.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю. Отвечайте на вопрос.

БУХАРИН. Гражданин Прокурор, вы сказали, что каждое слово для суда очень важно.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите мне предъявить показания Бухарина — [дело № 96, том 5 и даже ранее, лист дела 95:] *том 5, лист дела 95—96:* «[Также] *Томский* сказал[но] мне, что [осуществлялись] *обсуждались* два варианта: случай, когда новое правительство организуется во время мира», а, значит, заговорщики организуют во время мира новое правительство, и «случай, когда оно организуется во время войны, причем *для последнего случая* немцы требуют больших экономических уступок», уступки, о которых я уже говорил — *«и настаивают на* территориальных[е] уступк*ах*[и]». Скажите, правильно это или нет?

БУХАРИН. Да, это все правильно.

ВЫШИНСКИЙ. *(Читает дальше).* «Я спросил *Томского,* как же мыслится *в этой связи* механика переворота? Он сказал, что это дело военной организации, которая должна будет открыть фронт немцам».

БУХАРИН. Да, правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Что значит — согласен или не согласен?

БУХАРИН. Он сказал: должен, но смысл этих слов «золлен», а не «муссен».

ВЫШИНСКИЙ. Вы вашу философию оставьте. «Должен» по-русски — это значит «должен».

БУХАРИН. Это значит, что в военных кругах была мысль о том, что в этом случае эти военные круги...

ВЫШИНСКИЙ. Нет, не мысль, а они должны были. Значит...

БУХАРИН. Нет, не значит.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, не должны были открывать фронт?

БУХАРИН. То есть с чьей точки зрения? Томский говорил о том, что ему говорили военные, что говорил Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. А вы что показывали?

БУХАРИН. Я очень хорошо знаю свои показания.

ВЫШИНСКИЙ. «Томский сказал, что переворот совершить — это дело военной организации, которая должна будет открыть фронт немцам». Ясен вопрос?

БУХАРИН. Я сказал, я спросил Томского: «А как же мыслится механика этого вмешательства», он сказал: «это дело военной организации, которая должна открыть фронт немцам». На это я ему сказал, что...

ВЫШИНСКИЙ. Дальше не надо еще. Должны были открыть фронт. Значит, предполагали открыть фронт немцам?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. В чьих кругах?

БУХАРИН. В кругах военной организации.

ВЫШИНСКИЙ. Томский согласен был с этим?

БУХАРИН. Он этого прямо не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. На три четверти он был согласен?

БУХАРИН. Я вам говорю, что из того, что он сказал, вытекало, что он с этим, вероятно, согласен.

ВЫШИНСКИЙ. А когда он вам сказал это, вы возражали?

БУХАРИН. Я возражал.

ВЫШИНСКИЙ. А почему вы не написали, что «я возражаю»?

БУХАРИН. Тут уже дальше написано.

ВЫШИНСКИЙ. А дальше тут написано совсем другое.

БУХАРИН. Это и значит, что я возражаю.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше написано так: «на это я сказал ему, что в таком случае». [Т.е. в] *В* каком случае?

БУХАРИН. В случае открытия фронта.

ВЫШИНСКИЙ. [«...]правильно... *«в таком случае* целесообразно отдать под суд виновников поражения на фронте. Это даст нам возможность увлечь за собой массы, играя патриотическими лозунгами».

(В зале смех.)

БУХАРИН. Но позвольте, я вам это объясню, если разрешите.

ВЫШИНСКИЙ. Сейчас. Будем разбираться по порядку. Это есть ваше возражение?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Так вы ему и сказали: «Открывать фронт нельзя»?

БУХАРИН. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. А где это написано?

БУХАРИН. Это не написано, но это само собой разумеется.

(В зале смех.)

ВЫШИНСКИЙ. А что значит играть патриотическими лозунгами?

БУХАРИН. Это не значит тут «играть» в одиозном смысле...

ВЫШИНСКИЙ. «Должен» — не в том смысле, «играть» — тоже не в том смысле.

БУХАРИН. «Должен» имеет в русском языке два значения.

ВЫШИНСКИЙ. А мы хотим иметь здесь одно значение.

БУХАРИН. Вам угодно так, а я с этим имею право не соглашаться. Известно, что в немецком языке «золлен» и «мюссен» имеют два значения...

ВЫШИНСКИЙ. Вы привыкли говорить на немецком языке, а мы говорим на советском языке.

БУХАРИН. Немецкий язык сам по себе не одиозен.

ВЫШИНСКИЙ. Вы продолжайте говорить на немецком языке, вы уже привыкли с немцами вести переговоры на их языке, а здесь мы говорим на русском языке. Когда вы узнали, что Томский сообщил вам открыть немецкий фронт, то, если бы вы возражали, то надо было бы сказать так: «Я возражал, я сказал, что я на такое предательство, на такую измену не пойду». Вы это сказали?

БУХАРИН. Нет, не сказал. Но если я говорю, что нужно сделать...

ВЫШИНСКИЙ. Играть патриотическими лозунгами, т.е. отыграться, изобразить так, как будто кто-то изменил, а мы — патриоты...

БУХАРИН. Это не совсем так, потому что в других местах моих показаний, и в том числе на очной ставке с Радеком, и во время всех разговоров с Радеком, я Радеку возражал, говорил, что Томский не понимает...

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин, то, что вы здесь применили иезуитский способ, вероломный способ, свидетельствует и дальнейшее. Позвольте огласить дальше: «Я имел в виду, что этим самым, т.е. осуждением виновников поражения можно будет добиться, *избавиться попутно от* тревожившей меня бонапартистской опасности».

БУХАРИН. Да, совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. [Это вы называете] *Так вот как вы* «возражали» против открытия фронта[?]!

БУХАРИН. Одна задача нисколько не мешает другой.

ВЫШИНСКИЙ. Одна задача — открытие фронта...

БУХАРИН. Нет, не открытие фронта.

ВЫШИНСКИЙ. Отдать под суд виновников поражения на фронте, сыграть на патриотических лозунгах и выйти сухими из воды.

БУХАРИН. Другая совсем ориентация.

ВЫШИНСКИЙ. Вот такой был разговор с Томским. Правильно записано здесь?

БУХАРИН. Правильно, конечно, но вы не все прочли.
ВЫШИНСКИЙ. А прочел три абзаца, они правильно записаны?
БУХАРИН. Три абзаца совершенно правильно.
ВЫШИНСКИЙ. С Енукидзе по этому поводу говорили?
БУХАРИН. С Енукидзе говорил.
ВЫШИНСКИЙ. С Караханом говорили?
БУХАРИН. Говорил.
ВЫШИНСКИЙ. Что говорили по этому поводу Енукидзе и Карахан?
БУХАРИН. Енукидзе...
ВЫШИНСКИЙ. В общем подтвердил это?
БУХАРИН. В общем подтвердил. Информировали Томского и Карахан и Енукидзе.
ВЫШИНСКИЙ. То есть?
БУХАРИН. Они подтвердили, *во-первых,* что Карахан заключил договор *с немцами,* [во-первых,] на [основании] *условиях* экономических уступок *территорий,* [во-вторых, что немцы выставили требование относительно территории,] на что Карахан ответа не дал, заявив, что это дело должно быть обсуждено. В том числе есть и формула относительно [вхождения] *выделения союзных республик.* В-третьих, относительно договоров[а]...
ВЫШИНСКИЙ. В-третьих, об открытии фронта.
БУХАРИН. [Нет, в] *В*-третьих, [он говорил] относительно договоров[а с] *СССР [относительно] с* Чехословакией и Францией *о взаимной помощи.*
ВЫШИНСКИЙ. У вас договор был с ними?
БУХАРИН. Я передаю то, что говорил Томский о том, что передавал Карахан. Так он говорил. Немцы требовали разрыва эт*их*[ого] договоров.[а.]
ВЫШИНСКИЙ. Кого с кем?
БУХАРИН. Нового правительства.
ВЫШИНСКИЙ. Вы думали, что вы уже правительство?
БУХАРИН. Не мы думали, а Карахан говорил на случай...
ВЫШИНСКИЙ. Была санкция?
БУХАРИН. Потом не возражали, значит, санкционировали.
ВЫШИНСКИЙ. Значит, думали, что вы действуете как правительство.
БУХАРИН. Смысл договора...
ВЫШИНСКИЙ. Тогда вы разрываете союз с чехословаками.
БУХАРИН. Вы не дали мне договорить. [Немцы требовали этого] *А* Кара*хан* [хан заявил следующее: Я] ответил на этот вопрос утвердительно, *мы* рассчиты*вали,* что немцев надуем, [если] *и* это требование не выполним.
ВЫШИНСКИЙ. Значит, все у вас тут построено было на надувательстве, а они [, может быть,] рассчитывали вас надуть*?*
БУХАРИН. Это всегда так бывает.
ВЫШИНСКИЙ. Использовать вас, а потом выбросить на свалку.
БУХАРИН. Правильно.
ВЫШИНСКИЙ. В общем, проиграли и вы и они.
БУХАРИН. К счастью, это так.
ВЫШИНСКИЙ. К нашему счастью это так. А с Караханом вы говорили об открытии фронта?
БУХАРИН. Карахан сказал, что немцы требовали военного союза с Германией.
ВЫШИНСКИЙ. А для союзника ворота закрыты?
БУХАРИН. На это Карахан мне ответил.
ВЫШИНСКИЙ. Для союзника ворота закрыты?
БУХАРИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, открыть[ы] ворота.

БУХАРИН. Простите, союза еще никакого не было.

ВЫШИНСКИЙ. Предположения, планы были.

БУХАРИН. Вот сейчас Советский Союз находится в союзе с Францией[239], но это не значит, что он открывает советские границы.

ВЫШИНСКИЙ. У вас что было?

БУХАРИН. Ничего не было, были словесные планы.

ВЫШИНСКИЙ. *Вы* [Н]*не* хотите признать, что вы были инициатором открытия фронта в случае нападения немцев.

БУХАРИН. Нет. А Рыков утверждает это потому, что — это теперь совершенно ясно...

ВЫШИНСКИЙ. А Рыков подтверждает, что Бухарин был инициатором этой мысли. [Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, правильно это?

РЫКОВ. [Я впервые с] *Об* открыти*и*[ем] фронта [ознакомился со слов] *я впервые услышал со слов* Бухарина.

БУХАРИН. И это верно. Но это не значит, что я был инициатором. Это было после разговора с Томским.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращается к Рыкову.) Бухарин возражал против этого?

РЫКОВ. В моем присутствии не возражал.

(Смех.)

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь.

(Обращается к Бухарину.) Продолжайте рассказывать. [Этот в] *В*опрос [с] *об* открыти*и*[ем] фронта я считаю выясненным. *У меня больше вопросов нет.*

БУХАРИН. Я позабыл сказать и отметить. Тогда Троцкий вел переговоры с немцами, что уже правые были составной частью право-троцкистского блока и, следовательно, являются соучастниками этих переговоров, несмотря даже на то, что Троцкий это делал по собственной инициативе, независимо от предварительного сговора.

В основном у меня, кажется, все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, подсудимый Бухарин, кончил свои показания.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, теперь вопрос о вызове свидетелей нужно разрешить. Или сейчас переходить к опросу Бухарина о событиях 1918 г.?

ВЫШИНСКИЙ. Я опросил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Надо выяснить вопрос, к какому часу вызвать свидетелей, или сейчас или после перерыва.

ВЫШИНСКИЙ. Если свидетели доставлены, я просил бы вызвать их сейчас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Первым свидетелем намечено вызвать Яковлеву?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вызовите свидетеля.

ВЫШИНСКИЙ. Пока вызывают свидетеля, позвольте поставить Бухарину вопрос в связи с его показаниями на предварительном следствии, — лист 91, том V. Прошу разрешить огласить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. «Мы ясно видели гигантский рост советского патриотизма, который (рост) стоял в связи с реально ощутимым ростом мощи, силы и зажиточности широких масс, необычайной популярностью сталинско-

го лозунга о том, что мы не отдадим ни одной пяди советской земли[240], что являлось в наших глазах совершенно очевидным показателем этого растущего патриотизма». Это вы подтверждаете?

БУХАРИН. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. «Поставить себя против этого лозунга, это, как бы хитроумны ни были бы здесь политические расчеты, означало бы наверняка изолировать себя от масс целиком и навсегда, заранее обеспечили бы свое положение бессмысленным, и полную безнадежность своих планов». Вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Подтверждаю целиком.

ВЫШИНСКИЙ. Больше вопросов у меня нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К свидетелю.) Ваша фамилия Яковлева Варвара Николаевна?

ЯКОВЛЕВА. Да, Яковлева Варвара Николаевна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы вызываетесь по делу Бухарина Николая Ивановича. Предлагается говорить суду правду. Поскольку вы вызваны по ходатайству Прокурора Союза ССР, он имеет право задавать вам вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. (К Яковлевой.) Вы припоминаете свое участие в 1918 г. в группе «левых коммунистов»?

ЯКОВЛЕВА. Очень точно.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите нам кратко, кто был главным организатором и руководителем этой группы?

ЯКОВЛЕВА. Идейным ее руководителем был Бухарин[241].

ВЫШИНСКИЙ. Кто был организатором деятельности этой группы?

ЯКОВЛЕВА. Фракционным центром антисоветской группы «левых коммунистов» являлось Московское областное бюро. Оно избиралось на областной партийной конференции в довольно широком составе с участием местных работников. Затем для своей постоянной организационной руководящей работы оно выделяло так называемый узкий состав. В конце 1917 г. и начале 1918 г. этот узкий состав состоял сплошь из «левых коммунистов», и он то и являлся фракционным центром группы «левых коммунистов».

ВЫШИНСКИЙ. Кто был руководителем этого центра?

ЯКОВЛЕВА. [Идейным р] *Р*уководителем был Бухарин. Затем был общеизвестных исторически ряд лиц, которые формулировали идеологию «левых коммунистов». Сюда принадлежали Преображенский, Радек, Осинский[242].

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересуют данные о Бухарине, поскольку он обвиняется по этому делу. Это надо для его характеристики.

Скажите, каково было отношение Бухарина к мирным переговорам в Бресте, к заключению Брестского мира?

ЯКОВЛЕВА. Бухарин, как и вся группа «левых коммунистов», был против заключения мира с немцами.

ВЫШИНСКИЙ. Какие шаги он предпринял для того, чтобы сорвать заключение мира?

ЯКОВЛЕВА. Имелся ряд выступлений в печати и партийных кругах, затем была и нелегальная деятельность группы «левых коммунистов», которая была направлена к тому же самому.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выражалась [эта нелегальная] *подпольная антисоветская* деятельность [?] *группы «левых коммунистов»?* Может быть, припомните наиболее яркие факты, характеризующие ее деятельность.

ЯКОВЛЕВА. Мне известно о нелегальной деятельности антисоветской группы так называемых «левых коммунистов» следующее: я [указывала] *упо-*

мянула об узком составе бюро, который являлся фракционным центром этой группы. Я являлась секретарем Областного бюро, а в момент моего отъезда в Ленинград, это было в начале декабря 1917 г., секретарем бюро был Манцев.

[В 1918 г. в] *В* конце февраля *1918 г.* состоялось заседание Московского областного бюро, на котором обсуждался вопрос о заключении мира с немцами. На этом заседании член бюро Стуков внес проект резолюции по этому вопросу и выступил в защиту этого проекта, причем высказался в таком духе, что в политической борьбе против заключения мира с немцами, в политической борьбе по вопросу о войне и мире не следует останавливаться не только перед сменой руководства в партии и в правительстве, но даже [, в случае дальнейшего развития борьбы,] не следует останавливаться и перед арестом руководящей, наиболее решительной части правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения [войны] *борьбы* не следует останавливаться даже перед *их* физическим уничтожением. [их.]

ВЫШИНСКИЙ. Перед физическим уничтожением кого?

ЯКОВЛЕВА. [Этих в] *В*ождей партии: Ленина, Сталина и Свердлова.

ВЫШИНСКИЙ. Это было заявлено на секретном заседании бюро?

ЯКОВЛЕВА. Заседание это было несекретное, это было открытое заседание узкого состава Московского областного бюро.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, можно сказать, что это было заседание «левых коммунистов», других там не было?

ЯКОВЛЕВА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Это сказал Стуков?

ЯКОВЛЕВА. [Да.] Стуков [. Он] сказал также, что в политической борьбе не следует останавливаться не только перед сменой правительства и даже перед арестом его руководящей и политически непримиримой части, но и перед самой утратой советской власти, которая, в случае заключения мира с немцами, становится чисто формальной. Проект резолюции, внесенный Стуковым, [на это заседание,] и его речь *на этом заседании* в изложении были записаны в книге протоколов Московского областного бюро[243].

В мае 1918 г., в связи с Московской областной конференцией, я и Манцев подготавливали к сдаче материал Областного бюро, и мне Манцев сказал, что Бухарин настаивает на изъятии из книги протоколов Областного бюро этого проекта резолюции и изложения речи Стукова, мотивируя это необходимостью избежать политической компрометации позиции Московского областного бюро и разоблачения его нелегальной деятельности. Руководствуясь этой аргументацией, я и Манцев изъяли (вырвали или вырезали) из книги протоколов и уничтожили листы, содержащие[й] в себе изложение речи Стукова и внесенного им проекта резолюции.

Надо сказать, что речь шла о том заседании Московского областного бюро, о котором писал Ленин в своей статье «Странно и чудовищно», причем в этой статье Ленин говорил о пояснительном тексте к резолюции.

[Именно п] *П*ояснительным текстом к резолюции и [явился] *был* уничтоженный нами лист из книги протоколов Областного бюро.

[Теперь я] *Я* должна рассказать также о [самом] происхождении этого документа. Я лично не присутствовала на указанном заседании Областного бюро, [: я] была в это время в Ленинграде. Я вернулась в Москву вскоре после этого заседания, дня через два или три. Ознакомившись с протоколом Областного бюро, я [спросила Стукова, я вообще] имела разговор со Стуковым и сказала ему, что считаю внесенный им проект политически необоснованным, причем дала довольно резкую характеристику его речи. Стуков

сказал мне, что за политическую обоснованность этого проекта он ответственности не несет, что с этим я должна адресоваться Бухарину, т.к. он от Бухарина получил перед заседанием Областного бюро из Ленинграда этот проект резолюции вместе с письмом, в котором Бухарин давал ему, *Стукову,* указания о характере выступления [Стукова] в защиту этого проекта.

Вскоре после этого, у меня по этому поводу *состоялся*[I] [также] разговор с [самим] Бухариным. Это было еще до VII Съезда партии[244]. Я спросила Бухарина, правильно ли сообщение Стукова. Бухарин подтвердил, что [это действительно так, что] проект резолюции [им] послан был Стукову *им* и что он, *Бухарин,* дал [ему] *Стукову* указания о том, как [Стукову] следует выступать в защиту этого проекта. Он указал, что следует осветить перед членами Областного бюро возможные перспективы политической борьбы по вопросу о войне и мире и тут, примерно, изложил то, что являлось содержанием речи Стукова и о чем я уже говорила. Я сказала Бухарину, что до сих пор считала, что мысль Стукова об аресте и смене правительства являлась личной позицией Стукова. Бухарин [мне сказал на это, что он считал] *добавил к этому,* что в среде «левых коммунистов» найдутся люди, которые сумеют с логической последовательностью, до конца, продумать все возможные перспективы борьбы. [, и что именно, как на т] *Таким*[ого] человек*ом*[а,] он [смотрел на] *считал* Стукова. И считал, что Стуков не побоится прямой и резкой постановки вопроса, и именно поэтому он поручил Стукову написать проект резолюции и проводить перед членами Областного бюро мысли, о которых я рассказывала.

Вместе с тем Бухарин сказал мне, что [я напрасно полагаю, что только один Бухарин] *не он один* так думает, что он — Бухарин — имел по этому поводу откровенный разговор с Троцким, и Троцкий также полагает, что политическая борьба по вопросу о войне и мире [находится в самом] *только* начал*ась*[е], что «левые[»] коммунисты» *должны* предвид*еть*[ят] возможности выхода [ее] *этой борьбы* за пределы партии, что нужно искать себе союзников, на которых можно было бы опереться в этой борьбе. Троцкий *Бухарину указывал*[II], что в качестве таких союзников могут оказаться «левые» эсеры, позиция которых по вопросу о войне была уже достаточно ясна.

Бухарин сказал также, что и Троцкий полагает также возможность развития борьбы до самых агрессивных форм, не только до смены правительства, но и свержения правительства и физического уничтожения руководящих [групп] *людей* в правительстве и партии. Он тогда назвал Ленина, Сталина и Свердлова.

Вместе с тем Бухарин [сказал] *сообщил* мне, что Троцкий в этом разговоре [откровенно назвал свои] *ему сказал, что его, Троцкого, половинчатые* позиции по вопросу о заключении мира [, свою половинчатую позицию] это не более, [как] *чем* тактический прием, что он просто не решается *открыто* высказаться за позицию «левых[»] коммунистов», т.е. против заключения мира, что он является в партии человеком новым, и если бы он открыто перешел на позицию «левых[»] коммунистов», то стали бы говорить, что Троцкий вошел в партию для борьбы с Лениным[245].

[Бухарин в] *В* этой же беседе, [касаясь] *сообщая о* линии Троцкого *и говоря* о возможных союзниках «левых[»] коммунистов», *Бухарин* касался также Зиновьева и Каменева. [, и] *Он* указал, что Зиновьев и Каменев по вопросу о войне и мире занимают чрезвычайно колеблющуюся позицию, и за время

I * * — знак переноса этого слова (синие чернила) — «*у меня состоялся по этому поводу*».
II * * — инверсия (синие чернила) — «*указывал Бухарину*».

борьбы по этому вопросу они неоднократно в частных разговорах высказывались перед Бухариным прямо за позицию «левых[»] коммунистов». Бухарин сказал, что Зиновьев и Каменев не решаются открыто выступить против Ленина, что они скомпрометированы своей позицией в октябрьские дни по вопросу об Октябрьском восстании, о социалистической революции, и что поэтому против Ленина открыто высказываться не решаются. Он сказал, что Зиновьев и Каменев также предполагают, подобно Бухарину и Троцкому, что политическая борьба по вопросу о войне и мире может выйти за пределы партии и что «левым коммунистам» в этом случае надо думать о союзниках, на которых они могли бы опереться, но, как сказал Бухарин, Зиновьев и Каменев по вопросу о союзниках идут дальше Троцкого и считают, что в качестве таких союзников могли бы явиться также меньшевики и правые эсеры. Бухарин говорил о том, что Зиновьев и Каменев, даже и высказываясь за заключение мира, [не стоят вместе с Лениным и] идут против Ленина, что [они не разделяют всех соображений, которые лежат в основе ленинской позиции, что] они не верят в победу революции, не верят в то, что большевики удержат власть. Они [опасаются и] считают неизбежной победу контрреволюции, и [считают,] что эта контрреволюция будет беспримерно кровавая.

Вскоре мне самой пришлось слышать от Зиновьева его мнение по этому вопросу. Это было несколько позже, уже во время VII съезда партии[246]. Бухарин затащил меня как-то в номер Астории [, где мы все тогда были,] к Зиновьеву. Когда мы пришли, Зиновьев начал немедленно разговор о контрреволюции, о том, что она собирает свои силы, что нам не сдобровать и что кровопускание будет чрезвычайное. Бухарин [тогда] перевел разговор на вопрос о заключении мира. Зиновьев подхватил эту тему и сказал примерно следующее: «Ну, что же, *заключение* мир*а* [, истори] *поможет осуществить исто*рически неизбежную и неумолимо-надвигающуюся контрреволюцию [он не может осуществить] более мирными средствами, с меньшим кровопусканием. [, что п] *П*осле заключения мира советской власти самой придется под *совместным* давлением немцев [, под совместным давлением немцев] и внутренней контрреволюции идти на уступки и, в частности, включать в состав правительства другие партии. Он говорил, что вообще заключение мира с немцами лишний раз докажет правоту Зиновьева и Каменева, правильность их точки зрения о том, что социалистическая революция не созрела. [и что п] *П*осле заключения мира немцы, опираясь на силы внутренней контрреволюции, [потихоньку] переведут революцию на буржуазно-демократические рельсы и [потихоньку] ликвидируют октябрьский переворот».

Я тогда спросила Зиновьева с большим удивлением: [что же, он именно поэтому и] стоит *ли он* за заключение мира с немцами *именно поэтому*? Он очень смутился и заявил: «Конечно, нет, я только считаю, что, в случае, если силы революции будут недостаточны и контрреволюция неизбежна, то немцы и заключение мира с немцами могут сыграть положительную роль». Таким образом, [здесь] позиция Зиновьева в вопросе о мире действительно оказалась не имеющей ничего общего с позицией Ленина. [Она] *Позиция Зиновьева* была насквозь капитулянтской и, в сущности, у меня получилось такое впечатление, что он мечтал о мире как об одном из способов ликвид*ации*[ировать] социалистическ*ой*[ую] революци*и*.[ю.] Затем, несколько позже...

ВЫШИНСКИЙ. Какое отношение Бухарин к этому вопросу имел?

ЯКОВЛЕВА. Бухарин здесь присутствовал.

ВЫШИНСКИЙ. Он не высказывался?

ЯКОВЛЕВА. Когда мы вышли оттуда, Бухарин мне сказал: [, что он] *«Зиновьев* стесняется, ты ему задаешь такие нескладные, неделикатные вопросы; все-таки он сказал достаточно для характеристики своей позиции». Я ему сказала, что Зиновьев сказал больше, чем достаточно. Но я никак не могу понять, почему Бухарин говорил о Зиновьеве и Каменеве как о союзниках «левых коммунистов», как о людях, которых он рассчитывает перетянуть на свою сторону, что, с моей точки зрения, нам капитулянты не нужны. Бухарин мне сказал на это, что [ты, мол, просто не умеешь, т.е.,] я, Яковлева, не умею смотреть вдаль.

ВЫШИНСКИЙ. Вдаль?

ЯКОВЛЕВА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что это означало?

ЯКОВЛЕВА. [Он, очевидно, считал тогда, в случае выхода...] Я тогда [просто] не придала этому значение, но позже я [соображала таким образом,] *думала о том,* что это обозначает: [то обстоятельство, что] если вы выйдите за пределы партии, [то тогда] *то* пригодятся и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и что именно поэтому и велись разговоры на темы о союзниках, которых должны будут *иметь в виду* «левые[»] коммунисты» [иметь в виду,] в случае, если они потерпят поражение в партии.

ВЫШИНСКИЙ. Независимо от того, что эти союзники представляют собою?

ЯКОВЛЕВА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Дальше.] *Продолжайте.*

ЯКОВЛЕВА. [Затем т] *То*, что я могу *еще* рассказать о нелегальной деятельности группы «левых коммунистов», относится к несколько более позднему периоду, примерно к концу апреля или *к маю.*[я.] В то время уже было совершенно ясно, что в партии [известно было, что в партии] «левые[»] коммунисты» потерпели жестокое поражение. Это показал VII съезд партии, это показала позиция большинства местных организаций после VII съезда партии, это, наконец, показало и само отношение [к заключенному в то время миру, отношение] населения и партийных кругов *к заключенному в то время миру*[247]. В конце, примерно, апреля, а, может быть, в начале мая, — я уж не могу точно сказать, [ибо то, что я имею в виду, это] это было [уже] *заседание нелегальное*[*1], [которое нигде не оставило после себя никаких следов. Состоялось такое] частное *нелегальное* совещание [— нелегальное совещание в] группы[е] «левых[»] коммунистов».

[Так, н] *Н*асколько мне помнится, *там* присутствовали: Пятаков, Преображенский, Бухарин, Стуков, Лобов, Максимовский, Манцев, Кизельштейн и я. На этом совещании Бухарин [нам] сделал [сообщение-] доклад. Он указал, что «левые[»] коммунисты» в партии потерпели поражение, но что это не снимает вопроса о «губительных» последствиях Брестского мира, что «левым[»] коммунистам» не следует слагать оружия, что нужно искать союзников вне партии, такими союзниками [могут явиться или] являются [даже] «левые» эсеры, их позиция по вопросу о войне и мире в это время совершенно определилась. [Они вышли в] *В* связи с заключением мира *они вышли* из состава правительства. [, их второй съезд с] *С*остоялся *их второй съезд,* который одобрил выход *«левых» эсеров* из правительства и *их* позицию против заключения мира. [И] Бухарин сообщил [, кроме того,] на этом совещании, что «левые» эсеры еще в феврале затевали переговоры с «левыми[»] коммунистами» о совместном формировании правительства, и он считал бы

[1] * * — инверсия (синие чернила) — *«нелегальное заседание»*.

поэтому целесообразным вступить опять с «левыми» эсерами в переговоры о совместном с ними формировании правительства. Нужно сказать, что в ходе своего доклада Бухарин опять развивал те же самые мысли о перспективах борьбы по вопросу о мире, которые были изложены в свое время Стуковым и о которых он мне говорил [в ту] *во время той* беседы[у], которую я уже изложила сегодня. Он говорил о возможности чрезвычайно агрессивных форм, о том, что теперь уже совершенно ясно стоял вопрос о [и] самом правительстве и о формировании его из «левых[»] коммунистов» и «левых» эсеров, что в ходе борьбы за это может встать вопрос и об аресте руководящей группы правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения борьбы возможно и физическое уничтожение [этой политически неприемлемой,] наиболее решительной руководящей части *советского* правительства. Через некоторое время, очень скоро, опять было созвано совещание, примерно в том же самом составе. [Я должна сказать, что первое с] Совещание приняло предложение Бухарина о том, чтобы повести [разговоры] *переговоры* с «левыми» эсерами о совместном формировании правительства, выяснить их точку зрения. Высказывались за то, чтобы такие переговоры провели Бухарин и Пятаков. *Через некоторое время, очень скоро, опять было созвано совещание, примерно в том же самом составе.*

На втором совещании Бухарин сообщил, что [такие] переговоры [они вели] *состоялись*, что *вели они*[1] эти переговоры с Камковым, Карелиным и Прошьяном. ...что «левые» эсеры согласились на совместное с «левыми[»] коммунистами» формирование правительства, намекнули на то, что у них имеется уже конкретно разработанный план захвата власти и ареста правительства, и что они выставляют определенные условия, чтобы «левые[»] коммунисты» приняли участие в организационной подготовке захвата власти и смены правительства.

Бухарин предложил дать «левым» эсерам принципиальное согласие на такое участие в организационной подготовке и повести на этой основе переговоры с ними дальше. Совещание присоединилось к точке зрения Бухарина и высказалось за то, чтобы переговоры вести дальше на указанной [мною] основе. [Но нужно сказать, что очень быстро, ч] Через несколько дней после этого совещания состоялась Московская областная конференция, и на ней «левые[»] коммунисты» снова были совершенно разбиты, Областное[ая организация] *бюро* было[а] распущено[а], и «левые[»] коммунисты» потеряли организационную силу, организационную базу и вообще перестали представлять из себя какую-либо организационную силу. Таким образом, «левые» эсеры никакой организационной помощи со стороны «левых коммунистов» не получили и сделали свое дело собственными силами, т.е. я имею в виду июльский мятеж[248].

Это все, что мне известно по вопросу нелегальной деятельности «левых[»] коммунистов». [по вопросу войны и мира.]

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, судя по вашим [указаниям] *показаниям*, вы утверждаете, что в 1918 г., непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира существовал антисоветский заговор в составе Бухарина и его группы так называемых «левых[»] коммунистов», Троцкого и его группы, и «левых[ми]» эсеров[ами]?

ЯКОВЛЕВА. [Что касается з] Заговор[а] с «левыми» эсерами, [я должна сказать, что он] несомненно, имел место, поскольку с ними велись совершенно конкретные переговоры.

---

[1] * * — инверсия (синие чернила) — «*они вели*».

ВЫШИНСКИЙ. А роль Бухарина в этом деле?

ЯКОВЛЕВА. Я [докладывала] *сообщила*, что Бухарин сам предлагал вести эти переговоры и [сообщила о том] что он вместе с Пятаковым эти переговоры вел.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, его роль была совершенно практической как руководителя этого заговора?

ЯКОВЛЕВА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы это подтверждаете?

ЯКОВЛЕВА. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме того, *вы подтверждаете,* что [говорил вам] Бухарин *говорил вам* о неизбежности в ходе борьбы не останавливаться перед арестом руководителей партии и правительства?

ЯКОВЛЕВА. Он говорил, что в ходе борьбы может так случиться, что перед этим останавливаться не приходится.

ВЫШИНСКИЙ. Имел в виду?

ЯКОВЛЕВА. Имел в виду решительность и политическую непримиримость, т.е. готовность бороться до конца за свержение указанных вождей партии.

ВЫШИНСКИЙ. Вы указывали, что имелись в виду именно Ленин, Сталин и Свердлов?

ЯКОВЛЕВА. Да, эти фамилии называл Стуков.

ВЫШИНСКИЙ. А Бухарин называл?

ЯКОВЛЕВА. От Бухарина я тоже слышала.

ВЫШИНСКИЙ. Слышали?

ЯКОВЛЕВА. Это же я слышала от Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Вы подтверждаете перед судом, что Бухарин вам тоже говорил о возможности [при аресте и] политической целесообразности, [и] необходимости [, как вы будете квалифицировать, — дело вашей памяти,] убийства Ленина как главы Советского государства, Сталина и Свердлова как руководителей партии и правительства.

ЯКОВЛЕВА. Бухарин говорил об этом. Конечно, [он на это дело не напирал,] *он* говорил [он] об этом вскользь, обволакивая это дело рядом путаных и ненужных теоретических рассуждений, как это вообще любит делать Бухарин; [и,] *он,* как в кокон, заворачивал эту мысль в сумму пространных [теоретических] рассуждений, но он это говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Бухарин желает что-нибудь сказать?

БУХАРИН. Я могу сказать по всей совокупности того, о чем говорила Варвара Николаевна.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Бухарин,* [В]*в*ы были организатором и руководителем так называемой группы «левых[»] коммунистов» в 1918 г.?

БУХАРИН. Я был одним из организаторов. [, но не был единоличным...]

ВЫШИНСКИЙ. Одним из организаторов этой группы вы были?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вели в этот период времени нелегальную работу по борьбе с советской властью?

БУХАРИН. Тут надо говорить относительно разных периодов. Если речь идет относительно периода до Брестского мира, то здесь нелегальщины в строгом смысле слова не было по той простой причине, что все знали об этой борьбе, имелся открытый орган этой борьбы, велись открытые разговоры[249]...

ВЫШИНСКИЙ. Об аресте Ленина, Сталина и Свердлова *вы* открыто [вы] говорили?

БУХАРИН. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. До Брестского мира основная ориентация «левых коммунистов» заключалась в том, чтобы завоевать легальными путями большинство в партии...

ВЫШИНСКИЙ. Какими легальными путями?

БУХАРИН. Дискуссиями, голосованием на собраниях и т.п.

ВЫШИНСКИЙ. А когда надежды на это исчезли?

БУХАРИН. Это было после Брестского мира. Я хочу уточнить этот вопрос для того, чтобы опорочить показания В.Н. Яковлевой. Она говорит о периоде до Брестского мира, что есть явная бессмыслица, потому что тогда у нас вместе с троцкистами было большинство в Центральном Комитете, и мы надеялись на завоевание большинства в партии, так что говорить о заговорщической деятельности в то время бессмысленно было. В этот период *у меня* был один разговор [, о котором я хочу сообщить суду: разговор был у меня] с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство...

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?

БУХАРИН. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа[250].

ВЫШИНСКИЙ. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас был разговор с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, т.е. предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным? [До заключения Брестского мира был на эту тему разговор?] *Разговор был?*

БУХАРИН. Разговор был.

[ВЫШИНСКИЙ. Разговор был?]

[БУХАРИН. Был.]

ВЫШИНСКИЙ. Об аресте Ленина?

БУХАРИН. Это эсеры говорили.

ВЫШИНСКИЙ. *По-вашему,* [Э]эсеры говорили *об* аресте[овать] Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

БУХАРИН. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, *был* разговор с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина*?* [был? Д] **до* заключения Брестского мира**[1][?]

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А после заключения Брестского мира тоже был [этот] разговор?

БУХАРИН. После заключения Брестского мира этот разговор действительно был.

ВЫШИНСКИЙ. А тот разговор тоже был?

БУХАРИН. Разница в том, что при первом разговоре был дан отрицательный ответ.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас не спрашиваю об ответе, а спрашиваю о фактах, имевших место. Разговор об аресте Ленина с Карелиным и Камковым был?

БУХАРИН. Подтверждаю, был.

ВЫШИНСКИЙ. До Брестского мира?

БУХАРИН. Да.

---

[1] * * — знак переноса этой фразы (синие чернила) — «*я спрашиваю, был [Д]до заключения Брестского мира был разговор с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?*».

ВЫШИНСКИЙ. А после заключения Брестского мира тоже был разговор?

БУХАРИН. Был.

ВЫШИНСКИЙ. О чем?

БУХАРИН. О политическом контакте.

ВЫШИНСКИЙ. А об аресте?

БУХАРИН. И об аресте этой тройки, о которой говорила [Варвара Николаевна.] *Яковлева.*

ВЫШИНСКИЙ. Кого именно?

БУХАРИН. Ленина, Сталина и Свердлова.

ВЫШИНСКИЙ. Тоже на 24 часа?

БУХАРИН. Тогда эта формула не употреблялась.

ВЫШИНСКИЙ. А как арестовать, для чего?

БУХАРИН. Для того, чтобы составить новое правительство.

ВЫШИНСКИЙ. А с арестованными что сделать?

БУХАРИН. Разговора о физическом уничтожении [никогда, ни при каких случаях] не было.

ВЫШИНСКИЙ. Но он не исключался?

БУХАРИН. Наоборот, все думали, необходимо, во что бы то ни стало, обеспечить сохранность этих лиц.

ВЫШИНСКИЙ. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы имели в виду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

БУХАРИН. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

БУХАРИН. Нет, не установили.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

БУХАРИН. Да, совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. А обстоятельства могу приказать действовать очень решительно.

БУХАРИН. Да, но дело в том, что «левые коммунисты» тоже не стояли на фаталистической точке зрения, а учитывали обстоятельства. Это не значит, что обстоятельства диктовали им все, что угодно.

ВЫШИНСКИЙ. Устанавливаем пока то, что бесспорно. До Брестского мира разговор об аресте Владимира Ильича Ленина, после Брестского мира — разговор об аресте Ленина, Сталина, Свердлова и насильственное свержение правительства. Правильно это?

БУХАРИН. В основном правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Причем, говоря о насильственном свержении советской власти и аресте тт. Ленина, Сталина и Свердлова, говорилось именно о насильственных методах, не упоминая каких именно?

БУХАРИН. Так. Говорилось только о том, что необходимо во что бы то ни стало обеспечить их сохранность.

ВЫШИНСКИЙ. [Это говорилось?] Свидетельница Яковлева, что вы об этом скажете? Бухарин говорит правду?

ЯКОВЛЕВА. При его переговорах с «левыми» эсерами я не присутствовала.

ВЫШИНСКИЙ. Что он вам говорил?

ЯКОВЛЕВА. Он говорил о том, [что такая] возможность [не исключена.][1] *[физического уничтожения не исключена/]*

ВЫШИНСКИЙ. Какая такая возможность?

ЯКОВЛЕВА. Возможность физического уничтожения, т.е. убийства, [.] *не исключена.*

ВЫШИНСКИЙ. Он говорил вам об этом?

ЯКОВЛЕВА. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. А не говорил о том, что это абсолютно исключено, ибо этим лицам обеспечена сохранность и неприкосновенность?

ЯКОВЛЕВА. Об этом я от него не слышала.

ВЫШИНСКИЙ. А об убийстве?

ЯКОВЛЕВА. Слышала, причем, повторяю, что этот разговор носил такой характер, что не напирал на это дело...

ВЫШИНСКИЙ. Но говорил об этом?

ЯКОВЛЕВА. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов к Бухарину и Яковлевой нет.

БУХАРИН. Я имею право задавать вопросы свидетельнице?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Имеете право.

БУХАРИН. У меня много вопросов.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, в вечернем заседании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Поскольку по регламенту в 3 часа перерыв, объявляю перерыв.

ВЫШИНСКИЙ. Простите, если на этом мы прерываем допрос свидетельницы Яковлевой до вечернего заседания, я прошу дать мне возможность сделать несколько замечаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Во-первых, о заявлении, *связанном с обвинением,* которое предъявляется [обвиняемым] *подсудимым* Плетневу и Левину. Я прошу предъявить это *заявление* защите указанных подсудимых, а затем разрешите огласить [это заявление.] *его.*

(Заявление предъявляется защите.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Защита ознакомилась с заявлением.

КОММОДОВ. Защита не возражает против приобщения заявления к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Суд *заявление приобщает*[II] к делу.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите огласить текст заявления[III]. (Читает).

«Прокурору Союза ССР т. Вышинскому. —

Ознакомившись с опубликованным 3 марта с.г. обвинительным заключением по делу право-троцкистского заговорщического блока, считаю своим долгом довести до Вашего сведения о нижеследующем:

В качестве врача Санупра Кремля я был командирован во время последнего заболевания Алексея Максимовича Горького к нему на дачу для производства внутривенных вливаний.

Я хорошо помню, что в первые же дни болезни А.М. Горького ему давалось очень много сердечных средств, которые давались как внутрь, так и путем внутривенных вливаний и инъекций.

---

[1] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (зеленые чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[II] * * — инверсия (синие чернила) — «*приобщает заявление*».

[III] Текст заявления — печатный, типографский, вклеен в стенограмму процесса. Имеется помета (знак сноски) И.В. Сталина (красный карандаш).

Так, я лично, по указанию лечащих врачей, а главным образом Л.Г. Левина, производил следующие инъекции и внутривенные вливания: дигален, кардиазол, глюкоза и глюкоза с строфантом и строфантин (кажется, немецкий).

Обращаю ваше внимание, что эти сердечные средства давались с первых же дней заболевания А.М. Горького в больших количествах.

При очередном вливании строфантина я высказал доктору Л.Г. Левину свое сомнение в правильности применения строфантина, который во мне вызывал опасение, применения которого я боялся. Характерно, что Левин сразу же после этого прекратил дальнейшее вливание строфантина. Это тем более знаменательно, что я не являюсь специалистом-терапевтом, и с этой точки зрения мое мнение не могло представлять для профессора Л.Г. Левина, при нормальном положении вещей, особого значения.

Необходимо также отметить, что вспрыскивание строфантина (внутривенное) производилось одновременно с дигаленом (на протяжении этого отрезка времени).

Приблизительно за 10 дней до смерти А.М. Горького[251] профессор Плетнев, приехавший на дачу Горького для консультации, увидев, что я приготавливал очередное вливание (не помню, какое именно), цинично заявил мне: "зачем вы это делаете, надо дать больному в таком состоянии спокойно умереть".

Об этом заявлении Плетнева я тогда же сообщил доктору Левину, который заявил, что вливания надо продолжать.

Все изложенное, в случае необходимости, я смогу подтвердить вам на суде и за правильность изложенного отвечаю.

Доктор М.Ю. Белостоцкий».

**ВЫШИНСКИЙ. *[Я ходатайствую перед судом *о* вызо*ве*[вать] для дачи показаний в качестве свидетелей доктора Белостоцкого, профессора — заслуженного деятеля наук Шерешевского, заслуженного деятеля наук, профессора Бурмина, профессора Виноградова, Российского и доктора медицинских наук Зипалова.

В случае удовлетворения моего ходатайства о назначении медэкспертизы и в данном составе, разрешите к вечернему заседанию представить вопрос и заключение к суду.]*[I]

Я ходатайствую перед судом о вызове для дачи показаний в качестве свидетеля доктора Белостоцкого.

Одновременно прошу, для выяснения обстоятельств, связанных с умерщвлением А.М. Горького, тт. Менжинского, Куйбышева, сына Горького М.А. Пешкова и покушением на жизнь т. Н.И. Ежова, о назначении медицинской экспертизы в следующем составе:

1. Заслуженный деятель науки, проф. Николай Адольфович Шерешевский
2. Заслуженный деятель науки, проф. Дмитрий Александрович Бурмин
3. Профессор Владимир Никитич Виноградов
4. Профессор Дмитрий Михайлович Российский
5. Доктор медицинских наук Владимир Дмитриевич Зипалов

В случае удовлетворения моего ходатайства о назначении медэкспертизы и в данном составе, разрешите к вечернему заседанию представить вопросы к экспертизе.**[II]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Защита не возражает против вызова[III] свидетеля[ей для дачи показаний?] *и назначения экспертизы?*

[I] * * — текст зачеркнут (красный карандаш). Правка И.В. Сталина.

[II] ** ** Текст ходатайства А.Я. Вышинского — печатный, типографский, вклеен в стенограмму процесса. Имеется помета (знак сноски) И.В. Сталина (красный карандаш).

[III] Фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш). Правка И.В. Сталина.

КОММОДОВ. Защита [*не возражает*] против вызова свидетелей и против вызова экспертизы не возражает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ*. Суд удовлетворил ходатайство Прокурора Союза ССР т. Вышинского о вызове в качестве свидетеля[ей] *доктора Белостоцкого Максимильяна Юлиановича*, а также о вызове экспертизы в числе 5-ти человек, [.] *названных Прокурором т. Вышинским*.

Заседание закрывается до 6 часов вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

7 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова

Вечер.

Приводят Яковлеву. Спрашивает Бухарин.

— Я не имею право задавать вопросы, а мои вопросы задает гр.[аждании] прокурор?

Задает вопросы: «лев.[ые] к.[оммунисты]» — ...Яросл.[авский]?

Председательствующий отводит: об аресте «левых» эсеров, о том, что его ранили на заседании Центрального комитета бомбой, что «лев.[ые] ком.[мунисты] имели больш.[инство] в ЦК.

Бухарин говорит:

— Я вопросов не имею, — и оглядывает зал.

Осинский. Идет, размахивая руками, бритый, полуседой, с подстриженными усами, в гладким очках. Смотрит на Вышинского. Руки держит в бедрах. В черном костюме, в очень белом воротничке.

— Относительно этой деятельности нелегальной, — говорит Осинский.

Бухарин надувает щеки и записывает что-то и смотрит зло, наискось, на Осинского, покраснел, затем осматривает зал.

— Уничтожения Ленина...

Бухарин записывает. Слушает. Записывает в тех моментах, когда говорят о его преступлениях.

Бухарин пыжится опять вопросами поднять себя, сказать Осинскому, был ли он в Октяб.[рьский] переворот в Москве?

Осинский слегка тоже картавит. Вообще, это московское баре — против пепетра. Осинский стоит, опершись правой рукой в бедра, делает жесты ручкой. Когда он говорит о Троцком, Бухарин выныривает и пишет, папка у него на уровне подбородка. Осинский переходит к рассказу о «левых» эсерах.

Бухарин откинулся, левой рукой поддерживает локоть правой, а ладонью правой подпер щеку, затем положил руку на лоб.

— В дальнейшем, как известно, — говорит Осинский и пьет воду.

— Я не сообщил, — пьет воду, — об убийстве Ленина...

Манцев. Толстый, лысый, в черном пиджаке, маленький, с крошечной головой, с тоненьким голоском: все время задирает лицо и большие черные брови.

Бухарин подтвердил о существовании союза между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами.

Бухарин записывает.

Протоколы записывались в конт.[орскую] книгу. Записывал Манцев. Когда конф.[еренция], то эту конторскую книгу уничтожают.

После перерыва.

Бухарин подтверждает, но не давал директивы на уничтожение протоколов.

Манцев и Яковлева опровергают это утверждение.

— Чья инициатива?

— Троцкого.

— В целях?

— «составления нового кабинета».

Бух.[арин.] Если останусь жив, в чем у меня есть основания думать, что этого не будет.

Бухарин. «Яковлева не признавалась в полправде, в которой я признавался».

Яковлева: «А теперь не признаете вы полправды».

Манцев рассказывает о 1919 г.

Бухарин записывает, надув щеки. Карандаш держит почти отвесно к бумаге, затем утирает нос. Троцкий сказал, что ему Бухарин передал, что М.С.[I] *противник политики Ленина и Сталина, что надо возобновить планы, положение катастрофическое, что виновник этого Сталин, который имеет решающее влияние на Ленина. Арестовать Сталина силами отряда Троцкого, накануне разгрома Деникина.*

— Были ли случаи единоличного решения? Разрешите спросить Осинского.

Бух.[арин.] Он скажет, что не принимал. (Хохот зала.)

Осинский сообщает, что проект убийства был принят конспиративно.

Бух.[арин.] А принято на общем собрании. (пожимает плечами и возмущенно указывает на Осинского.)

Камков. В черной куртке, в очках, плохо брит, очень близорук, говорит, заложив за спину руки.

Бух.[арин.] Камков говорил ли, что дебатируется вопрос об аресте Ленина?

— От Трутовской[II]*? От Спиридоновой?*

— Не слышал.

Бух.[арин.] Вопросов не имею. (оглядывается торжественно.)

Прок.[урор.] От Трутовской[III]*, потому что не видали?*

— Да.

— Вопросов не имею.

Бух.[арин.] Тоже вопросов не имею

Карелин. Высокий, в черной куртке.

— Вы знаете?

— На очной ставке был у вас.

— Это тот Карелин?

— Это развитие того Карелина. (хохот)

Он хочет превратить все в шутку и вздор.

Карелин несколько картавый, говорит очень серьезно, баритоном, в вполоборота к Прокурору. Когда он говорит, командир начинает нервно ходить.

Спрашивает Осинского, он улыбается и рукой отодвигает лицо Карелина. Карелин стоит, осматривая подсудимых, заложив руки за спину.

Прок.[урор.]Что скажете, Бухарин?

[I] Так в документе. Должно быть: «М.[анцев] В.[асилий]».

[II] Так в документе. Должно быть: «Трутовского».

[III] Так в документе. Должно быть: «Трутовского».

Бух.[арин.] Я скажу, что это неправда.
П.[рокурор.] Осинский...
Б.[ухарин.] Осинский ничего не сказал.
Пр.[окурор.] Какая разведка дала вам инициативу?
Бух.[арин.] Я отрицаю это.
Душно. Бухарин задает вопрос Карелину, держа в руках листок бумаги.
Начинается конец. Прокурор к нему наклоняется. Бухарин стоит прямо. Сцепляет пальцы. Прокурор настаивает. Бухарин ложится руками на перила.

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Т. Комендант, вызовите свидетельницу Яковлеву. Подсудимый Бухарин, вы имеете[ли несколько] вопросы[ов?] *к свидетелю Яковлевой?*

БУХАРИН. Да. Несколько вопросов есть, если разрешите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

БУХАРИН. Во-первых, я спрашиваю свидетельницу Яковлеву, известно ли *ей,* что я первый [и единственный вытащил] *опубликовал* разговор с Камковым и Карелиным во время борьбы против Троцкого?

ЯКОВЛЕВА. Мне это известно, но мне известно также и то обстоятельство, что когда Бухарин, в разгар борьбы партии с Троцким, сообщил об этом обстоятельстве, он не договорил до конца и далеко не договорил до конца[252].

БУХАРИН. Это другой вопрос...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, дайте ей закончить.

ЯКОВЛЕВА. У него не хватило мужества открыть всю завесу, и он приподнял только *ее* ничтожный [ее] краешек. Это мне тоже известно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Какие еще вопросы?

БУХАРИН. У меня еще есть вопрос...

ВЫШИНСКИЙ. Я извиняюсь. У меня есть вопрос к свидетельнице Яковлевой. Что, по вашему мнению, скрыл Бухарин, о чем он умолчал?

ЯКОВЛЕВА. Он умолчал все то, о чем я рассказала сегодня суду.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

ЯКОВЛЕВА. То есть о том, что заговор «левых коммунистов» с «левыми» эсерами имел место.

ВЫШИНСКИЙ. Он был организован при непосредственном активном руководящем...

ЯКОВЛЕВА. Участии самого Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бухарину.) Это верно?

БУХАРИН. Верно то, что я показывал.

ВЫШИНСКИЙ. Это верно?

БУХАРИН. То, что Яковлева говорит относительно до Брестского мира — это неверно.

ВЫШИНСКИЙ. *(К Бухарину.)* Я не об этом говорю. [Я говорю о том, что] *Верно ли, что* вы были одним из организаторов заговора против советской власти, т.е. заговора «левых[»] коммунистов» и «левых» эсеров.

БУХАРИН. Это я показывал. Теперь я хочу спросить, знала ли свидетельница Яковлева, что к «левым коммунистам» принадлежали Куйбышевы, Менжинский и Ярославский?

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу отвести этот вопрос как не относящийся к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Можете на этот вопрос не отвечать как не относящийся к делу.

БУХАРИН. Тогда я прошу гражданина Председательствующего разъяснить мне, имею ли я право задавать те вопросы, какие я хочу, или же мои вопросы определяет гражданин Прокурор?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, Яковлева была вызвана сюда для того, чтобы давать показания о вашей антисоветской деятельности, деятельности Бухарина Николая Ивановича. Вы, в связи с ее показаниями, хотели задать ей несколько вопросов, в отношении вопросов, касающихся вас, а не в отношении каких-либо других лиц.

БУХАРИН. Совершенно верно, но я спрашиваю разъяснения гражданина Председательствующего, имею ли я право задавать те вопросы, которые я считаю нужным задавать, или их характер определяет кто-то другой, в частности, гражданин Прокурор. Тогда я, конечно, не могу задавать вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы задали один вопрос и на этот вопрос вы получили ответ. У вас имеется еще желание задавать вопросы?

БУХАРИН. Да, имеется большое желание.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите мне следующее замечание: я считаю необходимым разъяснить ст. 257 УПК, которая определяет, во-первых, что руководит судебным следствием председатель, и во-вторых, что на судебном следствии председатель устраняет из судебного следствия и прения сторон все, не имеющее отношение к [про]*рас*сматриваемому[I] делу.

БУХАРИН. Тогда я прошу разъяснить мне, гражданин Прокурор...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Гражданин Прокурор вам ничего не будет разъяснять.

БУХАРИН. Тогда я прошу гражданина Председательствующего суда разъяснить мне, имеет ли отношение к делу вопрос о составе центральной группы «левых» коммунистов или нет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я устраняю совершенно ваш вопрос. У вас есть вопросы к свидетельнице Яковлевой в части, касающейся вас, или нет?

БУХАРИН. У меня есть еще целый ряд вопросов.

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу разъяснить Бухарину содержание 257 статьи Уголовно-процессуального кодекса во избежание дальнейших недоразумений и для того, чтобы подсудимый Бухарин не задавал впредь подобных вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (Оглашает статью 257 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР).

БУХАРИН. Это я должен понять так, что вы отводите этот вопрос как не имеющий отношения к существу [вопроса] *дела*?[II]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, что мы будем здесь спорить? Если у вас есть вопросы к свидетельнице Яковлевой, задавайте ей конкретные вопросы.

БУХАРИН. Да, у меня есть вопросы. Я прошу сказать, отрицает ли свидетельница Яковлева, что в ЦК перед Брестским миром большинство голосов принадлежало «левым *коммунистам*»[III] плюс троцкистам?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Какое отношение имеет этот вопрос к вашей преступной роли?

БУХАРИН. То отношение, что этим я хочу мотивировать и объяснить, что совершенно бессмысленно было стремиться к заговору...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вам никто не давал слова. Суд интересует ваша роль в заговоре против руководителей советского правительства, и об этом идут сейчас показания.

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).
[II] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).
[III] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

БУХАРИН. Хорошо, тогда разрешите мне следующий вопрос задать. Отрицает ли свидетельница Яковлева, что «левые коммунисты» до партийного съезда старались получить большинство легальным путем в партии?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вопрос, не имеющий никакого отношения к делу по обвинению вас в организации заговора против советской власти, поэтому устраняю его.

БУХАРИН. Отрицает ли Яковлева, что я был одним из членов президиума Съезда в Москве, один из членов президиума, который арестовал во время убийства Мирбаха фракцию «левых» эсеров в момент, когда мы вывели фракцию большевиков из Большого театра[253]?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Этот вопрос никакого отношения не имеет к вашей преступной деятельности. Я его устраняю.

БУХАРИН. Отрицает ли свидетельница Яковлева, что в 1919 г. я был ранен на собрании Московского комитета лево-эсеровской бомбой?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вопрос никакого отношения не имеет к обвинению вас в заговоре. Тоже устраняю этот вопрос.

БУХАРИН. Я больше не имею вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, есть вопросы к свидетельнице Яковлевой?

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопрос к Бухарину. Все-таки меня интересует, вы были организатором заговора против советской власти в 1918 г.?

БУХАРИН. Я, гражданин Прокурор, по этому поводу показывал, я имел очную ставку в вашем присутствии. Я говорил, что я признаю себя...

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю. Угодно вам ответить, говорите; не угодно — не отвечайте. Я спрашиваю вас, [в конце концов,][I] в 1918 г. вы [действительно][II] были одним из организаторов заговора «левых коммунистов» и «левых» эсеров против советской власти?

БУХАРИН. Подготовки такого заговора, да.

ВЫШИНСКИЙ. Несмотря на все ваши вопросы, которые вы задавали свидетельнице Яковлевой, этот вопрос можно так разрешить, что вы были одним из организаторов заговора против советской власти.

БУХАРИН. Но я говорю о точных датах и о точных фактах, и говорю, [что] *да,* был такой момент, когда я был участником [переговоров[III], хотя и непрямым участником —], *заговорщического порядка, производившихся* через Пятакова. [, но это дело неважное, переговоров заговорщического порядка.]

ВЫШИНСКИЙ. [Вот э] Этот «один момент» сколько времени продолжался?

БУХАРИН. Он продолжался сравнительно недолго по той простой причине...

ВЫШИНСКИЙ. Примерно все-таки сколько?

БУХАРИН. [Я д] Думаю, что около нескольких месяцев.

ВЫШИНСКИЙ. Момент, который продолжался несколько месяцев вашей заговорщической деятельности в 1918 г.

БУХАРИН. Эта деятельность выражалась в переговорах.

ВЫШИНСКИЙ. В переговорах, в расчетах на успех, в подготовке всякого рода мероприятий и т.д.

С кем вы конкретно [эти] *вели* переговоры о заговоре*?* [вели, разговоры о совместном преступлении? Вы что признаете перед судом?]

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).

[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

[III] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

*БУХАРИН. Я признаю два криминальных разговора.

[ВЫШИНСКИЙ. О чем?]

[БУХАРИН.][I] Первый разговор — [я признаю разговор] с Карелиным, Пятаковым, Камковым, до Брестского мира.

ВЫШИНСКИЙ. Вы считаете этот разговор криминальным?

БУХАРИН. *Я**[II] считаю разговор криминальным, потому что...

ВЫШИНСКИЙ. Почему — я не спрашиваю. Я спрашиваю только, считаете ли вы этот разговор криминальным?

БУХАРИН. Да, [я] считаю. [, не отрицаю. А д] Другой криминальный разговор был с Пятаковым, которому было поручено вести переговоры такого же порядка с группой «левых» эсеров.

*[ВЫШИНСКИЙ. С кем именно?]

[БУХАРИН. Этого я не могу сказать. С кем он вел переговоры, я этого точно не помню. Мне кажется, он должен был вести переговоры с той же основной группой, с Камковым, Карелиным, еще с кем-нибудь.]*[III]

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично с кем-нибудь из «левых» эсеров по вопросу о заговоре имели сношения?

БУХАРИН. Я по этим вопросам сношений не имел.

ВЫШИНСКИЙ. С Карелиным имели какой-нибудь разговор?

БУХАРИН. Я с Карелиным общий разговор имел, но по поводу заговора разговоров не имел. А потом наступило катастрофическое изменение ситуации, я был отослан в Германию для революционной работы.

ВЫШИНСКИЙ. Виноват, вы с Карелиным не имели разговора?

БУХАРИН. Не имел.

ВЫШИНСКИЙ. А с Камковым?

БУХАРИН. И с Камковым не имел.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю: вы имели разговор в 1918 г., в связи с вашими заговорщическими планами, с Камковым, членом ЦК партии «левых» эсеров? Имели или не имели?

БУХАРИН. Я говорю, не имел. Я имел один разговор...

ВЫШИНСКИЙ. Виноват. Имели или не имели? Нельзя же так отвечать. Имели или не имели разговор?

БУХАРИН. После Брестского мира не имел, а до Брестского мира имел один разговор.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю: с Камковым вы имели разговор о заговоре, на тему заговорщического порядка?

БУХАРИН. Я же сказал, что до Брестского мира имел один разговор, но его нельзя интерпретировать так, как вы его интерпретируете.

ВЫШИНСКИЙ. [Следовательно, если этот разговор был, р] *Р*азрешите мне огласить то 4, л. 92, [оборот] *где* Камков показывает: «Бухарин мне заявил: борьба у нас в партии против позиции Ленина по вопросу о Брестском мире принимает острые формы в наших рядах... *дебатируется* вопрос о создании нового правительства из «левых» эсеров и «левых коммунистов». При этом Бухарин назвал Пятакова как возможного кандидата в руководи*тели*[ство] нового правительства, и заявил, что смена правительства мыслится путем ареста его состава во главе с Лениным?

Вот такой разговор был?

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[III] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш). Рядом на полях помета И.В. Сталина (красный карандаш) — текст неразборчив.

БУХАРИН. Не совсем такой, но вроде этого.

*[(Смех в зале.)]

ВЫШИНСКИЙ. Похожий на это. Больше вопрос я не имею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Свидетельница Яковлева, вы [можете...] *больше не нужны.*

ВЫШИНСКИЙ. [Нет, я полагаю, можно было бы оставить ее.] Я просил бы ее оставить в зале заседания на время опроса других свидетелей, на предмет очных ставок, которые могут [встретиться] *понадобиться.*[*I]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Комендант, пригласите свидетеля Осинского.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Осинскому.) Ваша фамилия Осинский Валериан Валерианович.

ОСИНСКИЙ. Совершенно правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы вызваны в качестве свидетеля по делу Бухарина. Предлагается показывать правду.

ОСИНСКИЙ. Слушаюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, вы имеете вопросы к Осинскому[.] ?[II]

ВЫШИНСКИЙ. Да, конечно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. [Гражданин] *Свидетель* Осинский, что вы знаете относительно деятельности [обвиняемого] *подсудимого* Бухарина [с 1918 г.], связанной с его участием в группе так называемых «левых[»] коммунистов»? Я говорю о его преступной деятельности. Известны ли вам какие-нибудь факты в этой области или нет, если известны, то какие?

ОСИНСКИЙ. Только относящиеся к 1918 г. или же и к 1917 г.?

ВЫШИНСКИЙ. Если имеются относящиеся к 1917 г., то, пожалуйста, не возражаю.

ОСИНСКИЙ. [Николай Иванович] Бухарин был лидером так называемой «левой[»] коммунистической» фракции, которая сформировалась во второй половине ноября 1917 г., в связи с разногласиями, которые возникли по вопросу о заключении Брестского мира, с центральными державами. Николай Иванович Бухарин был руководителем этой фракции, в которой и я принимал участие как член центра, которым я был[254]. Первоначально деятельность фракции шла по *руслу легальному*[*III], хотя *с самого начала* было чрезвычайное заострение [с самого начала] *борьбы* против ленинского партийного руководства, [и,] постепенно [за]*об*остряясь, *борьба* к февралю 1918 г. получила свое выражение в той резолюции Московского областного бюро [большевистской парторганизации], по поводу которой Ленин написал свою статью «Странное и чудовищное». Как известно, в этой резолюции Московское областное бюро *заранее* заявило, что в случае заключения Брестского мира советская власть становится только формальной, и что, имея в виду такую установку Центрального комитета партии, руководимого Лениным, [Московское областное бюро заранее берет на себя то,] что не будет подчиняться директивам, исходящим [в этом смысле] от Центрального комитета. Это было легальное выражение большого заострения антипартийной борьбы, которая проводилась лево-коммунистической фракцией. [Но о] *О*дновременно с [тем] *этим* была начата и нелегальная *преступная*

[I] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Правка И.В Сталина (красный карандаш).

[III] * * — инверсия — *«легальному руслу»*.

деятельность. [, та деятельность, которую вы правильно характеризуете как преступную деятельность.]

Относительно этой стороны деятельности «левой[-] коммунистической» фракции, руководимой Бухариным, я получил первые сведения в начале марта [, в первой декаде марта] 1918 г. *от В.Н. Яковлевой (одна из активных участниц группы «левых коммунистов»).* [т.к. по должности своей — тогда я был председателем Высшего Совета Народного хозяйства — находился в отъезде, пребывал в Харькове и возвратился в Ленинград, где в то время имел постоянное местопребывание, в первой декаде марта. По возвращении я встретился с Варварой Николаевной Яковлевой[1] как с ближайшей сотрудницей по ВСНХ (она была управляющим делами ВСНХ)] Яковлева рассказал мне о том, что происходило в моем отсутствии, и сообщила, что [приблизительно в то самое время, когда заседало Областное бюро Московской парторганизации в своем полном составе и] *было не* легальное [, произошло собрание узкого состава Областного бюро, в котором участвовали] *совещание Московского областного бюро и других членов «левых коммунистов», на котором участвовали Бухарин, Яковлева,* Ломов, Манцев, Стуков и [ныне умерший Хизельштейн ...] *другие* ... [и что н] *На* этом [заседании] *совещании* был поставлен вопрос о том, [чтобы] *надо* взять весьма резкую активную линию [по отношению к] *против* ленинско*го*[му] партийно*го*[му] и советско*го*[му] руководств*а*[у], установку [уже] на захват власти, свержение *и арест* правительства Ленина, [арест правительства Ленина, причем] Яковлева констатировала, что Бухарин склоняется к мысли о том, что явится необходимость при аресте в физическом устранении или — *чтобы сказать яснее* — уничтожении Ленина, Сталина и Свердлова как трех виднейших партийных и советских вождей, как людей, наиболее последовательно борющихся за заключение Брестского мира[255], [и поэтому, как] наиболее опасных противников «левых[»] коммунистов».

Я на предварительном следствии по памяти отвечал, что и Бухарин участвовал в этом заседании. Точно я это утверждать не могу, но что я могу утверждать совершенное точно — это то, что предложения эти, внесенные там, были по инициативе, по указанию и по полному согласию с Бухариным внесены и приняты узким составом Областного бюро.

ВЫШИНСКИЙ. А какие у вас основания утверждать, что эти предложения приняты по инициативе, по указанию и с полного согласия Бухарина?

ОСИНСКИЙ. Так мне говорила Яковлева. Одновременно с [тем] *этим* было внесено предложение о заключении [, для выполнения этой установки,] блока с «левыми» эсерами и о том, чтобы подвести в этом направлении переговоры с «левыми» эсерами. Эти переговоры должны были вести, с одной стороны, Стуков [, а с другой —] *и* Бухарин, [причем были намечены в качестве лиц, с которыми предстояло вести переговоры,] *и с другой* — «левые» эсеры Камков, Карелин и Прошьян. [Тогда] То*гда же* было решено подготавливать Московскую областную организацию к соответствующим выступлениям для захвата власти и ареста правительства. Момент выступления предполагалось приурочить к приезду правительства в Москву, ибо в Москве находилась главная цитадель «левых[»] коммунистов» — Московское областное бюро, которое было в [их] *наших* руках, и естественно, поэтому, было такое выступление сосредоточить в данном месте и приурочить к

[1] Текст восстановлен — зачеркнут (зеленые чернила), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш), рядом на полях помета (зеленые чернила): «*восстановить*».

данному моменту. [Разумеется, я] *Я* [сейчас же] пришел к [тому] выводу, что мне надо спросить об этом самого Бухарина. Разговор наш [через небольшой срок,] *состоялся* через пару дней. [, состоялся при первом удобном случае.] Я [прежде всего] поставил Бухарину вопрос: точно ли мне Яковлева передала те решения, которые были приняты узким составом Областного бюро, согласно [установке] *его* — Бухарина — *установке*. Бухарин подтвердил, что Яковлева изложила мне точно и что он с этим *решением* согласен. [Тогда я задал ему следующий вопрос: если берется установка на столь чреватое обширными последствиями предприятие, то может ли Бухарин сказать, что это предприятие имеет под собою достаточно солидный политический базис, и можно ли считать таковым соединенные усилия «левых[»] коммунистов» и эсеров. На этот вопрос Бухарин ответил, что вопрос мой и доза сомнения, в нем заключающаяся, обоснованы,[I] но] что он [, предвидя такую постановку вопроса,] предпринимает уже шаги к тому, чтобы подвести более широкий базис под намечаемый план. [Затем о] *О*н [мне] дал *мне* обзор и характеристику тех политических группировок как внутри партий, [находящихся,] так и вне партий, которые могут быть привлечены к этому блоку. Прежде всего, он в этой связи говорил относительно Зиновьева, Каменева и их окружения и ставил вопрос следующим образом: с первого взгляда может казаться, что Зиновьев и Каменев для привлечения в такой блок — неподходящие партнеры, потому что Зиновьев в настоящее время (так оно и было) выступает [против] *за* Брестск*ий*[ого] мир[а в] **на* собраниях с речами, докладами и т.д.*[II], но это поведение Зиновьева и Каменева является только очень искусной, двойной игрой, [, прежде всего,] рассчитанной, *прежде всего,* на то, чтобы восстановить доверие к себе как у партийного руководства, так и у массы членов партии — доверие, которое было чрезвычайно подорвано предоктябрьским и октябрьским штрейкбрехерством этих людей. [, репутация которых потерпела огромнейший ущерб. Выступая единым строем с партийным руководством, они, прежде всего, стре*мились*[ятся] восстановить это доверие[III], н] *Н*о это отнюдь не значит, что они оставили свои намерения вести борьбу с партийным руководством.

[Сам Брестский мир, за который они выступают, они рассматривают, прежде всего, как поражение Ленинской политики и капитуляцию Ленина перед силами буржуазии.[IV] Итак, как о] *О*ни — [де] *Зиновьев, Каменев* — рассматривали положение таким образом, что социалистическая революция в России не может иметь успеха, что России суждено превратиться в буржуазно-демократическое государство, [то они] *отсюда они* счита*ли*[ют, что это поражение и заключение мира может стать исходной точкой для революции в этом направлении. Они не хотят поддерживать этого направления, они продолжают свою борьбу.] *Брестский мир — это поражение ленинской политики.* Для того, чтобы вести борьбу *против партии, они, ввиду своей беспринципности,* заключают блок [в условиях большой своей беспринципности] с кем угодно, [и] в том числе и с «левыми[»] коммунистами». Поэтому они хот*ели*[ят] переговоров, и переговоры начаты.

[I] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (простой карандаш), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[II] * * — знак переноса этой фразы — «*выступает [в] на собраниях с речами, докладами и т.д. [против] за Брестский[ого] мир[а]*»

[III] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (простой карандаш), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш). Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[IV] Предложение зачеркнуто (простой и красный карандаш).

Бухарин констатировал, что эти люди, несмотря на [верный] *безусловный* ущерб их политической репутации, которую они стараются возомнить, обладают достаточным окружением и поэтому могут оказаться в блоке достаточно веским слагаемым.

После этого Бухарин [обратился к] *перешел к оценке позиций* Троцко*го*[му] и констатировал, что с Троцким примерно получа*е*[и]тся[I] такое *же* положение, как с Зиновьевым и Каменевым. Троцкий [по] внешне[ости] не выступает ни сторонником «левых[»] коммунистов», ни противником Брестского мира. Он по внешности занимает промежуточную позицию — «ни мира ни войны»[256]. Эта позиция избрана им для прикрытия, чтобы не демонстрировать открыто, что он борется с Лениным. Он согласен вступить в блок, и там окаже[у]тся достаточно веским слагаемым. Бухарин говорил о третьей силе, которая должна быть привлечена в блок, [кроме] *сколачиваемый* «левы*ми*[х»] коммунист*ами*[ов]»*?* [и правых — это правые] *это* эсеры. [О них, в связи]

[*Чрезвычайно обострены были разногласия между «левыми» *эсерами*[II] и правыми эсерами по вопросу о выходе России из империалистической войны. Правые эсеры стояли на точке зрения продолжения этой войны до победного конца, а «левые» эсеры поддерживали позицию большевиков в этом вопросе, но в настоящий момент, когда «левые» эсеры выступают против Брестского мира, то совершенно ясно, что разногласия по этому вопросу сгладились и что таким образом между «левыми» и правыми эсерами уже устанавливается некоторая общность точек зрения, и что поэтому можно, с одной стороны, использовать «левых» эсеров в качестве костяка, который можно перекинуть к правым эсерам, и, таким образом, база блока может быть расширена и также и включением правых эсеров,]*[III] *[которые, разумеется, поддержат всяком мероприятие, направленное как против партийного руководства, так и против мероприятий советской власти. [, и п] *П*оэтому [могут оказаться и даже] *в борьбе против Ленина они,* несомненно, окажутся союзниками. [в борьбе против Ленина.]]*[IV]. Правые эсеры представляют собою все еще достаточно значительную политическую силу, они имеют значительный актив, значительные связи с деревней, и поэтому присоединение их может этот блок укрепить и расширить.

Когда [, таким образом,] Бухарин закончил обзор этих своих предположений, которые *в то время* уже начали приводиться [в то время] в исполнение, [но еще в первых стадиях,] я ему задал вопрос: [такого порядка:] почему все-таки столь важные перемены в политике лево-коммунистической фракции принимаются самостоятельно, и я, в частности, только сейчас узнаю о еще дальнейшем расширении блока. На это мне Бухарин ответил, что тут мне [удивляться] *обижаться* не на что, потому что я был в отъезде, а с другой стороны, подобного рода соглашения и переговоры по таким соглашениям требуют чрезвычайно глубокой конспирации, на которой и настаивают, между прочим, некоторые будущие [парламентеры] *партийцы,* этого соглашения, в частности, Зиновьев и Каменев, потому что всякое разоблачение подобной тайны, если оно произойдет до того, как намеченный план

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

[III] * * — вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (простой карандаш), зачеркивание снято (красный карандаш), рядом на полях вертикальная пунктирная линия (красный карандаш). Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[IV] Текст восстановлен — зачеркнут (зеленые чернила), частично подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (простой карандаш), рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш), вертикальная пунктирная линия (красный карандаш) и помета (простой карандаш): «*Печат[ать]*». Правка красным карандашом И.В. Сталина.

будет осуществлен, или если этот план потерпит неудачу, — всякое разглашение этой тайны приведет к совершению непоправимой компрометации всех участников этого дела. Поэтому, т.к. я поставил ему этот вопрос, то он как член центра этих «левых коммунистов» дает мне эту информацию, но я не должен об этом сообщать никому, кроме тех, которые об этом знают, и должен соблюдать глубокую тайну в отношении полученной мною информации.

Вот мой разговор с Бухариным, который дополнительно, так сказать, мне прояснил в тот момент вопрос о том, какое направление принимает деятельность лево-коммунистической фракции.

[В дальнейшем, я ч] Через несколько дней *я* имел разговор с В.Н. Яковлевой. Она [, между прочим, среди других известий,] сообщила, [что она] *что* вместе с Бухариным *она* имела разговор с Зиновьевым, который *высказался за борьбу с правительством Ленина, и что Зиновьев идет на соглашение с нами — «левыми коммунистами»*. [уже поставлен в курс намечаемого плана и который идет на соглашение, причем она характеризовала его позицию по отношению к руководству примерно таким же образом, как она характеризовала Бухарина, как я это доложил раньше, так что я повторяться не буду.]

В дальнейшем мне пришлось встретиться с членом ЦК «левых» эсеров Карелиным, которого я единственного, — т.к. это был из лидеров «левых» эсеров, — знал еще с дореволюционных времен.

И вот я, зная, что переговоры должны быть ведены с ним, и поэтому я, не нарушая в этом отношении конспирации, поставил вопрос о том — «как насчет соглашения по поводу предложения Бухарина, которое вам сделано относительно завоевания власти, относительно связанного с этим ареста правительства и со всеми вытекающими оттуда последствиями?» — так я, примерно, выразился. На это мне Карелин ответил, что все эти предложения приемлемы, что «левые» эсеры их принимают, и что они, соответственно, готовят свою организацию к выполнению этих решений.

Тут же я должен отметить, что, встречаясь [опять-таки] с Яковлевой и [с] Ломовым, которые были членами Московского областного бюро, я имел от них информацию, что и Московская областная организация также подготовляется к тому, чтобы предпринять в соответствующий момент нужные действия. Впоследствии, в более позднее время я [еще] *снова* справлялся у Бухарина по вопросу о том, [как же, собственно говоря,] *сформировался ли* блок [то] теперь в полном составе [сформировался] и закончены ли переговоры*?* [или нет?] Это было уже в конце апреля — в начале мая. Бухарин мне [констатировал] *ответил,* что блок [осуществлен и] *создан,* что все намечавшиеся [вхождения в него] политические[х] группиров[о]к*и* изъявили согласие *на вхождения в блок* и на этой [базе] *основе* объединились. В дальнейшем, однако, как известно, [этот] план [оказался] *этот* рухнул[вшим] и *не был приведен* в исполнение. [не приведен.] Произошло это, как известно, вследствие следующих обстоятельств. На майской Конференции...

ВЫШИНСКИЙ. План рухнул, это и хорошо. Но нас сейчас не это интересует. Это не произошло. А что произошло? Нас интересуют факты, которые произошли, которые имели место.

ОСИНСКИЙ. Я сейчас к этому, собственно, и перехожу, при посредстве некоторого промежуточного звена.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста. Только мне, по ходатайству которого вы вызваны здесь в качестве свидетеля, интересно не то, что не произошло, а то, что произошло.

ОСИНСКИЙ. И так, план этот оказался неосуществленным, потому что [на прошедшей] в мае *на* конференции Московской областной партийной

организации «левые[»] коммунисты» потерпели поражение, были разбиты Лениным наголову, и база для осуществления этого плана по линии «левых коммунистов» оказалась выбитой из их рук. Это привело к значительному разброду в среде «левых[»] коммунистов». [и это было, несомненно, причиной того, что м] *М*ятеж «левых» эсеров [, который] был приведен в осуществление *плана* намеченного [плана] *нами* —[I] «левы*ми*[х»] коммунист*ами*»[ов], — *но он был подавлен*[257]. [не мог быть поддержан реальной силой, остался одиноким, совершенно не имевшим перспектив на успех выступления, и был разбит. Но э] *Э*тот мятеж был как раз одним из [тех проявлений или] результатов *проведения в жизнь тех* установок, [принятых] *которые были приняты «левыми коммунистами»* еще в конце февраля 1918 г. Дальнейшим результатом установок блока...

ВЫШИНСКИЙ. [Насчет этого мятежа «левых» эсеров.] Значит, вы утверждаете, что мятеж «левых» эсеров в июле 1918 г. был *осуществлен* «левыми» эсерами [осуществлен] в соответствии [, как вы сказали,] с установками, [какие] *которые* были [даны, получены от] *выработаны* «левы*ми*[х»] коммунист*ами*»[ов]*?* [выработаны ими?] Чьи это установки были?

ОСИНСКИЙ. Установки блока.

ВЫШИНСКИЙ. Какого?

ОСИНСКИЙ. Блока, состоящего из «левых» эсеров, «левых[»] коммунистов», зиновьевцев, троцкистов.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, в плане этого блока входило..?

ОСИНСКИЙ. В планы этого блока входило, прежде всего, — захват власти.

ВЫШИНСКИЙ. А для этого?

ОСИНСКИЙ. А для этого *нужно было* вооруженное выступление. [надо было.]

ВЫШИНСКИЙ. И вот, это вооруженное выступление «левые» эсеры и осуществили в июле 1918 г.?

ОСИНСКИЙ. Совершенно, несомненно.

ВЫШИНСКИЙ. А вот тут Бухарин интересовался у допрашиваемой до вас свидетельницы Яковлевой: как же это так могло быть, что он подавлял лево-эсеровский мятеж? А выходит, что он подготовлял, а не подавлял лево-эсеровский мятеж. Так ли я вас понимаю?

ОСИНСКИЙ. Так.

ВЫШИНСКИЙ. Вот вы,[II] как *живой* свидетель,[III] [по тамошним временам, живой свидетель] можете разъяснить, [это недоразумение? *Во-первых,*[IV]] подавлял[V] ли *Бухарин* мятеж «левых» эсеров*?* [Бухарин?]

[ОСИНСКИЙ. Об этом мне ничего неизвестно.]

[ВЫШИНСКИЙ. А подготовлял ли он мятеж «левых» эсеров?][VI]

ОСИНСКИЙ. Несомненно, он идеологически его подготовлял[VII] и подготовлял его организационную сторону переговорами с «левыми» эсерами.

ВЫШИНСКИЙ. «Левые коммунисты» и вы, в том числе, были в курсе мятежного лево-эсеровского выступления в то время?

[I] Тире вписано над строкой (красный карандаш).

[II] Запятая вписана И.В Сталиным (красный карандаш).

[III] Запятая вписана И.В. Сталиным (красный карандаш).

[IV] * * — зачеркнуто И.В. Сталиным (красный карандаш).

[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (простой карандаш).

[VI] Предложения восстановлены — зачеркнуты (зеленые чернила), подчеркнуты горизонтальной пунктирной линией, рядом на полях две вертикальные линии и помета И.В. Сталина (красный карандаш): *«Восстановить»*.

[VII] Подчеркнуто горизонтальной линией (простой карандаш).

ОСИНСКИЙ. Я, в частности, в курсе выступления конкретного не был. Это не было моей специальностью. Моя политическая специальность — литературно-идеологическая.

ВЫШИНСКИЙ. В курсе чего вы были?

ОСИНСКИЙ. В курсе того, что «левые» эсеры ведут подготовку к вооруженному выступлению.

ВЫШИНСКИЙ. Вы как «левый коммунист», как член группы «левых коммунистов» и один из руководителей этой группы были в курсе того, что «левые» эсеры готовят мятеж?

ОСИНСКИЙ. Да, я был [потому уже] в курсе и в том смысле, что на вопрос, мною поставленный Карелину, о том, принято ли это соглашение и в каком масштабе, получил ответ, что оно принято в полном масштабе и что «левые» эсеры готовятся к осуществлению его.

ВЫШИНСКИЙ. А Бухарин был в курсе этого?

ОСИНСКИЙ. Несомненно.

ВЫШИНСКИЙ. Ибо он сам вел эти переговоры?

ОСИНСКИЙ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. А откуда вам известно, что он вел переговоры?

ОСИНСКИЙ. Мне известно от Яковлевой и от *самого* Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Известно от Бухарина. А по поводу предполагавшегося ареста правительства, вам это известно от кого?

ОСИНСКИЙ. [Я вам сказал, что мое э] *Это* [известно] *мне* впервые стало *известно* от Яковлевой, а затем подтверждено Бухариным.[I]

ВЫШИНСКИЙ. А был ли план не только ареста руководителей партии и правительства, но и убийства их?

ОСИНСКИЙ. Несомненно, что такой план существовал в качестве руководящей основы и главной перспективы решения вопроса о том, что должно быть сделано с арестованными членами правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Конкретно с кем?

ОСИНСКИЙ. С Лениным, Сталиным, Свердловым.

ВЫШИНСКИЙ. [Вам] *От кого вам* известно намерение блока заговорщиков убить т.т. Ленина, Сталина и Свердлова в 1918 г. — от кого?

ОСИНСКИЙ. От Яковлевой, в первую очередь, затем от Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин лично вам подтверждал это намерение?

ОСИНСКИЙ. [Я уже это сказал.] *Да.*

ВЫШИНСКИЙ. [Я хочу еще раз услышать от вас на прямо поставленный вопрос, не в рассказе повествовательном, а на прямо поставленный вопрос.][II] А вы как к этому относились?

ОСИНСКИЙ. Как я к этому относился? Вы желаете знать мое политическое отношение или субъективное отношение? Впрочем, субъективное отношение я оставляю в стороне. Поскольку я против этого не выступал и не возражал, то, следовательно, я с этим согласился.

ВЫШИНСКИЙ. И никуда не сообщили?

ОСИНСКИЙ. И никуда не сообщил, следовательно, я с этим согласился.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, есть ли у вас вопросы к свидетелю Осинскому?

БУХАРИН. Во-первых, я хотел бы спросить Осинского, не может ли он что-нибудь сказать относительно центральной группы «левых коммунистов» в Петербурге, из кого она состояла?

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Это вопрос не имеет отношения к заговору.

БУХАРИН. Имеет, потому что, поскольку переговоры велись...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Сейчас речь идет о подсудимом Бухарине.

БУХАРИН. Позвольте, я же здесь выступаю в качестве представителя группы «левых коммунистов» и ее центра. Если нас спрашивают о праволевацком центре, то это нас касается, а если о центре группы «левых коммунистов», то нельзя говорить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Во всяком случае, дело идет о Николае Ивановиче Бухарине.

БУХАРИН. Мне гражданин Прокурор заявил, что это не дело, потому что за давностью по закону это не есть дело.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Обвиняемый Бухарин, вы желаете задавать вопросы свидетелю Осинскому?

БУХАРИН. Да, желаю. Я хочу спросить свидетеля Осинского, входил ли Осинский в Центральную группу «левых коммунистов».

ОСИНСКИЙ. Конечно, входил.

БУХАРИН. Я хочу узнать у свидетеля Осинского, писал ли он генеральные тезисы, которые служили главной платформой «левых коммунистов» в тот период?

ОСИНСКИЙ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. С кем вместе писали вы эти тезисы?

ОСИНСКИЙ. Вместе с Бухариным, Радеком и Преображенским.

[(Общий смех всего зала).][I]

БУХАРИН. Основной текст этих тезисов кому принадлежал?

ОСИНСКИЙ. Основной текст принадлежал Осинскому.

ВЫШИНСКИЙ. А кто редактировал?

ОСИНСКИЙ. Редакция была общая всех участвующих, в том числе и Николая Ивановича Бухарина.

[(Смех).][II]

БУХАРИН. Затем я хотел бы спросить свидетеля Осинского, был ли он накануне Октябрьского восстания в Москве.

ОСИНСКИЙ. Да, накануне Октябрьского восстания я был в Москве.

БУХАРИН. Я хотел бы также узнать, был ли свидетель Осинский и во время Октябрьского восстания в Москве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Зачем нужны эти вопросы?

БУХАРИН. Это мне нужно для защиты, потому что потом я уже не смогу получить ответов на эти вопросы.

ВЫШИНСКИЙ. Если обвиняемый Бухарин заявляет, что эти вопросы ему нужны для защиты, то, имея в виду, что по нашим законам каждый обвиняемый имеет право на защиту в полном объеме, я ходатайствую не устранять этого вопроса.

БУХАРИН. Тогда я ходатайствую возобновить все вопросы, которые судом раньше были отклонены.

[(Общий смех).][III]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин, не занимайтесь обструкцией работы суда.

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).
[II] Зачеркнуто (красный карандаш).
[III] Зачеркнуто (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Если обвиняемый Бухарин нуждается в постановке всех этих вопросов для своей защиты, я, как обвинитель, не возражаю против того, чтобы эти вопросы были здесь поставлены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. А суд возражает против постановки этих вопросов как не относящихся к делу.

ВЫШИНСКИЙ. Подчиняюсь решению суда.

БУХАРИН. Я тоже подчиняюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Комендант, вызовите свидетеля Манцева.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (Обращаясь к Манцеву.) Вы — Манцев Василий Николаевич?

МАНЦЕВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы вызваны свидетелем по делу Бухарина Николая Ивановича. Предлагается показывать правду.

Т. Прокурор, вы имеете вопросы к свидетелю Манцеву?

ВЫШИНСКИЙ. Имею. [Гражданин] *Свидетель* Манцев, вы принимали участие в 1918 г. в группе «левых[»] коммунистов»?

МАНЦЕВ. Да, принимал.

ВЫШИНСКИЙ. Роль ваша в этой группе была рядовая или руководящая?

МАНЦЕВ. Руководящая.

ВЫШИНСКИЙ. Кто еще принимал наиболее активное участие в этой группе?

МАНЦЕВ. Центром практической работы «левых[»] коммунистов» было *Московское* областное бюро руководящее ядро которого состояло из «левых[»] коммунистов» целиком. Бухарин был лидером фракции «левых[»] коммунистов»[258].

ВЫШИНСКИЙ. Каковы были отношения между группой «левых[»] коммунистов» и группой [, так называемых,] «левых» эсеров в то время? Вы не помните?

МАНЦЕВ. Помню.

ВЫШИНСКИЙ. Можете сказать кратко?

МАНЦЕВ. Могу. Уже в апреле месяце, после VII съезда партии и IV съезда Советов[259], мне стало известно, что руководством фракции «левых[»] коммунистов» ведутся переговоры о блоке, о союзе с «левыми» эсерами в заговорщических целях по свержению советского правительства, для совершения [государственного] *контрреволюционного* переворота. На одном из заседаний Областного бюро, на котором присутствовали полностью почти все члены фракции «левых [»] коммунистов» — Яковлева, я, Ломов, Максимовский, Стуков, Кизильштейн и целый ряд [тех][I], которые принимали близкое участие в руководстве деятельностью фракции. Бухарин выступил с докладом, в котором заявил, что после одобрения Съездом партии и Съездом Советов *Брестского мира*[II] остается путь один, это — путь восстания против советского правительства, свержения советского правительства. В этом же докладе он сообщил о том, что он считает необходимым условием успешности переворота арест и, в случае необходимости, физическое уничтожение, просто *говоря*, убийство руководителей партии и правительства — Ленина, Сталина и Свердлова[260].

[I] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] * * — знак переноса фразы (синие чернила) — «*после одобрения Брестского мира Съездом партии и Съездом Советов*».

ВЫШИНСКИЙ. Это вы лично слышали?

МАНЦЕВ. Да, я лично слышал, так же, как все те, кто присутствовал на этом собрании. Затем он сообщил о том, что *им* ведутся, [переговоры им,] вернее, успешно заключены переговоры с «левыми» эсерами о союзе с ними. Мне, [тогда уже было известно, —] так же, как и тем, кто работал тогда в руководстве фракцией, о том, что «левые» эсеры готовили тогда восстание против советского правительства, так же, как и «левые[»] коммунисты». Бухарин подтвердил существование союза между «левыми[»] коммунистами» и «левыми» эсерами в целях свержения советского правительства. Он сказал о том, что им лично велись переговоры. Я слышал также, что в этих переговорах участвовали из «левых[»] коммунистов» следующие лица: Стуков, Осинский.

[Затем н] *На* этом собрании Бухариным было поручено продолжать в дальнейшем переговоры с «левыми» эсерами.

ВЫШИНСКИЙ. Это все?

МАНЦЕВ. Нет, не все.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте.

МАНЦЕВ. Дело в том, что еще в феврале месяце выступал не Бухарин, а...

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

МАНЦЕВ. В 1918 г. Выступал с докладом Стуков, причем он заявил, что выступает по прямым директивам Бухарина. Стуков был членом Областного бюро партии и членом руководства фракции «левых коммунистов».

Я забыл сказать, что Бухарин расценивал существующее советское правительство, возглавляемое Лениным, как правительство, предающее интересы пролетарской революции, как правительство буржуазно-кулацкое. Стуков еще в феврале или в конце февраля месяца ставил вопрос уже тогда по прямой директиве Бухарина о свержении этого правительства и о подготовительной работе по организации восстания против этого правительства.

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?

МАНЦЕВ. Это было в конце февраля 1918 г.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, это обстоятельство было отражено в протоколе?

МАНЦЕВ. Я вот и хотел сказать об этом. Это было отражено в протоколе.

ВЫШИНСКИЙ. [Куда оно] *А* потом *куда* [девалось ?] *девался этот протокол?*

МАНЦЕВ. Обычно протоколы заседания Областного бюро заносились в книгу протоколов. Это была обычная конторская книга, в которую секретарь записывал протокол. В то время секретарем был я, а до меня была Яковлева. Протоколы обычно записывались или мной или Яковлевой. Этот протокол был записан мною.

ВЫШИНСКИЙ. А потом куда девался этот протокол?

МАНЦЕВ. Разрешите несколько отступить. На Московской областной конференции в 1918 г. «левые коммунисты» потерпели поражение. Большинство конференции высказалось за линию ЦК партии, и в конце конференции, когда происходили выборы, прошел список ЦК. Из 7 человек по списку ЦК — 5 было сторонниками линии ЦК, линии Ленина, 2 — были выбраны из «левых[»] коммунистов» — это я и Ломов.

На заседании фракции «левых[»] коммунистов», которое состоялось в конце конференции, было постановлено распустить фракцию, прекратить фракционную работу. Я должен сказать, что это было неискренне, потому что на том же заседании фракции постановили, чтобы я и Ломов отказались от участия в работах Областного комитета партии, который состоял в большинстве из сторонников ЦК. После заседания фракции состоялось очень

короткое летучее заседание бывших членов областного бюро «левых[»] коммунистов», на котором присутствовали все те, о которых я говорил. На этом заседании, по предложению Бухарина, мне и Яковлевой в целях скрытия от партии истинных позиций «левых[»] коммунистов» по отношению к ЦК партии и правительству, *(*а она заключалась в том, что мы готовили [поражение] *свержение* этого правительства*)*, — *было поручено* уничтожить ту запись в протоколе, *о* которой[ая была] *я говорил. Это и было* произведено[а] мной. [в феврале месяце.]

ВЫШИНСКИЙ. Уничтожить?

МАНЦЕВ. Я и Яковлева в этот же вечер или ночью уничтожили этот протокол.

ВЫШИНСКИЙ. И ничего не оставили для истории?

МАНЦЕВ. Мы уничтожили тогда для того, чтобы ничего не осталось в то время, а, следовательно, и для истории.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов к Манцеву пока нет.

БУХАРИН. (К суду). У меня один вопрос, который заключается в следующем: подтверждает ли гражданин Манцев, что он через некоторое время с чекистским отрядом анархистов — союзников «левых» эсеров бросил бомбу в Леонтьевском переулке, причем эта бомба взорвалась на воздух. Подтверждает ли гражданин Манцев, что он руководил этой операцией?

МАНЦЕВ. Да, я подтверждаю.

БУХАРИН. У меня вопросов больше нет.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году это было?

МАНЦЕВ. В конце 1919 г.

ВЫШИНСКИЙ. Вы тогда состояли членом группы «левых коммунистов»?

МАНЦЕВ. Тогда этой группы не было.

ВЫШИНСКИЙ. А когда была эта группа «левых коммунистов» вы выступали против эсеров?

МАНЦЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв на 15 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Прошу встать, суд идет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Т. Прокурор, у вас есть еще вопросы свидетелю Манцеву?

ВЫШИНСКИЙ. У меня есть вопросы к Бухарину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бухарин, что вы скажете по поводу показаний свидетеля Манцева?

БУХАРИН. Я должен сказать по поводу показаний свидетеля Манцева следующее: [я несколько помню, что] я делал доклад на *бюро* Московской организации, [но я показал на очных ставках, что я этого не помню, но] я этого *не помню, но я этого и* не отрицаю, но я совершенно исключаю, чтобы [я] в этом своем докладе говорил в таком духе, о котором говорил Манцев. Что касается линии [вообще] на насильственное ниспровержение *советского правительства,* то [в ответ на ваш, гражданин Прокурор, вопрос] я уже ответил, что был такой момент, когда она была, и я это признаю. Что касается [директивы] *того,* будто бы я дал директиву относительно изъятия из протокола какого-то места, то я, во-первых, считаю, что...

ВЫШИНСКИЙ. Дали такую директиву?

БУХАРИН. Простите, я, во-первых, считаю, что...

ВЫШИНСКИЙ. Вы такую директиву дали?

БУХАРИН. Нет, я такой директивы не давал.

ВЫШИНСКИЙ. А протокол исчез.

БУХАРИН. Протокол исчез, это есть совершившийся[енный] факт, но я имею...

ВЫШИНСКИЙ. Сам собою исчез?

БУХАРИН. Нет, не сам собою, но нельзя все, что происходит на свете, в том числе и исчезновение протокола...

ВЫШИНСКИЙ. А вы к этому имели отношение?

БУХАРИН. Нет, я к этому не имел отношения.

ВЫШИНСКИЙ. Вы утверждаете, следовательно, что показания Манцева в этой части и показания свидетельницы Яковлевой неправильны?

БУХАРИН. Да, я утверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Чем вы объясняете, что они говорят неправду?

БУХАРИН. Вы уж их об этом спросите.

ВЫШИНСКИЙ. Сейчас спросим. Свидетели Яковлева и Манцев, вот обвиняемый Бухарин говорит, что вы показываете в этой части на него неправду. Что вы по этому поводу скажете?

ЯКОВЛЕВА. Я могу сказать следующее. Я слышала показания Манцева. Я на этом заседании, — была какая-то летучая фракция, где было постановление, — не была, очевидно, случайно. Мне просто передал Манцев. Когда мы подготовляли материалы Областного бюро, я слышала, что Бухарин настаивает на изъятии не всего протокола, а определенного места из протокола, а именно того места, где была изложена речь Стукова и внесенный им проект резолюции на фракционном заседании Областного бюро. Мотивировалось это следующим, что сохранение этого места может разоблачить и нелегальную[ая] деятельность «левых[»] коммунистов» и опорочить [, так сказать, скомпрометировать][I] политическую позицию Московского бюро. Мы с Манцевым такое изъятие, как я уже показывала, произвели.

ВЫШИНСКИЙ. Свидетель Манцев, что вы скажете?

МАНЦЕВ. Я подтверждаю свое показание, которое я дал. Дело в том, что не на фракции, а было собрание специально для этого, — было предложение Бухарина, который знал, что есть такая запись в протоколах бывших членов Областного бюро, членов фракции «левых коммунистов». Специально для этого было собрано заседание, поэтому оно было очень небольшое, очень не долго продолжалось.

ВЫШИНСКИЙ. Летучее.

МАНЦЕВ. Он предложил для того, чтобы скрыть заговорщическую деятельность «левых коммунистов», изъять этот протокол из книги протоколов.

ВЫШИНСКИЙ. Он так и мотивировал?

МАНЦЕВ. Я не помню, была ли там Яковлева, но изъятие такое было сделано.

ВЫШИНСКИЙ. Вы это изъяли вместе с Яковлевой?

МАНЦЕВ. Вместе с Яковлевой.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бухарину.) А вы стоите на своей позиции?

БУХАРИН. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Теперь такой вопрос. *Подсудимый Бухарин, вы*[II] *подтверждаете, что у вас было намерение арестовать тт.* Ленина, Сталина и Свердлова*?* [вы подтверждаете?]

[I] Фраза зачеркнута (синие чернила), подчеркнута пунктирной горизонтальной линией, которая затем зачеркнута (красный карандаш). Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[II] Подчеркнуто (красный карандаш).

БУХАРИН. Да, я подтверждаю, что был такой момент.
ВЫШИНСКИЙ. Такой план?
БУХАРИН. Я не говорю — план.
ВЫШИНСКИЙ. Такое намерение?
БУХАРИН. Такое намерение.
ВЫШИНСКИЙ. Инициатива?
БУХАРИН. Да.
ВЫШИНСКИЙ. И кто был инициатором такого намерения, вы?
БУХАРИН. Инициатором этого намерения был Троцкий.
ВЫШИНСКИЙ. [Троцкий.] Вам это *Троцкий* [он] поручил?
БУХАРИН. Нет, у нас не было таких отношений, чтобы он [решился] *мог* что-нибудь *мне* поручать.[I]
ВЫШИНСКИЙ. Почему же вы инициативу Троцкого приняли и стали осуществлять?
БУХАРИН. Потому что в руководящей группе «левых[»] коммунистов» к этому плану было известное сочувствие.
ВЫШИНСКИЙ. Так что вы согласились с инициативой Троцкого, поддержали его инициативу в вопросе ареста Ленина, *Сталина и* Свердлова, [и Сталина?] *потому что сами имели подобный им план.*
БУХАРИН. В вопросе о переговорах по этому поводу с руководящей группой «левых» эсеров.
ВЫШИНСКИЙ. Инициатором Троцкий был ареста Ленина, Сталина и Свердлова?[II]
БУХАРИН. Да, совершенно верно.
ВЫШИНСКИЙ. Вы с этим согласились?
БУХАРИН. Да, совершенно верно.
ВЫШИНСКИЙ. Вы это поддерживали?
БУХАРИН. Фактически поддерживал.
ВЫШИНСКИЙ. И *вы* вступили по [этому вопросу] *вопросу об осуществлении этого плана* в переговоры с «левым» эсерами, так?
БУХАРИН. Так, правильно.
ВЫШИНСКИЙ. В целях насильственного свержения...
БУХАРИН. В целях, как это формулировал в то время Троцкий, составления нового кабинета.
ВЫШИНСКИЙ. Кабинета?
БУХАРИН. Да.
ВЫШИНСКИЙ. [Как вы говорили, причем] *При этом* не исключалось, разумеется, и применение насильственных мер [?] *в отношении Ленина, Сталина и Свердлова?*
БУХАРИН. Да, если считать, что арест есть насильственная мера [, эс ипсо]... ВЫШИНСКИЙ. И, кроме ареста*?* [эс ипсо?]
БУХАРИН. Нет, кроме ареста, ничего, если вы [говорите эс ипсо как псевдоним] *имеете в виду* физическое[го] уничтожение[я], то я повторяю, что по этому поводу не было никаких разговоров.
ВЫШИНСКИЙ. А что сообщил Стуков?
БУХАРИН. Что говорил Стуков, я не знаю.
ВЫШИНСКИЙ. По поводу стуковского сообщения Яковлева говорила?
БУХАРИН. Яковлевой Стуков при мне не делал никаких сообщений.

[I] В этом предложении правка И.В. Сталина (красный карандаш).
[II] Так в документе. Вероятно: *«Троцкий был инициатором ареста Ленина, Сталина и Свердлова?»*.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, по поводу [стуковского выступления Яковлева вам говорила?] *выступления Стукова с вами говорила Яковлева?*

БУХАРИН. По-моему, не говорила.

ВЫШИНСКИЙ. Свидетельница Яковлева, вы говорили [?] *с Бухариным о выступлении Стукова?*

ЯКОВЛЕВА. [Я сообщала уже суду и в самом начале своих показаний говорила, что то, что мне сообщил] Стуков [о том] *мне сообщил,* что он выступал по поручению Бухарина [и] с [определенным] обоснованием этого дела. [, в котором] *В этом выступлении Стукова* содержались и как [определенная] перспектива развития политической борьбы и арест правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова и даже, в случае обострения борьбы, возможность физического уничтожения этих трех вождей партии. Я об этом сообщала Бухарину, и он мне подтвердил.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Бухарин, вы это подтверждаете?

БУХАРИН. Этого не может быть, потому что Яковлева относит это к периоду до Брестского мира, что [я], как мне кажется, я довольно убедительно доказал, было бы абсурдно со всех точек зрения.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите о выводе, а я говорю о факте.

БУХАРИН. Я факт опровергаю. Когда есть два человека, я имею право доказательства от противного.

ВЫШИНСКИЙ. Вы эти факты отрицаете?

БУХАРИН. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Конечно? А они подтверждают. (Обращаясь к Манцеву.) Вы также подтверждаете, что был разговор относительно физического уничтожения Ленина, Сталина и Свердлова?

МАНЦЕВ. Да.

БУХАРИН. Я возражаю против того, что говорит Яковлева, потому что она говорит о периоде до Бреста, а Осинский говорит о периоде после Бреста. Им нужно сперва сговориться друг с другом...

ВЫШИНСКИЙ. Вы то говорите о каком периоде?

БУХАРИН. Я говорю о втором периоде, о втором периоде, что был план ареста, было намерение, инициатива, которая принадлежала Троцкому, фактически оно было принято и апробировано.

ВЫШИНСКИЙ. Не вам инициатива принадлежала?

БУХАРИН. Так как Троцкий...

ВЫШИНСКИЙ. Вы отвечайте на вопрос: вам или не вам?

БУХАРИН. Инициатива эта принадлежала Троцкому, а я — не Троцкий, следовательно, не мне.

ВЫШИНСКИЙ. Вы отказываетесь от инициативы?

БУХАРИН. Я отказываюсь от инициативы, но я не отказываюсь от апробации.

ВЫШИНСКИЙ. Я потому так ставлю этот вопрос, что у меня есть свидетельские показания, где говорится, что вы были инициатором вместе с Троцким, что вы были также инициатором. Вот почему я вас спрашиваю, но вы это отрицаете.

БУХАРИН. Да. Отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. Но говорите, что апробировали.

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А я спрашиваю, когда вы после Брестского мира собирались арестовать тт. Ленина, Сталина и Свердлова, вы делали это для свержения власти, делали это в процессе насильственной борьбы? Так я понимаю?

БУХАРИН. Я же говорю, что предполагалось, что этот самый акт можно сделать таким образом, чтобы он был насильственным, но не кровавым, и потому не может быть...

ВЫШИНСКИЙ. Насильственным, но не кровавым.

БУХАРИН. Вы меня арестовали, это есть факт насилия, но я, однако, еще жив, я, может быть, не буду жив и даже почти в этом уверен, но еще жив, чему свидетелем служит то, что я говорю с этой скамьи подсудимых.

ВЫШИНСКИЙ. Это напрасное отступление от допроса.

БУХАРИН. Я вам говорю, что было.

ВЫШИНСКИЙ. Я хочу выяснить только, где вы проводили линию между насильственным арестом в процессе борьбы и между убийством, где вы проводили?

БУХАРИН. Были разговоры тогда, что нужно обеспечить и гарантировать полную сохранность означенных лиц.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы утверждаете, а Яковлева говорит, что говорилось как раз обратное, значит, она говорит неправду?

БУХАРИН. Я с этим не согласен и говорю, что она говорит неправду.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, и Манцев говорит неправду?

БУХАРИН. Да, и он говорит неправду. Я говорю то, что я знал, а то, что они знают, это дело их совести говорить.

ВЫШИНСКИЙ. Вы должны чем-то объяснить то, что против вас говорят три человека ваших бывших сообщников.

БУХАРИН. Видите ли, у меня нет ни достаточных материальных, ни психологических данных, чтобы выяснить этот вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Не можете объяснить.

БУХАРИН. Не не могу, а просто отказываюсь объяснять.

ВЫШИНСКИЙ. Свидетель Осинский, вы категорически подтверждаете, что вам от Бухарина было известно о предполагавшемся аресте тт. Ленина, Сталина и Свердлова и об убийстве их.

ОСИНСКИЙ. Я это подтверждаю. Я изложил, что узнал об этом от Яковлевой в той формулировке, которую сообщил Бухарину, и получил от него подтверждение [на] это*го*.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно [.]*?* [Бухарин сейчас говорит...]

ОСИНСКИЙ. [Неправду.] *Бухарин сейчас говорит неправду.*

ВЫШИНСКИЙ. Вы также считаете, что Бухарин говорит неправду, *свидетельница Яковлева*[1]?

ЯКОВЛЕВА. Да, я сказала, что слышала от Бухарина [, но слышала не в такой формулировке, как говорит Осинский. Мне кажется, и здесь Осинскому память немного изменяет, он несколько путает один период с другим, но, во всяком случае, я слышала как о возможной перспективе, как о возможном итоге борьбы в случае ее обострения,] о физическом уничтожении трех вождей партии.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, сейчас отрицая это, Бухарин говорит неправду?

ЯКОВЛЕВА. Да, Бухарин не хочет сказать правду.

ВЫШИНСКИЙ. А бывало так, что он делая[л] вид, что говорит правду, не говорил правды.

ЯКОВЛЕВА. Мне кажется, что делая вид, что он говорит правду о заговоре «левых коммунистов» с «левыми» эсерами, он правды не сказал. Это

---

[1] * * — знак переноса фразы (синие чернила) — *«Вы, свидетельница Яковлева, также считаете, что Бухарин говорит неправду?»*.

уже исторический факт. А теперь он сам признал, на ваш вопрос он должен был сказать, что не сказал всей правды.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно это?

БУХАРИН. Тогда, когда я сказал...

ВЫШИНСКИЙ. Правильно это, что в свое время вы всей правды не сказали?

БУХАРИН. Тогда, даже эту полуправду отрицала Яковлева, из чего нельзя сделать вывод, что она говорит правду.

[(В зале смех).][1]

ВЫШИНСКИЙ. Когда будем обсуждать ее поведение, тогда будем говорить о ней. Но сейчас говорит не одна Яковлева об этом факте, говорят и Яковлева и Осинский...

БУХАРИН. Но они все отрицали эту полуправду.

ВЫШИНСКИЙ. (Яковлевой.) Почему вы в свое время отрицали это?

ЯКОВЛЕВА. Мы отрицали это тогда, по крайней мере, я лично, когда не сложили еще оружия в борьбе с партией и действовали как люди, которые хотели скрыть от партии правду. А когда сложили оружие, тогда считали, что нужно говорить все, что было.

ВЫШИНСКИЙ. А Бухарин, очевидно, еще не сложил?

ЯКОВЛЕВА. Очевидно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я полагаю оставить в зале всех свидетелей пока.

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу Манцеву задать еще вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Свидетель Манцев, скажите, пожалуйста, относительно вот этой операции против дома анархистов, против гнезда анархистов, о чем говорил Бухарин.

МАНЦЕВ. Это организация анархистов, которая взорвала дом Московского комитета партии.

ВЫШИНСКИЙ. Какое отношение эти анархисты имели к «левым коммунистам»?

МАНЦЕВ. «Левые[»] коммунисты» тогда не действовали.

ВЫШИНСКИЙ. А когда «левые[»] коммунисты» действовали, имели ли они какое-нибудь отношение к этим анархистам?

МАНЦЕВ. Тогда этой группы, этих анархистов не было в Москве.

ВЫШИНСКИЙ. Вы тогда в качестве кого выступали по ликвидации этого гнезда анархистов?

МАНЦЕВ. Я выступал против них в качестве заместителя председателя Московской Чрезвычайной Комиссии.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы выступали не по своему личному желанию, а в силу своего должностного положения?

МАНЦЕВ. Да, в силу занимаемой мной должности.

ВЫШИНСКИЙ. Что же, это покушение было организовано и направлено специально против Бухарина?

МАНЦЕВ. Это покушение не имело никакого отношения к Бухарину.

ВЫШИНСКИЙ. А к кому оно имело отношение?

МАНЦЕВ. Покушение было направлено против Московского комитета партии.

ВЫШИНСКИЙ. А Бухарин, что же, был секретарем Московского комитета в это время?

МАНЦЕВ. Он не был секретарем.

---

[1] Зачеркнуто (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. А он был на этом заседании Московского комитета?

МАНЦЕВ. По-моему, он не был.

БУХАРИН. Как же я не был, когда я во время этого покушения был контужен.

МАНЦЕВ. Возможно, что и был, я об этом не помню.

БУХАРИН. Я там был и читал доклад о заговоре национального центра, расследование о котором я вел в ЧК.

МАНЦЕВ. Я должен сказать, что это не имеет никакого существенного значения для данного дела.

ВЫШИНСКИЙ. А вот Бухарин считает, что против него направлено было это покушение.

МАНЦЕВ. Это неверно. Я сам производил аресты этих анархистов, я сам производил допросы их и не[и] один из арестованных ни слова не говорил о покушении на Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Бухарин попал в эту переделку случайно?

МАНЦЕВ. Он попал случайно. Эти анархисты боролись против большевистской партии и покушение свое сделали против Московского комитета партии. Бухарин здесь не при чем.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, к заслугам Бухарина это не имеет никакого отношения?

МАНЦЕВ. Нет, не имеет.

Разрешите мне еще остановиться относительно того, кто давал директиву [к] *о* физическом[у] уничтожении *вождей* партии. [Об участии Троцкого в этом деле я ничего не знал.] Я [у]знал, что кроме союза с «левыми» эсерами *у «левых коммунистов»* существует [, так сказать,] единомыслие с Троцким. Об этом я узнал в самом конце, перед роспуском группы «левых коммунистов». А относительно заговора, относительно предполагаемого убийства я знал, что это есть предположение лидера нашей фракции Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. [Но в] *В*ам пришлось быть у Троцкого и разговаривать на эту тему?

МАНЦЕВ. Да, я у Троцкого был и разговаривал с ним об этом.

ВЫШИНСКИЙ. Говорил вам Троцкий о необходимости убийства Ленина, Сталина и Свердлова?

МАНЦЕВ. Да, Троцкий об этом говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, когда Бухарин говорит, что и у Троцкого была такая инициатива, он говорит правильно?

МАНЦЕВ. Да, в этом случае он говорит правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, можно сказать, что Троцкий вместе с Бухариным собирался убить Ленина, Сталина и Свердлова?

МАНЦЕВ. Да, это правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Откуда вы зна*ли*[ете] об этом плане?

МАНЦЕВ. Я лично это зна*л*[ю] от Яковлевой, от Троцкого и других.

ВЫШИНСКИЙ. Троцкий говорил о необходимости убийства Ленина и Сталина?

МАНЦЕВ. Да, говорил.

ВЫШИНСКИЙ. [Как в] *В*ам Бухарин говорил: [говорил он о том, что там вообще кто-то, что-то собирается делать, или он] *о том, что он сам* подстрекал к убийству Ленина и Сталина? [Вы понимаете, что это такое — подстрекал?]

МАНЦЕВ. Это было решение.

ВЫШИНСКИЙ. Чье?

МАНЦЕВ. Решение руководящего органа «левых[»] коммунистов».

ВЫШИНСКИЙ. По инициативе?

МАНЦЕВ. По инициативе — Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Теперь [о 1919 г.] расскажите [?] *о 1919 г.*

МАНЦЕВ. После роспуска фракции на майской областной партийной конференции, тогда же фракция вынесла решение, чтобы я и Ломов, которые были выбраны по списку Центрального комитета в Областное бюро, отказались участвовать в работе Областного бюро. Это являлось доказательством лицемерия. Само решение о роспуске фракции «левых коммунистов» было не искренним; члены фракции остались при тех же убеждениях, которые у них были раньше.

Я лично не имел связи, не встречался с членами фракции бывших «левых коммунистов» до осени 1919 г. Я тогда был занят работой в Московской чрезвычайной комиссии. Осенью 1919 г. я встретился [с ними. Я не помню сейчас, по чьей это инициативе и как это произошло, но я встречался] с такими лицами, как Кизильштейн, Максимовский, Бухарин. Это происходило не часто, но встречи такого рода были. Тогда [под влиянием наших] *в связи с* неудач*ами* на фронте, разрух*ой*[и], голод*ом*[а], который был в стране, мы склонны были в разговорах объяснять это неправильной политикой Центрального Комитета партии, правительства и военного командования, причем говорили о том, что в вопросах военных операций решающую роль играет Сталин, и поэтому по адресу Сталина делался в этих разговорах [целый] ряд упреков. В это*т* [время] *же период* мне позвонили из секретариата Троцкого и по его распоряжению попросили меня зайти к нему на квартиру в Кремле. Я у него был тогда же. [Он] *Троцкий* мне сказал, что ему Бухарин передал, что я сейчас являюсь противников той политики, которая ведется Центральным Комитетом партии и правительством. [, и что поэтому о] *О*н [со мной говорит,] *сказал,* что ему известно, что сейчас ряд бывших «левых[»] коммунистов» не [против того, чтобы] *прочь* возобновить те планы, которые они намечали в 1918 г. [Он] *Троцкий* сказал, характеризуя тогдашнее политическое положение, что положение советской власти, [благодаря] *вследствие* неудач[ам] на фронте, разруха[е], голод*а*[у], катастрофическое, что положение на фронте таково, что неизбежна сдача Москвы, по его словам, что виновником этого всего является Сталин, который имеет решающее влияние на Ленина, что поэтому необходим*о*[а смена] *свержение этого* правительства [, свержение этого правительства, причем] *и* образование правительства из лиц, которые согласны целиком и полностью стоять на позиции Троцкого и Бухарина. [, и о] *О*н вначале говорил, что это с Бухариным у них согласовано.

[Он] *Троцкий* говорил, что залогом или необходимым условием успеха должно быть устранение Сталина. Тогда же он сказал о том, что он хочет воспользоваться одним из [случаев] конфликт*ов*[а] между ним и Сталиным по вопросам ведения военных операций и при одном из объездов фронта в том месте, где будет Сталин, арестовать Сталина силами отряда или, вернее, [его] личной охраной *Троцкого.* Помню его слова, он говорил, что в этом случае Ленин и ЦК капитулируют. На мой вопрос о том: а если нет, он сказал: останется то же, что и в 1918 г.

После этого я имел также встречу с Бухариным и сказал ему об этом. Бухарин мне сказал, что он солидарен и в оценке положения и в том, что намечает Троцкий, целиком и полностью. Я говорил это на предварительном следствии и говорю об этом сейчас.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, в 1919 г. была сделана новая попытка [?] *организации антисоветского заговора Троцким и «левыми коммунистами».*

МАНЦЕВ. Да. *Вскоре после этого мне пришлось уехать из Москвы, и как развивалось это дело, я не в курсе.*

ВЫШИНСКИЙ. А дело это расследовалось?

МАНЦЕВ. Нет, это дело тогда не расследовалось.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

МАНЦЕВ. Потому что я об этом ничего не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. А вам не пришлось с Троцким говорить по этому поводу?

МАНЦЕВ. Я и говорю про разговор с Троцким.

ВЫШИНСКИЙ. Говорить относительно того, что не надо расследовать дело*?* [.][I]

МАНЦЕВ. Вы говорите это о другом случае, это было в 1920 г.

ВЫШИНСКИЙ. А вы говорите о 1919 г.?

МАНЦЕВ. Да, о разговоре с Троцким в 1919 г. Это было накануне наступления Красной Армии и разгрома Деникина.

ВЫШИНСКИЙ. Вы никому не сказали, и это дело так потонуло?

МАНЦЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А *как дело было дальше,* в 1920 г. что было?

МАНЦЕВ. Я был тогда председателем Всеукраинской Чрезвычайной комиссии и начальником Особого отдела фронта. При отъезде Сталина из Харькова я был информирован начальником ОТЧК Харьковского узла о том, что обнаружены следы покушения на тот поезд и на тот вагон, в котором находился Сталин. Было заведено дело, которое было передано следователю Гусакову, который являлся *следователем президиума УВЧК. Вскоре после этого приехал Троцкий.*[II] Должен сказать, что я в то время был еще начальником тыло-фронта. При докладе Троцкому в его вагоне я в числе прочих вещей рассказал ему об этом случае. Троцкий улыбнулся и сказал, что не стоит раздувать этого дела, *потому что от этого могут пострадать наши товарищи.* [, а к тому времени виновники обнаружены не были, потому что от этого могут пострадать наши товарищи.] Дело это было до конца не расследовано, отправлено в харьковский Ревтрибунал и там прекращено.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, по прямому указанию кого?

МАНЦЕВ. Этого я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы должны были расследовать дело?

МАНЦЕВ. По-моему указанию дело было отправлено в Ревтрибунал. Дело было не доследовано. Следовательно, моя вина и преступление состоит в том, что дело было прекращено и смазано.

ВЫШИНСКИЙ. Я [про] это и говорю. А это вы сделали после разговора с Троцким?

МАНЦЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, по его указанию?

МАНЦЕВ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. У меня к Манцеву вопросов нет.

БУХАРИН. (к суду). У меня есть вопрос. Здесь гражданин Манцев сказал, что решение об убийстве Ленина, Сталина и Свердлова было принято по решению руководящего центра «левых»[III] коммунистов. Так как это было сказано вот этими словами, я вправе спросить Манцева, кто входил тогда в этот центр «левых коммунистов», о чем Манцев должен знать как секретарь крупнейшей организации в Москве.

[I] Знак вопроса вписан И.В. Сталиным (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях галочка (простой карандаш).

[III] Кавычки вписаны красным карандашом.

МАНЦЕВ. Я уже сказал в своем показании о том, что практическим центром для руководства фракционной деятельности, а в дальнейшем заговорщической, было Областное бюро партии.

БУХАРИН. Вы говорите о решении центра, разве такие вопросы подсобное бюро решает?

МАНЦЕВ. Это Областное бюро партии, а не подсобное бюро. В этом Областном бюро все руководящее ядро состояло из «левых коммунистов», причем в это число входили вы и я, Яковлева, Стуков.

БУХАРИН. Я входил?

МАНЦЕВ. Да, или, во всяком случае, вы принимали ближайшее участие во всех заседаниях, где решались все вопросы, так же как и Осинский. Все это было в одной комнате, которую тогда занимало Областное бюро, это было тогда на Советской площади.

Я должен сказать, что на заседании фракции «левых коммунистов» во время IV съезда было выбрано бюро фракции, в которую входили: вы, Ломов, Радек, Осинский и Яковлева. Но дело в том, что это бюро фракции занималось выработкой тезисов всей практической работы «левых коммунистов». Оно руководилось Московским областным бюро партии. Вы, если не были членом, я не помню, но, во всяком случае, принимали в этом практическом руководстве, в этой работе участие, так же как и Осинский, который не входил в это бюро, но принимал участие.

БУХАРИН. Ввиду того, что Яковлева относит все эти вещи к периоду до Брестского мира, а я в это время не был вовсе в Москве, и центр руководящих тогдашних товарищей фракци*и*[ей] «левых коммунистов» находился в Петербурге, [.] Манцев этого не будет отрицать, [.] Московское бюро не было такой центральной группой, а было одной из центральных групп. Я тогда также был в руководящем центре.

МАНЦЕВ. Хотя и вы были в Петербурге, тогда Ломов, Осинский и Яковлева тоже были в Петербурге, но я здесь утверждаю, что о всех планах и практических шагах Областного бюро и вы, и Осинский, и Ломов, и Яковлева, Яковлева этого здесь не отрицает, вы были в курсе этого дела, и не только в курсе, *а целый ряд решений иногда передавались вами из Петербурга.*[I] Был целый ряд таких решений, которые вы передавали из Петербурга. Они проводились решениями Областного бюро. Поэтому то, что вы хотите сказать, что вы были в Петербурге, а поэтому за это не можете отвечать, — это неправильно.

Затем хочу еще отметить одно обстоятельство, что до съездовского периода, до заключения Брестского мира, это было в феврале месяце, Стуков прямо заявил, что он выступает по вашему указанию, выражает ваши принципы. Затем вы после заключения Брестского мира подтвердили это.

БУХАРИН. Я спрашиваю о том, что до Брестского мира центр руководящих работников «левых коммунистов» был в Петербурге. Вы же изображаете дело таким образом, что Областное бюро принимало решения, а я был в курсе дела, т.е. руководил, т.е. был в курсе дела, что решало Областное бюро в Москве. Я спрашиваю не об этом, потому что это извращенный этап, а спрашиваю о том, кто был в руководящей группе «левых коммунистов» в Петербурге. Ответьте на этот вопрос, а если не можете ответить, то не отвечайте.

[(Смех).][II]

[I] * * — текст восстановлен — зачеркнут (простой карандаш), зачеркивание снято (красный карандаш). Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (Обращается к Манцеву.) Вы же ответили на этот вопрос?

МАНЦЕВ. Да, я ответил и еще раз подтверждаю, несмотря на то, что вы были в Петербурге, сюда передавались ваши позиции и учитывали ваши взгляды, потому что вы были лидером фракции, лидером «левых коммунистов», и от этого отказываться нечего.

БУХАРИН. Это верно. Разрешите сказать, тут какое-то большое недоразумение. Я не отказываюсь от лидерства...

ВЫШИНСКИЙ. Были у вас такие случаи в практике тогдашней вашей работы в этой группе «левых коммунистов», чтобы вы единолично принимали то или другое решение как руководитель?

БУХАРИН. Нет, не было. Вы хотите помочь мне поставить тот вопрос, который я не могу сформулировать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вам никто не хочет помочь, а т. Прокурор задает вам вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю: были такие случаи, чтобы вы единолично принимали решения?

БУХАРИН. Таких случаев не было.

ВЫШИНСКИЙ. Можно спросить Осинского?

БУХАРИН. Он скажет, что он был на Украине.

[(Смех в зале).][I]

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу разрешения задать вопрос свидетелю Осинскому.

(К Осинскому.) Бухарин уже предрешил ваш ответ. Действительно были такие случаи?

ОСИНСКИЙ. Вы мне разрешите кое-что еще к этому добавить.

ВЫШИНСКИЙ. По существу[.]?[II]

ОСИНСКИЙ. По существу [Центрального] *Московского*[III] областного бюро и единоличных решений. Существовал центр «левых коммунистов». Я могу назвать приблизительно его состав, если это потребуется.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста.

ОСИНСКИЙ. Кроме меня входили: Бухарин, Яковлева, Радек, Пятаков, В.М. Смирнов, может быть, еще кто-нибудь. Существовал центр «левых коммунистов», который собирался в Ленинграде в тот период, когда я находился в Ленинграде, затем собирался в Москве после переезда в Москву. С другой стороны, существовало Областное бюро, Московская организация, в которую входил целый ряд руководящих «левых коммунистов». Отношение его к центру «левых коммунистов» было, примерно, такое, как партийной организации московской к ЦК, т.е. это была крупнейшая организация, и даже больше, она имела значение, потому что, в сущности, областная организация московская была единственной, в которой «левые коммунисты» имели и большинство и прочную почву.

ВЫШИНСКИЙ. В то время?

ОСИНСКИЙ. В то время.

ВЫШИНСКИЙ. А в Ленинграде?

ОСИНСКИЙ. А в Ленинграде они никакой почвы не имели.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, были там центровики?

ОСИНСКИЙ. Были там центровики.

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).

[II] Знак вопроса вписан И.В. Сталиным (красный карандаш).

[III] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. А тут?

ОСИНСКИЙ. А тут были практические кадры.

ВЫШИНСКИЙ. А было такое положение, что удельный вес [в] *Московской* группы[е][I] «левых коммунистов» повысился?

ОСИНСКИЙ. Конечно. Практически и политически это был решающий центр.

ВЫШИНСКИЙ. И стоило разгромить эту московскую группу организации «левых коммунистов», как разгром сказался бы по всей линии?

ОСИНСКИЙ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. И *центр* перестал[и] [II] бы существовать?

ОСИНСКИЙ. Совершенно правильно. Теперь относительно центра «левых коммунистов» и об отношении его к вопросу о принятии этой установки, я не могу сказать, обсуждал ли центр областной этот вопрос, потому что я тогда...

БУХАРИН. Был, конечно, на Украине.

ОСИНСКИЙ. Я могу документально доказать, что я в двадцатых числах февраля выехал в Харьков и приехал оттуда в первой декаде марта.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бухарину.) А вы что говорите?

БУХАРИН. По поводу чего?

ВЫШИНСКИЙ. Вы сейчас что-то сказали по поводу показаний Осинского.

БУХАРИН. Я хочу сказать, что Осинский был на Украине.

ВЫШИНСКИЙ. А он говорит, что он был в Москве.

БУХАРИН. Он сам сказал, что он был на Украине.

ОСИНСКИЙ. В начале марта я вернулся из Украины в Ленинград.

ВЫШИНСКИЙ. Осинский говорит, что в марте 1918 г. он из Украины уехал и поехал в Ленинград.

ОСИНСКИЙ. Был в Ленинграде.

ВЫШИНСКИЙ. (К Бухарину.) Тогда что же вы говорите?

БУХАРИН. Я говорю о другом периоде, более интересном с точки зрения процесса.

ВЫШИНСКИЙ. Послушайте, что говорит Осинский, и не мешайте ему.

ОСИНСКИЙ. Я не могу припомнить, чтобы этот центр «левых коммунистов» обсуждал бы этот вопрос в моем отсутствии. Я склонен думать, он не обсуждал этого вопроса, потому что мой разговор с Бухариным, как я имел честь доложить, показал, что Бухарин предпринимает действия по расширению блока, безусловно, уже без обсуждения в центре, потому что он и мне-то сказал... «Раз ты меня спросил, а ты член центра, я тебе скажу, но это дело очень [ограниченное и][III] конспиративное, и должно быть известно только ограниченному кругу лиц...»

БУХАРИН. А об убийстве настолько не конспиративно, что обсуждается на собрании?

МАНЦЕВ. А об убийстве настолько не конспиративно, что обсуждается на собрании, в котором принимают участие четыре человека. Я не знаю, был ли пятый — Бухарин, но я то помню четыре человека, которые являлись решающими в этом деле. Следовательно, из этого мне представляется совершенно ясным, что, конечно, Бухарин предпринимал такие единоличные действия, которые он согласовывал и говорил по выбору с некоторыми лицами в видах чрезвычайной конспирации.

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[III] Зачеркнуто И.В. Сталиным (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к Бухарину.) Так было?

БУХАРИН. Так не было и не могло быть.

ВЫШИНСКИЙ. А вот Осинский утверждает, что было такие случаи, когда вы единолично решали те или иные вопросы и осведомляли по своему выбору тех или иных членов вашего центра из конспиративных соображений.

БУХАРИН. Тогда были такие времена, гражданин Прокурор, что это совершенно немыслимо было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (Обращаясь к [Вышинскому] *обвинителю*[I].) У вас есть еще вопросы к свидетелям?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

БУХАРИН. Разрешите, у меня есть вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. К кому?

БУХАРИН. К Манцеву и к Осинскому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Какой вопрос к Манцеву?

БУХАРИН. К Манцеву такой вопрос: насколько я вас понял, гражданин Манцев, по вашим показаниям выходит, что вопрос о физическом уничтожении обсуждался на собрании центра?

МАНЦЕВ. Вопрос этот обсуждался на собрании Областного бюро партии.

БУХАРИН. Вы сказали, что этот вопрос был принят по решению центра?

МАНЦЕВ. Я говорю: на заседании Областного бюро партии, которое являлось фактическим центром, потому что тот центр, о котором говорил Осинский (он тут несколько перепутал фамилии), он практической деятельностью «[II]левых коммунистов» не руководил. Осинский правильно сказал здесь, что кадры находились именно в Московской областной организации «левых коммунистов». Скажем, Урал вел сношения и получал директивы от Московского областного бюро. [и своей деятельности по возке (?) организаций, которые были в руках «левых коммунистов»[III].] Точно так же Московское областное бюро было фактически центром деятельности «левых коммунистов» и в этом Московском областном бюро — я не знаю, о каких четырех человеках говорил Осинский, — но я думаю, что здесь было пять—шесть человек, которые знали о ваших предложениях, которым вы предлагали и обсуждали. Об этом я и говорил.

БУХАРИН. Хорошо, я больше не имею вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Комендант, вызовите свидетеля Камкова.

(Вводят свидетеля Камкова.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ваша фамилия Камков, Борис Давыдович?

КАМКОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы в 1918 г. были членом ЦК партии «левых» эсеров.

КАМКОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы вызваны свидетелем по делу Бухарина Николая Ивановича. Предлагается говорить правду на вопросы. Т. Прокурор, имеются вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, свидетель Камков, вам приходилось в 1918 г. [разговаривать] *вести переговоры* с Бухариным по поводу взаимных и совместных действий группы «левых коммунистов» и группы «левых» эсеров?

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Кавычка вписана красным карандашом.

[III] Зачеркнуто (красный карандаш).

КАМКОВ. ДА.

ВЫШИНСКИЙ. В каком направлении? Что вы помните тогда? О чем говорили, что предполагали, какие планы строили и т.д.? Скажите кратко.

КАМКОВ. Я припоминаю следующее. Как-то в Смольном институте меня при выходе из комнаты по направлению, кажется, к залу заседания [ЦИК] Президиума *ЦИК* [его], нагнал Бухарин. Он был еще с кем-то. С кем, припомнить не могу. Со мной тоже был товарищ, левый эсер, тоже не могу припомнить сейчас, кто это был. Здесь Бухарин меня остановил и сказал приблизительно следующее — [что] положение в партии большевиков, в связи с отношением к Брестскому миру, осложняется и [, возможно, по этому поводу] и при*няло*[мет] довольно острые формы. У нас, [дебатируется, — как он] *сказал он, дебатируется вопрос* [, кажется, приблизительно, конечно. Дело было 20 лет тому назад; текстуально восстановить в памяти это довольно трудно — у нас дебатируется вопрос] о возможности создания анти-Брестского правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров во главе...

ВЫШИНСКИЙ. Во главе?

КАМКОВ. Здесь же было произнесено имя Пятакова как возможного председателя этого нового правительства. Здесь же, не помню точно, в каком контексте, но, кажется, на мой вопрос, как это практически мыслится осуществить, и была произнесена затем много раз повторяющаяся после выступления Бухарина 1924 г. в печати, который впервые довел до сведения широких масс и вообще всех об этом, здесь же была произнесена фраза об аресте Ленина.

ВЫШИНСКИЙ. *Эту фразу* [В] *в*ы произнесли или он произнес?

КАМКОВ. Что касается вопроса о том, кто это произнес, я могу сказать следующее, что за все время существования партии «левых» социалистов-революционеров, вплоть до ее исчезновения, партия никогда не делала попытки перенести ответственность за эти события, которые развернулись в связи с борьбой против Брестского мира на кого бы то ни было. Что касается специально меня, то в тяжелые времена, которые мне пришлось переживать, я ни разу в течение многих лет не поднял этого вопроса, хотя в памяти моей этот разговор с Николаем Ивановичем Бухариным был довольно прочно закреплен. И, таким образом, я не делал попытки, что, может быть, было бы несколько естественно в том положении, в котором я находился, перенести [час] *часть*[I] ответственности... [и, таким образом, я не делал попыток, которые, может быть, были бы несколько естественны в том положении, в котором я находился, перенести часть ответственности][II] за события, развернувшиеся в связи с борьбой против Брестского мира, на кого бы то ни было. Исходя из этих предпосылок, я думаю, что мне не было бы никакого смысла изображать дело иначе, чем я изобразил. Самый факт нашего разговора был впервые обнародован Бухариным. И я должен сказать, что уже в 1924 г. я был крайне поражен, когда прочел [, кажется, в «Правде»,] *в газетах* всю эту историю. Меня удивило здесь не то, что тот факт был обнародован. Для этого, может быть, были серьезные политические соображения, и, может быть, этот факт не представлял серьезного секрета. Но меня удивило то, что была поставлена неправильно перспектива, что вопрос был поставлен вверх ногами, что слова, произнесенные Бухариным, были приписаны мне.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, на мой вопрос, кто поставил этот вопрос — Бухарин или вы, вы отвечаете, что этот вопрос был выдвинут Бухариным?

[I] Вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

КАМКОВ. Я отвечаю на этот вопрос, что не мною, а Бухариным были произнесены эти слова. Что касается того, на чьей стороне здесь правда, поскольку дата нашего разговора отделена от сегодняшнего дня 20 годами, я должен сказать, что не только фактически дело было так, [как я уже указывал и] как я совершенно ясно помню, но иначе и быть не могло по следующим соображениям. Для того, чтобы мне сделать члену Центрального Комитета партии большевиков предложение о составе правительства без Ленина и [произнести фразу об] *предложение* арест*овать*[а] Ленина, [хотя бы кратковременном, об аресте в любой интерпретации,] — для этого я должен был иметь какие-то полномочия. С другой стороны, у меня должна была быть твердая уверенность, что это не станет завтра же известно Центральному Комитету *партии большевиков* в целом, [партии в целом,] и что отсюда вытекает целый ряд самых неблагоприятных для нас последствий. Кроме того, в тот момент — и я это утверждаю категорически — у нас вопрос так и не стоял, и мысли о повороте дела с арестом председателя правительства и других членов правительства, которые стояли на той же позиции, что и Ленин[а], у нас, в частности, у меня, такой мысли не было. И вот, исходя из фактического положения вещей, как я твердо помню, исходя из того, что [я мандата] *меня никто* на такой разговор и на такое предложение не [имел] *уполномочивал,* я самостийно выступить перед членом Центрального Комитета большевистской партии не мог. Наконец, третий аргумент, тоже довольно существенный. Уже в 1924 г., когда я прочитал в печати об этом инциденте, где моя фамилия упоминалась и мне придавалась инициатива, довольно неприятная инициатива об аресте Ленина, я уже тогда не понял, из каких это мотивов дело так изображено, есть ли это простая ошибка памяти или этим преследуются какие-нибудь политические задачи, мне не могущие быть известными в то время, потому что я находился в ссылке в Челябинске и был оторван от политической жизни и не мог знать тех мотивов, которые руководили Николаем Ивановичем Бухариным, когда он это дело так изобразил.

Я тогда обратился к Председателю Челябинского крайисполкома Парамонову, который тоже пришел с этой газетой и спросил — в чем здесь дело. Я ему изложил и сказал, что меня удивляет, как это дело изображено в несколько ином виде. Этот диалог у нас был — это факт, и факт, что он имел политическое значение, и факт, что он касался тех вопросов, по которым я, обратившись к Председателю крайисполкома, думал, что косвенно сколько-нибудь могу содействовать исправлению ошибки. [Таким образом, р] *Р*езюмируя эту часть своих позиций, я должен сказать, что я твердо стою на [той] *своей* позиции и, мне кажется, не ошибаюсь, что [этот диалог был произнесен Николаем Ивановичем] *предложение об аресте Ленина было сделано* Бухариным. Я, конечно, не отвечаю за отдельные слова, — 20 лет нас отделяют, — но за суть этого диалога, как он был тогда изложен, я отвечаю, я настаиваю, что он был как раз произнесен Н.И. Бухариным, а не мною.

ВЫШИНСКИЙ. У вас был тогда контакт с «левыми[»] коммунистами» по борьбе с советской властью*?* [, на основе, в целях борьбы, с советской властью?]

КАМКОВ. Что касается контакта с «левыми [»] коммунистами» в тот период, я бы затруднился ответить категорически, что был контакт. Что было тогда практически? Если разрешите, я сделаю некоторый вывод, чтобы было понятно, почему так произошло. Партия «левых» [социалистов-революционеров] *эсеров* организовалась [, окрепла в известной степени] и отпочковалась от партии [социалистов-революционеров] *эсеров* в борьбе с партией эсеров,

главным образом, по вопросу войны и мира. Мы в связи с этим считали некоторые положения Циммервальдской конференции догмой, от которой ни в коем случае отрешиться нельзя, нам казалось, что это — измена, не субъективная, а объективная, и поэтому не было более чувствительного вопроса для партии социалистов-революционеров, чем вопрос о войне и мире и тактике социал-революционных партий в этом вопросе. Вполне понятно, что когда, совершенно неожиданно для нас, из революционно-стратегических соображений, как потом оказалось в дальнейшем, довольно правильных...

ВЫШИНСКИЙ. Довольно правильных или абсолютно правильных?

КАМКОВ. Абсолютно правильных, *когда* Ленин предложил заключить сепаратный мир с Германией, мир, который он сам назвал похабным — мир с контрибуциями, с аннексиями [и с целым рядом довольно унизительных условий,] — нам это казалось совершенно [невероятным и] неприемлемым.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы предприняли для того, чтобы сорвать этот мир?

КАМКОВ. [И вот, с первого же момента, когда началась акция со стороны большевистской партии в направлении проведения Брестского мира, м] *М*ы прилагали все усилия, [все старания,] чтобы сделать этот мир невозможным, чтобы сорвать в той или иной степени его развитие. Но, будучи партией, только сл*а*[о]гавшейся, еще неокрепшей, мы на этом остановились бы, так далеко не пошли бы, если бы параллельно с этим не было налицо другого явления, которое нас крайне обнадеживало.

ВЫШИНСКИЙ. [Это наличие группы ...] *Что же вас обнадеживало?*

КАМКОВ. *Это наличие группы* «левых[»] коммунистов» [, антибрестские настроения][1] в партии.

ВЫШИНСКИЙ. Антибрестских и антиленинских настроений в партии?

КАМКОВ. [Да.] И вот в связи с этим мы, конечно, искали все время то*т*[го] или ино*й*[го] контакт[а] с «левыми[»] коммунистами». [, вернее, зондировали почву...]

ВЫШИНСКИЙ. Искали и нашли его?

КАМКОВ. На это я сейчас отвечу. Искали контакта [о] *для* возможности совместной борьбы против Брестского мира.

ВЫШИНСКИЙ. Было ли достигнуто соглашение с «левыми [»] коммунистами» [в деле] *о* борьбе[ы] против советского правительства, возглавляемого Владимиром Ильичом Лениным?

КАМКОВ. Мне известно в этой области...

ВЫШИНСКИЙ. Вы можете ответить на этот мой вопрос? Было ли достигнуто соглашение между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами на известных условиях о совместной борьбе против советского правительства, возглавлявшегося В.И. Лениным?

КАМКОВ. В какой период?

ВЫШИНСКИЙ. В этот период, в период после Брестского мира или, если хотите, в брестский период.

КАМКОВ. Вы имеете в виду до июльского восстания?

ВЫШИНСКИЙ. До июльского восстания. Было соглашение или не было?

КАМКОВ. Такое соглашение было, поскольку мне известно.

ВЫШИНСКИЙ. Было или не было?

КАМКОВ. Поскольку я сам не заключал...

ВЫШИНСКИЙ. Вы же были членом ЦК «левых» эсеров, должны знать было такое заключение или не было?

---

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

КАМКОВ. Такое соглашение было [заключено.] *достигнуто.*

ВЫШИНСКИЙ. На каких условиях, в чем это соглашение заключалось?

КАМКОВ. Я конкретизировать это соглашение затрудняюсь, но я могу передать беседу, которая у меня была с Карелиным.

ВЫШИНСКИЙ. Что же, это личное дело Карелина? Вы за него не отвечаете как руководитель ЦК «левых» эсеров?

КАМКОВ. Я не говорю, что не отвечаю.

ВЫШИНСКИЙ. Это было соглашение Карелина или дело вашего тогдашнего ЦК «левых» эсеров, в котором вы были одним из руководителей, действовавшего под вашим руководством?

КАМКОВ. Постановления ЦК о таком соглашении я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы же знаете, что не все постановляется.

Вы вели эти переговоры с Карелиным, будучи членом ЦК «левых» эсеров?

КАМКОВ. Да, как член ЦК.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были в курсе дела?

КАМКОВ. Я был в курсе дела, меня информировали.

ВЫШИНСКИЙ. Вы отвечаете за это соглашение?

КАМКОВ. Как член ЦК, конечно, отвечаю, за деятельность ЦК, хотя это было дезавуировано.

ВЫШИНСКИЙ. «Левые» эсеры оказывали помощь и организационную, и политическую?

КАМКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Было так?

КАМКОВ. Да, было.

ВЫШИНСКИЙ. И второе. Совместными действиями «левых» эсеров и «левых[»] коммунистов» должно было бы быть свергнуто советское правительство, возглавлявшееся В.И. Лениным, Сталиным и Свердловым и сформировано новое правительство из «левых» эсеров и «левых[»] коммунистов». Так или нет?

КАМКОВ. Точно я затрудняюсь сказать.

ВЫШИНСКИЙ. А мысль?

КАМКОВ. Мысль приблизительно правильная.

ВЫШИНСКИЙ. Не является ли лево-эсеровский мятеж в 1918 г.[261] развитием этого соглашения? [не был ли он в плане этого соглашения?]

КАМКОВ. Я затрудняюсь ответить на это категорически, являлся ли он в плане.

ВЫШИНСКИЙ. Но он был в связи с этим соглашением?

КАМКОВ. Если бы мы были изолированы вообще, мы бы, «левые» эсеры, так далеко не пошли.

ВЫШИНСКИЙ. Вы пошли на мятеж, рассчитывая...

КАМКОВ. На антибрестские настроения в стране вообще и антибрестские настроения в партии.

ВЫШИНСКИЙ. На помощь кого вы рассчитывали?

КАМКОВ. На помощь «левых[»] коммунистов».

ВЫШИНСКИЙ. «Левые коммунисты» знали о том, что вы готовили убийство Мирбаха и организацию июльского мятежа[262]?

КАМКОВ. Я на это пытался ответить как-то...

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю очень просто, и вы мне просто отвечайте, да или нет.

КАМКОВ. Я, к сожалению, не могу здесь ответить да или нет.

ВЫШИНСКИЙ. А на предварительном следствии вы как отвечали на этот вопрос?

КАМКОВ. Я тоже затруднялся ответить.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте мне огласить показания Камкова, том 44, лист дела 42 оборот, допрос[а] Камкова Прокурором Союза, последний абзац: «После этого (т.е. после изложения соглашений и условий) "левые" эсеры организовали убийство Мирбаха и июльский мятеж»[263]. Правильно это?

КАМКОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Кстати сказать, в организации убийства Мирбаха вы, как член организации «левых» эсеров, принимали непосредственное участие?

КАМКОВ. Принимал.

ВЫШИНСКИЙ. «В курсе готовившегося убийства Мирбаха и июльского мятежа "левые коммунисты" были полностью»[264]. Подтверждаете это?

КАМКОВ. Я это подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, «левые коммунисты» были в курсе июльского мятежа?

КАМКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Полностью?

КАМКОВ. Полностью, как я показал *на предварительном следствии,* согласно той информации, которую я получил от Карелина.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, конечно, согласно какой-то информации.

КАМКОВ. Это я и хотел сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, все ясно. Я спрашиваю вас, был ли, в частности, Бухарин, как руководитель «левых коммунистов», в курсе того, что готовится мятеж эсеров, который и разразился в июле [месяце?] *1918 г.*

КАМКОВ. Согласно информации Карелина, он был в курсе.

ВЫШИНСКИЙ. Был в курсе? Полностью?

КАМКОВ. Вероятно, не частично, а полностью.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов нет.

БУХАРИН. (К суду.) У меня есть. [(движение в зале).][I] Я хотел спросить Бориса Камкова, утверждает ли он, что *я*[II] говорил ему при первом свидании в Смольном, что у нас уже до разговора с ним, в кругах «левых коммунистов» дебатируется вопрос о свержении советского правительства во главе с Лениным?

КАМКОВ. О возможности создания правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров?

БУХАРИН. Да, дебатировался этот вопрос?

КАМКОВ. Да.

БУХАРИН. Больше мне ничего не нужно.

ВЫШИНСКИЙ. А мне нужно.

БУХАРИН. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Что значит дебатируется вопрос?

КАМКОВ. По-моему, дебатируется значит обсуждается.

ВЫШИНСКИЙ. А решение?

КАМКОВ. (Молчит.)

ВЫШИНСКИЙ. А соглашение ваше, о котором вы говорили? Соглашение между «левыми» эсерами и «левыми коммунистами», о котором говорил вам Карелин?

КАМКОВ. Если Карелин говорил, значит, было.

ВЫШИНСКИЙ. О чем соглашение?

КАМКОВ. О том, что будет поддержка со стороны «левых коммунистов» в свержении при нашем выступлении.

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).

[II] Вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Значит, так было решено, если было соглашение?

КАМКОВ. Кем?

ВЫШИНСКИЙ. Вами и «левыми коммунистами» вместе.

КАМКОВ. Я этого вопроса не понимаю. Мы отдельно решали, у нас не было совместных решений. Мы решили убить Мирбаха и сорвать Брестский мир[265].

ВЫШИНСКИЙ. Это было решено?

КАМКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А потом проектировался мятеж? Это было решено?

КАМКОВ. Было решено.

ВЫШИНСКИЙ. Так вы и сделали?

КАМКОВ. Так и сделали.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вопрос не дебатировался, а был решен.

БУХАРИН. Позвольте, но ведь...

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу предложить обвиняемому Бухарину не вмешиваться в мой допрос. Я веду себя достаточно сдержанно, требую, чтобы и мой противник вел себя сдержанно.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Бухарин является не вашим противником, а просто обвиняемым.]

[ВЫШИНСКИЙ. Здесь стороны в процессе. (К Камкову). Я спрашиваю у вас, было решено свергнуть советскую власть?][I]

КАМКОВ. В таком аспекте...

ВЫШИНСКИЙ. Аспект один, свергнуть *советскую* власть*?* [может только один аспект.] [II]

КАМКОВ. У нас был поставлен вопрос о том, чтобы сорвать Брестский мир, убить Мирбаха и в вооруженной борьбе пытаться создать анти-брестское правительство[266].

ВЫШИНСКИЙ. Это было решено или только дебатировалось?

КАМКОВ. У нас решено.

ВЫШИНСКИЙ. У вас обсуждалось или было решено о целесообразности заключения соглашения с «левыми коммунистами»?

КАМКОВ. Я уже на это ответил, что заседаний и обсуждений таких не было.

ВЫШИНСКИЙ. Я не об этом спрашиваю, были ли заседания или нет. Меня интересует вопрос — было ли у вас принято решение, у центра «левых» эсеров в 1918 г., о том, чтобы вместе с «левыми коммунистами» повести свою борьбу против советского правительства. Было такое решение?

КАМКОВ. Такого решения не было.

ВЫШИНСКИЙ. А согласие было такое?

КАМКОВ. У нас было решено — вести борьбу против Брестского правительства, начать с убийства Мирбаха и как неизбежное следствие — вооруженное столкновение вести до конца на предмет создания анти-брестского правительства. Это у нас было твердо решено.

ВЫШИНСКИЙ. И вы в этой своей операции рассчитывали?

КАМКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Почему? Потому что договорились уже?

КАМКОВ. Потому что была договоренность, согласно информации Карелина.

[I] * * — зачеркнуто, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш) — правка И.В. Сталина.

[II] В этом предложении правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Значит, не просто дебатировали о совместном действии «левых» эсеров с «левыми коммунистами», а договорились. Я так вас понимаю?

КАМКОВ. По информации Карелина мы рассматривали поддержку со стороны «левых коммунистов»...

ВЫШИНСКИЙ. То есть договорились [, т.е. договорились] о сотрудничестве.

КАМКОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше вопрос нет.

БУХАРИН. Я хочу задать вопрос. На очной ставке Камков показал, что у них в ЦК «левых» эсеров вопрос этот не обсуждался вообще. Вы это подтверждаете?

(Обращается к Камкову.) [(Смех.)][I] Вопрос относительно соглашения с «левыми коммунистами» на предмет свержения советского правительства?

КАМКОВ. Я этого не помню.

БУХАРИН. Теперь я хотел спросить...

ВЫШИНСКИЙ. ЦК «левых» эсеров из кого состоял[о] тогда?

БУХАРИН. Я не окончил вопрос, гражданин Прокурор?

ВЫШИНСКИЙ. А я задаю вопрос свой.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (Обращается к Бухарину.) Нужно же понимать разницу.][II]

БУХАРИН. Я остановился на пол фразе...

ВЫШИНСКИЙ. Вы один вопрос задали, — получили ответ.

Я вас спрашиваю (обращается к Камкову), из кого состоял Центральный Комитет «левых» эсеров в то время?

КАМКОВ. Из меня, Карелина, Спиридоновой, Майорова, Прошьяна, Трутовского.

ВЫШИНСКИЙ. Все?

КАМКОВ. Сейчас точно не могу сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Кто фактически руководил комитетом? Кто играл наиболее активную выдающуюся роль из этих семи человек?

КАМКОВ. Пожалуй, Спиридонова.

ВЫШИНСКИЙ. Далее.

КАМКОВ. Я, Карелин, Прошьян.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, четверка?

КАМКОВ. Самая руководящая четверка.

ВЫШИНСКИЙ. Спиридонова Мария, вы, Карелин и Прошьян.

ВЫШИНСКИЙ. Относительно убийства Мирбаха, это потом решили вопрос?

КАМКОВ. Это без ЦК.

ВЫШИНСКИЙ. Относительно июльского мятежа, кто решал вопрос?

КАМКОВ. У нас отдельно не обсуждался, а совместно обсуждался вопрос о том...

ВЫШИНСКИЙ. Кто решал?

КАМКОВ. ЦК.

ВЫШИНСКИЙ. А «хотя не обсуждался».

КАМКОВ. Отдельно, я говорю, не обсуждался.

ВЫШИНСКИЙ. Что значит «отдельно не обсуждался»?

КАМКОВ. Так как он вытекал из убийства Мирбаха, то это было одно обсуждение.

ВЫШИНСКИЙ. Было постановление ЦК поднять мятеж? Постановление ЦК есть такое?

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).

[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

КАМКОВ. Этого в нашем постановлении не значилось, т.к. такого постановления не было.

ВЫШИНСКИЙ. А решение было?

КАМКОВ. Решение было.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, постановления не было, а решение было.

КАМКОВ. Либо я вас не понимаю, либо мы говорим о разных вещах.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас понимаю очень хорошо.

КАМКОВ. А я совсем вас не понимаю.

ВЫШИНСКИЙ. Постановление имелось?

КАМКОВ. Нет, не имелось. У нас решался так вопрос: убить Мирбаха и затем членам ЦК уйти в штаб на случай вооруженной борьбы, которая считалась возможной, может быть, даже неизбежной, — уйти в штаб в Арсенофьевском переулке.

ВЫШИНСКИЙ. Поповский?

КАМКОВ. Да, поповский штаб.

ВЫШИНСКИЙ. Такое было решение?

КАМКОВ. Такое было решение.

ВЫШИНСКИЙ. А планы относительно того, как действовать, в каком направлении и т.д.?

КАМКОВ. В ЦК это не обсуждалось.

ВЫШИНСКИЙ. Нет? А что же это было?

КАМКОВ. Это были размышления об этом...

ВЫШИНСКИЙ. Это были размышления Камкова, Карелина, а, может быть, за всех вас Спиридонова размышляла?

КАМКОВ. Я не могу вам сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Теперь я хочу спросить: вы говорили на предварительном следствии, что было достигнуто соглашение с «левыми коммунистами». Я вам уже оглашал эти два пункта. Кто это соглашение достиг?

КАМКОВ. Карелин.

ВЫШИНСКИЙ. Самолично?

КАМКОВ. Он вел переговоры.

ВЫШИНСКИЙ. От своего лично имени?

КАМКОВ. Не думаю. Он — член ЦК.

ВЫШИНСКИЙ. От имени кого же?

КАМКОВ. Должен был вести, конечно, от имени ЦК.

ВЫШИНСКИЙ. От имени партии вашей?

КАМКОВ. Должно быть, от имени партии.

ВЫШИНСКИЙ. Она одобрила эти его переговоры?

КАМКОВ. Я вам уже ответил, что доклада его не было.

ВЫШИНСКИЙ. А без доклада, — вы что-нибудь можете сказать?

КАМКОВ. Бесспорно.

ВЫШИНСКИЙ. Имею ли я право сделать вывод, что соглашение «левых» эсеров с «левыми[»] коммунистами» о совместной борьбе в этих двух случаях, о которых мы здесь говорили и которые я дополнительно оглашу, — было достигнуть Карелиным с представителями «левых[»] коммунистов» и одобрено Центральным Комитетом «левых» эсеров.

КАМКОВ. Вывод можно сделать, но т.к. одобрение не значит постановление, то логически вытекает...

ВЫШИНСКИЙ. Вы понимаете разницу между записанным постановлением и одобрением активнейшей головки того или другого учреждения[.]?[1]

---

[1] Вероятно, правка И.В. Сталина (красный карандаш).

Или надо так сказать: никакого соглашения у «левых» эсеров с «левыми[»] коммунистами» не было, а Карелин достиг какого-то соглашения за свой личный риск и страх. Так можно сказать?

КАМКОВ. Нет, я думаю, что это будет неправильно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Карелин достиг соглашения не за свой личный страх, а от имени кого?

КАМКОВ. От имени партии.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, ваша партия одобрила это?

КАМКОВ. Одобрила тем, что она его не дезавуировала.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно, следовательно, можно сказать, что партия заключила соглашение?

КАМКОВ. Можно.

ВЫШИНСКИЙ. Так и было?

КАМКОВ. Раз можно сказать, значит, было.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов нет.

БУХАРИН. У меня один только вопрос. Я хотел спросить Камкова относительно того, что я и другие мои тогдашние коллеги по фракции «левых[»] коммунистов» знали относительно плана убийства немецкого посла графа Мирбаха и этого июльского мятежа[267] только от Карелина?

КАМКОВ. Только.

БУХАРИН. А от Прошьяна вы этого ничего не знали?

КАМКОВ. От Прошьяна не знал.

БУХАРИН. От Спиридоновой ничего не слышали?

КАМКОВ. От Спиридоновой лично я не слышал.

БУХАРИН. Ничего не слышали?

КАМКОВ. Нет.

БУХАРИН. От Крутовского[I] ничего не слышали?

КАМКОВ. От Крутовского ничего не слышал.

БУХАРИН. Больше я вопрос не имею.

[(В зале смех).][II]

ВЫШИНСКИЙ. (К Камкову.) Скажите, пожалуйста, вам по этому поводу приходилось говорить со Спиридоновой?

КАМКОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вам приходилось говорить с Крутовским по этому поводу?

КАМКОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Поэтому вы и не слышали?

КАМКОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Больше вопросов не имею.

БУХАРИН. Разрешите мне один вопрос?

Тогда разрешите мне один вопрос. Я хотел сказать так[:], вы не слышали, потому что вы не разговаривали, но я задаю вам такой вопрос — а, собственно говоря, почему вы о таком важнейшем вопросе не разговаривали с такими выдающимися своими коллегами по руководству вашей, такой молодой еще, не сложившейся партией?

КАМКОВ. Видите ли, у нас в партии дело не обстояло еще так, что все вопросы обсуждались обязательно, дебатировались и т.д. У нас еще в это время было довольно анархическое состояние в Центральном Комитете «левых» эсеров.

ВЫШИНСКИЙ. Как и в группе «левых[»] коммунистов».

[I] Так в тексте. Вероятно, должно быть: «Трутовского».

[II] Вероятно, правка И.В. Сталина (красный карандаш).

КАМКОВ. Так что у нас, возможно, были такие факты, что, допустим, Карелин ведет переговоры и может не информировать того или другого. Но т.к. в данный момент вопрос шел о нашем восстании «левых» эсеров, то вопрос о возможной поддержке антибрестских элементов (по крайней мере, я так понимаю), он не стал предметом обсуждения нашего ЦК.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите мне в связи с этим вопрос. Значит, переговоры с «левыми[»] коммунистами» о блоке главным образом кто же вел у вас?

КАМКОВ. Карелин, но я точно не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вам неизвестно, может быть, Карелин говорил по этому поводу с Прошьяном или со Спиридоновой?

КАМКОВ. Возможно.

ВЫШИНСКИЙ. Вопрос больше нет.

БУХАРИН. И у меня тоже нет.

[(Смех).][I]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Комендант, вызовите свидетеля Карелина.

(Обращаясь к Карелину). Ваша фамилия Карелин?

КАРЕЛИН. Карелин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Имя, отчество Владимир Александрович?

КАРЕЛИН. Владимир Александрович.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы вызваны свидетелем по делу Николая Ивановича Бухарина, вы должны суду говорить только правду.

Т. Прокурор, у вас имеются вопросы к свидетелю Карелину?

ВЫШИНСКИЙ. Да. Свидетель Карелин, вам не при*ходилось*[шлось] в 1918 г., будучи членом ЦК партии «левых» эсеров, вести переговоры с Бухариным? Вы знаете Бухарина?

КАРЕЛИН. Знаю.

ВЫШИНСКИЙ. И здесь можете его узнать?

КАРЕЛИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Где он сидит?

КАРЕЛИН. Крайний.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращаясь к Бухарину.) И вы знаете Карелина?

БУХАРИН. Знаю. Мы же на очной ставке у вас были.

[(Смех).][II]

ВЫШИНСКИЙ. Вы его и до очной ставки видели?

БУХАРИН. Знал в 1918 и 1919 гг.

ВЫШИНСКИЙ. Этот Карелин здесь стоит в качестве свидетеля?

БУХАРИН. То есть он настолько изменился, что я не сказал бы, что это тот Карелин, но, очевидно, этот Карелин есть развитие того Карелина, который был тогда.

[(Смех).][III]

ВЫШИНСКИЙ. Каждый человек изменяется с летами. Но мой вопрос об этом — серьезный вопрос.

БУХАРИН. Я понимаю, гражданин Прокурор, но я этим не хотел сказать какую-нибудь остроту. Я хотел сказать, что то его содержание, которое у него имеется сейчас, очень отличается от того, что было.

ВЫШИНСКИЙ. Я этот вопрос задал не случайно. Видите ли, Карелин изменился...

[I] Зачеркнуто (красный карандаш)

[II] Зачеркнуто (красный карандаш).

[III] Зачеркнуто (красный карандаш).

БУХАРИН. Мы же у вас встречались.

ВЫШИНСКИЙ. И я спрашиваю вас, действительно ли вы узнаете в этом свидетеле Карелина Владимира Александровича, бывшего члена ЦК эсеров?

Вы помните его?

БУХАРИН. Мне трудно было узнать его у вас, но после того, как я увидел его у вас, я узнаю в нем то же самое лицо, и никакого сомнения нет.

ВЫШИНСКИЙ. Это серьезный вопрос. Вы напрасно шутовство затеваете. Это серьезный вопрос.

БУХАРИН. Я вовсе не в шутку это сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Вот скажите, гражданин Карелин, приходилось ли вам в 1918 г., будучи членом ЦК партии «левых» эсеров, вести переговоры или встречаться с Бухариным на почве его деятельности как руководителя группы, так называемых, «левых коммунистов»?

КАРЕЛИН. Да, приходилось.

ВЫШИНСКИЙ. Можете сказать где, когда, по какому поводу вы [с ним] *с Бухариным* встречались? И, во-вторых, в чем заключалось содержание ваших разговоров во время этих встреч? [или к чему сводился ваш контакт с Бухариным.]

КАРЕЛИН. Тогда, может быть, разрешите мне коснуться последних месяцев ноября—декабря 1917 г., потому что вопросы, заданные вами, как будто касаются этих переговоров.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста.

КАРЕЛИН. Я в качестве члена ЦК партии «левых» эсеров *я* встретился первый раз с Бухариным [в конце ноября, как] во второй половине ноября 1917 г. В этот период ЦК «левых» эсеров пришлось разрешать вопрос относительно тактики на ближайшее время, и в связи с тем, что вопрос относительно заключения мира приобрел тогда большую остроту. Как раз образование группы «левых коммунистов» было ЦК «левых» эсеров поставлено чрезвычайно важным пунктом тех прогнозов, которые были тогда у этой партии. И в ноябре месяце, в дни, связанные по соседству, непосредственно с днями, [к] *т*огда Бухарин приехал из Москвы *в Петроград* для того, чтобы на заседании *В*ЦИК делать отчет [о московском восстании октябрьском, в] *об октябрьском восстании в Москве. В* эти *мои* дни мне *и* пришлось вести разговор с Бухариным относительно позиции [этой] группы «левых коммунистов», которая нас тогда очень интересовала. Мы выяснили тогда [и я в этом разговоре выяснил, в частности,] — я говорю мы, потому что несколько лиц из ЦК партии «левых» эсеров вели эти переговоры.

ВЫШИНСКИЙ. Кто это мы?

КАРЕЛИН. Камков, Прошьян и я. Нам были поручены ЦК такого рода переговоры. [Так вот в] *В* этом разговоре [, который мне пришлось вести с Бухариным во второй половине ноября,] Бухарин занял совершенно определенную позицию. [, м]*М*не запомнилась фраза его относительно того, что группа «левых коммунистов», — тогда это отождествлялось организационно [с Московской организацией,] с Московским областным бюро коммунистов, — возьмет под свой контроль действия ЦК коммунистической партии. Это говорилось в том смысле [в этом разговоре], что будет обеспечена линия на срыв мирных переговоров. [, т.к. практически э] *Э*тот вопрос как раз и интересовал нас — «левых» эсеров. [в этих переговорах. Это было в конце ноября.] В декабре [месяце] эти переговоры уже были сильно заострены на чисто практическом вопросе. Ведь тогда как раз велись переговоры в Бресте. [, в первом этапе.] Мы знали и, в частности, по той информации, кото-

рая давалась Прошьяном, [я вспоминаю, мы знали] о том, что в ЦК коммунистической партии чрезвычайно усилились разногласия. Мы знали, что Троцким выдвинута была тогда формула, что мира не заключаем и войны не ведем. И мы отдавали отчет в том, что практически эта формула значила разрыв переговоров, а, следовательно, осуществление того, что в смысле лозунга тогда определялось как революционная война, т.е. отказ от политики немедленного заключения мира.

И когда в конце декабря или в начале января встал вопрос относительно посылки делегации, усиленного состава мирной делегации в Брест, который должен осуществить разрыв переговоров, в этот состав вошел, между прочим, и я, как член тогдашнего правительства, тогда Натансон, тоже член Центрального Комитета «левых» эсеров, передал, что с Бухариным было уточнено, что позиция эта будет осуществляться полностью, что она пройдет в Бресте, таким образом, Брестские переговоры будут разорваны и результатом этого будет революционная война. Вот декабрь месяц. Вы хотите знать дальше относительно январских переговоров, потому что переговоры эти продолжались?

ВЫШИНСКИЙ. [Я хотел бы здесь спросит, к] *К*ак сложился [этот] блок *«левых» эсеров с «левыми коммунистами»*.

КАРЕЛИН. Блок этот можно было считать [состоявшимся] *заключенным* уже в декабре *1917 г.* [месяце, а основание для этого блока было заложено еще в ноябре при наших предварительных переговорах.] В январе [, когда разрыв переговоров стал фактом, центральный комитет] *ЦК* «левых» эсеров проявил определенную инициативу [и] не только в переговорах, ведшихся с Бухариным, но и с рядом других лиц. [Я на очной ставке говорил о том, что п] *П*ереговоры велись с Пятаковым, с Радеком, [и] *он с нашей стороны,* [<u>вели</u>[1]] переговоры Натансон, Камков, я и Прошьян. Об этих переговорах все мы отчитались на [центральном комитете] *ЦК* «левых» эсеров. [В этот период инициатива была проявлена центральным комитетом «левых» эсеров о том, чтобы контактироваться и предпринять определенные действия.] Известно было из этих переговоров, что позиция *«левых коммунистов»* в этот период определялась чрезвычайно резко и была позицией замены правительства. В переговорах, которые велись в период февраля, [в этих переговорах] и «левыми[»] коммунистами» подчеркивалась снова та же самая мысль относительно необходимости свержения *советского* правительства и замены его новым, мыслилось, коалиционн*ое*[ым] правительство[м] в составе «левых» эсеров и «левых [»] коммунистов». [Но когда мы проявили инициативу для того, чтобы более или менее, я бы сказал, календарно определить эти действия, то здесь, в этих переговорах, которые велись Камковым, Прошьяном и частично мною, в этот период с Бухариным, в] *В* этих переговорах позиция Бухарина сводилась к тому, что их группа считает необходимым выждать результатов VII партийного съезда. [Но тем разговорам, которые были у нас в этот период, с] *С*мысл этой выжидательной позиции заключался в том, что «левые коммунисты» [в основном] в лице Бухарина рассчитывали, что *им* удастся завоевать большинство на VII партийном съезде[268]...

Таким образом, получилось, [что] выступление было отсрочено до выяснения результатов VII партийного съезда, хотя в этот период позиция Бухарина была совершенно четкой, и в той информации, которую давал Прошьян на заседании ЦК «левых» эсеров, говорилось, что Бухарин стоит на точке

[1] Слова восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

зрения свержения *советской власти*, не останавливаясь даже перед физическим уничтожением вождей советского правительства [...] *и партии.*

ВЫШИНСКИЙ. То есть, не останавливаясь перед убийством *руководителей партии и правительства?*

КАРЕЛИН. Ну, да, перед физическим уничтожением или убийством.

ВЫШИНСКИЙ. Кого именно?

КАРЕЛИН. Говорилось о вождях и говорилось персонально относительно Ленина [и], Сталина *и Свердлова.*

ВЫШИНСКИЙ. Об этом вас информировал кто?

КАРЕЛИН. Прошьян.

ВЫШИНСКИЙ. А кто говорило это?

КАРЕЛИН. Он ссылался на слова Бухарина.

ВЫШИНСКИЙ. Прошьян вел переговоры с Бухариным?

КАРЕЛИН. Да, вел.

ВЫШИНСКИЙ. По поручению?

КАРЕЛИН. По поручению Центрального Комитета партии эсеров.

ВЫШИНСКИЙ. А вы [по поводу физического уничтожения говорили] *лично* с Бухариным [лично?] *об этом говорили?*

КАРЕЛИН. Да, *у нас* был разговор *на эту тему.* [, но в период последующий, а не в этот период.]

[ВЫШИНСКИЙ. А в последующий период вы лично с Бухариным об этом говорили?]

[КАРЕЛИН. Да, у нас был разговор на эту тему.]

[ВЫШИНСКИЙ. И Бухарин высказывался за или против физического уничтожения вождей и руководителей нашего правительства и партии?]

[КАРЕЛИН. Разрешите точнее сказать, о каком именно разговоре речь идет.] Речь идет о разговоре, бывшем у меня с Бухариным, после окончания заседания *Всероссийского* Центрального Исполнительного Комитета в апреле 1918 г. На этом заседании Владимир Ильич Ленин делал известный доклад «Об очередных задачах советской власти». По поручению Центрального Комитета партии «левых» эсеров на этом заседании я выступил с очень резкой речью, в которой заострил вопрос на тех пунктах, которые тактически были согласованы между «левыми» эсерами и «левыми[»] коммунистами» ...

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы выступали против Ленина по предварительному соглашению «левых[»] коммунистов» с «левыми» эсерами?

КАРЕЛИН. Да, по предварительному соглашению «левых[»] коммунистов» и «левых» эсеров, *хотя* не именно по данному выступлению...

ВЫШИНСКИЙ. А по основным вопросам?

КАРЕЛИН. Да, по основным вопросам, которые я заострял...

ВЫШИНСКИЙ. Заостряли там, где это было нужно заострить?

КАРЕЛИН. Да, и там, где это вытекало из того блока, который к этому времени создался.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, блок этот был?

КАРЕЛИН. Был. Он, конечно, не представлял собой какой-нибудь подписанной бумаги, но, само собой разумеется, договоренность была полная.

ВЫШИНСКИЙ. Кто эту договоренность осуществил?

КАРЕЛИН. Я не совсем понимаю вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Кто договаривался и договорился со стороны «левых» эсеров и с кем — со стороны «левых[»] коммунистов»?

КАРЕЛИН. Я считаю, что те этапы переговоров, которые все больше и больше уточняли то положение, которое я изложил и которое санкционировалось со стороны Центрального Комитета «левых» эсеров — они являлись

осуществлением этой договоренности; со стороны же «левых[»] коммунистов» представительство осуществлялось Бухариным, Платоновым, Радеком и в некоторой мере отдельными другими лицами; со стороны «левых» эсеров это представительство осуществлялось Камковым, мною, Прошьяном и отчасти Натансоном.

[ВЫШИНСКИЙ. После этого заседания что же вам сказал Бухарин?]

[КАРЕЛИН. После этого заседания, где я выступил с резкой речью против тезисов Ленина...]

ВЫШИНСКИЙ. Говорил ли вам Бухарин *при этой встрече* о том, что необходимо прибегнуть к физическому уничтожению Ленина, [и] Сталина [?] *и Свердлова?*

КАРЕЛИН. Он говорил о том, что необходимо предпринять прямое действие, не останавливаясь перед физическим уничтожением.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, [пожалуйста,] «лево»-эсеровский мятеж[269] был произведен вами в [связи с] *результате* предварительных[ми] переговор*ов*[ами] по этому поводу с «левыми коммунистами»?

КАРЕЛИН. «Лево»-эсеровский мятеж, происшедший в начале июля 1918 г., явился результатом прямой инициативы ЦК «левых» эсеров, при *чем* [котором] считались установившимися отношения блока между «левыми[»] коммунистами» и «левыми» эсерами, в частности, вполне конкретное осведомление и соглашение, которое по данному вопросу было между «левыми» эсерами и «левыми[»] коммунистами».

*[Поскольку здесь, очевидно, в наибольшей мере основывается на личных данных, которыми я располагаю, личными разговорами, а не только того, что я знаю как член ЦК «левых» эсеров, участвовавший в заседаниях и коллегиальной жизни, — я хочу упомянуть, что в] *В* конце июня 1918 г., когда все диспозиции были даны, когда в конце концов [совершенно] *был выработан* четкий [был] организационный план, разработанный «лево»-эсеровским ЦК, я в последней декаде июня в первом Доме Советов вел разговоры с Бухариным.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. О чем?

КАРЕЛИН. Относительно предстоящего выступления.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили [?] *о предстоящем мятеже «левых» эсеров*[270]*?*

КАРЕЛИН. Конкретно, в данном случае, не говорилось, когда [это] будет *это выступление*, не упоминалось числа, но в этом разговоре Бухарин ссылался на те переговоры, которые у него в этот же период времени шли с Прошьяном, о которых Прошьян докладывал ЦК «левых» эсеров. В частности, в организационный план «лево»-эсеровского мятежа входило, как первое звено, — террористический акт против германского посла *Мирбаха*[271]. [Позиция «левых[»] коммунистов», как мы их рассматривали в лице представителя этой группы — Бухарина, мысль относительно террористического акта была уже предопределена еще в феврале месяце.] Прошьян говорил о том, что при разговоре с Бухариным последний [говорил] *сказал*, что [эта мысль вообще эффектна и эффективна.] *этот план срыва мира и этот акт убийства Мирбаха вообще эффектен и эффективен.*

ВЫШИНСКИЙ. Бухарин говорил о том, что убийство *посла...*

КАРЕЛИН. Террористический акт против германского посла *Мирбаха* [, который должен был приехать в результате заключения мира,] является эффектным и эффективным шагом для срыва Брестского мира[272]. [т.е. прийти

---

[1] * * — рядом на полях вертикальная волнистая линия (красный карандаш) — правка И.В. Сталина.

к той цели, которая ставилась в период соглашения между «левыми» эсерами и «левыми коммунистами».]

ВЫШИНСКИЙ. Имело ли какое-нибудь отношение к плану убийства Ленина, Сталина и Свердлова [, имевшее место 20 августа 1920 г.] покушение на В.И. Ленина эсеровской террористкой Каплан [?] *[за] 30 августа 1918 г.*[273]*?*

КАРЕЛИН. Да. [Вы разрешите мне сказать следующее. Р] *В р*езультат*е*[ом] июльского мятежа «левых» эсеров было то, что «левые» эсеры чрезвычайно быстро пошли по пути установления организационного контакта с правыми эсерами. [Раскол произошел в октябре 1917 г., в период октябрь 1917 г. — июнь 1918 г. проходил на началах, несколько настороженных, моментами враждебных отношений для разгрома лево-эсеровского мятежа 1918 г.][I][274]

Последовавший в результате этого разгрома переход большей части партийных организаций и учреждений в подполье несколько создал базу для совместной деятельности и политики. Кроме того, здесь опять-таки получились предпосылки для блока, которые начали реализовываться немедленно. И вот в этот период...

[И вот, в этот период] Прошьян, который ведал делами боевой организации «левых» эсеров, [был осведомлен] и ссылался в докладе Центральном*у*[го] Комитет*у*[а] *партии «левых» эсеров* на то, что со стороны Бухарина настойчивость, проявлявшаяся ранее, по вопросу относительно террористического акта чрезвычайно усилилась, и, должен сказать, что центральный комитет «левых» эсеров, хотя это в течение почти 20 лет было под спудом и завуалировано, конечно, был определенно в курсе этих событий.

ВЫШИНСКИЙ. То есть в курсе чего?

КАРЕЛИН. В курсе подготовлявшегося правыми эсерами, силами их боевой организации, террористического акта против Владимира Ильича Ленина.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, ЦК *партии* «левых» эсеров был в курсе подготовлявшегося убийства т. Ленина?

КАРЕЛИНА. Да. [Также же, как...]

ВЫШИНСКИЙ. А Бухарин при чем тут?

КАРЕЛИН. Бухарин, по сообщению Прошьяна, ведшего с ним переговоры, носившие официальный характер, [переговоров между двумя политическими группами,] — форсировал [этот] вопрос о совершении террористического акта. *[Таким образом, когда «левые» эсеры сообщили правым, дали им знать о том, что со стороны партии «левых» эсеров как бы обеспечивается политическая поддержка этому акту, с этого момента полностью учитывалось то, что г[II]] *Г*руппа «левых коммунистов», будучи разгромленной, стала на точку зрения прямой борьбы, не останавливаясь перед самыми решительными средствами, вплоть до террористических актов.*[III]

ВЫШИНСКИЙ. Так что вы подтверждаете, что [организованное] *подготовлявшееся* правыми и «левыми» эсерами покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина было организовано [фактически] совместно с Бухариным?

КАРЕЛИН. С «левыми коммунистами». Бухарина мы рассматривали как *лидера* «лев*ых*[ого] коммунист*ов*[а]».

[ВЫШИНСКИЙ. Бухарина вы рассматривали как их руководителя.]

[КАРЕЛИН. Да.]

[I] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (зеленые чернила), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная пунктирная линия (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. На предварительном следствии вы говорили, что 20 лет скрывался от советского народа тот факт, что вы, совместно с правыми эсерами, по настоянию Бухарина, пытались убить Ленина. Вы это подтверждаете?

КАРЕЛИН. Я подтверждаю, что настояние со стороны Бухарина, как лидера группы «левых коммунистов», было. Эти настояния играли очень большую роль при осуществлении всего этого преступления.

ВЫШИНСКИЙ. (К суду.) Позвольте [мне] *задать вопрос* Осинско*му*.[го спросить.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.]

[ВЫШИНСКИЙ. Гражданин] *Свидетель* Осинский, скажите, пожалуйста, какие у вас имеются [факты] *данные* о причастности Бухарина к покушению на жизнь Владимира Ильича Ленина в 1918 г.?

*[ОСИНСКИЙ. Конкретно, о причастности Бухарина к этому делу, я фактов не имею

[ВЫШИНСКИЙ. А что вы имеете?]*[I]

ОСИНСКИЙ. [Я имею следующий факт и] *Я*[II] *[должен предварительно сказать следующее. После июльского мятежа «левых» эсеров я ушел из «левых коммунистов» и в начале 1919 г. вступил в другую группу демократического централизма. Уход мой из группы «левых коммунистов» был связан с отказом от методов борьбы, применявшихся «левыми коммунистами». Тем не менее, я с отдельными бывшими «левыми коммунистами» сохранил знакомства, в том числе со Стуковым.]*[III] В конце 1918 г. у нас со Стуковым зашел разговор о состоянии Ленина после его ранения *террористкой* [Фаней] Каплан[275]. Стуков по этому поводу сказал следующее: а знаете ли вы, что выстрел [Фани] Каплан является не только результатом директивы, данной Центральным Комитетом партии правых эсеров, но также прямым результатом тех мероприятий, которые были в свое время намечены блоком для свержения правительства, и, в частности, установки на [физическое] умерщвление вождей правительства.

[Так как я в то время не стоял на точке зрения допустимости террора как приема борьбы, то я сделал резкое замечание по этому поводу Стукову, и разговор на этом оборвался, так что деталей я не спрашивал. Поэтому персонально относительно Бухарина сказать ничего не могу, но этот факт мог сообщить.][IV]

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вам Стуков говорил о том, что выстрел правой эсерки Каплан в Ленина[276] являлся результатом [чего?] *тех установок и тех организационных мероприятий, которые в свое время были разработаны, приняты и проведены кем?*

*[ОСИНСКИЙ. Результатом тех мероприятий, которые были...]

[ВЫШИНСКИЙ. Тех установок и тех организационных мероприятий, которые в свое время были разработаны, приняты и проведены кем?]*[V]

[I] * * — текст зачеркнут дважды (зеленые чернила и красный карандаш). Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[II] Зачеркнуто и вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

[III] * * — текст восстановлен — зачеркнут (зеленые чернила), зачеркивание снято (красный карандаш), рядом на полях вертикальная пунктирная линия и помета (красный карандаш): «Восст[ановить]». Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[IV] * * — текст восстановлен — зачеркнут (зеленые чернила), затем зачеркивание снято (красный карандаш), рядом на полях вертикальная пунктирная линия и помета (красный карандаш): «Восст[ановить]». Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[V] * * — текст зачеркнут дважды (синие чернила и красный карандаш). Правка красным карандашом И.В. Сталина.

ОСИНСКИЙ. Блоком.

ВЫШИНСКИЙ. Каким?

ОСИНСКИЙ. Начиная от «левых[»] коммунистов» и кончая «левыми» эсерами.

ВЫШИНСКИЙ. [А] *И* Бухарин здесь выступал как руководитель группы «левых [»] коммунистов»?

ОСИНСКИЙ. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Это вам говорил Стуков.

(Обращается к Бухарину.) Что вы скажете, обвиняемый Бухарин?

БУХАРИН. Я скажу, что все это неправда.

ВЫШИНСКИЙ. Насчет вашей прикосновенности к покушению на убийство Владимира Ильича Ленина вы слышали показания?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что скажете?

БУХАРИН. Я категорически отрицаю какую бы то ни было связь.

ВЫШИНСКИЙ. Арест признаете?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. План убийства [отрицаете?] *Владимира Ильича был?*

БУХАРИН. Отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. И конкретное отношение к преступлению Каплан отрицаете?

БУХАРИН. Абсолютно.

ВЫШИНСКИЙ. В этом вас уличает Карелин.

КАРЕЛИН. Да, я это подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Осинский дал объяснения.

БУХАРИН. Осинский сказал, что обо мне он ничего не может сказать.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к Карелину.)* Вы считаете, что покушение [Фанни][1] Каплан являлось мероприятием, подготовленным планом борьбы с советским правительством и организации террористических актов «левых» и правых эсеров и «левых коммунистов»[.]*?*

КАРЕЛИН. Мне говорил Стуков.

ВЫШИНСКИЙ. Это было согласовано с установкой Бухарина на террор?

КАРЕЛИН. Была установка, которая выходила из этого.

ВЫШИНСКИЙ. *(Обращаясь к Бухарину.)* Кроме того, Яковлева показывает, что у вас *в 1918 г.* была установка и план ареста [в 1918 г.] убийства тт. Ленина, Сталина и Свердлова. Карелин показывает то же самое, Осинский показывает то же самое, Манцев показывает то же самое. Я вас спрашиваю, — кто вам дал задание подготовить это преступление, какая разведка дала?

БУХАРИН. Я отрицаю вообще этот факт.

ВЫШИНСКИЙ. (Обращается к Карелину.) У меня больше вопросов нет. Садитесь.

БУХАРИН. У меня есть вопрос к Карелину.

Во-первых, я спрашиваю, скажите, гражданин Карелин, подтверждаете ли вы то, что говорили на очной ставке относительно того, что в первый период до Брестского мира инициатива блока принадлежала «левым» эсерам, а во вторую половину, т.е. после Брестского мира, принадлежала «левым[»] коммунистам»?

КАРЕЛИН. Я подтверждаю, что в период до разрыва переговоров в Бресте 10 февраля, т.е. когда еще не было ясно, чем же кончатся разговоры о мире и формула «ни мира, ни войны». В этот период, собственно говоря,

---

[1] Вероятно, правка И.В. Сталина (красный карандаш).

была инициатива одна и у той и у другой группы. В период после разрыва и дальнейшая инициатива была у «левых» эсеров, которые предлагали поспешить с этим выступлением, а «левые[»] коммунисты» в лице Бухарина считали, что «попытка не пытка», что нужно выжидать результатов VII съезда, ибо в этот момент они рассчитывали, что им удастся получить большинство на VII съезде. После VII съезда[277] и IV съезда Советов ратифицируется уже Брестский мир, инициатива была в руках «левых[»] коммунистов».

БУХАРИН. Вы на очной ставке показали, что при том разговоре, первом, в Смольном, о котором шла речь, разговоры относительно возможного ареста Ленина исходили от «левых» эсеров. Вот об этом первом разговоре и я вас спрашиваю.

[При переговорах в каком периоде?]

КАРЕЛИН. При первом разговоре в Смольном[.]*?*

БУХАРИН. Тогда вы говорили вместе с Камковым, а с нашей стороны были я и Пятаков.

КАРЕЛИН. Я этого не говорил.

БУХАРИН. На очной ставке вы говорили, что тогда предложение относительно ареста Ленина принадлежало «левым» эсерам, а потом, в следующий после Брестского мира период, речь шла относительно того, что «левые коммунисты» это говорили.

КАРЕЛИН. После, до VII съезда предложение об ускорении выступления было в руках «левых» эсеров, проявлявших инициативу. Это я подтверждаю.

БУХАРИН. Второй вопрос разрешите. Известно ли гражданину Карелину, что во время московского мятежа «левых» эсеров одним из главных оперативно действующих лиц в боевом, техническом смысле против «левых» эсеров был «левый коммунист» Бела[кун] *Кун*[278].

КАРЕЛИН. Мне было известно относительно того, что персонально некоторые «левые[»] коммунисты», — а относительно Бела Куна я знаю, что он являлся в то время «левым[»] коммунистом», членом этой группы, — что они принимали участие в подавлении «лево»-эсеровского мятежа, в частности, Бела Кун руководил отрядом, который сражался около телеграфа, захваченного «лево»-эсеровским отрядом, но это было уже в тот период, когда определилась неудача восстания. В этот период мы это рассматривали как эвакуацию с тонущего корабля.

БУХАРИН. Хорошо.

[(Смех в зале.)]

Разрешите еще один вопрос? Вы здесь подтверждаете, что Прошьян и другие ваши коллеги в ЦК отчитывались на заседаниях ЦК о переговорах с «левыми[»] коммунистами»?

КАРЕЛИН. Да.

БУХАРИН. Я больше вопрос не имею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К т. Вышинскому.) У вас [нет больше] *есть* вопросы[ов] к свидетелю Карелину?

ВЫШИНСКИЙ. У меня такой вопрос, в связи с вопросами Бухарина: что же это регулярно происходило и о всех заседаниях и решениях ставились доклады, отчитывались *на ЦК «левых» эсеров,* или бывали такие вопросы, [о] *в* которых не отчитывались?

КАРЕЛИН. Иногда отдельные решения ЦК *«левых» эсеров* принимались в более узком кругу руководителей. Иногда это делалось путем опроса, не созывая специального заседания. В конце концов, ЦК — политическая группа; особенно в такой период, как тогда, вряд ли можно по каждому своему шагу и по каждому решению немедленно издать протокол с параграфами.

ВЫШИНСКИЙ. К Карелину вопросов нет. Бухарину вопрос: вы когда приехали из-за границы?

БУХАРИН. В каком смысле?

ВЫШИНСКИЙ. Как в каком смысле? Приехать можно только в одном смысле?

БУХАРИН. Я приехал из-за границы...

ВЫШИНСКИЙ. В последний раз.

БУХАРИН. В последний раз в 1936 г.

ВЫШИНСКИЙ. Когда именно?

БУХАРИН. Я думаю — в апреле месяце.

ВЫШИНСКИЙ. В апреле 1936 г.?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы начали сколачивать группу «левых[»] коммунистов»?

БУХАРИН. «Левых[»] коммунистов»? В 1918 г.

ВЫШИНСКИЙ. А [вот эти] *в* последние месяцы перед Октябрьской революцией вы где находились?

БУХАРИН. В Москве.

ВЫШИНСКИЙ. А во время Октябрьского переворота?

БУХАРИН. Тоже в Москве.

ВЫШИНСКИЙ. После Октябрьского переворота?

БУХАРИН. После Октябрьского переворота я поехал по поручению московских большевиков с докладом о ходе московского восстания, когда мы тут взяли власть. Делал я этот доклад...

ВЫШИНСКИЙ. Вы начали сколачивать группу «левых[»] коммунистов» в Ленинграде или в Москве?

БУХАРИН. В Ленинграде.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда же, сейчас же?

БУХАРИН. Нет, не сейчас же. Вначале вопрос о мире...

ВЫШИНСКИЙ. Я понимаю, это же вопрос о тактике вашей.

БУХАРИН. Нет, не о тактике.

ВЫШИНСКИЙ. А группа ваших сторонников была с вами?

БУХАРИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы один рассчитывали мирными средствами прийти к власти или с группой?

БУХАРИН. Тогда еще вопрос не стоял об этом, а разногласия начались по вопросу о мире.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю не о разногласиях, а спрашиваю, когда, к какому времени вы начали сколачивать группу «левых коммунистов»?

БУХАРИН. Я считаю, что к 1918 г.

ВЫШИНСКИЙ. С начала 1918 г.?

БУХАРИН. Не помню, в каком месяце, гражданин Прокурор, двадцать с лишним лет прошло.

ВЫШИНСКИЙ. Во всяком случае, когда вы вступили в переговоры с «левыми» эсерами, у вас эта группа была?

БУХАРИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы уже организационно оформили свою группу, а затем вступили в блок с «левыми» эсерами, или это переплеталось?

БУХАРИН. Нет, у нас уже тогда была, я не скажу, уже сложившаяся, группа. Вы, гражданин Прокурор, вы меня извините, очень персонально ставите вопрос. Это течение возникло...

ВЫШИНСКИЙ. Я не спрашиваю, когда это течение возникло, я спрашиваю, когда эта группа организовалась.

БУХАРИН. Я вам сказал [три раза:] в начале 1918 г.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас прошу сказать точнее: вы вступили в переговоры с группой «левых» эсеров после того, как ваша группа организовалась?

БУХАРИН. Это было, по-моему, тогда, когда она в основном уже сформировалась.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, у вас настроения были очень резкие тогда против Брестского мира и против руководства?

БУХАРИН. Настроения были довольно резкие.

ВЫШИНСКИЙ. Довольно резкие?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Так что в условиях таких настроений не случайно сложилась мысль об аресте?

БУХАРИН. Нет, я бы, видите ли, так не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. То есть вполне понятно, что в обостренной, раскаленной атмосфере...

БУХАРИН. Но я хочу сказать, что до Брестского мира...

ВЫШИНСКИЙ. Я это не спрашиваю...

БУХАРИН. До Брестского мира такой идеи с положительным отношением к ней ни у меня, ни у других не было.

ВЫШИНСКИЙ. А после Брестского мира?

БУХАРИН. А после Брестского мира она всплыла.

ВЫШИНСКИЙ. Я и спрашиваю об этом. Очень озлобленное у вас настроение было?

БУХАРИН. Это не был вопрос личного озлобления против личностей и против вождей.

ВЫШИНСКИЙ. Я говорю — накалена атмосфера была достаточно?

БУХАРИН. Да, горячность по линии фракционной борьбы была очень большая.

ВЫШИНСКИЙ. Атмосфера была накалена горячо?

БУХАРИН. Достаточно.

ВЫШИНСКИЙ. И в этой атмосфере вопрос об аресте, а у некоторых, быть может, об убийстве, не исключался?

БУХАРИН. Насчет ареста я признаю, относительно убийства мне ничего ровно неизвестно.

ВЫШИНСКИЙ. А атмосфера была...

БУХАРИН. Атмосфера была атмосферой.

ВЫШИНСКИЙ. Атмосфера была достаточной для того, чтобы такие мысли и планы могли родиться в разгоряченных головах[.]*?*

БУХАРИН. Может быть, у кого-нибудь рождались, но я лично никаких симптомов этого не замечал.

ВЫШИНСКИЙ. И вас никто на это не толкал?

БУХАРИН. Нет, никто не толкал.

ВЫШИНСКИЙ. Никто не указывал, что нужно устранить Ленина, Сталина и Свердлова?

БУХАРИН. Нет, гражданин Прокурор, нет, этого не было.

ВЫШИНСКИЙ. Никакие органы специальные?

БУХАРИН. Ни органы, ни лица.

ВЫШИНСКИЙ. Никакие органы специальные вам поручения не давали?

БУХАРИН. Нет, не давали.

ВЫШИНСКИЙ. А эти показания свидетелей вы целиком отвергаете?

БУХАРИН. Нет, я их отвергаю не целиком.

ВЫШИНСКИЙ. А в этой части?

БУХАРИН. А в этой части целиком.

ВЫШИНСКИЙ. А почему говорят об этом и «левые коммунисты» бывшие, и «левые» эсеры, — все?

БУХАРИН. Нет, это говорят не все: из двух «левых» эсеров только один.

ВЫШИНСКИЙ. Говорят, что вы подготовляли, как изменник революции, арест Ленина, Сталина и Свердлова.

БУХАРИН. Это я признаю.

ВЫШИНСКИЙ. А к этому они добавили, что вы готовили и убийство.

БУХАРИН. А с этой добавкой я абсолютно не согласен, я это категорически отрицаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вопросов нет?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Полагаю, что свидетели могут уйти из зала.

ВЫШИНСКИЙ. У меня есть еще заявление относительно экспертизы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешите объявить перерыв на 10 минут. Объявляю перерыв на 10 минут.

(После перерыва).

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет. Прошу встать. (Все встают.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Заседание продолжается. Для установления ряда обстоятельств, связанных с умерщвлением Алексея Максимовича Горького, Валерьяна Владимировича Куйбышева, Вячеслава Рудольфовича Менжинского, Максима Алексеевича Пешкова, а равным образом для выяснения ряда обстоятельств, связанных с покушением на отравление Николая Ивановича Ежова, Военной Коллегией Верхсуда СССР по ходатайству Прокурора Союза вызвана экспертиза в составе: заслуженного деятеля науки, профессора Владимира Адольфовича Шерешевского, заслуженного деятеля науки, профессора Дмитрия Александровича Бурмина, профессора Владимира Никитича Виноградова, профессора Владимира Михайловича Российского и доктора медицинских наук Владимира Дмитриевича Зипалова.

Вызванные эксперты находятся в зале заседания.[?] Профессор Шерешевский В.А., профессор Бурмин Д.А., профессор Виноградов В.Н., профессор Российский В.М., доктор медицинских наук Зипалов В.Д.

(Вызванные эксперты занимают приготовленные места).

ВЫШИНСКИЙ. Вопросы обвинения экспертизе заключаются в следующем. По первому разделу — по умерщвлению А.М. Горького первый вопрос: допустимо ли, чтобы больному с резко выраженным пневма-склерозом, с наличием бронхо-эктазов и каверн, эмфиземы легких и перерождения сердечно-сосудистой системы, страдающему тяжелыми периодическими кровохарканиями, назначался режим длительных прогулок после обеда, особенно в сочетании с утомительным физическим трудом?

Второй вопрос. Мог ли подобный режим, проводимый в течение продолжительного времени, вызвать у больного ухудшение состояния здоровья и, в частности, сердечно-сосудистой системы?

Третий вопрос. Допустимо ли помещение подобного больного в квартиру, где заведомо имелся больной гриппом?

Четвертый вопрос. Правильно ли было ведение больного, правильно ли велась история болезни и лечения А.М. Горького во время его последнего заболевания с 31 мая по 18 июня 1936 г.?

Пятый вопрос. Допустимо ли вообще длительное и одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно подкожно и внутрь, именно: дигиталиса, дигалена (препарат наперстянки), строфантина и стро-

фанта, а в частности, — у тяжело больного А.М. Горького 69 лет, страдающего вышеуказанным поражением внутренних органов?

Шестой вопрос. Каковы могли быть последствия такого лечения у А.М. Горького при его последнем заболевании?

Седьмой вопрос. Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применять такой метод лечения без злого умысла?

То есть, если будет признано неправильным, можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А.М. Горького был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для достижения этой преступной цели специальных познаний, которыми располагали в отношении А.М. Горького обвиняемые Левин и Плетнев?

По второму разделу — по умерщвлению т. Куйбышева.

Допустимо ли было назначение больному В.В. Куйбышеву, страдавшему приступами грудной жабы и распространенным артериосклерозом длительных приемов больших доз дигиталиса (наперстянки)?

Во-вторых, могло ли применение больших доз препаратов наперстянки в продолжение длительного срока способствовать учащению припадков грудной жабы, которой страдал больной?

Допустимо ли больному в состоянии припадков грудной жабы разрешать двигаться и подыматься по лестницам и можно ли оставить больного с припадком грудной жабы без оказания немедленной врачебной помощи?

Можно ли по совокупности всех этих данных считать установленным, что метод лечения больного Куйбышева был заведомо вредительским, направленным для ускорения его смерти с использованием для этой цели специальных познаний, которыми обладают обвиняемые, так и с использованием... при очередном припадке грудной жабы?

По умерщвлению т. Менжинского.

Допустимо ли было у больного т. Менжинского, страдавшего артериосклерозом с тяжелыми припадками грудной жабы и имевшего инфаркт миокарда, длительное применение препаратов наперстянки, особенно в сочетании с лизатами, могущими усиливать действие препаратов наперстянки?

Во-вторых, могло ли применение такого метода лечения способствовать истощению сердечных мышц и тем самым способствовать наступлению смертельного исхода?

Можно ли по совокупности всех этих данных считать установленным, что обвиняемые Левин и Казаков имели своей преступной целью скорейшее наступление смертельного исхода, который и есть результат их преступной деятельности?

По умерщвлению Максима Алексеевича Пешкова.

Правильно ли велось лечение М.А. Пешкова, болевшего крупозным воспалением легких, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина?

Мог ли подобный неправильный метод лечения, проводимого обвиняемым Левиным, способствовать смертельному исходу болезни?

Можно ли считать, в-третьих, установленным, что обвиняемый Левин, поставив своей преступной целью ускорение смерти М.А. Пешкова, применял заведомо вредительский метод лечения для осуществления этой своей преступной цели?

Наконец, несколько вопросов к экспертизе по покушению на отравление Николая Ивановича Ежова.

Во-первых, можно ли на основании имеющихся в деле материалов, представленных к экспертизе, заключить, что обвиняемые Ягода и Буланов применяли для достижения своей преступной цели крайне опасные и весьма действенные способы постепенного отравления т. Ежова?

Во-вторых, можно ли считать установленным, что в результате применяемых обвиняемыми Ягодой и Булановым способов отравления т. Ежова его здоровью был причинен значительный ущерб, и если бы это преступление не было своевременно вскрыто, то жизни т. Ежова угрожала бы непосредственная опасность?

Позвольте мне передать один экземпляр этих вопросов экспертизе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

(Прокурор т. Вышинский передает экспертизе перечень вопросов.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты дополнительные вопросы *к комиссии* будут?

КОММОДОВ. Защита в перерыве ознакомилась с вопросами, считает их исчерпывающими и никаких добавлений не имеет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Обвиняемые имеют дополнительно вопросы к экспертизе?

(Голоса обвиняемых: «Нет».)

[Я полагаю, что эксперт[иза]*ная комиссия*] *Разъясняю, эксперты* мо*гут*[жет] оставаться в зале заседания, [должна быть] *они* допущены[а] к изучению всех материалов дела и в результате своей работы *должны* дать[ст нам] *суду* заключение, строго соответствующее обстоятельствам дела и вытекающее из тех специальных знаний, которыми обладают тт. эксперты.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте мне обратиться к суду с ходатайством: [следующего порядка:] я прошу разъяснить экспертам, что их заключение должно быть ими дано также на основании объяснений, которые в суде будут даны обвиняемыми по настоящему делу и свидетелем Белосто*ц*[кс]ким, вследствие чего в это время, я считаю, присутствие [экспертизы] *экспертов* в зале заседания обязательно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я это и имел в виду: если тт. эксперты будут находиться в зале во время допроса Левина, Плетнева, Казакова, то тем самым они будут в курсе [этих] *их* показаний.

[ВЫШИНСКИЙ. Присутствие экспертизы в зале заседания обязательно, а не только допустимо.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ.] Заседание закрывается до 11 часов утра 8 марта.

8 марта 1938 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимого —ЛЕВИНА

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых — БУЛАНОВА
ЯГОДЫ
КРЮЧКОВА

Подлинник с 955 по 1116 вкл.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

8 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
8/III-38 г.

Левин в пенсне. Его спрашивает Прокурор. Он седой, протягивает ухо. Тишина. Говорит медленно, с паузами худ.[ожественного] театра, слегка разводит ру-

ками, не отрывая их от барьера, покачивается, рассказывает историю М. Горького, что он тосковал в Сорренто, показывает рукой и говорит о Горьком.

— Постоянно устанавливается близкое знакомство, — он сводит руками.

— Признаки внимания со стороны Ягоды льстили мне.

Улыбается:

— Семь лет внимания.

Бледные уши, начинает сильно коситься, когда говорит о Максе. Кашляет.

— То есть его убить?

— Конечно, — тихо смотрит на Прокурора и говорит. — Мне нет нужды входить в псих.[оологические] ощущения.

Покашливает, смотрит на землю. Поправляет пенсне, поднимает палец:

— Но имейте ввиду...

— Когда смотришь с перспективы, — показывает рукой на плечо, за спину.

Качает головой, пенсне трясется.

Что Макс собирает антисоветские элементы, пьянствует — вреден для отца.

— Удобно применить лизат?

— Да. — он говорит спокойно.

Он отвечает о плане употребления лизатов, делая очень нежное успокаивающее лицо.

Казаков. Торопливое лицо и говорит очень старательно в микрофон.

«У меня была жестокая борьба» — говорит он торопливо.

У него громадный гофмановский нос. Левин стоит, наклонив голову.

— Он что ответил?

— Левин, он все так, с улыбочкой, — и пытается торопливо сымитировать эту улыбочку.

— А вы что?

— А я слушал.

Хохот.

— Я слушал, до чего он дойдет.

Отсвечивает от стены свет и играет на очках.

— Я умным его не считал. Подумайте. Как будто он мог быть умным.

В разговоре о Левин[е] улыбается.

— Я запуган Ягодой, — говорит, приложив руки к груди, Левин. (Зал хохочет.)

— Если Ягода может пойти на все?

— Следует подчиниться, — поправляет очки. Оба в черном.

Ягода отказывается. Он видит первый раз Казакова, он убивал Куйбышева и М. Горького. Он говорит раздельно, бледный, в черной куртке. Левин, наклонившись на перегородку, осматривает публику. Казаков пытается защитить свое изобретение, так же, как и защитить себя, тоже что и делал Бухарин, говоря о своих «идеях». Прокурор отрывает листки и вкладывает в дело. Ягода опять отказывается.

Прокурор читает показ.[ания] Ягоды 28 окт.[ября] 37 г.

— Вы заявляли протест о вед.[ении] следств.[ия]?

Тихо Ягода: «Нет, не заявлял».

— Врет Пешков. (Прокурор от волнения спутался.)

— А теперь вы говорите правду?

— Да.

— Почему?

Тихо: «Разрешите мне на этот вопрос не отвечать».

Левин рассказывает ласковым голосом. Посол Дэвис жует резинку. Левин покачивается. В зале душно.

— Вот таким образом, — говорит Левин, поправляя очки, — я могу изложить врачебные основания. — Показывает пальцами левой.

Плетнев встал как во сне: «Подтверждаю».

Левин начинает читать медицинскую лекцию о способах убийства. Он показывает на окна — если их открыть, то может многих не быть. Он делает ручку.

— Человек не только отравляется ядом, каждое лекарство в подходящий момент будет ядом. Вот вам пример — диабет. «Инсулин». То лекарство, которое вы можете дать. Вот исходя из этих положений, мы исходили.

— Кто мы? — спрашивает Прокурор.

— Плетнев!

Он встает, берется за подставку для микрофона.

— Да

— Дыхат.[ельные] органы, — Левин показывает на сердце.

— Через день у него (Макса) образовалось воспаление легких, — поправляет пенсне.

— Произошел припадок грудной жабы. Тут... — поправляет очки и начинает говорить о Максимове.

— Мне позвонили, я прибежал из больницы. И, наконец, А.М. Что у него было слабым? Легче было бы ответить...

Он переходит почти без передышки к другому преступлению и показывает пальцами. Проходят ин.[остранные] кор.[респонденты.] Мы встаем. Шум.

У Горького страсть к огню. Сжигали костры. Гарь. Жара. Он стоял у костра.

Дети болели гриппом. Крючков организовал возвращение его в Москву. Лекарства применяли в больших дозах. М. Горькому: 40 ампул камфары, 12 — стрихнина, — диганола[I], 4 — кофеина. Он возвращается к своей лекции и опять сравнивает сердце с мотором, что давали усиленную работу.

Ягода спрашивает приглушенным голосом, полулениво, как следователь, бросая «да».

Левин перечисляет средства А. Пешкова, поднимая руки, камфары до 40 шприцев, он сваливает на хирургов, от лилы[II] по 2 эгилена[III], 4 шприца стрихнина. Для другого человека это было не страшно, но для этого человека вредно вообще.

— Вы делали это сознательно?

Он разводит руками: «Знал».

О Менжинском: «такие дозы давать нельзя, усиливать работу сердца».

И сжимает кулаки над микрофоном, как бы наслаждаясь своими действиями.

— Это вредно, — и показывает пальцем правой руки, сжав остальные.

Рассказывает, держась руками за перила, свою биографию. «Недоразумений не имел», «последний раз приключилось».

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Переходим к допросу подсудимого Левина.

Подсудимый Левин, показания, данные [в НКВД и Прокуратуре Союза] *на предварительном следствии,* вы подтверждаете?

[I] Так в документе. Надо: «дигалена».

[II] Так в документе. Восстановить не удалось.

[III] Так в документе. Надо: «дигалена».

ЛЕВИН. Подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У меня вопросов больше нет. Т. Прокурор, у вас есть вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. У меня есть несколько вопросов.

[Расскажите, пожалуйста, обвиняемый] *Подсудимый* Левин, *расскажите,* когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Ягодой [и что из сего произошло?] *и каковы были результаты вашей близости к Ягоде?*

ЛЕВИН. С Ягодой знакомство [более или менее поверхностное] началось у меня еще с начала 1920-х гг. [по той линии, что я] *Я* [в ВЧК тогда, впоследствии НКВД,] лечил покойного Дзержинского, Менжинского. [По этой линии в] *В*стречался от поры до времени с Ягодой и [ему в несчастных случаях] оказывал [медпомощь] *ему* мед*ицинскую помощь.* [, потому что в то время он был здоровым человеком.] Более частые встречи с ним стали устанавливаться у меня примерно с 1928 г., [связанные с началом переезда] *в связи с приездом* в Москву А.М. Горького.

[Для того, чтобы была яснее эта связь, я буду просить суд разрешения сказать несколько очень коротких слов о А.М. Горьком. Я буду очень краток и не задержу суд своими показаниями.]

Всем известно, что А.М. Горький с молодых лет болел туберкулезом в очень тяжелой форме. [Эта болезнь часто осложнялась тяжелыми кровохарканиями. До революции А.М. Горький] *он* жил ряд лет *и до революции и после революции с 1921 г.* в Италии. [на острове Капри. После революции он недолго мог оставаться у нас в Союзе, потому в 1921 г. снова произошло новое ухудшение в состоянии болезни, и он вынужден был уехать в Италию, на этот раз в Сорренто, прожив там безвыездно до 1928 г. За эти годы А.М. Горький очень стосковался о Союзе, его тяготила чрезвычайная оторванность от Союза, невозможность получать часто сведения. Он стал все чаще поговаривать о необходимости вернуться. Вернуться совсем по состоянию здоровья нельзя было, и он дошел до решения приезжать в Союзе периодически.[1]] *С 1928 г.* он приезжал в Москву на летние месяцы, когда климатические условия под Москвой для легочных и сердечных больных [, а он был в это время уже и сердечным больным, —] были относительно благоприятными, когда, наоборот, в Италии становится слишком жарко. С этого года он стал приезжать к нам на летние месяцы, на зимние снова возвращаться в Италию.

Был установлен порядок, что в Италии он должен оставаться под наблюдением кого-нибудь из советских врачей. Так как я считался его постоянным врачом, мне было поручено подобрать группу врачей и профессоров, которые разделили бы это полугодие на три двухмесячника, чтобы каждый по 2 месяца оставался в Италии, с тем, чтобы не отрываться от постоянной здешней работы. В числе этой группы был я и несколько ленинградских и московских врачей. Я каждый раз уезжал с ним из Италии, приезжал с ним в Москву, уезжал из Москвы как постоянный врач. Остальные — поочередно.

Во время [этих] приездов в Москву я, как постоянный врач А.М. Горького, бывал у него чрезвычайно часто. [, когда требовали этого обстоятельства.] Он жил за городом [, в 40 верстах от] *под* Москв*ой.*[ы.] Я оставался у него на ночь, даже в тех случаях, когда не было ничего экстренного. [, чтобы проследить за ним вечером до сна и утром после сна.]

---

[1] Текст восстановлен — зачеркнут (синие чернила), подчеркнут горизонтальной линией (простой карандаш), рядом на полях вертикальная пунктирная линия (красный карандаш) и помета (простой карандаш): «*Восст.[ановить]*».

Одновременно в этом доме также часто бывал Ягода. [Вот тот пусть, который привел Ягоду ко мне, или меня к Ягоде, но это тот путь, который меня с ним соединил, установил более тесную связь.]

Там мы часто встречались. [Вечерами, когда я оставался ночевать в этом доме, как это бывает обычно с постоянным врачом в доме, я стал близким человеком, встречался со всей семьей. Сидел с ними за общим столом. Очень часто приезжал со службы Ягода, и мы с ним часто встречались. Словом, у] *У*становились не отношения случайного врача и больного, а отношения знакомых людей.

В то же время участились и мои посещения Ягоды у него на дому или на даче, потому что, примерно, кажется, около 1930 г. стала часто хворать его жена — Авербах, хроническая больная, болевшая очень часто с частыми обострениями по характеру ее заболевания. Во время этих обострений ее болезни, мне приходилось иногда ежедневно бывать в доме или одному или с кем-нибудь из врачей санчасти ОГПУ, даже с покойным хирургом Розановым, который был в качестве врача близок к этому дому. Таким образом, устанавливалось все более близкое знакомство.

Нужно сказать, что Ягода [, как мне казалось,] относился ко мне очень хорошо, проявляя разные признаки внимания. Откровенно говоря, это не казалось мне чем-то необычным, потому что мы — врачи — довольно часто видим, как больные желают чем-то отблагодарить нас и показать свое внимание. Одним словом, в этом я не видел ничего предосудительного или непонятного для меня. [Я даже более скажу, что э] *Э*ти признаки внимания с его стороны мне льстили.

ВЫШИНСКИЙ. В чем выражалось это внимание?

ЛЕВИН. Ну, например, у него были прекрасные цветы, оранжерея, и он посылал мне [великолепные] цветы, посылал очень хорошее французское вино. Один раз он сделал мне весьма ценный для меня подарок: [т.к. у меня к тому времени появился маленький внук, зашел разговор о том, что я живу на даче. Дачи у меня не было и Ягода] предоставил мне [возможность пользоваться дачей] *в собственность дачу* в подмосковной местности, [где][1] я проживал в течение 5—6 лет в летние месяцы со своей семьей.

ВЫШИНСКИЙ. Специально выстроил для вас дачу?

ЛЕВИН. Нет, это не дача, но он предоставил мне в собственность...

ВЫШИНСКИЙ. То есть подарил вам дачу?

ЛЕВИН. Да, я смотрел на это как на подарок.

ВЫШИНСКИЙ. Оказывал [он] *Ягода* вам содействие в ваших поездках за границу, устранял различные таможенные формальности?

ЛЕВИН. Да, он давал знать на таможню, что меня можно пропустить *из-за границы* без [тщательного] осмотра.

[ВЫШИНСКИЙ. Без тщательного осмотра или вообще без осмотра.]

[ЛЕВИН. Вообще без осмотра. Это давало мне возможность привозить...]

ВЫШИНСКИЙ. Как вы это использовали?

ЛЕВИН. Я привозил вещи жене, женам своим сыновей, детские вещи, женские вещи, привозил мелкие подарки на службу...

ВЫШИНСКИЙ. Одним словом, все, что хотели, привозили беспошлинно, бестаможенно?

ЛЕВИН. Да, но это не были ценности...

ВЫШИНСКИЙ. Конечно, вы же не торговали этими ценностями.

---

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

ЛЕВИН. Я привозил их для родных.

ВЫШИНСКИЙ. Я понимаю, для себя, для родных, друзей, знакомых, приятелей.

ЛЕВИН. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Для вас пограничных и таможенных законов не существовало?

ЛЕВИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. И долго так продолжалось?

ЛЕВИН. В 1934 г. я еще был за границей.

ВЫШИНСКИЙ. А началось это «особое» внимание к вам когда?

ЛЕВИН. С первой моей поездки к Алексею Максимовичу[.]

[ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?]

[ЛЕВИН. В] *в* 1928 или 1929 г. [.] *и*

[ВЫШИНСКИЙ. Д] *до* последнего времени. [, чуть ли не десяток лет.]

[ЛЕВИН. Меньше.]

[ВЫШИНСКИЙ. Ну, девять лет, восемь, семь с половиной?]

[ЛЕВИН. Не каждый же год я ездил.]

ВЫШИНСКИЙ. [Словом, достаточно длительный срок.] Ну, что же дальше? Это вы считали обычными знаками внимания? Так вообще пациенты проявляют свое внимание к врачам?

ЛЕВИН. Вы, вероятно, знаете, что не так.

ВЫШИНСКИЙ. Ни поездками за границу, ни подаркам, ни дачей, ни таможней, ни пошлиной?

ЛЕВИН. Понятно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, необычно.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы считали это обычным?

ЛЕВИН. Для него, вероятно, было обычным.

ВЫШИНСКИЙ. А для вас?

ЛЕВИН. Для меня это, конечно, не было обычным.

ВЫШИНСКИЙ. Вы не думали, почему это происходит, какая причина это*го*[му] внимани*я*[ю].[I]

ЛЕВИН. Я об этом не думал, потому что считал, что для него эта вещь не представляет большого значения, по его масштабу это были небольшие знаки внимания.

ВЫШИНСКИЙ. А вы сравните [п]*со* своим*и* масштабам*и*,[II] — для вас это было обычное явление?

ЛЕВИН. Конечно, это было не обычное явление. Но это был и не обычный пациент.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, необычный пациент оказывал вам необычное внимание?

ЛЕВИН. Да, да, конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, пожалуйста, что из всего этого произошло?

ЛЕВИН. Для обычного больного сделать подарок трудно, поскольку...

ВЫШИНСКИЙ. Извините, я вас еще раз перебью. Когда вас освобождали от всякого рода таможенных осмотров, вы считали, что это естественно и законно?

ЛЕВИН. Я не считал это естественным и законным, но я знал, что это практикуется достаточно часто.

ВЫШИНСКИЙ. Кем практикуется, и откуда вы это знали?

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ЛЕВИН. Я знал, что целый ряд людей пользуется дипломатическими паспортами и т.д.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы рассматривали себя вроде как дипломата.

[(Смех в зале.)][I]

ЛЕВИН. Нет, конечно, я себя так не рассматривал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы понимали, что вы пользовали[уете]сь грубым нарушением советских законов и шли на это беззаконие из-за корыстных целей?

ЛЕВИН. Да, [да,] я понимал. Но должен сказать, что убытки государству от этого были очень маленькие, я привозил каких-нибудь пару галстуков, мелочь.

ВЫШИНСКИЙ. Но из маленьких частных убытков складывается один большой убыток. Так, между прочим, всякий преступник оправдывает свое преступление. Даже тот, кто украдет миллион золотом, он может по отношению к такому могучему, богатому государству, как наше, сказать, что убыток для государства все-таки небольшой.

[(Общее оживление в зале.)][II]

ЛЕВИН. Разрешите продолжить вашу мысль и пересчитать на деньги, сколько таможня должна была взыскать? Получится небольшая сумма.

ВЫШИНСКИЙ. Вы до сих пор не понимаете тяжести вашего преступления?

ЛЕВИН. Нет, нет, я понимаю.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда продолжайте ваше объяснение.

ЛЕВИН. Я должен признаться, что такое внимание, оно даже мне льстило. Это было внимание со стороны руководителя такого органа, как ОГПУ. Я видел в этом определенное признание и доверие [ко мне] *к себе*[III] со стороны руководителя такого учреждения. Мне никогда не могло прийти в голову то, о чем я теперь узнал.

ВЫШИНСКИЙ. Потом пришло в голову?

ЛЕВИН. Да, пришло.

ВЫШИНСКИЙ. Как это случилось?

ЛЕВИН. [Наступил год, когда этих простых объяснений такого внимания оказалось недостаточно. Тогда наступило горькое тяжелое разочарование. Это был] *В* 1932 г. [, когда] Алексей Максимович решил [наконец, порвать с Италией и переехать] совсем *переехать* в Москву [, переехать] со всей своей семьей. В составе семьи был его сын Максим Алексеевич Пешков. [со своей семьей. Прошел 1932 г.] В начале 1933 г. зимой [, однажды,] во время одного из моих посещений Ягоды, во время прогулки у него на даче он начал со мной разговор, к которому несколько раз потом возвращался, разговор относительно сына Алексея Максимовича — Максима Алексеевича Пешкова.

Он говорил, что он недоволен его образом жизни, его поведением. Недоволен тем, что он не прикасался ни к какой работе, что ничем не занимается. Недоволен тем, что он злоупотребляет спиртными напитками. Но это был такой разговор, который более или менее соответствовал тому, что к тому времени М.А. Горький, будучи отцом двоих детей, не имел никакой обязательной работы, обязательного труда, не имел определенных занятий, просто в доме отца жил. Так что эти разговоры пока не внушали никаких основных подозрений.

[I] Вероятно, зачеркнуто И.В. Сталиным (красный карандаш).

[II] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[III] Правка И.В Сталина (красный карандаш).

[Однажды, в] *Во* время одной такой [же] беседы [с ним, он вдруг совершенно переменил тон в этом разговоре] *он* и сказал мне, — видите ли, Макс, как он его называл, не только [, как я вам говорил,] никчемный человек, [он человек вредный, он вредный для своего отца, для Алексея Максимовича. Он оказывает на него] *но и оказывает на отца* вредное влияние. Отец его любит, *а* он, пользуясь[ется] *этим,* [его любовью и слабостью к себе и, пользуясь этим, привлекает к нему антисоветских людей,] создает нежелательное и вредное окружение в доме у Алексея Максимовича. [Словом, я говорю это вот к чему, он человек вредный, Алексей Максимович нам нужен и е] *Е*го необходимо убрать. Нужно сделать так, чтобы он погиб.

[ВЫШИНСКИЙ.][I] [Т.е.] *То есть?*

ЛЕВИН. Добиться его смерти.

ВЫШИНСКИЙ. [Т.е.] *Значит,* его убить?

ЛЕВИН. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. И [он] *Ягода,* значит, предложил вам *осуществить* это дело?

ЛЕВИН. Он сказал — «вы должны нам в этом помочь». [, вы должны это обсудить.] Мне не нужно здесь передавать психологического ощущения, насколько мне было страшно это слушать, думаю, что это достаточно понятно, но потом такое непрекращающееся смущение. Меня отделяет от этого срок — 6 лет, поэтому я не ручаюсь за стенографирование этого рассказа, а только за сущность его. Он дальше сказал, что вы знаете, кто с вами говорит, руководитель какого учреждения с вами говорит? Вы знаете, что я ответственен за политику партии и за жизнь крупнейших руководителей партии и правительства, а также за жизнь и деятельность Алексея Максимовича, а поэтому, раз это нужно в интересах Алексея Максимовича — устранить его сына — поэтому вы не должны останавливаться перед этой жертвой.

ВЫШИНСКИЙ. Так он мотивировал?

ЛЕВИН. Так.

ВЫШИНСКИЙ. Вы считали...?

ЛЕВИН. Я ничего не считал. Он говорит, пока давай*те*[II] оставим этот разговор, вы обдумайте дома, а через несколько дней я вызову вас.

ВЫШИНСКИЙ. Но что обдумать?

ЛЕВИН. Согласиться или не согласиться.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме того, но обдумайте еще что?

ЛЕВИН. Как это выполнить?

ВЫШИНСКИЙ. И кого?

ЛЕВИН. [Это потом был разговор. В этот раз о] *О*н сказал*:* [, что у] *«У*чтите, что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете *[»]* *[Раз я вам оказал в этом доверие, раз вам оказывается доверие в этом деле, поэтому вы это должны ценить, и вы должны это выполнить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят. Вы в этом не сомневайтесь, вы это сделайте.]*[III] Вы [только] обдумайте, как можете сделать, кого можете привлечь к этому. *[»]* Через несколько дней я вызову [В]*вас*». [вы мне скажете. И] *Он* еще раз повторил, что невыполнение этого грозит гибелью и [вам] *мне* и [вашей] *моей* семье. [Через несколь-

---

[I] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто пунктирной линией (синие чернила).

[II] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[III] * * — вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (зеленые чернила), рядом на полях вертикальная пунктирная линия (красный карандаш).

ко дней, когда я приехал к нему, я] *Я* считал, [— теперь я вижу, насколько это ошибочно, конечно, но тогда я считал,] что у меня нет другого выхода, я должен ему покориться. Опять-таки, когда смотришь с перспективами с сегодняшнего дня на 1932 г., когда видишь, насколько мне, как беспартийному человеку, казался всемогущим Ягода, то, конечно, очень трудно было отвертеться от его угроз, от приказов его.

ВЫШИНСКИЙ. А вы пробовали отвертеться?

ЛЕВИН. Я пробовал в душе отвертеться.

ВЫШИНСКИЙ. В душе, а отпора у вас не было?

ЛЕВИН. Не было.

ВЫШИНСКИЙ. [А п] *П*робовали [вы] *протестовать,* сказать кому-нибудь об этом, сообщить?

[ЛЕВИН. Нет, не пробовал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Но важно ведь то, что фактически предпринимается.]

ЛЕВИН. [Нет, я ничего не сделал, не попытался отвертеться.][I] Я никому не сказал и принял решение. Приняв решение, приехал к нему, [и тогда зашел разговор о том, что] *Ягода сказал мне:* «вам одному, вероятно, это трудно будет сделать. Кого вы думаете привлечь к этому делу?» Я ему [сказал на это так] *ответил,* что вообще ввести нового врача в дом Алексея Максимовича очень трудно, там этого не любили. Но есть один врач, который все-таки бывал у Максима Алексеевич [, кажется, это было] во время одного из моих отпусков, [он лечил его] это — доктор *А.И.* Виноградов из Санчасти ОГПУ. [Вот е] *Е*го хорошо знал Крючков. Виноградов был направлен им, если не ошибаюсь, [.] *(*Крючков[ым Петром Петровичем, бывшим] *был* постоянным секретарем Алексея Максимовича*).* [и вот я] *Я* [говорю] *сказал,* что его надо будет обязательно к этому делу привлечь. [если нужно будет.] Затем еще я говорил [о том], что [не знаю] *если бы* нужно [ли] *было*[II] [это будет, но, во всяком случае, если бы нужен был еще кто-нибудь] *привлечь*[III] *еще кого-нибудь* из консультантов, то единственный консультант, [который в этом доме бывал[IV] *и которого знали в этом доме*[V]] — это профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев *[, я не указывал сейчас на него реально, а говорил, что если при такой болезни нужно было бы, чтобы кто-нибудь из консультантов был [бы][VI], то единственный человек, который мог бы туда приехать — это Д.Д. Плетнев.]*[VII] Так шел 1933 г. [Мне очень трудно было решиться все время на это.] Он меня торопил. [, я не торопился.]

ВЫШИНСКИЙ. Кто он*?*

ЛЕВИН. Ягода. [Но за] *В* это время возник [новый] у него *новый* замысел. [И вот в конце, — это уже было, я думаю, вероятно, в октябре или ноябре того же 1933 г., — нужно только сказать, что до этого п] *П*ри встречах [он] *Ягода* [меня] часто спрашивал *меня*

[I] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (зеленые чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш), рядом на полях вертикальная пунктирная линия (красный карандаш).

[II] «о» — вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

[III] Слово вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

[IV] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[V] * * — текст зачеркнут дважды (зеленые чернила, красный карандаш). Вероятно, правка красным карандашом И.В. Сталина.

[VI] Зачеркнуто красным карандашом.

[VII] * * — вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (зеленые чернила), рядом на полях вертикальная пунктирная линия (красный карандаш).

[ВЫШИНСКИЙ. Кто он?]

[ЛЕВИН. Ягода. Часто спрашивал] о состоянии здоровья Вячеслава Рудольфовича Менжинского, [, который тогда хворал тяжело] тогдашнего председателя ОГПУ, *который тогда тяжело хворал.* Ягода был заместителем председателя *ОГПУ.* Нужно сказать, что [Вячеслав Рудольфович] Менжинский [был] с первых лет революции [тоже] *был* моим *пациентом постоянным*[I]. В 1926 г. [, как я помню,] у него был тяжелейший припадок грудной жабы. [, огромнейший силы. Я с большим трудом тогда выцарапал его из ногтей смерти. Остатки этого припадка 1926 г. были очень резко выявлены на вскрытии после того, как он умер в 1934 г. Это был огромный инфаркт.]

*[С тех пор [не]*на*дорвалось*[II] его здоровье, он стал болеть. Я, как и вообще всякий терапевт, в этом состоянии мало мог ему помочь, и, как всегда в этих случаях бывает, начинают кидаться на чудеса. Одним из чудес тогда прозвучало такое средство профессора Шварцмана — миоль, которое он рекламировал как спасительное средство от грудной жабы. Шварцман был вызван из Одессы, и некоторое время он производил хорошее впечатление на Менжинского. Потом — разочарование в Шварцмане. Затем была другая реклама, начали шуметь вокруг Игнатия Николаевича Казакова, и тогда он (Менжинский) обратился к Казакову. Я отпал как врач, и с]*[III] *С* 1932 г. Вячеслав Рудольфович *стал* постоянным*[й]* пациент*ом* Казакова. Он сделался не только его постоянным пациентом, но и поддерживал его славу, но и был одним из небольшой группы крупных людей в то время, которым казалось, что он чрезвычайно им помогает. И этот шум вокруг Казакова, эти постоянные споры вокруг него в Москве привели к тому, что в Совнаркоме состоялось специальное заседание, посвященное вопросу о лечении методами Казакова, заседание, на котором присутствовал Менжинский и там поддерживал славу Казакова.

ВЫШИНСКИЙ. Заседания, которые были в правительственных учреждениях, никакого отношения не имеют к данному вопросу.

ЛЕВИН. Я говорю о заседании, на котором обсуждался вопрос о лизатах Казакова.

ВЫШИНСКИЙ. [Вы лучше р] *Р*асскажите, что же конкретно вам говорил Ягода о Менжинском?

ЛЕВИН. На этот вопрос я сразу ответил Ягоде...

ВЫШИНСКИЙ. На какой вопрос?

ЛЕВИН. [Да, виноват, я хотел сказать, что н] *Н*есколько раз [были] *он* просто [разговоры, расспросы] *разговаривал* о состоянии здоровья Менжинского, а [тут] в октябре или ноябре он меня опять спросил — «как здоровье Менжинского?» Я сказал, что, по моим сведениям, очень плохо. Но он говорит: «Зачем же тянуть? Он обреченный человек». [Он и считался тогда][IV] больным почти безнадежно в смысле восстановления работоспособности большой и т.д.

ВЫШИНСКИЙ. Сказали ли вы Ягоде, что Менжинский может бороться за свою жизнь неопределенный срок?

ЛЕВИН. Простите, я не расслышал вашего вопроса.

[I] * * — инверсия — «*постоянным пациентом*».

[II] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[III] * * — текст восстановлен — зачеркнут (синий карандаш), рядом на полях вертикальная пунктирная линия и помета И.В. Сталина (красный карандаш): «*Восстановить*».

[IV] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю: на вопрос Ягоды о состоянии здоровья Менжинского, не сказали ли вы Ягоде, что Менжинский может бороться еще неопределенный период времени?

ЛЕВИН. Да, конечно.

ВЫШИНСКИЙ. А что Ягода сказал в ответ на это?

ЛЕВИН. А он сказал, что «у меня есть сведения, что он живой труп».

ВЫШИНСКИЙ. А не сказал ли он иначе — «зачем это нужно?».

ЛЕВИН. Сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Не сказал ли он, что нужно это ускорить?

ЛЕВИН. Да, сказал. Я к этому и иду. Я ему сказал тут относительно того, что он с 1932 г. является ревностным поклонником доктора Казакова, и если так вопрос стоит...

[ВЫШИНСКИЙ.][1] Говорите откровеннее, не стесняйтесь.

ЛЕВИН. Я говорю откровенно.

ВЫШИНСКИЙ. Не говорил[и] ли [вы ему о том] *вам Ягода*, что необходимо убить Менжинского?

ЛЕВИН. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. И вы тогда сказали, [что] *кого* для этого нужно привлечь*?* [кого?]

ЛЕВИН. Доктора Казакова. [как специалиста по лизатотерапии.]

[ВЫШИНСКИЙ. Каковое средство и удобно применить для преждевременной смерти?]

[ЛЕВИН. Да, вот в каком смысле оно удобно...]

ВЫШИНСКИЙ. [Вот в том смысле, в каком это и получалось.] Вы вызвали Казакова для чего? Для лечения или для умерщвления?

ЛЕВИН. Для второго.

ВЫШИНСКИЙ. Почему именно Казакова?

ЛЕВИН. Он лечил [его] лизатами, а лизаты приготовлял Казаков сам у себя в лаборатории.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он мог приготовить все, что угодно?

ЛЕВИН. [Нет, не в том смысле, что влить яд в лизаты, а п] *П*риготовить такие лизаты, которые бы не помогали, а вредили.

ВЫШИНСКИЙ. Это равносильно яду.

ЛЕВИН. Совершенно верно.

[ВЫШИНСКИЙ. То есть не яд, а яд.]

[ЛЕВИН. Верно.] Тут я сказал *Ягоде:* «поскольку [в лечении,] в курс*е*[ах] лечения бывают перерывы, паузы, [а] *а в* период этих перерывов [и во время отъезда его,] я бывал[я] у Вячеслава Рудольфовича *Менжинского, то я могу* [мог] соединить лизаты с каким-либо сердечным лекарством, которое в комбинации с лизатами могло бы приносить вред».

ВЫШИНСКИЙ. Вы объяснили это Ягоде?

ЛЕВИН. Да, Ягоде.

ВЫШИНСКИЙ. А Ягода, что сказал?

ЛЕВИН. Он сказал, что с Казаковым он поговорит и директиву даст. [И к] *К*огда я увиделся с Казаковым в конце 1933 г., я узнал, что его вызывал Ягода для беседы, [и] он знает, что делать, и со мною поговорит, как [лизаты] будут приготовляться [.] *лизаты*. [Это делается и так, и так. И] *Меня он* спросил, какие сердечные лекарства буду я предлагать во время моего посещения. [для этого метода вредительства.]

---

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто (синие чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. [У менять есть вопрос к обвиняемому Казакову.] Обвиняемый Казаков, вы [слышали] *подтверждаете* показания Левина сейчас?

[КАЗАКОВ. Слышал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вы подтверждаете их?]

КАЗАКОВ. В основном, подтверждаю. [, а в деталях есть разница.]

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, в] *В*ы подтверждаете, что с вам говорил Левин*?* [о том, что он давал в своих показаниях.]

КАЗАКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что он вам *именно*[1] говорил?

КАЗАКОВ. [Прежде всего, я] *Я* виделся с Левиным три раза, и он постепенно меня вовлекал, — была майская, июньская и, наконец, октябрьская встреча.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

КАЗАКОВ. В 1933 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в 1933 г. было три встречи?

КАЗАКОВ. Три встречи.

ВЫШИНСКИЙ. Первая встреча майская, о чем вы разговаривали?

КАЗАКОВ. Здесь он выразил сочувствие, что я изолирован от врачей, что на меня нападают врачи, и что я нахожусь в таком тяжелом состоянии. Он рекомендовал мне быть поближе к врачам, причем сказал: «с вами я поговорю особо». Я спросил: «О чем?». Он сказал: «О здоровье Менжинского».

ВЫШИНСКИЙ. Ближе к какому врачу или вообще к врачам?

КАЗАКОВ. Я держался в стороне, потому что была очень жестокая борьба.

ВЫШИНСКИЙ. А Левин высказал вам сочувствие?

КАЗАКОВ. [Да, он сказал,] *Во время майской встречи он сказал,* что зря вы возитесь с Менжинским. Менжинский — живой труп. [и, вряд ли вы завоюете признание со стороны врачей.] *Я считал, что у Менжинского развивался хронно-сепсис.*

[ВЫШИНСКИЙ. А в действительности это ни к чему не ведет?]

[КАЗАКОВ. Факт такой был.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вторая встреча?]

[КАЗАКОВ. При этой встрече я ему высказал свое недовольство по поводу того, что в марте месяце меня устранили от Менжинского. У Менжинского развивался хронно-сепсис. При встрече 5 марта я ему сказал, что это — хронно-сепсис. Он] *Левин* со мною не согласился, и в результате этого я был отстранен. Я ему в резкой форме сказал, что я недоволен его поведением по отношению ко мне. Он мне сказал, что «мы с вам особо по этому вопросу поговорим». Правда, этот циничный ответ его, что Менжинский — труп и не стоит с ним возиться, меня покоробил.

ВЫШИНСКИЙ. Почему покоробил?

КАЗАКОВ. Потому что это цинично. Я знал, что Вячеслав Рудольфович, когда лечился у меня, стал на ноги.

ВЫШИНСКИЙ. Словом, заявление его было для вас циничным?

КАЗАКОВ. Конечно, циничным. Как только у него получалось улучшение, так вдруг я отстранился.

ВЫШИНСКИЙ. Кто вас отстранил?

КАЗАКОВ. Левин. 5 марта я вновь явился и потом снова был отстранен до июня месяца. Я ему это сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Он что ответил?

КАЗАКОВ. Он? Как всегда — улыбочкой...

---

[1] * * — знак переноса этого слова — «*Что именно он вам говорил?*».

ВЫШИНСКИЙ. Дальше?

КАЗАКОВ. В июне [месяце] я встретился с ним. Он высказал мнение, что я был прав в своем диагнозе относительно развившегося у [него] *Менжинского* хронно-сепсиса на почве гриппа. *Там* [Б]*была* [у него] группа врачей, и они [решили провести лечение по поводу его хронно-сепсического состояния и] не возража*ли*[ют], чтобы я начал лечить его.

ВЫШИНСКИЙ. Вы очень длинно рассказываете. Ведь мы будем допрашивать вас еще особо. Сейчас расскажите коротко — о чем был второй разговор?

КАЗАКОВ. Он сказал, что не возражает, чтобы я приступил к лечению Менжинского...

ВЫШИНСКИЙ. Словом, допустил вас?

КАЗАКОВ. Да. *Я приступил к лечению Менжинского.*

ВЫШИНСКИЙ. А вас это не удивило?

КАЗАКОВ. Он сказал одну фразу: «я думаю, что вы меня поняли».

ВЫШИНСКИЙ. А вы его поняли?

КАЗАКОВ. Я ничего не понял.

ВЫШИНСКИЙ. В таких случаях, когда не понимают тех, которые говорят, что «вы меня поняли», спрашивают: в чем дело. А вы спросили?

КАЗАКОВ. У меня был большой негативизм...

ВЫШИНСКИЙ. А по-русски?

КАЗАКОВ. Неприязненное отношение к Льву Григорьевичу.

ВЫШИНСКИЙ. Тем более надо было спросить, что значит эта двусмыслица.

КАЗАКОВ. Надо было, а я не спросил.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, вы действительно его поняли?

КАЗАКОВ. Нет, нет.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он вам сказал: «вы меня поняли?». А вы что ответили?

КАЗАКОВ. Я просто посмотрел на него, выпучивши глаза, и не сказал ничего. Я приступил к лечению Менжинского, и Менжинский встал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы поменьше говорите о своих заслугах, а говорите по существу заданного вам вопроса. Почему вы не спросили его: «в чем дело? Я вас не понимаю». Обыкновенно не спрашивают тогда, когда понимают. Правда?

КАЗАКОВ. Да, это верно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы тогда кое[-что] *о чем*[1] догадывались?

КАЗАКОВ. Нет, я в тот момент не догадывался. Потом, в октябре месяце, он сказал: «Я вас считаю умнее, а вы меня не поняли».

ВЫШИНСКИЙ. В чем ваш ум должен был проявиться?

КАЗАКОВ. Он мне в резкой форме сказал: «удивляюсь я вам, что вы так рьяно взялись за лечение Менжинского и даже укрепили его здоровье, зря допустили его к работе». И дальше он сказал такую фразу, что «этим вы раздражаете Ягоду».

ВЫШИНСКИЙ. А вы что?

КАЗАКОВ. И он добавил, что это к добру не приведет.

ВЫШИНСКИЙ. А вы что?

КАЗАКОВ. Я слушал, что дальше будет.

ВЫШИНСКИЙ. Почему же вы слушали? Разве не ясно уже было, в чем дело?

---

[1] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

КАЗАКОВ. Я хотел выслушать, до чего он дойдет.

ВЫШИНСКИЙ. До чего же он дошел?

КАЗАКОВ. [Дальше он сказал так:] *В октябре Левин сказал мне:* «вы поймите, что Менжинский — фактически труп, а восстанавливая его здоровье, допуская его к работе, вы тем самым восстанавливаете против себя Ягоду. Поймите, что Ягода заинтересован в устранении Менжинского, и если вы не подчинитесь ему — Ягода с вами расправится».

ВЫШИНСКИЙ. Он пугает вас?

КАЗАКОВ. Да. Вы ни слова не говорите Менжинскому, потому что все равно от Ягоды не уйдешь. Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается, он вас достанет из-под земли.

ВЫШИНСКИЙ. Это он вас пугал?

КАЗАКОВ. Он заявлял в такой форме.

ВЫШИНСКИЙ. Вы испугались?

КАЗАКОВ. Я задумался. Дальше Левин мне сказал: имейте в виду, что с вами будет разговаривать Ягода. По совести говоря, я здесь был совершенно растерян, испугался и не знал, что предпринять.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы ответили Левину?

КАЗАКОВ. Ничего не ответил.

ВЫШИНСКИЙ. Выходит, что все три раза вы ничего не отвечаете, молчите?

КАЗАКОВ. Я не знал, что отвечать на эти циничные разговоры. Может быть, Левин является агентом Ягоды, потому что со мною так откровенно разговаривать у него не было никаких оснований.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы утверждаете, что Левин вас запугивал, угрожал?

КАЗАКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Левин, правильно то, что передает Казаков?

ЛЕВИН. Не знаю, возражать тут же, в этот же момент или потом. Тут столько какой-то путаницы...

ВЫШИНСКИЙ. Задача судебного следствия и заключается в том, чтобы распутать всю эту путаницу.

ЛЕВИН. Я не знаю, при чем тут такие выражения, как «запугивание», «выпучил глаза», ссылка на то, чтобы он меня понял по одному выражению моих глаз. Я не считал Казакова таким умным, чтобы он мог понять с одного взгляда.

Я думаю, что не стоит останавливаться на этих мелочах. Конечно, если суд потребует, я могу рассказать все подробно.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю, действительно ли вы застращивали Казакова?

ЛЕВИН. Это фантастично уже потому, что весь мой разговор с Ягодой о Менжинском был осенью 1933 г., а в мае я должен был знать, что надо было убить Менжинского. Казаков относит мой разговор к маю.

КАЗАКОВ. Первый разговор был в мае месяце.

*ВЫШИНСКИЙ. *При* перв*ом*[ый] разговор*е* он вас застращивал?

КАЗАКОВ. Нет, [, в] *В*торой разговор был в июне.*[1]

ВЫШИНСКИЙ. Застращивал?

КАЗАКОВ. Нет, не было.

ВЫШИНСКИЙ. А когда?

---

[1] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

КАЗАКОВ. В октябре месяце, когда я вернулся из Кисловодска, он мне откровенно сказал.

ЛЕВИН. Да, тогда я сказал Казакову, что Ягода сказал то-то и то-то, что он вас вызовет и расскажет вам подробности.

ВЫШИНСКИЙ. (К Казакову.) Это вам Левин говорил?

КАЗАКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы отрицаете, обвиняемый Левин, что вы запугивали Казакова?

ЛЕВИН. Я сказал, что я настолько запуган Ягодой...

ВЫШИНСКИЙ. Сам запуган?

ЛЕВИН. Я сказал, что бороться с ним не имею возможности.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Казаков, правильно говорит Левин?

КАЗАКОВ. Левин сказал одну фразу, что Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается и, если будете сопротивляться, он наверняка вас лишит жизни.

ЛЕВИН. Это совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорили это?

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И поэтому что же?

ЛЕВИН. Если вам угодно, я могу рассказать вам о майско-июньском разговоре.

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ЛЕВИН. Я думаю, что тоже не стоит.

ВЫШИНСКИЙ. Значит?

ЛЕВИН. Если Ягода может решиться на все...

ВЫШИНСКИЙ. Следует подчиниться?

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Говорили это?

ЛЕВИН. Да, и решили.

КАЗАКОВ. Я ничего не решал.

ВЫШИНСКИЙ. Вам говорил Левин, что вас вызовет Ягода?

КАЗАКОВ. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ответили?

КАЗАКОВ. Нет, ничего не отвечал.

ВЫШИНСКИЙ. На чем кончилась ваша беседа?

КАЗАКОВ. Мы разговорились...

ВЫШИНСКИЙ. Соглашение было достигнуто?

КАЗАКОВ. Нет, я ничего ему не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Левин, вам ничего Казаков не сказал?

ЛЕВИН. До свидания с Ягодой — ничего.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, ваша задача была в том, чтобы информировать Казакова о предстоящем свидании с Ягодой на предмет преступного разговора?

ЛЕВИН. Да. Я передал Казакову, что его вызовет Ягода и все ему расскажет.

ВЫШИНСКИЙ. [Позвольте Ягоду спросить. Обвиняемый] *Подсудимый* Ягода, давали вы поручение Левину о [том, что вы] вызове[те] к [себе] *вам*[I] Казакова для разговора?

ЯГОДА. Я этого человека вижу первый раз здесь.[II]

[I] Правка И.В Сталина (красный карандаш).

[II] Рядом на полях — галочка (простой карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Значит, такого поручения вы Левину не давали?
ЯГОДА. Я давал поручение Левину переговорить...
ВЫШИНСКИЙ. С кем?
ЯГОДА. С Казаковым, но сам лично его не принимал.
ВЫШИНСКИЙ. Я вас не спрашиваю, принимали вы его или нет, а я спрашиваю, давали вы поручение Левину переговорить с Казаковым?
ЯГОДА. Поручения переговорить с Казаковым я не давал.
ВЫШИНСКИЙ. Вы только что сказали, что давали Левину такое поручение.
ЯГОДА. Я давал Левину поручение об умерщвлении Алексея Максимовича Горького и Куйбышева, и только.
ВЫШИНСКИЙ. А насчет Менжинского?
ЯГОДА. Ни Менжинского, ни Макса Пешкова я не умерщвлял.
ВЫШИНСКИЙ. Это мы обсудим, когда будем вас допрашивать. Мне важно сейчас проверить, правильно ли показывает Левин, что вы ему поручали переговорить с Казаковым о том, что он будем вами вызван.
ЯГОДА. Никаких поручений Левину о разговоре с Казаковым я не давал.
ВЫШИНСКИЙ. Не давали?
ЯГОДА. Нет.
ВЫШИНСКИЙ. Левин, вы слышали это объяснение Ягоды?
ЛЕВИН. Слышал.
ВЫШИНСКИЙ. Кто же прав?
ЛЕВИН. Я не знаю, как понять сейчас заявление Ягоды. О том, что Казаков был вызван к Ягоде, Казаков сам...
ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю не об этом. Поручение вам давал Ягода?
ЛЕВИН. Давал.
ВЫШИНСКИЙ. Вы передали Казакову?
ЛЕВИН. Передал.
ВЫШИНСКИЙ. Казаков был вызван?
ЛЕВИН. Был.
ВЫШИНСКИЙ. Откуда вам известно, что он явился на вызов?
ЛЕВИН. Он это сам показывает.
ВЫШИНСКИЙ. Вам откуда известно, что он явился?
ЛЕВИН. Казаков мне сам об этом рассказал.
ВЫШИНСКИЙ. Казаков, вы были вызваны [?] *к Ягоде*?
КАЗАКОВ. *Да,* 6 ноября *1933 г.* в 3 часа дня.
[ВЫШИНСКИЙ. Какого года?]
[КАЗАКОВ. 1933 г.]
[ВЫШИНСКИЙ. К кому?]
[КАЗАКОВ. В кабинет Ягоды.]
ВЫШИНСКИЙ. Вы явились?
КАЗАКОВ. Да, за мной прислали машину.
ВЫШИНСКИЙ. Ягода вас принимал?
КАЗАКОВ. Принимал.
ВЫШИНСКИЙ. Вы с ним разговаривали?
КАЗАКОВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Вы до этого видели Ягоду?
КАЗАКОВ. Нет, это было в первый раз.
ВЫШИНСКИЙ. А о чем [он] с вами говорил [?] *Ягода?*
КАЗАКОВ. Я должен сначала сделать одно маленькое вступление. Почему я явился 6 ноября. 5 ноября вечером был перевезен Менжинский с Шестых Горок в Москву на 2 Мещанскую улицу, во вновь отремонтированный

особняк. Менжинского я не видел до этого недели 2—3. 6 ноября за мной приехала машину ОГПУ, и я поехал на Мещанскую улицу. Войдя в помещение, куда вечером прибыл Менжинский с семьей, я застал прежде всего неимоверно удушливую атмосферу...

ВЫШИНСКИЙ. Вы не рассказывайте, пожалуйста, таких подробностей, мы будем вас специально допрашивать, а скажите то, что нас интересует, в связи с заявлением Ягоды, что он вас никогда не видел.

КАЗАКОВ. 6 ноября, после того, как я вернулся от Менжинского к себе домой, мне позвонили по телефону и сказали, что сейчас за мной придет машина от Ягоды. На этой машине я и прибыл к первому подъезду ОГПУ.

[Здесь] Ягода меня встретил и спросил [меня] — как *вы* находите [вы] здоровье Менжинского? Я сказал, что здоровье Менжинского сейчас, [сегодня,] после перенесенных припадков бронхиальной астмы находится в тяжелом состоянии. Дальше он меня спросил — а говорили вы с Левиным? Я ответил — да, говорил. Так что же вы умничаете, — *заявил Ягода* — [почему вы не действуете?][I] Я оказал Менжинскому медицинскую помощь, он был в тяжелом состоянии. Я даже вместе с шофером вынес его на веранду, потому что он был в состоянии припадка в результате той удушливой атмосферы, какая была в помещении. Кто вас просил оказывать помощь Менжинскому? [Здесь] Ягода пришел, в буквальном смысле слова, в ярость, и сказал мне: [ведь] «на Менжинского все махнули рукой [и] *зря вы*[II] возитесь с ним. Жизнь его никому не нужна[я], всем ме*шает*.[шающая.] *Я* [В]*в*ам предлагаю вместе с Левиным выработать такой метод лечения, при котором можно было бы скорее закончить жизнь Менжинского. Имейте в виду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить.

ВЫШИНСКИЙ. Что же вы ему ответили?

КАЗАКОВ. [Ягода продолжал: я умею ценить людей, которые подчиняются мне. Вы от меня никуда не спрячетесь. Я спросил, что нужно от меня. Он повторил, что я должен с Левиным повидаться и выработать метод, который помог бы ускорить наступление смерти Менжинского.][III] Я совершенно растерялся. [Он дал понять, что он является фактически директором ОГПУ, и я и] *И*з страха *я* подчинился. Я сказал, что повидаюсь с Левиным. [а в] *В* конце декабря я с ним виделся.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Ягода, Казаков показывает, что вы его к себе вызывали, что вы с ним виделись и дали ему определенное поручение. Что вы на это скажите?

ЯГОДА. В показаниях Казакова сказано, что он был у меня, был вечером.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ответьте на мой вопрос: вызывали ли вы Казакова и виделись ли с ним?

ЯГОДА. Этого человека я увидал в первый раз здесь. Я с ним не разговаривал никогда не эти темы.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы говорили на предварительном следствии об этом иначе?

ЯГОДА. Это неправильно, что я говорил на предварительном следствии.

ВЫШИНСКИЙ. Прошу предъявить том 2, лист дела 195.

Показания обвиняемого Ягоды от 28 декабря 1937 г. (лист дела 196).

[I] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] * * — инверсия — *«вы зря»*.

[III] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной пунктирной линией, рядом на полях помета И.В. Сталина (синий карандаш): *«Восст[ановить]»*

«Известно, что последние годы Менжинский больше болел, чем работал. Руководил работой я. Было ясно, что с его смертью председателем ОГПУ буду я. С этой мыслю я свыкся и ждал смерти Менжинского, а он не умирал. Когда я дал задание Левину убрать Макса...»

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Левин, кто это Макс?

ЛЕВИН. Максим Алексеевич Пешков.

ВЫШИНСКИЙ. «Я подумал, почему не сделать это же самое с Менжинским. В одном из разговоров с Левиным я ему об этом прямо сказал. Он уже был связан со мной в подготовке преступлений и не мог от этого отказаться».

Обвиняемый Ягода, Левин был с вами связан в подготовке преступлений?

ЯГОДА. В отношении Макса нет.

ВЫШИНСКИЙ. А кого?

ЯГОДА. Куйбышева и Максима Горького.

ВЫШИНСКИЙ. А это говорили на предварительном следствии?

ЯГОДА. Говорил.

ВЫШИНСКИЙ. «Но он заявил, что не имеет доступа к Менжинскому, что постоянно лечащим доктором является Казаков, и что без него не обойтись. Я поручил Левину привлечь к этому Казакова».

Вы это показывали, обвиняемый Ягода?

ЯГОДА. Я сказал, что показывал, но это не верно.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы это показывали, если это не верно?

ЯГОДА. Не знаю, почему.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь.

«Я вызвал Казакова к себе, подтвердил ему мое распоряжение... он сделал свое дело, Менжинский умер».

Показывали это, обвиняемый Ягода?

ЯГОДА. Показывал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы встречали Казакова?

ЯГОДА. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы показывали неправду?

ЯГОДА. Разрешите на этот вопрос не ответить.

ВЫШИНСКИЙ. Вы отрицаете, что вы организовали убийство Менжинского?

ЯГОДА. Отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. В этом показании вы это признали?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вас допрашивал Прокурор Союза, то вы как ответили на этот вопрос о своем отношении к убийству Менжинского?

ЯГОДА. Тоже подтвердил.

ВЫШИНСКИЙ. Подтвердили. Почему вы подтвердили?

ЯГОДА. Разрешите на этот вопрос не ответить.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда ответьте на мой последний вопрос. Вы заявляли какие-нибудь претензии или жалобы по поводу разработки вопросов, которые производились на предварительном следствии?

ЯГОДА. Никаких.

ВЫШИНСКИЙ. Сейчас тоже не заявляете?

ЯГОДА. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь.

Продолжайте, обвиняемый Левин.

ЛЕВИН. [Вот, в результате наших совместных с Казаковым и Виноградовым вредительских действий... я] *Я* упустил одну подробность, которую необ-

ходимо сказать. [Это следующее дело. Меня предупредил] Ягода [, у меня с ним был разговор.] *мне сказал, что у него был разговор с Крючковым.*

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Крючков,* какой разговор [?] *был у вас с Ягодой?*

КРЮЧКОВ. [Разговор был следующий. Ягода со мной вел предварительно еще большие разговоры, которые я расскажу, когда меня будут допрашивать.] Ягода мне сказал, что необходимо устранить Максима [.] *Пешкова.*

ВЫШИНСКИЙ. Что значит устранить?

КРЮЧКОВ. Убить Максима. [, но тогда было слово «устранить».] Дело, — говорит, — не в Максиме, а [дело], главным образом, в Горьком. Надо уменьшить активность Горького, активность Горького мешает [большим] *некоторым* людям. Из дальнейшего разговора я понял, что он подразумевал Рыкова, Бухарина и других. В этом разговоре я узнал от Ягоды, что предполагается [государственный] *контрреволюционный* переворот *и* что он является участником этого переворота. Он мне прямо сказал: в СССР будет скоро новая власть, новая власть больше соответствует вашим настроениям.

ВЫШИНСКИЙ. Чьим?

КРЮЧКОВ. Моим.

ВЫШИНСКИЙ. А ваши настроения были какие?

КРЮЧКОВ. По разговору, который я вел в 1933 г., приблизительно он мог так заключить, что я близок к *прав*ы*х*[ой] организации.*[1] Я его спросил: что же мне делать? Он говорит: вы знаете, как Алексей Максимович любит Макса. Смерть Макса будет большим ударом по Горькому и превратит его в безобидного старика. Вы должны [принять на себя и] убить Макса. При этом прибавил несколько угрожающих фраз. [, о которых я тоже потом скажу.] Я принял предложение Ягоды. [и спросил его, как я должен действовать?] Ягода мне сказал [на это], что вы раньше пили с Максом, *а* теперь начните его спаивать...

ВЫШИНСКИЙ. И т.д.?

КРЮЧКОВ. И т.д.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Ягода, вы говорили с Крючковым о заговоре?

ЯГОДА. Нет. С Крючковым о заговоре я никогда не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. На политическую тему говорили с ним?

ЯГОДА. Нет, я ему никогда не доверял.

ВЫШИНСКИЙ. Так [,] что все, что говорил Крючков...

ЯГОДА. Все ложь.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ему такого поручения о Максиме Пешкове не давали?

ЯГОДА. Я заявлял, гражданин Прокурор, что в отношении Максима Пешкова никаких поручений не давал, никакого смысла в его убийстве не вижу.

ВЫШИНСКИЙ. Так что, Левин врет?

ЯГОДА. Врет.

ВЫШИНСКИЙ. Казаков говорит ложь?

ЯГОДА. Ложь.

ВЫШИНСКИЙ. Крючков?

ЯГОДА. Ложь.

ВЫШИНСКИЙ. Крючкову по поводу смерти Максима Пешкова поручений не давали? Вы на предварительном следствии...

---

[1] * * — инверсия — *«к организации правых».*

ЯГОДА. Я лгал.
ВЫШИНСКИЙ. А сейчас?
ЯГОДА. Говорю правду.
ВЫШИНСКИЙ. Почему вы врали на предварительном следствии?
ЯГОДА. Я вам сказал. Разрешите на этот вопрос вам не ответить.
ВЫШИНСКИЙ. [Пожалуйста, садитесь. (Движение в зале).][I]
[Дальше, обвиняемый] *Продолжайте, подсудимый* Левин.
ЛЕВИН. В результате наших совместных вредительских действий в мае месяце, почти в один день, день через день погибли и Вячеслав Рудольфович Менжинский и Максим Алексеевич Пешков. Я попрошу разрешения у суда и у вас, гражданин Прокурор, в эту минуту не останавливаться пока на подробностях того, как мы это сделали, и сказать несколько слов еще о дальнейшей беседе с Ягодой по поводу следующих наших жертв. Я потому думаю этот порядок избрать, что для того, чтобы вам было понятнее, вам, не врачам, было понятнее то, что мы делали в отношении вредительства, мне нужно будет дать коротко, очень коротко медицинские предпосылки, тогда вам будет яснее наш образ действий однотипный в отношении всех *[трех случаев,] четырех случаев. Так что сейчас я остановлюсь только на том, [что умер Вячеслав Рудольфович] *что в результате наших совместных вредительский действий* Менжинский *умер* [8] *10*-го [числа] *мая 1934 г., а* на следующий день Максим Алексеевич Пешков. [— 10 числа, и этим 1934 г. закончился.] Эти преступления были совершены. Нечего говорить, как они отвратительны, омерзительны в руках каждого врача, независимо от того, к какому больному и в какой обстановке они применяются. Но [вы мне поверите, вероятно, если я скажу, что]*[II] мне это особенно тягостно было выполнить в отношении к Менжинскому, к которому я всегда относился очень хорошо...
ВЫШИНСКИЙ. Это мы видим.
ЛЕВИН. И который ко мне относился очень хорошо, и особенно в отношении сына Алексея Максимовича Горького.
Но я тогда не знал еще, что ждет меня впереди. *[И вот только] *Через* несколько дней [прошло] после похорон *В.Р. Менжинского и М.А. Пешкова* [, как]*[III] меня снова вызвал к себе Ягода и сказал: «Ну вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках и вы должны идти на то, что я вам сейчас предложу, гораздо более серьезное и важное. Я вас предупреждаю, что то, что я вам сейчас поручу, для вас так же обязательно, как [было] в отношении [нашей беседы прошлого года, поэтому вы меня выслушайте спокойно и идите на то, что я вас предлагаю.] *прежних моих поручений.* Но для того, чтобы вам было понятно, что я вам скажу и что вы должны сделать, я должен вам дать краткую информацию о положении в стране. Вам, человеку далекому от политики, беспартийному, вам тогда будет понятнее, что нужно сделать». [Он тут] *Затем он* стал говорить мне о том, что в партии крепнет, растет большое недовольство партийным руководством, [что это движение ширится во всей стране, что в настоящее время почти нет учреждения крупного, где не сидели бы люди недовольные этой политикой и не думающие о необходимости] смен*а*[ы] власти [, что эта смена власти] неизбежна, [необходима,] предрешена и неминуема, что во главе движения стоят [крупнейшие политические деятели — «если хотите, я в числе их назо-

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).
[II] * *— правка И.В. Сталина (красный карандаш). Рядом на полях помета И.В. Сталина (синий карандаш): «*Дата?*».
[III] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ву людей, которых вы хорошо знаете», и назвал имена] Рыков[а], Бухарин[а] и Енукидзе. [«]И т.к. это неизбежно, т.к. это все равно произойдет, то чем скорее это произойдет, тем лучше. А для того, чтобы это скорее произошло, для того, чтобы облегчить этот процесс, нам нужно устранить с политической арены некоторых членов Политбюро, а также Алексея Максимовича Горького[»] — *это историческая необходимость*». Но вы меня остановили, гражданин Прокурор, когда я хотел вам сказать о своих, в связи с этим, переживаниях. Поэтому я об этом не буду ничего говорить, а буду излагать сухо только факты по-вашему желанию. Так что после такой паузы он сказал, что «вы напрасно так волнуетесь, вы поймите, что это неизбежно, что это есть момент исторический, это есть историческая необходимость, это есть этап революции, через который мы должны пройти, и вы вместе с нами его пройдете и будете его свидетелем, и вы должны теми средствами, которые в ваших руках, нам помочь, и вы, чем волноваться, скажите, кого вы можете взять на себя, кроме Алексея Максимовича Горького». Я опять-таки остальное отстраняю и скажу, что в этот день больше разговоров у нас не было. [и то же самое, как и в тот раз, ч] Через несколько дней [также непростительно беспомощно я вернулся к нему] *я снова был у Ягоды* и сказал *ему*, что я вынужден выполнить и эту его директиву. *В этом разговоре Ягода добавил:* [Он меня тогда спросил, с кем вместе из надежных людей я могу ее осуществить, и кого, повторил еще раз, я могу взять на себя. «Я вам в прошлый раз, между прочим, не сказал, почему я упомянул имя Алексея Максимовича. Я вам поясню теперь, что] «Алексей Максимович человек очень близкий к высшему партийному руководству, человек *очень* преданный... [Человек преданный очень] той политике, которая ведется сейчас в стране, [преданный] очень *преданный* лично Иосифу Виссарионовичу Сталину, человек, который никогда не изменит, никогда не пойдет с нами по пути. [; несмотря на то, что вам кажется, что он со мною и вами близок, он, тем не менее, всегда будет нам чинить препятствия.] А вы знаете, с другой стороны, каким авторитетом пользуется [его] слово *Горького* у нас в стране и далеко за ее пределами, каким влиянием он пользуется, и как много вреда он может сделать своим словом нашему движению». [Еще раз повторяю: это есть момент исторический, вы должны на это пойти, потому что к власти придут новые люди.] «Нужно вам решиться на это [я,] — [как] *он сказал*[1], — *и* вы пожнете плоды при приходе новой власти».

Когда [он] *Ягода* меня спросил, кого я мог*[у* бы] *бы еще* наметить. Я ему сказал, что это можно осуществить по отношению к такому человеку, который часто болеет, который нуждается в частой медицинской помощи, [и таким из] *к* член*у*[ов] Политбюро — [являлся] Валерьян*у* Владимирович*у* Куйбышев*у*. [И если нужно взять кого-либо из членов Политбюро, я могу указать на Валерьяна Владимировича Куйбышева. Что касается вопроса, кого я] *Я* мог[у] привлечь [, то здесь неизбежно будет участие] Дмитрия Дмитриевича Плетнева, *который знал Валерьяна Владимировича.* [Такое объяснение заключается в том, что обычно в тяжелых случаях каких-либо заболеваний больных в кремлевской больнице, когда нужно было приглашать на консультацию, то я приглашал всегда Плетнева, считая его опытным терапевтом, и то, что он бывал несколько раз в доме Горького и что не трудно его об этом попросить, если станет вопрос о консультации в тяжелый момент.] *Оба мы его знали лет двенадцать.*

[Что касается Валерьяна Владимировича, то он был общим пациентом. Плетнев его знал так же, как и я, оба мы его знали лет двенадцать как боль-

[1] * * — инверсия: «*сказал он*».

ного. Я еще сказал о том, что в медицинских кругах[I] в Москве все знаю, что настроение] Дмитрий[я] Дмитриевич[а] *Плетнев* [антисоветское, что в этом отношении] *настроен антисоветски*, он легче пойдет, чем кто-либо другой. Ягода [со своей стороны] сказал: «хорошо, я поговорю сам». [, как сказал и в тот раз в отношении Казакова.] «Вы предупредите Плетнева, [но] *что* я вызову его сам и поговорю. [Но, кроме того, повторяю] *Кроме того, во* всем, что касается Алексея Максимовича, [то] Крючков может помочь, а в отношении Валерьяна Владимировича в курсе будет *его*[II] секретарь *[секретарь]*[III] Максимов».[IV] [Вот каким образом произошло решение относительно двух жертв нашей преступной деятельности, в отношении Валерьяна Владимировича и Алексея Максимовича Горького. Валерьян Владимирович умер в начале 1935 г., в январе. Алексей Максимович — в 1936 г.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, умерщвление А.М. Горького вы организовали?

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Кого вы привлекли к этому преступному делу?

ЛЕВИН. Профессора Плетнева.

ВЫШИНСКИЙ. Соучастниками в этом деле были кто?[V]

ЛЕВИН. Петр Петрович Крючков.

ВЫШИНСКИЙ. [Действовали ли вы по поручению?] *По чьему поручению вы действовали?*

ЛЕВИН. Ягоды.

ВЫШИНСКИЙ. (К суду.) Разрешите спросить подсудимого Ягоду?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Ягода, в этой части вы подтверждаете показания обвиняемого Левина?

ЯГОДА. Да, подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы такое поручение давали?

ЯГОДА. Давал.

ВЫШИНСКИЙ. (К Левину.) [В отношении Валерьяна Владимировича Куйбышева —] *По чьему поручению* вы также организовали [его умерщвление по поручению?] *умерщвление Валериана Владимировича Куйбышева?*

ЛЕВИН. [Ягоды.] *По поручению Ягоды.*

ВЫШИНСКИЙ. Привлекли к этому преступному делу?

ЛЕВИН. Максимова и профессора Плетнева.

ВЫШИНСКИЙ. [Вопрос к подсудимому] *Подсудимый* Крючков,[у:] вы подтверждаете то, что сказал Левин?

КРЮЧКОВ. Я подтверждаю, что [мне давал] Ягода *мне давал* поручение убить А.М. Горького.

ВЫШИНСКИЙ. [Вопрос к] *Подсудимый* Максимов[у]-Диковск*ий*[ому], вы подтверждаете показания Левина?

МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ. Подтверждаю, но меня привлек не Левин, а Енукидзе и Ягода.

ВЫШИНСКИЙ. [Вопрос к обвиняемому] *Подсудимый* Плетнев,[у:] вы подтверждаете показания Левина, ссылавшегося на ваше участие в этом преступлении?

[I] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (синие чернила), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[II] Вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

[III] Зачеркнуто И.В. Сталиным (красный карандаш).

[IV] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[V] Изменен порядок слов в предложении (синие чернила): «*Кто были соучастниками в этом деле?*».

ПЛЕТНЕВ. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь. Вопросов у меня пока нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *Ульрих.* Подсудимый Левин, продолжайте.

ЛЕВИН. Я просил бы разрешить мне маленькое отступление для чисто медицинских пояснений, чтобы было понятным, как мы действовали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ЛЕВИН. Для того, чтобы заболеть каким-нибудь инфекционным заболеванием, скажем, дифтеритом, не надо непременно, чтобы во рту сидела дифтеритная палочка, или чтобы заболеть крупозным воспалением легких, не надо, чтобы непременно в вашем дыхательном органе сидел пневмококк, который является возбудителем болезни. Эти бактерии могут находиться в организме и до поры до времени не причинять вреда — они не вирулентны; но наступает момент, когда они становятся вирулентными. Для того, чтобы этот момент наступил, надо создать в организме такую обстановку, при которой он мог бы потерять свою сопротивляемость, защитную силу, сделался *бы*[1] способным воспринять какую-нибудь инфекцию. Для того, чтобы заболеть, скажем, воспалением легких или другим острым заболеванием, достаточно иногда бывает одной только простуды. В этом я твердо уверен, несмотря на то, что есть врачи, которые считают, что простуда — вещь не реальная. Но я считаю несомненным, что если мы откроем здесь с двух сторон окна, то завтра многих здесь не будет. Для того, чтобы ослабить сопротивляемость организма, надо знать, что в этом организме слабо, что в этом организме является местом наименее сопротивляемым, какие органы наиболее раздражимы и легче воспринимают ослабление. Наконец, не надо думать, что человек отравляется только каким-нибудь ядом. Надо знать, что каждое лекарство в своем существе заключает в себе яд, дело зависит от дозы; каждое лекарство, самое простое, в неподходящей дозе и в неподходящий момент можно сделать ядом. Я приведу один наглядный пример. Все знают, что при сахарной болезни, при диабете, люди лечатся инсулином; люди вспрыскивают этот инсулин себе сами два раза в день, носят его в кармане, вспрыскивают очень большие дозы = 80—100 единиц. Если же вы вспрысните маленькую дозу — 5—10 единиц — человеку, не подходящему для вспрыскивания инсулина, человеку, у которого пониженное количество сахара в крови... он м*ожет*[г] умереть от припадка так называемого гипоклитического шока. Вот, исходя из этих соображений, мы и подходили к нашим жертвам. [, так сказать, н] *Не* желая применять остродействующих отравляющих веществ, [а действуя] *мы действовали* неправильным лечением.

ВЫШИНСКИЙ. Кто это «мы»?

ЛЕВИН. Я, Плетнев, Виноградов, Казаков. Все, которых я вам уже называл.

ВЫШИНСКИЙ. Этот план вы разработали самостоятельно или с кем-нибудь из названных лиц?

ЛЕВИН. План в отношении Алексея Максимовича Горького и Валериана Владимировича Куйбышева я разрабатывал с профессором Плетневым. План в отношении Вячеслава Рудольфовича Менжинского — с Казаковым. [Больше ни с кем.]

ВЫШИНСКИЙ. (К суду.) Позвольте Плетнева спросить.

[Обвиняемый] *Подсудимый* Плетнев, вы разрабатывали подобного рода план с Левиным?

ПЛЕТНЕВ. Да.

---

[1] Вписано И.В. Сталиным (красный карандаш).

ЛЕВИН. *[Я в таком же порядке с] *Скажу*[I] о всех четырех случаях. Когда встал вопрос относительно *умерщвления* Максима Пешкова, то [первым делом я учел его слабость к спиртным напиткам, о которой я уже говорил.] *мы подготовили ослабление организма чрезмерным употреблением спиртных напитков.* Относительно вина нужно сказать, что есть люди, которые очень хорошо переносят спиртные напитки. Вся Европа пьет вино и не всем оно приносит вред. А есть организмы, для которых небольшое количество вина приносит чрезвычайный вред. К числу таких организмов относится организм и Пешкова. У него было три системы, которые очень легко можно было использовать: это — сердечно-сосудистая, чрезвычайно возбудимая система, его дыхательные органы, унаследованные от отца не в смысле туберкулеза, а в смысле слабости, и, наконец, вегетативно-нервная система. Небольшое количество вина и то влияло на его организм, а он пил, несмотря на это, большое количество вина. В этом был его грех. В этом отношении Петр Петрович Крючков составит ему компанию. Крючков пил довольно много, но с той разницей, что на него вино действовало хорошо, он переносил его безвредно, а Пешков переносил совсем по-иному.

Вот здесь и началась подготовка ослабления организма Максима Пешкова, усилилось потребление им спиртных напитков, что для больного было просто очень легко и приятно. Он не видел в этом для себя никакой обузы, а ослабляло это его организм чрезвычайно.

[И вот в таком] *Затем в* ослабленном состоянии [, состоянии опьянения,] в один очень жаркий день в апреле [месяце], а весна в том году в Москве была чрезвычайно жаркой, [он вечером] *Макс* разгоряченный, потный, по предложению [Петра Петровича] Крючкова, который принимал участие в ослаблении организма Пешкова, *уложен был*[II] на скамью недалеко от реки. Его обдувало ветром, он был потный, лежал без сорочки в течение двух часов. [В этой связи я и говорил о влиянии простуды. Я не сомневаюсь, что в течение этих двух часов] *Ясно, что* он простудился, заболел и через день обнаружилось крупозное воспаление легких.

Это первая часть вредительства — подготовка больного. Эта подготовка больного была произведена. Больной был очень расслаблен, сердце было в отвратительном состоянии, нервная система, как мы знаем, играет огромную роль в течении инфекционных болезней. Все было возбуждено. Все было ослаблено, и болезнь приняла чрезвычайно тяжелый характер.

Я вам уже сказал, что в первом своем свидании с Ягодой, я говорил о том, что я не знаю, будет ли привлечен к этому профессор Плетнев, и я не стал этого делать, потому что ясно было, что эта болезнь тяжело протекает. Я [все же] пригласил Плетнева на консультацию, мы были с ним два раза и видели, что течение болезни [очень] тяжелое... Об этом же знал и *А.И.* Виноградов, который был приглашен в качестве дежурного врача. Ухудшило течение этой болезни то, что были устранены те [лизаты]*средства*, которые могли принести большую пользу для сердца, и, наоборот, давались те, которые *сердце ослабляли.*[III] И, в конце концов, как я уже говорил, [10] *11* мая, после воспаления легких, [протекавшего чрезвычайно тяжело, с бредовыми состояниями,] он погиб. Вот как произошло наше первое вредительство.

Перехожу ко второму случаю [с] — *умерщвлению* Вячеслава[ом] Рудольфовича[ем] Менжинского.[им. У Вячеслава Рудольфовича была именно такая система...]

[I] Правка И.В. Сталина (красный карандаш)

[II] * * — инверсия — «был уложен».

[III] * * — инверсия — «*ослабляли сердце*».

ЯГОДА. (К суду.) Разрешите мне вопрос Левину задать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. После того, как кончит показания Левин.

ЯГОДА. Это касается вопроса о смерти Максима Горького.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вот, когда кончит подсудимый Левин, тогда, пожалуйста.

ЛЕВИН. Мы довольно редко встречались с Казаковым у Менжинского. Он обычно [действовал таким образом, что] приглашал то меня, то Казакова. Он в то время был большим поклонником именно Енукидзе, и, как я уже говорил, когда в казаковском лечении были паузы, в эти периоды бывал у него я, почти всегда с кем-нибудь из врачей санчасти ОГПУ.

[Таким образом, применялись] *Есть* две системы лизатов, одна — [с] так называем*ая*[ыми] симпатикотропн*ая*[ыми], котор*ая*[ые] состоянию сердечной деятельности Менжинского, безусловно, вредил*а*[и, и которые он, по отношению к нему, не применял], и другая система ваготропные[х] лизат*ы*[ов], которые успокаивали [его] сердце и были для него полезны.

[Но сейчас, поскольку он меняет свою линию поведения и добивается другой цели, он изменит эту систему лизатов и будет ему давать ту группу, ту смесь, (а у него всегда была смесь разных препаратов, которые заменяют деятельностью ряда желез внутренней секреции), которая вредит его сердцу. Учитывалось также, что эти лизаты потендируют и с сердечными средствами, так что комбинация лизатов с этими сердечными средствами могла привести к ускорению процесса, т.е. к ухудшению основного в состоянии здоровья.] *Казаков стал давать ту систему лизатов и ту группу, ту смесь, которая вредит сердцу Менжинского. Учитывалось также, что комбинация лизатов с сердечными средствами могла привести к ускорению процесса, т.е. к ухудшению основного в состоянии здоровья* — миокардита и грудной жабы, — что, в свою очередь, [могло] *должно было* привести к новым припадкам грудной жабы. [Я предложил ряд сердечных средств, он предложил свои лизаты, и Вячеслав Рудольфович Менжинский одновременно утром получал лизаты или подкожно, или внутрь, а в течение дня сердечные лекарства, назначенные мною. В лечении лизатами бывают определенные периоды перерыва, паузы, так что он лизатов в течение 20—25 не применял, а применял только сердечные средства.] Смерть Вячеслава Рудольфовича Менжинского *и* произошла от нового припадка грудной жабы. [, случившегося ночью во сне внезапно. Вот вторая система.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Продолжайте, продолжайте.

ЛЕВИН. *Теперь,* [В] *в* отношении [Валериана Владимировича] Куйбышева. [Тут с] *С*лабым местом в *его* организме [его, местом наименьшего сопротивления, местом, на которое должен был быть направлен удар,] было [его] сердце, на которое был направлен наш удар. Мы знали о плохом состоянии его сердца в продолжение значительного периода времени. Он страдал поражением сосудов сердца, миокардитом, у него бывали небольшие припадки грудной жабы. В этих случаях необходимо щажение сердца, необходимо избежать остро-действующих сердечных средств, которые очень возбуждали бы деятельность сердца и приводили бы постепенно к его дальнейшему ослаблению. Эти средства, опять-таки не нужно в них искать яда. Тот же препарат дигиталиса даже полезен, если давать его в умеренных дозах и больному с другими сердечными заболеваниями. Препарат желез внутренней секреции тоже полезен, но эти препараты нужно давать с известными перерывами. [Валериан Владимирович Куйбышев — профессор Плетнев высказывал свои соображения —] *Мы* применя*ли* [эти] *в отношении Куйбышева*

возбуждающие сердце средства без перерывов [, или, во всяком случае, с небольшими перерывами] в течение продолжительного периода времени, вплоть до [своей] *его* командировки в Среднюю Азию. Начиная с августа по сентябрь—октябрь *1934 г.* он непрерывно получал вспрыскивание *специальных* препаратов эндокринных желез и *другие* средства, возбуждающие деятельность сердца. Это усилило и участило припадки [его] грудной жабы. В таком болезненном состоянии он и уехал в Среднюю Азию. Там у него случилось непредвиденное острое заболевание — он заболел тяжелой формой ангины с нарывом в горле, и ему пришлось делать операцию. *Куйбышев вернулся из командировки, не избавившись от ангины.* [До конца он от ангины не вылечился и приехал в Москву в плохом состоянии, с остатками инфекции. Известно, что с ангиной дело обстоит так, что она три—четыре дня побудет у человека и проходит, он становится здоровым. Но бывает и так, что инфекция остается. Ангина оставляет свои следы, и тогда человек остается больным в течение очень продолжительного времени, а иногда и на всю жизнь. Куйбышев приехал из командировки, не избавившись от ангины.] Выслушивание его сердца показало, что оно находится в очень плохом состоянии. При таком состоянии [его] *больного* нужно было уложить в постель, запретить ему всякую работу, чего я не сделал. Он [сидел у себя в кабинете на квартире и занимался] работ*ал.*[ой.] Затем он пошел [однажды] в Совнарком, и вот в Совнаркоме, в его кабинете, произошел припадок грудной жабы. [Тут е] *Е*го секретарь Максимов сделал то, что ускорило, несомненно, [его] гибель *Куйбышева.* Дело в том, что Максимов при встречах меня спрашивал, как состояние здоровья Валериана Владимировича Куйбышева, что ему может быть полезно и что вредно. Мы не говорили о том, что друг с другом знакомы. Я ему говорил, что у него может произойти припадок грудной жабы. [и что при этом нужно прежде всего вызвать врача, потому что в таких случаях каждая минута дорога и что он должен находиться в состоянии полного покоя.] *Во время припадка Куйбышев должен был лежать без всяких движений, совершенно спокойно.* [Все это я ему говорил, но знал, что он сделает противоположное — тому, что я говорю, т.к. от Ягоды он знал об этом деле.[1] [, ч] *Ч*то он должен лежать без всяких движений, совершенно спокойно.] Что же было сделано? Не знаю Максимов, или кто другой был около него, но в состоянии припадка грудной жабы ему дали возможность пойти из здания Совнаркома до дома одному, [т.е., выйдя] *он вышел* из подъезда, про*шел*[йдя] под арку, про*шел*[йдя] мимо амбулатории, где сидели врачи, но никаких врачей к нему не позвали. Он поднялся на третий этаж на ногах. [Он лег на кровать, будучи одним в квартире, правда, в присутствии] *[В доме] Дома была, правда,* случайно[й], домашняя[ей] работниц*а*[ы, которая потом рассказывала, что ему было плохо и, как она выражалась, прикладывала мокрые тряпочки ему к сердцу. И к] *К*огда она *у*видела, что ему стало очень плохо, она позвонила Максимову. [Ему] *Уже затем был* вызва*н*[ли] дежурн*ый*[ого] врач.[а.] Потом позвонили мне. Когда я пришел, я [его] застал *Куйбышева* уже мертвым. [на руках дежурного врача.]

И, наконец, последнее — *умерщвление* Алексей Максимовича *Горького.* [Что было слабым у Алексея Максимовича? Легче было бы ответить, что у него было здорового.] К этому времени он был уже очень больным человеком. [Хуже] *Плохо* у него обстояло дело с легкими, они у него были в угрожающем состоянии, после тех туберкулезных вспышек, как я уже говорил,

[1] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (зеленые чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

которые у него неоднократно бывали. Кроме того, [те большие] изменения [, которые были у него в грудной клетке,] в легких [, они] страшно затрудняли деятельность сердца, так что у него одновременно и [по линии] *со стороны* легких и [по линии] *со стороны* сердца было чрезвычайно неблагополучно.

Вот 1935 г. зимою, он был в Крыму. [и там] *Мы там* говорили с Крючковым, который постоянно ездил в Крым и который вообще заправлял всем, что было в доме Горького. [Тогда] *До*говорились [о том, что могло бы быть в смысле] *о мероприятиях* вредных[ости] Алексею Максимовичу, то я ему говорил [о том], что Алексей Максимович очень любит прогулки. Большие прогулки ему нельзя делать, это его утомляет. Он все время говорит, что он страдает от того, что он все время сидит, ведет сидячий образ жизни. Я сказал, что нужно [это] *прогулки* практиковать. [Он] *Горький* очень любил[т] труд, любил[т] в парке, в саду рубить сучья деревьев или скалывать кусочки скал. [, подравнивать.] Все это *ему было*[I] разрешено во вред его здоровью. Это его сильно утомляло. Целый день он сидел в кабинете, потом гулял и в течение $1^1/_2$ часов на прогулке производил эти работы. Эти работы его очень утомляли. Вторая страсть у него была *к* огню. [Он] *Горький* любил огонь, пламя, и это было *нами* использовано. [в том смысле, что д] *Д*ля него разжигался костер. Как раз после [этой работы,] *утомления Горького работой,* [собиралось все в кучу, срубленные сучья, разжигалось пламя.][II] [Он] *Горький* стоял около этого костра, было жарко, [душно] и все это *вредно* действовало на [него.] *его здоровье.* [И вот в таком состоянии, живший одним кислородом, он приехал в Москву.]

[Во время его] *Для* приезда *Горького* в Москву опять-таки было условлено, — выбрать *такой* момент, чтобы он мог заболеть гриппом. Он был очень склонен к заболеванию гриппом, и грипп часто осложнялся бронхитом или воспалением легких.

[И вот у] *У*знав[ши], что в доме Максима Горького гриппозное заболевание, *(*дети болели тогда гриппом), Ягода сообщил об этом в Крым и [как раз в это время Петр Петрович] Крючков [и] организовал [его] возвращение *Максима Горького как раз в это время* в Москву. И, действительно, [на второй или третий день,][III] приехав[ши] в эту гриппозную квартиру, *на второй или третий день* Горький заболел гриппом, который очень быстро осложнился крупозным воспалением легких, принявшим сразу [очень] тяжелое течение. [Течение было настолько тяжелым, что ясно было, что трудно будет ему перенести это заболевание.] Но тем не менее мы [считали] с профессором Плетневым *считали*, что тот план, который мы выработали, надо провести и использовать для этого *те*[о] из лекарств, которое могло быть для него вредным. [, однако, не] *Мы не* применя*ли*[я] каких-нибудь особенных лекарств, которые вызвали бы недоумение, почему они были применены тут. [, но обычно которые в этих случаях применяются.] Мы применяли только *те лекарства, которые в этих случаях обычно применяют. Но применяли их в очень большом количестве.* [их в очень большом[их дачах] *[количестве]*, не столько в больших дозах, сколько в очень частых дачах, в большом

[I] * * — инверсия — *«было ему»*.

[II] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута (зеленые чернила), подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[III] Фраза удалена — зачеркнута, частично подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш), которая также зачеркнута (красный карандаш). Вероятно, правка И.В. Сталина.

количестве. Эти лекарства сами по себе полезны, они укрепляют сердечную деятельность, но в] *В* данном случае они переходили в свою противоположность. Опять-таки [этот] *сердечный* мотор, бесконечно нажимаемый, сдавал свои силы, терял свою работоспособность, и, в конце концов, [болезни] он не выдержал. Если разрешите, я два слова скажу о том, о чем вы вчера заявили по линии лекарств, что получилось письмо от доктора Белостоцкого, в котором указано, что применялось большое количество впрыскиваний и что применялся одно время строфантин. Я не знаю, тут ничего нового нет. Мы же это сами не скрываем, что его применяли в очень большом количестве. Как раз строфантин есть один из препаратов и очень ценный как раз препарат дигиталиса, он был на одной из консультаций, — я его не очень любил, побаивался, не часто к нему прибегаю, — он был рекомендован на одной из консультаций, между прочим, пару раз впрыснутый, — когда, как совершенно верно доктор Белостоцкий пишет, он спросил меня, стоит ли его продолжать, я сказал, что не стоит продолжать, потому что препараты дигиталиса мы и так даем. Так что это письмо не заключает каких-нибудь фактов, которые мы скрыли, оно продиктовано бдительностью советского врача, который решил доложить, что он знал, и только подтверждает то, что я говорил сейчас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы кончили?

ЛЕВИН. Я кончил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Перерыв на полчаса.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Т. Прокурор, у вас есть еще вопросы к подсудимому Левину?

ВЫШИНСКИЙ. Да. Но, кажется, обвиняемый Ягода хотел задать вопросы подсудимому Левину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Ягода, можете задать вопросы.

ЯГОДА. Я прошу ответить Левина, в каком году постановлением Лечебной комиссии Кремля он, Левин, был прикомандирован ко мне как лечащий врач, и к кому еще он был прикомандирован?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Левин, вы помните?

ЛЕВИН. Нет, в каком году я был прикомандирован, я не могу вспомнить, а к кому был прикомандирован — могу, это большой список людей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ну, примерно, когда?

ЛЕВИН. Тоже не могу вспомнить. Это было, несомненно, в конце двадцатых годов.

ЯГОДА. Постановление Лечебной комиссии Кремля было о том, что вы прикомандировываетесь ко мне как лечащий врач.

ЛЕВИН. Это не Лечебная комиссия делает, а Санупр Кремля, но Санупр Кремля никаких письменных постановлений на этот счет не выносит, а было это так: вызывают меня в кабинет к начальнику Санупра и говорят: «Возьмите на себя лечение таких-то ответственных работников». Вот, в последнее время у меня был список в 24 человека, но это делалось опять-таки в последнее время, когда несколько больных выбыло из моего списка, и меня вызвали в кабинет начальника Санупра и сказали: «У вас освободилось столько-то мест, возьмите на себя лечение новых наркомов». Таким образом, никаких постановлений, которые бы помогли вспомнить, когда я был прикомандирован к тому или иному больному, повторяю, не было никаких, это прикрепление мое к больным нигде не фиксируется, а имеются списки

в Санупре Кремля, где говорится, что у Левина такие-то больные, у Бурмина такие-то больные.

ЯГОДА. У меня нет вопросов.

ВЫШИНСКИЙ. Велась ли история болезни Максима Алексеевича Пешкова?

ЛЕВИН. Историю болезни мы не имели права иметь.

ВЫШИНСКИЙ. Велась ли?

ЛЕВИН. Нет, конечно. У нас имеется такой медучет, архив, в этом архиве хранятся все истории болезни.

ВЫШИНСКИЙ. Когда лечили Максима Алексеевича Пешкова, вы ничего не записывали в историю болезни?

ЛЕВИН. Нет, ничего.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ЛЕВИН. Потому что у нас имеется лечебная карточка на Алексея Максимовича Горького, а затем в эту карточку вписывается его семья, так что, собственно говоря, на попечении Санупра Кремля находится Алексей Максимович Горький.

ВЫШИНСКИЙ. Но вот лечите вы сейчас Максима Алексеевича Горького, но истории болезни на него не ведете?

ЛЕВИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы лечите Алексея Максимовича Горького, который состоит на учете в Санупре. У него есть сын Максим Алексеевич, он тоже состоит на учете, но истории болезни его вы не ведете?

ЛЕВИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А почему? Вы объясняете это тем, что он не имел самостоятельной регистрации?

ЛЕВИН. Нет, это очень просто, Санупр Кремля считает, что на его попечении и на его большом внимании находится основной владелец карточки, а это — так называемые члены семьи.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, история болезни для членов семьи не полагается?

ЛЕВИН. Нет. [, я могу завести.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы обычно ведете на членов семьи историю болезни?

ЛЕВИН. Нет, не ведем.

ВЫШИНСКИЙ. Все те, которые у вас лечатся, они имеют историю болезни?

ЛЕВИН. Нет. Основные работники имеют так называемые санжурналы, и они хранятся в медучете.

Члены семьи не имеют права даже посещать так называемую центральную поликлинику.

ВЫШИНСКИЙ. Какой смысл имеет история болезни? Какое назначение имеет история болезни?

ЛЕВИН. Видите ли, когда больной лежит в больнице, там есть целый ряд людей.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, какой смысл имеет история болезни, для чего предназначена история болезни?

ЛЕВИН. Чтобы оставить след.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, в отношении Максима Алексеевича Пешкова был оставлен след?

ЛЕВИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Уточните мне дозировку тех средств, которые применялись в отношении Алексея Максимовича [Пешкова] *Горького.*

ЛЕВИН. [Пожалуйста.] В отношении Алексея Максимовича [Пешкова, как я говорил,] установка была такая: применять ряд средств, которые были

в общем показаны, против которых не могло возникнуть никакого сомнения и подозрения, которые можно применять для усиления сердечной деятельности. К числу таких средств относились: камфара, кофеин, кардиазол, дигален. [Вот из основных средств я перечислил все.] Эти средства для группы сердечных болезней мы имеем право применять. Но в отношении его эти средства применялись в огромных дозировках. Так, например, он получал до 40 шприцев камфары.

ВЫШИНСКИЙ. В течение какого времени?

ЛЕВИН. В сутки — от 30 до 40 шприцев. [Это не считайте, как безумную дозу, правда, д] *Для* него [она] *эта доза* была велика.

ВЫШИНСКИЙ. Мы спросим у экспертов.

ЛЕВИН. Совершенно верно. Но хирург вспрыскивает за раз 6 шприцев. Мы вспрыскивали от 30 до 40. Это само по себе не было вредно.

ВЫШИНСКИЙ. Это, во-первых, *30—40 шприцев камфары*[I], плюс?...

ЛЕВИН. Плюс две инъекции дигалена. [, препарат дигиталиса.]

ВЫШИНСКИЙ. Это 42, плюс?...

ЛЕВИН. Плюс 4 инъекции кофеина.

ВЫШИНСКИЙ. Это 46, плюс? ...

ЛЕВИН. Плюс 2 инъекции стрихнина.

ВЫШИНСКИЙ. Это 48.

ЛЕВИН. 48. Кроме меня был привлечен крупный профессор из Ленинграда — Ланг[н][II] — и такой крупный физиолог, как профессор Сперанский. Я хочу сказать, что такое большое количество можно применять, но не для Алексея Максимовича, не для него. Я позволю себе сделать маленькую медицинскую предпосылку. Для [какого-нибудь] *другого* человека это не страшно, а для него это было [вредно.] ...

ВЫШИНСКИЙ. Страшно?

ЛЕВИН. Конечно. Для Горького, после того, как он столько перенес, при таком состоянии сердца и легких применение такой дозы было вредным. [, а вообще, если вы скажете какому-нибудь эксперту, то он скажет, что это возможно.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали, что это для него было вредно?

ЛЕВИН. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы сознательно это делали?

ЛЕВИН. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Это применялось при крупозном воспалении легких?

ЛЕВИН. При гриппозном воспалении легких.

ВЫШИНСКИЙ. В этом случае применяется антипневмококковая сыворотка?

ЛЕВИН. Она применяется при крупозном воспалении легких, она могла быть применена в отношении Максима Алексеевича.

ВЫШИНСКИЙ. Мы о нем и говорим.

ЛЕВИН. Я говорю относительно Алексея Максимовича Горького. Если говорить относительно Максима Алексеевича, то все, что я сказал, это есть ошибочное.

ВЫШИНСКИЙ. Я говорю о Максиме Алексеевиче Пешкове.

ЛЕВИН. Я вас не понял.

ВЫШИНСКИЙ. Чем был болен Максим Алексеевич Пешков?

ЛЕВИН. Он был болен крупозным воспалением легких.

[I] * * — знак переноса фразы — «*30—40 шприцев камфары, это, во-первых, плюс?*».

[II] Правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. В этом случае применяется антипневмококковая сыворотка?

ЛЕВИН. Применяется.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ее применяли?

ЛЕВИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

ЛЕВИН. Из вредительских соображений.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы сознательно не применяли те средства, которые обычно должны быть применены?

ЛЕВИН. Это верно.

ВЫШИНСКИЙ. Из вредительских целей? Так я понимаю?

ЛЕВИН. Вы верно понимаете.

ВЫШИНСКИЙ. А сейчас позвольте спросить относительно Алексея Максимовича Горького — какие средства и в какой дозировке применялись к нему?

ЛЕВИН. От 30 до 40 ампул камфары в сутки, 2 ампулы стрихнина, 2 ампулы дигалена, 4 ампулы кофеина. Это — как выработанная нами с профессором Плетневым норма на каждый день, с первого же дня болезни; конечно, эти дозы постепенно, с нарастанием слабости больного, увеличивались, что окружающим могло казаться естественным, т.к. его сердце требовало подкрепления. Но его сердце, его легкие были таковы, что эта доза подкрепления была чересчур велика. Затем, кроме этого, вспрыскивался ему целый ряд других вещей, однако, уже полезных для него. Так, например, ему вводился в вену уротропин, что является обычным средством при такого рода заболеваниях, ему вводилась глюкоза — прекрасное спасительное средство для сердца. Это делал тот самый доктор Белостоцкий, который направил вам это письмо и которого я сам привлек туда.

ВЫШИНСКИЙ. По поводу показаний доктора Белостоцкого, я *попрошу [у] суд[а] *разрешить мне**[1] вести допрос тогда, когда эти показания здесь будут даны.

Следующий вопрос. Я хотел бы, чтобы вы уточнили, *какие* сердечные средства [, которые] применялись в отношении Вячеслава Рудольфовича Менжинского в последний период его болезни.

ЛЕВИН. Повторяю еще раз, что это все может быть понятно в связи с той маленькой предпосылкой, которую я сделал. Если я сделаю перечень этих средств, то он не представит ничего особенного. Там был дигиталис, аданис-вераналис, строфант. Все это — средства, усиливающие, возбуждающие деятельность сердца. Одновременно с этим, в этом же направлении действовал и Казаков со своими лизатами. Одно потенцирует другое. В комбинации это все усиливается до чрезмерной для сердца Вячеслава Рудольфовича степени.

ВЫШИНСКИЙ. Но здесь дозировки также играют роль?

ЛЕВИН. Дозировки здесь нормальные.

ВЫШИНСКИЙ. Секрет заключался не в дозировках? А в чем же?

ЛЕВИН. В количестве и в том, с чего я начал — в том, что методы лечения противопоказаны (что одному хорошо, то другому плохо).

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, средства легальные, но их комбинации и их количество, и их назначение данному больному не [в] соответству*ет*[ии с] состоянию[ем] здоровья, [его организма?] *его организма?*

ЛЕВИН. Да. У Вячеслава Рудольфовича был огромнейший инфаркт, который вместо мышц сердца оставил рубцы.

---

[1] * * — здесь правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. И в этих условиях...

[ЛЕВИН. Нельзя давать таких средств...]

ЛЕВИН. Нельзя было давать таких сильных средств.

ВЫШИНСКИЙ. А вы давали?

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Опять-таки в преступных целях?

ЛЕВИН. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте задать аналогичный вопрос относительно Валериана Владимировича Куйбышева.

ЛЕВИН. Гипертония, повышенное кровяное давление и стенокортиональное давление, т.е. маленькое проявление намечающейся грудной жабы. В этом случае надо считать, что венечные сосуды сердца поражены склеротическим процессом. Мышца сердца не может уже питаться так, как она может это делать. Мышца сердца требует постоянного притока крови, т.к. мышца руки, когда вы работаете, требует усиленного притока кислорода. Если этого нет, то это может привести к закупорке, к тромбозу, что и произошло. На вскрытии была найдена закупорка внешней артерии. Это явилось результатом припадка грудной жабы. Эта закупорка ускорила припадок, хотя по состоянию здоровья это получилось бы в будущее время, а благодаря этому мы тут имеем ускоренное приближение этих припадков.

ВЫШИНСКИЙ. В результате...

ЛЕВИН. Вредительских действий.

ВЫШИНСКИЙ. В результате так называемого «лечения»?

ЛЕВИН. В результате вредительских действий.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов больше нет.

БРАУДЕ. (К суду.) У меня есть вопросы, разрешите?

ЗАЩИТНИК БРАУДЕ (К Левину.) Сообщите, пожалуйста, некоторые краткие биографические сведения.

ЛЕВИН. Я скажу очень кратко. Родился я в 1870 г., в бедной мещанской семье. С 14 лет должен был зарабатывать уроками, будучи гимназистом, деньги, чтобы продолжать свое воспитание и помогать семье. Окончил *естественный* факультет в Одессе, после этого — медицинский факультет в Москве, [и] с 1896 г. работаю врачом. Таким образом, я работаю врачом 42 года. В течение этих лет я до революции все время работал в больницах, работал в Московской рабочей больнице, одновременно на фабриках и заводах в качестве врача. С самого начала революции я немедленно включился в работу Наркомздрава. Поступил в наркомздравовский госпиталь, так называемый курортно-отборочный госпиталь, откуда был мобилизован в Красную армию. В Красной армии служил в войсках внутренней охраны республики. Одновременно с этим был в высшей медицинской комиссии и оттуда в 1920 г. был откомандирован приказом Наркомздрава в Кремлевскую больницу, с какого года я непрерывно и не оторвано, т.е. без всякого совместительства, все время работал в Санупре Кремля. Работал в штатной должности и в качестве консультанта санитарной части НКВД.

Вот это мой, так сказать, служебный рабочий стаж. Все это время я работал, никогда никаких недоразумений не имел, под судом не был, и в первый раз на скамью подсудимых на 68 году жизни меня посадил Ягода.

ЗАЩИТНИК БРАУДЕ. Обрабатывая вас на убийство Максима Пешкова, Ягода не делал вам каких-нибудь намеков, что это убийство не только его директива?

ЛЕВИН. [Да, я об этом уже говорил.] Он мне сказал, что дело идет о группе крупных политических деятелей, среди которых он мне называл

имена [, тогда, конечно, мне импонировавшие,] Рыкова, Бухарина и Енукидзе, которого я знал лично.

БРАУДЕ. Не связывал ли он вас с одним из участников этой организации? К Енукидзе он вас не направлял?

ЛЕВИН. Совершенно верно. [, я забыл об этом сказать.]

БРАУДЕ. Расскажите, что говорил Ягода о Енукидзе, и о чем вы говорили с Енукидзе?

ЛЕВИН. Это было в *той*[у] беседе[у в], *относящейся* к 1934 г., когда он говорил мне о Валерьяне Владимировиче Куйбышеве и Алексее Максимовиче Горьком. Он [сказал мне, что через несколько времени меня вызовет, чтобы я подготовился, а поэтому] просил зайти к [Авелю Сафроновичу] Енукидзе, который знает, что я посвящен в это дело и хочет со мной об этом поговорить. Енукидзе также был моим постоянным пациентом. Я пришел к нему на другой день в Кремль. [, и он ко мне обратился примерно с такой же речью, которую я передавал.] Он также *меня спросил*[1] о том, кого я могу взять, и был очень разочарован, услышав, что я говорю только о Куйбышеве. Он сказал: «Ну, что же, начинайте с этого». Он просил меня подумать о соучастнике, я сказал, что подумаю и расскажу об этом Ягоде.

БРАУДЕ. А скажите, через кого еще Ягода воздействовал на вас? Кто был непосредственным вашим начальником по вашей работе в качестве врача?

ЛЕВИН. В последнее время Ходоровский.

БРАУДЕ. К Ходоровскому он вас направлял?

ЛЕВИН. Он меня сначала направил к Металликову. Я уезжал тогда в отпуск, а когда вернулся (это было осенью 1934 г.), у нас была смена руководства, и начальником Санупра Кремля был уже не Металликов, а Ходоровский. Я сказал Ягоде, что Ходоровский новый человек, я его не знаю, но он ответил мне, что Ходоровский в курсе дела, зайдите и поговорите. Ходоровский был человек очень краткий и отрывистый на разговоры. Он меня не любил вообще, да и я его особенно не обожал. Я все же пришел к нему, но не решился сразу начать с разговора на эту тему, а сказал, воспользовавшись случаем, о состоянии здоровья Енукидзе. Он меня выслушал и спросил: а больше он вам ничего не говорил? Я ответил, что он еще кое-что мне сообщил. Ходоровский сказал: я знаю, о чем вы говорили. Давайте об этом не говорить, действуйте, а если вам нужна будет моя помощь, заходите ко мне, но делайте это реже, в крайних случаях. Этим наша краткая, единственная беседа и ограничилась.

БРАУДЕ. И из этой беседы вы поняли, что ваше непосредственное начальство...

ЛЕВИН. Что оно не противится...

БРАУДЕ. И санкционирует ваши преступные злодейские действия?

ЛЕВИН. Да.

БРАУДЕ. Скажите, пожалуйста, какой вы конкретно датой датируете ваше вступление на путь этих ужасных преступлений, считая и начало переговоров.

ЛЕВИН. Совершенно точно могу сказать. Это зима 1933 г.

БРАУДЕ. Может быть, вы конкретно суммируете те внутренние причины, [те психологические механизмы,] по которым вы, старый врач, с 40-летним стажем [, без особой, или, может быть, я ошибаюсь, борьбы] согласились на злодейские ужасные предложения Ягоды. [Суммируйте и мотивируйте это, по возможности, кратко.]

---

[1] * * — знак инверсии зачеркнут (синие чернила).

ЛЕВИН. О своих психологических настроениях я уже делал попытку говорить, но...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Защита задает вам вопросы, пожалуйста, отвечайте.

ЛЕВИН. Был совершен какой-то акт безумия с моей стороны, акт идиотизма: вдруг без всякого побуждения прийти и убить Максима Пешкова. Эту семью я очень любил, я был близким в их семье. Алексея Максимовича я очень любил, считал его одним из величайших людей в нашей стране и во всем мире. Почему я мог дойти до этого, и почему Ягода может говорить здесь о том, что я пошел на убийство Максима Пешкова без его прямых указаний. Почему я согласился на это, — я уже сказал. Я говорю это не в оправдание, а в объяснение. Я — человек, далекий от политики, беспартийный человек. Я неправильно, может быть, был ослеплен властью представителя ОГПУ, мне казалось, что это — всемогущий человек, в руках которого сосредоточена огромная власть, и если этот человек говорит, что я должен это сделать, то я на это пошел. Психологически я объясняю это какой-то [звериной] трусостью, причем не за свою жизнь, это я говорю со всей искренностью. [В конце концов, мне 68 лет, сколько друзей и товарищей я потерял! Смерть меня не страшила.] Меня больше страшило то, что он пригрозил разгромить мою семью. А семья моя — хорошая трудовая советская семья.

БРАУДЕ. Скажите, пожалуйста, была разница в смысле методов обработки вас Ягодой между моментом, когда он вас уговаривал насчет убийства Максима Пешкова, и позднейшим временем, когда он говорил о дальнейших преступлениях?

ЛЕВИН. Конечно, разница была очень большая. Он говорил сначала о том, что я совершаю [подвиг, необходимый для советской власти.] *дело нужное.* Он говорил об этом преступлении как об акте, необходимом для спасения Алексея Максимовича от каких-то врагов. А потом, когда я к нему пришел, он сразу заявил мне — вы в моих руках.

БРАУДЕ. Он рассказал, какие директивные организации руководят этим делом?

ЛЕВИН. Я об этом ничего не знал. Я узнал об этом только на самом процессе.

БРАУДЕ. Он говорил вам о том, что есть какая-то группа, которая стремится к свержению советской власти?

*ЛЕВИН. [Я заявлял уже, о] *О*н говорил, что это очень большая и влиятельная группа.

БРАУДЕ. И с этого момента вы почувствовали, что вы связаны с этой группой, зная, что это контрреволюционная группа, [но] *и* что ваша судьба зависит от судьбы этой группы?

ЛЕВИН. Такое сознание было, что вместе с Ягодой погибну и я.

БРАУДЕ. У меня больше вопросов нет.

КОММОДОВ. Разрешите мне вопрос?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ЗАЩИТНИК КОММОДОВ. Скажите, Левин, к какому времени относится ваш разговор с Казаковым по поводу умерщвления Менжинского?

ЛЕВИН. [Я уже сказал об этом. Я не ручаюсь за день, потому что трудно устанавливать точно такие сроки, но я помню наверняка, что э] *Э*то было в конце 1933 г. [, т.е. в октябре или ноябре 1933 г.]*[1]

КОММОДОВ. Это было до свидания Казакова с Ягодой?

---

[1]* * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ЛЕВИН. Конечно.

КОММОДОВ. А вредительские методы в лечении Менжинского вы начали проводить после свидания с Казаковым или до?

ЛЕВИН. После. [*того, как Казаков с Ягодой разговаривали...*][I]

КОММОДОВ. Вы знали от Ягоды относительно Казакова?

ЛЕВИН. Мне было известно, что Менжинский является постоянным пациентом Казакова и пациентом, очень ему верящим. Я помню, что когда Менжинский был в Сочи еще в 1932 г. и почувствовал себя не совсем хорошо, он вызвал Казакова в Сочи. Я помню также, что когда Менжинский уезжал в Кисловодск, это было, кажется, в 1933 г., он высказал пожелание, чтобы и Казаков был вызван туда. Он с Казаковым был в тесной связи, и без него я не мог действовать.

КОММОДОВ. Но вредить практически вы стали после того, как Казаков повидался с Ягодой, и Ягода с ним разговаривал?

ЛЕВИН. После того, как Казаков имел разговор с Ягодой. После этого мы с Казаковым выработали план нашей вредительской деятельности, о котором я уже говорил, о лечении **сердца* лизатами. [сердца. Это было после октября или ноября 1933 г.]*[II]

КОММОДОВ. Плетневу вы сказали о планах Ягоды, о заданиях Ягоды, о свидании Плетнева с Ягодой?

ЛЕВИН. Это было очень скоро после смерти Максима Пешкова. Я сказал, что его вызовет по очень трудному делу Ягода и сам ему скажет, в чем дело.

КОММОДОВ. До вызова Ягодой Плетнева вы какие-нибудь вредительские мероприятия совместно с консультацией Плетнева проводили в отношении того или другого?

ЛЕВИН. Нет. Это было только после того, как профессор Плетнев имел свидание с Ягодой. Мы с ним опять встретились, он мне подтвердил, что также, как и я, считает неизбежным принять директиву Ягоды, и мы с ним посоветовались относительно того, как проводить наши вредительские действия в отношении Валериана Владимировича Куйбышева и Алексея Максимовича Горького, и мы решили тогда именно начать с Валериана Владимировича, что мы и сделали в 1934 г., а в начале 1935 г. он скончался.

КОММОДОВ. Вы говорили Ягоде, чтобы он сам лично вызвал Плетнева?

ЛЕВИН. Я тогда ему назвал, что соучастником может быть Дмитрий Дмитриевич Плетнев. Он сказал, — вы предупредите Плетнева, что я его вызову к себе и, кажется, как будто Ягода вызвал его к себе под видом медицинской консультации. Я не знаю точно. Дмитрий Дмитриевич сам об этом расскажет, но, мне кажется, что он вызвал как бы посоветоваться относительно состояния своего сердца.

КОММОДОВ. Значит, Ягода вам сказал, что он вызовет Плетнева под видом консультации?

ЛЕВИН. Он не сказал, но мне помнится, что Дмитрий Дмитриевич так сказал. Может быть, Дмитрий Дмитриевич это опровергает.

КОММОДОВ. А вам сам Ягода сказал?

ЛЕВИН. Да, он сказал, что он сам вызовет Плетнева и поговорит с ним.

БУХАРИН. У меня вопрос к доктору Левину. Не был ли он непосредственно во время Октябрьской революции и после ее одним из участников саботажа против восставшего пролетариата?

[I] Правка И.В. Сталина. Вписанный текст зачеркнут, неразборчив.

[II] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ЛЕВИН. Я не мог быть не только руководителем, но даже участником саботажа, потому что в то время я ни в какой больнице не работал. В чем заключается саботаж? В отрыве от своей работы?

БУХАРИН. Я это знаю.

Не был ли доктор Левин меньшевиком либо непосредственно сочувствующим меньшевикам?

ЛЕВИН. Если вы сейчас спросите меня, что такое меньшевик, то я так опозорюсь в этом зале, что лучше меня об этом не спрашивать.

[(Смех в зале.)][I]

ВЫШИНСКИЙ. Я с вами говорил относительно организации тех убийств, о которых вы здесь **показывали* [говорили]*[II]. Ягода, как я вас понял, излагал вам и политические мотивы, по которым действовали?

ЛЕВИН. Излагал. Я о них уже говорил. Он говорил о том, что в партии растет недовольство партийным руководством.

ВЫШИНСКИЙ. Это Ягода говорил?

ЛЕВИН. Да. ...что недовольство это ширится по всей стране, что нет почти ни одного крупного учреждения, в котором не сидели бы люди, недовольные этим руководством и считающие нужным руководство это сменить и заменить другими людьми. Он при этом мне сказал о необходимости прихода к власти других людей...

ВЫШИНСКИЙ. Путем? При помощи?

ЛЕВИН. Вот когда он кончил эту вступительную историческую справку, он сказал: для облегчения этого дела мы должны устранить с политической арены несколько членов Политбюро и Алексея Максимовича Горького. Во второй беседе он мне объяснил, почему Алексея Максимовича, — потому что Алексей Максимович является сторонником, стойким сторонником линии партийного руководства, в частности, большим поклонником и опять-таки сторонником всей политики Сталина, является и личным его другом, никогда ему ни при каких условиях не изменит, всегда нам будет стоять на пути, всегда нам будет портить. Его необходимо устранить.

ВЫШИНСКИЙ. [Следовательно,] *Подсудимый Левин,* замышленные Ягодой убийства политических деятелей нашего государства носили совершенно явный, открыто перед вами выраженный контрреволюционный политический характер?

ЛЕВИН. Да. Тут уже было ясно.

ВЫШИНСКИЙ. И вы не просто отнеслись к этому делу как техник, но и как политик?

ЛЕВИН. Я не знаю, как вы это хотите понять, я политиком никогда в жизни не был.

ВЫШИНСКИЙ. Вы говорите, что вы никогда политикой не занимались?

ЛЕВИН. Никогда.

ВЫШИНСКИЙ. Но действуете вы как политический враг.

ЛЕВИН. Действ*овал*[ую] как орудие политического врага.

ВЫШИНСКИЙ. И следовательно?

ЛЕВИН. Как политический враг.

ВЫШИНСКИЙ. Являлись вы, таким образом, вовлеченным не только в эти убийства, но и в целую цепь преступлений...

ЛЕВИН. Я невольно служил этим заговорщикам.

[I] Зачеркнуто (красный карандаш).

[II] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

ВЫШИНСКИЙ. Вы понимали, что идет речь о борьбе с советской властью?

ЛЕВИН. Того,[I] что я понял здесь на суде, тогда я еще не понимал.

[II]ВЫШИНСКИЙ. Вы на суде увидели такую страшную картину...

ЛЕВИН. Да, тогда я этого не понимал и не знал.

ВЫШИНСКИЙ. Но то, что вы тогда знали, тоже потрясающе страшно.

ЛЕВИН. Да, понимаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы понимали, что речь идет о борьбе с советской властью?

ЛЕВИН. Понимал.

ВЫШИНСКИЙ. И вы стали, будучи вовлеченным в это искусными действиями Ягоды, стали на сторону врагов советской власти? И в этой борьбе против советской власти, в борьбе к которой вы примкнули, вы приняли на себя также участие в этой борьбе?

ЛЕВИН. К несчастью, да. Я хотел бы только...

ВЫШИНСКИЙ. Это уже политическая деятельность?

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Хотя и [не][III] бандитского характера. Правильно это или нет?

ЛЕВИН. Да. Я хотел только указать, что можно примкнуть, сочувствуя, будучи участником, будучи единомышленником. Я только хотел подчеркнуть не для того, чтобы себя оправдать, я говорю тут правду, с самого первого дня, как я вступил в тюрьму, [что] я примкнул к этому делу в результате рокового стечения обстоятельств, не потому что я сочувствовал [к] приходу к власти...

ВЫШИНСКИЙ. Но *вы если*[IV] бы были честным человеком, честным советским гражданином, вы должны были бы к кому-то прийти, кому-то сказать об этих угрозах и т.д.

ЛЕВИН. Он мне говорил, что имейте в виду, что я слежу за каждым вашим шагом, прежде чем вы переступите чей-нибудь порог, вы будете у меня на руках.

ВЫШИНСКИЙ. Вот теперь вы переступили порог...

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Если вы считали себя честным гражданином своей родины...

ЛЕВИН. Считал.

ВЫШИНСКИЙ. Советским врачом...

ЛЕВИН. Считал.

ВЫШИНСКИЙ. Узнавши о таком страшном заговоре, что вы должны были бы сделать?

ЛЕВИН. Должен был бы о нем заявить.

ВЫШИНСКИЙ. Получивши предложение быть соучастником и даже больше, организатором убийства *выдающихся* советских людей [и выдающихся советских людей] и гения русской [литературы,] культуры — Горького, что вы должны были сделать, если вы действительно любили бы и Горького и родину?

ЛЕВИН. Отказаться от *всего* этого и выдать Ягоду.

[I] Запятая вписана красным карандашом.

[II] Рядом на полях галочка (простой карандаш).

[III] Вероятно, зачеркнуто И.В. Сталиным (красный карандаш).

[IV] * * — инверсия (синий и красный карандаш) — «*если вы*».

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы не сделали этого?

ЛЕВИН. Из трусости.

ВЫШИНСКИЙ. Вы, следовательно, думали, что сильнее кошки зверя нет?

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что самая страшная и сильная кошка это Ягода?

ЛЕВИН. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. А как вы сейчас думаете?

ЛЕВИН. Да, это ясно.

ВЫШИНСКИЙ. Я еще вас хочу спросить по совести, как бы вы ответили: вы думали, что никакой управы на Ягоду нет?

ЛЕВИН. Я очень ясно понимаю сейчас, вообще, когда ретроспективно смотришь на прошлое, думаешь: «Боже, почему я не сделал этого, почему я не поступил так?».

[1]ВЫШИНСКИЙ. Сколько продолжалось ваше участие в этой преступной деятельности?

ЛЕВИН. Три года.

ВЫШИНСКИЙ. Три года! Вы имели тысячи возможностей за это время поступить честно.

ЛЕВИН. Да, и не использовал этого.

ВЫШИНСКИЙ. И не использовали этого, потому что, как вы говорите, вы трусили?

ЛЕВИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы такой трус?

ЛЕВИН. Да, трус.

КОММОДОВ. Разрешите мне задать вопрос подсудимому Левину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

КОММОДОВ. В связи с вопросом к вам подсудимого Бухарина, скажите, пожалуйста, вы в момент Октябрьской революции что делали?

ЛЕВИН. К этому времени еще функционировали в Москве госпитали для жертв войны, так называемые. Я заведовал несколькими такими госпиталями.

КОММОДОВ. И продолжали работать все время?

ЛЕВИН. Да.

КОММОДОВ. Ни одного дня не были вне работы?

ЛЕВИН. Ни одного дня. А потом, когда госпитали были закрыты, я получил назначение в Наркомздраве. Когда кончилась работа в госпитале, я пошел в Наркомздрав и попросил там работу, и через некоторое время я получил назначение в курортный госпиталь...

КОММОДОВ. Так что подозрения в отношении саботажа с вашей стороны не подтверждаются?

ЛЕВИН. Нет, конечно. Можно было ординатору больницы саботировать, но я таким не был.

КОММОДОВ. Вы к каким-нибудь партиям принадлежали?

ЛЕВИН. Нет.

КОММОДОВ. Может быть, к каким-нибудь национальным партиям, к еврейской, например?

ЛЕВИН. Ни к каким партиям, только к партии врачей.

[(Смех.)]

КОММОДОВ. Но такой партии мы не знали.

---

[1] Рядом на полях галочка (простой карандаш).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У экспертизы есть какие-нибудь вопросы к подсудимому Левину?

ШЕРЕШЕВСКИЙ и ВИНОГРАДОВ. У экспертизы никаких вопросов нет, все ясно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв до 6-ти часов вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

8 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
Вечер.

Буланов кажется молодым, волосатый, в очках, с большим подбородком, видимо, нет зубов, темно-серый костюм, смотрит на стол, ослепленный сводками, которые представляют жизнь только с отрицательной стороны.

— Ягода предполагал быть предсовнаркомом. (Смех.)

Увлекался Гитлером, и «Моя борьба» — стоящая книга, роль секретарей ЦК будет другая. (Смех.)

Он говорит глухим голосом, вставляя букву «э»...

— Смирнову в политизолятор сообщается о том, как вести себя. Ездил к нему в камеру.

Буланов, рассказав об аресте Зин.[овьева] и Каменева, приглаживает свои волосы, похожие на парик.

Об отравл.[ении] Алекс.[ея] Макс.[имовича.] «Бунт», как говорил Ягода, давал деньги Левину. Крючков заинтересовался как лит.[ературный] наследник Горького.

— Казаков употреб.[ляет] такие мудр.[еные] лекарства, кот.[орые] не только неизвест.[ны] медицине, но и самому Казакову.

Ягода внезапно сознается в убийстве Менжинского и просит перенести вопрос на закрытое заседание. В зале шум. Рыков уходит. Буланов стоит, наклонив голову, в черной рубашке.

Ягода. Кладет светло-коричневую папку.

— Что скажете?

Смотрит пристально. «Разрешите», затем начинает читать, изредка посматривая на председателя.

— Погромче.

— Мне очень трудно говорить.

Читает, изредка покашливая. К публике повернулся спиной (и здесь конспирация). Командир подносит ему мембрану. Он читает раздельно. Уши у него багровые. В зале передвигаются, шум. Председатель требует тишины. Ягода не оборачивается, а ждет. Ягода развивает «идею» — то чего Бухарин — в течение всего допроса... не имел смелости... или чего-либо другого...

Он говорит с паузами.

На вопрос —

Какой строй?

— Капиталистический строй.

Командир, пожилой в фуражке, подвигает микрофон Ягоде. Но микрофон стоит низко, тогда он почтительно ставит его на стул. Ягода стоит неподвижно, продолжая говорить.

— Я и не ухожу.

Зал замирает, когда Ягода начинает только говорить о шпионах, слышно, как шуршит бумага, отрыв.[аемая] инокорреспондентами. Ягода изящно перелистывает листочки левой рукой и стоит неподвижно.

Голос у него делается глуше, когда он переходит к тер.[рористической] деятельности «моей, в частности».

— Ни одно из этих актов... — говорит он и делает паузу.

Отодвигает бледной рукой у черной куртки... и — пауза — Горького. — Пауза. — Еще до убийства Горького, умер сын Горького — Максим.

Огромная пауза.

— Я уже признавал.

— Я вам на закрытом заседании.

— Признаете себя виновным?

— Разрешите мне на этот вопрос не ответить, — говорит после паузы Ягода.

— Были использованы врачи, что давало полную гарантию неразоблачения...

— Мне было понятно, почему Куйбышев, но мне было совершенно непонятно, почему Горького... — и чуть поднимает голову и затем продолжает говорить о лаборатории, показывая больных.

— Вот те объяснен.[ия], которые я считал нужным довести до сведения суда.

Захлопнул папку и повернулся к Прокурору.

На вопрос Прокурора отвечает только губами:

— Воор.[уженное] восст.[ание] — это бессм.[ысленная] вещь. Это могли думать только эти болтуны!

(Хохот.) Смотрит на потолок и не признает себя в шпионской деятельности.

— Если бы я был шпионом, десятки государств распустили бы свои разведки. — Говорит с достоинством.

— В соучастии Кирова признаете себя виновным?

— Признаю.

Когда говорит об архиве Рыкова:

— На основании каких документов? — и протягивает ладонь.

— Спросить Бухарина об убийстве?

Бухарин вскакивает и отвечает.

Троцкий передает Бессонову о необх.[одимости] уничт.[ожить] Горьк.[ого.]

Встает Бессонов. Томский говорит Бухарину, что Троцкий подготов.[лял] вражд.[ебный] акт против Горького.

Ягода опять встал лицом к публике и смотри на суд. Бухарин суетится, махает ручкой. Ягода стоит неподвижно. Бухарин — розовый от волнения, Ягода грустный, серый, неподвижный, сутулый. Рыков слушает.

Крючков. Положив палку в сторону, смотрит в папку и подпирает подбородок рукой. Убивает Макса, чтобы получить лит.[ературное] наследство. Стоит, опираясь локтем на барьер и опирается правой рукой на палку. Говорит, обращаясь к суду.

— Смерть Максима повлияет на Горького и сделает его безобидным стариком, — говорит Ягода, — и продолжает спаивать Макса, я принял поручение...

Вытирает рот и нос.

Бросает Макса на снег. В мае напоил Макса, оставил в саду на скамейке, день был холодный. Он рекомендует выпить водки. Липа требует врача. Утром вызвали Левина. Тот сказал, что у Макса грипп, и мы добились того, что нужно. Через несколько часов случайно приехал Бадмаев и определил, что

тут крупозное воспаление легких. Сперанского не пустили, привезли Виноградова.

Пауза.

7 и 8 мая Максу стало лучше. Ягода: «Черт знает что, здорового залечивают, а больного не могут убить». Максу дали шампанского. Это вызвало понос.

У Крючкова насморк. Он продолжает.

Собрали консилиум, решили дать блокаду. Но Плетнев и Левин отказались.

11 мая Максим был убит.

«Я могу в два счета отстранить вас от Горького» — сказал Ягода.

Смотрит в бумагу, подпирает рукой подбородок, затем щеку.

— Задача ваша проста, — говорит Ягода, — если вы раньше охраняли Горького, то теперь действуйте наоборот. Диагноз Горького ставит он сам. Левин же признает грипп. Пригласили Сперанского, но лечили Левин и Сперанский.

Крючкова не прерывают.

Такое впечатление, что изломали Крючкова и как попало вставили в тот же футляр. Еще проскальзывают оттенки былого голоса с металлическим тембром, повышающимся в середине фразы, но они кажутся абсолютно случайными.

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.

Подсудимый Буланов, *вы подтверждаете* ваши показания, данные на предварительном следствии*?* [вы подтверждаете?]

БУЛАНОВ. Да, подтверждаю.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ.* Расскажите суду о вашей антисоветской деятельности, по возможности, покороче, поконкретнее.]

[БУЛАНОВ.] Ряд фактов и данных, которые я сообщал на предварительном следствии, на допросах у Прокурора, о которых я буду показывать сейчас, мне известны лично со слов, из разговоров с Ягодой или из разговоров его в моем присутствии с другими соучастниками.

За годы работы у Ягоды в качестве личного секретаря и секретаря Наркомата, *я привык смотреть на все глазами* Ягоды.[а сумел выработать из меня верного и послушного ему человека.] Проводя значительную часть суток в течение ряда лет в Наркомате, около Ягоды и для Ягоды, оторванный целиком и полностью от партийной жизни, от партии, от общественности, [, я привык смотреть на все глазами Ягоды. Е] *е*сли можно так выразиться, это был один свет для меня в окошке. И, в конце концов, [он] *Ягода* сделал из меня полностью преданного ему человека, в отношении которого он знал, что этот человек его не выдаст, и поэтому ни *в разговорах* со мною, ни [в разговорах][1] при мне с другими, он не делал никаких секретов, не было никаких элементов конспирации. Отсюда — [чрезвычайно большая] моя осведомленность о преступлениях, которые мне известны от него.

[О заговоре впервые я услышал от Ягоды в 1934 г.] Должен сказать, [что за пару лет до этого, примерно,] *что примерно* в 1931 г., впервые, неожидан-

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

но для меня, очевидно, считая, что я уже совершенно вышколенный и обработанный человек, Ягода сказал мне, что он — правый. *О заговоре впервые я услышал от Ягоды в 1934 г. Постепенно отдельными беседами Ягода вводил меня в курс контрреволюционной работы.* [, что только политика таких людей — учеников Ленина, как Томский, Рыков, Бухарин, Каменев, Зиновьев, может быть, и есть действительно правильной, что политика теперешнего ЦК ведет по совершенно неправильному пути, что политика коллективизации, политика в отношении совхозов ведет и крестьянство и страну к прямому разорению. Повторяю, что, привыкший считать Ягоду всезнающим (я еще тогда взят был им непосредственно с низовой работы), полностью о] *О*торванный от партийной жизни, *я во всем ему — Ягоде — слепо доверял.* [по роду работы, начиненный сведениями, которые рисуют только отрицательные стороны действительности, я считал, что в данном случае Ягода не может ошибаться, не может быть неправ. Этот тот момент, то время, с которого я перестал быть честным человеком и стал контрреволюционером.]

ВЫШИНСКИЙ. Какой год вы говорите?

БУЛАНОВ. 1931 г.

ВЫШИНСКИЙ. [Кстати, с] *С* какого времени вы служите вместе с Ягодой?

БУЛАНОВ. Примерно, с конца 1929 г.

ВЫШИНСКИЙ. Продолжайте, [пожалуйста.] *ваши показания.*

БУЛАНОВ. [Говоря о заговоре,] Ягода *как-то в разговоре* сказал мне, [когда был у меня разговор,] что они [(когда я буду говорить они] — это значит — он и стоящие за ним — [те, которых я перечислил)] *правые* объединились *с троцкистами и зиновьевцами*, что нормальным путем, путем легальной борьбы в партии рассчитывать на как*ой*[ие]-нибудь [шансы и] успех[и] совершенно нечего, что для достижения власти в их распоряжении остается единственное средство — это насильственный способ прихода к власти путем непосредственного вооруженного переворота.

[Большинство деталей я не знаю. Это не потому, что он не хотел мне говорить, не потому, что он делал из этого какие-либо секреты, но, очевидно, ни в этот раз, ни в последующие, когда приходилось говорить, он мне просто не сообщил. Но то, что и в этот разговор, и в последующие, то, что рисовал мне Ягода, выглядело приблизительно следующим образом.]

Одну из главных ролей переворота, по его словам, должен был [совершить] *выполнить* Енукидзе, и вторая, пожалуй, не менее важная роль, по его словам, ложилась на его, Ягоды, плечи. У них была сфера влияния: Кремль у [одного] *Енукидзе,* аппарат НКВД — у [другого.] *Ягоды.*

Сам Ягода в этот раз и неоднократно мечтал, правда, я не назову это мечтами, потому что он достаточно реально представлял, что в случае удачи переворота, в будущем Совнаркоме он должен был быть председателем Совнаркома.

ВЫШИНСКИЙ. Председателем Совнаркома?

БУЛАНОВ. Так. Партийная линия ложилась, по его определению, на Томского, Бухарина и Рыкова, причем Томский, [которого он ценил особенно высоко,] по их предположениям и расчетам, как *и* был, [так и] должен *был* остаться на роли *руководителя* профсоюзов. [, потому что роли профсоюзов они придавали особенное значение.] Секретарями ЦК должны были быть Рыков и Бухарин, причем Ягода подчеркивал, что когда он будет председателем Совнаркома, рол*ь*[д работы] секретарей ЦК при нем будет совершенно иной. *Какой именно, я едва ли смогу объяснить.*

Мне припоминается, я прошу суд учесть, что то, что я показываю, не является предметом одного какого-нибудь разговора, что я читаю длитель-

ную лекцию, — я говорю из разновременных разговоров, из разговоров в присутствии других, когда он меня совершенно не стеснялся, и суммирую то, что говорю, причем за точность изложения я отвечаю полностью.

[Роль секретарей по его определению должна была звучать иначе. Как иначе — я едва ли смогу вам объяснить толком, да, мне кажется, что едва ли Ягода совершенно отчетливо себе это представлял. Но м] *М*не вспоминается в связи с этим параллель, которую [он] *Ягода* проводил [в данном случае] между будущим секретарем будущего ЦК Бухариным и Геббельсом. Должен сказать, что Ягода вообще [достаточно] сильно увлекался Гитлером.

ВЫШИНСКИЙ. Вообще фашизмом увлекался?

[БУЛАНОВ. В общей постановке я этого от него не слышал.]

[ВЫШИНСКИЙ.] А конкретно?

БУЛАНОВ. Он увлекся Гитлером, говорил, что его книга «Моя борьба» действительно стоящая книга.

ВЫШИНСКИЙ. Стоящая?

БУЛАНОВ. Он подчеркивал неоднократно, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие лица.

ВЫШИНСКИЙ. А Ягода сам не был унтер-офицером раньше?

БУЛАНОВ. Я не знаю, но поведение его от унтер-офицерского мало отличалось.

В будущем правительстве, [где он должен был быть председателем Совнаркома,] если память мне не изменяет, председателем ЦИК назывался Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. А Геббельс при чем тут?

БУЛАНОВ. [Я это говорю потому, что у меня осталось это в памяти по ассоциации, когда он говорил о секретарях ЦК.] *Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса.*

ВЫШИНСКИЙ. Это он говорил о Бухарине?

БУЛАНОВ. Надо полагать, что когда он проводил эту параллель, насколько я понимаю и разбираюсь, он вкладывал тот смысл, что он — председатель Совнаркома при таком секретаре типа Геббельса и при совершенно послушной ему ЦК, будет управлять так, как захочет. Так я его понимал. Думаю, что по отношению к нему я составил себе правильное представление.

ВЫШИНСКИЙ. А не говорил ли он вам более определенно насчет Бухарина, проводя эту параллель? О том, что Бухарин[I] *[говорил о том]* будет у него не хуже Геббельса?

БУЛАНОВ. [Я это и сказал.][II] Мысль такова, что Бухарин будет у него в руках марионеткой и будет делать все, что ему, Ягоде, угодно.

Вооруженный переворот, по определению Ягоды, они приурочивали обязательно к войне. Я как-то задал Ягоде недоуменный вопрос: я, собственно, не понимаю — война, непосредственная опасность, напряженное положение и в это время правительственное потрясение — так на фронте дела могут весьма и весьма пошатнуться. Ягода мне на это прямо сказал, что я наивный человек, если [не понимаю] *думаю*, что они, большие политики, [выйдут] *пойдут* на переворот, не сговорившись с вероятными и неизбежными [, как он говорил,] противниками *СССР* в войне. Противниками назывались немцы и японцы. Он прямо говорил, что у них существует прямая договоренность, что в случае удачи переворота новое правительство, ко-

[I] Подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

[II] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (синие чернила), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

торое будет сконструировано, будет признано и военные действия будут прекращены.

ВЫШИНСКИЙ. [В силу соглашения?] *На каких условиях?*

БУЛАНОВ. Я боюсь сказать точно, но у меня в памяти осталось насчет концессий и уступок. [Я не смогу точно формулировать, но об этом говорилось. При чем я т] *Т*огда *же* впервые услышал о том, что Крестинский и Карахан — это целиком их люди, причем люди не только ответственные, но и умеющие работать, конечно, работать в контрреволюционном смысле.

[Что касается военной части сговора, я как на предварительном следствии, так и здесь показать ничего не могу.] Уже гораздо позже я услышал фамилию Тухачевского, который должен был в будущем правительстве быть народным комиссаром обороны [, комиссаром по военным делам. Чтобы быть кратким...]

ВЫШИНСКИЙ. А вот о связях с троцкистами что вы можете рассказать?

БУЛАНОВ. Я перейду к этому дальше.

Чтобы быть кратким и в то же время точным, я перейду к той части преступления, в которой я, по прямому указанию Ягоды, принимал непосредственное участие, — к отравлению.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть, вы раньше расскажете обо всех преступных связях, которые были, и сговоре, который был, а затем и о конкретных фактах отравления?

БУЛАНОВ. Хорошо, пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Известно ли вам о том, что Ягода был, как член центра правых, связан с троцкистами?

БУЛАНОВ. Известно.

ВЫШИНСКИЙ. Откуда это было вам известно? С кем он был связан и как был связан?

БУЛАНОВ. Совершенно очевидно, что Ягода был в самой тесной связи с лидерами правых. Он был связан и с троцкистами. Об этом я сужу, потому что я был не раз свидетелем его непосредственных заданий [, указаний] по линии оперативной, которые он соответствующим лицам, ведающим определенной частью работы, давал в той или иной мере, прямые или косвенные указания о неразвертывании дел троцкистов, наоборот, о свертывании ряда дел и троцкистов, и правых, и зиновьевцев. [, и всех.]

ВЫШИНСКИЙ. То есть, что он их покрывал?

БУЛАНОВ. Я бы сказал, что не только покрывал, но помогал им работать.

[ВЫШИНСКИЙ. И помогал и покрывал?]

[БУЛАНОВ. Тут слово «покрывал» слабо звучит, потому что человек по своей должности обязан был бороться с ними.]

Чтобы не быть голословным, я приведу несколько фактов. Например, Ягода дал указание, чтобы Угланов держался, не выходя из таких-то рамок в своих показаниях. [Я считаю, что это прямая помощь.]

[ВЫШИНСКИЙ. Кому и когда он давал такие указания?]

[БУЛАНОВ. Я сказал, — по поводу Угланова. Это я привел в виде примера.]

ВЫШИНСКИЙ. Не припоминаете ли вы зловещую фигуру одного из предыдущих процессов, фигуру Дрейцера? Какие с ним у Ягоды были отношения?

БУЛАНОВ. Я помню, что, несмотря на то, что соответствующий начальник отдела располагал совершенно конкретными точными данными о продолжительной *троцкистской* деятельности Дрейцера, Дрейцер не был арес-

тован. И вообще, я должен сказать, что линия у Ягоды в отношении и правых, и троцкистов, и зиновьевцев была определенным образом повернута на свертывание борьбы.

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересуют конкретные факты.

БУЛАНОВ. Это была общая линия, и только когда было партийное напоминание или общественное напоминание, когда открыто выпирал целый ряд одиозных лиц, тогда он репрессирован, причем репрессии эти носили совершенно условный характер.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, относительно Дрейцера:] Ягода знал о заговорщической деятельности Дрейцера и прикрывал его?

БУЛАНОВ. Совершенно точно.

ВЫШИНСКИЙ. А не помните ли вы другую фигуру одного из предыдущих процессов, не менее зловещую, фигуру Ивана Никитича Смирнова? Не известно ли вам, был ли и с ним связан Ягода и [его] *не* покрывал [, ему помогал?] *ли он его?*

[БУЛАНОВ. Я эту фигуру помню.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вам вот такие факты неизвестны?]

БУЛАНОВ. Из фактов относительно Смирнова я знаю точно, что [Ягода,] когда Смирнов [содержался в одном из политизоляторов (в каком точно, я не скажу, потому что не помню)] *был в тюрьме, Ягода* прямо посылал Молчанова.

[ВЫШИНСКИЙ. Кто посылал?]

[БУЛАНОВ. Ягода, чтобы тот] *И через него* дал указание Смирнову, в каких рамках держаться в случае необходимости, когда [с него] *от него* потребуют те или иные показания. Это совершенно точно.

ВЫШИНСКИЙ. А не известно ли вам, что сделал Ягода [тогда], когда Смирнова из этой[го изолятора] *тюрьмы* доставили в Москву?

[БУЛАНОВ. Я никаких подробностей не знаю. Я не знаю, имеет ли это отношение, но я знаю по процессу...]

[ВЫШИНСКИЙ. Чьему процессу?]

[БУЛАНОВ. Смирнова...[279]] Я знаю, что Ягода нарушил свое обычное поведение. Он [по] *обычно в* тюрьму[е, насколько я знаю,] не ходил, а [здесь был у Смирнова.] *по прибытии Смирнова, ходил к нему.*

ВЫШИНСКИЙ. В камеру[е]?

БУЛАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Чем он там занимался?

БУЛАНОВ. [Я позволю себе заявить, потому что я] *Я* слышал *его* разговор с Молчановым *о том,* что за поведение Смирнова на суде он, *Ягода,* спокоен.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он его обработал. [Значит, три случая: Угланов, Дрейцер, Смирнов.] Каково отношение было к Каменеву после убийства Сергея Мироновича Кирова[280]?

[БУЛАНОВ. В отношении Каменева и Зиновьева...]

[ВЫШИНСКИЙ. Пока только о Каменеве, о Зиновьеве потом. Или вы сразу одновременно хотите?]

[БУЛАНОВ. Я могу ответить сразу, одновременно, потому что к] *К*огда было вынесено решение об аресте Каменева и Зиновьева, Ягода послал меня арестовать Каменева.

ВЫШИНСКИЙ. С кем он вам посылал?

БУЛАНОВ. Я был с [очень ответственным лицом из Наркомата, кажется, с] Паукером.

ВЫШИНСКИЙ. [Правильно.] Кто такой Паукер?

БУЛАНОВ. Начальник оперативного отдела.

ВЫШИНСКИЙ. И вместе с тем, [?] *кто он?*

БУЛАНОВ. Человек, целиком посвященный в заговорщические дела и один из исключительно доверенных людей, который был связующим звеном с Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. Не был ли Паукер германским разведчиком?

БУЛАНОВ. Я узнал потом, что он был *шпионом.*

ВЫШИНСКИЙ. Германским разведчиком?

БУЛАНОВ. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. [А у Ягоды — начальник оперативного отдела. Позвольте тогда Ягоду спросить.] Обвиняемый Ягода, вам известно было, что Паукер — германский разведчик?

ЯГОДА. Да. Известно.

ВЫШИНСКИЙ. Садитесь. Значит, Паукер и вы, Буланов, были посланы Ягодой арестовать Каменева. А Зиновьева кто должен был арестовать?

БУЛАНОВ. По-моему Молчанов и Волович.

ВЫШИНСКИЙ. Кто такой был Молчанов?

БУЛАНОВ. Начальник секретно-политического отдела *НКВД* и член организации.

ВЫШИНСКИЙ. Какой организации?

[БУЛАНОВ. Контрреволюционной.]

[ВЫШИНСКИЙ.] Подпольной организации правых?

БУЛАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А Волович?

БУЛАНОВ. Волович — заместитель начальника оперативного отдела, [, и как-то —] *известно, что он* причастен к шпионажу.

ВЫШИНСКИЙ. [Позвольте спросить Ягоду и по этому вопросу.] Подтверждаете ли *вы*, Ягода, что Волович был так же германским шпионом?

ЯГОДА. Да, подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. *Подсудимый Буланов,* [К] *к*ак же вас инструктировал Ягода на предмет ареста Каменева и Зиновьева?

БУЛАНОВ. Инструктаж был простой: привези, обыска не делай. Это я и выполнил.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы и выполнили. Продолжайте теперь дальше рассказывать.

БУЛАНОВ. Я перейду прямо к тем конкретным преступлениям, участником которых был лично и я. Со слов Ягоды я знаю, что решение об убийстве Николая Ивановича Ежова...

ВЫШИНСКИЙ. [Вы уже переходите к этим конкретным выступлениям. Тогда еще предварительный вопрос: в] *В*ам не известно, где хранился секретный архив Рыкова?

БУЛАНОВ. Он у Ягоды.

ВЫШИНСКИЙ. Заговорщический архив?

БУЛАНОВ. Если бы он не был заговорщическим, едва ли бы Рыков такое надежное место искал.

(Смех.)

[ВЫШИНСКИЙ. Самое надежное место для их архива.]

[БУЛАНОВ. Повторяю, со слов Ягоды, решение об убийстве] *Перехожу к покушению на жизнь* Н.[иколая] И.[вановича] Ежова. *Со слов Ягоды, решение об убийстве Николая Ивановича Ежова* ими, т.е. центром, было принято исключительно с политическими целями. Это был один из этапов или одна из мер к обеспечению [сохранения] их от провала как участников заговора, а,

значит, и сохранения возможности осуществления и самого заговора. Причиной, которая послужила, чтобы вынести такое решение, было то, что вскоре тут же, или, вернее, после убийства Кирова, Ежов по поручению ЦК *ВКП(б)* наблюдал за следствием. И я лично от Ягоды знаю, что тут же вскоре [же] во все нарастающем темпе [шло и] обострялось чрезвычайное беспокойство Ягоды этой работой *Н.И.* Ежова. Ягода подчеркивал, что Ежов [для него совершенно непонятно] *чрезвычайно* быстро, [чрезвычайно быстро,] как он говорил, осваивается и усваивает все особенности работы [соответствующих моментов работы] *управления* государственной безопасности, и, что нет абсолютно никакой уверенности в том, что он, в конце концов, не придет прямо к раскрытию истинного положения вещей, к раскрытию заговора. [Я говорю, что это тревожное настроение у Ягоды и у его соучастников, которые были непосредственно на оперативной работе, эта тревога исключительно, повторяю, нарастала.] Ягода, я знаю это опять-таки из разговоров его с рядом начальников оперативных отделов и, в то же время, членов заговорщической организации, [Ягода][1] [делал] *использовал* все, [судорожные усилия к тому, что бы использовать все,] чтобы дезинформировать *Н.И.* Ежова. [По его указанию, м] *М*атериалы — соответствующие информации, протоколы — посылались *Ежову* только те, которые определялись Ягодой и его помощниками. [, к отсылке п] *П*рятались, утаивались соответствующие сообщения, документы. В общем, делалось все, чтобы [чрезвычайно] затруднить работу Ежову. И все-таки [у того, очевидно, настолько возможность быстро нарастала, что] к началу первой трети 1936 г. Ягода сказал прямо, что у него абсолютно нет не только никакой уверенности, никакой гарантии, что Ежов не докопается до истинного положения вещей, но что, наоборот, он уже теперь убежден, что тот стоит настолько на верном пути, что нужны какие-то решительные меры, чтобы доказать реально назревшую опасность.

В первой половине 1936 г. я узнал впервые, что *в свое время* Ягоде было известно о том, [что готовится] *как было организовано* убийство Кирова. Как-то я зашел, как всегда, без доклада, без предупреждения, в кабинет Ягоды и застал его в сильно возбужденном состоянии, когда он беседовал с Молчановым. Когда Молчанов ушел, Ягода в состоянии большого раздражения бросил фразу: «кажется, Ежов докопается и до ленинградского дела». Потом, спохватившись, хотя он обычно от меня ничего не скрывал, он, предупредив меня об исключительной конспиративности [того] *этого* сообщения, которое будет сделано, и лишний раз — в двадцатый или в сороковой, пообещав, «в случае чего», оторвать голову [(это его любимое выражение)], — сказал, что ему было известно, [(боюсь утверждать, что он принимал участие в решении этого вопроса) — ему было известно,] что готовится покушение на С.М. Кирова, что в Ленинграде у него был верный человек, посвященный во все — заместитель начальника управления *НКВД* по Ленинградской области Запорожец, и что тот организовал дело так, что [это] убийство Николаевым Кирова было облегчено, проще говоря, было сделано при прямом попустительстве, а, значит, и содействии Запорожца. [, т.е. органов охраны.] Я помню, что [он] *Ягода* мельком рассказ*ал*[ывая], ругал, между прочим, Запорожца за его не слишком большую распорядительность: был случай чуть ли не провала, когда по ошибке охрана [задержала] за несколько дней [или месяцев] до убийства *Кирова задержала* [, — не помню, —]

[1] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

Николаева, и что у того в портфеле была найдена [какая-то записная] книжка и револьвер, но Запорожец вовремя освободил его. [Боюсь точно вам сказать, — рассказ был достаточно сумбурный, — но у меня осталось в памяти и то, что комиссар Борисов, который был единственный участник убийства, который должен был дать членам правительства, которые сами выехали туда и производили расследование, должен был дать показания, которые он мог бы дать, что Ягода там был тоже, то, что этот комиссар Борисов не смог явиться на допрос и был убит при] *[даже рассказал мне, что сотрудник Ленинградского] Ягода даже рассказал мне, что сотрудник Ленинградского Управления НКВД — Борисов, был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства приехали в Ленинград и вызвали в Смольном этого Борисова, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кирова, Запорожец, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, решил Борисова убить. По указанию Ягоды, Запорожец устроил так, что машина, на который везли Борисова в Смольный, потерпела* авари[и]*ю.* [машины. Когда он мне рассказал о том, что он был осведомлен об убийстве, мне] *Борисов был при этой аварии убит, и, таким образом, они избавились от опасного свидетеля. Мне* стала тогда понятна та исключительно необычайная забота для Ягоды, которую он проявил, когда Медведь, Запорожец и остальные сотрудники по требованию были арестованы и преданы суду. Я припомнил, что лично мне он поручил заботу о семье Запорожца, о семье Медведя, помню, что он отправил их для отбывания в лагерь необычным путем, он их отправил не в вагоне для арестованных, а в специальном вагоне прямого назначения. Перед отправкой он вызывал к себе Запорожца и Медведя. Не знаю, участвовал ли в этом Медведь, он мне не говорил.

[Это я говорю к тому, что о] *О*пасность провала была настолько очевидной для них и реальной, что Ягода решил стать на путь более решительных действий, просто говоря, он решить убить *Н.И.* Ежова. С*о* [его слов] *слов Ягоды* я знаю, что летом 1936 г. он поручил другим лицам, не проходящим по этому делу, отравление квартиры [Ежова], в которой *Ежов жил*[1]. Как, когда, чем, при каких обстоятельствах это было сделано, он мне не говорил, и я этого не знаю, но что это было сделано, в этом я [могу] увере*н*[ить], потому что я знаю, что у Ягоды слово с делом чрезвычайно редко расходилось.

Когда он был снят с *должности* Наркома внутренних дел [здесь] он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету, здания НКВД там, где должен был [сидеть] *работать* Николай Иванович Ежов. Он дал мне лично прямое [указание,] распоряжение [, как угодно можно назвать, —] подготовить яд, *а именно* взять ртуть и растворить ее кислотой. [Ну, я] *Я* ни в химии, ни в медицине ничего не понимаю, может быть, [на]пута*юсь*[ю] в названиях, [я этого не исключаю,] но помню, что он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, запаха и что-то в этом духе. Это было 28 сентября 1936 г. Это поручение Ягоды я выполнил, [этот] раствор [, который он требовал, я] сделал, опрыскивание кабинета, в котором должен был сидеть Ежов, *и прилегающих к нему комнат, дорожки ковра и портьер* было [сделано порученцем, вернее, не порученцем, а личным слугой Ягоды Саволайненом, который пил с ним 20 лет, который кроме Ягоды ничего и никого не признавал, который слепо выполнял, что говорил Ягода. Это опрыскивание кабинета и прилегающих к нему комнат, дорожки ковра и портьер было произведено] *произведено*

[1] * * — инверсия — «*жил Ежов*».

Саволайненом в присутствии меня и Ягоды. Это было 29 сентября. Ягода сказал мне, что это опрыскивание нужно делать 5—6—7 раз, что и было сделано. Я два или три раза приготовлял большие флаконы этого раствора и передавал их Саволайнену. Распрыскивал тот из пульверизатора. Помню, что это [такой] *был* большой металлический баллон с большой грушей. Я знаю этот пульверизатор, он был в уборной комнате у Ягоды, заграничный пульверизатор. Второй и третий раз разбрызгивания производил Саволайнен в моем присутствии, остальные разы без меня. Обо всем он говорил и мне, и докладывал Ягоде.

Должен еще добавить, что 28 сентября, когда был этот разговор, Ягода вынул из своего шкафчика, где у него находилось много каких-то вещей, в частности, пузырьков, и передал мне две ампулы, по внешнему виду не русского производства, сказав мне при этом: это яды, которые нужно разбрызгивать одновременно с ртутным раствором. Что это было, как это называлось, я не знаю. Я это передал Саволайнену, и тот разбрызгал вместе с ртутным раствором.

Вот все, что мною сделано в части покушения на жизнь Николая Ивановича Ежова.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, пожалуйста, Ягода вообще интересовался ядами?

БУЛАНОВ. Исключительно.

ВЫШИНСКИЙ. В чем же выражался этот его особый интерес к ядам?

БУЛАНОВ. Такая заинтересованность появилась у него, примерно, с 1934 г. Я повторяю, гражданин Прокурор, что мог судить об этом не только на основании разговоров, но и тех действий, которые мне были известны. Я знаю, что он, например, свел чрезвычайно близкое знакомство с рядом химиков, давал прямое задание о постройке, вернее, об организации, химической лаборатории.

ВЫШИНСКИЙ. Для чего?

БУЛАНОВ. О целях и назначении я вам не скажу. Но все время при этом подчеркивалось, что она должна находиться в распоряжении Ягоды, т.к. в его арсенале нет достаточного количества ядов как средства, необходимого для определенных целей.

ВЫШИНСКИЙ. Каких?

БУЛАНОВ. Это потом было продемонстрировано совершенно реально.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

БУЛАНОВ. Для контрреволюционных целей, для целей убийства.

ВЫШИНСКИЙ. Что же, он собирал коллекцию ядов, руководствовался при этом какими-то особыми соображениями?

БУЛАНОВ. Я знаю, что у него был на эту работу привлечен, конечно, не целиком, а в известной мере ряд лиц. Организация этой лаборатории была реальным фактом. Это я знаю, потому что мне лично он приказал подыскивать помещение соответствующее и передать его определенным лицам. И я это сделал. Здание я нашел и передал. Я, правда, там не бывал, но от этих лиц слышал, что по пути к организации этой лаборатории делалось все, причем Ягода предупредил меня, что это настолько важное дело, что указанным лицам нужно предоставлять неограниченные средства, не контролировать их расходование.

ВЫШИНСКИЙ. Этот интерес к ядам [, он] был связан с его заговорщическими действиями и планами?

БУЛАНОВ. Совершенно определенно. В одном из частичных разговоров, когда речь шла о том государственном перевороте, который они организо-

вывают, Ягода говорил, что для осуществления этого переворота нужны будут все средства — и вооруженное выступление, и провокация, и даже яды, потому что иногда, как он определил, бывают моменты, когда нужно действовать медленно и чрезвычайно осторожно, и бывают моменты, как он говорил, когда нужно действовать и быстро и внезапно. Смысл такой был, что все средства хороши и церемониться в применении средств не следует.

ВЫШИНСКИЙ. И что при перевороте яд может сыграть важную роль?

БУЛАНОВ. Он даже сказал, как мне помнится, — «решающую».

ВЫШИНСКИЙ. После снятия Ягоды с должности народного комиссара внутренних дел вы еще оставались на работе в Наркомвнуделе?

БУЛАНОВ. Да, я остался там работать.

ВЫШИНСКИЙ. И долгое время вы там работали?

БУЛАНОВ. До ареста.

ВЫШИНСКИЙ. Примерно до какой поры?

БУЛАНОВ. До конца марта.

ВЫШИНСКИЙ. А Ягода когда был снят?

БУЛАНОВ. В конце сентября.

ВЫШИНСКИЙ. Скоро ли после того, как ушел Ягода, было преступлено к отравлению?

БУЛАНОВ. Первое опрыскивание было произведено 29 сентября, второе было сделано через два—три дня, а последнее, если память не изменяет, — в декабре. Всего было сделано 6 или 7 опрыскиваний.

ВЫШИНСКИЙ. 6 или 7 таких опрыскиваний.

БУЛАНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А вы лично при каких опрыскиваниях присутствовали?

БУЛАНОВ. Я помню точно. Это было первое, второе, третье и последнее. Всего 4 раза.

ВЫШИНСКИЙ. А между этими опрыскиваниями, кто их производил?

БУЛАНОВ. Это делал Саволайнен.

ВЫШИНСКИЙ. Вы об этом знали?

БУЛАНОВ. Да, знал.

ВЫШИНСКИЙ. А кто его инструктировал?

БУЛАНОВ. Как я уже показывал, первое опрыскивание делал Саволайнен в присутствии Ягоды и меня.

ВЫШИНСКИЙ. Это было когда?

БУЛАНОВ. Это было точно — 29 сентября.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

БУЛАНОВ. Накануне ухода Ягоды.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме злодейской подготовки отравления, направленного против Николая Ивановича Ежова, вам известны еще какие-нибудь преступления такого же рода, совершенные Ягодой и вами или только Ягодой?

БУЛАНОВ. Да, мне совершенно точно известно [о случаях отравления] *об умерщвлении* Менжинского...

[ВЫШИНСКИЙ. Менжинского?]

[БУЛАНОВ. Менжинского.] Алексея Максимовича Горького и Максима Алексеевича Пешкова.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите об этих случаях коротко. [, не повторяя того, что мы слышали в утреннем заседании. Подчеркните, если вам это известно, роль Ягоды в этих отравлениях.]

БУЛАНОВ. [Я это знаю только от Ягоды, других источников у меня нет. Отравление Алексея Максимовича] *Умерщвление* Горького [, по определению Ягоды,] было предпринято [им] *Ягодой* как одна из [практических,] ре-

альных мер к созданию условий успеха в случае удачи переворота. [, в случае прихода к власти нового правительства.] Ягода говорил, [когда он] *что правые* убедились[ся], что Алексей Максимович [полностью, целиком,] не только *целиком и полностью* разделял политику партии и правительства, *но* что [он] *и* сам со свойственным ему энтузиазмом [лично сам] заключился в строительство социалистического государства, [, когда они видели, слышали и наблюдали, с каким исключительным восхищением Алексей Максимович все время, по каждому поводу говорил о роли Сталина в строительстве социалистического государства, о том, как он ведет от победы к победе, —] *то* они пришли [совершенно] единодушно к выводу, что, в случае удачи переворота, Алексей Максимович поднимет открыто[ый и колоссальный бунт] *голос* против них, а при том авторитете, который Горький имел во всех слоях населения в Советском Союзе, и при том его исключительном значении перед культурно-мыслящими людьми за границей, этот бунт — как Ягода говорил — Горького против новой власти был бы исключителен по своим последствиям. Поэтому они [пошли на путь] *решили* одновременно убрать [Алексея Максимовича] Горького.

[И с] *С*о слов Ягоды, *я* знаю, что в этом преступлении принимали участие доктор Левин, профессор Плетнев и секретарь Горького Крючков. Я лично несколько раз [присутствовал, если можно так выразиться, при инструктировании] *слышал, как* Ягода[ой] *инструктировал* Крючкова о том, что он должен постараться простудить Алексея Максимовича, [вызвать у него простудное заболевание,] говоря, что при том состоянии легких, которое было у Горького, простуда может быть чревата последствиями, а остальное все, что нужно, сделают Плетнев и Левин. Насколько мне известно, Левина Ягода привлек, завербовал к этому делу и вообще к случаям отравления, используя какой-то компрометирующий против него материал (какой, я не знаю), и то, что он подкупал Левина. Лично я, например, организовывал ту дачу, о которой говорил здесь доктор Левин. Я лично доктору Левину не один раз давал, по распоряжению Ягоды, когда Левин ездил за границу, деньги в иностранной валюте.

ВЫШИНСКИЙ. Кстати, не припомните ли вы, сколько вы давали?

БУЛАНОВ. Это было два или три раза, боюсь сказать точно, думаю, что доктор Левин, который получал, точнее меня скажет, но порядка так около тысячи долларов каждый раз. За точность суммы я не ручаюсь, но такого порядка. И по приказу же Ягоды я давал указание на границу о том, чтобы доктора Левина пропускали без таможенного осмотра. А по словам Ягоды, Крючкова и особенно убеждать не приходилось, т.к. он сказал, что Петр Петрович сам заинтересован в известной мере как литературный наследник, — смысл так я понял у него, — после Алексея Максимовича Горького.

(Движение в зале.)

Из того, что мне говорил Ягода, я знаю, что Крючковым было так и сделано, что по настоянию Ягоды он перевез Горького в Москву в неудобное, кажется, по климатическим условиям время года, что здесь по приезде он направил его на городскую квартиру, где кто-то болел гриппом, т.е. в атмосферу, где вернее всего, при слабости Алексея Максимовича, он должен был заразиться гриппом. А дальше, при лечении его, т.к. я говорил, и Левин, и Плетнев, путем заведомо неправильного лечения, сделали свое дело. Вот все, что я знаю по поводу умерщвления Алексея Максимовича Горького.

ВЫШИНСКИЙ. [Значит, вы утверждаете, что] *А* умерщвление Менжинского [так же] было произведено по прямым указаниям кого?

БУЛАНОВ. [Так, это совершенно очевидно,] *По указанию* Ягоды. Причем должен сказать, если в умерщвлении Горького были, как он говорил,

исключительно политические мотивы, *то* здесь я от него знаю о мотивах уже личного порядка.

ВЫШИНСКИЙ. То есть?

БУЛАНОВ. [Порядка] *О* личны*х*[ости, порядка] *мотивах* человека, который хочет всеми средствами, всеми путями сделать себе карьеру, т.е. ускорить освобождение поста, сделать пост председателя *ОГПУ* вакантным, считая, очевидно, что при этом положении он, *Ягода,* единственная кандидатура на пост председателя. [И я допуская, он мне это не говорил, что здесь могло быть...]

ВЫШИНСКИЙ. Это ваш анализ?

БУЛАНОВ. [Да, что здесь в какой-либо мере могло] *Конечно, здесь* игра*ли*[ть] роль и политически[о]е [значение.] *мотивы.* [Т.е. ц] *Ц*ентру правых, вообще заговорщиков, больше чем, интересно иметь во главе карательного органа своего человека, одного из своих лидеров, т.е. создать гарантию, [уже] почти полную возможность любые концы спрятать в воду.

[ВЫШИНСКИЙ. Правильно.]

[БУЛАНОВ.] Но [, главным образом, то, что] Ягода мне лично говорил [, это] *о* мотив*ах*[ы] личного характера. Он [уже давно] *не раз* подчеркивал, что [человек] *Менжинский* фактически не работает длительное время, а работу приходится нести [Ягоде] *ему — Ягоде.* [, а лавры этой работы, результаты этой работы приписываются Менжинскому.] Точку над «и» он поставил, по-моему, в 1933 г., когда он мне сказал прямо, что он решил ускорить, т.е., попросту говоря, уничтожить Менжинского, что он к этому делу приспособил доктора Левина, но что у Левина чего-то не вышло. А потом, я от него знаю точно, что он в качестве прямого исполнителя привлек доктора Казакова.

ВЫШИНСКИЙ. Кстати, вам не известно — Казаков был у Ягоды в Наркомвнуделе, в его кабинете, по этому вопросу?

БУЛАНОВ. Если Ягода давеча [отрицал, если он заявлял,] *заявлял,* что он первый раз видит Казакова, так я жду теперь, что он скажет, что он и меня первый раз в жизни видит. Казакова, конечно, он видел и видел неоднократно. Я, например, лично припоминаю случай [(правда, случай единственный)], когда Казаков был в кабинете у Ягоды. Это у меня сохранилось в памяти, потому что это было в выходной день. За числа я не ручаюсь.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте Казакова спросить. Обвиняемый Казаков, когда это было?

КАЗАКОВ. 6 ноября.

ВЫШИНСКИЙ. Год?

КАЗАКОВ. 1933 г.

БУЛАНОВ. У меня осталось в памяти, что это был выходной день, [выходные дни мы обычно соблюдали, а в этот день мы][1] были в Управлении. Что Ягода Казакова видел очень часто у Менжинского — это факт. Казаков приходил очень часто к Менжинскому в кабинет.

ВЫШИНСКИЙ. Казаков часто бывал в кабинете у Менжинского?

БУЛАНОВ. Да, очень часто.

ВЫШИНСКИЙ. И Ягода не мог его не видеть.

БУЛАНОВ. Да, Ягода видел Казакова не раз в кабинете Менжинского.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Ягода неправду здесь говорит?

БУЛАНОВ. Неправду. Откуда бы я знал, что Ягода мне сказал, что привлечен к этому делу — делу убийства Менжинского — и доктор Казаков, и что они проделывают это вдвоем с Левиным, что Казаков употребляет такие

[1] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

мудреные лекарства, которые не только не известны медицине, но слабо известны самому Казакову, там что следов после этого отравления найти будет трудно. Это говорил мне Ягода. Откуда бы иначе я взял?

ВЫШИНСКИЙ. [Позвольте мне Ягоду спросить. Обвиняемый] *Подсудимый* Ягода, вы слушали [внимательно] показания Буланова [, слышали его показания] по поводу отравления Менжинского?

ЯГОДА. Да, слышал.

ВЫШИНСКИЙ. После этих показаний, которыми устанавливается ваше участие в отравлении, вы будете продолжать отрицать это участие?

ЯГОДА. Нет, я подтверждаю [.] *свое участие.*

ВЫШИНСКИЙ. Подтверждаете?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. [Садитесь. Обвиняемый] *Подсудимый* Буланов, а умерщвление Макс[а]*има* Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?

БУЛАНОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. [Обвиняемый] *Подсудимый* Ягода, что вы скажете на этот счет?

ЯГОДА. Признавая свое участие в болезни [Макса] *Пешкова*, я ходатайствую перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание.

ВЫШИНСКИЙ. Я не возражаю. [, имея в виду, что материалы закрытого заседания могут быть в необходимой части оглашены на суд.]

[Обвиняемый] *Подсудимый* Буланов, вот вы нам нарисовали здесь чудовищную картину ряда преступлений, совершенных вами под руководством Ягоды. Кто еще из руководителей право-троцкистского блока участвовал в этих преступлениях по вашим данным?

БУЛАНОВ. Мне Ягода говорил прямо, [.]

[ВЫШИНСКИЙ. Что говорил, о ком?]

[БУЛАНОВ. Он говорил прямо,] что решение об отравлении [и] Ежова и *умерщвлении* Горького было принято [ими, как он говорил, т.е.] Рыковым, Бухариным...

ВЫШИНСКИЙ. И Енукидзе?

БУЛАНОВ. И Енукидзе само собой.

ВЫШИНСКИЙ. Словом, головкой «*право*-троцкистского блока»?

[БУЛАНОВ. Само собой понятно.]

ВЫШИНСКИЙ. [(К суду.) Позвольте Рыкова спросить.]

[Обвиняемый] *Подсудимый* Рыков, известно ли вам о том, что было принято «право-троцкистским» блоком решение физического уничтожения Алексея Максимовича Горького?

РЫКОВ. Нет.

[ВЫШИНСКИЙ. Не известно?]

[РЫКОВ. Нет.]

ВЫШИНСКИЙ. А что вам известно было об этом?

РЫКОВ. Мне было известно то чрезвычайно враждебное отношение к Алексею Максимовичу Горькому, которое проявлялось со стороны троцкистов, в некоторых кругах правых на протяжении ряда лет.

ВЫШИНСКИЙ. У вас был разговор с Енукидзе в конце 1935 г. на [данного рода] *эту* тему?

[РЫКОВ. В конце 1935 г.? Я не знаю.]

[ВЫШИНСКИЙ. Ну, в начале 1935 г., в 1935 г. был такой разговор?]

РЫКОВ. С Енукидзе? Да, был.

[ВЫШИНСКИЙ. По поводу Горького?]

[РЫКОВ. Да.]

ВЫШИНСКИЙ. Какой разговор?

РЫКОВ. [Разговор был следующий.] Мне Енукидзе сообщил [о том], что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, [тем значением, которое он приобретает], что он [окончательно и] *является* решительным[о перешел на] сторон[у]*ником* Сталина и генеральной линии партии. [, что он совершенно уничтожает влияние Троцкого и троцкистов среди литераторов.] Поэтому, *как* он выразился, они считают необходимым, ввиду такого значения Горького, а значение его и за границей, и у нас не нуждается в подтверждении, — они настаивают, как он выразился, на ликвидации его политической активности.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, Енукидзе говорил о необходимости ликвидировать политическую активность Горького?

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Каким образом и в каком смысле?

РЫКОВ. Он говорил в настолько повышенных тонах, или резко враждебных выражениях, что мне было ясно, *(*т.к. речь идет, главным образом, со стороны троцкистско-зиновьевской части*)*, что за этим тоном кроется [какая-то] возможность [разговора или возможность проектов и о] применения[и] *и* насильственных мер.

ВЫШИНСКИЙ. Из разговора с Енукидзе вы заключили о том, что речь идет об устранении политической активности Горького разными средствами, вплоть до насильственных мер?

РЫКОВ. Да, может дойти в случае чего и до этого.

ВЫШИНСКИЙ. А что такое довести до насильственных мер? Можно понимать и до убийства?

РЫКОВ. Конечно.

[ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы знали?]

[РЫКОВ. Конечно.]

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы знали о готовящемся убийстве Горького.

РЫКОВ. [О том, что убийство решено.] *Не совсем так.*

ВЫШИНСКИЙ. Что оно готовится, вы знали об этом?

РЫКОВ. Я знал о том, что я вам уже говорил.

ВЫШИНСКИЙ. А этого разве недостаточно для квалификации...

РЫКОВ. Для той квалификации, о которой вы говорите, это не достаточно. Может быть, я недооценивал того, что говорил Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. Недооценивал?

РЫКОВ. Может быть, у меня не было такого убеждения или мнения, что покушение на жизнь Горького готовится. У меня не было этого. Я сказал мягче.

ВЫШИНСКИЙ. То есть, что может такая задача встать?

ВЫШИНСКИЙ. То есть, иначе говоря, разговор с Енукидзе дал вам возможность понять, что можно не останавливаться перед убийством Горького?

РЫКОВ. Нет, он мне дал возможность понять обратное, потому что в этом же разговоре с Енукидзе я достаточно категорически высказался против этих нападок.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы, а я спрашиваю о блоке.

РЫКОВ. Это я признал как один из участников блока.

ВЫШИНСКИЙ. Это ваше дело, признавать или не признавать.

РЫКОВ. Я сказал и о моем протесте против этого.

ВЫШИНСКИЙ. Протест против чего?

РЫКОВ. Против того тона, тех выражений, тех нападок, которые были со стороны Енукидзе по отношению к Горькому. Так как это было в той

стадии, когда вопрос мог только возникнуть в таком смысле, я думаю, что мое категорическое вмешательство и решительный протест эту возможность исключали.

ВЫШИНСКИЙ. Я формулирую то, что вы сейчас сказали, чтобы устранить в дальнейшем спор по этому вопросу, следующим образом: первое — в 1935 г. вы имели разговор с Енукидзе, при котором он резко говорил, что троцкистско-зиновьевской блок настаивает на ликвидации политической активности Горького.

РЫКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Второе — по тону, по враждебности, по озверелости этого разговора можно было заключить, что при устранении политической активности, как они не остановятся ни перед какими средствами.

РЫКОВ. Сказать теперь об этом задним числом, это совершенно ясно.

ВЫШИНСКИЙ. А как вы тогда себе представляли?

РЫКОВ. Я сказал, что я недооценивал эту опасность.

ВЫШИНСКИЙ. Это уже будет характеристика вашего отношения к факту, а меня интересует самый факт. Вы подтверждаете, что из разговора с Енукидзе можно было понять, что в целях ликвидации политической активности Горького, как он говорил, они не остановятся...

РЫКОВ. Я бы просто сказал, что они могут не остановиться перед насильственными средствами.

ВЫШИНСКИЙ. Так. И третье — [что и] *из* этого разговора с Енукидзе было ясно, что может идти речь о террористическом акте против Горького.

РЫКОВ. Да, так вопрос мог ставиться. [, могла идти речь.]

ВЫШИНСКИЙ. Это было ясно. Садитесь, пожалуйста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Буланову.) Вы кончили ваши показания?

БУЛАНОВ. Кончил.

ВЫШИНСКИЙ. У меня есть вопрос к Буланову. Неизвестен ли вам случай, чтобы Ягода пересылал деньги Троцкому?

БУЛАНОВ. Совершенно точно известно.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

БУЛАНОВ. О том, что Ягода снабжает Троцкого деньгами, я *узнал* от Ягоды [, как и в ряде других случаев,] не сразу.

В 1934 г. Ягода вызвал меня и сказал, что ко мне придет один [товарищ] *человек*, которому я должен выдать 20 тысяч долларов.

ВЫШИНСКИЙ. 20 тысяч долларов? Для чего и для кого?

БУЛАНОВ. Я никогда не спрашивал Ягоду, зачем и для чего. [И на этот раз, как всегда, я сказал: слушаю. Трудно было разобрать, где кончалась его контрреволюционная работа и была, так сказать, революционная работа.] Я этому человеку деньги выдал. Когда на другой день я доложил о том, что это распоряжение выполнено, тогда Ягода мне сказал, что этому человеку мне придется и впредь давать те суммы денег, которые он будет указывать. И он, между прочим, сказал, что этот человек является его прямой связью [(у него есть все возможности к этому)] с Троцким, что Троцкий за последнее время испытывает очень большую нужду в деньгах, и что те суммы, которые я выдал и буду выдавать, идут непосредственно Троцкому. [На его или личное содержание, или на содержание его работы — об этом он не говорил.] Действительно, этот человек являлся на протяжении 1934—1936 гг. [, когда я его видел последний раз,] четыре—пять раз [и по такой же сумме] *и* я ему выдавал *деньги* каждый раз, получая, конечно, *от Ягоды* распоряжение о выдаче.

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты вопросы есть?

ЗАЩИТА. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У подсудимых имеются вопросы?

РЫКОВ. Буланов говорил относительно моего архива, найденного у Ягоды. Я хотел бы, чтобы он познакомил с находкой, откуда этот архив, что в нем содержится и откуда он знает об этом.

БУЛАНОВ. Если бы я знал точно, что там находится и размеры этого архива, я своему сопроцесснику ответил бы обязательно. К сожалению, я этими сведениями не располагаю. Я говорил об этом архиве на основании вот чего. Когда Ягода перебирался из одного помещения в другое при переделке здания, я не помню при каких обстоятельствах, но, во всяком случае, среди части вещей, которые лежали долгое время в несгораемом шкафу, я обнаружил кипу документов. Я спросил Ягоду. Он мне сказал: не разбирайте, это — архив Рыкова. Этого, мне кажется, было достаточно для того, чтобы сделать это заявление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляю перерыв на полчаса.

КОМЕНДАНТ. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Ягода, показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

ЯГОДА. Я подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Что вы желаете сказать суду о ваших преступлениях?

ЯГОДА. Начало моей антисоветской деятельности надо отнести к 1928 г., когда я вступил в антисоветскую организацию правых. Этому предшествовали мои переговоры с Рыковым, с которым у меня были довольно дружеские личные отношения.

[Мое] *Особенность моего* положения[е] в организации [с самого начала, т.е. 1928 г., было особенным. Эта особенность] заключалась, главным образом, в том, что я, как заместитель Председателя Объединенного Государственного Политического Управления, в то время не мог участвовать в открытой *контрреволюционной* борьбе правых и [поэтому] находился в законспирированном положении. О такой моей роли в организации правых знали несколько человек: [, как] Рыков, Бухарин, Угланов, [и] *Смирнов А.П. (*Фома*),* Томский. На первом этапе борьбы правых против советской власти моя роль заключалась в том, что я снабжал организацию *правых* — Рыкова и Бухарина — тенденциозно подобранными секретными материалами ОГПУ, которые они — Бухарин и Рыков — использовали в своей борьбе против партии.

В дальнейшем, когда правые перешли на нелегальное положение в борьбе с партией и советской властью, [соответственно, конечно, изменилась и моя роль в организации. На меня] центром правых *на меня* была возложена задача ограждения организации *правых* от провала. И по этой договоренности я на протяжении ряда лет принимал все меры к тому, чтобы оградить организацию, в особенности ее центр, от провала. Я должен здесь со всей ответственностью заявить, что виною тому, что советская власть и органы НКВД только в 1937—1938 гг. смогли вскрыть и ликвидировать контрреволюционную деятельность организации правых [, представленной здесь на скамье подсудимых] *и* право-троцкистского блока, [— виною этому] является моя предательская работа в системе Народного Комиссариата Внутренних дел. Если бы советская разведка было свободна от контрреволюцион-

ной группы правых и шпионов, которые благодаря [меня] *мне* сидели в аппарате НКВД, заговор против советской власти, несомненно, был бы вскрыт в своем зародыше.

Эту свою вину я целиком признаю перед советским судом. Наряду с этим, ответственность за все это должны разделить со мною сидящие здесь на скамье подсудимых, в первую очередь, Рыков и Бухарин. В 1931 г., в период активизации нелегальной деятельности правых, когда задача ограждения организации от провала стала наиболее актуальной, руководители центра правых потребовали от меня внедрения на руководящую работу ОГПУ активных участников организации правых; для того, чтобы не быть голословным, я приведу конкретный факт назначения участника [на участок ответственейшей работы, работы, которая вела всю борьбу с право-троцкистскими организациями, участника организации — Молчанова, который был назначен] *организации правых — Молчанова* начальником секретно[го] — *политического* отдела, *который должен был вести борьбу с право-троцкистской организацией.* Томский *в 1931 г.*[I] пригласил меня к себе *на дачу*, где, кроме него, был еще Фома (Смирнов), и предложил мне это сделать в самой категорической форме, что я и сделал. Молчанов был назначен начальником секретно-политического отдела *ОГПУ.* Тогда же Томский проинформировал меня о плане правых *в отношении* захвата власти и намечающемся блоке троцкистов и зиновьевцев с правыми. В связи с этим предложением, главным образом, для того, чтобы, повторяю, оградить организацию непосредственно от провала, они и мотивировали необходимость назначения Молчанова, члена этой организации. К этому же периоду времени 1931—1932 гг. относится создание мною в аппарате ОГПУ группы правых из работников [НКВД.] *ОГПУ.* Сюда входили: Прокофьев, Молчанов, Миронов, Буланов, Шанин и ряд других работников. В 1932 г., в связи с общим планом правых на свержение советской власти и захват власти в свои руки, по предложению Томского, я устанавливаю связь с Енукидзе. Предложение это было не случайно. Тогда ведущей идеей правых и отправным пунктом деятельности организации была ставка на [государственный] *контрреволюционный* переворот путем захвата Кремля. Я считаю излишним объяснять здесь суду, что сама по себе постановка этого вопроса являлась результатом краха ставки на массовое восстание, в первую очередь, на кулацкие восстания, которые в какой-то мере мыслились в период трудностей, т.е. в 1930—1931 гг. [Именно в] *В* конце 1932 г., когда победа колхозного строя лишила нас ставки на массовые кулацкие восстания, [II]ставка на так называемый дворцовый переворот стала главенствующей. Отсюда совершенно ясно, что моя роль в организации, роль человека, занимающего должность заместителя председателя ОГПУ, в руках которого находились технические средства переворота, т.е. охрана Кремля, воинские части и т.д., была поставлена в центре внимания, и именно поэтому, по предложению центра правых, и установлена была мною связь с Енукидзе, *[, который] *(*тогда [был] *он занимал пост* секретаря Центрального исполнительного комитета *СССР)* [и по своему служебному положению] одним из руководителей заговорщической работы правых.*[III]

Одно обстоятельство, предшествующее[IV], в начале 1933 г., внесло серьезные коррективы в наш план. Я говорю о приходе к власти в Германии фа-

[I] * * — знак переноса фразы — *«В 1931 г. Томский... ».*
[II] Здесь стоит галочка (простой карандаш).
[III] * * — рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией, сверху — знак вопроса (простой карандаш).

шистов. Если до этого времени основная установка правых зиждилась на идее дворцового переворота собственными силами, то, начиная с 1933 г., была взята ориентация на фашистскую организацию.

Прежде [всего я отвечу] *чем ответить* на вопрос, к чему конкретно сводилась ориентация на фашистскую Германию. Я [бы] хо*чу*[тел] заявить [суду, в отличие от Бухарина, который и на скамье подсудимых пытается заниматься философскими изречениями и теоретическими обоснованиями идеи государственного переворота, что,] *следующее,* когда речь шла о так называемом «дворцовым перевороте», то имелось в виду арестовать, свергнуть руководство советской власти, партии и, [на месте свергнутой] *свергнув* совет*скую*[ой] власть[и], восстановить капиталистические отношения в стране, — [то, чего Бухарин в течение его допроса не имел смелости или чего-либо другого заявить ясно и точно,][1]

[Здесь не место и не время говорить о субъективных желаниях каждого из нас. Суду, как я понимаю, нужны такие ответы на вопросы, с] *С*тавили *ли* мы задачу свержения советской власти? [И] *Я* на этот [я] ответ[у]*аю* положительно. [И второй вопрос: к] *К*акой общественный политический строй мы восстановили бы в стране после свержения советской власти? Я и на этот вопрос отвечаю *прямо* — капиталистический строй.

Перехожу к конкретному изложению фактов моих преступлений. С Енукидзе я связался [, как я говорил, в 1931 г.,] в конце 1931 г. или в начале 1932 г. К концу 1932 г. я встречался с ним систематически, вместе с ним неоднократно [решал] *обсуждал* вопрос[ы] о так называемом «дворцовом перевороте». Со слов Енукидзе я узнал, что в Кремле была создана военная заговорщическая организация, которая в любой момент готова совершить переворот. С его слов я узнал и относительно ориентировки на германский фашизм, пришедший к власти в 1933 г.

В 1933 г. был организован и оформился центр, блок троцкистов, правых и зиновьевцев. Я узнал также, что блок через Рыкова связан с меньшевиками и через Енукидзе с эсерами. О решениях этого центра меня осведомлял Енукидзе. От него я узнал, что в январе 1934 г. готовился государственный переворот с арестом состава *X*VII съезда партии, который происходил в то время.

Перехожу к изменнической работе право-троцкистского блока, к его связям с иностранными государствами.

Во-первых, я должен заявить суду, что под моим покровительством в самом аппарате ОГПУ*, а затем НКВД* существовала группа моих сторонников, группа шпионов различных иностранных разведок. О шпионской деятельности Запорожца, Гая, Воловича, Паукера, Венецкого и других я знал, но в интересах заговора благоприятствовал их работе, считая их [потенциальной] силой при реализации заговорщических планов, в особенности по линии связи с иностранными разведками. Несомненно, что через этих шпионов иностранные разведки были осведомлены [в] о моей принадлежности к организации правых и о моей работе в организации их. О существовании и деятельности всего право-троцкистского блока они также были хорошо осведомлены. Факты, подтверждающие это положение, я могу сообщить суду на закрытом заседании. Именно через одного из этих шпионов, в частности, через Венецкого, который занимал должность инспектора при Рыкове в Народном комиссариате связи, и была налажена связь блока, персонально Рыкова, с заграничным центром меньшевиков, с Николаевским.

---

[1] Вероятно, подчеркнутая часть текста восстановлена — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[Но, к] Кроме этой группы шпионов в НКВД, мне известны и другие связи право-троцкистского блока с иностранными государствами. Я имею в виду участника заговора Карахана, связь которого я установил в 1935 г. Карахан меня посвятил во внешнеполитическую ориентацию право-троцкистского блока, по поручению которого он — Карахан — вел переговоры с германскими фашистскими кругами. «Немцы, — как говорил мне Карахан, — помогут блоку в деле свержения советской власти». Карахан рассказал мне, что Троцкий давно уже ведет переговоры с немцами и слишком «ангажировался» (я беру это в кавычках), обещав им за помощь в борьбе с большевиками много лишнего. Троцкий обещал отдать немцам Украину, *Японии* — Приморье. [и целый ряд других республик.] Блок, по словам Карахана, поручил ему поторговаться с немцами. «Конечно, кое-что уступить придется», — говорил Карахан. Карахан потребовал у меня информацию об организации право-троцкистского блока по Союзу для предстоящей беседы с фашистскими немецкими кругами. Я дал ему эту информацию об организации. Знаю, что у него состоялась встреча с руководящими фашистами, что было достигнуто тогда соглашение о поддержке немцами антисоветского блока, но детали переговоров, в том смысле, какой ценой достигнуто это соглашение, мне не известны. С кем он виделся персонально, я [это] скажу на закрытом заседании.

Перехожу к террористической деятельности право-троцкистского блока, и моей, в частности. Не для того, чтобы в какой-либо мере смягчить свою вину, но лишь в интересах установления истинного положения вещей, я должен заявить суду, что попытки со стороны некоторых обвиняемых по настоящему делу представить меня как профессионала-террориста, неверны по существу своему.

Я не хочу и не могу опорочивать ни одного из предъявленных мне обвинений по части совершенных террористических актов. Но я хочу только подчеркнуть, что ни один из этих актов не совершен мною без директивы право-троцкистского блока. Чем объяснить, что мое имя в первую очередь связывается с этими террористическими актами? Это объясняется очень просто: только специфичностью моего положения в организации правых, а также объясняется это и тем, что я, как бывший народный комиссар внутренних дел, имел в своих руках больше технических возможностей для выполнения решения центра, нежели другие участники блока. Из прошедших на суде допросов ясна фактическая сторона совершенных террористических актов. Я хочу остановиться на политической стороне дела.

Во-первых — убийство Кирова[281]. Как обстояло дело? В 1934 г., летом, Енукидзе сообщил мне об уже состоявшемся [(я это подчеркиваю)] решении центра право-троцкистского блока об организации убийства Кирова. В этом решении принимал непосредственное участие Рыков. Из этого сообщения мне стало совершенно известным, что троцкистско-зиновьевские террористические группы ведут конкретную подготовку этого убийства. Излишне здесь говорить, что я пытался возражать, приводил целый ряд аргументов о нецелесообразности и ненужности этого террористического акта. Я даже аргументировал тем, что за совершение террористического акта над членом правительства в первую очередь ответственность несу я как лицо, ответственное за охрану членов правительства. Излишне говорить, что мои возражения не были приняты во внимание и не возымели своего действия. Енукидзе настаивал [только] на том, чтобы я не чинил никаких препятствий к этому делу, а террористический акт, — говорил он, — [независимо от того, хочу я или не хочу, будет] *будет* совершен троцкистско-зиновьевской группой. В силу этого

я вынужден был предложить Запорожцу, который занимал должность заместителя начальника Управления НКВД, не препятствовать совершению террористического акта над Кировым. Спустя некоторое время Запорожец сообщил мне, что органами НКВД был задержан Николаев, у которого были найдены револьвер и маршрут Кирова, [и он] *Николаев* был освобожден.

Вскоре после этого Киров был убит *этим самым Николаевым*. Таким образом, я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты *и* умерщвлены[ия] Куйбышев[а], Менжинск*ий*[ого] и Горьк*ий*.[ого.]

Как тут обстояло дело? Еще до убийства Кирова умер сын Горького — Максим. Я уже заявлял суду, что я признаю свое участие в заболевании Макса и ходатайствую вторично у суда о перенесении моих объяснений по этому делу на закрытое заседание суда.

ВЫШИНСКИЙ. У меня в связи с этим есть один только вопрос. Вы признаете себя виновным, как вы выражаетесь, в заболевании Пешкова?

ЯГОДА. Все объяснения по этому вопросу я дам на закрытом заседании суда.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо. А в смерти Пешкова вы признаете себя виновным?

ЯГОДА. Я говорю точно: все объяснения по этому вопросу я дам по совокупности на закрытом заседании суда.

ВЫШИНСКИЙ. Признаете вы себя виновным или не признаете?

ЯГОДА. Разрешите на этот вопрос не отвечать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Прокурору.) У вас нет возражений, чтобы вопрос о смерти Пешкова перенести на закрытое заседание суда?

ВЫШИНСКИЙ. Я не возражаю, имея в виду, что результаты этого выяснения могут быть определены на открытом заседании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Это дело суда.

Суд определил ходатайство *подсудимого Ягоды* удовлетворить, и вопрос о смерти Пешкова переносится на закрытое заседание.

[Обвиняемый] *Подсудимый* Ягода, продолжайте дальше.

ЯГОДА. К этому времени было произведено умерщвление Менжинского. Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, не из [корыстных] *карьеристских* соображений, а в интересах нашей заговорщической организации. Решение центра по этому вопросу мне было передано лично Енукидзе. В обоих этих случаях были использованы врачи, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, что прямой террористический акт может провалить не только меня, но и всю организацию. [, поскольку я, как заместитель председателя ОГПУ, отвечаю за охрану членов правительства.] Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь.

Действительно, через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, *кроме того,* персонально над Максимом Горьким. Мне было понятно решение относительно Куйбышева, но и я никак не мог понять относительно совершения террористического акта над Горьким. Енукидзе мне объяснил, что право-троцкистский блок, имея в виду, как ближайшую перспективу, свержение советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький непоколебимый сторонник сталинского руководства и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков. [Центр, как объяснил мне Енукидзе, у] *У*читывая[л] огромный авторитет Горького внутри и вне страны, [и поэтому] *центр, по словам Енукидзе,* принял категорическое решение о физическом устранении Горького.

Енукидзе предложил мне послать к нему Левина, ввиду моего категорического отказа. Я это выполнил, и, после прихода Левина от Енукидзе, я этот акт подтвердил. Я в дальнейшем сам имел несколько разговоров с Левиным и, по его предложению, вызвал Плетнева к себе.

Я заявляю, что сидящие здесь, на скамье подсудимых, Рыков, Бухарин и другие несут полную ответственность за эти террористические акты. Я заявляю, что по их решению эти акты были осуществлены. Как это было сделано, это лучше меня скажут врачи.

Еще на одном факте я хо*чу*[тел] остановить внимание суда. Это факт попытки [со стороны] группы заговорщиков [в НКВД] отравления Ежова.

После [его] назначения *Ежова* Народным комиссаром внутренних дел было совершенно ясно, что вся деятельность нашей группы, а также право-троцкистского блока, будет вскрыта. Ежов уже начал разгром кадров заговорщиков и, конечно, мог добраться до центра блока, и до меня, в частности.

И вот, во имя спасения нашей организации, во имя спасения Рыкова, Бухарина и других, мы [пошли на то, чтобы] *решили* убить Ежова. Отравление производил Буланов, он об этом суду рассказал. Я некоторые моменты в его речи отрицаю, но они не меняют факта и не меняют существа.

Я не отрицаю также факта посылки по требованию Енукидзе денег Троцкому через Мирова-Абрамова.

Вот те сведения, которые я считаю нужным довести до сведения суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть вопросы у вас, т. Прокурор?

ВЫШИНСКИЙ. Конечно.

Значит, если подытожить ваши объяснения, то можно будет сказать следующее:

1. Что вы признаете себя виновным в давнишнем участии в подпольной работе правых.

ЯГОДА. Да. [, так сформулировано обвинение.]

ВЫШИНСКИЙ. 2. Что вы признаете себя виновным в том, что были одним из руководителей право-троцкистского подпольного блока.

ЯГОДА. Да, признаю.

ВЫШИНСКИЙ. 3. Что вы преследовали вместе с этим блоком цель свержения советской власти и восстановления в СССР капитализма.

ЯГОДА. Да, признаю. *Была задача захватить Кремль.*

ВЫШИНСКИЙ. Что вы избрали средством для свержения восстания в момент преимущественно войны? Так это?

ЯГОДА. Нет, это не так. Вооруженное восстание — это бессмысленная вещь. Об этом могли думать только эти болтуны.

(Общее оживление в зале.)

ВЫШИНСКИЙ. А вы думали о чем же?

ЯГОДА. О «дворцовом перевороте».

ВЫШИНСКИЙ. То есть о насильственном перевороте, произведенном узкой группой заговорщиков?

ЯГОДА. Да, так же, как и они.

ВЫШИНСКИЙ. Преимущественно приурочивая к военному нападению на СССР иностранных государств, или у вас были разные варианты?

ЯГОДА. Вариант был один: захватить Кремль. Время не имеет значения.

ВЫШИНСКИЙ. Вы стояли на точке зрения целесообразности в случае войны подготовить и обеспечить поражение СССР?

ЯГОДА. На этой точке зрения стоял блок, значит, и я.

ВЫШИНСКИЙ. Вы также признаете себя виновным и в шпионской деятельности?

ЯГОДА. Нет, в этой деятельности я себя виновным не признаю.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы сами сказали, что под вашим непосредственным руководством работало несколько шпионов?

ЯГОДА. Да, это я признаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали, что они являются шпионами?

ЯГОДА. Да, знал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали, что они выполняют шпионские обязанности?

ЯГОДА. Да, знал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы им помогали?

ЯГОДА. Я в такой же мере отвечаю за этих шпионов, как...

ВЫШИНСКИЙ. Волович был шпион?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. За Воловича вы отвечаете?

ЯГОДА. Так же как Рыков за Шаранговича.

ВЫШИНСКИЙ. О них будет особый разговор. Сейчас я говорю о вас. Вы признаете, что под вашим крылышком сидел целый ряд разведчиков, немецких и польских шпионов? Правильно это или нет?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали об их шпионской деятельности, и вы эту шпионскую деятельность покрывали? [Вы признаете это?]

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Я считаю, что раз вы покрывали их шпионскую деятельность, значит, вы им помогали, содействовали?

ЯГОДА. Нет, в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то, уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки.

ВЫШИНСКИЙ. Это было бы делом этих государств.

Волович был шпионом?

ЯГОДА. Я это сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали об этом?

ЯГОДА. Знал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы его не арестовали и не расстреляли?

ЯГОДА. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Обнаруженных вами шпионов вы обязаны арестовывать и расстреливать?

ЯГОДА. Разумеется.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы этого не сделали, т.е., иначе говоря, помогали [этому] шпион*ам*[у] действовать как шпион*ам*.[у.]

ЯГОДА. [Это ваша формулировка.] Я покрывал их.

ВЫШИНСКИЙ. Не помогали?

ЯГОДА. Помогал — если бы я собирал материалы и передавал им.

ВЫШИНСКИЙ. А вы знали, что они передавали материал.

ЯГОДА. Не всегда.

ВЫШИНСКИЙ. А иногда знали?

ЯГОДА. Знал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, они передавали иностранным разведкам материал с вашего ведома?

ЯГОДА. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были [об этом] осведомлены [?] *о том, что они передавали иностранным разведкам материал?*

ЯГОДА. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были осведомлены, значит, с вашего ведома?

ЯГОДА. При моем покровительстве.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо, при вашем покровительстве тому, что они делали и о чем вы знали. Это установлено?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы также признаете себя виновным в том, что государственные средства по поручению блока передавали в распоряжение Троцкого?

[ЯГОДА. Я это сказал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю, признаете виновным?]

ЯГОДА. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. [И, наконец, в организации] *Признаете себя виновным в организации* и осуществлении террористических актов: первое — убийство т. Кирова по поручению блока и по [его] предложению [.] *блока*?

ЯГОДА. [Соучастие?] *Признаю себя виновным в соучастии в убийстве.*

[ВЫШИНСКИЙ. Да, соучастие, признаете?]

[ЯГОДА. Прямого участия я не принимал.]

[ВЫШИНСКИЙ. В соучастии признаете себя виновным?]

[ЯГОДА. Признаю.]

ВЫШИНСКИЙ. В соучастии в убийстве или в умерщвлении Менжинского признаете себя виновным?

ЯГОДА. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. В организации убийства Куйбышева признаете себя виновным?

ЯГОДА. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. В организации убийства Алексея Максимовича Горького признаете себя виновным?

ЯГОДА. Признаю.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты вопросы есть?

КОММОДОВ. Подтверждает ли подсудимый Ягода свои показания, данные на предварительном следствии в части, касающейся свиданий с Плетневым?

ЯГОДА. Я это сказал.

КОММОДОВ. То же самое в отношении свиданий с Казаковым?

ЯГОДА. Я это подтвердил.

КОММОДОВ. У меня вопросов нет.

БРАУДЭ. Кому принадлежит сама идея смерти от болезни?

ЯГОДА. Я сказал — Енукидзе.

БРАУДЭ. Позвольте спросить, какими методами вы добивались согласия Левина на осуществление этих террористических актов?

ЯГОДА. Во всяком случае, не такими, какими он здесь рассказывал.

БРАУДЭ. Вы подробно сами говорили об этом на предварительном следствии. В этой части вы подтверждаете ваши показания?

ЯГОДА. Они утрированы, но это не имеет значения.

БРАУДЭ. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У подсудимых есть вопросы к Ягоде?

РЫКОВ. У меня тот же самый вопрос относительно архива, о котором говорил Буланов.

ЯГОДА. Никакого архива Рыкова у меня не было.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопрос к Буланову. О каком архиве Рыкова у Ягоды вы говорили?

БУЛАНОВ. Я говорил в своих показаниях суду. Я повторю. При переезде из одного помещения в другое, участвуя в этом, я обнаружил ряд документов личного характера, я не помню какие, из которых было ясно, что это личные документы Алексея Ивановича Рыкова. Я спросил Ягоду, он мне это подтвердил, что там, в каких размерах — я говорил и говорю: этого не знаю.

ЯГОДА. Разрешите вопрос. Может быть, вы вспомните хоть один документ и скажете какой?

БУЛАНОВ. Если бы я вспомнил, я бы уже сказал.

ЯГОДА. Довольно странно. Человек определяет, что это архив Рыкова, по каким же документам? По одной фамилии что ли?

БУЛАНОВ. Я могу на это только одно ответить, что в свое время Ягода ни на одну секунду не сомневался в моих способностях очень быстро при всяких обстоятельствах ориентироваться и соображать. Почему он сейчас отрицает заведомо для меня ясную вещь, я не знаю, я сказал то, что я знал и считал нужным это сказать.

ЯГОДА. Во всяком случае, если архив и был бы, то, по сравнению с другими преступлениями, архив Рыкова это пустяки.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, [, пожалуйста,] *подсудимый Ягода*, вы в своей *преступной* деятельности [преступной] покрывали [преступную деятельность] меньшевиков?

ЯГОДА. Меньшевиков, в какой период?

ВЫШИНСКИЙ. В 1935 г. подпольную преступную деятельность меньшевиков?

ЯГОДА. По моим данным особо активной роли меньшевики не играли.

ВЫШИНСКИЙ. Какую-нибудь роль играли?

ЯГОДА. Почти никакой.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, кое-какая была?

ЯГОДА. Самая незначительная.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы-то, по крайней мере, эту даже самую незначительную роль меньшевиков покрывали?

ЯГОДА. Я не смогу вам ответить на этот вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Позвольте мне предъявить Ягоде его показания в томе II-м лист дела 135: «вопрос: вам предъявляется документ из материалов НКВД, в котором сообщается о меньшевистском центре за границей и об активной его работе в СССР». Вы припоминаете этот факт?

ЯГОДА. Да, я знаю, я [не] только не смогу на это ответить здесь.

ВЫШИНСКИЙ. Я и не хочу, чтобы вы отвечали. На этом документе в ноябре 1935 г. наложена следующая резолюция: «Это давно не партия и возиться с ней не стоит». «Ответ: да, эту резолюцию писал я». И [ваше] дальше *ваше* объяснение: «это только одно из проявлений того, как я оберегал

от провала и отводил удар от меньшевиков, потому что они находились в контакте с правыми». Подтверждаете это?

ЯГОДА. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, из этого момента можно сделать заключение, что правые были в контакте с меньшевиками в подпольной заговорщической работе и что вы покрывали эту их подпольную заговорщическую работу, отводили от них удар за ударом? Так?

ЯГОДА. Это не совсем так.

ВЫШИНСКИЙ. А как? Вы подтверждаете это показание?

ЯГОДА. Я подтверждаю показание, но для того, чтобы объяснить вам, должен сказать об этом документе.

ВЫШИНСКИЙ. Я знаю. Вы признаете ваше показание правильным?

ЯГОДА. Показание мое правильное.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, так и было, как вы показывали, в вашей практике?

ЯГОДА. Так и было.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, в вашей практике вы оберегали от провала меньшевиков? Правильно?

ЯГОДА. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Вот это я вас и спрашиваю. Теперь скажите, пожалуйста, какова была роль по вашим данным [обвиняемых] *подсудимых* Рыкова и Бухарина в умерщвлении Алексея Максимовича Горького? [Коротко и ясно.]

ЯГОДА. Со слов Енукидзе я знал, что они принимали участие в обсуждении этого вопроса.

ВЫШИНСКИЙ. [В обсуждении этого вопроса, п] *По* поводу Рыкова мы тот вопрос выясняли. Рыков признал, что в разговоре с Енукидзе у них стоял вопрос о возможности террористического акта.

Я хотел бы спросить Бухарина по этому вопросу.

БУХАРИН. Я не принимал никакого участия.

ВЫШИНСКИЙ. Я вам еще не задал вопрос, а только сказал по этому поводу.

БУХАРИН. Вы сказали, что я хотел вас спросить по этому поводу.

ВЫШИНСКИЙ. Я сказал, что по этому поводу, но вопроса я еще не назвал, а ответ уже получил.

(Смех в зале.)

Я хочу вас спросить, вам известно, какое было отношение Алексея Максимовича к Троцкому?

БУХАРИН. Резко отрицательное.

ВЫШИНСКИЙ. А вам известно, какое отношение было Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому?

БУХАРИН. То же самое, резко отрицательное. Прикажите рассказать более подробно.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, сейчас это не требуется. Я хотел бы спросить Бессонова. [Обвиняемый] *Подсудимый* Бессонов, вы подтверждаете, что отношение Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому было резко отрицательное?

БЕССОНОВ. Да, я подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. На основании каких фактов?

БЕССОНОВ. На основании [фактов, которые] *того, что* высказал Троцкий в личном разговоре со мной.

ВЫШИНСКИЙ. Вы подтверждаете то, что вы показали на суде, что Троцкий [выдвигал идею о необходимости] *передавал через вас директиву о* физическ*ом*[го] уничтожени*и*[я] Горького?

БЕССОНОВ. Да, [он поручил эту идею] *я передал это задание Троцкого* Пятакову.

ВЫШИНСКИЙ. Выбрал Пятакова как одного из главарей блока? Так что ли?

БЕССОНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы с Пятаковым были связаны по подпольной заговорщической работе?

БЕССОНОВ. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Вам известно, [обвиняемый] *подсудимый* Бухарин, что это враждебное отношение к Горькому не только со стороны Троцкого, но и троцкистов *имело место*[I]?

БУХАРИН. Да, конечно, потому что Троцкий и троцкисты это единая суть, [и Троцкий пользуется таким авторитетом...]

[ВЫШИНСКИЙ. Среди своих заговорщиков?]

[БУХАРИН. Среди своих] заговорщики[ов, что ему] подчинялись на военный манер.

ВЫШИНСКИЙ. Вам известно, что это отрицательное отношение к Горькому со стороны троцкистов имело отчетливую форму?

БУХАРИН. Вы спрашиваете меня о том разговоре, который был у меня с Томским?

ВЫШИНСКИЙ. Если это есть доказательство того, о чем мы говорили?

БУХАРИН. У меня был один разговор с Томским.

ВЫШИНСКИЙ. Где был разговор, когда?

[БУХАРИН. Точно я не помню, может быть, в 1934 г. ...]

[ВЫШИНСКИЙ. В 1935 г.?]

БУХАРИН. [Может быть, в] *В* 1935 г. [На заседании Политбюро я подошел к] Томски*й*[ому, он очень бегло] *мне* сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького.

ВЫШИНСКИЙ. Вы узнали от Томского, что Троцкий подготовляет какой-то враждебный акт против Горького, и не спросили Томского, откуда ему это известно?

БУХАРИН. Нет. Я предполагаю, что это ему было известно от троцкистских участников блока.

ВЫШИНСКИЙ. [От кого-либо из участников, из руководителей блока.] Он вам не сказал, почему [они] *троцкисты* готовили эту враждебную акцию или акт против Горького?

[БУХАРИН. Он этого не сказал. Он сказал, что сталинца Горького, но у меня сложилось впечатление, что речь идет о крупном политическом антагонизме в связи с специфической ролью Алексея Максимовича.] *[эта акция против «сталинца» как защитника социалистического строительства, вообще сталинской политики, в частности]*

[ВЫШИНСКИЙ. Какая специфическая роль?]

БУХАРИН. [Специфическая роль,] *Он этого не сказал. Он сказал, что это акция против «сталинца Горького»* как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики, в частности. [и в особенности, и еще, так сказать, д] Думаю, что здесь речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на *арене международной*[II] *вообще, у* интеллигенции, *в частности.* [в более узком смысле слова.]

[I] * * — знак переноса фразы — «*отношение к Горькому имело место не только со стороны Троцкого, но и троцкистов*».

[II] * * — инверсия — «*на международной арене*».

ВЫШИНСКИЙ. Не касался ли этого момента Томский в связи с вопросом о свержении советской власти?

БУХАРИН. Нет, гражданин Прокурор.

ВЫШИНСКИЙ. Это вы хорошо помните?

БУХАРИН. Это я хорошо помню.

ВЫШИНСКИЙ. Разрешите напомнить мне то, что говорил Бухарин на предварительном следствии, том 5, стр. 117 — «Троцкисты, говорил мне Томский, аргументировали свое...» (Читает)[282].

БУХАРИН. Это, видите ли, гражданин Прокурор, т.к. меня допрашивали, какой я смысл вложил в эти беглые замечания Томского и какое впечатление сложилось от этого разговора, то я это более подробно изложил, причем это есть мое впечатление, которое я припомнил, когда меня спрашивали относительно разговора с Томским.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении советского правительства?

БУХАРИН. [Так как словесно он не связывал, я и говорил, что нет, а п] *По* существу, [он] связывал.

ВЫШИНСКИЙ. [Но п] *По* существу, он связывал?

БУХАРИН. Да, я ответил.

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует существо.

БУХАРИН. Но вы спрашиваете конкретно...

ВЫШИНСКИЙ. Ваша беседа с Томским дала основание считать, что вопрос о враждебном акте против Алексея Максимовича Горького ставится в связи с задачей свержения сталинского руководства?

БУХАРИН. Да, по существу, это можно было сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, вы знали, что идет речь о каком-то враждебном акте [?] *против Горького?*

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. О каком же, по вашему мнению, враждебном акте шла речь?

БУХАРИН. Я тогда об этом совершенно не думал, и у меня в мыслях не было...

ВЫШИНСКИЙ. Что вы думали, скажите?

БУХАРИН. Я ничего почти не думал.

ВЫШИНСКИЙ. Но дело-то серьезное? Разговор идет о чем?

БУХАРИН. Разрешите мне объяснить в паре слов. Сейчас, постфактум, теперь, во время следствия, я могу сказать...

ВЫШИНСКИЙ. Не во время следствия, а во время разговора с Томским.

БУХАРИН. Но это был беглый разговор, разговор во время заседания Политбюро, который длился всего несколько секунд.

ВЫШИНСКИЙ. Меня не интересует, сколько времени длился разговор, вы могли целый час беседовать с Томским где-нибудь в уголке, поэтому для меня ваша аргументация не имеет значения, мне важны факты, я хочу их установить. Имели место следующие факты: в 1935 г., в начале (если вы правильно говорили на предварительном следствии) 1935 г. у вас с Томским был разговор. Томский вам сообщил, что троцкистско-зиновьевская часть право-троцкистского блока затевает враждебный акт против Горького как против сторонника сталинского руководства. Так?

БУХАРИН. Это так можно формулировать.

ВЫШИНСКИЙ. Это факт?

БУХАРИН. Это факт.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы расценивали это сообщение?

БУХАРИН. Я прошел мимо этого сообщения.

ВЫШИНСКИЙ. Прошли мимо?

БУХАРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Когда говорят о враждебном акте, то можно разуметь и очень серьезные враждебные акты, вплоть до террористических?

БУХАРИН. [Теоретически можно предполагать —] *Да,* от выступления в печати, [или] неприятного разговора до террористического акта — амплитуда колебания очень большая.

ВЫШИНСКИЙ. А вы в то время как относились к этому?

БУХАРИН. Я в то время совершенно на эту тему не разговаривал, в моем сознании ничего не было...

ВЫШИНСКИЙ. Что же, это такое ничтожное заявление, что на нем не следует останавливаться?

БУХАРИН. Это было беглое замечание...

ВЫШИНСКИЙ. Хотя бы и беглое. Вам говорят, что против Алексея Максимовича Горького готовится враждебный акт...

БУХАРИН. Дело, примерно, было так. Я серьезно формулировал уже на допросе, потому что я хотел припомнить, не проливает ли этот момент беседы какой-нибудь свет на тот материал, который имеется в распоряжении следствия. И под углом зрения этого материала все приняло определенные очертания. А тогда у меня в сознании этого не было, я не подумал о смысле этого факта.

ВЫШИНСКИЙ. [Но н] *Не* исключено, что именно тогда и шла речь о физическом устранении, об убийстве Горького?

БУХАРИН. Теперь я считаю, что это не исключено.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, то, что говорил Томский, давало основание думать, что речь шла о террористическом акте против Горького?

БУХАРИН. Теперь я утверждаю, что да.

ВЫШИНСКИЙ. А тогда вы не поняли?

БУХАРИН. А тогда я абсолютно ничего не понял.

ВЫШИНСКИЙ. (К суду.) У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (В сторону [обвиняемых] *подсудимых.*) Вопросы к Ягоде у кого-либо имеются?

РЫКОВ. [Мой сопроцессник] Ягода упомянул здесь фамилию Венецкого как человека, который являлся моим соучастником и связывал меня с кем-то. Я просил бы сказать, откуда это известно и кто такой Венецкий; знает ли Ягода об этом от самого Венецкого или из другого источника. Никаких инспекторов у меня лично не было.

ЯГОДА. Венецкий — инспектор связи Наркомата Связи и одновременно инспектор связи в НКВД. Однажды он мне позвонил и сказал, что Рыков просит его свести пакет к Николаевскому заграницу, — может ли он его взять. Я сказал: переговорите с Рыковым; если он даст — возьмите. Отсюда я вижу, что Венецкий является связью между Николаевским и Рыковым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Вышинскому.) Больше вопросов у вас нет?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У суда вопросов также нет. Садитесь, пожалуйста.

Переходим к допросу подсудимого Крючкова.

Подсудимый Крючков, поскольку вы подтвердили *уже* свои показания, *данные на предварительном следствии,* расскажите вкратце о ваших преступлениях.

КРЮЧКОВ. Я показания свои подтвердил полностью. Я предательски убил Максима Горького и его сына Максима Пешкова. Оба убийства я совершил по указанию Ягоды и под влиянием его угроз.

Давая мне поручение убить Максима Пешкова, Ягода осведомил меня о предполагаемом государственном перевороте и о его, Ягоде, участии. Принимая *это* поручение, я стал участником контрреволюционной организации правых.

Я не могу скрыть перед судом, как это я показывал и на предварительном следствии, что мои личные интересы совпадали, переплетались с политической подкладкой этого преступления. Ссылаясь на Ягоду, я нисколько не хочу уменьшить степени своей виновности. К разрушению здоровья Максима Горького я приступил после больших колебаний. В смерти же Максима Пешкова я был лично заинтересован. Я полагал, что со смертью Максима Пешкова я останусь единственно близким человеком к Горькому, человеком, к которому может *впоследствии* перейти большое литературное наследство *Горького*, которое даст мне в дальнейшем средства и независимое положение.

С Ягодой я познакомился в 1928 г. Наиболее близкая связь установилась в 1931 г. В 1932 г. мы стали встречаться чаще. Ягода часто разговаривал со мной, говорили мы об Алексее Максимовиче, о его роли как политического деятеля, о его близости к партии, к Сталину. Говорили о той работе, которую Максим Пешков ведет при Алексее Максимовиче. Ягода выяснял и мои политические настроения. [Нужно сказать, что тогда у меня политические настроения были колеблющиеся: я] *Я* не верил в силы индустриализации страны, я не верил в коллективизацию страны. [самокритику я считал не как орудие роста партии и страны, а как старание скрыть ошибки.]

В 1932 г. в разговоре со мной Ягода часто намекал мне, что ему известно, что я живу довольно широко и трачу сравнительно большие средства на себя.

ВЫШИНСКИЙ. Откуда у вас эти средства были?

КРЮЧКОВ. [Действительно, это было так.] Я [за]*рас*трачивал большие деньги Горького, пользуясь его полным доверием. И вот это [все постепенно меня] поставило меня в какую-то зависимость перед Ягодой. Я боялся того, что он знает, что я трачу деньги [, я боялся того, что он знает, что я] *и* совершаю уголовное преступление. Ягода стал пользоваться мной, чтобы войти в дом к Горькому, стать ближе к Горькому. Я ему помогал во всем.

В начале 1933 г. Ягода в один из разговоров со мной сказал, что Алексей Максимович может скоро умереть, что он стареет, что после смерти Алексея Максимовича *распорядителем литературного наследства Горького* останется *сын* Макс.[им.] Вы же привыкли, говорит Ягода, жить хорошо, а останетесь в доме в роли приживальщика. Это замечание Ягоды смутило меня, и это мое смущение заметил Ягода. На этом разговор и кончился.

В 1933 г., кажется, весной, как я уже сегодня показывал, Ягода снова возобновил этот разговор со мной и тогда ставил вопрос прямо об устранении, точнее сказать, об убийстве Максима Пешкова.

Он тогда говорит мне так: дело тут не в Максиме Пешкове, необходимо уменьшить активность Горького, которая мешает большим людям [. Из дальнейшего разговора я понял, что идет речь о правой организации. Под большими людьми он понимал] — Рыков*у*[а], Бухарин*у*[а], Каменев*у*[а], Зиновьев*у*.[а.] Разговор [был очень большой и] происходил в [его] кабинете *Ягоды*. [на площади Дзержинского.] Он мне говорил также о [государственном] *контрреволюционном* перевороте. Насколько я помню его слова, он говорил о том, что в СССР скоро будет новая власть, которая *вполне будет* отвеча*ть*[ет] моим политическим настроениям. Активность *М.* Горького

стоит на пути *государственного переворота*, эту активность нужно уменьшить. «Вы знаете, как Алексей Максимович любит *своего сына* Максима. Из этой любви он черпает большие силы», — *сказал он.*

Я ему [ответил на это] *сказал*, что мешать ему, — *Ягоде*, — не собираюсь, и спросил, что мне нужно делать. На это он мне ответил: устранить Максима, и прибавил, что смерть Максима повлияет на Горького и сделает его безобидным стариком. В дальнейшем разговоре он мне сказал: ваша задача очень проста, [вы выпиваете с Максимом,] начните [его] спаивать [.] *Максима.* Я разговаривал с доктором Виноградовым и знаю, как губительно действует на организм Максима вино.

Я был удивлен, что он советовался по этому поводу с Виноградовым, и высказал свое удивление. [Тогда о] *О*н мне сказал, что для этого [преступного] дела привлечены [и знают о нем] доктор *А.И.* Виноградов и доктор Левин.

Я принял поручение и приступил к подготовке убийства Максима Пешкова. Я начал спаивать его, причем вино получал непосредственно от Ягоды в довольно большом количестве.

Но все же крепкий организм Максима Пешкова не поддавался. И вот в 1934 г. Ягода торопит меня, советует мне простудить Максима. Вы, говорит *Ягода*, оставьте его как-нибудь полежать на снегу. В марте или апреле месяце, [я не помню,] незадолго до основной болезни Максима Пешкова, я так и сделал, но Максим Пешков тогда отделался небольшим насморком. 2 мая я предварительно напоил Максима и, как здесь сегодня показывал доктор Левин, оставил его в саду на скамейке *спать на несколько часов.* День был холодный, и с этого момента Максим заболел, а 11 мая умер. 3 мая вечером Максим мне сказал, что ему нездоровится, и смерил температуру, [у него] *оказалось* 39,5. *Несмотря на это, я врача не вызвал.* [Я ему посоветовал согреться, выпить еще водки. Медицинский работник Олимпиада Дмитриевна Черткова, верный друг дома Горького, очень обеспокоилась и потребовала немедленно вызвать врача. Я сказал, что можно подождать до утра,[1] и у] *У*тром вызвал Левина.

Левин приехал и поставил диагноз, что у Максима в легкой форме грипп. При этом он отозвал меня в сторону и сказал, что вот вы добились того, к чему стремились. Я был немножко удивлен этими словами, откуда он знал о моем участии в этом преступлении. Раньше между нами бывали разговоры о здоровье Максима Алексеевича Пешкова, но прямо мы не говорили никогда как преступник с преступником. Через несколько дней случайно к Алексею Максимовичу Пешкову приехал доктор [тибетской медицины] Бадмаев. Бадмаев осмотрел Максима Пешкова и сразу же определил крупозное воспаление легких и удивленно спросил — что же Левин не осматривал его *что ли?* Когда Максим Пешков узнал, что он болен крупозным воспалением легких, он попросил — нельзя ли вызвать *А.Д.* Сперанского, который часто бывал в доме Горького. Алексей Дмитриевич Сперанский не был лечащим врачом, но Алексей Максимович его очень любил и ценил как крупного научного работника. Я сообщил об этом Левину. Левин на это сказал: ни в коем случае *не вызывать* Сперанского. [Он] *Левин* добавил, что он в скором времени приедет вместе с доктором *А.И.* Виноградовым. И, действительно, к вечеру они с доктором Виноградовым приехали. Доктор Виноградов, [привез с собой какие-то лекарства] еще не видя больного, [.] *привез с*

[1] Текст восстановлен — зачеркнут (синие чернила), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш), рядом на полях помета (красный карандаш): *«Восстановить»*. Правка красным карандашом И.В. Сталина.

собой какие-то лекарства. Я помню, тут была какая-то стычка с Олимпиадой Дмитриевной Чертковой, когда Виноградов дал Максиму лекарства, минуя ее, она постоянно ухаживала за всеми больными в доме Горького и требовала, чтобы все шло через ее руки. И она дала лекарства, которые были в домашней аптеке Горького.

7 или 8 мая Максиму Алексеевичу стало лучше. Я [позвонил как раз] *сообщил об этом* Ягоде, Ягода возмущенно сказал: «черт знает что, здоровых залечивают, а тут больного не могут залечить». [, приблизительно таков был смысл этого разговора.] Я знаю, что после этого Ягода говорил с доктором Виноградовым, и доктор Виноградов предложил дать Максиму Пешкову шампанского. Левин тогда [, насколько я помню разговор,] сказал, что шампанское очень полезно дать, потому что депрессивное состояние *у больного*[1]. Шампанское было дано Максиму Алексеевичу и вызвало у него расстройство желудка, при большой температуре. [, хотя температура и не записывалась, но была большой, при температуре примерно в 39 градусов, при деятельности сердца в 130—135 и при полном отсутствии сна.]

После того, как расстройство желудка появилось, Виноградов лично — это я знаю наверняка — дал больному слабительное и, выйдя из комнаты больного, сказал: [«Ну, теперь ясно] «для непосвященного *ясно*, что при такой температуре нельзя давать слабительное».

Консилиум, который был созван по настоянию [М.А. Пешковой и] Алексея Максимовича Горького, поставил вопрос о применении блокады по методу Сперанского, но доктор Виноградов, Левин и Плетнев категорически возражали и говорили, что надо подождать еще немного. В ночь на 11 число, когда Максим уже фактически умирал, и у него появилась синюха, [тогда] решили применить *блокаду по* методу Сперанского, [т.е. блокаду по методу Сперанского,] но сам Сперанский сказал, что уже поздно и не имеет смысла этого делать.

И так 11 мая Максим [был убит] *умер.* Я уже показывал, что я лично был заинтересован в убийстве Максима Пешкова. [, но это была моя мысль. Эту мысль воплотил в жизнь и, если можно так выразиться, дал мне нож в руки,] Ягода *дал мне нож в руки.* Я убил Максима по указаниям Ягоды.

Я забыл еще прибавить. Когда был разговор Ягоды со мной об убийстве Максима Пешкова, он мне сказал: «Петр Петрович, я в два счета могу отстранить вас от Горького, вы в моих руках. Малейший нелояльный шаг по отношению [меня] *ко мне* повлечет для вас более чем неприятные последствия». [Этот разговор у нас был приблизительно в конце разговора.]

Совершив это преступление, я вынужден был пойти на более ужасное преступление — на убийство Горького. [Прошло много времени,] Ягода *по*ставил[т] прямо вопрос, что необходимо приступить к разрушению здоровья Горького. Я заколебался, стал уклоняться от исполнения этого поручения. [Тогда] Ягода сказал, что он не остановится перед тем, чтобы разоблачить меня как убийцу Максима Пешкова. *При этом Ягода дал мне недвусмысленно понять, что если бы я вздумал сослаться на него, — из этого ничего не выйдет.* [Он, помню, прибавил, чтобы я не ссылался в связи с этим, т.е. с убийством Пешкова, на него. «Если вы назовете меня, вам никто никогда не поверит. Вы не глупый человек и понимаете, что] «Следствие *ведь* будут вести мои люди», — *заметил Ягода. И я пошел на это преступление.* [И тут же опять прибавил, что «задача ваша очень простая. Если вы раньше охраняли здоровье Горького, то теперь действуйте наоборот». И я пошел на это преступление.]

---

[1] * * — знак переноса фразы — «*потому что у больного депрессивное состояние*».

Левин сегодня показал, как я простужал Горького. Здесь наши действия были согласованы, т.е. я спрашивал [его] совета *Левина.* [, что делать.] Зиму 1935–1936 гг. Максим Горький проводил в Крыму в Тесселе. [Я там часто бывал, приезжал, я] *Я* жил в Москве, но каждые три недели, месяц я приезжал туда. Я устраивал длительные прогулки Алексея Максимовича, я организовал постоянные сжигания костров. Дым костров естественно действовал на разрушенные легкие Горького. [Я настойчиво его торопил с написанием 4 тома Клима Самгина.] И в это время, в период 1935—1936 гг. Горький в Крыму не отдохнул, а, наоборот, усталый возвращался в Москву. Возвращение в Москву было организовано или, вернее, ускорено Ягодой, который [и здесь] как с убийством Максима Пешкова, так *и с убийством М. Горького* торопил меня. Когда я был в Крыму, я по телефону говорил с Ягодой. Ягода меня торопит, говорит: необходимо привести в Москву Горького, — несмотря на то, что в Крыму была в это время очень теплая погода, а в Москве холодная. Я говорю Горькому [об этом] *о поездке в Москву.* Горький соглашается, собирается ехать, и, приблизительно, 26 мая 1936 г. [, — в это время] Надежда Алексеевна Пешкова, вдова Максима Алексеевича Пешкова, позвонила по телефону, сообщила, что ехать ни в коем случае нельзя, погода *в Москве* холодная, *к тому же [тогда]* внучки Алексея Максимовича, т.е. ее дочери, *находящиеся в Москве*, больны гриппом при [большой] довольно *высокой* температуре. Через день или два я опять [говорю] *разговариваю* с Ягодой, Ягода говорит мне, что внучки совершенно здоровы, поправились и необходимо уговорить Алексея Максимовича ехать. Я Алексею Максимовичу передал это, и 26—27 мая мы выехали в Москву. [И Алексей Максимович] 31-го, по приезде, *немедленно*[I] *Алексей Максимович* отправился к внучатам, которые действительно болели гриппом, [грипп у них не прошел,] температура [еще] была *повышена*, и он 31 мая заболел. [На следующий день, даже] 31 мая вечером был вызван доктор Левин. Левин определил небольшой грипп, но 2 *июня* сам Алексей Максимович, разговаривая со мною утром, [говорит] *спросил:* «Что говорят врачи?» Я [говорю, что, вот,] *ответил* — грипп, а он говорит: [, что:] «по-моему у меня начинается воспаление легких, я вижу по мокроте». [слишком она тягучая.] Я тогда позвонил Левину. Левин приехал и с диагнозом, поставленным самим больным, согласился немедленно. После этого началось лечение *в кавычках.* [Алексей Максимович просил пригласить Сперанского, и уже по приезде Сперанского начали более энергично лечить Горького, фактически л] *Лечили* Горького профессор Плетнев и доктор Левин. Я наблюдал это лечение и [я] должен сказать, что критическое значение сыграло [дача] *то, что* Горькому *давали* дигален[а], данные, *о чем у суда*[II] имеются. Если до 8 июня 1936 г. пульс Горького все же был ровный и доходил, кажется, до 130 ударов в минуту, то после дачи дигалена он сразу стал давать резкие скачки.

[Я помню, приходил профессор Ланг, и я говорил, что в первую минуту было 30—40 ударов, а потом доходило до 160 и даже трудно считать.]

Вот мое второе ужасное преступление. Я кончил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У Прокурора есть вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты есть вопросы?

КОММОДОВ. Нет.

БРАУДЕ. Нет.

I * * — знак переноса слова — «*31-го немедленно по приезде*».

II * * — знак переноса фразы — «*о чем у сада данные имеются*».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У подсудимых есть вопросы? (Нет.)
У экспертизы есть вопросы? (Нет.)
Объявляется перерыв до 11 часов утра 9 марта 1938 г.

9 марта 1938 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Допрос подсудимых: ПЛЕТНЕВА
КАЗАКОВА
МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЗАКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Подлинник стр. с 1117 по 1192 вкл.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

9 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
9/III-38 г.

Плетнев. С маленьким лицом, с серовато-бурыми волосами, зачесанными назад. Черный костюм с черным галстуком, с рыжеватыми усами, весь низ лица оттянут. Сбрасывает с рукава соринку. Говорит резко, подчеркивая.

— Женщина, 50 ампул, она уже 8 лет здорова и показывается мне ежегодно.

Узловатые пальцы. (24)

— Активно я не действовал против. Кроме этого...

— Понизить сопротивляемость...

Разводит руками, как бы давая понять, что вам не ясно. И говорит убедительно.

Стоит, откинувшись назад.

— От отв.[етственности] не уйдете.

Делает жест от себя к Прокурору.

Казаков. Похож на куклу — иссиня черная шевелюра с баками, нос, продолжающийся прямо ото лба, пенсне, кок, низ лица разжиревший... Вату из ушей вынул. В черном. В кармашке карандаш. В руке блокнот. Врачи при показаниях воду не пьют.

Казаков хочет подчеркнуть, что вылечил Менжинского. «Фавориты» медицины, живописи, музыки, литературы — использование их врагами.

— Действ.[ительно] был использован метод. Метод этот заключался в следующем...

Смотри в блокнот, ссылаясь на «свойство» и литературу. Реклама лизатов. Поднимает два пальца:

— Известно, что при бронхиальной астме происходит возбуждение...

Он докладывает также, что на него воздействовали, и затем перекладывает вину на «центр», на Рыкова и Бухарина.

Чуть поднимает голову и затем продолжает говорить о лаборатории, показывая больных.

— Может быть и нов.[1] *врачом-преступником.*

— Нет, чистое преступление.

Он все-таки хочет доказать свое изобретение, и он бросает опять множество иностранных терминов.

Хочет доказать, что его мучают, не признавая его научных трудов.

Смотрит в «формула № 2» — голубую папку. Доказывая о противопоказанности, он хочет доказать их научную силу.

— Если у вас была совесть?

Казаков отвечает, очки у него блестят от света люстры. У Левина круглый рот и круглые брови. Разговор о «шарлатанстве». Казаков вытирает шею. Оживился, когда появилась возможность доказать, что лизаты помогли, он пытается прочесть лекцию, так как раньше он этим убеждал. Кричит:

— Это можно проделать на опыте и комиссия!

Кричит.

Бурмин читает экспертизу.

— Ваша карта бита. Сознавайтесь.

— Мы сознались во всем.

— Если сознаетесь, то рассказывайте.

Лепнина потолка, сбоку растительный орнамент, грифоны везут щиты, там же сцены из греческой жизни, купидоны несут гирлянды, на колонны свисают гирлянды.

Максимов. В коричневом костюме, хромает.

После экспертов. В кармане Розенгольца. Зашито в карман.

— На счастье! Талисман. Розовый пакетик.

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Заседание продолжается.

Подсудимый Плетнев, расскажите суду о ваших преступлениях перед советской властью.

ПЛЕТНЕВ. Летом 1934 г. ко мне обратился доктор Левин и сказал, что меня хочет повидать [тогдашний наркомвнудел] Ягода, причем сказал, что он будет ко мне обращаться не как пациент. Темы разговора он не конкретизировал, так что точно я не знал, о чем будет речь, но он говорил, что внутри правительства идут разногласия, существует известный антагонизм, и что, вероятно, на эту тему будет со мною беседовать Ягода. Он мне не называл ни имен, ни фамилий, ни конкретных фактов. [II]Через несколько дней за мною прислали машину, и я был привезен в кабинет [тогдашнего наркома.] *Ягоды.* [И вот о] *О*н начал со мною беседу [в общих чертах] на политическую тему. [, не говоря подробно ничего.] Он сказал, что [сейчас] назревает переворот, в котором он участвует; из других лиц он назвал только одного Енукидзе.[III] *Через некоторое время Левин, кроме Енукидзе, назвал мне участником антисоветского сговора и Рыкова.* [Сказал, что] *Ягода сказал, что* они с Енукидзе решили привлечь, помимо Левина, и меня, и что требуется наша помощь в деле устранения двух лиц. Эти два лица были: Максим Горький и Куйбышев. [Когда я] *Я* возражал, [по поводу того,] *говоря,* что,

[1] Так в документе. Восстановить не удалось.

[II] Знак абзаца.

[III] Здесь стоит галочка (красный карандаш).

во-первых, Максим Горький — писатель, что, во-вторых, это — два больных человека, которым, по существу, не так долго осталось жить, Ягода сказал: «Они больны, но они чрезвычайно активны, и вопрос не в том, чтобы *только устранить*[I] здоровых, а в том, чтобы уменьшить продолжительность и интенсивность активности этих лиц», [и][II] добавил, что [здесь, в центре,] *Максим Горький* особенно значителен[ьным в этом отношении по своему удельному весу,] как внутри страны, так и [по личным своим отношениям, так и по тому, что он является рупором для] заграниц*ей*.[ы, — является Максим Горький. Помимо этого о] *О*н сказал, что [меня он] выбрал *меня* не только как медицинское лицо, но и потому что зна*ет*[л] мое антисоветское настроение. [, и потому что я имею отношение к доктору Никитину, и затем — то, о чем говорили предшествовавшие, — что в ответ на эти объяснения, п] Предложение его было подкреплено сильными угрозами по отношению ко мне и по отношению к моей семье. *Он сказал, что знает мое отношение к доктору Никитину.* Относительно доктора Никитина я должен сказать следующее: доктор Никитин был любимым врачом Льва Толстого, с ним ездил, жил у него в Ясной Поляне, когда он был болен, ездил в Крым, а затем служил в той самой больнице, где и я. Он обратился ко мне с разговором насчет группировки, которая существует среди врачей. Но я никогда не мог считать доктора Никитина мало-мальски каким-нибудь политическим деятелем, и как я показывал на следствии, так и сейчас говорю, что я отклонил с ним разговор, а через некоторое время я узнал, что их несколько человек поехали в ссылку. Таким образом, в чем состояло существо их деятельности, кроме этих бесед, я лично затрудняюсь сказать. Но я в так называемом никитинском деле не принимал решительно никакого участия.

[Что касается до последствий этого, то, несмотря на тот угрожающий решительный тон, в сущности, то, что говорилось доктором Левиным, мне пришлось повторить, я не хочу утомлять, но все-таки я по возможности уклонялся.] Я *бывал редко*[III] у Куйбышева. [, бывая у] *У* Горького [, когда он был тяжело болен, всегда с доктором Левиным, так что непосредственного непрерывного контакта у меня не было.] *я бывал с доктором Левиным, когда Горький тяжело болел.* Я был консультантом, домашним врачом Горького был Левин. [Я это говорю не потому, чтобы переложить на Левина вину, но если бы я изо дня в день бывал у Горького, я из консультанта превратился бы в домашнего врача, что сделать я не мог.]

План лечения был выработан мною совместно с Левиным, я за него несу ответственность так же, как и Левин. [Это я излагаю в порядке подробностей, а не потому, чтобы Левина поставить выше себя.]

Изложенное Левиным я подтверждаю. [Здесь не было никаких ядов, но была следующая установка: т.к.] Горький был очень слаб здоровьем, что было известно тогда для всех врачей, [как] это было подтверждено [и] *на вскрытии*[IV], что Горький жил с одной третью легких, [— то,] следовательно, [вопрос о] физическое[м] переутомлении, [вопрос о] как*ая*[ой]-нибудь инфекция[и], [когда легочная ткань была заменена соединительной тканью и не могла сопротивляться,] — это могло оказаться роковым. Никаких посторонних ядов не вводилось, а был[а] определен[ная линия,] режим, который[е] был[и] вредны для [него.] *Горького.*

[I] * * — инверсия — «*чтобы устранить только*».

[II] Вероятно, предлог восстановлен — зачеркнут, подчеркнут двумя горизонтальными линиями (синие чернила).

[III] * * — инверсия — «*редко бывал*».

[IV] * * — знак переноса фразы — «*это на вскрытии было подтверждено*».

Доктор Левин совершенно правильно сказал, что когда велось лечение, никаких переходных граней через допустимые и возможные дозы не было. Вчера доктору Левину задавали вопрос, вспрыскивал ли он по 30—40 ампул камфары. Это не грань. Мне пришлось впрыснуть одной старушке с крупозным воспалением легких гораздо большее количество камфары — 50 ампул. С той поры прошло 8 лет, она из года в год показывается ко мне. Камфара исчезает из организма в 25—30 предельных минут. Но это не есть абсолют, и вместе с тем то, что для Ивана оказывается нормальной возможной дозой, для Петра это будет велико. То же можно сказать и с алкоголем. Одному достаточно трех рюмок для того, чтобы опьянеть, а другому — 2 бутылки выпить ничего не стоит.

Количественно и качественно — лекарства были все допустимы, а индивидуально *для Горького они были вредны.* [они не годились. Здесь не было посторонних лекарств, а индивидуально они были вредны.] Конечно, это не меняет сути дела. [, потому что я говорю об абсолюте, потому что вопрос не спорный, сколько допускается вопрос в том, что была перейдена индивидуальная грань у Горького. Мы считаем, что у Горького была перейдена индивидуальная грань при назначении.] Токсическое влияние, вредное влияние проявилось, потому что предел выносливости у Горького был меньше, чем у другого человека.

Что же касается до умерщвления Куйбышева, то изложенное Левиным совершенно правильно. [Благодаря] *Вследствие* очень напряженной, очень нервной жизни у Куйбышева не хватало сил, [на выполнение всего того, что нужно было, он сам бросался за возбуждающими] *нужны были возбуждающие* средства[ми], которые [, главным образом,] впрыскивались ему в виде разнообразных гормонов.

[И, как вчера Левин показывал,] *Непрерывно* в течение 365 дней в году *их нельзя *было* вспрыскивать*[1], нужно делать перерывы, а эти перерывы не делались. Соответствующее влияние оказывали[а] также дача *и* сердечных лекарств, которые Левин назначал. [, не будучи связан со мной, ибо вырабатывался план, который он индивидуально мог изменить, иначе это и быть не могло. Но, повторяю, я ни в какой мере не хочу поставить Левина впереди себя.]

Как видите, мои показания совпадают с показаниями Левина, может быть, отличаясь от них какими-нибудь мелочами, но здесь мелочи не решают дело, и я несу наравне с ним одинаковую ответственность.

Может быть, теперь разрешите ответить на те вопросы о происхождении, работе и др., которые вчера задавались Левину и которые, очевидно, будут заданы и мне.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К Прокурору.) У нас есть вопросы?]

[ВЫШИНСКИЙ. У меня есть вопросы, только не те, о которых думает обвиняемый. Первый вопрос: вы действительно в то время отличались антисоветским настроением?]

[ПЛЕТНЕВ. (После молчания.) Я сказал, что я к делу Никитина, которого я и сейчас подробно не знаю...]

ВЫШИНСКИЙ. [Я не спрашиваю вас о деле Никитина, а я спрашиваю, к] *К*ак вы характеризуете свои настроения в то время, когда были приглашены Ягодой для сговора об убийстве Куйбышева и Горького? Были у вас тогда антисоветские настроения?

ПЛЕТНЕВ. Были.

---

[1] * * — знак переноса фразы — «*Их нельзя было вспрыскивать непрерывно в течение 365 дней в году*»

ВЫШИНСКИЙ. А вы маскировали эти настроения?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Каким образом?
ПЛЕТНЕВ. Неоднократно говорил о полной поддержке всех тех мероприятий, которые проводились советской властью.
ВЫШИНСКИЙ. А в действительности?
[ПЛЕТНЕВ. Активно я не действовал против, как я уже сказал. Но это видно...]
[ВЫШИНСКИЙ. Вы выдавали себя внешне за советского человека, а по существу?]
ПЛЕТНЕВ. Я был несоветским человеком.
ВЫШИНСКИЙ. Антисоветским?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Маскировались?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Двурушничали?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Лгали?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Обманывали?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. [Теперь перейдем к делу. П] *Из чего складывался* план, который вырабатывался вами вместе с Левиным в отношении умерщвления Алексея Максимовича Горького, [из чего он складывался,] формулируйте кратко.
ПЛЕТНЕВ. Утомить организм и тем понизить сопротивляемость.
ВЫШИНСКИЙ. Настолько...
ПЛЕТНЕВ. Чтобы не было... одним словом, понизить сопротивляемость, добиться того, чтобы организм не мог сопротивляться.
ВЫШИНСКИЙ. До предела понизить?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. До возможного предела?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. До возможного и доступного человеческим силам предела?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. [Во-вторых,] *вос*пользоваться этим состоянием ослабленного организма для чего?
ПЛЕТНЕВ. Для возможной простуды и связанной с простудой инфекции.
[ВЫШИНСКИЙ. Или, как вы выразились на предварительном следствии, чтобы подсунуть какую-нибудь инфекцию?]
[ПЛЕТНЕВ. Совершенно верно.]
ВЫШИНСКИЙ. То есть умышленно создать обстановку неизбежного заболевания какой-либо болезнью?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. И [, в-третьих,] воспользоваться болезнью, чтобы что сделать?
ПЛЕТНЕВ. Чтобы применить неправильный метод лечения.
ВЫШИНСКИЙ. Для чего?
ПЛЕТНЕВ. Для умерщвления [.]
[ВЫШИНСКИЙ. Кого?]
[ПЛЕТНЕВ.] Горького.

ВЫШИНСКИЙ. Вот это и был ваш план?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. И вы его выполнили?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. Как вы подготовили организм Горького к тому, чтобы он не в состоянии был сопротивляться болезни?
ПЛЕТНЕВ. [Но э] *Эту технику здесь* изложил Левин.
ВЫШИНСКИЙ. Вы этот план поддерживали?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. В этом деле ваше мнение тоже было, имело оно значение?
ПЛЕТНЕВ. Технически я ничего предвидеть не мог, но я несу за это полную ответственность.
ВЫШИНСКИЙ. Ответственность вы, конечно, несете в полной мере. Меня сейчас интересует другой вопрос: в чем выразилось ваше фактическое участие. В том, что вы вместе с Левиным разработали этот преступный чудовищный план? Так я понимаю?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. В том, что вы вместе с Левиным этот план проводили в жизнь. Правильно я вас понимаю?
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. [И в том, что в] *В*ы добились вместе с Левиным [того] *намеченного вами* чудовищного результата*?* [, которого вы добились?]
ПЛЕТНЕВ. Да.
ВЫШИНСКИЙ. В отношении Валериана Владимировича Куйбышева вы тоже вместе с Левиным разрабатывали план [гибели?] *его умерщвления?*
ПЛЕТНЕВ. Тоже вместе с Левиным.
ВЫШИНСКИЙ. И вы вместе с Левиным заботились о том, чтобы этот план был выполнен?
ПЛЕТНЕВ. Постольку, поскольку его Левин выполнял, это был общий план.
ВЫШИНСКИЙ. А почему *[вы]* Левин выбрал вас в свои помощники или руководители, это как вы сами считаете?
ПЛЕТНЕВ. Нам с ним очень часто приходилось встречаться на консультациях в правительственных кругах.
ВЫШИНСКИЙ. Не только с вами он встречался.
ПЛЕТНЕВ. Я думаю, что он лучше ответит на этот вопрос, чем я.
ВЫШИНСКИЙ. А вы как сами смотрите?
ПЛЕТНЕВ. Вероятно, из-за этих антисоветских настроений.
ВЫШИНСКИЙ. Они ему были известны?
ПЛЕТНЕВ. Были известны.
ВЫШИНСКИЙ. Вы давно с Левиным знакомы?
ПЛЕТНЕВ. Лет 40.
ВЫШИНСКИЙ. Со студенческой скамьи?
ПЛЕТНЕВ. Немножко позже.
ВЫШИНСКИЙ. А имел он основание считать, что вы его не выдадите?
ПЛЕТНЕВ. Я вас не понял.
ВЫШИНСКИЙ. Вы не опасались, что Левин может вас подвести?
ПЛЕТНЕВ. Я не могу этого сказать.
ВЫШИНСКИЙ. Вы опасались или нет?
ПЛЕТНЕВ. Все равно я отвечаю за это дело.
ВЫШИНСКИЙ. Но вы опасались или нет, что он вас выдаст?

ПЛЕТНЕВ. Я об этом и не думал.

ВЫШИНСКИЙ. Понятно. Вы приняли с сочувствием этот план?

ПЛЕТНЕВ. Я уже показывал на предварительном следствии, что тут была тяжелая борьба.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы не отказались от этого преступного плана?

ПЛЕТНЕВ. Были угрозы *со стороны Ягоды* по моему адресу. [Лично я за себя, может быть, и не опасался, но у каждого из нас на руках семья.]

[ВЫШИНСКИЙ. Допустим, что вас страшили угрозы. Чья это угроза?]

[ПЛЕТНЕВ. Ягоды.]

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы придавали серьезное значение угрозам Ягоды?

ПЛЕТНЕВ. Все-таки это — [могущественный министр, Нарком ОГПУ.] *был Нарком внутренних дел.*

ВЫШИНСКИЙ. [Нарком ОГПУ.] Ну, а когда он перестал быть Наркомом [ОГПУ], что вас тогда удерживало от того, чтобы явиться в надлежащие органы [, если сопротивлялись внутренне этому преступлению,] и выполнить свой [последний] долг [честного советского] гражданина?

ПЛЕТНЕВ. Я считал вопрос законченным и умершим.

ВЫШИНСКИЙ. Умершими были ваши жертвы, а вопрос до сих пор жив.

ПЛЕТНЕВ. Теперь я вижу, что он жив.

ВЫШИНСКИЙ. Вы боялись Ягоды, когда он был [работником] *руководителем* НКВД? [или ОГПУ?]

[ПЛЕТНЕВ. Да.]

[ВЫШИНСКИЙ. А когда он перестал им быть, что же вами руководило? Был] *Но ведь был* такой момент, [— один день или один] *который длился не день и не* месяц, когда Ягода никакой опасности для вас не представлял, когда его сняли [с должности в ОГПУ.] *с работы в НКВД.*

[ПЛЕТНЕВ. Тогда он опасности не представлял.]

[ВЫШИНСКИЙ. Почему же тогда вы не сделали того, что должен был сделать каждый честный гражданин?]

ПЛЕТНЕВ. Я думал, что с кошмаром покончено...

ВЫШИНСКИЙ. Что концы в воду, что никто ничего не знает?

ПЛЕТНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И что вы по-прежнему можете фигурировать как медицинское светило, будучи *в действительности* светилом бандитского мира. Это так?

ПЛЕТНЕВ. Да.

[ВЫШИНСКИЙ. У меня нет больше вопросов.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *Ульрих.* У защиты есть вопросы?

КОММОДОВ. В ваших показаниях, *подсудимый Плетнев,* есть место, где вы говорите, что при разговоре с Ягодой, когда вы стали возражать, он вам заявил: предложение дано не для [обсуждения и не для] дискуссии, а для проведения в жизнь. Было такое место?

ПЛЕТНЕВ. Да.

КОММОДОВ. Был ли случай при свидании с Ягодой, что Ягода [взял материал доктора Никитина, показал вам его и] сказал, что [на] *против* вас [тоже] имеется компрометирующий материал?

ПЛЕТНЕВ. Он мне *его* не показал, [поэтому я до сих пор не знаю сути дела,] но он говорил *об этом.* [в деле Никитина, была папка.]

[КОММОДОВ. Говорил он, что на вас тоже имеется компрометирующий материал?]

[ПЛЕТНЕВ. Да.]

ВЫШИНСКИЙ. [Простите, т. Коммодов.]

(К Плетневу.) А вы не спрашивали, какой же это материал?

ПЛЕТНЕВ. Нет, не спрашивал.

ВЫШИНСКИЙ. А, может быть, и материала не было?

ПЛЕТНЕВ. С моей точки зрения? Я до сих пор не знаю. [Я знаю, что есть дело Никитина и папка.]

[ВЫШИНСКИЙ. С вашей точки зрения, был материал?]

[ПЛЕТНЕВ. С делом Никитина — никакого.]

[ВЫШИНСКИЙ. Тогда вам нечего было бояться.]

[ПЛЕТНЕВ. Никитин был назван в числе других.]

[ВЫШИНСКИЙ. Можно было назвать и кого-нибудь другого.]

[ПЛЕТНЕВ. Никитин тогда уже поехал в ссылку.]

ВЫШИНСКИЙ. Если бы вы были серьезным человеком, вы должны были бы спросить, какой материал.

ПЛЕТНЕВ. Я этого не спросил. Но мое кадетское прошлое...

ВЫШИНСКИЙ. Кадетское прошлое не у вас одного. *Что же тогда вас испугало?*

[ПЛЕТНЕВ. Да.]

[ВЫШИНСКИЙ. Материала фактически не знали?]

[ПЛЕТНЕВ. Никитинского материала не знал.]

[ВЫШИНСКИЙ. О материале не спросили?]

[ПЛЕТНЕВ. Нет.]

[ВЫШИНСКИЙ. Сами вы знали, что никаких материалов не может быть?]

[ПЛЕТНЕВ. Я ни в каких конспирациях не участвовал, но мои антисоветские настроения...]

[ВЫШИНСКИЙ. Что же тогда вас испугало?]

ПЛЕТНЕВ. Общая ситуация.

ВЫШИНСКИЙ. Понятно.

КОММОДОВ. У вас были антисоветские настроения?

ПЛЕТНЕВ. Да, как я говорил.

КОММОДОВ. Вы могли думать, что органы государственной [защиты и охраны социалистической родины] *безопасности* знают [об этих] *о ваших антисоветских* настроениях?

ПЛЕТНЕВ. Раз [это] *у меня они* были[о], [следовательно,] было *и* основание *для* такого предположения.

[КОММОДОВ. Вы верили в эту минуту, что у Ягоды имеется компрометирующий материал на вас?]

[ПЛЕТНЕВ. Верил.]

КОММОДОВ. Ваши антисоветские настроения сами по себе могли бы толкнуть вас на совершение преступления в вашей работе, если бы не было указаний Ягоды?

ПЛЕТНЕВ. Ни в коем случае.

КОММОДОВ. Сколько лет вы занимаетесь врачебной деятельностью?

ПЛЕТНЕВ. 40.

КОММОДОВ. Эти 40 лет *вы* провели в качестве практикующего врача или занимались научной деятельностью?

ПЛЕТНЕВ. Я был практикующим врачом, был педагогом, вел научно-исследовательскую работу и был редактором одного из руководящих медицинских журналов в СССР.

КОММОДОВ. У вас имеется научная работа?

ПЛЕТНЕВ. У меня имеется целый ряд работ.

КОММОДОВ. Больше вопрос нет.

ВЫШИНСКИЙ. *(К Плетневу.)* Вы сказали, [что] *сколько*[1] у вас лет вашего врачебного [общественного] стажа?

---

[1] * * — знак переноса слова — «*Сколько вы сказали...*»

ПЛЕТНЕВ. 40.

ВЫШИНСКИЙ. Вы считаете, безупречн*ым*[ого] *этот* стажа?

ПЛЕТНЕВ. Да, я считаю.

ВЫШИНСКИЙ. Безупречного?

ПЛЕТНЕВ. Да, я считаю.

ВЫШИНСКИЙ. За эти 40 лет у вас не было никогда никаких совершенных в области вашей профессии преступлений?

ПЛЕТНЕВ. Вам одно известно.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю вас, потому что вы заявляете о беспорочности ваших 40 лет.

ПЛЕТНЕВ. Да, но, как я тогда отрицал...

ВЫШИНСКИЙ. Вы считаете, что тот приговор, который имеется по хорошо вам известному делу *о насилии, учиненном вами над пациенткой,* есть [элемент и] момент позорной для вашей деятельности? [Правильно? Считаете это или нет?]

ПЛЕТНЕВ. Приговор, да...

[ВЫШИНСКИЙ. Приговор суда есть. Вы хотите, чтобы мы его огласили?]

[ПЛЕТНЕВ. Нет, нет.]

ВЫШИНСКИЙ. Приговор, порочи*т*[ащий] вашу деятельность или нет?

ПЛЕТНЕВ. Порочи*т*.[ащий.]

ВЫШИНСКИЙ. [Можно, таким образом, сказать, что] *Значит,* за [эти] 40 лет [у вас] был*и*[а беспорочная работа?] *порочащие моменты?*

[ПЛЕТНЕВ. Я не признал себя виновным.]

[ВЫШИНСКИЙ. Суд-то вас признал виновным?]

ПЛЕТНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы себя ни в чем не признали виновным?

ПЛЕТНЕВ. Я не могу сказать, что ни в чем.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в чем-то признали?

ПЛЕТНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Это порочит вас?

ПЛЕТНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, за 40 лет были порочащие моменты?

ПЛЕТНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У других подсудимых нет вопросов?

(Вопросов нет.)

У экспертизы есть вопросы?

(Вопросов нет.)

(К Плетневу.) Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Казаков, [В]*в*аши показания на предварительном следствии*?* *вы подтверждаете*[I] [?]

КАЗАКОВ. Подтверждаю.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ.][II] Что вы можете р] *Р*асска*жите*[зать] суду о вашей преступной деятельности?

КАЗАКОВ. [Прежде всего, мне сегодня, очевидно, придется быть значительно короче, чем я предполагал, т.к. доктор Левин в значительной мере разъяснил те моменты нашей преступной деятельности, которые я должен

[I] * * — знак переноса фразы — «*Подсудимый Казаков, вы подтверждаете [В]ваши показания на предварительном следствии?*».

[II] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

был сегодня осветить.] Мои преступления [относятся к] *связаны, в частности, с убийством* Вячеслава[у] Рудольфовича[у] Менжинского.[му, с которым я знаком с конца января и с начала февраля 1932 г.] Мое[и] отношение[я к Вячеславу Рудольфовичу состоят из] *разделяется на* два[ух] периода.[ов.] Первый период до ноября месяца 1933 г., когда я [его лечил и] правильно лечил *его* и добился определенных результатов. Второй период — [уже] *когда я применял* неправильный метод лечения. *Это было* [П]после встречи [сначала] с Левиным и после встречи с Ягодой. [Вячеслав Рудольфович] *Менжинский* до моей встречи с ними был в тяжелом состоянии и около 6 или 7 месяцев не вставал с постели. Я был [к такому] *приглашен к* тяжело[му] больному. [приглашен. Я не буду останавливаться подробно на его состоянии, но только скажу, что у] *У* него было наличие грудной жабы и одновременно бронхиальная астма, и припадки бронхиальной астмы особенно тяготили его по ночам, а припадки грудной жабы периодически наступали, усиливаясь и ослабляясь, после того припадка, который у него был в 1926 г., и закончились тяжелым инфарктом миокарда, что подтверждено электрокардиограммой, хранящейся в деле.

Электрокардиограмма показывала наличие тромбозов одной из ветвей веночных артерий.

[Вначале о моем лечении] *После моего лечения в апреле 1932 г.* Вячеслав[а] Рудольфович[а никто не знал, и он просил меня не говорить никому. К апрелю месяцу он] встал и приступил к работе, [о чем] *об этом* говорил Левин, и что было зафиксировано в протоколе за моей подписью, доктора Левина и еще одного профессора в кабинете Вячеслава Рудольфовича, и протокол был представлен высшим инстанциям, что он может приступить к работе. В процессе наблюдения за Вячеславом Рудольфовичем я замечал некоторые особенности в поведении ко мне доктора Левина. Прежде всего, его пренебрежительное отношение ко мне, меня стали дискредитировать, и в конце ноября 1932 г. я был почему-то отстранен от Вячеслава Рудольфовича, когда он находился в хорошем состоянии. 5 марта 1933 г. я был снова приглашен к [Вячеславу Рудольфовичу, но] *Менжинскому и* застал его в тяжелом состоянии: после перенесенного гриппа *у него был* хронно-сепсис. Припадки астмы сменялись припадками жабы. [Было взято исследование крови, и исследование крови показало хронно-сепсис.] Мы тогда разошлись с доктором Левиным по поводу [этого] *оценки его* состояния. [И я] *Я* был отстранен от *лечения Менжинского.* [Вячеслава Рудольфовича до июля месяца. За этот период времени мы] *С Левиным мы* встретились в мае, [месяце, то, что я вчера говорил,] он высказал мне некоторое сочувствие по поводу отрицательного[ых] отношения[й] ко мне группы [консервативных] врачей, с которыми я вел научную борьбу, и сказал, что зря я вожусь с Менжинским, что толку из этого никакого не будет и на нем карьеры себе сделать невозможно. [Меня это покоробило.] Потом он сказал: «Ну, как-нибудь в другой раз поговорим».

В июне [месяце] я снова с ним встретился. Я узнал, что за это время был консилиум у [Вячеслава Рудольфовича] *Менжинского*, этот консилиум решил, что у *Менжинского* [Вячеслава Рудольфовича] хронно-сепсис и принял противосепсическое лечение лизатами. [, т.к. лечение лизатами давало определенный терапевтический эффект.] Встреча с Левиным и разговор были неожиданными, [т.е. его мнение, что] *ибо раньше* он считал [, что] *не нужным* продолжение такого лечения Менжинского. [для меня было фактом совершенно ясным.]

[Здесь он, правда, сказал: «Вы поняли меня?» Я, как и вчера говорил, совершенно не понял, что он хотел этим сказать. Я взялся энергично за]

Я начал лечить[ение] Менжинского [и] с 19 июня. [я начал систематически к нему ездить.] В конце июля Менжинский снова мог приступить к работе. Август, сентябрь мы провели вместе в Кисловодске, Менжинский там был в хорошем состоянии. В октябре месяце он уже приступил опять к работе.

В конце октября я встретился с доктором Левиным, и здесь уже произошел откровенный разговор, тот, который вчера подтвердил доктор Левин. [Может быть, некоторые слова будут не совсем точными, но я постараюсь возможно точнее передать их. И так началось:] *Он сказал мне:* «Удивляюсь я вам, что вы так рьяно взялись за лечение, за восстановление здоровья Менжинского. Напрасно вы его допустили к работе. Напрасно вы возитесь с этим живым трупом. Ведь этим вы только раздражаете Ягоду, и это вас к добру не приведет». Тут я совершенно оторопел. *Левин продолжал:* «Поймите, что Менжинский мешает Ягоде, и Ягода заинтересован в скорейшем устранении его. Предупреждаю вас, что если вы скажете Менжинскому об этом, то Ягода вас, конечно, уничтожит, и нигде вы не спрячетесь от Ягоды. Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается, ничего[то] не забывает. Предупреждаю вас, что Ягода вас вызовет к себе».

Этот разговор [подтвердил вчера доктор Левин во всей] *по своей* откровенности [, уже] переход*ил*[шедшей] всякие границы. Конечно, это обязывало меня тут же кому-либо сообщить, я этого не сделал, думая, что здесь какая-нибудь провокация со стороны доктора Левина, и решил ждать, что мне скажет Ягода. С доктором Левиным, который относился к той группе врачей, с которыми я вел определенную борьбу, у меня не было хороших отношений, и у меня не было оснований особенно верить ему.

События развернулись дальше. В одно время я перестал ездить к Менжинскому. Дело в том, что нужно знать, что к Менжинскому просто поехать я не мог, как Левин. Я мог поехать, только если меня доставит туда машина, имеющая определенный пропуск, значит, машина, едущая от НКВД. Если машину за мной не посылают, то я не могу поехать к Менжинскому, и, действительно, я тогда дней 15, может быть, немного больше, Менжинского не видел, но знал, что он работает.

Шестого ноября, — я твердо это помню, — за мною приехала машина с начальником Санчасти ОГПУ, с которым я ездил, и неожиданно для меня доставили меня не в Шестые Горки, куда я обычно ездил, а на [2 или 3] *одну из* Мещанск*их*[ую] *улиц,* [точно не помню, в особняк,] *в* только *что* отремонтированный *особняк.* [, дом, кажется, № 57, железные ворота, по правой стороне, если отсюда выезжать. Когда мы в] *Войдя*[шли] в этот одноэтажный особняк, [то, что прежде всего бросилось в глаза,] *мы* в буквальном смысле слова [мы] задохнулись. [Шофер пробежал всю квартиру и ушел на кухню, мы тоже пошли дальше, потому что здесь никого не встретили из его родственников. На кухне мы тоже никого не застали. Я спрашиваю: в чем дело?] Тяжелейший, удушливый запах. [Трудно было определить, что это за запах.] Явно чувствовался запах скипидара, но был еще запах какого-то особого вещества. [Когда я спросил ч] *Члены*[ов] семьи Менжинского, мне [ответили, что им] объяснили так: [т.к. был назначен перевоз семьи Менжинского и его самого на] 5 ноября, т.е. [на] вчера[шний день], *семью Менжинского и его самого перевезли сюда.* [И т.к. з] *З*десь была сделана покраска, и поскольку [в ноябре] *осенью* [по]краска медленно сохнет, то к краске было добавлено какое-то вещество, сиккатив, способствующий высыханию. Надо сказать, что этот сиккатив обладал[е]т очень едким запахом. Мы, здоровые люди, в буквальном смысле слова задыхались. [Представьте себе, ч] *Ч*то *же* было с Менжинским, страдающим бронхиальной астмой!

Когда я вошел к Менжинскому, я застал его в вынужденно-сидячем положении, он [еще] *с трудом* мог говорить, совершенно отек за ночь. Я послушал легкие — всюду звонкие, типично-астматические сухие хрипы, удлиненный выдох, дышит он крайне затрудненно. [Я понял, что вот-вот кончится Менжинский.] Я и шофер взяли его на стул и вдвоем вынесли на балкон, сейчас же открыли все окна. Прежде чем его вынести, я сделал инъекцию, чтобы как-нибудь ослабить тяжелейший припадок бронхиальной астмы. [Человек, страдающий органическим пороком сердца, плюс бронхиальной астмы, такое осложненное положение... буквально через несколько минут могла наступить катастрофа.] Часа три я продержал Менжинского на веранде. После этого мы его внесли обратно. [Шофер в помещение не возвращался, оставался в машине.] Я уехал домой. [После моего приезда д] *Дома*[ой] *вскоре* раздался звонок, [кто говорил со мною — точно не знаю, но] мне *было* сказано [было], что говорят от Ягоды, просят меня туда приехать, за мною сейчас прибудет машина. Действительно, в скором времени за мною прибыла другая машина и меня доставили к первому подъезду. Я поднялся [на третий этаж] и встретил [там] Ягоду — [то,] что он вчера [во второй части] *на вечернем заседании* подтвердил. [Мне не понятно, почему он это вначале отрицал.]

Здесь [разговор] произошел следующий *разговор:* вначале спокойно, вежливо *он спросил* — скажите, пожалуйста, вы видели Вячеслава Рудольфовича? [Я говорю:] да, видел сегодня.

— В каком состоянии вы его нашли?

— В очень тяжелом состоянии.

После [маленькой] *небольшой* паузы Ягода говорит:

— Собственно говоря, на Менжинского все махнули уже рукой.

Меня это [немножко] *несколько* удивило. Дальше Ягода задает вопрос:

— Скажите, пожалуйста, вы с Левиным разговаривали?

— Да, разговаривал.

— Так почему же вы... (Тут он вышел из границ обычной элементарной вежливости, и передо мной предстал самый настоящий необузданный сатрап.) Почему вы умничаете, а не действуете. Кто вас просил вмешиваться в чужие дела?

Тут я понял, что он участник какого-то дела, что он знает о том, что было 3—4 часа тому назад. [Фактически, оно началось 5-го вечером и продолжалось всю ночь.] Я спросил у Ягоды: что вы хотите от меня? Ягода ответил: вы должны с доктором Левиным выработать такой метод [воздействия, такой метод] лечения Менжинского, чтобы он скорее закончил свою [никчемную, никому ненужную,] бесполезную и многим мешающую жизнь. Предупреждаю вас, [что] если вы вздумаете сопротивляться, я сумею с вами справиться. Вы от меня никуда не уйдете...

[Был еще ряд угроз, трудно их вспомнить, состояние было крайне возбужденное.] Если бы у меня сейчас *спросил Прокурор*[I], знаете ли вы Ягоду, я бы ответил — знаю. Если бы Прокурор спросил, узнаете ли вы Ягоду, я бы сказал — не узнаю, т.е. тот Ягода и настоящий Ягода — большая разница.

[ВЫШИНСКИЙ. Надеюсь.]

[КАЗАКОВ.] Сейчас он очень скромный, тихий, а там он был другим.

Я понял, что попал в [какие-то] жуткие тиски. [Я думал, как выйти из этого положения? Через день я видел Вячеслава Рудольфовича.][II] Это было

[I] * * — инверсия — «*прокурор спросил*».

[II] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

8 ноября. У Вячеслава Рудольфовича в это время началось осложнение с почками. Я предложил вызывать доктора Левина и урологов, т.к. это не по моей специальности. Может быть, я должен был вмешаться, потому что я Вячеслава Рудольфовича хорошо знал; может быть, возможно было оказать ему скорую помощь, но я этого не сделал. Правда, Вячеслав Рудольфович обратился ко мне, как обычно всегда в очень мягкой форме... и говорит, что привезли его сестру из Стокгольма в тяжелом состоянии с обсемененным раком, находится она сейчас в Кремле и испытывает мучительные рвоты так называемой лучистой болезни. Она была очень энергично облучена — радием, рентгеном, но все это бесполезно, и она была почти без сознания. Он говорит, хотя я знаю, то это совершенно бесполезно, но прошу вас заняться Людмилой Рудольфовной. Я приехал в Кремль и до смерти Людмилы Рудольфовны ежедневно там бывал. Кстати, должен сказать, что Вера Рудольфовна, которая тогда была в тяжелом состоянии, благодаря этой катастрофе, обратилась ко мне с просьбой помочь ей, и я ей тут же помог.

В конце ноября я видел Левина. [правда, я виделся с ним у постели Людмилы Рудольфовны, но мы там не разговаривали. Так мы совершили то преступление, которое повлекло за собой смерть Вячеслава Рудольфовича. Ягода при встречах со мной говорил, что Вячеслав Рудольфович вам верит, потому вы должны осуществить это дело.] И [, действительно,] *вместе с ним* был выработан метод, который заключался в следующем: прежде всего, были использованы два основных свойства белка и белковых продуктов. *Первое:* продукты белкового распада — гидролизы обладают свойством усиливать действие лекарственного вещества. [Примерно, чтоб вам было понятно, скажу, что для обезболивания применяется ампула пантенола или морфия, что сейчас особенно распространенно при обезболивании родов. При комбинации лизат с морфием мы берем не ампулу, т.е. не один грамм, а 0,2, от чего эффект тот же самый. Это носит у нас название потенцирования. По этому вопросу была проделана работа в институте, об этом писалось в западной литературе, где также дискуссировался этот вопрос.]

Второе*: лизаты* [свойство белкового продукта — это сенсибилизация, т.е. повышение] *подымают* чувствительность[и] организма. [к восприятию того или иного лекарственного вещества. Предположим, вы даете какое-нибудь обычное лекарственное вещество, оно не действует. Но вы вводите лизаты и этим поднимается чувствительность, сенсибилизация организма, в такой мере, что он начинает проявлять чувствительность.] Вот эти два свойства и были использованы.

В-третьих, были использованы особенности [его] организма *Менжинского,* комбинация бронхиальной астмы с грудной жабой. Всем известно, что при бронхиальной астме находится в возбуждении так называемый парасимпатический отдел вегетативной нервной системы. Поэтому при бронхиальной астме даются вещества, возбуждающие противоположный отдел, т.е. симпатической щитовидной железы (?). Таким препаратом является препарат надпочечника, препарат продукта мозга.

При грудной жабе находится в возбуждении как раз симпатический отдел, идущий от подшейного сплетения симпатического узла. Вот та тонкость, которая была использована.

Если вы меня спросите, нужно ли было [ему] *Менжинскому* давать вещества симпатикотропные, то я должен сказать — да, если была бы только бронхиальная астма, [нет — т.н.] *но давать было нельзя, т.к.* у него име*лась*[ется] грудная жаба.

[Что же можно было давать и что я давал ему раньше? Раньше я давал ему вещества, допустимые при лечении и бронхиальной астмы и грудной

жабы. Я давал ему препараты паращитовидной железы, что было допустимо при обеих этих болезнях, и препарат печени, также допустимый и при бронхиальной астме и при грудной жабе.] И только невежественный человек мог допустить дачу препаратов мозгового слоя надпочечника при комбинации этих болезней.

ВЫШИНСКИЙ. Невежественный или же?

КАЗАКОВ. Или же с заранее обдуманными целями.

ВЫШИНСКИЙ. [Или же с] *С* преступными целями?

КАЗАКОВ. Да.

[ВЫШИНСКИЙ. А вы этим преступником были?]

[КАЗАКОВ. Да.]

ВЫШИНСКИЙ. А, может быть, здесь налицо были и невежественность и преступление.

КАЗАКОВ. Нет, здесь было чистое преступление.

[Не сразу давались эти препараты.] Постепенно включались одни и выключались другие. Поэтому я не знаю, могли ли сами эти препараты дать тот эффект, который они [предполагалось] должны были дать. [По всей вероятности, нельзя было этого добиться.] Надо было еще включить ряд сердечных лекарственных веществ — дигиталиса, адониса, строфан*и*та, которые заставляли сердце энергично работать. [С огромнейшей энергией сердце работало, а оно имело маленькие запасы, маленькие ресурсы.] Введение *этих* лекарств проводилось в таком порядке: давались лизаты, потом был перерыв в лечении лизатами, затем давались сердечные лекарства. В результате такого «лечения» наступила огромная слабость, и Менжинский скончался с 9 на 10 мая. [, а я, преступник, предстал перед судом.]

Я знаю, вы меня спросите — почему [вы] *я* не сообщил[и] *об этом преступлении советским органам.*

[Со мной Ягода не имел никаких дел.] Ягода [боялся меня в том смысле, что я могу его выдать, он ничем меня не мог взять, и поэтому он] держал меня *под* сугуб*ым*[о под] наблюдением. Это я знал, это я чувствовал.

Вы меня спросите, [еще] вероятно, какие же мотивы [были для этого?] *объясняют мое молчание?* Я должен сказать — мотивы низменного страха. Ягода [тогда был в полном смысле вездесущим, всеведущим и всемогущим. (В зале движение и шум.)] *занимал высокий пост.* И второй момент, — [я не должен этого скрывать,] в Санчасти находилось большинство врачей моих научных противников. Я думал, что, может быть, наступит момент, когда я сумею свободно работать, может быть, Ягода [(это тоже низменно) я не хочу ни в чем оправдываться)] сумеет остановить их.

ВЫШИНСКИЙ. В награду за ваше преступление?

КАЗАКОВ. Да. [, так выходит.]

[ВЫШИНСКИЙ. А как он мог их остановить, может быть, переарестовать?]

[КАЗАКОВ. Я думаю, что иначе. Я думаю, что раз он заранее пристраивал меня к Вячеславу Рудольфовичу, — я об этом не знал и узнал только здесь, — очевидно, вокруг меня какая-то сеть плелась давно.]

ВЫШИНСКИЙ. [Нет, погодите, вы уходите в сторону.] Вы говорите, что у вас были [также] соображения чисто карьеристского порядка. Против вас была настроена медицинская наука, и вы рассчитывали устранить ваших противников.

КАЗАКОВ. То есть нейтрализовать и дать мне свободно работать или же сдержать их. [Чтобы он арестовал — я не думал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Но прижмет.]

[КАЗАКОВ. Прижмет, правильно.]

ВЫШИНСКИЙ. И вы тогда будете *вести* научну*ю*[о] работу.[ать.]

КАЗАКОВ. То есть я буду свободно работать.

ВЫШИНСКИЙ. А до сих пор работали не свободно в нашей стране?

КАЗАКОВ. В тот период я с большими ущемлениями работал.

ВЫШИНСКИЙ. Это ваше личное переживание, потому что оспаривалось значение вашей научной работы. Но я спрашиваю, государство обеспечило [все][I] *[все]* возможности *вашей* научной работы?

КАЗАКОВ. Государство мне обеспечило полностью, но среда...

ВЫШИНСКИЙ. Погодите. *Советским* государством был дан вам Институт?

КАЗАКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Большой или маленький?

КАЗАКОВ. Лучший институт в Союзе.

ВЫШИНСКИЙ. Как же вы осмеливаетесь говорить, что у вас не было возможности свободно работать. Вы и здесь думаете клеветать.

КАЗАКОВ. Но печатать мои труды...

ВЫШИНСКИЙ. Правительство приказать это делать не может, это вы должны понимать. А я вас спрашиваю, институт был дан?

КАЗАКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Лучший в Союзе?

КАЗАКОВ. Лучший.

ВЫШИНСКИЙ. Работники были даны?

КАЗАКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Средства были даны?

КАЗАКОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Какие средства?

[КАЗАКОВ. Достаточные.]

[ВЫШИНСКИЙ. Мало сказать «достаточные».]

КАЗАКОВ. Большие.

ВЫШИНСКИЙ. Большие, гигантские. Как же вы осмеливаетесь говорить то, что вы сейчас сказали? *Вы и здесь думаете клеветать.* [Продолжайте ваши объяснения.][II]

КАЗАКОВ. Были моменты по тяжелому личному переживанию. Действительно, я все-таки должен сказать, что на съездах мне даже заключительного слова не давали. Я был программным докладчиком, и здесь многие присутствуют, которые знали об этом. Мне заключительное слово не дается, первый раз в истории медицины! Против меня выступают мои оппоненты, а мне заключительного слова не дают.

ВЫШИНСКИЙ. Вы в историю медицины вошли достаточно крепко своими чудовищными преступлениями, поэтому говорите о преступлениях.

КАЗАКОВ. Сейчас я предстал перед судом, и оправданий я себе не нахожу. Для меня это кошмар, который мучил меня 4 года. Я старался 4 года, как и до этого, честно работать.

ВЫШИНСКИЙ. Когда?

КАЗАКОВ. До этого преступления и после этого преступления. Старался сделать, дать максимальный вклад в науку, но этот кошмар меня мучил, и я

[I] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

ждал случая, когда можно будет от него освободиться. [И с] Суд для меня является сейчас [вместе с тем] тем моментом, когда я могу [свободно,] честно рассказать о всем случившемся и, прежде всего, внутренне освободиться от сознания совершенного преступления.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите, пожалуйста, вашу формулу № 2, при помощи которой вы погубили Менжинского?

КАЗАКОВ. Формулу № 2?

ВЫШИНСКИЙ. Вот этот лизат печени.

КАЗАКОВ. *Лизат печени* необходим[ый] при бронхиальной астме, при грудной жабе... [Лизат щитовидный железы... Туда входит...]

[ВЫШИНСКИЙ. Лизат печени допустим?]

[КАЗАКОВ. Да.]

ВЫШИНСКИЙ. Лизат щитовидной железы?

КАЗАКОВ. Необходим при бронхиальной астме и противопоказан при грудной жабе.

ВЫШИНСКИЙ. Вы его применяли?

КАЗАКОВ. Да, применял.

ВЫШИНСКИЙ. В усиленной дозе?

КАЗАКОВ. Нет, в небольшой дозе.

ВЫШИНСКИЙ. Но больше, чем обычная доза?

КАЗАКОВ. Не больше, но он совершенно противопоказан при грудной жабе.

ВЫШИНСКИЙ. А лизат придатка мозга?

КАЗАКОВ. Противопоказан при грудной жабе.

ВЫШИНСКИЙ. А лизат мозгового слоя надпочечника?

КАЗАКОВ. Противопоказан.

ВЫШИНСКИЙ. Вы вводили эти лизаты в каких целях?

КАЗАКОВ. В преступных целях.

ВЫШИНСКИЙ. В целях убийства?

КАЗАКОВ. Да, да.

ВЫШИНСКИЙ. [Скажите, пожалуйста, если вы говорите о том, что вы были вынуждены на эти преступления под угрозой Ягоды, то кто вам мешал сделать вид, что вы исполняете его приказания и не исполнять на самом деле! Кто вам мешал?] Кто контролировал ваши [лизаты? Контролировал кто-нибудь?] *рецепты?*

КАЗАКОВ. [Контроля не было.] *Никто не контролировал.*

[ВЫШИНСКИЙ. Кто контролировал ваши рецепты?]

[КАЗАКОВ. Никто не контролировал.]

ВЫШИНСКИЙ. Вы могли вместо лизата щитовидной железы дать что-нибудь нейтральное при грудной жабе и тянуть, надувать Ягоду. «Вы требуете от меня, чтобы я его убивал. Хорошо, я его буду убивать», — но рецепты составлять так, чтобы не было вреда. Можно было это сделать?

КАЗАКОВ. Можно, но за мною был другой контроль.

ВЫШИНСКИЙ. В этих лизатах, вы сказали, контроля не было?

КАЗАКОВ. В этих лизатах не было.

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу экспертизу [детально] ответить на [этот] вопрос. Был ли какой-нибудь контроль за лизатами Казакова? [Мог ли быть какой-нибудь контроль за лизатами Казакова, и] *И*ли он мог дать тут все, что хотел? [Хотел — яд вливал, хотел — и нейтральное вливал.] *Я прошу [ответи] экспертизу ответить и на вопрос, сыграли ли роль эти три лизата в преступном отравлении Менжинского.*

[Вот вы ответьте на этот вопрос.] Если вы делаете сейчас вид кающегося грешника, то скажите по чести, — если у вас есть остаток чести, — скажите

суду, что вам мешало надуть, как вы выразились, сатрапа и дать состав, не погрешив против совести, если у вас эта совесть было.

КАЗАКОВ. Я должен сказать, как и указывал на предварительном следствии, сами по себе лизаты такого действия не могли дать.

ВЫШИНСКИЙ. Нет, вы уходите от ответа. Скажите о трех лизатах: щитовидной железы, придатков мозгового слоя и мозгового надпочечника, эти три лизата сыграли серьезную роль? Кстати, я прошу экспертизу ответить на этот вопрос, сыграли ли роль эти три лизата в преступном отравлении Менжинского. Казакова я прошу ответить, кто вам мешал в этих трех лизатах дать нейтральные элементы. Кто-нибудь мешал вам, кто-либо понимал, что вы там делаете в своей волшебной кухне?

(Смех.)

КАЗАКОВ. У меня волшебной кухни не было.

ВЫШИНСКИЙ. Это мы видим теперь, а можете ответить, почему не вывели эти элементы. Кто-нибудь мог вас проверить? Да или нет?

КАЗАКОВ. Думаю, что нет.

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты есть вопросы?

Защитник КОММОДОВ: Скажите, когда по времени было последнее свидание с Левиным, где он вам совершенно ясно и точно сказал, что желает Ягода от вас в смысле результатов вашего решения по отношению к т. Менжинскому?

КАЗАКОВ. Точно числа я не помню, это было примерно около 20 октября.

КОММОДОВ. Когда после этого вы увиделись с Ягодой в его кабинете?

КАЗАКОВ. Я увиделся с Ягодой 6 ноября.

КОММОДОВ. Когда у вас было посещение Менжинского не в Горках, а здесь, в особняке на Мещанской?

КАЗАКОВ. 6 ноября.

КОММОДОВ. До свидания с Ягодой?

КАЗАКОВ. До свидания с Ягодой и после свидания 8 ноября.

КОММОДОВ. А до 8 ноября вы были у Менжинского, прежде чем поехать к Ягоде?

КАЗАКОВ. Да.

КОММОДОВ. Когда вы проветривали комнату?

КАЗАКОВ. Это до свидания с Ягодой.

КОММОДОВ. При [свидании] *вашем свидании* с Ягодой *в ноябре 1933 г.* он потребовал определенного метода лечения или определенных результатов.

КАЗАКОВ. Он [предложил мне с Левиным связаться, и фактически Левин являлся тем контролером, — я не хочу снимать с себя ответственности, — но он] требовал *такого* метода лечения, [такого,] который ускорил бы смерть Менжинского.

КОММОДОВ. Как вы поняли, что нужно было Ягоде?

КАЗАКОВ. Ягоде нужно было скорее освободиться от Менжинского.

КОММОДОВ. Скорейшая смерть Менжинского?

[КАЗАКОВ. Так.]

[КОММОДОВ.] И [в этом] *вы дали согласие действовать именно в этом* направлении*?* [вы должны были действовать?]

[КАЗАКОВ. Да, в этом направлении действовать.]

[ВЫШИНСКИЙ. И вы дали согласие действовать именно в этом направлении?]

КАЗАКОВ. Да.

КОММОДОВ. Как скоро наступила смерть Менжинского после разговора с Ягодой?

КАЗАКОВ. [Смерть наступила спустя 7 месяцев и 6 дней.] *Через [шесть] 6 месяцев.* [В общем, э] Этот разговор был 5 ноября *1933 г.*, а смерть наступила 10 мая [утром.] *1934 г.*

КОММОДОВ. После свидания с Ягодой вам приходилось часто видеться с Левиным, или вы проводили метод лечения один?

КАЗАКОВ. Нет, мы виделись с Левиным на нейтральной почве. У Менжинского Левин бывал чаще, бывал и без меня. У меня в лечении были паузы. Когда Левин там бывал, я встречался с ним редко.

[ВЫШИНСКИЙ. Значит, метод лечения вы проводили по преимуществу один?]

[КАЗАКОВ. Нет, был комбинированный, потому что один метод сам по себе не дал бы ничего.]

ВЫШИНСКИЙ. *(Казакову.)* [Следовательно, н] *На* вопрос защитника Коммодова вы сказали, что Ягоде [нужен был результат, т.е. смерть, ему] было безразлично, как вы [его] «лечите» *Менжинского*, ему нужен был только результат [?], *т.е. смерть?*

КАЗАКОВ. Ягода за мной следил через Левина.

ВЫШИНСКИЙ. Левин контролировал ваши лизаты?

[КАЗАКОВ. Он контролировал по состоянию здоровья.]

[ВЫШИНСКИЙ. Раз лизаты были противопоказаны, то и состояние здоровья ухудшалось. Контролировал ли Левин эти лизаты? Я бы просил, чтобы вы ответили на этот вопрос: да или нет?]

КАЗАКОВ. Нет, он не контролировал, *а устанавливал состояние Менжинского, и отсюда он контролировал реализацию нашего преступного плана.*

ВЫШИНСКИЙ. *(К суду.)* Позвольте спросить [обвиняемого] *подсудимого* Левина [.] *по этому вопросу.*

ЛЕВИН. Я не мог контролировать *лизаты,* потому что я никогда не верил в метод лечения Казакова.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы не верили в этот метод, вы считали, что это шарлатанство?

[ЛЕВИН. Это большой вопрос.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вы считали, что это авантюризм, шарлатанство?]

ЛЕВИН. [Я не верю в средства запрещенные.] Я считал[ю] *это авантюризмом.* [правильными те средства, которые признает весь мир.] Никто не знал, как [он] *Казаков* приготовлял лизаты. [, как они приготовлялись.]

ВЫШИНСКИЙ. Контролировать их можно было?

[ЛЕВИН. Контролировать было вообще очень трудно.]

[ВЫШИНСКИЙ. Невозможно?]

ЛЕВИН. Очень трудно. Он приезжал всегда со своим чемоданчиком, и там были какое-то ампулы.

ВЫШИНСКИЙ. Нельзя ли поставить насколько резко вопрос. Считали ли вы, что лечение Казакова это есть сплошное шарлатанство?

ЛЕВИН. По-моему, это авантюризм. То, что он ссылается на борьбу с известной группой...

ВЫШИНСКИЙ. Я не спрашиваю у вас об этом. Можно ли сказать, что это есть шарлатанство?

ЛЕВИН. Это был авантюризм.

ВЫШИНСКИЙ. Для лечения этот метод не годится?

ЛЕВИН. Доктор Казаков считал, что неизлечимых болезней нет, он издевался над врачами, которые говоря...

ВЫШИНСКИЙ. Это другой вопрос. Я спрашиваю, для лечения не годился этот метод?

ЛЕВИН. В некоторых случаях лизаты помогали, но если бы их изготовляли в лаборатории.

ВЫШИНСКИЙ. А если бы он хотел изготовить их плохо?

ЛЕВИН. Он имел к тому все возможности.

ВЫШИНСКИЙ. Бесконтрольное дело?

ЛЕВИН. Да.

Разрешите мне задержать вас еще на одну минуту. Я хочу опровергнуть, как и вчера, заявление Казакова о майской и июньской беседе со мной относительно Менжинского. Он просто путает, он говорит неправильно. Он говорит здесь о том, что я заявлял: «Зачем вы возитесь с таким трупом?» Это возмутительно, я не мог допустить такие слова.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы такие слова не могли допустить, они слишком возмутительны, а делать такие возмутительные вещи вы могли. Это были возмутительные вещи?

ЛЕВИН. Дела возмутительные.

ВЫШИНСКИЙ. [Что же вы словесностью занимаетесь?] Подсудимый Казаков, [смысл моего вопроса к вам заключается в следующем:] *я спрашиваю вас:* могли ли вы Ягоду [надуть] *провести* в этом деле, т.е. представить дело так — делаю все, чтобы умертвить, но не выходит, организм жизнеспособный, борется? Такая постановка вопроса возможна или нет?

(Казаков молчит.)

Или вы хотели того же результата, которого хотел и Ягода, потому что рассчитывали, что, может быть, вам Ягода тоже потом пригодится в борьбе за вашу так называемую научную карьеру?

[(Казаков молчит.)]

Вы понимаете мой вопрос?

(Казаков молчит.)

КАЗАКОВ. Понимаю. Надо помнить, что это был 1933 г. ...

ВЫШИНСКИЙ. Я знаю, что это был 1933 г., и от этого ничего не изменяется...

КАЗАКОВ. И тогда еще не был достаточно изучен, в смысле биологическом, эффект лизатов...

ВЫШИНСКИЙ. Опять у вас «биологический, потенциальный, непотенциальный, сенсибилизация» и тому подобные умные слова, а дело идет о простом отравлении — об убийстве. От вас требуется результат, т.е. — умертвить. Я вас спрашиваю: могли вы изобразить дело так, что стараюсь — не выходит, или не могли?

КАЗАКОВ. Если бы сегодня меня спросили...

ВЫШИНСКИЙ. Нет, не сегодня... Я вас спрашиваю: могли бы вы или кто-нибудь на вашем месте, не желая стать соучастником такого кошмарного злодейства, занять такую позицию в данном вопросе, если вы не могли кому-либо сообщить, доложить и т.п.?

(Казаков молчит.)

Если вы поставили вопрос личного вашего благополучия выше жизни руководителей нашей партии и правительства, выше интересов Советского государства, если вы так низко пали, то не могли ли вы найти последнее убежище [— убежище] в том, чтобы [надуть] *провести* Ягоду — сказать: я делаю, стараюсь, чтобы был смертельный результат, но не выходит это? Могли или не могли?

КАЗАКОВ. Я вам отвечу, что если вы введете эти три лизата...

ВЫШИНСКИЙ. Я не об этом вас спрашиваю. Вы поняли мой вопрос? [В нем не было ни одного звука о лизатах, а была одна-единственная мысль в этом вопросе: м] *М*огли ли бы вы не выполнить своего обязательства перед Ягодой, [обкрутить] *обмануть* его? В медицине [он] *Ягода* понимал что-нибудь? Врачи не разбирались в вашей [кухмистерской] *волшебной кухне*, так что же говорить о Ягоде.

(Казаков молчит.)

Могли вы или не могли сделать вид, что вы выполняете его указания, а в действительности, про себя, не выполнять их?

КАЗАКОВ. Мог бы. Я должен сейчас сказать, что эти три лизата являются противопоказанными при грудной жабе, но если мы сейчас выберем любого больного с грудной жабой и введем эти три лизата, то они не вызовут смерти. Даже адреналин дается...

ВЫШИНСКИЙ. Значит, что выходит? [Что вы убивали...]

КАЗАКОВ. Значит, выходит, что я рассчитывал, но я не убил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы вводили эти лизаты для чего? Для того, чтобы убить [?] *Менжинского?*

(Казаков молчит.)

[Вы вводили эти лизаты для того, чтобы умертвить Вячеслава Рудольфовича?]

Вы вводили лизаты с этой целью? Вы тогда были уверены, что они помогут вашим преступлениям?

КАЗАКОВ. Видите ли, лизаты имеют двоякое действие.

[ВЫШИНСКИЙ. Это мы знаем, какое действие ваши лизаты могут иметь. Я вас спрашиваю по тому вопросу, который затронула в ваших интересах защита и вполне справедливо, конечно, защита не хотела, чтобы вы поняли так, что вас подстрекают к выполнению ваших преступных обязательств.]

[КАЗАКОВ. Для меня самого сегодня...]

[ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю не с точки зрения «сегодня». А вот тогда, когда вы это делали, к чему вы стремились?]

[КАЗАКОВ. Действия с негодными средствами...]

[ВЫШИНСКИЙ.] Вы осмеливаетесь утверждать, что эти три лизата были безвредны для Менжинского?

КАЗАКОВ. Да, эти три лизата были безвредны.

ВЫШИНСКИЙ. А могли ли вы [обкрутить] *провести* Ягоду?

КАЗАКОВ. (Молчит.)

ВЫШИНСКИЙ. Ввиду невозможности получить прямо*й*[го] ответ[а] на этот ясный вопрос, я прошу суд прервать заседание и дать возможность экспертизе ответить на *вопрос,* поставленный мною [вопрос] Казакову.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К экспертам.) Можете вы сейчас ответить?

ЭКСПЕРТЫ. Нет, мы просим после перерыва.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв на полчаса.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *Ульрих. (После перерыва.)* [Продолжается допрос подсудимого Казакова.] Экспертиза может дать заключение по дополнительным вопросам [т.] Прокурора?

ЭКСПЕРТ *процесса Бурмин:* Да, она готова. *Зачитывает.* [1]

---

[1] В стенограмме текст заключения экспертизы зачеркнут (синий карандаш). В дело вклеен печатный лист заключения экспертизы, аналогичный стенограмме и датированный 9 марта 1938 г.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Огласите, пожалуйста.]

[ЭКСПЕРТ. Ответы экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем.]

Вопрос: Был ли какой-либо контроль, и мог ли быть этот контроль при приготовлении лизатов И.Н. Казакова?

Ответ: Никакого контроля не было и быть не могло, ибо в то время в 1933 г. и первой половине 1934 г. — время лечения Казаковым покойного т. Менжинского — метод приготовления лизатов был Казаковым абсолютно засекречен.

Вопрос: Сыграло ли решающую роль применение Казаковым лизатов щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников в ухудшении состояния здоровья т. В.Р. Менжинского?

Ответ: Применение указанных выше лизатов (щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечника) при тяжелом сердечном заболевании, которым страдал покойный В.Р. Менжинский, было недопустимо, и этого не мог не знать И.Н. Казаков.

Вредные действия этих лизатов в данном конкретном случае усугублялись тем обстоятельством, что В.Р. Менжинскому в течение длительного времени одновременно применялись препараты наперстянки, действие которых под влиянием лизатов, безусловно, усиливалось.

Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы больного В.Р. Менжинского и тем самым к ускорению наступления его смерти.

Эксперты:

заслуженный деятель науки — профессор Д.А. Бурмин

заслуженный деятель науки — профессор Н.А. Шерешевский

профессор В.Н. Виноградов

профессор Д.М. Российский

доктор медицинских наук В.Д. Зипалов

9 марта 1938 г., г. Москва

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. В связи с заключением экспертизы есть вопросы к подсудимому Казакову?

ВЫШИНСКИЙ. [У меня вопросов нет, у меня будет ходатайство.] Я прошу разрешения огласить показания Казакова, имеющиеся в т. № 19 на листе 68 и 69, [. Обвиняемый Казаков] *где он* изложил следующее: «Поскольку в эту формулу входили уже три симпатикотропных лизата, лизат щитовидной железы, мозгового слоя надпочечников и придатка мозга, причем при повышенной дозе приема внутрь процесс ослабления и истощения запасных сил больного сердцем Менжинского, вследствие усиленной работы, вызванной комбинацией лизатов и сердечных лекарств, начал резко нарастать, и в ночь с 9 на 10 мая Менжинский скончался при явлениях упадка сердечной деятельности».

КАЗАКОВ. Совершенно правильно, ничего здесь не расходится.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Позвольте, вас еще не спрашивают.

ВЫШИНСКИЙ. И следующая часть:

«Хотя Менжинский имел бронхиальную астму, но у него на первый план резко выступала грудная жаба...» (Читает.)

Вы это показания подтверждаете?

КАЗАКОВ. Это какое-то недоразумение. Я это показывал раньше и показываю это сейчас.

ВЫШИНСКИЙ. [Я вас спрашиваю —] *Подсудимый Казаков,* вы и сейчас согласны с тем показанием, которое было вами дано раньше?

КАЗАКОВ. Согласен.

[ВЫШИНСКИЙ. И вы это прежнее свое показание полностью подтверждаете?]

КАЗАКОВ. [Я его] *И* подтверждаю полностью. [и не отказывался от него ни на одну минуту.]

КОММОДОВ. Правильно ли я понимаю, что так формула № 2, о которой говорил здесь т. обвинитель, сводится к тому, что комбинированное лечение вашими лизатами совместно с сильными дозами сердечных средств должно было неминуемо привести к ослаблению сердечной деятельности т. Менжинского? Правильно это?

КАЗАКОВ. Да, совершенно правильно. Иначе не было бы этих результатов. Настоящим контролем в этом случае была только смерть, от которой никуда не уйдешь. А если бы я попытался обмануть Ягоду, то мог это сделать на 3—4 дня, а дальше он меня возьмет. От этого единственного контроля нельзя было уйти.

ВЫШИНСКИЙ. Контроля смерти?

КАЗАКОВ. Да, контроля смерти.

ВЫШИНСКИЙ. А вы ее помощник?

КАЗАКОВ. Да. Я с самого начала сказал, что на сердце воздействовали эти средства. Формула № 2 была незаменима в апреле, потому что первая формула действовала слабо, а вторая более сильно.

ВЫШИНСКИЙ. Вопрос заключался в одном: лизаты щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников в данной комбинации были для Менжинского вредоносными. Вы это признаете?

КАЗАКОВ. Я этого никогда не отрицал.

ВЫШИНСКИЙ. Вопрос этот перед экспертизой был поставлен, потому что вы говорили, будто эти лизаты были нейтральными.

КАЗАКОВ. Я не мог этого говорить, потому что лизаты не могут быть нейтральными.

ВЫШИНСКИЙ. Я думаю, что поскольку мы имеем определенное заключение экспертизы, а Казаков отказался от своего утверждения о нейтральности этих лизатов, вопрос можно считать исчерпанным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У вас вопросов больше нет?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты имеются какие-нибудь вопросы?

ЗАЩИТА. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Не имеется ли вопросов у подсудимых?

ПОДСУДИМЫЕ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Переходим к допросу подсудимого Максимова-Диковского.

МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ. Показания, данные мною на предварительном следствии, я целиком подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ*. Расскажите [, пожалуйста,] о вашей антисоветской деятельности.

МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ. Мое сближение с правыми относится к 1928 г. [В бытность мою слушателем института Красной Профессуры, куда я незадолго до этого поступил.] В институте я близко познакомился с [неким] *Гайстером — аграрником*[1], [о] которы*й*[ом я не знал] тогда [, что он и тогда был] *был* уже правым. Он у меня вызывал полное доверие, был достаточно авторитетным в моих глазах. На протяжении 1928 г. я неоднократ-

[1] * * — инверсия — «*аграрник Гайстером*».

но с ним встречался, разговаривал на различные политические вопросы, особенно по вопросам политики партии. Он меня убеждал и скоро убедил в том, что здесь правые стоят на более правильной позиции, чем Центральный Комитет, приводил в подтверждение различные тенденциозно подобранные материалы о хозяйственно-политическом положении страны, материалы, которые были клеветническими и ничего общего с действительным положением страны не имеющие.

[Короче говоря, в результате сближения я уже с] *С* начала 1929 г. [по всем основным вопросам политики партии] *я также уже* стоял на позициях правых, [тем самым я] вступил на антипартийный [, а в дальнейшем на] контрреволюционный путь.

[Если я был правым и в ближайшие годы не был разоблачен как правый, то это объясняется тем, что я с] *Следуя*[овал в своем поведении той] тактике *центра правых,* [тем установкам, которые даны были центром правых. «Так как, — аргументировал центр правых, — борьба с Центральным Комитетом будет расти, то наряду с правыми, которые уже скомпрометированы своей борьбой с партией, мы должны иметь в своих резервах правых, которые ничем еще себя не дискредитировали. Поэтому следуя этой тактике,] я не только никогда не выступал против политики партии, но даже старался не сближаться с теми правыми, которые уже успели скомпрометировать себя. [Одним словом, к] *К*ак и все правые, я маскировался и двурушничал.

В последние годы, в 1930, 1931 гг., мои связи с правыми усилились. Я знал через Гайстера о том, что тройка — Рыков, Бухарин и Томский — усиливает свою борьбу с партией, что в ряде областей РСФСР и национальных республик они создали свои подпольные нелегальные организации. [Так продолжалось до] *В* конце[а] 1931 г. [, когда я] в одну из встреч с Гайстером, [имел разговор такого порядка. О] *о*н упрекнул меня в [моей] пассивности. Когда Гайстер узнал, что я кончаю институт, он сказал мне, как бы я отнесся к тому, если бы он рекомендовал меня на довольно ответственную работу в Секретариат Куйбышева. Я не отказал*ся*. [В результате этого в] *В* начале 1932 г. я был вызван к Куйбышеву, и через некоторое время приступил к работе.

На протяжении 1932 г. связь с правыми усиливалась. Я познакомился через Гайстера с другими правыми — с Розентал*ем*[ь] и Кравал*ем*.[ь.] Я познакомился со Смирновым — работником Госплана, [познакомился] с Дейчем [— впоследствии бывшим членом Комиссии Советского Контроля] и т.д. [Наконец, в конце 1932 г.] *Затем* Гайстер связал меня с Енукидзе. [Происходило это при следующих обстоятельствах.] Он сообщил мне о том, что Енукидзе сам правый, и по его словам он близок или входит в центр правых. «Так как вы работаете, чуть ли не в одном коридоре, тебе необходимо созвониться и связаться с Енукидзе».

...созвонившись с Енукидзе, я к нему зашел. Он уже знал о том, что я должен к нему зайти. Состоялось знакомство. Упускаю целый ряд подробностей наших дальнейших встреч. [Нужно сказать, что один из главных вопросов, который я узнал о] *О*т Енукидзе *я узнал* [, и с которым он был согласен, разделяя его, — это был вопрос о том, что правые стоят[1] на точке зрения] *за* свержение[я] существующего руководства [, свержения] для того, чтобы изменить политику, направ*ить*[лял] развитие страны по пути реставрации капитализма. [Остальные разговоры с Енукидзе были менее интересны, он кое о чем незначительном информировал меня.]

[1] Фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[И, наконец, в] *В* середине 1934 г. [, примерно, в августе месяце,] в конце августа, [он] *Енукидзе* позвонил мен однажды и вызвал к себе для разговора, который имел для меня в дальнейшем наиболее серьезные последствия. Во время этого разговора Енукидзе сказал мне: [— начал он с общеполитического информирования, где он мне сказал, что ситуация сейчас изменилась.] если раньше правые рассчитывали на то, что [организации масс, отдельных] *удастся свергнуть советскую власть при помощи организации отдельных* наиболее антисоветски настроенных слоев и, в частности, *кулачества,* [, слоев крестьянства, удастся свергнуть существующую власть, т.е. удастся добиться прихода к власти, —] то сейчас положение изменилось. «Ставка на это бита», — [как он говорил, —] и необходимо перейти к более активным методам захвата власти. [Это другое, э] *Эти* наиболее активные методы он мне тут же расшифровал: [заявив о том, что вам, как правому, я могу сообщить о том, что] центр правых в согласии с троцкистами принял решение о необходимости учинить ряд террористических актов против членов Политбюро. [с целью этими методами наиболее успешно добиться захвата власти. Тут же он меня посвятил в то, какими методами] *Это* должно быть [это] достигнуто [. Это, — говорил он, — должно быть достигнуто не методом непосредственного убийства, а] методом подрыва здоровья вождей. [, что это является методом наиболее безопасным для нас.] Он одновременно рассказал о том, что часть врачей из Санупра Кремля завербована или привлечена к этому делу, что этот метод наиболее удобен тем, что он внешне придает характер несчастного исхода болезни и тем самым дает возможность прикрыть эту террористическую деятельность правых.

[Сразу от этих разговоров он перешел к конкретному требованию.] Вы, — говорит *он,* — должны принять участие в террористическом акте против Куйбышева; подготовка к этому [террористическому акту] уже начата. [, в] *В*рачи Левин и Плетнев [его лечат уже, врачи эти достаточно авторитетны, пользуются полным доверием, они делают и] сумеют сделать свое дело. От вас требуется, во-первых, дать им возможность не мешать тому, чтобы они часто посещали больного, чтобы не срывались их так называемые визиты к больному. И второе: в случае острого заболевания, припадков каких-нибудь, не торопиться с вызовом врача, а если нужно, то вызывать только тех врачей, которые его лечат.

Несмотря на то, что я сам был участником контрреволюционной организации правых, должен сказать, что этот поворот разговора несколько ошеломил меня, здорово ошеломил. Я не ожидал такого поворота, довольно спокойно выслушал его, пока шла речь вообще. Заметив, что я несколько взволнован, Енукидзе продолжал разговор дальше. Вы, — говорит, — очевидно, недооцениваете силу правых в стране: у нас организаций правых и участников гораздо больше, чем вы предполагаете. [Могу назвать такого участника, о котором вы, очевидно, никогда не предполагали, например,] *Тут же он сказал, что нашим участником является* Ягода, [. Я тут же ему высказал удивление, что я всегда думал, что Ягода как раз борется с нами, а от вас слышу, что Ягода правый. Он говорит: вот и хорошо, что все думают, что Ягода против нас. Это нам помогает, это нам на руку. Ягода прикрывает нашу деятельность разными методами, в частности, и таким методом] что *он* имеет возможность *к* [с] люб*ому*[ым] наш*ему*[им] сторонник*у*[ам], становящимся предателем, принять те или иные меры, которых у него в распоряжении вполне достаточно.

[Разговор этот не закончился полным моим согласием.] Я ему не ответил ни да, ни нет. [Просил отложить разговор.] Разговор был отложен, [и] *но*

вскоре возобновлен. Вскоре он вызвал снова меня к себе, тут же присутствовал и Ягода, присутствие которого после той характеристики, которую давал прошлый раз Енукидзе, было достаточным красноречивым. [В этом разговоре о] *О*пять зашла речь исключительно [речь шла] о подготовке террористического акта против Куйбышева. [«В результате того «лечения», которое применяется к Куйбышеву, должно было наступить резкое ухудшение здоровья, должны наступить резкие припадки. Ваша задача, как секретаря, не торопиться с вызовом врача».] Я на это пошел. [и с] *С*обытия дальше развертывались быстрыми темпами. В результате так называемого лечения здоровье Куйбышева все ухудшалось. [Были все признаки на лицо, что Куйбышеву хуже от лечения, а не по каким-либо другим причинам. Тут н] *Н*аступил период, когда Куйбышев стал собираться в командировку в Среднюю Азию. Енукидзе опять меня вызвал и потребовал: «Во время поездки в Среднюю Азию вам обязательно надо вызывать врача из Москвы. Поедет [врач, который прикреплен к нему, т.е.] Левин». По приезде в Среднюю Азию Куйбышев заболел ангиной. *Затем появился нарыв в горле.* [Он] *Куйбышев* отказался от вызова врача из Москвы, и опер*ацию*[рирование] делал местный врач в Ташкенте. Операция прошла благополучно. Но по возвращению в Москву здоровье Куйбышева ухудшилось, получились осложнения после перенесенной болезни в Средней Азии. Несмотря на такое состояние здоровья, врачи, которые были у него раза три, находили состояние здоровья его удовлетворительным. А я его утешал, ссылаясь на заявления врачей. Наконец, разразилась катастрофа в тот самый день, когда Куйбышев находился на работе. Он почувствовал себя плохо, был очень бледен[ным], налицо были, несомненно, те признаки, что приближается припадок. Это было в 2 часа дня. Он [собрался и] ушел домой. Я позвонил Енукидзе и сказал, что Куйбышев ушел домой, что ему очень плохо. Я не сомневался, что это результат лечения, которое проводилось. Енукидзе потребовал от меня не нервничать и выполнять то, что требуется, не торопиться с вызовом врача. Прошло минут 15—20. Куйбышев ушел в 2 часа, а смерть его наступила *в* полчаса третьего. Мне позвонили из дома, что с Куйбышевым плохо. Я врача вызвал, но когда врач приехал, Куйбышев уже был мертв, было слишком поздно.

Вот так обстояло дело на самом деле. Вот то, что я должен был рассказать о том террористическом акте, который был организован Енукидзе, Ягодой по директиве центра, в осуществлении которого я принял преступное участие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, у вас вопросы есть к обвиняемому?

ВЫШИНСКИЙ. Да, есть.

Вы кем были вовлечены в заговор?

МАКСИМОВ. [Я имею в виду] Енукидзе вместе с Ягодой.

ВЫШИНСКИЙ. Вам приходилось разговаривать с Енукидзе об этом деле?

МАКСИМОВ. Приходилось.

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?

МАКСИМОВ. Первый разговор был в присутствии Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. О чем?

МАКСИМОВ. О подготовке смерти Куйбышева тем методом, о котором я рассказывал, с моим участием.

ВЫШИНСКИЙ. При разговоре был Енукидзе, Ягода тоже был?

МАКСИМОВ. Да. Кроме того, у меня был разговор на квартире у Енукидзе.

ВЫШИНСКИЙ. Кто был в квартире в то время, когда умер Куйбышев?

МАКСИМОВ. Я сказал, — домашняя работница.

ВЫШИНСКИЙ. Были ли причастны к убийству Куйбышева Бухарин и Рыков?

МАКСИМОВ. [Я говорил, что] Енукидзе [вел такой разговор, он] говорил, [сначала со мной и затем с Ягодой. Он говорил,] что в этом деле принимает участие организованный центр правых [и троцкистов] **[I] *в том числе [заговорщиков]* *Бухарин, Рыков и Томский.*

[ВЫШИНСКИЙ. Он назвал фамилии?][II]

[МАКСИМОВ. Нет, он говорил, что это принято известной вам тройкой.]

[ВЫШИНСКИЙ. Какой тройкой?]

[МАКСИМОВ. Под тройкой всегда подразумевались Бухарин, Рыков, Томский; других не было.]

[ВЫШИНСКИЙ. В детали не входил?]

[МАКСИМОВ. Нет.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть еще вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Больше вопросов нет.

БУХАРИН. У меня есть вопрос.

Подтверждаете ли вы, что в первый раз вашего разговора с Енукидзе он сказал относительно постановления этой тройки?

МАКСИМОВ. Да, говорил.

БУХАРИН. Это было в 1932 г.?

МАКСИМОВ. Это было в 1934 г.

БУХАРИН. Вы сказали, что Енукидзе посвятил вас в этот заговор против Куйбышева?

МАКСИМОВ. Я говорил, что свидание с Енукидзе было узкое. Он говорил о заговоре, о террористическом акте. Это было в 1934 г.

БУХАРИН. Значит, не в первом разговоре?

МАКСИМОВ. Не в первом разговоре.

БУХАРИН. Вас Гайстер свел с Енукидзе?

МАКСИМОВ. Да, в конце 1932 г.

БУХАРИН. Вы получили указание не в конце 1932 г., а в 1934 г.?

МАКСИМОВ. Да.

БУХАРИН. В первом разговоре он сообщил вам о том, что Ягода входит в организацию?

МАКСИМОВ. Он видел, что я колеблюсь, и назвал такую фамилию, как Ягода.

БУХАРИН. Во второй раз после этого вы имели уже свидание с Енукидзе в присутствии Ягоды?

МАКСИМОВ. Да.

БУХАРИН. Теперь позвольте спросить, сколько раз вы виделись с Енукидзе до 1934 г. и разговаривали ли вы на политические темы контрреволюционного характера?

МАКСИМОВ. Конец 1932 г. — начало 1933 г., первая половина 1934 г., был несколько раз.

БУХАРИН. Но все-таки?

МАКСИМОВ. Несколько раз, раз семь—восемь.

[I] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

[II] Предложение удалено — подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синий карандаш), зачеркнуто (красный карандаш). Вероятно, правка красным карандашом И.В Сталина.

БУХАРИН. Для чего же вам тогда понадобилось, чтобы вас Гайстер рекомендовал?

МАКСИМОВ. Потому что Енукидзе меня в конце 1932 г. не знал.

БУХАРИН. Гайстер вас познакомил с Енукидзе в котором году?

МАКСИМОВ. В конце 1932 г.

БУХАРИН. И в 1934 г. во второй раз вы виделись и с Енукидзе и с Ягодой?

МАКСИМОВ. Да.

БУХАРИН. Больше ничего.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, в 1934 г. вас знакомит, вернее, сводит с Енукидзе Гайстер?

МАКСИМОВ. Совершенно верно. На нашем языке это называется «свести».

ВЫШИНСКИЙ. Извиняюсь, «сводит» на вашем языке...

МАКСИМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. После этого вы с Енукидзе встречались несколько раз?

МАКСИМОВ. Да, несколько раз, мы ведь работали в одном коридоре.

ВЫШИНСКИЙ. По каким поводам происходили ваши встречи?

МАКСИМОВ. С одной стороны, он информировал меня, потом он у меня брал некоторые информации...

ВЫШИНСКИЙ. Словом, встречались как соучастники?

МАКСИМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. К правым вы когда примкнули?

МАКСИМОВ. В общем, в 1928 г., а более оформилось это в 1929 г.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, у вас к этому времени был уже известный подпольный стаж?

МАКСИМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы в первый раз заговорили с Енукидзе о заговорщических делах?

МАКСИМОВ. Заговорил он со мною в 1932 г.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, уже начиная с 1932 г. Енукидзе вас знал как члена подпольной организации правых?

МАКСИМОВ. Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы впервые с ним на эти подпольные темы стали разговаривать и на этом пути стали сближаться, он сразу поставил вопрос о терроре или постепенно подготавливал?

МАКСИМОВ. Он поставил этот вопрос значительно позже...

ВЫШИНСКИЙ. Значит, он постепенно подходил к этому вопросу?

МАКСИМОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И последний вопрос — который интересовал Бухарина: в первом, следовательно, разговоре с Енукидзе он вам раскрыл тему подготовки террористического акта?

МАКСИМОВ. Не сразу.

ВЫШИНСКИЙ. А предварительно вас к этому вопросу...

МАКСИМОВ. Подготавливал.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты вопросы есть?

КОММОДОВ. Нет.

БРАУДЕ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У подсудимых имеются вопросы? Нет. (К Максимову.) Садитесь, пожалуйста.

Объявляется перерыв на 10 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Я прошу Коменданта вызвать свидетеля Белостоцкого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. (К свидетелю.) Ваша фамилия, имя, отчество?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Белостоцкий Максим Юлианович.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы вызваны по ходатайству Прокурора свидетелем по данному делу. Предлагается точно и правдиво показать суду, что вы знаете по данному делу.

Т. Прокурор, у вас есть вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Что вам известно относительно неправильности лечения Алексея Максимовича Горького и почему это известно вам?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Я Лечсанупром Кремля был прикомандирован к Алексею Максимовичу Горькому для проведения внутренних вливаний. Немного раз мне, как не терапевту, приходилось лечить таких больных. В первый раз я за свою врачебную деятельность очутился у кровати такого тяжелобольного и такого выдающегося человека. Вполне понятно, что сейчас я фотографически помню то, что происходило в последнее время заболевания Алексея Максимовича Горького, и я считал своим гражданским долгом подать заявление в надежде, что я смогу помочь чем-нибудь советскому суду.

ВЫШИНСКИЙ. В чем заключались ваши наблюдения, и что конкретно вы хотите сказать суду?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Мне приходилось почти с первых дней заболевания Алексея Максимовича производить довольно большое количество внутривенных вливаний и инъекций сердечных средств, как, например, дигален, кардиазол, глюкоза с строфантом, глюкоза, потом строфантин.

ВЫШИНСКИЙ. Что же, вы считали это нормальным или нет?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Я считал совершенно нормальным это. Я с исключительной четкостью и вниманием выполнял задания, которые давались врачами.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше.

БЕЛОСТОЦКИЙ. Был [только] один такой случай — насчет глюкозы с строфантом и строфантином. Я опасался этого препарата.

[ВЫШИНСКИЙ. Почему?]

[БЕЛОСТОЦКИЙ.] Я знал из литературы, что этот препарат очень опасный, что он должен применяться [с] *при* исключительных[ми] показани*ях.*[ями больного.] Я позволил себе [, не как терапевт,] обратить внимание профессора Левина, стоит ли применять такое препарат. Левин сейчас же отменил применение этой инъекции.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Очевидно, он подумал и решил, что, действительно, может быть, не стоит применять сейчас этот препарат.

ВЫШИНСКИЙ. А почему до этого не подумал он об этом, он же терапевт?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы его не спрашивали?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Нет, не спрашивал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы считали неправильным применение этого средства?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Я считал тогда, что это не совсем правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Хотя вы в этой области и не специалист?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Да, я не специалист.

ВЫШИНСКИЙ. Что еще желаете доложить суду?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Я вспоминаю, что было сделано очень много сердечных инъекций. Я хочу обратить внимание на то обстоятельство, что во время приготовления очередного внутривенного вливания ко мне подошел профессор Плетнев и сказал на ухо: зачем вы это делаете? При таком состоянии больного надо дать ему спокойно умереть.

[ВЫШИНСКИЙ. То есть не лечить?]

[БЕЛОСТОЦКИЙ. Да, не лечить.]

ВЫШИНСКИЙ. Не спасать?

БЕЛОСТОЦКИЙ. Не спасать.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ*. У экспертизы нет вопросов? У защиты нет? У подсудимых нет? Свидетель Белостоцкий, вы свободны от дачи дальнейших показаний.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов к подсудимым больше нет, в связи с этим эпизодом, а затем, когда мы перейдем к следующему вопросу, у меня будут дополнительные вопросы к окончанию судебного следствия.

Полагал бы целесообразным заслушать сейчас заключение экспертизы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Заключение экспертизы еще не готово. Объявляю перерыв на 20 минут, после чего будет заслушано заключение экспертизы.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *УЛЬРИХ*. Прошу садитесь. Заседание продолжается.

Для оглашения заключения экспертизы слово предоставляется заслуженному деятелю науки профессору Бурмину.

БУРМИН. [Вопросы к экспертизе.] [1]

1. По умерщвлению А.М. Горького.

ВОПРОС: Допустимо ли, чтобы больному с резко выраженным пневмосклерозом, с наличием бронхоэктазов и каверн, эмфиземы легких и перерождения сердечно-сосудистой системы, страдающему тяжелыми периодическими кровохарканиями, назначался режим длительных прогулок после обеда, особенно в сочетании с утомительным трудом?

Мог ли подобный режим, проводимый в течение продолжительного времени, вызвать у больного ухудшение состояния здоровья и, в частности, сердечно-сосудистой системы?

ОТВЕТ: Такой режим, безусловно, недопустим и мог обусловить ухудшение здоровья больного и, в частности, ухудшение состояния сердечно-сосудистой системы.

ВОПРОС: Допустимо ли помещение подобного больного в квартиру, где заведомо имелись больные гриппом?

ОТВЕТ: Абсолютно недопустимо, ибо этим обеспечивается заражение данного больного гриппом.

ВОПРОС: Правильно ли было ведение больного, правильно ли велась история болезни и лечение А.М. Горького во время его последнего заболевания с 31 мая по 18 июня 1936 г.?

---

[1] В стенограмме текст заключения экспертизы зачеркнут (красный карандаш). В дело вклеен печатный лист заключения экспертизы, аналогичный стенограмме.

ОТВЕТ: Констатация тяжелого состояния больного нашла достаточное отражение в истории болезни, проводимое же лечение зарегистрировано преступно небрежно.

ВОПРОС: Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а в частности, у тяжелобольного А.М. Горького 69-ти лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутривенных органов?

ОТВЕТ: Абсолютно недопустимо.

ВОПРОС: Каковы могли быть последствия такого лечения у А.М. Горького при его последнем заболевании?

ОТВЕТ: Такой метод лечения вообще должен был привести к истощению сердечной мышцы, а в данном случае — мог обусловить смертельный исход.

ВОПРОС. Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без злого умысла?

ОТВЕТ: Этого допустить нельзя.

ВОПРОС: Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А.М. Горького был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для достижения этой преступной цели специальных познаний, которыми располагали обвиняемые Левин и Плетнев?

ОТВЕТ: Да, безусловно, можно считать установленным.

2. По умерщвлению В.В. КУЙБЫШЕВА.

ВОПРОС: Допустимо ли было назначение больному В.В. Куйбышеву, страдавшему приступами грудной жабы и распространенным артериосклерозом, длительных приемов больших доз дигиталиса (наперстянки)?

ОТВЕТ: Нет, недопустимо.

ВОПРОС: Могло ли применение больших доз препаратов наперстянки в продолжение длительного срока (нескольких месяцев) способствовать учащению припадков грудной жабы?

ОТВЕТ: Да, могло способствовать учащению припадков грудной жабы.

ВОПРОС: Допустимо ли в состоянии припадка грудной жабы разрешать больному двигаться и подниматься по лестнице, и можно ли оставить больного с припадком грудной жабы без оказания немедленной врачебной помощи?

ОТВЕТ: Абсолютно недопустимо и преступно, т.к. это может привести, а в данном случае и привело к смерти.

ВОПРОС: Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения В.В. Куйбышева был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для этого как специальных познаний, которыми располагали обвиняемые, так и метода умышленного оставления В.В. Куйбышева без медицинской помощи при очередном припадке грудной жабы?

ОТВЕТ: Да, безусловно, можно считать установленным.

3. По умерщвлению В.Р. МЕНЖИНСКОГО.

ВОПРОС: Допустимо ли было у больного В.Р. Менжинского, страдавшего артериосклерозом с тяжелыми припадками грудной жабы и имевшего инфаркт миокарда, длительное применение препаратов наперстянки, особенно в сочетании с лизатами, могущими усиливать действие препаратов наперстянки?

ОТВЕТ: Нет, безусловно, недопустимо и преступно.

ВОПРОС: Могло ли применение такого метода лечения способствовать истощению сердечной мышцы и, тем самым, способствовать наступлению смертельного исхода?

ОТВЕТ: Да, безусловно, могло.

ВОПРОС: Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что обвиняемые Л.Г. Левин и И.Н. Казаков применяли заведомо вредительские методы лечения т. Менжинского, поставив своей преступной целью скорейшее наступление его смерти, которая и явилась результатом их преступных действий?

ОТВЕТ: Да, безусловно, можно считать установленным.

4. По умерщвлению М.А. ПЕШКОВА.

ВОПРОС: Правильно ли велось лечение М.А. Пешкова, болевшего крупозным воспалением легких, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина?

ОТВЕТ: Лечение М.А. Пешкова, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина, велось не правильно и преступно: первое — не применялась лечебная антипневмококковая сыворотка, которая, по собственному признанию обвиняемого Левина, могла бы быть полезной в лечении больного; второе — назначались в недопустимо высоких дозах наркотики — морфий и пантопон; третье — не применялись сердечные средства.

ВОПРОС: Мог ли подобный неправильный метод лечения, проводимый обвиняемым Левиным, способствовать смертельному исходу болезни?

ОТВЕТ: Подобное лечение не только не способствовало организму в его борьбе с болезнью, но, наоборот, ухудшало положение больного.

ВОПРОС: Можно ли считать установленным, что обвиняемый Левин, поставив своей преступной целью ускорение смерти М.А. Пешкова, применял заведомо вредительское лечение для осуществления своей преступной цели?

ОТВЕТ: Да, безусловно.

заслуженный деятель науки — профессор Д.А. Бурмин
заслуженный деятель науки — профессор Н.А. Шерешевский
профессор В.Н. Виноградов
профессор Д.М. Российский
доктор медицинских наук В.Д. Зипалов.

По отравлению т. Н.И. Ежова.

ВОПРОС: Можно ли на основании представленных экспертизе материалов об организации отравления т. Н.И. Ежова прийти к заключению, что обвиняемые Ягода Г.Г. и Буланов П.П. применили для достижения своей преступной цели крайне опасные и весьма действенные способы постепенного отравления т. Н.И. Ежова?

ОТВЕТ: На основании предъявленных материалов химических анализов ковра, гардин, обивки мебели и воздуха рабочего кабинета т. Н.И. Ежова, а равно и анализов его мочи и характера возникших у него болезненных проявлений, следует считать абсолютно доказанным, что было организовано и выполнено отравление т Н.И. Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления.

ВОПРОС: Можно ли считать установленным, что в результате примененных обвиняемыми Ягодой Г.Г. и Булановым П.П. способов отравления т. Н.И. Ежова его здоровью был причинен значительный ущерб, и, если бы

это преступление не было своевременно вскрыто, то жизни т. Н.И. Ежова угрожала бы непосредственная опасность.

ОТВЕТ: Да, следует считать установленным, что в результате примененного обвиняемыми Ягодой Г.Г. и Булановым П.П. способа постепенного отравления т. Н.И. Ежова, его здоровью был причинен значительный ущерб, и, если бы данное преступление не было своевременно вскрыто, то жизни т. Н.И. Ежова угрожала непосредственная опасность.

заслуженный деятель науки — профессор Д.А. Бурмин

заслуженный деятель науки — профессор Н.А. Шерешевский

профессор В.Н. Виноградов

профессор Д.М. Российский

доктор медицинских наук В.Д. Зипалов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Т. Прокурор, у вас *есть* вопросы к экспертизе*?* [есть?]

ВЫШИНСКИЙ. Только один — являются ли ответы на эти вопросы единодушным мнение всей экспертизы или кто-нибудь из экспертов имеет особую точку зрения?

БУРМИН. Единодушно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты есть вопросы?

БРАУДЕ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У подсудимых есть вопросы?

(Нет.)

В связи с экспертизой есть вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты нет, у обвиняемых друг к другу нет.

Есть какие-нибудь дополнения, вопросы?

ВЫШИНСКИЙ. К экспертизе у меня нет [ничего.] *вопросов*. Есть вопросы к отдельным подсудимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Розенгольц, как видно из акта, [— он] находящ*егося*[ейся] в томе № 6 на листе дела 17, при аресте Розенгольца у него был обнаружен в заднем кармане брюк зашитый в материю маленький кусочек сухого хлеба, завернутый в отрывок газеты и *в этом кусочке хлеба* листок с рукописной записью, который оказался при осмотре записью молитвы. [Он имеется здесь у меня в руках. Суд может удостовериться в этом факте.] Я хочу спросить суд разрешить мне огласить некоторые места этого текста так называемой молитвы и просить подсудимого Розенгольца дать по этому поводу свои объяснения.

[(К Розенгольцу.) Факт этот вы отрицаете?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Я содержания этого листка не видел.]

[ВЫШИНСКИЙ. Нет? А знали, что у вас нашли это?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Знал.]

[ВЫШИНСКИЙ. У вас нашли это в кармане?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Да. Но я не читал, так что я не знаю.]

[ВЫШИНСКИЙ. А вы знали, в чем дело?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Нет, не знал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Так что сейчас имеете возможность узнать после оглашения.] Вот этот текст: [«Да воскреснет бог и расточатся врази его и да бежат от лица его...» (Оглашает текст молитвы). И дальше: «Живый в помощи вышнего...» (Оглашает текст). Как это попало вам в карман?]

*«Да воскреснет бог и расточатся врази его и да бежат от лица его, все ненавидящие его, яко исчезает дым да исчезнет, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бесы от лица любящих бога...

Живый в помощи вышнего в крови бога небесного, водворимся речам господеви: заступник мое еси и прибежище мое, бог мой и уповаю на него яко тои любовию тя от сети ловчи и словеса мятежна плещма своими осенит тя и подкрыле его надеешся. Оружием обыдет тя истина его. Не убоищася от страха ночного от стрелы летящая во дни, отведи во тьме преходящая яко подстрекающаго беса полуденного»...*[1]

Как это попало к вам в карман?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Однажды [, как я показывал,] *этот* небольшой этот пакетик [, зашитый, очень миниатюрный,] перед уходом моим на работу, жена положила мне в карман. *Она сказала, что это на счастье.*

[ВЫШИНСКИЙ. Зачем?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Она говорила, что это у нее какой-то такой...]

[ВЫШИНСКИЙ. Талисман? Или в таком роде?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Да. Она положила в карман, причем она сама не знала его содержания.]

[ВЫШИНСКИЙ. А назначение его какое?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Не знаю, об этом у меня разговора не было.]

[ВЫШИНСКИЙ. Назначение этого талисмана вы знали?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Я ведь его содержания не знал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Но она вам сказала, что это для предотвращения опасности?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Тоже не говорила.]

[ВЫШИНСКИЙ. А что сказала?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Она сказала, положив этот небольшой предмет, что...]

[ВЫШИНСКИЙ. Вы видели, как она положила?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Да... На ходу положила... сказала, что на счастье.]

[ВЫШИНСКИЙ. На счастье?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Да, но что там было, я не знал, не обратил внимания и знать не мог.]

ВЫШИНСКИЙ. А когда было это дело? [За сколько времени до ареста она вам положила «на счастье»?]

РОЗЕНГОЛЬЦ. За несколько месяцев [.] *до ареста.*

ВЫШИНСКИЙ. И вы несколько месяцев носили это «счастье» в заднем кармане?

РОЗЕНГОЛЬЦ. Я даже не обращал внимания...

[ВЫШИНСКИЙ. А носили несколько месяцев в кармане?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Да.]

[ВЫШИНСКИЙ. И вы знали, что там было?]

[РОЗЕНГОЛЬЦ. Не знал.]

[ВЫШИНСКИЙ. Вы носили этот талисман с молитвой на «счастье». Вы узнали о его содержании только после ареста?]

У меня [нет] *больше* вопросов [.] *нет.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. К другим подсудимым нет вопросов?

ВЫШИНСКИЙ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. У защиты нет вопросов?

ЗАЩИТА. Нет.

---

[1] Печатный текст вклеен в стенограмму.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. После часового перерыва заседание суда будет происходить при закрытых дверях. О времени заседания при открытых дверях будет объявлено особо.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

11 марта 1938 г.

Из воспоминаний Вс. Иванова
11/III-38 г.

Вышинский вошел. Я подумал, что он поправляет манжеты, но, оказывается, он снял часы. Рыков вошел, закрыв лицо. Ягода, любуясь собой. Бухарин бочком. Юпитера[1].

Слушая Прокурора, Бухарин, опустив голову, поправляет что-то, записывает у себя в папке. Раковский тоже пишет.

Слушая Прокурора о плане убийства Ленина, Бухарин скорчился, поглядывает и спокойно записывает (возможно, будущие «возражения».)

Начали в 12.20, перерыв от 2 до 2,5, закончил свою речь в 5.30. Речи подсудимых начались в 8 часов. Окончились в 11 часов ночи.

Когда Прокурор говорит о расстреле, Ходжаев бледнеет и становится похожим на мальчика. Бледнеет и Левин. Когда Прокурор говорит, что Ягода признал, что убил Макса по «сугубо личным соображениям», он пьет воду, которую ему подает командир.

Узнаю от адвоката Бройдо о захвате Австрии немцами... Убеждает, что надо нам захватить Бесарабию.

Папанинцы. Австрия. «Закрывают прорыв фронта» этим процессом...

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Заседание продолжается.

Слово имеет Прокурор Союза ССР товарищ Вышинский.

ВЫШИНСКИЙ. Товарищи судьи, члены Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР!

Приступая к своей обвинительной речи по настоящему делу, представляющему собой исключительное явление, имеющему чрезвычайное общественно-политическое значение, я хотел бы раньше всего остановить ваше внимание на некоторых отличительных чертах этого дела, на некоторых выдающихся его особенностях.

Не в первый раз Верховный Суд нашей страны рассматривает дело о тягчайших преступлениях, направленных против блага нашей родины, против нашего социалистического отечества — отечества трудящихся всего мира. Но едва ли я ошибусь, сказав, что впервые нашему суду приходится рассматривать такое дело, как это, рассматривать дело о таких преступлениях и таких злодействах, как те, что прошли перед вашими глазами, что прошли перед глазами всего мира на этом суде, о таких преступниках, как эти преступники, сидящие сейчас перед вами на скамье подсудимых.

С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и

[1] Так в документе.

страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодейства самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников.

В самом деле, какой судебный процесс из всех тех, которых, в силу условий классовой борьбы и ожесточенного сопротивления делу социализма со стороны наших врагов, прошло у нас за последнее время немало, может сравниться с нынешним процессом по чудовищности, наглости и цинизму преступлений, совершенных этими господами!

В каком другом процессе удалось вскрыть и обнаружить с такой силой и глубиной подлинную природу этих преступлений, с такой силой сорвать с лица негодяев их коварные маски и показать всему нашему народу и всем честным людям всего мира звериное лицо международных разбойников, искусно и умело направляющих руку злодеев против нашего мирного социалистического труда, воздвигнувшего новое, счастливое и радостно-цветущее социалистическое общество рабочих и крестьян!

Уже это одно обстоятельство говорит достаточно ясно о громадном общественно-политическом значении этого процесса, о том, что данный процесс представляет собой выдающееся явление, что данный процесс имеет значение историческое.

В чем заключается историческое значение данного процесса? В чем заключаются некоторые его особенности?

Историческое значение этого процесса заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безыдейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей.

Ровно год назад товарищ Сталин, анализируя недостатки нашей работы и указывая меры ликвидации троцкистских и иных двурушников, говорил:

«Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и так далее. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений».

Прошел год. На примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке троцкистов и бухаринцев.

Троцкисты и бухаринцы, то есть «право-троцкистский блок», верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных.

Так называемый «право-троцкистский блок» — это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам.

У блока нет ничего идейного, ничего, так сказать, «духовного», ничего идеологического. Что когда-то в какой-то мере у некоторых из участников этого блока было, то давным-давно растеряно, утрачено, давным-давно исчезло, истлело в смрадном, отвратительном шпионском подполье.

Правда, некоторые из подсудимых, особенно подсудимый Бухарин, делали на этом процессе не раз попытки сохранить, как говорят французы, хорошую мину при плохой игре, принять вид «идейных» людей, прикрыть свою бандитско-уголовную деятельность всякого рода «философскими», «идеологическими» и тому подобными разговорами.

Бухарин пытался здесь весь кошмар своих гнусных преступлений свести к каким-то «идейным установкам», о которых он пробовал говорить длинные и напыщенные речи. Бухарин говорил здесь о разделении труда в этой шпионско-вредительской организации, о каких-то «программных пунктах», о какой-то «идейной ориентации», хотя — добавлял он — идейной ориентации на кулачество.

Свою собственную роль в этой банде Бухарин пробовал изобразить как роль «теоретика». На четвертый день процесса, когда уже были полностью разоблачены уголовно-шпионские преступления этого так называемого блока, он не постеснялся заявить буквально следующее:

«Я главным образом занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов».

Извольте оценить роль этого господинчика, занимающегося якобы не руководством всевозможных и при том самых чудовищных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организацией этих преступлений, а «идеологической стороной» этого черного дела. Оцените роль этого господинчика, который ведет самую оголтелую вредительско-подрывную работу, используя, по собственному признанию, все трудности Советской власти, который готовит и кует черную измену родине, готовит поражение своей страны в войне с фашистскими врагами и думает прикрыть свою измену развязной и циничной болтовней об использовании войны, которая «прогностически стояла в перспективе». Оцените роль этого господинчика, болтающего о том, что обер-бандит и англо-германский шпион Троцкий уже в 1932 г. сбросил свой, как сказал здесь Бухарин, «левацкий мундир» и что он, Бухарин, вместе с Рыковым и Томским вооружили эту банду преступников своей «идеологией».

Схваченный за руку, пойманный с поличным, Бухарин призывает в свидетели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологии и риторики, бормочет какие-то ученые слова, лишь бы как-нибудь замести следы. Но он не выдерживает и свой учено-бредовый лепет заканчивает признанием:

«Мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родины, мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Мы превратились в повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть Советскую власть пролетариата».

Бухарину к этому надо было добавить: «Мы превратились в полицейское отделение японо-германской разведки, мы превратились в бесстыдных торговцев родиной».

Блок — это агентура иностранных разведок. Члены блока и его руководители вроде Троцкого, который не сидит здесь на скамье подсудимых, Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Розенгольца и рядовые его члены вроде Зубарева, Максимова-Диковского и других — это рабы этих разведок, это невольники своих хозяев.

Какая же здесь может быть идеология, какая «проблематика» или «прогностика», теория или философия?

Философия, за дымовой завесой которой пытался здесь укрыться Бухарин, — это лишь маска для прикрытия шпионажа, измены.

Литературно-философические упражнения Бухарина — это ширма, за которой Бухарин пытается укрыться от своего окончательного разоблачения.

Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместные!

Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как размозжить ей голову разбойничьим кистенем!

Историческое значение этого процесса заключается, в первую очередь, в том, что он до конца разоблачил бандитскую природу «право-троцкистского блока», его идейную выхолощенность, разоблачил, что блок — все эти правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее, и тому подобное — все это наемная агентура фашистских разведок.

«Право-троцкистский блок» — это не политическая группировка, это банда разведчиков, агентов иностранных разведок.

Это доказано полностью и неопровержимо. В этом громадное общественно-политическое и историческое значение данного процесса.

«Право-троцкистский блок», сидящий сейчас на скамье подсудимых, — как это со всей очевидностью показало судебное следствие, это лишь передовой отряд международного фашизма, это свора палачей и подпольных убийц, при помощи которых орудует фашизм в разных странах, в первую очередь в Испании и Китае.

Вот почему разоблачение «право-троцкистского блока» как шпионской банды имеет огромное значение не только для нашей социалистической революции, оно имеет громадное значение для всего международного пролетариата. Оно имеет громадное значение для всей человеческой культуры, для борьбы за подлинную демократию и свободу народов, для борьбы со всеми и всякими поджигателями войны, со всеми международными провокациями и провокаторами.

Вот почему за ходом этого процесса с трепетным вниманием следят трудящиеся массы всех стран мира, особенно же тех стран, где народ ведет героическую борьбу за свою свободу против фашистского ига.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Ходжаевы и Шаранговичи под руководством Троцкого, под руководством германской, японской, польской и других разведок делают свое черное дело по приказу своих хозяев не только в нашей стране, но и в Испании, и в Китае, всюду, где идет классовая борьба трудящихся, где идет борьба честных людей за подлинную свободу, за подлинную демократию, за подлинную человеческую культуру.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Шаранговичи, Ходжаевы и другие — это та же «пятая колонна», это тот же ПОУМ, это тот же Ку-клукс-клан. Это один из отрядов фашистских провокаторов и поджигателей войны, действующих на международной арене.

Разгром этого отряда — великая услуга делу мира, делу демократии, делу подлинной человеческой культуры.

Исключительное значение настоящего процесса, однако, не ограничивается сказанным.

Здесь, на скамье подсудимых, сидит не одна какая-либо антисоветская группа, агентура не одной какой-либо иностранной разведки. Здесь, на скамье

подсудимых, сидит целый ряд антисоветских групп, представляющих собой агентуру разведок целого ряда враждебных СССР иностранных государств.

В этом «деле» завязли остатки всех антисоветских сил, групп и организаций, завязли, по крайней мере, как это с точностью установлено судебным следствием, четыре иностранных разведки: японская, германская, польская и английская и, разумеется, все другие иностранные разведки, которые поддерживают с указанными разведками дружественный, так называемый оперативный контакт.

В самом деле, если говорить о Троцком, то его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана уже на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 г. и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 г.[283] Теперь же доказано, что его связи с немецкой политической полицией и разведками других стран относятся к значительно более раннему периоду времени, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 г. Об этом совершенно точно показал Крестинский на настоящем судебном процессе. Теперь доказано, что Троцкий был связан с английской разведкой «Интеллидженс Сервис» с 1926 г. Об этом точно показал, — и это доказано, — обвиняемый Раковский. Весь блок во главе с Троцким целиком состоял из одних иностранных шпионов и царских охранников.

Бухарин и Рыков через своих сообщников были связаны с рядом иностранных разведок, которых они систематически обслуживали.

Ягода, как мухами, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только прикрывал, как это он сам здесь признали, но через которых он вел шпионскую работу, передавая разведкам секретные государственные материалы, продавая и передавая нашу страну этим иностранным разведкам.

Крестинский, по собственному признанию, — германский шпион с 1921 г.

Розенгольц — один из руководителей троцкистского подполья, как установлено, начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба, как он сам признал, в 1923 г., а для английской разведки, как он сам тоже признался в этом преступлении, — в 1926 г.

Раковский — один из ближайших и особо доверенных людей Троцкого, по его собственным показаниям, являлся агентом английской разведки «Интеллидженс Сервис» с 1924 г. и агентом японской разведки с 1934 г.

Чернов начал свою шпионскую работу в пользу Германии, по его собственному показанию, в 1928 г., связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 г.

Гринько, по его собственным словам, стал шпионом германской и польской разведок в 1932 г., а до этого поддерживал шпионскую связь с этими разведками, особенно с польской разведкой.

Икрамов и Ходжаев через своих курбаши «работают» под руководством Бухарина над организацией связей с резидентами английской разведки, над укреплением которой немало поработал на среднеазиатских границах СССР небезызвестный разведчик и авантюрист Лоуренс.

Потом идут провокаторы и агенты царской охранки — Зеленский, Зубарев, Иванов. Иванов к тому же еще и английский шпион.

Прибавьте к этой компании группу отравителей-убийц Левина, Плетнева, Казакова, Крючкова, Максимова-Диковского и других, связанных с ними, и тогда морально-политический облик этого блока и каждого из его участников станет ясным до предела.

Вот почему мы можем сказать — вот зловонная куча человеческих отбросов, не останавливавшихся ни перед чем, не брезгавших ничем, готовых на все — на взрывы заводов и железнодорожных поездов, на истребление скота, на порчу хлеба, на убийство, шпионаж и измену.

Именно все эти качества, уголовно-политические и моральные, и сделали правых и троцкистов таким ценным материалом для провокации, для разжигания войны, для подлейших преступлений фашизма. Никто не умеет так маскироваться, как они. Никто не овладел в такой мере мастерством циничного двурушничества, как они.

Перед всем миром разоблачается теперь презренная предательская, бандитская деятельность Бухариных, Ягод, Крестинских, Рыковых и прочих право-троцкистов. Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами, — и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленить страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов.

Таков был приказ их хозяев, и они выполняли этот приказ как могли, стараясь изо всех сил.

Они старались изо всех сил поджечь наш родной дом с четырех концов, торопились открыть ворота врагу, чтобы дорваться до власти, хотя бы ценой иудиной измены, чтобы уничтожить плоды героического труда нашего народа, построившего новое, социалистическое общество, чтобы вернуть власть помещиков и капиталистов, на которых эти предатели работали, не покладая рук.

Таковы эти люди, таковы их планы и расчеты, таковы их позорные и чудовищные преступления.

Подсудимый Бухарин хвастливо говорил здесь, что это они, правые, капиталистические подпевалы, вооружили троцкизм «духовным» оружием теории реставрации капитализма.

О какой «теории» говорит Бухарин, этот прожженный политический плут и один из крупнейших организаторов иностранного шпионажа против СССР?

Как черт от ладана, Бухарин бежит от признания своей вины. Бухарин отрицает здесь свою вину.

Но что стоит его отрицание этого преступления в свете признания им своей вины в других тягчайших преступлениях, органически связанных с этим преступлением?

Что стоит это отрицание в свете имеющихся у нас против Бухарина доказательств?

Напомню лишь, что в утреннем заседании 7 марта Бухарин и Рыков были полностью уличены в шпионских связях и в шпионской работе в пользу германской и польской разведок. Я напомню кратко диалог с Рыковым на утреннем заседании 7 марта.

На следствии Рыков сказал, что:

«Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность. В своих взаимоотношениях с поляками он и связанные с ним по нелегальной деятельности сделали все практические выводы из этой нашей директивы».

Рыков это подтвердил и на суде. Его спрашивал на суде государственный обвинитель:

«Следовательно, Червяков и люди, связанные с вами, имел систематическую связь с поляками?

Рыков. Да.

Вопрос. Какая это связь?

Рыков. Там была и шпионская связь.

Вопрос. Шпионская связь в части вашей организации с поляками по вашей директиве?

Рыков. Конечно.

Вопрос. В том числе и Бухарина?

Рыков. Конечно.

Вопрос. Вы и Бухарин были связаны?

Рыков. Безусловно.

Вопрос. Значит, вы были шпионами?

Рыков. (Молчит.)

Вопрос. И организаторами шпионажа?

Рыков. Я ничем не лучше шпиона.

Вопрос. Вы были организаторами шпионажа, были шпионами?

Рыков. Можно сказать — да».

А Бухарин, при этих условиях, говорит о какой-то «теории», пытаясь «теоретически» объяснить ход вещей, приведших правых в стан заклятых врагов Советской власти и советского народа...

Эти объяснения незачем искать в бухаринской «теории». Их надо искать в бухаринских преступлениях, хотя и прикрывавшихся чем-то вроде «теории».

Именно они, эти преступления, объясняют действительный ход вещей, действительную логику событий и борьбы, поставивших лицом к лицу два мира, два блока — блок изменников, наймитов иностранного капитала, разоблаченный и раздавленный сейчас гневом и мощью великой Советской страны, блок предателей, покрытых вечным презрением, позором и проклятием миллионных масс трудящихся народа всего мира, — и блок советских патриотов, великих и непобедимых в любви к своей родине, выдержавших не одну историческую битву с врагами, готовых под руководством Коммунистической партии и великого Сталина дать сокрушительный отпор любому врагу в любых условиях, в любое время, откуда бы он ни появился, несмотря ни на какую измену, ни на какое предательство.

Значение настоящего судебного процесса определяется, разумеется, и теми уроками, которые неизбежно необходимо извлечь всем нам, патриотам Советской земли, из этого процесса.

Наша родина наслаждается счастьем социалистической победы, счастьем и радостью освобожденного от капиталистического ига труда.

Двадцать лет стоит, как несокрушимый утес, Советское государство — социалистическое государство рабочих и крестьян.

Двадцать лет в великой стране победившего социализма идет героическая работа по организации нового общественного и государственного строя, свободного от эксплуатации, от нищеты и страданий миллионных народных масс, порабощенных игом капитализма почти во всех остальных странах мира.

Двадцать лет упорно и настойчиво идет дружная работа многочисленных народов, объединившихся в братский Союз Советских Социалистических Республик, построенный гением вождей социалистической революции Ленина и Сталина.

За эти двадцать лет когда-то бедная и слабая страна превратилась в страну богатую и могучую, в страну мощную и непобедимую.

За эти двадцать лет Российское государство превратилось в государство социалистическое.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов, принявшем великую Сталинскую Конституцию, товарищ Сталин говорил:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т.е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого по его способностям, каждому по его труду».

За эти двадцать лет под руководством партии Ленина—Сталина в нашей стране окончательно уничтожена эксплуатация человека человеком, окончательно утверждена общественная, социалистическая собственность как незыблемая основа нашего советского общества.

За эти двадцать лет в корне изменился весь облик нашей страны, превратившейся в богатейшую и могущественнейшую пролетарскую державу.

«В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР, — говорит товарищ Сталин, — мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни».

Социализм вошел в быт нашего народа, социализм победил в нашей стране. И нет силы в мире, которая могла бы ослабить значение или величие этой социалистической победы. И это, несмотря на все трудности, стоявшие и еще стоящие на нашем пути. И это, несмотря на все усилия враждебных нам иностранных государств и отживших и умирающих остатков эксплуататорских классов в нашей стране задержать прогрессивное развитие нашего общества, помешать нашим социалистическим успехам, сорвать нашу мирную творческую работу по построению в СССР социализма.

Можно без всякого преувеличения сказать, что за истекшие 20 лет советской истории наше государство и наш народ не знали ни одного года, ни одного месяца и дня, когда бы не нападали на нас враги — злобные, коварные, жестокие, мстящие за свои поражения, понесенные ими от руки наших рабочих и крестьян, мстящие за «утерянный рай» своего экономического и политического господства.

От первых дней великого Октября до блистательных дней величайшей из исторических эпох — эпохи Сталинской Конституции — молодая Республика Советов не выходит из огня классового нападения эксплуататоров и их бесчисленной агентуры — троцкистов, меньшевиков, эсеров, бухаринцев, зиновьевцев, мусаватистов, дашнаков, грузинских, узбекских и других националистов, черносотенцев, белогвардейцев, кадетов, попов, кулаков и так далее, и тому подобное.

Этот процесс еще раз напомнил, и при том напомнил с небывалой силой и остротой, что два мира стоят, как непримиримые и смертельные враги, друг перед другом — мир капитализма и мир социализма.

Логика классовых противоречий и классовой борьбы толкает остатки эксплуататорских классов внутри СССР и эксплуататорские классы за пределами СССР на все более и более ожесточенные нападения на государство трудящихся, прокладывающее широкую дорогу для лучшей, для новой жизни трудящимся и угнетенным народам всего мира.

На опасность для дела социализма в СССР капиталистического окружения не раз обращали наше внимание наши учителя Ленин и Сталин.

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Ленин говорил:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистскими государствами

продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен» (т. XXIV, стр. 122). «Надо помнить, — учил Ленин, — что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (т. XXVII, стр. 117).

Товарищ Сталин на днях еще раз напомнил нам о капиталистическом окружении.

«В самом деле, — писал товарищ Сталин в своем историческом ответе товарищу Иванову, — было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты, не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпы или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ».

На успех интервенции в течение ряда лет надеялись наши враги, организуя и воодушевляя на борьбу с Советской властью различные антисоветские группы внутри СССР, рассчитывая при помощи этих групп осуществить свой разбойничий замысел.

Вся история буржуазной контрреволюции в СССР связана с активными попытками наиболее реакционных кругов международной буржуазии свергнуть власть Советов. Ни один сколько-нибудь серьезный заговор против Советской власти в СССР не обошелся без прямого и самого активного участия в нем иностранных капиталистов и военщины.

В 1921 г. Ленин нас предупреждал: «Мы окружены всемирной буржуазией, карауляшей каждую минуту колебания, чтобы вернуть "своих", чтобы восстановить помещиков и буржуазию» (т. XXVI, стр. 348).

Товарищ Сталин неустанно напоминает нам об опасности капиталистического окружения, доказывает, что «...сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения» («Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 386).

Разве не об этом говорит известное Шахтинское дело, где главная дирижерская роль принадлежала польско-французско-немецким капиталистам, объединившимся с вредителями в борьбе против СССР?

Разве польский фабрикант Дворжанчик, французские акционеры Сансе, Ремо и Буроз, германская АЕГ и поддерживающая и первых, и вторых, и третьих военщина ряда капиталистических стран, — разве все они не были вдохновителями Шахтинского заговора, собиравшегося вкупе с иностранными генштабами залить кровью нашу землю в 1928 г.?

Разве не об этом же говорит известное дело «Промпартии», где, наряду с Рамзиным и Чарновским, первую скрипку играли белоэмигранты Рябушинский и генерал Лукомский, английский разведчик — полковник Лоуренс и французский генерал Жуанвиль, известный участник северной интервенции в 1919 г. и военный атташе при Колчаке?

Известно, что и шахтинцы и промпартийцы не только занимались вредительством и готовили на случай войны диверсионные акты, но системати-

чески вели шпионскую работу, причем, как это выяснилось по делу «Промпартии», для ведения этой шпионской работы Рамзин организовал даже особую комиссию под председательством вредителя профессора Осадчего, бывшего в то время заместителем председателя Госплана. В программе «Промпартии» заострялось внимание на диверсиях в Москве, Ленинграде, Донбассе, на Урале путем взрывов мостов, порчи железнодорожных путей, взрывов электростанций, остановки заводов и фабрик.

Разве не о дьявольской работе иностранных разведок в нашей стране говорит и дело английских инженеров Торнтона, Макдональда и других, разоблаченных в 1933 г. агентов «Интеллидженс Сервис», организаторов вредительства и диверсий на некоторых наших электростанциях, людей, подготовлявших опорные пункты для предстоящей интервенции?

Разве не о том же, наконец, говорят последние судебные процессы 1936—1937 гг., разоблачившие чудовищные преступления шпионско-террористических банд троцкистов, зиновьевцев и других антисоветских элементов, ставших на службу иностранным полицейским охранкам, превратившихся в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру этих охранок? Да, да, об этом с полной убедительностью говорят, кричат кошмарные преступления этих бандитских шаек, уничтоженных по приговорам нашего советского суда.

Процесс Зиновьева—Каменева, процесс Пятакова—Радека, процесс группы военных изменников — Тухачевского, Якира и других доказали, что враги не думают потихоньку «вползать в социализм», как это, для прикрытия своей гнусной, предательской работы, проповедовали обвиняемые Бухарин, Рыков и иже с ними, что враги хватаются за самые крайние, за самые жестокие средства борьбы[284].

Это же полностью показал и настоящий судебный процесс, главными «героями» которого являются организаторы и вдохновители «право-троцкистского блока», изобличенные как закоренелые враги социализма, нашей родины, нашего народа.

Вот почему значение настоящего процесса далеко выходит за обычные, так сказать, криминальные рамки и приобретает поистине огромное историческое значение.

Этот процесс подводит итог борьбы против партии Ленина—Сталина и Советского государства людей, которые, как это с исключительной яркостью и убедительностью доказало судебное следствие, всю свою жизнь ходили под маской, которые начали эту борьбу задолго до нынешнего времени, которые, под прикрытием громких провокаторских фраз, служили не революции и пролетариату, а контрреволюции и буржуазии, которые обманывали партию, Советскую власть, чтобы удобнее делать свое черное дело измены, чтобы дольше оставаться неразоблаченными.

Презренные преступники путем обмана, лицемерия и двурушничества сумели отсрочить до последнего времени час своего разоблачения. Но час этот настал, и преступники разоблачены, разоблачены полностью и до конца.

В свете фактов, установленных на этом процессе, становится ясной и понятной вся преступная деятельность троцкистов и бухаринцев, скрывавших под искусной личиной свое настоящее лицо заклятых врагов советского народа...

Маска сорвана. Их настоящее лицо, их действительный облик ясен теперь каждому. Каждому ясны и их позорные дела, как ясен их жалкий, позорный удел.

Судебные процессы по делу Зиновьева—Каменева и Пятакова—Радека завершили разоблачение троцкистско-зиновьевского отребья как оголтелой

и беспринципной банды вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств[285].

Судебный процесс 1937 г., где на скамье подсудимых сидели троцкистские атаманы Пятаков, Радек, Сокольников и другие, разоблачил политическую платформу троцкистов, несмотря на то, что они упорно прятали эту платформу от народа[286].

Да и как было им не прятать этой своей платформы, сотканной из предательств, измены и коварства, подчиненной одной задаче — обеспечить свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР.

Настоящий процесс показал, что эта, с позволения сказать, «программа» была списана троцкистами у правых, о чем не без бахвальства заявил на суде обвиняемый Бухарин.

Нынешний процесс полностью и до конца разоблачил теперь, как фашистскую агентуру, не только троцкистов, но и бухаринцев, в течение длительного времени искусно маскировавшихся, искусно избегавших своего разоблачения, как убийц, шпионов и провокаторов.

Теперь ясно всем и каждому, что собой представляют правые, которые давно уже, как и троцкисты, перестали быть политическим течением и превратились в такую же, как и троцкизм, оголтелую и беспардонную банду уголовных преступников.

Теперь окончательно выяснился весь процесс этого их превращения в контрреволюционную шайку, превращения, наметившегося уже давно и неоднократно разоблаченного нашей партией и лично товарищем Сталиным.

Мы еще специально остановимся на преступлениях обвиняемого Бухарина в 1918 г.; сейчас напомним о них лишь для того, чтобы в свете этих преступлений лучше и отчетливее представить себе путь этого превращения.

В самом деле, начавши в 1918 г. с заговора против Ленина как главы Советского государства, подняв в 1918 г. свою преступную руку на Ленина, разве мог кончить Бухарин иначе, чем кончил сейчас, — этой позорной скамьей подсудимых, ждущий сурового, но справедливого суда советского народа, с проклятием произносящего сейчас это ненавистное имя!

Начавши со знахарской «теории» о мирном врастании кулаков в социализм, ведя все эти последние десять лет подпольную борьбу с партией и советским народом, мог ли иначе кончить свою политическую карьеру Бухарин, чем он ее кончает, кривляясь и фиглярничая даже сейчас, на пороге своего, быть может, последнего, смертного часа!

К шпионскому блоку с троцкистами Бухарин, Рыков, Ягода и другие правые пришли не случайно. В том, что такой блок сложился и, наконец, в 1932 г. окончательно оформился, нет ничего неожиданного — к этому шло все развитие отношений между правыми и троцкистами, представляющими, по сути дела, разновидности одного и того же явления.

На XVI съезде партии в 1930 г. товарищ Сталин, разоблачая двойственность троцкизма, указывал, что этой двойственностью «...объясняется тот факт, что свои "бешеные", будто бы, атаки против правых уклонистов троцкизм (это капитулянтство под маской. — *А.В.*) обычно увенчивает блоком с ними, как с капитулянтами без маски» («Вопросы ленинизма», 10-е издание, стр. 419).

Троцкисты и правые — это капитулянты. Одни — капитулянты под маской истеричных провокационных, «революционных» фраз, другие — капитулянты без маски.

На XVII партконференции в докладе о второй пятилетке товарищ Молотов показал полное родство душ правых и троцкистов. Троцкисты выступают

против первой пятилетки с клеветническими контртезисами. Им поддакивают правые, противопоставляя сталинской пятилетке рыковскую двухлетку.

Троцкисты клевещут о росте кулацких элементов и о зависимости от них государственного хозяйства в СССР. Правые изо дня в день пищат, что «основным источником хлеба будут еще долгое время индивидуальные хозяйства крестьян (то есть кулацкие хозяйства. — *А.В.*), а потому потише с наступлением на кулака».

Троцкисты клеветнически шипят о «термидоре», то есть о крахе нашей революции. Правые пищат, вторя им, что наши заводы и фабрики в скором времени могут достаться белогвардейцам. Правые иногда, правда, дрались с троцкистами, но, как это показал уже товарищ Сталин, это были «петушиные бои», которые «правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет блока с ними» («Вопросы ленинизма», 10-е издание, стр. 421).

И так из года в год, на всем протяжении нашей революции, за все время существования Советского государства.

Чем объясняется эта родственность позиций троцкистов и правых, их постоянное тяготение друг к другу, постоянное искание блоков, наконец, наличие этих блоков на различных этапах их борьбы против партии, Советского государства и социалистического строительства?

Это, разумеется, объясняется, прежде всего, общностью социальной базы троцкистов и правых. Это объясняется тем, что и троцкисты, и правые отражают давление капиталистических элементов, сопротивляющихся успехам социализма, не собирающихся мирно и тихо уходить с исторической сцены.

Это объясняется, как мы знаем теперь, тем, что и те и другие действовали по приказу одних и тех же хозяев, сидящих в генштабах и разведках враждебных к СССР иностранных государств.

Троцкисты и бухаринцы уже много лет назад очутились в лагере контрреволюции. Троцкизм и правые превратились уже много лет назад в оруженосцев буржуазной контрреволюции. Троцкисты и правые снабжают уже в течение многих лет контрреволюционную буржуазию оружием для борьбы с Советским государством. Троцкисты и правые делают одно и то же черное дело измены.

Вот факты, приобретающие сейчас новый смысл в свете тех обстоятельств, которые теперь полностью и с абсолютной достоверностью установлены на судебном следствии по настоящему делу.

Факты устанавливают с полной бесспорностью как неизбежность и естественность блока, заключенного правыми и троцкистами, так и превращение этого блока в агентуру иностранных фашистских разведок.

Как боролись троцкисты и зиновьевцы против Ленина, против социализма, против героических усилий пролетарской революции построить в СССР новое социалистическое общество, — показали с исчерпывающей полнотой два предыдущих судебных процесса на примере Пятакова, Зиновьева, Каменева, Радека, Смирнова и других[287].

Я хотел бы сейчас напомнить некоторые факты, характеризующие с этой точки зрения позицию и поведение некоторых героев настоящего процесса и, в первую очередь, подсудимых Бухарина и Рыкова.

Бухарин любит, как я уже сказал, изображать из себя «теоретика», да еще марксиста, да еще самого что ни на есть ортодоксального. А как дело обстоит в действительности, это видно из краткой исторической справки об антипартийных выступлениях Бухарина, начиная с 1909 г. по 1936 г. включительно.

Несколько кратких справок:

1909 г. — Бухарин примыкает к отзовизму.

1914—1917 гг. (период империалистической войны) — Бухарин «левый коммунист», отрицает программу-минимум, ведет борьбу против Ленина.

1914 г. — он носится с планом издания собственной газеты, противопоставляя ее большевистской печати, ленинской печати.

Весна 1915 г. — Бухарин троцкист. На Бернской конференции он выступает против лозунга гражданской войны, за единство с троцкистско-меньшевистским «Нашим словом». Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов». Бухарин трактует это как проявление социал-патриотизма.

Осень 1915 г. — Бухарин выступает с тезисами, отвергающими право наций на самоопределение.

Февраль 1916 г. — Бухарин солидаризируется с полуанархической программой голландских левых социал-демократов.

В 1916 г. Бухарин выступает в журнале «Интернационал молодежи» с анархистскими, антиленинскими взглядами по вопросу о государстве, против диктатуры пролетариата.

В статье «Мировое хозяйство и империализм» (1915 г.) Бухарин открыто защищает троцкистский тезис о том, что разрозненные выступления пролетариата отдельных стран победить не могут. Иначе говоря, Бухарин откладывал социализм, как говорил Ленин, «до греческих календ, то есть до "никогда"» (Ленин, т. XIX, стр. 221). Владимир Ильич писал о нем в 1916 г., что он — Бухарин — «(1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски неустойчив» (Ленин, т. XXIX, стр. 229).

«Война, — писал Ленин, — толкнула его к идеям полуанархическим. На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915 г.), он дал тезисы... — верх нелепости; срам; полуанархизм».

В 1916 г., как я уже сказал, в журнале «Интернационал молодежи» Бухарин развивал анархо-синдикалистские мысли о принципиальной враждебности пролетариата к государству, о взрыве всякого государства.

Впоследствии, через год после смерти В.И. Ленина, Бухарин выступил с наглым утверждением, что в этом вопросе ошибался не он, а Ленин.

1916—1917 гг. — Бухарин вместе с Троцким редактирует троцкистскую Газету «Новый мир» (Нью-Йорк), в которой отрицает возможность победы социализма в одной стране.

1917 г. — на VI съезде партии Бухарин выступает с троцкистской схемой. В дни Октября вновь и вновь отстаивает невозможность победы социализма в России.

1918 г. — Бухарин лидер «левого коммунизма». Этот эпизод со всей тщательностью рассмотрен на судебном заседании.

8 октября 1918 г. на пленуме Моссовета Бухарин заявляет об ошибочности своего «левого коммунизма». «Я был против Брестского мира в свое время, но никогда не защищал срыв мира, как "левые" эсеры. Теперь я должен честно и открыто признать, что мы, противники Брестского мира, были неправы — прав был Ленин». Мы знаем, что на суде Бухарин должен был признать, что на деле он активно боролся за срыв Брестского мира.

1919 г. — VIII съезд партии — Бухарин снова выступает против признания права наций на самоопределение.

Дальше идут IX, X съезды партии, где Бухарин неизменно ведет «свою» линию, направленную против партии, против Ленина, против Сталина.

В 1921 г. Бухарин в интересах Троцкого занимает позицию буфера, предательски разжигая дискуссию, подливая в нее, по выражению Ленина, «буферный керосин».

В антиленинской фракции Бухарин выступает вместе с Серебряковым, Радеком, Крестинским, Пятаковым и другими троцкистами.

Конец 1920 г. — начало 1921 г. — идет дискуссия о профсоюзах. Страна готовится к переходу к новой экономической политике. Бухарин выступает в роли «буфера», затем полностью переходит на позиции Троцкого. А на X съезде заявляет, что «республика висит на волоске».

В 1923 г. Бухарин в «Правде» в статье «Долой фракционность» говорит об ошибках Троцкого и, глухо, «ряда других товарищей», умалчивая о себе.

1922 г. Ленин громит Бухарина за его попытку сорвать монополию внешней торговли. Ленин прямо разоблачает Бухарина как заступника спекулянта, мелкого буржуа, как защитника интересов кулацкой верхушки крестьянства, выступающего против промышленного пролетариата (Ленин, т. XXVII, стр. 381).

В 1923—1924 гг. Бухарин блокируется с Каменевым и Зиновьевым против товарища Сталина. Накануне дискуссии Бухарин выступает со статьей, проповедующей в завуалированном виде теорию врастания кулака в социализм.

1925 г. — кулацкий лозунг Бухарина «Обогащайтесь». Правда, в книжке «Цезаризм под маской революции» и на XIV съезде партии Бухарин признал ошибочность этого лозунга, но здесь на суде Бухарин признал, что это «раскаяние» было не более чем тактическим маневром, обманом.

1928 г. — Бухарин заявляет на пленуме ЦК партии об отсутствии разногласий с партией и одновременно ведет переговоры и вступает в тайный сговор с Каменевым. Пишет «Заметки экономиста».

1929 г. — Бухарин в «Правде» заявляет об ошибочности своих взглядов. «Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Теперь на суде он показал, что и это был тактический маневр, что и тогда в 1929 г. он также лгал. Ибо как раз в это время оформлялась подпольная организация, которая с оружием в руках стала выступать против Советской власти.

Чтобы не быть голословным, я напомню вам показания Бухарина, Рыкова, наконец, Иванова о том, как Бухарин разжигал борьбу на Северном Кавказе, как через своего ученика и подручного в этом деле Слепкова он организовывал кулацкие восстания против Советской власти, как посылал Яковенко в Сибирь, как им всем удалось спровоцировать кулацкое восстание в Бийском округе и других местах. Напомню, что в это же самое время Бухарин, выступая в печати, говорил: «приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Бухарин лгал и здесь.

15 декабря 1929 г. Бухарин помещает в «Правде» статью, в конце которой перечисляет и осуждает свои ошибки. И в то же самое время он ведет подпольные разговоры с Каменевым.

В то же время, как это он сам теперь признал, вместе с Рыковым посылает Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко — в Сибирь, чтобы поднять кулацкие восстания против Советской власти. На суде Бухарин признал, что именно ими были спровоцированы в то время такие-то и такие-то кулацкие восстания.

А как вел себя тогда Бухарин?

С лицемерным видом святоши, прикрываясь маской искренности, еще в самом начале борьбы Бухарин стал осуществлять подлые, интриганские, фракционные, тайные махинации против партии и ее руководства. Он заключил блок с злейшими, разоблаченными врагами большевизма, только

что в ноябре 1927 г. выступавшими против Советской власти с антисоветской демонстрацией на улицах Москвы и Ленинграда.

В 1930 г. Бухарин вновь подает заявление в ЦК и признает свои ошибки. Бухарин заявляет о «безоговорочном осуждении мною всех и всяких покушений на единство партии, всякой фракционной работы, всяких попыток скрытой борьбы с партийным руководством, скрытой защиты другой политической линии, отличной от линии партии». А на деле, вы слышали из показаний Бухарина, на деле он именно в это время вел переговоры с Семеновым об организации террористического акта против руководителей нашей партии и правительства.

В январе 1933 г. Бухарин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) («Правда» № 14) выступает с речью, в которой требует «суровой расправы с группировкой А.П. Смирнова», говорит о своей «право-оппортунистической, совершенно неправильной общеполитической установке», о своей «вине перед партией, ее руководством, перед Центральным Комитетом партии, перед рабочим классом и страной», говорит о Томском, Рыкове как о своих «бывших соратниках по руководству правой оппозицией». Вообще «критикует» свои «прежние» взгляды»[288].

А на деле это был первый год оформления «право-троцкистского блока», который приступил к выполнению таких задач, как террор, шпионаж, диверсии, вредительство, измена родине, отторжение от СССР национальных республик.

Начало 1934 г. — XVII съезд партии — выступление Бухарина, в котором он одобряет «беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции, как главной опасности, то есть той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал».

А в это же время мобилизует все силы для того, чтобы усилить преступные действия своей группы, уже превратившейся в группу подлинных шпионов, убийц, разведчиков.

Начало 1936 г. — Бухарин в статье в «Известиях» обозвал русский народ «нацией Обломовых». В номере «Известий» от 14 февраля 1936 г. Бухарин заявляет об ошибочности этого своего утверждения («Неверное утверждение», об этом «выражаю свое глубокое сожаление»).

Таков Бухарин — эта лицемерная, лживая, хитрая натура. Этот благочестиво-хищный и почтенно-злой человек, эта, как говорил Максим Горький про одного из героев из галереи «Бывших людей», — «проклятая помесь лисицы и свиньи».

Не лучше и другие — тоже «герои».

Подсудимый Рыков. До вступления в партию большевиков Рыков входил в Саратове в объединенную партию эсеров и социал-демократов.

1909—1911 гг. — Рыков полутроцкист, полуликвидатор. В период Апрельской конференции Рыков и Каменев за объединение «живых сил» революционной демократии, то есть за союз с эсерами и меньшевиками.

В октябре 1917 г. вместе с Каменевым, Зиновьевым Рыков дезертирует.

В декабре 1917 г. Рыков каркает о непрочности Советской власти, говоря, что «не может удержаться чисто большевистская власть в отсталой стране в то время, как в Европе не произошла социалистическая революция».

В 1920 г. Рыков с сапроновцами выступает против Ленина, за коллегиальность.

Рыков против ленинского плана ГОЭЛРО, он погряз с головой в обывательском «реализме», погряз по уши в рутине (как писал о нем тогда В.И. Ленину товарищ Сталин).

А потом? Потом 1928, 1929, 1932 гг. — блоки, центры, заговоры, измена. Другие обвиняемые не лучше.

Вот старый троцкист и германский шпион Крестинский, начавший свою предательскую карьеру еще при жизни Владимира Ильича Ленина. Крестинский передает шпионские сведения немецкой разведке и получает ежегодно по 250.000 марок золотом от германского Рейхсвера в пользу подпольной троцкистской работы.

Вот такой же матерый троцкист Розенгольц, который был германским шпионом с 1923 г. и английским шпионом с 1926 г.

Вот кто, вместе с Троцким, с Пятаковым, Ягодой, Бухариным и Рыковым, являлись главными воротилами этого блока, этого «центра центров» всех антисоветских фашистских сил в нашей стране.

Я считаю необходимым кратко остановиться на имевшем здесь место исследовании обстоятельств заговора против Владимира Ильича Ленина в 1918 г.

И на предварительном следствии и на суде Бухарин пытался всячески отвертеться от 1918 г., уйти от ответственности перед историей, перед рабочим классом, перед всем честным человечеством за чудовищное преступление, организованное Бухариным вместе с «левыми» и правыми эсерами, вместе с Троцким и его группой, и отчасти осуществленное.

Бухарин позорно лгал в октябре 1918 г., открещиваясь от «левых коммунистов». Бухарин позорно лгал и в 1924 г., когда он под давлением обстоятельств приподнял краешек завесы, скрывавшей от нас настоящую правду в этом тяжком, кошмарном преступлении.

Бухарин лгал, например, в 1924 году, отрицая наличие блока между ним и «левыми» эсерами в 1918 г.

Бухарин говорит неправду и здесь, на суде, пытаясь отрицать факты, удостоверенные здесь рядом свидетелей.

Между тем, эти факты чрезвычайно важны как с точки зрения окончательного разоблачения предательского лица Бухарина, так и с точки зрения наиболее полного и правильного понимания всей последующей преступной деятельности Бухарина и его сообщников — бухаринцев.

Нужно вспомнить факты, обстановку и условия 1918 г., чтобы по достоинству оценить всю глубину адского преступления Троцкого и Бухарина против революции, всю глубину их предательства!..

Эти факты, товарищи судьи, разумеется, сейчас принадлежат уже в значительной мере истории, но они проливают полный свет на вопрос, интересующий нас, интересующий многих и особенно тех, кто не искушен еще в знании прошлого Бухарина и антисоветских группировок, — как могло случиться, что Бухарин и Рыков, которые в течение стольких лет выдавали себя за сторонников социализма, за сторонников социалистической борьбы, оказались в стане самых отъявленных врагов Советской власти, в стане изменников и предателей революции, советского народа, родины!

Эти факты, уже покрытые архивной пылью, в свете настоящего процесса оживают и начинают говорить вновь полным голосом, голосом обличителя, требующего виновных к ответу, если не перед уголовным судом, связанным рамками уголовной давности, то, во всяком случае, перед судом истории, не знающей никакой давности, не знающей и никакой пощады!

1918 г. Молодая Советская республика напрягает все свои силы, чтобы преодолеть гигантские трудности, вставшие на ее пути к утверждению и закреплению победы социалистической революции.

Страна была тогда, в буквальном смысле этого слова, повергнута в прах. Ее нужно было поднять на высоту новых, величайших исторических задач, каких не знала до того ни одна революция трудящихся.

«От периода триумфального шествия, — говорил по этому поводу В.И. Ленин, — предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности» (Стенографический отчет VII съезда партии, стр. 19)[289].

В этих условиях борьба за мир являлась борьбой за все будущее пролетарской революции, судьба которой была в буквальном смысле этого слова поставлена на карту.

В этих условиях вопрос о войне и мире сводился, по существу, к одному вопросу — быть или не быть Советской власти, Советскому государству, Советской стране.

Гениальная ленинская стратегия решила этот вопрос положительно. История подтвердила правильность этого решения. Она сказала: «Быть».

Ленинизм учит не только искусству наступления, но и искусству отступления.

«...Нельзя, — писал Ленин, — победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» (т. XXV, стр. 177).

Товарищ Сталин по этому поводу говорил:

«Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление.

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина».

Эта стратегия, гениальная стратегия Ленина — Сталина, полностью себя оправдала. Она спасла новую Россию и Советскую власть от неминуемой гибели.

В 1924 г. товарищ Сталин напомнил по этому поводу:

«Теперь даже последний дурак» видит, — говорил Ленин, спустя три года после Брестского мира, — «что "Брестский мир" был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма» («Вопросы ленинизма», 10-е издание, стр. 57).

Известно, что Троцкий и Бухарин со своими приверженцами всячески старались сорвать Брестский мир.

Троцкий и «левые» эсеры, при переговорах с генералом Гофманом, вели себя как провокаторы. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным рвали и метали против мирной политики Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, требуя разрыва переговоров и объявления «революционной войны».

Своими хлесткими, а по сути дела провокаторскими речами и лозунгами бухаринцы и троцкисты пытались сбить нашу партию с ленинского пути.

« "Не мир и не война", "Священная война против всесветной буржуазии" — все эти и подобные им провокаторские лозунги Троцких, Бухариных и других имели одну единственную цель, — как об этом сказал товарищ Ворошилов в своей речи по поводу 20-летия РККА и Военно-Морского Флота, — впутать нашу страну в вооруженное столкновение с империалистами в момент, когда Советская власть еще не имела своей крепкой армии, и этим самым ликвидировать Советскую власть и расчистить путь для победы буржуазии и полной реставрации капитализма в нашей стране».

До настоящего времени бухаринцам удавалось скрыть от истории истину и в этом вопросе.

Даже на предварительном следствии в показаниях от 2 июня 1937 г. Бухарин пытался скрыть действительный характер своей борьбы в период Брестского мира против Ленина как главы Советского государства.

Бухарин пытался обойти этот вопрос, отделавшись по своей привычке, общими отвлеченными рассуждениями о том, что он якобы «не понимал», что «конкретнейший из конкретнейших вопросов о "мужике" и был именно вопрос о том, чтобы дать массе "передышку", и подменял живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское отечество должно быть защищаемо».

Бухарину этот фокус не удался. Следствие на его удочку не попалось. Следствие, наоборот, изобличило Бухарина и изобличило в гораздо более серьезном, чем какие-то «общелитературные рассуждения».

Следствие установило, и я считаю необходимым это вам здесь напомнить, товарищи судьи, в полном объеме, что в 1918 г., непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами, организовали заговор против Ленина как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и из «левых» эсеров.

На следствии Бухарину были предъявлены факты, ему было дано пять очных ставок. Тогда подсудимый Бухарин вспомнил кое-что, более серьезное, чем «общелитературные рассуждения». Бухарин вспомнил такой, например, факт, как блок с «левыми» эсерами в 1918 г., в целях борьбы против Советского правительства, такой факт, как прямой заговор против Советской власти, как подготовку ареста Ленина, ареста Сталина, ареста Свердлова.

Все это Бухарин, как вы помните, признал. Но он признал это «со скрипом».

Мы помним свидетелей, которые прошли перед судом, хорошо помним их показания, мы их видели, мы их слышали. Мы помним, как тяжелым свинцом падали их слова на голову Бухарина, вдохновителя провокаторской борьбы против ленинского Совета Народных Комиссаров, Бухарина — организатора, как это с полной очевидностью установлено и судебным следствием, заговора и восстания против Советского государства, подстрекателя к убийству руководителей Советского правительства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Я имею полное основание говорить, опираясь на эти данные, что все это точно выяснено, все это достаточно точно установлено, достаточно доказано.

Позвольте остановиться мне кратко на тех доказательствах, которые подтверждают правильность этого заключения. Вы помните здесь показания Камкова. Камков — один из виднейших руководителей ЦК партии «левых» эсеров. Камков показывал, что он с Бухариным вел разговор в 1918 г. по вопросу о Брестском мире, что борьба, по словам Бухарина, принимает по этому вопросу чрезвычайно острые формы. Бухарин говорил Камкову об острых формах, о том, что дебатируется в рядах «левых коммунистов» вопрос о создании нового правительства. При этом, сказал Камков, Бухарин назвал Пятакова как возможного кандидата в руководители нового прави-

тельства, и заявил, что сама смена правительства мыслится путем ареста всего состава Советского правительства во главе с Лениным.

Бухарин это не отрицал. Правда, он говорил здесь что-то такое об аресте «на 24 часа». Но это несерьезно. Уже в 1924 г. в газете «Правда» Бухарин сам разъяснил, насколько этот план ареста Владимира Ильича Ленина был реален и серьезен. Но Бухарин открещивается от плана убийства наших вождей.

Какие он представил в свое оправдание доказательства по этому вопросу? Никаких, кроме голого отрицания. Его изобличила здесь Яковлева, его изобличал здесь Осинский, его изобличал здесь Манцев, его изобличал здесь Карелин, в соответствующей наиболее существенной части вопроса, изобличал его и Камков, ибо, как вы помните, Бухарин старался даже вопрос об аресте поставить таким образом, что, будто бы, инициатива исходила не от него, а от Камкова, от «левых» эсеров. Камков здесь удостоверял, что инициатива исходила от Бухарина. Я, впрочем, согласен их обоих помирить, ибо, очевидно, инициатива исходила и от тех и от других. Этим объясняется та ожесточенная борьба, которая велась со стороны этих людей против Советского правительства, против Ленина и против его сподвижников — товарищей Сталина и Свердлова.

Бухарин отрицает. Но нельзя же в самом деле считать за аргумент ничем не мотивированное отрицание, тем более, что это отрицание противоречит самой логике вещей.

Если бы этого факта — плана убийства Ленина, Сталина, Свердлова — не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом и Карелину, и Яковлевой, и Осинскому, и Манцеву, людям, не в интересах которых сознавать сейчас такой позорный и такой страшный факт, такое чудовищное преступление против родины. А между тем, по показаниям Карелина, Бухарин прямо говорил относительно физического уничтожения Ленина и Сталина. Яковлева также говорит:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении» (том 44, лист дела 77).

Это же подтвердил Осинский, это же подтвердил и Манцев.

Бухарин был не один. С ним эту же позицию разделял, как мы теперь установили, и Троцкий, о роли которого в заговоре против В.И. Ленина в 1918 г. мы имеем на этом процессе ряд показаний, в том числе и показание самого Бухарина.

«К этому времени, — показал подсудимый Бухарин, — вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение "левых" эсеров стало известно очевидно — так я предполагаю — от Пятакова» (т. 5, л.д. 124).

Бухарин не договаривает до конца, оставаясь верным своей тактике полупризнаний.

Но есть два свидетеля — Яковлева и Манцев, которые и в этом вопросе говорят с такой точностью, какая не оставляет никаких сомнений в справедливости и правильности их показаний.

Не достаточно ли этих фактов, чтобы сказать, что заговор бухаринцев, троцкистов, «левых» эсеров в 1918 г. против Ленина, Сталина и Свердлова доказан полностью!

Сам Бухарин признал наличие этого заговора, сам Бухарин признал наличие плана ареста Ленина, Сталина и Свердлова. Бухарин отрицает лишь план убийства Ленина, Сталина и Свердлова.

Однако первым признанием подсудимого Бухарина о плане переворота, о плане ареста, в сущности говоря, подтверждается и последующее. В самом деле, Бухарин признал, что он вкупе со своей группой «левых коммунистов», с Троцким и его группой и с «левыми» эсерами затевали насильственное свержение Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым и даже арест Ленина, Сталина и Свердлова.

Но знает ли Бухарин, что означает насильственное свержение? Знает ли Бухарин, что означают аресты, связанные с задачей насильственного свержения? Знает ли Бухарин, что люди, идущие на насильственное свержение и на насильственный арест, тем самым идут на насилие, тем самым идут и на убийство!

Насильственное свержение предполагает, а не исключает такой формы насилия, как физическое уничтожение. Бухарин насильственное свержение признает, физическое устранение — отрицает. Это явная фальшь, это явная нелепица, это явная нелогичность. Но Бухарин в таком положении, что логики от него требовать нельзя.

Факты, установленные на суде, говорят более авторитетно и более убедительно, чем это кажется и хочется Бухарину. Бухарин, правда, сейчас сказал несколько больше, чем, например, в 1924 г., но всего он все же не сказал. Бухарин так действует не впервые. В 1924 г. Бухарин кое-что рассказал об этом позорном преступлении, но только кое-что.

В 1938 г. Бухарин, припертый к стене, вынужден рассказать уже об этом факте больше. Если бы мы хотели оценить степень фальши, иезуитства и лицемерия Бухарина, достаточно сравнить текст опубликованного им письма в газете «Правда» в 1924 г. с тем, что он говорил на предварительном следствии. Он скрыл целый ряд фактов в этом письме, он не говорил, что речь шла о заговоре, он не говорил, что речь шла о прямом сговоре его группы с Троцким, он не говорил не только об убийстве Ленина, но и Сталина и Свердлова. Это вскрыто теперь. Это теперь разоблачено, это открыто, это установлено, об этом возвещено всему миру, вопреки воле Бухарина, при всем его сопротивлении установлению этого факта. Бухарин признал, да и то, как вы видели на судебном следствии, только полупризнал, потому что ему податься некуда, что в 1918 г. Бухарин объявлял Советскую власть формальной и предлагал ее ликвидировать.

Ленин разоблачает чудовищность этого бухаринского «тезиса», указывая, между прочим, на исторические примеры Франции в 1793 г. и Пруссии начала XIX века, когда лучшие люди этих стран в тяжелую минуту, переживаемую их отчизной, не отчаивались, а «...подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять подписывали похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и освободились, в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями)» (Ленин, т. XXII, стр. 302).

Но это были лучшие люди своей страны, а не изменники и провокаторы, которыми оказались на деле так называемые «левые коммунисты» и их подпольные друзья.

Но для этого нужно было, как учил Ленин, любить свою родину и свой народ, а не глумиться над ним, как глумится Бухарин и его оруженосцы, восставшие против Ленина, призывавшего любить и уважать свой народ.

Следствие установило, что в 1918 г. Бухарин и Троцкий заключили с эсерами блок для совместной борьбы против Советского правительства, возглавлявшегося тогда Лениным, Сталиным и Свердловым, что они затевали вооруженное восстание, что они шли на арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова.

Доказано это или нет?

Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Карелина, Камкова, Манцева и Осинского.

Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает? Я просил бы вас, товарищи судьи, в совещательной комнате просмотреть протокол соответствующего заседания нашего судебного следствия для того, чтобы со всей отчетливостью вспомнить метод отрицания Бухариным этого факта.

Вот этот разговор. Бухарин признает, что был одним из организаторов этого заговора.

Его спрашивают: об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?

«Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство.

Вопрос. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вопрос. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас были переговоры с "левыми" эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то есть предварительно свергнуть правительство ство во главе с Лениным?

Бухарин. Разговор был.

Вопрос. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вопрос. По-вашему, эсеры говорили об аресте Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вопрос. Я спрашиваю: до заключения Брестского мира были переговоры с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да.»

Итак, вначале это эсеры говорили, потом Бухарин показывает, что этот разговор был, и он вел его сам.

«Вопрос. А после заключения Брестского мира тоже были переговоры?

Бухарин. Были.

Вопрос. О чем?

Бухарин. О политическом контакте.

Вопрос. А об аресте?

Бухарин. И об аресте.

Вопрос. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вопрос. Тоже на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась».

Как видите, раньше на 24 часа, а теперь уже не на 24 часа. Тогда речь шла только о Ленине, а теперь уже выходит, что речь шла о Ленине, Сталине и Свердлове.

«Вопрос. А как арестовать, для чего?

Бухарин. Для того чтобы составить новое правительство.

Вопрос. А с арестованными что сделать?»

Бухарин торопится: «разговора о физическом уничтожении не было». Но я его об этом еще не спрашивал.

«Вопрос. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

Бухарин. Да.

Вопрос. Вы имели в виду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вопрос. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вопрос. Значит, решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вопрос. А обстоятельства могут приказать действовать очень решительно?

Бухарин. Да».

Вывод из этого простой — предполагалось свергнуть правительство, для этого арестовать правительство — Ленина, Сталина, Свердлова, применить все те меры, которые могут продиктовать обстоятельства и обстановка борьбы, которая ведется во имя свержения правительства. Борьба была в самой острой форме, и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина, как он говорил — разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорщики свергнуть, — совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отрекаться и зарекаться никак не могли.

Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса — быть ли Брестскому миру, то есть быть ли Советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть Советской земле, которую, как «формальную», они предполагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство. Вот почему я говорю: для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас, через 20 лет после того, как совершилось это преступление, мы не предъявляем Бухарину самостоятельного обвинения, — это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщической деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников, с тем, что они делали впоследствии. Все это имеет значение для того, чтобы показать, что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический интерес и значение, не в состоянии, не хочет признать все преступления, которые он совершил в действительности против Советской страны, против Советской власти и против советского народа.

Бухарин в 1924 г. по этому поводу писал:

«Я счел своей партийной обязанностью рассказать — в момент ожесточенной фракционной борьбы о предложении “левых” эсеров для того, чтобы парализовать то идиллическое прилизывание событий Брестского периода, какое практиковалось со стороны товарищей из оппозиции»...

Речь идет об аресте Ленина, о свержении Советской власти.

Бухарин, таким образом, в 1924 г. признавал, что это было в момент ожесточенной борьбы.

И дальше:

«Они изображали брестские времена в партии как "верх демократии". Я же отлично знаю, что это был период, когда партия стояла на волоске от раскола, а вся страна — на волоске от гибели».

В этих условиях, в условиях ожесточенной борьбы, люди, идущие на арест Ленина, на арест Сталина и Свердлова, руководителей нашей партии и правительства, могут ли остановиться перед возможностью уничтожить своих противников, перед тем, чтобы убить наших вождей? Это ни с чем несуразно, это ни с чем не вяжется. Это есть политика не говорить правду до конца, попытка, мне кажется, здесь полностью разоблаченная показаниями свидетелей и самой логикой развивающихся в это время исторических событий.

Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление, которое имело место 30 августа 1918 г. Я имею в виду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 г. со стороны эсеровской террористки Каплан. По показаниям Карелина и Осинского мы можем судить, как в действительности это покушение было организовано. Карелин здесь заявлял, что в течение 20 лет делались все усилия к тому, чтобы сохранить это страшное преступление в тайне, чтобы не раскрыть его настоящего и действительного содержания и смысла. Карелин утверждал здесь, что вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят в 1918 г. не кем иным, как именно Бухариным. Карелин утверждал, что Прошьян докладывал об этом членам ЦК партии «левых» эсеров. Карелин утверждал, что «такого рода требование «левых коммунистов», заявленное Бухариным, их главарем, сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК партии правых эсеров»[290]. Это чудовищное преступление — факт.

Осинский показал со слов Стукова, что он, Стуков, был такого же мнения, имел такое же представление о преступлении 30 августа 1918 г.

«В конце 1918 г. Стуков, — показывал здесь Осинский, — который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Фаней Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но и явился прямым завершением мероприятий, намеченных в свое время блоком к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова» (т. 44, л.д. 89)[291].

Эти показания достаточно убедительно говорят о той подлой, предательской, дьявольской работе, которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и иезуит.

Чтобы закончить с характеристикой поведения Бухарина и самого Бухарина, надо сказать, что лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история.

Здесь, на суде, он показал себя весь.

Мы проследили шаг за шагом, год за годом политическую жизнь Бухарина.

Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина лишь для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма.

Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя!

Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искариота, который предавал с лобзанием.

И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь-в-точь как у Василия Ивановича Шуйского, как изображает его нам знаменитый писатель Островский:

«Василий свет-Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, глядя, вздыхает с постной рожей
И говорит: "Святое дело, братцы!.."»

Так и Бухарин, — вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости.

Судебное следствие вскрыло и доказало с полной отчетливостью, что «право-троцкистский блок» представлял собой подлинную агентуру разведок некоторых иностранных государств, осуществляющих через этот блок, через эту заговорщическую группу шпионаж, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, что этот «право-троцкистский блок» пытался провоцировать военное нападение этих государств на СССР в целях свержения существующего в СССР социалистического строя, восстановления в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленения СССР и отторжения от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Установлено на этом следствии, что блок имел своих настоящих хозяев в лице Троцкого и иностранных разведок, что вся его преступная деятельность шла под непосредственным руководством и по планам, выработанным в генеральных штабах Японии, Германии и Польши.

Вот показания Чернова. Чернов связывается с полицией или через полицейского чиновника в Берлине с Обергаузом. Обергауз, — говорит Чернов, — сказал мне, что немецкая разведка принимает надлежащие меры для свержения Советской власти. И дальше, обращаясь к Чернову, Обергауз говорит: «Вот вы считаете себя оппозицией в Советском Союзе, вам надо объединиться в организующую силу. Если вы хотите взять власть, то не стесняйтесь в методах борьбы». Говоря о методах борьбы, Обергауз предлагает закрепить связь правых с немецкой разведкой. Он говорил о том, что вся организация правых может быть поставлена на службу целям немецкой разведки.

Здесь, на суде, на вопрос, кто был хозяевами, Чернов ответил: «Кроме Рыкова и немецкой разведки, — никого». Не ясно ли, что организация этого так называемого «право-троцкистского блока» была не чем иным, как экспозитурой некоторых разведок некоторых иностранных государств.

Подсудимый Шарангович здесь полностью подтвердил свою связь с генеральным штабом Польши. Он подтвердил, что, как глава местной белорусской буржуазно-националистической подпольной организации, он ставил своей задачей обслуживание интересов польской разведки и польского генерального штаба. Он говорил о том, что ему было предложено от имени некоего консула установить тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организации Белоруссии, в том числе с Бенеком. Он говорил, что ему было предложено передавать различного рода сведения, необходимые польской разведке, ему было поручено так тесно связаться с польским генеральным штабом, чтобы польский генеральный штаб мог опереться

в своей работе против Советского государства на эту презренную кучку изменников из белорусской национал-фашистской организации.

Основные цели этой организации? Сам Шарангович определил их кратко: свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Для достижения этой цели, как он говорил, подчеркивалась необходимость установления тесной связи с польским генеральным штабом. Это была одна из основных задач, которую, по указаниям центра «право-троцкистского блока», преследовала буржуазно-националистическая организация в Белоруссии. Кому это было нужно? Это было нужно польской разведке, это было нужно польскому генеральному штабу, который рассчитывал, имея в своих руках эту, хотя и маленькую, но все же опасную «пятую колонну» на территории СССР, обеспечить себе успех в необходимых случаях.

Вот почему Рыков совершенно справедливо здесь сказал, что белорусская организация правых была, по существу, экспозитурой польского генерального штаба. Рыков нам говорил здесь, что ему известно было о переговорах Карахана с немецкими фашистами еще в 1933 г., что немецкие фашисты относились, как выразился здесь подсудимый Рыков, с полной благожелательностью к возможности прихода к власти правых и что они обещали всячески приветствовать и поддерживать этот приход.

Благожелательность германской разведки, конечно, продиктована исключительно интересами этой разведки: ведь правые и их организация — это фашистская экспозитура. Имея в своих руках группу изменников, опираясь на них, германский фашизм мог бы более безболезненно для себя осуществить свой разбойничий план военной интервенции СССР. А задачи? Задачи — не только те, о которых говорил Шарангович. Рыков здесь нам дал ясное указание на еще одну в высшей степени характерную черту, которая с головой выдает «право-троцкистский блок» как агентуру некоторых иностранных разведок. В ответ на вопрос по поводу расчленения СССР, отторжения от СССР ряда республик, на вопрос «была ли также задача подготовки фашистам плацдарма для нападения на СССР и для обеспечения их победы?» — Рыков ответил: «Да, это несомненно».

Совершенно очевидно, что задача подготовки плацдарма для нападения на СССР и обеспечения победы над СССР, в случае этого нападения, эта задача была поставлена немецкой, польской и другими разведками перед «право-троцкистским блоком» как перед прямой агентурой фашистских разведок. Это говорит о том, что прав Чернов, свидетельствующий о том, что настоящим-то хозяином «право-троцкистского блока», кроме Троцкого, были действительно разведки некоторых иностранных государств.

Мы помним, наконец, показания Крестинского. Как мышь, пойманная в мышеловку, он пробовал уже здесь на процессе метаться из стороны в сторону, нащупывая возможные пути своего спасения, но это оказалось безнадежным. Крестинский признал, что уже в 1920—1921 гг. по указанию Троцкого он, Крестинский, вел переговоры вместе с другими троцкистами с генералом Сектом и с германским Рейхсвером, он продавал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения генеральному штабу Германии и обеспечивал беспрепятственный допуск в пределы СССР германских военных разведчиков.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с Рейхсвером, нити которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский. Позвольте кратко напомнить.

«Мы получаем, — говорит он, — небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, — поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты, — в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он (то есть Гитлер) готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза».

Вот циничная, обнаженная до пределов человеческой подлости постановка вопроса, которая совершенно отчетливо говорит о том, как подходили некоторые разведки, в том числе и германская разведка, и некоторые наиболее реакционные, преимущественно военные, круги некоторых иностранных государств, к деятельности этого так называемого «право-троцкистского блока». Они подходили к ним, как к своим рабам и пленникам. Они подходили к ним, как хозяева подходят к своим слугам. Они искали помощи этих предателей для того и потому, что эти предатели держали в своих руках ключи, по крайней мере, в их собственном сознании и отчасти используя свое служебное положение, от ворот наших границ. Они были подходящими для того, чтобы открыть ворота врагу. Пытаясь вилять и заметать свои следы, в этом цинично признался, в конце концов, подсудимый Бухарин. В разговоре с Рыковым и Томским Бухарин говорил о необходимости открыть фронт немцам. Вопрос стоит, что называется, ясно до предела. Карты, хотя и крапленые карты, раскрыты полностью. Они говорили: «мы вам даем не только шпионские сведения, но в нужную минуту мы вам откроем фронт. За это платите нам денежки, на которые мы будем вести свою преступную, подпольную, троцкистскую работу. Зачем вам драться с Англией, Америкой и Францией из-за колоний? Вы можете превратить СССР в свою колонию. По крайней мере, ее цветущие окраинные республики, например, Украину. Зачем вам драться с Америкой, Англией и Францией из-за колоний, когда мы, ваши покорные слуги, готовы вам отдать Советскую землю за те золотые марки, которыми вы поможете нам вести свою подпольную работу».

Вот смысл этого соглашения.

Говорит ли наличие такого соглашения о том, что «право-троцкистский блок» был какой-то политической группой? Нет! «Право-троцкистский блок» — это не только безыдейная, беспринципная банда вредителей, диверсантов, убийц, шпионов, — это чистейшая банда агентов иностранных разведок в подлинном смысле этого самого слова. Она открывает ворота врагу, она стреляет из потаенных окон по улицам, помогая вторгнувшемуся в города и неприятелю, содействует поражению своей родины.

Крестинский говорил: «Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились».

В этом, в сущности говоря, и есть весь смысл преступной деятельности блока.

От Крестинского в цинизме своих показаний не отстает и Гринько. Гринько ведь прямо показывал, что задача, поставленная их иностранно-разведывательными хозяевами, заключается, главным образом, в том, чтобы помочь иностранным агрессорам. Это была, говорил Гринько здесь, общая позиция и троцкистов, и правых, и буржуазно-националистических организаций, и, в частности, украинской национал-фашистской организации.

Это означало подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности, открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны.

Нечего сказать, почетные задачи!

Самый перечень этих преступных целей с головой выдает этот блок как чистейшую банду шпионско-разведывательских организаций некоторых иностранных государств.

Икрамов здесь нам рассказал о том, как главари «право-троцкистского блока», и в первую очередь Бухарин, уговаривали его принять все меры к тому, чтобы превратиться в подлинную агентуру иностранных разведок.

Московские главари «право-троцкистского блока» информировали Икрамова о японо-германской, как они говорили, «ориентации», о связи с немцами и японцами. Во имя чего? Во имя той же задачи, которая так выпукло была изображена и Гринько и Крестинским.

Вторая встреча была посвящена обсуждению вопроса о вредительстве. Третья встреча была посвящена вопросу о связи с Англией. Об этом здесь очень подробно и полно говорил обвиняемый Ходжаев.

Что же говорил ему Бухарин? Он говорил, что надо ориентироваться на Англию, что если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет, — нашему делу «капут». Бухарин говорил Икрамову: «Могут всех нас переловить, а вопрос ускорения войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром».

Интересно представление заговорщиков, возлагающих все надежды на военное нападение на СССР, об Англии как о каком-то международном арбитре. Известно, говорит Бухарин, что англичане давно смотрят на Туркестан как на лакомый кусочек. Если будут такие предложения, тогда англичане, может быть, скорее перейдут на сторону агрессора против Советского Союза.

Бухарин, в сущности говоря, здесь не отрицал этого разговора. Он говорил о некоторых деталях, спорил о некоторых словах, говорил, что это было иначе формулировано, но в основном Бухарин подтвердил, что такие разговоры были, что была «ориентация на британского арбитра», который готов был заполучить «лакомый кусочек» в виде Туркестана. Это же подтвердил и другой обвиняемый, Ходжаев, который признал, что Бухарин вел с ним разговоры, организовывая в Средней Азии ту деятельность, которая целиком и полностью может быть охарактеризована как государственная измена, как подготовка поражения, расчленения СССР. Отторжение от СССР целых областей и даже союзных республик они рассматривали как плату за ту помощь, которую военный агрессор готов оказать блоку в его преступной борьбе за захват власти, за свержение законного Советского правительства в нашей великой стране.

Я уже сказал, что по всем тем обстоятельствам, которые с такой исчерпывающей полнотой вскрыты на судебном следствии по настоящему делу, видно, что «право-троцкистский блок» представлял собою просто агентуру иностранных разведок. Этим обстоятельством определялся и весь характер и вся природа тех взаимоотношений, которые сложились и существовали между этим так называемым «блоком», с одной стороны, и некоторыми иностранными разведками, являющимися действительными хозяевами этих преступников, — с другой.

О том, каковы были эти взаимоотношения между иностранными разведками и блоком, можно судить по ряду фактов, с непреложностью установленных на настоящем судебном следствии.

Я напомню вам допрос подсудимого Рыкова. На вопрос о том, что представляла собой буржуазно-фашистская организация, действовавшая в Белоруссии под руководством Голодеда, Червякова и Шаранговича, Рыков дол-

жен был признать, что даже назначение сколько-нибудь крупное отдельных работников на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывалось с польской разведкой.

Этот факт, сам по себе, уже достаточно ярко характеризует действительную природу тех отношений, которые существовали между «право-троцкистским блоком» и польской разведкой. Если польская разведка решает, кого назначить на те или другие наиболее ответственные должности, ясно, что подлинными, настоящими хозяевами, распоряжавшимися судьбой «право-троцкистского блока», всей его преступной деятельностью, являлась польская разведка. Хозяевами этого «блока» являлись также и разведки других государств, с которыми состояли в преступной связи в отношении, по поручению, с ведома и согласия руководителей этого «блока» отдельные участники этой заговорщической преступной организации.

Я напомню вам показания подсудимого Иванова, который здесь уже говорил о том, что иногда участники блока не различали, где действуют правые, а где действует иностранная разведка, до такой степени все у них переплелось. Я напомню вам также и то, что, по словам Иванова, Бухарин рекомендовал ему связаться с английской разведкой. Бухарин говорил, что Англия имеет очень большие интересы в Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении Советской власти и что в этом соглашении предусматривается обеспечение интересов английских лесопромышленников в лесном хозяйстве Северного края.

Здесь также ярко выражен конкретный хозяйский интерес той разведки, с которой Бухарин рекомендовал связаться подсудимому Иванову и с которой подсудимый Иванов связался, выполняя это указание Бухарина. Иванов показал, что Бухарин рекомендовал ему поставить дело таким образом, чтобы показать английской буржуазии, что правые охотно идут на удовлетворение всякого рода экономических и финансовых интересов этой буржуазии, рекомендовал выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой, не потерять доверия.

Ясное дело, что это «доверие» строилось только на одном — на способности этих заговорщиков уплатить чистоганом советской землей и советской кровью за изменническую свою деятельность, за помощь, которую иностранные агрессоры готовы оказать заговорщикам в их преступных целях.

Об этом же говорил, по существу, и Раковский, когда он показывал, какое часто создавалось противоречивое положение для «добросовестных» агентов иностранных разведок, каким выглядит этот умильный старичок, сидящий здесь перед вами на скамье подсудимых. Положение создалось весьма и весьма затруднительное для тех разведчиков, которые сразу служили нескольким разведкам. А такие подсудимые налицо. Сам Раковский представляет такого рода специалиста, который служил одновременно и японской и английской разведкам и попадал вместе с Юреневым в «тяжелое» для них положение.

«Мы, — говорил здесь Раковский, передавая слова Юренева, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься — как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведками...»

Тяжелое положение для разведчика! Тяжелое положение для английского и японского шпиона.

«...Нам, троцкистам, — говорил Раковский — приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской».

Мы видим, что эта игра ничем хорошим для игроков окончиться не может.

«...Немецкая карта, по крайней мере, в тот момент для меня была недостаточно ясна...»

Хотя и достаточно краплена.

«...Я лично считал, что... Япония... является актуальным агрессором против СССР».

И дальше он продолжает:

«Японская карта была для нас, троцкистов, чрезвычайно важна. Но, с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии как нашего союзника против Советского правительства. Если даже японская агрессия и сможет продвинуться на территорию СССР, она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Великобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась».

Выходит, что самая сильная карта — карта английской разведки. Но не моя задача разбирать качество всех этих «карт» и их отличие. Я хотел бы только показать, каким затруднительным оказалось положение таких господ, которые умудрялись поклоняться сразу трем богам, служить сразу трем разведкам. Нельзя им по-человечески не посочувствовать, но помочь им мы можем только одним — уничтожить возможность играть в какие бы то ни было карты, как бы эти карты им самим ни казались серьезными.

О связях с английскими агрессорами подсудимый Раковский показал, что блок подготовлял поражение СССР и систематически занимался шпионажем.

В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, и не за шпионаж, и не за вредительство, и не за диверсию, так как и вообще он к этому практическому делу иметь отношения не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов. Но и Бухарин должен был поставить все точки над «и». Он сказал:

«Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку».

В чем заключалась эта установка?

«Коротко эта установка заключалась в том, что в борьбе с Советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны».

Ели расшифровать это витиеватое показание Бухарина, то это значит — прямая измена, переход на сторону врагов в зависимости от военных обстоятельств и от военной обстановки для того, чтобы воспользоваться помощью этих врагов в достижении своих преступных целей.

Когда Бухарину задают об этом вопрос: «Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?» Он отвечал: «Да, это можно и так сказать». Он не хочет прямо сказать, а говорит, что «это можно и так сказать».

Можно и нужно так сказать, ибо это соответствует действительности. На вопрос: «Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?» — Бухарин гово-

рит, оставаясь верным своей туманной словесной эквилибристике: «В общем, суммарно, повторяю — да».

Итак, «суммарно» Бухарин признает ориентацию на поражение СССР, а в тех конкретных условиях, в которых он находился как руководитель «право-троцкистского блока», это «суммарно» означало: «Мы подготовляли поражение СССР, мы готовы были открыть врагам ворота».

«Открыть врагам фронт», — как это подтвердил Рыков, как этого не мог не подтвердить Бухарин.

Я хочу в этой связи обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, как и тут Бухарин пытался вылезти сухим из воды, как он, признавши связь с военной заговорщической организацией Тухачевского и Якира, пытался играть понятием слова «должны» открыть фронт, пытался уйти от настоящего ответа на этот в высшей степени неприятный для него вопрос.

Но как бы Бухарин ни изощрялся в отдельных словах и фразах, как бы он ни пытался уверять, что понятие «должны», хотя и выражается одним словом, но имеет разное значение, — мы отчетливо представляем действительное отношение Бухарина к этому вопросу.

Бухарин вместе с Рыковым и Томским организовали не шуточное дело, а дело серьезное, дело свержения Советского правительства и Советской власти, не стесняясь решительно никакими средствами. Потерявши всякую опору внутри СССР, устремивши все свои надежды на враждебное СССР иностранное государство, они договорились с ним об открытии фронта, о совместном намерении разгромить советский народ, Советское государство, для того, чтобы путем измены пробраться к власти, которую в этот же момент они должны будут целиком, безраздельно и полностью отдать в руки фашистов, в руки своих настоящих хозяев.

Довольно играть словами! Довольно эквилибристики, «философии»! Речь шла о государственной измене, о переходе на сторону врага, об открытии фронта, о поражении СССР, о разгроме нашего отечества.

Вся шпионская работа отдельных соучастников этого заговора на всех участках в целом направлялась Бухариным и Рыковым. Все шпионские сведения шли в соответствующие органы по каналам при помощи средств и связей, которые были в руках Рыкова, Бухарина, Ягоды и их соучастников.

Здесь, на суде, раскрылась в полной мере связь Рыкова, Бухарина и Ягоды с разведками ряда иностранных государств. Вместе с меньшевиками, с Даном, со II Интернационалом, с эсерами, с Масловым, с заграничными иностранными разведками, вместе с агрессорами, они пытались свергнуть Советскую власть и восстановить власть настоящего, матерого, стопроцентного капитализма, настоящего господства помещиков и фабрикантов.

Все эти вредительства, измены, предательства смешивались с систематическим обслуживанием иностранных разведок секретными сведениями и разного родам материалами. Крестинский, Розенгольц, Иванов, Шарангович, Чернов, Раковский, Ягода и другие систематически передавали иностранным разведкам тайны Советского государства.

О систематическом обслуживании заговорщиками из «право-троцкистского блока» иностранных разведок мы имеем достоверные сведения. Я приведу здесь выдержку из токийской газеты «Миако» от 20 февраля 1937 г., которая содержит в себе информацию о секретном заседании так называемой плановой бюджетной комиссии. Депутат Иосида обратился с запросом к военному министру генералу Сугияма: «известна ли ему и армии провозоспособность Сибирской железной дороги». Министр ответил на этот вопрос положительно и сказал, что провозоспособность Сибирской железной дороги

им известна, что они имеют систематически сведения о пропускной способности Сибирской железной дороги от имеющихся в России элементов, находящихся в оппозиции к нынешнему Советском правительству. Через них в Японии получают сведения о Сибирской железной дороге.

Вот они эти элементы, вот они эти лазутчики, разведчики, слуги империализма, торгующие интересами нашей страны. Вот они — агенты военного министра, собирающего свои силы на рубежах нашей страны для нападения на наши священные границы.

Я не могу не привести и еще одного обстоятельства. Орган японского министерства иностранных дел «Джапан Таймс» в январе 1937 г. в передовой статье писал:

«То, что обе страны — Германия и Япония — естественно стремятся получить всякую информацию о СССР, могущую иметь военную ценность, должно быть принято как факт. Если бы они не делали этого, то были бы дураками и не выполняли бы своего долга перед государством и страной. Возможность вооруженного столкновения с Советским Союзом когда-то в будущем не может быть с уверенностью исключена, хотя надо надеяться, что этого не произойдет. Поэтому государства, перед которыми стоит такая перспектива, обязаны готовиться всеми возможными путями при обеспечении победы при столкновении».

Вы хотите, господа обвиняемые, иметь, кроме ваших показаний, доказательства вашей преступной провокаторской, шпионской, разведывательной работы? Ищите эти доказательства на страницах органа министерства иностранных дел Японии, на страницах токийской газеты.

Японские агрессоры не только не скрывают своих шпионских вожделений, но, как в данном случае, когда это касается СССР, они восхваляют шпионаж как высшую патриотическую добродетель. Ясно, что мы к этим «добродетельным» людям, которые занимают сейчас скамью подсудимых, должны отнестись так, как это соответствует качеству и глубине их шпионской «добродетели».

Бухарин, Томский, Рыков, Ягода собирались открыть фронт. Но и тут, как и везде, как и во всей своей предательской работе, они действовали как провокаторы. И это тоже не случайно, ибо это характеризует метод работы этих господ. Они готовятся открыть фронт, но они хотят так изобразить дело перед рабочими и крестьянами всей нашей страны, перед всем нашим народом, что фронт открыли не они, а кто-то другой, что они, наоборот, против открытия фронта, против измены; они даже сговаривались о том, как этих, кто откроет фронт, по их собственному признанию, отдать под суд, чтобы сыграть, как цинично выразился Бухарин, на патриотических лозунгах. Я не сомневаюсь, что Бухарин использует либо свою защитительную речь, либо свое последнее слово для того, чтобы еще раз при помощи самой чудовищной цирковой эквилибристики придать этому свой особый смысл, чем тот, который придаю этому я, государственный обвинитель, на этом процессе, но иной смысл, мне кажется, придать этому нельзя.

Я процитировал на одном из заседаний судебного следствия то показание Бухарина, где он говорит о высоко поднявшейся волне советского патриотизма, который не позволит никому и никогда играть свой страной, который за каждый шаг измены потребует расплаты головою, жизнью изменников.

Бухарин и его дружки прекрасно понимали и оценивали значение этого величайшего, подлинно народного патриотизма, на высоком уровне которого стоит вся наша страна, от малого до великого готовая в необходимую

минуту своей грудью заслонить свою отчизну от нашествия иностранных интервентов. Они учитывали это, они знали и понимали, что с любовью народа к своей матери-родине нельзя шутить. И учитывая это, они построили всю эту систему провокаций и измены. Они готовы открыть широко ворота иностранной интервенции, но они хотят изобразить это дело так, как будто это дело каких-то чужих рук, против которых они, эти иезуиты и фарисеи, эти иуды искариоты и Василии Шуйские якобы поднимают теперь свой голос «патриотизма». Бухарин говорил — отдать под суд виновных в открытии фронта, играя патриотическими лозунгами.

Игра разоблачена. Предательские маски с их лиц сорваны и сорваны раз и навсегда. Ни один из подсудимых не посмел отрицать своей преступной работы в направлении подготовки поражения СССР и расчленения СССР. Одни говорили об этом просто, грубо, цинично, другие же, опять-таки вернусь к Бухарину и Рыкову, иезуитски вуалировали свои признания, но и они, в конце концов, не посмели и не могли отрицать этого преступления перед нашим гласным советским судом. Уж слишком сильны улики и слишком убедительны доказательства!

Троцкий, как это было установлено на предыдущих процессах и как это вновь подтверждено на настоящем процессе, договорился с германской и японской разведками о совместной борьбе против СССР и Советской власти. Мы и на этом процессе имеем по этому поводу очень подробные показания одного из обвиняемых, именно обвиняемого Бессонова. Он сказал, что соглашение это было заключено на основе тех пяти пунктов, которые он привел в своих показаниях. Это, во-первых, — обоюдный саботаж всех официальных отношений, саботаж нормализации отношений между СССР и Германией. Это что значит?

Это значит система провокаций в международных отношениях. И это, конечно, не слова, потому что мы знаем, что троцкисты сумели под своей маской двурушничества пролезть на целый ряд достаточно ответственных постов, на которых практически осуществляется наша иностранная политика. Раковские, Крестинские, Юреневы и другие, Бессоновы и им подобные — это же все люди, которые выполняли порученное им дело дипломатического представительства СССР во внешних сношениях. Этим, между прочим, еще больше усугубляется их вина и тяжесть их ответственности перед Советским государством и советским народом.

Посланные для того, чтобы представлять интересы нашего государства, они в действительности всеми мерами боролись против этих интересов. Эти господа использовали свое должностное положение, — и так делал и Раковский, и Гринько, и Крестинский, — для того, чтобы сорвать дело мира, для того, чтобы принять все меры провокации возможных столкновений в угоду империалистам.

Второй пункт соглашения — всестороннее сотрудничество троцкистских организаций в СССР с германскими подпольными и шпионскими организациями и их агентами. Для чего? Для подрыва военной и хозяйственной мощи СССР, для ускорения поражения СССР в войне.

Третий пункт — содействие германского фашизма государственному перевороту в СССР в целях перехода власти в руки «право-троцкистского блока».

Четвертый — ускорение интервенции и немедленное заключение мира с новым правительством после его прихода к власти естественный шаг в плане той изменнической работы, которую вели эти господа.

Пятый — отторжение Украины от СССР в пользу Германии, как отторжение Приморья в пользу Японии, как и отторжение Белоруссии в пользу

Польши, как расчленение всего нашего Советского Союза путем отторжения отдельных областей и республик и отдачи их в распоряжение иностранных империалистов.

Бухарин должен был здесь признать, что условия, на которых был заключен этот так называемый союз, — а это вовсе не «союз» (а это есть, в сущности говоря, хозяйско-приказчичий договор) — этими условиями были: расчленение СССР, отторжение от СССР Украины, Приморья, Белоруссии. Я спросил Бухарина: «в пользу кого?» И он ответил: «В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти Англии». Это собственное признание Бухарина, от которого ему некуда уйти и от которого он не уйдет.

Троцкисты и правые действовали именно в соответствии с этим соглашением. Гринько показал, как действовали украинские национал-фашисты во исполнение этого соглашения. Крестинский подтвердил, как они действовали во исполнение этого соглашения. Они, как указывал еще Троцкий, предусматривали диверсионную, шпионскую и вредительскую деятельность, деятельность гитлеровцев и троцкистов в СССР.

В антисоветском «право-троцкистском блоке» видное место занимали буржуазно-националистические группы, образовавшиеся в некоторых национальных республиках под прямым влиянием агентуры тех же иностранных разведок и под непосредственным руководством так называемого центра «право-троцкистского блока».

Изменники Гринько, Ходжаев, Шарангович, Икрамов — это прожженные, матерые контрреволюционеры разных мастей, с большим контрреволюционным стажем от боротьбистов, от «Милли Истиклял» и «Милли Иттихад» до «право-троцкистского блока».

Рыков уверял Ходжаева, что под руководством правых узбекская националистическая организация может добиться «независимости» Узбекской республики.

Ходжаев должен был признать, — а вы видели Ходжаева, это достаточно культурный человек, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях и перипетиях той борьбы, в которой он принимал участие. Ходжаев должен был признать, что он хорошо понимал лживость и фальшь этого лозунга о так называемой независимости Узбекской республики, он понимал прекрасно, что под этим лозунгом скрывается в действительности зависимость узбекского народа от эксплуататоров той капиталистической страны, которая поможет этой республике добиться своей этой призрачной независимости.

Вместе с Рыковым в этом же направлении действовал и Бухарин, восхвалявший, по словам Ходжаева, германский фашизм, говоривший, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, и что возможно соглашение между Японией и Германией для борьбы с СССР.

Бухарин уговаривал Ходжаева найти пути и дороги к английской разведке через тех курбаши, о которых здесь показывал нам Ходжаев. Бухарин предлагал связаться с английскими кругами, кое-что пообещать Англии. Он говорил: «Не может Узбекистан с 5 миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами: с одной стороны, Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу». И Бухарин толкает Ходжаева, достаточно впрочем подготовленного и самого по себе, на то, чтобы пристать к берегу буржуазной контрреволюции.

Бухарин говорит о стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм. Он всячески,

как верный пес этого фашизма, радостно лает, возвещая свой восторг перед этим немецким фашизмом.

Бухарин в этом направлении обрабатывал и Икрамова, хотя Икрамов таков, что ему тоже палец в рот не клади. Бухарин лгал на Ленина, он говорил, что колониальные страны не могут прийти к социализму при поддержке пролетариата СССР, минуя стадию капитализма, и так далее. Бухарин проповедовал, в интересах окончательного усвоения Икрамовым, теорию и практику реставрации капитализма не только в Узбекистане, но и во всем СССР. Он сказал: «Ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для Советской власти, и тогда вы будете действовать. Нет, лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В этом вопросе у правых есть договоренность с украинскими националистами, с белорусскими националистами и националистами других республик».

Право-троцкистские и буржуазно-националистические изменники, в угоду своим капиталистическим хозяевам, хотели вернуть под капиталистическое ярмо освобожденные Великой социалистической революцией, ранее угнетавшиеся царизмом, помещиками и капиталистами, — народы наших братских союзных республик. Не смея открыто сказать о своих предательских планах порабощения народов, поднятых на громаднейшую высоту в результате ленинско-сталинской национальной политики, на высоту культурно-политического и экономического расцвета, — эти предатели практиковали свои предательские, лживые, обманные лозунги и речи о независимости этих республик.

Будто есть другая страна в мире, кроме СССР, где была бы действительно обеспечена подлинная национальная независимость, подлинная и полная национальная культура, подлинное процветание миллионных масс народов! Такой страны, кроме СССР, нет во всем мире! В то время, как в колониях капиталистических стран — в Индии, Алжире, Тунисе, Марокко, как и в восточных странах, народы изнывают под тяжелым игом капиталистического гнета, где все больше прогрессирует бедность и нищета, вымирание масс от голода, где процветает сифилис, туберкулез, где все больше и больше процветают разорение и пауперизация, — в СССР, в ее славных одиннадцати союзных республиках все больше и больше растет материальное благосостояние масс, все выше и выше поднимается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура, все радостней и ярче сверкает великими благословенными лучами засиявшее над богатыми необозримыми просторами этих республик новое, социалистическое солнце, солнце неувядаемой славы братского нерушимого союза народов Союза Советских Социалистических Республик.

Провокаторы, разведчики, фашисты, конечно, добивались отделения союзных республик от нашего Союза. Почему они добиваются этого? Потому что, как об этом говорил товарищ Сталин уже 18 лет тому назад, отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующую освободительное движение Запада и Востока. «...Сами отделившиеся окраины, — говорил товарищ Сталин, — неминуемо попали бы в кабалу международного империализма». Подлинная независимость национальных республик обеспечивается лишь в условиях Советского государства, в условиях победившего социализма, на основе великой Сталинской Конституции.

Эта шайка изменников действовала уже известными, не раз вскрытыми судом, преступными методами: методом вредительства, диверсии, шпионажа, террора. Вредители, диверсанты, шпионы проникли в ряд отраслей и заняли там руководящее положение. Так было с Черновым, занимавшим

высокий пост народного комиссара земледелия Союза, так было с Гринько, занявшим высокий пост народного комиссара финансов СССР, так было с Розенгольцем, занимавшим высокий пост народного комиссара внешней торговли СССР, так было с Зеленским, бывшим председателем Центросоюза, так было еще в ряде других случаев. В руках этих преступников были, конечно, такие возможности самого широкого и в то же время самого замаскированного и самого опасного вредительства, какие редко бывают в руках преступников.

Основная задача подрывной, вредительской деятельности этого «право-троцкистского блока» была — всячески подорвать экономическую мощь СССР. Ликвидировать советскую социалистическую систему, ослабить обороноспособность СССР, оборонную промышленность, разрушить сельское хозяйство, ликвидировав колхозы и совхозы, разрушить транспорт, роль которого во всем народном хозяйстве исключительно велика, — таковы чудовищные задачи, которые ставили перед собой преступники.

Они ставили задачу приурочить наступление всех этих пагубных последствий к моменту военного нападения иностранных агрессоров на СССР и не только приурочить их к моменту нападения, но добиться и того, чтобы эти преступные действия сыграли и самостоятельную роль, как определенные пути к ослаблению мощи Советского государства.

Преследуя свою основную цель — свержение Советской власти, «право-троцкистский блок», — как это показало наше судебное следствие, — не остановился перед самыми грязными и самыми циничными методами, чтобы подорвать доверие масс к органам Советской власти, чтобы посеять среди населения недовольство Советами и восстановить, по возможности, народ против Советской власти.

Эта провокационная деятельность, проводимая каждым из обвиняемых там, где он работал, представляет собой громаднейшую, общеполитическую опасность. Об этом особенно свидетельствуют такие дела, как, например, упоминавшееся здесь на суде Лепельское дело: бесчинства и беззакония, осуществлявшиеся по указке этого блока заговорщиками и преступниками, была направлены к тому, чтобы практикой беззаконных действий дискредитировать в глазах широчайших масс населения Советскую власть.

Суд и следствие показали, как бессовестно-циничны и чудовищно-преступны были те способы и средства, которые блок применял для осуществления своих целей. Эта вредительская подрывная работа представлялась особенно опасной, ввиду того исключительного и особого положения, которое занимал ряд подсудимых в системе советского государственного аппарата.

Возьмите финансы. Основной установкой вредителей в области финансов — как это сформулировал Рыков, с согласия Бухарина, — было «ударить по Советскому правительству советским рублем». Это перефразировка старого троцкистского лозунга, который известен по другим процессам через Пятакова — «бить наиболее чувствительными средствами по наиболее чувствительным местам».

«Ударить по Советскому правительству советским рублем» — вот директива, которая определяла всю деятельность Гринько, бывшего народным комиссаром финансов и в то же самое время действовавшего в качестве агента германской и польской разведок и сподручного Бухарина и Рыкова. Именно эту директиву, это решение «блока» он старался провести в жизнь не за страх, а за совесть (хотя и растленную совесть).

Больше того. Известно, что финансовая работа не имеет замкнутого значения, что она определяет собою направление и развитие всех других отраслей

промышленности. И это учитывается преступным блоком вредителей. Вредительство в финансовом деле перебрасывается на различные хозяйственные области. В сельском хозяйстве, которое для СССР имеет огромное значение, вредительская работа насколько возможно должна была сорвать задачу 7—8-миллиардного урожая, поставленную перед нами партией и правительством.

Гринько напомнил, как он вредил в области налогового дела, в области сберегательного дела, где стремились всячески озлобить население. Каждый из нас хорошо знает, как безобразно было поставлено сберегательное дело при Гринько, когда нужно было тратить массу времени, наталкиваться на всякого рода бесконечные неприятности и дерзости, грубость и невнимание к вкладчикам, когда старались всячески озлобить и отпугнуть население от сберегательной кассы.

Теперь Гринько прямо сказал, в чем тут секрет, а секрет заключался в стремлении вызвать озлобление вкладчика, подорвать сберегательное дело. Во главе этого дела был поставлен, по собственному выражению Гринько, такой головорез, как Озерянский, который в то же время подготовлял террористические акты против руководителей нашей партии и правительства.

Я не касаюсь других фактов, свидетельствующих о том, что в лице Гринько мы видим старого закоренелого врага Советской власти, целиком и полностью продавшегося немецкой разведке, активно боровшегося путем вредительства, диверсии, измены и террора против Советской власти, за реставрацию капитализма.

Возьмите другого разведчика — Чернова, несомненно, «талантливого» человека, потому что он успел побывать за один только вечер у Дана с Кибриком, подраться с полицейскими, попасть в полицейпрезидиум и сделаться немецким разведчиком.

Ничего тут невероятного, однако, нет. Так в жизни как раз и бывает с такими людьми, как Чернов. Это теперь у него вид более или менее свежий и здоровый. Заключение ему в значительной степени помогло. На воле у него было иное лицо, испитое лицо алкоголика, который больше пил, чем работал, это был человек, больной социальным недугом — алкоголизмом. И вот по поручению правительства он поехал за границу. Но одновременно берет на себя поручение «блока», который пользуется его случайной командировкой для того, чтобы направить его для организации связи с Даном. Попадает он к Дану и Кибрику. Дан и Кибрик — это ясно — немецкие разведчики. Это видно хотя бы из того, что тот разговор, который он вел с Даном и Кибриком, стал тут же известен разведке полицейпрезидиума.

Говорят, что «стены имеют уши», но есть и такие стены, которые имеют и глаза, стены, через которые все не только видно, но и доступно фотографическому аппарату. И вот, в то время, когда Чернов выпивал и закусывал с Даном и Кибриком, щелкает фотоаппарат и увековечивает на фотопластинке это «свидание друзей» — Чернова и Дана. В руках полицейпрезидиума — документ, который может испортить Чернову всю его карьеру. Поехал он по поручению правительства, а оказался связанным с такими матерыми меньшевиками, как Дан и Кибрик, с ними он ведет шашни. Это может стоить Чернову не только политической карьеры. И на этом играет немецкая разведка. Она не считает Чернова достаточно высокопоставленным человеком для того, чтобы доставить его на такси, — обойдется и троллейбусом. Но в троллейбус садятся люди, которые начинают драку, начинают скандал, который заканчивается в полицейском участке. Хорошая картина — народный комиссар, который заводит скандал и бьет по щеке полицейского. Прибавьте к этому ком-

прометирующие фотоснимки, и Чернов уже «испекся». Чернов должен либо честно рвать и повернуть круто на 180°, либо плыть по тому течению, по которому он поплыл. К этому надо добавить, что Чернов бывший меньшевик, который сохранил свой меньшевизм до последнего часа. Следовательно, он мог бы, так же как Розенгольц, повторять те же слова молитвы — «да расточатся врази». По поводу Чернова даже Рыков сострил, что Чернов в один вечер успел побывать в полицейпрезидиуме и попасть в разведчики.

А разве иначе происходит вербовка агентов разведок? Из множества материалов, печатающихся за последнее время, известно, как ловят и в дансинге, и в частных беседах, и в любовных делах, когда специально подсовывают представительниц прелестного пола, играющих роль далеко не прелестных представительниц далеко не прелестных учреждений. Известно, что и в картишках ловят, и на бутылке коньяку ловят. Ловят так, как ловят бабочек, летящих на огонек.

На прошлом процессе мы видели, как немецкая разведка, надо ей отдать справедливость, искусно завербовала Строилова. Раковский тут рассказывал, как его, человека с большим опытом житейских отношений, завербовали английская и японская разведки, и о том, как какой-то Армстронг или Леккерт сделал его английским разведчиком. Вот Чернов, он действует по заданию немецкой разведки и прямо говорит: «Особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства». С тем, чтобы, как говорил Райвид, не дать лошадей для Красной Армии. Ясная постановка вопроса. Чернову не трудно выполнить это задание, и он приступает к выполнению этого задания. Этот человек специально выделяет 3 фабрики: Кашинцевскую, Орловскую, Ставропольскую. Для чего? Для того, чтобы там вырабатывать, как он выражается здесь, «биопрепараты с неослабленными бактериями». Он это делает для того, чтобы сорвать коневодство, сорвать поголовье, подорвать вообще животноводство.

Конечно, кто же может это сделать, как не лицо, занимавшее такой высокий пост, как не Чернов? Кто еще мог организовать специальные фабрики для выработки заразных препаратов? Только он. И он это осуществлял. Он здесь сам сказал, что 25.000 лошадей погублено по его заданию. В таких краях, как Сибирь, было уничтожено большое количество лошадей. Они специально прививали рожу и чуму свиньям. Делали это и в Воронежской области, и в Азово-Черноморском крае, и в Ленинградской области.

Задача поставлена просто — ослабить обороноспособность Красной Армии. Это не просто вредительство, это шпионское вредительство, это лазутчики военного неприятеля, который решил последовать примеру эпохи Илиады и Одиссеи — ввести Троянского коня во внутрь города, чтобы в случае чего этот конь сыграл роль опорной базы против защитников родины.

Розенгольц тоже действует так, как это интересует немцев и японцев. Он заключает специально в интересах этих иностранных государств нефтяной договор. Он специально вредительски организует экспорт золотоотходов в интересах тех же государств, в прямое нарушение интересов своего отечества. Он организует вредительский и преступный экспорт в Японию чугуна, чтобы этот чугун пошел как раз на те снаряды, которыми собирается японская военщина, если не бомбардировать, то, во всяком случае, пугать наше отечество. Он всячески задерживает оборонный импорт. Он действует так, как ему приказала разведка, используя свое высокое положение, обманывая, предательски-вероломно изменяя своему государственному долгу.

Икрамов вместе с Ходжаевым не отстают во вредительстве от своих центральных «коллег». Он сам показывал здесь о вредительстве в Намангане,

о вредительстве на шелкомотальных фабриках, на хлопкоочистительных заводах, о вредительстве в организации хлопкового хозяйства. По их показаниям, в организации этой вредительской подрывной работы роль Рыкова и Бухарина была совершенно отчетливой — роль, которую можно назвать руководящей.

Зеленский. Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности, в масло, что било по самым острым жизненным интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле! Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления.

В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке. Именно поэтому задачей всей этой вредительской организации было — добиться такого положения, чтобы то, что у нас имеется в избытке, сделать дефицитным, держать рынок и потребности населения в напряженном состоянии. Напомню тут только эпизод из деятельности Зеленского — историю с 50-тью вагонами яиц, которые Зеленский уничтожил сознательно для того, чтобы Москву оставить без этого необходимейшего продукта питания.

Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники. Тем более это давало им почву для создания настроений против системы нашего хозяйственного управления, против всей системы Советской власти. Бить по насущнейшим потребностям населения — это, в сущности говоря, выполнять старую директиву Рябушинского, который собирался костлявой рукой голода задушить пролетарскую революцию. Не удалось!

Организуя вредительство, все эти Рыковы и Бухарины, Ягоды и Гринько, Розенгольцы и Черновы и так далее, и тому подобное преследовали в этой области определенную цель: попробовать задушить социалистическую революцию костлявой рукой голода. Не удалось и никогда не удастся!

Шарангович разводит анемию лошадей — падает 30 тысяч лошадей. Шарангович подрывает торфяную промышленность. Шарангович сознательно сеет национальную рознь, развивая националистические чувства среди белорусского населения.

Иванов разрушает заводы, разрушает целлюлозно-бумажную промышленность, хотя и с осторожностью, с оглядкой, как бы слишком не попортить интересам английских хозяев, которым «право-троцкистский блок» хотел передать лесное хозяйство и на которых работал в меру сил своих и возможностей.

Вот вопиющая, чудовищная картина глубоко продуманной, строго организованной, — нельзя преступникам не отдать справедливости, — строго спланированной системы вредительских и диверсионных мероприятий, которые были направлены не только на то, чтобы подорвать обороноспособность и хозяйственную мощь нашей страны, но и на то еще, чтобы спровоцировать недовольство, раздражение в широчайших массах населения при помощи таких средств, которые трудно разоблачить.

И к этому добавляется организация прямых и открытых вооруженных выступлений против Советской власти, которая имеет тоже свою историю. Бухарин посылает вместе с Рыковым Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко в Сибирь, которые и вызывают там повстанческое движение, связы-

ваются с казачьими белогвардейскими кругами за границей, готовят казачий десант на Северном Кавказе. Рыков с Зубаревым организуют на Урале повстанческие отряды. Икрамов с Ходжаевым организуют повстанческие отряды под руководством тех же Бухарина, Рыкова и других в Средней Азии из мулл, баев, всякого рола деклассированных элементов. Даже Иванов в Северном крае и тот работает над организацией повстанческих отрядов, по прямому поручению Бухарина, из высланных кулаков, — очевидно, таким путем Бухарин и хотел обеспечить кулакам возможность врастания в социализм.

Я перехожу теперь к следующему разделу, а именно — к террористической деятельности обвиняемых и задуманным и осуществленным ими убийствам деятелей Советского государства: убийствам С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького и к убийству М.А. Пешкова.

Это один из наиболее мрачных и наиболее тяжелых моментов процесса.

Как Рыков мотивировал переход своей подпольной группы к террору? Очень откровенно. Он говорил: «При нелегальном заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти принятие террора давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

Рыков рассказал на суде полно и последовательно, как в подполье формировалась организация правых, как происходил переход ко все более и более резким формам и методам борьбы. Нарастание террористических настроений Рыков относит еще до 1930 г. Приблизительно в 1932 г. оформилось, по показаниям Рыкова, то, что он назвал положительным отношением к применению террора как метода борьбы за власть. Причем Рыков здесь сделал некоторое философское отступление, подчеркнувши, что он не мыслит себе террора в теории без практики. И действительно, ставши на позицию террора, Рыков сейчас же перешел к организации террористических актов, начал готовить эти террористические акты, подготавливать убийства наших руководителей с такой же педантичностью и с таким же спокойствием, как он давал свои пояснения здесь на суде и как, очевидно, он в свое время подписывал приказы по почтовому ведомству.

Смертельным холодом и смрадом веет от этих показаний Рыкова и других право-троцкистских фашистских заговорщиков.

Террор на полном ходу. Этим террором занимается систематически и педантично весь блок.

Бухарин тоже стоял за террор, хотя, как он заявлял, ориентировался скорее не на террор, а на массовые восстания. Ну, как он там ориентировался, это его дело объяснять, но мы знаем, что он очень давно, — сейчас это надо считать полностью доказанным, — принимал участие еще в 1918 г. в организации террористических актов и Каплан, и «левых» эсеров, и троцкистов, и правых эсеров[292]. Он сам говорит полным голосом о том, что затем в 1932 г. он ведет переговоры с бывшим эсером Семеновым, организатором террористических актов и руководителем боевых эсеровских дружин, ведет переговоры об организации террористической борьбы против товарища Сталина и товарища Кагановича. В 1932 г. Бухарин через Пятакова и Седова ведет переговоры о том условии, директиве, или, как он называет, установке Троцкого, которая заключалась в необходимости перейти к террору. И характерно, Бухарин тотчас же переходит к практическому осуществлению этой установки. Сейчас ясно, что бухаринская позиция в этом вопросе далеко не теоретическая, он действует как настоящий практик, ибо он-то и вел

с Семеновым переговоры, он поручал Семенову организацию террористического акта. Именно он, хотя и несколько позже, поручал организацию вооруженного кровавого кулацкого восстания своему выученцу Слепкову и другим. Заговорщический блок широко развертывает организацию террористических групп, которые практически подготовляют совершение террористических актов, убийство Кирова. Это убийство было полностью раскрыто и разоблачено на предыдущем процессе, но только теперь установлено, что деятельность троцкистско-зиновьевского центра, убившего Сергея Мироновича Кирова, не носила самостоятельного характера. Теперь установлено, что Киров был убит по постановлению вот этого именно «право-троцкистского» центра, вот этого блока, который можно назвать центром всех центров[293].

Обвиняемый Ягода подтвердил на суде, что убийство Кирова совершено по прямому решению «право-троцкистского блока», что это решение осуществлено было Ягодой, на которого и была возложена эта позорная обязанность. И Ягода эту обязанность выполнил. Он дал распоряжение заместителю начальника областного управления НКВД в Ленинграде Запорожцу принять все меры к тому, чтобы это убийство совершилось. За пару месяцев до убийства Леонид Николаев был задержан и приведен в областное управление, у него обнаружили револьвер с патронами и запись маршрута Кирова, которые полностью изобличали подготовку этим негодяем чудовищного злодейства. Но Запорожец, следуя прямым распоряжениям Ягоды, освободил этого негодяя, а через пару месяцев Николаев убивает Кирова, осуществляя этот злодейский акт при непосредственном участии презренного изменника Ягоды, на которого была возложена тогда охрана членов правительства.

Ягода подтвердил на суде, что Рыков и Бухарин участвовали в принятии этого решения; что Рыков и Енукидзе участвовали в заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве С.М. Кирова; что Рыков и Енукидзе принимали, таким образом, непосредственное участие в обсуждении самого вопроса об убийстве Сергея Мироновича Кирова. На мой прямой вопрос, правду ли здесь говорят Бухарин и Рыков, заявляя, что они не знали об этом убийстве, Ягода заявил, что этого быть не может, потому что, когда Енукидзе передавал о том, что «право-троцкистский блок» на совместном заседании решил вопрос о о совершении террористического акта над Кировым, — он, Ягода, отказывался от этого по некоторым «тактическим» конспиративным соображениям, но все же был осведомлен, что это — решение их центра, а не выступление какой-то партизанской кучки заговорщиков, что это решение исходило от «право-троцкистского блока», в котором активное участие принимали и Бухарин и Рыков.

Сейчас в точности установлено, что убийство товарища Кирова было совершено при ближайшем участии Ягоды. Я считаю доказанным и то, что убийство было совершено при ближайшем участии Рыкова и Бухарина.

Какие у меня доказательства?

Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, то надо признать, что два основных руководителя «право-троцкистского блока», принявшего решение об убийстве Кирова, почему-то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж, организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку от Троцкого на террор, в 1934 г. вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших сподвижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства.

Бухарин и Рыков знали об этом! Об этом крупнейшем террористическом акте не могли не знать такие крупные главари этого «право-троцкистского

блока», какими являлись Рыков и Бухарин. Если бы они не знали об этом, это было бы противоестественно, это лишено всякой логики.

Бухарин и Рыков признали, что у них в плане были намечены убийства руководителей партии и правительства, членов Плитбюро. Об этом же шли переговоры у Семенова с Бухариным или у Бухарина с Семеновым. Почему мы должны допустить, что, вступив на путь переговоров с Семеновым об организации убийства членов Политбюро, Бухарин исключает из этого списка подлежащих умерщвлению одного из влиятельнейших членов Политбюро, зарекомендовавшего себя непримиримой борьбой с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами? Где логика такого поведения? Этой логики нет.

Наконец, Рыков признал, что в 1934 г. он дал Артеменко задание следить за правительственными машинами. С какими целями? С террористическими. Рыков организует убийство членов нашего правительства, членов Политбюро. Почему Рыков делает исключение для Сергея Мироновича Кирова, который все же был убит по решению этого проклятого блока? Он этого исключения не сделал.

Енукидзе и Ягода были членами центра и ближайшими людьми к Бухарину и Рыкову. Как же можно допустить, что Енукидзе и Ягода — участники убийства Сергея Мироновича Кирова, ближайшие люди к Рыкову и Бухарину, люди, которые были в центре всей системы осуществления террористических актов против руководителей партии и правительства, — как можно допустить, что именно Рыков и Бухарин не знали о том, что знал Енукидзе — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, что знал Ягода — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, а Рыков и Бухарин об этом не знали?

Вот обстоятельства, которые уличают полностью участие Рыкова и Бухарина в организации убийства Сергея Мироновича Кирова[294].

Но убийством Кирова не ограничивается, как это установлено судебным следствием, террористическая деятельность право-троцкистских изменников.

Как установлено следствием, Алексей Максимович Горький, Вячеслав Рудольфович Менжинский и Валериан Владимирович Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию этого же «право-троцкистского блока». Пал жертвой убийства и сын А.М. Горького — М. Пешков. Ягода по этому вопросу дал такие показания:

«Я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра "право-троцкистского блока". По решению этого же центра были произведены террористические акты и умерщвлены Куйбышев, Менжинский и Горький».

Это же подтвердили и те лица, которые непосредственно принимали участие в этом убийстве. Подлый замысел шефа убийц — Ягоды — был осуществлен самым вероломным, подлым и иезуитским способом. Ягода сначала пытался отрицать свое участие в организации убийства Максима Алексеевича Пешкова. Потом он это признал на закрытом судебном заседании. Он полностью подтвердил, как это записано в протоколах судебного следствия, свои показания на предварительном следствии, подтвердил, что он организовал убийство Максима Пешкова, объяснив свое нежелание говорить об этом тем, что мотивы убийства носят сугубо личный характер.

Но относительно убийства Менжинского Ягода говорил и на открытом заседании, отрицая, однако, здесь личные карьеристские соображения. Он прямо сказал:

«Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по

личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической деятельности».

Это вполне вероятно, но одно не исключает другого. То, что Ягода способен на убийство из личных мотивов, доказывает его личное признание в убийстве Максима Пешкова. Он прямо сказал, что мотивы личные. Следовательно, не исключается возможность, что и здесь Ягодой руководили и личные мотивы.

Он говорит, что по этому вопросу было специальное решение центра, переданное ему Енукидзе. Здесь было предусмотрено использование врачей, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Как мы видим, Ягода — не простой убийца. Это — убийца с гарантией на неразоблачение. Его предположения, однако, и здесь не оправдались. Гарантия оказалась гнилой, она провалилась. Ягода и его подлая преступная деятельность разоблачены, разоблачены не той предательской разведкой, которую организовал и которую направлял против интересов Советского государства и нашей революции изменник Ягода, а разоблачены той настоящей, подлинно большевистской разведкой, которой руководил один из замечательнейших сталинских сподвижников — Николай Иванович Ежов.

Енукидзе и Ягода беседуют на тему, как лучше с точки зрения тех гарантий, которых искал Ягода, отправить на тот свет Менжинского и избранные им другие жертвы. Ягода выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни, или как он здесь на суде сказал: «Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова». Это, между прочим, не так парадоксально, как это может казаться на первый взгляд. Подготовить такую обстановку, при которой бы слабый и расшатанный организм заболел, а потом выработать такие методы лечения или, как сказал Плетнев, подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию, не бороться с болезнью, помогать не больному, а инфекции, и, таким образом, свести больного в могилу — это не так парадоксально.

Ягода стоял на высоте техники умерщвления людей самыми коварными способами. Он представлял собою последнее слово бандитской «науки», перекрыв ряд других преступников, которые не понимали этих далеко и глубоко идущих преступных замыслов Ягоды.

Енукидзе отклонил предложение Ягоды о том, чтобы Сергея Мироновича Кирова умертвить путем болезни. Он говорил: убийство Кирова должно совершиться так, как намечено центром. Но тут же он обещал, — как говорил Ягода, — что в следующую очередь они используют рецепт и средства, предлагаемые Ягодой.

Эта очередь наступила, когда встал вопрос о последующих убийствах.

«Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, — говорил Ягода, — что прямой террористический акт может провалить не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь».

Можно ли идти дальше в этом беспредельном цинизме и коварстве, когда с омерзительным спокойствием и хладнокровием люди обсуждали, кого

лучше убить из руководителей партии и правительства и каким способом, чтобы избегнуть своего разоблачения.

Ягода дальше говорил:

«Через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким. Енукидзе мне объяснил, что "право-троцкистский блок", имея в виду как ближайшую перспективу свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства, и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков».

Вот почему был поставлен вопрос, решенный окончательно этим блоком, об умерщвлении Алексея Максимовича Горького.

Еще одно решение об устранении пало на Валериана Владимировича Куйбышева как на одного из активных членов ленинско-сталинского Политбюро.

Таким образом, за этот короткий срок три жертвы, три преждевременно погибших замечательных человека сошли в могилу по решению «право-троцкистского блока». Трое лучших людей наше страны, преданные сыны своей родины, пали жертвой бесстыдного заговора предателей. И среди них — гордость русской и мировой литературы — великий русский писатель, гениальный художник Алексей Максимович Горький.

Каждая строка его песен и сказок, повестей и романов дышит благородством, жаром революционных событий. Недаром он свою жизнь связал с великим Лениным и великим Сталиным как их лучший и ближайший друг. Недаром Ленин не раз писал, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Недаром Ленин писал, что Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим классом России и всего мира. Горький чуял грядущую бурю, он предвещал победу нашего движения, победу светлого пролетарского разума над мраком и подлостью капитализма.

От предательских ударов в больное сердце великого человека погиб лучший из друзей трудящегося человечества, погас один из самых ярких и сильных светильников человеческого разума и человеческой красоты. Этот светильник загасили вот эти изменники, вот эти человекообразные звери, хладнокровно и предательски навеки остановившие горячее и благородное сердце великого человека.

Теперь все раскрыто. Теперь известны не только способы убийства, но их мотивы, и самые убийцы. Бессонов говорит, что когда он в июле 1934 г. виделся в Париже с Троцким, который всегда злобно ненавидел Горького, как и Горький ненавидел обер-бандита международного шпионажа и предательства Троцкого, тогда Троцкий сказал, что Горького надо устранить во что бы то ни стало, что Горький широко популярен как ближайший друг Сталина, как проводник генеральной линии партии. Троцкий дал Бессонову прямое поручение, которое приказал передать Пятакову. Как говорит Бессонов, поручение это было дано в самой категорической форме: Горького уничтожить физически во что бы то ни стало. И это приказание врага народа и обер-бандита Троцкого было Бессоновым привезено сюда, в СССР, и передано Пятакову, передано блоку, который, как это показал Ягода и как это я докажу дальше, принял это поручение, принял решение об убийстве

А.М. Горького. Это так чудовищно, что на этом я считаю необходимым остановиться особо и специально.

Первый вопрос, который я хотел бы здесь поставить, это вопрос о том, участвовали ли в этом деле Рыков и Бухарин, знали ли они о том, что готовится это чудовищное злодеяние. На этот вопрос я отвечаю без колебаний и твердо: да, знали; да, участвовали. Я не хочу оперировать никакими другими показаниями и, в частности, показаниями Ягоды — я буду оперировать: 1) показаниями самих Рыкова и Бухарина и 2) тем, что я называю логикой вещей. Как обстоит здесь дело? Вы посмотрите, что говорит по этому поводу Рыков. Рыков показал, что у него, у Рыкова, имел место разговор с Енукидзе, то есть с одним из активнейших участников и организаторов заговорщического блока. Насколько он был активным в организации убийства, у нас имеются показания Максимова-Диковского. Енукидзе не раз вызывал его к себе и давал указания, как лучше обеспечить смерть Валериана Владимировича Куйбышева. Енукидзе занимался этим «делом» вместе с Ягодой. Вот с этим Енукидзе Рыков ведет разговор. О чем? Возьмем только то, что сказал сам Рыков: «мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным сторонником Сталина и генеральной линии партии». Это то же самое, что услышал Бессонов от Троцкого в 1934 г. и что привез сюда осенью 1934 г. и передал воротилам, руководителям, главарям этого блока.

Итак, из показаний Рыкова вытекает первое неопровержимо установленное обстоятельство: Рыков и Енукидзе ведут разговор в 1935 г. о Горьком, они говорят о громадном влиянии, которое имеет на общественность Алексей Максимович Горький как верный друг и сторонник генеральной линии партии, как верный друг и сторонник сталинского руководства. Вот это и беспокоит троцкистов и зиновьевцев, это беспокоит их так же, как беспокоило их тогда, когда они обсуждали убийство Сергея Мироновича Кирова. Ибо Сергея Мироновича Кирова они избрали жертвой своего злодейства по тем же мотивам. И здесь есть полное тождество, полная историческая логика этого заговора.

Что же дальше следует? «Они (троцкисты и зиновьевцы) считают необходимым, — говорит Рыков, — ввиду такого значения Горького, а значение его у нас и за границей не нуждается в подтверждении — они настаивают, как он выразился, — на ликвидации его политической активности». Если бы Рыков сказал только то, что он сказал, то этого было бы достаточно. Даже для детей совершенно ясно было бы, в чем тут дело. Как можно ликвидировать политическую активность взрослого человека в нашей стране? Как можно было заставить Горького перестать быть политически активным в том направлении, в каком он проявил себя как борец за большевистскую, ленинско-сталинскую правду? Как можно заставить?

В Америке разные Аль Капоне организуют бандитские налеты, захватывают людей или их детей в плен и потом вымогают деньги. Но у нас этого сделать нельзя, ибо мы рубим руки всяким Аль Капоне. Как же можно было в нашей стране, в условиях Советского государства, как они могли лишить Горького возможности проявлять политическую активность, иначе как остановив его жизнь? И Рыков на мой вопрос прямо сказал: «Он, то есть Енукидзе, говорил настолько в повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно, что за этим тоном кроется возможность применения насильственных мер». Следовательно, я считаю совершенно точно установленным, что в 1935 г. Енукидзе с Рыковым говорили о Горьком в угрожаю-

щих для жизни Горького тонах. Причем для Рыкова было совершенно несомненно, что речь идет о применении насильственных мер по отношению к Горькому. И тут я опять задаю тот же вопрос: «Что же это за насильственные меры? Что же вы рассчитывали А.М. Горького изолировать, рассчитывали подвергнуть его какому-нибудь заточению? Как это можно было сделать в нашей стране, в стране пролетарской диктатуры?» Это можно было сделать только одним способом — умертвив Горького. Рыков понимает, что только так этот вопрос и мог стоять, и только так мы имеем право трактовать этот преступный разговор, который был не чем иным, как информацией Рыкова со стороны Енукидзе о подготовлявшемся убийстве Алексея Максимовича Горького.

Наконец, на последний мой вопрос на судебном следствии: «Что означает "довести до насильственных мер?" Можно ли это понимать — довести до убийства?» — Рыков прямо сказал: «Конечно».

Я спрашивал Рыкова: «вы знали о готовящемся убийстве Горького?» Как же должен был ответить на этот вопрос Рыков, если он не знал об этом преступлении? Он должен был бы сказать: «я не знал». А что сказал Рыков? Вот стенограмма, он сказал: «Не совсем так». Получается не совсем так, но так!

Я считаю совершенно доказанными и установленными следующие факты, из которых вытекает только один вывод — вывод об участии Рыкова в подготовке умерщвления А.М. Горького. Во-первых, в 1935 г. Енукидзе и Рыков говорили об особом озлоблении, которое питает блок к Алексею Максимовичу Горькому. Правда, они сворачивают дело на троцкистско-зиновьевскую часть блока, однако это не меняет ни в какой мере дела. Во-вторых, они это злобное настроение выражали в таких тонах, которые говорили о подготовке насильственных мер, направленных к «ликвидации политической активности Горького». И, в-третьих, ликвидация политической активности Горького мыслилась вплоть до применения к Горькому насильственных мер.

В-четвертых, эти насильственные меры включали в себя и убийство Алексея Максимовича Горького. Об этих насильственных мерах Рыков и Бухарин знали. Они знали, что готовится убийство Горького, организовывали это убийство, покрывали это убийство. Рыков и Бухарин были, таким образом, участниками этого подлейшего убийства А.М. Горького.

А Бухарин, эта проклятая помесь лисы и свиньи, — как он ведет себя по этому вопросу? Как подобает лисе и свинье. Он вертит, юлит. Но, в конце концов, по существу, Бухарин говорит то самое, что говорит Рыков. Возьмем показания Бухарина в этой части. Позвольте мне указать на следующую часть этого показания: «В 1935 г. Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Откуда знал Томский об этом? Он знал, конечно, от Бессонова, привезшего эту директиву из-за границы. А какая была директива Троцкого? Уничтожить Горького, физически уничтожить. Бухарин показывает: «Томский сказал, что Троцкий готовит враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Я спрашиваю: через кого готовит Троцкий эту враждебную акцию? Конечно, через блок, который был в руках у Троцкого, через блок, в котором перепутались правые и троцкисты, меньшевики и эсеры, буржуазные националисты и просто проходимцы всех мастей, степеней и категорий.

Этот факт установлен. Сам Бухарин признает, что в 1935 г., за год до смерти Горького, Томский сообщил Бухарину, что Троцкий готовит враждебный акт против Горького. Это совершенно то самое, что говорил Рыков,

передавая свой разговор с Енукидзе. А это, в свою очередь, то же самое, что говорил Бессонов, приводя свой разговор в Париже в июле 1934 г. с Троцким. Здесь никаких расхождений нет.

Разберем второй вопрос: в чем же заключается этот враждебный акт, что представляет собой этот враждебный акт? От Бухарина получить ответ на прямо поставленный вопрос не так-то легко.

Я спрашивал Бухарина: «В чем заключался этот враждебный акт?» Он прямо ничего не отвечает. Он говорит: «акция против "сталинца Горького" как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики, в частности». Вот о чем шла речь. «Речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности». Опять полное совпадение фактов, о которых говорил Рыков, о которых говорил Бессонов, о которых говорил и знал Ягода, о которых говорил и знал Буланов. Здесь все связано органически.

Я спрашиваю: «Совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении Советского правительства?» Бухарин отвечает, что «по существу связывал». Следовательно, речь шла не просто о том, чтобы причинить личную неприятность Горькому, как замысловато говорил Рыков — «ликвидировать его политическую активность». Речь шла о том, чтобы совершить против Горького такой акт враждебности, который непосредственно представлял бы собой один из элементов свержения Советской власти.

Ясно, что при такой постановке вопроса речь идет не о том, чтобы лишить Горького возможности писать статьи или делать доклады, хотя и это тоже не в вашей власти, господа убийцы. Следовательно, мы здесь должны признать, что подтвердил и Бухарин, что враждебный акт против Горького был связан с задачей свержения Советской власти, был одним из актов борьбы против Советской власти.

Мы знаем, как ставился вопрос заговорщиками о борьбе против Советской власти. Их методы — террор, измена и так далее.

Бухарин говорит, что когда говорят о враждебном акте, можно разуметь все, вплоть до террористических актов, амплитуда колебаний здесь очень большая. Бухарин признает, что убийство Горького тогда не было исключено. Это — завуалированное признание, которое выдает Бухарина с головой.

Я уже говорил о способах, при помощи которых были осуществлены три террористических акта — против Менжинского, против Куйбышева и против Алексея Максимовича Горького.

Обращает на себя внимание способ, при помощи которого эти убийства совершены. Это — способ постепенного умерщвления, «убийства с гарантией», о котором говорил Ягода, — это способ убийства при помощи использования специальных знаний соучастников. Неплохо задумано! Левин, Плетнев, Казаков, Максимов-Диковский, Крючков, Буланов — банда убийц, специально подготовленная банда, участвовала в этом «деле». Я хочу обратить ваше внимание на особенный способ и особенную роль в осуществлении этого убийства, которую сыграли обвиняемые врачи — Левин, Казаков и Плетнев. Но предварительно я хочу остановиться на нескольких замечаниях. История и хроника уголовных убийств нам говорит, что за последние десятилетия отравления при помощи профессиональных убийц почти сошли со сцены.

Место этих отравителей заняли врачи. Если вы раскроете учебник судебной медицины доктора Карла Эммерта, профессора Бернского университета, вы найдете здесь чрезвычайно поучительные указания. Эммерт пишет:

«Убийства посредством отравления стали теперь реже сравнительно с прежним, отчасти потому, что для не врача стало труднее добыть яд. Поэтому профессиональных отравителей больше не встречается, как прежде. Если же и бывают подобные, то они часто относятся к лицам врачебного сословия».

Поэтому совершенно не случайно, что Ягода избирает для своего чудовищного замысла и его реализации именно врачей. Он учитывает, так сказать, историческую конъюнктуру.

Мы имеем целый ряд исторических примеров того, как все стремления убийц, пользующихся всякими средствами отравления, направлены именно на то, чтобы не быть раскрытыми. Очень характерно это обстоятельство, — в целом ряде случаев отравление совершается таким образом, чтобы можно было самый факт отравления объяснить, — как это думал сделать Ягода, — естественной смертью от болезни.

Нужно раньше всего разъяснить, что отравление по современным научным воззрениям это есть один из видов, и притом самый опасный вид так называемого в науке изменнического убийства, опасность которого заключается в том, что для его осуществления никаких специфических, губительных для человеческой жизни средств не требуется, что могут быть использованы в этих преступных целях любые средства. Как об этом говорит и учит нас история, для такого отравления необходимо лишь тайное введение в организм какого бы то ни было вещества, способного привести к сокращению времени жизни или к смерти. А таки веществом является вовсе не всегда то, что специально называется ядом. Ведь целый ряд лекарственных средств по самой своей природе и характеру годятся для этого, и этим часто пользуются преступники.

Известны из истории, например, из Тацита, такие случаи, как убийство Сеяна таким ядом, что, казалось, будто Сеян умер от обыкновенной болезни. В этом и заключается искусство преступления. Известно, что Филипп II весьма широко пользовался для отравления ядом, который нельзя было обнаружить даже при тщательном исследовании, ядом, который был им назван «Requiescat in pace» (пусть почиет в мире). Известно, что Иоанн Кастильский был отравлен при помощи отравленной обуви. Известно, наконец, что папа Климент II был убит при помощи дыма от отравленной свечи. Следовательно, известны способы убийства людей с использованием убийцами своего привилегированного положения и со знанием химии, медицины и фармакологии — способы самые разнообразные.

Мы помним знаменитое дело Бутурлина. Убийцей Бутурлина был не кто иной, как широко известный в дореволюционной России доктор Панченко, который практиковал в дореволюционной России распространение и использование средства, известного под названием «Спермин Пеля». Доктор Панченко под видом «Спермина Пеля» вводил больному дифтерийную культуру и убил его дифтеритом.

Это было разоблачено совершенно случайно. Если бы не признание доктора Панченко, то убийство Бутурлина, вероятно, не было бы раскрыто. Если бы не признание Левина, то, может быть, не был бы раскрыт разработанный со всеми тонкостями преступный план убийства товарищей Менжинского, Куйбышева, Горького.

Наконец, я мог бы напомнить о знаменитом деле Прочара, когда этот Прочар у своей жертвы вызвал хронический катар желудка и таким путем довел ее до гибели. Наконец, дело доктора Пальмера, который отравил свою жертву мышьяком и стрихнином, употреблявшимися в дозах, разрешающихся медициной. Вот пример, который говорит о том, что когда мы говорим

об отравлении, то не надо иметь в виду, что для отравления надо применять только цианистый калий, мышьяк и так далее. Нет, очень часто убийцы используют врачей и медицинскую систему, якобы, для лечения, а на самом деле для того, чтобы добиться своей преступной цели.

Дело Пальмера, Прочара, Панченко и множество других исторических примеров можно привести для того, чтобы доказать, что тот путь, который избрал Ягода, был путем, подсказанным тонким изучением истории преступлений, истории убийства в разных странах, организованных разными изуверами рода человеческого.

Я, наконец, должен сказать, что именно в этом плане был задумал преступниками-убийцами террористический акт против Николая Ивановича Ежова. Ведь это убийство тоже было задумано довольно тонко — при помощи отравления воздуха, которым должен был дышать в своем служебном кабинете Николай Иванович Ежов, отравления воздуха ртутью, растворенной в кислоте. Причем Ягода предупреждал — ни в коем случае не в серной кислоте, потому что серная кислота оставляет след и может сжечь те самые шторы и гардины, которые надо было по указанию Ягоды пропитать для того, чтобы, вдыхая этот воздух, мог погибнуть Николай Иванович Ежов.

Я хочу, товарищи судьи, напомнить несколько данных экспертизы по этому вопросу, которые не оставляют никакого сомнения в том, что этот план, очень тонкий, вероломный и подлый, задуман Ягодой с ведома и одобрения право-троцкистского центра, в особенности в отношении Куйбышева, Горького и Николая Ивановича Ежова, которого они хотели устранить для того, чтобы оставаться не разоблаченными.

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, что экспертиза была составлена из выдающихся деятелей советской и мировой медицинской науки. Я обращаю ваше внимание, что эта экспертиза пришла к единодушному заключению: экспертиза подтвердила, что меры, принятые убийцами в отношении умерщвления А.М. Горького, В.В. Куйбышева, В.Р. Менжинского, действительно были строго продуманными и имели своим результатом смерть этих выдающихся людей, к которой эти господа стремились. По умерщвлению Горького были заданы экспертизе вопросы:

«Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без умысла?»

Последовал ответ: «Этого допустить нельзя».

Экспертизе был задан следующий вопрос:

«Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно — дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а в частности, у тяжело больного А.М. Горького, 68-ми лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?»

Ответ экспертизы: «Абсолютно недопустимо».

Еще вопрос: «Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А.М. Горького был заведомо вредительским...»

Ответ экспертизы: «Да. Безусловно можно считать установленным».

И то же самое мы имеем по другим случаям.

Поэтому я позволю себе заявить, что обвинения, предъявленные в обвинительном заключении и поддерживаемые мною как государственным обвинителем, и в этой части в полном объеме можно считать доказанными. Обвинение здесь подтверждается целиком и полностью авторитетнейшей медицинской экспертизой, тщательно разобравшей все те материалы, кото-

рые были в ее распоряжении. Признания обвиняемых, разумеется, мы также не можем никак сбрасывать со счета.

Говоря об этой части обвинения, я хочу остановиться специально на двух подсудимых — на Ягоде и Левине.

О Ягоде разговор короткий. Ягода — главный организатор и вдохновитель этих чудовищных преступлений, его ответственность тем более сильна и серьезна, что ведь Ягода — не просто Ягода, это бывший в то время заместитель председателя ОГПУ, фактически председатель ОГПУ. Это человек, на обязанности которого лежала охрана государственной безопасности. Если бы те преступления, которые совершил Ягода, в которых он признался, если бы он совершил их в миллионной дозе, то и тогда я вправе был бы требовать от суда расстрела Ягоды.

Левин сыграл в этих убийствах тоже виднейшую роль. Левин был главным организатором задуманных Ягодой убийств, им привлечены к этому делу были и Казаков и Плетнев, он, я бы сказал, в этом деле был правой рукой Ягоды, как Буланов был правой рукой Ягоды во всех преступлениях последнего в целом.

Когда погиб от руки Левина Алексей Максимович Горький, Левин, доктор медицинских наук, опубликовал в газетах некролог — «Последние дни Алексея Максимовича Горького». В этом некрологе он писал, вздыхал, стонал о гибели великого человека. «Великие люди, — писал он фарисейски, лицемерно, двурушнически, — живут и умирают, как великие люди». «Живут и умирают, как великие люди!» — Левин не добавил, — «от руки автора этого некролога, одного из подлых убийц!»

Если эту статью сейчас рассматривать в связи с медицинской экспертизой, то она будет представлять некоторый, значительный, по-моему мнению, интерес для оценки роли в этом убийстве Левина.

Во-первых, здесь вскрывается та самая механика умерщвления Алексея Максимовича, которая теперь вскрыта полностью. Это — механика, которая была раньше всего направлена на терапевтическую подготовку убийства Алексея Максимовича.

Левин в этом некрологе писал:

«За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катаральным воспалением легких».

Значит, Левин уже знал хорошо, в каком направлении можно искать осложнений в этой борьбе Алексея Максимовича Горького с болезнью.

«Каждый раз неутомимый боец переносил болезнь тяжело, каждый раз с первых же дней заболевания начиналась тревога. Когда меня в хорошие, спокойные периоды жизни Алексея Максимовича спрашивали о состоянии его здоровья, я всегда отвечал:

— Относительно благополучно, но до первого гриппа».

И дальше:

«Я по опыту знал, как тяжело протекает у Алексея Максимовича грипп, как быстро он поражает место наименьшего сопротивления его организма — легкие — и как это страшно при его измененных старым туберкулезным процессом легких и его больном сердце. И вот пять раз его могучий организм давал нам возможность одерживать победу, а организм Алексея Максимовича был действительно могучий. Горький был из тех людей, которые доживают до 100 лет, и он несомненно дожил бы до 100 лет, если бы не злой туберкулез».

Убийца выбалтывает тайну убийства. Именно здесь лежит то самое место наименьшего сопротивления, — врачи говорят: «locus minoris resistentiae», —

по которому организаторами убийства и был направлен основной удар по больному А.М. Горькому.

Позорное двурушничество, вероломство, лицемерие здесь соперничают с бесстыдством отравителя, плачущего у изголовья жертвы его так называемого «лечения».

Таков этот самый Левин! Недалеко ушел от Ягоды!

Я хотел бы напомнить вам в заключение показание Ягоды, в котором он показывает свое настоящее морально-человеческое, если это выражение здесь допустимо, лицо.

Вот выдержки из показаний Ягоды на листе дела 58:

«Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был».

И дальше:

«Мелкобуржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки, — все это, с самого начала организации Советской власти, создало у меня неверие в окончательную победу дела партии...

Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я все же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определил для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе. Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом.

Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит (троцкисты или ЦК ВКП(б)), окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я, как заместитель председателя ОГПУ, в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли продолжать свою деятельность.

Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы Рыкова со мною определили мои личные симпатии к программе правых. С другой стороны, из того, что Рыков говорил мне о правых, о том, что кроме него, Бухарина, Томского, Угланова, на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. А так как тогда уже ставился вопрос о смене руководства партии и Советской власти, то ясно было, что правые идут к власти.

Именно потому, что правые рисовались мне как реальная сила, я заявил Рыкову, что я с ними.

...Поэтому я и договорился с Рыковым об особом своем положении среди правых».

Оказывается, Рыков влиял достаточно определенно даже на Ягоду. Ведь, в сущности говоря, то, что говорит Ягода, — это старая предательская двурушническая школа политического карьериста и бесчестного негодяя, ведь это система Жозефа Фуше. Я не могу не привести всего лишь несколько строк из известной книги Стефана Цвейга «Жозеф Фуше».

«В числе семисот пятидесяти, торжественно вступающих в зал развенчанного короля, входит молча, с трехцветной повязкой поперек груди, народный представитель Жозеф Фуше, депутат от города Нанта. Тонзура уже заросла, духовное облачение давно сброшено: как и все здесь, он надел гражданское платье без всяких украшений.

Какое место займет Жозеф Фуше? Среди радикалов, на горе, или с умеренными, в долине? Жозеф Фуше не долго медлит; он признает только одну партию, которой остается верным до конца; ту, которая сильнее, партию

большинства. И на этот раз он взвешивает и подсчитывает про себя голоса, он видит — в данный момент сила еще на стороне жирондистов, на стороне умеренных. И вот он садится на их скамьи, рядом с Кондорсе, Роланом, Серваном, с теми, кто держит в своих руках министерские посты, влияет на все назначения и распределяет прибыли. В их среде он чувствует себя уверенным, там занимает он место».

Вот источник, из которого черпал свои духовные силы Ягода, если он когда-нибудь был знаком с жизнью и деятельностью Жозефа Фуше, — я в этом сомневаюсь, ибо из показаний и материалов дела видно только одно знакомство его с литературой, это — с книгой Александра Дюма «Три мушкетера», которые были идеалом для Ягоды, говорившего, как это видно из показаний Буланова, что для того, чтобы обеспечить успех захвата власти, нужно подобрать себе несколько десятков таких молодцов, как три мушкетера, с ними можно сделать все, что угодно.

Таков Ягода, которому на скамье подсудимых отведено серьезное место, рядом с Бухариным и Рыковым. Это — один из крупнейших заговорщиков, один из виднейших врагов Советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти организовал ее из изменников Паукера, Воловича, Гая, Винецкого и других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким является и сам Ягода, который вместо того, чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма.

Не удалось, сорвалось! Ягода был разоблачен, выброшен из нашего государственного аппарата, посажен на скамью подсудимых, обезоружен и должен быть теперь выброшен, вычеркнут совсем из жизни.

Я кончаю. В заключение я хочу поставить несколько вопросов, которые я назвал бы юридическими вопросами.

Раньше всего — вопрос о соучастии. Как показало судебное следствие, не все обвиняемые в равной степени участвовали в преступлениях, которые прошли на этом судебном процессе.

Отсюда вопрос — в какой мере и в какой степени каждый из обвиняемых может и должен отвечать за предъявленные им обвинения по обвинительному заключению.

Второй вопрос — в какой мере и степени доказаны предъявленные подсудимым обвинения.

И третий вопрос — какого наказания заслуживают обвиняемые.

Я отвечу, раньше всего, на второй вопрос. Доказаны ли, и в какой степени совершенные обвиняемыми преступления? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно: да, доказаны. Доказаны признанием самих подсудимых, доказаны свидетелями, прошедшими перед судом, доказаны заключением медицинской экспертизы, доказаны вещественными доказательствами.

Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовном процессе, имеется здесь, сейчас в распоряжении суда. На основании этих доказательств суд сумеет определить свое окончательное решение о степени виновности того или иного преступника, совершившего эти преступления.

Но есть еще одно важнейшее доказательство, это — сама логика обстоятельств дела.

Основное обвинение в настоящем деле предъявлено обвиняемым по ст. 58^{1a} и 58^{11} — об организации изменнического заговора. Это обвинение до-

казано признаниями всех подсудимых, даже тех, кто не признал себя полностью или отчасти виновными в каком-либо другом преступлении. Это надо сказать относительно всех подсудимых.

Во-вторых, в какой мере каждый из подсудимых должен по нашему закону отвечать за всю совокупность совершенных этой заговорщической бандой преступлений. Я на этот вопрос отвечаю: в полном объеме. Почему?

Каждый подсудимый должен отвечать за всю совокупность преступлений как член заговорщической организации, преступные задачи и цели, преступные методы осуществления которых были каждому из них известны, каждым одобрены и приняты. Здесь мы наблюдаем лишь своеобразное «разделение труда» в преступной деятельности, в зависимости от специальных качеств и средств, находящихся в распоряжении каждого участника банды. Это совершенно естественно и закономерно с точки зрения интересов всего заговора в целом.

Есть мнение среди криминалистов, что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения — неправильная. Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения. Жизнь знает примеры, когда результат общей преступной деятельности достигается самостоятельным участием в этой деятельности сообщников, объединенных лишь единой, общей для всех преступной задачей.

Для соучастия нужно общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении. Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и так далее в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки, — они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений.

В этом деле, товарищи судьи, налицо заговорщическая группа, агентура иностранных разведок, объединенная общей для всех ее членов волей, единой для них всех преступной целью. Конкретные преступления, совершенные теми или другими преступниками, — это лишь частные случаи этого единого для всех подсудимых плана преступной деятельности.

Эта общность преступной деятельности юридически выражена в предъявленном всем подсудимым обвинении по ст. 58[1а] УК РСФСР.

Это, однако, не означает, что все должны отвечать одинаково. Это не исключает обязанности суда индивидуализировать наказание в зависимости от конкретной роли каждого подсудимого в данном деле.

С этой точки зрения я считаю, что из общего числа обвиняемых надлежит выделить двух — это Раковского и Бессонова. Я считаю, что Раковский, хотя и совершивший тягчайшие преступления против Советского государства, против Советской власти, всем своим положением в этом заговоре, своей, если можно так выразиться, известного рода оторванностью от всех важнейших преступлений, совершенных «право-троцкистским блоком», заслуживает того, чтобы к нему была применена менее строгая мера наказания, чем к остальным обвиняемым.

То же самое можно сказать в известной мере и о Бессонове, который, конечно, отличается от Чернова, Розенгольца, Крестинского или Рыкова

хотя бы тем, что его роль ограничивалась ролью связиста, которая хотя также преступна, но по всему своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу.

В отношении этих лиц я считал бы возможным применение закона от 2 октября 1937 г., позволяющего суду в особых случаях избирать меру наказания, среднюю между 10 годами лишения свободы и высшей мерой социальной защиты. Я считаю, что в отношении Раковского и Бессонова можно ограничиться 25 годами тюремного заключения.

По обвинительному заключению, все обвиняемые изобличены в том, что в 1932—1933 гг. они по заданию разведок иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью совершение преступлений, которые были здесь полностью доказаны.

Доказано, что этот блок состоял из агентов разведок некоторых иностранных государств, доказано, что «право-троцкистский блок» поддерживал систематические незаконные отношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения от них помощи для осуществления своих преступных замыслов, для свержения Советской власти и для установления в СССР власти помещиков и капиталистов.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными материалами.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически осуществлял в этих же целях вредительские и диверсионные акты в различных отраслях нашего народного хозяйства — в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, коммунального хозяйства, на железных дорогах и так далее.

Доказано, что «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, что этот «право-троцкистский блок» осуществил террористические акты против С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького, а также осуществил умерщвление М.А. Пешкова.

Доказано, что блок организовал, но не успел, к нашему счастью, осуществить ряд террористических актов против руководителей нашей партии и правительства.

Таковы обстоятельства настоящего дела. Такова роль в этом деле каждого из подсудимых, ожидающих сейчас, товарищи судьи, вашего приговора.

Нет слов, чтобы обрисовать чудовищность совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю я, еще какие-нибудь для этого слова? Нет, товарищи судьи, эти слова не нужны. Все слова уже сказаны, все разобрано до мельчайших подробностей. Весь народ теперь видит, что представляют собой эти чудовища.

Народ наш и все честные люди всего мира ждут вашего справедливого приговора. Пусть же вас приговор прогремит по всей нашей великой стране, как набат, зовущий к новым подвигам и к новым победам! Пусть прогремит ваш приговор, как освежающая и всеочищающая гроза справедливого советского наказания!

Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляю перерыв до 6 часов вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

11 марта 1938 г.

Слово защитника: БРАУДЕ стр. с 1 по 21 вкл.
КОММОДОВА с 1 по 17 вкл.
Последнее слова подсудимых стр. с 1194 по 1216 вкл.: БЕССОНОВА
ГРИНЬКО
ЧЕРНОВА

Подлинник

[I]ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

11 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова

Гринько плачет, пьет воду, садится, протирает глаза пальцами.

Чернов. В черном костюме, с бородкой, читает по тетрадке и говорит на «о», и спокойно, ровно говорит «я германский шпион». По существу, это опять-таки признание ошибок, и поэтому зал скучает, кашляет. Командир носит воду. Чернов кричит: «Да, я виноват!». Он облокотился и подчеркивает наиболее важные места.

Это полправды, — говорит он о Рыкове, — а полправды хуже лжи.

Люди читают газеты, разговаривают, кашляют. Чернов говорит: «Преступления мои велики и чудовищны»...

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ:

Речь защитника т. Брауде

[КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.]

[Слово имеет Член Коллегии Защитников т. Брауде.]

[БРАУДЕ.][II] Товарищи судьи! [, х] Характерной чертой современных заговорщических контрреволюционных организаций является то, что за ними нет никакой массы. [И этот процесс *[, как и ряд предыдущих п]* и прошедший зиновьевский и пятаковский процесс[295] показали, что э] Эти заговорщики [— это] — генералы без армии, [что] *они* опира*ются*[ясь] на иностранные разведки, в нашей стране *у них нет корней,* они варятся в собственном соку.

[Т. Сталин н] На Пленуме ЦК [3] *в* марте[а] 1937 г. [объяснил это явление простыми и могучими словами. Т] *т.* Сталин говорил: *«Современные

[I] Рядом на полях помета (автограф И. Брауде): «*И. Брауде. 12/II-38 г.*». Вероятно, текст речи исправлен сами И.Д. Брауде (синие чернила). По тексту встречаются многочисленные пометы простым, красным и зеленым карандашом — вероятно, правка И.В. Сталина.

[II] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут (синие чернила), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть *ему* свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их как людей чужд*ых и*[I] прогонит их от себя»*.[II]

[И], товарищи судьи, [м]*Мы видим,*[III] что для технического осуществления своих вредительских замыслов этим заговорщикам приходится рассчитывать только на свои собственные ничтожные силы и иностранную разведку. [, либо] *Только* путем обмана, двурушничества, шантажа [, выполнять] *им удавалось втягивать в* свои злодейские [поручения и втягивать] *преступления отдельных* лиц, которые [не] по своему миросозерцанию ничего общего не имеют с ними. *[, которые]* [ни по целям, они были втянуты в тягчайшие преступления и вынуждены *[теперь]* разделять с ними свою судьбу.] На происходящем судебном заседании еще раз подтверждается эта мысль.

В самом деле, далек*ий*[о] от контрреволюционного мировоззрения и от контрреволюционн*ых*[ой] цел*ей*[и доктор] Левин, старый врач, был втянут *через [...][IV] Ягоду*[V] в право-троцкистскую организацию для совершения чудовищных преступлений, [с тем, чтобы] *который* сам[им] *хотел* оставаться в стороне.

И *мне*[VI] сегодня, товарищи судьи, приходится *перед вами*[VII] защищать этого старика — доктора Левина, — который к концу своей жизни оказался техническим выполнителем конкретных замыслов «право-троцкистского блока», о [смысле] *самом* существовани*и*[я] которого вряд ли имел какое-либо[VIII] представление, и не только техническим выполнителем, но, как правильно сказал сегодня Прокурор, и приня*вшим*[IX] на себя некоторую организующую роль. Как это могло произойти, как [могло произойти] *случилось*, что врач с 40-летним стажем, близкий к Максиму Горькому, врач Куйбышева и Менжинского, сделался убийцей своих пациентов. [Вряд ли мне нужно подчеркивать все бесчинство этих преступлений, но я, как защитник Левина, я обязан помочь вам раскрыть те внутренние психические механизмы, которые обеспечили возможность совершения Левиным злодеяний, и найти мотивы, которые бы дали право на ваше снисхождение.]

*Изучая *материалы* предварительно*го*[е] следст*вия*[е], [и в]*[X] допрос*ы*[ах] [слова] Буланова, Ягоды, Левина и других обвиняемых, [*с у*[XI]дивлением] видел, [и] *что* следствие само[XII] [интересовалось][XIII], как мог Левин принять на себя такие ужасные поручения, что [понудило] *вынудило* его на отсутствие надлежащего сопротивления[XIV] Ягоде.*[XV] [Этим свидетелям все

I * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

II * * — рядом на полях вертикальная линия (простой карандаш), зачеркнутая помета (вероятно, И. Брауде) (синие чернила): «*Свернуть!!!*».

III * * — знак переноса фразы — «*Мы видим, товарищи судьи, ...*».

IV Слово зачеркнуто, неразборчиво.

V * * — знак переноса фразы — «Левин, старый врач, был втянут в право-троцкистскую организацию для совершения чудовищных преступлений через Ягоду. ».

VI * * — знак переноса слова — «*И сегодня, товарищи судьи, мне.* »

VII * * — знак переноса фразы — «*...приходится защищать перед вами этого...*».

VIII Здесь стоит крестик (красный карандаш).

IX * * — обведено (красный карандаш).

X * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

XI * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

XII Здесь слово вписано над строкой, зачеркнуто, неразборчиво.

XIII Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто (простой карандаш), подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (красный карандаш).

XIV Подчеркнуто горизонтальной линией (зеленый карандаш).

XV * * — рядом на полях четыре знака вопроса (простой карандаш).

время задавали соответствующие вопросы.] Здесь [тот же вопрос в упор поставил] т. Прокурор *спрашивал* Левина:[у. Он спросил его — п] *«П*очему вы не попытались противодействовать Ягоде*?*[I] И формулируя ответ Левина, т. Прокурор сказал: «[в] *В* душе [упора] *опоры* не было, а вовне ее не искали».

И при таком ответе остается неразрешенным вопрос: а почему [упора] *опоры в душе* не было[.]*?* А почему [его] *ее* Левин не искал *вовне?* [, и почему оказалась такой успешной его обработка Ягодой в убийцы.]

*[Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, мне кажется, необходим[о]*ым* сделать небольшой экскурс в прошлое нашей интеллигенции.]*[II]

Я думаю, что не совершу большой ошибки, если скажу, что, окидывая ретроспективным взглядом прошлое [нашей интеллигенции] и [рассматривая] *анализируя* настоящее этой интеллигенции, я разделю ее на три группы.

Первая группа — *это* ничтожная, небольшая часть *той буржуазной* интеллигенции, которая, занимая в прошлом командные посты у [буржуазии] *капитала*, вынуждена *затем была*[III] [обстановкой к] работ[е]*ать* с советской властью. Эта небольшая группа проявила себя на протяжении ряда лет контрреволюционным вредительством во всех областях нашего хозяйства *как одной из форм классовой борьбы.* Это вредительство принимало самые разнообразные формы. [на всем протяжении нашей революции.] Вспомните шахтинцев, вспомните [блок] *дело* Промпартии. [, вспомните...]

Органами Наркомнудела, нашими судебными органами вредительские организации были разгромлены, но отдельные осколки их кое-где сохранились, уцелели и продолжали время от *времени*[IV] *себя проявлять*[V]. [И, во всяком случае, уцелели а] *А*нтисоветские настроения у отдельных представителей этой части интеллигенции [,] представля[я]*ют* [нетрудную добычу] *почву* для *работы* контрреволюционных организаций и для иностранных разведок.

Есть вторая [группа,] также не столь большая группа [интеллигенции], это та часть мелкобуржуазной интеллигенции, [мелкобуржуазных специалистов,] котор*ая*[ые обычно] не принимала[и] участия в [контрреволюции] *саботаже* и ряд последующих лет честно работала вместе с советской властью. Но эти люди, оставаясь только специалистами, не сливались органически ни с партией, ни с рабочим классом. Они полагали, что для того, чтобы иметь право называться советскими специалистами, достаточно работать только по своей специальности. [Многие из этих специалистов бравировали своей аполитичностью, нередко замыкаясь в свои узкоцеховые интересы и доставляя в некоторых случаях пищу для тех же иностранных разведок.] Они носят на себе все черты обывателей мещан, [все черты легковерия...] и этими чертами *их* также нередко пользуются опытные вражеские агентуры, завербовывая их в свои ряды.

И [есть], *наконец,* третья группа настоящей советской интеллигенции, которая составляет большую часть нашей интеллигенции, *ее* подавляющее большинство. Это та новая советская интеллигенция, которая выросла [, возникла] из недр рабочего класса, обогатила себя сокровищами старой и новой культуры, прошла суровую школу классовой борьбы. [и закалку.] *К этой же группе относится, в частности,*

[I] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш), который зачеркнут (простой карандаш).

[II] * * — текст восстановлен — зачеркнут, затем зачеркнутое снято, рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): *«это оставить»*.

[III] * * — инверсия — «*была затем*».

[IV] * * — обведено (красный карандаш).

[V] * * — инверсия — «*проявлять себя*».

[И, наконец, это] та значительная часть старых [советских] специалистов, которая органически слилась с рабочим классом и восприняла его прекрасные черты, его бдительность [, его настороженность] и умение распознавать классовых врагов... это те, которые имеют право на [меткое] *почетное* [на]звание [т. Сталина] «непартийный большевик».

[Я мысленно позволю себе ставить вопрос: что, е] *Е*сли бы Ягода обратился со своими гнусными предложениями [не к этим, сидящим на скамье подсудимых, врачам, а] к одному из представителей этой [настоящей,] подлинно советской интеллигенции, составляющей большинство в нашей стране, [? Что, если бы он посмел к кому-нибудь обратиться с таким предложением? Они] *он был* бы немедленно разоблач*ен*[или его], и контрреволюционная, преступная, бандитская организация была бы разоблачена на несколько лет раньше.

[И вот сейчас, бросая взгляд на этим трех] *Три* врача,[ей, я должен сказать, что среди них нет и не может быть представителей этой] *сидящих на скамье подсудимых, не могут быть отнесены к представителям* настоящей советской интеллигенции. [И если, выражаясь медицинским языком, взять за основу их общий частный анамнез, который выявился здесь на судебном следствии, то диагноз, определение их социальных заболеваний и дифференциация их по группам интеллигенции, только что названным мною, не вызывает особых трудностей.]

Я защищаю доктора Левина. До 1934 г. он очень добросовестно, с большим знанием дела, работал в различных больницах, медицинских организациях, научных обществах. Он лечил Ленина и был близок к Горькому. Пользовался доверием Куйбышева. Он искренне считал, что эта близость дает ему право называться честным советским специалистом. Но он не понял, что это[а] близость [была] — механическая, политически же он был [им] далек [.] *от них*. Левин [сказал здесь на суде — он] был [настолько] аполитичен, [что] он *даже* не разбира[л]*ется в том,* что такое меньшевики. На вопрос о партийности он ответил, что принадлежит к партии врачей. *Его ответ* подчеркива*ет*[я этим свою] *всю его* цеховую оторванность от рабочего класса. На вопрос Прокурора он ответил, что он — трус, и данные дела, к сожалению, не позволяют в этом сомневаться. [Если д] *Д*обав*ьте*[ить] к этому крайнюю его тряпичность, склонность к панике, — *и вы получите* портрет Левина как специалиста, принадлежащего ко второй, названной мною, группе интеллигенции. [, будет полностью набросан.]

[И Ягода, учитывая различные характеры этих трех врачей и в] *В*ербуя [их] *врачей* по рецептам фашистских разведок, [проявив неплохую психологическую ориентировку, — для] *Ягода применил к* каждо*му*[го] из них [у него] индивидуальный подход. [: к Левину — у него один подход, другой подход — к Плетневу, третий подход — к Казакову. Проследим это по показаниям самого Ягоды.] Посмотрим, [как] *что* рассказывает об этом сам Ягода на предварительном следствии. К Плетневу у него отношение не прикрыто грубое: он *подбирает* [поручает аппарату ОГПУ собрать на него] *[о нем]* компрометирующий материал *о нем*. *[, получает этот материал и только тогда разговаривает с Плетневым. Вот что говорит в своих показаниях от 28 декабря Ягода: *[показал —]* — «Оказалось, что этих материалов довольно много, и] Плетнев был участником какой-то антисоветской группировки [врачей] и вообще оказался человеком антисоветским.[».] Ягода *использовал это*. [вызывает Плетнева к себе. Плетнев начала было рассуждать. «Я положил на стол папку с материалами, пригрозил ему, и он согласился слушать меня». Вот вам один подход — к Плетневу.]*[1]

[1] * * — рядом на полях вертикальная волнистая линия, помета (синие чернила): «Надо».

На Казакова он действует [и] страхом и [, с другой стороны, Ягоде удалось] *одновременно* зарождает[дить] в нем надежду, что он окажет ему какую-то помощь в его [идее фикс — в] борьбе с группой врачей. [; ему казалось, что группа врачей против него борется, ему казалось, что Ягода ему поможет в этой борьбе. Здесь был двойной подход: и действие страхом, и действие возбуждением некоторых надежд.]

Ягода [бьет без промаха на авантюристические и] *использует* корыстные черты Крючкова, возбуждая в нем надежду, что после смерти Максима он [сделается] *станет* литературным наследником Горького, а с другой стороны, действует также страхом, указывая, что ему, Ягоде, известно о растрате[нжировании] Крючковым денежных средств Горького.

И Крючков [был] готов.

О Левине [, — здесь я с грустью должен констатировать, что выделяя Левина из группы остальных врачей, — здесь] т. Прокурор сказал, что [Левин] *он* был правой рукой Ягоды, — он вместе с Ягодой был организатором [.] *убийств*. Формально это верно. [Но почему это так? Е] *Но если* Левин был правой рукой Ягоды, то нельзя ни на минуту забывать, что мозгом, который руководил этой правой рукой, являлся Ягода. И то, что Левин оказался правой рукой Ягоды, объясняется [не той чертой, что у него была готовность к необычным преступлениям, что у него потенция в характере была заложена для преступлений, что у него была своя цель и стремления, это объясняется чрезвычайно] простой случайностью. Левина Ягода знал, [с Левиным Ягода сталкивался,] Левин был вхож к больным, к тем прекрасным людям, в устранении которых был заинтересован «право-троцкистский блок». [, и к Левину ему пришлось применять целый ряд методов, чтобы его обработать.] *Левина*[I] [он] *Ягода* обрабатывал долго, [обрабатывал] чрезвычайно изобретательно и тонко.

У Левина в прошлом не было никаких темных мест, не было антисоветских настроений, у него был 40-летний беспорочный трудовой стаж за спиной. *Он был предан*[II], до разговора Ягоды, советской власти, [и] может быть, был привязан к Горькому. [, к нему хорошо относился Куйбышев, он был врачом Менжинского. Нужно было] Ягода *должен был* преодолеть [те моменты] внутреннее[го] сопротивление[я, которые должны создаваться] у Левина. [по этим, хорошо известным моментам Ягоде.] И Ягода [за]долго, очень [за]долго [приступил к] *и* тонко[й его обработке] обраб*атывал его* методами, которые превосходят иезуитские [преступления] *методы* Игнатия Лойолы. С изобретательностью иностранного разведчика, он играет [на чем у Левина? На его] *на* малодушии, мягкотелости, тщеславии, легковерии и паничности *Левина*. [его натуры.]

Ягода сам показывал, что Левин был лечащим врачом Пешкова и быв*ал*[III] у Горького, он естественно сталкивался не раз с Левиным. Вот почему [я хочу сказать, т. Прокурор,] именно на Левина Ягода обратил внимание, сделал его правой рукой. [Потому что о] *О*н знал его, часто сталкивался именно с ним, а не Плетневым и Казаковым.

[Но вскоре] Левин понадобился для осуществления преступных замыслов, поэтому [он] *Ягода* стал ближе присматриваться и проявлять [некоторое] внимание [.] *к нему*. В чем выразилось это внимание? Об этом говорил

I * * — знак переноса слова — «*Ягода обрабатывал Левина долго...*».

II * * — знак переноса фразы — «*До разговора Ягоды он был предан...*».

III * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш), который зачеркнут (простой карандаш).

и сам Левин и Буланов: французское вино, цветы, облегчение таможенных формальностей, доллары на поездку за границу. Все это имело место в порядке постепенной, многомесячной, а, может быть, и многолетней обработки, ибо задание право-троцкистского центра было дано Ягоде[ой] давно. Поэтому обработка обнимает продолжительный промежуток времени до прямого совершения преступления.

[Вот этот самый] Левин, конечно, не понимал и не мог понимать, в чем тут дело. Наивно он думал, что *это делает Ягода*[I] из уважения к его личным достоинствам и качествам врача. [и э] Это приятно щекотало чувство тщеславия, — а то, что Левин был тщеславен[ый], [об этом] он не скрывал *[это]* [и когда был допрос, он так объяснял выражение внимания и доверия со стороны такого органа, как ОГПУ.] *этого и здесь на суде.*

[II]Но это-*то* прекрасно учитывал Ягода. Наряду с признательностью [, с] *за* щедрость[ью] и внимательн*ое*[ым] отношение[м] Ягоды, [... невольно] появ*лялось*[илось] чувство некоторой своеобразной зависимости, чего и добивался Ягода. [III]Приближался час осуществления злодейских замыслов Ягоды в отношении Макса Пешкова. Я должен сказать вам, товарищи судьи, что, слушая [здесь и на открытом заседании, и на закрытом судебном заседании] объяснения Ягоды о причинах убийства [, уничтожения] Макса Пешкова, я пришел [лично, по крайней мере,] к такому убеждению, что здесь причины были двоякого рода: [; что здесь была, с одной стороны,] причина глубоко низменного порядка *у Ягоды* [, но были и другие причины, здесь было] и задание право-троцкистского блока убийством любимого сына [Горького] *нанести Горькому*[IV] такую психологическую травму, которая бы ослабила еще больше [психологическую] *физическую* сопротивляемость великого писателя в борьбе против болезни. [И здесь л] Личные низменные мотивы Ягоды, бесспорно, совпали с установкой «право-троцкистского блока».

[Что говорит Ягода по этому поводу? В одном из его показаний сказано буквально так: «Я вынашивал в себе мысль физически убить Макса Пешкова, он мне мешал». Первоначально была мысль убить Макса Пешкова с помощью бандитов, но казалось опасным втягивать много людей в такое преступление, и у главарей право-троцкистского блока возникла идея, что лучший способ умертвить Макса Пешкова, это «смерть от болезни».][V]

[VI] Я обращаю внимание суда на то, что [эта] идея «смерти от болезни» пришла и возникла не у врачей. [, а э] Эта идея возникла [именно] у Ягоды, у «право-троцкистского блока». *[И врачам была навязана эта идея смерти от болезни, и самую мотивировку этой «идеи» дает Ягода. Еще на допросе у следователя, на вопрос следователя — «как это надо понимать?» — Ягода говорит: «Очень просто. Человек естественно заболевает, некоторое время болеет, окружающие привыкают к тому, что больной, что тоже естественно, или умирает или выздоравливает. Врач, лечащий больного, может способствовать или выздоровлению больного, или смерти больного...» (Читает.) «...ну, а *все* остальное дело техники».]*[VII]

[I] * * — изменен порядок слов — «*что Ягода делает это...*».

[II] Знак абзаца (синие чернила).

[III] Знак абзаца (синие чернила).

[IV] * * — знак переноса фразы — «*и задание право-троцкистского блока нанести Горькому убийством любимого сына такую психологическую травму*»

[V] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях помета (синие чернила): «*надо*».

[VI] Знак абзаца (синие чернила).

[VII] Текст восстановлен — зачеркнут, частично подчеркнут горизонтальной волнистой линией, рядом на полях помета, подчеркнутая горизонтальной линией (синие чернила): «*надо*».

[Как вы видите, целой философское обоснование, которое Ягода] *И [ее он] эту идею он навязывает врачам.* [Но д] *Для* воплощения этой идеи в жизнь врач необходим. [Сама идея требует обязательного участия в ней врача. И так] *удобно вершить*[I] [ч] *Чужими* руками, руками врача это черное дело, а самому остаться в стороне. [Ведь всегда потом можно отпереться.]

[И вот] [II] Ягода [считает Левина до некоторой степени приручением, но, видимо, не вполне уверен в нем и] применяет *и* [уже] теоретическую обработку Левина. Ягода развивает перед Левиным своеобразную «теорию», носящую [своеобразные] следы влияния на него немецких фашистских стерилизаторов. Ягода [так] *сам* показывает, как он обрабатывал Левина извне приобретенными теоретическими суждениями. [Начал я в беседе с Левиным с абстрактного вопроса — может ли врач способствовать смерти его пациента. Получив утвердительный ответ, я спросил: понимает ли он, что больной бывает помехой для окружающих и что смерть такого больного была бы встречена с радостью. Левин сказал, что это вопрос дискуссионный, что врач не имеет права сократить жизнь человека, больного. А я спорил с ним и [говорил] *доказывал,* что он отсталый человек][III] *и что «мы» (надо было понимать под этим — современные люди) придерживаемся другой точки зрения. На эту тему было у меня с Левиным несколько разговоров».*

[а что мы (здесь он подразумевал людей сильных, передовых) придерживаемся другой точки зрения. На эту тему у меня с Левиным было несколько разговоров».]

[Как видите, товарищи судьи, превращение Левина в правую руку Ягоды было делом не простым и требовало не только, так сказать, практической, но и философской теоретической обработки.] [IV]Но эт*их*[ого] *«разговоров»* оказалось [мало.] *недостаточно.* Видимо, Левин не шел на эти «теоретические прививки». [и после этого разговора] *Тогда* Ягода старается представить план уничтожения Максима Пешкова как акт, необходимый в государственных интересах, и, прежде всего, в интересах самого Горького. [Он говорит о никчемности, бездельности, алкоголизме Максима Пешкова, о] *О*н доказывает пагубное влияние его на отца. [и п] [*П*ри дальнейших разговорах он напирает на [одно] *то,* что уничтожение Максима Пешкова *не его, Ягоды,*[V] директива, а группы ответственнейших руководящих работников. В доказательство этого, чтобы у него не оставалось никаких сомнений, он сводит его с Енукидзе, занимавшим тогда пост секретаря ЦИК СССР,][VI] [. Этот бесстыдный, фашистский волк... для убийства членов Политбюро.] *который [одобряет] лично одобряет Левину план убийств посредством «смертей от болезни».*

[VII]Почему Левин не разоблачил эту фашистскую банду? Я уже говорил [подробно о Левине, к какой категории интеллигенции он относится, я говорил] о его аполитичности, мягкотелости, бесхарактерности. [, н] *Н*о здесь,

---

[I] * * — знак переноса фразы — «*Чужими руками, руками врача удобно вершить...*».

[II] Знак абзаца (синие чернила).

[III] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной волнистой линией, рядом на полях помета, подчеркнутая двумя горизонтальными линиями (синие чернила): «*надо*».

[IV] Знак абзаца (синие чернила).

[V] * * — знак переноса фразы — «*...он напирает на то, что уничтожение Максима Пешкова директива не его, Ягоды, а группы...* ».

[VI] Текст восстановлен — зачеркнут, частично подчеркнут горизонтальной волнистой линии, рядом на полях вертикальная волнистая линия и помета (синие чернила): «*надо*».

[VII] Знак абзаца (синие чернила).

конечно, [руководящую] *основную* роль сыграла [эта] *та* комбинация методов, которая была против него *применена*[I] *Ягодой*. [, и вопрос о том, конечно, как она была применена.]

[Я думаю, товарищи судьи, что помимо разницы в положении между Ягодой и Левиным, — она имела значение для успеха вербовки Левина, — но имела здесь значение и разница характеров. Когда мы спросили другого, наиболее крепкого, Казакова, в чем был мотив, вследствие которого он не сопротивлялся Ягоде, Казаков ответил: «Мотив низменного страха». К этому чувству еще примешивалось у] Левин[а] *был* уверен[ностью], что Ягода не оста*новится*[авливается] ни перед чем. [, Ягода ничего не забывает. Нужно понять также и принять во внимание некоторое психологическое заблуждение Левина по поводу Ягоды, что перед ним тогда Ягода стоял не таким, каким мы видим его здесь, пришибленным, придавленным грузом его собственных преступлений. Тогда Ягода был таким, о котором Казаков здесь в судебном заседании в панической аггравации воскликнул: «Ягода был всезнающим, вездесущим, Ягода был всемогущим». Конечно, Казаков ошибается. Ягода не был никогда ни всезнающим, ни вездесущим, ни всемогущим. Но я вполне понимаю, что у Левина, — учитывая свойство таких натур, как Левин, — могло сложиться такое представление о Ягоде, что Ягода, Нарком внутренних дел, злоупотреблявший своим служебным положением, использовавший руководимый им аппарат для других исторических целей, которые нужны... Тогда было иное положение.] [II] В одном из своих показаний Левин с содроганием пишет: «Я вспоминаю каждый раз страшное лицо и угрозы Ягоды. На меня производила страшное впечатление речь Ягоды». [, имевшего, по его словам, очень большую группу крупных политических работников.]

[Но здесь, конечно, сразу чувствуется паничность Левина, ибо ничего демонического в лице Ягоды я не усмотрел. Но нельзя забывать того, что, с другой стороны, был все-таки Ягода, как его] Левин [себе представлял, а с другой стороны] — тряпичный интеллигент, старый беспартийный, легковерный, безвольный врач, трепета*л*[вший] не столько за себя, сколько за свою семью, разгромить которую ему угрожал Ягода.

[III]Не вправе ли я, товарищи судьи, сказать, что Левин был Ягодой психически терроризован, и что этим объясняется и та роль, которую он сыграл в этих кошмарных убийствах. [Левин показывает: «Я чувствовал себя закабаленным Ягодой, мне было ясно, что при первой попытке отказа от повиновения заданиям Ягоды или даже случайной неуда*чи*[IV], грозящей прова*л*ом*[V], погибну не только я, но и моя семья». Об этом он говорил.][VI] Он принимал участие в умерщвлении Максима Пешкова, и затем началась сеть последующих страшных преступлений, за Максимом Пешковым — Куйбышев, за Куйбышевым — [сам] Максим Горький и [, наконец,] Менжинский. [Каковы же те мотивы, по которым Левин выполняет эти дальнейшие страшные задания право-троцкистского блока? *Старая* русская пословица говорит: «коготок увяз — всей птичке пропасть».][VII] Совершив одно пре-

---

[I] * * — знак переноса слова — «*была применена против него*».

[II] Знак абзаца (синие чернила).

[III] Знак абзаца (синие чернила).

[IV] * * — обведено (красный карандаш).

[V] * * — обведено (красный карандаш).

[VI] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной волнистой линией, рядом на полях вертикальная волнистая линия и помета (синие чернила): «*надо*».

[VII] Текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальная волнистая линия и помета (синие чернила): «*надо*».

ступление, сознавая себя скованным узами с Ягодой, Левину еще труднее уйти из-под его влияния.

[Ягода это понимает, и тон его с ним резко изменился.][I] [Он рассказывает с циничной откровенностью о своих задуманных преступлениях, и аполитичный беспартийный Левин становится политиком поневоле.] *Он стал с ним разговаривать грубо, языком угроз. Он раскрывает перед ним с циничной откровенностью карты, он разъясняет ему, в чьих интересах Левин действовал, и аполитичный беспартийный Левин становится политиком поневоле.* Не разделяя убеждений этих господ, Левин фактически вместе с ними. Он понимает, что, сделавшись их соучастником, он не может не выполнять их поручений. [Он понимает, что если донести на Ягоду, погибнет его семья, погибнет он сам. И силой обстоятельств он поставлен в положение, когда, вступив на путь контрреволюции, с] Связав себя с контрреволюцией и преступными *ее* делами, он разделил судьбу Ягоды. Такова логика контрреволюции.

[Т. Прокурор изобразил здесь это гораздо талантливее, гораздо красивее.]

[Я должен сказать, что Левин, связав себя контрреволюционными делами, стал соучастником их контрреволюционных мировоззрений. У него не было опоры во внутри, и вовне он ее не искал, думал, что не сможет это сделать, потому что боялся искать опоры, опасаясь, что Ягода расправится с ним раньше, нежели он что-нибудь с ним сможет сделать.]

[Но действительно ли, товарищи судьи, Левин внутренне этого не...? Я внутренне содрогнулся, когда слушал в судебном заседании... спокойный рассказ Левина. Товарищ Вышинский в этой прекрасной речи сказал здесь... Левина, которое было напечатано в отчете. Я, как уже сказал, внутренне содрогался за моего подзащитного, ..., который можно было принять за внутрене спокойный, что это... фарисейство...][II] **без всякого внутреннего сопротивления, без душевной борьбы подчинился Ягоде в его страшных заданиях. Я допускаю, что этически спокойный рассказ Левина здесь о его преступлениях мог произвести на кого-нибудь впечатлен*ия*[III] тупого вивисекто*ра в*[IV] сочетании с письмом в газеты, опубликованным Левиным после смерти Горького. Но это письмо не требует творчества Левина — оно было написано в дни, когда Левин был целиком под вниманием Ягоды, и для меня нет сомнений, что оно было написано под диктовку Ягоды. Иезуитство и фарисейство этого письма нужно отнести целиком за счет Ягоды.*[V]

[Я просил бы вас вспомнить одно, что это письмо было написано вслед за смертью великого Горького, вслед за тем, когда Левиным подготовлялись другие преступления, когда был самый кульминационный пункт влияния Ягоды, когда это влияние Ягоды довлело над ним, и мне представляется, что это письмо творчество Ягоды руками Левина. И иезуитство, и фарисейство нужно в данном случае отнести за счет того, кто подстрекал к падению и кто виноват в глубоком падении Левина.]

Если ознакомиться с показаниями и письмами Левина, можно убедиться, что он глубоко переживал. Он жил в мучительном бреду. На имя *т.* Ежова *из места заключения* он посылал письмо, в котором пис*ал*[шет], что тяжесть воспоминаний о жутких злодействах дави*т*[ла] на него тяжелым

[I] Предложение восстановлено — зачеркнуто, рядом на полях вертикальная волнистая линия и помета (синие чернила): «*надо*».

[II] Текст зачеркнут, неразборчиво.

[III] * * — обведено (простой карандаш).

[IV] * * — обведено (простой карандаш).

[V] * * — рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): «*надо*».

грузом. [Тот эпический тон, может быть, объясним тем, что он внутренне содрогался от этого и раскаивался. Он пишет: я почувствовал в эти годы, что меня закрывают от прошлой жизни тяжелые ворота, которые Ягода держал железной[ыми] рукой[ами] и которые открыть я *был* не в силах.[I]] Осенью 1936 г. *пишет он в письме,* я узнал, что Ягода *уже* не [в] НКВД, и я пережил *чувство* величайше*го*[ее] счасть*я*[е], я решил остатки жизни посвятить прежней честной работе, отдать остаток своих сил счастью *нашего* народа, *отдать все свои силы, знания, опыт и любовь больным.* [*дальнейшему процветанию нашей прекрасной родины, для счастья и блага которого я смогу вложить крупицу труда. Но тяжелым камнем оставалось на душе мучительное воспоминание о тяжелых преступлениях.*[II] И вот т] *Т*еперь, в тюрьме, рассказав все, что творилось в моей душе, я почувствовал глубокое облегчение.

[III] Я глубоко убежден, что когда [он] *Левин* написал это признание, обнажа*я*[ил] свою душу перед т. Ежовым, он не мог не почувствовать этого облегчения, освобождения от бесконечно тяжелого и до сих пор скрывавшегося им груза. И когда здесь перед судом народа, перед судом рабочего класса он рассказал о своих преступлениях, *он*[IV] это облегчение продолжал чувствовать. [,и этим объясняется некоторая внешняя эпичность его тона.]

[V] Я подхожу, товарищи судьи, к концу.

[VI] Что же сделать с Левиным? Я не скрою от вас, что в эту минуту, когда я ставлю вопрос о том, что делать с Левиным, [когда я имею перед собой требование т. Прокурора о расстреле,] перед моим умственным взором всплывают бесконечно дорогие черты великого писателя, нашей национальной гордости, гордости всего трудящегося человечества *Максима Горького*, всплывают черты пламенного большевика т. Куйбышева и непримиримого борца против врагов народа, энциклопедически образованного т. Менжинского. [И наряду с бесконечно тяжелым чувством утери, действует осознание, что е] *Е*сли бы не [их] преступления, *которые осуществлены руками Левина и двух других врачей «право-троцкистского блока»,* эти большие люди жили бы сейчас, и своей полнокровной, творческой, прекрасной жизнью принесли *бы* не мало пользы для [всего] дела строительства социализма,[VII] которому они всю жизнь служили и которому служит вся сознательная часть нашей страны.

[VIII] Но все же я говорю [здесь], товарищи судьи, несмотря на тяжесть этих мыслей, Левин [все-таки] * *но* должен остаться жить. [Он] *[хотя]* должен понести тягчайшее наказание*[IX]. Сейчас ждут вашего приговора вот эти господа, сидящие на скамье подсудимых, которые совершили ряд тягчайших преступлений, которые со дня революции боролись против своего народа, против рабочего класса, против партии, против [цивилизации и] независимости своей родины. Они — фактические убийцы Горького, Куйбышева и Менжинского, но они виновны также и в том, что [3] *три* врача сделались убийцами.

[I] Предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией, рядом на полях вертикальная волнистая линия и помета (синие чернила): «*надо*».

[II] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальная волнистая линия и помета (синие чернила): «*надо*».

[III] Знак абзаца (синие чернила).

[IV] * * — знак переноса слова (синие чернила) — «*это облегчение он...*».

[V] Знак абзаца (синие чернила).

[VI] Знак абзаца (синие чернила).

[VII] Фраза подчеркнута горизонтальной линией, после фразы — крестик и помета (красный карандаш): «*Л. 11*».

[VIII] Знак абзаца (синие чернила).

[IX] * * — изменен порядок слов в предложении — «*Левин [хотя] должен понести тягчайшее наказание, но должен остаться жить*».

Это тоже лежит на их совести. Они — убийцы этих врачей. *[В своих гнусных целях они сделали убийцами людей, которые чужды их преступным взглядам, их преступной деятельности. Искусство старого врача в деле помощи страждущему человечеству они превратили в орудие смерти в его руках.]*[I] [Не встречая их, Левин] *Если бы Левин не встретил их, он* спокойно дожил бы свои последние годы, оказывая помощь страждущим.

[II] Так разве можно ставить знак равенства между Левиным и этими господами, как *не*[III] бесконечно тяжелы его личные преступления. И если они, эти господа, [быть может, прав в этом отношении Прокурор,] бесполезны [IV] в грядущей борьбе за счастье человечества, то старый доктор Левин может еще несколько лет, которые остались ему — старику прожить, попытаться искупить хотя бы частицу своих преступлений помощью страждущему человечеству. *[У него] У него 40 лет врачебного стажа, большие знания и опыт.* Я прошу вас о жизни доктору Левину.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет член коллегии защитников тов. Коммодов.][V]

Речь защитника [тов. Брауде] тов. Коммодова.

[КОММОДОВ.][VI] Мне кажется, товарищ судьи, нет нужды говорить вам о том, сколь тяжела задача защиты по настоящему делу. Эта тяжесть усугубляется тем суровым требованием государственного обвинителя, которое встречено всеобщим одобрением советской общественности.

[VII] Но [именно поэтому, может быть] в пределах *своих* возможностей и сил*,*[VIII] [надлежит] *мы должны,* хотя *бы* по крупицам, собрать те доводы, которые дадут возможность нам просить, а вам может быть удовлетворить нашу просьбу и отступить[ся] от [э]того сурового требования, которое прозвучало с высокой кафедры государственного обвинителя.[IX]

Преступления Левина, преступления Казакова, преступления Плетнева есть, несомненно, одно звено очень длительной цепи [, цепи] преступлений, которые в своей совокупности характеризуют методы, способы, приемы борьбы с советской властью ее врагов на протяжении всех этих 20 лет.

*Эта борьба временами [затихала] *ослабевала*, но потом [снова возрастала, никогда не прекращалась и] *вспыхивала с еще большей силой, чем раньше. В* особенно*сти она* оживилась за последние годы, что, несомненно, нужно поставить в связь с приходом к власти фаши*стов*[зма], которы*е*[й] в лице всех контрреволюционных партий Союза наш*ли*[ел и] себе верных союзников.*[X]

Фашизм как форма управления, основан[а]*ная*[XI] на унижении человечества, [и] не может мириться с существованием страны, где уклад обществен-

---

[I] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальная волнистая линия и помета (синие чернила): «*надо*».

[II] Знак абзаца (синие чернила).

[III] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

[IV] Слово зачеркнуто, неразборчиво

[V] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто (синие чернила) и подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (красный карандаш).

[VI] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто (синие чернила), подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[VII] Знак абзаца (синие чернила).

[VIII] * * — обведено и рядом на полях знак вопроса (голубой карандаш).

[IX] Внизу помета (красный карандаш): «*Исправлено Коммодовым*». Вероятно, текст речи исправлен самим Н.В. Коммодовым. По тексту встречаются многочисленные пометы простым, красным и зеленым карандашом — вероятно, правка И.В. Сталина.

[X] * * — рядом на полях вертикальная линия и знак вопроса (красный карандаш).

[XI] Подчеркнуто горизонтальной линией, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

ной жизни покоится на *принципе* социальной справедливости и уважении к человеческому достоинству. Вот почему борьба с Советским Союзом является актуальнейшей задачей фашизма, которая поставлена в порядке дня. **[*И, по существу, они ведь этого не скрывают. Если вы вспомните, товарищи судьи, Нюренбергский съезд, в сентябре месяце 1936 г., лидеров фашистской партии, которые открыто и цинично проповедовали поход против советской власти.*[I]

Несколько месяцев раньше в польской газете «Бунт м[о]лодых» была напечатана следующая заметка. Главным пунктом современной Польши мы считаем необходимость сломать германо-русские клещи, в которых Польша теперь находится. Ввиду того, что борьба [с] перенаселенной Польши с перенаселенной Германией [не возможна] *просто абсурдна,* мы должны уничтожить Россию[II], *отобрать у нее гегемонию на востоке,* а за счет России приобрести земли, необходимые нам для колонизации.]**[III]

*[Газета «Правда», поместившая эту корреспонденцию, правильно назвала этих молодых людей безмозглыми. Но [даже типичная] *характерно, что* борьба против Советского Союза ведется открыто[й] через прессу. [Если к] *К* этому *следует* добавить корреспонденцию японской газеты *«Реки-си-Коран»*, которая тоже была помещена в газете «Правда», [где] *в которой* чиновник японского управления Сиго*томи*[тели] дискутирует идею об общем питании для лошадей и людей в будущей войне. И он исходит из следующего: необходимый японцам рис не будет произрастать на [всех] фронтах войны, а имеющиеся запасы продовольствия будут там замерзать.

Совершенно ясно[IV], что здесь речь идет не о войне в Сингапуре, а о войне в холодной России, то станет ясно[V], что они открыто, цинично проповедуют крестовый подход против Советского Союза.

Таким образом, борьба против *Советского Союза фашизма*[VI] как актуальн*ая*[ое звено] *задача* поставлена в порядок дня. Какими *же* средствами [?] *они борятся с нами?* Я бы сказал — всеми, [какие] *кои, по их мнению, могут* ослаб*лять*[евают], [уничтожают] *истощать Советский Союз и*[VII] вес*ти*[дут] к разгрому. [Советский Союз, и помогают и должны помочь в будущей войне.] Не ищите, товарищи судьи, [разновидности] *разборчивости в* средств[.]*ах борьбы.* Одной из характерных черт*[VIII] [прихода к власти фашизма, — это то, что общественные формы расчленены, отсюда д] *власти фашистов является полное расчленение общественных форм.* Диверсия, шпионаж, вредительство, убийство, [обнищание людей, террор, без конца провокации, — вот, собственно, элементы общественной жизни современных капиталистических стран и фашистских][IX] *фальшивки, поддержка вооруженных банд, провокации — вот элементы общественной жизни современных капиталистических стран и фашистских по преимуществу.*

I * * — рядом на полях знак вопроса (простой карандаш)

II Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш)

III ** ** — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальные линии и помета (синие чернила): «*надо*».

IV Подчеркнуто горизонтальной линией, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

V Подчеркнуто горизонтальной линией, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

VI * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

VII Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

VIII * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальные линии и пометы (синие чернила): «*надо*».

IX Здесь помета (красный карандаш): «П. 3».

И[I] весь этот ассортимент средств [они] *фашистские страны* бросили [и] в Советский Союз. [Особенно они оживили шпионаж, вредительство и террористическую деятельность.] Вам здесь т. *Про*курор[II] приводил бесконечные случаи *и* шпионажа, *вредительства.* [, и средства вербовки в нашей стране. На всех процессах, начиная с шахтинского, мы знаем, какой широкой волной разлилось вредительство по нашей стране.] За последнее время формы вредительства несколько изменились, я бы сказал, они стали более утонченными и более зловредными. [Если раньше эти формы были более менее примитивными — затопление шахты, поломка орудия, засыпка стекла в пищу, — то теперь они стали гораздо тоньше и гораздо вредней.] [III] Вспомните здесь [о том] вредительств*о*[е], о котором говорил [и] бывший Нарком [З]земледелия Чернов и[ли] Ходжаев [, о] — вредительств*о*[е] в сельском хозяйстве [, о] *и* вредительств*о*[е] в шелководстве. Подсудимый Чернов рассказывал о том, как, по его указанию, чумная бацилла [прививалась свиньям и поражала большое количество свиней.] *культивировалась без уничтожения [ее] *вирулентности**[IV]. Были созданы целые фабрики, откуда эти средства выписывались как профилактические средства, в то время как они являлись средством заразы. [Вспомните вредительство по уничтожению питания для шелковичного червя, по уничтожению тутовых деревьев.]

[[Но д] *Для* меня несомненно, что при таком вредительстве, которое проводилось по директивам бывших наркомов *Чернова и Ходжаева,* несомненно, были и невинно пострадавшие люди.[V]] [VI]Ходжаев сказал здесь буквально следующее, что тех, кто противился проведению этих вредительских мероприятий, мы били [по рукам] и били крепко. Мы проводили, как говорит Ходжаев, эти вредительские мероприятия под видом механизации, а тех, кто им противился, обвиняли в антисоветских настроениях и карали их. *[И вот, мне кажется, много [мелких] *местных* работников при этом пострадало, много мелких] *местных* работников, не подозревая всех чудовищных замыслов врагов, являлись жертвами этих лиц.]*[VII]

*[Так же точно, я бы сказал, эволюционизировались и методы борьбы [,] **в**[VIII] террористическ*ой*[ая] деятельност*и*.[ь.] Нужно сказать, что террор в фашистских странах пользуется особенно большой популярностью. Они его ценят не только как средство устранить неугодных лиц, но, главным образом, еще и как средство провокации войны. Я скажу больше — нашлись теоретики, которые находят идеологическую базу для оправдания террора как средства борьбы против Советского Союза. В этом отношении весьма характерен доклад некоего профессора Радулеск*у*[о] на IV конференции *по унификации уголовного законодательства* в Париже. На этой конференции профессор Радулеск*о*[IX] был официальным докладчиком по вопросу о терроре. И вот интересно, как *раск*рывал[X] этот профессор смысл и содержа-

[I] * * — обведено (красный карандаш).
[II] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (синий карандаш).
[III] Знак абзаца (синие чернила).
[IV] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[V] Предложение восстановлено — зачеркнуто, частично подчеркнуто, рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): «*надо*».
[VI] Знак абзаца (синие чернила).
[VII] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): «*надо*».
[VIII] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[IX] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[X] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

ние этого [вопроса] *международного *делегата*[I] в своем докладе».]*[II][Речь идет...] *Речь идет о посягательствах, предпринятых с целью или насильственного уничтожения всякой политической и правовой организации общества, характеризу*ющее*[III] анархистов, или с целью насильственного ниспровержения экономического и социального большинства современных государств, характеризующих революционный коммунизм. Революционный коммунизм, — продолжает Радулеску, — составляет в наши дни одну из наиболее опасных угроз публичному порядку вообще.* *(Читает.)*[IV]

[Повторяю, он был официальным докладчиком по вопросу о терроре. Совершенно открытая циничная проповедь террора против вождей коммунизма, против революционного движения.][V]

*[Можно был*о бы*[VI] указать еще на одну попытку фашистского криминалиста [Граффало] *Гаро*фало**[VII], который на Брюссельской конференции поставил в один ряд с международными ворами и фальшивомонетчиками *выступления* трудящихся, борющихся за освобождение от ига эксплуатации, от капиталистического ига.] *[VIII]

*[Что же мудреного, что при таком понимании[IX] террора, даже *решительно*[X] идеологически обоснованного против Советского союза, и не только против Советского Союза, а против вождей коммунистического движения вообще, *террористическая деятельность оживилась.* [Вы видите, как в] *В*о всех странах мира[XI] [,] *и* в разных частях света появляются террористические акты. [Появились] *Оживились* они и у нас. В методах и в способах [здесь] *террористических актов* тоже произошло, я бы сказал, утончение, и тот способ, который применен по настоящему делу в отношении тт. Менжинского, Куйбышева и Горького, является, по существу, новым.]*[XII]

[Вы помните, товарищи судьи, то полосу колхозного террора, которая была в 1929—1930—1931 гг., когда погибло много честных советских активистов, избачей, селькоров. Вы помните, что обычным средством совершения этих террористических актов были обрез, колун, кинжал, финка.[XIII] В дальнейшем мы видим, как террористические акты совершаются по определенному, организованному плану. Вспомните убийство народного трибуна Сергея Мироновича Кирова. По процессу Пятакова и по настоящему процессу мы знаем, что организованы были террористические ячейки по всему Союзу[296].][XIV]

[XV]Одним из методов и способов убийства в настоящем деле применен способ, который Ягода охарактеризовал как «смерть от болезни». Я должен

[I] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[II] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): «*надо*».
[III] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш)
[IV] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш)
[V] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): «*надо*».
[VI] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[VII] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш)
[VIII] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): «*надо*».
[IX] Подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила).
[X] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).
[XI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).
[XII] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях помета (синие чернила): «*надо*».
[XIII] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).
[XIV] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях помета (синие чернила): «*надо*».
[XV] Знак абзаца (синие чернила).

сказать, что история человеческих злодеяний не знает этого способа. Т. Прокурор приводил случаи многочисленных отравлений через врачей, характерных для средних веков. Это правильно. Вся история Флорентийской республики *времени* Бордж*ио*[I], Медичей[и] наполнена отравлениями. [, и ч] Часто *и* там прибегали к помощи врачей. *Папа* Александр VI, отравив[ший] *кардинала* [Арсанио] Орсиньи через врачей, *с иронией* обращался к священной коллегии, говоря, что «мы поручили его самым хорошим врачам». [У нас] *[в царской]* [и]Известно отравление при содействии доктора Панченко.] В то время отравление, как способ устранения, обычно практиковалось через *какие-нибудь вещи* перчатки[у], [через] книги, [через] цветы, [через] духи, через обстановку. [II]Но то, что придумал Ягода, это уже носит гораздо более утонченный характер. В русской практике я не знаю таких примеров. В новеллах Стендаля мне приходилось читать нечто подобное из времен Медичи, но других примеров я не знаю. Первоначально Плетнев также этот способ понял как предложение действовать ядом, но Ягода ему сказал: нет, это грубо, слишком грубо и опасно; речь идет о том, чтобы соответствующим методом ускорить конец тех людей, к лечению которых вы будете привлечены.[III]Всякое отравление ядом, несомненно, более опасно, чем тот способ, к которому стали прибегать в последнее время, в частности, в настоящем деле. Существуют яды, которые улетучиваются быстро и в организме не остаются. [*Известен яд цыганский, который описан Гансом Гроссом, — яд, который никогда нельзя обнаружить в человеческом организме,*[IV] но все-таки в результате применения такого яда патологоанатомические изменения *в организме* остаются, и это является опасным — это указывает на применение яда[V].]

[Вам т] *Т.* Брауде говорил, как Ягода объяснял следователю идею [содержание] «смерти от болезни». Я должен сказать, что читать эти слова в той формулировке, в какой это описал сам Ягода, без содрогания нельзя.

[VI] «Очень просто, — *говорит Ягода,* — человек заболевает, и все привыкают к тому, что он болеет. Врач может способствовать выздоровлению, но врач может способствовать и смерти». Вот главное содержание идеи. «А остальное все, — добавляет Ягода, — дело техники».

[Паузу нужно большую иметь, чтобы начать дальше говорить.] Когда он сказал *это* старику Левину, то, по словам Ягоды, Левин был [ошарашен] *огорошен, и понять Левина можно.* [Но от жути мясо от костей должно отходить. Такой новый способ был придуман — смерть от болезни.]

[VII] Способов убийства много и очень много жестоких. [способов.] Но я должен сказать, что ни один из этих способов не режет так *наше* сердце, не бьет так [на] нервы, как *[э]тот*[VIII] способ, который описан в этом деле, [. Хотя] *хотя* человек умирает не в овраге с разбитой головой, а у себя на кровати, окруженный заботой всех. [IX] [Ни один способ убийства так не может *вызвать такого негодования* [противопоставить] общественности[ь], как этот способ.][X]

[I] * * — обведено (красный карандаш), рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

[II] Знак абзаца (синие чернила).

[III] Знак абзаца (синие чернила).

[IV] * * — текст зачеркнут, рядом на полях помета (синие чернила): «*не надо*».

[V] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной линией, рядом на полях помета (синие чернила): «*надо*»

[VI] Знак абзаца (синие чернила), рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).

[VII] Знак абзаца (синие чернила).

[VIII] * * — обведено (простой карандаш)

[IX] Знак абзаца (синие чернила).

[X] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут, частично подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

Причины здесь две.

[I]Во-первых, то, что жертвой стали большие политические деятели и великий писатель земли русской. А вторая причина — [этот способ убийства —] *самый способ убийства, который является* насилием над разумом. Сознание не воспринимает [этот] *такого* способа *убийства*. [, с] Сознание привыкло питаться вековыми убеждениями, что врач — друг больного. [II] Этот «способ» опровергает, уничтожает всякое *этическое* представление о враче, который даже на поле битвы должен оказывать помощь врагу. Это убивает доверие между врачом и пациентом. Вот почему он так [противопоставляет] *потрясает* общественное мнение. Он настолько тяжел, что [он] оставляет *какое-то* депрессивное настроение в душе, когда с ним знакомишься.

[III] И, естественно, возникает вопрос, как могли пойти на такой способ убийства врачи, у которых по 40 лет врачебной практики, которые поседели в своей профессии.

[IV] Товарищи судьи, несомненно, каждая профессия вырабатывает определенный инстинкт, как, например, профессия защитника вырабатывает инстинкт *защи*ты[V], *то же и у врачей*. Пойти на этот способ *убийства*, надо вытравить этот инстинкт, убить себя как врача, а потом сделать убийство человека. *Как же могли пойти на такое преступление?* Вот вопрос, который не может **не* волно*вать[VI], *[вот] вопрос, который стоит перед всеми, вопрос, который, может быть, не дает многим спать спокойно*[VII]. И на нас лежит задача эту тяжелую проблему объяснить.

[VIII][Очень] *Легко* напрашивается объяснение в том смысле, что, может быть, этому помогли личные настроения или антисоветские настроения. Я думаю, не это *явилось стимулом*, и позволю сказать почему. Если бы антисоветские настроения Плетнева были достаточным стимулом для того, чтобы пойти на такое преступление, то Левину не пришлось бы прибегать к помощи Ягоды, который должен был нажать на Плетнева, чтобы он пошел на такое преступление. [IX] Достаточно было *«за» Левину* сказать и Плетнев должен был с [радостью и] готовностью согласиться. [X] А что мы видим? Мы видим обратное. Левин сказал Казакову, Левин сказал Плетневу, но до свидания с Ягодой ни тот, ни другой никакого вредительства не проводили. Больше *это*го[XI], Казаков 6 ноября, [— а разговор с Ягодой был в октябре, —] у Менжинского; [— а] в это время Менжинский [приехал] *переехал* в Москву в особняк на Мещанскую, — Казаков увидел, что воздух был тяжелым, отравленным, который заставлял задыхаться *тяжело*больного *т.* Менжинского. [И о] *О*н велел проветрить все комнаты, вынести на балкон Менжинского. [и] *И* в этот день *он* поехал к Ягоде, которые встретил его словами: «Вы все умничаете, а дело не делаете». [XII] Что означает этот *самый* вызов к Ягоде *и Плетнева и Казакова*? Он означает то, что Левин[XIII] не рассчитывал, что

[I] Знак переноса в предыдущий абзац (синие чернила).
[II] Знак абзаца (синие чернила).
[III] Знак абзаца (синие чернила).
[IV] Знак абзаца (синие чернила).
[V] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[VI] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[VII] * * — рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).
[VIII] Знак абзаца (синие чернила).
[IX] Знак абзаца, затем зачеркнут (синие чернила).
[X] Знак абзаца (синие чернила).
[XI] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (простой карандаш).
[XII] Знак абзаца (синие чернила).
[XIII] Подчеркнуто горизонтальной линией (простой карандаш), обведено (красный карандаш), рядом на полях два знака вопроса (простой и красный карандаш).

он мог одним разговором или игрой на низменных чувствах и антисоветских настроениях толкнуть [его] *их* на [э]то *ужасное* преступление, *которое они совершили*. И это понятно, потому что прежде чем пойти на это преступление, *им* нужно природу свою изменить и вытравить инстинкт, выработанный в результате сорокалетней врачебной деятельности. [I] Но и этого мало. Ягода *тоже* пытался вовлечь в это преступление Плетнева, играя на его антисоветских настроениях. [, о] *О*н говорил об объединении всех [этих] *антисоветских* сил, убеждал, что он, Ягода, поможет им в их контрреволюционной акции. Но он и сам не надеялся на благоприятные результаты этих убеждений, вот почему он потребовал, чтобы ему дали на Плетнева компрометирующий материал. Но даже когда Плетнев увидел собранный против него Ягодой компрометирующий материал, он все же не соглашался. [II] Тогда Ягода прибегнул к самому действенному средству, он пригрозил и сказал: «Я не остановлюсь перед самыми крайними мерами, чтобы заставить вас служить мне». Прочтите в показаниях Ягоды разговор [Ягоды с Плетневым и] *его с* Казаковым: «Что вы умничаете? Что вы делаете самовольно то, что вы делать не должны?» — *такими словами встретил Ягода Казакова.* [Когда] Казаков начал оправдыватьс*я;*[III] Ягода говорит: «Я ему пригрозил, я кучу угроз ему сказал, и он согласился». [IV] Таким образом, прав был Левин, старик, который сказал: «Страх перед угрозами, страх перед Ягодой толкнул меня на это преступление». И он был прав не только в отношении себя, но и в отношении своих сопроцессников — и Плетнева и Казакова.

[V] Разрешите мне на этой минуте остановиться. Эта минута самая страшная в их жизни, эта минута более страшная, чем минута суда и приговора, поэтому позвольте несколько задержаться на ней.

[VI] Товарищи судьи, шантаж смертью — не шутка. Он [ломал и не] *сломывает не только* разрыхленных *жизнью* дряхлых стариков, [он ломал] *но иногда и* молодых, крепких, сильных, здоровых. В 1880 г., на процессе «16-ти», молодой Окладский сказал *в последнем слове:* «Я не прошу у суда снисхождения. Всякое снисхождение было бы для меня унижением», [. А] *а* через несколько месяцев *бы* стал предател*ем*[VII]. *Что произошло за это время?* Одно свидание с Судейкиным, который сказал ему — «смерть или предательство?», и он выбрал второе. Шантаж смертью не шутка. А как могли *иначе* воспринять угрозы Ягоды *и* Плетнев, и Казаков? Как мог *иначе* воспринять угрозы Ягоды Плетнев, которому Ягода говорил: «Я не остановлюсь перед самыми крайними мерами ни в отношении вас, ни в отношении вашей семьи, чтобы заставить вас служить мне». Как *иначе* мог воспринять угрозы Ягоды Казаков, которому Левин говорил, напутствуя на свидание с Ягодой: «Вы должны понять, что этот человек ни перед чем не останавливается, этот человек ничего не забывает». *[А разве Левин был неправ? Разве закон остановил Ягоду [перед] *от* совершени[ем]*я* [его гнусного] *чудовищных* преступлений[я]? Разве совесть остановила Ягоду от совершения неслыханных гнусностей? Разве разум [не] остановил его [перед] *от* совершени[ем]*я* безрассудства? Что еще могло его остановить? Отсутствие возможностей? Но вы знаете сумму полномочий, которые имел Ягода! *Что*[VIII] же ему могло помешать в

[I] Знак абзаца (синие чернила).
[II] Знак абзаца (синие чернила).
[III] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[IV] Знак абзаца (синие чернила).
[V] Знак абзаца (синие чернила).
[VI] Перечеркнутый знак абзаца.
[VII] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).
[VIII] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

достижении его гнусных целей? Недостаток силы воли? Слабость нервов? Кто же этому поверит!?*[I] *(Товарищи судьи, какую нужно иметь силу воли, какую нужно иметь выдержку, какое нужно иметь лукавство, чтобы...)*[II]]

Недостаток силы воли? Слабость нервов? Но кто же этому поверит? (смотри приговор суда)[III] *[IV]

[Какую нужно иметь выдержку, какое нужно иметь лукавство, чтобы, занимая такой ответственный пост, будучи на виду у всех, имея основной задачей борьбу за сохранение и охрану государства социалистического в течение ряда лет, — ежедневно работать над разгромом государства и оставаться безнаказанными?][V]

В конечном счете и Ягода, и его сообщники просчитались. Они не поняли одного и самого главного. Если есть [много] *десяток* бессовестных людей, которые подкапываются под Советский Союз, то [ведь неизмеримо больше] *есть миллионы* честных, которые *своею* бдительностью и преданностью охраняют его.

Вот почему та гибель, которую они несли Советскому Союзу, а вместе с [тем, несли] *ним* каждому из нас, пала на их голову. Кто сеет ветер, тот пожинает бури.

Но мне не они важны сейчас. Мне важно поведение Плетнева и Казакова в ту зловещую минуту, когда они оставались *с* глазу [с] *на* глаз[у] *с Ягодой* в *его* обширном кабинете. [Ягоды.] Им поставлен был прямо вопрос. Они понимали прекрасно, что угроза, которая стоит перед ними, реальная угроза. Больше того, и Казаков и Плетнев прекрасно понимали, что Ягода не может не привести своих угроз в исполнение. [Это показывает вам Ягоду же.] *Это диктовалось положением самого Ягоды.* После того, как Ягода сказал им о заговоре, после того, как Ягода сказал, что он сам является участником заговора, после того, как он предложил им совершить чудовищное преступление, — он не мог не привести своих угроз в исполнение.

Каким путем он мог [привести их в исполнение?] *обезопасить себя [, как свидетеля] от Казакова и Плетнева, как свидетеля своего разговора с ними?*

Тут было два пути: или во что бы то ни стало привлечь их как сообщников преступления, и тогда они будут молчать*, и*ли[VI] заставить их молчать хотя бы ценою уничтожения. Ничего третьего здесь придумать нельзя. Вот [в каких условиях] *в каких условиях* поставлен был вопрос перед [ними.] *Плетневым и Казаковым.*

Товарищи судьи, в этих условиях они должны были давать ответ [.] *немедленно.* Бежать некуда. Размышлять некогда, [искать помощи не у кого][VII]. Вот минута, в которую *действительно* решается судьба человека. А в это время *в упор* зловещим взглядом, сверлящим взглядом смотри Ягода *на них*[VIII]. Мне представляется *что* этот взгляд [(олицетворяющим или выражающим одно: волю, непосредственное желание, роковой сверлящий взгляд, кото-

---

[I] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях пометы (синие чернила): «*необходимо*» и «*надо*».

[II] * * — текст зачеркнут, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш) и помета (синие чернила): «*надо*».

[III] Подчеркнуто горизонтальной линией (синие чернила).

[IV] * * — рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

[V] * * — текст восстановлен — зачеркнут, рядом на полях помета (синие чернила): «*необходимо оставить*».

[VI] * * — обведено, рядом на полях знак вопроса (красный карандаш).

[VII] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной волнистой линией, рядом на полях помета (синие чернила): «*надо*».

[VIII] * * — знак переноса фразы — «*...взглядом смотрит на них Ягода*».

рый] *выражал одну только волю, волю жестокую, роковую, непреклонную, которая* подавля*ла*[ет] сознание *врачей*, [который] парализ*овала*[ует] волю *их*, [который] уничтожа*ла*[ет] *их* чувство. Потрясенный разум, товарищи судьи, *часто* не выдерживает [, подавленный тяжестью всего, он] *собственной тяжести и* впадает в безумие, и человек, внутренне свободный, надломился. [в сторону уничтожения.]

[Вот минута, — м] [*Может быть,*[I] у] *у* меня *нет тех нужных* слов [достаточных, чтобы дать], *которые дали бы* вам возможность почувствовать весь ужас пережитых *Плетневым и Казаковым* минут. [, потому что е] *Если* бы они у меня нашлись, — я бы нисколько не беспокоился за их жизнь.

Ужас часто [Не в том, [дело,] что делает человек, а в том, чем он становится после этого.[II]] Чем они стали после [эт*[их]*ого?*] минуты падения? Убийцами.* Прежде чем они стали убийцами — они *себя убили [бесповоротно] *нравственно**[III]. *В ту* [эту] мин*уту[а], [которая убила их самих.*[IV]] *когда они дали согласие Ягоде, то* [О]они совесть свою [убили], совесть врач*а*[ей], сделали [ее] черной *как совесть тирана*, они имя профессора *[на веках]* *загрязнили*[V], они [опорочили] *опозорили* ореол ученого, они имя человека [убили] *раздавили*. [Вот минута, которую, может быть,] *может описать [т]*Только большой психолог *такие минуты*.*[VI]

[А ведь это все.] Все остальное — это есть следствие этой минуты. [и оно не играет никакой роли.] В [ту секунду] *[минуту] тот миг*, когда Ягода их сломил, когда они дали свое согласие *по его предложению*, они [перестали существовать и как Плетнев, и как Казаков,] *стали нравственными трупами*, они убили себя. И вы, товарищи судьи, знаете, кто [их убил, кто их] толкнул *их* [на это.] *сначала на [сам] нравственное самоубийство, а потом и на убийство других.*

Вот почему [мы] *я* про*шу*[сим] снисхождение для них. Вот почему [мы] *защита* про*сит*[сим] не ставить их на один уровень с теми, кто по отношению к ним *[стоял] *стал**[VII] [как руководитель.] *убийцей*. Это главный довод нашей защиты.

Есть еще один. Т. Прокурор, говоря здесь о соучастии в преступлениях, правильно развивал *теоретически**[VIII] мысль о том, что участник организации является ответственным за все [.] *те преступления, которые совершает организация.*

[... н] *Но* [сейчас же] как практический деятель, как государственный обвинитель, он сказал вам, товарищи судьи, что нужно в каждом конкретном случае обсуждать, в какой мере [заслуживает наказание] *фактически близко связан с преступлением* тот или иной преступник. Это дало ему основание отступить от [тяжелых] требований *высшей меры наказания* по отношению к подсудимым Раковскому и Бессонову.

По этому признаку разве Плетнев [, разве] *и* Казаков имеют меньше основания на снисхождение? Они [сравнительно] поз*же*[днее] втянулись в цепь

[I] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной волнистой линией (синие чернила).

[II] Предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (синие чернила), помета: «*Надо. О других*».

[III] * * — изменен порядок слов — «*они нравственно себя убили...*».

[IV] * * — обведено (простой карандаш).

[V] * * — знак переноса — «*они загрязнили имя профессора*»

[VI] * * — изменен порядок слов в предложении — «*Только большой психолог может описать такие минуты*».

[VII] * * — обведен (простой карандаш).

[VIII] * * — знак переноса слова — «*теоретически правильно развивал...*».

величайших [злоупотреблений, величайших] преступлений. [То, что есть з] *З*а другими подсудимыми *преступления тянутся* от 1918 г. до наших дней. [, они же] *Мои подзащитные* не знали этого, [они] к этому *не причастны*[I].

[Э]*эти доводы защиты*[II], [которые нам подсказал объективный Прокурор, м] *М*ы считаем, что вы учтете [и вы не можете их не участь.] *и,* [Н]*не*смотря на ряд кошмарных *преступлений*[III], неслыханных чудовищных — [и] Плетнева*[у]*, [и] Казакова*[у]* и, думаю, [что] Левина*[у* могут жить] *найдете возможность сохранить им жизнь.* И если им суждено жить *после Вашего приговора,* то пусть *они* помнят слова одного [французского] деятеля *великой Французской Революции, который сказал:* «милосердие тоже может быть оскорблено, если оно дается недостойн[о]*ым*». Их задача заключается в том, чтобы остат*ком*[ок] жизни своей [посветить на то, чтобы] доказать, что они достойны были того милосердия, которое вы *им* оказали. Они признали себя виновными. Они говорили*:* [, что] «мы раскаиваемся». И я верю *им,* товарищи судьи. [Верю, потому что г] *Г*оре не носит маски. *[Я больше скажу: есть положение, в котором наказание и страдание есть то, что облегчает [порой страдание.] *подсудимого.* И Плетнев, и Казаков прекрасно это понимают.]*[IV]

И когда Плетнев писал *в* заявлени*и*[е] на имя *т.* Ежова, [в котором он говорит,] что после сознания он почувствовал облегчение, когда Казаков говорит то же, — они не лицемерят. [Это единственное, что может их примирить с ими самими.] *Порой страдание бывает единственной формой правды.*

Я сказал уже, что [З]задача, которая стоит [ставится] перед ними, если им суждено жить. [, чтобы все остатки жизнь отдать.] *Это* доказать, что они достойны [того] милосердия *им оказанного.* [, чтобы его не оскорбить.] Как это сделать? Нужно забыть себя [,] *и* отдать все то, что *они* име*ют*[ешь] *:* [в смысле] *в смысле* знания, [в смысле] опыт[а], [в смысле] практику[и], [в смысле] теорию[и] — той родине, которую они предавали. А отдать им есть что. [У Плетнева] 40 лет врачебной клинической профессорской*,* [—] педагогической деятельности [,] Плетнева [имеет] *составили* большой багаж *у него, и он должен его передать другим.* [, о] *О*н работоспособен, он даже в тюрьме работал над своими научными трудами. [Он] *Казаков* имеет медицинское, химическое, агрономическое образование. 30 лет [исключительной] *исследовательской* работы Казакова, несомненно, обогатили его.

Без остатка они должны отдать родине. Это наказ *им* их защиты, если им суждено жить. *Я обращаюсь [к] *К* вам, товарищи судьи*[V], с единственной просьбой — сохранить им жизнь.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв на полчаса.]

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бессонов, поскольку вы отказались от защиты, вы имеете право на защитительную речь, или, может быть, вы желаете соединить вашу защитительную речь с последним словом?

БЕССОНОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Гринько.

ГРИНЬКО. Я отказываюсь от защитительной речи.

[I] * * — знак переноса фразы — «*...не причастны к этому*».

[II] * * — знак переноса фразы — «*Мы считаем, что вы учтете эти доводы защиты...* ».

[III] * * — знак переноса слова — «и, несмотря на ряд кошмарных, неслыханных, чудовищных преступлений».

[IV] Текст удален — зачеркнут, частично подчеркнут горизонтальной линией, рядом на полях вертикальная линия и помета (синие чернила): «*не надо*».

[V] * * — изменен порядок слов — «*К вам, товарищи судьи, я обращаюсь...*».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Чернов.

ЧЕРНОВ. Отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Иванов.

ИВАНОВ. Отказываюсь от защиты и последнего слова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Крестинский, желаете воспользоваться правом защитительной речи?

КРЕСТИНСКИЙ. Нет, только последним словом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Зубарев.

ЗУБАРЕВ. Отказываюсь от защитительной речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Рыков.

РЫКОВ. Только последнее слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Шарангович.

ШАРАНГОВИЧ. Я не собираюсь защищать себя, поэтому отказываюсь от защитительной речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Ходжаев.

ХОДЖАЕВ. Я также отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Зеленский.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Икрамов, желаете воспользоваться правом защитительной речи?

ИКРАМОВ. Отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Раковский.

РАКОВСКИЙ. От защиты я отказываюсь, использую только последнее слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Бухарин.

БУХАРИН. Я только отказываюсь от защитительной особой речи, а защиту по некоторым пунктам обвинения соединю с последним словом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Буланов.

БУЛАНОВ. Отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Ягода.

ЯГОДА. Только последнее слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Максимов-Диковский.

МАКСИМОВ. Использую последнее слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Таким образом, переходим к последним словам.

Подсудимый Бессонов, имеете последнее слово.

БЕССОНОВ. Граждане судьи, вместе с другими обвиняемыми я отвечаю здесь перед пролетарским судом за тягчайшие государственные преступления, совершенные право-троцкистским блоком и лично мною как его активным участником. Самым страшным, всеобъемлющим из этих преступлений является измена родине, в которой повинен я. Я был посредником и участником преступных переговоров право-троцкистского блока с фашистскими кругами Германии. В этих переговорах нашло себе завершение давно начавшееся преступное сотрудничество право-троцкистского блока с зарубежной фашистской агентурой, сотрудничество, имевшее целью подрыв военной и хозяйственной мощи СССР, ускорение фашистского нападения на страну победившего социализма.

В этих переговорах поджигатели войны с обеих сторон *выработали чудовищную линию на поражение СССР, намечали план громадных территориальных уступок неприятелю.*[1]

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила).

Суровая рука пролетарского правосудия во время вскрыла [этот] страшный гнойник измены и предательства, разоблачила чудовищный заговор и поставила его участников, в том числе и меня, перед беспощадной ответственностью советского закона.

Я был также посредником и участником в преступных переговорах право-троцкистского блока с белоэмигрантской частью так называемой Трудовой крестьянской партии. Лишенные какой бы то ни было опоры внутри страны, подгоняемые своими хозяевами — фашистами, руководители право-троцкистского блока пытались собрать под свое крыло всю агентуру фашизма внутри СССР, в том числе и так называемую Трудовую крестьянскую партию. И этой жалкой попытке пролетарское правосудие нанесло сокрушительный удар.

Не все преступления право-троцкистского блока, в которых повинен и лично я, смогли быть предотвращены правосудием: осуществление злодейского замысла над уничтожением великого писателя рабочего класса, предательское умерщвление некоторых выдающихся деятелей Советской страны. Но помимо тех преступлений, о которых говорилось в обвинительном заключении и в речи гражданина государственного обвинителя, я должен признаться еще в одном преступлении перед пролетарским правосудием, о котором на процессе не говорилось.

[Дело в том, что з] За год, прошедший со времени моего ареста, я уже раз стоял перед пролетарским судом, скрыв от него те факты своей антисоветской деятельности, в которых *я* обвинялся [и] на настоящем процессе.

Я был арестован 23 февраля прошлого года. $5^1/_2$ месяцев продолжалось следствие по моему первому делу. Органами НКВД был собран обширный материал, допрошено было большое количество свидетелей, устроен был ряд очных ставок, собраны были отзывы обо мне, о моих связях со всех мест моей работы. Проверено было все. Год прошел и что же?

Воспользовавшись тем, что данные на меня показания лицами, не участвующими на настоящем процессе, не отображали полностью действительность, я упорно отрицал основное из предъявленных мне обвинений, а именно: свою принадлежность к нелегальной антисоветской организации.

13 августа прошлого года я предстал перед Военной Коллегией Верховного Суда, заседавшей почти в том же составе, что и на настоящем процессе, но в закрытом заседании, с применением закона от 1 декабря 1934 г. Военная Коллегия подвергла внимательному разбору все предъявленные мне обвинения. Я получил возможность развернутого объяснения по всем поставленным передо мной вопросам. Однако я и на суде продолжал ту же тактику запирательства, которую я усвоил на следствии. После основательного разбора дела Военная Коллегия не признала возможным ни оправдать меня, ни судить, она направила мое дело на дальнейшее рассмотрение.

Прошло еще $4^1/_2$ месяца. За это время органами НКВД было *прощупано несколько нитей, могущих повести к раскрытию моей нелегальной антисоветской деятельности.*[1]

И только в конце прошлого года впервые была нащупана нить, ведшая от Крестинского ко мне. 28 октября прошлого года, ровно через 10 месяцев после моего ареста, мне предъявили часть показаний Крестинского, который вместе с другими обвиняемыми был разоблачен как заграничная связь право-троцкистского блока. Так как Крестинский после Пятакова был единственным человеком, который знал все о моей антисоветской деятель-

[1] * * — рядом на полях две вертикальные (синие чернила)

ности, я не имел уже сил и не пытался оставаться на прежней своей позиции запирательства, я попросил лишь несколько дней на размышлени*е*[я], которые были мне даны. Передо мной стоял выбор — либо продолжать свою прежнюю тактику запирательства с неизмеримо меньшими шансами на успех, ввиду того что следствие располагало гораздо большими данными в отношении моей антисоветской деятельности и стояло на безошибочно правильном пути, либо чистосердечно рассказать следствию все, что я знал.

Лишь 30 декабря прошлого года я заявил следствию, что порываю решительно и полностью со своим преступным прошлым и начинаю давать показания чистосердечно и до конца. Я не вилял и не запирался. Разрыв с преступным прошлым — и я это очень отчетливо понимал — мог быть только в одной-единственной форме, в форме полных, развернутых, чистосердечных показаний. Я показал решительно все, что знал и о тех фактах, которые полностью или частично были известны следствию, и о фактах, которые следствию не были известны. Я упоминаю об этом обстоятельстве, не потому что хочу видеть в нем какое-нибудь смягчающее вину обстоятельство, а только для того, чтобы завершить этим штрихом картину десятимесячной бесплодной борьбы с пролетарским правосудием, борьбы, которая имеет печальное преимущество стоять особняком по своей длительности даже на настоящем процессе.

Граждане судьи, высокие слова неуместны и малоубедительны в устах человека, обвиняемого, подобно мне, в тягчайших государственных преступлениях. Поздно бить себя кулаком в грудь и, повторя*я*[ю] слова гражданина государственного обвинителя, обличать свои собственные преступления. Но одного обстоятельства я не могу не коснуться. Не потому что я вижу в нем смягчение своей громадной вины, а потому что оно одно только и дало мне силы воспользоваться правом последнего слова подсудимого. Моя преступная деятельность протекала в условиях заграничной работы. Длительная оторванность от советской действительности объясняет в значительной степени и это мое схождение на преступный путь. Более чем 6-летнее пребывание в обстановке непосредственного капиталистического окружения гибельно отозвалось на моем политическом поведении.

Но в этом факте заграничного пребывания есть и другая сторона, которой я хотел бы в двух словах коснуться. *Если бы я был последовательным изменником родине, ничто не мешало бы мне, казалось, остаться по ту сторону границы, в особенности после январского процесса 1937 г.[297*][1], когда был разоблачен и осужден Пятаков — непосредственный руководитель моей преступной работы, относительно возможных показаний которого против меня я мог строить самые мрачные предположения, и, тем не менее, по первому зову в феврале 1937 г. я явился в Москву отвечать перед родиной. И вот эта, на первый взгляд, необъяснимая непоследовательность, которая погнала меня на родину, в то время как преступная логика, казалось, должна была диктовать мне обратное, — одна и дает мне право сказать сейчас: каков бы ни был приговор пролетарского суда, это будет приговор суда моей родины, и я безропотно приму его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Гринько, пожалуйста.

ГРИНЬКО. Я взял последнее слово не для того, чтобы защищать себя перед Верховным Судом. Мне нечего сказать в свою защиту. Я воспользовался этим словом и не для того, чтобы просить о смягчении приговора. Я не имею права на смягчение приговора. Я целиком и полностью согласен с той

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила).

квалификацией и политической оценкой как наших общих преступлений, так и моих преступлений, в частности, которая дана в речи Прокурора СССР. Да, дело так и обстоит. [I]Я стою перед Верховным Судом как изменник родине, как активный участник право-троцкистского заговора против победившего в СССР социализма, как союзник и агент капитализма в его смертельной борьбе против социализма, как государственный преступник, приложивший свою руку к подготовке провокации войны, [поражения и] расчленения СССР в пользу фашизма, приложивший свою руку к подготовке убийств лучших людей нашей страны и к насильственному свержению социалистического государственного и общественного строя в СССР.

Нечего прибавить к этому списку злодеяний. Для меня, как, очевидно, и для некоторых других обвиняемых, *многие факты и злодеяния право-троцкистского блока впервые стали известны на самом суде*[II]. Но я обязан вам прямо сказать, что самые чудовищные из этих фактов — изложенные Ягодой чудовищные убийства лучших людей нашей страны, факты, неизвестные мне ранее, — не удивили меня, ибо я узнавал в них лицо и дела право-троцкистского заговора; я узнавал в них установки право-троцкистского блока и его лидеров. Наши бывшие лидеры лучше бы сделали, если бы на суде совсем не пытались в какой бы то ни было мере смягчить свою непосредственную ответственность за все эти дела. Никому из нас не уйти и не надо уходить от этой ответственности.

Я, как и некоторые другие обвиняемые, стою перед судом как прямой агент и шпион фашистских государств и их разведок, как прямой союзник фашизма в его борьбе против СССР.

Но не фашизм сделал меня таким. [Он на то и ф] *Ф*ашизм [, чтобы] подобра*л*[ть] в свою пользу готовые плоды многолетней борьбы троцкистов и правых против партии и советской власти. Троцкому и Бухарину обязан я той, с позволения сказать, идеологи*ей*[и] и той школ*ой*[ы двурушничества,] чудовищного двурушничества, которое привело всех нас к [прямому] *прямому* фашизму. [против СССР.]

Я стою перед судом как украинский буржуазный националист и одновременно как участник право-троцкистского блока. И это неслучайное сочетание. Ловля буржуазных националистов и политическое растление неустойчивых политических элементов в национальных республиках является давнишней [и] упорно проводимой тактикой троцкистов и правых.

По преступной правой дороге пришла украинская национал-фашистская организация в состав объединенных в право-левацком блоке сил контрреволюции. Эта украинская национал-фашистская организация действовала одновременно и по заданиям право-троцкистского блока и по заданиям фашистских разведок.

Мои тягчайшие преступления, как участника право-троцкистского заговора, в огромной мере отягчаются следующими обстоятельствами.

Во-первых, как один из организаторов украинской национал-фашистской организации, я действовал, в частности, на Украине, т.е. у главных ворот, через которые немецкий фашизм подготавливает свой удар против СССР.

По заданиям право-троцкистского блока и немецкой разведки украинская национал-фашистская организация и [, следовательно,] я в том числе, [мы] вел*а*[и] огромную работу по подрыву западной границы СССР. И, мне кажется, [я обязан это сказать. Т] *т*олько нежеланием сказать полную прав-

[I] Знак абзаца (синие чернила).
[II] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила).

ду суду объясняется то, что и Рыков, и Бухарин, признавая персональную связь со мною как участником право-троцкистского заговора, отнекиваются от связи через меня с украинской национал-фашистской организацией, которая была крупной картой в антисоветской борьбе право-троцкистского блока.

Эта украинская национал-фашистская организация — Любченко, Порайко и другие — завершает собой длинную, с самого начала революции тянущуюся цепь преступлений различных фракций украинского буржуазного национализма против украинского народа.

Прокурор СССР был прав, когда сказал, что под руководством большевистской партии и советской власти на путях ленинско-сталинской национальной политики украинский народ поднят на такую высоту, которой он никогда не имел в своей истории. Большевистская партия и советская власть воздали украинское государство, сделали Украину богатейшей индустриальной и колхозной страной, подняли на небывалую высоту национальную культуру Украины. И вот та[к] украинская национал-фашистская организация, представлять которую перед судом я имею печальную участь, пользуясь фальшивыми лозунгами национальной независимости, вела украинский народ в ярмо немецких фашистов и польской шляхты.

Вторым обстоятельством, которое отягощает мою вину участника право-троцкистского заговора, является то, что я в течение больше чем двух лет знал о заговоре в Красной армии, был лично связан с рядом крупнейших военных заговорщиков, осуществлявших подрыв оборонной мощи и подготовку поражения СССР. Я знал и связан был с людьми как по украинской организации, так и по Красной армии, которые подготовляли то открытие фронта, о котором шла речь на этом процессе.

Третье обстоятельство, которое [чудовищным образом] отягощает мою вину перед народами СССР, это то, что я в течение нескольких месяцев знал не только общие террористические установки право-троцкистского центра, но и тот факт, что две террористические группы изо дня в день вели слежку за Сталиным и Ежовым с целью [их] убить [.] *их.* Иными словами, я поднял свою руку на Сталина, которого, как гения освобожденного человечества, чтят трудящиеся всего мира, и на Ежова, в лице которого воплощена великая целеустремленность партии по разгрому врагов СССР.

Наконец, моя вина отягощается тем высоким положением, тем высоким постом, который я занимал, и тем доверием, которым я пользовался у ЦК и у Сталина.

Из мелко-буржуазного болота подняла меня партия, дала мне высокий государственный пост, высокое общественное положение, доверило мне государственные тайны и контроль над государственными средствами СССР. Я предал эти тайны. Я допустил, я содействовал использованию государственных средств, народных средств СССР на финансирование неслыханного заговора против народа СССР.

Я помню один момент в моей жизни, когда в 1933 г. была разгромлена украинская националистическая организация и некоторые ближайшие мои дружки были арестованы, я был серьезно скомпрометирован своей личной связью с ними. Моя партийная организация отшатнулась от меня. Я был одинок и изолирован. И я написал тогда личное письмо Сталину об этом. Я в тот же день, в тот же вечер по телефону получил от руководства ЦК самое теплое, товарищеское одобрение, поддержку, успокоение. А через несколько месяцев после этого я получил такое доверие, о котором только может мечтать член партии. Я был избран в состав ЦК ВКП(б).

И на все это я ответил изменой, черной как ночь, и партии и родине и Сталину.

И вот в этих условиях, члены Верховного Суда, мне нужно сказать вам о своем раскаянии. Я очень хорошо понимаю, каким презрением каждый советский человек встретит слова раскаяния в моих устах. И все же я должен это сказать, ибо это соответствует действительности, ибо мне больше некому об этом сказать. В том положении, в котором я нахожусь, был только один способ на деле доказать свое раскаяние — это раскрыть перед следствием и судом все факты заговора и всех известных мне участников заговора. Я это сделал до конца. Я в своих показаниях не щадил себя, не щадил никого из своих соумышленников. Я назвал все факты и всех заговорщиков, мне известных. Я должен покаяться, что я сделал это не сразу, но разве можно было сразу сломать в себе инерцию многолетней, упорной и опасной подпольной борьбы против советской власти, подавить чувство дружбы соучастников, выжечь язву двурушничества, подавить чувство стыда? Словом, разве можно было сразу вынести на свет свою душу предателя, какой свет не видал? Но я это сделал до конца, и суд имел возможность это проверить.

В моем положении есть и другая форма выражения раскаяния. К сожалению, она недоступна для непосредственной проверки суда, но, тем не менее, она от этого не перестает существовать. Я говорю о своем внутреннем удовлетворении. Я смею сказать о моей радости по поводу того, что наш злодейский заговор раскрыт и предотвращены те неслыханные беды, которые мы готовили и отчасти осуществили против СССР. Обновленный Наркомвнудел добил право-троцкистский заговор в его последнем убежище. И я этому рад.

[Я кончаю.] Самый тяжелый приговор — высшую меру наказания — я приму как должное. У меня только есть одно желание: последние остатки моих дней или часов, как бы мало их не было, я хочу прожить и умереть не как враг, находящейся в плену у советской власти, а как совершивший тягчайшую измену родине, жестоко ею за это наказанный, но раскаявшийся гражданин СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Чернов, вам предоставляется слово.

ЧЕРНОВ. Граждане судьи, я воспользовался предоставленным мне правом последнего слова подсудимого не для того, чтобы защищать или оправдывать себя. Тягчайшие преступления, совершенные мною перед великой советской страной, не могут быть ни оправданы, ни защищены.

Я изменник социалистической родины. Я продавал интересы родины врагу рабочего класса и всего человечества — фашизму. Я шпион германской разведки, активный участник контрреволюционной организации правых, организации вредительства и диверсии, активный участник право-троцкистского блока, ставившего себе целью свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии. Я активный участник блока, который для достижения цели — восстановления капитализма — шел на неслыханно чудовищные преступления и использовал для этой цели весь арсенал бандитов.

Совершенные мною преступления, повторяю, не могут быть ни защищены, ни оправданы. Они заслуживают самого сурового наказания.

[Я хочу лишь ответить, к] *К*ак я, которому партия оказала величайшее доверие, мог изменить партии и родине [и] *и* стать шпионом германской разведки и членом контрреволюционной организации.

Как я уже показывал на суде, я в течение длительного времени был меньшевиком и не рядовым членом меньшевистской партии, а руководите-

лем одной из ее организаций, Иваново-Вознесенской. Я был достаточно образован и политически развит, чтобы принимать меньшевизм и бороться за его программу защиты капитализма совершенно сознательно.

Я вошел в коммунистическую партию уже тогда, когда силы внутренней контрреволюции были разгромлены и рабочий класс под руководством большевиком вышел из гражданской войны победителем.

Время моего вступления в коммунистическую партию совпадало с периодом начала нэпа, который я расценивал не так, как принимали его настоящие большевики, а [расценивал] по-своему, по-меньшевистски. Поэтому, когда партия перешла от политики ограничения кулачества и капиталистических элементов в городе к политике наступления и разгрома их, моя меньшевистская сущность с такой политикой не могла примириться, и я стал искать среди антисоветских группировок в партии тех единомышленников, взгляды которых отвечали моему меньшевизму, и практические цели которых означали бы борьбу за свержение советской власти и за восстановление капитализма.

Я нашел этих единомышленников в контрреволюционной организации правых. Взгляды и практические цели этой организации целиком и полностью совпадали с моими меньшевистскими взглядами. Я был тогда в 1928 г. еще небольшим человеком в партии. Я этим отнюдь не хочу умалить свою вину и смягчить свои преступления. Мои преступления безмерны и чудовищны. [Я хочу лишь объяснить то, что в] *В*о главе контрреволюционной организации правых стояли такие люди, как Рыков, Бухарин, Томский, и что они пришли к цели свержения советской власти и восстановления капитализма, т.е. пришли к меньшевизму, укрепляло меня в моих меньшевистских позициях. [, а связь с ними импонировала мне.] Это сыграло свою роль в моем вступлении в контрреволюционную организацию правых.

В моем вступлении на путь немецкого шпиона сыграл крупною роль Дан. [то, что о] *О*н при встречах со мной аргументировал необходимость борьбы правых против советской власти и оказание помощи капиталистическим государствам в их борьбе за то же, т.е. за свержение советской власти. То, что сам Дан, как я потом убедился, является агентом германской разведки, имело крупное значение при даче мною согласия стать немецким шпионом. К числу причин, приведших меня к шпионажу, надо отнести и мою моральную неустойчивость — пьянство.

Вернувшись из Германии в Советский Союз, я обязан был не только как член партии, а как гражданин Советского Союза рассказать об установлении преступной связи с немецкой разведкой. Я восстановил бы себя тогда в рядах честных граждан. Я этого не сделал. Я предпочел оставаться изменником родине. Я в течение 1929 г. через Пауль Шефера и в последующий период до своего ареста через Райвида обслуживал немецкую разведку и помогал ей бороться за расчленение Советского Союза, за поражение последнего в войне.

[Почему?] Поручения, которые я получал от немецкой разведки: вредительство [,] *и* диверсия, совпадали с указаниями, которые я получал через Рыкова, от центра своей контрреволюционной организации правых. Те и другие, по существу, ничем не отличались. Те и другие были направлены к одному — подорвать экономическую мощь и обороноспособность Советского Союза и тем обеспечить поражение в войне, свержение советской власти и восстановление капитализма.

Это совпадение целей и практических указаний немецкой разведки и центра правых послужило для меня доводом к тому, что шпионскую работу надо продолжать, вредительство и диверсии надо организовывать.

За время моей преступной деятельности как активного участника контрреволюционной организации правых и как немецкого шпиона мною проведена чудовищная по своему характеру и большая по своим размерам вредительская и диверсионная работа. Я о ней подробно рассказал на предварительном следствии и рассказывал на суде.

Партия, оказав мне величайшее доверие, поставила меня во главе Народного Комиссариата земледелия. Я же это доверие использовал против партии, использовал против родины. Я выполнял не директивы партии по укреплению колхозного строя, по развитию мощи колхозов, по росту зажиточности колхозников, — я выполнял директивы центра контрреволюционной организации правых и германской разведки — по разрушению колхозного строя, по подрыву колхозов, по разъединению колхозников. Рыков здесь пытался отрицать дачу мне указаний об организации вредительства в сельском хозяйстве. Я напоминаю об этом опять-таки не для того, чтобы [и] умалить свою вину и переложить ее на другого. Я исключительно делаю это ради установления истины.

Рыков хочет дело изобразить так, что он давал «идеологические» установки о проведении вредительства и принимал участие в их организации. Это не верно. Или точнее — это полправды, а полправды уже — ложь. Рыков от имени центра правых руководил параллельно германской разведкой, всей моей вредительской и диверсионной работой по сельскому хозяйству.

О своей преступной деятельности как активного участника контрреволюционной организации немецкого шпиона я в первый же день своего допроса после ареста дал следователю искренние, правдивые показания.

Я также дал следователю показания о тех лицах, с которыми я был связан по своей контрреволюционной и шпионской работе. Свои показания я также искренне и правдиво изложил перед судом.

Что заставило меня дать правдивые показания тотчас же после своего ареста?

С 1937 г. начался разгром контрреволюционной организации правых. Были арестованы главари организации Рыков, Бухарин и другие, была разгромлена контрреволюционная организация правых в Наркомземе. Летом 1937 г. был арестован резидент немецкой разведки, вышеупомянутый Райвид. Все это заставляло меня задуматься над вопросом о том, может ли дать что-нибудь продолжение этой борьбы. Ответ мог быть только отрицательный. Сила советского государства непобедима!

Что из себя представляла наша контрреволюционная организация? Это была шайка озверевших чиновников, она не имела никаких корней в народе. Ее базой были соглашения с фашистскими правительствами.

Советский народ, вопреки всем козням, нас, контрреволюционеров, построил социализм и завоевал непобедимую силу. Сознание этой силы и привело меня к тому, что я тотчас же после ареста сложил оружие и дал искренние, правдивые показания.

Преступления мои велики и чудовищны. Любое наказание, которое суд сочтет необходимым вынести, не может покрыть эти преступления.

Но я все-таки осмеливаюсь обратиться к суду и просить суд сохранить мне жизнь.

Если суд найдет возможным это сделать и жизнь мне будет оставлена, я все силы отдам на служение великому советскому народу.

Я не могу загладить своих преступлений, — они слишком велики, своей последующей честной работой я заглажу хотя бы одну небольшую частицу этих тягчайших преступлений перед родиной, перед великой советской страной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв до 11 часов утра.

12 марта 1938 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Последние слова подсудимых: ИВАНОВА
КРЕСТИНСКОГО
ЗУБАРЕВА
РЫКОВА
ШАРАНГОВИЧА
ХОДЖАЕВА
ЗЕЛЕНСКОГО
ИКРАМОВА
РАКОВСКОГО
РОЗЕНГОЛЬЦА

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Последние слова подсудимых: БУХАРИНА
ЛЕВИНА
БУЛАНОВА
ЯГОДЫ
КРЮЧКОВА
ПЛЕТНЕВА
КАЗАКОВА
МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО

стр. с 1217 по 1378 вкл.
Подлинник.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

12 марта 1938 г.

Из записей Вс. Иванова
12/III-38 г.

Иванов. В сером костюме, весь пепельный, баритон. «Я, как человек близкий рабочему классу, не могу не сочувствовать Октябрю», — говорит провокатор. Читает по бумажке. Голубой свет прожекторов, щелкая, на нас иногда смотрят сверкающие прожектора. Держит листочки, бьет себя в грудь и уличает Бухарина, возмущается. «Ненависть к советской власти» — он подчеркивает рукой. Выкрикивает громко: «Бухарин!». Чрезвычайно яркий тип двурушника. Кричит: «Нужно потерять посл.[едние] остатки совести, чтобы говорить «не важно быть России 1/6, она может быть и 1/10», — говорил Бухарин.

Крестинский. В черном костюме с белым воротничком, очень опрятен и брит. Стоит, покачиваясь.

«Задача последнего слова — дать полное представление о преступнике, и о том, что он делал». Говорит торопливо, как на чистке, передавая скучные, хотя и важные — не для него, дает он понять — факты.

«Моя личная революционная работа...» — смотрит в тетрадь, близко приближая ее к глазам, он, видимо, очень близорук.

«У меня возникли сомнения...» В зале сдержанный смех, прокурор без.[звучно] смеется.

— Только после ареста я подвел критические итоги...

— Я стал другим человеком... — зал хохочет.

Он говорит о том, какое впечатление произвело на него обвинительное заключение и убийство Горького, оба заключения получил за несколько дней до суда.

Об отношении в партии к рядовым ее членам, необходимость веры в партию и боязнь, что ее нельзя обмануть и нельзя разогнать.

Уже началась война в Европе, а здесь заканчивается суд, а подсудимые ничего не знают, говорят о прошлом, о себе, в зале уже совсем горячие гневные настроения против изменников.

Крестинский говорит «о новых методах, тактических установках борьбы». «Суд подводит итоги этим новым тактическим установкам». Прокурор читает в газете свою речь.

Диверсию и террор принимают на себя главари центра, более мелкие отказываются.

Зубарев. В коричневом костюме, в рубашке светло-коричневой, в которой были когда-то из той же материи галстуки, говорит с крестьянским акцентом, волжским голосом.

Рыков. Начинает говорить, поглядывая в потолок. Большое лицо, лесное, деревянное, с волосами как мох. Он держится руками за барьер, откинув корпус назад, слегка заикаясь и наклонив голову, в тех моментах, когда с трудом выговаривает слова. Говорит тихо. В левой руке у него несколько маленьких листков с заметками. Зал слушает внимательно его плохо разборчивую, растоптанную речь. Прокурор просит говорить его громче. «Мне трудно говорить» — сказал Рыков, и стекла его пенсне сверкнули. Вокруг него ставят микрофоны. Три. Узенький длинный листок дрожит в его левой руке.

— Но обстановку... — говорит, сжав кулак правый и выставив из него средний палец, этим пальцем долбит в такт своим словам. — Образ закончен. Организация... и только здесь на процесс узнал и примкнув.[ших] к ней Иванова, Зиборова[1] и других провокаторов.

Возражая Чернову, снимает пенсне. ...

— Мое посл.[еднее] слово является последним в букв.[альном] смысле, я хочу использовать для того, чтобы повлиять на посл.[едователей], которые не разоружились и не арестованы, и может быть на тех или других моих посл.[едователей], и если они будут, я всех, кто сохр.[анил] в моей памяти, выдал и разоблачил, а кто не раз.[облачился] и кого я выдал их, чтобы они разоружились с риском, это гораздо менее тяжелая вещь, чем носить в себе тот чудовищный груз, который вскрыт чудовищным процессом, разоблачить.

И снял очки, затем смотрит в зал.

— Для этого я и хотел использовать последнее слово.

Рыков говорит о воле, которой у него, «дескать, достаточно», и, в сущности, пощады не просит.

Шарангович читает по листкам. Странно, что Зубарев, Зеленский, Шарангович и прочие похожи друг на друга — какие-то неопрятные, не выспавшиеся, с глухими голосами. Обвиняет Бухарина, считая, что тот «скрыв.[ается] за теор.[етическими] фразами».

Ходжаев. Бледный. Читает, посматривая в бумажку. Слушают, зал покашливает как на докладах. Особенно бледен лоб, залысины — пепел уже смешан с углем или, вернее, пепел лежит на угле. Он забыл, что уже разоблачен и читает лекцию об успехах Узбекистана, строительства. Ему кажется, что еще немного, и он все-таки обманул бы. Какое, в сущности, презрение! ...он говорит о том, что пришел бы феодализм, и это он понял, как будто раньше этого не понимал бы.

---

[1] Так в документе. Должно быть: «Зубарева».

Бухарин пишет, требует справок. Пишет и пишет все время — м.[ожжет] б.[ыть], мемуары.

Ходжаев в заслугу свою говорит, что он был нац.[ионалистом,] заговорщиком, но не был вредителем и троцкистом.

Он говорит о Горьком, тогда как остальные или снимают свою ответственность как Рыков, или замалчивают, кроме прямых преступников — убийц.

Жить ему безумно хочется и он убеждает — «еще раз полезным нашей стране». Зал хохочет.

Зеленский. Маленький тенорок, приказчик, с заученными фразами, и он говорит такими же фразами, как и раньше, серенький, рыхлый.

Разоблачая себя, он хочет указать пути исправления, все еще веря, что он мог бы спокойно работать и дальше полемизировать с заграничными возражателями. Читает по листкам, держа их обеими руками, приглаживая волосы, они опять мокнут, пьет много воды.

— Я ожидал, что троц.[кисты] и бух.[аринцы] откроют до конца свой в 1922 г. заговор.

В мертвой тишине он говорит о заговоре 1921 г. в Хамовнич.[ских] казармах и в др.

— Об этом вы, г.[оспода] троцкисты и бух.[аринцы], умолчали... — говорит он, обращаясь к Бухарину.

Окончил и ждет аплодисментов.

Икрамов очень бледный, морщится, щурится. Держит в левой руке листки, размахивает правой рукой.

— Здесь гр.[аждданин] общ.[ественный] обвинитель сказал, — и поправляется — ярко сказал...

Икрамову выдали документ, изобличающий его, а затем назначали секретарем Средазбюро. Дали материал 37 г. Читай, скажи, что правильно, что неправильно.

— Я дал показ.[ания], все боялся этих людей. Лучше бы меня застрелили. Голый человек. Умер, ушел, умер чистым советским гражданином.

— Тяжело умирать врагом народа... Я никак не хочу умирать врагом такого народа, который работает... Я не защищаю свою поганую шкуру.

Раковский. Качается над барьером, выкрикивает с южным акцентом слова, затылок обрамляют буро-седые волосы, кончик бороды сед, он румян. «Дополняет и развивает» Прокурора, объясняя перерождение министров, он хочет замазать, что только троц.[кисты] виноваты, чтобы показать, что в партии все благополучно и троцкистам надо работать, вербуя свежие кадры, так как старые истреблены.

Розенгольц: «Я хочу рассказать, потому что мемуарами не занимаюсь. Воспитывался соцдемократом, десять лет прятал нелегальную литературу. В партию вступил 17 лет, а через год арестовали. Выдан был провокат.[ором] Антиповым по последним данным».

— Есть моя родина, и это я повторяю.

И говорит со слезами: «Прощай, страна моя родная! Я хочу, чтобы мне поверили. Мне ничего не нужно от суда, ни от людей. Расставаясь с вами, я говорю: да здравствует СССР!».

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Заседание продолжается.

Последнее слово имеет подсудимый Иванов.

ИВАНОВ. Граждане судьи! В моем последнем слове я хочу сказать суду, что я со всей искренностью и до конца раскрыл историю преступной своей борьбы против партии и советской власти, советского народа. Я ничего не утаил, ничего не спрятал ни в части моей контрреволюционной изменнической деятельности, ни в части деятельности право-троцкистского блока, активным участником которого я был.

Я отказался от защитного слова, потому что признаю полностью и больно чувствую свою тяжкую вину перед советской страной, и мне нечего сказать в свою защиту.

Единственное, что меня поддерживало в эти тяжелые дни, в дни всенародного моего позора, это — мысль о том, что я наконец порвал с этим связывавшим меня — с проклятым и преступным моим прошлым, порвал бесповоротно, ушел от него.

Когда меня втянули в преступное дело провокации, я был мальчишкой, без всякого жизненного опыта и закалки. [И вот п] Перед лицом первого испытания я не выдержал, струсил, сделал первый шаг измены, затем пошел по наклонной, и меня засосала тина предательства, а у предательства своя логика, и ее власть над собою я особенно сильно почувствовал после Октября. Было бы неправдой и ненужным преувеличением, если бы сказать, что я совсем не сочувствовал Октябрьской революции, не принимал ее. Сила пролетарской партии, сила революции такова, что человек, близкий своим жизненным положением к рабочему классу, — а я был таковым, — испытывает ее воздействие даже в той роли, в которой я находился до победы рабочего класса. В период Октября я чувствовал и радость, и страх: радость — вместе с победившими массами, страх — перед угрозой разоблачения. Я должен сказать, что у меня и тогда не хватило мужества прийти и открыто заявить о своем предательстве. И то, что я этого не сделал, было, как это явствует из всей моей последующей истории, определяющим. Чем дальше шло время, тем больше я походил на человека, сброшенного в воду с грузом на ногах, человека, страстно желающего всплыть, в то время как груз его тянет непрестанно на дно, и этим-то дном явились «левые коммунисты», а затем включение меня Бухариным в ряды организации правых. [Я считал, что с меня будет снята угроза разоблачения моей провокаторской деятельности лишь в том случае, если восстановится власть капитализма. Это постоянно толкало меня на поиски враждебных реставраторских сил для того, чтобы примкнуть к ним. Я искал людей, которые хотят того же, чего и я, хотят буржуазных порядков. Я искал и нашел этих людей в организации правых. Понятно, поэтому, что я сочувствовал всем действиям и выступлениям правых и Бухарина, имевшего со мной антисоветские связи как лидер «левых коммунистов». Не стоило никакого труда привлечь меня в 1928 г. в ряды организации правых. Все дальнейшее же развитие моей антисоветской деятельности шло уже под влиянием Бухарина, который переводил меня со ступеньки на ступеньку по пути преступления.

По заданию Бухарина я в 1928 г. пытался организовать кулацкую повстанческую вандею на Северном Кавказе. В 1932 г., по его уже установкам, я включился в восстание по свержению советской власти на том же Северном Кавказе, где я в то время работал. В 1934 г. он, Бухарин, говорит со мной о необходимости поражения в войне, о необходимости ориентироваться на агрессивные фашистские страны, в первую очередь, на Германию и Японию. В соответствии с этим группа правых в Северном крае, под моим ру-

[1] Знак абзаца (синие чернила).

ководством, развертывает террористическую, диверсионную и шпионскую деятельность. [И мне п] *П*осле всего это странно было слышать здесь заявление Бухарина о том, что он будто бы лишь «чистый [в кавычках] теоретик» и занимается только проблематикой и «идеологией». Ломаного гроша, граждане судьи, не стоило бы мое разоружение и раскаяние, если бы я в последнем своем слове не выступил против этой вопиющей неправды. По Бухарину получается, что в организации правых были чистые в кавычках теоретики, лидеры, не отвечающие за конкретные преступления, занимающиеся тонким, благородным в кавычках делом — идеологией, и, с другой стороны, были грязные практики, от которых вся порча, которые за все отвечают, которые-де и ставят перед Бухариным конкретные вопросы о терроре, вредительстве, диверсии и шпионаже, а он, мол, Бухарин, только лишь слушает и молчит. [1]Только в процессах контрреволюционеров возможна такая вещь, [чтобы] *когда* руководители переносят[или] ответственность на практиков, ужасаясь от нее сами. Да, я делал чудовищные преступления, я за них отвечаю. Но я их делал вместе с Бухариным, [— говорю правду здесь перед вами, граждане судьи, —] и отвечать мы должны вместе. Впрочем, о какой идеологии может идти здесь речь? Ненависть к советской власти и партии, клевета на ее руководство, — вот и вся наша идеология. Именно потому что я несу, как активный участник, ответственность не только за свои действия, но и за деятельность всей организации правых, я, граждане судьи, должен твердо и ясно заявить: Бухарин здесь не все сказал, он скрыл многие нити и связи, пытался уклониться от ответственности за тяжкое свое преступление. Не идеологом был у нас Бухарин. Мы, заговорщики, в идеологах не нуждались. Бухарин был организатором правых заговорщиков, он подбирал и расставлял людей, давал задания и требовал отчета. Бухарин был инициатором практики террора, вредительства, диверсий и всей системы пораженческих мероприятий, он был основным руководителем шпионской деятельности и держал в своих руках концы решающих связей с разведками фашистских стран.

Так и только так я его знаю, так я воспринимал его и в прошлом, как, впрочем, воспринимали его и все другие члены организации. Бухарин такими же и так же, такими же приемами и методами руководит организацией правых, какими Троцкий руководил всем право-троцкистским блоком.

Почему Бухарин не договаривает всей правды, — у меня возникал этот вопрос, и он не мог у меня не возникнуть, когда мы перед народом несем ответственность за наши тягчайшие, невиданные в истории революционного рабочего движения преступления? Потому не договаривает, я думаю, Бухарин здесь всей правды, что он в течение всех лет революции боролся с ней и сегодня продолжает оставаться врагом, потому что он хочет сохранить те остатки враждебных сил, которые еще прячутся в своих норах.

Я как человек, хотя и не принадлежавший к центральному ядру руководства правых, но бывший активным заговорщиком и хорошо знающий Бухарина, считаю своей обязанностью здесь заявить: после краха наших расчетов на кулацкое восстание единственной нашей надеждой оставались упования на поражение Советского Союза в войне. В своих показаниях мне не удалось достаточно выпукло выявить, как глубоко вошло пораженство в плоть и кровь нашей организации. Нужно подчеркнуть, что мы, члены право-троцкистского блока, срослись с мыслью о пораженстве так же крепко, как и с двурушничеством, пораженство, так же, как и двурушничество,

[1] Знак абзаца (синие чернила).

вошло буквально в психологию каждого из нас. Где бы я ни встретился с членом нашей организации, непременно заводились разговоры о том, что непременно война начнется в ближайшее время, что подготавливаемый нами разгром Советского Союза в корне изменит наше положение. Я хотел войны, ждал ее. Я помню, что всякие дипломатические успехи Советского Союза, отодвигающие войну, всякие успехи единого фронта в борьбе с фашизмом и войной вызывали у нас у всех уныние и подавленность.

Нужно потерять последние остатки совести, чтобы отрицать нашу ставку на пораже*нчество*[ство] и установку фашистской диктатуры.

По вопросу о пораженстве, вспоминаю еще одну характерную подробность как разговор с Бухариным в 1936 г. Бухарин, утверждая необходимость рядом диверсионных и террористических ударов сорвать оборону страны, говорил о том, что правые в Северном крае очень лениво готовят повстанческие кадры, и приводил следующее: конечно, за помощь придется заплатить уступками окраин. Даром не дают, не помогают. Но, в конце концов, не обязательно России быть одно шестой частью мира; она может быть и одной десятой. Ведь не в этом главное, говорил Бухарин, и этого не понимают люди, лишь боящиеся страшных слов.

Я не утаиваю правды, я не щажу себя. Я также не могу уклониться от правды, чтобы щадить своих сообщников. Я был пораженцем и шпионом, и таким также был и мой руководитель Бухарин.

Чтобы стало понятно состояние мое ко времени ареста, я хочу еще сказать несколько слов о той отравляющей удушливой атмосфере, которая царила в нашем контрреволюционном подполье.

К массам трудящихся мы, люди подполья, относились трусливо, злобно. Мы, заговорщики, издевались над честными людьми, старались под всякими предлогами затащить честного человека в наше болото, мы двурушничали. Каждого новичка мы старались толкнуть на какой-либо акт вредительства, чтобы взять его под свое влияние под предлогом его разоблачения. Вербовку кадров мы широко использовали различного рода провокацией. Этих новичков заговорщики держали в своих руках.

Как я уже говорил в своем показании, у меня немало было моментов, когда на сердце, что называется, кошки скребли, и настойчиво билась мысль пойти, рассказать об организации правых, но я этого не сделал.

Мне особенно тяжело перед народом, перед широкими массами, что я стал изменником родины, стал предателем. Но я должен сказать, что теперь я все рассказал суду о своих преступлениях. Когда я начинаю анализировать свои преступления и хочется найти смягчающее обстоятельство для меня, то среди этих гнусных преступлений я не нашел ничего смягчающего. Только после ареста я почувствовал, что мне стало легче, что действительно я покончил со своими гнусными делами. Я почувствовал, что путь у меня теперь один до конца. Я почувствовал, что я сейчас остался один, а против меня весь народ.

Я не мог больше бороться. Мне стало ясно, что мы очутились перед крахом. Что моя борьба с советской властью закончена, и мне стало очевидно, что продолжать борьбу невозможно. Вот почему я на следствии и на суде рассказал всю правду без утайки. Я рассказал все и до конца. Я сейчас нахожусь в таком положении, когда на мне лежит тяжеловесное преступление: измена, предательство, террор.

Мне сейчас стало гораздо легче, т.к. я полностью раскрыл свои преступления.

Граждане судьи, я испытываю сейчас по отношению к приговору двойное чувство: тяжело продолжать жить, когда ты прошел черную зловонную

яму. Когда я думал, нет ли чего-либо смягчающего мою вину, нет ли такого преступления, о котором я мог бы сказать, что этого я не делал, то этого я не нашел.

Мои преступления сводились к провокации, активному участию в право-троцкистском блоке, измене[а] родине, вредительству[е], диверсиям[х], повстанчеству. С таким послужным списком, товарищи, трудно жить. Но, с другой стороны, живет во мне обратное чувство. Граждане судьи, я должен сказать, что я приму самый тяжелый приговор, но невыразимо умирать, так тяжело умирать тогда, [мы] *когда я*, наконец, очистился[ись] от всей этой грязи, мерзости. Если мне дадут возможность доказать свою преданность, то я буду честно и преданно работать на пользу народа.

Я прошу советский суд дать мне эту возможность, я прошу пощады у советской власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово имеет подсудимый Крестинский.

КРЕСТИНСКИЙ. Граждане судьи, на скамье подсудимых я один из старейших по стажу активных участников в политической жизни. Я начал мою революционную деятельность 18-летним юношей — в 1901 г. и в течение 20 лет до 1921 г., т.е. до момента, когда я вместе с Троцким начал свою борьбу против партии и советской власти, приведшей меня, в конце концов, на скамью подсудимых, — я вел честную большевистскую работу.

Во время предварительного следствия и на судебном следствии я ни одним словом не обмолвился об этом, не осветил период моей жизни в революционной борьбе, потому что я считаю, что на скамье подсудимых я должен держать ответ за свои контрреволюционные дела, а не раскаиваться.

И только в последнем слове я нахожу возможным, прежде чем перейти к изложению и суровой оценке своих суровых преступлений, вкратце остановиться и на этих моментах моей жизни, т.к. задача последнего слова — дать суду полное представление о преступнике, в том числе, и о том времени, когда он еще не совершал преступных деяний.

Первый этап моей революционной работы (1901—1905 гг.) связан с первой революцией 1905 г. Эти годы я частично провел в Петербурге и, главным образом, в Северо-Западном крае. Это было время после II Съезда, когда после выхода Бунда и польской социал-демократии в партии, когда нам приходилось вновь создавать партийную организацию. Я, будучи одним из руководящих работников края, работая почти во всех городах Северо-Западного края, подвергся неоднократно арестам в Петербурге и разных краях, высылался, и к концу 1906 г. не мог оставаться в этом районе, где нелегальная работа была для меня закрыта.

Я перебираюсь в Петербург, где устанавливаю связь с *Лениным, Надеждой Константиновной Крупской и Михаилом Ивановичем Калининым, который работал в Василе-Островской организации и профсоюзах.*[1] Я в этот период работаю в «Звезде» и «Правде». Работая здесь, я ежедневно имел постоянное руководство со стороны Сталина, руководство Ленина, который, почти ежедневно, присылал свои статьи и письма в «Правду». Я участвовал в избирательной борьбе. Был выставлен в IV Государственную думу и должен был бороться на собраниях со всеми крупнейшими людьми. Я руководил страховой работой, наконец, работа в IV Государственной думе, в большевистской фракции, в думе, являющейся фактически русским бюро ЦК и объединявшей все легальные и нелегальные партии. Ко мне предъяв-

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила).

лялись повышенные требования, и я рос на этой работе. В это время Ленин сидел в австрийской тюрьме, Сталин и Свердлов были на туруханской ссылке. Мы определили свою позицию как пораженцы, как сторонники превращения империалистической войны в войну гражданскую. Я был на Урале, потом в Свердловске, потом в глухом городе Кунгур.

В марте месяце на происходящем совещании большевиков, *руководимым т. Сталиным, я целиком и полностью поддерживаю Сталина в его борьбе против всех колебаний и шатаний*[I]. В 1917 г. я перевожусь на Урал, руковожу там работой. В 1918 г. перебрасываюсь в центр и после мятежа «левых» эсеров и восстания[298] становлюсь Народным комиссаром финансов. *Потом, после смерти Свердлова, я назначаюсь Секретарем ЦК*[II]. Я был организационным помощником Ленина. Через меня проходила ежедневная текущая работа ЦК.

По всем основным экономическим и политическим вопросам периода гражданской войны я разделял политическую линию Ленина и Сталина и полностью и целиком поддерживал их.

[III]*Отсюда* мое политическое сближение с Троцким, приведшее меня к активной враждебной работе против советского строя, произошло при следующих обстоятельствах.

Перед X съездом партии я принял участие в профсоюзной дискуссии на стороне так называемой цектрановской, троцкистской оппозиции в качестве одного из ее руководителей. В отличие от Троцкого, я рассматривал разногласия по этому вопросу как временные, приходящие разногласия по одному определенному тактическому вопросу. Я полагал, что после съезда я смогу лояльно продолжать свою партийную работу, и, действительно, состоялось решение ЦК о том, что я после отпуска, согласно своему желанию, отправлюсь на Урал в состав Уральского бюро ЦК для партийной работы на Урале. Но, когда во время моего нахождения в отпуску в Германии вопрос был перерешен и состоялось постановление о назначении меня полпредом в Германию, Троцкий, по моем возвращении осенью в Москву, стал нашептывать мне, что я человек, не знающий заграницы, не знающий иностранных языков, не подхожу для дипломатической работы, и мое назначение вызвано отнюдь не деловыми соображениями, а желанием не подпустить меня к партийной работе, и что я уже не смогу нормальным путем снова попасть на руководящую партийную работу.

[Это подействовало на меня и] *В 1921 г.* я принял предложение Троцкого включиться в нелегальную троцкистскую работу, которую он тогда начинал, [в составе нелегальной троцкистской организации, которая начинала уже] формир*уя*[овать] силы и кадры для последующих открытых выступлений.

Тут же было образовано бюро, [ЦК из троцкистов] *состоявшее из Троцкого,* Серебрякова, Преображенского, Пятакова и меня. Это было в октябре 1921 г., [и] с этого момента начинается моя нелегальная борьба против партии.

Весной 1922 г., когда я приехал на XI съезд партии[299], Троцкий поднял вопрос о денежных средствах на внутрипартийную борьбу, на борьбу против ЦК, которая представлялась ему затяжной и острой. Присутствовавший при этом Виктор Копп предложил попытаться получить деньги из германского Рейхсвера. Это предложение вызвало сначала некоторое колебание с моей стороны, но потом я принял это предложение и сыграл активную роль в за-

[I] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила).
[II] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синие чернила).
[III] Рядом на полях помета (простой карандаш): «*910 нач.*».

ключении [этого] изменнического соглашения. [Таким образом, на первых шагах моей нелегальной борьбы, я имел дело с иностранной буржуазией.]

К концу 1923 г. [заканчивается подготовительная работа троцкистской организации и] происходит [первое] открытое нападение *троцкистов* на партию. Поражение, которое [было понесено нами] *потерпели мы* — троцкисты[ами] — только усилило наше озлобление и обострило [характер нашей] борьбу.[ы.]

В 1926—1927 гг. троцкисты предпринимают ряд вылазок против Центрального Комитета. Одновременно начинается троцкистская борьба и в западных компартиях. Рейхсвер, воспользовавшись этим моментом, предлагает нам [помочь в деле] *не только* усил*ить*[ения] нашу[ей] шпионск*ую*[ой] деятельность[и], но [говорит о] *и дать* некоторые[х] политические[х] обещания[х] о последующих [за ними] экономических концессионных уступках на Украине, в случае, если мы придем к власти. Троцкий и мы, боясь, в момент острой борьбы, лишиться источника средств, даем согласие [свое согласие] и идем на углубление этого изменнического соглашения.

В конце 1927 г. Троцкий бросает на борьбу все свои силы, но терпит сокрушительное и окончательное поражение. Троцкисты исключены из партии. Большая часть руководителей их отправлена в ссылку. [Мы понимаем, что и партийные, и беспартийные м] *М*ассы против нас, [что мы не можем рассчитывать на успех в массовой борьбе и таким путем прийти к руководству в партии. Мы понимаем, что открытая борьба[1] для нас] не сулит *нам* никакого успеха. Троцкий, в связи с этим, дает указание всем исключенным и находящимся в ссылке возвращаться в партию, подавая двурушнические заявления об отказе от своих взглядов. [, и о] *О*дновременно *он* дает указание восстанавливать нелегальную троцкистскую организацию, которая [, в отличие от прежней троцкистской организации 1921 г., подготовлявшей силы для открытых выступлений,] должна носить уже чисто заговорщический характер.

[Здесь не говорилось о том, какими методами должны была действовать новая организация, но все мы понимали, что новая троцкистская организация должна нащупать новую тактику и новые методы борьбы. Эти м] *М*етоды *ее* борьбы [постепенно оказались теми, к которым мы впоследствии пришли] — подготовка вооруженного переворота. [и как с] *С*редство для достижения этой цели — террор, вредительство, диверси*и*.[я.]

Параллельно с изменением тактических установок идет *и* изменение [и их] программы. Мы всегда считали невозможным построение социализма в одном СССР, поскольку в других странах сохранялся буржуазно-капиталистический строй, а в некоторых пришли к власти фашисты. Мы считали необходимым перейти на допущение в стране капиталистических отношений, а затем, по мере углубления наших связей с иностранной буржуазией, мы на этом пути дошли до прямого буржуазного реставраторства.

Во время [моего] свидания в Мексике, в октябре 1933 г. Троцкий *[мне]* изложил *мне* в развернутом виде буржуазно-реставраторскую программу нашей заговорщической организации и программу свержения существующего в стране социалистического общественного строя с применением для этой цели террора, вредительства и диверсии, и с последующим расчленением Советского Союза, с отделением от него Украины и Приморья.

Я принял эту предложенную Троцким программу, согласился и с новыми методами борьбы, и с этой минуты несу полную политическую и уголовную

[1] Фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

ответственность за все эти методы борьбы. [, независимо от того, какая контрреволюционная борьба была проведена лично мною.]

В феврале 1935 г. Пятаков сообщил мне, что между нами, троцкистами, правыми и военной группой Тухачевского состоялось соглашение о совместном совершении вооруженного переворота. С этого момента я несу ответственность не только за действия троцкистов, но и за действия правых и за действия военных заговорщиков.

Я не могу, однако, не сказать, что моя личная контрреволюционная работа до начала 1937 г. носила строго ограниченный характер и сводилась, во-первых, к установлению и поддержанию нелегальных связей между троцкистским центром в СССР, в лице Пятакова, и Троцким, находящимся за границей, во-вторых, в осуществлении нашего изменнического соглашения с Рейхсвером до конца 1930 г., а с конца 1935 г. — к подбору кадров для правительственного аппарата, который должен был прийти к власти в результате контрреволюционного переворота. По этой своей контрреволюционной работе я был связан с Пятаковым как руководителем троцкистского центра, с Розенгольцем, который вел ту же работу, с Рудзутаком — представителем центра правых, и с Тухачевским — руководителем военной заговорщической организации.

Я останавливаюсь на этом ограниченном характере моей личной контрреволюционной деятельности, не потому что хочу снять с себя ответственность за террор, за вредительство, за диверсии, за непосредственную подготовку вооруженного выступления. Я уже сказал, что с конца 1933 г., а затем с конца 1935 г. я несу ответственность за все эти виды контрреволюционной работы. Но для установления степени моей личной ответственности, как указал это и гражданин Прокурор, имеет значение, какие контрреволюционные действия совершил я сам и о каких контрреволюционных актах, совершенных другими участниками заговора, я знал.

Поэтому я считаю необходимым подчеркнуть, это суду известно из актов следствия и судебного следствия, что до начала 1937 г. я не принадлежал к числу руководителей ни троцкистской организации, ни право-троцкистского центра. И только с февраля 1937 г., когда я, Розенгольц и Гамарник взяли на себя объединение всей троцкистской нелегальной работы, и когда мы с Розенгольцем вошли в состав центра право-троцкистского блока, я стал непосредственно заниматься и подготовкой вооруженного переворота и связался с работой по организации террористических актов.

Я считаю необходимым [также] подчеркнуть, что о террористических актах, перечисленных во II разделе обвинительного заключения, я не имел ни малейшего представления и узнал о них лишь, [за несколько дней до процесса,] когда мне была вручена копия обвинительного заключения.

Дальше я считаю свои долгом сообщить суду, хотя это не уменьшает, а скорее, увеличивает мою ответственность, что у меня за последние два года перед моим арестом неоднократно возникало сомнение о правильности того контрреволюционного преступного пути, по которому я шел вместе с другими троцкистами. Как я ни был подвержен, как ни хотел видеть то, что усиливало контрреволюционные концепции, я стоял в центре правительственной работы и не мог не видеть, как увеличивалась мощь и богатство в Советском Союзе, как росло благосостояние трудящихся, и какой огромный культурный подъем происходил в нашей стране. *[И передо мною вставала мысль, не является ли преступлением для борьбы против советской власти то, что я делаю вместе с другими троцкистами. Но я отогнал это сомнение и с фантастическим упорством начал продолжать свое дело.]*[1]

[1] * * — текст зачеркнут, рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[Особенно остро встал этот вопрос после 1936 г., п] После ареста Пятакова и Радека и провала троцкистской организации. Я чувствовал, [что у меня не может надолго хватить сил, чтобы продолжать напряженно обостренную двурушническую работу и] что нужен конец: или пойти и рассказать о своей преступной деятельности, или ускорить переворот. [, что приведет или к гибели, или к победе.] Я скатился к этому последнему, пошел на преступление. Это, конечно, соответствовало и настояниям Тухачевского и Троцкого, и я начал усиленно осуществлять и подготовлять переворот в самом ближайшем будущем.

[В начале мая 1937 г. началась огромная работа военной организации, и моя связь с правыми, а в конце мая я был арестован.] И [я] только после ареста [, я должен был все рассказать, как должен был сделать каждый честный человек,] я подвел критические итоги моей контрреволюционной деятельности. Я убедился в призрачности наших надежд [, что как призрачны были наши надежды] и ощутил [ясно] всю безнадежность и всю преступность нашей борьбы. Я сделал из этого вывод и сейчас же на первом допросе рассказал следственным органам то, что наиболее тяготило меня последние 15 лет, что было самым тяжелым и позорным фактом в моей жизни, — это о моей связи с германской военной разведкой. Но я не сделал тогда еще вывода до конца. Я не рассказал всего, я не раскрыл троцкистской организации, не рассказал о своей преступной деятельности. Не назвал всех сообщников. Я это сделал, не потому что хотел дать организации возможность продолжать ее контрреволюционную борьбу. ...наоборот, если бы я считал, что организация не разбита, что могут еще последовать террористические или диверсионные акты, я бы рассказал сейчас же обо всем этом, потому что я осознал в первые же дни ареста всю преступность нашей борьбы, но я считал, что организация разбита, разгромлена, что она не способна больше к действию, и что речь идет, поэтому, о разоблачении позорной прошлой деятельности той организации, с которой я был связан 15 лет, и о том, чтобы назвать моих сообщников — людей, уже разбитых, фактически не опасных. Старые навыки мысли, старые личные связи помешали мне тогда сделать это, и потребовалось еще четыре месяца, во время которых я осознал и перестрадал свою преступную деятельность, для того, чтобы я подробно рассказал следствию о всей своей контрреволюционной работе, о работе организации, с которой я был связан, и назвал своих сообщников. Конечно, я не смог дать следствию полной картины всей работы, *я не смог назвать всех троцкистов, участвовавших в организации, но только потому что сам я не знал всего и не знал всех, ибо пришел к руководству организацией только за три месяца до своего ареста*[I], так что никто мне не передавал ни дел, ни связей организации, *а я начал в явочном порядке сам собирать силы организации*[II]. Я надеюсь, что совокупность моих показаний и показаний других арестованных троцкистов дали в руки следствию необходимую нить, и что троцкистская организация в настоящее время ликвидирована с корнем. После этого до суда прошло еще пять месяцев. Я продолжал тяжело переживать свою преступную деятельность. Я не только разоружился, перестал быть врагом — я перевооружился, я стал другим человеком, и во мне не осталось ничего от былого сотрудника Троцкого, который вел активную борьбу против советской власти. [III]Этому, граждане судьи, не противоречит

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).
[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).
[III] Знак абзаца (синие чернила).

мое поведение во время первого дня процесса. Я признаю, что мой отказ признавать себя виновным объективно являлся контрреволюционным шагом, но субъективно для меня это не было враждебной вылазкой. Я просто все последние дни перед судом находился под тяжелым впечатлением тех ужасных фактов, которые я узнал из обвинительного заключения и, особенно, из его второго раздела. Мое отрицательное отношение к преступному прошлому после ознакомления с этими фактами, конечно, не уменьшилось, а только обострилось, но мне казалось выше моих сил перед лицом всего мира, перед лицом всех трудящихся признать себя виновным. Мне казалось, что легче умереть, чем создать представление у всего мира о моем, хотя бы отдаленном, участии в убийстве Горького, о котором я действительно ничего не знал.

Я кончаю. Мои преступления перед родиной и революцией безмерны, и я приму, как вполне заслуженный, любой ваш самый суровый приговор. [Но я] *Я* прошу вас, граждане судьи, при вынесении приговора учесть, что я сам добровольно, без предъявления мне очных ставок и других изобличающих материалов, *откровенно и до конца рассказал о своей преступной деятельности и о деятельности моей организации*[I]. Я прошу вас принять во внимание, что я не принимал непосредственного участия в наиболее острых формах борьбы — в терроре, диверсиях, вредительстве и не знал конкретно об этих действиях. Я прошу вас вспомнить о [старых, но долгих годах] о *прежней* моей [действительно][II] революционной работе[ы], поверить мне, что я за эти девять месяцев коренным образом изменился, и, пощадив мне жизнь, дать мне возможность в любой форме, хотя бы частично искупить мои тяжелые преступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Зубарев, имеете последнее слово.

ЗУБАРЕВ. Граждане судьи, предъявленные мне обвинения в преступлениях [обвинительным заключением] против советской власти я признаю[л на предварительном следствии] и *подтверждаю* целиком и полностью. [их подтвердил на судебном процессе. Я уже в своих показаниях на судебном процессе о своей преступной деятельности против советской власти заявлял, что я] *Я* являлся одним из организаторов и руководителем контрреволюционной подпольной организации правых на Урале, [что я] руководил вредительской работой в области сельского хозяйства на Урале и здесь, в Москве, когда работал в Наркомземе, [что я] являлся одним из руководителей террористической группы, [что я, хотя и не будучи непосредственно связан с иностранными разведками,] вел шпионскую *и провокаторскую* деятельность. [Я признал точно так же и свою провокаторскую деятельность.] Я сознаю всю глубину своего падения и всю тяжесть совершенных мною преступлений. Я также сознаю всю тяжесть ответственности перед пролетарским судом. Я целиком и полностью согласен с речью государственного обвинителя, с квалификацией преступной деятельности и с предъявленной им высшей мерой наказания. Требуемая мера наказания является заслуженной карой за тяжесть тех преступлений, которые я совершал. И нет такой меры наказания, которая не могла бы быть оправдана тяжестью этих преступлений.

Сознавая свою ответственность, я не могу и не хочу себя ни защищать, ни оправдывать. [, ни, тем более, на кого бы то ни было возлагать, перелагать

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[II] Вероятно, слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

свою ответственность за тяжесть своих преступлений. Я не младенец.] Было бы смешно и лживо заявлять перед судом, что я [жертва,] несчастная жертва малоопытности или малой сознательности и введен в заблуждение [и] какой-то посторонней рукой. [бессознательно был втянут в цепь контрреволюционных преступлений.] Но, не защищая себя и не оправдывая, я хочу заявить вам, граждане судьи, что [, как на предварительном, так и здесь, на скамье подсудимых, на судебном процессе я со всей искренностью, честно и] *я* до конца сказал все как [лично] о своей деятельности, так и о деятельности тех из соучастников, о преступной деятельности которых я знал сам лично.

Я, конечно, в моем положении не могу привести никаких фактов и вещественных доказательств искренности моего раскаяния и того, что я все, что имел из своей преступной деятельности, сказал. У меня единственный довод, если только это может служить доводом и основанием, — это предварительный следственный материал и мое честное поведение и признание всех своих преступлений на судебном процессе. [Но *И* если, граждане судьи,[I]] эта искренность хоть бы в какой-нибудь мере могла бы служить основанием для смягчения тяжести моих преступлений и для облегчения судебного наказания, [и если] *если* бы мне была сохранена жизнь, [я искренне и честно заявляю, что] я сумел бы [на деле,] на практической работе оправдать не только на словах, но и на деле выраженное мне *доверие судом*[II]. [Я кончил.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Рыков имеет последнее слово.

РЫКОВ.[III] В своем последнем слове я [прежде всего хочу] подтверж*даю*[дить] то признание *в* своих чудовищных преступлени*ях*[й], которо[ы]*е* я сделал на судебном следствии. [на вопрос государственного Прокурора при опросе Председателя суда. Я совершил тягчайшие государственные преступления.] Я изменил родине. Эта измена выразилась в сношениях с заклятыми врагами Советов, [выразилась] в ставке на поражение. В своей борьбе правотроцкистский [блок внутри страны] использовал весь арсенал всех средств борьбы, которые когда-либо применялись заговорщическими организациями.

Я был не второстепенное лицо во всей этой контрреволюционной организации. [, поэтому я должен нести сугубую ответственность за все это.]

Мы подготовляли государственный переворот, [имели организацию в армии,] организовывали кулацкие восстания и [организовали] систему террористических ячеек, признавали[IV] террор как метод борьбы.

[Я в своих показаниях подробно изложил все, что я делал в области террора.] Я [со многими людьми говорил,] пропагандировал и организовывал с Нестеровым на Урале специальную террористическую организацию. Я вел в 1935 г. разговор с Котовым, возглавлявшим террористическую организацию в Москве, и т.д. и т.п.

Но государственным обвинителем выдвинуто против меня обвинение, в котором я непосредственного участия не принимал и которое признать не могу. Это обвинение в вынесении решения или в даче директивы убийства Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького, Пешкова. [В этом преступлении я не виновен.][V]

[I] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] * * — инверсия — «*судом доверие*»

[III] * * — подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[V] Зачеркнуто (синие чернила), подчеркнуто горизонтальной волнистой линией (красный карандаш), рядом на полях вертикальная линия и знак вопроса (синие чернила).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Нельзя ли говорить погромче, очень плохо слышно.

РЫКОВ. Мне трудно говорить.

Совершенно несомненно, что наша ставка на террор, защита террора не могла не оказать влияния и возникновения этих убийств. [Может быть, е] Если бы этот террор как метод не признавался, если бы мы его не защищали, то не произошло бы [смерти,] убийства этих людей. В этой части я ответственность должен нести. *[, но какого-либо участия в решении убийства Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького, Пешкова я не принимал.]*[I]

Тут подробно были изложены те улики, которые по этому поводу выдвигаются против меня, они покоятся на заявлении Ягоды, который ссылается на Енукидзе.

Ни одного большого прямого свидетеля, ни одного прямого, уличающего меня доказательства не было приведено на судебном следствии. Судебное следствие не располагает такими материалами. *Причем некоторые из людей, из членов организации, которые имели прямое отношение к этим убийствам, они встречались со мной, другие могли встретиться.*[II] Я себе задаю вопрос, если они знали, что я давал указания или участвовал в качестве руководителя убийства, почему никто из них ни разу ни одном словом не обмолвился со мной по этому вопросу? Этого не было.

Убийство Кирова было предметом обсуждения двух судебных разбирательств. Перед судом прошли и непосредственные участники, и организаторы, и руководители этого убийства. Я не помню, чтобы в какой-нибудь связи тогда было названо мое имя.

Государственный обвинитель во второй части своего обвинения меня по этому поводу пришел к логическому доказательству, сказал фразу, что это все доказано показаниями Ягоды. Вот вам логика, которая, безусловно, говорит за это. [III] Я должен сказать, что я не могу отрицать того, что государственный обвинитель, исходя из всей суммы моей контрреволюционной деятельности, имеет основание подозревать меня в этом и искать улики, заключающие это. Одних логических построений недостаточно, мне кажется, для того, чтобы обвинить человека, правда, [необычайно] уличенного, уличенного необычайно тяжелым преступлением, чтобы его обвинить в этих [новых] контрреволюционных делах. Мне кажется, *что здесь нужны какие-то объективные доказательства, объективные улики.*[IV]

Перед нами прошел вопрос блока «левых» эсеров с «левыми коммунистами», имевшим место 20 лет тому назад. И этот эпизод в контрреволюционной борьбе, эпизод, имевший значительное последствие, приведшей к убийству Мирбаха, к выстрелу Каплан и ранению Ленина[300], но имеющий данность, все-таки 20 лет, несмотря до некоторой степени и на историческое значение, *разбирательство этого дела было поставлено, мне кажется, совершенно исчерпывающе, не допускающим никаких сомнений*[V]. Были очные ставки, непосредственные прямые свидетели как из «левых» эсеров, так и от «левых коммунистов», были очевидцами всего этого дела. Почему же по вопросу об убийстве пяти ответственнейших политических деятелей можно выносить решение с облегченными уликами от логики государственного обвинителя?

[I] * * — рядом на полях знак вопроса (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[III] Знак абзаца (синие чернила).

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила)

[V] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

Мне кажется, что это было бы неправильно. *Я, во всяком случае, отрицаю свою виновность в участии в этих пяти убийствах.*[I]

[Я должен несколько слов сказать и относительно Горького. По вопросу относительно Горького, я был опрошен на предварительном следствии и государственным обвинителем.] До своего ареста я [лично] считал, что Горький умер естественной смертью. [и об его убийстве узнал только во время своего заключения. Я с величайшей тщательностью воспроизвел у себя в памяти все, чтобы помочь следствию найти виновников и корни этого убийства. Я] *Но во время своего заключения я* вспоминал все разговоры, которые были не только с Енукидзе, но и [разговоры свои] с Авербахом приблизительно в 1928—1930 гг. относительно Горького. [Я старался вспомнить все, чтобы дать следствию весь материал, который мог бы помочь найти виновника этого убийства.]

Разговор с Енукидзе [(я теперь совершенно ясно понимаю) он] был мною недооценен, [т.е.] я недооценил той опасности, которая таилась в этом разговоре для жизни Горького. Но [, когда я разговаривал с] Енукидзе [по этому поводу, причем не было произнесено слово террор и слово убийство, он] высказывался только по вопросу о ликвидации политической активности Горького, говорил необычайно резко. [я ему возражал и разговор на этом окончился.] У меня не создалось впечатления после разговора с Енукидзе о грозящей Горькому опасности. В этой недооценке я, безусловно, виноват. Теперь мне совершенно ясно, что это был своего рода сигнал готовящегося на Горького покушения. [Но в тот период, когда разговор этот был, я не учел этого.]

[Государственный обвинитель спрашивает: скажите, почему же Киров, почему не другой, ведь вы не были за террор. Но быть за террор и убивать направо и налево — это не одно и тоже.] Когда мы обсуждали вопрос о терроре, [(я это показал на следствии),] мы расценивали террор как средство нанести удар по наиболее ответственному и [по отношению к нам] наиболее мощному звену в партии. Когда мы говорили об этом, перед нами всегда маячили такие имена, как Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович. [, но я не помню ни разу, чтобы было названо имя Менжинского, Куйбышева, Максима Пешкова или Горького.]

Но, повторяю, ту ответственность, которая на нас падает за [создание для такого рода] убийств*о*[а] *Менжинского, Куйбышева, Максима Пешкова и Горького,* соответствующ*ую*[ей] обстановк*е*[и в] нашей организации, принят*ию* террора в систем*е*[у] средств нашей борьбы с партией, — это я, безусловно, должен и обязан принять, и для этого я поработал не меньше, чем какой-нибудь член контрреволюционной организации.

Я на следствии стремился как можно полнее изложить все, что сохранилось в моей памяти относительно контрреволюционной деятельности членов нашей контрреволюционной организации.[II] Это трудно было сделать, речь идет об очень больших промежутках времени — 8—9 лет, и о большом количестве лиц, об очень законспирированной заговорщической организации, законспирированной настолько, что только на этом процессе я впервые узнал о принадлежности к нашей контрреволюционной организации таких ее членов, как Иванов, Шарангович. Так что я не могу, и никто из членов центра не может воспроизвести всю картину полностью. Тут воз-

[I] * * — рядом на полях перечеркнутая вертикальная линия (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш). Вероятно, правка И.В. Сталина.

можны отдельные разноречия в показаниях отдельных руководителей контрреволюционной организации. Мне кажется, что эти разноречия и не имеют никакого существенного значения. Но здесь на судебном разбирательстве у меня был несколько раз обмен репликами со своим сопроцессником Черновым. Я касаюсь этого вопроса не потому, что это имеет особо большое значение, и то, о чем речь идет, имеет какое-то принципиальное значение. Я касаюсь этого вопроса только для того, чтобы избегнуть упрека в неискренности, упрека в том, что я что-то скрыл. Мне кажется, что Чернов подал мне целиком неправильную реплику. Конечно, у каждого память может изменить в некоторых случаях, но в этом случае я не допускаю, чтобы я мог забыть о том, что я практически руководил контрреволюционным вредительством Чернова в Наркомземе. Забыть этого нельзя. Я этого не помню. В тех случаях, когда было вредительство, не менее тяжелое вредительство, как это было в Белоруссии, я себя целиком виновным признаю. Мне кажется тут подозрительным то, что Чернов всячески старается возвеличить мой авторитет и всячески уменьшить свою роль в этом вредительстве, сделать ее как можно более маленькой. Я должен сказать, что это неправильно. В период моей первой встречи с Черновым в 1928 г., когда я хотел его завербовать в контрреволюционную организацию, я в нем уже встретил совершенно готового контрреволюционера, который дорос и даже перерос те контрреволюционные убеждения, которые у меня были, без всякой помощи с моей стороны. Так что его способность контрреволюционного самостоятельного роста ни в коем случае нельзя отрицать. И это же самое нельзя отрицать его способность заниматься контрреволюционной работой в Наркомземе, а не ждать только обязательно указаний или от меня, или от немецких фашистов. Здесь он хочет казаться меньшим, чем был на самом деле.

Относительно Гринько, возможно, запамятуя, или с моей стороны, или с его стороны, я это допускаю, но прошу обратить внимание на то, что речь идет о разговоре, который имел место в 1936 г. Он тоже очень чтит мой авторитет. Поскольку и авторитет был мой, советы или директивы, они не могут не иметь своего смысла, но вредительство в Наркомфине, сношение с немцами, было до моего разговора в 1936 г. Это самое существенное, что имеет значение в этом показании Гринько.

Я еще хочу сказать несколько слов о Бухарине. [Хотя он, благодаря своему поведению на процессе, обратился в мальчика для битья, но тут во время моих реплик в Бухариным, г Государственный обвинитель сделал упрек в том, что я выгораживаю своего дружка.[I]] Государственный обвинитель был совершенно прав, называя Бухарина моим дружком, потому что я с Бухариным был действительно очень близок. Но я [по мере своих сил, по-моему, достаточно изобличил его здесь на суде, чем Бухарин во время дачи им своих показаний.]

[Вдобавок к этому] хотел бы [еще] сказать, *что* неправильная, [разумеется,][II] ссылка Бухарина на какое-то разделение труда. Он говорит, что нес дополнительную нагрузку как литератор.[а.] Он ни в коем случае ни в чем не был меньше активен, чем любой из нас. Я мог бы назвать одну область, в которой ему, мне кажется, принадлежала инициатива и ведущая роль с самого начала, — это сколачивание блока. Она у Бухарина вытекала из того,

---

[I] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] Слово восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

что еще в период борьбы с Троцким он занимал специфическую позицию и говорил о том, что им нужно сживаться, борясь. Это типичный бухаринский словесно-логический курбет, но который означал его желание сохранить Троцкого. [И вот сколачивание блока было сношением с троцкистами, зиновьевцами, эсерами.] С самого начала организации блока Бухарину принадлежала вся активность и в некоторых случаях [он вставал выше меня уже по] *он ставил меня перед* совершившимся факт*ом*.[ам.] Я, конечно, не хочу снимать с себя ответственности в создании блока. [с Бухариным.] Я принадлежу к достаточно взрослым людям, чтобы мог ссылаться, что меня Бухарин в ту или другую сторону вел, но инициатива в этом отношении и наиболее активная роль, безусловно, принадлежала Бухарину.

Государственный обвинитель по отношению ко мне и к Бухарину был совершенно прав в том смысле, что нам необходимо отвечать за всю совокупность, за все последствия нашей контрреволюционной деятельности. Это совершенно правильно, и поэтому я, как один из основателей контрреволюционной организации правых, пользовавшийся среди правых некоторым, иногда значительным влиянием, — конечно, я отвечаю не только за то, что я лично делал, или за то, что делали по моим указаниям, и я знал, но за то, что вышло из этого. Конечно, может быть разная ответственность за то и другое, но я должен отвечать, — государственный обвинитель тут совершенно прав, — за то, что выросло на той чудовищной контрреволюционной основе, в создании которой я принимал, разумеется, немалое участие. И эта ответственность с моей стороны, конечно, превышает все разноречия по поводу отдельных фактов и отдельных деталей, которые до настоящего времени имеют свое место.

Это приблизительно все, что я хотел сказать в своем последнем слове. *Может быть, я живу уже последние дни, и, может быть, мое последнее слово является последним в буквальном смысле.*[I] [Поэтому я] [II] *Я* хочу под конец использовать [его] *последнее слово* для того, чтобы по мере сил повлиять на тех моих бывших сторонников, которые, может быть, до настоящего времени не арестованы и не разоружились и о которых я не знал или запамятовал. Так как я пользовался, правда, не таким, как говорит Чернов, влиянием, но некоторое влияние у меня, несомненно, было, то я не сомневаюсь, что если эти слова будут напечатаны, то они будут прочитаны, и, может быть, на тех или других бывших моих единомышленников окажут влияние. [Вот в этих целях я][III] [*Я*] хочу, чтобы, во-первых, мои бывшие единомышленники, еще не арестованные, знали, что я всех, кто сохранился в моей памяти,*[IV] как это принято выражаться в подполье, выдал, всех разоблачил...

[Второе, что мне бы хотелось] *Я хочу*, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали. [Я себя не причисляю к людям более, что ли, слабой воли и менее устойчивым, чем многие из членов нашей организации.] Мне бы хотелось, чтобы они на моем примере убедились в неизбежности разоружения и [чтобы они пришли к мысли о] немедленном разоружении, во что бы то ни стало и как можно скорее, чтобы они все поняли, что разоружение, даже с риском каких-нибудь лишений или даже ареста, это гораздо менее тяжелая вещь, это безум-

---

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

[II] Знак абзаца (синие чернила).

[III] Вероятно, фраза восстановлена — зачеркнута, подчеркнута горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия и знак вопроса (синие чернила).

но легкая вещь, вещь, которая одна только дает какое-то облегчение, чем носить в себе тот чудовищный груз, который вскрыт был и настоящим процессом. [I] В этом разоружении у них единственное спасение. Единственное спасение, единственный выход их заключается в том, чтобы помочь партии, помочь правительству разоблачить и ликвидировать остатки, охвостья контрреволюционной организации, если они где-нибудь еще сохранились на территории [нашего] Союза. [Это последнее. Для этого последнего я и хотел, главным образом, использовать свое последнее слово обвиняемого.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово имеет подсудимый Шарангович.

ШАРАНГОВИЧ. Граждане судьи, я не собираюсь защищать себя. [в последнем слове суду.] Я совершил мерзкие, подлые, тяжкие преступления перед страной и народом и хорошо понимаю, что должен нести полную ответственность за них перед пролетарским судом. Я изменил своей родине и как предатель не заслуживаю никакой пощады.

На протяжении долгого периода, начиная с 1921 г., я являюсь польским шпионом и проводил шпионскую деятельность в пользу польских разведывательных органов. За эти годы я по заданиям польской разведки активно осуществлял шпионские, изменнические задания, направленные на подрыв мощи Советского Союза, [направленные на обеспечение] *на* поражени*е*[я] Советского Союза в войне с фашистскими государствами. [В этом тяжком преступлении я полностью сознался и еще раз заявляю суду, что я виновен.] Я был одним из руководителей национал-фашистской организации в Белоруссии, которая вела борьбу против советской власти, которая вела борьбу за свержение существующего советского строя в стране. Руководствуясь прямыми директивам право-троцкистского блока, Рыкова и Бухарина персонально с одной стороны, с другой стороны, указаниями польского главного штаба, наша организация в своей [к.р.] *контрреволюционной* деятельности добивалась свержения советской власти и восстановления вместо нее капиталистического строя. Мы пытались осуществить задачу отторжения Советской Белоруссии от Советского Союза и отдачи под ярмо польских помещиков и капиталистов трудящихся Советской Белоруссии. Мы хотели поражения Советского Союза в предстоящей войне с фашистскими государствами, при помощи которых право-троцкистский блок, а под его руководством и мы, готовили свержение советской власти. В этом я также признаю себя виновным *и еще раз заявляю перед пролетарским судом, что виноват и должен нести полную ответственность.*[II]

Я виноват в том, что лично сам и под моим руководством национал-фашистская организация Белоруссии, руководимая центром правых, провела большую вредительскую диверсионную деятельность во всех областях народного хозяйства и культуры. Я подрывал вместе со своими сообщниками сельское хозяйство, уничтожал конское поголовье, лишал колхозников приусадебных участков, запутывал посевные площади, озлоблял в провокационных целях колхозников против советской власти.

В промышленности Белоруссии мы подрывали топливную базу, энергетическое хозяйство, задерживали темпы нового строительства, совершая ряд вредительских диверсионных актов.

Мы всеми мерами старались спровоцировать, опорочить национальную политику, ленинско-сталинскую национальную политику, и в этих целях на

[I] Знак абзаца (синие чернила).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила)

основных участках культурного фронта — школы, академии наук, высшие учебные заведения и др. — мы развернули большую вредительскую работу.

Не гнушаясь любых средств в своей борьбе против партии и советской власти мы шли по пути и физического уничтожения руководителей партии и правительства.

Я еще раз заявляю суду о своей деятельности по террору, которую я и организация проводили по директиве право-троцкистского блока и польского генерального штаба.

Я несу полную ответственность за создание террористической группы, за подготовку террористических актов против руководства партии и правительства. Во всей цепи совершенных мною преступлений перед советской властью я многократно виновен, конечно.

Я был сознательным человеком, политически развитым и не могу ссылаться и не имею право ссылаться ни на свои чувства, ни на свою несознательность, — это было бы ложь, было бы неправдой.

Я понимал, что значит цель, которую мы ставили, — отторжение советской Белоруссии от Советского Союза. Понимал и не только понимал, но видел рядом перед собой пример того, что означает это отторжение, что значит протекторат, — пример Западной Белоруссии, где трудящиеся находятся под ярмом польских помещиков и капиталистов.

Мне это было понятно, и, однако, я шел на эти преступления. Я понимал, что давая согласие стать польским шпионом и работать на пользу поляков, значит изменить родине. Чувствую все эти тяжелые, изменнические преступления. Я их совершал, в них сознался на следствии, перед вами. [и я] *Я* достоит самого сурового приговора собственного суда.

Собственно говоря, ведь меня — польского шпиона, долгие годы ведшего изменническую деятельность, — могли бы расстрелять и без открытого суда, но советская власть на меня тратит время, потому что я был уличен и ясно видел и на следствии в своей шпионской деятельности признался.

Если сейчас, являясь подсудимым на данном процессе, я не хочу останавливаться в своем последнем слове на всей этой подлой предательской деятельности, о соучастниках здесь сидящих на скамье подсудимых и руководителей в первую очередь, из которых некоторые, вместо того, чтобы искренне признать свои гнусные кровавые изменнические преступления, стараются за теоретическими фразами спрятаться за спины своих сообщников, стараются уйти от ответа перед пролетарским судом. Я думаю, что суд разберется и вынесет свой справедливый приговор. Я в этом глубоко убежден.

Я прочувствовал весь кошмар совершенных мной изменнических, предательских преступлений против советского народа, против советской страны. Я заявляю суду, что я искренне, до конца — и на следствии, и здесь на суде — сказал все. Я хочу только одного, чтобы мои преступления, о которых я рассказал открыто, послужили бы предупреждением для тех, кто еще попытается вести или ведет изменническую деятельность против Советского Союза, против народа. Каждый такой, как я, безусловно, будет раздавлен всей мощью советской власти. [1] Я не прошу пощады, ибо не достоин, граждане судьи, просить ее. [, и не хочу изливать здесь чувства и рассказывать свою родословную.] Я рассказал о своих преступлениях все и прошу это пролетарский суд учесть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв на полчаса.

---

[1] Знак абзаца (синие чернила).

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово предоставляется подсудимому Ходжаеву.

ХОДЖАЕВ. Граждане судьи, я на предварительном следствии и здесь перед вами рассказал подробно о всех тех тяжких преступлениях, которые были совершены под моим руководством националистическими организациями Узбекистана, я рассказал вам подробно о всех тех тяжких преступлениях, которые я совершил и как активный участник буржуазно-националистического движения и его руководитель в Узбекистане, и как союзник и участник правых контрреволюционеров и через них всего право-троцкистского контрреволюционного блока.

С первого момента моего ареста я встал на путь искреннего признания совершенных мною злодеяний. Я поступил так, потому что понял всю омерзительную сторону того, что было проделано буржуазными националистами в Узбекистане, я понял, какой огромный вред, какие колоссальные удары в разные период развития революции наносил*и*[о]сь этим буржуазно-националистическим движением и действиями его руководителей. Я понял, что я, в качестве одного из руководителей этого буржуазно-националистического движения, в качестве перебежчика на сторону контрреволюционных правых и право-троцкистского блока, совершил тяжкое преступление перед пролетарским государством, перед народами Союза Советских Республик и перед узбекским народом.

Став на путь искреннего признания своих заблуждений, ошибок, наконец, преступлений, я руководствовался только одним соображением: своим искренним признанием помочь следствию раскрыть все то контрреволюционное, черное, с чем я был связан, что меня связывало, что составляло то гнилое, что могло и в дальнейшем представлять опасность заразы. Я не пощадил ни себя, ни других участников моих контрреволюционных деяний, чтобы тем легче было советской народной власти, партии выкорчевать с корнем это зло. Я отказался от слова для защиты, ибо я не нахожу никаких доводов, даже ни одного слова для того, чтобы найти хотя какое-нибудь оправдание моему поведению, моим действиям, тем преступлениям, которые мною совершены. Мне нечем защищаться, и я не могу защищаться. Слишком много сделано плохого, слишком тяжелые преступления совершены, чтобы можно было сегодня говорить о каких-то оправданиях или чтобы можно было какими-нибудь словами их загладить.

Но я взял последнее слово и решил воспользоваться этим последним словом для того, чтобы еще раз перед пролетарским судом, перед всей нашей страной сказать, что я искренне, честно раскаялся, чтобы перенести через пролетарский суд это свое покаяние перед всем нашим советским народом, партией и правительством.

Гражданин государственный обвинитель дал уничтожающую характеристику деяний право-троцкистского блока. Он остановился и на характере деятельности буржуазно-националистических групп. Он говорил о результатах ленинско-сталинской национальной политики, о достижениях народов Советского Союза.

Я — на скамье подсудимых, я — преступник. Может быть, нехорошо будет звучать из моих уст, но я тем не менее хотел бы *сослаться* на ярк*ий*[ом] пример[е] той республики, которую когда-то я представлял (я говорю об Узбекистане). [, сказать здесь вам о том, что произошло за эти 20 лет пролетарской революции в этой когда-то отсталой колониальной стране, в стране сплошной неграмотности, нищеты и рабства.]

Люди, которые знали Узбекистан до революции, люди, которые побывали там 10 лет назад и которые смотрели ее последние годы, не могли узнать лицо этой страны. Почему? Потому что там все совершенно изменилось. [Ведь о] *О*громный подъем экономики, культуры, громаднейший рост политической активности широчайших масс народа, — [это такие громаднейшие факты, которые, вообще-то говоря, были в такие] *все это в такой* сравнительно короткий[е] срок[и], как 10—20 лет, [могли быть достигнуты именно] *достигнуто лишь* благодаря нашей пролетарской революции, благодаря [самодеятельности широчайших масс народа, руководству партии. Результатом] ленинско-сталинской национальной политики. [, явилось то, что в стране, где] *В Узбекистане* было в 1917 г. всего $1^1/_2$ % грамотных, теперь эта страна сделалась страной почти сплошной грамотности.

В стране, где не было абсолютно никакой промышленности, в этой стране теперь работают сотни крупнейших предприятий, десятки — сотни рабочих и работниц.

Когда-то отсталое, в нищенском состоянии сельское хозяйство Узбекистана, сейчас в настоящее время является одним из передовых во всем Советском Союзе.

Материальное благосостояние широких масс трудящихся, особенно декхан-колхозников, за последние пять лет поднялось на такой высокий уровень, что трудодень колхозников в 20—30 рублей на одного человека уже никого в Узбекистане не удивляет. Это все результаты благотворной деятельности революции, правильного осуществления ленинско-сталинской национальной политики, той колоссальной помощи, которую оказывал и оказывает русский рабочий класс рабочему декхану в Узбекистане.

Конечно, совершенно невозможно сравнивать положение Узбекистана с положением каких-либо других колониальных стран, даже полунезависимых, полусамостоятельных, ибо нет ни одного момента, который хоть сколько-нибудь приблизительно можно было бы сравнивать с тем, что достигнуто широкими массами трудящихся Узбекистана. И мне, одному из старых работников Узбекистана, знакомому сравнительно лучше, чем другие работники Узбекистана, с положением сопредельных с Советской Средней Азией стран, это в достаточной мере ясно. Да это всякому будет ясно при самом беглом анализе их общего состояния. И вот я должен перед пролетарским судом сказать, что та линия, которую проводила националистическая организация, к которой я принадлежал и контрреволюционной деятельностью которой я руководил, победа дела этой националистической организации, — что означало бы это для трудящихся масс Узбекистана? [Я, не преувеличивая, мог бы сказать т] *Т*еперь, когда я осознал всю преступность моих злодеяний, когда я понял всю пропасть, в которую я попал, [когда] мне стало более ясно, более очевидно на фоне развертывания дел право-троцкистского блока, прошедшего на этом процессе, что победа этой *контрреволюционной* линии означала бы для Узбекистана [, по крайней мере,] победу [реакции,] самой черной реакции, реставрацию феодально-капиталистических отношений и, как следствие, новую кабалу для рабочих и крестьян и широких масс народов Узбекистана. Узбекистан, как в своем хозяйственном развитии, так и в культурном отношении, был бы отброшен на десятки лет назад. Особенно тяжело мне говорить об этой стороне дела, ибо я теперь ясно это себе представляю, я это понимаю, я чувствую всю глубину моего падения, весь ужас моего позора и всю тяжесть моих злодеяний. Но, тем не менее, став на путь открытого признания всех моих злодеяний, я должен был бы сказать и об этом перед пролетарским судом и перед общественностью нашей страны.

Да, граждане судьи, я был буржуазным националистом, я много преступлений совершил. Теперь задним числом вот этими признаниями, поздним[и] покаянием, к сожалению, вычеркнуть их я не могу. Они остаются висеть надо мной. Но я стал еще более ужасным в своих собственных глазах с тех пор, как я осознал все свои преступления и злодеяния, после того сговора с Рыковым и Бухариным, после тех обстоятельств, о которых я подробно вам рассказал уже здесь на суде, после того, как я включился в этот заговор. Ведь я даже в периоды, когда был националистом, когда я вел тоже антисоветскую работу, работал, по существу, против советского народа, ведь я тогда не был вредителем, не принимал участия во вредительстве, я тогда не был организатором повстанческих групп, я не был тогда участником террористических групп. Я им стал, я об этом говорил вам, граждане судьи, я стал таким только после того, когда перешел на позицию правых контрреволюционеров и через них оказался в лагере право-троцкистского блока. Таким образом, я сделался участником наиболее острых средств борьбы против нашей родины, против народов нашего великого Союза, против партии и правительства. Это особенно тяжело я переживаю, это особенно тяжело давит все мое сознание.

Государственная независимость Узбекистана, которая была обещана в перспективе правыми реставраторами капитализма, эта государственная независимость, если бы даже она стала возможна ценою черного предательства, ценою измены родине, расчленения великого Союза Советских Социалистических Республик, путем подготовки его поражения в грядущей войны, т.е. путями совершенно недопустимыми для людей, которые сохранили хоть какой-нибудь человеческий облик, если бы, я говорю, это оказалось бы возможным в первое время, то, само собой разумеется, эта самая государственная независимость, кажущаяся, была бы новым несчастьем для народов Узбекистана. Я уже об этом частично говорил, когда давал свои показания. Тогда я отвечал на вопросы гражданина государственного обвинителя. Ведь когда я сказал, что отстав от одного берега, мы, естественно, должны были бы к другому берегу, ведь я же ничего другого не имел в виду, как тот берег, на котором находятся те же самые капиталистические страны, империалистический капитал которых давит, угнетает сотни миллионов народов мира. Значит, победа этой линии, и, в данном случае, даже в случае успеха этого черного, этого отвратительного заговора, могла быть только новыми бедствиями трудящихся Узбекистана.

Я опозорен. Националистические организации разгромлены. Разгромлен проклятый право-троцкистский блок. Но это на славу нашей страны, на благо народов нашей великой родины, это на счастье народов Узбекистана. И вот это сознание в известной мере облегчает эти последние дни моих тяжелых, невероятно тяжелых переживаний.

Гражданин государственный обвинитель, охарактеризовав право-троцкистский блок и его дело, его людей, сказал о том, что должна быть совокупная общая ответственность всех участников этого блока за все его злодеяния. Я не могу не согласиться с таким определением гражданина государственного обвинителя. Я считаю такое определение абсолютно правильным, [слово][1] лично я никогда до того, как он пришел в тюрьму, до того, как он приступил к даче показаний, не знал о существовании какого-то контактного центра, не знал о многих его злодеяниях. [, хотя я] *Я* лично [, повторяю,]

[1] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

никогда не был ни провокатором, ни шпионом, ни убийцей. Но какое это может иметь значение, если я оказался так или иначе участником этого блока, стало быть, [, оказавшись участником,] я должен отвечать по существу всех его деяний. [Это вытекает из всего обстоятельства дела.]

Перед вами, граждане судьи, не только фигурировал блок, не только были демонстрированы его дела, но прошли мы все его участники, ваше дело, граждане судьи, определить, в какой мере каждый из нас должен нести ту или иную ответственность. Ваше дело применять или не применять в отношении к нам то суровое, но справедливое, абсолютно справедливое требование гражданина государственного обвинителя.

[Я в этом сознании укреплюсь тем, что, как правильно указал здесь гражданин Прокурор,] *Я* знал, куда я шел, когда разговаривал с Рыковым, когда разговаривал с Бухариным, хотя [, повторяю,] многие вещи, открывшиеся перед моими глазами на суде, даже меня — преступника — заставили вздрогнуть, насколько гадко было это. [дело.]

Разве сам факт заговора, сам факт решения вопроса о том, что правые должны прийти к власти, а буржуазные националисты получить независимость, которую они хотели получить ценой поражения Советского Союза, подготовкой этого поражения, разве недостаточно самого одного этого факта для того, чтобы та суровая мера, о которой здесь говорил гражданин Прокурор, была целиком и полностью применена по отношению к нам.

Но, тем не менее, граждане судьи, я, находясь здесь на скамье подсудимых, держа ответ, не могу становиться в какую-то позу фальшивую, ибо это были бы только гордые слова. Я не могу сказать, я не могу сказать, что я не прошу пощады. Я этого сказать не могу. Может быть, кому-нибудь покажется, что такие слова: «Не прошу пощады» звучали бы гордо, хорошо, но не в моих устах, в устах человека, который пригвожден к позору, который сидит на этой скамье. Такому человеку словам гордости нет места. Гордости неоткуда взяться! Ведь мы не войдем в историю хоть с какими-нибудь показателями службы народу, какими-нибудь благими деяниями. Если мы войдем в историю, то мы в эту историю войдем как самые закоренелые преступники, как герои бандитских дел, как люди, продавшие и честь и совесть. «Гордость» хорошо звучит в устах человека, настоящего человека, о котором когда-то писал великий художник, великий человек нашей земли Горький. Но в устах людей, которые либо сами были причастны к смерти, либо имели отношение к смерти Горького, в устах людей, которые привели этого человека к смерти, — эти слова в устах людей нашего типа звучат фальшиво. Да. Я был бы [вдвойне] лгуном, если бы в этот последний час я не сказал, что я прошу пощады. Я хочу жить. Я хочу жить, потому что я понял всю глубину своего падения, я понял всю тяжесть совершенных мною преступлений. Я вынес тяжкий урок, но зато я понял и другое. Мне кажется, что я по-настоящему понял, как должен настоящий человек, настоящий гражданин нашей великой родины служить своему народу, своей стране. И вот, поняв это, разоружившись целиком и полностью, я не могу не просить вас, граждане судьи, о снисхождении, потому что я хотел бы, если бы это было возможно, сохранение мне жизни. Я хотел бы в какой угодно обстановке, в какой угодно форме, в каком угодно месте, теперь или когда-нибудь смыть тот позор, в котором я нахожусь в настоящее время.

Я прошу о жизни, чтобы, может быть, остатком своей жизни снять хотя бы какую-либо частицу тех преступлений и той огромной вины, которая имеется за мной. Я хочу жить для того, чтобы хоть как-нибудь, где-нибудь оказаться еще раз полезным [(движение и шум в зале)] в нашей великой

стране и служить тому великому делу строительства социализма, которому посвящены все мысли, все силы лучших людей нашего великого Союза Советских Социалистических Республик.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово предоставляется подсудимому Зеленскому.

ЗЕЛЕНСКИЙ. Граждане судьи, [я воспользовался] *я пользуюсь* последним словом не для защиты или оправдания своих тяжких преступлений. Такие преступления и такие преступники, [совершившие подобные преступления,] как я, не имеют права ни на защиту, ни на оправдание.

Мои тяжкие преступления перед партией, страной и революцией привели меня на скамью подсудимых как врага народа и участника право-троцкистского блока. Тяжелее этого ничего быть не может.

Гражданин государственный обвинитель правильно характеризовал преступную деятельность право-троцкистского блока и мои личные преступления как его участника. [1] Я виновен в измене, в предательстве революции, в том, что служил в царской охранке, я виновен в том, что в течение многих лет скрывал от партии эти свои преступления. [, участвуя в партийной революционной работе тогда, когда я не имел на то никакого права, никакого основания.] Я виновен в том, что в 1929 г. примкнул к контрреволюционной организации правых, а через нее вошел в право-троцкистский блок. [, эту изменническую банду шпионов, диверсантов и провокаторов.]

Я виновен в том, что, двурушничая [,] *и* маскируясь, я пробрался на высокие посты, требующие особого партийного доверия. [Я использовал это о] *О*казанное мне доверие, [. Как я] *я* использовал [это доверие? Я] *для* обмана[ул] партии[ю, Центральный комитет], я вел подрывную вредительскую контрреволюционную работу, провоцируя недовольство населения советской властью.

Гражданин государственный обвинитель, обращаясь вчера к скамье подсудимых, говорил об искренности, которая нужна от нас на пороге нашего последнего часа.

На пороге своего последнего часа я хочу прежде всего рассказать о том, как я дошел до своего падения. Я хочу это рассказать для того, чтобы предупредить на своем примере тех, у кого еще есть шатания, у кого еще есть недовольство, колебания и скрытые сомнения в партийном руководстве и правильности линии партии. Я хочу об этом сказать не для того, чтобы оправдаться или смягчить свою участь, а для того, чтобы показать, каким путем люди скатываются на такие позорные позиции.

Что привело меня на путь измены и предательства? Мелко-буржуазное неверие в силы и победу революции. Трусость за свою жизнь и судьбу толкнули меня в молодости на предательство, на провокаторство, на службу в царской охранке. Уже этим фактом я был сломлен как человек и уничтожен как революционер. Прошлые преступления тяготели надо мной много лет, моя прошлая провокаторская деятельность обуславливала определенную оторванность меня от честных партийцев.

Трудности колхозного строительства породили во мне неверие в силы нашего рабочего класса, неверие в силы нашего государства, и это предопределило мое вхождение в контрреволюционную организацию правых. Войдя в организацию правых, я не сразу встал на путь вредительства. Я пытался протаскивать свои взгляды, проводить их в жизнь, но вредительский характер моих предложений немедленно разоблачался. Надо было либо от-

[1] Знак абзаца (синие чернила).

казаться от своих правых взглядов и честно работать на советской работе, либо уйти в подполье, заняться вредительством, вербуя для этой цели своих сторонников. Я избрал второй путь, путь борьбы с партией и правительством, путь вредительства, который и привел меня на эту позорную скамью подсудимых. Я продолжал двурушничать, а у двурушников только один путь — путь подпольной контрреволюционной деятельности. К этой контрреволюционной работе я и скатился. Начиная с 1933 г. я встал на путь вредительства и вербовки сторонников правых. Но мне удавалось вербовать на сторону правых только тех, у кого были преступления против партии, либо карьеристов, шкурников и прочих людей. Позорный опыт моего падения показывает, что достаточно малейшего отрыва от партии, малейшей неискренности с партией, малейшего колебания в отношении руководства, в отношении центрального комитета, как ты оказываешься в лагере контрреволюции.

Я занимался вредительством в потребительной кооперации. Гражданин Прокурор характеризует мою вредительскую деятельность, как направленную против роста товарооборота, против развития торговой сети, *как направленную* к срыву нормального снабжения населения. Он прав, мне нечего прибавить и я ни одним словом не могу возразить против этого заключения. Я показал суду все участки, пораженные вредительством, проводимым мною и моими соучастниками. Я показал суду весь ущерб, причиненный государству и народу моей вредительской деятельностью. Должен сказать, что эта вредительская деятельность значительно активизировалась, начиная с 1935 г., по прямому указанию Антипова. Вредительская деятельность принесла очень большой ущерб и действительно тормозила развитие товарооборота, торговой сети и тем самым ударяла по снабжению рабочих и колхозников. В своих показаниях я старался вскрыть очаги вредительства и методы вредительской работы в интересах скорейшей ликвидации последствий этого вредительства. Я делал это в целях того, чтобы мое саморазоблачение помогло хотя бы в небольшой доле исправить тот огромный вред, который был причинен моей вредительской деятельностью.

Я должен сказать здесь, что советская кооперация очень часто подвергалась и подвергается обстрелу со стороны буржуазных капиталистических кооператоров. Буржуазные кооператоры капиталистических стран, те, которые, подобно вам, контрреволюционерам, находятся на службе у буржуазии, пытаются дискредитировать советскую кооперацию, основываясь на нашей лживой информации, используя нашу вредительскую активность для доказательства невозможности развития советской кооперации. Я должен сказать, что несмотря на наше вредительство, вопреки ему, вопреки нашей подрывной работе, советская кооперация росла и крепла, а с устранением нас, контрреволюционных вредителей, она пойдет еще дальше.

Мы пытались перенести вербовочную работу в низы. Мы хотели расширить свою базу в деревне, опираясь на кулацкие элементы. Я должен сказать, что сельские кооператоры наши преступные попытки быстро разоблачали, и мы находили суровый отпор со стороны подавляющей массы низовых честных, преданных советской власти работников кооперации. Эти массы отвергали всякие попытки реставрации капитализма и нас — их носителей. Устранение вредительства, выкорчевывание всех участников нашей подлой деятельности приведет к быстрому, исключительному росту товарооборота и торговой сети.

Граждане судьи, я должен сказать, что ужасен итог наших преступлений, привел нас к подлой изменнической деятельности. Оценивая эту деятельность, пытаясь перейти на советские рельсы, я нахожу только одно-единст-

венное честное дело, которое мы в процессе следствия, допроса, могли сделать, это единственное честное дело, которое для нас возможно, заключается в том, что мы беспощадно, до конца разоблачили перед страной, перед революцией, перед революционным народом всю свою мерзость и преступления, всех своих соучастников и пособников, всю чудовищную преступную деятельность право-троцкистского блока. На этот путь подрывной советской деятельности я встал с самого начала.

Показания своих преступлений, разоблачение своих соучастников вытекает из сознания преступности, неправоты, предательства своих дел, итог которых безнадежен.

Тяжело, страшно тяжело чувствовать себя врагом народа, видеть и знать, что ты не прав, видеть и чувствовать, что народ против тебя, быть всегда в положении фальшивой монеты, скрываться.[1]

Еще задолго до ареста я потерял веру в правых и видел безнадежность их борьбы. Вот почему я сразу дал откровенные показания следствию. Это единственное, что может вернуть меня к советским людям, если не для того, чтобы жить, то хотя бы для того, чтобы умереть как советскому человеку.

Провал правых был для меня давно ясен. Почему я не порвал с ними, не разоблачил себя и преступных сообщников. Этот вопрос законно может поставить мне и суд и государственный обвинитель. Я должен сказать, что имея все возможности это сделать, я должен был это сделать, но я был в руках правых, делая свои преступления. Я боялся разоблачения своего прошлого. Для меня не разоблачение бандитской шайки, невыдача своих сообщников, — это показывает глубину моего падения.

Провал право-троцкистского блока стал для меня ясен, когда мы — правые — пытались сорвать поход на кулачество, разгромить кулачество, этот последний эксплуататорский класс. А когда этот срыв не удался, я вместе с правыми пошел на путь прямой фашистской агентуры, на путь вредительства, и, тем самым, я должен признать, моя вредительская работа стала частью общего плана подрывной работы право-троцкистского блока, совершаемой по заданиям иностранной агентуры и имеющей целью государственный переворот в нашем Союзе.

Чудовищные дела и чудовищные преступления — образец нашей подлой право-троцкистской работы, нашего подлого право-троцкистского подполья, в котором я принимал, к стыду, к позору и несчастью, участие. Должен, однако, заявить, что и для меня, участника этого подполья, многое из того, что выяснилось на процессе, было ново, неизвестно, ошеломило меня.

Разговоры вождя правых Бухарина о предательстве и преступности провокаторов, шпионов, но вы сами первоклассный мастер этого дела, вы показали цепь преступлений и измен против партии своими делами, своим поведением на суде. Мы щенки перед вами. Вы хотите быть чистенькими. Вам этого не удастся. Вы войдете в историю вместе с нами, с тем позорным клеймом, которое написано на лбу у нас у всех.

Я слышал здесь выступления и на предварительном следствии и последние слова троцкистов и бухаринцев. Я ожидал, что они действительно разоблачатся до конца. Я ожидал, что троцкисты и бухаринцы откроют здесь еще одну страницу своих преступлений против советской власти, против партии, против Ленина, преступлений, совершенных в 1921 г. Они должны были это сделать. Они должны были это сделать уже из-за одного того, чтобы разбить легенду о том, что в 1921 г. нападение Троцкого представляло из

[1] * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).

себя какую-то в легальных условиях дискуссию. Ничего подобного! Они этого не сделали. Я, пользуясь здесь предоставленным мне последним словом, сделаю это за них. Я хочу помочь суду и следствию в раскрытии этих преступлений. Я хочу осветить факты, бросающие яркий свет на деятельность троцкистов против партии в 1921 г. Факты эти малоизвестны общественности. Я утверждаю теперь в свете событий 1918 г., вскрытых следствием здесь на суде, что в 1921 г. партия имела дело не с дискуссией, а с заговором. Я утверждаю это на основании следующих данных. Выступления в Москве в начале 1921 г. троцкистов, бухаринцев вроде Богуславского, Дробниса, Сосновского, Рафаила и других меньшевиков, вошедших тогда в партию, и меньшевиков, оставшихся вне партии, продолжавших выступать легально, как меньшевики, выступления контрреволюционеров, блокирующихся вокруг Троцкого, ни чем друг от друга не отличались, и все они носили кронштадтский характер. Все эти антипартийные, антисоветские элементы выступали солидарно, развивая в январе—феврале 1921 г. бешеную активность, используя продовольственные и топливные трудности против ЦК и Ленина, пытаясь организовать стачки, пытаясь выводить рабочих на улицу. Я не имею сейчас времени, мое положение не позволяет подробно останавливаться на этом. Я об этом говорю только потому, что сами те, которые пытались спровоцировать рабочих на стачки, которым частично это удалось, пытались проникнуть в Хамовнические казармы, овладеть оружием и увлечь за собою красноармейцев. Попытка эта не удалась. Эти факт и документы имеются в архиве Московского Совета и Московского Комитета партии. Одновременно с провалом этой попытки был раскрыт заговор в стрелковой дивизии в Замоскворечье — белогвардейско-офицерско-меньшевистский заговор. По подозрению в причастности к этому заговору был снят командующий войсками Московского Военного Округа бывший Артиллерийский поручик и личный ставленник Троцкого Петряев. Троцкий возражал тогда против снятия Петряева именно потому, что он знал о причастности Петряева к заговору. Теперь можно с уверенностью сказать, что Троцкий тогда использовал свой двурушнический метод: формально оставаясь на позициях Октября, он группировал внутри партии своих сторонников для того, чтобы взорвать партию изнутри. Я это утверждаю. Я утверждаю также, что вооруженной силой этого намечавшегося переворота был военный заговор. В этих условиях попытка проникнуть в Хамовнические казармы была сигналом к началу действия заговорщиков. Об этом вы, господа троцкисты и бухаринцы, умолчали. Я уверен, что подробное расследование фактов даст богатый материал об этом заговоре и покончит с легендой, что в 1921 г. имело место простая дискуссия. Как участник право-троцкистского блока, я не могу не нести ответственность за его подлую изменническую разбойничью деятельность. Я также несу ответственность за те преступления, которые совершал лично сам.

Моя вина усугубляется еще и тем, что я долго обманывал партию, ее доверие, я пробрался на высокие ответственные посты. Нечего говорить о том, что я раскаиваюсь. Доказательством этого раскаяния являются те показания, разоблачения себя и своих соучастников, которые я дал суду и следствию.

Я говорю последнее слово. Вероятно, это будет последнее слово в моей жизни. Мне трудно просить и ждать, чтобы моим словам поверили. Но я заявляю суду: я не знал, не принимал участия, я отмежевываюсь от таких преступлений, как подготовка переворота военным заговором, я не знал преступного решения центра об убийстве Кирова, не знал о шпионских делах и о связях и не имел отношения к иностранным разведкам, не имел

никакого отношения к переговорам с иностранными государствами об отторжении от Союза национальных республик и окраин, я не имел также отношения к террористическим актам, которые проводились Ягодой и другими. Это видно также из материалов следствия.

Я это говорю не для того, чтобы снять ответственность за эти преступления. За эти преступления я не могу не нести ответственности, так же как Бухарин и Рыков и непосредственные исполнители этих злодеяний. Я знаю, что на мне лежит печать и этих позорных дел, как на участнике право-троцкистского блока, и ничто с меня не снимет этой позорной печати.

Мои преступления [велики] перед партией, перед страной [, и] *и* перед революционным народом [.] *велики.* Именно поэтому я не вижу никаких мотивов, никаких оснований искать [и приводить] *обстоятельств,* смягчающих мое преступление [и] *и* вину. [обстоятельств.] Мое раскаяние и признание [своих] *моих* преступлений пришли слишком поздно. Они имели бы цену тогда, [когда] *если* бы я сделал их до ареста. Вот почему я не смею просить о смягчении моей участи. Приговор пролетарского суда я приму как должное возмездие социалистического государства, народа и партии за [свои] *мои* преступления. [, как суд советского народа, к которому я, несмотря на все свои преступления, всей своей душой принадлежу.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово имеет подсудимый Икрамов.

ИКРАМОВ. Граждане судьи. Я отказался от защитительного слова не потому, что я не хотел себя защищать. Если бы я сказал, что я могу себя защищать и не стал бы защищать себя, это было бы фарсом или продолжением фарисейства, двурушничества, которыми я болел до своего ареста, до дачи показаний. Сейчас не такой час, не такая минута, чтобы я сейчас мог форсить или еще продолжал бы фарисействовать и двурушничать. [Я просто и честно вам скажу: я] *Я* не мог найти не только доводов, но даже слов [ни на узбекском, ни на русском, ни на других языках] для оправдания и защиты своих преступлений. Едва ли такие преступники, как участники право-троцкистского националистического блока, и не только участники, но и активные участники, каковым являюсь и я, могли бы найти на каком угодно языке слова для своей защиты. Вот почему я вынужден был отказаться от защиты.

Тем более я не могу себя защищать, что я не политический младенец и не человек, выживший из ума, как, говорят, «старая галоша». Я ни то, ни другое. Я половину своей жизни (мне 40 лет) жил политической жизнью — 20 лет, поэтому неопытность и младенчество я не могу привести в качестве своей защиты. Я не могу и не хочу прятаться за спину Бухарина или еще кого-нибудь. Это не хвастовство. Я, может быть, теоретически неграмотен, но в политических вопросах разбирался и разбираюсь не хуже Бухарина. Это я говорю не для похвальбы, а для усугубления и раскрытия своего преступления, вот почему я это говорю.

Когда я говорил о вербовке меня со стороны Бухарина или о тех указаниях, которые я получал от право-троцкистского центра через Бухарина или Антипова, этим я никак не хотел, отнюдь не хотел свалить свою вину на кого-нибудь другого. Нет, я только устанавливал факты своего участия и получения отдельных заданий, которые давали правые руководители нам, участникам право-троцкистского националистического антисоветского блока.

Я в своем показании и на предварительном следствии и здесь, [искренне,] ничего не утаив, все сказал. Я [за все это] несу ответственность, но не только за [эти] преступления, которые я делал или делала националистиче-

ская [к.р.] *контрреволюционная* организация, существовавшая в Узбекистане. [, или каждый отдельный член этой организации. [, — я] *Я [т]* несу полностью ответственность перед народом Союза и его органами перед судом.]

Я также полностью несу ответственность за те действия правотроцкистского блока, [которые мне не были известны.] *как* шпионаж или злодейское убийство таких знаменитых людей Советской страны, как Алексей Максимович Горький, Куйбышев, Менжинский и участие в убийстве Сергея Мироновича Кирова. Но, тем не менее, это меня облегчает, что я, как участник этого заговора, активный участник, полностью несу ответственность по всем тем пунктам, которые были здесь опубликованы, как выражение этих преступлений в уголовном кодексе, так и по тем фактам, которые были раскрыты на судебном заседании.

Контрреволюционная организация, существовавшая в Узбекистане, руководимая мною, сблизившаяся с право-троцкистским блоком, называлась националистической. Это название «националистическая», может быть, некоторым говорит о том, что как будто бы люди думают иногда, что эти люди хотели в пользу нации что-то сделать. [Когда меня арестовали, когда я начал серьезно разбирать каждый свой шаг, каждое свое преступление, я] *Я* [тогда] понял, [очень хорошо,] до какой глубины я пал. До какой глубины дошли мои падения. Посмотрите, националисты как будто бы хотели работать в пользу нации, но на самом деле что получилось? На самом деле они вредили коммунальному хозяйству, они вредили народу, вредили в улучшении бытовых условий, вредили и по хозяйству для того, чтобы подорвать мероприятия советского правительства, коммунистической партии, в то время как советское правительство, коммунистическая партия улучшали благосостояние нации. Националисты добивались независимости, а на самом деле они добивались зависимости. Националисты, которые добивались независимости, били по карману трудящихся, по карману их благосостояния.

Не только этот позор перед судом, перед трудящимися, никак нельзя оправдать перед народом Узбекистана в особенности.

Здесь гражданин государственный обвинитель сказал в ярких словах о росте благосостояния культуры народов Советского Союза. Я думаю, я убежден, что один из ярких примеров можно привести Узбекистан, в особенности, по его темпам роста.

Но если спросить, какое участие принимали мы в этих успехах, то можно ответить, что мы являлись только тормозом, только помехой. Без нас этих успехов Узбекистан добился бы еще больших размеров, добился бы еще лучших успехов.

Все знают, что в Узбекистане до революции часто свирепствовал голод, свирепствовала малярия, и люди вымирали от этих и других болезней. Умирали люди от голода, от малярии, и все это ликвидировала только советская власть.

Наша националистическая контрреволюционная организация только увеличивала эти болезни, приводила к голоду и вымиранию. И вот поэтому моя вина, мои преступления особенно тяжки.

Националисты [как будто бы работали в пользу нации, но на самом деле они только вредили и] хотели затопить [в крови] *в крови* рабочих дехкан. [того же] *Узбекистан[а.]*[1] Хотели они как будто независимости, но логика борьбы довела до того, что независимость эта превратилась бы в зависимость.

---

[1] * * — знак переноса слова — «*Хотели затопить Узбекистан в крови рабочих дехкан*».

Теперь узбекский народ, как и все народы Советского Союза, ни от кого не зависит, он зависим только от своей коллективной воли, коллективного решения, только в этом он зависим, а в остальном он независим.

Право-троцкистский блок хотел отнять [эту] независимость и отдать узбекский народ в зависимость империалистических государств, в зависимость бекам, баям, плутократам, тунеядцам. И если бы победил право-троцкистский блок, хорошо, что он не победил, я убежден, что если бы право-троцкистский блок победил, то на следующий же день была настоящая грызня, сейчас же начались бы распри между троцкистами и правыми, находившимися в той же Украине, Белоруссии, Узбекистане и других республиках. [... , потому что и] *И*деология правых, если она осталась, то это — реставрация капитализма. [Это и есть и] *И*деология националистов — это идеология кулаков, идеология капиталистов. [, которые никогда не признавали и не признают никакой свободы самоопределения наций. Поэтому с завтрашнего же дня начнется драка.]

И несмотря на это произошло такое объединение. Несмотря на такую беспринципность, нашлись принципы объединения. Это еще усугубляет позор участников этого право-троцкистского блока. [Это о] *О*бъединял[о] нас всех [. О] один единственный принцип — это борьба против советской власти. [, и этого никак из нашей позорной истории вычеркнуть нельзя и невозможно.]

Осознавая все эти преступления, все эти позорные явления, я себе никак не могу найти довода для того, чтобы просить пощады. Я думал о том, что я тоже один из тех людей, которые давали показания не через 8—10 месяцев, как некоторые говорили, я дал показания на 6—7 день следствия. Я думал, может быть, это облегчит мои преступления? И тут же вынужден был вспомнить и другую сторону вопроса. После этого обстоятельства никаких мотивов у меня для пощады не остается. Все они выпали. Я перед арестом держал себя очень преступно. Здесь люди говорили, что к ним было доверие, было хорошее отношение со стороны партии и правительства. Услышав это, мне стало очень тяжело, это для меня было самым худшим, самым большим внутренним наказанием, когда люди говорили о доверии.

Что я должен сказать, чтобы оправдать то доверие, которое было ко мне проявлено со стороны руководителей партии и правительства. Я должен найти другие слова. Вместо того, чтобы оправдать доверие, я злоупотреблял этим доверием.

В 1930 г., когда Зеленский поставил вопрос о моем аресте и снятии меня с работы в Узбекистане, Зеленский получил материал от ЦК, чтобы все материалы, обвиняющие Икрамова, дать Икрамову, ознакомить Икрамова с ними. ЦК полностью выражало мне доверие. Прошел один—полтора месяца. Получаю другую телеграмму, в которой узнаю, что для того, чтобы поддержать Икрамова, ЦК утвердил его в Средазбюро ЦК ВКП(б). Вместо того, чтобы ответить искренностью на это доверие, я двурушничал. Как теперь я могу защищаться, какие слова я могу привести для своей пощады, какие доводы?

Об этом я рассказал, кстати. Я хотел бы сказать другое. Не знаю, было ли кому-нибудь, сидящим здесь, со мной в компании, на позорной скамье подсудимых, — было ли этим бывшим людям оказано такое отношение, как мне перед моим арестом.

Перед тем, как меня арестовать, мне показали кучу материалов Наркомвнудела. Это показания людей, данные в 1937 г., это материалы, касающиеся меня. Читай и скажи, что правильно, что нет. Я должен сказать, что в этом отношении очень внимательным ко мне был Николай Иванович Ежов,

который четыре раза со мной просто разговаривал. А я что сделал? Подчистую все отрицал. Поэтому этот позор никак не может смягчить того обстоятельства, что я на шестой или седьмой день одумался и стал давать чистосердечные показания. Это ни в коем случае не уменьшает и не облегчает в какой-либо степени мое падение.

Дальше я вам скажу, что я никак не хочу прикрываться Бухариным или право-троцкистским блоком, но я должен сказать, что наша националистическая программа значительно обогатилась и активизировалась [нас] на контрреволюционные действия, именно благодаря сидящим здесь со мной участникам право-троцкистского блока, и особенно его правой части под руководством Бухарина и Антипова. [Эти о] *О*стрые методы борьбы мы приняли от них и не только приняли, но давали себе в этом отчет. А они нас подгоняли, почему плохо работаем, плохо вредим, плохо организуем повстанчество и т.д. Иногда вставал вопрос: почему этот новый пункт появился в нашей борьбе с партией. Обычно отвечали, что логика борьбы требует сейчас применения этого метода. А логика борьбы привела нас к тому позору, от которого мы, будем живы или умрем, все равно освободиться не сможем. Нам дано совершенно справедливое звание врагов народа, предателей родины, шпионов, убийц.

От этих позорных пятен мы никак не сможем уйти. [Вот это очень тяжело, и пережить это никак нельзя.]

Я, в связи с этим, граждане судьи, должен сказать, что когда я раскаялся, когда понял всю тяжесть своих преступлений, для меня было очень тяжело прийти сюда и всенародно, перед судом отвечать за свои преступления. Я очень хотел, я даже говорил об этом кое-кому, что я был бы очень доволен и рад, чтобы меня уничтожили. Знаете, когда совесть заговорит, тогда встать перед народом и смотреть ему в глаза очень тяжело. Когда я давал показания, я очень боялся увидеть сидящих здесь людей.

[Это я говорю к тому, что я п] *П*олностью признавая все преступления, совершенные мною и совершенные националистической организацией в Узбекистане, которой я руководил, признавая свои преступления как участника право-троцкистского блока, я все, что знал, раскрыл, всех участников преступлений назвал и сам себя разоружил. Поэтому, если что можно сказать в пользу просьбы о защите, о пощаде, так это [э]то, что я сейчас раздетый, [отшлепанный, голый человек или] человекоподобный зверь. Я полностью обо всем, что знал, сказал. Я выбросил весь тот гной, который у меня был внутри. И мне сейчас стало гораздо легче. Я подумал, что если перед судом все это расскажу, народ об этом будет знать, будет знать, что этот Икрамов хоть в последнее время своей жизни ушел и отрекся от той позиции, которой название предательство, шпионаж, враг народа и родины, вот от этой позиции он ушел и умер честным советским гражданином. (Оживление в зале). Это меня сильно облегчило. Если это так и будет, то это для меня представляет некоторое утешение. [1]Я только недавно понял, [что] *как* тяжело *быть* [, оказывается, умереть] врагом народа. Тяжело тем более быть врагом такой родины, какой является страна Советов*!*[, тяжело умереть еще с таким клеймом и потому, что ты являешься врагом передового прогрессивного народа, строющего, кующего новую жизнь для всего человечества, быть врагом такого народа и умереть таким врагом, никак я этого не хочу.]

Я все это говорю не для защиты своей поганой шкуры. [Нет.] Я это говорю, чтобы [знал] каждый гражданин Советского Союза *знал,* какими пре-

[1] Знак абзаца (синие чернила)

ступниками являемсям мы, [в особенности знала в Узбекистане молодежь,] куда вели и [по крайней мере] хотели вести националисты народы Узбекистана. [и куда вела и ведет коммунистическая партия, партия Ленина—Сталина.] Наш путь был путь угнетения, путь закабаления народов Узбекистана. Путь, к которому ведет коммунистическая партия — это пусть свободной, путь зажиточной, культурной, сытой жизни; чтобы знали, что буржуазный националист говорит о нации только для обмана народа; чтобы ни один националист, оставшийся еще нераскрытым, не мог спекулировать на национальных моментах в Узбекистане. Вот почему я здесь о всех своих преступлениях рассказал и подробно о них говорил на предварительном следствии.

[Если сказать по-честному, если будет л] *Л*юбой приговор суда, я *буду* счита*ть*[ю его] совершенно справедливым и правильным. Но я хотел бы попросту сказать, не хочется умирать, тем более не хочется умирать врагом народа, а я хочу в любом месте, где угодно, искупить то тяжкое преступление, которое я совершил вместе с этой кампанией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Раковский.

РАКОВСКИЙ. Гражданин Председатель суда, граждане судьи, я с величайшим и напряженным вниманием следил вчера за обвинительной речью Прокурора Союза, не потому что я намерен был входить с ним в пререкание. Этого намерения у меня нет. Я отказался от защиты, я признался во всех преступлениях. [, и к] *К*акое значение имело бы для существа дела, если бы я здесь перед вами стал бы устанавливать факт, что о многих преступлениях и о самых ужасных преступлениях право-троцкистского блока я узнал здесь на суде и с некоторыми участниками я познакомился впервые здесь. Это не имеет никакого значения. Я связан с право-троцкистским блоком, конечно, в рамках, предусмотренных Уголовным Кодексом, той солидарности и политической и юридической, которая вытекает из моей принадлежности к этому блоку.

[Позвольте мне использовать одно сравнение.] Я как каторжник, прикованный к своей [карьере] *галере*, прикован к право-троцкистскому блоку тяжелой цепью своих преступлений. [Было бы наивно здесь пробовать прятаться за кусты юридической казуистики. Повторяю: я] *Я* являюсь участником подпольной контрреволюционной троцкистской организации до последнего времени, до моего ареста. Я являюсь активным участником право-троцкистского блока. Я совершил тягчайшие преступления перед государством. Я — двойной шпион. В 1924 г. я вступил в преступные связи с «Интеллидженс Сервис», а в 1934 г. — в преступные связи с японской разведкой. В 1927 г. я вел переговоры с некоторыми правыми французскими капиталистическими кругами, цель которых в последнем счете опять-таки была направлена против Советского Союза. В 1935 г. я воспользовался пребыванием в Москве французского министра Лаваля, приездом с ним французских журналистов для того, чтобы в разговоре с одним из них (я его назвал) попытаться помешать, сорвать франко-советское сближение. Я вам, граждане судьи, докладывал относительно письма Троцкого от июля 1934 г., в котором он говорил о необходимости изолировать в международном отношении Сталина, т.е. усилить, укрепить капиталистическое окружение вокруг Советского Союза. Я [принадлежу, т.е.] принадлежал к так называемой пятой колонне, о которой говорил вчера Прокурор, и заслуживаю всех тех проклятий, которые несутся теперь со всех уголков Советской земли против нас, находящихся здесь на скамье подсудимых, проклятий, может быть, слабым отражением которых явилась обвинительная речь Прокурора, как бы она ни была сурова и остра против нас.

Граждане судьи, я разделяю сожаление государственного обвинителя, что здесь на скамье подсудимых наряду с нами нет врага народа Троцкого. Картина нашего процесса теряет и в полноте и в глубине от того, что отсутствует атаман нашей шайки. Никто не заподозрит меня, что я говорю это исходя из желания эгоистического, из низменного побуждения — переложить на Троцкого часть той вины и той ответственности, которую я несу сам. Я старше Троцкого — и по возрасту, и по политическому стажу, и, вероятно, не меньше у меня политического опыта, чем у Троцкого. Я сожалею об его отсутствии здесь [по другим соображениям...] по соображениям политического характера. Я жалею, потому что отсутствие Троцкого на скамье подсудимых означает продолжение его активности, как бы он ни был ограничен, а это представляет опасность, [опять-таки скажу,] как бы она ни была мала, опасность для международного рабочего движения. Правда, что Троцкий и за мексиканским меридианом не укроется от той полной окончательной, позорной для всех нас дискредитации, которую мы здесь выносим. [, которую ваш приговор, обсуждение, разбирательство дела вынесли против нас.]

Этим можно было бы и исчерпать все, что касается, в сущности, до правовой юридической стороны моего дела, и я отказался бы даже от своего последнего слова, если бы я не считал необходимым, в свою очередь после того, что было сказано здесь Прокурором, постараться указать на исключительное политическое значение данного процесса. Но, мне кажется, что гражданин Прокурор обратил внимание только на одну сторону дела. Да, он подчеркнул чудовищность тех преступлений, которые мы совершили, но я хотел бы обратить внимание, граждане судьи, что чудовищность еще здесь заключается в том, кем совершены эти преступления. Кем совершены шпионаж, вредительство, диверсии, террор, убийства? Они не совершены кандидатами уголовной хроники, которые живут в трущобах или в подвалах. Преступников, которые находятся здесь, нужно было изжить из дома правительства. И вот, тот вопрос, который возникает и которому я чувствую необходимость, как один из участников, раскрыть, найти ему ответ, это есть вопрос, каким образом бывшие члены Политбюро, бывшие члены ЦК, бывшие представители правительства, бывшие наркомы и замнаркомы, бывшие полпреды очутились здесь? Какой вид безумия привел их на эту скамью политического бесчестия? Я думаю, что это тем более необходимо, что такой вопрос, он встает перед всеми, и всякие объяснения ищут. Я укажу на очень ходячее объяснение. Ведь это не первый процесс, я помню, в связи с другими процессами, как объясняли. Я имею в виду организацию у нас, где шаг за шагом в течение двадцати лет партия и трудящиеся массы следили за теми элементами, которые мы определяли. Но это относится и к периоду за рубежом. Удовлетворяются тем шаблонным буржуазным поверхностным объяснением, которое говорит, что все революции кончают тем, что пожирают своих детей. Октябрьская революция не ускользает от этого общего закона исторического фатализма.

Это смешная, необоснованная аналогия. Буржуазные революции кончали, — вы меня извините, если я привожу некоторые такие теоретические аргументы, но имеющие громадное значение для данного момента, — буржуазные революции действительно кончали, пожирая своих детей, потому что они должны были, после того, как побеждали, расправиться со своими союзниками из народа, со своими революционными союзниками слева.

А пролетарская революция, революция класса, революционного до конца, когда она применяет то, что Маркс называл «плебейские методы расправы», она их применяет не для передовых элементов, она их применяет к тем,

которые стоят на пути этой революции, или которые, как мы, — как мы, были с этой революцией, шли известное время вместе, а потом вонзили ей кинжал в спину.

И вот вопрос, который я, как активный троцкист, как ближайший друг, личный друг Троцкого (Прокурор установил, что дружба продолжалась 34 года), как человек, который после того, как многие возвратились (правда, двурушничая,) в партию, продолжал еще долгие годы вести открытую борьбу против партийного руководства, вернувшись из ссылки. Позвольте мне, чтобы и я в этом отношении поделился своим опытом, своими воспоминаниями.

[Товарищи] *Граждане* судьи, почему я действительно оказался против своей партии и докатился, в конце концов, до положения преступника? Что такое представляли мы троцкисты в партии? Мы были то, что называется, инородным телом в живом партийном организме. Троцкий вступил в партию большевиков всего за несколько месяцев до Октябрьской революции, его идеология формировалась в борьбе с большевизмом. Я вступил в партию в конце 1917 г., после того, как я в течение больше четверти столетия принадлежал к II Интернационалу, развивавшемуся при совершенно особых условиях, в условиях мирного развития капитализма, и хотя *я* принадлежал [я] к его левому крылу, был проникнут[ь] его оппортунизмом. Если вы проследите историю других троцкистов, если я возьму для примера Радека, Пятакова, Преображенского, вы найдете у них всех [уже впервые] и до Октябрьской революции и после Октябрьской революции ряд значительных [физиологических] уклонов.

И нужно сказать, что с первого же момента мы, троцкисты, вступили в роль антагониста партийного руководства. С первого же момента. Брест-Литовск. Я не буду здесь ссылаться на те показания (вы их знаете), которые устанавливают роль Троцкого во время Брест-Литовска. Профсоюзная дискуссия. Что это такое было? Это была[о пробование сил.] *проверка сил.* Обвиняемый Зеленский здесь приводил факты, которые, может быть, откроют, что там была, в общем, другая попытка, только, насколько мне помнится, все лица, которых он упоминал, не принадлежали к троцкистской фракции, они принадлежали к так называемой децистской фракции, фракции демократического централизма. Мы терпим поражение, и немедленно принимается [установка] ориентация[и] на иностранные государства. Достаточно только напомнить вам факт, который был здесь установлен, мы терпим поражение в 1920—1921 гг. на профсоюзной дискуссии. Партия в своем стремлении укрепляет внутреннее единство, выводит целый ряд троцкистов из Центрального Комитета.

В 1921 г. Троцкий дает уже первую директиву о создании преступной связи с немецкой разведкой. В 1926 г. вторая директива. *Первая директива дана Крестинскому, а вторая директива дана Розенгольцу.*[1] В конце 1924 г. ко мне является вербовщик «Интерлиженс Сервис», ведь я его мог спустить с лестницы прямо, потому что средство шантажа, которое он использовал, было сманеврировано. Но когда он [бросил этот разговор и] заявил: «вы не забывайте, что мы дели[ае]м для вас агреман, потому что мы узнали, что вы троцкист». Это уже затронуло троцкистскую фибру. Тогда я ему не дал ответа, говорил с Троцким. Мы знали, в каком находимся положении. Меня тогда должны были снять из Украины, некоторых вывели из состава ЦК, Смирнова сняли с Сибири из Ревкома Сибирского, Радек[а] и Пятаков то-

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

же на отлете, а я в ближайшее время, в ближайшие дни должен уйти из Ревкома, если не хотел, чтобы меня оттуда ушли с треском.

Я сопоставляю эти факты для того, чтобы было ясно. В 1926 г. мы уже входили в связь с... В 1927 г. во время профсоюзной дискуссии на пленуме объединенной так называемой зиновьевско-троцкистской оппозиции, а с другой стороны — Центрального Комитета, становится очевидным, что мы терпим поражение и что это уже будет поражение, за которым никакой маневр не удастся, потому что до этого поражения зиновьевско-троцкистская оппозиция держала руки по швам перед партией и, оставаясь в партии, продолжала работать против партии, и что, самый поздний срок, на XV съезде партии[301] мы будем исключены, и что, во всяком случае, если не все мы, то, кажется, Троцкий. Тут уже мы должны были принимать законспирированную обстановку. После этого я уезжаю во Францию. В августе, сентябре месяце я веду разговор о том, что мы могли бы уже объединить оппозицию и что мы можем получить от известных французских кругов в случае нашей победы.

Я не буду рассказывать историю троцкизма, она известна. Я хочу сказать только о создании право-троцкистского блока. Создание право-троцкистского блока — это, если можно так называть, «брак по расчету», [, объединяются все средства борьбы,] каждый приносит свое приданое. Мы, троцкисты, приносим наши связи с международной разведкой, правые — приносят свои кадры, свои связи с националистически-меньшевистскими, эсеровскими и другими элементами, свои связи с кулачеством. [, свои связи с совнаркомовскими и исполкомовскими верхушками.] Конечно, кроме этого основного нашего капитала каждый еще может кое-что дать. [И тогда развернется эта борьба, где мы не остановимся ни перед какими средствами, поскольку ставим себе задачу свержения советской власти. Мы восстановим весь этот арсенал средств борьбы, который характерен для азиатских кон... и итальянских кондотьеров.] Мы не [остановимся] *останавливались* перед вероломством, перед обманом, изменой, подкупом, убийством при помощи яда и револьвера вместо традиционного кинжала.

Я не буду говорить, о каких бы то ни было идеологи*и*[ях основы] этого блока. Вы слышали здесь платформу моего соучастника по процессу Николая Ивановича Бухарина. Это есть, конечно, восстановление капиталистических отношений в два скачка [, может быть, вместо того, чтобы в один прием,] через открытый шлюз для свободной внешней торговли, через возвращение кулачества, через ликвидацию колхозов, через широко открытые двери для концессионных капиталов. [Мы этим самым] *В* чрезвычайно быстрый период *мы* даем возможность полного торжества капитализма.

[Передо мной остается еще один вопрос, на который я хочу дать ответ.] Наша идеология, конечно, была идеологией контрреволюционной. Мы хотели опереться на элементы, которые уже осуждены были пятилетками, элементы, которые выметены, вычищены. Конечно, ничего удивительного нет, когда эти старые обломки обрушились и мы оказались под развалинами этих обломков. Я думаю, что этого недостаточно. По-моему, нет примера, когда бы политические люди, люди, которые имеют известное политическое прошлое, опыт и т.д., давали бы доказательство такой наивности, такого самообольщения, таких иллюзий, которые имели бы над ними власть. Да, ведь это же бред, настоящий бред, сумасшедший бред так думать, а мы думали. Мы думали, что мы можем нашими ничтожными силами, не только не имея опоры, но, имея против себя рабочий класс, имея партию, — мы думали достичь каких-нибудь результатов. Это — бред, рассчитанный на ка-

кую-нибудь внешнюю помощь. Бред в каком смысле? Эта внешняя помощь использует нас, а потом выбросит. Мы из политической силы превратились в орудие.

Бред во всех отношениях. Таким образом, идеология сама по себе, но над нами, кроме того, тяготело прошлое. Наше несчастье в том, что мы занимали ответственные посты, власть нам вскружила голову. Эта страсть, это честолюбие к власти нас ослепило. Одной идеологией этого недостаточно объяснить. Эти два момента вместе взятые и действующие совместно, привели нас на скамью подсудимых.

Мы считали себя людьми, посланными провидением, утешались тем, что нас позовут, что мы необходимы. Это говорили и троцкисты, это говорили и правые. Мы не заметили, что мимо нас прошло все развитие Советского Союза, мимо нас прошла мирная революция, преобразившая нашу деревню, мимо нас прошел этот колоссальный рост культурного и политического уровня народных масс и создание новых кадров, государственных людей из стахановцев. Все это прошло мимо нас, мы этого не заметили.

Отрезвление должно было наступить. Я, может быть, несколько противоречу речи Прокурора, но считаю, что право-троцкистский блок был обречен на разложение. Это, конечно, не снимает с него ответственности за совершенные преступления. [1]Никакого политического будущего перед нами не было. Отрезвление для многих еще не началось, потому что оно началось уже после того, как нас арестовали. [Когда я лично находился в заключении, я мог оглядеть и хорошенько взвесить все мое прошлое.]

Граждане судьи, я рассказал все, что мною было совершено, не скрыв и не утаив ни одного факта. И во время судебного следствия, предварительного следствия, и во время суда (мне кажется, я не ошибусь, если скажу), что я не был уличен ни в одном противоречии и в сокрытии какого-нибудь факта.

Я считаю, что это есть доказательство того, что я перед вами полностью и целиком обнажился, полностью и целиком себя разоблачил.

Я обращаюсь к вам с одним словом, которое никогда не сорвалось бы с моих уст, если бы это был другой суд. Но я обращаюсь к вам с этим словом, потому что в вашем лице я вижу советский суд, пролетарский суд. Это слово о пощаде. Вчера государственный обвинитель в известном смысле облегчил мне эту задачу, поскольку он не требует применения ко мне высшей меры наказания. Но я должен сказать, что в той градации [и] минимума и максимума, которая была упомянута гражданином Прокурором, есть известный предел, который заходит за пределы моего возраста. [(Оживление в зале). Если присоединить к моим 65 годам максимум, предусмотренный законом октября 1937 г., для меня перспектива быть на воле наступит, когда мне будет 90 лет.] Я [и] хочу на это указать только для того, чтобы при применении ко мне соответствующих статей закона вы учли это обстоятельство и сообразовали бы ваше решение, так сказать, с физиологическими пределами обвиняемого, который находится перед вами.

Граждане судьи, с юного возраста я выполнял честно, верно, преданно свой долг солдата дела освобождения труда. За этой светлой полосой наступила черная полоса моих преступных деяний, измены отечеству, черная серия преступлений, которую я вам сегодня вкратце резюмировал. Я вам сказал все, что я знал, я все рассказал, ничего не скрыл, ничего не утаил, я глубоко и искренне раскаиваюсь и прошу дать мне возможность хотя бы

[1] Знак абзаца (синие чернила).

самым скромным трудом в любой обстановке искупить хотя бы ничтожную часть моей вины. Я кончил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово имеет подсудимый Розенгольц.

РОЗЕНГОЛЬЦ. После [тех] *той* характеристик*и*, котор*ая*[ые] был*а*[и] *мне дана* в обвинении, мне хочется в моем последнем слове, в моем последнем обращении к людям напомнить самому себе, а также и другим о тех страницах моей жизни, которые я могу назвать хорошими [страницами жизни] и которые [, насколько я знаю,] не вызывают подозрения ни с чьей стороны. Прежде всего, несколько слов о моей биографии. Я тем более хочу об этом сказать, что никогда до этого ни воспоминаниям*и*, ни мемуарами не занимался.

В самые ранние детские годы я был воспитан профессионалкой социал-демократом. Мои самые ранние воспоминания — это обыски жандармов. Уже в десятилетнем возрасте моя детская рука была использована для того, чтобы ночью прятать, а утром вынимать нелегальную литературу оттуда, куда не могла проникнуть рука взрослого.

Я вступил в большевистскую партию, [в очень раннем возрасте,] когда мне было всего 15—16 лет. Мой первый арест был тогда, когда мне было 16 лет. Когда мне было 17 лет, я был выдвинут большевистской группой в качестве кандидата на Объединенный съезд партии под кличкой «Степана», под которой я работал.

В тяжелые годы царской реакции я не отходил от партии. В период [гражданской] *Империалистической* войны я защищал активно большевистские пораженческие позиции. Проводил, в частности, в Москве отпор Чхеидзе, я был, в частности, одним из организаторов и председателем собрания рабочих представителей в Москве, которое было в 1915 г. Во время трамвайной забастовки захватили зал городской думы, по проведению мероприятий по поддержанию этой трамвайной забастовки.

Я был втянут провокатором Поскребухиным, а по последним данным провокатором Антиповым. Не думайте, что я занимаюсь бахвальством, но все-таки мне хочется вспомнить то, что было хорошего в моей жизни, безусловно, хорошего.

В Октябрьскую революцию я привел к Моссовету 1-ю вой*с*ковую часть — самокатный батальон. [к ужасу меньшевиков-кибриков, а отчасти и кое-каких большевиков-соглашателей. Добился разрыва соглашения, заключенного большевиками-соглашателями с меньшевиками и другими партиями.] Мне кажется, что я активной своей ролью и в качестве члена революционного комитета — могу быть более или менее удовлетворен. В период гражданской войны Центральны*й*[м] Комитет[ом] партии [я] командировал[ся] *меня* [, как более или менее известно,] из одной армии в другую на более тяжелые [прорывные части.] *участки*. Доверие ЦК ко мне тогда нашло выражение хотя бы в том, что мне выдан был мандат Лениным и Свердловым, по которому мне было предоставлено единоличное право исключения из партии. Это было в 1918 г. Я могу сказать, что доверия, предоставленного мне этим мандатом, я тогда не нарушил. Я направлялся непосредственно Владимиром Ильичом в ряд армий — и в 7, и в 13, и на Ленинградский фронт, и на Южный фронт. Я с теплотой вспоминаю то отношение, которое встречал всегда со стороны Владимира Ильича при приездах в Москву с фронта. Я вспоминаю ту огромную поддержку, которую всегда в гражданской войне оказывал мне Сталин. Я вспоминаю хотя бы то, что *в период борьбы в 13 армии на подступах к Туле Сталин по своей инициативе настоял на том (я думаю, он не будет в претензии, что я это вспоминаю), чтобы

из армии был бы удален Пятаков*[1] с тем, чтобы я был полновластным руководителем армии на этом важнейшем участке. Я вспоминаю, что в 7 армии у Ленинграда Сталин за месяц до наступления Юденича, приехав по поручению Владимира Ильича, защитил меня от той кампании, которая велась против меня в ряде стратегических споров, и настоял (я это считаю необходимым отметить, потому что это имеет некоторое значение и историческое, этот факт мало известен), — Сталин настоял и провел командирование и направление под Ленинград значительных войсковых частей, которые пришли как раз перед самым наступлением Юденича. Если бы Сталин этого тогда не провел при поддержке Владимира Ильича, наступление Юденича встретило бы совершенно иную картину.

Если я вспоминаю эти отдельные эпизоды [из жизни] гражданской войны, если я вспоминаю с удовлетворением свою работу *в армии* [и борьбу в гражданской войне, то я это все, так же, как и ранее мною приведенное,] *то я это* привожу не для смягчения приговора. Я хочу объяснить причину. Простая человеческая причина: после того, что пришлось пережить, после [хотя бы] чувства позора, испытанного на этом процессе, нет стимулов и желания просить о смягчении приговора. Я говорю это не для красного словца. [, а говорю совершенно твердо и совершенно определенно.]

Это не значит, что я не расстаюсь с болью с прекрасной советской землей. Мы сейчас имеет прекрасные новые всходы, новое поколение, воспитанное большевистской партией. [, поколение, жаждущее знаний, культуры, как нигде в мире.] Мы имеем такой подъем в Советском Союзе, какого не имеется нигде в мире. Боль расставания усугубляется тем, что [впервые в Советском Союзе последние годы] мы имеем уже совершенно реальные результаты [того достижения, того] социалистического строительства. [, тех завоеваний, какие сейчас налицо. Мы в] *В*первые имеем жизнь, полнокровную жизнь, блещущую радостью и красками. [на базе достигнутых достатков социалистического строительства.] Миллионы, десятки миллионов людей, дети и граждане Советского Союза, в том числе и мои дети, поют песню — «Хороша страна моя родная, нет такой другой страны на свете, где так вольно дышит человек!». И эти слова я повторяю — узник — я повторяю эти слова — «Нет такой страны на свете, где был бы такой энтузиазм в труде, где звучал бы такой веселый, радостный смех, где раздавалась бы такая вольная песня, пляска, где была бы такая прекрасная любовь». И я говорю: прощай, страна моя родная! Я хочу, чтобы мне поверили. Мне ничего не нужно ни от суда, ни от людей. Я не хочу и не могу допустить ни одним словом неправды в этом моем последнем обращении к людям.

[Троцкий.] Ни один человек в мире не принес так много горя и несчастия людям, как Троцкий. *Этот* самый грязный агент фашизма. [, и п] *П*рав [здесь] Прокурор и прав [здесь] Раковский, когда говорили, что */здесь/* [в первую очередь недостает Троцкого] здесь на скамье подсудимых [.] *в первую очередь не достает Троцкого.*

Троцкизм — это не политическое течение, [как неоднократно в последнее время подчеркивалось, а действительно, это] *а* беспринципная, грязная банда убийц, шпионов, провокаторов и отравителей, это грязная банда пособников капитализма. Такую функцию троцкизм выполняет везде, во всех странах, в том числе и в Советском Союзе.

Урок и вывод этого процесса для миллионных масс Советского Союза заключается в первую очередь в безусловной чистоте генеральной линии боль-

[1] * * — рядом на полях вертикальная линия (синие чернила).

шевистской партии. Беда и несчастье тому, кто отходит хотя бы в малейшей степени от генеральной линии большевистской партии. Я хочу, чтобы вы мне поверили, поверили в искренность произносимых мною сейчас слов.

Расставаясь с вами, я говорю: да здравствует, процветает, укрепляется великий, могучий, прекрасный Союз Советских Социалистических Республик, идущий от одной победы к другой, над которым сияет прекрасное солнце социализма. Да здравствует большевистская партия с лучшими традициями энтузиазма, геройства, самопожертвования, какие только могут быть в мире под руководством Сталина. В неизбежном столкновении двух миров победит коммунизм. Да здравствует коммунизм во всем мире!

12-3-38 г.[I]

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Из записей Вс. Иванова
Вечер.

Бухарин. Розовый. Читает, заложив руку за борт пиджака. Розовые уши.

— Я согласен с Прокурором, который несколько раз повторил, что я стою на пороге своего смертного приговора.

Шарангович. Кричит что-то о тетрадях.

— Рац. тактика злодейства»[II].

— Горький не есть политик, а культ.[урный деятель.]

Говорит, сцепив пальцы, о своих преступлениях.

«Несчастное сознание» — то, что называет Гегель.

— Соц.[иальное] государство раздробляет волю своих врагов.

Левин. — Слушая весь ужас, всю сатанинскую пляску.

— Прест.[упления], совершенные мною, соверш.[ены] не по моей злой воле.

— Я А.М. Гор.[ького], которого я горячо любил, уважал, вел.[икий] человек.

Буланов. — Я бы вам, министру пропаганды, не позавидовал бы, вы бы были первым цыпленком на пути Ягоды.

Ягода стоит так же, как и раньше, вполоборота.

— Опозоренный, ухожу из жизни, я хочу рассказать свой путь, он требует моей головы, я свою голову положил. Страшно сидеть в тюрьме, но хочется смотреть в окно. Я был руководит.[елем] велич.[айших] строек — каналов. Я прошу пощадить, исполнять самую тяжелую работу. Я обращаюсь к вам, тов.[арищ] Сталин, народу, пощадить меня.

Крючков. Опять стоит так же, держится за подбородок.

— Мной владел животный страх перед Ягодой.

Плетнев. Держит листок. Хвалит свои работы. Доказывает, что тюрьма целесообразна в работе.

Рассказ для того, чтобы попасть на открытый процесс, а здесь есть надежда уцелеть.

Казаков. Читает, низко наклонив голову, мерно, не своим голосом. Читает, видимо, написанное адвокатом письмо.

Максимов. Зал наполовину пуст.

[I] Вписано (красный карандаш).

[II] Так в тексте. Должно быть: «рациональной тактики злодейства».

* * *

Тамара была у родственников. Некая Вера спрашивала совета: как быть, каждую ночь вижу во сне Ягоду, хотя никогда не видела его раньше. Он приходит седой, высокий и говорит — спрячь меня, а то я задушу твоего ребенка.

Стенограмма заседания:

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Бухарин, вам предоставляется последнее слово.

БУХАРИН. Гражданин Председательствующий и граждане судьи, [разрешите мне сказать последнее слово по поводу и в связи с моей деятельностью, о фактическом содержании которой я уже рассказал во время судебного следствия и на процессе, а также ответить на наиболее важные из новых обвинений, выдвинутых государственным Прокурором. Я]

я совершенно согласен с гражданином Прокурором насчет [исторического] *значения* процесса, *на* которо[ы]м вскрыты наши злодейские преступления, совершенные право-троцкистским блоком, одним из лидеров которого я был, и за всю деятельность которого я несу ответственность.

Этот процесс, который в серии других процессов является заключительным[302], раскрывает все преступления, изменническую деятельность, раскрывает исторический смысл и корень нашей борьбы против партии и советского правительства.

Я уже больше года сижу в тюрьме и поэтому не знаю, что происходит в мире, но по случайным обрывкам действительности, доходящей иногда до меня, вижу, чувствую и понимаю, что интересы, которые мы так преступно продавали, вступают в новую фазу своего гигантского развития, выходят уже теперь на международную арену как величайший могучий фактор международной пролетарской фазы.

[Мы, подсудимые, сидим по другую сторону барьера, и этот барьер отделяет нас от вас, граждане судьи.[1] Это есть символ фронта великой борьбы и мы] *Мы* очутились в проклятых рядах контрреволюции, стали изменниками социалистической родины.

В самом начале процесса на вопрос гражданина Председательствующего — признаю ли я себя виновным, я ответил признан*ием*.[ю.] [Я признал также себя виновным в разговорах на предварительном следствии.] *[Еще раз повторяю, я признаю себя виновным в измене социалистической родине. Самым тяжким преступлением, которое только может быть. В организации кулацких восстаний, подготовке террористических актов, принадлежности к подпольной антисоветской организации.]*

*[На заданный мне вопрос гражданином Председательствующим: подтверждаю ли я данные мною показания, я ответил, что полностью и целиком [признаю себя виновным] *их подтверждаю,* юридически виновным Уголовного Кодекса СССР.

Когда в конце *предварительного* следствия я был вызван на допрос *к* государственно*му*[го] обвинителю[я], который контролировал всю совокупность *следственных* материалов, то он резюмировал эту совокупность следующим образом: *(*том 6, стр. 114 от 1 декабря 1937 г.*)*]

Вопрос: Были ли вы членом центра контрреволюционной организации правых? Я ответил: да, признаю.

---

[1] Вероятно, предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

Другой вопрос: признаете ли вы, что центр *[прав] антисоветской организации*, членом которого вы являетесь, осуществлял контрреволюционную деятельность и ставил своей целью насильственное свержение руководства партии и правительства. Я ответил: да, признаю.

Третий вопрос: признаете ли вы, что этот центр осуществлял террористическую деятельность, организовывал кулацкие восстания и подготовлял белогвардейские кулацкие восстания против членов Политбюро, против руководства партии и советской власти.]*[I]

*[Я ответил: это верно.

[Я признаю себя далее виновным]

Четвертый вопрос: признаете ли вы себя виновным в изменнической деятельности, выражавшейся в подготовке заговора с целью государственного [*«дворцового»*][II] переворота. Я ответил: и это верно.]*[III]

*[Следующий вопрос: признаете ли вы себя виновным в организации кулацких восстаний против руководства партии и советского правительства? Вы принадлежите к подпольной антисоветской организации правых? Я ответил: что все эти обвинения признаю. *Это — суть вещи сугубо практические. Я говорил и повторяю сейчас, что я был руководителем, а не стрелочником контрреволюционного дела.*

10 января 1938 г. гражданин Прокурор допрашивал меня по поводу смерти А.М. Горького. Я дал показание и на этот счет. Наконец, 20 февраля, буквально за несколько дней до процесса, гражданин Прокурор допрашивал меня по «левому коммунизму», организовал пять очных ставок, опять поставил вопрос об убийстве А.М. Горького. На допросе от 10 января гражданин Прокурор не предъявил мне никакого юридически сформулированного обвинения.]*[IV]

На суде я признавал и признаю себя виновным в тех преступлениях, которые я совершил и которые были мне вменены гражданином государственным обвинителем в конце судебного следствия и на основе имевшегося у Прокурора следственного материала. На суде я заявлял так же, и сейчас это подчеркиваю и повторяю, что политически я признаю себя ответственным за всю совокупность преступлений, совершенных «право-троцкистским блоком». [, признаю ответственность даже за те преступления, о которых я не знал и о которых не имел ни малейшего представления.]

[Даже за те преступления, которые вменялись мне гражданином государственным обвинителем в порядке применения статей Уголовного Кодекса, т.е. тех статей, где я признаю свою виновность с узко юридической точки зрения, — я] *Я* подлежу самой суровой мере наказания, и я согласен с гражданином Прокурором, который несколько раз повторял, что я стою на пороге смертного часа.

[И именно поэтому] *Тем не менее* я считаю себя вправе опровергнуть [те] *некоторые* обвинения, которые появились: а) в печатном обвинительном заключении, в) во время судебного следствия, с) в обвинительной речи гражданина Прокурора СССР.

[I] * * — текст восстановлен — зачеркнут (синие чернила), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией, рядом на полях вертикальная линия и помета (красный карандаш): «*Восстановить. Печатать*». Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[II] Зачеркнуто И.В. Сталиным (красный карандаш).

[III] Текст восстановлен — зачеркнут (синие чернила), подчеркнут горизонтальной пунктирной линией, рядом на полях вертикальная линия и помета (красный карандаш): «*Печат[ать]*» Правка красным карандашом И.В. Сталина.

[IV] * * — текст зачеркнут (синие чернила, красный карандаш), рядом на полях вертикальная линия и помета И.В. Сталина (красный карандаш): «*Восстановить. Печатать*».

Считаю необходимым упомянуть, что во время моего допроса гражданином государственным обвинителем последний заявил в весьма категорической форме, что [он мне запрещает, как] *я как* обвиняем*ый*[ому] *не должен* брать на себя больше, чем я на себя взял, чтобы я не выдумывал фактов, которых не было, потребовав занесения *этого* свое*го*[й речи, самого заявления] *заявления* в протокол.

[Мое последнее слово на суде, вероятно, будет моим последним словом вообще, но я это делаю не для того, чтобы оспаривать неоднократные утверждения фактического порядка и неоднократные выводы гражданина Прокурора, не делаю для того, чтобы смягчать меру наказания. Не моей лично судьбы это вопрос.]

[Итак, е] *Е*ще раз повторяю, я признаю себя виновным в измене социалистической родине, самом тяжком преступлении, которое только может быть, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя, далее, виновным в подготовке заговора «дворцового переворота». [, в подготовке государственного переворота.] Из этого, между прочим, и вытекает неправильность всех тех мест обвинительной речи гражданина государственного обвинителя, где он изображает дело так, что я становился в позу чистого теоретика, в позу философа и т.д. Это — суть вещи сугубо практические. [Но я] *Я* говорил и повторяю сейчас, что я был руководителем контрреволюционного дела [и движения], *а не стрелочник*[1]. [, исполнитель его.] Из этого вытекает, как это всякому понятно, что многих конкретных вещей я мог и не знать, что их я действительно и не знал, [что] *но* это ответственности моей не снимает.

Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в «право-троцкистском блоке», хотя я утверждаю:

а) лично я на этой позиции не стоял,

в) фраза об открытии фронта принадлежала не мне, а это был отзвук нашего разговора с Томским,

с) если Рыков впервые услышал эту фразу, то это, повторяю, был отзвук разговора с Томским.

[Открытие фронта я считал глупой антипартийной ориентацией.] Но я считаю себя ответственным за величайшее и чудовищное преступление перед социалистической родиной и всем международным пролетариатом. Я считаю себя, далее, и политически и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не говорил. Я положительно разговаривал один раз на эту тему с Гринько. Я еще в своих показаниях говорил, что я в свое время Радеку заявил, что [я] считаю этот способ борьбы малоцелесообразным. *Однако* [Г]*г*ражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительства.

[Сейчас я перехожу ко второй части моего последнего слова, а именно обоснования обвинений.]

[Я опровергаю, прежде всего, свой, якобы, факт принадлежности к группе, сидящей на скамье подсудимых, ибо такой группы как таковой вовсе не было, и вовсе не эта, якобы, группа носила название право-троцкистского блока.]

---

[1] * * — знак переноса фразы — *«Я говорил и повторяю сейчас, что я был руководителем, а не стрелочник контрреволюционного дела...»*.

Гражданин Прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах, и все же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи. Между тем я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде. Впервые узнал о существовании Максимова. Никогда не был знаком с Плетневым, никогда не был знаком с Казаковым, никогда не разговаривал с Раковским о контрреволюционных делах, никогда не разговаривал о сем же предмете с Розенгольцем, никогда не разговаривал о том же с Зеленским, никогда в жизни не разговаривал с Булановым и т.д. Кстати, и Прокурор меня ни одним словом не допрашивал об этих лицах.

«Право-троцкистский блок» есть, прежде всего, блок правых и троцкистов. Как сюда вообще может входить, например, Левин, который здесь на суде показал, что он и сейчас не знает, что такое меньшевики? Как сюда могут входить Плетнев, Казаков и другие?

Следовательно, сидящие на скамье подсудимых не суть какая-либо группа, они суть на разных линиях соучастники заговора, но не группа в строгом и юридическом смысле этого слова. [А раз это так, то ясно, что эта несуществующая группа не может быть, вопреки обвинительному заключению, сформирована по заданиям разведок.] Все подсудимые были так или иначе связаны с «право-троцкистским блоком», некоторые из них и с разведками, но и только. Но это не дает никакого основания заключать, что эта группа *и* есть «право-троцкистский блок». [и что эта группа, как эта группа организована по заданиям иностранных разведок.]

Во-вторых, действительно существовавший и разгромленный органами НКВД «право-троцкистский блок» сформировался исторически. Он действительно был реальностью, пока его не разгромили органы НКВД. Он возник исторически. Я показывал, что еще в 1928 г. во время VI Конгресса Коминтерна, которым я тогда руководил, я первый раз говорил с Каменевым[303].

Как же можно утверждать, что блок был организован по заданиям фашистских разведок? Это в 1928 году-то! Кстати, в то самое время я чуть не был убит агентом польской дефензивы, о чем прекрасно известно всем, кто близко стоял к партийному руководству.

В-третьих, я категорически отрицаю, что был связан с иностранными разведками, что они были хозяевами надо мной, и я действовал, выполняя их волю. [Было бы глупо заключать какие-то соглашения с иноразведками, ибо что получили бы мы — заговорщики — в результате этого соглашения? Одни голые обещания.]

Гражданин Прокурор утверждает, что я, наравне с Рыковым, был одним из крупнейших организаторов шпионажа. *Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я и не слышал до обвинительного заключения.* [А почему об этом нет ни слова в следственном материале по моему делу, за исключением показаний провокатора Иванова. А почему гражданин Прокурор при своем допросе меня не спрашивал по этому предмету? Как же можно, гражданин Прокурор, впервые спрашивать об этом только во время суда, хотя я сидел в тюрьме больше года? Очевидно, потому что не было достаточно фундированного материала.]

[А что мне предъявляется теперь? Шарангович, о существовании которого я не слышал ничего до обвинительного заключения. Несуществующий Червяков, которого нельзя допросить за его несуществованием[304].] Мне предъяв-

ляется контекст показаний Шаранговича, по которым выходит, что я чуть ли не вырабатывал вредительский план. [производства тетрадей в Белоруссии. Этот факт, мне кажется, достаточно говорит сам за себя. Шарангович...]

ШАРАНГОВИЧ. Бросьте врать, хоть один раз в жизни. [, черт возьми.] Врете вы и сейчас на суде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Шарангович, не мешайте.

ШАРАНГОВИЧ. Я не мог выдержать.

БУХАРИН. Иванов. О его показаниях, вообще, должен сказать следующее. Соответствующие лица, в прошлом связанные с охранкой, показывают, что они из страха перед разоблачениями решили вести борьбу с советской властью и поэтому пошли к правым, к подпольной организации, ориентирующейся на террор. [Ну, где же тут логика? Замечательная логика из страха перед возможными разоблачениями идти в террористическую организацию, где назавтра он может оказаться пойманным[I], повешенным. К тому же, например, Зеленский принимал активное участие в октябрьском перевороте, а если не ошибаюсь и Иванов. Значит, сперва оба они принимают участие в октябрьском перевороте, чтобы не быть заподозренными, а затем принимают участие в заговоре против этого переворота и из трусости, и из страха быть разоблаченными.] Трудно себе это представить, я, по крайней мере, себе этого не могу представить. Но гражданин Прокурор им поверил, хотя все это звучит явно неубедительно. [Если по такому вопросу налицо явные неправильности, что же можно ожидать от всего остального, и нет ли у Иванова и Шаранговича продолжения их старой тактики.]

Ходжаев утверждает, что я ему советовал связаться с английским резидентом, а Икрамов говорит, будто я ему заявил, что Туркестан является лакомым кусочком для Англии. В действительности, дело совсем не так. Ходжаеву я говорил только *о* том, что нужно использовать противоречия между империалистическими державами, и в глухой форме поддерживал мысль о независимости Туркестана. [Ни о каких резидентах не было ни единого слова.[II] Нужно изобразить меня каким-то дураком, чтобы приписывать мне все эти вещи. Я являюсь преступником, но никто еще не считал меня дураком, который хлопочет о том, чтобы раздать различные части страны иностранным государствам. Но для чего же тогда нужна была власть, захватить которую мы стремились, мы, участники заговора право-троцкистского блока, и притом столь преступными методами?] Гражданин государственный обвинитель [во всем этом деле применяет очень оригинальную логику. Он] спрашива*л*[ет] — а вы видели Ходжаева? Видел. Это было в Ташкенте? Было в Ташкенте. Вы разговаривали с ним о политике? О политике. Значит, вы говорили о резиденте. [Но это же не имеет никакого отношения к так называемой математической индукции. Тут т] *Т*акие заключения фигурировали не раз, а когда я протестовал против так*их*[ого типа] заключений, то гражданин Прокурор обвинял меня в том, что я говорю неправду, виля*ю*[я], желаю скрыть истину и т.д., и был при этом поддержан целым рядом моих сопроцессников. Но, мне кажется, что в этом случае настоящая логика стоит целиком на моей стороне. На основании этих [совершенно недостаточных] материалов гражданин государственный обвинитель заявляет — все шпион-

---

[I] Текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной пунктирной линией, рядом на полях вертикальная линия (синие чернила), знак вопроса (красный карандаш) и помета (синие чернила): «*Печатать*».

[II] Предложение восстановлено — зачеркнуто, подчеркнуто горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

ские связи шли по каналу Рыкова и Бухарина. А между тем гражданин Прокурор говорил, что здесь каждое слово важно. [, т.е. призывал к целомудренному обращению со словами и фактами. Ни одного факта не было обосновано правильно в] *В* речи гражданина Прокурора [. В этой речи] были ссылки на две японских газеты ... [(Не уловлено.)[1]] Но откуда же из этих сообщений вытекает, что речь идет именно обо мне и о правых?

[Но, однако, из этого сообщения вытекает, что речь идет именно обо мне или даже о правых. И как это японцы стали бы открыто намекать на своих открытых агентов, если бы данная группа или данный человек были бы их действительными агентами? Странная позиция. И где есть, гражданин Прокурор, хотя бы один факт моей связи с иностранными разведками? И опять-таки, почему об этом гражданин Прокурор не спросил меня в заключение предварительного следствия, когда он задавал контрольные вопросы по всему материалу предварительного следствия?]

Я, однако, признаю себя виновным в злодейском плане расчленения СССР, ибо Троцкий договаривался насчет территориальных уступок, а я с троцкистами был в блоке. Это факт, и это я признаю.

[В-четвертых, я] *Я* категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова. Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению право-троцкистского блока. Я об этом не знал. [Рыков показывает на суде, что я об этом не знал. Кроме того, у суда есть показания Рыкова, мои показания, показания Ягоды, который в свою очередь ссылается на свидетельские показания Енукидзе, которого допросить уже нельзя, и которые мне не известны, они мне предъявлены не были.] Но тут на помощь фактическому содержанию для гражданина Прокурора приходит то, что он называет логикой. Он спрашивает, [почему] *могли ли* Бухарин, Рыков стоять в стороне *от этих убийств*, и отвечает, что они не мог*ли*[ут] стоять в стороне, потому что они знали. Но *не* стоять в стороне и знать — это одно и то же. [И если сперва задать вопрос, а потом перефразировать утвердительный ответ, тогда можно получить любой вывод. Но э] Это будет то, что называется в элементарной логике тавтологией, т.е. принятие за доказанное то, что нужно доказать. Как же объяснить действительно? Можно спросить — но позвольте, как же вы, злодей, объясняете вот эти самые факты, можете ли вы отрицать, что [вещь эта была,] какое-то решение какой-то части с ведома Енукидзе и Ягоды было, или вы и это отрицаете? Я этого отрицать не могу, граждане судьи. Но если я не могу отрицать и в то же самое время не могу утверждать, я могу сделать известное предположение. Ведь вы же должны иметь в виду конспиративность работы. [, благодаря которой целая группа преступников этого дела держалась.] У центра не было собраний, говорили от случая к случаю, и при таких конспиративных методах общения и связи друг с другом такая вещь вполне возможна.

[А я спрошу еще дальше — а почему в моем следственном материале ничего нет, а почему меня ни одни словом гражданин Прокурор не спросил, ведь последний раз он видел меня буквально за несколько дней до открытия процесса. Как же это тяжкое обвинение выплыло в течение нескольких часов, хотя тяжесть его очевидна.]

Максим Пешков. Ягода сам заявляет, что это [есть вещь] *убийство*, лично его касающ*ее*[ая]ся. Я не имею никакого права вторгаться в эту область. Но это есть заявление Ягоды, подкрепленное таким фундаментальным фактом,

[1] В тексте «Судебного отчета» (Ф. 17. Оп. 171. Д. 402. Л. 681) название газет отсутствует.

как просьбой его о перенесении этого вопроса в закрытое заседание суда, т.е. достаточно весомая величина. Между тем [с политической точки зрения, даже с точки зрения злодейского белого террора, это убийство явно бессмысленное, а тем не менее] Крючков [уже начинает] говорит[ь], что это сделано для того, чтобы ослабить жизнерадостный тонус Максима Горького. И даже, если не ошибаюсь, один из граждан защитников также стал на эту точку зрения. Это [уже] шито белыми нитками. [Никак это не вытанцовывается — такая аргументация, тем более, что п] *П*ротив этой аргументации стоит такой колоссальный весомости факт, как личное заявление Ягоды, подтвержденное фактом перенесения этого пункта в закрытое заседание суда.

Менжинский. Буланов показал о личных мотивах точно так же. [Политически если поставить вопрос опять-таки с точки зрения злодейской практики белого террора, —] Менжинский уже был болен, он никак не мог вредить право-троцкистскому блоку. [Пойти на такую вещь ради такой цели — это вообще безумие, безумие просто с точки зрения рациональной тактики злодейства.] *Каким же образом это может считаться вероятным?*[I]

*[Председательствующий т. Ульрих. Ягода же обратное говорил.] *[II]

Я останавливаюсь на показаниях Буланова. [говорю не о Ягоде, а о показаниях Буланова, а на суде, по авторитетному разъяснению Председательствующего, я имею право говорить то, что я считаю нужным.]

Самый тяжелый и самый ужасный случай — смерть Алексея Максимовича. Что я показал, как и при каких обстоятельствах я показал? Меня спросили (очевидно, имея уже известный следственный материал по поводу этого дела), не вспоминаю ли я что-нибудь, что проливало бы свет на враждебное отношение правой и троцкистской части блока по отношению к Горькому. [Я стал перебирать в памяти все, что я мог по этому поводу вспомнить. В] *Я в*спомнил разговор с Томским, о котором я докладывал здесь на суде и о котором спрашивал меня Прокурор. Этот разговор состоял в том, что Томский бегло мне сказал, что троцкисты против сталинца Горького [, или что-то вроде этого,] готовят враждебные акты. Я тогда в тот момент совершенно не подумал, что речь может идти о каком-то террористическом акте. [Почему я об этом не подумал? Вероятно, потому что эта сама идея мне показалась бы чудовищной по отношению к Алексею Максимовичу, который не есть политик, культурный деятель, и на предмет гарантии, что он в случае захвата власти выступит и прочее, — такая идея мне в голову не могла прийти.] Я [поэтому] пропустил это мимо ушей. При допросе я вспомнил этот разговор с Томским. На настойчивые требования гражданина Прокурора я все время отвечал, что в моем сознании ни о каком террористическом акте мысли тогда не было. На суде же здесь на один из вопросов гражданина Прокурора я сказал: «а теперь я вижу, что шла речь именно об этом». Тогда гражданин Прокурор делает из этого следующее — говорит «но что это такое, как не завуалированное признание?». В чем же это завуалированное признание? Признание-то в чем? В том, что я на суде узнал о целом ряде новых фактов, которые не были мне известны, и поэтому можно ретроспективно рассматривать этот разговор, который у меня с Томским был, совершенно в другой перспективе? Я считаю, что здесь аргументация гражданина государственного обвинителя не может считаться достаточной. [,а я сам положительно утверждаю, что я думаю то, что думаю, и не думаю того, чего я не думаю.]

[I] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синий карандаш)

[II] * * — зачеркнуто И.В. Сталиным (красный карандаш).

1918 г. Гражданин Прокурор [прежде всего] заяви*л*[лял], что я в 1924 г. был вынужден сделать признание относительного разговора такого-то и такого-то в Смольном. Я [ничего никому] не был вынужден, никакого абсолютно давления я не испытывал, никто, кроме меня, об этом не заикался, и я этот пример опубликовал для того, чтобы показать в те поры — в 1923—24 гг. всю вредоносность фракционной борьбы, до чего она доводит. Так что я, прежде всего, хотел бы устранить это недоразумение.

Гражданин государственный обвинитель говорил, что Бухарин ничего не привел против показаний пяти свидетелей, которые прошли [, продефилировали] здесь перед всеми, перед гражданами судьями по этому делу, которые утверждали, что у меня было намерение, мысль, идея, которую я настойчиво проповедовал, об аресте Ленина и о его физическом уничтожении, причем к Ленину еще [присовокуплялись] *присоединялись* фигуры двух других выдающихся деятелей партии — Сталина и Свердлова. Но это неверно, что я не привел никакой аргументации. Гражданин Прокурор может считать ее неверной, слабой, неубедительной, но нельзя сказать, что я ничего не приводил. Я приводил целый ряд соображений.

Главной свидетельницей была Варвара Николаевна Яковлева. Варвара Николаевна Яковлева весь этот инцидент с подготовкой заговора с «левыми» эсерами [, со Свердловым, Сталиным и Лениным, с] *против Ленина, Сталина и Свердлова об* их аресте[ом] и предполагаемо[ы]м умерщвлени*и*[ем] и т.д. — все это она относит в своих показаниях, — [раз] *затем* на очной ставке — [два и] *затем* на судебном следствии — [три,] все это она относит к периоду до Брестского мира. Я говорил и на очной ставке, и на предварительном следствии, и в суде, *что это неверно.* [указывал на явную бессмысленность этого предположения. И это утверждение, оно явно бессмысленно. *Бессмысленно предполагать] *Неверно**[I], что «левые *коммунисты»* и троцкисты до Брестского мира желали произвести государственный переворот насильственными средствами, *неверно* [бессмысленно по той причине, что и у троцкистов и у так называемых «левых» было большинство в Центральном Комитете, и если бы в решающей момент голосования по вопросу о Брестском мире троцкисты не капитулировали бы, то тогда троцкисты и левые имели бы большинство в Центральном Комитете.[II]] Так как же можно предположить в такой ситуации, что они здесь капитулировали для того, чтобы прибегнуть к методам заговора? Всякий, кто переживал те времена, отлично знает, что «левые коммунисты» в это время были настроены так до Брестского мира, что они надеялись завоевать партийное большинство на очередном партийном съезде. [И эта наша группа тогдашняя, во главе которой я стоял, она имела здесь почти половину мандатов на самом съезде. Это же всякий знает, всякому это известно. Так скажите, пожалуйста, к] **К*ак же в такой обстановке могла идти речь о том, что говорит теперь свидетельница Варвара Николаевна Яковлева? Но я приводил другой пример. Варвара Николаевна Яковлева утверждала, что дело заключалось в том, что у нас центром фракционным «левых коммунистов» было московское областное бюро. Тогда я позволил себе назвать несколько имен, нескольких почтенных членов партии. Я этим хотел только скомпрометировать аргумент Варвары Николаевны Яковлевой. Известно, что целый ряд выдающихся имен — Куйбышев, Емельян Ярославский, Менжинский и другие — они в это время

[I] * * — правка И.В Сталина (красный карандаш).

[II] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут, подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

были сторонниками «левых коммунистов», принадлежали к этой моей левой группе.*[I] Они — эти люди — по своему удельному весу были гораздо выше Манцевых, Стуковых и всяких других, и они по своему политическому темпераменту и по своей политической активности были деятельнее означенных лиц. Поэтому фактически центральная группа в Ленинграде по Брестскому миру включала означенных лиц. Так я вас спрашиваю: как план восстания был бы возможен, если эти лица занимали основное место в центрально группе? *[Ясное дело, что это есть несусветная чепуха? Э]*[II] Это немыслимо, это невозможно. И тут главная свидетельница против меня Варвара Николаевна Яковлева, она впутывает совершенно другой период после Брестского мира, московский период. [Но если нужно и можно говорить о московском периоде, тогда падает вся эта история с протоколами, с дачей мною директив Стукову, с речами Стукова. И если, может быть, такие речи произносились, может быть, такие протоколы были, это возможно, то с этим я дело не имел, тогда я был в тогдашнем Петербурге и давать таких директив не мог.]*[III]

Я очень извиняюсь перед вами, граждане судьи, что задерживаю на этом ваше внимание, но т.к. это исключительно тяжкий момент и исключительно интересный, и ему на суде было отведено столь большое внимание, то я позволил себе по этому поводу повторить то, что я уже говорил. А между тем гражданин государственный обвинитель утверждал, что я ничего не привел по этому поводу в свое оправдание.

Не буду останавливаться на других вещах, *[на противоречиях в показаниях Камкова и Карелина и насчет целого ряда других вещей,]*[IV] потому что не хочу задерживать вашего времени. Я признаю тот факт, что был один разговор с Карелиным и Камковым, причем инициатива шла от «левых» эсеров насчет ареста на 24 часа Ленина и дальнейшем блоке с «левыми» эсерами. Но на первый разговор ответ был отрицательный в грубой форме, а насчет того, что впоследствии при посредстве Пятакова велись переговоры с «левыми» эсерами, и это можно рассматривать, как сформулировал, если не ошибаюсь, гражданин Прокурор, как попытку свержения советской власти насильственным путем, — это я признаю, такой момент был. Намерение физического уничтожения — это я категорически отрицаю, и здесь никак не поможет та логика, о которой говорил гражданин государственный обвинитель, что *насильственный арест означает [во ипсо] физическое уничтожение. Учредительное собрание было арестовано, однако никто там физически не пострадал[305]. Фракция «левых» эсеров нами была арестована, однако там ни один человек не пострадал физически. «Левыми» эсерами был арестован Дзержинский, однако он физически не пострадал, а я говорю, и это было опущено в речи государственного обвинителя, что в этих разговорах преступных и злодейских специально говорилось о том, что во что бы то ни стало не был бы задет ни один волос на голове соответствующих лиц. Это может показаться как угодно, но именно так было в действительности.*[V]

Этот эпизод, после-Брестский, он, вообще, занимал во времени необычайно маленькое место, потому что вскоре после этого «левые» эсеры вы-

---

I * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
II * * — правка (красный карандаш).
III * * — правка (красный карандаш).
IV * * — правка (красный карандаш).
V * * — рядом на полях вертикальная линия и знак вопроса (красный карандаш). Вероятно, правка И.В. Сталина.

ступили. Нам приходилось арестовывать «лево»-эсеровскую фракцию, я сам принял участие в этой операции, я сам принял участие в руководстве арестом фракции «левых» эсеров. После этого вообще ничего не было с «левыми» эсерами. Я ездил за границу для революционной деятельности, потом оттуда вернулся, потом, повторяю, я был ранен «лево»-эсеровской бомбой. Я не хотел этим сказать, что это было направлено лично против меня, как показывал свидетель Манцев и прочие, но я хотел сказать, что всем было известно, что в доме Московского комитета я должен был читать доклад. В это время и было устроено покушение, причем я был легко ранен. Целый ряд тогдашних деятелей партии был убит. Это покушение было произведено, как известно, *[блоком] *блоком* «левых» эсеров*[I] во главе с Черепановым и его женой Тамарой и так называемых анархистов подполья. Я назвал Манцева, потому что «левый коммунист» Манцев арестовал этого Черепанова, потому что он не был союзником этого Черепанова. То обстоятельство, что Бела Кун поощрял «левых» эсеров, это неправильно.

Я хочу сказать, что был один момент преступного заговора с «левыми» эсерами, который быстро лопнул после их выступления, в подавлении которого целый ряд «левых коммунистов» принимали активное участие.

**[Гражданин государственный Прокурор в своей обвинительной речи, когда я перехожу на юридический язык, то это называется (произносит не на русском языке), против этого я возражаю.]

В подкрепление своей речи, [хотя общественный] *государственный* обвинитель выдвинул еще целый ряд моментов, [касающихся фактических данных,] которые должны [иллюстрировать, я хочу] подвести базу над полосой, черной полосой моей жизни.

Здесь есть несколько вопиющих ошибок. Во-первых, я никогда [в своей жизни] не был отзовистом, как это сказал государственный обвинитель[ный Прокурор (оживление в зале). *Гражданин Прокурор утверждает, что в 1909 г. я был отзовистом, наоборот, я был в то время представителем ЦК партии со специальным поручением борьбы против отзовистов.*[II]]

[Государственный обвинитель вменяет мне в вину, не знаю с какой стороны, статью «Мировое хозяйство». Эта статья шла под редакцией Ленина и была напечатана в журнале, предисловие к которой написал сам Ленин.]

Государственный обвинитель ставит мне в вину, что я работал в журнале «Новый мир» редактором вместе с Троцким, что у меня был блок с Троцким. Я против этого возражаю. [Я не мог уйти из состава редакции, потому что получил соответствующее указание Центрального Комитета партии. В этом журнале я вел ожесточенную борьбу с Троцким, потому что я был организатором ячейки, которую мы к тому времени организовали в Америке. Мы вели решительную борьбу с Троцким. *Была напечатана целая серия статей «Долой фракционность». Меня государственный Прокурор обвиняет в этом деле. Я должен заявить, что она была написана мною на квартире у т. Сталина*[III] и вышла после соответствующих поправок т. Сталина как директива Центрального Комитета партии.]

Государственный Прокурор меня обвиняет, что в 1924 г. я был против т. Сталина. Такого случая я не знаю. Я заканчиваю свои[е обвинение] *возражения против отдельных обвинений,* которые[ое гражданин] государственный

I * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

II * * — рядом на полях вертикальная линия и знак вопроса (красный карандаш).

III * * — рядом на полях вертикальная линия и вопрос (красный карандаш). Правка И.В. Сталина.

[Прокурор] *обвинитель* предъявил мне во время судебного разбирательства, и возвращаюсь к действительно совершенным мною преступлениям. Я дважды уже их перечислял. Тяжесть этих преступлений огромна. Мне кажется, что повторять уже не следует, ясно и без того, насколько велики эти преступления.

Я хотел только сказать, что троцкистская часть не раз сепаратно выступала и, возможно, что отдельные члены блока, вроде Ягоды, тоже, возможно, выступали отдельно, потому что Ягода по показаниям Буланова считал Рыкова и меня своими секретарями, а сам здесь обзывал меня болтуном, который организовывал идиотские массовые восстания, когда дело в [«дворцовом] *государственном* перевороте.[». Таким образом, нельзя сказать, чтобы этот правый центр, пользуясь достаточным авторитетом в глазах подсудимого Ягоды, действовал в различных направлениях. П] *Но* [П] *«п*раво-троцкистский блок» связан[ный] между собой, и совершенно естественно, что политически я за все решительно несу ответственность. [даже за то, чего я, повторяю, не знаю.]**[1]

Тягчайший характер преступления — очевиден, политическая ответственность — безмерна, юридическая ответственность такова, что она оправдает любой, самый жесточайший приговор. Самый жестокий приговор будет справедливым, потому что за такие вещи можно расстрелять десять раз. Это я признаю совершенно категорически и без всяких сомнений.

Я хочу коротко объяснить [не только суду, но и широкой мировой прогрессивной общественности и факты своей преступной] *факты своей преступной* деятельности и свое раскаяние в злодеяниях.

Я уже указывал при даче основных показаний на судебном следствии, что не голая логика борьбы погнала нас, контрреволюционных заговорщиков в то зловонное подполье, которое в своей наготе раскрылось за время этого процесса. Эта голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением нас самих, перерождением людей. Исторические примеры таких перерождений — известны. Стоит назвать имена Бриана, Муссолини и т.д. И у нас было перерождение, которое привело нас [от определенной не совсем ортодоксальной, быть может, формы большевизма] в лагерь, очень близкий по своим установкам, по своеобразию к кулацкому преторианскому фашизму. Так как этот процесс шел все время у нас очень быстро в условиях развивающейся классовой борьбы, то эта самая борьба, ее быстрота, ее наличность были тем ускорителем, тем катализатором процесса, который нашел свое выражение в ускорении процесса перерождения.

Но этот процесс перерождения людей, в том числе и меня, происходил совершенно не в той обстановке, в которой происходил процесс перерождения международных рабочих деятелей в Западной Европе. Он происходил в обстановке гигантской социалистической стройки, с неизмеримыми масштабами, задачами, победами, трудностями, героикой...

И на этой основе мне кажется вероятным, что у каждого из нас, сидящего здесь, на скамье подсудимых, была своеобразная двойственность сознания, неполноценность веры в свое контрреволюционное дело. Я не скажу, что это сознание отсутствовало, но оно было неполноценно. Отсюда происходивший, известно, полупаралич воли, торможение рефлексов. Мне кажется, что мы представляем собою людей до известной степени с заторможенными рефлексами. И это вытекало не из отсутствия последовательного

[1] ** ** — правка И.В. Сталина (красный карандаш)

мышления, а из объективного величия социалистической стройки. То противоречие, которое получалось между ускорением нашего перерождения и этим торможением рефлексов, выражает собой положение контрреволюционера или развивающегося контрреволюционера в обстановке развивающейся социалистической стройки.

Создалась психология двойственная. Каждый из нас может это констатировать в своей собственной душе, хотя я не буду заниматься далеко идущим психологическим анализом других...

*[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Обвиняемый Бухарин, вы говорите о себе, что вы переживаете, другие сами за себя скажут, расскажут о своих перерождениях и т.д. А у вас получается не последнее слово подсудимого.]

[БУХАРИН. Простите, я не знал. Я думал, что в последнем слове я могу обо всем говорить.]

Иногда и сам я увлекался *тем*, что я пишу во славу социалистической стройки, [что] *хотя* назавтра это отрицаю своими практическими деяниями преступного характера. Здесь образовалось то, что в философии Гегеля называлось несчастнейшим сознанием. Это несчастное сознание отличалось от обычного только тем, что он в то же время было преступным сознанием.

[Не трудно сильному государству посадить энное количество своих врагов на скамью подсудимых, и любое государство это проделывает с большим или меньшим успехом. Но м] *М*ощь пролетарского государства сказывается не только в том, что оно [физически, механически, политически] разгромило контрреволюционные банды, но и в том, что оно внутренне разлагало своих врагов, что оно дезорганизовало волю своих врагов. Этого нет нигде и этого нельзя иметь ни в одной капиталистической стране.

Мне кажется, что когда по поводу процессов, проходящих в СССР, среди части западноевропейской и американской интеллигенции начинаются различные сомнения и шатания, то они в первую очередь происходят из-за того, что эта публика не понимает того коренного отличия, что в нашей стране противник, враг, в то же самое время имеет это раздвоенное, двойственное сознание. И, мне кажется, что это нужно в первую очередь понять.

Я позволяю себе на этих вопросах остановиться, потому что у меня были за границей среди этой квалифицированной интеллигенции значительные связи, в особенности среди ученых, и я должен и им объяснить то, что у нас в СССР знает каждый пионер.

Часть объясняют раскаяние различными, совершенно вздорными вещами вроде [пыток,] тибетских порошков и т.д. Я про себя скажу, что в тюрьме, в которой я просидел около года, я работал, занимался, сохранил голову. Это есть фактическое опровержение всех небылиц и вздорных контрреволюционных россказней.

Говорят о гипнозе. Но я на суде, на процессе вел и юридически свою защиту, ориентировался на месте, полемизировал с государственным обвинителем, и всякий, даже не особенно опытный человек в соответствующих отделах медицины, должен будет признать, что такого гипноза вообще не было.

Очень часто объясняют эти раскаяния достоевщиной, специфическими свойствами души (так называемый лямс-ляф), что можно сказать о типах вроде Алеши Карамазова, героев «Идиота» и других персонажей Достоевского, которые готовы выйти на площадь и кричать: бейте меня православные, я злодей.

Но здесь дело совершенно не в этом. В нашей стране так называемый лямс-ляф и психология героев Достоевского есть давно прошедшее время, плюсквамперфектум. Такие типы не существуют у нас, они существуют разве

на задворках маленьких провинциальных флигельков, да и то существуют вряд ли и там. Наоборот, в Западной Европе имеет место такая психология [...]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы слишком далеко уходите в своем последнем слове. Мало ли какие типы есть в нашей и западной литературе. Не забывайте, что вы последнее слово имеете.]

[БУХАРИН. Я спросил вас, гражданин Председатель суда, могу ли я говорить обо всем, вы ответили на это утвердительно...]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Но это не значит доходить до абсурда.]

[БУХАРИН. Я, конечно, подчиняюсь, но если государственный обвинитель цитировал даже Тацита, я не понимаю, почему нельзя говорить и мне.]

[Я хотел сказать, что этим нельзя объяснить раскаяние, потому что, если даже можно говорить о славянах, то что можно сказать о Ходжаеве, Икрамове, Раковском.]*[1] Я буду говорить теперь о самом себе, о причинах своего раскаяния. Конечно, надо сказать, что и улики играют очень крупную роль. Я около трех месяцев запирался. [, если не ошибаюсь.] Потом я стал давать показания. *Почему?* [Но я должен сказать здесь в своем последнем слове, что далеко не все исчерпывается уликами. Действительные п] *П*ричин*а*[ы] *этому* заключае[ю]тся в том, что в тюрьме *я переоценил все свое прошлое.* [, в которой приходится сидеть в течение долгого времени, при постоянном колебании между жизнью и смертью возникают вопросы, которые проходят в другом измерении и решаются в других измерениях, чем в обычной практической жизни.] Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь. [Да еще на теперешнем этапе развития Советского Союза, когда он широким маршем выходит на международную арену пролетарской борьбы?] И тогда [оказывается] *представляется* вдруг с поразительной яркостью [, если иметь в виду эту двойственность сознания, представляется] абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись. И, наоборот, все то положительное, что в Советском Союзе сверкает, все это приобретает другие размеры в сознании человека. Это [его] *меня,* в конце концов, разоруж*ило*[ает] окончательно, побу*дило*[ждает и заставляет] склонять свои колени перед партией и страной. И когда спрашиваешь себя: ну, хорошо, ты не умрешь, если ты каким-нибудь чудом останешься жить, то опять-таки для чего? Изолированный от всех врагом народа, в положении нечеловеческом в полной изоляции от всего, что составляет суть жизни. И тотчас же на этот вопрос получается тот же ответ. И в такие моменты, граждане судьи, все лишнее, вся личная накипь, остатки озлобления, самолюбия и целый ряд других вещей не снимаются, они исчезают. А когда еще до тебя доходят отзвуки широкой международной борьбы, то все это в совокупности делает свое дело и получается полная внутренняя моральная победа СССР над своими коленопреклоненными противниками. Мне случайно из тюремной библиотеки попала книжка Фейхтвангера, в которой речь шла относительно процессов троцкистов[306]. Она на меня произвела большое впечатление. Но я должен сказать, что Фейхтвангер не дошел до самой сути дела, он остановился на полдороге, для него не все ясно, а на самом деле все ясно. Мировая история есть мировое судилище. И ряд групп лидеров троцкизма обанкротился и брошен в яму. Это правильно. Но нельзя делать так, как делает Фейхтвангер в отношении, в частности, Троцкого, когда он ставит его на одну доску со Сталиным. Здесь у него рассуждения совершенно неверные. Ибо в действительности за Сталиным стоит вся страна, надежда мира, *[а] он [выразитель и]

[1] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

творец. [У Гейне хорошо говорится, что в таких случаях история выносит свои колоссальные решения...]

[Но дело не в психологических особенностях, а в политике.] Наполеон однажды заметил, судьба — это политика. Судьба Троцкого — [есть] контрреволюционная политика. [, судьба Сталина есть...]

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Книги нам *эти* известны, зачем цитаты приводить? Вы все начинаете уклоняться в сторону.]

[БУХАРИН.] Я скоро кончу. [Но, гражданин Председатель, я] *Я*, быть может, говорю последний раз в жизни. [, я прошу разрешить мне докончить мою речь.]*[1]

Я объясню, каким образом я пришел к необходимости капитулировать перед следственной властью и перед вами, граждане судьи. Мы выступили против радости новой жизни самыми преступными методами борьбы. Я отвергаю обвинение в покушении на Владимира Ильича, но мои контрреволюционные заговорщики и я во главе их пытались убить дело Ленина, продолжаемое Сталиным с гигантскими успехами. Логика этой борьбы, обрастая идеями, со ступеньки на ступеньку спускала нас в самое черное болото. И еще раз было доказано, что отход от позиции большевизма есть переход в политический контрреволюционный бандитизм. Теперь контрреволюционный бандитизм разгромлен, мы разбиты, раскаялись в своих ужасных преступлениях.

Дело, конечно, не в этих раскаяниях и, в том числе, не в моих личных раскаяниях. И без них суд может вынести свой приговор. Признания обвиняемых не обязательны. Признания обвиняемых есть средневековый юридический принцип. Но здесь налицо и внутренний разгром сил контрреволюции. И нужно быть Троцким, чтобы не разоружиться.

Я обязан здесь указать, что в параллелограмме сил, из которых складывалась контрреволюционная тактика, Троцкий был [спиритус рейтор, т.е.] главным[й] мотор*ом* движения. И наиболее резкие установки — террор, разведка, расчленение *СССР*, вредительство шли, в первую очередь, из этого источника.

[Сейчас мое личное озлобление, прежде всего, против своего собственного прошлого.] Я априори могу предполагать, что и Троцкий и другие союзники по преступлениям, и II Интернационал, тем более, *потому* что я об этом говорил с Николаевским, будут пытаться защищать нас, в частности, и в особенности меня. Я эту защиту отвергаю, ибо стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом. Чудовищность преступления безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР. Пусть этот процесс будет последним тягчайшим уроком, и пусть всем видна великая мощь СССР, пусть всем видно, что контрреволюционный тезис о национальной ограниченности СССР повис в воздухе, как жалкая тряпка. Всем видно мудрое руководство страной, которая обеспечена Сталиным.

С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово имеет подсудимый Левин.

ЛЕВИН. Граждане судьи! В своем последнем слове я хочу еще раз подтвердить свою вину. [, о чем я неоднократно говорил уже и в процессе предварительного следствия, и здесь на суде.]

Государственный обвинитель [в речи, которая произнесена была здесь вчера,] с исчерпывающей полнотой и объективностью выявил всю мою вину

[1] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

и ярко нарисовал картину тяжести совершенных мною преступлений. [О них было достаточно сказано здесь и мною, поэтому на них подробно останавливаться я сейчас не буду.] Тяжесть этих преступлений я сознавал всегда и в те годы, когда они совершались под непреодолимым, как мне казалось, давлением жестоких угроз и преступных директив Ягоды, и после этого, вплоть до последних дней. И если в моих показаниях, которые я давал несколько дней тому назад, может быть, звучало, как вчера сказал мой защитник, эпическое спокойствие, то это спокойствие надо объяснять не тем, что я был спокоен, когда говорил об этом, а тем, что я, выступая первым из группы врачей, должен был суду подробно, ясно обрисовать всю картину произведенных и осуществленных преступлений, сделать это в такой форме, чтобы это всем было понятно; и для того, чтобы в спокойной форме все это изложить, для того, чтобы побороть совершенно естественное в такой обстановке волнение, я должен был собрать все свои силы, все свое самообладание и постараться выдержать спокойный тон. Кроме того, мне казалось, что в таком положении, в котором я сейчас нахожусь, мне не следует говорить о своих личных переживаниях, о своих волнениях, страданиях, — ни к чему это сейчас и это не нашло бы ни в ком отзвука. Вот две причины, которые, может быть, создали то впечатление, о котором говорил вчера защитник — впечатление эпического спокойствия моих ужасных показаний. Спокойствия, конечно, нет, не было и не будет. Тяжесть моих преступлений я переживал всегда, переживаю и теперь. Но с особой остротой я пережил все только в самые последние дни в тюрьме еще, за короткое время до начала процесса, когда я впервые имел возможность ознакомиться с обвинительным заключением, когда я впервые из этого обвинительного заключения узнал то, чего я никогда не знал, не предполагал, не мог предположить, не мог себе представить. Когда я из этого обвинительного заключения узнал, каким преступником был Ягода уже в 1932 г., когда он вел со мною первую беседу, когда я узнал из этого обвинительного заключения, в чьих интересах я вынужден был совершать свои преступления, и на какой преступный путь бросил меня Ягода.

Сидя здесь на скамье подсудимых, слушая все те страшные рассказы, которые здесь произносились живыми людьми, слушая рассказы о разных генералах, сектах, о Троцком, о японцах, о немцах, англичанах, поляках, которым пересылаются секретные сведения, которым продаются наши богатейшие области и республики в обмен на какие-то будущие услуги, слушая страшные рассказы о стекле в масле, об уничтожении скота, об уничтожении необходимейших продуктов питания для населения, о подготовке поражения в предстоящей и провоцируемой ими же войне... слушая весь этот ужас и представляя себе все это как какую-то сатанинскую пляску, я только тут осознал, в какую бездну вверг меня злой гений Ягоды, каким силам он заставил меня служить, для чего и с какой целью он толкнул меня с прямого, трудового, честного пути, по которому я шел тогда около 40 лет, и посадил меня на 68-м году жизни вместе с собой на эту позорную скамью подсудимых.

Моя вина очень велика, граждане судьи. [Во вчерашней своей речи государственный обвинитель просил суд назначить мне высшую меру наказания.] Вина моя такова, что наказание должно быть, конечно, очень сурово, я в этом не сомневаюсь. Сегодня или завтра вы будете решать мою судьбу, и, может быть, в самом решении этой судьбы вы захотите все-таки учесть, что преступления, совершенные мною, совершались не по моей злой воле, не по моим личным устремлениям, личным политическим взглядам, [что ли,] совершались исключительно по злой воле и по директивам Ягоды.

Мой врачебный стаж 42 года, и я никогда на этом пути не совершал никаких преступлений, никогда я их не совершал и после 1936 г., избавившись от кошмарных директив Ягоды. Я не потому и не для того это говорю, чтобы спрятаться за спину Ягоды. Это ни к чему. Но у меня потребность сказать вам, граждане судьи, и сказать через стены этого дома стране, что если бы не было Ягоды, я никогда не был бы преступником. Я до конца жизни остался бы тем же преданным и честным работником, каким был все 42 года своей трудовой жизни. Я это должен подчеркнуть непременно. Я должен сказать еще раз, что преступления мои я совершал не по преступным своим убеждениям и замыслам, а по навеянным мне и казавшимся мне необходимыми директивам Ягоды.

С самого начала Октябрьской революции я включился в работу и вел большую, очень большую и напряженную работу в области советского здравоохранения. И до революции и после революции я работал много в больницах, я работал, участвовал в научной общественной жизни Москвы. Я состоял старейшим членом терапевтического общества, состоял членом президиума двух медицинских обществ, был членом-основателем общества всесоюзных съездов, был членом оргбюро двух или трех созывов, одного международного съезда и т.д. и т.п., читал доклады и участвовал в конференциях, словом, работая очень много практически, не отставал и от научно-общественной жизни. И мне лично, самостоятельно, на фоне этой моей работы, огромной всегда, никогда, конечно, не могла бы прийти дикая, совершенно нелепая, кошмарная мысль о причинении какого-нибудь, самого малейшего вреда кому-нибудь из руководителей партии и правительства, большинство из которых я ведь имел счастье лично знать. Мне никогда не могла бы прийти в голову такая же дикая, такая же кошмарная мысль о причинении какого-нибудь вреда, а не то что смерти Алексею Максимовичу Горькому, которого я горячо любил, это все знают, с которым был близко связан, которого я высоко ценил как одного из величайших писателей нашей страны и всего мира.

*[(Движение в зале.)]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Нельзя ли не кощунствовать в последнем слове?

ЛЕВИН. Простите.

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Неудобно, по-моему, вам кощунствовать все-таки.]*[1]

ЛЕВИН. Во вчерашней своей речи мой защитник приводил доводы, на основании которых он считал возможным просить суд о смягчении моей участи, о даровании мне жизни. В эту минуту можно говорить только правду. И я скажу неправду, если скажу, что я легко и спокойно сейчас, в этот момент смотрю в глаза смерти. Легко можно умереть политическому бойцу, который умирает за свои идеи, который с гордо поднятой головой идет на плаху, на гильотину. Но умереть позорной смертью, конечно, тяжело. И я не скрою от вас, граждане судьи, что мысль о смерти, конечно, для меня тяжела. Мне, как я уже говорил, 68-*й* год. Жить мне остается так или иначе недолго, и если вы найдете возможным согласиться с доводами моего защитника и с теми словами, которые я здесь сказал, может быть, вы дадите возможность мне остаток своей жизни посвятить еще своей родине и искупить хоть сколько-нибудь честной работой свои преступления, честно прожить остаток моей жизни и окончить эту жизнь в своей хорошей, трудовой,

[1] * * — правка И.В. Сталина (красный карандаш).

советской семье. Я в преступлениях, мною совершенных, каюсь, мучительно каюсь, горько каюсь, искренне и чистосердечно. Признаю во всем свою вину, раскаявшись перед вами чистосердечно, я прошу даровать мне жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ СУДА. Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Садитесь, пожалуйста.

Последнее слово предоставляется подсудимому Буланову.

БУЛАНОВ. Граждане судьи, я не буду повторять тех преступлений, что я делал, потому что они полностью известны и доказаны, если, конечно, требовать какого-то доказательства фактов, потому что мои преступления это голые факты, требующие в лучшем случае просто регистрации, а не какого-то доказательства.

У меня нет никаких оправдательных моментов. У меня нет никаких смягчающих вину обстоятельств, — слишком тяжелы мои преступления. [, слишком тяжелы преступления.]

Я до Ягоды не был ни правым, ни троцкистом. Ягода сделал меня и правым и троцкистом, короче говоря, врагом народа. [Не будучи ни правым, ни троцкистом, у] *У* меня нет [ни] *длительного* опыта [, длительного опыта] двурушничества, обмана. Поэтому я просто, когда меня арестовали и затем на суде, рассказал все то, что я сделал, потому что это были факты.

Бухарин, я здесь слышал, какую-то теорию разводил насчет признания, а, по сути, дело обстоит просто. Ни для меня, ни для Бухарина, ни для сопроцессников нет никаких оправданий и не может быть никаких обстоятельств, смягчающих нашу вину, потому что если прибавить какие-либо смягчающие обстоятельства, то это значит фактически в какой-то мере оправдывать те преступления, которые мы совершили.

Когда я слушал показания своих сопроцессников, последние слова некоторых подсудимых, то, мне кажется, может быть, я ошибаюсь, у некоторых из них проскальзывают мысли еще и теперь обманывать партию, хотя каждый обязательно начинал с того, что он целиком и полностью разделяет, признает и отвечает, но это формалистика, общедекларативные заявления. Они пытаются в целом ряде случаев отрицать свою вину, ссылаясь на то, что они не знали. Не мне, конечно, утяжелять обвинения своих сопроцессников, но я думаю, что я вправе, поскольку я из-за этих руководителей очутился здесь на скамье подсудимых, я, как враг народа, здесь вправе заявить, что некоторые из них, по-моему, стали на путь продолжения борьбы с советской властью — путь провокации. Я привык вещи называть своими именами, так, как они есть.

Ягода на предварительном следствии через два-три дня после моего ареста [, очевидно,] и [его] на очной ставке совершенно нагло продолжал отрицать целый ряд обстоятельств в глаза. Факты можно отрицать в течение пяти—десяти минут, день, два, но это безумно.

Здесь, на судебном заседании, он отрицал какую бы то ни было причастность к двум убийствам. Он — организатор всех известных нам убийств. Что получается: Бухарин ничего не знал, Рыков ничего не знал, Ягода ничего не знал. Значит, Николая Ивановича Ежова отравил Буланов, значит, Горько*го*[их] убили Крючков и Левин, значит, Куйбышева убил Левин, значит, Менжинского убили Казаков и Левин.

И вот здесь, по-моему, совершенно ясно не только для вас, граждане судьи, но и для нас физиономии этих так называемых вождей. Поздно, но приходится и мне констатировать это. Я думаю, что у меня не прозвучит так

дико и фальшиво, так кощунственно, как это прозвучало у Розенгольца, если я скажу, что счастье русского рабочего, счастье русского колхозника, что Николай Иванович Ежов вовремя нас поймал и во время посадил на скамью подсудимых. Эти люди, и я в том числе, если не пустить действительно, то, во всяком случае, создать условия наиболее легкого проникновения на территорию СССР немецким и японским полчищам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я себе представляю, что если на минуту допустить, что заговор таких людей, таких «вождей», которые не стесняются здесь, на скамье подсудимых, не стесняются утопить своего же соучастника-стрелочника (Бухарин говорит, что он вождь, а не стрелочник-исполнитель, а я не вождь, я — стрелочник-исполнитель), не стесняется продать с потрохами и ногами, чтобы попробовать хотя бы на одну тысячную долю секунды вывернуться самому, — так вот если бы им, этим руководителям, действительно удалось дорваться до власти, потому что логика борьбы, которую отрицал Бухарин, эта логика, по-моему, по-простому, это логика борьбы за власть без подчинения. У них лавочка, на вывеске которой были и правые, и троцкисты, и эсеры, и меньшевики, а ассортимент один: убийства, шпионаж, диверсия, предательство во всех его видах.

Если бы действительно они дорвались до власти, то, мне кажется, что Гитлер, образцом которого для себя считал Ягода, скоро бы позеленел от зависти. Я Бухарину подтверждаю и повторяю, что Ягода мне говорил о том, что вы секретари, и отвечаю за свои слова. Известно, как Гитлер расправлялся с неугодными ему. И вот я не удивился бы, если бы при председателе Совнаркома Ягоде, я не позавидовал бы первому министру агитации и пропаганды, вы были бы первым цыпленком на пути у Ягоды.

Граждане судьи, тяжки мои преступления, и никакого, повторяю, оправдания у меня нет. Тяжки в особенности мои личные преступления перед Николаем Ивановичем Ежовым. И я бы хотел, чтобы мое последнее слово, очевидно, последнее в буквальном смысле, как-то дошло до него. Я хотел бы просить т. Ежова простить меня, просить его не как одного из руководителей партии и Генерального Комиссара Государственной Безопасности, а просить его об этом как человека.

Вам, конечно, нет и не может быть никакого дела до моих личных переживаний, но и здесь прошу поверить, что мне особенно тяжко уходить из жизни с сознанием, что ты умираешь за неправое дело, что ты уходишь из жизни из-за этих людей, физиономия которых ясна всеми миру и, к сожалению, поздно, но ясна стала и мне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Ягода имеет последнее слово.

ЯГОДА. Граждане судьи, я [отчетливо отдаю себе отчет в том, что выступаю со своей последней речью, последней речью в моей жизни. Поэтому] хочу рассказать советскому суду, советскому народу о том, как человек, пробывший 30 лет в партии, много работавший, свихнулся, пал и очутился в рядах шпионов и провокаторов.

Прокурор не прав, когда говорит, что я никогда не был большевиком, я бы не останавливался на своей жизни, если бы не это замечание.

Вот в двух словах моя жизнь: я с 14 лет работал в подпольной типографии наборщиком. Это была первая подпольная типография в г. Нижнем Новгороде. Нас было три брата. Один убит в Сормове во время восстания, другой расстрелян за восстание в полку во время войны. Я могу только позавидовать их смерти. 15-ти лет я был в боевой дружине во время Сормов-

ского восстания. 16—17-ти лет я вступил в партию, об этом знает Нижегородская организация. В 1911 г. я был арестован и послан в ссылку. В 1913—1914 гг. вернулся в Ленинград, работал на Путиловском заводе, в больничной кассе по вопросам страхования, вместе с Крестинским. Потом фронт, где я был ранен. Революция 1917 г. застает меня в Ленинграде, где я принимаю активное участие, являюсь членом военной организации, формирую отряды Красной гвардии.

1918 г. — Южный и Восточный фронты. 1919 г. — ЧК.

Все же, независимо от того, что тяжки мои преступления перед народом, перед партией, я осмеливаюсь заявить, что даже в годы моего пребывания в контрреволюционной организации я испытывал мучительную раздвоенность. И понятно, почему. Мне, бывшему руководителю советской разведки, державшему руку на пульсе всей страны, больше чем кому-либо из сидящих на скамье подсудимых была ясно видна вся беспомощность, вся безнадежность каких-либо попыток с нашей стороны свергнуть советскую власть. Больше всех я знал, что многомиллионный советский народ никому и никогда не даст себя запрячь в ярмо капитализма. Больше чем кто-либо, я знал, что никакая интервенция, с чьей бы стороны она ни исходила, не может сломить тяги советского народа к коммунизму. Я, как начальник советской разведки, прекрасно знал врагов Советского Союза, я знал действительные силы германского и японского фашизма. Но я также хорошо знал мощь советской страны. Именно поэтому я не мог никогда рассчитывать на успех наших контрреволюционных целей. Вот откуда моя реплика относительно болтунов. У меня не хватило большевистской смелости окончательно порвать с правыми, с этой проклятой контрреволюцией и выдать ее целиком. Были такие попытки с моей стороны? Да, были, но до конца я их никогда не доводил. Я приведу один факт не для смягчения моей участи, да и не нужно этого, а чтобы показать свою раздвоенность в моей жизни. История с Енукидзе в 1935 г. Я разоблачил его, но далеко не полностью. Я должен был бы его арестовать, я этого не сделал, потому что был сам заговорщиком[307]. Повторяю, я не в свою защиту привел этот пример и не в свою заслугу ставлю его, а как иллюстрацию своей раздвоенности. Есть и другие факты, останавливаться на них я не буду. Все это половинчато и преступно. Я отлично понимал и понимаю, что нужно было сделать. Конечно, лучше всего было бы, если бы я пришел в Центральный Комитет, выдал себя и всю организацию. Может быть, результат был бы другой. О своих тягчайших преступлениях я рассказал, останавливаться на них второй раз не буду.

Опозоренный, повергнутый в прах, уходя из жизни, я хочу рассказать мой печальный трагический путь, который послужил бы уроком для всех тех, кто колеблется, кто не до конца предан делу партии Ленина—Сталина. Я тоже начал с колебаний. Это было в 1929 г. [Правый уклон был тогда политическим течением в партии.] Я ошибочно тогда думал, что права не партия, а Бухарин и Рыков.

Мое падение началось с того момента, когда Рыков, узнав о моем сочувствии правым, предложил мне скрывать от партии мои правые взгляды. И я пошел на это. Я стал двурушником. Началась раздвоенность. К сожалению, не нашлось [и] у меня [иммунитета против яда двурушничества. Не нашлось] большевистского мужества противостоять мастерам двурушничества.

Это мое преступление отразилось на всей дальнейшей жизни и работе. Стало два человека. Был один Ягода — член партии, общавшийся ежедневно с величайшими людьми нашей эпохи, и другой Ягода — изменник родины, заговорщик. Первый Ягода видел гигантский рост страны, расцвет ее

под руководством Сталинского ЦК, он же видел всю мерзость и грязь право-троцкистского подполья, а второй Ягода был прикован к этому самому подполью, как колодник к тачке, творя вместе с ним те чудовищные преступления, которые здесь разобраны со всей ясностью.

Вот куда приводят попытки однажды пойти против партии. Вот куда приводит тех, кто поднимет руку против партии. Вот жизнь, вот логика падения.

Я хочу уточнить и возразить Прокурору в части тех обвинений, которые он выдвинул. [и которых нет ни в показаниях, ни в протоколах, и которые не выяснены здесь, на суде.] Они не имеют значения для решения моей участи, но не прав Прокурор, когда меня считает членом центра блока. Я не член центра блока. [Этой чести я не удостоился, и им никогда не был.] Для меня это важно лично может быть, что я не принимал участия в решениях блока. Я не принимал участия в этом, и я не принимал участия в решении террористических актов. Меня ставили в известность постфактум и предлагали исполнять решения. Это во всех случаях выносилось без меня. [Ведь фактом является то, что я очень много возражал.] Это не смягчает мою вину, но блок состоял из определенных лиц, эти лица выносили решения. Рыков был членом центра блока, он принимал решения.

Второй момент — Прокурор безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это не верно. [Ни в одном документе следствия, ни при опросе Прокурором мне этого обвинения не предъявлялось, и этого нет.][1] Я — не шпион и не был им. Я думаю, что в определении, что такое шпион или шпионаж, мы не разойдемся. Но факт есть факт. У меня не было связей непосредственно с заграницей, у меня не было связи с «лицом», фактов передачи мною каких-либо сведений. И я, не шутя, говорю, что если бы я был шпионом, то десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую массу шпионов, которая сейчас переловлена.

[Третий момент. —] Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова. [Ни в одном протоколе, ни на предварительном следствии, нигде не было это доказано. На вопрос Прокурора, считаю ли я себя соучастником, если вы помните, я сказал: да. Это неверно.] Я совершил тягчайшее служебное преступление — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник. Соучастие, гражданин Прокурор, вы так же хорошо знаете, как и я — что это такое. Всеми материалами судебного следствия, предварительного следствия не доказано, что я — соучастник этого злодейского убийства.

[Повторяю, м] *М*ои возражение по этим [трем] моментам не являются попыткой ослабить значение моих преступлений. [Я их отлично сознаю. Но м] *М*оя защита и не имела бы здесь никакого практического значения, ибо за каждую миллионную часть моих преступлений, как говорит Прокурор, он требует моей головы. Свою голову я положил и отдаю, но я хочу уменьшить свою огромную задолженность перед Прокурором. Я знаю свой приговор, — я его жду целый год. В последние часы или дни своей жизни я не хочу лицемерить и заявить, что я хочу смерти. Неверно это. Я совершил тягчайшие преступления. Я это сознаю. Тяжко жить после таких преступлений, тяжко сидеть десятки лет в тюрьме. Но страшно умереть с таким клеймом. Хочется, хотя бы из-за решетки тюрьмы, видеть, как будет дальше расцветать страна, которой я изменил. [и которой все же честно прослужил много лет.]

---

[1] Зачеркнуто (красный карандаш).

Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек-каналов. Сейчас эти каналы являются украшением нашей эпохи. Я не смею просить пойти работать туда, хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы. Граждане судьи! Наши законы, наш суд резко отличаются от законов и суда всех буржуазных стран. Я вспоминаю, как министр юстиции Германии Фрик на одном из заседаний судей заявил: «законы фашистских стран — это законы мщения, а не исправления». Наши законы построены на другом принципе, наш суд является другим судом. Советский суд отличается от буржуазных судов тем, что он — суд, рассматривая преступление, опирается на законы не как на догму, а руководствуется революционной целесообразностью. Страна наша могуча, сильна как никогда, очищена от шпионов, диверсантов, террористов и другой нечисти, и я прошу вас, граждане судьи, при вынесении мне приговора учтите: есть ли революционная целесообразность в моей казни теперь? Я бы не смел просить о пощаде, если бы не знал, что данный процесс является апофеозом разгрома контрреволюции, что страна уничтожила все очаги контрреволюции. [и что подобные процессы, если и повторятся, то не скоро.] Советская страна выиграла, разбила контрреволюцию наголову. То, что я и мои сопроцессники сидим здесь на скамье подсудимых и держим ответ, является триумфом, победой советского народа над контрреволюцией. Я обращаюсь к суду, [обращаюсь к народу, обращаюсь к чекистам и к Вам, т. Сталин —] если можете, простите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово предоставляется подсудимому Крючкову.

КРЮЧКОВ. Граждане судьи, нет таких человеческих слов, которые я мог бы сказать в оправдание моего предательского преступления. Велико мое преступление перед советским народом, перед молодой советской культурой. Признавая полностью свою вину, я еще раз хочу подтвердить суду, что право-троцкистский блок, в лице одного из участников — Ягоды, использовал меня в своих контрреволюционных целях заговора против советского народа, против пролетарского государства. Ягода оформил и воплотил в жизнь мои преступные мысли, вовлек меня в этот право-троцкистский блок. [и его верного друга и помощника Максима Пешкова.] Я стал убийцей Горького, которого так любил народ и который такой же великой любовью отвечал народу, его партии, его вождю — могучему Сталину, как часто называл Горький Сталина. Ягода знал об этой любви Горького, он также знал, как жестоко ненавидел Горький всех врагов, а особенно, по определению Горького, самодовольную скотину Троцкого и всех иже с ним — бухаринцев, зиновьевцев, каменевцев и рыковцев.

Право-троцкистский блок боялся авторитета Горького и, твердо зная, что он будет бороться до конца дней своих против заговорщических планов и их преступных замыслов, решил убить Горького. Ягода, не останавливаясь перед угрозами, сделал меня непосредственным исполнителем этого злодеяния. Я прошу суд верить мне, что не только мои личные мотивы, которые переплелись с политической подкладной этого ужасного дела, были решающими в этом преступлении. [Но надо мной довлел животный страх перед Ягодой.] Я искренне раскаиваюсь. Я переживаю чувство горячего стыда, особенно здесь на суде, когда я узнал и понял всю контрреволюционную гнусность преступлений право-троцкистской банды, в которой я был наемным убийцей. Я прошу вас, граждане судьи, о смягчении приговора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ УЛЬРИХ. Подсудимый Плетнев.

ПЛЕТНЕВ. Граждане судьи, все слова уже сказаны, и я буду краток. Я стою перед вами как человек, раскаявшийся в своей преступной деятельности. Я ста-

рый научный работник. Всю жизнь до последнего времени я работал. Лучшие мои работы относятся к периоду советской медицины, [так что] *и* они, появляясь в западноевропейской литературе, служили доказательством того, что прежним научным работникам, несмотря на их нередко антисоветские настроения, была дана возможность выявить свои творческие способности. И здесь, находясь в заключении, я обратился к руководству НКВД с просьбой дать мне книги, и по моему выбору мне было доставлено из моей библиотеке свыше 20 книг на четырех языках и материал заготовленный. Я здесь за этот период времени сумел написать монографию в 10—12 листов. Я это говорю к тому, что я здесь получил и доверие и возможности, и я хочу надеяться, что этим я тоже показал, что я и хочу и могу работать, потому что работать в этих условиях, в таком состоянии нервов не так просто, как работать дома. Я прошу учесть, что если бы не встреча с одним из лиц здесь сидящих, которое угрожало мне, [тяжкой смертью мне и моей семье,] это шантаж смертью, о котором говорил недавно защитник, то не могли бы иметь место все последующие деяния. Я ознакомился с деяниями того блока, который работал, только из обвинительного акта и из процесса, как он проходи*л*[т], и я думаю, что это даст мне право полагать, что я не могу полностью разделять его ответственность. Если суд найдет возможность сохранить мне мою жизнь, я полностью и целиком ее отдам [на работу] моей советской родине, [и научному труду. Родина] единственной в мире стране, где труду во всех его отраслях обеспечено такое почетное и славное место, как нигде и никогда не было. [На этом позвольте кончить.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последнее слово имеет подсудимый Казаков.

КАЗАКОВ. Граждане судьи, я стою перед вами как тягчайший преступник, как убийца председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

Мне тяжело говорить о своем преступлении, потому что я как врач, естественно, призван лечить людей, восстанавливать их здоровье, я очернил звание врача и растоптал самое ценное — связь больного с врачом, это доверие, благодаря которому больной полностью вручает свое здоровье, даже жизнь врачу.

Я стал убийцей, т.к. в результате неправильного лечения, я вместе с доктором Левиным ускорил смерть Менжинского. В настоящее время я содрогаюсь, представляя себе всю тяжесть совершенного мною преступления, тем более, что Менжинский относился ко мне как к врачу с полным доверием.

К этому преступлению я пришел в результате прямых, личных указаний со стороны Ягоды как первого заместителя председателя ОГПУ, застращивающего меня угрозами, и в результате я исполнил его волю, совершив это ужасное преступление.

Я задаю себе вопрос: мог ли я тогда провести Ягоду и сделать вид, что я выполняю его указания по умерщвлению Менжинского. Казалось бы, я мог это сделать, т.к. в моих руках был такой способ лечения, который тогда был еще недостаточно распространен и известен. Но, граждане судьи, сделать этот факт было более чем трудно, я бы сказал невозможно, т.к. надо мной был контроль, контроль со стороны доктора Левина — прямого исполнителя преступления, преступной воли Ягоды. Надо мной тяготел страх, который вселял в меня Ягода своими угрозами и постоянным наблюдением, кроме этого, истощение запасов сердечных сил Менжинского и смерть, ко-

торая должна была последовать за этим в силу наших с Левиным методов лечения. Левин был главным контролем за мной.

Теперь, когда я стою перед вами, граждане судьи, как убийца Менжинского, я не могу без чувств содрогания и ужаса думать о том, [на] *в* какое гнусное преступление я был [привлечен.] *вовлечен*. Я ни на одну минуту [ни умоляю,] не[и] снимаю с себя вины за это, наоборот, я хочу до конца раскаяться в данном преступлении и освободить себя от этого кошмара. Но я не имею сил удержаться от чувства ненависти, [гадливости,] омерзения, которое я испытываю к Ягоде. Я проклинаю этого человека — изверга, насильника, который угрозами и застращиванием, гнусно играя на моим малодушии, используя в чудовищно злодейских целях то высокое положение, которое он занимал, вырвал меня из орбиты честной научной деятельности честного работника и врача, вовлек меня в преступление безмерной тяжести, сделал преступником великой советской страны, где работа врача поставлена на столь высокое почетное место, где ко мне и к моей научной деятельности правительство проявило исключительное внимание и заботливость.

Я должен сказать здесь, что всю свою жизнь до этого преступления и последующие четыре года после него я честно и упорно вел научную клиническую работу, желая принести максимальную пользу советской стране и ее трудовому народу. Я искренне и бережно относился к каждому больному, стараясь максимально восстановить его здоровье.

Четыре года тяготеют надо мной кошмаром совершенных мною преступлений, и этим искренним раскаянием я хочу освободиться от этого кошмара. Я прошу суд поверить в глубину и искренность моего раскаяния. Никогда я не предполагал, что стану преступником. Я все время стремился только к научной работе, от которой теперь я оторван благодаря этому кошмару. Четыре года кошмара довлеют надо мной. Трудом я старался освободиться от этого кошмара. За четыре года, прошедшие после этого кошмара, я сделал около 40 научных исследований и своих более чем 60. Но это не освободило меня от тяжести, не облегчило, не дало радости.

Я заслуживаю самой суровой кары, и если суд так решит, я приму это решение как должное. Если же мне будет предоставлена возможность работать, то я во всей своей дальнейшей жизни сделаю все, чтобы смыть с себя весь позор, который лежит на мне, и загладить свое преступление честным и упорным трудом [и творчеством в области научного исследования и клинической медицины,] отдав [для этого] все свои силы, все свои знания для великой нашей родины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый Максимов-Диковский имеет последнее слово.

МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ. Граждане судьи, когда я давал свои показания на суде, [я рассказал все о своем участии, об участии тех, с кем я был связан, и тех, кто мною руководил. Я] *я* руководствовался только одним соображением: покаяться, рассказать все и понести заслуженное наказание.

На путь преступления я вступил не сразу. Я не принадлежу к числу тех, которые с самого начала своей партийной деятельности начали борьбу с партией. Я не принадлежу к числу тех, которые вступили в партию, принеся с собой груз чуждого политического багажа. Я с 1919 г. с 18-ти лет твердо вступил на путь борьбы за укрепление и отстаивание советской власти. Я арестовывал белогвардейцев, сидел в тюрьме, я был в Красной армии и дрался на фронтах. Я вел партийную работу после мобилизации и в течение 3-х лет проводил партийно-массовую работу на фабрике.

Эти 9 лет были теми годами, когда я под руководством ЦК беззаветно дрался за интересы партии, за интересы страны. И только потом, когда я спутался с правыми, я изменил интересам партии, изменил интересам своей родины. Я стал таким же преступником, какими были те, кто меня на это склонил.

В преступной среди правых заговорщиков я докатился до того, что по требованию центра, а указания центра были достаточно конкретны, я стал участником организации одного из террористических актов. Я совершил тяжелое преступление, нанес большой вред партии и стране.

Преступление, которое я совершил, было для меня той гранью, за пределы которой я не выходил. [, и остался вместе с заговорщиками.] Я с 1935 г. порвал свои организационные связи с заговорщиками и на протяжении последних лет ничего общего с ними не имел, что полностью подтверждается материалами следствия.

Однако, т.к. у меня не хватило мужества разоблачить их преступления, разоблачить самого себя, я тем самым скрывал эти преступления и, следовательно, объективно продолжал оставаться на вражеских позициях. Арестованный, я покаялся сразу и не запирался даже ни одного дня. У меня не было уже ничего общего с этими старыми чуждыми связями. Я не имел ничего общего с ними и на той практической работе, которую я вел последние годы на транспорте, где я сумел воочию убедиться, насколько велики успехи советской страны, которую не свернуть со своего пути никаким заговорщикам. И я давал все показания о всей контрреволюционной работе, о которой знал, я полностью разоружился, не сохраняя за собой никаких тайн и ничем себя не маскируя. Тем более чуждыми показались мне на суде какие-то казуистические выкрутасы Бухарина.

Многое из того, что я узнал на суде, я не знал раньше. И это понятно по той роли, которую я играл среди заговорщиков. Я не мог и не должен был всего знать. Но это не смягчает моей вины, ибо и то, что я знал, а главное то, что я совершил тяжкое преступление, является достаточным для того, чтобы судить меня как государственного преступника.

[Вместе с тем[I] я] *Я* хочу сказать, что процесс [*показал мне*] со всей наглядностью, [показал][II], что означает так называемая реставрация капитализма. Процесс показал мне, что это означает такое расчленение страны, когда она встает в полуколониальную зависимость от фашистских государств.

Это означает, что страна была бы залита кровью десятков тысяч лучших сынов ее, хуже, чем это делали Деникин и Врангель. Это означало бы, что страна была бы отброшена на десятки лет в своем развитии. Это означало бы, что международная борьба пролетариата была бы также затруднена.

Я хочу сказать, что процесс показал мне со всей наглядностью, что Гитлер, Троцкий и Бухарин стоят в одном ряду по своей озверелой борьбе с нашей страной. В свете той картины преступлений, которая была развернута здесь на суде, я не могу не присоединиться к той оценке, которую дал здесь государственный обвинитель: банда изменников и шпионов, диверсантов и предателей, провокаторов и убийц. Это тяжелые, жуткие слова. Но еще тяжелее, еще преступнее дела, совершенные нами, еще гнуснее люди, совершившие эти дела. И как же мне не назвать эти дела их собственными

[I] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут и подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила).

[II] Вероятно, текст восстановлен — зачеркнут и подчеркнут горизонтальной пунктирной линией (синие чернила)

именами, если я хочу полностью раскаяться, не умаляя ни в чем своей вины, ни в чем *себя* не амнистируя. И твердо заявляю здесь: в течение нескольких лет был в лагере врагов, я больше врагом не являюсь. Я прошу поверить мне в том, что я не являюсь неисправимым человеком, и если [такая возможность мне будет] *мне будет* предоставлена *возможность работать*, то на любом участке, на любой работе я сумею доказать, что буду не в последних рядах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Суд удаляется на совещание.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 393—401. Копия. Машинописный текст с рукописной правкой И.Д. Брауде, А.Я. Вышинского, Н.В. Коммодова, Г.К. Рогинского, И.В. Сталина, А.Я. Стецкого.

Из записей Вс. Иванова

13 [марта]. Ночь. Я пришел в два часа ночи. В зале кинооператоры пробовали свет — щелкали, шипели угли, голубой свет играл по потолку. В буфете пили пиво, проходили корреспонденты с портфелями, официантки вытряхивали скатерти, и, в общем, все походило на вокзал. Подсел Оплетин, рассказывал о Ромен Роллане. Вспоминали Вену. В четыре раздался звонок. В полупустом зале было прохладно. Наших журналистов налево, очень мало, иностранные корреспонденты целиком, из дип.[ломатического] корпуса никого. Зал полупустой, много обслуживающих Дом Союза.

В последний раз перед решеткой подсудимых, садятся без шапок командиры. Вышинский разговаривает с рыжим кинематографистом в черной рубахе. Подсудимые вошли без папок. Бухарин нервно зевает. Ягода идет, держа руки впереди. Крючков поправил микрофон, который, видимо, мешает ему сидеть. Много охраны, в фуражках, совсем прикрывают стены.

Прожектора освещают голубым светом стены. Вошел чиновник, и поставил стакан чаю на стол напротив стула судьи. Крестинский поправляет очки, он, видимо, очень близорук, почти слеп, и ему надо найти фокус. Подсудимые кашляют.

Входят судья. Читает торопливо, хоть и отчетливо. Читает долго. Крючков, видимо, надеясь на снисхождение, осматривает зал. Взглянул и Ягода. Бухарин стоит, низко опустив голову. Рыков почти навалился на стул, челюсти его отвисли. Смертельно бледен Ходжаев. Черные волосы Розенгольца и Казакова особенно оттеняют их бледность. Когда подсудимые Крестинский и Казаков узнают о приговоре, они начинают нервно писать. Ягода оглядывает зал. Страшно бледен Чернов. Раскрыв глаза, он смотрит прямо. Приговор выслушан в молчании. Судья говорит:

— Заседание закрыто.

Зал — тишина. Отделяют помилованных. Пауза. Начинают медленно уходить приговоренные. Некоторые торопятся, быстро ворочают головами.

Ягода идет медленно, как-то даже в перевалку. У портьеры рыхлого синего бархата он остановился, обернулся и взглянул в зал широко открытыми глазами. Недобрый был этот взгляд! Предпоследним уходит Бухарин. Он сидит бледный, сморщенный, уже не наклоняя головы и едва ли что соображая. Командир тихо обращается к нему. Он поспешно идет. Так как их уводят по одному, а не вслед один за другим, как раньше, то Ф. Ходжаев остается незамеченным, т.к. после увода Бухарина все молча идут из зала, не обращая внимания на Ф. Ходжаева.

Расходятся молча.

5 часов. Легкий снег на Кр.[асной] площади. Огромны красные звезды.

№ 3
ПРИГОВОР ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

12 марта 1938 г.

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюриста В.В. Ульрих.

Членов: Заместителя Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюриста И.О. Матулевича и Члена Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР диввоенюриста Б.И. Иевлева.

При секретаре — военном юристе 1-го ранга А.А. Батнер.

С участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А.Я. Вышинского и членов Московской коллегии защитников т. т. И.Д. Брауде и Н.В. Коммодова — в открытом судебном заседании, в городе Москве, 2—13 марта 1938 г., рассмотрела дело по обвинению:

1. **Бухарина** Николая Ивановича, 1888 года рождения;
2. **Рыкова** Алексея Ивановича, 1881 года рождения;
3. **Ягоды** Генриха Григорьевича, 1891 года рождения;
4. **Крестинского** Николая Николаевича, 1883 года рождения;
5. **Раковского** Христиана Георгиевича, 1873 года рождения;
6. **Розенгольца** Аркадия Павловича, 1889 года рождения;
7. **Иванова** Владимира Ивановича, 1893 года рождения;
8. **Чернова** Михаила Александровича, 1891 года рождения;
9. **Гринько** Григория Федоровича, 1890 года рождения;
10. **Зеленского** Исаака Абрамовича, 1890 года рождения;
11. **Бессонова** Сергея Алексеевича, 1892 года рождения;
12. **Икрамова** Акмаля, 1898 года рождения;
13. **Ходжаева** Файзуллы, 1896 года рождения;
14. **Шаранговича** Василия Фомича, 1897 года рождения;
15. **Зубарева** Прокопия Тимофеевича, 1886 года рождения;
16. **Буланова** Павла Петровича, 1895 года рождения;
17. **Левина** Льва Григорьевича, 1870 года рождения;
18. **Плетнева** Дмитрия Дмитриевича, 1872 года рождения;
19. **Казакова** Игнатия Николаевича, 1891 года рождения;
20. **Максимова-Диковского** Вениамина Адамовича (Абрамовича), 1900 года рождения и
21. **Крючкова** Петра Петровича, 1889 года рождения

— всех в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{1a}, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР, а **Иванова**, **Зеленского** и **Зубарева**, кроме того, в преступлениях, предусмотренных ст. 58^{13} УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Розенгольц, Гринько, Шарангович, Ходжаев, Икрамов, Иванов, Зубарев, Зеленский и Чернов, являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932—1933 гг. по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», который объединил подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик.

«Право-троцкистский блок» поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, руководители «право-троцкистского блока» с целью осуществления своих преступных замыслов заключили через врага народа Л. Троцкого и отдельных участников антисоветского «право-троцкистского блока» соглашение с представителями некоторых иностранных государств о вооруженной помощи в свержении Советской власти в СССР на условиях его расчленения и отторжения от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Средне-Азиатских и Закавказских республик — в пользу упомянутых иностранных государств.

Этот изменнический сговор «право-троцкистского блока» с представителями иностранных государств облегчался тем, что руководящие участники антисоветского заговора являлись прямыми агентами иностранных разведок и осуществляли на протяжении многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Крестинский по прямому заданию врага народа — агента германской и английской разведок Л. Троцкого вступил в изменническую связь с германским рейхсвером в 1921 г. и был германским шпионом до дня своего ареста в 1937 г., получая за свою шпионскую работу и на преступную деятельность троцкистской организации по 250.000 германских марок золотом ежегодно.

Розенгольц начал шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, для английской разведки в 1926 г.

Раковский являлся агентом английской разведки с 1924 г. и японским шпионом с 1934 г.

Чернов начал шпионскую работу в пользу Германии в 1928 г., связавшись с германской разведкой при содействии известного меньшевика-эмигранта Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 г. и был польским шпионом до дня своего ареста.

Гринько являлся германским и польским шпионом с 1932 г.

По заданию врага народа Л. Троцкого и руководящих участников «право-троцкистского блока» — Бухарина, Рыкова и Ягоды — члены «право-троцкистского блока» Розенгольц, Крестинский, Раковский, Гринько и Бессонов в явно изменнических целях вступили в непосредственные сношения с представителями враждебных СССР иностранных государств и вели с ними переговоры о формах помощи иностранным агрессорам в случае их нападения на Советский Союз (организация террористических и диверсионно-вредительских актов, шпионаж).

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе Рыков, Бухарин и Ягода, были не только полностью осведомлены о шпионской деятельности своих соучастников, но всячески поощряли расширение шпионских связей и сами давали указания участникам «право-троцкистского блока» при их изменнических переговорах с представителями иностранных государств, форсируя подготовку иностранной интервенции.

По прямым директивам иностранных разведок участники «право-троцкистского блока» организовали диверсионно-вредительские группы, охватив

ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота, и вели разрушительную деятельность, имея своей задачей парализовать хозяйственную жизнь страны и ослабить обороноспособность Советского Союза.

По указаниям японской разведки участники «право-троцкистского блока» организовали в Дальне-Восточном крае крушение поезда с воинским грузом на станции Волочаевка и поезда № 501 на перегоне Хор-Дормидонтовка, а также совершили несколько диверсий на шахтах в Сучане. Все эти диверсии сопровождались человеческими жертвами.

По директиве врага народа Л. Троцкого и на основе сговора с представителями иностранных государств Розенгольц проводил в системе Наркомвнешторга вредительскую работу, направленную на оказание помощи Германии и Японии и сопровождавшуюся нанесением экономического ущерба СССР. Кроме того, Розенгольц путем различных валютных комбинаций систематически финансировал Троцкого.

Чернов по заданию германской разведки и указаниям Рыкова использовал свое ответственное служебное положение в земельных органах СССР для организации через своих сообщников ряда крупных диверсионно-вредительских актов по снижению урожайности сельскохозяйственных культур и порче сельскохозяйственных мобилизационных запасов, по сокращению поголовья конского состава и крупного рогатого скота, в частности путем искусственного распространения эпизоотии, причем только в Восточной Сибири в 1936 г. в результате этого пало около 25.000 лошадей.

Гринько по заданию руководителей «право-троцкистского блока» и германской разведки, с целью вызвать недовольство населения и тем самым облегчить вербовку своих сторонников, проводил в системе Народного Комиссариата Финансов широкую вредительскую работу, которая выражалась в задержке выплаты заработной платы, плохом обслуживании населения сберегательными кассами, незаконном взимании некоторых налогов с крестьян и других вредительских мероприятий.

Шарангович, являясь одним из руководителей белорусской национал-фашистской организации, по заданию польских разведывательных органов и руководителей «право-троцкистского блока» — Рыкова и других, развернул широкую диверсионно-вредительскую деятельность в области сельского хозяйства, животноводства и промышленности Белоруссии, облегчая тем самым осуществление задач агрессоров в случае их вооруженного нападения на БССР.

Икрамов и Ходжаев по указанию Бухарина развернули большую диверсионно-вредительскую работу в разных отраслях народного хозяйства Узбекистана с целью вызвать недовольство населения и тем самым создать благоприятные условия для подготовки в период иностранной интервенции вооруженных выступлений против Советской власти.

Зеленский организовал в Центросоюзе и в системе потребительской кооперации вредительские группы и при их помощи, с целью вызвать недовольство населения, запутывал планирование товаров, задерживал продвижение их в деревню, портил и гноил продукты питания, подбрасывал в них стекло и гвозди, умышленно срывал обеспечение предметами первой необходимости низовой торговой сети кооперации.

Иванов по заданию Бухарина проводил вредительско-диверсионную деятельность в лесном хозяйстве Северного края.

Зубарев, являясь активным участником подпольной организации правых, по заданию Рыкова занимался вредительством в сельском хозяйстве в ряде областей РСФСР.

Наряду с активной диверсионно-вредительской деятельностью, участники «право-троцкистского блока» по заданию германской, японской и польской разведок под непосредственным руководством Рыкова и Бухарина и при активном участии Иванова, Ходжаева, Икрамова, Зубарева, Шаранговича, Гринько и Зеленского подготовляли в Сибири, на Северном Кавказе, в Украине, Белоруссии, Узбекистане и в других местностях Советского Союза бандитско-повстанческие кулацкие кадры для организации вооруженных выступлений в тылу Красной Армии к началу интервенции против СССР.

В целях расширения бандитско-повстанческой кулацкой базы, по решению руководителей «право-троцкистского блока», Бухарин установил организационные связи с подпольным ЦК эсеровской организации, действовавшей в СССР, а также с закордонным ЦК эсеров.

По прямому сговору с иностранными разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

В 1934 г. один из руководящих участников «право-троцкистского блока» Рыков лично создал террористическую группу для подготовки и совершения террористических актов в отношении товарищей Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова.

В августе 1937 г. Розенгольц лично пытался совершить террористический акт в отношении товарища Сталина, для чего неоднократно добивался у него приема.

Злодейское убийство С.М. Кирова, осуществленное 1-го декабря 1934 г. ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром, как это установлено предварительным и судебным следствием по данному делу, было организовано по решению «право-троцкистского блока», причем непосредственное участие в организации этого террористического акта принимал подсудимый Ягода, который дал специальные указания своим соучастникам, работавшим в Ленинградском управлении НКВД, не препятствовать совершению этого преступления.

По указанию врага народа Л. Троцкого руководители «право-троцкистского блока» в 1934 г. приняли решение убить великого пролетарского писателя Максима Горького. Этот чудовищный террористический акт было поручено организовать Ягоде, который, посвятив в цели заговора домашнего врача М. Горького — доктора Левина, а затем врача Плетнева, поручил им путем вредительских методов лечения добиться смерти М. Горького, что и было выполнено при руководящем участии в этом преступном деле доктора Левина. Активное участие в этом злодеянии принимали участники «право-троцкистского блока» б. секретарь М. Горького — Крючков и б. секретарь НКВД — Буланов.

По решению руководителей «право-троцкистского блока» Ягода организовал методами вредительского лечения убийство председателя ОГПУ тов. В.Р. Менжинского и заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В.В. Куйбышева, причем в совершении террористического акта в отношении тов. Куйбышева непосредственное участие принимали Левин и б. секретарь Куйбышева, участник подпольной организации правых с 1928 г., Максимов-Диковский, а в совершении террористического акта в отношении В.Р. Менжинского непосредственное участие принимали Буланов и завербованный Ягодой и Левиным в заговорщическую группу врач Казаков.

Кроме того, установлено, что Левин и Крючков, по прямому заданию Ягоды, вредительскими методами лечения умертвили сына А.М. Горького — М.А. Пешкова.

В связи с назначением в сентябре 1936 г. тов. Н.И. Ежова народным комиссаром внутренних дел СССР «право-троцкистский блок», опасаясь полного разоблачения и разгрома антисоветских кадров, поручил Ягоде совершить террористический акт в отношении тов. Н.И. Ежова.

Выполняя это злодейское поручение, Ягода при непосредственном участии Буланова покушался осенью 1936 г. на жизнь тов. Н.И. Ежова путем постепенного отравления его организма специально приготовленным для этого ядом, вследствие чего был нанесен значительный ущерб здоровью Н.И. Ежова.

Кроме того, установлено, что Бухарин по решению центра антисоветской организации правых еще в 1930 г. договорился с эсером-боевиком — организатором убийства тов. Володарского и покушения на жизнь В.И. Ленина в 1918 г. — Семеновым о создании им ряда террористических групп для подготовки и совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Также установлено, что в 1918 г. Бухарин и возглавляемая им группа «левых коммунистов», совместно с Троцким и «левыми» эсерами, организовали заговор против Советского правительства.

Бухарин и его сообщники по заговору имели целью сорвать Брестский договор, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В.И. Ленина, И.В. Сталина и Я.М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

Выполняя план заговора, «левые» эсеры в июле 1918 г., с ведома и согласия Бухарина, подняли в Москве мятеж с целью свержения Советского правительства; при этом установлено, что совершенное эсеркою Каплан 30-го августа 1918 г. покушение на жизнь В.И. Ленина явилось прямым результатом преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным и их сообщников «левых» и правых эсеров[308].

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые по данному делу — Зеленский, Иванов и Зубарев вступили на путь борьбы с революционным движением рабочего класса еще в годы царизма.

Зеленский состоял агентом-провокатором самарского жандармского управления с 1911 по 1913 г.

Иванов состоял агентом-провокатором охранного отделения и жандармского управления в Москве и других городах с 1911 по 1916 г.

Зубарев, будучи завербован в число агентов-провокаторов в гор. Котельниче в 1908 г, занимался провокаторской деятельностью до 1917 г.

Таким образом, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила виновность: **1. Бухарина Н.И., 2. Рыкова А.И., 3. Ягоды Г.Г., 4. Крестинского Н.Н., 5. Раковского Х.Г., 6. Розенгольца А.П., 7. Иванова В.И., 8. Чернова М.А., 9. Гринько Г.Ф., 10. Зеленского И.А., 11. Бессонова С.А., 12. Икрамова А., 13. Ходжаева Ф., 14. Шаранговича В.Ф., 15. Зубарева П.Т., 16. Буланова П.П., 17. Левина Л.Г., 18. Плетнева Д.Д., 19. Казакова И.Н., 20. Максимова-Диковского В.А. и 21. Крючкова П.П.** — в том, что они, являясь активными участниками заговорщической группы под названием «право-троцкистский блок», действовавшей по прямым заданиям разведок иностранных государств, проводили изменническо-шпионскую, диверсионно-вредительскую, террористическую деятельность, провоцируя военное нападение на СССР этих государств с целью поражения и расчленения Советского Союза и отторжения от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу враждебных СССР иностранных государств, имея своей конечной

целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, то есть в совершении тягчайших государственных преступлений, предусмотренных ст.ст. 58^{1a}, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9}, 58^{11} УК РСФСР, а **Иванова, Зеленского и Зубарева**, кроме того, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58^{13} УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

1. **Бухарина** Николая Ивановича,
2. **Рыкова** Алексея Ивановича,
3. **Ягоду** Генриха Григорьевича,
4. **Крестинского** Николая Николаевича,
5. **Розенгольца** Аркадия Павловича,
6. **Иванова** Владимира Ивановича,
7. **Чернова** Михаила Александровича,
8. **Гринько** Григория Федоровича,
9. **Зеленского** Исаака Абрамовича,
10. **Икрамова** Акмаля,
11. **Ходжаева** Файзуллу,
12. **Шаранговича** Василия Фомича,
13. **Зубарева** Прокопия Тимофеевича,
14. **Буланова** Павла Петровича,
15. **Левина** Льва Григорьевича,
16. **Казакова** Игнатия Николаевича,
17. **Максимова-Диковского** Вениамина Адамовича (Абрамовича) и
18. **Крючкова** Петра Петровича

к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

19. **Плетнева** Дмитрия Дмитриевича, как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении т.т. В.В. Куйбышева и А.М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению — **к тюремному заключению на двадцать пять лет** с поражением в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

20. **Раковского** Христиана Георгиевича и

21. **Бессонова** Сергея Алексеевича —

как не принимавших прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий — **к тюремному заключению сроком: Раковского на двадцать лет и Бессонова на пятнадцать лет** с поражением каждого в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Срок тюремного заключения **Плетневу, Раковскому и Бессонову** исчислять со дня их ареста.

Председательствующий:

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Армвоенюрист В. Ульрих

Члены:

Заместитель Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Корвоенюрист И. Матулевич

Член Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Диввоенюрист Б. Иевлев

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляю судебное заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист В. Ульрих
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга А.А. Батнер

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 402. Л. 701—708. Печатный текст.

№ 4
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Н.И. БУХАРИНА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета
приговоренного к расстрелу
Н.И. Бухарина

Прошение

Прошу Президиум Верховного Совета СССР о помиловании. Я глубоко виновен перед социалистической родиной и преступления мои безмерны. Я сознаю всю их глубину и весь их позор. Если я позволю себе просить о помиловании высший орган правительства Союза ССР, то только потому, что хорошо знаю, что свои знания и способности могу приложить на пользу СССР. Годичное пребывание в тюрьме послужило для меня в этом отношении такой школой, что я имею право сказать Президиуму о моей полной переориентации. Я стою на коленях перед родиной, партией, народом и его правительством и прошу Президиум о помиловании.

Николай БУХАРИН

13 марта 1938 года.
Москва.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 8. Автограф Н.И. Бухарина. Л. 5. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 5
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Н.И. БУХАРИНА

14 марта 1938 г.

В Президиум Верховного совета СССР
приговоренного к расстрелу
Н. Бухарина

Прошение

Прошу президиум Верховного Совета СССР о помиловании. Я считаю приговор суда справедливым возмездием за совершенные мною тягчайшие преступления против социалистической родины, ее народа, партии, правительства. У меня в душе нет ни единого слова протеста. За мои преступления меня нужно было бы расстрелять десять раз. Пролетарский суд вынес решение, которое я заслужил своей преступной деятельностью, и я готов понести заслуженную мною кару и умереть, окруженный справедливым негодовани-

ем, ненавистью и презрением великого героического народа СССР, которому я так подло изменил.

Если я позволю себе обратиться к высшему правительственному органу нашей страны, перед которой я стою на коленях, то только потому, что я считаю, что в случае помилования я могу оказаться полезным стране; я не говорю — и не смею говорить, что смогу искупить свою вину: преступления, совершенные мною, настолько чудовищны, настолько велики, что я не смогу искупить этой вины, что бы я ни сделал в остаток своей жизни. Но я заверяю президиум Верховного Совета, что более чем годичное пребывание мое в тюрьме заставило меня столько передумать и столько пересмотреть, что от моего преступного прошлого, к которому я сам отношусь с негодованием и презрением, в моей голове не осталось сейчас ничего. Не из страха перед заслуженной мною карой, не из страха перед смертью, на пороге которой я стою, как перед справедливым возмездием, прошу я президиум Верховного Совета о милости и пощаде. Если бы у меня в душе осталось хоть что-либо враждебное против партии и правительства, я бы не обращался к вам с ходатайством о милости и пощаде. Я внутренне разоружился и перевооружился на новый социалистический лад. Я передумал все вопросы, начиная со своих теоретических ошибок, которые лежали лично для меня в основе сперва уклонов, а потом все более и более страшных преступлений. Шаг за шагом я пересматривал свою прошлую жизнь. Прежний Бухарин уже умер, он уже не существует на земле. Если бы мне была дарована физическая жизнь, то она пошла бы на пользу социалистической родине, в каких бы условиях мне ни приходилось работать: в одиночной камере тюрьмы, в концентрационном лагере, на Северном полюсе, в Колыме, где угодно, в любой обстановке и при любых условиях. У меня сохранились знания и способности, вся головная машина, деятельность которой была раньше направлена в преступную сторону. Теперь эта машина заведена на новый лад. Я могу работать в самых различных областях и в любой обстановке. В тюрьме я написал ряд работ, свидетельствующих о моем полном перевооружении. Но я могу работать и не только в чисто научной сфере. Поэтому я осмеливаюсь взывать к вам, как высшему органу правительства, о пощаде, мотивируя это своей работоспособностью и апеллируя к революционной целесообразности. Если бы я уже был неработоспособен, это ходатайство не имело бы места, и я ждал бы только скорейшего приведения смертного приговора во исполнение, ибо тогда мне нечем было бы мотивировать свое ходатайство. Разоружившийся, но бесполезный и неспособный к работе враг, я был бы годен только на то, чтобы смерть моя послужила уроком для других. Но именно потому, что я работоспособен, я позволяю себе обратиться к президиуму с ходатайством о милосердии и пощаде. Могучая страна наша, могучая партия и правительство произвели генеральную чистку. Контрреволюция раздавлена и обезврежена. Героическим маршем выступает отечество социализма на арену величайшей во всемирной истории победоносной борьбы. Внутри страны, на основе сталинской конституции[309], развивается широкая социалистическая демократия. Великая творческая и плодоносная жизнь цветет. Дайте мне возможность хоть за тюремной решеткой принять посильное участие в этой жизни! Дайте мне — прошу и умоляю вас — вложить хоть частичку в эту жизнь! Дайте возможность расти новому, второму Бухарину — пусть будет он хоть Петровым — этот новый человек будет полной противоположностью уже умершему. Он уже родился — дайте ему возможность хоть какой-нибудь работы. Об этом я прошу президиум Верховного Совета. Старое во мне умерло навсегда и бесповоротно. Я рад, что

власть пролетариата разгромила все то преступное, что видело во мне своего лидера, и лидером чего я в действительности был. Я твердо уверен: пройдут годы, будут перейдены великие исторические рубежи под водительством Сталина, и вы не будете сетовать на акт милосердия и пощады, о котором я вас прошу: я постараюсь всеми своими силами доказать вам, что этот жест пролетарского великодушия был оправдан.

Николай Бухарин

Москва, 14-III-38 г.[1]
Внутренняя тюрьма НКВД

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 6—7об. Автограф Н.И. Бухарина. Л. 1—4. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 6
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ А.И. РЫКОВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета

13 марта Военная Коллегия Верховного Суда приговорила меня к расстрелу. Прошу о помиловании.

Вина моя перед партией и родиной — огромна, но у меня есть горячее желание, и думаю, есть силы хоть сколько-нибудь ее искупить.

Прошу поверить мне, что я не окончательно испорченный человек. В моей жизни были многие годы светлой, честной работы для революции. Я и теперь сумею доказать, что даже после совершенных мною преступлений можно стать честным человеком и честно умереть.

Прошу даровать мне жизнь.

А.И. Рыков

13 марта 38 года.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 10. Автограф А.И. Рыкова. Л. 9. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 7
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ А.И. РЫКОВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета

Приговором [Коллег] Военной Коллегии Верховного Суда я приговорен 13 сего марта к расстрелу.

Прошу о помиловании.

А.И.Рыков

13 марта 1938 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 12. Автограф А.И. Рыкова; Л. 11. Заверенная копия. Машинописный текст.

---

[1] В машинописном варианте дата исправлена неизвестным на 13 марта 1938 г. См.: ГАРФ. Ф 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 4.

№ 8
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Г.Г. ЯГОДЫ

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета
от Приговоренного к В.М.
Г.Г. Ягода

Прошение о помиловании

Вина моя перед родиной велика. Не искупить ее в какой-либо мере. Тяжело умереть. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь.

Г. Ягода

13/III-38 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 14. Автограф Г.Г. Ягоды; Л. 13. Копия. Машинописный текст.

№ 9
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Н.Н. КРЕСТИНСКОГО

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР
Крестинского Н.Н.

Заявление

Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила меня сегодня за принадлежность к «право-троцкистскому блоку» к высшей мере наказания — к расстрелу.

Хотя своими тяжелыми преступлениями я вполне заслужил эту меру наказания, я, тем не менее, позволяю себе обратиться к милосердию пролетарской власти и прошу о замене мне расстрела другой мерой наказания.

При рассмотрении моей просьбы прошу учесть следующие моменты:

1) я полностью раскаялся, откровенно, до конца рассказал о своих преступлениях и все, что знал о деятельности троцкистской организации, «право-троцкистского блока» и врага народа Троцкого;

2) в состав центра троцкистов и «право-троцкистского блока» я вошел лишь в феврале 1937 г., за три месяца до ареста, а до тех пор проводил лишь специально мне порученную контрреволюционную работу и был осведомлен лишь о тех контрреволюционных деяниях, которые были связаны с моей работой;

3) я не проводил непосредственно террористической, вредительской и диверсионной деятельности, не участвовал в принятии решений в таких актах и

4) о фактах, перечисленных во 2 разделе обвинительного заключения (убийство Горького, Куйбышева, Менжинского, Пешкова, покушение на Н.И. Ежова), я узнал лишь из обвинительного заключения. Не знал также о причастности «право-троцкистского блока» *к решению об уничтожении Кирова*[1].

[1] * * — в машинописном варианте подчеркнуто горизонтальной линией.

Кроме того, я прошу Президиум Верховного совета принять во внимание, что в течение 20 лет (с 1901 по 1921 г.) я вел честную революционную работу, участвовал как большевик в 3-х революциях (1905 г., февральской и октябрьской) и в гражданской войне.

Мне безумно тяжело сойти в могилу с заслуженным клеймом предателя и врага народа. Если же вы пощадите мне жизнь, у меня остается надежда хотя со временем честным трудом частично покрыть свои преступления.

Н. КРЕСТИНСКИЙ

13-III-1938

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 17—18. Автограф Н.Н. Крестинского; Л. 15—16. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 10
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В.И. ИВАНОВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР

Заявление

от Иванова Владимира Ивановича,
осужденного Военной Коллегией
Верховного суда Союза ССР
в процессе 2—12 марта 1938 г.

Я признал себя на суде и признаю сейчас после приговора виновным полностью в тягчайших моих преступлениях, совершенных против партии и Советской власти.

Я изменил и предал советскую родину, являясь активным участником в преступной деятельности контрреволюционного «право-троцкистского блока».

На следствии и суде я дал полные и исчерпывающие показания как о своей личной предательской деятельности, так и об организации правых. Я глубоко и искренне раскаялся в совершенных мною преступлениях, я до конца порвал со своим проклятым прошлым.

Прошу Верховный Совет СССР верить моей искренности и дать мне возможность где бы то ни было, в любых условиях, честной работой на пользу народа доказать это.

Прошу Президиум Верховного Совета СССР пересмотреть решение Верховной Коллегии Суда Союза ССР и оставить мне жизнь. Прошу меня пощадить.

ВЛ. ИВАНОВ

13/III 38 года.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 22. Автограф В.И. Иванова; Л. 19. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 11
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В.И. ИВАНОВА

[13 марта 1938 г.][I]

В Президиум Верховного Совета СССР

Заявление

от Иванова Владимира Ивановича,
осужденного Военной Коллегией
Верховного суда Союза ССР
от «__»[II] марта 38 г.

Я признал себя на суде и признаю сейчас после приговора полностью виновным в тягчайших моих преступлениях перед партией и Советской властью.

Я изменил и предал Советскую родину, являясь активным участником в преступной деятельности контрреволюционного «право-троцкистского блока».

На следствии и суде я дал полные и исчерпывающие показания как о своей личной предательской деятельности, так и об организации правых.

Я глубоко раскаиваюсь в совершенных мною преступлениях и заверяю, что до конца порвал со своим проклятым прошлым.

Прошу президиум Верховного Совета СССР верить моей искренности и дать мне возможность своей честной работой в дальнейшем на пользу народа и Советской родины доказать это. Прошу Президиум Верховного Совета СССР пересмотреть решение суда Верховной Коллегии суда Союза ССР, смягчить приговор по отношению ко мне и оставить мне жизнь.

ВЛ. ИВАНОВ

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 23. Автограф В.И. Иванова; Л. 21. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 12
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ М.А. ЧЕРНОВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР
от осужденного Чернова М.А.

Ходатайство

Я совершил тягчайшие преступления перед Советской социалистической родиной. Я в этих преступлениях раскаялся и, как враг, полностью разоружился, дав искренние правдивые показания следствию и суду о своей и других лиц преступной деятельности.

Я прошу Президиум Верховного Совета СССР рассмотреть мое настоящее ходатайство, помиловать меня и смягчить приговор Военной Коллегии

[I] Датируется по машинописной копии.
[II] Дата не проставлена.

Верховного суда СССР, сохранив мне жизнь. Я еще не стар, имею много сил. Все свои силы я отдам на служение Советскому народу и честной работой постараюсь загладить хотя бы небольшую частицу совершенных мною тягчайших преступлений.

М. ЧЕРНОВ

13 марта 1938 года

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 25. Автограф М.А. Чернова; Л. 24. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 13
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Г.Ф. ГРИНЬКО

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР
Осужденного к высшей мере наказания
Гринько Григория Федоровича

Просьба о помиловании

Я осужден Верховным Судом СССР к высшей мере наказания по делу Бухарина, Рыкова и др.

На предварительном следствии и на Суде я целиком признал свои тягчайшие преступления перед родиной и принес Суду свои раскаяния в совершенных мною злодеяниях. Я подтверждаю перед Верховным Советом СССР свое глубочайшее и искреннее раскаяние перед Советской властью и народами СССР и прошу Верховный Совет СССР пощадить мне жизнь.

Г. ГРИНЬКО

13 марта 1938 г.
Москва

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 27. Автограф Г.Ф. Гринько; Л. 26. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 14
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ И.А. ЗЕЛЕНСКОГО

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда я приговорен за участие в «право-троцкистском контрреволюционном блоке» к высшей мере наказания — расстрелу.

Признавая свою виновность и раскаиваясь в своих преступлениях, я прошу Верховный Совет о помиловании, о замене расстрела тюремным заключением.

Я, будучи виновен в своих ужасных, безумных преступлениях против народа, я должен указать, что не состоял в непосредственной связи с руководителями «право-троцкистского блока» и не принимал участия, не имел отношения к шпионажу, террору, переговорам об отторжении Союзных республик и окраин СССР в пользу враждебных СССР капиталистических

государств не знал, не участвовал в военном заговоре, дворцовом перевороте и злодейских делах Ягоды и других.

Я заявляю, что если мое ходатайство будет уважено — остаток моих сил до конца отдать тому делу, которое поручит мне в заключении правительство или НКВД.

И. ЗЕЛЕНСКИЙ

13 марта 1938 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 30–30 об. Автограф И.А. Зеленского; Л. 28–29. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 15
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ А. ИКРАМОВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета Союза ССР

Прошение

Военной Коллегией Верховного Суда СССР за преступления, предусмотренные ст. ст. 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР, я осужден высшей мере наказания[1] — расстрелу.

Прошу помиловать меня. Я в своих преступлениях признался, как на предварительном следствии, так и на судебном заседании.

Я виновен в том, что, будучи одним из руководителей контрреволюционной националистической организации в Узбекистане, через Бухарина Н.И. вошел в состав «право-троцкистского антисоветского блока». Соответственно с задачами которого, руководимая мной организация занималась вредительской деятельностью [вредительством] в народном хозяйстве Узбекистана, организацией повстанческой группы, подготовкой вооруженного восстания. Я раскаялся в этих преступлениях.

Прошу [дать] даровать мне жизнь, чтобы хоть немного загладить трудом свою вину перед народом.

К сему осужденный *А. ИКРАМОВ*

13/III 1938 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 32. Автограф А. Икрамова; Л. 31. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 16
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Ф. ХОДЖАЕВА

13 марта 1938 г.

Президиуму Верховного Совета СССР
от приговоренного к расстрелу
Ходжаева Файзуллы

Заявление о помиловании

Привлеченный по делу право-троцкистского антисоветского блока за совершение ряда тяжелых преступлений, выразившихся в контрреволюцион-

[1] Так в документе. Должно быть: «осужден к высшей мере наказания».

ной деятельности, направленной на реставрацию капитализма в СССР, отторжение ряда республик и областей от Советского Союза, я приговорен к расстрелу.

Для достижения этой контрреволюционной цели, я в числе других участников право-троцкистского контрреволюционного блока действовал через свою националистическую организацию в Узбекистане методами вредительства в народном хозяйстве Узбекистана, диверсии, создания повстанческих и террористических кадров, ориентируясь на интервенцию иностранных держав.

Свою виновность я полностью признал как на предварительном следствии, так и перед судом.

Еще раз признавая себя виновным в совершенных мною тяжких преступлениях, выразившихся в измене родине, и считая приговор Военной Коллегии Верховного Суда справедливым, все же считаю необходимым обратиться к Вам с горячей просьбой о помиловании.

Я прошу учесть мое искреннее поведение и разоблачение всего объема преступления на следствии и перед судом.

Я прошу учесть мое искреннее раскаяние, что я разоружился полностью, мое сильное желание хоть как-нибудь в какой-либо мере исправить нанесенный ущерб государству и народам СССР, мою готовность отдать для этой цели все силы и жизнь. Тяжело умирать врагом народа, горячее желание отдать эту жизнь на благо народов СССР.

Теперь, когда я сознал свои преступления, понял, в какой пропасти я очутился, у меня одно лишь желание жить, чтобы служить на благо родины, народа и великой партии Ленина—Сталина.

Прошу учесть тяжесть положения матери, которой 70 лет, [1]8 человек малолетних детей.

Еще раз убедительно прошу о пощаде.

Прошу сохранить мне жизнь.

Ф. ХОДЖАЕВ

13/III.38.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 35—35об. Автограф Ф. Ходжаева; Л. 33—34. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 17
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В.Ф. ШАРАНГОВИЧА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета Союза ССР
от осужденного к высшей мере наказания
В.Ф. Шаранговича

Заявление

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда я приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Я признался на следствии и суде в совершенных мною преступлениях против Советской власти. Об этом и заявляю в настоящем заявлении, но обращаюсь с просьбой о том, чтобы Вы, поверив в мое искреннее признание и раскаяние, сохранили бы мне жизнь, смягчив вынесенный мне приговор — расстрел.

[1] В машинописном тексте дописано «имеющей 8 человек малолетних детей».

Полностью разоружившись в борьбе с Советской властью, я обещаю и хочу искренне искупить свою вину хоть частично в любых условиях, которые мне будут предоставлены.

В. ШАРАНГОВИЧ

13/III 1938 года

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 37. Автограф В.Ф. Шаранговича; Л. 36. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 18
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ П.Т. ЗУБАРЕВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета Союза ССР
М.И. Калинину

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 13 марта 1938 года я приговорен к высшей мере наказания.

Прошу Президиум Верховного Совета Союза ССР о помиловании.

Я совершил перед Советской властью тягчайшие преступления. Сознавая всю тяжесть совершенных мною преступлений, я, как на предварительном следствии, так и на судебном процессе, искренне и чистосердечно полностью вскрыл все свои преступления, а также и своих соучастников.

Если искренность моих показаний и чистосердечное раскаяние хоть в какой-нибудь мере могут смягчить тяжесть моих преступлений, я прошу Верховный Совет Союза ССР помиловать меня и дать возможность доказать на практической работе выраженное мне доверие.

ЗУБАРЕВ П.Т.

марта 13 дня 1938 г.
г. Москва

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 39. Подлинник, автограф П.Т. Зубарева; Л. 38. Заверенная копия, машинописный текст, подпись-автограф Кудрявцева.

№ 19
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ П.П. БУЛАНОВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета Союза ССР
осужденного Военной Коллегией Верховного Суда
к высшей мере наказания
Буланова Павла Петровича

Просьба о помиловании

Военной Коллегией я осужден к высшей мере наказания. Осужден правильно, так как мои преступления против советской власти очень велики. Но я искренне раскаялся в них и очень прошу советскую власть пощадить меня и помиловать.

П. БУЛАНОВ

13/III 38 г.
г. Москва

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 41. Автограф П.П. Буланова; Л. 40. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 20
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Л.Г. ЛЕВИНА

12[I] марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР

Решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР я приговорен к высшей мере наказания.

Я сознаю всю тяжесть совершенных мною преступлений, я полностью признал свою вину и в процессе предварительного следствия и на суде, я искренне и чистосердечно раскаиваюсь в преступлениях, совершенных мною вместе с моими сообщниками под давлением злодейских требований и жестоких угроз бывшего наркома Внутренних дел Ягоды, которым я не нашел в себе сил и умения противостоять.

За совершенные преступления я должен понести суровое наказание, но я прошу Верховный Совет учесть мою прежнюю долголетнюю честную и преданную работу, которая хорошо известна советской общественности, — совершение преступлений не по моей злой воле, а в результате вовлечения меня на преступный путь Ягодой, мое полное, искреннее, чистосердечное раскаяние и мой возраст (68-й год).

Я прошу Верховный Совет сохранить мне жизнь, дать мне возможность остаток моей жизни, все мои знания и громадный 42-х летний опыт посвятить моей любимой родине, нашей великой стране, искупить этим хоть сколько-нибудь свою вину перед народом и умереть в кругу своей горячо любимой, хорошей, советской, трудовой семьи[310].

Л.Г. ЛЕВИН

12[II] марта 1938 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 43. Автограф Л.Г. Левина; Л. 42. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 21
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ И.Н. КАЗАКОВА

[13 марта 1938 г.][III]

В Президиум Верховного Совета СССР
от доктора И.Н. Казакова

Заявление

Тяжело мое преступление. Никогда в жизни до встречи с Ягодой я не предполагал, что стану преступником. Я умственно и творчески вырос при Советской власти, и я думал, что вся моя жизнь и творчество будут принадлежать моей родине и будут выражением моей искренней и беспредельной преданности партии и правительству. Иначе, казалось бы, и быть не могло, т.к. всей мыслью, всей душой я всегда только этого хотел.

Страшными угрозами Ягоды вовлечен я в тягчайшее преступление, кошмаром, висевшим надо мной и давившим на психику. Теперь я свободен от этого кошмара, я получил засуженный приговор суда.

[I] Так в документе.
[II] Так в документе.
[III] Дата дана по смежным документам.

Я прошу Президиум Верховного Совета СССР учесть, что четыре года, даже находясь в состоянии тяжелой психической подавленности, я все же упорно работал и написал за это время около 40 научно-исследовательских оригинальных работ из всех своих 60 названий. Много моих экспериментальных работ еще не оформлено в литературный вид. Я за это время поставил и разрешил целый ряд вопросов совершенно новых и имеющих не только медицинское, но и военно-хозяйственное и оборонное значение. Причем последние вопросы я прорабатывал в порядке встречного плана, во внеурочное время, но под строгим контролем соответствующих организаций. Результаты этих работ, осуществленных в лабораторных условиях, необходимо развернуть в широких масштабах по Союзу.

Мне кажется, что я нахожусь в самом расцвете своей творческой деятельности и прекращение ее для меня невыносимо тяжело, т.к. я годами стремился к научно-исследовательской работе, которая была целью моей жизни.

Поэтому прошу Президиум Верховного Совета СССР смягчить решение Верховного Суда, дабы я мог, отдав своему народу все свои знания и силы, своим трудом и творчеством, как можно скорее, загладить тяжести своего преступления.

И. КАЗАКОВ

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 46—46 об. Автограф И.Н. Казакова; Л. 44—45. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 22
ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В.А. МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО

13 марта 1938 г.

Президиуму Верховного Совета СССР
от осужденного Военной Коллегией
Максимова (Диковского) В.А.

Прошение о помиловании

Приговором Военной Коллегии Верховного[1] я осужден к высшей мере наказания — к расстрелу.

Я обращаюсь к Президиуму Верховного Совета с просьбой о помиловании.

Я до конца покаялся в совершенном мною преступлении. Я понимаю, что должен нести за него самое суровое наказание. Но я прошу Верховный Совет учесть, что:

1) В своем преступлении я действовал руководимый главарями центра, в частности, Енукидзе и Ягодой.

2) Я с 1935 г. порвал всякие связи с заговорщиками.

3) Я был в прошлом участником гражданской войны.

Я прошу верить мне, что в своем раскаянии я искренен полностью.

Я еще молод — мне 37 лет, — я моложе всех участников процесса. Я хочу все свои силы отдать на благо родины и хоть в какой-либо мере загладить свое преступление.

Я прошу пощадить меня!

В. МАКСИМОВ

13.III-38 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 48. Автограф В.А. Максимова-Диковского; Л. 47. Заверенная копия. Машинописный текст.

[1] Так в документе. Должно быть: «Приговором Военной Коллегии Верховного суда».

№ 23

ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В.А. МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО

[13 марта 1938 г.][I]

Президиуму Верховного Совета Союза ССР
от В.А. Максимова,
осужденного Военной Коллегией Верхсуда

Прошу Президиум Верховного Совета СССР рассмотреть мою просьбу о смягчении [...[II] постановления] в отношении меня приговора, вынесенного Военной Коллегией Верховного Суда.

Я глубоко осознал всю тяжесть совершенного мною преступления и искренне раскаиваюсь в нем. Я уже с 1935 г. порвал всякие связи с заговорщиками и изменниками. Именно поэтому я с первого же дня следствия дал подробные правдивые показания, как о совершенном мною преступлении, так и все, что мне было известно о контрреволюционной работе право-троцкистского блока.

Я прошу поверить мне, что я не являюсь больше врагом и что самым горячим моим желанием является отдать все свои силы и способности на благо страны, на укрепление мощи нашей родины.

МАКСИМОВ

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 50. Автограф В.А. Максимова-Диковского; Л. 49. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 24

ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ П.П. КРЮЧКОВА

13 марта 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР
Приговоренного Военной Коллегией Верховного Суда
к высшей мере наказания
П.П. Крючкова

Решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 г. я приговорен к высшей мере наказания.

Я прошу Президиум Верховного Совета помиловать меня.

Петр Петрович КРЮЧКОВ

13/III 1938 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 52. Автограф П.П. Крючкова; Л. 51. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 25

ХОДАТАЙСТВО Д.Д. ПЛЕТНЕВА О СМЯГЧЕНИИ ПРИГОВОРА

[13 марта 1938 г.][III]

В Президиум Верховного Совета СССР
от осужденного профессора
Д.Д. Плетнева

Заявление

Я признал себя полностью виновным в предъявленном мне обвинении, о чем свидетельствует мое поведение при следствии и на суде.

[I] Дата дана по смежным документам.
[II] Слово написано неразборчиво.
[III] Дата дана по смежным документам.

Прошу Президиум Верховного Совета *смягчить*[1] вынесенный мне приговор.

Моя научная и врачебная деятельность в достаточной степени известна в Союзе и за пределами его. За все годы Советской власти я работал, не покладая рук, на научном, педагогическом и врачебном поприще. Мною и моими учениками выпущен ряд научных работ, из которых некоторые заслужили международное признание. Шесть моих учеников являются ныне профессорами Советских Медицинских Институтов. Не без успеха я лечил и вылечил не один десяток ответственных работников Союза. Не взирая на мои немолодые годы (шестьдесят четыре года), я и в тюрьме не прекратил научной работы и написал там книгу о «грудной жабе» размером в 10—12 печатных листов.

Прошу Президиум Верховного Совета дать мне возможность отдать остаток моей жизни, мои знания и опыт Родине и Советской науке.

Дмитрий ПЛЕТНЕВ

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 54—54 об. Автограф Д.Д. Плетнева; Л. 53. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 26
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ХОДАТАЙСТВАХ О ПОМИЛОВАНИИ ОСУЖДЕННЫХ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР НА ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

14 марта 1938 г.

Протокол № 2

14 марта 1938 г.

СЛУШАЛИ: Ходатайства о помиловании осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 года по делу антисоветского «право-троцкистского блока».

Дело № КВ-14

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайства о помиловании осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 года по делу антисоветского «право-троцкистского блока» к высшей мере наказания — расстрелу —

БУХАРИНА Николая Ивановича,
РЫКОВА Алексея Ивановича,
ЯГОДЫ Генриха Григорьевича,
КРЕСТИНСКОГО Николая Николаевича,
ИВАНОВА Владимира Ивановича,
ЧЕРНОВА Михаила Александровича,
ГРИНЬКО Григория Федоровича,
ЗЕЛЕНСКОГО Исаака Абрамовича,
ИКРАМОВА Акмаля,
ХОДЖАЕВА Файзуллы,
ШАРАНГОВИЧА Василия Фомича,
ЗУБАРЕВА Прокопия Тимофеевича,
БУЛАНОВА Павла Петровича,
ЛЕВИНА Льва Григорьевича,

[1] * * — в машинописной копии подчеркнуто.

КАЗАКОВА Игнатия Николаевича,
МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО Вениамина Адамовича (Абрамовича),
КРЮЧКОВА Петра Петровича —
ОТКЛОНИТЬ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
(А. ГОРКИН)

Архив
14/III-38 г.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 74. Заверенная копия на бланке Президиума Верховного Совета СССР. Машинописный текст. Автограф неизвестного.

№ 27

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ, СРЕДИ НАУЧНОЙ, ТВОРЧЕСКОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

1 марта 1938 г.

№ 101472[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю агентурное донесение — отклики на процесс «право-троцкистского блока».[II]

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: «Знакомый» Принял: РАЙХМАН и КРЕЙНИН
28 февраля 1938 г.

27 февраля 1938 г., в 9 часов 30 минут вечера у ПЕШКОВОЙ Надежды Алексеевны были в гостях: Илья ВОЛЬНОВ (сын писателя Ивана ВОЛЬНОВА), инженер ГАЛЛ, работник кино «Воля» (воспитанник старшей сестры Надежды Алексеевны); присутствовали еще из своих: И.Н. РАКИТСКИЙ и бонна. Уже знали об информационном сообщении[311], но никто из присутствовавших лично не слышал по радио.

Н.А. ПЕШКОВА была в «ожидательном» состоянии, молчала, была какая-то оцепенелая. Наедине с источником тоже говорила очень мало. Говорила: «Наконец-то мы все узнаем», «но как же маскируются люди! Подумайте, как маскировался КРЮЧКОВ, разыгрывал из себя преданного Алексею Максимовичу человека, страшно подумать, что сделали с Алексеем Максимовичем».

Н.А. спрашивали, будет ли опубликовано обвинительное заключение[312] и будет ли там о Максиме. В вопросе чувствовалось крайнее нервничанье, не будет ли на процессе упоминаться ее имя. Ничего нового, по сравнению с про-

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

шлыми разами и с 26 февраля, не говорила, только повторяла, что «нужно набраться сил», нужно и хочется знать все об Алексее Максимовиче и о Максе.

Еще 26 февраля Надежда Алексеевна рассказала, что Марфа (старшая дочь) сказала ей, что Светлана[313] пригласила ее, Марфу, к себе в гости на первое марта и Марфа просила у Н.А. разрешение поехать к Светлане.

«Ну, конечно, я разрешила, — говорила Н.А., — и мне это очень приятно, потому что прежде Марфа частенько бывала у Светланы, они дружат все время, но последний год Светлана ни разу Марфу не приглашала. Я же знаю, так как в гости к Светлане попадают с выбором, то, может быть, это значит, что ко мне (Надежде Алексеевне) относятся хорошо и хотят проявить теплое отношение, и это меня очень трогает».

27 февраля Н.А. сказала, что Светлана вторично спрашивала Марфу, «так что же, Марфа, ты ко мне 1 марта приедешь?» И опять звала Марфу к себе в гости.

Н.Ал. повторила, что это приглашение ее, Н.Ал., трогает.

Вечером же 27 к Н.Ал. должны были приехать Екатерина Павловна ПЕШКОВА вместе с Василием А. ДЕСНИЦКИМ (СТРОЕВЫМ).

Сегодня, 28 февраля, ТИХОНОВ Александр Николаевич, говоря об информационном сообщении, сказал: «В этом сообщении мне кажется недоказательным и маловероятным, что они хотели убрать А.М. ГОРЬКОГО. Что касается Макса, это я понимаю — Макс мешал КРЮЧКОВУ и был против КРЮЧКОВА, но зачем им нужно было убирать старика? Во-первых, им всем и БУХАРИНУ, в частности, было удобно, потому что в доме Горького всегда можно было устраивать всякие встречи; во-вторых, за широкой спиной Горького они же могли обделывать свои дела; так что эта часть информационного сообщения кажется мне странной».

«Воображаю, — говорил А.Н. ТИХОНОВ, — какое сейчас в доме смятение и нервничанье. Вероятно, там опасаются, что на процессе будет упоминаться имя Надежды Алексеевны, в связи с историей со смертью Макса».

Сегодня, 27 февраля, ЛАДЫЖНИКОВ Иван Павлович говорил: «Пришел я сегодня утром на М. Никитскую, ну там, конечно, слезы и полный переполох. Там и Екатерина Павловна. Хотя о Максе в сообщении вчера ничего не было сказано, но думают и говорят по аналогии с Алексеем Максимовичем. Ведь лечили те же врачи — ЛЕВИН и ВИНОГРАДОВ. ВИНОГРАДОВУ Макс очень доверял.

Липа (ЧЕРНИКОВА[1] Олимпиада Дмитриевна) вспоминает, что ВИНОГРАДОВ прописал Максу при воспалении легких слабительное. Липа возражала, потому что в таких случаях слабительное противопоказано, но ВИНОГРАДОВ настаивал, и сам Макс, веря ВИНОГРАДОВУ, просил дать ему слабительное. После приема (хотя Липа сама сбавила порцию) Максу сразу стало хуже».

Сегодня (27-го) детей не пустили в школу, чтобы не нервировать, но я, ЛАДЫЖНИКОВ, считаю, что это неправильно.

Так как многие звонят, то решили удалиться от людей и сегодня (в 2 часа дня) Надежда Алексеевна с детьми и Екатериной Павловной поехали в Горки до утра 2 марта.

И.П. ЛАДЫЖНИКОВ говорит, что страхов, что будет упоминаться имя Надежды Алексеевны, нет, но страшно нервничают, что будут упоминаться Ал. Максимович и Макс.

---

[1] Так в тексте. Правильно: «Черткова Олимпиада Дмитриевна».

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник «Могилевский» Принял: «Крейнин»

В. ИНБЕР сказала, что опубликованное сообщение Прокуратуры СССР было для нее «ошеломляющим». Она ожидала иного решения — провести дело без широкой огласки, т.к. «народ уже после решения ЦК[314] настроился на позитивную работу». Оправдывает ли себя устройство процесса, ставит вопрос В. ИНБЕР. По ее мнению — нет, так как информировать население можно было бы иным способом, а для заграницы — это демонстрация «глубоких язв», разъедающих наш организм. Что касается более далекой исторической точки зрения, то наличие стольких уголовных и провокаторских элементов в руководстве страной едва ли украшает историю Октябрьской Революции. «Лучше было бы без процесса» — делает вывод В. ИНБЕР, т.к. уже «не хватает нервов воспринимать такое нагромождение ужасов».

Касаясь вероятности обвинительного материала, В. ИНБЕР высказалась следующим образом:

История с убийством МЕНЖИНСКОГО, КУЙБЫШЕВА и ГОРЬКОГО, хотя внешне и носит несколько «приключенческий характер», однако, — вполне вероятна, если иметь в виду фигуру ЯГОДЫ как возможного организатора эти актов. Гораздо меньше она представляет себе в этой роли БУХАРИНА или РЫКОВА. Кроме того, она не совсем представляет себе «связи между деятельностью ЯГОДЫ и правых (а также троцкистов): не было ли здесь параллельной деятельности, причем ЯГОДА «использовал» правых и троцкистов — иначе все это было бы «совсем ужасно».

Во всяком случае, В. ИНБЕР считает, что убийство ГОРЬКОГО могло иметь место, т.к. ГОРЬКИЙ слишком много знал о махинациях КРЮЧКОВА, ЯГОДЫ, АВЕРБАХА и других с его литературным наследством и вообще вокруг его имени. Непременной участницей В. ИНБЕР считает «Тимошу», невестку ГОРЬКОГО, о которой ИНБЕР говорит, что она якобы арестована. В. ИНБЕР выразила при этом удивление, почему в деле нет КИРШОНА, который, по ее мнению, в этом деле с ГОРЬКИМ «сидел по уши».

Касаясь фигуры Д. ПЛЕТНЕВА, В. ИНБЕР сказала, что из осведомленных источников (позже она сказала, что это — писатель В. КАТАЕВ) — ей известно, что ПЛЕТНЕВ намеревался в 1936 г. уехать за границу читать лекции и остаться там, и что его выдала женщина, фигурировшая в его процессе в 1937 г.[315] В. ИНБЕР считает также, что аналогичный случай (в части умерщвления) имел место и с ФРУНЗЕ, и с СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ, но этого «решила не упоминать».

Особо В. ИНБЕР коснулась вопроса о разоблачении Л. Троцкого как шпиона с 1921 г. и 1926 г. В. ИНБЕР отметила, что в «личном плане» для нее это явилось тяжелейшим ударом, так как и без того ей приходилось страдать от своего родственничка[316], который всегда сопутствовал ей в ее литературной карьере как «принудительный ассортимент». Однако, касаясь вопроса по существу, В. ИНБЕР сказала, что ей трудно, очень трудно «реально представить себе все это». В отношении ненависти БУХАРИНА к ЛЕНИНУ она считает все это соответствующим действительности — БУХАРИН рвался в «заместители ЛЕНИНА» и готов был «на все». Что же касается ТРОЦКОГО, то, признавая вероятность и даже безусловность связи его с иностранными державами сейчас, она как-то не может примириться с мыслью, что это идет еще с давних пор. Во всяком случае, это «трудно перенести, трудно усвоить».

Далее В. ИНБЕР высказалась в том смысле, что атмосфера некоторого облегчения, которое и она лично ощущала после решения февральского

пленума ЦК[317], сейчас неизбежно снова «замутится». В частности, наличие в составе обвиняемых трех представителей старой интеллигенции «неизбежно снова на время повернет острие против интеллигенции». Для себя лично она ожидает снова ухудшения личного ее положения.

В заключение беседы В. ИНБЕР остановилась на «международных последствиях» процесса. Она считает, что на Западе его воспримут как предвоенную меру; что ряд сочувствующих СССР из числа писателей и других людей интеллигентских профессий неизбежно «отшатнутся», тем более что сейчас снова, как и в период процесса ЗИНОВЬЕВА—КАМЕНЕВА[318], возникает «параллель с гитлеровской Германией», на которую весьма падки оказались на Западе многие.

НАЧ. 1 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РАЙХМАН

28 февраля 1938 г.

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: СТАНИСЛАВСКИЙ Принял: ВЕПРИНЦЕВ

Беседа с Эйзенштейном о процессе

28 февраля 1938 г. источник посетил кинорежиссера ЭЙЗЕНШТЕЙНА и беседовал с ним о предстоящем процессе над БУХАРИНЫМ и другими. ЭЙЗЕНШТЕЙН говорил:

«Я считаю, что мое собрание сочинений "Понсон-дю-Терайля" (детективные романы) нужно сжечь. Это детский лепет по сравнению с тем, что я сегодня прочел в газетах. Врачи-отравители, умирающие от таинственного снадобья старики, покушения, которые были 20 лет тому назад. Это покрывает старого Рокамболя[319]. Правда, мы все знаем, что ГОРЬКИЙ умирал много лет подряд, но разве для романа это важно. Или МЕНЖИНСКИЙ, который тоже медленно умирал — для романа это опять-таки безразлично. Или БУТЕНКО... Какое страшное впечатление должно было произвести за границей дело БУТЕНКО. Как только я прочел об этом, для меня стало ясно, что это новый Беседовский. А между тем ЛИТВИНОВ не хочет этого понять[320]. Почему?

Потому что никто ничего не поймет в том, что делает "славянская душа". Никто из иностранцев опять-таки ничего не поймет о процессе.

КОЗИНЦЕВ (кинорежиссер) рассказывал мне, что командарм БЕЛОВ незадолго до ареста напился пьяным и кричал: "Разве ТОЛСТОЙ может назваться великим писателем. Вот ДОСТОЕВСКИЙ — это действительно великий русский писатель". Чуял БЕЛОВ свою судьбу: вчера он судил маршалов, сегодня оставшиеся маршалы будут судить его[321]. Это сплошная достоевщина — все бывшие процессы и предстоящие процессы. Без Достоевского тут ничего не понять, а так как его нет — придется остаться в непонимании, пока когда-нибудь Дюма-отец не объяснит потомкам, что же произошло.

Вот я написал сценарий "Русь". Один из героев — посадник — был изображен у меня предателем. Но сейчас я внес изменение в сценарий. Я спутал древнюю Русь с нашей современностью. Это у нас — если воевода, то почти всегда — предатель. А в старину могло быть и иначе».

НАЧАЛЬНИК 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ ЖУРБЕНКО

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: КОСТРОМСКОЙ Принял: ВЕПРИНЦЕВ

28 февраля 1938 г. источник беседовал о предстоящем процессе с немецким писателем политэмигрантом Иоганесом БЕХЕРОМ, с писательницей Ольгой ГАЛЬПЕРН (жена венгерского писателя ГАБОРА) и известным американским журналистом и писателем Айседором ШНЕЙДЕРОМ (член американской компартии).

Иоганес БЕХЕР говорил, что процесс может вызвать много недоуменных вопросов у иностранных писателей за рубежами СССР.

«Мне самому, например, многое неясно, как получилось, что люди, столь известные партии, оказались предателями.

После процесса РАДЕКА, ПЯТАКОВА и других была издана превосходная книга, но для иностранного читателя в ней не хватало объяснительной статьи или комментариев о том, кто такие народники, эсеры, меньшевики и т.д.[322] На это мне, например, указывали ФЕЙХТВАНГЕР, МАРКУЗЕ и другие писатели. В издании материалов о новом процессе надо это предусмотреть[323].

Очень важно, чтобы на процессе присутствовало как можно больше писателей. Обязательно должны быть такие люди, как КОЛЬЦОВ, ТОЛСТОЙ, ЭРЕНБУРГ. О ГОРЬКОМ должен написать статью именно ТОЛСТОЙ. Статьи этих известных за границей людей будут опубликованы иностранными газетами.

Статьи ТОЛСТОГО, КОЛЬЦОВА и ЭРЕНБУРГА надо обязательно послать в такие газеты, как "Дейтше Фолькс Цейтунг", "Нейе Вельт Бюне", "Паризер Тагес-Цейтунг". Преступление, совершенное по отношению к ГОРЬКОМУ, должно быть центральным вопросом для иностранных писателей. Было бы хорошо, чтобы Ромен РОЛЛАН выступил со специальным обращением к писателям. Центральным пунктом этого обращения должна быть фигура любимого западной интеллигенцией ГОРЬКОГО.

Нужно организовать серьезные выступления деятелей науки, поскольку в процессе участвуют ПЛЕТНЕВ и другие профессора. Самое важное дать сведения по истории партии, особенно в отношении БУХАРИНА, который пользовался большой популярностью среди заграничной интеллигенции.

От имени иностранной комиссии Союза советских писателей необходимо разослать друзьям письма о процессе, о том, что враги попытаются использовать его для антисоветской пропаганды. Материалы о процессе надо посылать в ходе процесса. Нужно написать ФЕЙХТВАНГЕРУ, МАРКУЗЕ, Генриху МАННУ и Томасу МАННУ (чем больше по количеству, тем лучше). Иначе они окажутся невооруженными против тех, кто попытается их обработать.

У меня голова идет кругом при мысли о том, какую свистопляску теперь разведет МЮНЦЕНБЕРГ вокруг Генриха МАННА».

Ольга ГАЛЬПЕРН. «Я считаю необходимым, чтобы в живой журналистской форме, в виде памфлетов, было рассказано заграничной интеллигенции о том, что представляют собой эти люди, привлекаемые к суду.

Необходимо, чтобы из Москвы посылались репортажи о процессе от очевидцев, крупных писателей, в том числе от живущих здесь иностранцев. Писатели в своей личной корреспонденции должны писать о процессе своим заграничным друзьям. Следует писать о том, почему эти люди признаются. Что их заставили признаться не только улики, но факты жизни, сама социалистическая реальность. Иностранному интеллигенту, терзаемому психологическими загадками, важно показать, как эти люди, 20 лет боровшиеся против советской власти и партии, каждый раз были биты достижениями

социализма. Для заграницы должны дать статьи такие писатели, как ТОЛСТОЙ, ШОЛОХОВ, КОЛЬЦОВ.

В такие центры, где есть троцкистские группы, как, например, в Швейцарии, надо послать хороший материал. Там работают троцкисты БРЕНТАНО, Эрнст ГЛЕЗЕР, ОППРЕХТ и другие.

Может быть, можно было бы пригласить кого-нибудь из хороших писателей на процесс. ЛУКАЧ, например, мог бы хорошо написать о процессе, и это было бы авторитетно для заграницы.

Айседор ШНЕЙДЕР (американский писатель, коммунист). «Процесс требует хорошего освещения. В Америке, например, мало знают, кто такой был КУЙБЫШЕВ или МЕНЖИНСКИЙ, какое значение они имели в СССР.

Надо послать за границу ряд статей, в которых показать настоящее лицо ТРОЦКОГО и БУХАРИНА еще в первые годы революции, связь их с врачами, которые выполняли роль убийц. ЭРЕНБУРГ и КОЛЬЦОВ могли бы быть авторами таких статей. Их манера письма особенно доходчива до американцев. Обычные сообщения ТАСС не дойдут так, как статьи КОЛЬЦОВА.

От некоторых писателей, хорошо известных в Америке, как, например, от ШОЛОХОВА, В. КАТАЕВА, А. ТОЛСТОГО, ФАДЕЕВА и Е. ПЕТРОВА, — надо послать ряд высказываний не в плане газетной статьи, а в плане своей оценки предателей, фигурирующих на процессе.

В отчетах о судебных заседаниях следует подчеркивать не только то, что люди сознаются. В Америке, где практикуется "3-я степень допроса", знают, что людей можно заставить говорить. Главным образом, надо останавливаться на доказательствах и уликах. В Америке для оценки судебных процессов это играет главную роль.

После суда над ПЯТАКОВЫМ и другими[324] в "Сатардэй Ивнинг Пост" (распространенный буржуазный еженедельник) появилась статья инженера Литля ПЭЙДЖ, работавшего с ПЯТАКОВЫМ по заказам для СССР. ПЭЙДЖ очень жалел, что его не привлекли в качестве свидетеля. Он писал, что мог бы дать ряд ценнейших свидетельств о вредительской деятельности ПЯТАКОВА. Такая статья, напечатанная в журнале с 3-хмиллионным тиражом, произвела в Америке сильное впечатление. Вот если бы и в этом процессе нашелся бы такой человек.

Я уверен, что хорошие статьи известных советских писателей могли бы быть напечатаны в ряде американских журналов, например, в "Нью Рипаблик". После 2-го процесса этот журнал напечатал хорошую статью Малькольм КАУЛИ. Необходимо послать материалы о процессе в такие газеты, как "Балтимор-Сан", "Сент-Луи Пост Диспетчер", "Нью-Йорк Ивнинг Пост", "Пиплс Пресс" и "Федерайтед Пресс", которая снабжает информацией рабочую прессу.

На процессе следовало бы допустить не только представителя "Дейли Уоркер". Не подумайте, что я намекаю на себя».

(А. ШНЕЙДЕР является одним из редакторов английского издания «Интернациональной литературы».)

НАЧАЛЬНИК 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ ЖУРБЕНКО

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник «Галина» Принял: Крейнин

28 февраля с.г. источник был у КРЖИЖАНОВСКОГО Глеба Максимилиановича. КРЖИЖАНОВСКИЙ в сильной тревоге.

«Я, — говорил КРЖИЖАНОВСКИЙ, — как и все мы, старые большевики, на краю пропасти. Этот процесс ставит раз и навсегда крест над старым поколением. Из сообщения Прокуратуры ясно, что БУХАРИН, РЫКОВ — старые соратники ЛЕНИНА — были в заговоре против него. Хотели его убить, а если это принять за правду, то кто нам поверит, что мы лучше БУХАРИНА, что мы не знали об этом заговоре».

КРЖИЖАНОВСКИЙ с горя решил запить, чтобы забыться (пьет целый вечер коньяк).

Свое положение в Академии Наук КРЖИЖАНОВСКИЙ считает шатким. «У меня и до этого были грехи в смысле подбора кадров, меня предупреждали в ЦК, сейчас меня уже не предупредят, а просто снимут. Считаться не будут.

Когда-то во время процесса Промпартии[325] меня заверял МЕНЖИНСКИЙ, что я не виноват, что я не имею отношения к этому делу, но вместе с тем меня убрали».

На замечание жены КРЖИЖАНОВСКОГО, что СТАЛИН тоже виноват в том, что он проглядел заговор, КРЖИЖАНОВСКИЙ ответил: «До СТАЛИНА не доберутся. Шкуру будут спускать с нас».

Жена КРЖИЖАНОВСКОГО несколько раз говорила источнику, что попытка БУХАРИНА арестовать ЛЕНИНА в 1918 г. всем была давно известна, что все это не ново, и что ЛЕНИН ему это простил, как мальчишество. «Если бы был жив ЛЕНИН, — заявила жена КРЖИЖАНОВСКОГО, — этого процесса не было бы, так как ЛЕНИН мог держать в руках БУХАРИНА и его очень любил».

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ
РАЙХМАН

28.II-1938 г.

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник «Эдуард» Принял: РАЙЗМАН[1]

27 февраля источник был в доме ГОРЬКОГО в момент передачи по радио сообщения Прокуратуры Союза о привлечении к судебной ответственности: БУХАРИНА, РЫКОВА, ЯГОДЫ и других. Присутствовали: «Тимоша» — Надежда Алексеевна ПЕШКОВА, РАКИТСКИЙ Иван Николаевич, Зинаида Николаевна (бонна), инженер ГАЛЛ.

В момент объявления об умертвлении ГОРЬКОГО, КУЙБЫШЕВА и МЕНЖИНСКОГО Надежда Алексеевна заплакала: «Отравили, они значит и Максима отравили». «Это ВИНОГРАДОВ, он, он, мерзавец... Мне Липа (Олимпиада Дмитриевна) говорила, что когда ВИНОГРАДОВ дал Максу какое-то слабительное, ему стало хуже; это без меня они ему дали».

РАКИТСКИЙ. «Я думал, все что угодно. Я знал, что КРЮЧКОВ грязный человек. Но этого, я, конечно, никак не мог подумать. Это все ЯГОДА. По его дудочке все делал КРЮЧКОВ. Он и Макса спаивал. Мне тогда говорили шофера: "Вы знаете, Ив. Ник., когда Максим Алексеевич приезжает от БУЛАНОВА, он бывал такой странный, его рвет, он делается синий. Тут что-то не то. От водки так не бывает. Он отравляется чем-то". Но как я мог представить, что его отравляли. Нет границ человеческой подлости».

ГАЛЛ. «Помните, Макс говорил, вот ВИНОГРАДОВ — это врач, когда он болен, он ему предлагал напиться. Это их метод был».

[1] Так в тексте. Правильно — Райхман.

ТИМОША. «Сволочи. Алексей Максимович ведь совсем было поправился, а эти негодяи, ...значит, ПЛЕТНЕВ... Алексей Максимович ненавидел его. А ЛЕВИН, какая сволочь. Сплошная маска. Ну, как так можно. СПЕРАНСКИЙ говорил, что при организме ГОРЬКОГО он 15 лет еще смело прожил бы. Это они ему что-то дали. КРЮЧКОВ всегда говорил, что раз в доме бывают члены правительства, лишний народ приглашать нельзя и поэтому пускал только нужных ему людей».

ГАЛЛ. «Вы ведь помните, Надежда Алексеевна, они и меня и Настю все старались как можно отстранить. Я тогда не мог понять, в чем дело. Но я теперь понимаю, это потому, что я имел возможность непосредственно говорить с МОЛОТОВЫМ, ВОРОШИЛОВЫМ. Так они ясно боялись. Мог пронюхать их замыслы».

ТИМОША. «Но зачем, что им сделал Алексей Максимович?»

ГАЛЛ. «ГОРЬКИЙ большой политический деятель. За ним шла интеллигенция. Был большим авторитетом. Ведь когда он сказал "когда враг не сдается, его уничтожают"[326], — это спрягалось везде. Нет, какой умный СТАЛИН. Он гнал всех врачей».

Надежде Алексеевне стало хуже. Н.А. сказала, что пойдет к себе, заявив нам, что «я так много пережила, выдержу и это». ГАЛЛ и я простились с Е.Н.[I] и вышли вместе. По дороге к трамваю ГАЛЛ мне заявил: «Мне теперь все понятно, "они" говорили обо мне, рекламировали, но потом замолчали. Видно я был "им" опасен. Я ведь имел непосредственную возможность говорить с Политбюро».

На этом наш разговор с ГАЛЛОМ закончился, и мы разошлись.

НАЧАЛЬНИК 9 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЖУРБЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 1. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 2—19. Заверенные и незаверенные копии. Машинописный текст.

№ 28
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ ТВОРЧЕСКОЙ, НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ Г. МОСКВЫ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

2 марта 1938 г.

№ 101482[II]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю сводку агентурных сообщений — отклики на процесс «право-троцкистского блока».[III]

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

[I] Так в тексте. Вероятно, правильно: «Е.П.».
[II] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[III] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

Совершенно секретно

СВОДКА

о реагировании на процесс «право-троцкистского блока»

Писательница Анна КАРАВАЕВА. «Этих гадов я готова расстрелять собственной рукой. Когда читаешь о их злодеяниях — точно бездна раскрывается под ногами. Особенно меня поражают врачи. Я не могу спокойно говорить о них. Страшно подумать о том, что кругом нас еще много невыкорчеванной нечисти. В случае войны они будут кусать нас из всех подворотен».

Венгерский поэт Эмиль МАДАРАС. «Допустим, предатель ЯГОДА поддерживал КРЮЧКОВА, АВЕРБАХА и всех этих гадов. А где были все мы, честные советские граждане, коммунисты и беспартийные. Мы многое видели и молчали. Почему не сигнализировали в ЦК партии? Равнодушие, лень.

Этот процесс заставит нас подумать о многом. Не надо быть перестраховщиком, но и нельзя распускать особенно уши. При нашей активности врагу работать будет очень трудно».

Писатель Алексей КОЖЕВНИКОВ. «Наши газеты распространяют слухи о разногласиях в Германии. Вот, мол, фашизм разлагается, у Гитлера разногласия с генералом Фричем. В свете прошедших процессов[327] и особенно предстоящего процесса, разногласия в нашей стране покрывают и превосходят все. Как это не объясняй, а факты есть факты. Ни в одной стране еще не было того, чтобы врачи отравляли представителей власти. Ведь врачей подбирают, контролируют строго. А все же недоглядели. Вывод какой? Напор оппозиционной волны слишком силен. Слишком много людей, недовольных советским режимом. За всеми не углядишь, всех не посадишь. Я собираюсь уехать работать в деревню. Меня эта обстановка слишком нервирует. Ну их всех к дьяволу — правых, левых, ортодоксов, оппозиционеров».

Писатель Николай ЛЯШКО. «Петр КРЮЧКОВ был в прошлом секретарем Григория Распутина. НКВД проявляет слишком много бдительности, где не надо, сажают, кого не следует, а КРЮЧКОВ под носом у всех орудовал 10 лет и его так долго не арестовывали. Надо вот роман кончать, а я совсем бросил творческую работу. Не пишется. Настроение скверное. Каждый день чего-нибудь ждешь — то тебя в меньшевизме обвинят, то в групповщине. Процесс БУХАРИНА еще усилит подозрительность».

Писатель Иван ЕВДОКИМОВ. «В удивительное время живем. То, что сейчас развертывается перед глазами, представляет собою богатейший материал для писателя, но нам писать об этом не придется. В художественном полотне все это, естественно, усиливается, и тогда получится мрачная, пессимистическая книга, способная всякого повергнуть в уныние. Одним словом, может получиться не то, о чем пишут в газетах, с другими выводами. В этом деле много еще темного, непонятного. Неизвестно, как добываются у подсудимых подобные признания. Люди знают, что их за такие показания уничтожат, а все-таки себя чернят и топят. Невозможно ведь это понять нормальному человеку».

Писатель БУДАНЦЕВ (разрабатывается как антисоветский элемент). «Мне кажется, что и в выступлениях наших и в печати нет чувства меры. Что говорить — изверги? Это люди, имеющие свои цели. История покажет, кто чего хотел. Мы ничего не понимаем, поэтому мы и говорим пустозвонные слова. Имейте в виду, что количество перешло в качество, и сегодня это значит, что количество врагов перерастет в качество неверия во все: во власть, благополучие, завтрашний день. Писатели пишут о выдуманной счастливой жизни и уже выдумывать совестно».

Прозаик Л. СОЛОВЬЕВ. «Вообще лучше бы этих процессов больше не было, как-то противно, и все эти процессы, где люди выходят и обливают себя грязью, похожи на какой-то чудовищный фарс».

Заведующий редакцией иностранной информации ТАСС БЕРЕЗОВ. «Процесс произведет за границей плохое впечатление и невыгоден с точки зрения международного положения СССР. То обстоятельство, что в числе обвиняемых имеется бывший глава правительства, а также и то, что на скамье подсудимых сидит уже третий заместитель Наркоминдела (после КАРАХАНА, СОКОЛЬНИКОВА — КРЕСТИНСКИЙ), за границей скажется отрицательно».

Артист Л.О. УТЕСОВ. «Я рад, что государство и Прокуратура объявили этот процесс, а то в народе шли различные слухи. Теперь многое станет ясным».

Солистка балета ГАБТ Л.В. САЛОВА. «Я бы не стала давать это открытым процессом. Все равно все верят, что это правда. Открытый процесс вызовет чувство омерзения. Их надо ликвидировать так же, как ТУХАЧЕВСКОГО и других[328]».

Заслуженный деятель искусств КАЦМАН. «Данные следствия таковы, что можно ужаснуться беспредельной подлости и омерзительности всех этих негодяев, привлеченных к ответственности. Честному человеку просто трудно понять всю их гнусность. До революции русские интеллигенты всегда подозревали правительство в том, что оно подтасовывает данные обвинения. Сила советской власти в том, что она честно всему народу говорит всю правду, не искажая и не извращая ее».

Артист ГАБТ ГОЦИРИДЗЕ. «Мало им всем расстрела. Надо было бы для них придумать похуже. Ведь это невиданное в мире ужасное явление, чтобы так могли поступать люди».

Заслуженная артистка МХАТ АНДРОВСКАЯ. «Вся Москва волнуется именами врачей. Я не могу поверить в преступление ЛЕВИНА. Это один из лучших врачей, каких я знала. Как замечательно он относился к КАЧАЛОВУ, СОБИНОВУ. Нигде за границей ничего подобного не делается. У нас только и делают, что арестовывают и расстреливают».

Заслуженный артист Республики, МХАТ ГЕЙРОТ. «Процесс особенно интересен тем, что в заговор втянута наша интеллигенция. Мне совершенно непонятна история с ГОРЬКИМ. Что же они могли сделать с ним, ведь человек болел давно, был обречен на смерть, и смерть его была логична.

Я не верю во все эти вредительства. У нас идет большое строительство и одновременно разрушение этого строительства, причем разрушителями являются не те люди, которые сидят на скамье подсудимых».

Режиссер МХАТ ЛЕСЛИ. «Если подсчитать количество расстрелянных в различных заговорах и предназначенных к расстрелу сейчас — получится огромная культурная сила. Это все люди как на подбор — огромной эрудиции, больших мыслей, крупнейших организаторских способностей. Это — деятели культуры, науки и политики. Я искренне жалею тот запас знаний, ума и культуры, который уходит в могилу».

Академик живописи М.В. НЕСТЕРОВ. «Это какое-то средневековье. Когда читаешь сообщение Прокуратуры о процессе, то делается жутко. Приходят в память действия Филиппа II и великого инквизитора. Там поступали такими же методами. Вся эта версия об отравлении неправдоподобна».

II. Научная и техническая интеллигенция

Академик КРЖИЖАНОВСКИЙ Г.М. [...][1]

---

[1] Высказывание Г М Кржижановского о процессе опущено, т к. совпадает с приведенным в документе № 27 (см. стр 756–757).

Заместитель директора Большой Советской Энциклопедии РОТЕНШТЕЙН. «Для меня непонятна причастность БУХАРИНА и других к заговору против ЛЕНИНА в 1918 г. Ведь это период, когда большевики только что пришли к власти, так сказать первые плоды вооруженного восстания, врагами которого ни БУХАРИН, ни РЫКОВ не были. Что двигало ими в тот период — это для меня неясно.

Этот процесс сложнее всех предыдущих, потому что он затрагивает события первых годов революции, и от того, как эта часть обвинения будет обоснована на процессе и в печати, зависит многое в смысле создания общественного мнения за границей».

Профессор ДАВЫДОВСКИЙ И.И.[1] «Я опасаюсь, что мои данные вскрытия трупа ГОРЬКОГО могли быть неверно истолкованы в смысле сознательного скрытия истинного диагноза болезни ГОРЬКОГО врачами, которые его лечили, и могли быть использованы следствием как обвинительный материал.

Поводом для предания суду ПЛЕТНЕВА явилось не только участие в отравлении ГОРЬКОГО, МЕНЖИНСКОГО, КУЙБЫШЕВА, но и, по всей вероятности, его связи с заграничными контрреволюционными организациями».

Профессор Московской государственной консерватории ИГУМНОВ. «Как-то все это странно и нелепо. Врачей соединили с бухаринцами, да и версия о ГОРЬКОМ нелепая, болел туберкулезом, умер в 67 лет, и вдруг насильственная смерть. Я думаю, что если бы ГОРЬКИЙ был бы жив, он сам мог бы сейчас сесть на скамью подсудимых, так как он был близок всей этой компании. Ну, ладно, посмотрим, как будет развертываться следствие».

Профессор Московской консерватории НЕЧАЕВ. «В следующем процессе должно быть будут людей есть живьем, все это сплошная мистика».

Инженер Волгостройпроекта БЫЧКОВ. «Теперь, наверное, всех участников "право-троцкистского блока" расстреляют. Я это думаю, потому что сочтут необходимым выкорчевывать вредные теории. К тому же следует иметь в виду, что хотя действия правых расцениваются и контрреволюционными, но ведь их авторитет в массе гораздо выше, чем авторитет правящей партии.

На этом процессы еще не кончатся, будет еще процесс по делу ЕГОРОВА и других».

Заведующий лаборатории института им. Обухова ЧЕРКИНСКИЙ (разрабатывается как фашист). «Этот процесс показывает слабость СССР. Сообщение в "Правде" явилось для меня неожиданностью. Обострившееся международное положение заставляет правительство ускорить очередную комедию — суд. СССР в агонии, и поэтому наше правительство ищет выход в отвлечении внимания масс всевозможными комедиями. Фашизм крепнет и вызывает гнев в СССР у верхушки».

И.о. начальника радиолаборатории МАИ КИТЛЕР Е.В. «Отлично работает НКВД, что ни месяц, то какой-нибудь центр находит. Сколько их этих центров у нас? Я совсем перестала понимать происходящее. Так что, если завтра скажут, что сами руководители НКВД шпионы и террористы, я нисколько не удивлюсь. Вот говорят и ЕГОРОВА посадили. Прямо эпидемия какая-то».

III. Учащаяся молодежь

Студент текстильного института ОВЧИННИКОВ. Рассказал источнику, что 28 февраля с.г. во время митинга, когда докладчик декан САДОВ, гово-

[1] Так в тексте. Вероятно, правильно: «Давыдовский И В ».

ря о подлых фашистских наймитах, произнес имя Троцкого, в разных концах зала раздались аплодисменты.

Другой студент ДАВЫДОВ по этому поводу сказал: «Нашлись все-таки среди нас ребята, которые поддержали хлопками Троцкого». (Приняты интенсивные меры к выяснению, кто аплодировал.)

Дипломник ГИТИС ЛЕОНГАРДТ В.А. «До чего надоели эти процессы. Аресты не прекращаются. Дают ордена и сами их срывают. БУХАРИНА не расстреляют. РАДЕКА оставили в живых, а БУХАРИН фигура — какая!».

Слушатель Всесоюзной плановой Академии им. Молотова РОЗОВ. «Здесь в их разоблачении сыграли большое значение РАДЕК, СОКОЛЬНИКОВ, нужно полагать, что и сейчас не всех расстреляют, кое-кого оставят, чтобы дальше раскрывать».

Студент 3 курса 1 ММИ ТЕРПИЛОВСКАЯ. «Подумайте только, какие люди идут под суд. Крупные политики и крупные ученые замешаны в этом деле. Теперь уже не приходится удивляться, что наших врачей забирают. Нет, видно никому верить нельзя, ни врагам, ни друзьям. Не может быть, чтобы люди признали себя виновными в таких злодеяниях».

Студент 2-го курса МГИ БАГАРАТЬЯН Д. «Как могли троцкисты умертвить ГОРЬКОГО и КУЙБЫШЕВА. Ведь после смерти производилось вскрытие, как же не заметили ничего подозрительного».

Студент 2-го курса МГИ НИКУЛИН Г. «Мне кажется, что здесь не обошлось дело без предателя. Недаром РАДЕКУ дали 10 лет, а не расстреляли. Наверное, это он выдал их всех. Плоха же была у них солидарность. Вообще же здорово было у них все налажено».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАРУЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 29. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 30—39. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 29
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ ТВОРЧЕСКОЙ, НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

2 марта 1938 г.

№ 101483[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю сводку агентурных сообщений — отклики на процесс «право-троцкистского блока».[II]

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

Совершенно секретно

Академик ДЕБОРИН. «Предстоящий процесс большое дело для меня. С одной стороны, я немного опасаюсь — БУХАРИНУ приходилось со мной встречаться, назовет вдруг фамилию и запачкает без всяких оснований. А, с другой стороны, я как-то по хорошему возбужден. Обычное чувство гуманности у меня исчезло, поэтому и легче стало на душе. Я видел, что массу народа арестовывают, и не понимал, в чем дело. Мне казалось, что многих арестовывают зря, за случайно оброненное слово, за ошибку в работе. Теперь я вижу, как я был неправ, тут все настоящие серьезные и коварные враги. Я знаю БУХАРИНА как человека, который если не хочет говорить, так и клещами из него ничего не вытянешь. А раз процесс, значит, он сознался, а раз он сам сознался, то никаких ни в чем сомнений быть не может. Только теперь я понимаю, как глубоко он был замаскирован и какой он зверь. Если легкое сомнение у меня осталось, то только в отношении умерщвления ГОРЬКОГО. Мне казалось, что БУХАРИН очень его любит и ценит, хотя иногда и называл "генералом от литературы". Неужели он и в этом преклонении перед ГОРЬКИМ двурушничал? Во всяком случае, теперь я только начинаю понимать полностью, какую серьезную работу ведет НКВД и как ловко он сумел разоблачить такого хитреца и проныру, как БУХАРИН».

Академик ПРАСОЛОВ Л.И. «Не понимаю смысла этих заговоров и преступлений. Они могли иметь значение как форма (грубая форма) борьбы за власть в начале революции, в период НЭПа, сейчас они бессмысленны».

Академик ПРЯНИШНИКОВ Д.Н. (проходит по показаниям арестованных как участник право-троцкистской организации). «Я не верю в инкриминируемое некоторым обвиняемым умерщвление ГОРЬКОГО, КУЙБЫШЕВА и МЕНЖИНСКОГО.

Я знаю много случаев, когда арестованные на следствии подписывали то, чего на самом деле не было, потом мучились этим и гибли.

На прошлых процессах от обвиняемых получали те показания, которые были нужны. Показания эти были вынужденными».

Старший научный сотрудник Академии наук МАСЛОВ. «Просто страшно становится, когда узнаешь о новых именах людей, которым через 5—7 дней снимут голову. Прошедшие три процесса были ужасающи[329]. Но, кажется, этот перещеголяет предшествующие. Это все штучки НКВД, который решил на этот раз создать особый эффект, сенсацию и потому объединил на скамье подсудимых: матерого политика БУХАРИНА, озлобленного РЫКОВА и РОЗЕНГОЛЬЦА с жуликом типа КРЮЧКОВА и садистом-профессором ПЛЕТНЕВЫМ, чтоб этот процесс выглядел громче, убедительнее. Вызывает недоумение, почему врачи примешаны к этому делу. Ведь смешно всерьез принять версию, что старик ГОРЬКИЙ был умерщвлен.

Теперь надо ждать новую волну арестов, распространяющихся на все правые элементы в партии и в стране, а также на меньшевиков, эсеров».

Профессор медицины КАН А.Г. «Ничего нового в этом вновь состряпанном "деле" по существу нет. Интересно будет почитать историю этих, как из рога изобилия сыплющихся "заговоров" тогда, когда она будет освещаться беспристрастно, т.е. через десяток, примерно, лет — тогда многое из того, что не ясно и туманно сейчас, станет ясным.

Обвинения, предъявленные ПЛЕТНЕВУ и КАЗАКОВУ, не имеют, по-моему, никакой почвы. Врачебная этика заставляет помогать во время болезни даже самому заядлому врагу. Эти люди не способны на такие преступления. Причины здесь надо искать глубже, в политике. ПЛЕТНЕВА,

КАЗАКОВА и других врачей приплели к этому процессу исключительно с целью создания наибольшей убедительности тех преступлений, в которых обвиняются БУХАРИН и другие.

Я могу с уверенностью сказать, что большинство врачей и научных работников отнесутся скептически и иронически к обвинениям, возводимым на КАЗАКОВА, ПЛЕТНЕВА и других врачей. МЕНЖИНСКИЙ и ГОРЬКИЙ были всю жизнь больными и хрупкими людьми, и нет ничего удивительного в том, что медицина была бессильна их вылечить».

Профессор Всесоюзной правовой академии М.М. АГАРКОВ. «Самое поразительное здесь — преступления врачей. Ко всему остальному мы уже привыкли».

Профессор В.В. АРШИНОВ (Всесоюзный институт машиностроения). «Ну, чего там особенно возмущаться, все это их внутренние дела, борьба за власть».

Профессор В.А. ЗИЛЬТБЕРМИНЦ (Всесоюзный институт машиностроения). «Бывшими коммунистами из числа обвиняемых возмущаться не приходится. Это борьба за власть. Но участие в этом деле людей науки в голове не укладывается. Чудовищность преступления врачей ужасает».

Врач ЛЕНСКАЯ (Институт рентгенологии и радиологии). «Эти изверги докатились до самой низости в своих преступлениях. Особенно возмущает то, что поименованные в сообщении Прокуратуры врачи и профессор ПЛЕТНЕВ, обязанные лечить людей, убивали их, они должны понести двойное наказание».

СТОНОВ Д.М. (прозаик). «Страшно подумать, что эта сволочь могла бы наделать в случае войны, если бы ее не выловили заблаговременно».

ЕРМИЛОВ В.В. (редактор «Красной Нови»). «Не следует думать, что разгром этой банды окончательно ликвидирует все опасности. Покуда мы живем во враждебном окружении, нас в покое не оставят. Но гласный процесс многому научит и зарубежных врагов и простачков внутри страны».

Писатель Пимен КАРПОВ. «Ну, всего можно было ожидать, только не таких подробностей. Нужна кисть Октава МИРБО для изображения души этих людей. Пощады им не будет. Но как они до этого дошли, почему, необъяснимо.».

Писательница Вера ИНБЕР. [...][1]

ГРОССМАН (прозаик). «Новое здесь то, что всех врагов соединили в одну кучу. Неприятный осадок оставляет эта история с врачами. Она так мало вероятна, что может испортить весь эффект. Кому нужно умертвлять стариков, находящихся на пороге смерти. Получается уголовная сенсация и не очень стильная. Интересно, что напишут за границей. Как-то безрадостно и не верится в будущее».

Ю. СМОЛИЧ (украинский писатель). «Смысл в том, что предателем оказалось целое поколение, делавшее революцию, герои-орденоносцы. Процесс 20-ти — это было бы не страшно, если бы за этими 20-ю не стояли еще тысячи. Власть держится террором, но это опасное оружие».

ГАТОВ (поэт-переводчик). «Меня удивляет, почему арестованные с таким усердием признаются на суде. Это больше похоже на истерику, чем на правду. Мы также расстреливаем своих ветеранов, как фашисты. Я не могу верить, что лучшие люди — шпионы, иначе я должен поверить, что кроме шпионов никого нет».

---

[1] Высказывание В. Инбер о процессе опущено, т.к. совпадает с приведенным в документе № 27 (см. стр. 753–754).

МОРОЗОВ А.А. (журналист, бывший работник «Правды»). «Объявляют БУХАРИНА и РЫКОВА ренегатами, а в чем тут дело? Сначала партия исключила их из своей среды, люди находились в опале, ссылались, теперь их расстреливают по суду и без суда. Никогда еще не было такой изоляции СССР на международной арене, как теперь. Процесс БУХАРИНА только усилит эту изоляцию».

МЕЛИК-ПАШАЕВ (заслуженный деятель искусств, дирижер оперы ГАБТ). «Это не поддается никакому описанию. Чтобы так умертвляли людей, этого не было даже в средние века. Нет хуже людей, которые обращают свое сознание во вред людям. Это называется — профессора, ученые».

АЛЬТШУЛЛЕР (заслуженный артист СССР[I], ГАБТ). «Не укладывается в голове. Такого случая не было еще в истории. Их надо четвертовать».

ЯБЛОЧКИНА (народная артистка СССР, Малый театр). «Я перепугана, как же жить? Значит, все время оглядывайся, как бы тебя не пырнули ножом. Врачи! Медицина, ЛЕВИН! Невероятно!».

СВЕТЛОВИДОВ (народный артист РСФСР, Малый театр). «Имени нет преступлению. Больной ждет помощи от врача, а врач озабочен тем, как бы потоньше отправить больного на тот свет».

ЭЙЗЕНШТЕЙН (кинорежиссер). [...][II]

КОЗИНЦЕВ (кинорежиссер). [...][III]

ШАУР[IV] (скульптор). «До такого процесса даже и иезуиты не додумались. Это помесь садизма с так называемой государственной мудростью. Мне странно только одно — почему среди "жертв террора" нет имени ОРДЖОНИКИДЗЕ».

МЕРКУЛОВ С.Д. (скульптор). «Обвинения против врачей должны быть серьезно обоснованы, так как необоснованные обвинения будут аналогичны обвинению хотя бы меня, МЕРКУЛОВА, в том, что, снимая посмертную маску, я удушил того, чью посмертную маску снимал».

ВАЙЕР (народный артист РСФСР, дирижер ГАБТ). «В отношении БУХАРИНА и РЫКОВА это следовало ожидать, но доктора ЛЕВИН, ПЛЕТНЕВ — это кошмар, это невероятно».

МЕССЕРЕР (заслуженный артист, ГАБТ). «Действия этих лиц чудовищны и вопиющи. А врачи! Как им доверять! Ведь такие светила и им были доверены жизни наших великих людей. Жду открытия процесса, чтобы внимательно следить за ним».

КОЗЛОВСКИЙ (заслуженный артист РСФСР, ГАБ[V]). «В виновность доктора ЛЕВИНА я не верю».

БРАУДО (профессор, заслуженный деятель искусств.) «Мы так свыклись с тем, что БУХАРИН и РЫКОВ — политические деятели, что нужно огромное напряжение фантазии, чтобы представить их себе политическими бандитами. Все это настолько чудовищно, что кажется невероятным. Безумные преступления, но я не сомневаюсь в истине предъявленных им обвинений».

КАЦМАН (заслуженный деятель искусств). [...][VI]

КУЗНЕЦОВ Б.Г. (профессор, член ВКП(б), врио директора Института истории науки и техники Академии Наук СССР). В беседе с источником по

[I] Так в тексте документа.

[II] Высказывание С.М. Эйзенштейна о процессе опущено, т.к. совпадает с приведенным в документе № 27 (см. стр. 754).

[III] Высказывание Козинцева о процессе опущено, т.к. совпадает с приведенным в документе № 27 (см. стр. 754).

[IV] Так в тексте; правильно — Шадр.

[V] Так в тексте документа

[VI] Высказывание Кацмана о процессе опущено, т.к. совпадает с приведенным в документе № 27 (см. стр. 760).

поводу опубликования в газетах о «право-троцкистском блоке» КУЗНЕЦОВ сказал: «Я хорошо знаю БУХАРИНА, который всю свою жизнь "шатался". БУХАРИН по натуре политический интриган, но в то же время он отчаянный трус и ни на какие уголовные дела, связанные с заговорами, он не пошел бы просто из трусости. Поэтому мне кажется, что в этой части следствие искусственно притянуло БУХАРИНА, хотя, несомненно, он виноват во многом другом.

Также неправдоподобно обвинение КРЮЧКОВА — личного секретаря ГОРЬКОГО. Я наблюдал их отношения и видел, что КРЮЧКОВ был предан ГОРЬКОМУ больше всех. КРЮЧКОВ также искусственно притянут к этому делу.

Меня не удивляет пребывание в этой кампании ГРИНЬКО, я давно слышал, будто ГРИНЬКО бывший "боротьбист", украинский с.р., был платным агентом фашистской державы. Я ему никогда не верил, это хитрый хохол».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАРУЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 40. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 41—48. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 30
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

2 марта 1938 г.

№ 101484[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю сводку агентурных сообщений — отклики профессуры и врачей на процесс «право-троцкистского блока».[II]

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСН.
ЕЖОВ

Совершенно секретно

ОБ ОТКЛИКАХ ПРОФЕССУРЫ И ВРАЧЕЙ НА СООБЩЕНИЕ
О ПРОЦЕССЕ «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

По агентурным данным за 28 февраля, сообщение Прокуратуры о процессе «право-троцкистского блока» вызвало огромный интерес и многочисленные отклики в среде научной интеллигенции, особенно медицинской профессуры и врачей.

Профессор СПЕРАНСКИЙ А.Д., заслуженный деятель науки (ВИЭМ), говорил источнику: «Особо возмущает то, что я вместе с Плетневым и Леви-

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

ным был при смерти ГОРЬКОГО. ЛЕВИН, который являлся на протяжении всех лет пребывания ГОРЬКОГО в СССР его домашним врачом, свое гнусное дело творил на наших глазах, а мы, как дураки, ему доверяли. Он продался ЯГОДЕ, который был хозяином квартиры ГОРЬКОГО.

Хуже всего то, что ЛЕВИН являлся не только врачом, но организатором лечения всего руководства. ЯГОДА ему поручил лечение всех руководителей партии и правительства, а очевидно, что ЯГОДА — главный организатор и исполнитель всех гнусных преступлений.

Странно было видеть беспомощность во время болезни ГОРЬКОГО, когда ЯГОДА не мог достать нужный аппарат для искусственного дыхания.

Думаю, что сын ГОРЬКОГО — Максим — тоже был снят с дороги ЯГОДОЙ, который, прежде всего, его споил, а потом бросил на улицу, где он и заболел, а ЛЕВИН доконал его непринятием мер к лечению».

Профессор ВИШНЕВСКИЙ А.В., руководитель клиники ВИЭМ, рассказывал агенту: «С ПЛЕТНЕВЫМ я был хорошо знаком по совместной работе. Можно было предположить, что он за деньги может сделать подлость, но дойти до таких кошмарных преступлений может только врожденный бандит. За всю свою многолетнюю врачебную практику я не встречался с подобными типами. И если врачи до сих пор не сумели завоевать себе абсолютный авторитет среди больных, то эти преступники еще раз наложили клеймо недоверия врачам...

КАЗАКОВА можно считать политическим преступником еще и потому, что он болгарин и просто выполнял здесь задание со стороны иностранного государства.

Я думал, что такие, как ЯГОДА, БУХАРИН, РЫКОВ, РАКОВСКИЙ уже давно расстреляны, многие из нас были поражены, когда узнали, что они еще живы. Меня, как врача, интересует, что должен переживать ЯГОДА, оказавшийся на положении тех, кто раньше сидел на скамье подсудимых по его приказанию.

Насчет их судьбы дело ясное — кроме расстрела им ничего другого придумать нельзя».

Профессор ЛАВРЕНТЬЕВ Б.И. (заместитель директора ВИЭМ). «Сам процесс для меня не неожиданность: я не знал персонально лиц, но что процесс над медработниками, обвиняющимися в убийстве КУЙБЫШЕВА и ГОРЬКОГО, будет — это я уже знал от товарища МОЛОТОВА 17 февраля, когда он принял меня и СПЕРАНСКОГО.

Но когда по радио сообщили фамилии преступников, среди которых люди, с которыми приходилось встречаться и даже работать, — еще ужаснее кажется раскрытое преступление.

Как реакционера и антисоветчика я ПЛЕТНЕВА и раньше знал, но казалось, что это результат неудовлетворенности ПЛЕТНЕВА режимом, в котором он находился, думали — пассивный брюзжало и аморальный человек. Не верить сообщению и частной беседе МОЛОТОВА я не могу.

Поражает меня система Санупра Кремля. Все опиралось на авторитетных преступников — личных врачей руководства, а они не лечили, а подтравливали. Ведь КУЙБЫШЕВ умер без оказания ему медицинской помощи.

Медицинское шарлатанство, которым занимался КАЗАКОВ, дело рук этой же системы — Санупра Кремля. К такого типа шарлатанам принадлежат ЗАМКОВ и БАДМАЕВ, они тоже ходят по квартирам партийных и советских руководителей и лечат всех из одного чемодана.

Процесс поднимает страшную волну возмущения, особенно к Ягоде... Его бы надо не расстреливать, а четвертовать...

Вот только боюсь, как бы преступление 4-х негодяев не сказалось на авторитете честных врачей».

Профессор МАГНИЦКИЙ (ВИЭМ). «Смертный приговор обвиняемым обеспечен. Непонятно, зачем могло понадобиться добивать больного и старого ГОРЬКОГО. Само собой на процессе будут приведены неоспоримые доказательства состава преступления. Тогда только можно составить себе ясное представление обо всем деле».

Профессор ДОРФМАН (доктор биологических наук, ВИЭМ): «Этот процесс воспринимается еще острее, чем прошлые, если учесть опасное и усложнившееся международное положение — близость войны.

Что в этой компании оказался КАЗАКОВ — мало удивительного, он всегда внушал отвращение. Если принять во внимание, насколько трудно отличить врачебную ошибку, недосмотр или невежество от сознательного вредительства в лечении больного, надо полагать, что обвинение врачей будет подкреплено на процессе убедительными для всех доказательствами — врачебной экспертизой и прочим. Очевидно, все обвиняемые признали себя виновными, иначе их не выпустили бы на открытый судебный процесс».

Научный сотрудник ВИЭМ КРИЦМАН. «Хорошо, что дело будет рассматриваться гласно. Это очистит атмосферу сплетен вокруг ряда арестов, внесет ясность, положит конец кривотолкам и пересудам.

Преступление врачей трудно укладывается в сознание нормальных людей».

Научный сотрудник ВИЭМ ТУСТАНОВСКИЙ. «Известно, что в свое время КАЗАКОВ пользовался активной поддержкой МЕНЖИНСКОГО, которого он лечил. Может быть, ради спасения МЕНЖИНСКОГО ему и была дана возможность развертывать работу.

Обвиняемые внушают омерзение и ужас, как чумная зараза. Будучи в Средней Азии я знал ИКРАМОВА и других националистов. Уже тогда было видно, что они — не за коммунизм».

Профессор КАПЛАНСКИЙ (ВИЭМ). «Садистическое истязание пациентки[330] и умерщвление старого больного ГОРЬКОГО — такой законченный портрет ПЛЕТНЕВА дают эти два дела! Чего еще хотел этот негодяй, который имел при советской власти все, о чем он мог мечтать».

Профессор БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ (ВИЭМ). «Какой поучительный финал проблемы лизатотерапии!».

Профессор РУМЯНЦЕВ А.В. (Институт эволюционной морфологии Академии наук, раньше работал в институте КАЗАКОВА). «Влипли наши доктора... КАЗАКОВ-то, значит, он МЕНЖИНСКОГО нализатил... Знаю КАЗАКОВА хорошо, мерзавец, каких редко встречал. Шарлатан, ни одному слову верить нельзя, все врет.

Когда "Правда" подняла против него кампанию, я потребовал точной ревизии всей его биохимической продукции и клиники. РАКОВСКИЙ тогда все дело замял и слушать не хотел. Допускаю, что КАЗАКОВ мог сознательно убить. И остальные тоже — если принципиальные разногласия есть, то все пути хороши. Думаю, что могли убивать. Вот посмотрим на процессе — должны будут во всем сознаться».

МАШКОВЕЦ А.А. — доктор биологических наук, заведующий отделом этого же института. «Из сообщения явствует, что они убивали пациентов. Но ведь вскрытие производилось людьми, не имеющими к этой кампании никакого отношения?!

Вспоминаю смерть ГОРЬКОГО, он очень долго болел, на вскрытии обнаружены были громадный спайки и сращение в грудной полости».

«КУЙБЫШЕВ умер от закупорки коронарного сосуда, что констатировано вскрытием. Перед смертью как будто долгое время был здоров, значит, никакого контакта с врачами не имел...

Убивали больных — такое дикое варварство... Жду процесса, что скажут сами».

Старший научный сотрудник ВИЭМ МИХАЙЛОВ В.М. «Не может быть, чтобы врачи пошли на отравление, на ускорение смерти ГОРЬКОГО и КУЙБЫШЕВА, ГОРЬКИЙ ведь и так был болен чахоткой. Все это выдумки».

Врач МАЛКОВА Н.П. (терапевт, бывший сотрудник ПЛЕТНЕВА). «Жуткое дело! Хотя ПЛЕТНЕВ всегда был подозрителен, а еще возмущались когда-то тем, что его удалили из университета. На нашем медицинском фронте нет бдительности».

Врач РЫВКИН И.А. (работал в клинике ПЛЕТНЕВА). «Видишь, тогда еще говорили, что заметка о ПЛЕТНЕВЕ появилась неспроста, что он связан со шпионажем[331]. Так оно и оказалось».

ЛЕОНГАРДТ Г.Г., (ученый секретарь Института птицепромышленности). «Я слышал, что ПЛЕТНЕВ сошел с ума и оговаривает других... Обратите внимание, интересно, что опять взяли больше 50 % евреев».

КОХ Ф.Э. (профессор, заведующий лабораторией НКПП) на вопрос «читали?» ответил: «К сожалению, читал. Впечатление лопнувшей бомбы. Состояние чувства омерзения такое, что нет слов для разговоров».

Академик ЗАВАДОВСКИЙ Б.М. (член ВКП(б)). «Моя голова этого кошмара не вмещает, как они могли жить! О КАЗАКОВЕ я говорил с 1932 г., что он сволочь и вредитель, говорил в ЦК, в ОГПУ; о БУХАРИНЕ говорил с 1931 г., после поездки в Лондон, что он предателем может быть, но представить такое... О КРЮЧКОВЕ говорил БУРСКОМУ, что подозрительный человек, но ведь сидел ЯГОДА.

Этот процесс нужен, потому что выловит оставшуюся сволочь, еще не все выловлены... Но ГОРЬКИЙ, ГОРЬКИЙ... И все это с КУЙБЫШЕВЫМ и МЕНЖИНСКИМ, кто их знает, может быть и ЛЕНИН и СЕРГО пали от их руки?»

Врач НЕЗЛИНА Р.Б. (секретарь журнала «Проблемы туберкулеза»). «Новый удар! Это новый удар по всем нам, врачам. Трудно жить!»

ПОПОВА П.И. (заместитель главного врача Туберкулезной больницы, член ВКП(б)), читая (в автобусе для врачей) газету, пришла в такое нервное состояние, что смяла и разорвала газету (ПОПОВА лично знала ВИНОГРАДОВА).

Врач ГУРШТЕЙН (научный сотрудник Нейрохирургического института, член ВКП(б)). «Очень остро воспринял сегодня наш врачебный коллектив сообщение о процессе. Мы, врачи, давно знали, что ПЛЕТНЕВ монархист, но полагали, что советская власть перевоспитает его. Однако такого врача нельзя было перевоспитать.

Некоторые врачи наши сегодня плакали от негодования, и я успокаивал этих товарищей».

Врач ШЛЫКОВ (работник этого же института). «Когда я работал в Наркомздраве, я слышал, как РАКОВСКИЙ клеймил позором предателей троцкистов. Как подлы эти враги в своей изощренной маскировке».

(Выступая на митинге в институте, ШЛЫКОВ путал слова, называл преступников товарищами, затем по несколько раз извинялся.)

Старший научный сотрудник ВИЭМ МИНУТ-СОРОХТИНА О.П. «До чего люди пали! Трудно верить, что ПЛЕТНЕВ, КАЗАКОВ и ЛЕВИН травили... Ну, может быть, они отравили МЕНЖИНСКОГО и КУЙБЫШЕВА,

эти люди занимали высокие политические посты. Но насчет ГОРЬКОГО не верится. Посмотрим, что они скажут на процессе.

А ведь ФЕДОРОВ (директор ВИЭМ) дневал и ночевал у ГОРЬКОГО во время его болезни, что же он ничего не видел, что человека травят? Может быть, и его сняли сейчас с поста директора за то, что он не доглядел, сидя у постели ГОРЬКОГО, как ПЛЕТНЕВ подсыпал яд».

Профессор МГУ МАТВЕЕВ Б.С. по поводу обвинения ПЛЕТНЕВА бросил реплику: «Не верю!».

Доцент биофака МГУ ДРУЖИНИН А.Н. «Не понимаю смысла участия врачей в этом. Ну зачем нужно было бы вмешательство в жизнь ГОРЬКОГО? Он и больной — туберкулез отчаянный, а, кроме того, он же был безопасен, так как исписался. Не понимаю».

Доцент МГУ АБРИКОСОВ Г.Г. «Процесс этот — тяжелый удар для врачей. Деятельность ПЛЕТНЕВА и других подрывает доверие к врачам».

ФЕДОРОВСКАЯ Н.П. (научный сотрудник Академии наук). «Помню, вскоре после смерти ГОРЬКОГО один знакомый врач говорил мне, что ГОРЬКОГО неправильно лечили, что при правильном лечении его можно было спасти».

ЗАМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
КОМИССАР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
КАРУЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 49. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 50—56. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 31
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ УССР НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

2 марта 1938 г.

№ 101510[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 348/СН Народного Комиссара Внутренних Дел УССР товарища УСПЕНСКОГО — отклики на процесс «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

МЕМОРАНДУМ № 1451

из КИЕВА 1 марта 1938 г.

НАРКОМУ ВНУДЕЛ товарищу ЕЖОВУ

Сообщения, поступающие с мест в связи с опубликованием извещения Прокуратуры Союза по делу «право-троцкистского блока», говорят о волне

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

народного гнева к злодеям и изменникам родины — БУХАРИНУ, РЫКОВУ, ЯГОДЕ и другим.

По всей Украине, на заводах и фабриках Донбасса, Харькова, Днепропетровска, Киева и других промышленных центров и военных гарнизонах возникают один за другим митинги по инициативе самих рабочих, военнослужащих и интеллигенции. Митинги начинают прямо в цехах, воинских подразделениях сами рабочие, красноармейцы, командиры, инженерно-технические работники. Начинаются митинги повсеместно с того, что, прочитав сообщение Прокуратуры, рабочие в своих цехах, без участия партийных и профессиональных организаций, сами выступают перед своими товарищами со словами гнева и негодования к фашистским злодеям. За ними выступают другие. Речи на всех этих народных митингах дышат ненавистью к пойманным врагам. Участники этих митингов потрясены злодейством врагов народа БУХАРИНА, РЫКОВА, ЯГОДЫ и других и единодушно требуют их беспощадного уничтожения.

Привожу факты: в Харькове на заводе № 183, еще до начала работы, рабочие собирались группами, живо обсуждая сообщение Прокуратуры, беседы в группах перерастали в стихийные митинги. На этом заводе мастер ЗАГОРУЛЬКО, придя на работу, обратился с просьбой к заведующему цехом немедленно созвать митинг, с тем, чтобы путем голосования потребовать расстрела врагов народа.

На заводе «Свет шахтера» выступали рабочие, никогда ранее не выступавшие, и заявляли: «Казнить мало, надо их рвать на части, четвертовать, чтобы они пищали, как еще никогда никто не пищал».

Начальник цеха завода им. Кирова, в Донбассе, СТАРЦЕВ заявил: «Правильно делают, что их судят гласно. Пусть знает весь мир, какие это предатели и фашистские палачи БУХАРИН, РЫКОВ, ЯГОДА и другие».

Работница этого же завода КРИКУН при обсуждении резолюции внесла предложение привлечь к ответственности семьи подсудимых, мотивируя тем, что жены не могли не знать о преступных деяниях своих мужей.

В Киеве на заводе № 215 слесарь ЯКОВЛЕВ, выступая на митинге, заявил: «ЯГОДА, РЫКОВ, БУХАРИН и другие думали, что они могут свергнуть соввласть. Они ошиблись. Надо скорее уничтожить всю эту банду, чтобы их трупный запах не распространялся по Советскому союзу».

Бригадир того же завода ЛАКОВИЧ, выступая, заявил: «По-моему, расстрелять их — бандитов — мало, надо им придумать такое наказание, чтобы и другие знали, что значит изменить рабочему классу».

В Николаеве беспартийный профессор СЕРЕБРЯКОВ, 70 лет, никогда ранее не выступавший, выступил на митинге и потребовал уничтожить заговорщиков, призывал сплотиться вокруг коммунистической партии и до конца разгромить врагов народа.

Рабочий шахты «София» Макеевского района БОРИСОВ, выступая, заявил: «Они хотели убить нашего любимого вождя товарища СТАЛИНА, но это им не удастся. Я стар, 40 лет работаю на шахте, но счел бы за счастье, если бы мне разрешили отрубить голову этим врагам».

Инженер Николаевского завода им. Марти ШИДЛОВСКИЙ в группе рабочих говорил: «Это самые гнусные методы, какие видел мир. Эту предательскую шайку нужно стереть с лица земли».

Инженер Харьковского трубогенераторного завода БЛЕКЕРОВ в беседе сказал: «До какой гадости могут дойти люди, сейчас убедятся в предательстве БУХАРИНА, РЫКОВА и других. За границей поднимут вой, но нас это не должно смущать, ведь подобной им сволочи много».

Рабочий Киевского завода «Большевик», беспартийный ЦЫБУЛЕВСКИЙ, беседуя в группе рабочих, заявил: «Надо вырвать с корнем всю эту сволочь, чтобы можно было работать спокойнее».

Помощник начальника цеха завода № 135 в Харькове, СЕРБИНОВ, беседуя в группе рабочих, заявил: «Предательство в органах НКВД (ЯГОДА) сыграло крупную роль в успехах троцкистов. Меньше всего население думало о врагах в НКВД».

Стахановец завода «ОР» в Ворошиловграде ЛИТВИНОВ и мастер ЗАДОРЕНКО говорили: «Таких предателей, как БУХАРИН, РЫКОВ и другие, надо уничтожить беспощадно. Надо добиться, чтобы всех этих правых и троцкистов стереть с лица земли, чтобы их духу не было».

Рабочий Ворошиловградского завода им. Артема ГОЛОМАСТИН сказал: «Я больше ничего бы не хотел, как услышать о процессе над бандитом-шпионом ТРОЦКИМ».

Рабочие Горловского азотно-тукового завода БОДАНЦЕВ и ЗАЙЦЕВ говорили: «Враг перед своим концом становится еще гнуснее и коварнее, нужно физически истребить этих убийц-фашистов. Гады эти стремились затопить в крови нашу страну».

Рабочий шахты «Дзержинка» в Донбассе БУКАРУХИН заявил: «Сколько эти предатели сделали вреда советскому народу. Возьмем пример с нашей шахты, которая отставала ряд лет, когда же выявили троцкистов — шахта стала перевыполнять план. Уничтожим всех этих фашистов, и страна наша еще быстрее будет расти».

Рабочий Днепропетровского завода им. Петровского ЛИСИН, беспартийный, беседуя в группе, заявил: «Враги народа пытались задушить нашу власть. Не может быть им пощады. Мы требуем расстрела ТРОЦКОГО, БУХАРИНА и других».

Лейтенант 6 ж.д. полка ЯЦЕНКО заявил: «Предстоящий процесс вскроет всю вражескую деятельность и продажность фашистских наймитов. Это будет грозным предостережением для всех те, кто попытается изменить нашей родине».

Младший командир АЛЕХИН, беспартийный, заявил: «Трудно поверить, что эти мерзавцы еще живы, ведь гнусность, продажность и бесчеловечность их действий превзошла все границы».

Лейтенант 4 пульбата ВЕРБИЦКИЙ в группе красноармейцев говорил: «Все зло идет от ТРОЦКОГО, который руководит этими гнусными преступлениями, надо его уничтожить».

В целом ряде групповых бесед рабочих и трудящейся интеллигенции высказывается подозрение о том, что ПЛЕТНЕВ и другие врачи имели также отношение к умерщвлению товарищей ЛЕНИНА, ФРУНЗЕ и ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Слесарь механического цеха КРЭС ЛУПОЛОВ заявил: «Из сообщения видно, что бандиты свое дело стали творить еще в 1918 г. Есть основания предположить, что если бы не эти гады, то Владимир Ильич прожил бы значительно больше. Они же приложили свою руку и к преждевременной смерти товарища ОРДЖОНИКИДЗЕ».

Техник ГУСИНСКИЙ говорил: «У меня возникает мысль о ЛЕНИНЕ, ведь его лечил тот же ПЛЕТНЕВ».

Инженер украинской конторы Цекомбанка СОКОЛЬНИКОВ заявил: «Очевидно, эта компания так сделала операцию товарищу ФРУНЗЕ, что он преждевременно погиб».

Рабочий проволочного цеха завода Укркабель РУДЕНКО заявил: «Теперь нет сомнения, что товарища ОРДЖОНИКИДЗЕ они также отравили».

Заместитель начальника отдела завода № 135 КРАВЧЕНКО, обсуждая этот же вопрос, высказался: «Какое зверство, счастье, что Иосиф Виссарионович не болел».

Бухгалтер 8 обувной фабрики КУНИН по этому поводу заявил: «Подлые мерзавцы действовали не сами. Они привлекли на свою сторону врачей и умертвили лучших людей нашей страны. Нет слов для выражения чувства возмущения убийцами и предателями родины».

Начальник цеха завода № 43 СОЛКИН, обсуждая причастность врачей к «право-троцкистскому блоку», заявил: «Никакого оправдания врачам-убийцам быть не может».

Антисоветские элементы активизируются. Их злобные высказывания имеют место, главным образом, в своей среде.

Привожу факты: работник управления связи ЛОВОДЮК (в 1930 г. исключенный из партии) в беседе заявил: «РЫКОВ, БУХАРИН, ЯГОДА и другие подтвердят на процессе свою виновность, их заставят это сделать, иначе не было бы процесса. Только теперь начнется полоса массовых арестов. Все это будет оправдываться бесчисленными резолюциями».

Служащий завода «Коминтерн» в Днепропетровске ПОЛУЦЫГАНОВ (ранее учтенный как антисоветский элемент) высказался: «Еще неизвестно, виновны они или нет. Их сделали виновными. Они не могли терпеть советского ига и хотели трудящимся лучшей жизни».

Учитель одной из Харьковских школ РЕЙМАН (ранее проявлявший антисоветские настроения) распространяет в связи с процессом слухи о том, что суд над БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ и другими является предвестником войны и что он должен повести к дальнейшим репрессиям и расчистке тыла.

Студент 4 курса Харьковского машиностроительного института СТРУНКИН в группе студентов вел антисоветскую агитацию: «Будет очень не сложно — связь с одним из иностранных государств, зверства, а в чем причина такой массовой контрреволюции — на это ответа не будет».

Лаборант 1-й обувной фабрики ЛАВИНСКИЙ в группе говорил: «Сейчас стали прибегать к таким методам, которые практиковались в период военного коммунизма. В связи с поворотом политики английского правительства, решили освободиться внутри страны от всех, кто мало-мальски этому сочувствует».

Начальник административно-хозяйственной части автобазы в Киеве ВОРОБЬЕВ (исключен из ВКП(б)) заявил: «Я не верю, что сообщение в газетах в отношении всех верно. Многих нужно оправдать, не всех, кого арестовывает НКВД, можно считать контрреволюционерами».

Кроме этого фиксируются антисоветские высказывания обывательского характера.

Писатель БОРОЗЕНКО в группе литературных работников говорил о том, что в связи с процессом будет умалено значение постановления январского пленума ЦК ВКП(б): «Теперь после процесса начнутся новые репрессии, и постановления ЦК все забудут»[332].

Сотрудник Киевского Горпроекта ПОПОВ заявил: «Сейчас трудно сказать, кто честен, никому нельзя верить, так как каждый из них может оказаться врагом. В таких условиях трудно жить. Нельзя спокойно работать, и нет перспектив».

Бывший помощник командира полка КАРТАШЕВ (уволенный из армии, Харьков) высказался о том, что из-за врагов пострадали и невинные: «Скорее бы судили, скорее бы развязали руки тем невинным людям, которые имели по несчастью знакомство с врагами народа, а теперь они лишены политического доверия».

По всем фактам контрреволюционных высказываний приняты оперативные меры.

№ 348/СН

УСПЕНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 57. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 58—62. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 32
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ И В.М. МОЛОТОВУ О НАСТРОЕНИЯХ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КРУГАХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

4 марта 1938 г.

№ 101549

тов. СТАЛИНУ
тов. МОЛОТОВУ

Направляю сводку — отклики в среде сотрудников иностранных посольств и иностранно-подданных на процесс «право-троцкистского блока».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

7-м отделом получены 3 марта 1938 года следующие агентурные данные:

Большинство московских посольств получили от своих правительств директивы следить за ходом московского процесса и информировать обо всем происходящем свои правительства.

Американский посол Дэвис, в беседе с эстонским послом Рэй (который является у него переводчиком, ввиду отсутствия переводчика на процессе), заявил, что он недоумевает, почему нет свидетелей на процессе и считает, что срок 8 дней, данный арестованным для ознакомления с обвинительным заключением, недостаточен.

Немецкий посол на процессе отсутствует, объяснив своим коллегам по дипкорпусу, что он боится обвинений, которые могут быть брошены его правительству.

То же самое объяснение дает и отсутствующий на процессе японский посол.

Польский посол заявил Дэвису и Рэю, что он очень сожалеет, что не знал о том, что Гринько польский шпион, так как постарался бы с большей пользой использовать его для польского государства.

Отказ Крестинского от своих показаний эстонский посол Рэй расценивает как шахматный ход Вышинского, который заранее договорился с Крестинским о таком выступлении.

В кулуарах дипкорпуса носятся всякие фантастические рассказы об особых методах допроса, о наркотиках, вспрыснутых обвиняемым перед выступлением, и т.п.

п/п ЗАМ. НАЧ. 7 ОТДЕЛА ШПИГЕЛЬГЛАЗ

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 380—382. Заверенная копия.

№ 33

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАУЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

5 марта 1938 г.

№ 101567[I]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю сводку агентурных сообщений — отклики в среде научной интеллигенции, работников печати, искусства и учащейся молодежи г. Москвы на процесс «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

СВОДКА

О реагировании на процесс «право-троцкистского блока»

ФЕЛЬДМАН (профессор медицины). «Для врача больной, особенно после долгого лечения или операции, становится родным, близким. Тем страшней и непонятней то, что эти врачи делали. Это типичные диверсанты, враги. Правда, ПЛЕТНЕВ — это черносотенец, но чтобы врач творил такие преступления, это не слыхано во всем мире и во все века. У ЛЕВИНА два сына. Один из них также врач, неужели он и сына своего учил таким методам вредительской, фашистской работы! Надо гордиться нашим НКВД. Вот работа. Ни в одной стране нет такого аппарата, как наш НКВД. Этот процесс много шума наделает за границей. Ведь фашистская пресса все будет писать так, как ей выгодно и будет лить грязь на нашу страну».

БЛАГОВОЛИН (профессор медицины). «Это невероятная история опозорила нас, врачей, больные и так мало нам верят, а теперь уж никак не будут верить.

Если действительно окажется на суде истиной, что ТРОЦКИЙ — шпион с 1921 г., то это ужасная вещь. Ведь он тогда был наркомом. Как он продавал ЛЕНИНА, СТАЛИНА и Красную Армию. ЕЖОВ — это гений. Это он открыл всю деятельность ЯГОДЫ и других врагов».

ВРАЧИ. Источник «Муравьев». В связи с предстоящим процессом «право-троцкистского блока» везде ведутся разные разговоры. Весьма заинтересованы этим процессом врачи по понятным причинам. Санитарный врач ГОРОБОВ, работающий во Всесоюзной Госсанинспекции Наркомздрава Союза ССР, в санитарно-гигиеническом отделе, говорит: «Вряд ли можно поверить, чтобы профессор ПЛЕТНЕВ мог стать политическим борцом и рискнуть в политических целях на убийство. Всем известно, что он невероятный эгоист и совершенно беспринципный человек, который может действовать только в лютых шкурнических целях и так, чтобы ничем не подвергнуть опасности свою собственную персону».

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

ГОРОБОВ происходит из семьи богатых купцов.

Врач КУЛЯНИН, работающий в эпидотделе Всесоюзной Госсанинспекции, выражает удивление, что в настоящий процесс не попали враги народа — бывший Нарком Здравоохранения КАМИНСКИЙ и МЕТАЛЛИКОВ, тогда как попал РАКОВСКИЙ, работавший вместе с КАМИНСКИМ.

РУТШТЕЙН (врач). Источник «Медведев». 1 марта с.г. вечером источник был на вечеринке у РУТШТЕЙНА Григория Моисеевича, живет по Петровскому бульвару в д. 17.

Коснувшись разговора о предстоящем процессе 2 марта с.г., врач РУТШТЕЙН сказал: «Все это фикция, конечно, широкая масса всего не знает, но врачи, когда читают сообщение, недоумевают». При этом он рассказал вымышленную клеветническую версию о том, что ему будто бы хорошо известно, что МЕНЖИНСКИЙ был импотент и на почве сифилиса у него был прогрессивный паралич.

«КАЗАКОВ лечил МЕНЖИНСКОГО лизатами, которые в начале лечения дают бурный подъем энергии, но впоследствии прогрессивный паралич. Это такая болезнь, которая кончается смертью, так что ни о каком злодейском умерщвлении не может быть речи — тоже о КУЙБЫШЕВЕ и ГОРЬКОМ. КУЙБЫШЕВ после сердечного припадка приехал домой и тут же скончался. Приехавшему врачу пришлось только констатировать смерть, и непонятно, где тут может быть умерщвление.

Ну, а о ГОРЬКОМ вообще говорить не приходится. На почве болезни легких ГОРЬКИЙ долгое время жил в Италии. Одного легкого у ГОРЬКОГО не было и при его возрасте вполне естественно, что при первом заболевании легких он умер».

КУПАЛОВ П.С. (профессор). «А не лучше ли было выждать с таким процессом? И зачем его проводить открытым? При нынешней остроте международного положения, когда Англия прямо повернула к Германии, когда правые радикалы во Франции усиленно наступают на народный фронт, не сыграет ли такой процесс отрицательной роли, как добавочный элемент, отталкивающий демократический Запад от нас».

АНОХИН (профессор). «После пятаковского процесса[333] было немало сведений из-за границы, что процесс произвел отрицательное впечатление там. Даже многие искренние друзья СССР тогда заколебались, были несколько дезориентированы. По-моему, момент сейчас выбран очень тяжелый.

Конечно, тому, кто решает проводить процесс, международный горизонт яснее виден, чем мне, но кажется, что полезнее было бы подождать или не проводить суд открыто.

Вот сейчас правые во Франции накинутся на социалистов. Вы хотите сливаться с коммунистами, единый фронт и прочее, а, смотрите, они — коммунисты — между собой не могут сговориться, беспрерывная драка и раскол. Ведь, действительно, обвиняемые, если отбросить старых царских агентов, были когда-то коммунистами, входили в руководство, и мотивы, корни их предательства нам подчас трудно понять, а тем более западному жителю».

КАРПОВ М.С. (профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии). «Теперь происходит настоящая революция, волнуются недра партии. Лучшие люди несут голову на плаху, не желая покоряться правящим тиранам. Схватили сподвижников ЛЕНИНА, тех, кто должен был ему наследовать. Суть сводится, конечно, к тому, чтобы устранить политических конкурентов. Обвинение в шпионаже предъявлено, во-первых, для того, чтобы очернить людей, а во-вторых, это сделано также, как и обвинение врачей в умерщвлении известных лиц, по известному правилу, что чем нелепее обви-

нение, тем легче ему верят. Руководство ВКП(б) обуял животный страх, вот и косят людей направо и налево, оставляя одни ничтожества. Но все это плохо кончится, ведь не может же государство держаться на одних расстрелах и арестах. Коммунисты, т.е. многие из них, не понимают, что они издергали страну, что они смертельно надоели ей.

Очень глупо формулировано обвинение: говорится, что эта группа хотела убить ЛЕНИНА, СТАЛИНА, СВЕРДЛОВА, но не убила же, хотя обвиняемые имели сотни возможностей это сделать. Взять ЯГОДУ — этот мог пройти везде. А ЛЕВИН — кремлевский врач, этот ходил по Кремлю так, как мы ходим у себя дома, и, наконец, он мог применить более "тонкие методы" лечения к любому из своих пациентов. Однако ничего этого не было».

ХВОСТОВ В.М. (профессор педфака МГУ). «Процесс право-троцкистского блока имеет внутриполитическое значение. Надо как-то отчитаться перед народом за большое количество арестованных, надо как-то объяснить партии, в чем обвиняются члены ее ЦК».

РУБЧИНСКИЙ З.М. (старший инженер завода им. Кирова). «Сейчас, как никогда, слаб тыл Советского Союза, и он все время ослабляется. Арестованы такие люди, как РЫКОВ, БУХАРИН и другие. Сейчас за границей, наверное, стоит невероятный вой.

Очень интересно попасть на процесс и посмотреть, как себя будут держать подсудимые. Ну, РЫКОВ, БУХАРИН — это идейные люди, а вот как будут держать себя ПЛЕТНЕВ, КАЗАКОВ, которые до сих пор были далеки от политики».

ВОРОБЬЕВ (архитектор). «Я не особенно верю в те обвинения, которые приводятся в сообщении Прокуратуры. Многие из этих обвинений притянуты для сгущения красок. Я допускаю, что МЕНЖИНСКИЙ был отравлен ЯГОДОЙ в карьеристических целях, но в насильственную смерть ГОРЬКОГО никто не поверит — старик десятки лет болел».

ЕФИМОВИЧ (архитектор). «В верхах партии идет жестокая борьба за власть, а не за генеральную линию партии — отсюда и все эти сногсшибательные громкие процессы, победившей сталинской группы над побежденной бухаринской группой».

МОДЕЛЬ (инженер). «Под суд пошла последняя группа "стариков" из ленинской гвардии. Скорей бы кончались все эти мерзости, чтобы можно было свободно дышать».

АЛЕКСАНДРОВ М.В. (преподаватель МАИ). «Это люди правой оппозиции, последний состав Совнаркома — одни наркомы и виднейшие ученые. Этот процесс должен отразиться на международном положении, внутри же страны он будоражит массы. Теперь последуют процесс за процессом — РУХИМОВИЧ — оборонная промышленность, братья МЕЖЛАУК».

ЭППЕЛЬБАУМ (лаборант Менделеевского института, член ВКП(б). «Мыслящие люди отличаются способностью сомневаться в предлагаемом материале, а поэтому и в сообщении Прокуратуры о предстоящем процессе я также сомневаюсь. Я хорошо знаю РЫКОВА, это высококультурный человек. РЫКОВ, ведь, был частью ЛЕНИНА. БУХАРИН и ЯГОДА также являются большими людьми, они воспитанники и соратники ЛЕНИНА. Жаль, что гибнут такие люди».

МАСЛОВ И.Н. (директор лаборатории хлебопечения, член ВКП(б)). «Я думал, что после постановление пленума ЦК ВКП(б) все эти дела кончатся[334], а получается совсем наоборот. Аресты продолжаются. Впечатление такое, что все это перед войной хотят расчистить ряды, все те, которые могут быть опасны в том или другом виде — убираются. Подумать только — БУХА-

РИН, РЫКОВ, ЧЕРНОВ, ГРИНЬКО — неужели это правда? Не верится и многое просто непонятно. Живем как на вулкане. С одной стороны, поглаживают нас коммунистов, а с другой — стирают как только можно. Тяжело работать. Мало обосновано сообщение Прокуратуры. Ведь БУХАРИН, РЫКОВ больше года сидят. Почему так затянулись их дела. Не понятно».

ШТЕЙНБЕРГ (народный артист Республики). «Когда я прочел в газете о ПЛЕТНЕВЕ и других, я был ошеломлен и считаю, что на такую сволочь жалко пуль, а просто вывести на старую плаху к кремлевским стенам и отрубить им головы».

БЛОК Д.С. (композитор). «Конечно, их надо безжалостно расстрелять, даже больше — сжечь на костре. Ведь доктор ЛЕВИН и профессор ПЛЕТНЕВ были окружены большим вниманием со стороны правительства. Чего им не хватало? Что касается КАЗАКОВА — это преступник 96-й пробы, я ему никогда не верил — грязная личность. КРЮЧКОВ — тоже препротивная фигура — карьерист, предатель — это всем было ясно».

ЖАРОВ (заслуженный артист Республики, Камерный театр). «Я счастлив, что к процессу поставил пьесу "Очную ставку"[335]. Она очень ко времени. Я, играя, чувствую роль следователя и, честно говоря, переменил бы свою профессию актера на следователя Прокуратуры или НКВД. Так глубока моя ненависть к БУХАРИНУ, РЫКОВУ, РОЗЕНГОЛЬЦУ и другим гадам. Я считаю, что этот процесс покажет Европе, как мы все же сильны, как мы умеем выявлять наших врагов и, невзирая на всю эту дрянь, мы все же процветаем».

НЕБОЛЬСИН В.В. (заслуженный артист Республики, ГАБТ). «О том, что эти преступники творили, говорить спокойно невозможно. КАЗАКОВ на меня всегда производил грязное впечатление. Этот человек, по-видимому, не имел ничего святого».

ГАУК (заслуженный артист Республики, дирижер). «Очень жаль, что негодяя ТРОЦКОГО в свое время упустили за границу и дали возможность ему заниматься грязными делами против советского народа. Как видно, выезду Троцкого за границу способствовали БУХАРИН и РЫКОВ. Какое счастье, что товарищ СТАЛИН не болел, а то ведь эти негодяи ЛЕВИН и ПЛЕТНЕВ могли поступить с ним, как с МЕНЖИНСКИМ, КУЙБЫШЕВЫМ и ГОРЬКИМ».

МЕЛИК-ПАШАЕВ (заслуженный деятель искусств, дирижер). «То, что я прочел в газетах, ужасно, а эти врачи, их надо жечь на огне, ибо они воскресили испанскую инквизицию. Ответить им надо тем же. Они могли сделать с их знанием медицины всевозможные яды и отравить медленно отравляющим средством много ценных жизней».

СТЕПАНОВА (заслуженная артистка Республики). «Сообщение о процессе произвело на меня тягчайшее впечатление. Это документ предельного политического цинизма, документ исключительного извращения фактор, например, все то, что в извещении относится к ЛЕНИНУ и началу революции.

Если "признание" обвиняемых является человеческим маразмом (правда, неизвестно, как оно вырвано, ибо мы знаем о методах следствия), то само обвинение еще больший маразм. РЫКОВА мы знаем как прекрасного большого человека, как человека огромной честности и любви к народу. Если бы не трагедия современного дня, было бы смешно поверить в виновность такого человека, как РЫКОВ. Такой ужас жить в наши дни клеветы и подлости, когда ложью пытаются оправдать свое наступление.

Авторы обвинения перестарались в построении занимательно-сенсационной фабулы. Это пьеса, и пьеса плохая, актерами же будут больные и доведенные до исступления лица.

Конечно, теперь можно вытащить из гробов мертвых и объявить их убитыми. Но кто поверит, что ГОРЬКИЙ, больной туберкулезом и доживший до 70-ти лет, с трудом поддерживавший в себе жизнь — пал жертвой террористов — старых членов партии или людей науки, как ПЛЕТНЕВ».

ТАИРОВ А.Я. (народный артист Республики, Камерный театр). «Это чудовищно, и настолько, что человеческий разум не может этого ни постичь, ни принять. Я не могу понять мотивов врачей — участников заговора, кроме ПЛЕТНЕВА, о котором давно известно, что это сволочь.

Я мало знаю ЛЕВИНА, но КАЧАЛОВ на него буквально молился. Больше того, ГОРЬКИЙ предпочитал лечиться только у ЛЕВИНА, который часто выезжал к нему в Италию. Стало быть, я не могу понять психологических причин участия в этом преступлении врачей. Затем я не могу понять корней, которые двигали остальными участниками заговора. Жажда власти? Но многие из них наркомы, члены ЦК. Чего им нужно было?»

ГЕДИКЕ И.И. (артист МХАТ). «Сейчас только сиди где-нибудь внизу и носа не показывай. Самый счастливый человек, это самый маленький. Когда же окончательно передерутся наверху и хоть приблизительный порядок установится — тогда иди, гуляй. А пока, если голова мила — сиди и не дыши».

МИНЕЕВ А.К. (солист ГАБТ). «А все это ерунда! ЖЮЛЬ ВЕРН! 1001 ночь! Все это про убийства ГОРЬКОГО, МЕНЖИНСКОГО и КУЙБЫШЕВА — выдумано! А для чего выдумано, конечно, нам неизвестно. Ну, зачем убивать ГОРЬКОГО, он уже был старик. Или МЕНЖИНСКОГО — ведь МЕНЖИНСКИЙ сошел с ума, а КУЙБЫШЕВ тоже был пожилой человек. Ну, на суде они будут сознаваться, так ведь это же под "влиянием"»!

ШИЛЛИНГ (артист МХАТ). «Я не понимаю одного. Ведь и ГОРЬКОГО и МЕНЖИНСКОГО и КУЙБЫШЕВА после смерти вскрывали. На вскрытии присутствовали не только ныне арестованные врачи, а и многие другие. Почему же тогда не установили убийства. Меня всегда коробят эти наши неожиданности, которые вскрываются как система много времени спустя».

ВЕРБИЦКИЙ (заслуженный артист Республики, МХАТ). «Кого бы теперь не объявили шпионом и врагом народа — я ничему не удивлюсь. Падают столь высокие столпы, что если пошатнутся еще более высокие, нас уже ничем не удивишь. Такое уже жестокое время».

НОВИКОВ (артист МХАТ). «Страшные вещи у нас происходят. Какая-то непрерывная война. Страшно, если они действительно делали все то, что им приписывают. Не менее страшно, если теперь их за это расстреляют, как-то не умещается в голове, чтобы людей, подобных ЯГОДЕ, КРЕСТИНСКОМУ, расстреливали. Да, это подлинная внутренняя война».

КНИППЕР-ЧЕХОВА (народная артистка СССР, МХАТ). «ГОРЬКОГО то уж зачем бы им. Какая-то фантастика. Театр ужасов. Как говорится, "свежо предание, а верится с трудом". Теперь такое время, что всему могут поверить. Время такое, что лучше умереть».

ЛЕВИН (заслуженный артист республики). 1 марта с.г. на митинге коллектива симфонического оркестра по поводу сообщения Прокуратуры СССР о предстоящем процессе «право-троцкистского блока» ЛЕВИН П.А.[1] выступил и сказал: «Я против их расстрела». На вопросы участников митинга ГАЦКО, МУЛЛЕРА и других, чем он это мотивирует, ЛЕВИН ответил: «Я человек прямой, что думаю, то и заявляю, я вообще против расстрела».

ДРАМАТУРГИ. Источник «Дунаев». 28 февраля с.г. в помещении секции драматургов Союза советских писателей во время составления стенной газеты между драматургами ГОРОДЕЦКИМ Сергеем Митрофановичем, АРГО

[1] Так в тексте; правильно — Левин Ф.А.

(ГОЛЬДЕНБЕРГОМ) Абрамом Марковичем, ГАЛИЦКИМ (ГОЛЬБЕНБЕРГОМ) Яковом Марковичем и «Д» зашел разговор о восстановлении в партии драматурга АФИНОГЕНОВА.

«Д» сказал, что ему это восстановление АФИНОГЕНОВА совершенно непонятно. Человек обвинялся во многих грехах, которые он действительно совершал, и вдруг восстанавливается и становится совершенно чистым.

АРГО на это сказал следующее: «Вопрос об АФИНОГЕНОВЕ слишком мелкий и неинтересный, чтобы о нем много распространяться. АФИНОГЕНОВ просто мелкий прохвост и карьерист, который впредь из всех переделок выйдет сухим. Меня волнует другое. Я не знал РЫКОВА, ТОМСКОГО и других, но я знал БУХАРИНА. Мы тут люди свои и можем говорить откровенно: БУХАРИН был интереснейший, обаятельнейший, умнейший человек, он был любимец партии, любимец ЛЕНИНА. Об этом говорит история, а история всегда беспристрастна и основана на фактах, и вот теперь я слышу, что БУХАРИН против партии, против ЛЕНИНА, что он бандит и прочее; это не укладывается в моей черепной коробке».

ГОРОДЕЦКИЙ на это возразил АРГО, он сказал следующее: «Я тоже знал БУХАРИНА и поверьте мне, АРГО, он действительно был подлым и низким человеком. Я не знаю, конечно, всей сферы его партийных дел и взаимоотношений, но по мелким жизненным делам, по делам газеты "Известия" я могу твердо сказать, что он человек бесчестный. Но мы с вами скоро услышим интересные новости. Оказывается, наш бывший Генеральный комиссар государственной безопасности, член ЦК[336] и прочее и прочее, был крупным агентом, провокатором царской охранки и, вместе с нашим уважаемым писателем КАСАТКИНЫМ, он проваливал подпольные типографии и выдавал революционеров»[337].

Тут работа по верстке газеты и распределению материала прервала этот разговор.

1 марта с.г. «Д» встретил АРГО на биллиардном турнире в Доме Советского писателя и спросил его: «Ну, что ты скажешь о сообщении Прокуратуры?» АРГО на это ответил: «Саша, скажу тебе откровенно, не верю и не поверю. И, честно говоря, каждое утро теперь просыпаясь, я говорю "на кой черт я проснулся, так было приятно спать и не видеть, не слышать, не переживать того нехорошего (сказано было гораздо сильней и нецензурней), которое у нас происходит". Вообще паршиво и противно».

«Д» такие настроения у АРГО слышит впервые за шестилетнее знакомство.

МАЦКИН А.П. (театральный критик). «Вся соль процесса в том, чтобы показать, что все подсудимые были связаны единой цепочкой от БУХАРИНА до ЛЕВИНА. Объявление ряда подсудимых агентами охранки — это метод "мобилизации ярости масс". Не может быть, чтобы они в течение такого долгого времени были бы не разоблачены».

ПИСАТЕЛИ. Источник «Соррентиец». В писательской среде известие об умерщвлении ГОРЬКОГО — главная тема разговоров. Возраст ГОРЬКОГО и его долгая болезнь говорят о том, что смерть его не была неожиданной. Вместе с тем, говорят, что врачи, лечащие его, могли почти незаметно вызвать сильное ухудшение его состояния и смерть. Например, зачем его, больного гриппом, везли в Москву, это говорил Вс. ИВАНОВ.

ПАУСТОВСКИЙ говорил мне, что смерть ГОРЬКОГО похожа по обстоятельствам на смерть ПУШКИНА, которого тоже залечил врач АРЕНДТ.

В разговорах с Е. ПЕТРОВЫМ и СЛАВИНЫМ главная тема была, как отзовется процесс за границей. Не ухудшит ли он положение наших друзей, не вызовет ли новых озлобленных нападков наших врагов. Обывательская среда за границей не разбирается в том, что все происходящее у нас сейчас

является следствием длительной борьбы внутри партии, борьбы ленинцев с троцкистами и правыми. За границей все происходящее у нас кажется борьбой личностей, а не борьбой идейных людей с людьми, в озлоблении докатившимися до преступлений. Говорили также о том, что за границей это еще раз даст возможность говорить о нашей слабости, о том, что при нынешнем положении мы не представляем собой силы, способной оказать сопротивление.

В перерыве митинга в Союзе Писателей особенно горячились всякого рода перестраховщики, вроде ФИНКА, СЛЕЗКИНА, которые возмущались преступлениями обвиняемых чересчур громко, так, чтобы их слушали вокруг, свидетельствуя, таким образом, свою благонадежность. Хитрецы, вроде ПАВЛЕНКО, очень осторожно старались погасить борьбу, которая идет внутри союза, борьбу против СТАВСКОГО. Указывая на огромное значение процесса, ПАВЛЕНКО говорил о том, что, мол, наши писательские неважные мелкие дела, по сравнению с теми, огромной важности, событиями, свидетелями которых мы являемся. Иначе говоря, в огромном эхе, которое получил процесс, должны утонуть все наши мелкие, с точки зрения ПАВЛЕНКО, разногласия. На это выступление ПАВЛЕНКО обратила мое внимание ГЕРАСИМОВА, она сказала, что такое выступление очень выгодно СТАВСКОМУ.

ФЕДИН К. (писатель). «Вот сейчас мы приняли резолюцию по поводу процесса над БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ и другими. Это уже третий процесс[338], не считая многих закрытых. Каждый раз получается, что раскрыли контрреволюционный заговор "славные наркомвнудельцы". А сейчас, между прочим, на скамье подсудимых сидят люди, бывшие во главе НКВД. Те, которые сейчас раскрыли, ничего общего с прежним аппаратом не имеют. Когда был раскрыт заговор ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, тоже писали "о славных наркомвнудельцах"[339]. Пришла новая когорта в НКВД и стали расстреливать старых. Приходят в голову мысли, что люди из НКВД обречены на истребление. НКВД походит на министерство внутренних дел, где обязательно убивают министров. Всякий последующий убирает своего предшественника».

КАРИКАШ (писатель, член КП Венгрии). «Сумасшедшее фантастическое обвинение. Даже собака не сможет проглотить такого обвинения, что ГОРЬКИЙ и другие были отравлены. Сообщение Прокуратуры слабенькое. В результате весь хозяйственный аппарат этими массовыми арестами сменен новыми, учеба которых будет дорого стоить советской власти».

ШКЛОВСКИЙ (литератор и критик). В. КАТАЕВ (писатель). 1 марта источник был на квартире у ШКЛОВСКОГО (литератор и критик) и застал его беседующим с Валентином КАТАЕВЫМ. Беседа шла по поводу предстоящего процесса.

ШКЛОВСКИЙ говорил: «Открываются буквально тайны мадридского двора. В самой передовой стране мира вдруг оказалось, что у власти была какая-то камарилья».

В. КАТАЕВ. «Когда умирал ГОРЬКИЙ, Алексей ТОЛСТОЙ при встрече со мной сказал мне, что то, что творилось в этом маленьком домике на Никитской, до того противно, до того подозрительно. Постель больного великого человека была окружена таинственными шепотами и комбинациями. Порой не верилось, что здесь умирает великий писатель и художник. Ни один писатель мира не был в такой странной обстановке.

И я тоже думаю, что в этом маленьком домике возможно было все, вплоть до убийства.

Когда я был в Париже, я познакомился с одним эмигрантским журналистом САВИЧЕМ. И вот, когда я однажды шел с САВИЧЕМ по Парижу, я

встретил ПОЗНЕРА (тоже эмигрант-литератор). ПОЗНЕР хотел к нам подойти, но САВИЧ сделал ему знак, чтобы тот этого не делал. Я осведомился у САВИЧА, в чем дело, а тот мне в весьма нелестных тонах охарактеризовал ПОЗНЕРА.

Позже я встретил ПОЗНЕРА на улице, тот стал рассказывать, что он делает и где печатается, он сказал, что он связан с ГОРЬКИМ и БУДБЕРГ. Затем он спросил меня: "Как дела у Ляпы (АВЕРБАХ)", сказал мне, что он учился вместе с АВЕРБАХОМ в школе и очень хорошо его знает. Тогда я уже понял, что между этими эмигрантскими кругами и Леопольдом АВЕРБАХОМ есть какие-то связи. И все это сплетается вокруг ГОРЬКОГО. В свете теперешних сообщений становится все ясно.

Я задаю себе вопрос, почему ЯГОДА мог убить ГОРЬКОГО. Ну, МЕНЖИНСКОГО он убрал как соперника. МЕНЖИНСКИЙ заслонял его собой. Он был человеком высокой культуры. А ЯГОДА — это ФУШЭ. Почему же ему надо было убрать ГОРЬКОГО. И я полагаю, что так как последнее время между ЯГОДОЙ и ГОРЬКИМ испортились отношения, ЯГОДА мог бояться, что ГОРЬКИЙ, выражаясь по-одесски, "накапает на него СТАЛИНУ". Вот в этом я и вижу причину».

Далее ШКЛОВСКИЙ и КАТАЕВ стали обмениваться впечатлениями о митинге в Союзе Советских Писателей по поводу процесса (28 февраля). КАТАЕВ говорил:

«Митинг был плохой и большинство выступлений было бесцветными и неудачными. Люди выступали нехотя, как, например, ПАВЛЕНКО и СОБОЛЕВ, а КИРСАНОВ просто кривлялся. Обращение, составленное от имени писателей, очень схоластично написано газетным, стандартным, трафаретным языком. Не так должно составляться обращение от имени писателей и художников. В конце концов, не хочется под ним подписываться. Зачем ставить подписи под документом о колоссальном событии, смысла которого мы не понимаем. Пока шла борьба внутри партии, где мы видели один лагерь и другой, нас к этому не привлекали. Мы стояли в стороне и глазами художника старались определить и понять смысл происходившего. Теперь мы этой открытой борьбы не видим. Все происходит за какой-то плотной завесой. И вот теперь, когда развертывается страшный финал, нас почему-то привлекают, мы должны давать свои подписи. А мы не знаем, в чем дело. И знают ли те, которые руководят, о том, какой процесс происходит в революции, почему приходится столько людей сажать на скамью подсудимых и расстреливать. Совершилось страшное — происходит гибель великой неустрашимой партии».

Источник продолжал беседу со ШКЛОВСКИМ по дороге на дачу на ст. Сходня. ШКЛОВСКИЙ говорил:

«ГОРЬКОГО несомненно убили, потому что никогда ни одно правительство не могло бы объявить, что убит великий писатель, если бы это не была правда. Но кем убит ГОРЬКИЙ — вот вопрос. Я допускаю, что это сделал КРЮЧКОВ, потому что КРЮЧКОВ настоящий бандит. Советские литераторы знали, что между ними и ГОРЬКИМ стоял бандит. В окружении ГОРЬКОГО завязалось очень много темных гнезд. Но сделал ли это КРЮЧКОВ по ягодинской указке — это неизвестно. Настало время убрать ЯГОДУ за преступление, которое он совершил, а ГОРЬКОГО ему просто могу приписать.

Мы живем в такое время, что нам никто не может позавидовать. Нам очень плохо и очень тяжело. Нельзя так жить и так ничего не понимать из того, что происходит. Мы люди, которые на несколько голов ниже событий. События проносятся над нашими головами, но падающие осколки иногда

задевают нашу голову. А причина падения осколков на ту или иную голову неизвестна. Все как бы случайно. Вряд ли даже стоящие наверху знают, что происходит и почему образовалась такая необходимость прибегать к столь острым мерам. Мне кажется, что и они являются слепым орудием истории, как все великие люди истории. Ни Робеспьер, ни Наполеон не знали, почему они действуют так, а не иначе, и они не учитывали, что выйдет из всех их действий. История, сколько ее не изучай, ничему не научит...

Все кончится гибелью. В такой борьбе погибнут все. Погибнут и те, которые правят и те, которые подчиняются. Погибнут правые и виноватые. Будет некогда день, когда погибнет славная Троя.

Как же мы должны относиться к тому, когда мы видим, что гибнет целое новое общество, сложившееся вокруг царского режима. Это общество создалось вокруг партии. А теперь мы видим, что гибнет все руководство партии в какой-то взаимной борьбе. Вряд ли дело в поединке между СТАЛИНЫМ и ТРОЦКИМ — это только форма выражения борьбы. Мы любим нашу страну. Нам трудно было бы даже желать другого, и поэтому нам очень больно. Пусть бы все оставалось так, как есть, но пусть бы не было такого политического дергания, когда всех навинчивают на винт политических событий и все разрешается таким страшным процессом. Я люблю этот строй, мне нравится наша партия, у нас хорошая власть, хорошая армия, хорошее общество. Я хочу видеть наш строй ничем не опороченным».

ШКЛОВСКИЙ рассказывал, что виделся с КОЛЬЦОВЫМ:

«КОЛЬЦОВ стал умнее, перестал мелко играть, не цепляется за побрякушки. Мы говорили с ним о разных вещах и, между прочим, о том, почему он не был выдвинут депутатом в Верховный Совет[340]. Кольцов мне сказал: "Я не главный, я только КОЛЬЦОВ — вы на меня так и смотрите". Вокруг КОЛЬЦОВА, по-моему, ничего не произошло, но в Испании дела идут плохо, и поэтому КОЛЬЦОВА не ставят на более высокие ступени. Но все же ему доверяют. Он пишет статьи на темы о постановлениях ЦК, которых еще нет.

КОЛЬЦОВ мне рассказывал, как он однажды привез Андре МАЛЬРО к ГОРЬКОМУ, и как они сразу друг другу понравились. Вначале присутствовали БАБЕЛЬ, который был переводчиком, а также КОЖАННЫЙ и КРЮЧКОВ. Это два агента, которые наблюдали за ГОРЬКИМ, сказал КОЛЬЦОВ. ГОРЬКИЙ услал из комнаты КРЮЧКОВА и КОЖАННОГО, и они очень злились, что им нельзя было продолжать свои наблюдения. Возможно, что они наблюдали за ГОРЬКИМ как агенты разных держав».

ИЛЬЕНКОВ В.П. (писатель). «Испытываешь чувство огромной радости, что эти гады обезврежены. Сейчас, когда война почти реально ощущается, единство народа важно, как никогда. Они пытались демобилизовать страну, предать нас всех. На подрывную работу врагов надо отвечать хорошими книгами, сплачивать народ вокруг партии. Мы все отчасти виновны в том, что соратник ЯГОДЫ — АВЕРБАХ так долго орудовал в литературе и вредил. Мы были порой слепы, мягкосердечны и равнодушны. Сейчас атмосфера очищается. Легче будет жить и работать».

БЕРМОНТ (журналист). «Азефщина бледнеет перед троцкизмом. Подумайте, какая тонкая и долгая маскировка. Если бы не ЯГОДА — вероятно, все было бы давным-давно открыто. Это он, вероятно, завербовал врачей, чтобы скорее свести в могилу МЕНЖИНСКОГО и остаться председателем ГПУ. Это настолько подло и страшно, что иногда теряешься и не знаешь, кому же верить. Еще на суде откроется много интересного».

ЛЕВИН Борис («Правда»). При выходе подсудимых на утреннем заседании 2 марта заявил источнику: «Мне почему-то жаль БУХАРИНА. Он ка-

кой-то жалкий, сидит и смотрит вниз. Ему, видимо, стыдно и больно за себя, попавшего в компанию столь отъявленных мерзавцев».

КРИГЕР Евгений («Известия»). Выйдя из зала суда, сказал: «Черт его знает, а может быть в словах КРЕСТИНСКОГО есть доля правды. Что тогда будет? Ведь иностранные корреспонденты на его выступлении строят свои отчеты. Я лично не верю КРЕСТИНСКОМУ, но вот какое-то сомнение у меня засело».

ИЦХОКИН (заведующий союзной информации ТАСС). Когда источник приехал в ТАСС из зала заседания, он у источника спросил: «Как показания первых подсудимых сходятся с обвинительным заключением?»

На ответ, что КРЕСТИНСКИЙ валяет дурака и не признается, ИЦХОКИН сказал: «Ну, вот и начинается. Интересно, чем это кончится?»

ПОКРОВСКИЙ (литературный сотрудник издательства МК ВКП(б)). «Процесс окажет отрицательное влияние на авторитет партии, особенно за границей — ведь КРЕСТИНСКИЙ, например, широко известен за границей. Тоже надо сказать и о других подсудимых. Процесс покажет, что в СССР царствует атмосфера заговоров и дворцовых переворотов».

ЧУДНОВСКИЙ (редактор газеты «На страже», член ВКП(б)). «ЦК ВКП(б) запретил всем газетам, кроме "Правды", "Известий" и "Красной звезды", давать передовые по сообщению Прокуратуры о предстоящем процессе. ЦК боится, что в газетных передовых могут быть выпады против партийного руководства, могут быть писаны "не те" строки друзьями БУХАРИНА и РЫКОВА, которые еще остались в органах печати».

КЕРЖЕНЦЕВ (источник «Могилевский»). 28 февраля с.г. в беседе с источником КЕРЖЕНЦЕВ выразил мысль, что сообщение Прокуратуры о процессе ничего нового по сравнению с тем, что предполагалось и было ему известно из частных источников, — не дает. Затем, однако, он указал, что новыми являются три момента:

1. что процесс охватывает правых совместно с троцкистами. Исторически — указывает КЕРЖЕНЦЕВ, — это правильно и связь правых с троцкистами доказана; но казалось до сих пор, что практически это будет процесс только правого центра. Впрочем, К. считает, что картина с присоединением троцкистов будет более выпуклой;

2. другим новым моментом является вскрытие заговора БУХАРИНА совместно с троцкистами в период Брестского договора. Кроме того, до сих пор было известно, что БУХАРИН замышлял арест ЛЕНИНА, сейчас же речь идет об аресте и убийстве ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА.

КЕРЖЕНЦЕВ не комментировал этого «нового обстоятельства», однако говорил об этом в тоне признания его вполне возможным;

3. вопрос о шпионской деятельности ТРОЦКОГО в 1921 г. и в 1926 г. — КЕРЖЕНЦЕВ опять-таки счел это вполне вероятным, тем более что связь ТРОЦКОГО с такими элементами, как ПАРВУС, могла еще до революции создать предпосылки для измены ТРОЦКОГО.

Особо КЕРЖЕНЦЕВ остановился на роли провокаторов дореволюционного времени. Он отметил, что еще до Октября ходило много слухов о наличии большого числа провокаторов в среде большевиков, и Троцкий сам тоже очень муссировал эти вещи. КЕРЖЕНЦЕВ считает ЯГОДУ «по типу» очень похожим на дореволюционного провокатора. В отношении остальных он сказал, что «затрудняется» сказать, кто из них может быть отнесен к этой категории.

По отдельным фигурам процесса КЕРЖЕНЦЕВ отметил, что неясна ему роль КРЕСТИНСКОГО, который как будто все же отошел по-настоящему,

затем ЧЕРНОВА. «Может быть, он фигурирует как связующее звено с эсерами?»

Относительно БУХАРИНА и РЫКОВА КЕРЖЕНЦЕВ ограничился выявлением своего негодования и возмущения, но по существу говорить об этих кандидатурах уклонился.

По линии фигурирующих в процессе врачей КЕРЖЕНЦЕВ отметил, что «вообще чувствовалось, что врачебная среда — очень неблагополучна» и что Кремлевка вообще показывала себя как учреждение, из которого с трудом уносили ноги. О ПЛЕТНЕВЕ КЕРЖЕНЦЕВ сказал, что уже по его процессу было видно, что тут «дело не в изнасиловании»[341] и что ПЛЕТНЕВ, по всей видимости, убежденный монархист и, возможно, — шпион.

Говоря о международных последствиях процесса, КЕРЖЕНЦЕВ сказал, что он не разделяет опасений, что процесс вызовет охлаждение в среде друзей СССР, наоборот — он покажет, что мы не шутим и готовимся всерьез к самым острым неожиданностям.

Возвращаясь снова к отдельным персонажам, КЕРЖЕНЦЕВ сказал, что ГРИНЬКО по всем данным — петлюровский офицер. Далее КЕРЖЕНЦЕВ сказал, что ожидалась в процессе фигура ЯКОВЛЕВА, который оказался старым провокатором Екатеринославской охранки, но почему-то его не оказалось. Ждали также РУДЗУТАКА, но его отсутствие естественно, так как он был руководителем ЦКК и членом ПБ.

Останавливаясь на фигуре ГОРЬКОГО, КЕРЖЕНЦЕВ выразил ту мысль, что его устранение могло диктоваться соображениями ослабления идеологического влияния СССР в среде западной интеллигенции, тем более что ГОРЬКИЙ в свое время очень сильно колебался в части оценки СТАЛИНА, а за последние годы стоял твердо. Однако, отметил КЕРЖЕНЦЕВ, трудно здесь гадать, так как единственный источник — это показания врачей, которые будут на суде.

Касаясь последствий процесса для внутрипартийной жизни, КЕРЖЕНЦЕВ выразился в том смысле, что, безусловно, кое-где поднимется снова тряска в парторганизациях, но что в целом линии февральского пленума это не нарушит[342]. Тем более что, по мнению КЕРЖЕНЦЕВА, процесс будет проведен быстрее и без такой широкой газетной информации, как предыдущие.

В конце КЕРЖЕНЦЕВ интересовался, что говорят о процессе, есть ли какие-либо новые факты арестов и т.д. Общий тон суждений был сдержанный и формулировки, по-видимому, взвешивались, особой «откровенности» в беседе не чувствовалось.

ПЕШКОВА Н.А. 28 февраля источник посетил дом ГОРЬКОГО. Надежда Алексеевна ПЕШКОВА выехала с детьми на дачу, как сообщил РАКИТСКИЙ, для того, чтобы избавить детей от всяких расспросов в школе со стороны их одноклассников.

Мария Павловна ПЕШКОВА[1] была в очень удрученном состоянии, много плакала. Она говорила, что «вторично переживает смерть Алексея Максимовича».

Источник спросил, не собирается ли Мария Павловна как-либо реагировать на эти события. Мария Павловна ответила, что она не может прийти в себя и что она будет обязательно звонить Н.И. ЕЖОВУ, чтобы посоветоваться с ним, как ей поступить.

ПЕШКОВЫ. Источник «Соррентиец». 28 февраля с.г. в половине шестого я был на Никитинской. Тимоша была в Горках. РАКИТСКИЙ объяснил: она настолько была потрясена сообщениями об Алексее Максимовиче, что сочли лучшим отправить ее с детьми в Горки. Она сама сказала Марфе и

[1] Так в тексте. Вероятно речь идет о Екатерине Павловне Пешковой.

Дарье, внучкам Горького, о том, что напечатано в газетах, иначе они внезапно узнали бы об этом сами в школе. На Никитинской я застал ЛАДЫЖНИКОВА, РАКИТСКОГО, ТИХОНОВА, затем Екатерину Павловну ПЕШКОВУ. ЛАДЫЖНИКОВА занимал, главным образом, вопрос о том, кто из обвиняемых был царским охранником. РАКИТСКИЙ вспомнил о моем с ним разговоре о врачах, лечивших ГОРЬКОГО. Он с большой ажиатацией, также как и ТИХОНОВ, комментировал сообщение в газетах в том смысле: кто мог ожидать такого зверства от доктора ЛЕВИНА. Можно ли было этого ожидать от русских врачей с их общественными традициями. Выразил удивление, что упоминаемый в деле доктор ВИНОГРАДОВ не фигурирует в процессе.

Затем подтвердил еще раз то, что говорил мне раньше: в последний год жизни отношения между ЯГОДОЙ и ГОРЬКИМ испортились. ЯГОДУ, особенно, задело то, что ГОРЬКИЙ напечатал в какой-то статье «КИРОВА не уберегли»[343]. Иначе говоря, ГОРЬКИЙ говорил, что ЯГОДА не уберег КИРОВА. Кроме того, ГОРЬКОГО раздражало вранье ЯГОДЫ о работах на канале. ЯГОДА называл взятые с потолка цифры, между тем, ГОРЬКИЙ знал правильные цифры. При любви ГОРЬКОГО к точности, хлестаковщина ЯГОДЫ его возмущала. Вывод был такой: ГОРЬКИЙ переменил мнение о ЯГОДЕ. Прежние рассказы КРЮЧКОВА о трудоспособности, гениальности, прозорливости ЯГОДЫ, о его ночных прогулках по Москве на манер Гарун аль Рашида[344] ГОРЬКИЙ взял под сомнение. При близости ГОРЬКОГО к руководящим товарищам, он представлял уже явную опасность для ЯГОДЫ.

В доме на Никитинской впечатление подавленности, растерянности. Происходят как бы вторые похороны. Вместе с тем, чувствуется известный страх. Приехавшая к концу моего посещения Екатерина Павловна выглядела очень плохо, буквально постаревшей и осунувшейся. Со слов ТИХОНОВА я понял, что все боятся, как бы на процессе не стали «трепать» имя Тимоши. Несколько успокоило то, что ВИНОГРАДОВА, лечившего Максима ПЕШКОВА, нет среди обвиняемых. Значит, о Максиме не будут говорить на суде, такой вывод делают на Никитинской. Со слов Липы ЧЕРТКОВОЙ, ТИХОНОВ рассказывал о методах лечения Максима. ВИНОГРАДОВ велел давать ему слабительное, хотя при воспалении легких это противопоказано, и наблюдал сам, чтобы Максиму давали слабительное. ЧЕРТКОВА старалась этого не делать, хоть она не врач, но несколько понимает в медицине. РАКИТСКИЙ подтвердил, что ЯГОДА и КРЮЧКОВ боялись Максима, они знали его влияние на ГОРЬКОГО, знали, что ГОРЬКИЙ ему верил. В прошлый раз, мне кажется, РАКИТСКИЙ говорил об отношениях Макса и КРЮЧКОВА менее уверенно. Он вспоминал о том, как ГОРЬКИЙ до последней минуты верил КРЮЧКОВУ и давал ему жизненные советы «не пейте».

Около семи часов РАКИТСКИЙ, ЛАДЫЖНИКОВ, Екатерина Павловна, родственник Тимоши Коля, Илья ВОЛЬНОВ (он появился перед самым отъездом) уехали в Горки.

ЗАЙЦЕВ (художник). «Из того, что пишут в газетах относительно правых и Троцкого, я ни на йоту не верю.

Я верю только в то, что 20 лет мы мучаемся и кроме очередей за молоком, колбасой ничего не добились».

КОЗЛОВ (студент 4-го курса географического факультета МГУ). «Меня удивляет обвинение против врачей, особенно по поводу смерти ГОРЬКОГО. Кому он нужен, ГОРЬКИЙ-то как политический деятель, ну те то еще ладно, КУЙБЫШЕВ и МЕНЖИНСКИЙ. А главное, не верится, что возможен самый факт умерщвления. Ведь не одни эти врачи бюллетени подписы-

вали, кроме них и такие были, как БУРДЕНКО — депутат Верховного Совета, да и другие тоже. Интересно, что врачи на процессе будут говорить и как все это будет доказано».

ИГНАТОВ С.И. (студент 4-го курса географического факультета МГУ, разрабатывается как участник контрреволюционной группы студентов). «Про РЫКОВА не поверю, что он шпион или изменник, не такой этот человек. СТАЛИН старается убрать всех крупных людей и поставить на их место всякую мелочь, которая преклоняется перед ним и не может составить ему конкуренцию в борьбе за власть».

РАЧКОВСКИЙ (студент МГУ, исключен из ВЛКСМ, разрабатывается как участник антисоветской группы). «Я уверен, что если бы сейчас был ЛЕНИН, то этих процессов не было бы. БУХАРИН и РЫКОВ очень умные люди, а их сняли с больших постов, лишили прежнего авторитета. Только после этого они выступили против руководства. Они не были предателями революции 1917 г., как об этом пишут газеты. Я уверен, что престиж Советского Союза за границей сильно пострадает в результате этого процесса, что на Западе не найдется ни одного человека, который поверил бы обвинительным материалам процесса».

ЛЕОНГАРДТ В.А. (дипломник ГИТИС). «РЫКОВ не мог быть убийцей. Если РЫКОВА — бывшего председателя Совнаркома — называют убийцей и проходимцем, то Советская власть состоит из проходимцев. Я не верю тому, что КУЙБЫШЕВ, МЕНЖИНСКИЙ и ГОРЬКИЙ были убиты врагами народа».

ЗАМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
КАРУЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 79. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 80—105. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 34

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ СОТРУДНИКОВ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ И ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

5 марта 1938 г.

№ 101568[I]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю сводку об откликах сотрудников иностранных посольств и иностранных подданных на процесс «право-троцкистского блока» [II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Союза ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

Совершенно секретно

Сводка

об откликах среди иностранных подданных на процесс «право-троцкистского блока»

ОКСЕНБЕРГ (американский подданный, проживающий в гостинице «Метрополь»). «Их всех надо расстрелять и это они заслужили, ведь они же выдавали государственные секреты. Очень дорого будет стоить Советскому Союзу все это изменить. Я не могу понять, почему они сознавались, они могли бы этого и не делать. Это будет не последний процесс. Троцкий еще жив и будет продолжать вести вражеские дела против Советского Союза, он хочет быть диктатором в России».

ГЕЛЛЕР (чехословак, американский подданный, проживающий в гостинице «Метрополь»). «Предателей нужно строго наказать, они очень много вреда и ущерба принесли Советской стране. Я слышал много о других процессах в Советском Союзе и был поражен тем, что обвиняемые натворили. Американцы в Москве мне рассказывали, что делают в Советской стране со шпионами и вредителями.

Доказано ли, что обвиняемые отравили ГОРЬКОГО и других, и имеются ли их показания? Не с немецкими ли фамилиями они были связаны?

Они хотели, вероятно, власти. Я не понимаю, как могли интеллигентные люди делать такие преступления, а потом во всем сознаваться. За границей очень редко бывает, чтобы обвиняемые сознавались».

БЕЙЛИ (английский подданный, проживающий в гостинице «Метрополь»). «Я не поражен, что это (троцкистско-бухаринская банда) есть в Советской стране. Это еще будет не только в СССР, но и в других странах, пока существуют Гитлер, Муссолини и японцы. Мерзавца Гитлера надо убрать, он везде лезет. Фашизм нам не нужен».

СКОТТ (помощник коммерческого атташе английского посольства). «...Что удивляться, у вас в каждом учреждении сидят двурушники».

АБДУЛ-ГУСЕЙ-АЗИС (афганский посол). Просил своих сотрудников детально переводить на английский язык весь процесс, как он напечатан в русских газетах. Посол высказал свое удивление тем, что БУХАРИН и другие были активными контрреволюционерами еще в 1918 г. и что «до сих пор за ними ничего не замечали, а в последнее время сразу вдруг всех раскрыли».

Далее посол заявил: «Число лиц, которые оказываются противниками Советского правительства, все увеличивается, и неизвестно, в какую сторону выльется эта внутрипартийная борьба».

По поводу сообщений о процессе немецких газет посол сказал: «Конечно, немецкие газеты многое прибавляют, но много правды в их статьях тоже есть. Будет не удивительно, если в ближайшем будущем вдруг объявят, что ЛЕНИН не сам умер, а его убили, и интересно знать, кого постараются обвинить в этом убийстве?»

Посол не верит в то, что ЛЕВИН, ПЛЕТНЕВ и КАЗАКОВ умертвили ГОРЬКОГО, МЕНЖИНСКОГО и КУЙБЫШЕВА. Он говорит, что это «нарочно сгущают краски, чтобы вооружить население против обвиняемых».

ЮНУС-ХАН (секретарь афганистанского посольства, афганский подданный). «Афганцев процесс мало интересует, так как он ничего нового в смысле изменения их мнения не дает».

Далее ЮНУС заявил: «Я в Москве уже давно, многое видел и слышал, и это не первый процесс. В нем так же, как и в предыдущих процессах[345], перед судом пройдут люди, доведенные до слабости, до изнеможения беско-

нечными допросами и, кто знает, может, и другими какими-либо методами, смотреть на эти тени вовсе неинтересно».

МИТЛЕР ЛОРА (сотрудница афганистанского посольства, австрийская подданная). МИТЛЕР ЛОРА по-прежнему стремится попасть на процесс. По этому вопросу МИТЛЕР говорила с послом и первым секретарем посольства, но последние отказали в посылке ее на процесс, заявив, что все это их мало интересует.

Возмущаясь этим, МИТЛЕР заявила: «Что они, боятся что ли, что их заденут на процессе? Так если захотят, все равно заденут, будут они присутствовать на процессе или нет.

Вот японское, польское, германское посольства затронули, и все-таки они посещают процесс, потому что хотят все видеть и знать, как выглядят обвиняемые, как они держатся, что говорят. В какой степени раскрыто участие Германии, Японии, Польши в этом заговоре? Они должны быть в курсе дела. А эти афганцы ничем и никем не интересуются».

Далее МИТЛЕР сказала, что ей больше всего хотелось бы видеть ЛЕВИНА и посмотреть, что с ним сделали, заявив тут же: «КРЕСТИНСКИЙ молодец, что не сознается».

ВЕБЕР И. (австрийский подданный, проживающий в гостинице «Советская»). «Я считаю, что подсудимые все же умные люди. К примеру, КРЕСТИНСКИЙ не дает себя путать. Прокурору ВЫШИНСКОМУ надо быть еще умнее, чтобы выявить подробности дела».

ПОМ. НАЧ. 2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПОДСОТСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 106. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 107—111. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 35
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ УССР НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

5 марта 1938 г.

№ 101572[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 1495 Народного Комиссара Внутренних Дел УССР товарища УСПЕНСКОГО об откликах на процесс «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1495

из КИЕВА 4 марта 1938 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
товарищу ЕЖОВУ

Вчера и сегодня в городах Киеве, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Сталино, Николаеве и других клубы и улицы была заполнены массами народа, сосредоточенно слушавшими передачу по радио обвинительного заключения по делу антисоветского «право-троцкистского блока». У газетных киосков образовались длинные очереди. Повышенный тираж газет не смог удовлетворить даже незначительной части спроса. Кошмарные злодеяния троцкистско-бухаринских шпионов вызывают взрыв негодования всего народа Украины. Народ собирается на улицах, у репродукторов, газетных киосков и высказывает слова гнева, ненависти и презрения к убийцам и шпионам РЫКОВУ, БУХАРИНУ, ЯГОДЕ, ГРИНЬКО и другим.

Рабочий завода № 73 в Донбассе ЖИЛА в беседе с группой своих товарищей заявил: «Я все силы кладу на укрепление страны, давшей мне счастливую жизнь, а какие-то гады — бухарины, рыковы — посягают на мой труд. Ничего другого, как расстрела, они не заслуживают».

Рабочий Винницкой швейной фабрики СИНЯВСКИЙ сказал: «Эти мерзавцы хотели пролить столько нашей крови! Теперь с бандитами мы расправимся так, как они хотели с нами расправиться».

Служащий базы Книгокультторга ВЛАСОВ, прослушав у репродуктора обвинительное заключение и обращаясь к своим соседям по улице, сказал: «Все это дело рук ТРОЦКОГО. Если бы его прихвостней выпустили на Крещатик (улица в Киеве), народ растерзал бы их, как собак».

Домашняя хозяйка НЕРАНОВИЧ Клавдия, слушая передачу, воскликнула: «Поймите, какой ужас! Теперь нечего удивляться проведенным арестам. Ясно, всех этих бандитов нужно расстрелять, и это будет им по заслугам».

Служащая ТАРНАВСКАЯ Агнесса в беседе около газетного киоска сказала: «Я поражена наглостью этих бандитов. Раскрывшего эту банду товарища ЕЖОВА оценит весь советской трудовой народ».

Народ потрясен злодейским умерщвлением товарищей КУЙБЫШЕВА, МЕНЖИНСКОГО и ГОРЬКОГО. Курсант учебного батальона 28 мехполка АГЕЕВ говорил: «Глаза наполняются слезами, когда узнаешь о зверских злодеяниях врагов народа. Они должны быть уничтожены все до одного».

Электромонтер завода «Большевик» КОТВИЦКИЙ, демобилизованный красноармеец, говорил: «Никакой пощады не может быть ни им, ни их помощникам. Они надеялись на народ, но народ их растерзает».

Мастер по цеху завода № 43 СТЕПАНОВ в разговоре с другими мастерами говорил: «99 % народа, безусловно, преданы советской власти. Есть какая-то кучка бандитов, мечтая о портфелях, хотя бы и в буржуазном государстве, продает интересы СССР. Им может быть только один приговор — расстрел».

Шофер совхоза в Волчанском районе КОРОБНИЧЕНКО говорил: «Хорошо, что товарищ СТАЛИН не болел, а то они сделали бы с ним то же, что с КУЙБЫШЕВЫМ».

Комендант средней школы № 97 ПАВЛЕНКО в беседе с товарищами сказал: «Нужно хорошенько подумать о безопасности наших вождей. Товарища СТАЛИНА надо всячески оберегать, чтобы они и ему чего-нибудь не подмешали, нужно хорошенько проверить всех врачей, особенно тех, которые лечат руководителей партии и правительства».

Состоявшиеся 2 и 3 марта митинги на заводах в Харькове, Днепропетровске, Киеве, Одессе, Донбассе — проходили многолюдно. В выступлениях принимали участие многие рабочие, никогда до того не выступавшие. Речи ораторов полны гнева, ненависти и негодования к пойманным врагам народа и содержат единодушное требование беспощадного истребления озверевших бандитов. Рабочий Рельсопрокатного цеха завода им. СТАЛИНА в Донбассе МИХАЙЛОВ в своей речи на митинге произнес: «За кровь наших лучших сынов родины, за измену рабочим, за торговлю нашей прекрасной страной уничтожить их, чтоб другим неповадно было поднимать руку на наших вождей, на рабочих и на нашу страну». Рабочий Харьковского завода № 183 ЗВЕРЕВ, выступавший на цеховом митинге, выдвинул следующее требование: «Я требую расстрела БУХАРИНА и всех его приспешников. Я призываю всех рабочих усилить большевистскую бдительность». Замыслы врагов народа продать Украину иностранным интервентам вызвали взрыв возмущения рабочих, колхозников и всей честной интеллигенции Украины. Служащий Тростянецкого мебельного комбината КАЕН говорил: «Одним Гринько дело не ограничивается. Ведется следствие еще по делу украинских врагов народа ЗАТОНСКОГО, ДЕМЧЕНКО и других. Им нужно отрубить руки и голову и не верить их раскаянию». Рабочий артели «Ленкоопремонт» ЛУКЬЯНЕНКО с возмущением говорил: «Троцкисты и бухаринцы хотели отдать нашу Украину немцам и полякам, чтобы самим захватить власть. Но мы этого им никогда не позволим». Бухгалтер Канатного завода ЕГОРОВА заявила: «Наше правительство должно уничтожить изменников, которые добивались расчленения Советского Союза».

Нужно отметить, что после опубликования обвинительного заключения даже антисоветский элемент вынужден был притихнуть, потеряв почву для вражеской агитации. Характерно высказывание украинского националиста ЛОПАТЫ, кобзаря-бандуриста, который заявил: «Все эти люди Украине добра не желали. Они могли ее только стричь, ею торговать и ею расплачиваться. В таком случае нам лучше быть с большевиками, чем служить разменной монетой для ТРОЦКОГО».

По всем фактам антисоветских проявлений развертываем энергичные оперативные мероприятия.

УСПЕНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 112. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 113—117. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 36

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

5 марта 1938 г.

№ 101573[1]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

[1] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.

Направляю сводку агентурных сообщений — отклики в среде научной интеллигенции на процесс «право-троцкистского блока»[1].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСН.
ЕЖОВ

Совершенно секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА

Об откликах в среде научной интеллигенции
на сообщение о процессе

ЛАЗАРЕВ П.П. (академик). В разговоре у себя на квартире с источником и своей знакомой, некой Ниной Петровной говорил:

«Это очередная авантюра советского правительства. Я Бухарина хорошо знал. Это исключительный по культуре человек. Такие люди не могут быть причастны к убийствам.

Как все это нелепо звучит. Покушение на ЛЕНИНА, СТАЛИНА в 1918 г., и с тех пор эти люди не ответили за это дело. Пора, давно пора кончить спекуляцию на смерти КИРОВА. Обвинение состряпано довольно слабо.

Сегодня даже не опубликовано обвинительное заключение.

Дмитрий Дмитриевич (ПЛЕТНЕВ — многолетний, близкий друг ЛАЗАРЕВА) не мог принимать участия в ускорении смерти КУЙБЫШЕВА, ГОРЬКОГО. У Дмитрия Дмитриевича могли быть неудачи, но в сознательные поступки — я никогда не поверю. Я знаю его много лет, встречался с ним за границей — это не те методы, которыми он стал бы бороться с советской властью.

Я думаю, что дело против Дмитрия Дмитриевича создано не потому, что его в чем-нибудь уличили, а только потому, что кому-то это очень и очень понадобилось.

Неужели и эти "преступники" будут так каяться? Не думаю, что на это были бы способны БУХАРИН, РЫКОВ, ПЛЕТНЕВ.

Отсутствие ВИНОГРАДОВА в процессе довольно странное. Умер, что ли? Во всяком случае, тот факт, что в списке нет ВИНОГРАДОВА, симптоматичен. Это козырь для иностранной печати, особенно для фашистской — что умер или замучен?

А все-таки нужно признаться, что не так легко довести людей до такого состояния, чтобы они потеряли совершенно волю и повторяли как попугаи то, что их заставляют говорить.

Ну, КАЗАКОВ, ЛЕВИН, это маленькие люди, а вот Дмитрий Дмитриевич, как он глупо попался. Отвратительнейшая история, неприятно было читать это сообщение».

ВАВИЛОВ Н.И. (академик). Уклонившись от комментариев сообщения по существу, бросил лишь реплику:

«Да, батька, дело! Вот только о ЧЕРНОВЕ как-то не верится, он был такой пьяница. Дела, дела. А ведь это, наверное, только начало».

ВОЛГИН В.П. (академик). В присутствии академика СТРУВЕ В.В. и источника заявил: «Ну, можно как-то объяснить политической враждой убийство кого-нибудь из вождей, но уничтожить гордость мировой литературы — ГОРЬКОГО, это необъяснимо.

Как у них рука поднялась?»

---

[1] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

На замечание академика СТРУВЕ В.В.: «Как теперь верить врачам вообще? Вот у меня больное сердце, пойдешь к врачу, а тебе чего-нибудь подсыпят». Академик ВОЛГИН ответил: «Ну, академикам так сразу не подсыпят, не всем же подряд».

КОЛЬЦОВ Н.К. (член профессор Сельскохозяйственной академии наук). «Потрясающее сообщение. Ну, те политики, там борьба, их еще можно понять! Но врачи! Все это напоминает мне о "Бесах" Достоевского. Тогда читал и не верил, а вот сейчас оказывается, что это возможно.

КАЗАКОВ просто шарлатан, от него можно ожидать всего. ПЛЕТНЕВ много ездил за границу, и кто его знает, что он там делал. Но ЛЕВИН ходил такой важной персоной.

Такие дела характерны для периодов, когда сменяются общественные уклады и становятся разными понятия о добре и зле. То, что для одних считается злом, для других это добро. То, что с общечеловеческой точки зрения есть зло, для некоторых кажется добром.

Это длится, пока не установится новый строй, длительный, тогда вырабатывается новое, общепризнанное понятие о добре и зле.»

КОСТОВ ДОНЧО (известный болгарский генетик, работающий в Академии наук, доктор биологических наук). «Ужасная вещь. Бухарин и другие — те политики, это можно понять, но врачи! Есть же врачебная этика. Как можно дойти до этого? Адский план — расчленить СССР, оторвать важные республики».

ШАЛЬНИКОВ (доктор физических наук, сотрудник профессора КАПИЦЫ). «Как это ЯГОДА оказался в группе политических преступников и его дело вынесено на открытый процесс, если при его аресте газеты печатали, что он арестован за уголовные и административные преступления[346].

Если он действительно политический преступник, то как же партия ему доверила разведку? Разве не проверяются люди, которым поручается ответственнейшее в стране дело?

Почему сознаются преступники? Этого никто не понимает, а пресса почему-то не разъясняет. Вообще отчеты о политических процесса печатаются у нас, по сравнению с заграницей, неудовлетворительно.

Для кого, по существу, ведется процесс? Нас — граждан Союза убеждают, что для нас — для граждан СССР. А если этим гражданам непонятно ничего, кроме конечного результата цепи преступлений, то и все отчеты неясны, суть процесса непонятна массам.

Ведь никто не понимает двух моментов:

1. Чего хотели эти люди, имевшие все? Почему ясно не объяснить их цель. Говорится — реставрация капитализма, а что большего она дала бы им?

2. Почему они признаются? Чем и кто заставляет их делать это? Ведь ясно — это просто психологический закон, что преступник запирается пока может и даже после этого. Ведь много вещей есть недоказуемых, как было по процессу ПЯТАКОВА[347], при которых не присутствовал никто третий или присутствовало лицо от иностранной державы, а это могила.

Зачем же сознаваться и в этом? Почему не печатают, как держатся подсудимые, подробные их ответа на вопросы, а не только места, где они признаются.

Вы говорите, что на процессе много гостей, граждан СССР. Я что-то не встречал их — свидетелей процессов, да и от других не слышал, чтобы они встречались с такими.

Очень много объясняет и, с моей точки зрения, правильно, о ведении процесса книга Фейхтвангера[348]. Но почему объяснение недоуменных вопросов должно исходить от иностранного писателя?»

КАРП М.Л. (старший научный сотрудник института генетики Академии наук). «Вот что наделала идеология о невозможности построения социализ-

ма в одной стране. Раз нельзя, значит, нужно свалить поскорее и всякими путями. Потому и скатились к потрясающим преступлениям. МЕНЖИНСКОГО, наверное, свалил ЯГОДА, рассчитывая занять его место. Врачи просто изверги».

ГУБЕР Л. (профессор, востоковед, МГУ). «Как же научиться распознавать врага? Как научиться видеть через ту ширму, которая отгораживает их? Я читал в газетах статьи Заковского[349] и прочих и все-таки практически я беспомощен».

ЖУРАВЛЕВ Н.Н. (работник Госиздата, близок к Демьяну Бедному — женаты на родных сестрах). «У меня волосы встали дыбом. А я грешным делом считал, что ЯГОДУ уже прихлопнули. Совершенно непонятно, как мог человек, у которого белые сдирали кожу с рук, который имел все, в дальнейшем продаться фашистам?

Вы знаете, что ЯГОДУ успели задержать в последний момент, он уже был на аэродроме с массой золота и драгоценностей, чтобы улететь за границу, десять минут позже и он бы уже спасся.

И так долго не могли разоблачить РАКОВСКОГО, который столько раз каялся и его прощали. КАЗАКОВ всегда был шарлатаном, карьеру он себе сделал на удачном и быстром омоложении нескольких руководящих работников ЦК. Ему дали особняк, создали целый институт, чего ему еще надо было?

А очевидно за границей были известны не только наши военные силы и планы, но и все хозяйственные и финансовые вопросы через РОЗЕНГОЛЬЦА и ГРИНЬКО.

Знаете, Демьян Бедный был раньше близок с Бухариным. Но когда на съезде писателей Бухарин разругал Бедного, отступив в своем докладе от утвержденных ЦК тезисов, они крепко переругались, Бедный этого не мог простить и они порвали отношения.

Удивляюсь, почему в списке нет КАМИНСКОГО. Очевидно, будут еще два процесса: Егорова и Межлаука[350]».

п/п ЗАМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
КАРУЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 118. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 119—123. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 37
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г. ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

5 марта 1938 г.

№ 101601[1]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

[1] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.

Направляю копию телеграммы № 115320 Начальника УНКВД по Ленинградской области товарища ЛИТВИНА — об откликах на процесс «право-троцкистского блока»[1].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1173

из ЛЕНИНГРАДА 4 марта 1938 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
товарищу ЕЖОВУ

Трудящиеся города Ленинграда продолжают широко обсуждать сообщение Прокуратуры СССР по делу «право-троцкистского блока», требуя беспощадной расправы с предателями родины.

Рабочий прокатного цеха Кировского завода АНУШЕНКОВ заявил: «...Вот что делали, хороших людей умерщвляли. Хотели вывести из строя наших руководителей правительства, но им это не удалось, теперь они поплатятся своей головой».

Академик В.В. СТРУВЕ заявил: «...Факты раскрывают перед нами чудовищную картину. Однако эта картина не удивит историка. Борьба за власть всегда была жестока и не останавливалась ни перед какими средствами. Как ни интересны сами по себе факты о прошлой деятельности тех или других лиц, игравших в советской стране довольно крупную политическую роль, гораздо важнее сейчас другое — все факты ряда последних процессов[351] говорят о приближающейся схватке между социализмом и капитализмом. Готовясь к этой борьбе, капитализм и дальше будет прибегать к тем же методам и вербовать сторонников в среде советских деятелей, используя мельчайшие разногласия между лицами, возглавляющими советскую страну. Это очень опасный и страшный метод. Я рассматриваю настоящий процесс как один из первых этапов разрешения вопроса "кто кого" в международном масштабе».

Участник Всесоюзного Физиологического совещания СЕВЕРИН среди участников совещания говорил: «...Враги нашего строя в борьбе за власть столкнулись с новым в истории фактом — власть принадлежит миллионам, вырвать ее из рук миллионов не так уж легко. Эта трудная задача родила новые методы борьбы со стороны наших врагов и в том числе медицинский террор. Нужно ждать, что он будет не только индивидуальным, но может быть и массовым».

Старший научный сотрудник Академии Наук С.Л. БЫХОВСКАЯ заявила: «...Я бы всех до одного уничтожила. Это какая-то сволочь, а не политические деятели, впрочем, фашисты вообще не стесняются в действиях. Сколько я не видала троцкистов, все они были мерзавцы».

В беседе с делегатами 3-го Всесоюзного совещания физиологов профессор К.М. БЫКОВ, выражая свое возмущение, заявил: «...Не могу понять — как врач может решиться на такое ужасное преступление. С нетерпением жду газетных сообщений о процессе и хочу прочесть заявления подсудимых».

Доцент ХАРИТОНОВ (Москва) заявил: «...В Москве давно считали доктора КАЗАКОВА и профессора ПЛЕТНЕВА авантюристами. Профессор

[1] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

ПЛЕТНЕВ и нравственно был нечистоплотный человек. Я рад, что ряды врачей очистятся от подобных элементов, рано или поздно так и должно было бы кончиться. Я удивлен, почему они не попали под суд еще раньше».

Заслуженный артист Республики ЧЕРКАСОВ заявил: «Таких гнусностей, какие наделали БУХАРИН, РЫКОВ и другие, даже предполагать невозможно было. Больше всего меня поражают врачи. Ведь врач во всех абсолютно случаях и врагов должен только лечить. Нужно всех расстрелять».

Заслуженный артист Республики Б.Э. ЭДКР заявил: «...Возмущен чудовищным преступлением этих людей. Такие преступления могут делать только погибшие, разложившиеся люди. Эти поступки не вяжутся с представлением о человеке, о личности».

Заслуженный артист Республики А.А. ОРЛОВ заявил: «...Возмущен этими преступлениями. Для таких людей в Советском Союзе нет достаточных наказаний. Преступления гнусны и чудовищны».

Студент технологического института СОЛОВЕЙЧИК заявил: «...Я их всех собственноручно уничтожил бы».

Ряд участников Всесоюзного совещания физиологов утверждают, что в смерти академика ПАВЛОВА виновен ПЛЕТНЕВ. Так, профессор БАБСКИЙ заявил: «...Мне, со слов учеников ПАВЛОВА, известно, что момент смерти ПАВЛОВА тоже связан с ПЛЕТНЕВЫМ. ПАВЛОВУ было худо, ПЛЕТНЕВ что-то ему ввел — наступило заметное улучшение. ПЛЕТНЕВ тотчас же написал телеграмму СТАЛИНУ и МОЛОТОВУ: "Медицина показала свое всемогущество — ПАВЛОВУ лучше" и просил ее немедленно отправить. Но не прошло и несколько минут, как наступило резкое ухудшение. ПЛЕТНЕВ потребовал вернуть телеграмму, вычеркнул слово "всемогущество" и написал "бессилие", вычеркнув слово "лучше", написал "хуже"».

Вдова академика Ю.Н. МАРР заявила: «...Я не удивлена фактами умерщвления. Доктор КАЗАКОВ лечил Ю.Н. МАРРА и несколько раз вспрыскивал ему какие-то таинственные составы, вызывающие нервный шок. Когда Ю.Н. МАРР умирал, то он перед смертью сказал мне: "Я сейчас чувствую себя так, как после вспрыскивания КАЗАКОВА". Когда я спрашивала КАЗАКОВА, зачем он прибегает к таким резким методам лечения, КАЗАКОВ мне ответил: "Это опыты, которые мне нужны для других целей"».

Антисоветские элементы продолжают распространять контрреволюционную клевету и антисоветскую агитацию в защиту врагов народа.

Член-корреспондент Академии Наук — профессор физики ФРЕНКЕЛЬ Я.И., разрабатываемый нами как участник фашистской организации, на митинге научных работников Физико-Технического института внес добавление к резолюции, требующей расстрела врагов народа: «...До полного ознакомления с материалами судебного разбирательства воздержаться от требования расстрела БУХАРИНА, РЫКОВА и других», но которое никем поддержано не было.

Член коллегии защитников, бывший владелец завода КОГАН И.С. заявил: «...Процесс — очередная жертва, приносимая этими негодяями с целью укрепления своего положения. Несчастные, ни в чем неповинные люди, вроде профессора ПЛЕТНЕВА и других, будут безжалостно расстреляны. Но я уверен, что как нашлись истинные храбрецы, казнившие Александра II, так и найдутся такие и сейчас. Это так будет, попомните мои слова». КОГАН арестовывается.

Писатель КАЗАКОВ в беседе с литературными работниками выразил сомнение относительно того, что «все ли, что фигурирует в деле, имело место в действительности».

БУЛГАКОВА Л.В. (научный сотрудник Музея истории религии) в частном разговоре сказала: «У нас, по какому-то совпадению, в начале каждого

года организуется громкий политический процесс. Выходит так, что наше правительство создает процессы, преследуя какую-то определенную цель».

Писатель СОРОКИН Григорий среди литературных работников говорил: «...О процессе я знал заранее. Мне рассказал мой приятель из Прокуратуры СССР, который приезжал из Москвы. Неожиданно для меня участие в заговоре врачей. Отношусь к этому скептически. Так называемые жертвы — люди преклонного возраста и их смерть естественна. ПЛЕТНЕВА давно хотели изъять, потому предварительно скомпрометировали в процессе, а теперь приобщили к этому делу».

Доктор ВЕЙС заявила: «...это же неслыханное дело, кому они хотят втереть очки. Ведь кому, кому, а нам, врачам, ясно, что версия об умерщвлении МЕНЖИНСКОГО, КУЙБЫШЕВА и ГОРЬКОГО — это чистейшая ложь. Ведь после смерти вскрытие производит не лечащий врач, а патологанатом, и он-то, во всяком случае, заметил бы отравление. Вообще творится что-то невообразимое, неслыханное. На днях мне начальник Райздрава сообщил, что арестован ЕГОРОВ — маршал Союза. Я не понимаю, что это происходит. Скоро они перестреляют всю верхушку. Я думаю, что они должны были бы посчитаться с наличием в стране большой интеллигентской прослойки и объяснить бы по-настоящему все, что у них происходит».

Отмечаются факты усиления контрреволюционной агитации со стороны духовенства.

Протоиерей ГЕОРГИЕВСКИЙ заявил: «...Идет борьба за власть. Нашему брату духовенству совсем житья не стало. Арестовывают всех подчистую. Вот тебе и свобода. Видно, есть что-то в верхах, если сажают...»

ЛИТВИН

№ 115320

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 124. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 125—130. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 38

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

7 марта 1938 г.

№ 11650[I]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю агентурные сообщения о настроениях в семье ПЕШКОВЫХ, в связи с процессом «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией Н.И. Ежовым (красный карандаш).

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник «Тихий» Принял: ВЕПРИНЦЕВ

Источник был в доме ГОРЬКОГО за последнее время два раза — 1 и 4 марта.

1 марта в доме царило уныние. Екатерина Павловна ПЕШКОВА и Надежда Алексеевна ПЕШКОВА находились в чрезвычайно удрученном состоянии и беспрерывно плакали. Екатерина Павловна переселилась на эти дни в дом ГОРЬКОГО.

Н.А. ПЕШКОВА находилась в тяжелой депрессии и производила впечатление человека с пошатнувшейся психикой. Сквозь слезы она постоянно восклицала: «Не уберегла, не досмотрела, оказалась дурой и игрушкой в руках преступников». ЯГОДА и КРЮЧКОВ награждались Н.А. ПЕШКОВОЙ эпитетами негодяев, мерзавцев и т.п. Н.А. ПЕШКОВА сказала источнику: «Я не сплю все ночи, перебираю мысленно всех своих знакомых, никому не верю. Я совершенно разочаровалась в жизни и людях. Я всего боюсь».

Когда она узнала, что на процессе будет говориться о смерти Максима ПЕШКОВА, она сказала: «Я боюсь, что мое имя будет фигурировать рядом с грязными именами ЯГОДЫ и КРЮЧКОВА. Боюсь, что мое имя будет опозорено всюду».

У Екатерины Павловны ПЕШКОВОЙ настроение было более агрессивное, она была очень раздражительна. Часто вслух обвиняла Н.А. ПЕШКОВУ о всех домашних, говоря: «Сына не уберегли, Макса оставили одного. Если бы я была в доме — этого бы не случилось. А то все были заняты своими личными делами».

В этот вечер было много разговоров о разных подробностях и деталях, касавшихся болезни и самой смерти Алексея Максимовича. Старались вспомнить все детали, чтобы для самих себя объяснить, как происходило дело.

ЧЕРТКОВА вспомнила, что когда Алексей Максимович в последний раз должен был выехать из Крыма в Москву, было получено известие о болезни его внучат. Поэтому ЧЕРТКОВА настаивала, чтобы отъезд Алексея Максимовича был отложен. Однако, по ее словам, КРЮЧКОВ решительно этому воспротивился, говоря: «Вагон уже заказан. Алексей Максимович сам хочет ехать». И действительно, сказала ЧЕРТКОВА, на второй день по приезде в Москву Алексей Максимович заболел гриппом, а затем воспалением легких. ЧЕРТКОВА выставила предположение, что КРЮЧКОВ намеренно действовал таким образом и вез ГОРЬКОГО в дом, где была инфекция.

ЧЕРТКОВА вспомнила также, что во время последней болезни ГОРЬКОГО врачи прописали ему дигален. От этого средства Алексею Максимовичу стало хуже, и ЧЕРТКОВА заявила об этом докторам, но все врачи ей сказали: «Это случайное и временное явление. Средство это проверенное и действие его бесспорно».

Очень много было разговоров по поводу М.И. БУДБЕРГ.

ЧЕРТКОВА и РАКИТСКИЙ с горячностью говорили, что БУДБЕРГ подлая женщина, она была в связи с КРЮЧКОВЫМ еще в Сорренто. В последние годы между ГОРЬКИМ и БУДБЕРГ наступило охлаждение, хотя БУДБЕРГ всячески старалась восстановить к себе расположение ГОРЬКОГО. Она очень хотела поехать к ГОРЬКОМУ в Крым в 1936 г., но Горький, узнав об этом, сказал: «Зачем ей ехать, скажите, чтобы не ехала».

По возвращении Алексея Максимовича в Москву, БУДБЕРГ добилась свидания с ним наедине и, по словам, Н.А. ПЕШКОВОЙ между БУДБЕРГ и ГОРЬКИМ произошел решительный разговор, после чего БУДБЕРГ приходила к Н.А. ПЕШКОВОЙ, плакала и говорила: «Они его у меня отняли».

Смысл этой фразы не был ею расшифрован. Тем не менее, БУДБЕРГ продолжала оставаться в доме ГОРЬКОГО в период всей его последней болезни, стремилась остаться дежурить у постели ГОРЬКОГО наедине, но ГОРЬКИЙ упорно этого не хотел и всегда задерживал при себе ЧЕРТКОВУ. Однажды, когда БУДБЕРГ особенно усиленно настаивала, чтобы ЧЕРТКОВА шла спать, ГОРЬКИЙ настойчиво сказал «не уходи».

«БУДБЕРГ так рассердилась, — сказала ЧЕРТКОВА, — что в возбуждении всю меня исщипала, так что я ходила с синяками».

Все в доме уверены, что БУДБЕРГ шпионка и что она действовала вместе с КРЮЧКОВЫМ.

4 марта настроение в доме значительно изменилось.

Воспрянула духом Надежда Алексеевна, после того, как ее дочь Марфа была приглашена на дачу ее подругой Светланой СТАЛИНОЙ. Надежда Алексеевна поняла это приглашение как знак особого внимания, как желание выразить сочувствие и доверие.

Источник узнал, что Надежда Алексеевна и Екатерина Павловна направили 4 марта письмо товарищу СТАЛИНУ с выражением признательности. В этот же вечер они занимались сочинением второго письма товарищу СТАЛИНУ, которое, насколько мог понять по отдельным словам источник, касалось вопроса о завещании ГОРЬКОГО. Говорилось, что завещание ГОРЬКОГО под его диктовку писала БУДБЕРГ, что в этом завещании упоминалось имя КРЮЧКОВА и что теперь, в связи с изменившейся ситуацией, как-то надо об этом вопросе подумать.

Другой факт, поднявший в этот день настроение у ПЕШКОВЫХ, был факт присылки билета на процесс. Это тоже было истолковано как знак внимания и доверия.

В этот вечер ПЕШКОВЫХ навести ЛУППОЛ. В течение всего вечера кроме источника у ПЕШКОВЫХ были Михаил Константинович НИКОЛАЕВ и БАБЕЛЬ, только что возвратившийся из Киева.

Екатерина Павловна оживленно рассказывала свои впечатления о процессе. Говорила, что весь зал напряженно и внимательно слушал показания обвиняемых. Сидевший рядом с Екатериной Павловной какой-то сотрудник НКВД, увидевший, что ЯГОДА осматривает публику, присутствовавшую в зале, сказал вслух: «Высматривает, кто остался в живых».

По поводу того, что в показаниях были названы имена ЮРЕНЕВА и еще какого-то советского полпреда, Екатерина Павловна сказала: «Что же это — все полпреды предатели?»

С недоумением Екатерина Павловна говорила о неточности в обвинительном заключении: в обвинительном заключении указано, что ПЛЕТНЕВ был приглашен лечить Максима ЛЕВИНЫМ или КРЮЧКОВЫМ.

«На самом деле, — говорила Екатерина Павловна, — ПЛЕТНЕВА пригласила я без всякого воздействия с чьей-либо стороны».

БАБЕЛЬ, во время общего разговора, рассказал слышанную им где-то историю, как прибыл в Грецию советский корабль, и командой парохода было послано приглашение полпреду посетить это судно. Полпред, якобы, испугавшись задержания, не поехал на советское судно, а сейчас же выехал из Греции в Париж и отдал себя в руки Лиги по защите прав человека. По поводу процесса БАБЕЛЬ говорил:

«У меня готова лопнуть черепная коробка. Я нахожусь в состоянии ужаса, ничего не в состоянии осмыслить. Я где-то читал, что во времена Наполеона был раскрыт заговор, участниками которого оказались доверенные маршалы Наполеона МАССЕНА и БЕРНАДОТ. ФУШЕ и особый прокурор, узнавшие об этом, велели казнить доносчика и ничего не сказали Наполео-

ну. Надо отдать справедливость руководству НКВД. Оно идет до конца, не боится раскрыть всей правды, как бы она ни была страшна.

Мне рассказывали, как БЕЛОВ, участвовавший в разборе дела ТУХАЧЕВСКОГО и других[352], говорил: "Ничего более страшного я никогда не переживал в жизни"».

Е.П. ПЕШКОВА: «Самое страшное, что у людей утеряно чувство чести и разрушена мораль».

Н.А. ПЕШКОВА: «17 лет говорили, что нет отечества, что не нужна старая мораль — и вот результаты».

БАБЕЛЬ: «Мне кажется, что многие люди стали мнить себя сверхчеловеками, будучи опьянены властью. Я встречал многих таких людей, которые мнили, что им все дозволено. Люди, стоявшие на ответственных постах, восприняли чувство безответственности — на этой почве и был упадок морали. Этим можно объяснить, что люди могли дойти до таких преступлений».

НАЧ. 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЖУРБЕНКО

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Агент «Знакомый» Приняли: РАЙХМАН, КРЕЙНИН

Екатерина Павловна ПЕШКОВА в связи с заседанием суда 5 марта говорила: «Речь РАКОВСКОГО очень поучительна, в особенности ее последняя часть» (то место в показаниях РАКОВСКОГО, когда он объяснял, почему после 8 месяцев отпирательства он стал давать показания на предварительном следствии).

На слова о том, что РАКОВСКИЙ не был политически невиновным человеком и до прочтения пачки газет, Е.П. ПЕШКОВА сказала: «Нет, почему же, если он (Раковский) был отрезан от всего на протяжении нескольких месяцев, а потом узнал сразу о событиях в Китае и Испании, то это могло на него так повлиять. Я считаю, что речь его была неискренней».

«Мне не нравится, — говорила Е.П. ПЕШКОВА, — как иногда держит себя ВЫШИНСКИЙ. Вообще он ведет допрос хорошо, но иногда пытается острить и допускает какие-то приемы, которые рассчитаны для публики и подобают желтой прессе, а вовсе не подходят для советской. Например, этот его вопрос насчет "тети Сони", и Бухарин в этом месте его обрезал»[353].

Е.П. Пешкова говорила, что она с трудом высиживает заседания, так как все это очень мучительно, но уходить из зала во время заседания считает неудобным, так как подсудимые могут заметить ее. «По-моему, — сказала Е.П., — КРЮЧКОВ видел меня и быстро отвернулся».

С волнением и нетерпением ждет она, когда будут допрашивать в связи с убийством Алексея Максимовича и Макса.

Вечером 5 марта на Малой Никитской были: Надежда Алексеевна, И.П. РАКИЦКИЙ[1], Екатерина Павловна, ее муж М.К. НИКОЛАЕВ и один из братьев Надежды Алексеевны.

Н.А. Пешкова как будто немного успокоилась, хотя тоже с напряжением ждет допроса по поводу Алексея Максимовича и Макса. Внимательно читает газеты, но говорит: «У меня сейчас голова такая, что я читаю и иногда ловлю себя на том, что не понимаю».

«Интересно было бы как-то подсказать, — сказала Н.А. Пешкова, — чтобы допросили или проверили насчет "Титки" (Мария Игнатьевна БУДБЕРГ).

[1] Так в тексте. Правильно: «И.Н Ракицкий».

Наверное, она тоже была шпионкой. Я теперь думаю, — говорила Надежда Алексеевна уже однажды вскользь сказанное, — что и завещание Алексея Максимовича, где он назначал КРЮЧКОВА распорядителем архива, подложное. Оно было написано рукой Марии Игнатьевны и только подписано Алексеем Максимовичем, когда ему уже было плохо. Может быть, Мария Игнатьевна сама его сначала написала, а потом, не говоря о содержании, убедила Алексея Максимовича подписать или просто подделала подпись.

КРЮЧКОВ был с ней заодно, и говорили даже, будто она жила с КРЮЧКОВЫМ».

Екатерина Павловна вечером в связи с допросом БЕССОНОВА говорила: «Какой это эсер? Никогда о таком эсере не слышала. Это может быть уже из эсеров новой формации, а в наше время о БЕССОНОВЕ никто ничего не знал». И еще:

«Слушайте, какой же С. МАСЛОВ эсер? Они никогда не был эсером, это даже не энэс, не трудовик, это была такая группа АРГУНОВА, МАСЛОВ примыкал к АРГУНОВУ». В этих словах Е.П. ПЕШКОВОЙ был такой подтекст: эсеры ее времени были другие, не изменники, а в БЕССОНОВЕ и С. МАСЛОВЕ она эсеров не видит, эсеры, мол, не способны на измену и шпионаж.

Екатерина Павловна ПЕШКОВА волновалась, что она все время ловит на себе любопытствующие взгляды, и что это неприятно, так как она становится каким-то объектом зрелища.

«В особенности, — говорила Е.П., — меня раздражает писатель НИКУЛИН, который вертится около меня, лезет со своим сочувствием и просто надоедает».

Надежда Алексеевна отдельно сказала, что Екатерина Павловна о письме Надежды Алексеевны к товарищу СТАЛИНУ ни слова не говорит, и она, Надежда Алексеевна, не знает, отправила ли или не отправила Е.П. это письмо[354].

n/n ПОМ. НАЧ. 1 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ РАЙХМАН

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Агент «Знакомый» Приняли: РАЙХМАН, КРЕЙНИН

Поздно вечером 5 марта в Доме ученых Мария Федоровна АНДРЕЕВА много расспрашивала о процессе. Сама говорила очень мало, была весьма сосредоточена, расспрашивала о внешнем виде ЯГОДЫ, КРЮЧКОВА и БУХАРИНА, но реплик никаких не давала.

Когда зашел разговор о том, в какое доверие втерся КРЮЧКОВ к Алексею Максимовичу, Мария Федоровна АНДРЕЕВА усиленно подчеркивала, что он — КРЮЧКОВ — был общим любимцем в доме: «А как его любил Макс, — театрально восклицала М.Ф. АНДРЕЕВА, — ведь слова нельзя было сказать Максу против КРЮЧКОВА. Макс всегда горой защищал КРЮЧКОВА. Разве, может быть, еще одна Надя (Надежда Алексеевна Пешкова) относилась к нему немножко отрицательно».

«Почему же убрали Макса, — говорила М.Ф. АНДРЕЕВА, — не знаю, может быть, он когда-нибудь что-либо подслушал, может быть, у него было какое-нибудь подозрение, а так не знаю — КРЮЧКОВ с ним очень дружил, и Макс любил КРЮЧКОВА».

«Это теперь Екатерина Павловна все выдумывает, эта старая дура, ей ни слова верить нельзя, и к тому же эсеровская дура» — говорила Мария Федоровна АНДРЕЕВА.

Разговор происходил в присутствии В.И. ВЕГЕРА, какой-то сотрудницы Дома ученых и частично ОРЛОВА — бывшего секретаря Комиссии содействия ученым.

У М.Ф. АНДРЕЕВОЙ определенный, хотя и скрываемый интерес к КРЮЧКОВУ, как он держится на суде, как выглядит, и явно открытая ненависть к Е.П. ПЕШКОВОЙ.

п.п. ПОМ. НАЧ. 1 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РАЙХМАН

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: «Алтай» Принял: ЖУРБЕНКО

ТИХОНОВ об Н. ПЕШКОВОЙ («Тимоша»).

Страшная атмосфера у нее в доме. Подумать только, что ей пришлось рассказать детям, что их отец и дед убиты, а то бы они узнали в школе. Она женщина, привыкшая жить спокойно, без бурь, а вместе с тем нервная и впечатлительная, и вдруг оказалась в таком ужасном переплете. Когда люди умирают от болезни, то это воспринимаешь как стихийное явление, но когда узнаешь, что они убиты, то и боль вспыхивает вновь. Я очень боюсь за нее: она себе внушает, что она ответственна за происшедшее, что она была дурой, игрушкой в руках преступников, погубивших ГОРЬКОГО. У нее появилось болезненное отношение к людям — никому нельзя верить, боится людей. А у нее плохая психическая наследственность, две сестры сумасшедшие. Боюсь за ее рассудок. К сожалению, Е.П. ПЕШКОВА действует в обратном направлении. Это женщина трагических переживаний и создавшая целый культ погибшему сыну — частые поездки на кладбище, воспоминания и т.п. Теперь она видно очень бурно все переживает и еще более растравляет раны той.

НАЧ. 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЖУРБЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 131. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 132—143. Заверенные и незаверенные копии. Машинописный текст.

№ 39
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПРОФЕССОРА Г.Н. СПЕРАНСКОГО В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

7 марта 1938 г.

№ 11651[1]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю агентурное донесение о настроениях в семье заслуженного деятеля науки профессора СПЕРАНСКОГО в связи с процессом «право-троцкистского блока».[II]

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

[1] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией Н.И. Ежовым (красный карандаш).

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник «ВАНО» Принял: БЕЛОСТОЦКИЙ

СПЕРАНСКАЯ Елизавета Петровна — жена профессора, заслуженного деятеля Г.Н. СПЕРАНСКОГО, сегодня 3 марта в течение свыше $2^1/_2$ часов почти без перерыва передавала свои впечатления и мысли по поводу процесса РЫКОВА, БУХАРИНА и других.

По словам СПЕРАНСКОЙ, этот процесс имеет для супругов СПЕРАНСКИХ исключительное, «почти трагическое значение», так как они «очень хорошо знают» некоторых участников процесса. Так, например, ПЛЕТНЕВ — их давнишний знакомый, отвратительный человек по своим внутренним качествам, но блестящий врач, ЛЕВИН — тоже давнишний знакомый и милейший человек, КАЗАКОВ — «мелкая душонка, проходимец, шарлатан», КРЮЧКОВ — жулик, негодяй, пьяница, но всемогущий делец, который мог все сделать, «благодаря связям с ЯГОДОЙ и Лубянкой» и вследствие близости к ГОРЬКОМУ. «Все они для нас живые люди, с которыми много раз приходилось сталкиваться при самых различных условиях».

Наибольшее внимание, конечно, привлекает ЯГОДА, с которым не только много раз приходилось СПЕРАНСКИМ иметь дело, но который и сам немало сделал для СПЕРАНСКИХ и, в частности, «спас» им дачу во Влахорнской от разрушения во время работ по проведению канала Волга—Москва.

ЯГОДА вообще относился к СПЕРАНСКИМ любезно, предупредительно и внимательно. По-видимому, благодаря именно такому отношению, СПЕРАНСКИЕ считали и считают ЯГОДУ «умным человеком, стоящим головой выше многих и многих вождей». Одно время вслед за арестом ЯГОДЫ СПЕРАНСКИЕ опасались, как бы прежнее расположение ЯГОДЫ не отразилось на дальнейшей судьбе СПЕРАНСКИХ, но затем они успокоились. Теперь в связи с процессом, по словам СПЕРАНСКОЙ, ее муж — «Г.Н. стал хуже спать и обычно между 2 и 4 часами ночи нервничает». У самой СПЕРАНСКОЙ «тоже внутри что-то посасывает». «Ведь вы знаете, в какое время мы живем. Одно знакомство может быть поставлено в вину» — оправдывается СПЕРАНСКАЯ.

Первое время разговор вращается вокруг роли докторов. Видимо, эта тема особенно больно задела СПЕРАНСКИХ и потому СПЕРАНСКАЯ много и долго говорит по этому поводу.

«Очевидным вдохновителем здесь является ЯГОДА» — говорит СПЕРАНСКАЯ. «ПЛЕТНЕВА он, наверно, запугал, так как он отлично знал, что ПЛЕТНЕВ был антисоветский человек, который, однако, крепко цеплялся за жизненные блага». По словам СПЕРАНСКОЙ, «ПЛЕТНЕВ был врачом, обслуживающим наши полпредства. Поэтому он каждые 3 месяца ездил за границу. Ему все было доступно. Именно по этой линии его и шантажировал ЯГОДА, забрал в руки и заставил делать, что хотел». «ЛЕВИН был очень обаятельный, чрезвычайно любезный, низкопоклонный со старшими, еврейчик, который за "бьюик", за поездку в Киссинген или в Карлсбад отца родного продал бы. ЛЕВИН очень любил втираться к "власть имеющим", втерся к ГОРЬКОМУ и был свой человек у ЯГОДЫ. Неудивительно, что последний, когда "нажал" и пригрозил, то тоже быстро добился. ЛЕВИН по существу "дрянцо"». «Зато настоящая дрянь, негодяй, жулик, самозванец — КАЗАКОВ.

Этот проходимец не имел даже медицинского образования, но ему посчастливилось попасть на метод лечения лизатами, и он за него ухватился. Человек совершенно необразованный, невежественный, с азартом принялся за врачевание и, ничего не понимая, стал лечить направо и налево. Весь

медицинский мир ополчился на него, т.е. его невежественность била в глаза. Но КАЗАКОВ сумел представить дело так, как будто его затирают "жрецы", ему завидуют и не дают хода. Сотни случаев неудачных лечений затушевывались единичными удачами. У него были покровители среди видных большевиков, которым он помогал молодиться всеми доступными, разрешенными и неразрешенными средствами. Ведь огромное большинство наших вождей пьяницы, совсем невежественные люди, стремящиеся захватить от жизни все.

КАЗАКОВ отлично понял их и шантажировал, используя лизаты, возбуждающие средства, массажи и прочее. Облагодетельствованные им люди отблагодарили его и защищали от нападений истинно ученого мира. Даже такие случаи, как смерть в результате казаковской прививки известного артиста Степана КУЗНЕЦОВА, не открыла глаза, и КАЗАКОВУ была предоставлена целая больница и миллион денег. Скажите, кто же виноват в насаждении этого невежества как не те, кто сейчас посадил КАЗАКОВА на скамью подсудимых. ЯГОДА отлично учел личные качества этого низкого человека и сумел использовать и его».

СПЕРАНСКАЯ долго и подробно рассказывает историю, как КАЗАКОВ, через СЕМАШКО, пытался отнять у Г.Н. СПЕРАНСКОГО его клинику, и как Г.Н. СПЕРАНСКИЙ вынужден был лично обратиться к МОЛОТОВУ с просьбой о вмешательстве. «Представьте, даже МОЛОТОВ сначала попытался увернуться от натиска мужа, и только когда Г.Н. стал невежливо настаивать, чуть ли не требовать, МОЛОТОВ пообещал рассмотреть и помочь мужу». СПЕРАНСКИЙ выиграл это дело, но «вынес самое тяжелое впечатление о том, кем и как у нас дела делаются и что мерзавцы (Казаковы) у нас всюду имеют "руку" и заступничество».

В глазах СПЕРАНСКОЙ «врачи сыграли в этом деле роль исполнителей. Главная же роль принадлежит только ЯГОДЕ». В разговоре о ЯГОДЕ СПЕРАНСКАЯ упоминает, что он происходит из «революционной» семьи: его брат погиб в 1905 г. на баррикадах в Сормове, его семья состоит в родстве со Свердловым. ГОРЬКИЙ — стародавний приятель ЯГОДЫ. «Вот какова обстановка». Сам ЯГОДА умный, хитрый, жестокий зверь, собственноручно расстреливающий людей. В своих действиях он ни перед чем не останавливался — и ведь это все знали. Зачем же его выдвигали? Зачем же его назначали?

Неудивительно, что он дошел до убийства МЕНЖИНСКОГО, поскольку этот стоял на его пути. Неудивительно, что он докатился до убийства Макса ПЕШКОВА, поскольку ЯГОДА влюбился в «Надю» — жену Макса. Нет ничего удивительно, что он добрался и до друга — самого ГОРЬКОГО, поскольку он мешал ему по политической линии, к тому же ходили сплетни, что этот старик, развратник, умильно посматривает на Надю — на жену сына, по которой «обмирал» ЯГОДА. «Вы только присмотритесь и вдумайтесь, какие нравы царят у нас "при дворе", какие люди наверху, и вы поймете, как временами тяжело бывает нам с Г.Н. (с мужем) жить и все видеть и молчать. Так называемое пролетарское правительство в самой грубой форме повторяет историю кровавых Борджиа».

«История повторяется».

Хорошая иллюстрация ко всему этому — история отравления ЕЖОВА. Совсем Борджиа.

«Кто такой КРЮЧКОВ? — КРЮЧКОВ это предмет горячей любви АНДРЕЕВОЙ (кажется, верно передаю фамилию), которая навязывала его ГОРЬКОМУ в секретари. С тех пор Петя КРЮЧКОВ стал при ГОРЬКОМ

своим человеком. Он был с ним на Капри, с ним же вернулся сюда. Здесь его заагентурил ЯГОДА, купил и споил. Петя КРЮЧКОВ был отчаянный пьяница, а стал еще хуже. Он только пил коньяк и нарзан. Больше ничем не питался. Мой муж всегда отплевывался, когда встречал эту "пьяную рожу".

Вся жизнь КРЮЧКОВА заключалась в пьянстве и в обделывании темных делишек через Лубянку, где КРЮЧКОВУ ни в чем не отказывали. Если надо было что-либо сделать не очень чистое, шли к нему и добивались успеха. Только плати. Хорошее окружении вокруг "великого" пролетарского писателя» — восклицает СПЕРАНСКАЯ.

«Нет ничего удивительного, что когда ЯГОДЕ понадобилось уморить Макса, то он дал соответствующую инструкцию этому бандиту — КРЮЧКОВУ, и последний принялся за дело. Макс был из неудачников. Он тоже был горький пьяница и питал страсть к автомобилям — больше его ничто и никто не интересовал. Про семью ПЕШКОВЫХ говорили: "Макс промок от водки, а Надя — от слез", — КРЮЧКОВ стал спаивать Макса, и доводил его до потери сознания, так что нередко Макса доставляли домой в бессознательном состоянии.

В одной из последних попоек принимал участие профессор А.Д. СПЕРАНСКИЙ. Макса, как всегда (дело было в деревне), отнесли на руках домой и, очевидно, простудили. Когда известие об этой попойке и простуде дошло до моего мужа, то он тогда же мне сказал: "Ты увидишь, что Макс не выживет. У него организм так ослаблен в результате пьянства, что простуда будет для него таковой" — и муж не ошибся. Макс дней через 7—10 умер».

Возвращаясь к ЛЕВИНУ, СПЕРАНСКАЯ говорит, что «этот человек отличался угодливостью и пролазничеством, он был настоящим характерным еврейчиком. Он особенно любил проникать в домашнюю обстановку вождей и становиться необходимой для них вещью. Ему доверяли до последних дней, до самого ареста». «Я помню — продолжала СПЕРАНСКАЯ, — как осенью, незадолго, как оказалось впоследствии, до его ареста, мужу пришлось на несколько дней выехать из Москвы. Надо было кому-нибудь перепоручить наблюдение за дочерью СТАЛИНА. Кому же? Ну, конечно, самое лучшее — ЛЕВИНУ. Муж позвонил ЛЕВИНУ, тот с удовольствием согласился, и затем буквально в течение нескольких минут передача была оформлена по линии НКВД — там есть секретный отдел, который ведает этими делами. Сейчас муж хладнокровно не может говорить об этой передаче и о тех последствиях, какие она могла иметь».

Случайно оставшись в комнате один на один, СПЕРАНСКАЯ в полголоса сказала: «Вы себе не можете представить, в какой тяжелой и унизительной обстановке приходится работать Георгию Нестеровичу. Он "их" не уважает. Вы видите, из кого состоят верхи. Где линия, которая отделяет судимых и заседающих в СНК или в Политбюро? Но ведь каждый, пока не попал под суд, держится, как бог и царь. Один ЯГОДА чего стоит, и таких много. Он держался с нами как друг, но ведь он мог втянуть мужа в эту историю. Мы не можем подумать, что бы было. Он знал крутой характер Гони (мужа) и, конечно, не посмел, но мог это сделать. В чьих мы руках. Это ужасно».

«ЯГОДА знал, что такие карьеристы, как ЛЕВИН, ПЛЕТНЕВ, надутый, чванный, а тем более шарлатан КАЗАКОВ ему не посмеют отказать. А если бы он полез к Гоне. Это было бы несчастье. Пронеси господи» — СПЕРАНСКАЯ заволновалась. Разговор прекратился.

Затем, по возобновлении общей беседы, на вопрос, какое впечатление произведет этот процесс за границей, СПЕРАНСКАЯ ответила, что мы, сидя здесь и варясь в нашем тесном советском котле, воображаем, что нами

интересуется весь мир. На самом деле это совсем не так. СПЕРАНСКАЯ была за границей, когда разбиралось пятаковское дело[355], и удивилась, как мало внимания уделяла этому процессу мировая печать и даже милюковская газета. Печатали только выдержки из наиболее сенсационных показаний и общие сводки без всяких комментарий. «Конечно, Чемберлен с удовольствием отметит этот процесс, как подтверждение своей мысли — подальше от Советского Союза, но ведь мы об этом не узнаем».

Разговор перешел на другие темы. [...][1]

СПЕРАНСКАЯ очень интересуется, какими путями следователи НКВД добиваются полного сознания. «Это для нас загадка. Неужели обманом даровать жизнь в случае сознания? Может быть, их действительно не расстреливают, а выпроваживают куда-нибудь с поддельными паспортами — кто знает?»

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 144. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 145—155. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 40
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ И В.М. МОЛОТОВУ ОБ ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ И ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ПРОЦЕССУ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

7 марта 1938 г.

№ 101635

т. СТАЛИНУ
т. МОЛОТОВУ

Направляю сводку — отклики в среде сотрудников иностранных посольств и иностранно-подданных на процесс «право-троцкистского блока».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

Отклики

В среде сотрудников иностранных посольств и иностранно-подданных на процесс «право-троцкистского блока»

САВИНИ ГВИДО (зав. консульским отделом Итальянского посольства). По поводу процесса говорил: «Все бывшие ранее процессы производили страшное впечатление, главным образом тем, что все подсудимые как только попадали на скамью подсудимых, сейчас же сами себя начинали называть подлецами и негодяями, а свои поступки гнусными. Вообще говорили о себе газетными штампами.

Для всех процессов, включая и этот, характерно то, что подсудимые являются наиболее умными, выдающимися людьми страны. В этом процессе совершенно невероятные и нелепые обвинения.

[1] Опущена часть документа как не относящаяся к теме сборника.

Смешно говорить о покушениях, которые так и не были совершены, хотя замышляли их люди, которые тысячу раз могли беспрепятственно их осуществить.

Можно было бы отравить и других руководителей с полной безопасностью.

В эпоху гражданской войны и разрухи таким людям, как Троцкий, что стоило избавиться от всех мешавших ему?

Советское правительство ни в чем не знает меры. Оно не знает, что от великого до смешного один шаг.

Если есть ли какое-то правдоподобие в контакте Троцкого с иностранными государствами теперь, когда его к этому вынуждают, то кто поверит, что это было так уже в 1921 г. А уж тому, что Бухарин был агентом охранки, и подавно никто не поверит.

Вот для этого сейчас и ссылают, и расстреливают людей прямо тысячами. Руководителям правительства нужно уничтожить всех, кто умеет думать и рассуждать.

Процесс не передают по радио, потому что массе дадут только подтасованные стенограммы и комментарии к ним. А то, что будут подсудимые говорить о своих взглядах, программе — об этом никто ничего не узнает.

Но советское правительство не объясняет своей точки зрения, оспаривая противную, оно просто начинает клеймить всячески позором своих противников. А еще неизвестно, чья точка зрения победила, если бы была вынесена на массовое обсуждение.

Большую тень на этот процесс бросает то, что в нем замешан Плетнев. Сначала пробовали его смешать с грязью — не вышло[356]. Тогда впихнули его сюда. Все это производит грязное впечатление. Невероятно думать, что подсудимые будут тоже употреблять в отношении себя газетно-прокурорские выражения, так как у них не может быть надежды, что это их спасет.

Остается действительно только предполагать, что они говорят под гипнозом или каким-нибудь наркотическим средством.

Жизнь в СССР принимает характер какого-то средневековья. Времена инквизиции. Русские люди доносят на всех, и на друзей, и на врагов, по злобе и даже просто так, из любви к искусству.

Рассказать об этом за границей в любой стране — никто не поверит. Никто просто не поймет такой психологии. Это черта русского рабства.

А чего стоит тон газетных статей на тему о процессах. Получается впечатление какой-то несерьезности, каких-то потуг.

Неужели правительство в самом деле не понимает, как опасно скапливать целые поселения из озлобленных, оскорбленных людей. Это же груда динамита.

Вообще впечатление такое, что правительство запуталось в собственных сетях, от страха потеряло голову и уже окончательно не знает где друзья, а где враги.

Конечно, уже заранее известно и написано, кто и что скажет на том процессе, но все же будет интересно прочесть, достаточно ли полно они сумели организовать все это дело, а то может выйти вроде Бутенко, про которого Литвинов сказал, что в Риме писал и давал интервью не он, а если бы и он, то надо еще посмотреть, он ли, а может быть и не он[357].

Из Италии еще не получились газеты с откликами на процесс».

ДИАМАНДИЕВ (канцлер Болгарской миссии). «Троцкисты в свое время были правы, они хотели многое сделать, но теперь, конечно, за все это они будут отвечать своей головой перед советским судом».

ШТРОММЕР ИОГАН (австрийский подданный), проживающий в гостинице «Советская», после отъезда своей матери, уехавшей 2.03. с.г. в Австрию, зашел в помещение посудомойки столовой, где стал жечь какие-то свои бумаги.

На вопрос одной из сотрудниц гостиницы — зачем он сжигает письма и прочие бумаги — Штроммер сказал: Поскольку моя мать вчера уехала за границу и сейчас в СССР время незавидное, нужно срочно мне уничтожить все бумаги, полученные из Австрии, ибо в связи с процессом над Бухариным и арестами наших шуцбундовцев меня могут сегодня или завтра арестовать. Тогда органы НКВД могут обнаружить эти нежелательные для них[1] бумаги.

Далее Штроммер продолжил:

«Недавно арестовали моих двух товарищей только потому, что у них были обнаружены подобные письма. Поэтому я, не желая очутиться в таком же положении, лучше скорее уничтожу эти бумаги и спокойнее буду спать».

Ранее Штроммер также заявлял:

«если бы я знал, что меня завтра заберут, я бы сегодня же удрал за границу».

ГОТЛИБ ИОСИФ (австрийский подданный), проживающий в гостинице «Советская», говорил: «Мы узнаем о процессе только спустя после продолжительного времени. У нас на мебельной фабрике сняли портрет Егорова. Наверное скоро всех посадят. Крепко работают фашисты, они распространили свою сеть во всех странах».

Присутствовавший при этом австрийский подданный Амшем сказал:

«Ты, Готлиб, будь осторожнее с такими словами. Сейчас время такое, что лишнего болтать не надо. Я жил в одной комнате с Деберль, он много говорил и вот теперь арестован. Нам — шуцбундовцам — смотри, слушай и молчи».

ШТЕРЕНБЕРГЕР ИОСИФ (австрийский подданный). «Я ночью слушал радио о процессе на немецком языке и до сих пор не могу успокоиться. У меня руки дрожат от этих мерзавцев. Я прожил уже 45 лет, но такого процесса еще никогда не ожидал.

Я считаю, что этот процесс будет уроком для фашистских разведок и для отдельных наших иностранцев».

КУБАЧЕК ЛЕОПОЛЬД (австрийский подданный). «Я себе представляю, что делается в Австрии, как разносят в газетах эти процессы в СССР. Конечно, за такие дела, что выявлены органами НКВД, надо расстреливать или лучше будет, если бы казнили».

ГУБЕРСАТОР ИОГАН (австрийский подданный). «Международная ситуация очень сложная. Это не последний процесс. В советских газетах пишут, что в Германии крупные изменения в армии, а у нас, что ни день, то новые люди. Борьба не закончена. Внутреннее и международное положение в настоящее время весьма натянуто. Процесс имеет чрезвычайно большое политическое значение и война между СССР и другими странами неизбежна».

ЗИЛЬБЕРШТЕЙН ИОСИФ (австрийский подданный, проживающий в гостинице «Советская»). «Когда я ехал в СССР, то я совершенно не понимал, что такое правые или левые. Пробыв несколько лет в СССР, я убедился, что как правые, так и левые стоят против советского строя.

Этот процесс для отдельных людей, особенно шуцбундовцев, должен явиться уроком, ибо среди наших не все еще честно хотят работать.

Мое мнение, что не затягивать долго процесса, а скорее их уничтожить. У нас в Австрии не церемонятся с революционерами, а в СССР слишком долго тянут с разными процессами, лучше бы их казнить без всякого суда».

[1] Так в тексте.

БЕРЕНДИ АЛЕКСИС (австрийский подданный, проживающий в гостинице «Советская»). «Очень мало рабочих, которые смогли бы очутиться на скамье подсудимых, как Бухарин, Рыков и другие.

Мое мнение, единственный приговор им — расстрел».

НОВАК ИОГАН (австрийский подданный, проживающий в гостинице «Советская»). «Таких хороших людей убили, как Куйбышев, Горький. По-моему, судить их это лишнее, их надо безусловно уничтожить без суда».

БРЮКНЕР ФРАНЦ (австрийский подданный, проживающий в гостинице «Советская»). «Я возмущен такой неслыханной в истории фашистской группой. Я присоединяюсь к точке зрения советских граждан, что их надо во что бы то ни стало уничтожить».

ФАСКО ЭМЕРИС (австрийский подданный, проживающий в гостинице «Советская»). «Мы, австрийцы, убедились, что НКВД не зря сажает. Я понимаю, что Бухарин, Рыков хотели занять большие посты. Пусть их расстреляют скорее».

ХЕЙСТИНГС (британская подданная, проживающая в гостинице «Националь»). «Это какие-то сумасшедшие люди. Я не понимаю, как они могли себе позволить изменить родине, живя в такой прекрасной стране».

РОДРИГЕС Мата Юлия (испанская подданная, работающая в Испанском детском доме № 7). «Подсудимые, вероятно, имеют отношение к затяжке испанской войны. Вероятно, есть еще такие люди, которые мешают окончанию войны в Испании».

ШИРСАКОВА И.И. (совгражданка, жена шуцбундовца ШТЕРЕНБЕРГЕРА). «За одного только Горького надо их резать на куски, а не судить. Слишком для них большая честь, чтобы о них писать в газетах. Надо с ними покончить, как с собаками».

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 84—92. Заверенная копия.

№ 41
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ И В.М. МОЛОТОВУ О НАСТРОЕНИЯХ ПОМОЩНИКА ПРОКУРОРА СССР Г.М. ЛЕПЛЕВСКОГО В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

8 марта 1938 г.

№ 101678

т. СТАЛИНУ
т. МОЛОТОВУ

Направляю агентурное сообщение о настроениях пом. прокурора Союза ССР Леплевского Г.М., в связи с процессом «право-троцкистского блока».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник «Гринвальд» Приняли: Райхман и Крейнин

Источник беседовал с Леплевским Григорием Моисеевичем сегодня, 5.03 дома у Леплевского.

Беседа началась с того, что Леплевский стал говорить о своих обидах на Вышинского, который медлит представлять его на утверждение в должности зам. Прокурора. Отсюда разговор перешел на то, как Вышинский ведет процесс. Леплевский стал говорить о легкомыслии Вышинского. О том, что Вышинский ставит себя в смешное положение, в частности перед Рыковым и т.д. Сказал затем, что, пытаясь представить старого революционера Раковского помещиком — Вышинский бьет по самой идее процесса.

На вопрос источника, в чем же эта идея, — он, Леплевский, сказал следующее: «Вы знаете, Сталин сказал, что Художественный театр может даже из прейскуранта сделать художественную вещь, театральную постановку, — в данном случае НКВД приготовил прейскурант, из которого Прокуратура и суд, — должны сделать настоящую постановку, не в наших интересах делать из этой постановки фарс с помещиком и с гвоздями в яйцах. Нельзя раздражать Раковского и других, а то они могут начать говорить совсем другое».

Источник поинтересовался, что другое они могут говорить, — Леплевский ответил, — «Не нужно быть очень умным, чтобы видеть, что процесс держится на волоске. Ведь все чувствуют, что о конкретном вредительстве никто кроме, пожалуй, Ходжаева, не говорит. Крестинский чуть было не поднял завесу над тайной признаний и не Вышинского заслуга, что Крестинский потом вернулся к версии предварительного следствия». А чья — «Тех, кто с ним беседовал между заседаниями суда[358]. Хотя я и не участвую так активно, как Рогинский, в закулисной стороне этого процесса, но кое о чем я догадываюсь, и считаю, что многое делается неуклюже».

«Процесс этот, — говорит Леплевский, дальше, — был нужен, но постановщики его менее талантливы, чем Немирович-Данченко и Станиславский».

Источник спросил, почему процесс происходит в небольшом зале. Леплевский ответил: «Ставить такой процесс широко нельзя. Обвиняемые понимают, что здесь они имеют дело в основном с чекистами в штатском, — а при широкой аудитории они могли бы вести себя иначе и говорить совсем не то».

Источник поставил прямой вопрос: «Что же все-таки, правду или неправду они говорят». Леплевский после паузы ответил: «Вы помните процессы времен Робеспьера, т.н. амальгаму, — когда вместе с честными революционерами на скамью подсудимых сажали всякую мразь. Здесь происходит то же. Правда. Кое-что правда. Зеленский и Иванов — провокаторы — это правда и этому легко поверить. А что Троцкий сотрудник немецкой разведки и Интеллиженс-Сервис — это чепуха и этому никто не верит всерьез. Что Раковский и Крестинский шпионы — это неправда, а что они против Сталинской линии — это вероятно правда. И так все».

Но почему же они признаются. Ответ. «Не знаю как вы, но мне кажется, что я бы наверно признался в чем угодно. Бывают всякие положения».

Более подробно об этом говорить не захотел и перевел разговор на Вышинского, который де ради красного словца готов на все. Закончил тем, что даже такой спец. в процессах, как главный военный прокурор Розовский, — тоже недоволен ведением Вышинским дела.

Нач. 1 отделения 4 отдела ГУГБ
старш. лейтенант государств. безопасности Райхман

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 261—264. Заверенная копия.

№ 42

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г. ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

9 марта 1938 г.

№ 101702[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 115342 Начальника УНКВД по Ленинградской области товарища ЛИТВИНА о реагировании населения на процесс «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1262

из ЛЕНИНГРАДА 8 марта 1938 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
товарищу ЕЖОВУ

Рабочие, интеллигенция и Красная Армия г. Ленинграда широко обсуждают проходящий процесс и единодушно требуют уничтожения банды «право-троцкистского блока».

Профессор филармонии БРИГ И.О. говорил: «Эти преступления возвращают нас в самые мрачные времена средневековья. Из всех преступников самые грязные и низкие — это банда БУХАРИНА, РЫКОВА и других, которые не побрезговали связаться с агентами иностранных разведок».

Профессор физической географии БУЛДАКОВ говорил: «Меня охватывает ужас, я не представляю, как можно дойти до такой низости, как эта банда. Они потеряли человеческий облик».

Артист оркестра ГЕНСЛЕР В.И. говорил: «Эти преступления не укладываются в человеческом уме. Даже авторы вульгарных, бульварных романов не додумались до таких преступлений, как эта банда БУХАРИНА и других».

Помощник главного механика фабрики «Равенство» ЖУКОВ говорил: «Особое чувство гадливости и презрения вызывает КРЕСТИНСКИЙ. Будучи разоблаченным на следствии и на суде — пытался отрицать свою виновность».

Профессор 1-го медицинского института ЗАБЛУДОВСКИЙ заявил: «Врачи в роли убийц — это впервые в истории человечества, если не считать средневековых отравителей. Никто не может их оправдать. С ними нужно жестоко расправиться».

Писатель ДОБИН заявил: «Этот процесс превосходит собою все, что мы до сих пор слышали на других процессах. Факт убийства М. ГОРЬКОГО — это какой-то ужас».

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией Н.И. Ежовым (красный карандаш).

Слушатель военно-политического училища им. Энгельса ГОЛОВКОВ сказал: «Почему у нас очень гуманно расправляются с врагами народа, уничтожают их лишь расстрелом. Я бы их постепенно казнил за их преступления».

Врач ЛАРИОНОВА заявила: «Нельзя придумать наказания этим гадам. Особенно меня поразило то, что те врачи — ЛЕВИН, ПЛЕТНЕВ, КАЗАКОВ — по книгам которых мы учились в институте, оказалось, применяли свои знания, чтобы вредить нашей стране. Подлые негодяи умертвили КУЙБЫШЕВА, М. ГОРЬКОГО и МЕНЖИНСКОГО».

Студент КВЕЦИНСКИЙ заявил: «Гнусные негодяи умертвили товарища МЕНЖИНСКОГО, товарища КУЙБЫШЕВА и нашего великого писателя М. ГОРЬКОГО. Собакам нужно предоставить собачью смерть. Как гнусно выглядят эти негодяи перед лицом наших героев папанинцев. Слава нашему НКВД, слава товарищу ЕЖОВУ, так умело разоблачившему вражеские козни».

Наряду с выражением гнева и резкого негодования трудящихся г. Ленинграда имеют место отдельные контрреволюционные выступления.

Врач больницы им. Мечникова ДЕЕПП заявил: «Я сомневаюсь в преступной деятельности врачей ЛЕВИНА, КАЗАКОВА и профессора ПЛЕТНЕВА».

Служащая обсерватории КРИВЦОВА О.Ф. говорила: «Я не верю тому, что изложено в обвинительном заключении — это выдумка. Какой может быть порядок в стране, когда в правительстве идет грызня и взаимное истребление друг друга».

Служащий Ленинградского индустриального института БОЧЕК Г. говорил: «Через три года обвиняют ПЛЕТНЕВА, ЛЕВИНА и других в отравлении, когда этого нельзя доказать, тем более в свое время было вскрытие тел и установлена причина смерти КУЙБЫШЕВА, М. ГОРЬКОГО и других. Странно, почему обвиняемые не используют суд, как трибуну для пропаганды своих взглядов. Эта пропаганда нашла бы отклики в СССР».

Руководитель оркестров народных инструментов КАРЕТНИКОВ Н.В. среди оркестрантов говорил: «Винить врачей ЛЕВИНА и других в умерщвлении МЕНЖИНСКОГО и КУЙБЫШЕВА не приходится. Их это сделать заставил ЯГОДА под угрозой, иначе им была бы крышка. Если бы я был в положении врачей, я так же бы сделал, как эти врачи».

Заведующий кинотеатра «Гигант» АНПИН Б.Н. говорил: «БУХАРИН боролся против коллективизации, а против нее — все крестьянство. Это вполне "справедливо". БУХАРИНУ и другим надо было применить метод "дворцового переворота"».

Рабочий мельницы им. Ленина ЗАБЕСОВ (татарин) говорил: «Судят лучших людей и судят неправильно. Эти люди стремились некоторые республики передать буржуазным странам для того, чтобы дать возможность лучше жить. Я их поддерживаю и считаю, что нам — татарам — жилось бы лучше, чем теперь».

Красноармеец 65-го стрелкового полка 43 стрелковой дивизии ШАВГАЛЕЕВ заявил: «Во главе советской власти стоят одни вредители, там нет ни одного рабочего и крестьянина, они вредят, а мы за это здесь расплачиваемся». И далее ШАВГАЛЕЕВ стал распространять клеветнические измышления о руководителях ВКП(б) и советского правительства.

Бухгалтер станции Витебская-товарная ЛИТВИНОВ Александр Александрович заявил: «Руководителям "блока" я очень сочувствую, ведь они были против существующего строя. В такие нелепые обвинения, как умерщвление ГОРЬКОГО, я не верю, это выдумка — нужная для обработки масс в антитроцкистском духе. Это дело создано специально для обработки масс против

Германии. Я убежден, что существующие фашистские группы в СССР сумеют в военное время обеспечить победу фашистским армиям, несмотря на запуганность населения и террор НКВД». ЛИТВИНОВ арестовывается.

НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД ЛО
КОМИССАР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
ЛИТВИН

№ 115342

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 156. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 157—160. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 43
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г. ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

9 марта 1938 г.

№ 101719[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 115326 Начальника УНКВД по Ленинградской области товарища ЛИТВИНА об откликах на процесс «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1188

из ЛЕНИНГРАДА 5 марта 1938 г.

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ — товарищу ЕЖОВУ

3 марта с.г. после опубликования обвинительного заключения и материалов первого дня процесса «право-троцкистского блока», на предприятиях, в учреждениях, ВУЗ'ах проводились читки этих материалов.

Трудящиеся еще раз единодушно требовали беспощадной расправы с врагами народа и призывали к бдительности. Рабочий завода № 185 им. Кирова ПОЧЕПКО заявил: «Дошли до самого последнего, стали людей отравлять. Это не люди, а звери. Нужно усилить охрану СТАЛИНА, чтобы оставшиеся враги не могли отравить его. За те подлости, которые они наделали, их нужно расстрелять».

Профессор Военно-Медицинской Академии ПАВЛОВСКИЙ, беспартийный, заявил: «Мир еще не знал подобных злодеяний. Нет предела моему

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

возмущению подлой работой РЫКОВА, БУХАРИНА и других, убивших лучших людей нашей родины».

Композитор СОРОКИН заявил: «Я готов идти в команду, которая будет приводить приговор в исполнение. Они заслужили только расстрел».

Профессор Государственной Консерватории БРИАН М.А. среди профессоров и студентов говорил: «Когда я прочитал обвинительное заключение, то пришел в ужас, даже как-то не верилось, что люди могут дойти до такой низости. Но когда вспоминаешь о том окружении, в котором мы находимся, то все становится ясным».

Писатель СЛОНИМСКИЙ, говоря об отказе КРЕСТИНСКОГО от показаний, заявил: «Я не думаю, чтобы в НКВД КРЕСТИНСКОГО заставили дать ложные показания. Видимо, на процессе, став лицом к лицу с народом, который он продавал, КРЕСТИНСКИЙ испугался своих чудовищных преступлений и решил отказаться от них. Так могут вести себя только законченные негодяи, каким он и оказался».

Писатель ФРОМАН заявил: «Это ужасно, волосы становятся дыбом, когда подумаешь, какие гнусности эти люди делали».

Артист ГАТОБ им. Кирова НЕЛЕПП, крайне возмущенный, говорил: «Не была ли смерть Владимира Ильича ускорена этими людьми. Дали бы нам этих зверей линчевать».

Антисоветские элементы продолжают распространять контрреволюционную клевету и антисоветскую агитацию в защиту врагов народа.

Академик ВАВИЛОВ Н.И. в беседе с научными сотрудниками ВИР заявил: «Н.И. БУХАРИН толковый человек, с большим кругозором, я вместе с ним бывал за границей. Процесс — это большие сказки для маленьких детей».

Ученый специалист ВИР ГАСЛЬ Александр Гаврилович в частной беседе заявил: «Опубликовано обвинительное заключение. Удивительно, что и в этом процессе, как и в предыдущих, все обвиняемые во всем сознаются. Разыгрываются роли, разученные заранее».

Доцент Университета АРСЕНИЙ назвал процесс «чудовищным, средневековым процессом. Мало кто может в XX веке поверить в отравления, которые приписываются подсудимым. Это вымысел — не иначе».

Аспирант университета РАБИНОВИЧ заявил: «Подсудимые будут выступать на процессе под гипнозом, иначе невозможно объяснить, как такой человек, как БУХАРИН, согласится принять на себя эти обвинения».

Врач ДОБРОВОЛЬСКАЯ заявила: «Ну, теперь становится совершенно невозможным нам, врачам, работать. Прямо волосы дыбом становятся, что только с нами после этого процесса будет. Надо срочно менять специальность, особенно срочно надо уходить с ответственной административной работы».

Заместитель декана факультета крупного машиностроения Машиностроительного Института ГУСЕВ в беседе с сотрудниками института говорил: «Мне не верится, что БУХАРИН, РЫКОВ, ЯГОДА и другие при содействии кремлевских врачей отравили МЕНЖИНСКОГО, КУЙБЫШЕВА и ГОРЬКОГО. Все обвинение раздуто».

Дирижер театра им. Кирова МРАВИНСКИЙ заявил: «То, что Троцкий якобы был с 1921 г. шпионом — ложь. В тот период у него не было никаких оснований и побуждений к такой измене. Это неверно».

Артист того же театра СОБОЛЬ заявил: «Несправедливо, что в этот процесс привлечены и эсеры. За что, при чем они тут. Их просто хотят скомпрометировать».

Композитор ГАН — друг композитора ДЗЕРЖИНСКОГО заявил: «Мы с ДЗЕРЖИНСКИМ этому процессу не верим».

Инженер завода «Большевик» ГАЛЬЧЕНКО, троцкист, заявил: «Всему, что пишут в газетах о "право-троцкистском блоке", я не верю. БУХАРИН, РЫКОВ и другие при царизме сидели в тюрьме и имеют большие заслуги перед Октябрьской революцией. На судебный процесс пустят лишь определенных лиц, а нас туда не допустят».

Разрабатываемый нами антисоветчик ДАВЫДОВ А.И. без определенных занятий говорил: «Ну и дураки БУХАРИН, РЫКОВ и другие, а еще ученые люди, вздумали отравлять КУЙБЫШЕВА, МЕНЖИНСКОГО и ГОРЬКОГО. Зачем это нужно было и для чего. Ничего не сделали, а себя погубили. Им надо было бы убить СТАЛИНА, ВОРОШИЛОВА, МОЛОТОВА и КАГАНОВИЧА». (ДАВЫДОВ арестовывается.)

Капитан 3 ранга, бывший командир подводной лодки ЧАРЛ, член ВКП(б) заявил: «Мне не верится, что подобные вещи могут иметь место. Этому никто не поверит. Не понимаю, о чем думают власти, печатая такие небылицы».

ЛИТВИН

№ 115326

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 161. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 162—165. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты.

№ 44
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ УССР НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

9 марта 1938 г.

№ 101729[I]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 432/СН Народного Комиссара Внутренних Дел УССР товарища УСПЕНСКОГО об откликах населения на процесс «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1581

Из КИЕВА 8 марта 1938 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
товарищу ЕЖОВУ

Поступающие сообщения с мест отражают в ярких и простых словах огромную ненависть рабочих, колхозников, военнослужащих и трудовой ин-

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

теллигенции к врагам народа БУХАРИНУ, РЫКОВУ, ЯГОДЕ, ГРИНЬКО и другим.

Появление новых газетных материалов и сообщений по радио о ходе процесса собирает на заводах, фабриках, колхозах и воинских частях значительные группы трудящихся, проявляющих во всех местах сборов свой гнев и возмущение убийцам и изменникам родины. Витрины с газетами на улицах городов и рабочих поселков постоянно окружены гражданами, жаждущими новых сведений о процессе.

Рабочий завода им. Кирова, в Макеевке, беспартийный ШЕПЕНЕВ в группе своих товарищей высказался: «Негодяй БУХАРИН и его компания с самого начала революции были изменниками нашей партии и, в конце концов, превратились в убийц, шпионов и диверсантов. Но самый подлый из них — это ЯГОДА. Он изменил народу и, пользуясь своим положением, покрывал эту банду».

Рабочий Харьковского канатного завода ДЕГТЯРЕВ, обсуждая с группой товарищей материалы о процессе, сказал: «БУХАРИН, РЫКОВ и ЯГОДА самые неисправимые бандиты, счастье, что в НКВД пришел товарищ ЕЖОВ и раскрыл эту шайку. Нужно еще выловить их подручных и тогда можно будет спокойно работать».

Харьковский инженер ЯШИН в группе сослуживцев заявил: «ЯГОДА сволочь, использовал свое положение для таких гнусных дел, теперь все эти мерзавцы пойманы и советское правосудие обрушится на их голову».

Тракторист Зиньковской МТС Полтавской области, беспартийный РИС в группе колхозников говорил: «Как только партия поставила во главе НКВД товарища ЕЖОВА, то сразу мы стали освобождаться от разной гадости — сотен агентов фашизма, провокаторов и убийц. Еще не все бандиты выловлены. Наша обязанность помочь в этом партии».

Лейтенант ОСТРОУМОВ из 2-го артучилища говорил: «Самую подлую роль играл ЯГОДА. Он не только участвовал в умерщвлении лучших людей, но использовал такой ответственный пост для того, чтобы укрывать от советского народа банду ТРОЦКОГО и БУХАРИНА. Наш зоркий часовой Сталинский нарком товарищ ЕЖОВ сумеет разгромить всех врагов, как бы они ни маскировались».

Колхозник села Быковая-Гребля Белоцерковского района ШАБЕЛЬНИК говорил: «Нам нужно потребовать от Верховного суда, чтобы ЯГОДУ, БУХАРИНА и других врагов народа расстреляли. Органы НКВД окончательно должны вырвать все корни этой банды».

Служащий киевского почтамта, беспартийный СЕРИКОВ в группе сослуживцев заявил: «Разоблаченные бандиты никогда не были сторонниками советской власти. Они боролись с ней с самого начала революции, меняя лишь свою тактику. Неудивительно, что РЫКОВ, БУХАРИН, ЯГОДА и другие докатились до таких гнуснейших преступлений против рабочего класса».

Главный врач больницы в Киеве ГИМЕЛЬФАРБ в беседе с сослуживцами говорил: «Какие ужасные преступления совершены этими подлецами ПЛЕТНЕВЫМ, КАЗАКОВЫМ и ЛЕВИНЫМ. Партия им доверила жизнь самых замечательных людей, а они продались агентам фашистских разведок. Смерть бандитам с большой дороги».

Рабочий Одесского завода «Продмашина», беспартийный ЗАРЕЧАНСКИЙ говорил: «Этот гад ГРИНЬКО хотел продать ГИТЛЕРУ советскую Украину. Но этому не бывать. Я бил петлюровскую сволочь и, если понадобится, снова буду бить. На защиту своей родины встанет весь народ».

Рабочий Харьковского тракторного завода СИНИЦЫН во время перерыва говорил среди рабочих: «Мало расстрелять этих взбесившихся собак, которые в угоду немецким и японским фашистам стали профессиональными убийцами, шпионами и вредителями, я бы хотел, чтобы убили за границей их главаря — бандита ТРОЦКОГО».

Работница Одесского рыбного завода, беспартийная ЕРМАК заявила: «Страшно становится, когда читаешь, что эти враги народа натворили. Они совершали такие бесчеловечные дела, как умерщвление наших лучших людей. Будет хорошо, если уничтожат всех троцкистов и бухаринцев, засоряющих нашу советскую землю».

Курсант Киевского артучилища, беспартийный ЕЛИН заявил: «Подлые изменники и предатели продавали нашу родину, завоеванную кровью наших отцов. Пусть запомнят все их подпевалы, что советская власть непоколебима, на ее защиту станет весь трудовой народ».

Присутствовавший при этом курсант ЮДИН добавил: «Всех взбесившихся собак надо расстрелять. Пусть знают все гады из антисоветского лагеря, что каждого, кто посмеет посягнуть на нашу родину, ожидает такая же участь».

Служащий завода им. Фрунзе в Константиновке, беспартийный ТУЧКОВ говорил: «Эта банда давно ведет борьбу с партией, еще с первых дней революции они изменили рабочему классу и поэтому неизбежно докатились до таких подлых преступлений. Собакам собачья смерть».

Рабочий Одесского консервного завода ХАНЕР заявил: «С первых дней революции эти бандиты мешали нашему социалистическому строительству и в результате докатились до самых гнусных дел, превратившись в палачей, действующих по указке ГИТЛЕРА. Стрелять их как собак, да и только».

Работница того же завода ВЛАДОВА говорила: «Подумать только на какие преступления пошли эти сволочи. Убили наших лучших людей. Я требую расстрела не только представших перед судом бандитов БУХАРИНА, РЫКОВА и других, но и всех их сообщников».

Мастер доменного цеха завода им. Ворошилова в Донбассе АРТЮХОВ заявил: «Надо теснее сплотиться вокруг партии, мы должны еще лучше работать для того, чтобы крепить обороноспособность страны и окончательно превратить в неприступную крепость».

Рабочий завода № 73 в Сталино, беспартийный КОВАЛЬ в группе рабочих говорил: «Я все силы приложу на укрепление нашей родины. Не допустим, чтобы эти бухаринские и рыковские гады посягали на нашу свободную счастливую жизнь. Я обязуюсь повысить производительность труда на 100 %».

Колхозник артели «Червонный колос» Ротмистровского района Киевской области ПРИСЯЖНЫЙ заявил: «В ответ на подлые действия этих врагов нам нужно просить правительство выпустить новый заем обороны, для того, чтобы средства от этого займа пошли на устранение вреда, который нанесли БУХАРИН, РЫКОВ, ЯГОДА и другие бандиты».

Со стороны весьма малочисленной части антисоветских элементов из среды инженерно-технического, врачебного и учительского персонала отмечается распространение провокаций о том, что процесс антисоветского «право-троцкистского блока» послужит сигналом к репрессиям против интеллигенции.

УСПЕНСКИЙ

№ 432/СН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 166. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 167—171. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 45

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г. ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

9 марта 1938 г.

№ 101736[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 115333 Начальника Управления НКВД по Ленинградской области — об откликах на процесс «право-троцкистского блока»[II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1231

из ЛЕНИНГРАДА 6 марта 1938 г.

НАРКОМУ ВНУДЕЛ СССР товарищу ЕЖОВУ

Допросы обвиняемых на процессе «право-троцкистского блока» на предприятиях, в учреждениях, ВУЗ'ах и воинских частях широко обсуждаются трудящимися, единодушно требующими расправы с врагами народа, и призывают к максимальной бдительности. Писатель ЗОЩЕНКО говорил: «Какой ужас, представить себе трудно, на что способны ЯГОДА и эти подлецы, кровавая сволочь».

Писательница Ольга ФОРШ говорила: «Не найти слов, чтобы заклеймить такое преступление. Кошмар, сплошной ужас».

Кочегар завода Молокомбината ЛЕТЯГИН говорил: «За это не стал бы их расстреливать. Это для них легкая смерть, их надо было бы повесить».

Поэт А. РЕШЕТОВ: «Хуже всего то, что сделали врачи, они нарушили не только советскую, но даже и буржуазную мораль».

Токарь механического завода Кировского Промкомбината НИКИФОРОВ говорил: «Расстрелять этих паразитов мало, их бы связать и в муравейник посадить, тогда бы они знали, как помогать фашистам и идти против советской власти».

Из документов ЦК, исходящих из Ленинграда в разные города Союза, так, В. СОЛОВЬЕВ — Москва, ВИЭМ — Н. ФАСЛЕР пишет: «Я не могу без громадной злобы вспомнить об этих иудушках троцкистах, но меня удивляют наши Наркомвнудельцы. Почему они не смогли узнать обо всем из первого процесса над троцкистами. Неужели нет средств, или мы должны быть с врагами гуманны».

ФОМИЧЕВА В. в Тбилиси ГВИЛИСИАНЕ сообщает: «Очень возмущена умерщвлением М. Горького и очень рада, что он будет скоро отомщен, но как же я хочу крови Троцкого».

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

Служащая Всесоюзной Академии художеств ДРАКОВЦЕВА в Одессу сообщает: «Дорогие родители, до глубины души возмущаются все честные граждане Советского Союза о банде БУХАРИНА, ЯГОДЫ, профессора ПЛЕТНЕВА и так далее, до глубины души возмущаюсь. Только подумать, что они повинные в смерти КУЙБЫШЕВА, ГОРЬКОГО, ОРДЖОНИКИДЗЕ и других. Сволочи. Высшая мера будет заслуженной карой для них. В Ленинграде много честных, хороших людей, преданных партии, они помогают уничтожать и уничтожают всех, кто посмеет поднять руку на родину всемирного пролетариата».

Жена полковника генерального штаба РККА Ф. ФЕДУЛОВА мужу полковнику ФЕДУЛОВУ, Москва, сообщает: «Дорогой полковник, сегодня слушала по радио обвинительный акт о паразитах, их не судить проклятых нужно, а казнить за наших товарищей Ленина, Сталина, Горького, Куйбышева и других. Этому христопродавцу ЯГОДЕ надо выколоть глаза. Они не мытьем, так катаньем хотели изжить со света таких великих людей нашей эпохи. Терпеть не могу этих гадов».

Курсант военной школы в Ленинграде СЕЛЕЦКИЙ А.И. в Киев своим родным пишет: «Дорогие родные, предатели отлично понимают, что нас не сломить в лоб и ищут места для ударов в спину. Начался процесс над одной из этих подлых шаек, но мы без суда вынесли приговор, каждого возмутит подлое убийство КУЙБЫШЕВА, МЕНЖИНСКОГО, М. ГОРЬКОГО, наша разведка сейчас очищает страну от подлых шпионов, диверсантов, наши успехи велики, но были бы еще больше, если бы не подлые вредители».

Антисоветские элементы продолжают распространять контрреволюционную клевету и антисоветскую агитацию в защиту этой банды. Писательница ТАГЕР говорила: «Стали копаться в старых делах, уже связывают все это с делами 1918 г., значит, никто не застрахован от того, что БУХАРИНУ будут вменены в вину не только старые дела, но и старые помыслы».

«Это просто неслыханно — привлекать эсеров к такому внутрипартийному делу». Актер Большого драматического театра им. Горького ЧЕРКАСОВ Борис Эммануилович заявил: «Процессу я не верю. Делается это только для того, чтобы вызвать и воспитать в массе народа ненависть к троцкистам и правым, а о том, что ГОРЬКОГО умертвили, этому верить нельзя».

Артистка Государственного реалистического театра В.Л. МАЛЮТИНА говорила: «Все это неправда, какой Троцкий шпион. Надо так писать, вот и пишут. Врачам не для чего было травить КУЙБЫШЕВА, ГОРЬКОГО и других, все это выдумано».

Инженер МРАВИНСКИЙ говорил: «Не понимаю, как Троцкий мог быть завербован немцами в 1921 г., если тогда в Германии не было фашистов и мы были с Германией в дружбе. Тут что-то не договаривают».

Профессор института мозга ВАСИЛЬЕВ Л.Д. среди научных кругов говорил: «Врачи ПЛЕТНЕВ, ЛЕВИН и другие не виноваты, потом, что значит этот неправильный метод лечения. Они, может быть, лечили правильно, но не в силах были справиться с болезнью. ПЛЕТНЕВА и ЛЕВИНА вызывали в НКВД и предлагали прикончить ГОРЬКОГО или какого-либо другого человека, попробуйте не согласиться».

Артист театра «Миниатюр» СВИРСКИЙ среди работников театра говорил: «В партии сейчас идет разногласие и, следовательно, руководители партии сживают тех, кто им мешает на их пути».

Аспирант ЛГУ АЗИРБАЕВ (казах) говорил: «Процесс это инсценировка, которая выгодна сейчас партии. Я не верю, чтобы обвиняемые добровольно давали показания, к ним были применены методы принуждения».

Жена академика МАРРА среди своего окружения говорила: «Я не верю в участие во всех приводимых в обвинительном заключении гнусностях БУХАРИНА, я его знаю как человека большой моральной чистоты».

ЛИТВИН

№ 115333

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 172. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 173—176. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 46
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

11 марта 1938 г.

№ 101767[I]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю агентурное сообщение о настроениях в семье ПЕШКОВЫХ[II] в связи с процессом «право-троцкистского блока».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: «Знакомый» Приняли: РАЙХМАН и КРЕЙНИН

7 марта с.г. Екатерина Павловна ПЕШКОВА во время краткого утреннего перерыва на процессе сказала: «Очень мучительно высиживать все заседания». Когда в ответ на это было сказано, что ведь всегда можно часа на 2—3 вперед предугадать, что будет, кого будут допрашивать и что ясно, что сегодня, 7 марта, дело не дойдет до допроса по поводу убийства А.М. ГОРЬКОГО и сына, Екатерина Павловна ПЕШКОВА сказала: «Но меня интересует и допрос свидетелей эсеров и дело с левыми эсерами в 1918 г.».

По поводу утреннего (до краткого перерыва) допроса товарищем ВЫШИНСКИМ БУХАРИНА, Е.П. ПЕШКОВА тогда же сказала: «Вообще было бы лучше и для процесса сильнее, если бы судебное следствие велось так все время — с возможностью для обвиняемых подавать реплики и свободно отвечать и говорить, так было бы равноправнее, а то что же, если Прокурор будет разговаривать с обвиняемыми просто как со сволочью».

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

«ВЫШИНСКИЙ все время подводит к тому, что БУХАРИН был непосредственно шпионом и агентом разведок. Зачем это. И так ужасно, а что же может прибавить еще это обвинение ВЫШИНСКОГО».

Во время большого дневного перерыва Екатерина Павловна ПЕШКОВА на Малой Никитской 6, за обедом говорила несколько иначе: «Сегодня утром ВЫШИНСКИЙ вел допрос очень плохо и держался непозволительно, просто неприлично. Он подавал БУХАРИНУ весьма неумные реплики, не давал ему говорить и говорил глупости. И БУХАРИН его несколько раз здорово обрезал. Например, эта история с "дворцовым переворотом" и "вооруженным восстанием". Конечно, здесь БУХАРИН был прав. Я думаю, — сказал Е.П. ПЕШКОВА, — что УЛЬРИХ во время короткого перерыва, вероятно, указал ВЫШИНСКОМУ на его неловкость и неумность, потому что после перерыва ВЫШИНСКИЙ сидел и молчал и дал БУХАРИНУ связно говорить».

«Что же, — говорила еще Е.П. ПЕШКОВА, — теперь возвращаться к 1918 г., ведь тогда все иначе выглядело, тогда вопросы ставились по-другому, была борьба, как же можно теперь к 1918 г. применять сегодняшние мерки. Я же не знаю, ведь тогда-то суда не было, или тогда права были лучше».

«И потом, какая ужасная публика. Кто вообще сидит в зале — знакомых 5—6 лиц, а кто остальные. Правда, я вижу многих тех, кого я знаю из НКВД по своей работе. Эта публика держится ужасно некультурно, смеется на таком процессе. Ведь мне кажется это же страшно, кто сидит на скамье подсудимых — вчерашние руководители, крупные партийцы, это же вообще ужасно, и должно настроить на серьезный лад, это же нельзя не переживать и вдруг — смех. Я думаю, что после процесса нужно обратить как-то внимание на моральную сторону, потому что публика в зале наводит на грустные размышления — таких людей можно повернуть в любую сторону».

«А еще мне не верится, как и РЫКОВ, и БУХАРИН валят теперь многое на ТОМСКОГО, ЕНУКИДЗЕ и КАРАХАНА — и переговоры они вели и инициативу и от ТОМСКОГО или ЕНУКИДЗЕ, оказывается, БУХАРИН или РЫКОВ то-то и то-то слышали. Ведь ТОМСКОГО и ЕНУКИДЗЕ больше нет, защищаться или опровергать они не могут. Это значит, что РЫКОВ и БУХАРИН просто хотят свою вину переложить на других».

После обеда Надежда Алексеевна ПЕШКОВА в минутном отдельном разговоре сказала, что она по-прежнему ни о чем другом, кроме процесса, ни думать, ни говорить не может. «Я боюсь, — сказала она, — что и на процессе еще не все раскроют в убийстве Алексея Максимовича и Макса, а нужно бы, чтобы было раскрыто все».

За обедом на Малой Никитской 6 были: Надежда Алексеевна ПЕШКОВА, Екатерина Павловна ПЕШКОВА, ее муж М.К. НИКОЛАЕВ, И.Н. РАКИТСКИЙ, И.П. ЛАДЫЖНИКОВ и художник Павел КОРИН, временами раза два в столовую заходила О.Д. ЧЕРТКОВА.

НАЧ. 1 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ РАЙХМАН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 177. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 178—180. Заверенная копия. Машинописный текст.

№ 47

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

11 марта 1938 г.

№ 101768[I]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 2615 Начальника УНКВД по ДВК товарища ЛЮШКОВА об откликах на процесс «право-троцкистского блока» [II].

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

МЕМОРАНДУМ № 11508, 11505, 11507

Из ХАБАРОВСКА 6 марта 1938 г.

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР товарищу ЕЖОВУ

Доношу, что на предприятиях, в учреждениях, военных частях края развернуты групповые читки сообщений о ходе процесса. Газеты в районы начали поступать 3—4 марта. В районных центрах МТС и колхозах проходят митинги. Сплошь отмечается общее возмущение: «Приговор может быть только один — расстрелять».

«С такой сволочью так и нужно расправляться» (курсант МТС села Семенова, Хорольского района ШОСТАН). «Все эти мерзавцы, бандиты продались за деньги фашистам и работали с ними заодно. Им один ответ — смерть» (МОИСЕЕВ, рабочий ГВФ в г. Хабаровске). «Читаешь газеты, а самого мороз пробирает, какие подлости эти бандиты делали. Всех их, собак, с лица земли стереть надо». (ПАВЛОВ, рабочий завода им. Молотова в Хабаровске.)

«Мало этих бандитов расстрелять, нужно устроить им казнь пострашнее, чтобы отбить другим охоту пакостить». (ЗЕЛЕНИХИН, рабочий завода им. Орджоникидзе в Хабаровске.) «Что только этой своре не хватало, они все сидели у руководства и в то же время занимались предательством. Собакам один ответ — уничтожить их как гадюк». (ОЖЕРЕЛЬЕВ, счетовод ГВФ в Хабаровске.)

«Таких гадов не только расстрелять, мучить надо, отнимать по одному члену каждый день, чтобы их мучение было не минутное, а месяцами, годами». (Красноармеец батальона связи КРИКУНОВ.)

«Советская власть создала все условия врачам, товарищ КУЙБЫШЕВ лично помогал организовывать медицинский институт, а ПЛЕТНЕВ его умертвил, мы всем им требуем смерти». (Военврач госпиталя в Куйбышеве ГЛЕЙХЕНГАУЗ.)

«Мы требуем только смерти, несмотря на то, что не исключена возможность, что иностранные государства будут возмущаться такой расправой. Профессор ПЛЕТНЕВ большой специалист, но все равно мы требуем жестокой с ним расправы». (Врач того же госпиталя ПЕТРОВ.)

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

«Такое предательство не имеет себе равного в истории, но меня поразило известие, что в этой банде участвовали врачи». (Врач БОЕВ в Ворошилове.)

Отмечено многочисленное высказывание благодарности товарищу ЕЖОВУ за успешное раскрытие заговора. Особую ненависть проявляют к ТРОЦКОМУ. В ряде мест выносятся предложения о суде над Троцким. «Потребовать, чтобы ТРОЦКОГО выдали СССР как уголовного преступника, если же это не будет выполнено, то с той страной, где находится ТРОЦКИЙ, прекратить дипломатические отношения». (Предложение служащего Ворошиловского авторемонтного завода БЕНЮКА на митинге.)

Контрреволюционное высказывание: «Пусть травят один другого, нам от этого хуже не будет, только лучше. Видно, что троцкисты не спят, не тем, так другим косят коммунистов». (ЖАРИКОВ и ПАЗМИСОВ — участники контрреволюционной группы в Благовещенске, арестовываются.)

«Все, что пишут о них в газетах, это ложь» (ВЛАСОВ — техник Управления связи в Николаевске, арестован).

«БУХАРИН, РЫКОВ и другие являются подлинными защитниками народа, а теперь их судят и, конечно, расстреляют» (МАКАРОВ, кулак, высланный в Нижне-Амурскую область, арестовывается). «Мало вредят советской власти, надо вредить больше. Жаль, что этих людей расстреливают» (ТАРФЕНОВА, единоличница села Мариинска, арестовывается). «Конечно, правотроцкисты опоздали со своими действиями, а если бы они меньше дискуссировали с партией, одержали бы победу, то нам бы жилось лучше, чем сейчас» (Инженер-конструктор завода № 202 СЛАВЯНСКИЙ, арест оформляется).

«Пусть и этих расстреляют, еще найдутся смелые люди, которые сделают свое дело. Тех, кто хочет отомстить советской власти, расстрелами не устрашит, а я вот тоже хотел бы мстить советам» (ЛИСИЦКИЙ — раскулаченный, работает на заводе им. Орджоникидзе в Хабаровске, арестовывается).

На митинге медицинского института выступил техработник кафедры неорганической химии ХОДАКОВСКИЙ, кулак: «Здесь обвиняют кулаков. Кулаки в 1917—1918 гг. не понимали, что они идут за капиталистами, и вообще они не понимают, что поддерживали контрреволюцию».

ЛЮШКОВ

6.III.38 г. № 2615

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 181. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 182—184. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 48
ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г. ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

11 марта 1938 г.

№ 101821[1]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

[1] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.

Направляю копию телеграммы № 115352 начальника УНКВД по Ленинградской области товарища ЛИТВИНА[I] — отклики населения на процесс «право-троцкистского блока».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1306

Из Ленинграда 10 марта 1938 г.

НАРКОМУ ВНУДЕЛ товарищу Ежову

Рабочие, интеллигенция и Красная армия города Ленинграда и области продолжают широко обсуждать происходящий процесс и единодушно требуют уничтожения банды БУХАРИНА, РЫКОВА и других наймитов фашизма.

Писатель ШВАРЦ заявил: «Предъявленное обвинение этой банде совершенно справедливо. Я лично слышал от ПЕШКОВЫХ, что враг КРЮЧКОВ применял такие методы, которые привели к смерти сына М. ГОРЬКОГО».

Курсант военной школы САПОГОВ А. заявил: «Эта банда БУХАРИНА в лице садиста профессора ПЛЕТНЕВА, начиная с первых дней советской власти, каждый день вредила. Их было трудно разоблачить, а ежовцы их разоблачили, это замечательно. Я шлю только смерть этой проклятой банде».

Инженер МОРОЗОВ С.И. заявил: «Красочно показано этим процессом лицо РЫКОВА и других. Эта банда была против Октябрьского вооруженного восстания, зато теперь они говорят о захвате власти вооруженным путем и другими пошлыми приемами. Этих паразитов надо только уничтожить».

Служащий управления Лен. жил. строительства Ленсовета ТРОЧЕНКО заявил: «Этих иезуитов надо приковать к позорному столбу».

Рабочий ВОКОВАНОВ заявил: «БУХАРИНА и его всю банду я бы лично расстрелял. До чего они опустились, даже потеряли всякий человеческий облик. Их надо уничтожить, чтобы они не портили воздух на нашей счастливой родине».

Домохозяйка РАШМ заявила: «Это банда, а не какие-то политические деятели. КРЕСТИНСКИЙ мечется как крыса в мышеловке, то отрицает, то подтверждает свою гнусность. Их всех надо стереть с лица земли».

Председатель к/х «Голубыль», Псковский округ, МИХАЙЛОВ заявил: «Мы, колхозники, возмущены предательской работой врагов народа, трудно себе представить, сколько вреда они принесли сельскому хозяйству. Мы требуем уничтожения этой банды».

Налоговый инспектор Псковского округа СОЛОВЬЕВ заявил: «Эту фашистскую банду я не расстреливал бы, а замучил бы их медленной пыткой».

Наряду с возмущением трудящихся города Ленинграда и области, антисоветские элементы продолжают распространять контрреволюционную клевету и антисоветскую агитацию в защиту врагов народа.[II]

Писатель ТИХОНОВ Н.С. заявил: «Ни одного писателя на процесс не допустили. Вот когда вырисовывается подлинная история революции. Все

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

[II] * * — рядом на полях горизонтальная линия (красный карандаш).

другие истории нашей революции надо уничтожить. Для будущих писателей это богатейший материал».

Писатель РАДИЩЕВ Л.Н. заявил: «Поведение подсудимых на процессе является противоестественным. Как можно за несколько дней до смерти порочить и шельмовать себя самого и дело, в которое перед тем только верил. Смехотворно слушать, когда КРЕСТИНСКИЙ одни сутки продержался, отрицая свою вину, а затем признал все от начала до конца».

Писатель БОРИСОГЛЕБСКИЙ заявил: «Этот процесс меня мало интересует, так как все предыдущие процессы, и подсудимые говорят одними и теми же словами. Такую мразь, которая не умеет за себя постоять, действительно надо уничтожить».

Слесарь-сборщик завода «Большевик» ФЕДОРОВ П.И. заявил: «Я сомневаюсь в справедливости процесса. РЫКОВ и БУХАРИН в прошлом крупные "политические" работники, и вдруг враги. Здесь значит не все в порядке в правительстве, поэтому они и пошли против него».

Кочегар 8 школы МИСУЛЯ заявил: «Все обвиняемые — это герои. Сколько они проделали работы по своей линии в течение всего времени и так искусно маскировались».

Начальник Проектного отдела Ленэнерго БРОДСКИЙ Е.Ф. заявил: «В этот процесс я не верю, так как правительством это создано специально из политических соображений, неизвестных нам. Не может быть, чтобы РЫКОВ, БУХАРИН и другие, всю свою сознательную жизнь боровшиеся за рабочий класс, вдруг стали бороться против него».

«Врачей ЛЕВИНА и других я оправдываю, так как их заставил сделать преступление ЯГОДА — попробуйте отказаться и не выполнить его приказания».

Секретарь Электротехнического института БРОДСКАЯ М.Я. заявила: «Это не процесс, а сенсация, чему большинство, в том числе и я, не верим. Я специально выключаю радио, чтобы ничего не слышать о процессе. Население терроризировано НКВД, и боятся все, как огня. Особенно за последнее время, это и доказывает процесс, из которого видно, что врачей ЛЕВИНА и других на преступление толкнуло НКВД».

Домохозяйка ГУЩЕНОК Ю. среди жильцов дома заявила: «ТРОЦКИЙ молодец, он хорошо работает за границей. Я не одобряю обвиняемых, они все время собирались провести террор на СТАЛИНА, а ничего не сделали. Не понимаю, почему ЯГОДА не сумел совершить теракта, ведь он был так близок к правительству». (ГУЩЕНОК арестовывается.)

Бывший кулак Псковского района ДМИТРИЕВ среди крестьян деревни заявил: «Политику, которую проводил РЫКОВ и БУХАРИН по крестьянскому вопросу, нам надо поддерживать, это правильная политика». (Арестован.)

Бывший белобандит Псковского района ГРИГОРЬЕВ П. среди крестьян заявил: «БУХАРИН и РЫКОВ — это наши крестьянские вожди и мы их должны отстаивать». (Арестован.)

ЛИТВИН

№ 115352

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 216. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 217—220. Заверенная копия на телеграфном бланке НКВД с указанием номера меморандума, места отправления и даты. Машинописный текст.

№ 49

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

11 марта 1938 г.

№ 101825[I]
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю копию агентурных донесений о настроениях в семье ПЕШКОВЫХ[II] в связи с процессом «право-троцкистского блока».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: «Знакомый» Принял: КРЕЙНИН

8 марта с.г. Мария Федоровна АНДРЕЕВА по поводу допроса ЛЕВИНА, ЯГОДЫ и КРЮЧКОВА говорила несколько «артистически» и с театральными жестами: «Ужасно, ужасно, ведь убили такого человека! Не просто милого, доброго Алешу (Алексея Максимовича), убили ведь Максима ГОРЬКОГО».

Вместе с тем у М.Ф. АНДРЕЕВОЙ чувствуется различное отношение к отдельным подсудимым. Наиболее сдержанна она в отношении КРЮЧКОВА: «Что же КРЮЧКОВ? Он был всегда сухим, черствым человеком, но, конечно, от него нельзя было ожидать таких преступлений. Он любил говорить: "Ах, зачем я не умер в детстве" — и выходит, что он говорил верно. Он был очень работоспособным, энергичным, большим организатором и это-то и ценил в нем Алексей Максимович. Он никогда не терял головы, даже когда был нетрезв».

«То, что Екатерина Павловна рассказывает о его циничных записях в расписании лекарств во время последней болезни Алексея Максимовича, — я в это не верю. Екатерине Павловне нельзя верить ни в едином слове. Это большая гадина, и притом злая гадина. Больше всего мне жалко Надю (Надежду Алексеевну). У нее в семье есть душевнобольные, и я боюсь, что ее психика не выдержит. Я уверена, что Екатерина Павловна сейчас принимает все меры к тому, чтобы Надя сошла с ума. Вы понимаете, ей это выгодно, тогда ведь Екатерина Павловна станет опекуншей над внучками, а ей только этого и хочется. Это она, Екатерина Павловна, так воспитала Макса, что из него ничего не вышло. А теперь она хочет забрать в свои руки и внучек. А что она болтает о том, что всегда была против ЯГОДЫ! Ведь она все годы работала как председательница польского Красного Креста под крылышком у Ягоды. Вы подумайте! Жена Максима ГОРЬКОГО — председательница польского Красного Креста! Это же скандал! Она эсеркой была и эсеркой осталась».

«Я не могу себе простить того, что, подавшись на некоторые, чисто женские мотивы, ушла в 1921 г. от Алексея Максимовича». «Тогда была эта история с Марией Ингнатьевной БУДБЕРГ, и я отступилась. Если бы я была при Алексее Максимовиче, ничего бы этого не было».

[I] Делопроизводственный номер и дата вписаны секретарем.
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).

Говоря об ЕНУКИДЗЕ, Мария Федоровна АНДРЕЕВА только восклицала: «Ах, ЕНУКИДЗЕ, ЕНУКИДЗЕ, каким он представлялся хорошим и благородным человеком».

О МЕНЖИНСКОМ Мария Федоровна неожиданно сказала: «А я уверена, что МЕНЖИНСКИЙ сам был в право-троцкистском блоке, он был очень неверный человек. ЯГОДА его убил только по личным мотивам».

НАЧ. 1 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ РАЙХМАН

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: «ЗНАКОМЫЙ» Приняли: РАЙХМАН и КРЕЙНИН

Вчера (9 марта) вечером на Малой Никитской, 6 были: Екатерина Павловна ПЕШКОВА, Надежда Алексеевна ПЕШКОВА, И.П. ЛАДЫЖНИКОВ (немного времени), И.Н. РАКИЦКИЙ, брат Надежды Алексеевны и писатель И. БАБЕЛЬ.

Екатерина Павловна говорила, что процесс поднимает и проблему морали, что сейчас уже взялись за укрепление семьи, за оздоровление быта, а после процесса нужно поставить проблемы морали, потому что как подсудимые свидетельствуют о полном моральном разложении, так и публика, которая хохочет в страшных местах процесса, тоже является морально неустойчивой.

Надежда Алексеевна, в крайне апатичном и безучастном настроении, почти совсем не говорила, сказала только: «Мне стыдно, что я хорошо относилась к такому не человеку, а извергу, как ЯГОДА, и идеализировала его. Какая я была доверчивая и наивная, но правда все здесь были наивные, потому что и Алексей Максимович идеализировал и доверял КРЮЧКОВУ. Ну, это будет мне такой урок, что я теперь уже никому не верю».

Екатерина Павловна отдельно сказала, что она очень боится, вдруг ЯГОДА на закрытом заседании потребует вызова Тимоши, желая ее повидать (или желая посмотреть на нее) в качестве свидетельницы.

На вопрос к Надежде Алексеевне, как же с ее письмом товарищу Сталину, она ответила: «Не знаю, кажется, Екатерина Павловна переслала его».

10 марта с.г. И.П. ЛАДЫЖНИКОВ сказал, что в доме все то же тревожное и беспокойное состояние. Обеспокоены тем, что взяли ЛИПУ на суд, а до сих пор она не возвращается.

«Екатерина Павловна и Соловей, — сказал И.П. ЛАДЫЖНИКОВ, — насели на Тимошу и прямо-таки стращают и запугивают ее, и та совсем потеряла голову. Екатерина Павловна корит Тимошу за Липу, подчеркивает, что она, Екатерина Павловна, всегда была против Липы и настаивала на том, чтобы Липу убрали. У Екатерины Павловны невозможный характер, и она сейчас совсем застращала Тимошу, и та боится и ожидает, что ее могут вызвать в суд. Об этом ей сказала Екатерина Павловна. Днем 10 марта в доме ничего не знали и не знают, что было на закрытом заседании».

НАЧ. 1 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ РАЙХМАН

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: «Знакомый» Принял: КРЕЙНИН

8 марта с.г. Екатерина Павловна ПЕШКОВА была в состоянии почти невменяемом, не отвечала на вопросы, избегала людей.

После допроса ЛЕВИНА она только восклицала: «ЛЕВИН! Тот ЛЕВИН, которого так любил Алексей Максимович, к которому все относились как к своему человеку. Он разыгрывал такого друга всей семьи, лечил и был заботлив и к детям, и даже к бабушке (мать Екатерины Павловны)».

По поводу отрицания ЯГОДОЙ его вины в убийстве Макса и МЕНЖИНСКОГО, Е.П. ПЕШКОВА сказала: «Что задумал ЯГОДА? Вероятно, ему даже при всех его преступлениях стало стыдно передо мной и Верой Рудольфовной».

На вечернем заседании Е.П. ПЕШКОВА чувствовала себя физически еще хуже. Во время короткого перерыва она сказала только: «Я креплюсь все время, но один раз не выдержала, когда ЯГОДА сказал, что по поводу убийства Макса он даст объяснения на закрытом заседании».

После этого Екатерина Павловна ПЕШКОВА подошла к профессору БУРМИНУ и еще врачу из экспертизы и некоторое время разговаривала с ними.

После вечернего заседания она была в совершенной прострации и только повторяла: «Зачем ЯГОДЕ нужно еще закрытое заседание? Неужели это может, он думает, в чем-то ему облегчить? Неужели среди таких преступлений ему нужно еще говорить на закрытом заседании о Тимоше? Хотя бы здесь сохранил какое-то благородство.

Я боюсь за психику Тимоши. Не сказать ей об этом. Но все равно будет ведь в газетах».

По всему видно, что закрытое заседание страшно тревожит Екатерину Павловну ПЕШКОВУ.

п.п. НАЧ. 1 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ РАЙХМАН

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник: «Алтайский» Принял: ЖУРБЕНКО

Последние дни Е.П. ПЕШКОВА мне рассказывала много интересного. Разные тайны вокруг ГОРЬКОГО. Я могу теперь сказать, что представляю интерес как мемуарист. В доме у ПЕШКОВОЙ трагическая атмосфера. Ведь она по характеру, по морали стоит гораздо выше самого ГОРЬКОГО. А ее сын, наученный ЯГОДОЙ, кричал: «Ты польская шпионка». Она была другом ДЗЕРЖИНСКОГО, хотя и была эсеркой. Когда ДЗЕРЖИНСКИЙ уходил в ВСНХ, он вызвал к себе МЕНЖИНСКОГО и ЯГОДУ и сказал им при ней: «Если Екатерина Павловна Вами будет недовольна, значит, вы совершили что-нибудь нехорошее». Екатерина Павловна считает, что Максима, конечно, убили, но не верит в убийство А.М. ГОРЬКОГО, вокруг него были чекисты, и позорного убийства там не было.

НАЧАЛЬНИК 9 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЖУРБЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 221. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Н.И. Ежова, подчеркивание неизвестного. Л. 222—228. Заверенные копии. Машинописный текст.

№ 50

ЗАПИСКА М.П. ФРИНОВСКОГО И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ, ФАШИСТСКОЙ ПРЕССЫ И ДРУГИХ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

14—15 марта 1938 г.

№ 101919
Совершенно секретно

ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

Направляю Вам агентурные донесения агентов «Костромского», «Карлова», «Соррентийца» и «Северного» об откликах по судебному процессу[I].

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР ФРИНОВСКИЙ

АГЕНТУРНО

Агент «Карлов» Принял: ЖУРБЕНКО
10/III-38 г.

Отклики иностранных корреспондентов по судебному процессу

Иностранные корреспонденты считают, что показания врачей самый интересный момент процесса с точки зрения «газетной сенсации».

«Сам РОЛЛЕС (автор детективных и уголовных романов) ничего более запутанного и криминального не придумал бы», — говорят американские корреспонденты.

Самой «зловещей фигурой в процессе» они считают ЯГОДУ. По их мнению, не участвуй ЯГОДА в заговоре право-троцкистского блока, не было бы и самого блока, так как он давным-давно был бы разгромлен, и не было бы кошмарного преступления тройки врачей.

Вальтер ДЮРАНТИ говорит, что как ни старался ЯГОДА изобразить на допросе смирную овечку — он хищный волк, «правда, волк в капкане» все же временами выглядывал из него. Это у него, говорит ДЮРАНТИ, прорывалось в жестах, в некоторых ответах ВЫШИНСКОМУ, в оскале зубов и во взглядах.[II]

Когда Прокурор заговорил о «талисмане», найденном в кармане у РОЗЕНГОЛЬЦА, немецкий корреспондент ШЮЛЛЕ заметил: «Теперь, помимо прочих чудес, в дело вступает черная магия».

Иронический смех у них вызвал и вопрос ВЫШИНСКОГО КАЗАКОВУ, «не страх ли побудил его исполнять поручение ЯГОДЫ об умерщвлении МЕНЖИНСКОГО».

Корреспонденты также выражают «удивление» по поводу «слабой» деятельности заговорщиков. Если правда, что в заговоре участвовал глава Управления Государственной Безопасности, в руках которого находилась охрана руководителей Партии и Правительства, то почему, спрашивают они, заговорщики довольствовались террором по отношению к второстепенным фигурам, когда они имели возможность уничтожить главных.

НАЧ. 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ ЖУРБЕНКО

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (красный карандаш).
[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

АГЕНТУРНО

Агент «Северный» Принял: ПАВЛОВСКИЙ

ОСТРОВЕР Леон Исаакович, писатель, член ССП.

«Все происходящее сейчас напоминает историю великой французской революции. ДАНТОН казнил РОБЕСПЬЕРА, а затем правые казнили ДАНТОНА. Внутрипартийная борьба всегда обостряется в момент "термидора". У нас не исключена такая развязка.

ЕГОРОВ судил ТУХАЧЕВСКОГО, а теперь сам ожидает смертного приговора[359]. Наша страна похожа на кипящий вулкан. Мы все можем взлететь на воздух».

НАЧ. 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ ЖУРБЕНКО

АГЕНТУРНО

Агент «КОСТРОМСКОЙ» Принял: ВЕПРИНЦЕВ

Об отношении к процессу со стороны фашисткой прессы

Исландскому писателю ЛАКСНЕСУ уже известно, как видно из его слов, отношение германской фашистской прессы к процессу.

О прошлых процессах она писала как от «инсценировке», по поводу настоящего процесса признает, что все, что говорится там, — правда, но комментирует так: «Что же это за правительство, среди которого могли быть такие люди».

Присутствовавший на процессе юрисконсульт французской компартии ВИДАЛЬ показывал некоторым журналистам привезенные им из Парижа вырезки из газеты «Поппюлер» и другие.

В «Поппюлер» помещена большая статья ДАНА, в которой тот категорически заявляет, что не только не вел с ЧЕРНОВЫМ никаких переговоров, но вообще никогда не знал и не видел ЧЕРНОВА.

В другой газете помещена очень злобная антисоветская статья ЛЕРУ (бывший секретарь БУХАРИНА).

НАЧ. 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ ЖУРБЕНКО

АГЕНТУРНО

Агент «Соррентиец» Принял: ВЕПРИНЦЕВ

Разговор при выходе из здания суда с ЛИНДОМ (пресс-атташе шведского посольства).

Источник спросил, как он объясняет запирательство ЯГОДЫ насчет убийства МЕНЖИНСКОГО и Макса ПЕШКОВА (это было после утреннего заседания).

Он сказал, что, по-видимому, ЯГОДА был влюблен в жену Макса, и ему было неудобно говорить открыто, что он убил ее мужа.

Источник слышал разговор между двумя французскими журналистами о следующем: «Раз ЯГОДА имел в распоряжении шпионов ПАУКЕРА, ВОЛОВИЧА и других, а они ведали охраной членов ПБ и правительства, то он мог бы прямо осуществить теракт. Зачем же он этого не сделал, а прибегал к помощи врачей...»

ЗАСЛАВСКИЙ из «Правды» говорил, что рискованно для обвинителя задавать такому прожженному типу, как БУХАРИН, вопросы, которых не

было в предварительном следствии (о шпионаже). Этим обвинитель дал в руки оружие БУХАРИНУ.

Он же говорил: «В общем хорошо, что БУХАРИН кое в чем упорно не сознается. За границей увидят, что у нас в суде есть борьба сторон, а не сплошное покаяние».

Некоторых присутствующих на суде коробит фраза о «дворцовом перевороте». Ее употреблял и ЯГОДА в очень важном месте своих показаний.

Так как разговоры БУХАРИНА на ту же тему не были опубликованы в газетном отчете от 8 марта, то многие из соседей источника на скамьях подсудимых рассуждают, что этот вопрос снимается, как неудобный и неприятный.

Кто-то говорил даже о том, что ВЫШИНСКОМУ нагорело за то, что он употребил и повторял этот термин.

Высказывались пожелания, чтобы в обвинительной речи обвинитель квалифицировал это действие («дворцовый переворот») как план разбойничьего нападения, план злодейского нападения на членов правительства и руководителей партии. Говорить же о том, что понятие «дворцовый переворот» связано только с Кремлем, территориально, как говорил ВЫШИНСКИЙ, не вполне парализует клеветнические понятия этого термина.

НАЧ. 9 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ
МАЙОР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ ЖУРБЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 229. Подлинник. Машинописный текст на бланке НКВД СССР с указанием даты и делопроизводственного номера, подпись Фриновского, подчеркивание неизвестного. Л. 230—235. Подлинники. Машинописный текст, подпись Журбенко, подчеркивание неизвестного.

№ 51

ЗАПИСКА Н.И. ЕЖОВА И.В. СТАЛИНУ И В.М. МОЛОТОВУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ КОПИИ ПИСЬМА А. КУРЕЛЛЫ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕРКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СМЕРТИ А. БАРБЮСА

20 марта 1938 г.

№ 102110

тов. СТАЛИНУ
тов. МОЛОТОВУ

Направляю копию письма А. Курелла.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВ

Перевод с немецкого

К ВОПРОСУ О СМЕРТИ АНРИ БАРБЮСА

Я думаю, что в свете процесса Бухарина—Рыкова не у меня одного появилась мысль, что смерть Анри Барбюса не случайна. Однако считаю нужным указать на некоторые известные обстоятельства, которые мне известны как ближайшему сотруднику и другу Барбюса за последние годы и которые дают право предполагать возможность, что Барбюс также стал жертвой преступления.

1. Внешние обстоятельства смерти Барбюса совпадают с обстоятельствами смерти Горького. Барбюс тогда выехал в Москву в особо хорошем состо-

янии здоровья. Воспаление легких в 1935 г. он тогда перенес легко. В то время, когда я почти ежедневно бывал с ним — он был особенно бодрым.

2. К Барбюсу относится в точности то же, что указано в обвинительном акте о враждебности троцкистов и Троцкого лично по отношению к Горькому и,

а) после Амстердамского конгресса Троцкий и его печать особенно вели зловредную травлю против Барбюса лично;

б) агент Пятницкого — Карольский позволяет себе во время подготовки антифашистского мирового конгресса (1933 г.) в Копенгагене безобразные выпады против Барбюса;

в) французские троцкисты были особенно озлоблены против Барбюса, так как он в сентябре месяце 1933 г. поручил мне произвести чистку редакции «Монд» от троцкистов и полутроцкистов (что я и сделал). Их ненависть усилилась особенно, т.к. эти люди до Амстердамского конгресса продолжительное время пытались завербовать Барбюса на свою сторону.

3. Летом—осенью 1933 г. появилась особенно сильная ненависть против Барбюса у Пятницкого и Кнорина. Я знаю подробно все причины до мелочей, могу говорить о них лишь с особого разрешения, т.к. это касается секретнейших дел Коминтерна и даже выходят за эти рамки.

Необходимо также еще установить, кто из кремлевских врачей лечил Барбюса.

Альфред КУРЕЛЛА

8.03.38 г.

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 44. Л. 257—260. Заверенная копия.

№ 52
СПРАВКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР И.А. СЕРОВА О ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

7 июля 1956 г.

Совершенно секретно

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Направляю Вам справку по вопросам, изложенным в протоколе Комиссии ЦК КПСС от 2 июля 1956 г.[360]

И. СЕРОВ

7 июля 1956 г.[1]
№ 1687-С

Совершенно секретно

Справка
по материалам дела антисоветского «право-троцкистского блока»

Возникновение дела

По делу антисоветского «право-троцкистского блока» были привлечены к уголовной ответственности и Военной Коллегией Верховного Суда СССР осуждены:

[1] Дата вписана И. Серовым.

БУХАРИН Николай Николаевич
РЫКОВ Алексей Иванович
ЯГОДА Генрих Григорьевич
КРЕСТИНСКИЙ Николай Николаевич
РОЗЕНГОЛЬЦ Аркадий Павлович
ИВАНОВ Владимир Иванович
ЧЕРНОВ Михаил Александрович
ГРИНЬКО Григорий Федорович
ЗЕЛЕНСКИЙ Исаак Абрамович
ИКРАМОВ Акмаль
ХОДЖАЕВ Файзулла
ШАРАНГОВИЧ Василий Фомич
ЗУБАРЕВ Прокопий Тимофеевич
БУЛАНОВ Павел Петрович
ЛЕВИН Лев Григорьевич
КАЗАКОВ Игнатий Николаевич
МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ Вениамин Адамович (Абрамович)
КРЮЧКОВ Петр Петрович
к высшей мере уголовного наказания — расстрелу;

19. ПЛЕТНЕВ Дмитрий Дмитриевич — к 25 года тюремного заключения;

20. РАКОВСКИЙ Христиан Георгиевич — к 20 годам тюремного заключения и

21. БЕССОНОВ Сергей Алексеевич — к 15 годам тюремного заключения.

*Как видно из материалов дела, до ареста БУХАРИНА Н.И., РЫКОВА А.И., КРЕСТИНСКОГО Н.Н. и других органы НКВД и Прокуратура СССР проверенными данными об организованной деятельности названных лиц и существовании т.н. «право-троцкистского блока» не располагали[I].

Имеющиеся к тому времени показания ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, СОКОЛЬНИКОВА и РЕЙНГОЛЬДА о преступной деятельности БУХАРИНА и РЫКОВА были отвергнуты Прокуратурой СССР как недостоверные[II].*[III]

Прокурор СССР ВЫШИНСКИЙ А.Я., проведя специальное расследование, пришел к выводу об отсутствии доказательств вины БУХАРИНА и РЫКОВА и в связи с этим 23 сентября 1936 г. направил для согласования на имя СТАЛИНА И.В. проект постановления о прекращении уголовного преследования против БУХАРИНА и РЫКОВА, возбужденного по материалам процесса «троцкистско-зиновьевского центра»[361].

Однако после этого органы НКВД развили бурную деятельность по сбору новых «доказательств» существования организованной антисоветской деятельности правых и, в частности, БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО. В декабре 1937 г. — феврале 1938 г.[362] арестовываются участники так называемой бухаринской «школки», и появляются показания АСТРОВА, ЦЕТЛИНА, АЛЕКСАНДРОВА и других, в это же время начинает давать показания на БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО и ранее осужденный по другому делу РАДЕК.

*БУХАРИН и РЫКОВ, ознакомившись с предъявленными им материалами, категорически отрицали какую-либо свою вину в проведении антисоветской деятельности, они признавали лишь то, что в 1928—1929 гг. вели борьбу против генеральной линии партии, но утверждали, что в последние

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

годы искренне поддерживали руководство партии и не имели с ним никаких принципиальных расхождений. Отрицая свою вину, БУХАРИН, в частности, указывал на действительно имевшиеся серьезные противоречия и нелепости в показаниях арестованных и просил назначить для проверки их специальную следственную комиссию.*[I]

В феврале 1937 г. после доклада ЕЖОВА Пленуму ЦК ВКП(б) БУХАРИН и РЫКОВ были арестованы[363].

Несколько ранее был привлечен к уголовной ответственности РАКОВСКИЙ Х.Г.

НКВД СССР в спецсообщении на имя СТАЛИНА И.В., испрашивая согласие на арест РАКОВСКОГО, указывал, что последний показаниями ПЯТАКОВА, КАСПАРОВОЙ, НИКОЛАЕВА, ТЕР-ВАГАНЯНА и других, а также агентурными материалами изобличается как один из активных участников троцкистско-зиновьевской террористической организации.

В действительности никаких агентурных материалов о преступной деятельности РАКОВСКОГО в органах НКВД не имелось, а показания названных выше лиц были неконкретны и сомнительны в своей достоверности.[II]

Так, ТЕР-ВАГАНЯН, ссылаясь на СМИРНОВА И.Н., показал о том, что РАКОВСКИМ в 1932 г. был «написан новый контрреволюционный документ». Показаний же СМИРНОВА по этому поводу не имелось.

Арестованный НИКОЛАЕВ дал неконкретные показания о принадлежности РАКОВСКОГО к запасному «особо законспирированному центру» в составе ПЯТАКОВА, СОКОЛЬНИКОВА и РАДЕКА, о чем ему якобы стало известно со слов ДРЕЙЦЕРА. Однако никто из указанных НИКОЛАЕВЫМ лиц таких показаний не давал.

КАСПАРОВА показала, что РАКОВСКИЙ в двурушнических целях заявил о своем отходе от оппозиции, а в действительности не порывал с ней и в 1933 г., излагая свои антисоветские суждения, в письмах сообщал ей о создании троцкистско-зиновьевского блока на террористической основе.

К делу на РАКОВСКОГО была также приобщена выписка из показаний ПЯТАКОВА, в которой указывается, что «у РАКОВСКОГО существует какая-то своя линия связи с ТРОЦКИМ». В действительности же ПЯТАКОВ таких показаний не давал.

В марте—мае 1937 г. были арестованы БЕССОНОВ С.А., ЗУБАРЕВ П.Т., ЯГОДА Г.Г., БУЛАНОВ П.П. и КРЕСТИНСКИЙ Н.Н.

На БЕССОНОВА имелись показания БУХАРЦЕВА о том, что БЕССОНОВ им был завербован в 1936 г. в троцкистскую организацию, а также показания КУШНЕРА, характеризовавшего БЕССОНОВА как «неразоблаченного врага партии», допускавшего клевету на руководителей ВКП(б).

На ЗУБАРЕВА до его ареста, как видно из приобщенной к делу справки, имелись показания ЮЛИНА, МЕДНИКОВА и ЕЛЬКОВИЧ. Они назвали его в числе руководителей контрреволюционной организации на Урале.

Какие материалы послужили основанием к аресту КРЕСТИНСКОГО, БУЛАНОВА и ЯГОДЫ, из дела установить не представляется возможным[III].[IV]

В октябре—декабре 1937 г. по показаниям ЯГОДЫ были арестованы КРЮЧКОВ и ЛЕВИН, а на основании показаний ЛЕВИНА тогда же арес-

---

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[III] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

тованы ПЛЕТНЕВ, КАЗАКОВ и МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ, обвинявшиеся в злодейском умерщвлении В.В. КУЙБЫШЕВА, В.Р. МЕНЖИНСКОГО, М. ГОРЬКОГО и его сына М.А. ПЕШКОВА.

Проходящие по настоящему делу ЗЕЛЕНСКИЙ И.А., ШАРАНГОВИЧ В.Ф., ГРИНЬКО Г.Ф., ИКРАМОВ А. и ХОДЖАЕВ Ф. были арестованы в июле—сентябре 1937 г.

Основанием к аресту ЗЕЛЕНСКОГО послужили показания обвиняемых ЛОБОВА и КОМАРОВА (в настоящее время оба реабилитированы) о том, что он присутствовал на антисоветских сборищах участников организации правых.

В отношении ШАРАНГОВИЧА фактически имелись показания только одного РАЧИЦКОГО, назвавшего его в числе участников антисоветской организации.

ХОДЖАЕВ был подвергнут аресту на основании показаний РЫСКУЛОВА и РЫКОВА.

РЫСКУЛОВ показал, что ХОДЖАЕВ вместе с ним в 1930 г. вошел в состав антисоветского пантюркистского центра, который впоследствии установил связь с организацией правых и одобрил их террористические планы. А РЫКОВ о ХОДЖАЕВЕ сказал, что он «в той или иной степени» сочувствовал правым.

К моменту ареста ИКРАМОВА имелись показания АНТИПОВА, РУМЯНЦЕВА (оба реабилитированы), БУХАРИНА, ИРМАТОВА и БАЛТАБАЕВА о том, что он являлся одним из руководителей антисоветской националистической организации в Узбекистане.

Кроме того, арестованный АПРЕСОВ показал, что ему, как агенту английской разведки, в 1932 г. стало известно о причастности ИКРАМОВА к английским разведорганам.

В октябре—ноябре 1937 г. были арестованы РОЗЕНГОЛЬЦ А.П., ЧЕРНОВ М.А. и ИВАНОВ В.И.

О РОЗЕНГОЛЬЦЕ до его ареста показали ЛОГАНОВСКИЙ и РАКОВСКИЙ.

ЛОГАНОВСКИЙ утверждал, что РОЗЕНГОЛЬЦ, будучи наркомом внешней торговли, поддерживал подозрительные связи с представителями польского посольства в Москве и проводил вредительскую деятельность в области внешней торговли.

По показаниям РАКОВСКОГО РОЗЕНГОЛЬЦ проходит как агент английской разведки.

Арест ЧЕРНОВА был произведен на основании показаний РАДЧЕНКО о том, что он с 1931 г. «был организационно связан с центром правых» и проводил вредительскую деятельность, и утверждений ГАЛЕВИУСА и ГАЙСТЕРА о том, что ЧЕРНОВ, как нарком земледелия, покровительствовал участникам вредительской организации в сельском хозяйстве.

В отношении ИВАНОВА имелись показания арестованных по другим делам КАМИНСКОГО и ГОРОХОВА о том, что они со слов других лиц знали о его принадлежности к антисоветской организации правых, и показание СОБОЛЕВА, что в его присутствии ИВАНОВ высказывал антисоветские суждения.

II. Сущность обвинения

*БУХАРИН Н.И., РЫКОВ А.И., ЯГОДА Г.Г. и другие привлеченные по настоящему делу лица были признаны виновными в том, что они:

1. по заданию иностранных разведок организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», ставившую своей целью

свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу иностранных государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья;

2. систематически занимались шпионажем в пользу иностранных государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными сведениями.*[I]

В частности, КРЕСТИНСКИЙ и ЧЕРНОВ обвинялись в принадлежности к германским разведорганам, РОЗЕНГОЛЬЦ — германским и английским разведорганам, РАКОВСКИЙ — английским и японским разведорганам, ШАРАНГОВИЧ — польским разведорганам и ГРИНЬКО — польским и германским разведорганам;

3. систематически организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства и транспорта;

4. организовали террористические акты против С.М. КИРОВА, В.В. КУЙБЫШЕВА, В.Р. МЕНЖИНСКОГО, А.М. ГОРЬКОГО, его сына М.А. ПЕШКОВА[II], а также пытались совершить отравление ЕЖОВА[III].[IV]

БУХАРИН, кроме того, был признан виновным в том, что в период заключения Брестского мира возглавлявшаяся им группа т.н. «левых» коммунистов вместе с группой ТРОЦКОГО и «левыми» эсерами пыталась сорвать заключение мирного договора, арестовать В.И. ЛЕНИНА, Я.М. СВЕРДЛОВА и И.В. СТАЛИНА и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

На предварительном следствии и при рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного Суда СССР все арестованные признали[V] себя виновными в предъявленном им обвинении.[VI]

III. /Анализ следственных и агентурных материалов/

В ходе проверки дела на участников т.н. «антисоветского право-троцкистского блока» были изучены относящиеся к ним следственные материалы, а также агентурные разработки, хранящиеся в КГБ при СМ СССР. Одновременно все обвиняемые, привлеченные к ответственности по настоящему делу, были проверены по государственному историческому и особому архивам, где хранятся материалы царской охранки и трофейные фонды германских, польских и французских разведывательных и контрразведывательных органов.

Все обвиняемые, привлеченные к ответственности по настоящему делу, признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. Однако в ходе проверки выяснилось, что в большей своей части эти признания были вынужденными[VII] и не отражали истины.[VIII]

*Так, РАКОВСКИЙ Х.Г., показав о своем активном участии в «право-троцкистском блоке» и сотрудничестве с японскими и английскими развед-

---

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш)
[IV] * * — рядом на полях одна вертикальная линия (красный карандаш), две вертикальные линии (синий карандаш).
[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VI] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VIII] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

органами, после суда неоднократно заявлял о своей невиновности и утверждал, что на следствии его принудили дать заведомо ложные показания.*[I]

/Агент «Анри»/, содержащийся вместе с РАКОВСКИМ в Орловской тюрьме, 17 марта 1940 г. доносил, что РАКОВСКИЙ:

«целиком опровергает свою вину, считая все, что было на процессе и следствии, сплошной комедией. Иногда вскользь он утверждал, что все свои показания он дал под давлением». (арх. дело № 300956, т. 9, л.д. 181)

Другой /агент «Дима»/, также находившийся с РАКОВСКИМ в одной камере, 2 апреля 1941 г. сообщил, что РАКОВСКИЙ в беседах с ним категорически отрицал свою причастность к право-троцкистскому блоку, говорил, что протоколы его допроса фальсифицировались и при этом заявлял:

«Я возмущался, когда АРОНСОН (следователь) написал протокол, в котором говорилось, что мы хотели восстановить капитализм. «Слушайте, — сказал я ему, — ведь это безграмотно». Он бросил скомканный протокол в лицо. Вообще, когда я писал не так, как им хотелось, то они всегда делали так...» (там же, л.д. 322)

Допрошенный 3 июля 1956 г.[II] бывший сотрудник НКВД СССР АРОНСОН Я.А. подтвердил, что следствие в отношении РАКОВСКОГО действительно проводилось в обстановке грубого нарушения норм[III] социалистической законности.[IV]

После суда РАКОВСКИЙ, ссылаясь на свой преклонный возраст и болезненное состояние, неоднократно подавал заявления, в которых ходатайствовал о помиловании. Однако просьбы РАКОВСКОГО оставались без удовлетворения.

В связи с этим 17 мая 1941 г. /агенту «Финну»/ РАКОВСКИЙ говорил:

«Я решил изменить свою тактику: до сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о самом моем деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех "тайн Мадридского двора" — советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как у нас "стряпают" дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните... когда-нибудь и трупы заговорят». (арх. дело № 300956, т. 9, стр. 239—240)

Показания РАКОВСКОГО о якобы проводившейся им преступной деятельности опровергаются также и тем, что названные им на допросах, как его сообщники, ГВАХАРИЯ, БАБАЯН и САБАНИН в настоящее время реабилитированы и дела на них прекращены. БОГОМОЛОВ, о котором РАКОВСКИЙ говорил как об участнике контрреволюционной организации, в суде виновным себя не признал.

КРЕСТИНСКИЙ в ходе следствия показал, что он являлся активным участником «антисоветского право-троцкистского блока» и в октябре 1933 г. во время пребывания в отпуске за границей, при содействии БЕССОНОВА, в городе Меране имел встречу с Л. ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ. Во время этой встречи ТРОЦКИЙ, по словам КРЕСТИНСКОГО, передал ему директиву о создании в Советском Союзе объединенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков; о необходимости применения в борьбе террора, вредительства и диверсий, а также о заключении соглашений с иностранными правительствами для свержения советского государственного строя.[V]

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[V] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

** *Однако эти показания КРЕСТИНСКОГО *не*[I] находят подтверждения[II] в оперативных материалах ИНО НКВД СССР,*[III] осуществлявшего агентурное наблюдение за ТРОЦКИМ за границей. В архивных документах ИНО НКВД не имеется никаких данных о пребывании ТРОЦКОГО и СЕДОВА в Меране, нет также данных[IV] и вообще об их встрече с КРЕСТИНСКИМ.**[V]

Сам ТРОЦКИЙ[VI] после опубликования материалов процесса корреспонденту газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн» заявил, что он

«...не имел никаких сношений с КРЕСТИНСКИМ, начиная с 1927 г., и не встречался, а также не переписывался с ним непосредственно или через третье лицо.

...он никогда не был в Меране и до получения информации сегодня от своего секретаря не знал, где находится это место...» (арх. дело № 13005, т. 3, л.д. 285)

БЕССОНОВ, подтвердив на допросах факт встречи КРЕСТИНСКОГО с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ в 1933 г. в городе Меране, после суда заявлял, что все его показания являлись вымышленными[VII].

/Агент «Благин»/, содержавшийся с БЕССОНОВЫМ в Соловецкой тюрьме, 6 мая 1939 г. сообщил, что БЕССОНОВ о процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» отзывался так:

«Весь процесс это сплошная выдумка НКВД, никаких истинных преступлений никто из обвиняемых не совершал ...» (арх. дело № 101492, т. 1, л.д. 27)

Другой /агент «Никитин»/ 29 сентября 1939 г. доносил:

«БЕССОНОВ о процессе право-троцкистского центра (1938 г.) говорил, что весь он представляет из себя сплошное надувательство[VIII], очень грубую фальсификацию. Что, например, КРЕСТИНСКИЙ действительно еще в 1922 г. и последующих годах принимал деньги от германского правительства и передавал ТРОЦКОМУ, но что все это не представляет из себя ничего контрреволюционного, так как по Версальскому договору Германия не могла обучать на своей территории военные кадры, то она сговорилась с СССР об организации нескольких военных школ в Казани и других городах СССР и за это платила деньги полпреду КРЕСТИНСКОМУ для Наркомвоенмора ТРОЦКОГО. Об этом было известно в партийных и советских кругах руководителей». (арх. дело № 101492, т. 2, л.д. 83—84)

29 апреля 1939 г. /агент «Грачев»/ по этому же поводу сообщал:

«Характеризуя процесс как просто «комедию», з/к БЕССОНОВ говорил, что все, что говорилось на процессе обвиняемыми — это были принужденные показания[IX] и в самом деле никто не замыслил против советский власти ничего». (там же, т. 1, л.д. 22)

В ходе проверки получены и другие данные, бесспорно свидетельствующие о вымышленности показаний КРЕСТИНСКОГО и БЕССОНОВА.

На допросе 28 октября 1937 г. КРЕСТИНСКИЙ, например, показал, что участники право-троцкистского блока, подготавливая свержение советской

[I] * * — сверху стоит знак вопроса (синий карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях две вертикальные линии, знак вопроса (синий карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[V] ** ** — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VIII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[IX] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

власти, обсуждали вопрос об образовании нового правительства, в состав которого намеревались включить своих сообщников: РУДЗУТАКА, АНТИПОВА, АКУЛОВА, ЛОБОВА, УНШЛИХТА, КАМИНСКОГО, БОЛОТИНА, КАЛМАНОВИЧА, УХАНОВА и АНТОНОВА-ОВСЕЕНКО.

Эти лица в свое время были арестованы и привлечены к ответственности по обвинению в проведении организованной антисоветской деятельности. В 1955—1956 гг. дела на РУДЗУТАКА, АНТИПОВА и других названных выше лиц были проверены и Военной Коллегией Верховного Суда СССР прекращены за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления.

В настоящее время также реабилитированы ГАМАРНИК, КНОРИН, РУМЯНЦЕВ, ВЕГЕР и другие, о которых КРЕСТИНСКИЙ показывал как о «врагах народа».

В свете изложенного показания РАКОВСКОГО, КРЕСТИНСКОГО и БЕССОНОВА о якобы совершенных ими преступлениях признаны быть состоятельными никак не могут.[I]

БУХАРИН[II], помимо участия в антисоветском право-троцкистском блоке, обвинялся в том, что в 1918 г., действуя в сговоре с ТРОЦКИМ и лидерами левых эсеров, он организовал заговор, ставивший целью сорвать Брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить В.И. ЛЕНИНА, И.В. СТАЛИНА и Я.М. СВЕРДЛОВА. Наряду с этим, БУХАРИНУ вменялось в вину и осуществление эсеркой Ф. КАПЛАН злодейского покушения на жизнь В.И. ЛЕНИНА.[III]

Это обвинение было основано на показаниях арестованных по другим делам МАНЦЕВА, КАРЕЛИНА, КАМКОВА, ЯКОВЛЕВОЙ и ОСИНСКОГО.

На предварительном следствии, как это говорится в обвинительном заключении, подписанном ВЫШИНСКИМ, БУХАРИН «под тяжестью улик» показал:[IV]

«Я должен признать, что у нас был непосредственный контакт с «левыми» эсерами[V], который базировался на платформе насильственного свержения советского правительства во главе с ЛЕНИНЫМ, СТАЛИНЫМ и СВЕРДЛОВЫМ, с последующим арестом ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА и созданием нового правительства из «левых» коммунистов и «левых» эсеров»[VI] (арх. дело № 967582, т. 5, л.д. 122)

Вопрос о сговоре БУХАРИНА с «левыми» эсерами расследовался еще до ареста БУХАРИНА, причем последний категорически отрицал наличие у него когда бы то ни было преступной связи с «левыми» эсерами. На очной ставке с арестованным АСТРОВЫМ, производившейся 13 января 1937 г. в ЦК ВКП(б), БУХАРИН[VII] на вопрос И.В. СТАЛИНА ответил:

«Какой смысл мне врать насчет Брестского мира. Однажды пришли левые эсеры и сказали: "давайте создадим кабинет. Мы арестуем ЛЕНИНА и составим кабинет"[VIII]. Я это после рассказал Ильичу. "Дайте мне честное слово, что вы об этом никому не скажете", — сказал Ильич. Потом, когда я дрался вместе с вами против ТРОЦКОГО, я это привел в качестве примера, вот до чего доводит фракционная борьба. Это произвело тогда взрыв бомбы».[IX]

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VI] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VII] Подчеркнуто двумя горизонтальными линиями (синий карандаш).
[VIII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[IX] * * — рядом на полях вертикальная линия (синий карандаш).

Существенно изменив эти показания в ходе предварительного следствия, БУХАРИН признал, что в 1918 г. состоял в сговоре в «левыми» эсерами. Однако на судебном процессе в последнем слове БУХАРИН в свои прежние показания внес такие коррективы, которые по существу свели на нет его признания[I] о намерении в блоке с «левыми» эсерами совершить арест и убийство ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. БУХАРИН, в частности, заявил:[II]

Я признаю тот факт, что был один разговор с КАРЕЛИНЫМ и КАМКОВЫМ, причем инициатива шла от «левых» эсеров, насчет ареста на 24 часа ЛЕНИНА и дальнейшем блоке с «левыми» эсерами. Но на первый разговор ответ был отрицательным, а насчет того, что впоследствии при посредстве ПЯТАКОВА велись переговоры с «левыми» эсерами и это можно рассматривать, как сформулировал, если не ошибаюсь, гражданин Прокурор, как попытку свержения советской власти насильственным путем — это я признаю, такой момент был. Намерение физического уничтожения — это я категорически отрицаю, и здесь никак не поможет та логика, о которой говорил гражданин государственный обвинитель ...»[III] (арх. дело № 967582, судебный отчет стр. 684)

Показания арестованного МАНЦЕВА относительно сговора БУХАРИНА с «левыми» эсерами о свержении советской власти и аресте ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА не могут быть признаны достоверными, поскольку МАНЦЕВ давал их после того, как был осужден к расстрелу. Из материалов дела на МАНЦЕВА видно, что он был арестован 22 октября 1937 г. по обвинению в принадлежности к троцкистской террористической организации. Признав себя в этом виновным, он показал, что его активной антисоветской деятельности предшествовала борьба против партии в группе т.н. «левых коммунистов», возглавлявшейся БУХАРИНЫМ. Однако о связи БУХАРИНА с «левыми» эсерами в 1918 г. МАНЦЕВ тогда ничего не показывал.

25 декабря 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР МАНЦЕВ был осужден к расстрелу. В соответствии с законом от 1 декабря 1934 г. приговор в отношении МАНЦЕВА подлежал немедленному исполнению, о чем имелось специальное упоминание в тексте приговора. Тем не менее этот приговор длительное время не исполнялся, а 31 января 1938 г. от МАНЦЕВА были получены показания о том, что в 1918 г. БУХАРИН вступил в сговор с «левыми» эсерами с целью свержения советской власти и ареста ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. После того как МАНЦЕВ дал такие показания, по протесту Председателя Верховного Суда СССР, приговор о его расстреле был отменен и дело направлено на доследование. Спустя четыре месяца после процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока, на котором МАНЦЕВ выступил в качестве свидетеля, он без производства доследования был вновь осужден к высшей мере наказания и 19 августа 1938 г. расстрелян.

Другой свидетель обвинения, выступавший на процессе по делу антисоветского блока, бывший член ЦК партии «левых» эсеров КАМКОВ Б.Д.[IV], как видно из показаний арестованного БРЮХАНОВА, содержавшегося вместе с ним в одной камере, заявлял ему:[V]

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[III] * * — рядом на полях одна вертикальная линия (красный карандаш), две вертикальные линии (синий карандаш).

[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[V] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

«Все три последние процессы такой же шантаж, как и предыдущие. В них нет ни капли правды. Никакой контрреволюционной заговорщической работы не было ни у ЗИНОВЬЕВА, ни у БУХАРИНА. Шпионаж, диверсии, вредительство, террор, умерщвление — все сплошной обман, сфабрикованный НКВД.[I] Показания добыты у обвиняемых пытками, шантажом, избиениями, угрозами, угрозами расправиться с семьями, арестами жен и т.п. средствами физического и психического воздействия. Одновременно применялись средства подкупа, задабривания обвиняемых, обещалась жизнь и прочее...»[II] (арх. дело № 967389, отдельный пакет)

После окончания процесса БУХАРИНА и других КАМКОВ был предан суду по обвинению в том, что примыкал к нелегальной террористической организации в Архангельске и распространял в тюрьме среди арестованных «гнусную клевету в связи с прошедшими судебными право-троцкистскими процессами».

29 августа 1938 г. при рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного Суда СССР КАМКОВ виновным себя ни в чем не признал и был приговорен к расстрелу.

Во время пребывания БУХАРИНА под стражей к нему в камеру помещался арестованный ЗАРИЦКИЙ Н.Д., который, будучи допрошен 3 июля 1956 г., показал:[III]

«С БУХАРИНЫМ я пробыл в течение 4—5 месяцев, до исполнения приговора в отношении его...

Еще в процессе следствия, и особенно в течение судебного процесса, БУХАРИН возмущался неправильностью предъявленных ему обвинений. Он мне говорил, что его обвиняют в подготовке к совершению террористических актов против руководителей Партии и Правительства, в попытке совершить террористический акт против ЛЕНИНА.

Он пытался убедить меня, что он все последние годы был очень близок к ЛЕНИНУ, вхож был в его семью, был по существу на положении сына, и никак не мог даже думать о совершении какого-либо акта, направленного против ЛЕНИНА.

Он также говорил мне о том, что лично хорошо относился с СТАЛИНУ, что СТАЛИН в ряде случаев оказал ему и его родственникам содействие в бытовых вопросах, и потому он никогда не мог и помышлять об его убийстве.

БУХАРИН возмущался, что его допрашивают о каких-то преступных связях с лицами, которых он вообще никогда не знал.

Когда шел судебный процесс, БУХАРИН мне заявил, что на суде люди дают вымышленные показания, говорят о существовании центра, в который якобы входил и он, хотя о существовании такого он не имеет понятия».

До ареста и находясь под следствием, БУХАРИН длительное время не признавал себя ни в чем виновным. За это время он написал много писем и заявлений на имя И.В. СТАЛИНА, в которых доказывал свое алиби. Это, а также и приведенные выше факты свидетельствуют о том, что к последующим признаниям БУХАРИНА нельзя относится с доверием. Тем более, что в результате проверки установлено, что значительная часть его показаний, бесспорно, опровергнута, как вымышленная. В частности, полностью реабилитированы 15 партийных и советских работников, которые фигурируют в показаниях БУХАРИНА как его сообщники.[IV]

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

*РЫКОВ[I] на следствии и в суде признал, что являлся руководящим участником антисоветского право-троцкистского блока и проводил активную вражескую деятельность.

Проверкой, однако, установлено, что эти показания РЫКОВА в подавляющей части являются ложными[II].*[III]

9 августа 1937 г. РЫКОВ, например, заявил:

«На предыдущих допросах, давая показания о резервных кадрах нашей организации, я не сказал основного, а именно, что по директиве центра правых, в частности, по директиве, переданной мною АНТИПОВУ, был создан резервный центр организации правых. В состав этого центра вошли: АНТИПОВ, СУЛИМОВ, УХАНОВ, СЫРЦОВ и ХАЛАТОВ». (арх. дело № 967582, т. 1, л.д. 138)

Эти показания РЫКОВА являются полностью вымышленными, ибо, как выяснилось при проверке, АНТИПОВ, СУЛИМОВ, УХАНОВ, СЫРЦОВ и ХАЛАТОВ в прошлом были арестованы по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации правых необоснованно, в связи с чем в 1955—1956 гг. они полностью реабилитированы.[IV]

На допросе от 23 июня 1937 г. РЫКОВ показал:

«...центральной фигурой организации правых на Урале был КАБАКОВ, которого мы тщательно законспирировали. КАБАКОВА я лично в процессе неоднократных бесед вовлек в организацию правых... КАБАКОВА, как крупнейшего члена нашей организации, я держал в курсе наших заговорщических планов. В частности, КАБАКОВ был мною посвящен в план т.н. дворцового переворота». (арх. дело № 967582, т. 1, л.д. 97—99)

КАБАКОВ в 1937 г. был арестован на основании этих показаний и осужден к расстрелу. В настоящее время КАБАКОВ реабилитирован.

*В ходе следствия РЫКОВ также показал, что с 1928 г. в Ленинграде существовал центр организации правых, в который входили АНТИПОВ, ЛОБОВ, КОМАРОВ, ЖУКОВ, УГАРОВ, КОДАЦКИЙ и ЧУДОВ.

При проверке выяснилось, что и эти показания РЫКОВА не соответствуют действительности. Все названные выше лица ныне реабилитированы.*[V]

Из показаний РЫКОВА видно, что КАРАХАН, якобы являвшийся участником организации правых, по заданию ТОМСКОГО, вел переговоры с представителями фашистской Германии, которым дал понять, что, в случае прихода право-троцкистского блока к власти, для капиталистических стран буду сделаны известные уступки.

Эти показания РЫКОВА также не находят подтверждения, поскольку КАРАХАН, привлеченный в 1937 г. к ответственности, в суде виновным себя ни в чем не признал.

В показаниях РЫКОВА фигурирует и товарищ П. ТОЛЬЯТТИ[VI], как человек, разделяющий взгляды правых и сочувственно относящийся к их борьбе против ЦК ВКП(б). Вымышленность этих показаний говорит сама за себя.[VII]

Из числа записанных в показаниях РЫКОВА его сообщников, к настоящему времени реабилитировано свыше 30 человек.

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[V] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VII] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

Несостоятельные показания о преступной деятельности дал и обвиняемый ШАРАНГОВИЧ.

Так, на допросе от 13 августа 1937 г. ШАРАНГОВИЧ заявил, что к организованной антисоветской деятельности он был привлечен в 1932 г. СУЛИМОВЫМ, а в 1933 г. бывший 3-й секретарь ЦК компартии Белоруссии ЖЕБРОВСКИЙ завербовал его для работы в пользу польской разведки.

Позже ШАРАНГОВИЧ несколько изменил свои показания и стал утверждать, что к сотрудничеству с польской разведкой он был привлечен сотрудником посольства СССР в Варшаве ВНОРОВСКИМ.

Проверкой, однако, установлено, что СУЛИМОВ и ЖЕБРОВСКИЙ, как невинно осужденные, ныне реабилитированы. Что касается ВНОРОВСКОГО, то в архивных материалах разведорганов буржуазной Польши никаких данных о его связи с польской разведкой не обнаружено.

Вместе с тем, ШАРАНГОВИЧ на следствии утверждал, что по шпионской работе он якобы был связан с БОГУЦКИМ и СЛАВИНСКИМ. БОГУЦКИЙ и СЛАВИНСКИЙ, осужденные в прошлом как государственные преступники и шпионы, в настоящее время реабилитированы.

Также прекращены за отсутствием состава преступления дела и на ряд лиц, которых ШАРАНГОВИЧ называл как участников контрреволюционной организации, и в том числе на бывшего председателя СНК Белорусской ССР ГОЛОДЕДА.

РОЗЕНГОЛЬЦ, ГРИНЬКО, ЧЕРНОВ, ИКРАМОВ и ХОДЖАЕВ дали на следствии показания, тоже не внушающие доверия.[I]

РОЗЕНГОЛЬЦ, признав себя виновным в принадлежности к антисоветскому право-троцкистскому блоку, показал:

«После ареста РЫКОВА я осуществлял контакт с правыми через РУДЗУТАКА и частично через АНТИПОВА и ЖУКОВА...

Я сообщил РУДЗУТАКУ о вредительской работе, которую провожу во внешней торговле, о связи с ТРОЦКИМ. В конце 1936 г. (или начале 1937 г.) я имел с РУДЗУТАКОМ подробный разговор о последнем периоде моих деловых отношений с РЫКОВЫМ и о согласованной ранее наметке состава будущего правительства». (арх. дело № 967582, т. 6, л.д. 38—39)

Как показал далее РОЗЕНГОЛЬЦ, РУДЗУТАК внес предложение ввести с состав нового правительства АНТИПОВА, ЛОБОВА, ЖУКОВА, КОДАЦКОГО и КОМАРОВА.

Названные РОЗЕНГОЛЬЦЕМ РУДЗУТАК, АНТИПОВ, ЛОБОВ, ЖУКОВ, КОДАЦКИЙ и КОМАРОВ, как это уже упоминалось выше, в настоящее время реабилитированы.

В 1955—1956 г.г. также прекращены дела[II] за отсутствием состава преступления на МУРАДЬЯНА, ЭЛИАВА Ш., РАБИНОВИЧА, ШИНДЕЛЯ, БЕЛЕНЬКОГО Б.С., КАНДЕЛАКИ, СУДЬИНА, ВЕЙЦЕРА и других, о которых РОЗЕНГОЛЬЦ на следствии упоминал как о своих сообщниках по вражеской деятельности.[III]

То же самое следует сказать о показаниях ГРИНЬКО и ЧЕРНОВА. Последний, например, на следствии утверждал, что летом 1936 г., по указанию РЫКОВА, он связался с участником запасного центра правых ЛЮБИМОВЫМ и от него узнал о том, что в состав этого центра входили БУБНОВ и

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

БАУМАН. Как далее показал ЧЕРНОВ, свою вражескую деятельность он контактировал с троцкистами через РУХИМОВИЧА.

Все эти лица ныне реабилитированы, поскольку установлено, что все они были осуждены по ложным материалам.

Проверкой установлено, что ГРИНЬКО и ЧЕРНОВ подписали вымышленные показания в отношении 46 человек ответственных советских и партийных работников, дела на которых сейчас прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.[I]

ИКРАМОВ в ходе следствия давал крайне путаные показания. Вначале ИКРАМОВ утверждал, что, являясь одним из лидеров националистической организации, он в 1935 г. через АНТИПОВА установил связь с центром правых.

По словам ИКРАМОВА, АНТИПОВ тогда ориентировал его, что:

«Руководящий центр правых в борьбе против советской власти считает необходимым применять все доступные... средства, как то вооруженное восстание, вредительство в различных отраслях народного хозяйства, диверсию и террор против руководителей партии и советского правительства». (арх. дело № 967582, т. 12, л.д. 94)

Одновременно ИКРАМОВ признал, что по его директивам в Узбекистане в широких масштабах проводилась вредительская работа. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что в ряде случаев показания ИКРАМОВА о конкретной вредительской деятельности были явно надуманными. Так, на допросе 10—12 октября 1937 г. ИКРАМОВ заявил, что он и его сообщники:

«...умышленно срывали партийное просвещение за счет марксистско-ленинского воспитания масс; мы пропагандировали необходимость изучения общеобразовательных предметов или, как мы говорили между собой, поднимали общий уровень без марксизма...

Половину изданной на узбекском языке политграмоты Ингулова[364] продали в другие республики, несмотря на крайнюю нужду в ней в Узбекистане». (арх. дело № 967582, т. 12, л.д. 55)

На допросе от 28 февраля 1938 г. ИКРАМОВ, ничем не мотивируя, существенно изменил свои показания о времени и обстоятельствах установления блока с правыми, заявив, что контакт с центром правых им был установлен не в 1935 г., а в 1933 г., и не через АНТИПОВА, а через БУХАРИНА. При этом ИКРАМОВ показал, что в состав центра правых входили БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ и УГЛАНОВ.

ТОМСКИЙ, как известно, в 1936 г. покончил жизнь самоубийством[II]. В предсмертном письме, в адрес И.В. Сталина, ТОМСКИЙ указывал, что, ознакомившись с определением суда о привлечении его к следствию в связи с показаниями арестованных по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра», он отвергает выдвинутые против него обвинения как клеветнические. Не отрицая своих прошлых политических ошибок, Томский вместе с тем писал, что он не может перенести, когда его ставят в один ряд с фашистами, а поэтому кончает жизнь самоубийством и желает партии новых побед.[III]

Названный ИКРАМОВЫМ в качестве члена центра правых УГЛАНОВ, будучи арестован, в суде показал, что он до 1933 г. проводил активную оппозиционную деятельность, но затем никакой антипартийной работы не вел.

Вызывают серьезные сомнения в правдоподобности и показания ХОДЖАЕВА о его преступной деятельности. ХОДЖАЕВ, в частности, утверж-

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

дал, что в 1928 г. бывшим председателем Госплана Узбекской ССР БУРНАШЕВЫМ он был привлечен к преступной работе по отторжению Узбекистана от СССР.

Произведенной проверкой установлено, что упоминаемый в показаниях ХОДЖАЕВА БУРНАШЕВ был в прошлом осужден невинно, в связи с чем Главной Военной Прокуратурой сейчас поставлен вопрос о его реабилитации.

Хотя ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ и признали себя виновными по всем пунктам предъявленного обвинения, однако, показания в заговоре правых не внушают доверия. Свыше 30-ти человек из числа советского и партийного актива, о которых ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ показывали как о своих сообщниках по преступной деятельности, в настоящее время реабилитированы, ибо доказана полностью их невиновность.

ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ[I], помимо участия в антисоветском право-троцкистском блоке, обвинялись также в сотрудничестве с царской охранкой[II].[III]

Проверкой установлено, что показания ЗЕЛЕНСКОГО, ИВАНОВА и ЗУБАРЕВА об их сотрудничестве с царской охранкой не находят достаточного подтверждения[IV] в материалах Государственного исторического архива, хранящего фонды полицейских органов и корпуса жандармов царской России.

По данным архива, с Самарским губернским жандармским управлением с 1916 г. сотрудничал агент «Слепой» — ЗЕЛЕНСКИЙ Исай Абрамович. Обвиняемый же по настоящему делу ЗЕЛЕНСКИЙ Исаак Абрамович в 1915 г. по постановлению Особого совещания при министре внутренних дел за принадлежность к РСДРП из Сормово был выслан на три года под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию.

Из документов Государственного исторического архива также усматривается, что ЗЕЛЕНСКИЙ имел брата по имени Исай.[V]

В отношении же ИВАНОВА и ЗУБАРЕВА никаких документов, которые могли бы хотя бы косвенно подтвердить их причастность к царской охранке, в архивах не обнаружено. Однако ЗУБАРЕВ, в частности, изобличался в суде также и показаниями бывшего пристава ВАСИЛЬЕВА[VI], который показал, что он завербовал ЗУБАРЕВА.

При наличии таких материалов дать категорическое заключение по вопросу о причастности ЗЕЛЕНСКОГО, ЗУБАРЕВА и ИВАНОВА к царской охранке в настоящее время нельзя. Эти обстоятельства подлежат дополнительной проверке[VII].[VIII]

В приписываемой подсудимым по делу «антисоветского право-троцкистского блока» практической преступной деятельности важнейшее место отводилось организации убийств А.М. Горького, В.В. Куйбышева, В.Р. Менжинского, сына Горького — М.А. Пешкова, а также покушению на отравление Ежова.[IX]

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[III] * * — рядом на полях одна вертикальная линия (красный карандаш), две вертикальные линии (синий карандаш).

[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией, рядом на полях две вертикальные линии и обведенный кругом крестик (синий карандаш).

[VII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[VIII] * * — рядом на полях одна вертикальная линия (красный карандаш), две вертикальные линии (синий карандаш).

[IX] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

Это обвинение предъявлялось лидерам право-троцкистского блока, в том числе и ЯГОДЕ, и привлеченным к ответственности по делу известным врачам ПЛЕТНЕВУ Д.Д., ЛЕВИНУ Л.Г., КАЗАКОВУ И.Н., бывшему секретарю НКВД СССР БУЛАНОВУ, секретарю А.М. Горького — КРЮЧКОВУ П.П. и помощнику В.В. Куйбышева — МАКСИМОВУ-ДИКОВСКОМУ В.А.

Все названные подсудимые признали себя виновными в предъявленном обвинении. Однако имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эти признания являются несостоятельными.[I]

Так, ПЛЕТНЕВ, признавший на следствии и в суде свою вину в организации по заданию Ягоды умерщвления А.М. ГОРЬКОГО и В.В. КУЙБЫШЕВА, после осуждения 11 июня 1939 г. обратился к товарищу В.М. МОЛОТОВУ[II] со следующим заявлением:[III]

«Я осужден по делу Бухарина. Я на следствии признал предъявленные мне обвинения, и на суде я не отрекся от них. Я был оклеветан. Обвинение, выставленное против меня, ложно. Мое сознание было вынужденным. Но я не считал возможным сделать об этом заявление на суде подобно Крестинскому. Я нахожусь в тюрьме уже с декабря 1937 г. Я страдаю морально в предельной степени. Здоровье мое резко ухудшилось. Мне уже 66 лет. Пунктом, на котором строилось обвинение, было свидание с Ягодой, на котором он будто бы угрозами мне и моей семье потребовал моего участия в умерщвлении Горького. Этого свидания ни в августе, ни в июне по последующей версии никогда не было. Ягоду я вообще видел только один раз в жизни во время приступа у него грудной жабы. Видел его я консультативно. Никаких разговоров с Ягодой у меня не было, кроме как о его болезни. Я всю жизнь с октября 17 года был верен советской власти и отдавал под руководством партии все силы и знания моей Родине. *Теперь я всего этого лишен. Я клянусь всем светлым для меня в своей невиновности[IV]. Я прошу о пересмотре моего дела. Прошу меня для этого опросить или предоставить мне возможность подать в закрытом конверте подробное заявление».*[V] (наблюдательное производство №7343-9, л.д. 6)

*Заявление это Секретариатом товарища МОЛОТОВА В.М. было переслано Берии.

В последующее время ПЛЕТНЕВ неоднократно еще обращался с аналогичными заявлениями. По поводу одного из них бывший Прокурор СССР БОЧКОВ сообщил в Секретариат товарища В.М. МОЛОТОВА[VI]:

«Доводы, изложенные в жалобе ПЛЕТНЕВА Д.А. и, в частности, его отказа от своих показаний, являются провокационной вылазкой и продолжением вражеской работы... В пересмотре дела отказано, о чем Плетневу Д.Д. сообщено». (наблюдательное производство, № 7343-9, л.д. 26)*[VII]

*В подтверждение обвинения в убийствах, выдвинутых против ЯГОДЫ, ПЛЕТНЕВА, ЛЕВИНА, КАЗАКОВА, КРЮЧКОВА, БУЛАНОВА и МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО, в суд были вызваны, как эксперты, видные деятели медицины профессор ВИНОГРАДОВ В.Н., профессор ШЕРЕШЕВСКИЙ Н.А. и другие, которые дали заключение о том, что ГОРЬКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ, КУЙБЫШЕВ и ПЕШКОВ погибли в результате применявшихся к ним

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[V] * * — рядом на полях две вертикальные линии (красный карандаш).
[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш)
[VII] * * — рядом на полях две вертикальные линии и крестик (синий карандаш).

ПЛЕТНЕВЫМ, КАЗАКОВЫМ и ЛЕВИНЫМ заведомо неправильных методов лечения.*[I]

В отношении покушения на Ежова эксперты сделали такой вывод:

«...следует считать абсолютно доказанным, что было организовано и выполнено отравление Н.И. Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления». (судебное производство, стр. 547)

Профессор ВИНОГРАДОВ и профессор ШЕРЕШЕВСКИЙ, будучи опрошены в 1956 г., заявили[II], что никаких документов, подтверждающих факт неправильного лечения Куйбышева, Горького, Менжинского и Пешкова, им представлено не было и что заключение они выносили только на основании показаний подсудимых, которые во всем признавали себя виновными.[III]

Так, Виноградов, в частности, указал:

«Заключения мною и другими экспертами давались на основании общих вопросов без предъявления какой-либо подробной документации (историй болезней с подробными дневниками, анализами и снимками). Таким образом, наши ответы на поставленные вопросы носили чисто теоретический характер[IV]. Утверждать подлинность этого факта на основании тех материалов, которые имелись перед нами, мы не могли».

ШЕРЕШЕВСКИЙ по этому поводу заявил:

«...наше заключение явилось производным[V] от показаний обвиняемых и каким-либо дополнительным доказательством их вины служить не могло, поскольку документов медицинского характера, подтверждающих сам факт лечения больных именно таким образом, как об этом говорилось в показаниях обвиняемых, нам представлено не было».

Одновременно ШЕРЕШЕВСКИЙ и ВИНОГРАДОВ охарактеризовали ПЛЕТНЕВА как выдающегося ученого с мировым именем. А в отношении ЛЕВИНА, обвиняемого в умерщвлении Горького, ШЕРЕШЕВСКИЙ сообщил:

«ЛЕВИН был лечащим врачом Горького и, насколько я знаю, безгранично любил его. Когда он говорил о нем, он просто преображался. И это никак не увязывается с его обвинением в умышленном умерщвлении А.М. Горького».

*При проверке также выяснилось, что материалы о так называемом «отравлении» ЕЖОВА были полностью сфальсифицированы.

ФРИНОВСКИЙ[VI] об этом на допросе 16 апреля 1939 г. показал:*[VII]

«НИКОЛАЕВ-ЖУРИД при моем участии и по указанию Ежова сфальсифицировал дело[VIII] по так называемому ртутному отравлению Ежова. Дело это вел лично НИКОЛАЕВ.[IX] Ежов подал мысль о том, что он болеет от отравления, я и НИКОЛАЕВ за это ухватились и под большим нажимом добились об этом показаний от БУЛАНОВА, потом от курьера Ягоды..., а затем и от самого Ягоды.

НИКОЛАЕВ откуда-то достал аптечную банку с ртутью, которую превратил в вещественное доказательство ртутного отравления Ежова. НИКОЛАЕВ же обеспечивал и соответствующее заключение экспертов об отравлении». (арх. дело № 975181, т. 2, л.д. 62)[365]

Эти показания ФРИНОВСКОГО подтвердил и ЕЖОВ.

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VII] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VIII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[IX] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

Проверкой по Государственному особому архиву СССР[366] материалов, указывающих на связь проходящих по делу лиц с иностранными разведывательными органами, не обнаружено.

Лица, привлеченные к ответственности по этому делу, как и те, которые прошли по предыдущим открытым процессам[367], обвинялись в том, что свою преступную деятельность они проводили по указаниям ТРОЦКОГО. В связи с этим ТРОЦКИЙ[I] в своей статье «Итоги процесса» 12 марта 1938 г. писал:[II]

«Из тех итогов, которые Вышинский должен подвести последней серии процессов, Советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены. Глава правительства и большинство народных комиссаров (Рыков, Каменев, Рудзутак, Смирнов, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Гринько, Иванов, Осинский и др.); важнейшие советские дипломаты (Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Богомолов, Юренев и др.); все руководители Коминтерна (Зиновьев, Бухарин, Радек); главные руководители хозяйства (Пятаков, Смирнов, Серебряков, Лифшиц[III] и пр.), лучшие полководцы и руководители Красной Армии (Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Муралов, Мрачковский, Алкснис, адмирал Орлов и пр.); наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет (Томский, Евдокимов, Смирнов, Бакаев, Серебряков, Богуславский, Мрачковский); глава и члены правительства Российской Советской Республики (Сулимов, Варвара Яковлева); все без исключения главы трех десятков советских республик, т.е. вожди, выдвинутые движением освобожденных национальностей (Буду Мдивани, Окуджава, Кавтарадзе, Червяков, Голодед, Скрыпник, Любченко, Нестор Лакоба, Файзулла Ходжаев, Икрамов и десятки других; руководители ГПУ в течение последних десяти лет — Ягода и его сотрудники; наконец, и это важнее всего[IV], члены всемогущего Политбюро, фактической верховной власти страны: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин, Рудзутак, — все они состояли в заговоре против советской власти даже в те годы, когда она находилась в их руках. Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими советскую федерацию в клочья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет.

В этой преступной деятельности премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу[V]. Не официальному вождю, нет — изгнаннику. Достаточно было Троцкому[VI] пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и Микадо. По "инструкции" Троцкого, через случайного корреспондента ТАСС, руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу "врага народа", железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушение воинских поездов, и маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов.

Вот какую поразительную картину Советского государства вынужден дать Вышинский, на основании разоблачений последних процессов! Но здесь возникает затруднение... Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему, в таком случае, Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?». (арх. дело № 13005, т. 3, л.д. 308—309)

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[III] Так в тексте. Видимо, имеется ввиду Лившиц Я.А. — с 1935 г. заместитель наркома путей сообщения СССР. Расстрелян.

[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

IV. Обстановка на следствии и в суде

Следствие по делу т.н. «антисоветского право-троцкистского блока» и рассмотрение его в суде проводилось в период 1937 и начала 1938 гг., характеризовавшийся массовыми репрессиями советских граждан, грубейшими нарушениями социалистической законности, жестокими избиениями подследственных и различными провокационными приемами, с помощью которых органы расследования вымогали от арестованных признания, а суды выносили заведомо необоснованные приговоры.[I]

В силу того, что подавляющее большинство работников НКВД, имевших отношение к делу т.н. антисоветского право-троцкистского блока, были впоследствии расстреляны, исследовать в настоящее время полностью обстановку, в которой проводилось следствие по этому делу, не представляется возможным.

Тем не менее, даже те, далеко не исчерпывающие материалы, добытые в процессе проверки, свидетельствуют о грубом произволе и провокациях, в результате которых добывались признания арестованных.

Ряд бывших сотрудников НКВД, допрошенных в ходе проверки, показали о существовании в 1937—1938 гг. такого порядка, когда сам факт помещения подследственного в Лефортовскую тюрьму уже обязывал следователя избивать его. Ночью по кабинетам следователей ходил ЕЖОВ вместе с другими руководящими работниками и лично показывал, как следует «добывать нужные» показания.

Допрошенный в 1956 г. бывший работник НКВД СССР АРОНСОН Я.А.[II], принимавший участие в расследовании дела антисоветского право-троцкистского блока, по этому поводу показал:[III]

«...Период конца 1937 г. и начала 1938 г., когда велось следствие по данному делу, являлся периодом массового избиения арестованных. Я помню, как тогда в тюрьму часто приезжал, обычно ночью, ЕЖОВ и ходил по кабинетам следователей. Весь разговор его обычно сводился к следующему: "Кого допрашиваете, что дает? Дайте ему как следует!" ЕЖОВА сопровождали ВЛОДЗИМИРСКИЙ и др., которые подчас сразу же показывали, как нужно давать».[IV]

Работавшая в 1937—1938 гг. начальником санчасти Лефортовской тюрьмы *РОЗЕНБЛЮМ А.А.[V], будучи допрошена в 1956 г., заявила:*[VI]

*«Работая в санчасти Лефортовской тюрьмы, я видела многих арестованных в тяжелом состоянии после нанесенных им побоев на следствии, в частности, я оказывала медпомощь МАРЬЯСИНУ, который был жестоко избит на следствии.

В очень тяжелом состоянии находился в санчасти бывший сотрудник НКВД БЛАТ, который пытался покончить жизнь самоубийством и который был также тяжко избит...

...КРЕСТИНСКОГО с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места. Пролежал, как я помню, он в санчасти дня три в очень тяжелом состоянии.

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VI] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

К ЯГОДЕ я заходила часто. Обычно он жаловался на сердце... один раз видела у него на лице под глазом большой кровоподтек».

Об избиениях арестованных показали и другие бывшие сотрудники НКВД.

Так, свидетель ЛЕРНЕР Н.М., принимавший участие в допросах ЯГОДЫ, 2 июня 1956 г. заявил:[I]

«...ЯГОДА мне неоднократно жаловался о том, что его избивают на допросах. Я ему не верил и говорил ему об этом.

Однажды, это было в Лефортовской тюрьме, я допрашивал ЯГОДУ. Ко мне в кабинет зашли ЕЖОВ, ФРИНОВСКИЙ и КУРСКИЙ, и по предложению ЕЖОВА я вышел из кабинета. Когда, спустя некоторое время, мне разрешили вернуться, я увидел на лице ЯГОДЫ синяк под глазом. ЯГОДА, показывая мне синяк, спросил меня: "Теперь вы верите, что меня бьют?".

Кроме того, также со следами побоев на лице я лично видел БУЛАНОВА».

Упомянутый выше АРОНСОН также подтвердил, что ему было известно об избиении[II] на следствии арестованных РЫКОВА, ШАРАНГОВИЧА и ЯГОДЫ, и показал:[III]

«Лично сам я слышал жалобу на избиение от РЫКОВА. РЫКОВУ должны были проводить очную ставку с НИКОЛАЕВСКИМ. РЫКОВА привели первым, выглядел он жалко, подавленно. Не помню точно, я или ЛУЛОВ спросили у него: "В чем дело, почему вы так выглядите". На это РЫКОВ ответил, это я очень хорошо запомнил: "Я пал духом", а на последующий вопрос, — Почему? — ответил: "Били"».

Как сообщил внутрикамерный агент «БЛАГИН», БЕССОНОВ говорил сокамерникам:

«Он, БЕССОНОВ, подписал предъявленное ему обвинение, потому что иначе ему угрожали фашистской расправой. Будучи в Лефортово, он видел бывших членов ЦК, которые подверглись избиению во время следствия, при этом назван был ПТУХА, бывший член ЦК ВКП(б), ЛАВРЕНТЬЕВ, член ЦК и другие. КРЕСТИНСКИЙ подвергся сильному избиению, он носил гипсовую повязку во время судебного процесса». (арх. дело № 101492, т. 1, л.д. 27)

Приведенные выше показания об избиениях арестованных по делу антисоветского право-троцкистского центра, конечно, не раскрывают полностью всей картины[IV], ибо данный период характеризовался наибольшим разгулом насилия в следствии и именно тогда избиения приобрели такой характер, что случаи убийства на допросах стали не единичными.[V]

*Свидетельница РОЗЕНБЛЮМ А.А. по этому поводу показала:

«Врачом Лефортовской тюрьмы я работала с декабря 1936 г. по 31 января 1938 г. За этот период времени было зарегистрировано 49 человек, которые умерли в Лефортовской тюрьме от побоев и истощения»[VI].*[VII] (дело по обв. Анвельта)

*Так были, как теперь установлено, *убиты на следствии*[VIII]: 14 октября 1937 г. заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) БАУМАН К.Л.[IX], 1 декабря

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[V] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[VII] * * — рядом на полях одна вертикальная линия (красный карандаш), две вертикальные линии (синий карандаш).

[VIII] * * — обведено (красный карандаш).

[IX] Так в тексте. Правильно: «Бауман К.Я.».

1937 г. начальник политуправления Наркомсовхозов, старый большевик СОМС К.[I], 11 декабря 1937 г. работник Коминтерна АНВЕЛЬТ[II], 5 мая 1938 г. заместитель начальника УНКВД Ленинградской области СОСТЭ М.Я.[III], 9 ноября 1938 г. Маршал Советского Союза БЛЮХЕР[IV] и др.*[V]

Следует отметить, что арестованных толкало на самооговор и оговор других не только прямое физическое, но и психическое насилие. Угрозы репрессии родных, угрозы побоев, доносящиеся крики избиваемых арестованных — все это использовалось следователями для получения «признаний».

Бывший следователь АРОНСОН об этом показал:

«Я лично мер физического воздействия к РАКОВСКОМУ не применял, очевидно, потому он ничего и не показал мне о шпионаже (в шпионаже РАКОВСКИЙ "признал" себя виновным у других следователей). Допускаю, что я мог применять к нему другие меры воздействия — меры психического порядка: угрозы к нему лично, угрозы арестом членов семьи. Мне помнится, в частности, что РАКОВСКОМУ было объявлено об аресте его жены, и судьба ее ставилась в зависимость от его показаний. Такова была система допросов арестованных, введенная в обязательном порядке тогдашним руководством НКВД СССР».

Сам Раковский об обстановке следствия по его делу, как это видно из донесения агента «Дима», рассказывал в камере Орловской тюрьмы так:[VI]

«...когда вам чуть ли не с первого дня дают понять, что вы должны лгать на себя и на других, марать свое имя и честь, то вами овладевает бешенство, возмущение. Вы начинаете бороться, сопротивляться, но потом, когда вам говорят, как мне сказал АРОНСОН: "Старик, не выдержите, дадите показания", когда вам говорят, что уничтожат вашу семью, что вас расстреляют, вы сдаетесь.[VII]

Когда мне сказали, что мою жену посадят в Лефортово, я закричал и схватился за голову — это означало, что она умрет. Страх за семью, сознание, что посылаешь ее на смерть, страх и желание жить, полная безнадежность, а потом партийная автоматика, привычка подчиняться партии — заставляют лгать и делать черт знает что. Все это ложь, тут во всех этих делах нет ни капли правды». (арх. дело № 300956, т. 9, л.д. 321)

Далее он же говорил:

«Я катался из Бутырок в Лефортово, а из Лефортово на Лубянку. Я каждую ночь ждал расстрела. В Лефортово, в этом ужасном остроге, где были слышны крики пытаемых людей, стоны женщин, выстрелы во время расстрелов и постоянный шум авиамоторов, мне вдруг обрезали когти — я понял, что меня хотят пытать. Вскоре меня вызвали ночью. Я предстал перед НИКОЛАЕВЫМ, АГАСОМ и еще одним типом, который у них осуществлял пытки. Когда я вошел, мне сказали, что я шпион. "Я шпион?" "Да, вы. И вы нам расскажете о вашей деятельности сами". Я понял, что это конец, что единственный путь к спасению ведет через максимальное обвинение себя. Это диалектика... Тут пошло все — и японцы, и англичане. Я иногда запутывался сам в том, что я наговорил». (там же, л.д. 322)

БЕССОНОВ, отбывая наказание в тюрьме, категорически отрицал свою вину, а о причинах, толкнувших его на ложные показания, говорил так:

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[V] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VI] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VII] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

«Допрашивавший меня сначала лейтенант, а затем майор госбезопасности предупредили, что, если я не дам нужных им показаний, то сделают из меня котлету. И действительно, спустя несколько дней меня вызвали поздно вечером в какую-то, доселе неизвестную мне, комнату. Там уже было 5 молодцов, а на столе лежали необходимые принадлежности — резиновая дубинка, перчатки, палка и еще что-то.

Майор, потирая руки, спросил меня о показаниях, а я, увидев это, перетрусил немного, т.к. об избиениях до смерти я уже знал... Решил врать. Ну и стал, таким образом, контрреволюционером. А суд ведь был сплошной комедией». (там же, т. II, л.д. 61)

Ярко о системе побоев, угроз, шантажа и провокации сообщал из тюрьмы и осужденный врач ПЛЕТНЕВ[I]. В заявлении от 8 июня 1940 г. он писал:

«Три года я мытарюсь от следствия к следствию, от суда к суду, из тюрьмы в тюрьму при полной моей невиновности...

...дело об умерщвлении ГОРЬКОГО и КУЙБЫШЕВА. Я обращался к вам по поводу него, но следственный аппарат не допустил никакого разговора по этому поводу, настаивая несколько раз на взятии назад мной заявлений, чего я не сделал.

...дело возникло по показаниям ЯГОДЫ, который, по личному его заявлению, вызвал меня к себе в половине августа 1934 г. и угрозами потребовал от меня соучастия с доктором ЛЕВИНЫМ в умерщвлении ГОРЬКОГО. На мое отрицание этого факта, со стороны следователя ГЕРЗОНА последовало мордобитие. Я указал, что этот факт не мог иметь места, так как я с 20 июля 1934 г. по начало октября был в заграничной командировке. На следующий день справками из паспортного отдела... мои слова были подтверждены и установлен факт моего алиби в августе 1934 г. Тогда следователь мне сказал: "Если высокое руководство предполагает, что вы виновны, то хотя бы вы были на 100 % правы, вы будете все равно виновны на 100 %". Последовали угрозы мне, жене и, наконец, предложена альтернатива начальником СПО ЛИТВИНЫМ, начальником следственной части КАГАНОМ и следователем ГЕРЗОНОМ, или при моем упрямстве пожизненное заключение в тюрьме и смерть в ней, или при "сознании" подача заявления "об уточнении" времени свидания с ЯГОДОЙ в июне 1934 г., а я ЯГОДУ вообще видел первый раз в жизни в 1935 г. — и через 2—3 месяца после суда полное освобождение и научная работа — одним словом, "повторение судьбы РАМЗИНА"[368]. Это же косвенно было подтверждено ЕЖОВЫМ. Результат известен. Я настолько доверял органам правительства, что мне и в голову не могла прийти мысль о лжи и шантаже со стороны кого-нибудь, тем более члена Политбюро... Помогите мне, ведь я невинно погибаю[II]. Только прошу Вас лично заинтересоваться, а не передавать в следственный аппарат. Там царит предубежденность. Если НКВД взял, значит, виновен. Поставьте себя на момент в мое положение, и вы увидите всю глубину моего страдания. Верьте мне. Я еще многое мог бы сказать в свое оправдание...» (тюремное личное дело, л.д. 206—207)

«Обработка» арестованных по делу право-троцкистского центра не прекращалась ни днем, ни ночью. На допросах этим занимались следователи, а в камерах специально подсаженные люди. Об одном из таких людей РАКОВСКИЙ, после его осуждения, рассказывал сокамерникам:

«В Лефортово ко мне посадили ЛИБЕРМАНА... Мне давали писать показания в камеру. Когда я их приносил, то если они им не нравились, они

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] Подчеркнуто в тексте и подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

рвали их и бросали мне в лицо. Когда же я консультировался с ЛИБЕРМАНОМ, то мои показания всегда удовлетворяли следователей. Он служил передаточной инстанцией, он диктовал мне их волю, через него я спрашивал их совета...

В конце концов, мне было все равно, я ведь лгал, и он не мог мне повредить, а наоборот — облегчал мой труд». (арх. дело № 300956, т. 9, л.д. 324)

Определенный интерес в этом отношении представляет судьба бывшего начальника 5 отдела УНКВД по Саратовской области ЗАРИЦКОГО Н.Д.[I]

ЗАРИЦКИЙ[II] был арестован за грубую фальсификацию следственных материалов, фабрикацию фиктивных доказательств, якобы подтверждавших наличие не существовавшей в действительности организации правых (это в то-то время!). По существу обвинения ЗАРИЦКОГО не допрашивали, ограничившись отобранием заявления, и осудили к двум годам лишения свободы, а затем подсаживали к другим арестованным. Он сидел последовательно в одной камере с бывшими секретарями обкомов партии КАБАКОВЫМ, РЫНДИНЫМ, ХАТАЕВИЧЕМ, а потом в течение 4—5 месяцев вдвоем с БУХАРИНЫМ.

** *После того как БУХАРИНА расстреляли, дело ЗАРИЦКОГО без всякого доследованиями было пересмотрено. Приговор отменен, а ЗАРИЦКОГО восстановили в партии и на оперативной работе в органах НКВД.*[III]

Подобные поощрения арестованных за «заслуги»[IV] по разоблачению правых были не единичны.**[V]

*Так было прекращено дело по обвинению АСТРОВА, называвшего себя активным участником контрреволюционной террористической организации правых, который одним из первых стал изобличать БУХАРИНА, в том числе и на очных ставках в Политбюро ЦК ВКП(б).

Так была сохранена жизнь РАДЕКУ и СОКОЛЬНИКУ, формально не менее виновным, чем их однодельцы, которые еще до ареста БУХАРИНА и РЫКОВА явились свидетелями обвинения против них.*[VI]

Из имеющихся в архивах КГБ материалов видно, что СОКОЛЬНИКОВ осенью 1937 г. из тюрьмы был доставлен в Москву для использования в качестве свидетеля на предстоящем процессе БУХАРИНА, РЫКОВА и других, но в связи с его отказом выступить в суде возвращен обратно.

Когда же СОКОЛЬНИКОВ и РАДЕК[VII] стали в тюрьме разоблачать фальшь прошедших процессов, их убили.[VIII]369

С этой же целью был отменен приговор в отношении МАНЦЕВА, который, будучи осужденным к расстрелу, стал давать показания о причастности БУХАРИНА в 1918 г. к заговору левых эсеров и его намерении арестовать ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. После процесса по делу право-троцкистского блока без каких-либо дополнительных следственных действий МАНЦЕВ был вновь осужден и тогда расстрелян. Ныне он полностью реабилитирован.

О том, как арестованные давали признания по заказу следователей, ясно видно из показаний бывшего сотрудника НКВД ЦЕРПЕНТО П.И.[IX]

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синий карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[V] ** ** — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VI] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VIII] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[IX] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

«Летом 1937 г. АНТИПОВА допрашивал лично ЛИТВИН... В этом протоколе допроса было записано, что АНТИПОВ в сентябре 1936 г. получил от РЫКОВА указание о создании резервного центра правых. Когда эти показания были представлены РЫКОВУ, то РЫКОВ категорически отрицал встречу с АНТИПОВЫМ в сентябре 1936 г. и настаивал на том, что это было в 1932 г.

Тогда ЛУЛОВ в моем присутствии уговорил РЫКОВА подтвердить показание АНТИПОВА, сказав, что ему, РЫКОВУ, выгодно так показывать...

В период подготовки процесса над РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и другими (в конце 1937 г.) мне от ГЛЕБОВА стало известно, что теперь АНТИПОВ пишет совершенно новые показания, в которых, в частности, говорит о том, что резервный центр правых был создан в 1932 г. Тогда же ГЛЕБОВ мне предложил в соответствии с этими новыми показаниями передопросить РЫКОВА.

Когда же я выразил удивление тому, что АНТИПОВ сумел обвести ЛИТВИНА, дав ему не соответствующие, ложные показания, ГЛЕБОВ мне сказал, что удивляться тут нечему, так как АНТИПОВ такого рода арестованный, который готов дать любые показания и в любом направлении.

По распоряжению ГЛЕБОВА перед процессом мне пришлось уговаривать РЫКОВА признать свои первые показания, в которых говорилось о создании резервного центра правых в 1932 г., а не 1936 г.» (арх. дело № 982027, т. 1, л.д. 222—223)

Как далее показал ЦЕРПЕНТО, РЫКОВ, подписывая один из новых вариантов «своих» показаний, заявил:

«Один советует не показывать на АНТИПОВА, а другой (то есть я) требует показаний на него. Не знаю, кого слушать». (арх. дело № 982027, т. 1, л.д. 30—31)

* [I]Как известно, на первом же заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР 2 марта 1938 г. арестованный КРЕСТИНСКИЙ не признал себя виновным и отказался от тех показаний, которые им были даны на следствии. При этом КРЕСТИНСКИЙ[II] прямо сказал, что показания он ранее давал не добровольно и на следствии не отказывался от них только из опасения, что его заявление не дойдет до руководителей партии и правительства.*[III] (судебный отчет. стр. 54, 58)[370]

Этот отказ вызвал смятение среди членов Военной Коллегии, и суд объявил перерыв. Однако на следующий день КРЕСТИНСКИЙ вновь подтвердил показания[IV], данные им на следствии, и сказал, что накануне он якобы машинально заявил о своей невиновности под влиянием чувства ложного стыда. (там же, стр. 146)[371]

Проверкой установлено, что в процессе следствия КРЕСТИНСКИЙ давал показания, подвергаясь зверским избиениям, и, следовательно, отказ его от этих показаний в суде имел под собой реальную почву.

*Об обстоятельствах, связанных с показаниями КРЕСТИНСКОГО в суде, бывший сотрудник НКВД СССР АРОНСОН показал:

«Я, как и многие другие сотрудники, присутствовал на судебном процессе. На первом же заседании КРЕСТИНСКИЙ отказался от ранее данных им показаний и заявил о своей невиновности. Это заявление вызвало замешательство у ВЫШИНСКОГО, который руководил процессом.*[V]

[I] Рядом на полях стоит крестик (синий карандаш).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[III] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[V] * * — рядом на полях две вертикальные линии и крестик (синий карандаш).

В перерыве мы, следователи, обсуждали происшедшее и говорили о том, как выйти из этого положения. НИКОЛАЕВ (вел дело РАКОВСКОГО) тогда сказал, что он попробует уладить инцидент. Когда обвиняемых везли с суда, КРЕСТИНСКОГО повезли вместе с РАКОВСКИМ. На следующий день КРЕСТИНСКИЙ признал себя виновным и подтвердил все ранее данные им показания. Я думаю, и так потом говорили следователи, что КРЕСТИНСКОГО не били, а его уговорил РАКОВСКИЙ[I]. Рассказывали, что РАКОВСКИЙ, который имел вообще большое влияние на КРЕСТИНСКОГО, говорил ему примерно так: «Нужно признать вину, все признают себя виновными, а на не признающегося суд будет смотреть как на не раскаявшегося врага и бесспорно расстреляют, тогда как за признание сохранят жизнь. У признавшегося семья не пострадает, а при отказе она будет также репрессирована». Это так повлияло на КРЕСТИНСКОГО, что он до конца процесса уже не пытался отказываться от показаний, данных на следствии».

*Характерно в этой связи и поведение на суде государственного обвинителя ВЫШИНСКОГО. Когда суд вызвал для допроса КРЕСТИНСКОГО, ВЫШИНСКИЙ не допустил его немедленного допроса и предварительно задал ряд вопросов именно РАКОВСКОМУ.

КРЕСТИНСКИЙ стал допрашиваться лишь после того, как РАКОВСКИЙ подал ему пример — признал себя полностью виновным[II] и назвал КРЕСТИНСКОГО своим сообщником.*[III]

Особо тщательно органами следствия готовились арестованные к суду и очным ставкам, которые проводились при участии руководителей партии и правительства. Здесь все делалось строго по разработанному плану, арестованные неоднократно репетировали «свои» показания.[IV]

Как известно, некоторым лицам из числа проходящих по делу правотроцкистского блока еще до их привлечения к уголовной ответственности давались очные ставки, на которых ранее арестованные изобличали их в совершении тяжких государственных преступлений.

Из показаний арестованного бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР ФРИНОВСКОГО видно, что на эти очные ставки выводились специально проинструктированные арестованные.

ФРИНОВСКИЙ об этом показал:

«Арестованных готовили специально, вначале следователь, после начальник отдела. Подготовка заключалась в зачитке показаний, которые давал арестованный на лицо, с которым предстояла ставка, объясняли, как очная ставка будет проводиться, какие неожиданные вопросы могут быть поставлены арестованному и как он должен отвечать.

По существу происходил сговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе ЕЖОВ или делал вид, что он случайно заходил в комнату следователей, где сидел арестованный, и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал, твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли и, между прочим, вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства.

Обыкновенно ЕЖОВ перед такими очными ставками нервничал, даже и после того, как разговаривал с арестованным. Были случаи, когда аресто-

---

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[III] * * — рядом на полях одна вертикальная линия (красный карандаш), две вертикальные линии (синий карандаш).

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

ванный при разговоре с ЕЖОВЫМ делал заявление, что его показания неверны, он оклеветан». (арх. дело № 975181, т. 2, л.д. 37—38)

Перед судом подготовка арестованных шла по двум направлениям. С одной стороны, путем разных обещаний (как правило — сохранения жизни), уговаривали твердо стоять на определенных показаниях. С другой стороны — заранее формулировать ответы арестованных и последние опять-таки репетировали их.[I]

Тот же ФРИНОВСКИЙ об этом показал:

«Долго говорил он (ЕЖОВ) с ЯГОДОЙ, разговор этот касался, главным образом, убеждения ЯГОДЫ в том, что его не расстреляют.

ЕЖОВ несколько раз беседовал с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ и тоже в порядке их успокоения, заверял, что их ни в коем случае не расстреляют.

Раз ЕЖОВ беседовал с БУЛАНОВЫМ, причем беседу начал в присутствии следователя и меня, а кончил беседу один на один, попросив нас выйти. Причем БУЛАНОВ начал разговор в этом момент об отравлении ЕЖОВА. О чем был разговор, ЕЖОВ мне не сказал. Когда он попросил зайти вновь, то говорил: "Держись хорошо на процессе, буду просить, чтобы тебя не расстреливали"». (арх. дело № 975181, т. 2, л.д. 39)

РАКОВСКИЙ об этом же рассказывал в Орловской тюрьме:

«Когда шел процесс, то следователи не покидали меня, обнадеживали, говорили о том впечатлении, которое на меня производила эта гнусная комедия». (арх. дело № 300956, т. 7, л.д. 325)

Допрошенный в качестве свидетеля бывший сотрудник НКВД ЛЕРНЕР[II], который был причастен к расследованию этого дела, на допросе в июле 1956 г. показал[III]:

*«Следствие по делу ЯГОДЫ я не вел до конца, последние 6—8 месяцев я занимался другими делами и отношения к следствию по делу не имел.

Однако когда начался процесс, очевидно, учитывая, что у меня с ЯГОДОЙ наладились неплохие взаимоотношения, по указанию руководства Наркомата, я присутствовал на всем судебном процессе и в перерывах его играл с ЯГОДОЙ в шахматы...

Во время процесса, вернее, во время перерывов процесса, ЯГОДА часто спрашивал у меня, расстреляют его или нет[IV].*[V]

Мне также известно, что перед процессом ЯГОДЕ было дано свидание с его женой АВЕРБАХ. Причем еще ранее, по указанию руководства Наркомата, я неоднократно заявлял ЯГОДЕ о том, что его жена находится на свободе, хотя в действительности она была арестована.

Поэтому, перед свиданием, жену ЯГОДЫ переодевали и приводили в такое состояние, чтобы создать впечатление, что она на свидание пришла не из тюрьмы, а будто бы она находится на свободе. Для этого камуфляжа специально[VI] пригласили парикмахера, который приводил ее в порядок, надевали на нее соответствующие наряды и вернули ей на это время изъятые ранее у нее ручные часы.

Со слов бывшего начальника УНКВД Ленинградской области ЛИТВИНА мне известно, что ЯГОДУ расстреливали последним, а до этого его и

[I] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш)
[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[III] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[V] * * — рядом на полях две вертикальные линии (синий карандаш)
[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш)

БУХАРИНА посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор[I] в отношении других осужденных».

*После осуждения РАКОВСКИЙ рассказывал своим сокамерникам:

«Тезисы моего выступления на суде, моего последнего слова я согласовывал со следователями[II]... Последнее время все было к моим услугам вплоть до маслин».*[III] (арх. дело № 300956, т. 7, л.д. 325)

*Этот рассказ РАКОВСКОГО находит полное свое подтверждение в архивных документах НКВД. Причем из них видно, что такое положение имело место не только в отношении РАКОВСКОГО, но и в отношении других обвиняемых по настоящему делу.

Так, в архивных делах на РАКОВСКОГО и ГРИНЬКО обнаружены отпечатанные на машинке тезисы их будущих показаний в суде. При сличении этих тезисов с показаниями, которые РАКОВСКИЙ и ГРИНЬКО давали в суде, выяснилось, что они тождественны в структурном и смысловом отношении, а отдельные фразы из них почти дословно повторяются в стенограмме судебного заседания.*[IV]

Более того, в этих же архивных материалах были обнаружены и проекты «последних слов» подсудимых РАКОВСКОГО, РЫКОВА и ГРИНЬКО, а в материалах на РАКОВСКОГО оказалось даже два варианта «его» последнего слова в суде.

Как установлено проверкой, фальсификация документов следственного дела не ограничилась следствием, а продолжалась и в суде.[V]

*В архиве Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР обнаружена расшифрованная стенограмма судебного заседания по делу антисоветского право-троцкистского блока с различными рукописными поправками и вставками[VI].

Изучение этой стенограммы и сличение ее с официальным текстом протокола судебного заседания показывает, что зафиксированные в суде показания впоследствии были изменены, причем в ряде случаев эти изменения носили характер усиления и извращения показаний подсудимых.*[VII]

Так, показания подсудимого БЕССОНОВА о его встрече с ТРОЦКИМ в 1934 г. при корректировке были дополнены следующей фразой: «ТРОЦКИЙ сказал, что он очень хорошо знает меня по письмам ПЯТАКОВА и по рассказам Н.Н. КРЕСТИНСКОГО», чем изменялось не только существо показаний БЕССОНОВА, но прямо указывалось на наличие у ТРОЦКОГО связи с ПЯТАКОВЫМ и КРЕСТИНСКИМ, о чем в данном случае БЕССОНОВ и не показывал.

Во время допроса ЯГОДЫ в суде вопрос о его виновности в организации убийства КУЙБЫШЕВА, как это видно из стенограммы, вообще не выяснялся.

Тем не менее, стенограмма была дополнена следующим:

«ВЫШИНСКИЙ. В организации убийства КУЙБЫШЕВА признаете себя виновным?

ЯГОДА. Признаю».

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[II] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[III] * * — рядом на полях одна вертикальная линия (красный карандаш), две вертикальные линии (синий карандаш).

[IV] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[V] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

[VI] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).

[VII] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).

В последнем слове подсудимый РЫКОВ заявлял:

«...я вел в 1935 г. разговор с КОТОВЫМ, возглавлявшим террористические организации в Москве».

В результате корректировки эта фраза в последнем слове РЫКОВА оказалась записанной так: «Я в 1935 г. давал задание по террору КОТОВУ, возглавлявшему террористические организации в Москве».

Этими же редакторами из стенограммы было удалено заявление РЫКОВА о том, что ШАРАНГОВИЧ, как участник контрреволюционной организации, стал ему известен только на судебном процессе.

Подобного характера изменения были внесены и в показания других лиц, а затем эта искаженная стенограмма, завизированная заместителем Прокурора СССР РОГИНСКИМ, была издана как официальный текст протокола судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

В связи с установленными фактами грубого нарушения закона при расследовании дела о право-троцкистском центре как в процессе предварительного следствия, так и в суде, представляет значение и тот факт, что все оставленные в живых обвиняемые впоследствии от своих показаний отказались и рассказывали о процессе как о сфальсифицированном следствием и судом. Все они (РАКОВСКИЙ, БЕССОНОВ и ПЛЕТНЕВ) 11 сентября 1941 г. были расстреляны[I] по приговору Военной Коллегии, которая, грубо нарушив закон, вынесла этот приговор не только без вызова обвиняемых в суд, но даже не имея никакого дела по их обвинению.[II] 372

*Таким образом, в результате анализа всех материалов дела и дополнительной проверки можно утверждать, что *большинство*[III] из осужденных[IV] по настоящему делу лиц в свое время принимало активное участие в оппозиционной борьбе, однако обвинение их в том, что в последующие годы они создали право-троцкистский блок и проводили организованную антисоветскую деятельность, сфальсифицировано и в этой части они подлежат реабилитации[V].*[VI]

Некоторые обстоятельства, вмененные в вину отдельным обвиняемым, так, например, причастность к охранке ЗУБАРЕВА, ЗЕЛЕНСКОГО и ИВАНОВА, националистическая деятельность ИКРАМОВА и ХОДЖАЕВА и т.д., подлежат дополнительной проверке[VII].[VIII]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 456. Л. 66—109. Подлинник. Машинописный текст. Правка неизвестного. Подпись И.А. Серова.

[I] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[II] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[III] * * — обведено (синий карандаш).
[IV] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[V] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VI] * * — рядом на полях вертикальная линия (красный карандаш).
[VII] Подчеркнуто горизонтальной линией (синий карандаш).
[VIII] * * — рядом на полях две вертикальные линии и крестик (синий карандаш).

Комментарии

[1] Имеется в виду платформа М.Н. Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», написанная в 1932 г. В ней давалась негативная оценка сталинской политики и предлагалось сместить Сталина с поста генерального секретаря, но не содержалось призывов к свержению советской власти и к совершению террористических актов. В сентябре—октябре 1932 г. было сфабриковано дело т.н. «союза марксистов-ленинцев» во главе с М.Н. Рютиным. Главным пунктом обвинений против Рютина и его сторонников (В.Н. Каюров, М.С. Иванов и др.) было составление и распространение антисталинских документов (обращение «Ко всем членам ВКП(б)» и платформы). 27 сентября 1932 г. члены группы были исключены из партии и затем репрессированы Сталинское руководство в дальнейшем активно использовало дело «союза марксистов-ленинцев» для осуществления репрессивной политики. На протяжении 1930-х гг. знакомство с платформой и ее распространение стало одним из поводов привлечения к партийной и судебной ответственности. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 92—104.)

[2] Здесь и далее даются ссылки на тома следственного дела «антисоветского право-троцкистского блока», ныне хранящегося в ЦА ФСБ.

[3] Речь идет о втором Московском процессе по делу т.н. «параллельного антисоветского троцкистского центра» (23—30 января 1937 г.). Суду были преданы 17 человек, в том числе Г.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек и др. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 210—235.)

[4] В постановлении Пленума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 г. сообщалось: «Вывод о виновности осужденных в организации диверсионных и вредительских акций противоречит фактическим обстоятельствам дела и поэтому является необоснованным. Установлено, в частности, что ко времени крушения поезда на перегоне Хор—Дормидонтовка Н.И. Бухарин и А.И. Рыков находились уже в течение нескольких месяцев под арестом. Сами крушения явились следствием аварийного состояния железнодорожного участка. По делам о взрывах на шахтах Сучана (Дальневосточный край), происходивших вследствие грубого нарушения правил техники безопасности, в 1937 г. была осуждена группа руководящих и инженерно-технических работников. В материалах дела нет никаких данных о причастности к взрывам кого-либо из осужденных по данному делу».

Действительно, в январе—мае 1937 г. на шахтах Сучана прошла волна арестов. Арестованных обвиняли в принадлежности к право-троцкистской террористической организации, якобы существовавшей в угольной промышленности Дальневосточного края, во вредительской работе на предприятиях, в шпионаже в пользу Японии. Руководителем контрреволюционной организации на Дальнем Востоке был объявлен начальник комбината «Дальтрансуголь» А.Г. Солдатенко. Он был арестован 28 ноября 1937 г. В ходе следствия от него были получены показания о совершении различных диверсионных актов, в том числе и о взрывах на сучанских шахтах № 10 и № 20. Подобные показания дали и другие арестованные. 14 марта 1938 г. 23 работника треста «Дальтрансуголь» были приговорены к расстрелу. В 1957 г. все обвиняемые по этому делу были реабилитированы.

[5] Такой цитаты в опубликованном протоке допроса Г.Г. Ягоды от 26 апреля 1937 г. не обнаружено. 28 апреля 1937 г. Ежов отправил Сталину спецсообщение с приложением протокола допроса Г.Г. Ягоды 26 апреля 1937 г. Ежов указывал, что «Ягода до сего времени не дает развернутых показаний о своей антисоветской и предательской деятельности, отрицает свою связь с немцами и скрывает целый ряд участников заговора. Отрицает также свое участие в подготовке террористических актов над членами правительства». (См.: Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти (1937—1938). М., 2004. С. 135—144.)

[6] В действительности Л.М. Карахан приговорен ВКВС СССР 20 сентября 1937 г. к ВМН и расстрелян в тот же день. В материалах для доклада Ежова на июньском пленуме (1937) ЦК ВКП(б) был отдельный абзац о «разоблаченном участнике правого центра, германском шпионе» Карахане: будто бы он был завербован в 1927 г. негласным германским военным атташе в СССР Нидермайером и с тех пор являлся агентом разведки Рейхсвера под кличкой «Красивый» и № 2218. Там же утверждалось, что к участию в антисоветском заговоре Карахан был привлечен Ягодой в 1934 г. и был связующим звеном с правительственными кругами Германии и с военными заговорщиками во главе с Тухачевским (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 305).

[7] Убийство С.М. Кирова Л.В. Николаевым произошло 1 декабря 1934 г. Это событие было использовано Сталиным для окончательной расправы с бывшими политическими противниками. В начале декабря 1934 г. в убийстве Кирова без всяких оснований были обвинены Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и их сторонники. В начале 1935 г. было сфабриковано т.н. «кремлевское дело», по которому в создании террористической группы, готовившей покушение на Кирова и руководителей Советского государства, обвинялись А.С. Енукидзе, служащие кремлевских правительственных учреждений, сотрудники секретариата Президиума ЦИК и др. Обвинение в убийстве С.М. Кирова и в подготовке террористических актов против руководителей Советского государства легло в основу и трех Московских показательных процессов 1936—1938 гг. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 123—170.)

[8] 25 сентября 1936 г. Сталин направил из Сочи в Москву шифртелеграмму, в которой потребовал сместить Г.Г. Ягоду с поста наркома внутренних дел и назначить на его место Н.И. Ежова (См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 682—683). 26 сентября 1936 г. было принято соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 50).

[9] См. примечание 1.

[10] Имеются в виду статьи УК РСФСР 1926 г. (в изложении):

Ст. 58-1а — измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу.

Ст. 58-2 — вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на месте в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры.

Ст. 58-7 — подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях, путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействия их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций.

Ст. 58-8 — совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации.

Ст. 58-9 — разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов или иных сооружений или государственного или общественного имущества.

Ст. 58-11 — всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой.

[11] Имеется в виду закрытый процесс по делу т.н. «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии, или «дело военных», по которому проходили

советские военачальники М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, А.И. Корк, Р.П. Эйдеман, Б.М. Фельдман, В.П. Примаков, В.К. Путна. Все они были приговорены к высшей мере наказания. 12 июня 1937 г. приговор был приведен в исполнение. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 280—310.)

[12] Весной 1937 г. в Грузии был «раскрыт» т.н. «троцкистский шпионско-вредительский центр», куда входили «национал-уклонисты» Б. Мдивани, М. Окуджава, С. Кавтарадзе и др. 9 июля 1937 г. Верховный суд Грузинской ССР в закрытом заседании приговорил их к смертной казни. В тот же день приговор был приведен в исполнение. (См.: Реабилитация: Как это было. Т. 3. М., 2004. С. 358.)

[13] Имеется в виду судебный процесс по делу т.н. «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (19—24 августа 1936 г.). Суду были преданы 16 человек, в том числе Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов и другие. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. 25 августа 1936 г. приговор был приведен в исполнение. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 171—209.)

[14] Здесь и далее даются ссылки на тома следственного дела, ныне хранящегося в ЦА ФСБ.

[15] См. примечание 3.

[16] См. примечание 4.

[17] Имеется в виду жена Б.П. Нестерова Артеменко, работавшая в 1920-е гг. в секретариате А.И. Рыкова. В.Н. Астров на допросе 11 января 1937 г. указывал: «С центром в лице Рыкова связь осуществлялась через жену Нестерова Артеменко <...> Артеменко информировала нас о том, что она продолжает в Москве поддерживать связь с Рыковым <...> Артеменко рассказала мне и Нестерову, что она сама вела на улицах Москвы наблюдение за проездом правительственных машин с целью покушения на Сталина». (См.: Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти (1937—1938). М., 2004. С. 37—39.)

[18] См. примечание 7.

[19] В январе—апреле 1935 г. органами НКВД было сфабриковано т.н. «кремлевское дело» о «заговоре» ряда служащих и работников комендатуры Кремля, которые якобы под руководством Л.Б. Каменева готовили покушение на Сталина. Был снят с работы, отправлен в провинцию, исключен из партии секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе, обвиненный в покровительстве заговорщикам. Осужденный по своему делу Енукидзе на предварительном следствии и в судебном заседании никаких данных об обстоятельствах убийства С.М. Кирова не сообщал. Дело на Енукидзе было рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 29 октября 1937 г. и 30 октября он был расстрелян.

Показания И.В. Запорожца об убийстве С.М. Кирова противоречивы. Он не знал о конкретном плане убийства и его исполнителе. О том, что именно Л.В. Николаев является исполнителем этого убийства, для Запорожца стало ясно лишь после его задержания и доклада об этом Ягоде. Обвинительное заключение по делу Запорожца не состоялось. 14 августа 1937 г. Запорожец был расстрелян. (См.: Реабилитация: Как это было. Т. 3. М., 2004. С. 485—486.)

[20] См. примечание 8.

[21] «Левые коммунисты» — группа большевистских деятелей, выступивших в 1918 г. против заключения Брестского мира и за революционную войну с Германией. В ее состав входили Н.И. Бухарин, К.Б. Радек, Г.Л. Пятаков, Е. Ярославский и др.

Левые эсеры — политическая партия в России в 1917—1923 гг., выступавшая в 1917 г. с антивоенными лозунгами. В ее состав входили М.А. Спиридонова, Б.Д. Камков, М.А. Натансон и др.

[22] VII съезд РКП(б) состоялся 6—8 марта 1918 г.

[23] Имеются в виду события июля 1918 г., связанные с убийством левыми эсерами германского посла Мирбаха 6 июля 1918 г. и вооруженным выступлением левых эсеров против подписания Брестского мира и политики большевиков в деревне.

[24] Покушение правой эсерки Ф. Каплан на Ленина произошло 30 августа 1918 г. В тот же день в Петрограде эсером был убит председатель Петроградской ЧК М. Урицкий. Покушение на Ленина стало сигналом к началу красного террора.

[25] Судебный процесс социалистов-революционеров проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. Руководство правых эсеров обвинили в организации террористических актов против большевистских лидеров в 1918 г. По приговору Верховного трибунала ВЦИК 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания были приговорены 12 подсудимых. Исполнение приговора было отложено Президиумом ВЦИК. 14 января 1924 г. смертный приговор был заменен 5-летним тюремным заключением с последующей 3-летней ссылкой в отдаленные районы страны. Подробнее см.: *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

[26] См. примечание 23.

[27] См. примечание 24.

[28] В ноябре 1936 г. органами НКВД началась разработка дела т.н. эсеровского «Всесоюзного центра», руководимого ссыльными членами ЦК партии левых и правых эсеров, среди которых были и свидетели на Московском процессе 1938 г. Б.Д. Камков, В.В. Осинский, В.Н. Яковлева. О механизме фабрикации этого дела более подробно см.: *Леонтьев Я.В.* Механизм фабрикации следственных дел «Всесоюзного центра» в 1937 г. // Вопросы истории. № 6. Июнь 2008. С. 65—82.

[29] См. примечание 10.

[30] Ст. 58^{13} УК РСФСР 1926 г.: Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны.

[31] В действительности А.С. Енукидзе приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. к ВМН и расстрелян 30 октября 1937 г.

[32] XV съезд ВКП(б) проходил с 12 по 19 декабря 1927 г.

[33] См. примечание 3. Показания Пятакова на процессе «антисоветского троцкистского центра» см.: Судебный отчет по делу «антисоветского троцкистского центра». М., 1937. С. 24—49.

[34] Группа «Крестьянская Россия», члены которой во главе с С.С. Масловым вышли из партии социалистов-революционеров, образовалась в Москве в декабре 1920 г. В 1921 г. С.С. Маслов уезжает в Польшу. В декабре 1927 г. «Крестьянская Россия» была преобразована в партию под названием «Крестьянская Россия — Трудовая Крестьянская партия» (ТКП). В 1932 г. партия утвердила курс на вооруженную борьбу с большевизмом. В 1936 г. Маслов начал разрабатывать теорию «революционного оборончества», предлагая защищать родину, но постараться обеспечить переворот до начала войны. Деятельность партии и лично С.С. Маслова находилась под пристальным вниманием ОГПУ—НКВД. В дни Московского процесса 1938 г. ИНО ГУГБ НКВД СССР сообщило Сталину о том, что один из сотрудников ТКП «всю ночь с 6-го на 7-е марта жег в помещении ЦИК ТКП компрометирующие документы», а 7 марта С.С. Маслова задержала чешская полиция. Между тем в тот же день С.С. Маслов был освобожден. (См.: Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти (1937—1938). М., 2004. С. 498.) Легальная деятельность партии была завершена в 1939 г. в связи с оккупацией нацистами Чехословакии, нелегальная работа продолжалась в США и после Второй мировой войны. (См.: *Базанов П.Н., Соколов М.В.* Своим путем. «Крестьянская Россия», она же трудовая крестьянская партии // Родина. 2008. № 2. С. 74—79.)

[35] Речь идет о прошедшей в Германии 30 июня 1934 г. расправе с верхушкой штурмовых отрядов во главе с Рэмом.

[36] В октябре 1931 г. в Берлине проходили переговоры о советском экспорте, в которых участвовал С.А. Бессонов. (См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 124.)

[37] Украинская партия социалистов-революционеров (боротьбистов) возникла в мае 1918 г. в результате раскола партии украинских эсеров. Название получила по имени центрального органа партии — газеты «Боротьба». С 1919 г. после объединения с левой группой Украинской социал-демократической рабочей партии стала на-

зываться Украинская коммунистическая партия (боротьбистов). Лидеры партии — Г.Ф. Гринько, В.М. Блакитный, П.П. Любченко, А.Я. Шумский. В 1920 г. партия была ликвидирована, многие ее члены вошли в состав КП(б)У.

[38] Период, названный по имени А.Я. Шумского, который в 1924—1927 гг. возглавлял наркомат просвещения Украины. А.Я. Шумский и его сторонники в украинской компартии были недовольны темпами «украинизации», осуществляемой Л.М. Кагановичем, требовали ее более решительного проведения, выступали против национальной политики Сталина.

В 1927 г. А.Я. Шумскому было предъявлено обвинение в «национал-уклонизме». На пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 20 ноября 1933 г. было заявлено о разгроме «националистической агентуры в партии — антипартийной группы Шумского». В мае 1933 г. Шумский был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы как участник антисоветской «Украинской военной организации». (См.: Реабилитация: Как это было. Т. 3. М., 2004. С. 357.)

[39] Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ) существовала в восточных землях Польши в 1919—1938 гг. В 1927 г. большинство ЦК КПЗУ поддержало т.н. «национальный уклон» А. Шумского. В ответ ЦК ВКП(б) обвинило руководство КПЗУ в измене. Партия раскололось на большинство («шумскистов»), выступающее против национальной политики СССР, и меньшинство, которое пользовалось поддержкой Москвы. В конце 1928 г. «большинство» заявило о самороспуске, его лидеры заявили о признании своих ошибок.

[40] Имеется в виду февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) (23 февраля — 5 марта 1937 г.). Значительная часть пленума (23—27 февраля) была посвящена «делу Бухарина—Рыкова». С основным докладом по этому вопросу выступил Н.И. Ежов. По делу Бухарина и Рыкова пленум ЦК образовал специальную комиссию, на заседании которой 27 февраля 1938 г. было принято решение об исключении Рыкова и Бухарина из партии и передаче их дел в НКВД. В тот же день 27 февраля 1937 г. Бухарин и Рыков были арестованы. (См.: Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг. М., 1991. С. 252—257.)

[41] См. примечание 3.

[42] См. примечание 11.

[43] См. примечание 40.

[44] На заседаниях процесса «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 19 и 20 августа 1936 г. (см. примечание 27) публично прозвучали «признания» о связях «троцкистско-зиновьевского блока» с лидерами «правых» — М.П. Томским, А.И. Рыковым, Н.И. Бухариным, Н.А. Углановым. 21 августа 1936 г. началось расследование этих заявлений, но уже 10 сентября в газетах появилось сообщение о прекращении следствия в отношении «правых». Однако это был лишь маневр. Следствие не прекращалось, происходили дальнейшая фабрикация и накопление компрометирующего материала. (См.: Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг. М., 1991. С. 244—252.)

[45] В 1932 г. в стране усиливался всеобъемлющий кризис, одним из проявлений которого стало разрушение финансовой системы и резкий рост инфляции. Катастрофическое положение с финансами заставило руководство страны вплотную заняться решением вопроса о сокращении бумажно-денежной эмиссии. Под давлением обстоятельств руководство страны решилось на изменение политики капитальных вложений. 8 июня 1932 г. Политбюро приняло решение, что план капитальных вложений на июнь—сентябрь не должен превышать уровень предыдущего квартала — 6,8 млрд руб. Однако через несколько дней Политбюро увеличило эту цифру на 250 млн руб. В ответном письме И.В. Сталин, хотя и указал на опасность решения об увеличении капитальных вложений, все же согласился не менять уже принятое постановление, «чтобы не создавать замешательства среди хозяйственников и не давать им повода к предположению о политике свертывания строительства». Народный комиссар финансов Г.Ф. Гринько в свою очередь предложил перейти от сверхамбициозного планирования к более сбалансированному, сократив план капиталовложений на июль—сентябрь 1932 г. на 1,5 млрд руб. В.М. Молотов и Л.М. Каганович поддержали эту

инициативу. Так, Л.М. Каганович пишет И.В. Сталину: «Положение сейчас довольно затруднительное. Потребность в дензнаках растет с каждым днем и доходит до спроса 150—160 млн рублей в день, а возможность удовлетворения 30—40, максимум 50 миллионов рублей. Уже образовывается задолженность по зарплате. Гринько ставит вопрос о сокращении ассигнований на капитальное строительство на 1—1/2 миллиарда рублей, т. Молотов считал возможным 1 млрд... Что сокращать надо, это бесспорно, ибо есть хозорганы, действительно нуждающиеся в деньгах и не дорожащие ими». 20 июня, более чем через месяц после решений об увеличении плана капитальных вложений, Сталин написал о необходимости его сокращения «минимум на 500—700 млн». По этому поводу И.В. Сталин пишет: «Записку Гринько читал. У него (и Марьясина) есть некоторые преувеличения, ведомственная односторонность и т.п. Но в основном Гринько и его работники правы и их надо поддержать». В результате было принято сокращение на 700 млн рублей. Политбюро образовало под председательством В.В. Куйбышева комиссию для рассмотрения вопроса о снижении себестоимости строительства (См.: *Девис Р.У, Хлевнюк О.В.* Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3; Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 132, 177, 187, 190—191, 195—196, 204—205, 210—213, 230—231, 235—236, 244—245.)

[46] Имеется в виду проходивший 19—22 ноября 1936 г. в Новосибирске т.н. «Кемеровский процесс» по делу о взрыве 23 сентября 1936 г. на кузбасской шахте «Центральная». На суде «выяснилось», что диверсию организовала подпольная троцкистская группа в сговоре с инженерами из числа старых специалистов. Все 9 подсудимых приговорены к расстрелу (троим ВМН была заменена на 10 лет заключения, в 1937 г. двое из них были расстреляны), ряд фигурантов дела были выведены на процесс «Антисоветского параллельного троцкистского центра» в январе 1937 г. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 227—228.)

[47] «Тезис о Клемансо» — историческая аналогия, используемая Л.Д. Троцким накануне объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля — 9 августа 1927 г. и затем интерпретированная И.В. Сталиным как общая тактическая позиция троцкистско-зиновьевского блока. Троцкий использовал «тезис Клемансо», говоря о том, что в случае войны в СССР оппозиция может настаивать на мирном изменении состава партийного руководства, неспособного привести к победе, как это было сделано во время Первой мировой войны Ж. Клемансо. Последний боролся против нерешительности французского правительства, добился прихода своей группы к власти и более последовательной политикой обеспечил победу Франции в войне. На объединенном пленуме Сталин раскритиковал «тезисы Клемансо», предъявив в связи с этим обвинения Троцкому. Если Троцкий подчеркивал мирный характер смены власти, то Сталин интерпретировал его тезис так, что оппозиция в случае войны намерена захватить власть повстанческим путем. В заключении Сталин заявил, что именно таким способом троцкистко-зиновьевский блок «думает оборонять СССР. Пораженческая по сути дела теория Троцкого о Клемансо, поддержанная всей оппозицией, достаточно ярко говорит нам об этом» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 51—56).

[48] См. примечание 11.

[49] Вероятно, имеется в виду франко-советский пакт о взаимопомощи, заключенный 2 мая 1935 г. в Париже. Договор рассматривался как часть общеевропейской системы безопасности. (См.: Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 334—335.)

[50] В июне 1933 г. в Токио начались переговоры о продаже Китайско-Восточной железной дороги, принадлежавшей СССР. Делегация Маньчжоу-Го на переговорах оспаривала право собственности СССР на КВЖД и предлагала продать дорогу за низкую цену. Советская делегация отклонила эти предложения. В ответ на это японцы начали арестовывать советских работников на КВЖД. Переговоры были прерваны и возобновились только в середине 1934 г. Договор о продаже КВЖД был подписан в Токио 23 марта 1935 г. (См.: Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 837—838.)

[51] В своих воспоминаниях об отпуске в Крыму в июне 1928 г. А.И. Микоян пишет: «Работа в новом наркомате была чрезвычайно напряженной. Чувствуя себя измотанным, я взял отпуск в 1928 г. До этого, как и после этого, я отдыхал редко, по

нескольку лет вообще не беря отпуск. И вот я попал в санаторий Совнаркома СССР в Мухалатке (в Крыму)». В своих письмах к жене из санатория А.И. Микоян отмечал: «Здесь замечательно хорошо. Компания также очень хорошая. Жаль только, что Рыков болеет» и далее: «Завтра выезжает отсюда Рыков. Врачи потребовали его отъезда в Москву. Он уже полтора месяца лежит в кровати. Дрянная затяжная болезнь — ревматизм. Температура все время немного повышается». (См.: *Микоян А.И.* Так было. М., 1999. С. 290—292.)

[52] «Социалистический вестник» — журнал, орган меньшевиков-эмигрантов, основан в 1921 г. Ю. Мартовым. В 1921—1933 гг. издавался в Берлине, в 1933—1940 гг. — в Париже, в 1940—1963 гг. — в Нью-Йорке.

[53] Комитет по заготовкам сельхозпродуктов при СТО (Комзаг при СТО) образован постановлением СНК СССР от 13 февраля 1932 г. № 137 (СЗ СССР. 1932. № 10. Ст. 53). Постановлением СНК СССР от 13 февраля 1933 г. № 199 Комзаг был преобразован в Комитет по заготовкам с.-х. продуктов при СНК СССР (СЗ СССР. 1933. № 11. Ст. 58).

[54] В конце 1935 г. в Кремле проходили совещания руководителей страны и передовиков сельского хозяйства. Так, например, в ноябре 1935 г. состоялось Первое Всесоюзное совещание стахановцев и прием колхозниц-ударниц свекловичных полей, в декабре 1935 г. проходило совещание передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана и др.

[55] См. примечание 21.

[56] X съезд РКП(б) проходил 8—16 марта 1921 г.

[57] «Школой Бухарина» в 1920—1930-е гг. называли слушателей Института красной профессуры (А.Ю Айхенвальд, В.Н. Астров, Н.А. Карев, Д.П. Марецкий, С.Н. Радин, А.Н. и В.Н. Слепковы и др.) и других выпускников партийных вузов, которые разделяли идейно-теоретические взгляды Н.И. Бухарина. С конца 1928 г. единомышленники Бухарина стали подвергаться политическим гонениям, они смещались со своих постов, многие из них были переведены на работу на периферию. В октябре 1932 г. — апреле 1933 г. было сфабриковано дело т.н. «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других ("Бухаринская школа")». 16 апреля 1933 г. коллегия ОГПУ приговорила 34 участников этого дела к различным срокам лишения свободы. В 1936—1941 гг. участники «бухаринской школы» были расстреляны по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР и областных троек УНКВД. (См.: Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг. М., 1991. С. 260—280.)

[58] Имеются в виду опубликованные Н.И. Бухариным в 1928—1929 гг. статьи «Заметки экономиста (К началу нового хозяйственного года» (Правда, 30 сентября 1928 г.), «Некоторые проблемы современного капитализма и теоретиков буржуазии» (Правда. 26 мая 1929 г.), «Теория организованной бесхозяйственности» (Правда. 3 июня 1929). В статьях, под видом критики западных теорий, Бухарин приводил довод о том, что стабилизация капитализма на Западе продолжается, предупреждал об опасности фашизма, критиковал коминтерновскую и экономическую политику Сталина. Теория стабилизации капитализма берет свое начало в работах Н.И. Бухарина в 1915—1916 гг. Неокапитализм, по Бухарину, характеризуется не внутренним разложением, а дальнейшей стабилизацией на более высоком техническом и организационном уровне. По мнению Бухарина, революционные потрясения неизбежны, но произойдут они в результате империалистической войны, а не внутреннего кризиса. Тем самым Н.И. Бухарин опровергал теорию К. Маркса, хотя прямо об этом никогда не писал. В конце 1920-х гг. Сталин раскритиковал эту теорию Бухарина, утверждая, что капиталистические страны находятся на краю гибели. (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 51—71, 354—398 и др.)

[59] 3 октября 1935 г. без объявления войны итальянская армия вторглась в Эфиопию. Итогом итало-абиссинской (эфиопской) войны (1935—1936 гг.) стала оккупация Эфиопии и включение ее в состав итальянских колониальных владений в Африке.

Японская интервенция в Маньчжурию (1931—1932 гг.) закончилась захватом северо-восточной территории Китая и провозглашением 9 марта 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го.

[60] В феврале 1930 г. в селах и станицах Северного Кавказа прокатились массовые волнения и восстания, в которых, как сообщает Л. Виола, приняли участие более 227 тысяч человек. (См.: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М., 2010.)

[61] См. примечание 7.

[62] См. примечание 7.

[63] Осенью 1936 г. пленумы ЦК ВКП(б) не собирались.

[64] См. примечание 57.

[65] X съезд РКП(б) проходил 8—16 марта 1921 г. В утреннем заседании 11 марта 1921 г. Н.И. Бухарин выступил с докладом о партстроительстве, в котором раскритиковал взгляды «Рабочей оппозиции» по этому вопросу. В заключении работы съезд дал указание РКП(б) провести чистку партии. (См.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1936. С. 364—404.)

[66] См. примечание 1.

[67] См. примечание 1. Проект платформы был написан М.Н. Рютиным, а затем отредактирован другими участниками союза.

[68] В 1923 г. была создана Уральская область с центром в Екатеринбурге. Область просуществовала 11 лет, и была вновь разделена в 1934 г. Тогда на ее основе были созданы Свердловская, Челябинская и Обь-Иртышская области (последняя затем была объединена с Омской областью).

[69] Имеется в виду X Уральская областная партийная конференция (3—13 июня 1930 г., Свердловск). На эту конференцию А.И. Рыков, как член Политбюро, был послан сделать доклад накануне предстоящего XVI съезда ВКП(б) (26 июня — 13 июля 1930 г.). На конференции была организована проработка Рыкова за «правые ошибки». Однако Рыков дал резкий отпор. Делая заключительное слово по политическому отчету ЦК на XVI съезде ВКП(б), И.В. Сталин отметил: «Недавно Рыков был на уральской конференции. Был у него, стало быть, самый благоприятный случай исправить свои ошибки. И что же? Вместо того чтобы открыто и решительно порвать со своими колебаниями, он стал там "финтить" и маневрировать. Понятно, что уральская конференция не могла не дать ему отпора» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 10). 19 декабря 1930 г. Рыков был снят с поста председателя СНК СССР, 21 декабря 1930 г. выведен из состава Политбюро.

[70] В первом полугодии 1930 г. по стране прокатились массовые крестьянские выступления против коллективизации.

[71] См. примечание 32.

[72] В декабре 1927 г. на съезде ВКП(б) 75 активных деятелей троцкистской оппозиции были исключены из партии. (См.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. М., 1936. С. 265.)

[73] В 1927 г. Н.Н. Крестинский написал Л.Д. Троцкому три письма, в которых информировал о причинах его идейного разрыва с оппозицией, осуждал и критиковал фракционную работу оппозиции и требовал не выходить за рамки партийности, используя возможности внутрипартийной борьбы. В апреле 1928 г. в газетах «Правда» и «Экономическая жизнь» было опубликовано сообщение о разрыве В.А. Антонова-Овсеенко и Н.Н. Крестинского с троцкистской оппозицией (см., например: Правда. 1928. № 84). Более подробно см.: Реабилитация: Как это было. Т. II. М., 2003. С. 462—465.

[74] Х.Г. Раковский был исключен из партии на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Особым совещанием при ОГПУ приговорен к ссылке на 4 года. Отбывал ссылку в Астрахани, Саратове, Кустанае. В 1931 г. вновь приговорен к 4 годам ссылки, которую отбывал в Барнауле, затем в Якутии. Биографическую справку см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 89.

[75] Имеются в виду единомышленники М.П. Томского в профдвижении (В.М. Михайлов, Г.Н. Мельничанский, Я.К. Яглом и др.), сторонники Н.А. Угланова в Московской парторганизации (М.Н. Рютин, В.А. Котов, Е.Ф. Куликов, К.В. Уханов и др.). О «школе Н.И. Бухарина» — см. примечание 57.

[76] Имеется в виду VIII Всесоюзный съезд профсоюзов (10—24 декабря 1928 г.). В отчетном докладе М.П. Томский отстаивал самостоятельность профсоюзов, призывал к вовлечению трудящихся в управление производством, усилению рабочих конт-

рольных органов, выступал против политики диктата и нажима на трудящихся. Во время работы съезда состоялось заседание Политбюро, где было принято решение ввести в состав ВЦСПС для усиления его связи с партией Л.М. Кагановича. Томский и ряд его сторонников высказались против этого. Томский подал заявление об отставке и отказался участвовать в работе съезда. На самом съезде сторонники Томского продолжали настаивать на отмене решения Политбюро. Съезд принял постановление согласиться с решением ЦК. 474 делегата проголосовали «за», воздержались 2, а 92 человека поддержали позицию сторонников Томского. В результате Томский был переизбран, а в президиум ВЦСПС был введен Каганович. Оставаясь номинально председателем ВЦСПС, Томский к работе не приступил. 23 апреля 1929 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он был снят с должности председателя ВЦСПС. (См.: 8-й Всесоюзный съезд профессиональных союзов. Москва 1928. Полный стенографический отчет. М., 1929.)

[77] Политический разгром правой оппозиции завершился на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. 25 ноября 1929 г. Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский сделали заявление о признании своих политических ошибок. Затем подобные заявления сделали некоторые представители «школы Бухарина». Резолюцию пленума см.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. М., 1936. С. 396.

[78] Имеется в виду апрельский объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (16—23 апреля 1929 г.). На пленуме 23 апреля 1929 г. была принята резолюция по внутрипартийным делам, осуждающая взгляды правых «как несовместимые с генеральной линией партии» и требующая сместить Н.И. Бухарина и М.П. Томского с занимаемых ими постов. (См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1925—1953. М., 1953. С. 429—447.)

[79] См. примечание 69.

[80] См. примечание 69.

[81] См. примечание 1.

[82] См. примечание 1.

[83] В платформе «Союза марксистов-ленинцев» «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» так написано об этом: «В борьбе со Сталиным и его кликой нужно предупредить против одной весьма распространенной иллюзии, что эту борьбу могут начать и возглавить еще раз все бывшие покаявшиеся троцкистские вожди или бывшие лидеры правой оппозиции. Это глубочайшая ошибка. В своем большинстве они пока что представляют для борьбы со Сталиным лишь отработанный пар» (Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годом. М., 1991. С. 439).

[84] См. примечание 1.

[85] Речь идет о периоде кризиса хлебозаготовок и голоде на Северном Кавказе. Для выкачивания хлеба на Северный Кавказ решением Политбюро от 22 октября 1932 г. была направлена комиссия од руководством Л.М. Кагановича. Н.Б. Эйсмонт не входил в состав комиссии, но находился в командировке на Северном Кавказе, где наблюдал результаты ее деятельности. (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. М., 2001. С. 520—524.)

После возвращения из командировки на Северный Кавказ, на одном из праздничных мероприятий у себя на квартире Эйсмонт позволил себе резкие высказывания. Как утверждал один из присутствующих, Эйсмонт говорил ему о голоде в стране, о недовольстве части членов ЦК политикой Сталина, о критическом настрое В.Н. Толмачева и А.П. Смирнова по отношению к Сталину. Кроме того, сообщалось и о связях Н.Б. Эйсмонта и А.И. Рыкова. В частности, сообщалось, что после возвращения из командировки Рыков просил ему рассказать, как обстоят дела на Северном Кавказе, о работе комиссии Кагановича. 24 ноября 1932 г. Эйсмонт был арестован. 25 ноября 1932 г. был арестован Толмачев. Во время следствия, несмотря на то что в разработке ОГПУ это дело проходило под подзаголовком «рыковская школа», чекистам не удалось добиться серьезных показаний о существовании оформленной антипартийной группы с определенной программой и о ее связях с бывшими лидерами «правого уклона». На заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) в ноябре и декабре

1932 г. происходил разбор дела «антипартийной группировки Эйсмонта, Толмачева, Смирнова А.П. и др.», а на январском пленуме (1933) ЦК ВКП(б) была принята резолюция, на основании которой Эйсмонт и Толмачев были исключены из партии, Смирнов — из состава ЦК ВКП(б), кроме того в связях с ними были голословно обвинены бывшие лидеры «правого уклона» М.П. Томский, А.И. Рыков, В.В. Шмидт. В январе 1933 г. В.Н. Толмачев, Н.Б. Эйсмонт и их знакомый В.Ф. Попонин были приговорены к 3 годам лишения свободы. (См.: Реабилитация: Как это было. Т. 3. М., 2004. С. 393—404; Стенограммы заседаний ЦК РКП(б)—ВКП(б): 1923—1938 гг. Т. 3. 1928—1938. М., 2007. С. 551—676.)

[86] Версия об организации В.Г. Яковенко кулацких восстаний в Сибири по директивам правого центра была изложена в докладе Н.И. Ежова на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Ссылаясь на показания Яковенко, Ежов сообщил делегатам съезда о тех установках, которые давал Бухарин Яковенко по организации партизанского центра и кулацких восстаний в Сибири. В частности, Ежов сообщал, что Яковенко имел с Бухариным в 1930—1931 гг. неоднократные беседы, в которых высказывал свое несогласие с политикой партии в деревне, призывал к организации кулацких восстаний и созданию автономного Сибирского государства. Бухарин все эти обвинения отрицал. (См.: Вопросы истории. 1992. № 4—5. С. 3—15; 1993. № 2. С. 26—33.)

[87] Восстания крестьян, недовольных продовольственными затруднениями и принудительными хлебозаготовками, в Сибири на протяжении 1928—1933 гг. вспыхивали неоднократно. Так, к примеру, исследовательница Л. Виола сообщает, что в 1928 г. в Сибири произошло 13 бунтов, количество участников которых составляло от 15 до 300 человек, а с января по март 1930 г. здесь зафиксировано 65 мятежей и 153 случая массовых выступлений. В Бийском округе Алтайского края весной 1929 г. было зафиксировано 43 массовых выступления против хлебозаготовок. Причем около 16 из них, где число участников превышало 7000 человек, были признаны масштабными и представляющими опасность. 9 марта 1930 г. в Бийске вспыхнуло очередное вооруженное восстание, которое охватило четверть всей территории района и которое было жестоко подавлено. Более подробно см.: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М., 2010.

[88] См. примечание 1.

[89] См. примечание 85.

[90] Имеется в виду Кронштадтское восстание в марте 1921 г., когда гарнизон города Кронштадта и экипажи некоторых кораблей Балтийского флота выступили против политики большевиков. Восстание было жестоко подавлено. Подробнее см. сборник документов: Кронштадт. 1921. М., 1997.

[91] В 1930—1931 гг. в Белорусской партийной организации прокатилась волна разоблачений «национал-уклонистов». Большинству арестованных коммунистов вменялась в вину связь с «законспирированной контрреволюционной» организацией «Союз освобождения Белоруссии». В 1936 г. — начале 1937 г. Н.И. Ежовым была создана версия о существовании в республике широкого разветвленного антисоветского подполья, действовавшего будто бы по заданиям польской разведки, с наличием ряда центров, возглавляемых руководящими партийно-советскими деятелями Белоруссии. В результате ничем не подкрепленных обвинений 16 июня 1937 г. покончил жизнь самоубийством один из основателей республики, председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков. В июле—августе 1937 г. в Белоруссии были проведены почти поголовные аресты руководящих партийных работников и большой группы специалистов и интеллигенции. В июле 1937 г. органами НКВД было сфальсифицировано дело объединенного антисоветского «пантюркистского центра» в Средней Азии, связанного с правыми и троцкистами (Т.Р. Рыскулов, Ф. Ходжаев, К. Атабаев и др.). Подробнее см.: Реабилитация: Как это было. Т. 2. М., 2003. С. 310—324; Т. 3. М., 2004. С. 347—361; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М., 2010. С. 335—360; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 283—296.

[92] Имеется в виду судебный процесс по делу социалистов-революционеров (июль—август 1922 г.), на котором Н.И. Бухарин выступал защитником второй группы обвиняемых, которые порвали с партией эсеров и сотрудничали со следствием.

Г.И. Семенов был членом Военной комиссии при ЦК ПСР. Как указывает К.Н Морозов, Семенов действительно занимался подготовкой террористических актов и проведением экспроприаций. После покушения на Ленина, совершенного Ф.Е. Каплан, в сентябре 1918 г. Семенов был арестован. В тюрьме начал сотрудничать с большевиками. Есть основания считать, пишет К.Н. Морозов, что именно в это время Г.И. Семенов признается большевикам в своем участии в организации покушения на Ленина. В январе 1921 г. Г.И. Семенов по рекомендации А.С. Енукидзе, Л.П. Серебрякова и Н.Н. Крестинского вступает в партию. (См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июль—август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002.)

[93] XVII съезд ВКП(б) проходил 26 января — 10 февраля 1934 г.

[94] См. примечание 91.

[95] VIII Чрезвычайный съезд Советов проходил 25 ноября — 5 декабря 1936 г. в Москве.

[96] В.Ф Шарангович в декабре 1919 г был направлен на подпольную партийную работу в Минскую губ., арестован польскими властями в 1920 г. и приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет каторги. Освобожден в результате обмена заключенными после окончания войны (Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 91).

[97] Бухарская Народная Советская Республика (БНСР) была образована на территории Бухарского эмирата в сентябре 1920 г.

[98] Некоторые современные исследователи не исключают достоверность свидетельств о существовании в Бухарской республике организации «Милли Иттихад», в которую входили Ф. Ходжаев, М. Аминов, М. Санджанов, С. Ходжаев, А. Ходжаев. «Милли Иттихад», просуществовавшая до национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г., ставила своей задачей организацию независимого национального государства. (См.: *Германов В.А.* Файзулла Ходжаев: силуэт историка // Центральная Азия и Кавказ. № 10. 1997.)

[99] В 1916—1920 гг. Ф. Ходжаев являлся одним из лидеров младобухарской партии, выступавшей против монархического режима в эмирате. В конце 1917 — начале 1918 г. он вел переговоры с председателем Совнаркома Советского Туркестана Ф. Колесовым об оказании помощи в готовящемся вооруженном выступлении против правительства эмира. Несмотря на оказанную поддержку, попытка захвата власти в Бухарском эмирате закончилась неудачей. Ф. Ходжаев бежал в Москву, где в 1918—1919 гг. работал в НКИД РСФСР. (См.: *Германов В.А.* Файзулла Ходжаев: силуэт историка // Центральная Азия и Кавказ. № 10. 1997.)

[100] Басмачество — националистическое движение в Средней Азии, направленное против советской власти. Столкновения с басмачеством на территории Средней Азии проходили постоянно в течение 1918—1932 гг. К примеру, весной 1922 г. начались крупномасштабные действия войск Туркестанского фронта против басмаческого движения на территории БНСР. В это же время туда был направлен по поручению ЦК РКП(б) С. Орджоникидзе. Об отношениях С. Орджоникидзе и Ф. Ходжаева к этому см.: Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 251—256.

[101] В феврале 1924 г. ЦК Бухарской компартии одобрил тезисы Ф. Ходжаева «Основные положения по созданию Узбекистана», в которых обосновывалась концепция национально-государственного размежевания Средней Азии. Ф. Ходжаев входил в состав комиссии Средазбюро ЦК РКП(б), подготовившей проект национального размежевания, утвержденный Политбюро ЦК РКП(б) 12 июня 1924 г. В 1924—1925 гг. в результате национально-государственного размежевания территорий Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик были образованы Узбекская ССР и Туркменская ССР. (См.: *Германов В.А.* Файзулла Ходжаев: силуэт историка // Центральная Азия и Кавказ. № 10. 1997.)

[102] Во второй половине 1925 г. 18 человек из числа членов правительства и партийных деятелей УзССР («группа 18»), направили на имя пленума ЦК КП(б) Узбекистана заявление, требующее освободить их от работы в Узбекистане и откомандировать в распоряжение ЦК ВКП(б). Комиссия Средазбюро ЦК РКП(б), созданная для разбора заявления, выяснила, что в его составлении участвовал Ф. Ходжаев, а ис-

тинный мотив «заявления 18-ти» заключался в несогласии с политикой большевиков, особенно при проведении земельно-водной реформы, которая, на их взгляд, сопровождалась разрушением дехканского хозяйства и вела к ограничению форм хозяйствования. Участие Ф. Ходжаева во главе «группы 18-ти» было расценено как проявление местного буржуазного национализма. Некоторые участники «группы 18» были сняты с руководящих постов. Более подробно см.: *Германов В.А.* Файзулла Ходжаев: силуэт историка // Центральная Азия и Кавказ. № 10. 1997.

[103] Пантюркистская организация младотурок «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс») возникла в конце 19 в. и ставила своей главной задачей создание в Турции конституционного строя. В 1918 г. в Туркестанском крае была создана пантюркистская организация «Единение и прогресс». В 1937 г. в основу сфабрикованного НКВД дела о т.н. «пантюркистском центре» были положены сведения о принадлежности в прошлом того или иного деятеля к этой организации. См. примечание 91.

[104] Первый пятилетний план был принят в 1927 г. на 1929—1933 гг.

[105] В августе 1935 г. Сталин писал Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову о необходимости «подготовить дело снижения цен на хлеб и муку. Особенно надо снизить их в Узбекистане, в южном Казахстане, Таджикистане и Азербайджане, чтобы в этих хлопковых районах сделать производство хлеба нерентабельным и заставить их перевести все или почти все земельные площади на производство хлопка». В ответ Каганович сообщал Сталину, что «с хлопком дело обстоит неплохо. По имеющимся сведениям в Узбекистане урожай 10,5 центнера против прошлого года 8,2. <...> Так что по предварительным предположениям можно будет дать план заготовок 30—31 млн пудов». В сентябре 1935 г. Каганович сообщал Сталину об обсуждении в Политбюро плана заготовок хлопка. Как указывал Каганович, возражения были только со стороны Узбекистана, «которому в этой наметке мы скинули 15 тысяч тонн (вместо 910 тысяч тонн, предложенных Комзагом, наметили 895 тысяч тонн)». 9 сентября эти цифры были утверждены Политбюро. План заготовок хлопка в 1935 г. был определен в 30 млн 58 тысяч пудов. (См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 543, 544, 553.)

[106] После ноябрьского пленума ЦК ВКП(Б) 1929 г. и в связи с принятием пятилетнего плана коллективизации сельского хозяйства союзных республик в 1930 г., начинается ускорение темпов коллективизации. Определенные в плане нереальные показатели толкали местные органы на применение административного нажима, приводили к перегибам. На местах стали провозглашаться лозунги «бешеных темпов коллективизации». В 1929 г. И.А. Зеленский представил в ЦК ВКП(б) план, согласно которому в республиках Средней Азии предусматривалось коллективизировать к концу первой пятилетки 52 % крестьянских хозяйств. Отвергнув этот план, ЦК довел наметку коллективизации до 68 %. После этого, подчиняясь навязанному сверху требованию ажиотажных темпов коллективизации, Зеленский выдвинул лозунг: «Догнать и перегнать передовые в отношении коллективизации районы Союза». 30 января 1930 г. Сталин и Молотов в телеграмме на имя И.А. Зеленского осудили попытки искусственного убыстрения темпов сплошной коллективизации в Средней Азии. (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 131.)

[107] См. примечание 106.

[108] См. примечание 104.

[109] 23 июля 1932 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарину был предоставлен двухмесячный отпуск с 5 августа по 5 октября 1932 г. В ходе отпуска он посетил Памир (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 893. Л. 14).

[110] 10 июля 1936 г. состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) (П41/120) о предоставлении Н.И. Бухарину отпуска на полтора месяца (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 979). В начале августа 1936 г. Бухарин выехал в отпуск на Памир.

[111] В 1936 г. Н.И. Бухарин выехал за границу в составе группы для ведения переговоров с меньшевиками о приобретении материалов из архивов К. Маркса и Ф. Энгельса. См. решения Политбюро ЦК ВКП(б) П36/180-оп от 10 января; П36/441-оп от 8 февраля; П37/77-оп от 17 февраля; П38/356-оп от 19 апреля; П41/33-оп от 1 июля; П41/188-оп от 19 июля; П43/69-оп от 7 сентября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974, 975, 976, 979, 981).

[112] К примеру, 14 сентября 1935 г. на заседании Политбюро было утверждено постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию хлопководства и производства семенной люцерны в Хорезмском оазисе». Сталин согласился с проектом, не сделав никаких поправок. (См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 555.)

[113] Имеются в виду гидротехнические сооружения в Рават Хадже и Компыр Равате.

[114] См. примечание 99. Имеется в виду Чарджуйское восстание младобухарцев осенью — летом 1920 г., в результате которого произошло свержение эмира и провозглашение Бухарской Народной Советской Республики.

[115] Вероятно, имеется в виду критика руководства Бухарской Народной Советской Республики в июне 1923 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б). В итоге из состава бухарского правительства были удалены некоторые руководители. Ф. Ходжаеву удалось сохранить доверие центра.

[116] Имеется в виду профсоюзная дискуссия конца 1920 — весны 1921 г. План Троцкого был связан с милитаризацией рабочей силы и превращением профсоюзов в послушные производственные ячейки государства.

[117] 15 октября 1923 г. в Политбюро ЦК было представлено т.н. «Заявление 46-ти», подписанное 46 членами партии со стажем до 1917 г. Среди подписавших был А.П. Розенгольц. В заявлении критиковались изменения внутрипартийного режима и аппаратный бюрократизм.

[118] Теория перманентной революции была разработана Л.Д. Троцким в 1905 г. Троцкий отрицал завершенный социалистический характер Октябрьской революции 1917 г., рассматривая ее лишь как первый этап на пути к социалистической революции на Западе и во всем мире. Он видел возможность победы социализма в России только в том случае, если социалистическая революция станет перманентной, то есть перекинется на страны Европы. Тогда победивший пролетариат Запада поможет пролетариату России справиться в борьбе с противостоящими ему классами, и тогда станет возможным построение социализма и коммунизма в мировом масштабе. (См.: *Троцкий Л.Д.* Перманентная революция. М., 2005.)

[119] Л.Д. Троцкий был выслан за границу в 1929 г.

[120] См. примечание 3.

[121] См. примечание 3.

[122] См. примечание 3.

[123] Политбюро ЦК ВКП(б) 27 декабря 1936 г. приняло решение (П44/452) о предоставлении М.Н. Тухачевскому отпуска (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 982).

[124] 22 апреля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отмене поездки М.Н. Тухачевского в Лондон на коронацию английского короля Георга VI. Формально это решение основывалось на спецсообщении Н.И. Ежова И.В. Сталину 21 апреля 1937 г. о том, что якобы во время поездки над Тухачевским планируют совершить террористический акт. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 284—285.)

[125] См. примечание 65.

[126] Здесь излагается официальная версия событий. В частности, в резолюции «Об оппозиции», принятой на XV съезде партии (2—19 декабря 1927 г.), говорилось: «За границей троцкистская партия связалась не только с фракционными группками антиленинского толка, имеющимися внутри партий Коминтерна, но и организациями, группами и отдельными лицами, никогда к Коммунистическому Интернационалу не принадлежавшими, равно как и исключенными из Коминтерна врагами и изменниками коммунистического движения (Маслов, Рут Фишер, Корш, Суварин, Росмер, Ролланд-Гольст, Либерс и т. д. и т. п.)» (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1928. С. 1317—1319).

[127] Окончательный разгром троцкизма произошел на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (21—23 октября 1927 г.). Пленум исключил Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева из партии. XV съезде партии (2—19 декабря 1927 г.) в резолюции «Об оппозиции» одобрил решение объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). (См.: XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1928. С. 1317—1319.)

[128] Л.Д. Троцкий был выслан в Алма-Ату 18 января 1928 г.

[129] На заседании Политбюро 10 августа 1931 г. рассматривался вопрос о повышении кредитной ставки по германским заказам. Для переговоров с немецкими промышленниками было решение оправить Ю.Л. Пятакова. (См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 38, 43, 54—57.)

[130] XI съезд РКП(б) проходил в Москве 27 марта — 2 апреля 1922 г.

[131] Ю.Л. Пятаков подал заявление об отходе от оппозиции в 1928 г., К.Б. Радек — в 1930 г. (См.: Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 211—212.)

[132] См. примечание 93.

[133] См. примечание 95.

[134] См. примечание 8. В телеграмме Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову 25 сентября 1936 г. о необходимости снятия Ягоды с поста наркома внутренних дел говорилось: «Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года». (См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 682—683.)

[135] См. примечание 123.

[136] См. примечание 124.

[137] Имеются в виду отчетно-выборные районные партийные конференции.

[138] Л.Д. Троцкий переехал из Франции в Норвегию летом 1935 г.

[139] См. примечания 3, 11, 13.

[140] Вероятно, имеется в виду озеро Шира в Хакасии — известный грязелечебный курорт.

[141] В 1934 г. Х.Г. Раковский передал в Москву просьбу о разрешении приехать из ссылки для подачи заявления о «безоговорочном» разрыве «с контрреволюционным троцкизмом». Это заявление поступило на рассмотрение членов Политбюро с резолюцией Сталина: «т.т. Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Серго, Кирову, Жданову. По-моему, можно разрешить Раковскому приезд в Москву». 18 марта было оформлено соответствующее решение Политбюро о вызове Раковского, и 22 апреля, после публикации в «Правде» его заявления, Политбюро поставило перед КПК вопрос о его восстановлении в ВКП(б). Но лишь в 1935 г. он был принят в партию. (См.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 104—105.)

[142] В 1934 г. в Японии состоялась международная конференция представителей обществ Красного Креста, в которой участвовал и Х.Г. Раковский.

[143] Имеются в виду переговоры о продаже КВЖД, которые были прерваны в 1933 г. и возобновились только в середине 1934 г. См. примечание 50.

[144] См. примечание 142.

[145] Имеется в виду первая антифранцузская коалиция, которая была создана по инициативе Великобритании в 1793—1797 гг. для восстановления дореволюционных порядков во Франции. Великобритания вела войну против революционной, а затем против наполеоновской Франции более 20 лет — с 1793 по 1815 г.

[146] См. примечание 13.

[147] Решение об отмене карточной системы было принято на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. Реформа проводилась в январе—сентябре 1934 г. (См.: *Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В.* Отмена карточной системы в СССР. 1934—1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5.)

[148] 2 мая 1935 в Париже был подписан франко-советский пакт о взаимопомощи. Визит Лаваля в Москву состоялся 13—15 мая 1935 г. (См. *Литвинов М.М.* Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1937. М., 1937. С. 378—380.)

[149] См. примечание 13.

[150] Правительство Дж. Макдональда ушло в отставку в октябре 1924 г. Также см. примечание 154.

[151] Имеется в виду международная Лозаннская конференция 1922—1923 гг.

[152] См. примечание 150.

[153] Автобиографию Х.Г. Раковского см.: Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 609—618.

[154] См. примечание 150. Имеется в виду письмо-фальсификация, приписываемое Г.Е. Зиновьеву. 25 октября 1924 г. в английской печати появилось т.н. «письмо Зиновьева» от 15 сентября 1924 г. Письмо было обращено к британским коммунистам и призывало активизировать подрывную работу в армии и на флоте, готовить собственные кадры для грядущей гражданской войны. Утверждалось, что под ним стояла подпись председателя исполкома Коминтерна Зиновьева. Считается, что из-за публикации этого письма на выборах консерваторы одержали победу над лейбористами. В ноте от 20 ноября 1924 г. новый консервативный кабинет отказался от ратификации англо-советского договора от 8 августа 1924 г. Об истории этой фальсификации см.: *Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX века. М., 2001.

[155] Назначение Х.Г. Раковского полпредом СССР в Великобританию состоялось в июле 1923 г.

[156] Е.А. Преображенский, Н.Н. Крестинский, Л.П. Серебряков и И.Н. Смирнов не были избраны в состав ЦК РКП(б) на X съезде РКП(б) (8—16 марта 1921 г.).

[157] Имеется в виду длительный период, предшествующий признанию СССР английским правительством. Для полного урегулирования взаимоотношений между СССР и Англией в апреле 1924 г. была созвана англо-советская конференция. Переговоры продвигались чрезвычайно туго. Назрела ситуация срыва конференции. Однако 8 августа 1924 г. между СССР и Великобританией были подписаны два договора — общий и отдельно торговый (Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 95). 8 октября 1924 г. правительство Макдональда потерпело поражение. В ноте от 20 ноября 1924 г. новый консервативный кабинет отказался от ратификации англо-советского договора. См. примечание 154.

[158] См. примечание 128.

[159] См. примечание 47.

[160] Конституция СССР 1936 г. была принята VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 г. и действовала до 1977 г.

[161] См. примечание 47.

[162] См. примечание 142.

[163] См. примечание 141.

[164] Речь идет о Первом всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г., на котором Н.И. Бухарин выступал с докладом «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР». (См.: Узник Лубянки: Тюремные рукописи Николая Бухарина. М., 2008. С. 34—35.)

[165] Ю.Г. Фельштинский в предисловии к книге Л.Д. Троцкого «Портреты революционеров» пишет, что Раковский и Троцкий познакомились в 1903 г. в Париже. В своем очерке Троцкий очень хорошо отзывался о Раковском. (См.: *Троцкий Л.* Портреты революционеров. М., 1991. С. 15.)

[166] См. примечание 116.

[167] См. примечание 118.

[168] Петлюровщина — национально-политическое движение на Украине в 1918—1920 гг. Названо по имени одного из руководителей — С.В. Петлюры.

[169] В ночь с 7 на 8 июля 1937 г. японские военные части внезапно напали на китайские войска, расквартированные в Люкоуцзяо (Северный Китай), и пытались захватить мост Марко Поло. Этот инцидент послужил формальным поводом к началу японо-китайской войны 1937—1945 гг.

[170] Речь идет о поддержке генерала Франко правительствами Германии и Италии в его выступлении против правительства Испанской республики, что привело к гражданской войне в Испании.

[171] Имеется в виду ст. 102 Уголовного уложения 1903 г. Она устанавливала ответственность участников преступных сообществ, созданных в целью совершения преступлений, предусмотренных ст. 99 (преступления против жизни, здоровья, неприкосновенности императора и членов императорской семьи) и ст. 100 (насильственное посягательство на изменение в России формы правления, порядка наследия престола, отторжение от России части ее территории). Виновные в участии в таких сооб-

ществах наказывались каторгой. (См.: Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.)

[172] Имеется в виду VI (Пражская) конференция РСДРП 18—30 января 1912 г., в которой Л.И. Серебряков принял участие как делегат от Николаевской организации, а по возвращении с конференции был арестован в Самаре. (См.: Конференции РСДРП 1912 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 522, 1094 и др.)

[173] В своей автобиографии И.А. Зеленский указывает: «В Самаре продержался довольно долго и только в начале 1912 г. был арестован, а осенью выслан на 3 года в Нарымский край. В Нарыме пробыл несколько месяцев, в начале лета 1913 г. бежал и работал в Царицыне» (Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 417).

[174] См. примечания 173, 175.

[175] В своей автобиографии И.А. Зеленский так писал об этом периоде жизни: «В Царицыне же провалился, бежал во время ареста, был арестован, как потом выяснилось, и отправлен обратно в Нарым. <...> В Нарыме прожил до августа 1914 г., после чего уехал в Самару. В Самаре в это время была прекрасная большевистская парторганизация <...>. В Самаре, однако, долго жить не пришлось, так как был очень известен охранке. В декабре приехал в Москву, получил работу, благодаря А.И. Смирнову, на электропередаче. <...> Осенью 1915 г. преследования охранки сделались слишком наглыми — да и потребность разворачивать работу в другом месте была — переехал в Сормово, где работал секретарем больничной кассы. Работа в Сормове была непродолжительна, я был арестован <...> Просидев несколько месяцев, был выслан в Иркутскую губ., Киренский уезд. В Иркутской тюрьме заболел тифом, по дороге из Иркутской тюрьмы в Александровскую пересыльно-каторжную тюрьму конвойные маленько побили. В ожидании Якутской партии и пока оправился от тифа и проч. просидел несколько месяцев. В тюрьме вместе с группой большевиков решили учинить протест и добиваться отправки нас в ближайший уезд. Почему и попал в Верхоленский уезд, а не Киренский. Пробыл в Верхоленске до конца 1916 г. и бежал в Москву, куда приехал за месяц до Февральской революции» (Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 417).

[176] См. примечание 103.

[177] См. примечание 1.

[178] Это произошло в конце 1932 — начале 1933 г. На заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) в ноябре и декабре 1932 г. происходил разбор дела «антипартийной группировки Эйсмонта, Толмачева, Смирнова А.П. и др.», а на январском (1933) пленуме ЦК ВКП(б) была принята резолюция, на основании которой Эйсмонт и Толмачев были исключены из партии, Смирнов — из состава ЦК ВКП(б). Кроме того, они были голословно обвинены в связях с бывшими лидерами «правого уклона» М.П. Томским, А.И. Рыковым, В.В. Шмидтом. (См.: Стенограммы заседаний ЦК РКП(б)—ВКП(б): 1923—1938 гг. Т. 3. 1928—1938. М., 2007. С. 551—676.)

[179] 26 июля 1934 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О борьбе с обвешиванием, обмериванием потребителей и нарушением розничных цен в торговле». В этом постановлении выговор делался председателю Центросоюза Зеленскому, наркому снабжения Микояну и др. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 949. Л. 21, 88).

[180] Имеются в виду выборы в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г.

[181] См. примечание 106.

[182] XVI съезд ВКП(б) проходил 26 июня — 13 июля 1930 г.

[183] В настоящее время не удалось найти сведения о поездке Н.И. Бухарина в Среднюю Азию в 1933 г. Известно, что он отдыхал там в 1932 г. (см. примечание 439) и в 1936 г., во время первого Московского процесса (Источник. 1993. № 2. С. 12).

[184] «Военно-феодальной эксплуатацией крестьянства» Н.И. Бухарин назвал провозглашенный Сталиным на июльском пленуме 1928 г. лозунг о «дани», взимаемой с крестьянства в пользу индустриализации. Это сравнение Н.И. Бухарин высказал на объединенном заседании Политбюро ЦК ВК(б) и Президиума ЦКК 30 января 1929 г.: «Дань есть категория, ничего общего не имеющая с социалистическим строительством». В заявлении Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля 1929 г. эта бухарин-

ская формулировка получила дальнейшее развитие: «Дань есть категория эксплуататорского хозяйства. Если крестьянин платит дань, значит он данник, эксплуатируемый и угнетенный, значит он, с точки зрения государства — не гражданин, а подданный». По мнению Н.И. Бухарина и его сторонников, крестьянство не должно нести бремя индустриализации. Эта теория Н.И. Бухарина была оформлена в середине 1920-х гг. в период обсуждения аграрных реформ. В то время Бухарин раскритиковал т.н. «закон первоначального социалистического накопления» Е.А. Преображенского, согласно которому до накопления средств в государственном секторе должен существовать первоначальный период, в течение которого суммы будут извлекаться «из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства». В таком случае, по версии Преображенского, существенным источником капиталовложений в СССР должно стать крестьянское хозяйство. (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 195—313, 339—372 и др.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М., 1999. С. 525—528.) Вероятно, эпизод, отнесенный в тексте отчета к 1933 г., призван был уличить Бухарина в связи с публиковавшимися тогда статьями, в которых он завуалированно критиковал сталинскую политику коллективизации, доказывая, что подлинной коллективизации должна служить техническая революция. (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 420—421.)

[185] См. примечание 1.

[186] См. примечание 1.

[187] См. примечание 40.

[188] Жена А.И. Икрамова — Евгения Львовна Зелькина (заместитель наркома земледелия Узбекской ССР), жена Н.И. Бухарина — Анна Михайловна Ларина.

[189] Имеется в виду голод в Казахстане в 1932—1933 гг., вызванный коллективизацией. (См.: *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 годах: кто виноват? // Лекции по отечественной истории. М., 1992. С. 18—46).

[190] См. примечание 102. В ноябре 1925 г. II съезд КП(б) Узбекистана принял постановление о земельно-водной реформе, которая предусматривала конфискацию частных земельных владений дехкан и их передачу в собственность государства. Реформа осуществлялась в 1926—1929 гг. Она носила репрессивный характер и привела к уничтожению значительного в Узбекистане социального слоя, ориентированного на рыночные отношения.

[191] Курултай — съезд. Речь идет о IV съезде КП(б) Узбекистана 17 февраля 2 марта 1929 г. Борьбе различных группировок в руководстве Узбекистана было призвано положить конец постановление ЦК ВКП(б) «О работе парторганизации Узбекистана» от 25 мая 1929 г. В нем, в частности, говорилось: «В связи с тем, что в части руководящих работников организации не изжиты еще остатки групповщины, ЦК ВКП(б) поручает Среднеазиатскому бюро и ЦК КП(б) Уз. тщательно наблюдать и немедленно пресекать всякие проявления остатков старых группировок (группа 18-ти, ингамовщина и др.)...» (Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 2. М.—Л., 1930. С. 160).

[192] Речь о Файзулле Ходжаеве.

[193] В списках награжденных орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР есть Мухетдинов, награжденный решением ЦИК Узбекской ССР 27 сентября 1927 (№ ордена — 35). (См.: *Куценко А.Н., Смирнов Ю.Д.* Ордена советских республик. Донецк, 1996. С. 293.)

[194] В 1936 и 1937 гг. награждения национальными орденами уже не производились, так что ЦИК Узбекской ССР не мог принимать таких решений.

[195] См. примечание 191.

[196] См. примечание 95.

[197] В 1937 г. в Таджикистане были проведены аресты руководящих работников. Им было предъявлено обвинение в работе антисоветской буржуазно-националистической организации. Были репрессированы председатель ЦИК Таджикской ССР Ш. Шотемор, председатель СНК Таджикской ССР А. Рахимбаев, бывший председатель СНК Таджикской ССР (до 1934 г.) А. Ходжибаев и др. (См.: Реабилитация: Как это было. Т. 3. М., 2004. С. 360.)

[198] См. примечание 34.

[199] В 1914—1915 гг. С.А. Бессонов за принадлежность к партии социалистов-революционеров был выслан в Вологду, где работал с С.С. Масловым. (См.: *Димони Т.М., Виноградов И.А.* Политическая деятельность С.С. Маслова // Вологда: Краеведческий альманах. Выпуск 4. 2003. С. 81—94.)

[200] См. примечание 34.

[201] Организация С.С. Маслова издавала в Праге сборники «Крестьянская Россия» (вышло 9 выпусков). (См.: *Димони Т.М., Виноградов И.А.* Политическая деятельность С.С. Маслова // Вологда: Краеведческий альманах. Выпуск 4. 2003.)

[202] См. примечание 34.

[203] См. примечание 34.

[204] См. примечание 7.

[205] Л.В. Николаев задерживался один раз — 15 октября 1934 г., недалеко от дома, где жил С.М. Киров. О задержании и освобождении Николаева было указано в суточной сводке УНКВД. Наличие оружия у Николаева в этой сводке не упоминалось, т.к. по халатности у него не произвели обыск. Путаница в вопросе задержания Николаева была внесена в 1937—1938 гг., когда, к примеру, И.В. Запорожец и другие подследственные сообщали, что у Николаева имелось огнестрельное оружие и записи о намерении совершить террористический акт против Кирова. (См.: Реабилитация: Как это было. Т. 3. М., 2004. С. 499—500).

[206] См. примечание 1.

[207] Имеется в виду заявление Н.И. Бухарина в 1923 г., в котором он защищал тезис о недопустимости фракций внутри партии. В качестве примера он привел 1918 г., когда левые социалисты-революционеры обратились к «левым коммунистам» с предложением об аресте Ленина на 24 часа и формировании коалиционного правительства из противников Брестского мира. Пытаясь осудить собственный период фракционной борьбы, Бухарин писал, что это произошло тогда, когда «партия стояла на волосок от раскола, а вся страна — на волосок от гибели». Члены сформировавшегося в то время триумвирата — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и И.В. Сталин — стали всячески раздувать этот эпизод. В ответ группа «левых коммунистов» направила письмо в «Правду», в котором говорилось, что речь идет о «совершенно незначительных инцидентах». Так, авторы письма сообщали, что однажды левый эсер Прошьян, смеясь, сказал Радеку: «Вы всё резолюции пишете. Не проще ли было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать Ленина председателем Совнаркома». Как заявлял впоследствии сам Бухарин, он сразу после своего разговора с эсерами рассказал о нем Ленину, который взял с него честное слово никому больше об этом не говорить. (См.: Правда. 3 января 1924 г.; *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 190—191; *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. М., 1997.)

На апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. Сталин, тенденциозно излагая факты, заявил: «История нашей партии знает примеры, как Бухарин в период Брестского мира, при Ленине, оставшись в меньшинстве по вопросу о мире, бегал к левым эсерам, к врагам нашей партии, вел с ними закулисные переговоры, пытался заключить с ними блок против Ленина и ЦК. О чем он сговаривался тогда с левыми эсерами, — нам это, к сожалению, еще неизвестно. Но нам известно, что левые эсеры намеревались тогда арестовать Ленина и произвести антисоветский переворот» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 100—101).

[208] Ф.Э. Дзержинский был арестован левыми эсерами 6 июля 1918 г. в ходе левоэсеровского мятежа (см. примечание 106). До сих пор вопрос о роли Дзержинского в этих событиях остается открытым (см., например, *Морозов К.Н.* Причастны ли Я.М. Свердлов и Ф.Э. Дзержинский к покушению на В.И. Ленина 30 августа 1918 г.? // http://socialist.memo.ru/discuss/d03/d0300.html).

[209] См. примечание 184.

Критическое высказывание Н.И. Бухарина о «гуманитарных соображениях» следует рассматривать в следующем ключе. Как пишет Ст. Коэн, в 1924—1929 гг. Бухарин часто использовал «этическую риторику» в оценках государственной политики в

отношении крестьянства, за что неоднократно осуждался. Бухарин пытался возражать с точки зрения морали против любого давления на крестьянство (см. примечание 819). Так, Бухарин писал, что к крестьянству нужно подходить не с «презрением и пренебрежением», а «с любовью». Подобные высказывания Бухарина свидетельствуют о его попытках совместить экономическое, политическое и нравственное.

Стержнем аграрной политики Бухарина было поощрение накопления в частных крестьянских хозяйствах, что должно было привести к расширению деревенского спроса на промышленную продукцию и увеличению товарных излишков в сельском хозяйстве. В 1925 г. Н.И. Бухарин заявил: «В общем и целом, всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство» (Большевик. 1925. № 9—10). Позже Бухарин отказался от лозунга «Обогащайтесь!», но не от его смысла: «мы не препятствуем накоплению кулака и не стремимся организовать бедноту для повторной экспроприации кулака». (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 204—213.)

[210] Имеется в виду дискуссия с Е А Преображенским (см. примечание 184). Он настаивал на проведении сверхиндустриализации, рассматривал крестьянство как основной источник накоплений для развития промышленности. Бухарин и его сторонники критиковали эти взгляды на протяжении 1920-х гг. По их мнению, необходимо равное взаимодействие двух секторов — промышленного и аграрного. (Более подробно об экономической программе Бухарина см.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 206—221.)

В 1928—1929 гг. Н.И. Бухарин снова вернулся к критике сверхиндустриализации. См: «Заметки экономиста (К началу нового хозяйственного года)» (Правда. 30 сентября 1928 г.), «Некоторые проблемы современного капитализма и теоретиков буржуазии» (Правда. 26 мая 1929 г.), «Теория организованной бесхозяйственности» (Правда. 3 июня 1929 г.). В конце 1928 г. в одном из выступлений он открыто осуждал промышленную политику «сумасшедших людей», мечтающих только о прожорливых гигантских заводах, которые «ничего не дают, а берут они огромное количество средств производства <...> и средств потребления». Эта политика, по мнению Бухарина, грозит бедой, поскольку, в случае еще большей сверхиндустриализации, «голод на промтовары обострился бы у нас в несколько раз <...>, а промтоварный голод означает хлебный голод» (*Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 365).

[211] В 1924—1929 гг. Н.И. Бухарин, критикуя политику партии в деревне, пытался совместить экономическое, политическое и нравственное (этическое) (см. примечание 209). В ходе дискуссии Бухарин попытался сравнить социалистическую индустриализацию (социалистическое накопление) и прошлую историю капиталистической индустриализации. По мнению Бухарина, «капиталистическая индустриализация — это паразитизм города по отношению к деревне», «разрушения и разорения». Социалистическая индустриализация, по Бухарину, это средство «величайшего преобразования и подъема» деревни, которое «кладет конец систематическому отставанию деревни, <...> поворачивает самую индустрию "лицом к деревне" и индустриализует сельское хозяйство». При этом необходимо помнить, что Бухарин считал индустриализацию самой главной целью партии, считая также, что она должна основываться на внутренних ресурсах. Соглашался он и с тем, что индустриализация требует перемещения средств из сельского хозяйства в промышленный сектор. Разница была в вопросе методов проведения реформ. (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 200—221.)

[212] В 1911 г. Н.И. Бухарин был сослан в Архангельск, далее в Онегу, откуда бежал в Москву, а затем в Ганновер. Во время эмиграции Бухарин работал в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Дании, Швеции, Норвегии, США. За границей неоднократно арестовывался. В Россию возвратился в апреле 1917 г. через Японию. (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 39—72.)

[213] Н.И. Бухарин в 1917—1918 гг. читал лекции в Свердловском университете. О «школе Бухарина» — см. примечание 57.

[214] В 1928 г. начинается борьба И.В. Сталина с «правым уклоном». В октябре 1928 г. на пленуме МК и МКК Сталин изложил свое видение основных целей правого уклона:

выступления против борьбы с кулаком и за снижение темпов индустриализации. Как указывает Ст. Коэн, нельзя установить точное время, когда лидеры правого уклона стали смотреть на себя как на отдельную группу внутри Политбюро. По мнению историка, «Союз Бухарина, Рыкова и Томского, уже заметный, хотя и не вполне отчетливый, сложился, по крайне мере к 1926 г.» (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 273—274; примечания 226, 296, 300.)

[215] См. примечание 57.

[216] См. примечание 1.

[217] См. примечание 1.

[218] Вероятно, имеются в виду встречи членов «союза марксистов-ленинцев» в первой половине 1932 г. На первой встрече была принята платформа и обращение ко всем членам партии. На втором заседании было принято решение о распространении документов «союза» среди членов партии. (См.: примечание 1; Реабилитация. Судебные политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 93.) В составлении платформы Рютина участвовали и бухаринцы, в том числе А.Н. Слепков, Д.П. Марецкий, П.Г. Петровский. (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 410.)

[219] См. примечание 1.

[220] См. примечание 1.

[221] Вероятно, ошибка Вс. Иванова. Яковлева среди подсудимых не было.

[222] См. примечание 75.

[223] См. примечание 11.

[224] См. примечание 85.

[225] См. примечание 86.

[226] Имеется в виду первая Советская объединенная военная школа РККА им. ВЦИК (в 1937 г. была переименована в Московское военное училище им. ВЦИК). Школа ВЦИК была создана в 1921 г. на основе первой Московской революционной пулеметной школы. На нее была возложена задача охраны и обороны Кремля, обеспечение безопасности руководителей государства и правительства, осуществление пропускного режима и поддержание порядка на территории Кремля и др.

На допросе А.С. Енукидзе от 27 апреля 1937 г. были получены показания о подготовке вооруженного переворота под руководством правых в Кремле в 1932 г. при помощи охраны Кремля и школы ВЦИК. Енукидзе сообщал о том, что ему удалось для этого дела завербовать Р.А. Петерсона, Б.С. Горбачева (начальник школы ВЦИК) и других. (См.: Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти (1937—1938). М., 2004. С. 148—156.)

[227] См. примечание 110.

[228] См. примечание 93.

[229] См. примечание 92.

[230] В конце 1906 г. Н.И. Бухарин вступил в большевистскую организацию. Осенью 1906 г. он и Г.Я. Сокольников объединили разрозненные кружки Первой московской мужской гимназии в единую социал-демократическую организацию учащихся. В эту организацию вошли также И. Эренбург, С. Членов, В. Неймарк, Н. Львова. К 1907 г. эта организация оформилась окончательно. (См.: *Фрезенский Б.* Илья Эренбург и Николай Бухарин: Взаимоотношения, переписка, мемуары, комментарии // Вопросы литературы. 1999. № 1.)

[231] В 1936 г. Н.И. Бухарин выехал за границу в составе группы для ведения переговоров с меньшевиками о закупке архива К. Маркса. Архивы хранились у меньшевика, историка-эмигранта Б. Николаевского.

Во время первого Московского процесса 1936 г. на страницах журнала «Социалистический вестник» была опубликована анонимная статья под названием «Как подготовлялся московский процесс (Из письма старого большевика)». (См.: Социалистический вестник. 1936. № 23—24. С. 20—23; 1937. № 1—2 С. 17—24.)

Позже Николаевский признался в ее авторстве, заявив, что в статье он использовал свидетельства Н.И. Бухарина, с которым он встречался в 1936 г. в Париже. В статье приводились сенсационные данные о расстановке сил в Политбюро, о следствии и

судебных процессах после убийства С.М. Кирова, критиковалась внутренняя политика Сталина, сообщалось о противоречиях в сталинском руководстве, о столкновениях сторонников жесткого и более мягкого курса. Вдова Бухарина А.М. Ларина, которая в 1936 г. путешествовала вместе с мужем, в своих воспоминаниях опровергла эти свидетельства, заявив, что никакой информации Бухарин Николаевскому не сообщал. Ряд историков приводят аргументы в пользу того, что откровенные разговоры Бухарина и Николаевского вполне имели место быть. (См.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 7.)

[232] См. примечание 1.

[233] Здесь имеются в виду события августа 1936 г. 22 августа 1936 г., в дни первого Московского процесса, на имя председателя СНК В.М. Молотова была послана телеграмма руководителей Социалистического рабочего Интернационала и Международной федерации профсоюзов с просьбой предоставить подсудимым судебные гарантии и применить к ним более мягкие меры наказания. В этот же день И.В. Сталин распорядился опубликовать в печати текст телеграммы II Интернационала, сопровождая его следующими словами: «СНК не считает нужным отвечать, так как приговор — дело Верховного суда», а затем «высмеять и заклеймить в печати подписавших телеграмму мерзавцев, как защитников банды убийц, агентов Гестапо — Троцкого, Зиновьева, Каменева, заклятых врагов рабочего класса». (См.: Правда. 23 августа 1936 г. С. 5; Сталин и Каганович: переписка, 1931—1936 гг. М., 2001. С. 640—641.)

[234] См. примечание 231.

[235] Имеются в виду процессы по делу т.н. «Трудовой крестьянской партии», «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков», сфабрикованные ОГПУ в 1930 г. К примеру, «Трудовую крестьянскую партию» возглавлял известный ученый Н.Д. Кондратьев, занимавший в Наркомате земледелия пост начальника управления. А.В. Чаянов входил в коллегию Наркомзема. (См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936. М., 1995. С. 198, 199, 211.)

Подобные обвинения в адрес А.П. Смирнова неоднократно звучали на заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) в ноябре и декабре 1932 г., когда происходил разбор дела «антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачева, Смирнова А.П. и др.» (см. примечание 85).

[236] См. примечание 7.

[237] См. примечание 34.

[238] А.И. Рыков находился во Франции в 1910—1911 гг. (См. *Горелов И.Е.* Рыков // Историки отвечают на вопросы. М., 1988. С. 95—106).

[239] См. примечание 49.

[240] 27 июня 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) И.В. Сталин произнес ставшую крылатой фразу: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 261).

[241] См. примечание 21.

Ст. Коэн пишет, что оппозиционное движение «левых коммунистов» прошло две стадии. В январе—марте 1918 г. это была оппозиция, выступающая против подписания Брестского мира. Эта стадия закончилась поражением группы, заключением и ратификацией Брестского мира. В этот период Бухарин действительно был лидером, главным вдохновителем этой внутрипартийной оппозиции.

С подписанием Брестского мира движение «левых коммунистов» потеряло большинство приверженцев в стране. Вторая стадия (март—июль 1918 г.) характеризуется выступлениями против экономической политики В.И. Ленина. В это время Бухарин перестает быть ведущим представителем группы «левых коммунистов», он устраняется от активной деятельности. Наиболее активно в оппозицию к Ленину становится В.В. Осинский. Летом 1918 г. движение «левых коммнунистов» прекратило свое существование. Бухарин открыто признал, по его словам, эту «крупнейшую политическую ошибку». (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 89—111.)

[242] Московское областное бюро РСДРП(б) было организационным центром «левых коммунистов». В его состав входили Н.И. Бухарин, В.В. Осинский, Г.И. Ломов,

В.Н. Яковлева, И.Н. Стуков и И.С. Кизельштейн. Бюро издавало журнал «Коммунист» (редакционная коллегия: Бухарин, Осинский, В.М. Смирнов, Радек).

Документальные материалы не подтверждают вхождение Бухарина в узкий состав Московского областного бюро в 1917 г. (См.: *Коэн Ст.* Бухарин: Политическая биография. 1888—1938. М., 1992. С. 77—93, 558.)

[243] Здесь и далее о подготовке ареста В.И. Ленина см. примечание 207.

[244] См. примечание 22.

[245] Л.Д. Троцкий и его единомышленники в вопросе заключения Брестского мира занимали достаточно двойственную позицию, предлагая формулу «ни мира, ни войны», т.е. они одновременно выступали против мирного договора и против военного сопротивления.

[246] См. примечание 22.

[247] См. примечание 22. По вопросу о войне и мире на съезде разгорелась борьба. В прениях выступило 18 делегатов. Предложения «левых коммунистов» и Л.Д. Троцкого (см. примечание 936) были отвергнуты съездом Ленинская резолюция о войне и мире принята 30 голосами против 12, при 4 воздержавшихся.

[248] См. примечание 23.

[249] Здесь и далее см. примечание 241.

[250] Здесь и далее см. примечание 207.

[251] М. Горький умер 18 июня 1936 г.

[252] Здесь и далее см. примечание 207.

[253] См. примечание 23.

[254] Здесь и далее см. примечания 21, 241, 242.

[255] Здесь и далее см. примечание 207.

[256] См. примечание 245.

[257] См. примечание 23.

[258] Здесь и далее см. примечания 21, 241, 242.

[259] См. примечание 22.

[260] Здесь и далее см. примечание 207.

[261] См. примечание 23.

[262] См. примечание 23.

[263] См. примечание 23.

[264] См. примечание 23.

[265] См. примечание 23.

[266] См. примечание 23.

[267] См. примечание 23.

[268] См. примечание 22.

[269] См. примечание 23.

[270] См. примечание 23.

[271] См. примечание 23.

[272] См. примечание 23.

[273] См. примечание 24.

[274] См. примечание 23.

[275] См. примечание 24.

[276] См. примечание 24.

[277] См. примечание 22.

[278] См. примечание 23.

[279] См. примечание 13.

[280] См. примечание 7.

[281] См. примечание 7.

[282] В опубликованной стенограмме процесса цитата дана полностью: «Троцкисты, говорил мне Томский, аргументировали свое положение тем, что если серьезно ставить вопрос о свержении сталинского руководства, нельзя не учитывать того обстоятельства, что в лице А.М. Горького право-троцкистская организация натолкнется на активного и очень влиятельного противника. Томский говорил мне, что троцкисты категорически настроены на своем предложении и оно осуществляется» (Судебный

отчет по делу Антисоветского «право-троцкистского блока». Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 513).

[283] См. примечания 3, 13.

[284] См. примечания 3, 11, 13.

[285] См. примечания 3, 13.

[286] См. примечание 3.

[287] См. примечания 3, 13.

[288] См.: Правда. 1933. 14 января.

[289] См. примечание 22.

[290] См. примечание 24.

[291] См. примечание 24.

[292] См. примечание 24.

[293] См. примечание 7.

[294] См. примечание 7.

[295] См. примечания 3, 13

[296] См. примечание 3.

[297] См. примечание 3.

[298] См. примечание 23.

[299] См. примечание 130.

[300] См. примечания 23, 24.

[301] См. примечание 32.

[302] См. примечания 3, 13.

[303] VI конгресс Коминтерна проходил в Москве 17 июля — 1 сентября 1928 г. Бухарин встречался с Каменевым 11 июля 1928 г. в дни работы пленума ЦК ВКП(б). (См.: Источник. 1992. № 2. С. 13.)

[304] Речь идет о председателе ЦИК БССР А.Г. Червякове, покончившем с собой в июне 1937 г.

[305] Речь о событиях января 1918 г., когда большевики разогнали Учредительное собрание.

[306] В январе 1937 г. с визитом в СССР находился писатель Лион Фейхтвангер. Он был принят Сталиным, и ему позволили присутствовать на втором Московском процессе по делу Пятакова, Радека и др. Свои впечатления от процесса Фейхтвангер опубликовал в изданной на немецком языке в Амстердаме книге, которая моментально была переведена на русский. См.: *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. М., 1937. 96 с.

[307] Секретарь ЦИК А.С. Енукидзе был снят с должности 3 марта 1935 г., обвинен в утрате «политической бдительности» и в июне 1935 г. исключен из партии. (См.: *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 253—256.)

[308] См. примечание 24.

[309] Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 г.

[310] Ромен Роллан 13 марта 1938 г. направил М.И. Калинину и И.В. Сталину телеграмму с просьбой о помиловании осужденного Л.Г. Левина:

«Из Вильнева кантон Ваадт (Швейцария) — 13.03.38 г. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ. т. КАЛИНИНУ т. СТАЛИНУ.

Прошу пощады для доктора Левина, который действовал под преступной угрозой его семье. Настоятельно прошу смягчить приговор над ним. РОМЭН РОЛЛАН» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 66. Д. 58. Л. 76. Заверенная копия; Л. 77. Подлинник на французском яз. на бланке для телеграмм Народного комиссариата связи СССР).

[311] Сообщение о предстоящем процессе было опубликовано в центральных газетах 28 февраля 1938 г., а днем раньше было зачитано по радио.

[312] Обвинительное заключение было опубликовано в центральных газетах 3 марта 1938 г.

[313] Речь идет о дочери Сталина — Светлане.

[314] Имеется в виду принятое на январском (1938) пленуме ЦК ВКП(б) Постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». (См.: Правда. 1938. 19 января.)

[315] Речь идет о пациентке, обвинившей Д.Д. Плетнева в сексуальном насилии. На процессе в Московском городском суде 17—18 июня 1937 г. Плетнев был приговорен к 2 годам лишения свободы условно.

[316] Отец Веры Михайловны Инбер — Моисей Филиппович Шпенцер — был двоюродным братом Л.Д. Троцкого.

[317] Правильно — январского (1938) пленума ЦК ВКП(б). См. примечание 314.

[318] См. примечание 13.

[319] Имя одаренного и необычайно находчивого разбойника, главаря шайки «Червонных валетов» из цикла романов французского писателя Понсон дю Террайля «Похождения Рокамболя». (См.: Похождения Рокамболя. Парижские драмы: В 15 т. СПб., 1901.)

[320] Бутенко Федор Христофорович — советник Полпредства СССР в Румынии, ставший в феврале 1938 г. невозвращенцем. Относительно пресс-конференции, на которой Бутенко сообщил о своем добровольном уходе на Запад, нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов заявил, что это выступал не настоящий Бутенко. (См.: Правда. 1938. 18 февраля.)

[321] И.П. Белов входил в состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, вынесшего в июне 1937 г. смертный приговор группе военных во главе с Тухачевским.

[322] Стенографический отчет по делу «антисоветского троцкистского центра» был переведен на английский, немецкий и французский языки. Издан в 1937 г. и широко распространялся за рубежом.

[323] Полный текст стенографического отчета был переведен на английский, немецкий французский языки и издан в марте 1938 г. тиражами 30, 10 и 17 тысяч экземпляров соответственно (РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 342. Л. 111).

[324] См. примечание 3.

[325] Процесс по делу о «вредительстве в промышленности» (процесс «Промпартии») состоялся 25 ноября — 7 декабря 1930 г. и широко освещался в печати. На процессе группа видных представителей научно-технической интеллигенции была обвинена в создании антисоветской подпольной организации «Союз инженерных организаций», якобы связанной с французским генеральным штабом и готовившей иностранную интервенцию и свержение советской власти. (См.: Процесс Промпартии. Стенограмма судебного процесса и материалы приобщенные к делу. М., 1931. 542 с.)

[326] Статья А.М. Горького «Если враг не сдается, — его уничтожают» была опубликована 15 ноября 1930 г. в газетах «Правда» и «Известия». (См.: *Горький М.* Собрание сочинений. Т. 25. М., 1953. С. 226—229.)

[327] См. примечания 3, 13.

[328] См. примечание 11.

[329] См. примечания 3, 13.

[330] В 1937 г. Д.Д. Плетнев был публично обвинен в сексуальном насилии по отношению к пациентке. В центральной печати была опубликована порочащая его статья «Профессор, насильник, садист» (см.: Правда. 1937. 8 июня).

[331] См. примечание 330.

[332] См. примечание 314.

[333] См. примечание 3.

[334] См. примечание 314.

[335] Пьеса «Очная ставка» была написана Львом Шейниным и братьями Тур и опубликована в сентябрьском номере журнала «Октябрь» в 1937 г.

[336] Речь идет о Г.Г. Ягоде.

[337] Начинающий литератор и член РСДРП Иван Касаткин содержал с 1904 г. подпольную типографию в Нижнем Новгороде, в которой работал участвовавший в революционном движении Г.Г. Ягода. В 1919 г. по рекомендации Ягоды Касаткин поступил на службу в ВЧК.

[338] См. примечание 3, 13.

[339] См. примечание 13.

[340] Выборы в Верховный Совет СССР состоялись 12 декабря 1937 г. Через полгода Михаил Кольцов был выдвинут и в июне 1938 г. избран депутатом Верховного Совета РСФСР первого созыва.

[341] См. примечание 330.

[342] Правильно — январский (1938) пленум ЦК ВКП(б). См. примечание 314.

[343] На убийство С.М. Кирова Максим Горький откликнулся коротким письмом, опубликованным 4 декабря 1934 г. одновременно в «Правде» и «Литературной газете» под заголовком «Больше бдительности», в котором писал: «Убит прекрасный человек, один из лучших вождей партии, идеальный образец пролетария, мастера культуры. Всей душой разделяю горе партии, горе всех честных рабочих. Не могу не сказать: успех врага говорит не только о его мерзости, но и о недостаточной нашей бдительности» (*Горький М.* Собрание сочинений. Т. 27. М., 1953. С. 382). Тезисы о повышении бдительности и борьбе с врагами Горький развил в опубликованном 2 января 1935 г. в «Правде» приветствии 3 съезду Советов Горьковского края, напоминая, что «враг еще жив, что он следит за нами изо всех углов и всегда способен воспользоваться каждым нашим промахом, ошибкой, обмолвкой. Враг вполне заслуживает непрерывного внимания к нему, он доказал это. Надо уметь чувствовать его, даже когда он молчит и дружелюбно улыбается, нужно уметь подмечать иезуитскую фальшивость его тона за словами его песен и речей. Нужно истреблять врага безжалостно и беспощадно, нимало не обращая внимания на стоны и вздохи профессиональных гуманистов» (Там же. С. 389—390).

[344] Харун ар-Рашид — арабский халиф, слывший покровителем искусств и ремесел. Согласно преданиям, под видом купца выходил «в народ» и разузнавал, о чем думают его подданные.

[345] См. примечания 3, 13.

[346] В газетном сообщении о снятии Г.Г. Ягоды с должности наркома связи и передаче дела о нем «следственным органам» в качестве мотивации указывалось: «Ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера» (Правда. 1937. 4 апреля).

[347] См. примечание 3.

[348] См. примечание 306.

[349] В 1937 г. в газетах и отдельной брошюрой была опубликована переработанная стенограмма докладов начальника УНКВД по Ленинградской обл. Л.М. Заковского на областной партконференции и совещании секретарей парткомов Ленинграда. См.: *Заковский Л.* О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. М., 1937. 31 с.

[350] Имеется в виду В.И. Межлаук.

[351] См. примечание 3, 13.

[352] См. примечание 321.

[353] См. с. 344.

[354] В фондах РГАСПИ это письмо выявить не удалось.

[355] См. примечание 3.

[356] См. примечание 330.

[357] См. примечание 320.

[358] На первом экземпляре этого донесения Сталин подчеркнул фразу о беседовавших с Крестинским и на первом листе написал резолюцию: «Молотову, Ежову. Предлагаю арестовать Леплевского (б. пом. прокурора)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 338. Л. 59). 10 марта 1938 г. Г.М. Леплевский был арестован.

[359] Маршал А.И. Егоров не входил в состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, вынесшего в июне 1937 г. смертный приговор группе военных во главе с Тухачевским.

[360] Речь идет о комиссии ЦК КПСС под председательством В.М. Молотова, сформированной 13 апреля 1956 г. решением Президиума ЦК КПСС. В задачи комиссии входило изучение материалов открытых судебных процессов, в том числе и процесса по делу «антисоветского право-троцкистского блока». (См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т 2: Февраль 1956 —

начало 80-х годов / Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М., 2003. С. 70, 167—168, 198, 204—208.)

[361] О начале следствия против Бухарина и Рыкова прокурор СССР А.Я. Вышинский объявил 21 августа 1936 г. в ходе процесса «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Основанием послужили признания подсудимых Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Позднее были получены и признания арестованного Г.Я. Сокольникова о том, что «правые» блокировались с участниками «объединенного центра». Однако 8 сентября 1936 г. Сокольников в ходе очной ставки с Бухариным и Рыковым сообщил, что «прямых фактов» у него нет. Сообщение Прокуратуры СССР об отсутствии доказательств вины Бухарина и Рыкова и о прекращении против них следствия было опубликовано в «Известиях» 10 сентября 1936 г. (См.: Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 244—245.)

[362] Так в тексте документа. В действительности речь идет о периоде декабря 1936 — февраля 1937 г., когда шли аресты бывших участников т.н. «бухаринской школы» и в НКВД активно собирали их показания для подготовки ареста Н.И. Бухарина.

[363] Вопрос о деле Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова рассматривался на открывшемся 23 февраля 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б). С докладом, содержащим обвинения против них, выступил народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов. 27 февраля Бухарин и Рыков по решению пленума ЦК ВКП(б) были исключены из ЦК и арестованы. (См.: Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 252—257.)

[364] С.Б. Ингулов — автор популярных изданий, широко использовавшихся в сети партийной и политической учебы. Например, см.: *Ингулов С.* Политбеседы. М., 1935. 320 с.

[365] Работник НКВД Саволайнен, имевший доступ в кабинет Ежова, в результате систематического избиения «сознался» в подготовке ртутного отравления Ежова. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка со ртутью, которую затем обнаружили и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства. (См.: Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 238.)

[366] Ныне эти архивные материалы находятся на хранении в Российском государственном военном архиве (РГВА).

[367] См. примечания 3, 13.

[368] Инженер-теплотехник Л.К. Рамзин был приговорен на процессе по делу о «вредительстве в промышленности» (процесс «Промпартии») 7 декабря 1930 г. к расстрелу, который был по постановлению ВЦИК заменен на 10 лет заключения. Работал в Особом конструкторском бюро ОГПУ—НКВД, был амнистирован в 1936 г. и награжден Орденом Ленина за разработку прямоточного котла. В 1943 г. получил Сталинскую премию. Реабилитирован лишь в 1991 г.

[369] Сталин внимательно следил за поведением Радека и Сокольникова после их осуждения. Как пояснили вызванные в ЦК КПСС в 1961 г. бывшие руководящие работники секретно-политического отдела ГУГБ НКВД П.В. Федотов и Я.Н. Матусов, «...Оперативно-чекистские отделения при политизоляторах свои донесения о поведении Радека и Сокольникова и им подобных лиц направляли непосредственно в адрес лично Берия, который их посылал или докладывал Сталину, что было работникам отдела известно как со слов Кобулова, так и по смыслу, сколько помнится, его письменных указаний на донесениях политизоляторов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 448. Л. 184). И Федотов, и Матусов утверждали, «что убийство Радека и Сокольникова было совершено по указанию Сталина» (Там же. Л. 189).

В 1956 г. председатель КГБ при СМ СССР И.А. Серов направил в ЦК КПСС записку (№ 1621с от 29 июня 1956 г.) об обстоятельствах фабрикации дела «антисоветского троцкистского центра», где, в частности, были приведены подробности убийства Г.Я. Сокольникова и К.Б. Радека: «Радек и Сокольников после осуждения среди своих сокамерников стали утверждать о своей невиновности и о инсценировании всего процесса. Несомненно, что это и привело к тому, что в мае 1939 года было принято решение о их “ликвидации”. Имеющиеся в архиве КГБ документальные данные свидетельствуют о том, что убийство Радека и Сокольникова проводилось под руководством Берия и Кобулова в соответствии со специально разработанным планом.

Непосредственное осуществление этих актов было возложено на работников 2-го отдела НКВД СССР — ст. оперуполномоченного Кубаткина, оперуполномоченного Шарок и специально подобранных людей из числа арестованных, которые в секретном порядке выехали для выполнения задания в Верхнеуральскую и Тобольскую тюрьмы, в которых содержались Радек и Сокольников.

Как установлено, убийство Сокольникова было произведено при следующих обстоятельствах.

Предварительно Сокольников был переведен в одиночную камеру, а 21 мая 1939 года, как это было обусловлено по плану, к нему вошли начальник тюрьмы Флягин, оперуполномоченный Шарок и прибывший из Москвы заключенный Лобов (быв. пом. нач. ОО ЛВО, осужденный в связи с убийством С.М. Кирова), набросились на него и убили.

О случившемся тогда же был составлен фиктивный акт и оформлен протокол допроса заключенного Котова П.М. (под такой фамилией фигурировал Лобов). В этом протоколе, составленном начальником тюрьмы, обстоятельства убийства Сокольникова описывались так: «Вызывающий тон в вопросе Сокольникова побудил во мне злобу. Я назвал его фашистским наймитом, и что за вас и подобных вам лидеров приходится и мне нести ответственность. Сокольников моментально встал с кровати и с угрожающим видом начал приближаться ко мне. Я сидел на своей кровати, рядом с которой стояла камерная параша, я схватил ее и ударом по голове отстранил его от себя» (арх. дело № 300954, т.1., л.д. 138).

При аналогичных обстоятельствах, под руководством ст. оперуполномоченного Кубаткина 19 мая 1939 г. в Верхнеуральской тюрьме НКВД был убит и Радек.

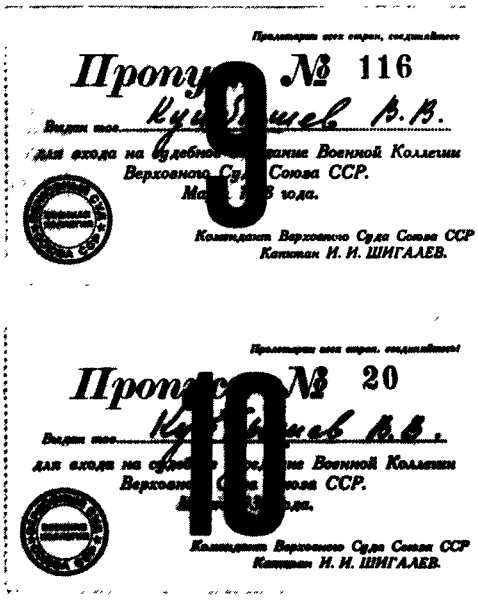
И в данном случае это заранее подготовленное убийство было затем оформлено как результат драки. Так, в акте о смерти Радека, составленном администрацией тюрьмы, указывается: «При осмотре трупа заключенного Радека К.Б., обнаружены на шее кровоподтеки, из уха и горла течет кровь, что явилось результатом сильного удара головой об пол. Смерть последовала в результате нанесения побоев и удушения со стороны заключенного троцкиста Варежникова, о чем и составили настоящий акт» (арх. дело № 300935, т.1., л.д. 105).

Как установлено проверкой, вскоре после убийства Радека и Сокольникова Кубаткин и Шарок, работавшие до того рядовыми сотрудниками аппарата НКВД, были назначены — Кубаткин начальником Управления НКВД Московской области, а Шарок — заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 455. Л. 33—35. Опубликовано: *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М. 2005. С. 313—315).

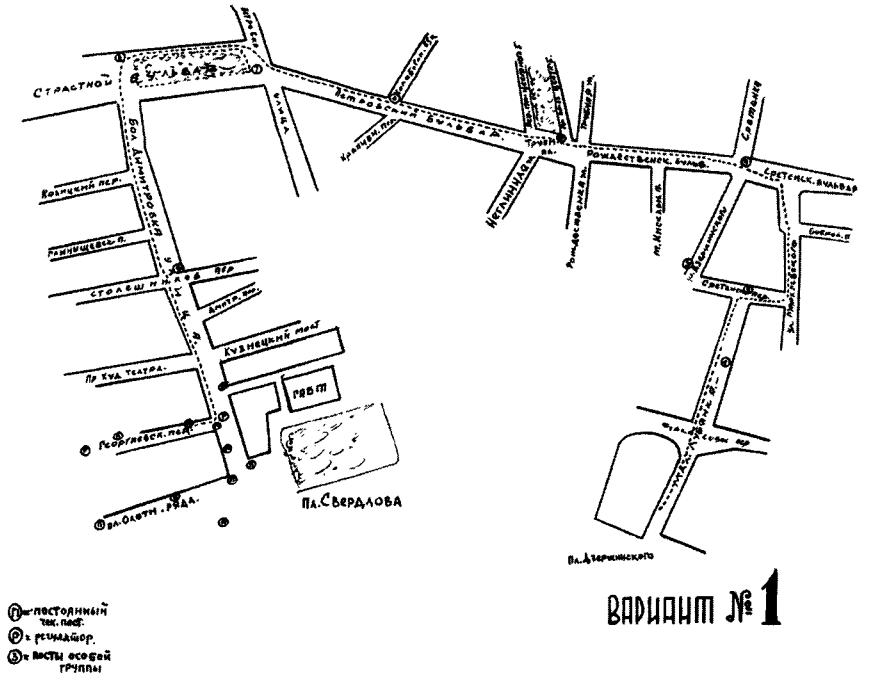
[370] См.: Судебный отчет по делу Антисоветского «право-троцкистского блока». Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 54, 58.

[371] Там же. С. 146.

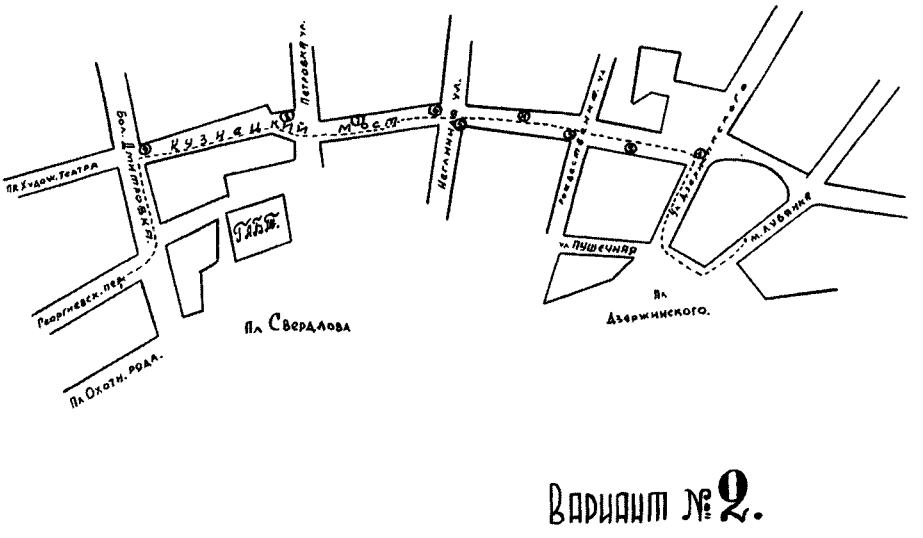
[372] Историю расстрела 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу заключенных Орловской тюрьмы, в числе которых были осужденные на процессе «право-троцкистского блока» С.А. Бессонов, Д.Д. Плетнев и Х. Раковский, см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124—131.



1. Пропуски на вход
в Октябрьский зал Дома Союзов
9 и 10 марта 1938 г.
(Личный архив В.В. Куйбышева).

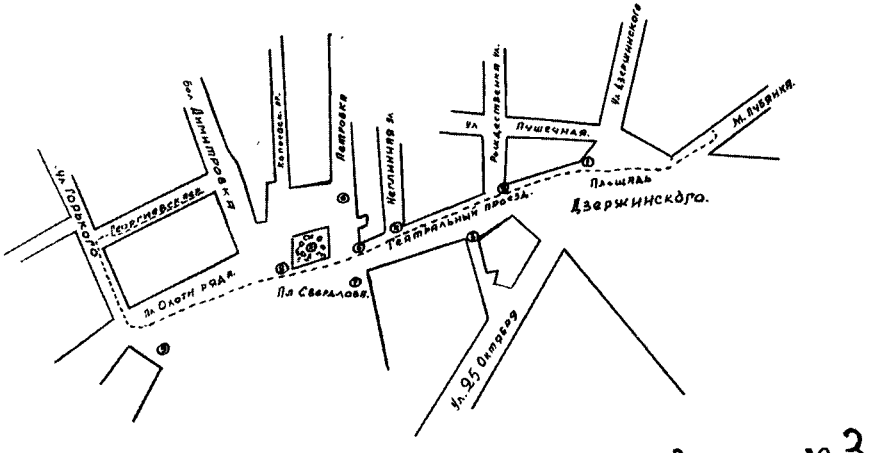


2. Маршрут № 1 доставки подсудимых из Внутренней тюрьмы НКВД
в Октябрьский зал Дома Союзов (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 178).



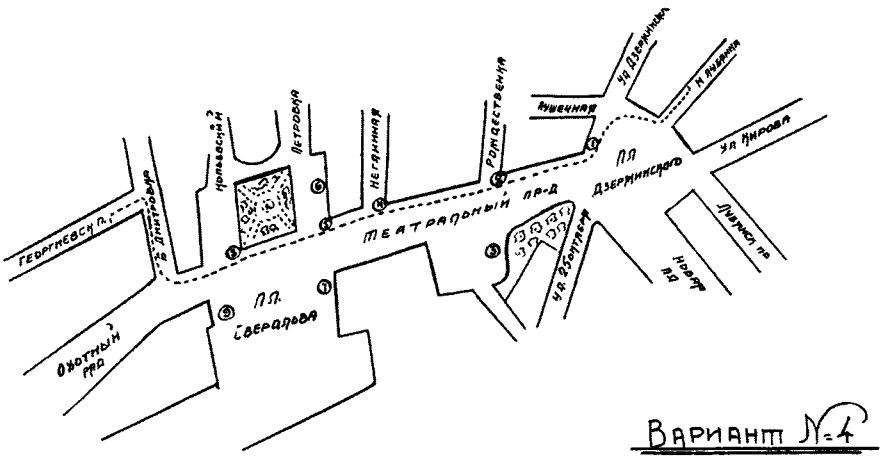
Вариант №2.

3. Маршрут № 2 доставки подсудимых из Внутренней тюрьмы НКВД в Октябрьский зал Дома Союзов (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 179).

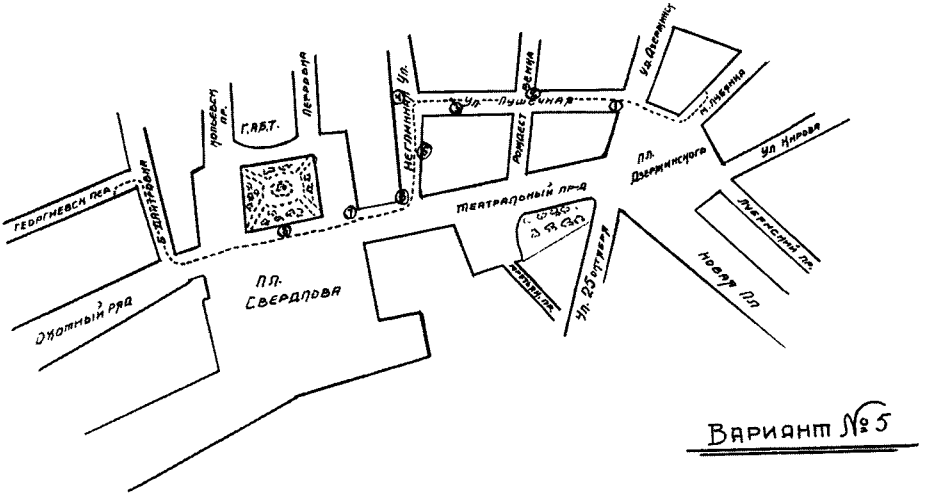


Вариант № 3.

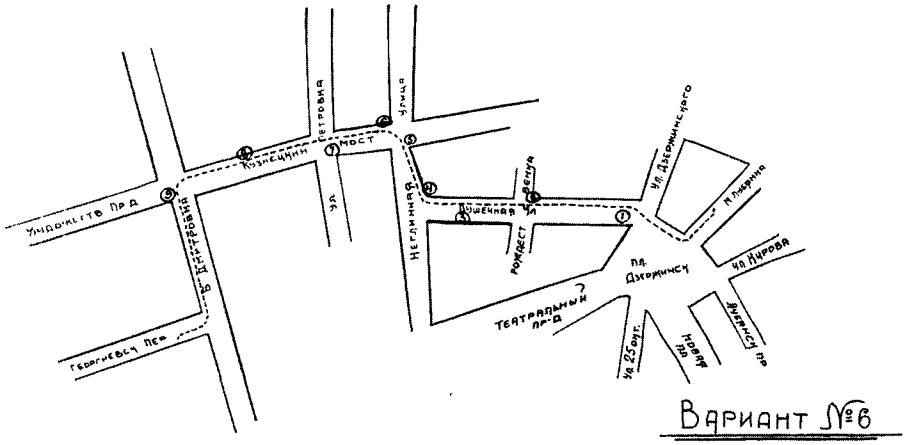
4. Маршрут № 3 доставки подсудимых из Внутренней тюрьмы НКВД в Октябрьский зал Дома Союзов (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 180).



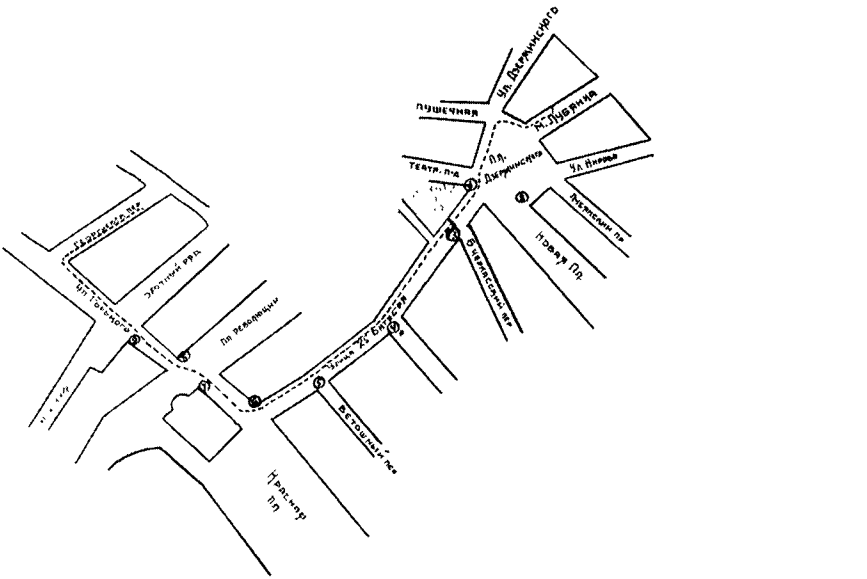
5. Маршрут № 4 доставки подсудимых из Внутренней тюрьмы НКВД в Октябрьский зал Дома Союзов (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 181).



6. Маршрут № 5 доставки подсудимых из Внутренней тюрьмы НКВД в Октябрьский зал Дома Союзов (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 182).



7. Маршрут № 6 доставки подсудимых из Внутренней тюрьмы НКВД в Октябрьский зал Дома Союзов (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 183).



8. Маршрут № 7 доставки подсудимых из Внутренней тюрьмы НКВД в Октябрьский зал Дома Союзов (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 574. Л. 184).

Указатель имен

Абидова — постоянный представитель Узбекистана в Москве в 1938 г. — 247

Абрамов-Миров (Миров-Абрамов) Александр Лазаревич (1895—26.11.1937) — член партии с 1916 г., с 1921 г. на дипломатической работе, сотрудник ИККИ в Берлине, с 1926 г. заведующий Отделом международных связей ИККИ, в 1935 г. зам. заведующего Службы связи ИККИ, в 1936 г. пом. нач. Разведывательного упр. штаба РККА. Арестован 22 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 25 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 января 1958 г. — 541

Абрикосов Г.Г. — в 1938 г. доцент МГУ. — 770

Авербах Ида Леонидовна (1905—16.6.1938) — жена Г.Г. Ягоды; до 1937 г. пом. прокурора г. Москвы. Арестована 9 июня 1937 г. Приговорена ОСО при НКВД СССР 9 июня 1937 г. к 5 годам лишения свободы. Приговорена в особом порядке 16 июня 1938 г. Расстреляна. Реабилитирована 28 июня 1989 г. — 485, 856

Авербах Леопольд Леонидович (Авербах Леопольд, Ляпа) (1903—14.8.1937) — член партии с 1919 г. В 1926—1932 гг. редактор журнала «На литературном посту» и «Вестник иностранной литературы», генеральный секретарь РАПП. Арестован 4 апреля 1937 г. Приговорен в особом порядке. Расстрелян. Реабилитирован 29 мая 1961 г. — 681, 753, 759, 782, 783

Авербух Лейб Моисеевич (1877—10.5.1937) — фактурист Хлопкосбыта. Арестован 21 декабря 1937 г. Приговорен тройкой при УНКВД ТаджССР 23 декабря 1937 г. по обвинению в сотрудничестве с полицией и жандармерией в период 1912—1917 гг. Расстрелян. Реабилитирован в августе 1990 г. — 314, 318, 319

Агарков Михаил Михайлович (1890—1947) — ученый-правовед, специалист в области гражданского права. В 1938 г. профессор Всесоюзной правовой академии Наркомюста СССР. — 14, 764

Агас (Мойсыф) Вениамин Соломонович (1899—23.2.1939) — в 1937—1938 гг. зам. нач. Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, майор ГБ. Арестован 25 октября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 22 февраля 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 9 ноября 2001 г. — 851

Агеев — в 1938 г. курсант учебного батальона 28-го мехполка (Украина). — 790

Азиз Абдул Гусей (1896—1960) — в 1933—1938 гг. посол Афганистана в СССР. — 788

Азирбаев — в 1938 г. аспирант ЛГУ. — 820

Айхенвальд Александр Юльевич (1904—11.9.1941) — член партии с 1920 г. Экономист, с середины 1920-х гг. работал в Коминтерне, член редколлегии журнала «Коммунистический Интернационал». В 1930 г. исключен из партии за принадлежность к правому уклону, затем восстановлен. Работал экономистом Главсоюза зерновых и животноводческих совхозов. Арестован в 1933 г. Приговорен коллегией ОГПУ к 2 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы» в 1933 г. Приговорен ВКВС СССР 10 сентября 1937 г. к 15 годам тюремного заключения. Отбывал срок в Орловской тюрьме. Приговорен ВКВС 8 сентября 1941 г. Расстрелян. Реабилитирован в апреле 1989 г. — 865

Акулов Иван Алексеевич (1888—30.10.1937) — член партии с 1907 г. С 1933 г. Прокурор СССР, в 1935—1937 гг. секретарь и член Президиума ЦИК СССР, член бюро КПК при ЦК ВКП(б). Арестован 23 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 декабря 1954 г. — 839

Ал. Максимович — см. Горький А.М.

Александер Альберт Виктор (1885—1965) — с 1920 г. секретарь кооперативного союза (партии), Великобритания. — 332
Александр II (1818—1881) — российский император. — 796
Александр VI (1431—1503) — Папа Римский, из испанского рода Борджиа. — 653
Александров М.В. — в 1938 г. преподаватель МАИ. — 777
Алексей Максимович — см. Горький А.М.
Алехин — беспартийный, в 1938 г. младший командир (Украина). — 772
Алеша — см. Горький А.М.
Алкснис Яков Иванович (1897—29.7.1938) — член партии с 1916 г. С июня 1931 г. нач. ВВС РККА, с 1937 г. зам. наркома обороны СССР по ВВС, командарм 2-го ранга. Арестован 23 ноября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 1 февраля 1956 г. — 848
Алмазов — работник в Магеланском р-не УзбССР. — 355
«Алтай» — источник НКВД. — 802
«Алтайский» — источник НКВД. — 828
Альтшуллер Александр Яковлевич (1870—1950) — певец (бас-баритон), заслуженный артист УССР (1923), с 1930 г. суфлер ГАБТ. — 765
Аминов Муинджан (?—1937) — в 1922 г. пред. Президиума ЦИК Бухарской Советской Народной Республики. Расстрелян. — 869
Амшем — в 1938 г. австрийский подданный. — 808
Анвельт Ян Янович (1884—11.12.1937) — член партии с 1907 г. С ноября 1930 г. по сентябрь 1935 г. зам. пред. правления Объединения гражданской авиации, в 1935—1937 гг. член и ответственный секретарь Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Арестован в 1937 г. Умер под следствием. Реабилитирован в 1956 г. — 850, 851
Андреева Мария Федоровна (1868—1953) — актриса, общественный и политический деятель, гражданская жена А.М. Горького в 1904—1921 гг. — 801, 802, 804, 826, 827
Андрейчин Георгий Ильич (1894—20.4.1950) — член партии. В 1924 г. в советском дипломатическом представительстве в Лондоне. В 1925—1926 гг. на дипломатической работе в Вене и Париже. В 1926 г. сотрудник Промбанка. Арестован 12 мая 1949 г. Приговорен ВКВС СССР 20 апреля 1950 г. Расстрелян. Реабилитирован 11 марта 1958 г. — 304
Андровская Ольга Николаевна (1898—1975) — актриса МХАТ. — 760
Анохин — в 1938 г. профессор. — 776
Аншин Б.Н. — в 1938 г. заведующий кинотеатром «Гигант» (Ленинград). — 812
«Анри» — внутрикамерный агент НКВД. — 837
Антипов Николай Кириллович (1894—29.7.1938) — член партии с 1912 г., член ЦК ВКП(б) в 1924—1937 гг. С 1934 г. зам. пред., с 1935 г. пред. Комиссии советского контроля, зам. пред. СНК и СТО СССР. Арестован 21 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июне 1956 г. — 7, 21, 25, 26, 34, 41—44, 107—109, 179, 180, 198, 199, 215, 220, 227, 235, 236, 323, 329, 331, 340, 347—349, 352, 353, 691, 694, 697, 703, 835, 839, 841, 843, 844, 854
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883—10.2.1938) — член партии с 1901 г. В 1934—1936 гг. прокурор РСФСР, в 1936—1937 гг. генеральный консул СССР в Барселоне (Испания). Арестован 12 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в феврале 1956 г. — 175, 839, 866
Анушенков — в 1938 г. рабочий прокатного цеха Кировского завода (Ленинград). — 795

Апресов Гарегин (Георгий) Абрамович (1890—11.9.1941) — в 1923—1924 гг. поверенный НКИД СССР при СНК Азербайджанской ССР, в 1930 г. уполномоченный НКИД СССР при СНК УзбССР, в 1933—1937 гг. генеральный консул СССР в Урумчи (Китай). Арестован в ноябре 1936 г. Приговорен в 1938 г. к 10 годам заключения, содержался в Орловской тюрьме. Приговорен ВКВС СССР 8 сентября 1941 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 835

Арго (Гольденберг) Абрам Маркович (1897—1968) — поэт, драматург, переводчик. — 779, 780

Аргунов Андрей Александрович (1866—1939) — один из организаторов и лидеров партии эсеров. С 1919 г. в эмиграции, в 1922 г. создатель и руководитель организации «Крестьянская Россия» (с 1927 г. Трудовая крестьянская партия). Умер в Праге. — 801

Арендт Николай Федорович (1785—1859) — врач, лечил А.С. Пушкина после дуэли с Дантесом. — 780

Аркадий Павлович — см. Розенгольц А.П.

Армстронг — морской офицер (Великобритания). — 29, 292, 299, 300, 302—304, 622

Аронсон Яков Абрамович (1901—?) — в 1937—1938 гг. нач. отделения 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР, капитан ГБ. Уволен из НКВД в 1939 г. — 10, 837, 849—851, 854

Арсений — в 1938 г. доцент (Ленинград). — 814

Артеменко Екатерина Владимировна (1883—1938) — жена Б.П. Нестерова, в 1920-е гг. работала в секретариате А.И. Рыкова. Арестована 7 декабря 1936 г. Приговорена к расстрелу в 1938 г. Реабилитирована 18 июля 1961 г. — 41, 45, 59, 67, 626, 861

Артемина — см. Артеменко Е.В.

Артюхов — в 1938 г. мастер доменного цеха завода им. Ворошилова (Донбасс). — 817

Аршинов Владимир Васильевич (1879—1955) — в 1938 г. профессор Всесоюзного института машиностроения. — 764

Астров Валентин Николаевич (1898—1993) — член партии с 1917 г., партийный историк, журналист, преподаватель вузов. Неоднократно подвергался репрессиям. На момент последнего ареста — старший научный сотрудник Института истории Комакадемии. Приговорен коллегией ОГПУ в 1933 г. к 3 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы». Арестован в ноябре 1936 г. В 1956 г. освобожден из заключения. — 833, 839, 853, 861

Атабаев Кайхисиз Сардарович (1887—10.2.1938) — член партии с 1918 г. С 1920 г. пред. СНК Туркестанской ССР. Арестован 9 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в декабре 1956 г. — 323, 350, 868

Афиногенов Александр Николаевич (1904—1941) — член партии с 1922 г., драматург. — 780

Бабаян — репрессирован; в 1950-е гг. реабилитирован — 837

Бабель Исаак Эммануилович (1894—27.1.1940) — писатель. Арестован 16 мая 1939 г. Приговорен ВКВС СССР 26 января 1940 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 декабря 1954 г. — 783, 799, 800, 827

Бабский Евгений Борисович (?—9.1973) — в 1938 г. профессор, зав. лабораторией общей и клинической физиологии сердца Института нормальной и патологической физиологии АМН СССР. — 796

Багаратьян Д. — в 1938 г. студент 2-го курса МГИ. — 762

Бадмаев Николай Николаевич (1879—26.2.1939) — врач, специалист по тибетской медицине, научный руководитель и директор Клиники восточной медицины

(Ленинград). Арестован 20 апреля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 26 февраля 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 29 сентября 1956 г. — 520, 550, 767

Бакаев Иван Петрович (1887—25.8.1936) — член партии с 1906 г. В 1925—1927 гг. один из лидеров оппозиции. В 1927 г. исключался из партии. После восстановления в партии управляющий Главэнергосетью. Вновь исключен из партии. Приговорен в 1935 г. к 8 годам тюремного заключения по делу «Московского центра», срок отбывал в Челябинской тюрьме особого назначения. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 848, 861

Балтабаев Садыкджан (?—4.10.1938) — приговорен выездной сессией ВКВС СССР 4 октября 1938 г. Расстрелян. В 1950-е гг. реабилитирован. — 355, 835

Барбюс Анри (1873—1935) — французский писатель, член ФКП с 1923 г. — 831, 832

Барнес — в 1938 г корреспондент в Москве. — 9

Бату (Ходыев) Махмуд (1903—9.5.1938) — писатель, сотрудник Наркомата просвещения УзбССР. Арестован по обвинению в принадлежности к националистической организации в 1929 г. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян. — 230, 231, 248, 336, 337

Баум — в 1938 г. иностранный корреспондент в Москве. — 276

Бауман Карл Янович (1892—1937) — член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) с 1925 г. В 1931—1934 гг. 1-й секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), в 1934—1936 гг. заведующий Планово-торгово-финансовым, затем Отделом науки ЦК ВКП(б). Арестован 12 октября 1937 г. Умер в Лефортовской тюрьме во время следствия. Реабилитирован 15 июля 1955 г. — 844, 850

Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) (1883—1945) — член партии с 1912 г., поэт. — 794

Бейли — в 1938 г. английский подданный. — 788

Беленький Борис Самойлович (1888—26.2.1939) — член партии. На момент ареста зам. пред. СНК Чувашской АССР. Арестован 15 июля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 26 февраля 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 21 апреля 1956 г. — 843

Белобородов Александр Георгиевич (1891—9.2.1938) — член партии с 1907 г. С 1923 г. нарком внутренних дел РСФСР, с 1930 г. в Комитете заготовок СССР, затем уполномоченный Наркомата внутренней торговли. Арестован 15 августа 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 8 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 11 марта 1958 г. — 188, 384

Белов Иван Панфилович (1893—29.6.1938) — в 1937—1938 гг. командующий войсками Белорусского ВО, командарм 1-го ранга. Арестован 7 января 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1955 г. — 754, 800, 882

Белостоцкий Борис Яковлевич — в 1938 г. сотрудник 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР, лейтенант ГБ. — 803

Белостоцкий Максим Юлианович — врач, участвовал в процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» 1938 г. в качестве свидетеля. — 429, 430, 481, 508, 511, 580, 581

Бенек Казимир Францевич (1895—13.2.1938) — член партии с 1917 г. На момент ареста нарком земледелия БССР. Арестован 25 мая 1937 г. Приговорен Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР 21 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 ноября 1956 г. — 213, 400, 401, 609

Бенюк — в 1938 г. служащий Ворошиловского авторемонтного завода (Дальневост. край). — 823

Бергавинов Сергей Адамович (1899—12.12.1937) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930—1934 гг. В 1934—1937 гг. нач. политуправления Главсевморпути. Арестован 31 октября 1937 г. Умер в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован 7 марта 1956 г. — 109

Березов — в 1938 г. заведующий редакцией иностранной информации ТАСС. — 760

Беренди Алексис — в 1938 г. австрийский подданный. — 809

Беренс Евгений Андреевич (1876—1928) — военно-морской эксперт на Генуэзской и Лозаннской конференциях, в 1924—1926 гг. военно-морской атташе СССР в Англии и Франции. Похоронен на Новодевичьем кладбище. — 299

Берия Лаврентий Павлович (1899—23.12.1953) — член партии с 1917 г., член ЦК ВКП(б) в 1934—1953 гг. с 1931 г. 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии, с 1938 г. нарком внутренних дел СССР. Арестован 26 июня 1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23 декабря 1953 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 846, 884

Бермонт — журналист (Москва). — 783

Бернадот Жан Батист Жюль (1763—1844) — французский военачальник, маршал Франции с 1804 г., участник революционных и наполеоновских войн. — 799

Бернс — см. Беренс Е.А.

Беседовский Григорий Зиновьевич (1896—?) — 1-й секретарь Полпредства СССР во Франции, стал невозвращенцем в октябре 1929 г. — 754

Бессонов Сергей Александрович (1892—11.9.1941) — член партии с 1920 г. С 1930 г. сотрудник торгпредства СССР в Германии, в 1932 г. зам. торгпреда СССР в Англии, в 1933—1937 гг. советник Полпредства СССР в Германии. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. к 15 годам лишения свободы. Заключенный Орловской тюрьмы. Приговорен ВКВС СССР 8 сентября 1841 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1996 г. — 12, 14, 18, 21, 27—29, 31, 40, 44—48, 51, 60, 67, 69—83, 88—90, 92, 94—97, 210, 251, 258, 270, 277, 278, 281—283, 285, 334, 356—360, 380, 409—411, 520, 545, 546, 617, 628—631, 637—639, 657—659, 731, 732, 735, 736, 801, 833, 834, 837—839, 850, 851, 857, 858, 862, 876, 885

Бетипаж Густав Густавович — на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» 1938 г. упоминался как пом. нач. Самарского губернского жандармского упр. в 1911 г. — 313, 314

Бехер Иоганесс Роберт (1891—1958) — немецкий писатель, общественный деятель. С 1918 г. член КП Германии, в 1933 г. эмигрировал из Германии, в 1935—1945 гг. в СССР. — 755

Биркенгоф Александр Ильич (1891—4.10.1936) — торгпред СССР в Монголии. Арестован 25 мая 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 3 октября 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 2 декабря 1958 г. — 263

«Благин» — внутрикамерный агент НКВД. — 838, 850

Благовещенский — в 1938 г. профессор ВИЭМ. — 768

Благоволин — в 1938 г. профессор медицины. — 775

Благодарова — лицо, названное на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 314

Блакитный Василий Михайлович (1894—1925) — в 1918—1920 гг. один из руководителей украинских левых эсеров (боротьбистов). В 1920—1925 гг. член ЦК КП(б)У. — 98, 863

Блат Иосиф Михайлович (1894—15.11.1937) — член партии с 1919 г. С 1936 г. нач. УНКВД Челябинской области. Арестован 13 июля 1937 г. Приговорен в особом порядке 13 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 9 января 2013 г. — 849

Блекеров — в 1938 г. инженер Харьковского трубогенераторного завода. — 771

Блок Давид Семенович (1888—1948) — композитор, дирижер. — 778

Блохин Василий Михайлович (1895—1955) — с 1926 г. комендант ОГПУ, в 1934—1953 гг. комендант, нач. комендантского отдела НКВД—НКГБ—МГБ. — 12

Блюхер Василий Константинович (1890—9.11.1938) — член партии с 1916 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г., член ЦК ВКП(б) с октября 1937 г. В 1929—1938 гг. командующий Особой Дальневосточной армией, войсками Дальневосточного ВО. Арестован в октябре 1938 г. Умер во время следствия в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован 12 марта 1956 г. — 851

Богомолов Дмитрий Васильевич (1890—7.5.1938) — дипломат. В 1933—1937 гг. полпред в Китае. Арестован 13 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 7 мая 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июле 1957 г. — 291, 295, 837, 848

Богуславский Михаил Соломонович (1886—1.1.1937) — член партии с 1917 г. В 1924—1928 гг. пред. Малого Совнаркома, в 1928—1932 гг. зам. пред. Западно-Сибирской краевой плановой комиссии, в 1932—1936 гг. нач. строительства Новосибирского завода горного оборудования. Арестован 5 августа 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 сентября 1987 г. — 693, 848

Богуцкий Вацлав Антонович (1884—19.12.1937) — член ВКП(б), в 1919 г. член ЦК КП Литвы и Белоруссии, в 1922—1924 гг. ответственный секретарь ЦК КП Белоруссии и зам. пред. СНК БССР, в 1925—1930 гг. член ЦК КП Польши, представитель КП Польши в Исполкоме Коминтерна. С 1929 г. на профсоюзной работе. На момент ареста член спецколлегии Хабаровского краевого суда. Арестован 5 сентября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 19 декабря 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 212, 843

Боданцев — в 1938 г. рабочий Горловского азотно-тукового завода. — 772

Боев — в 1938 г. врач (г. Ворошилов). — 823

Болотин Захар Самуилович (1895—26.11.1937) — в 1934—1937 гг. зам. наркома внутренней торговли СССР, нач. Гл. упр. по продтоварам Наркомата внутренней торговли СССР. Арестован 7 августа 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 февраля 1956 г. — 112, 839

Борджиа — испанский дворянский род, имя которого стало синонимом распущенности и вероломства. — 653, 804

Борисов — в 1938 г. рабочий шахты «София» Макеевского района (Украина). — 771

Борисов М.В. (?—2.12.1934) — оперативный комиссар охраны С.М. Кирова. Погиб в результате автокатастрофы. — 528

Борисоглебский Михаил Васильевич (1896—1942) — писатель. Арестован 24 сентября 1941 г. Приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер в заключении. Реабилитирован 19 сентября 1957 г. — 825

Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович (1884—29.5.1951) — с 1932 г. редактор газеты «Московские новости» на английском языке, в 1938 г. сотрудник НКИД, участвовал в издании стенограммы процесса на английском языке. Арестован в 1949 г. Умер в заключении. — 16

Борозенко — писатель (УССР). — 773

Бочек Г. — в 1938 г. служащий Ленинградского индустриального ин-та. — 812

Бочков Виктор Михайлович (1900—1981) — в 1938—1940 гг. нач. 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР, в 1940—1943 гг. Прокурор СССР. — 846

Бояршинов — зав. Бактериологическим отделом Наркомата земледелия СССР. — 131

Брауде Илья Давидович (1885—1955) — член Московской коллегии защитников, адвокат на процессе по делу «антисоветского объединенного право-троцкистского блока» в 1938 г. — 19, 47, 70, 381, 512—514, 543, 544, 552, 579, 584, 586, 639, 649, 653, 731

Браудо Исай Александрович (1896—1970) — в 1938 г. профессор, заслуженный деятель искусств. — 765
Брентано — троцкист (Швейцария). — 756
Бриан Аристид (1862—1932) — в 1921—1932 гг. неоднократно премьер-министр и министр иностранных дел Франции. — 716
Бриан М.А. — профессор Государственной консерватории в 1938 г. — 814
Бриг И.О. — профессор филармонии в 1938 г. — 811
Бродская М.Я. — в 1938 г. секретарь Электротехнического ин-та (Ленинград). — 825
Бродский Е.Ф. — в 1938 г. нач. Проектного отдела Ленэнерго (Ленинград). — 825
Брюкнер Франц — в 1938 г. австрийский подданный. — 809
Брюханов Николай Павлович (1878—1.9.1938) — член партии с 1902 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927—1934 гг. В 1921—1924 гг. нарком продовольствия РСФСР, с 1924 г. зам. наркома, с 1926 г. нарком финансов СССР, с 1931 г. зам. наркома снабжения СССР, в 1932—1937 гг. зам. пред. Центральной комиссии по определению урожайности при СНК СССР. Арестован 3 февраля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 1 сентября 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в апреле 1956 г. — 840
Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1.8.1938) — член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) с 1924 г. В 1929—1937 гг. нарком просвещения РСФСР. Арестован 17 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 1 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 843
Буданцев Сергей Федорович (1896—1940) — писатель, критик. — 759
Будберг (Бенкендорф) Мария Игнатьевна (Титка) (1892—1974) — секретарь и близкая подруга А.М. Горького. — 782, 798—801, 826
Букарухин — в 1938 г. рабочий шахты «Дзержинка» (Донбасс). — 772
Буланов Павел Петрович (1895—15.3.1938) — в 1934—1936 гг. ответственный секретарь Особого совещания НКВД СССР. Арестован 29 марта 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 5, 12, 13, 19, 21, 37, 44—46, 48, 60—63, 67, 69, 70, 480, 481, 519, 521—526, 529—533, 535—537, 541, 544, 583, 584, 589, 631, 634, 636, 640, 644, 659, 667, 705, 709, 712, 716, 722, 731, 734—736, 746, 750, 757, 833, 834, 846, 847, 850, 856
Булгакова Л.В. — в 1938 г. научный сотрудник Музея истории религии. — 796
Булдаков — в 1938 г. профессор физической географии. — 811
Бурденко Николай Нилович (1876—1946) — хирург, основоположник российской нейрохирургии. — 787
Бурмин Дмитрий Александрович (1872—1954) — терапевт, доктор медицины, профессор, заслуженный деятель науки. Участвовал в медицинской экспертизе на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. — 429, 479, 554, 572, 573, 581, 583, 584, 828
Бурнашев Ханиф Хисанович (1900—22.3.1938) — с 1926 г. пред. Госплана УзбССР, с 1929 г. в Главхлопкопроме СССР. Арестован 25 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 2 ноября 1937. Расстрелян. Реабилитирован 18 августа 1956 г. — 228, 229, 349, 845
Буроз — французский акционер, директор Екатерининского горнопромышленного общества. — 594
Бурский В.Я. — вице-президент ВАСХНИЛ, в 1930-е гг. репрессирован, погиб в заключении. — 769
Бутенко Федор Хрисанфович (1905—1943?) — советник Полпредства СССР в Румынии, ставший в феврале 1938 г. невозвращенцем. — 754, 807, 882

Бутурлин — поручик Преображенского полка. — 632

Бухарин Николай Иванович (1888—15.3.1938) — член партии с 1906 г., член ЦК РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) в 1917—1934 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1934—1937 гг., член Политбюро в 1924—1929 гг., действительный член АН СССР, один из лидеров «правого уклона». С 1929 г. нач. сектора ВСНХ, с 1932 г. член коллегии НКТП СССР. В 1934—1937 гг. ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР». Арестован 27 февраля 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 5, 6, 8—14, 18, 19, 21, 23—27, 29, 35, 36, 40—42, 44, 45, 47, 48, 50, 54, 58—60, 63—68, 70, 73, 74, 106—108, 110, 111, 115—117, 121, 124, 140, 142—159, 179—195, 197—207, 214—216, 227, 235—238, 243, 245, 248, 251, 279, 280, 291, 308, 322, 333—335, 341—348, 353, 354, 359—407, 409—419, 421—428, 430—453, 455—460, 463—465, 467—479, 482, 499, 501, 513, 515, 516, 518—520, 522, 523, 533, 536—538, 541, 545—549, 553, 575, 578, 579, 586, 588—592, 595—609, 611—620, 623—626, 629—631, 635, 636, 659, 662, 663, 665—672, 682—684, 688, 689, 692, 694, 697, 701, 705, 706, 710, 711, 713, 717—719, 722—724, 729—739, 743, 744, 750, 752—757, 759, 761—767, 769, 771—773, 777, 778, 780, 781, 783—785, 787, 788, 790—794, 796, 800, 801, 803, 807—809, 811, 812, 814—817, 819—821, 823—825, 830, 831, 833—836, 839—841, 844, 846, 848, 853, 854, 856, 857, 859, 861, 863, 865—868, 870, 873—881, 884

Бухарцев Дмитрий Павлович (1898—3.6.1937) — корреспондент газеты «Известия» в Германии, кандидат эконом. наук. Арестован 23 ноября 1936 г. Выступал свидетелем на процессе «антисоветского троцкистского центра» 23 января 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 2 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 27 сентября 1960 г. — 834

Буянов — лицо, названное на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 314

Быков Константин Михайлович (1886—1959) — физиолог, профессор ВИЭМ, академик АН СССР. — 795

Быховская С.Л. — в 1938 г. старший научный сотрудник АН СССР. — 795

Бычков — в 1938 г. инженер Волгостройпроекта. — 761

Бюре Эмиль — директор французской газеты «Л'ордр». — 298

Вавилов Николай Иванович (1887—1943) — ученый-генетик, ботаник, селекционер, географ, академик АН СССР. — 792, 814

Вайер — в 1938 г. народный артист РСФСР, дирижер. — 765

Валериан Владимирович — см. Куйбышев В.В.

«Вано» — источник НКВД. — 803

Варежников — см. Степанов И.И.

Варейкис Иосиф Михайлович (1894—29.7.1938) — член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1937 г. 1-й секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б). Арестован 10 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в мае 1956 г. — 7, 21, 27—29, 31, 32, 34, 42—44, 107

Василий Константинович — в 1912 г. жандармский офицер в Самаре. — 313

Васильев — работник сельского хозяйства в УССР. — 119

Васильев Дмитрий Николаевич (1870—?) — становый пристав в г. Котельниче (Вятская губерния) в 1906—1917 гг., свидетель на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского центра» в 1938 г. — 43, 136, 166—171, 845

Васильев Л.Д. — в 1938 г. профессор Ин-та мозга. — 819

Вебер И. — в 1938 г. австрийский подданный. — 789

Вегер (Поволжец) Владимир Ильич (1888—1945) — старый большевик, с 1924 г. пред. Московской секции научных работников. — 801

Вегер Евгений Ильич (1899—27.11.1937) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1933 г. 1-й секретарь Одесского обкома КП(б) Украины. Арестован 25 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 27 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 839

Вейс — в 1938 г. врач. — 797

Вейцер Израиль Яковлевич (1889—7.5.1938) — член партии с 1914 г. В 1932—1934 гг. торгпред СССР в Германии, одновременно в 1930—1934 гг. зам. наркома внешней торговли СССР, в 1934—1937 гг. нарком внутренней торговли СССР. Арестован 3 ноября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 7 мая 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 апреля 1956 г. — 7, 21, 27, 29, 31, 34, 42, 44, 843

Вепринцев Сергей Николаевич — оперуполномоченный 4-го отд. ГУГБ НКВД, лейтенант ГБ. Уволен в феврале 1939 г. — 754, 755, 798, 830

Вера — упоминается в заметках В.В. Иванова. Сведения не установлены. — 706

Вера Рудольфовна — см. Менжинская В.Р.

Вербицкий — в 1938 г. лейтенант 4-го пулеметного батальона (Украина). — 772, 779

Вербицкий Всеволод Алексеевич (1896—1951) — в 1916—1950 гг. актер МХАТ; заслуженный артист Республики, народный артист РСФСР. — 779

Верн Жюль (1828—1905) — французский писатель. — 779

Вернадский Владимир Иванович (1863—1945) — академик, директор Биогеохимической лаборатории при АН СССР. — 13

Видаль-Наке Люсьен (?—1944) — юрисконсульт французской компартии, присутствовал на процессе «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Участвовал во Французском сопротивлении в годы войны, погиб в концлагере. — 830

Винецкий (Венецкий) Игорь Васильевич (1885—14.8.1937) — сотрудник Опер. отдела ГУГБ НКВД СССР, инспектор связи в Наркомате связи и НКВД. Арестован 16 февраля 1937 г. Приговорен в особом порядке 14 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 24 июля 1990 г. — 537, 548, 636

Виноградов — в 1938 г. сотрудник НКИД, участвовал в издании стенограммы процесса на английском языке. — 16

Виноградов А.И. — врач, лечивший А.М. Горького. — 38, 45, 62, 63, 68, 489, 498, 503, 504, 521, 550, 551, 752, 757, 769, 786, 792

Виноградов Владимир Никитич (1882—1964) — терапевт, профессор. Участвовал в медицинской экспертизе на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. — 429, 479, 519, 573, 583, 584, 846, 847

Вишневский А.В. — в 1938 г. руководитель клиники ВИЭМ. — 767

Вишняк Марк Вениаминович (1883—1975/76) — член ПСР с 1905 г. Секретарь Учредительного собрания. До эмиграции занимался общепартийной и литературной работой, с мая 1919 г. во Франции. — 409, 410

Владимир Ильич — см. Ленин В.И.

Владова — в 1938 г. работница Одесского консервного завода. — 817

Власов — в 1938 г. служащий базы Книгокультторга (Украина). — 790, 823

Власов Николай Павлович (1892—?) — нач. работ по низовой связи Нижне-Амурского областного упр. связи (г. Николаевск-на-Амуре, ДВК). Арестован 2 марта 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 21 сентября 1938 г. к 8 годам лишения свободы. Реабилитирован 11 марта 1992 г. — 823

Влодзимирский Лев Емельянович (1903—1953) — с 1937 г. сотрудник 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР, в 1941—1946 гг. нач. Следчасти по ОВД НКГБ—НКВД—НКГБ—МГБ СССР, затем на руководящей работе в Гл. упр. советским имуществом за границей при СМ СССР. В марте — июле 1953 г. нач. Следчасти по ОВД МВД СССР, генерал-лейтенант (1945). Расстрелян «по делу Берии». Не реабилитирован. —849

Вноровский — член Польского бюро ЦК КП(б) Белоруссии, в 1921 г. сотрудник Полпредства СССР в Варшаве. — 212, 843
Вокованов — в 1938 г. рабочий (Ленинград). — 824
Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — историк, академик. — 792, 793
Волкович Даниил Иванович (1900—26.11.1937) — в июне—августе 1937 г. пред. СНК БССР. Арестован 5 сентября 1937. Приговорен 26 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 11 апреля 1956 г. — 220, 221
Волович Захар Ильич (1900—14.8.1937) — зам. нач. Опер. отдела ГУГБ НКВД СССР. Приговорен в особом порядке 14 августа 1937 г. Расстрелян. — 526, 538, 542, 636, 830
Вольнов Иван Егорович (1885—1931) — писатель, друг А.М. Горького. — 751
Вольнов Илья Иванович — сын писателя И.Е. Вольнова. — 751, 786
Воробьев — архитектор. — 777
Воробьев — в 1938 г. нач. административно-хозяйственной части автобазы (Киев), исключен из ВКП(б). — 773
Ворошилов Клемент Ефремович (1881—1969) — член партии с 1903 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) с 1921 г., член Политбюро — Президиума ЦК в 1926—1960 гг. В 1934—1940 гг. нарком обороны СССР. — 7, 9, 17, 41, 59, 165, 285, 287, 602, 681, 734, 758, 815, 872
Врангель Петр Николаевич (1878—1928) — в апреле—ноябре 1920 г. главнокомандующий силами Юга России, после поражения эмигрировал. — 729
Вульфсон — упоминался на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 314
Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) — член партии с 1920 г. В 1935—1939 гг. Прокурор СССР. — 7—9, 12, 14, 16, 21, 45, 47, 48, 68—90, 92—100, 102—109, 111—194, 196—206, 209—212, 214, 216—223, 225—234, 236, 237, 240—248, 250, 252—278, 280, 283, 285—287, 292, 295, 296, 298—312, 315—322, 324—332, 335—367, 369—373, 375—378, 383—406, 409—419, 422—430, 432—437, 440—454, 456—479, 481, 484—500, 502, 503, 508—512, 516—518, 522—526, 529—536, 540—549, 552, 556—561, 564, 566—574, 577—581, 584—586, 647, 730, 731, 789, 800, 820, 821, 829, 831, 833, 839, 848, 854, 855, 857, 884
Вячеслав Рудольфович — см. Менжинский В.Р.

Г.Н. — см. Сперанский Г.Н.
Габор фон Васари (1897—1985) — венгерский писатель, сценарист. — 755
Гавен — упоминался на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 263
Гай (Штоклянд) Марк Исаевич (1898—20.6.1937) — с июня 1933 г. нач. ОО ОГПУ—НКВД, с ноября 1936 г. нач. УНКВД Восточно-Сибирской обл. Арестован 1 апреля 1937 г. Приговорен в особом порядке 20 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 10 января 2013 г. —538, 636
Гайстер Арон Израилевич (1899—30.10.1937) — член партии с 1919 г., член КПК с 1934 г. В 1930—1932 гг. член президиума, в 1932—1933 гг. зам. пред. Госплана СССР, в 1935—1936 гг. зам. наркома земледелия СССР. Арестован 27 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 мая 1956 г. — 574, 575, 578, 579, 835
Галевиус Федор Карлович (1888—26.9.1937) — зам. нач. планово-финансового отд. Наркомздрава СССР. Арестован 24 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 августа 1956 г. — 835
«Галина» — источник НКВД. — 756
Галицкий (Гольбенберг) Яков Маркович (1890—1963) — актер, режиссер, сценарист, драматург. — 779

Галл — инженер, работник кино «Воля», воспитанник Надежды Алексеевны — старшей сестры А.М. Горького. — 751, 757, 758

Гальперн Ольга — писательница, жена венгерского писателя А. Габора. — 755

Гальченко — в 1938 г. инженер завода «Большевик» (Ленинград). — 815

Гамарник Ян Борисович (1894—31.5.1937) — член партии с 1916 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1937 гг. В 1934—1937 гг. 1-й зам. наркома обороны СССР, с мая 1937 г. член военного совета Среднеазиатского ВО. Окончил жизнь самоубийством — 23, 28, 42, 102, 106—109, 112, 116, 117, 200, 201, 210, 249, 251, 260, 262, 263, 280, 282, 284, 285, 287, 676, 839, 848

Гаммерштейн Курт барон фон (1878—1943) — немецкий генерал-полковник, до 1934 г. главнокомандующий Рейхсвером. — 270

Ган Николай Карлович (1908—?) — композитор. — 814

Гарофало Рафаэле (1851—1934) — итальянский ученый-криминалист. — 652

Гасль Александр Гаврилович — в 1938 г. ученый специалист ВИР. — 814

Гаспарянц Тамара (Тамара) (?—1920) — левый социалист-революционер, жена Д.А. Черепанова. — 715

Гатов Александр Борисович (1899—1972) — поэт, переводчик, литературовед. — 764

Гаук Александр Васильевич (1893—1963) — дирижер. — 778

Гацко — музыкант Гос. академического симфонического оркестра СССР. — 779

Гвахария Георгий Виссарионович (1901—2.9.1937) — с 1925 г. торгпред в Англии, перед арестом директор металлургического завода им. Кирова (Макеевка). Арестован 20 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. — 837

Гвилисиане — в 1938 г. житель Тбилиси. — 818

Геббельс Йозеф (1897—1945) — руководитель пропагандистского аппарата нацистской Германии. — 523

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ. — 380, 404, 588, 705

Гедике Иван Иванович (1875—1942) — с 1924 г. артист МХАТ. — 779

Гейне Генрих (1797—1856) — немецкий поэт. — 719

Гейрот Александр Александрович (1882—1947) — заслуженный артист Республики, артист МХАТ. — 760

Геллер — чех, в 1938 г. американский подданный. — 788

Генслер В.И. — в 1938 г. музыкант. — 811

Георгиевский — в 1938 г. протоиерей. — 797

Георгий Нестерович — см. Сперанский Г.Н.

Герасимова Марианна Анатольевна (1901—1944) — в партии с 1919 г. С 1923 г. в органах ОГПУ—НКВД, возглавляла 5-е отделение Секретно-политического отд. ГУГБ НКВД, занимавшегося писателями, работниками печати и искусства. С 1935 г. на пенсии по инвалидности. Арестована в августе 1939 г. Приговорена ОСО при НКВД СССР 29 декабря 1939 г. к 5 годам лагерей. Вернулась в Москву в ноябре 1944 г. и, не добившись прописки, повесилась. Реабилитирована 17 февраля 1958 г. — 781

Герзон Матвей Михайлович (1906—23.9.1938) — с ноября 1937 г. нач. 5-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 18 апреля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 23 сентября 1938 г. Расстрелян. — 852

Герцберг — упоминается на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 263

Гесс Рудольф (1894—1987) — зам. А. Гитлера по партии. — 31, 51, 94

Гикало Николай Федорович (1896—25.4.1938) — в 1932—1937 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии; в 1937 г. секретарь Харьковского обкома КП(б)У. Арестован 11 октября 1937 г. Приговорен 25 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 10 августа 1955 г. — 214, 215

Гимельфарб — в 1938 г. главный врач больницы (Киев). — 816

Гинзбург Исидор Владимирович (1887—28.11.1937) — в середине 1930-х гг. нач. Ветеринарного упр. Наркомата земледелия СССР. На момент ареста директор ветеринарного павильона Всесоюзной с.-х. выставки. Арестован 14 августа 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1956 г. — 131

Гитлер Адольф (1889—1945) — с 1933 г. рейхсканцлер Германии. — 238, 278, 295, 380, 396, 519, 523, 611, 723, 729, 759, 788, 816, 817, 848

Глебов-Юфа Зиновий Наумович (1903—39.1.1940) — в 1936—1938 гг. нач. отделения 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР; в 1938 г. зам. нач. 4-го отд. 1-го упр. НКВД СССР. Арестован 14 ноября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 28 января 1940 к ВМН. Расстрелян. Решением ГВП РФ 12 февраля 2013 г. реабилитирован. — 854

Глезер Эрнст (1902—1963) — немецкий писатель, после 1933 г эмигрировал, но позднее вернулся в Германию. — 756

Глейхенгауз — в 1938 г. военный врач госпиталя (Куйбышев). — 822

Глуховский — в 1938 г. студент учебного комбината Харьковского тракторного завода. — 13

Головков — в 1938 г. слушатель военно-политического училища им. Ф. Энгельса. — 812

Голодед Николай Матвеевич (1894—21.6.1937) — член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК с 1930 г. В 1927—1937 гг. пред. СНК БССР. Арестован 15 июня 1937 г. Покончил с собой в заключении — во время допроса выбросился из окна с 5-го этажа здания НКВД в Минске. Реабилитирован 22 марта 1956 г. — 197, 198, 202, 207, 208, 213—215, 220, 396, 397, 399, 612, 843, 848

Голомастин — в 1938 г. рабочий Ворошиловградского завода им. Артема. — 772

Гольдин Яков Григорьевич (1896—25.12.1937) — с 1926 г. пред. правления Укрхлеба, с 1934 г. 2-й секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). Арестован 15 сентября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 25 декабря 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 апреля 1956 г. — 119

Гольцман Эдуард Соломонович (1882—25.8.1936) — член партии с 1903 г. На хозяйственной работе в Наркомате внешней торговли СССР. Арестован 27 апреля 1936 г. На процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 24 августа 1936 г. приговорен к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 263

Гоня — см. Сперанский Г.Н.

Горбачев Борис Сергеевич (1892—3.7.1937) — член партии с 1917 г. С 1929 г. нач. Объединенной военной школы им. ВЦИК, с 1933 г. зам. командующего войсками Московского ВО, на момент ареста командующий войсками Уральского ВО, комкор. Арестован 4 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 3 июля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 194, 262, 878

Горкин Александр Федорович (1897—1988) — член партии с 1916 г. В 1938—1953 гг. секретарь Президиума Верховного Совета СССР. — 751

Горобов — в 1938 г. санитарный врач санитарно-гигиенического отдела Всесоюзной Госсанинспекции Наркомздрава СССР. — 775, 776

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, прозаик, драматург. — 779, 780

Горохов — репрессирован, в 1950-е реабилитирован. — 835

Горький Алексей Максимович (Ал. Максимович, Алеша, М., Максим) (1868—1936) — писатель. — 5, 13, 37—40, 44, 58—63, 67, 94, 95, 209, 428, 429, 479—481, 484, 486—489, 496, 498—503, 505—507, 509—511, 513—517, 519—521, 530, 531, 533—535, 540, 541, 543, 545—552, 554—558, 580—582, 600, 624, 626, 628—

635, 638, 640, 642—648, 652, 668, 669, 678—681, 689, 695, 705, 707, 711, 712, 721, 722, 726, 734, 736, 740, 751—755, 758, 760—764, 766—770, 776—783, 785—788, 790, 792, 797—804, 809, 811, 812, 814, 815, 818—821, 824, 826—828, 831, 832, 835, 836, 845—847, 852, 880, 882, 883

Готлиб Иосиф — в 1938 г. австрийский подданный. — 808

Гофман — в 1938 г. сотрудник «Немецкой газеты», участвовал в издании стенограммы процесса на немецком языке. — 16

Гофман Макс (1869—1927) — немецкий генерал. Участвовал в переговорах о мире с Советской Россией в Брест-Литовске в 1918 г. — 602

Гоциридзе Сергей Викторович (1906—1992) — певец (бас), с 1931 г. солист ГАБТ. — 760

«Грачев» — агент НКВД. — 838

Григорьев П. — в 1938 г. житель Псковского района. — 825

«Гринвальд» — источник НКВД. — 809

Гринько Григорий Федорович (1890—15.3.1938) — член партии с 1919 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1930—1937 гг. нарком финансов СССР. Арестован 30 августа 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июне 1959 г. — 11, 18, 21, 24, 25, 29, 31, 34, 35, 44—48, 50, 52, 56, 67—68, 86—88, 90, 97—100, 102—109, 111—117, 119, 198—200, 380, 590, 611, 612, 617, 618, 620, 621, 623, 639, 658, 661, 682, 708, 731—736, 743, 750, 766, 774, 778, 785, 790, 791, 794, 816, 833, 835, 836, 843, 844, 848, 857, 863, 864

Гросс Ганс (1847—1915) — австрийский юрист и криминолог. — 653

Гроссман Василий Семенович (1905—1964) — прозаик, драматург. — 764

Грязнов — в 1913 г. ротмистр. — 43, 138

Губерсатор Иоганн — в 1938 г. австрийский подданный. — 808

Гурштейн — в 1938 г. врач, научный сотрудник Нейрохирургического ин-та. — 769

Гусаков Иван Иванович — следователь президиума Всеукраинской ЧК. — 454

Гусев — в 1938 г. зам. декана факультета крупного машиностроения Машиностроительного ин-та. — 814

Гусинский — в 1938 г. техник (Украина). — 772

Гущенок Ю. — в 1938 г. домохозяйка (Ленинград). — 825

Давыдов — в 1938 г. студент Текстильного ин-та. — 762

Давыдов А.И. — без определенных занятий (Ленинград). — 815

Давыдовский Ипполит Васильевич (1887—1968) — советский патологоанатом. — 761

Дагин Израиль Яковлевич (1895—22.1.1940) — с июня 1937 г. нач. 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 5 ноября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 21 января 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 13

Дайц Вернер — руководитель отдела по решению социальных задач Внешнеполитического отдела НСДАП. — 28, 51

Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871—1947) — один из лидеров и теоретиков меньшевизма, в 1922 г. выслан за границу. — 33, 49, 122—128, 134, 197, 615, 621, 665, 732, 860

Дантон Жорж Жак (1759—1794) — деятель Великой французской революции. — 830

Дворжанчик И.М. — директор-распорядитель французского Товарищества по разработке каменного угля в южной России. — 594

Деберль — упоминается в сводке о настроениях иностранных граждан в связи с процессом по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 808

Деборин Абрам Моисеевич (1881—1963) — философ-марксист, один из создателей Ин-та философии АН СССР, с 1929 г. академик АН СССР. — 763
Дегтярев — в 1938 г. рабочий Харьковского канатного завода. — 816
Деепп — в 1938 г. врач больницы им. Мечникова (Ленинград). — 812
Дейч Макс Абелевич (1885—30.10.1937) — член партии с 1917 г. С 1933 г. зам. наркома легкой промышленности, в 1934—1937 гг. руководитель группы в КСК при СНК СССР. Арестован 27 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 2 июня 1956 г. — 575
Демченко Николай Нестерович (1896—30.10.1937) — нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР. Арестован 22 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 декабря 1954 г. — 791
Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант, в 1919—1920 гг. главнокомандующий вооруженными силами Юга России. С 1921 г. в эмиграции. — 431, 454, 594, 602, 729
Десницкий (Строев) Василий Алексеевич (1878—1958) — литературовед. — 752
Джойнсон-Хикс Уильям (1865—1932) — в 1924—1929 гг. министр внутренних дел Великобритании. — 306
Дзержинский Иван Иванович (1909—1978) — композитор. — 814
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926) — член партии с 1895 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1917—1926 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1926 гг. В 1917—1926 гг. пред. ВЧК—ГПУ—ОГПУ, в 1919—1923 гг. нарком внутренних дел РСФСР, в 1921—1924 гг. нарком путей сообщения, в 1924—1926 гг. пред. ВСНХ СССР. — 319, 366, 484, 714, 828, 876
Диамандиев — в 1938 г. канцлер Болгарской миссии в Москве. — 807
«Дима» — внутрикамерный агент НКВД. — 837, 851
Дирксен Герберт фон (1882—1955) — в 1928—1933 гг. посол Германии в СССР. Умер в Мюнхене. — 30
Дмитриев — в 1938 г. житель Псковского района. — 825
Добин Ефим Семенович (1901—1977) — литературовед, критик. — 811
Добровольская — в 1938 г. врач (Ленинград). — 814
Довгалевский Валериан Савельевич (1885—1934) — член партии с 1908 г. В 1927—1934 гг. полпред СССР во Франции. — 270
Донской — в начале 1936 г. сотрудник Наркомздрава. — 307
Дорфман Вольф Александрович — в 1938 г. профессор, доктор биологических наук, сотрудник ВИЭМ. — 768
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — писатель. — 717, 754, 793
Драковцева — в 1938 г. служащая Всесоюзной Академии художеств. — 819
Дрейфус Луи — в 1927 г. депутат, крупный зерноторговец (Франция). — 308
Дрейцер Ефим Александрович (1894—25.8.1936) — член партии с 1919 г., в 1920-е гг. один из активных участников оппозиции. Исключался из партии в 1928 г., после восстановления в партии в 1930 г. на хозяйственной работе — зам. директора завода «Магнезит» в Челябинской области. Арестован 18 апреля 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 524, 525, 834
Дробнис Яков Наумович (1890—1.2.1937) — член партии с 1907 г. В 1923 г. зам. пред. Малого СНК РСФСР. В 1920-е гг. один из активных участников оппозиции. Неоднократно исключался из партии, после восстановления в партии в 1933 г. на хозяйственной работе — зам. нач. Кемеровокомбинатстроя (Кузбасс). Арестован 6 августа 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского параллельного троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен 30 января 1937 г. ВКВС СССР. Расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988 г. — 693

Дружинин А.Н. — в 1938 г. доцент биофака МГУ. — 770

«Дунаев» (Саша) — источник НКВД. — 779, 780

Дэвис Джозеф Эдвард (1876—1958) — в 1936—1938 гг. посол США в СССР. — 482, 774

Дюма Александр (1802—1870) — французский писатель. — 636, 754

Дюранти Вальтер (Уильям) (1884—1957) — с 1921 г. московский корреспондент американской газеты «Нью-Йорк Таймс». — 15, 829

Е.П. — см. Пешкова Е.П.

Евдокимов Григорий Еремеевич (1884—25.8.1936) — член партии с 1903 г., член ЦК РКП(б)— ВКП(б) в 1919—1920 и 1923—1927 гг. Один из лидеров оппозиции. В декабре 1927 г. исключен из партии. После восстановления в партии в 1928 г. нач. Гл. упр. молочной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР. Арестован 8 декабря 1934 г. Приговорен ВКВС СССР 16 января 1935 г. к 8 годам тюремного заключения по делу «Московского центра». Арестован в тюрьме. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 759, 848, 861

Евдокимов Иван Васильевич (1887—1941) — писатель. — 759

Егоров Александр Ильич (1883—23.2.1939) — член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК с 1934 г. С 1935 г. нач. Генштаба РККА, в 1937—1938 гг. 1-й зам. наркома обороны СССР. С 1938 г. командующий войсками Закавказского ВО, Маршал Советского Союза. Арестован 28 апреля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 22 февраля 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 761, 794, 797, 808, 830, 883

Егоров Николай Георгиевич (1893—3.6.1937) — с 1931 г. нач. Военной школы им. ВЦИК («Школы кремлевских курсантов»), комбриг. Арестован 3 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 3 июля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 ноября 1956 г. — 194

Егорова — в 1938 г. бухгалтер Канатного завода (Украина). — 791

Ежов Николай Иванович (1895—6.2.1940) — член партии с 1917 г., член ЦК ВКП(б) в 1934—1939 гг. В 1936—1938 гг. нарком внутренних дел СССР, в 1938—1939 гг. нарком водного транспорта СССР. Арестован 10 апреля 1939 г. Приговорен ВКВС СССР 4 февраля 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 5—9, 12—14, 37, 41, 42, 63, 108, 109, 429, 479—481, 526—530, 533, 541, 583, 584, 627, 633, 648, 658, 663, 696, 722, 723, 735, 740, 751, 758, 762, 766, 770, 774, 775, 785, 787, 789, 791, 792, 794, 795, 797, 802, 804, 806, 809, 811—813, 815, 816, 818, 820, 822—824, 826, 831, 834, 836, 845, 847, 849, 850, 852, 855, 856, 859, 860, 868, 871, 883, 884

Екатерина Павловна — см. Пешкова Е.П.

Елин — в 1938 г. курсант Киевского артучилища, беспартийный. — 817

Елькович Яков Рафаилович — в 1925—1926 гг. участник «новой оппозиции», в середине 1930-х гг. редактор газеты «Колхозный путь» (Свердловск). Приговорен к 15 годам заключения. — 834

Енукидзе Авель Сафронович (1877—30.10.1937) — член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1934—1935 гг. В 1922—1935 гг. секретарь Президиума ЦИК СССР. В июне 1935 г. исключен из партии в связи с «кремлевским делом» и отправлен на хозяйственную работу директором Харьковского областного автотранспортного треста. Арестован 11 февраля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 3 октября 1959 г. — 5, 24, 36, 39, 40, 59—61, 68, 194, 195, 209, 257, 364, 365, 374, 377, 380, 382—384, 403,

407, 412, 413, 415, 417, 501, 502, 505, 513, 522, 523, 526, 533—535, 537—541, 543, 545, 554, 575—579, 625—631, 645, 680, 681, 711, 724, 748, 821, 827, 860—862, 869, 878, 881

Ермак — в 1938 г. работница Одесского рыбного завода, беспартийная. — 817

Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965) — член партии с 1927 г. Литературный критик, в 1938 г. редактор журнала «Красная новь». — 764

Ефимович — архитектор. — 777

Жариков — в 1938 г. житель Благовещенска. — 823

Жаров Михаил Иванович (1899—1981) — с 1931 г. актер Камерного театра, с 1938 г. актер Малого театра. — 778

Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. — 17, 872

Жебровский Вацлав Юлианович (1895—26.11.1937) — в 1932—1934 гг. член бюро и секретарь ЦК КП Белоруссии, позднее отв. редактор газеты «За коммунистическое просвещение». Арестован 9 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 апреля 1956 г. — 213, 214, 843

Жила — в 1938 г. рабочий завода № 73 (Донбасс). — 790

Жуанвиль — участник северной интервенции в 1919 г. и военный атташе при А.В. Колчаке. — 594

Жуков — в 1938 г. пом. гл. механика фабрики «Равенство» (Ленинград). — 811

Жуков Иван Павлович (1889—1937) — зам. наркома связи СССР, член ЦК ВКП(б). Арестован 21 июня 1937 г. Приговорен 29 октября 1937 г. Расстрелян 30 октября 1937 г. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 42, 842, 843

Журавлев Н.Н. — в 1938 г. работник Госиздата, был близок к Демьяну Бедному — женаты на родных сестрах. — 794

Журбенко Александр Спиридонович (1903—26.2.1940) — с апреля 1937 г. нач. 9-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР; в мае—сентябре 1938 г. нач. 4-го отдела 1-го упр. НКВД СССР, с сентября 1938 г. нач. УНКВД Московской обл. Арестован 29 ноября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 15 февраля 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 754, 756, 758, 800, 802, 828—831

Забесов — в 1938 г. рабочий мельницы им. В.И. Ленина (Ленинград). — 812

Заблудовский — в 1938 г. профессор 1-го медицинского ин-та (Ленинград). — 811

Завадовский Борис Михайлович (1895—1951) — биолог, в 1938 г. академик ВАСХНИЛ. — 769

Загорулько — в 1938 г. мастер завода № 183 (Харьков). — 771

Задоренко — мастер завода «ОР» в Ворошиловграде (Украина). — 772

Зайцев — в 1938 г. рабочий Горловского азотно-тукового завода (Украина). — 772

Зайцев — упомянут на процессе «антисоветского право-троцкистского блока», сведения не обнаружены. — 384

Зайцев — художник. — 786

Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович) (1894—29.8.1938) — нач. УНКВД Ленинградской обл., с января 1938 г. зам. наркома внутр. дел и нач. УНКВД Московской обл. Арестован 30 апреля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 29 августа 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 794, 883

Замков — в 1938 г. врач. — 767

Запорожец Иван Васильевич (1898—14.8.1937) — зам. нач. УНКВД Ленинградской обл. Приговорен ВКВС СССР 23 января 1935 г. «за преступную халат-

ность» к 3 годам заключения. Арестован в местах лишения свободы 1 мая 1937 г. Приговорен в особом порядке 14 августа 1937 г. к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован. — 36, 45, 59, 67, 365, 527, 528, 538, 540, 625, 861, 876

Заречанский — в 1938 г. рабочий Одесского завода «Продмашина». — 816

Зарицкий Натан Давидович (1904—1989?) — с мая 1937 г. нач. 5-го отдела УГБ УНКВД по Саратовской обл. Арестован в июле 1937 г., находился под следствием в Москве, освобожден в 1938 г. и направлен на работу в систему ГУЛАГ НКВД. С 1939 г. на хозяйственной работе. Умер в Москве. — 10, 841, 853

Зарянов Иван Михеевич (1894—1975) — в 1934—1938 и 1945—1955 гг. член Военной коллегии Верховного суда СССР, бригвоенюрист. С 1955 г. в отставке, исключен из КПСС. — 47

Заславский Давид Иосифович (1880—1965) — публицист. — 378, 379, 830

Затонский Владимир Петрович (1888—29.7.1938) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1927—1933 гг. пред. ЦКК КП(б) Украины и нарком РКИ УССР. В 1922—1923 и 1933—1938 гг. нарком просвещения УССР. Арестован 3 ноября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян. Реабилитирован 19 марта 1956 г. — 119, 791

Зверев — в 1938 г. рабочий завода № 183 (Харьков). — 791

Зеленихин — в 1938 г. рабочий завода им. С. Орджоникидзе (Хабаровск). — 822

Зеленский Исаак Абрамович (Аврумович) (1890—15.3.1938) — член партии с 1906 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) с 1922 г. С 1920 г. секретарь, с 1921 г. 1-й секретарь Московского комитета РКП(б), в 1924—1931 гг. секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). С 1931 г. пред. правления Центросоюза. Арестован 7 августа 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июне 1959 г. — 7, 18, 21, 25, 34, 35, 42—48, 50, 56—58, 67, 69, 70, 106, 112, 113, 233, 234, 291, 293, 294, 313, 315—333, 339, 340, 346, 347, 350—352, 590, 620, 623, 659, 667—669, 690, 696, 709, 710, 731, 733—736, 743, 744, 750, 833, 835, 845, 858, 870, 874

Зеленский Исай Абрамович — агент «Слепой», сотрудничавший с 1916 г. с Самарским губернским жандармским управлением. Брат Исаака Абрамовича Зеленского. — 845

Зеленский Яков Абрамович — брат Исаака Абрамовича Зеленского. — 317

Зильберштейн — инженер на строительстве плотины в Чирчике. — 240

Зильберштейн Иосиф — в 1938 г. австрийский подданный. — 808

Зильтберминц В.А. — профессор Всесоюзного ин-та машиностроения. — 764

Зинаида Николаевна — бонна в доме Пешковых. — 757

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—25.8.1936) — член партии с 1901 г., член ЦК РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б) с 1912 г. В 1919—1926 гг. пред. ИККИ. Один из лидеров оппозиции, неоднократно подвергался репрессиям. После очередного восстановления в партии в конце 1933 г. и до декабря 1936 г. работал членом редколлегии журнала «Большевик». Арестован 16 декабря 1934 г. Приговорен ВКВС СССР 16 января 1935 г. к 10 годам лишения свободы по делу «Московского центра». Содержался в Верхнеуральской тюрьме особого назначения. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 197, 210, 297, 299, 303, 322, 375, 377, 421—423, 438—440, 519, 522, 525, 526, 549, 595, 597, 599, 600, 754, 781, 833, 841, 848, 860, 861, 871, 873, 876, 884

Зипалов Владимир Дмитриевич — доктор медицинских наук, участвовал в медицинской экспертизе на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока». — 429, 479, 573, 583, 584

«Знакомый» — агент НКВД. — 751, 800, 801, 820, 826, 827

Зощенко Михаил Михайлович (1894—1958) — писатель. — 818

Зубарев Прокопий Тимофеевич (1886—15.3.1938) — член партии с 1904 г. В 1929—1930 гг. пред. Организационного комитета Президиума ВЦИК по Северному краю, пред. ИК Уральского облсовета, 2-й секретарь Уральского обкома ВКП(б), в 1931—1934 гг. работал в Наркомате земледелия СССР. До ареста зам. наркома земледелия РСФСР. Арестован 15 марта 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июне 1965 г. — 18, 21, 34, 42—46, 48, 50, 58, 67, 69, 70, 136, 160—171, 181, 588, 590, 624, 659, 667, 668, 678, 731, 733—736, 746, 750, 833, 834, 845, 858

Зырянов И.М. — см. Зарянов И.М.

Ив. Ник. — см. Смирнов И.Н.

Иван Никитич — см. Смирнов И.Н.

Иванов Борис Александрович (1893—15.3.1938) — член партии. На момент ареста заведующий секретариатом Пред. СНК РСФСР (Д.Е. Сулимова). Арестован 20 августа 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 15 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в октябре 1956 г. — 168

Иванов Владимир Иванович (1893—15.3.1938) — член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1934 гг., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1924 г. секретарь ЦК КПб) Узбекистана, с 1927 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома, в 1932—1936 гг. 1-й секретарь Северного обкома ВКП(б), с 1936 г. нарком лесной промышленности СССР. Арестован 1 ноября 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июне 1959 г. — 6, 7, 12, 18, 21, 29, 34, 35, 42—48, 50, 58, 67, 68, 136—159, 179, 183, 208, 209, 346, 347, 371, 590, 599, 613, 615, 623, 624, 659, 667—670, 681, 709, 710, 731, 733—736, 741, 742, 750, 833, 835, 845, 848, 858

Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963) — писатель. — 19, 20, 248, 292, 332, 378, 430, 519, 553, 586, 639, 667, 705, 780, 878

Иванов Михаил Семенович (1997—27.10.1937) — в 1932 г. руководитель группы Наркомата РКИ РСФСР, один из организаторов «Союза марксистов-ленинцев». Исключен из партии 9 октября 1932 г. решением ЦКК. Приговорен коллегией ОГПУ 11 октября 1932 г. Работал нач. снабжения 4-го отделения Ухтпечлага. Арестован 27 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 27 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 мая 1966 г. — 859

Иванова Тамара Владимировна (Тамара) (1900—1955) — жена В.В. Иванова. — 706

Игнатий де Лойола (1491—1556) — католический святой, основатель ордена иезуитов. — 643

Игнатов С.И. — в 1938 г. студент 4-го курса географического факультета МГУ. — 787

Игумнов Константин Николаевич (1873—1948) — с 1899 г. профессор Московской консерватории. — 761

Иевлев Борис Иванович (1895—1964) — в 1937—1938 гг. член Военной коллегии Верховного суда СССР. — 47, 731, 736

Икрамов Акмаль Икрамович (1898—15.3.1938) — член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925—1934 гг., член ЦК ВКП(б) в 1934—1937 гг. В 1929—1937 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Узбекистана. Арестован 20 сентября 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 3 июня 1957 г. — 18, 21, 25, 26, 44—48, 53, 56, 57, 67, 69, 70,

198, 200, 223, 226—235, 238, 240, 242, 243, 245—248, 291, 331—355, 589, 590, 612, 618, 619, 622, 624, 659, 667, 669, 694, 697, 710, 718, 731, 733—736, 744, 750, 768, 833, 835, 843, 844, 848, 858, 875

Ильенков Василий Павлович (1897—1967) — писатель. — 783

Инбер Вера Михайловна (1890—1972) — писательница, поэтесса. — 753, 754, 764, 882

Инверфорс, лорд (Вейр Эндрю) (1865—1955) — с января 1919 г. министр вооружения Великобритании, произведен в пэры как барон Инверфорс. Пред. правления Англо-Персидской комиссии. — 299

Ингулов Сергей Борисович (1893—3.9.1938) — член партии с 1918 г. В 1929—1930 гг. зам. заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), в 1931—1935 гг. член коллегии Наркомата снабжения СССР, автор агитационных пособий и учебников («Политграмота», «Политбеседа» и т.п.), с 1935 г. нач. Главлита. Арестован 17 декабря 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 3 сентября 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 844, 884

Иоанн (Хуан I) Кастильский (1358—1390) — король Кастилии и Леона с 1379 г. — 632

Иогансон Карл — см. Райх К.

Иосида Сигэру (1878—1967) — японский политический деятель. — 615

Иосиф Виссарионович — см. Сталин И.В.

Ирматов Мухитдин (1898—4.10.1938) — 1-й секретарь Наманганского горкома. Приговорен выездной сессией ВКВС СССР 4 октября 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 835

Истмен Макс (1883—1969) — американский журналист и писатель, член Компартии США. — 303

Истомин — исполняющий обязанности нач. Самарского губ. жандармского упр. — 318

Иуда Искариот — один из апостолов Иисуса Христа, предавший его. — 168, 608

Ицхокин Абрам Исаакович — заведующий союзной информацией ТАСС. — 784

Кабаков Иван Дмитриевич (1891—3.10.1937) — член партии с 1914 г., член ЦК ВКП(б) в 1925—1937 гг. С 1929 г. 1-й секретарь Уральского (с 1934 г. Свердловского) обкома ВКП(б). Арестован 24 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 3 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1956 г. — 5, 160—164, 179, 842, 853

Каваль — см. Кауль А.И.

Кавтарадзе Сергей Иванович (1885—1971) — участник троцкистской оппозиции. Арестован 7 октября 1936 г. Освобожден 13 декабря 1939 г. по личному указанию Сталина. В дальнейшем на дипломатической работе. — 848, 861

Каган — см. Коган Л.В.

Каган — сотрудник Наркомата финансов СССР. — 87

Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — член партии с 1911 г., кандидат в члены ЦК РКП(б) в 1923—1924 гг., член ЦК ВКП(б) с 1924 г., член Политбюро с 1930 г. В 1930—1935 гг. 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б), в 1934—1935 гг. пред. КПК, в 1935—1937 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1937—1939 гг. нарком тяжелой промышленности СССР. — 7, 9, 17, 41, 59, 165, 174, 189—192, 260, 287, 624, 681, 734, 815, 863, 864, 867, 870, 872

Кадыров Садыр (Сабир) — член организации «Милли Истиклял» в Узбекистане. — 337

Каен — в 1938 г. служащий Тростянецкого мебельного комбината (Украина). — 791

Казаков — см. Козаков М.Э.

Казаков Игнатий Николаевич (1891—15.3.1938) — беспартийный, врач, до 1937 г. директор и научный руководитель Государственного НИИ обмена веществ и

эндокринных расстройств Наркомздрава. Арестован 14 декабря 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 7, 19, 45—48, 61, 62, 67, 69, 70, 251, 293, 297, 380, 381, 480—482, 490—499, 502, 503, 505, 511, 514, 515, 519, 532, 533, 543, 553, 554, 561, 564, 566—574, 583, 590, 631, 634, 642, 643, 647, 649, 654—658, 667, 705, 709, 722, 727, 730, 731, 734—736, 747, 748, 751, 763, 764, 767—769, 776—778, 788, 792—796, 803—805, 812, 816, 833, 835, 846, 847

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — член партии с 1898 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) с 1919 г., член Политбюро с 1926 г. В 1919—1938 гг. пред. ВЦИК и ЦИК СССР. — 673, 746, 829, 881

Калманович Моисей Иосифович (1888—27.11.1937) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1930—1934 гг. пред. правления Госбанка СССР и зам. наркома финансов СССР, в 1934—1937 гг. нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР. Арестован 11 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 27 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 19 мая 1956 г. — 839

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—25.8.1936) — член партии с 1901 г., член ЦК РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б) в 1917—1918 и 1919—1927 гг., член Политбюро в 1919—1925 гг. Один из лидеров оппозиции, неоднократно подвергался репрессиям. С декабря 1933 г. директор издательства «Академия», в 1934 г. директор Ин-та мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. Арестован 16 декабря 1934 г. Приговорен ВКВС СССР 16 января 1935 г. к 5 годам тюремного заключения по делу «Московского центра». Содержался в Челябинском политизоляторе особого назначения. 5 марта 1935 г. этапирован в Москву. Приговорен ВКВС СССР 27 июля 1935 г. по «Кремлевскому делу» к 10 годам тюремного заключения. Содержался в Верхнеуральской тюрьме особого назначения. Обвиняемый на процессе по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен 24 августа 1936 г. ВКВС СССР. Расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988 г. — 5, 23, 24, 40, 59, 172, 194, 197, 297, 299, 321, 322, 374, 377, 378, 421—423, 438, 439, 519, 522, 525, 526, 549, 595, 597, 599, 600, 754, 781, 833, 848, 860, 861, 876, 881, 884

Каминский Григорий Наумович (1895—10.2.1938) — член партии с 1913 г. В 1930—1934 гг. пред. Мособлисполкома, в 1934—1937 гг. нарком здравоохранения РСФСР, с июля 1936 г. — одновременно СССР. Арестован 25 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 2 марта 1955 г. — 776, 794, 835, 839

Камков Борис Давыдович (1885—29.8.1938) — член ЦК партии левых эсеров. В 1918 г. один из организаторов мятежа левых эсеров в Москве. Неоднократно арестовывался. С 1928 г. находился в ссылке в Воронеже. Работал экономистом в статистическом секторе Облплана Центрально-Черноземной области, затем в объединении «Сталь». Арестован 7 сентября 1930 г. Приговорен ОСО при коллегии ОГПУ 28 февраля 1931 г. к 3 годам заключения в Ярославский политизолятор. Досрочно освобожден и сослан в Архангельск на 3 года. На момент ареста экономист Севоблмехторга в Архангельске. Арестован 6 февраля 1937 г. Свидетель на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 29 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 27 апреля 1992 г. — 64, 66, 67, 367, 378, 424, 426, 431, 432, 435, 437, 458—470, 472, 476, 603, 604, 606, 714, 839—841, 862

Кан А.Г. — в 1938 г. профессор медицины. — 763

Канделаки Давид Владимирович (1895—29.7.1938) — член партии с 1919 г. В 1934—1937 гг. торгпред СССР в Германии, зам. наркома внешней торговли СССР. Арестован 11 сентября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в мае 1956 г. — 843

Капица Петр Леонидович (1894—1984) — физик, академик АН СССР. — 793

Каплан Фанни Ефимовна (1890—1918) — член партии эсеров, в 1918 г. покушалась на Ленина. — 65, 66, 473—475, 608, 624, 680, 735, 839, 861, 869

Капланский Семен Яковлевич (1897—1965) — в 1938 г. профессор ВИЭМ. — 768

Каплун Сергей Ильич (1897—1943) — вел революционную работу в 1915—1916 гг. на медицинском факультете МГУ, окончил МГУ в 1917 г., с 1926 г. зав. кафедрой гигиены труда 1-го Московского мед. ин-та, профессор. Погиб на фронте. — 138, 139

Караваева Анна Александровна (1893—1979) — писательница. — 759

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889—20.9.1937) — член партии с 1904 г. В 1918—1921 гг. зам. наркома по иностранным делам РСФСР, в 1921—1922 гг. полпред РСФСР в Польше, в 1922—1923 гг. зам. наркома иностранных дел СССР, в 1923—1927 гг. полпред СССР в Китае, в 1927—1934 гг. зам. наркома иностранных дел СССР, в 1934—1937 гг. полпред СССР в Турции. Арестован 3 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 20 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 декабря 1956 г. — 36, 95, 195, 197, 201, 379, 389, 390, 392—395, 412—414, 417, 524, 539, 609, 760, 821, 842, 848, 860

Карев Николай Афанасьевич (1901—11.10.1936) — член партии с 1920 г. Зам. планово-организационного сектора АН СССР. Арестован в 1933 г. Приговорен коллегией ОГПУ 16 апреля 1933 г. к 3 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы». В ссылке в Уфе, арестован в мае 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 10 октября 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1961 г. — 865

Карелин Владимир Александрович (1891—22.9.1938) — член ЦК партии эсеров, с декабря 1917 г. по март 1918 г. нарком государственных имуществ в правительстве РСФСР, один из руководителей мятежа левых эсеров в Москве. Неоднократно арестовывался. На момент последнего ареста юрисконсульт Гидростроя. Арестован 26 сентября 1937 г. Свидетель на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 22 сентября 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1993 г. — 64, 66, 67, 367, 378, 424, 426, 431, 432, 435, 437, 440, 442, 462—477, 604, 606, 608, 714, 839, 840

Каретников Н.В. — в 1938 г. руководитель оркестров народных инструментов. — 812

Карикаш Фридьеш (1893—?) — венгерский писатель, член КП Венгрии с 1917 г. — 781

Каримов Абдулла Каримович (1896—24.4.1938) — пред. СНК УзбССР, снят с должности в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян. — 230, 231, 239, 242, 247, 248, 336, 337, 347, 354

«Карлов» — агент НКВД. — 829

Карольский — работник Коминтерна. — 832

Карп М.Л. — в 1938 г. старший научный сотрудник Ин-та генетики АН СССР. — 793

Карпов М.С. — в 1938 г. профессор Тимирязевской с.-х. академии. — 776

Карпов Пимен Иванович (1886—1963) — писатель. — 764

Карташев — в 1938 г. бывший пом. командира полка, уволенный из армии (Харьков). — 773

Каруцкий Василий Абрамович (1900—13.5.1938) — с ноября 1937 г. зам. нач. 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с апреля 1938 г. нач. УНКВД Московской обл. Стрелялся в ночь на 13 мая 1938 г., умер в Боткинской больнице. — 762, 766, 770, 787, 794

Касаткин Иван Михайлович (1880—1938) — член партии с 1902 г., занимался литературным творчеством, переписывался с А.М. Горьким, который оказывал

ему поддержку. С 1919 на службе в ВЧК, в 1925—1935 гг. редактор ряда литературных журналов. Арестован 31 января 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 21 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 1 октября 1955 г. — 780, 882

Каспарова Варсеника Джавадовна (1888—11.9.1941) — отв. работник ИККИ и ЦК ВКП(б). Приговорена ВКВС СССР 10 апреля 1937 г. к 10 годам заключения, отбывала наказание в Орловской тюрьме. Приговорена ВКВС СССР 8 сентября 1941 г. Расстреляна. Реабилитирована по первому приговору 10 октября 1961 г., по второму — 26 июля 1990 г. — 834

Касымов — пред. Высшего суда УзбССР, показательный процесс по его делу состоялся в 1930 г. — 230, 246

Катаев Валентин Петрович (1897—1986) — писатель. — 753, 756, 781

Каули Малькольм (1898—1989) — американский поэт, редактор, критик. В 1930-е гг. главный редактор журнала «Нью Рипаблик». — 756

Кауль Александр Иосифович (1887—1958) — в 1930—1931 гг. пом. нач. Секретно-оперативного упр. ОГПУ СССР; с 1931 г. на партийной и хозяйственной работе. Арестован 19 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 мая 1939 г. к 20 годам ИТЛ. Реабилитирован 17 декабря 1955 г. — 336

Кацман — в 1938 г. заслуженный деятель искусств. — 760, 765

Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875—1948) — актер, Народный артист СССР (1936). — 760, 779

Качимбек — арестован по обвинению в принадлежности к националистической организации в 1929 г. в УзбССР. — 336, 337

Каюров Василий Николаевич (1876—11.4.1936) — член партии с 1900 г. Руководитель плановой группы Центроархива, обвинен вместе с М.Н. Рютиным в создании «союза марксистов-ленинцев». В 1932 г. исключен из ВКП(б). Приговорен коллегией ОГПУ 11 октября 1932 г. к 3 годам ссылки, вторично приговорен ОСО при НКВД 14 февраля 1936 г. к такому же сроку. Умер в ссылке. Реабилитирован в 1989 г. — 859

Квецинский — в 1938 г. студент (Ленинград). — 812

Керженцев Платон Михайлович (1881—1940) — член партии с 1904 г. В 1936—1938 гг. пред. Комитета по делам искусств при СНК СССР. — 784, 785

Керзон Джордж Натаниел (1859—1925) — британский государственный деятель и дипломат, в 1919—1924 гг. министр иностранных дел Великобритании; консерватор. — 299

Кестринг Эрнст (1976—1953) — в 1935—1941 гг. военный атташе Германии в Москве. — 17

Кибрик Борис Семенович (1884—21.4.1938) — меньшевик, в 1906 г. член Центрального бюро петербургских профсоюзов. Нач. планового отдела Центросоюза. Арестован ВЧК 7 ноября 1921 г. В дальнейшем неоднократно приговаривался к ссылке. Арестован по месту ссылки в г. Вельск 24 июня 1937 г. Приговорен выездной сессией ВКВС СССР в Архангельске 21 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 27 октября 1960 г. — 33, 121, 122, 126—128, 621

Кизельштейн Исаак Самойлович (1889—1931) — член партии с 1905 г. В 1920-е гг. работал в различных торгпредствах, сотрудник Химсиндиката, в 1930 г. член правления Всехимпрома. — 423, 437, 444, 453, 880

Киплинг Редьярд (1865—1936) — английский писатель. — 13

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886—1.10.1934) — член партии с 1904 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1923—1934 гг., член Политбюро с 1930 г. С 1926 г. 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), одновременно с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). Застрелен в Смольном. — 36, 37, 58, 59, 63, 67, 148, 150, 331, 363—365, 409, 520, 525, 527, 528, 539, 540, 543, 624—627, 629, 638, 652, 679—681, 693, 695, 711, 725, 734, 740, 786, 792, 836, 860, 861, 872, 876, 879, 883

Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт. — 782

Киршон Владимир Михайлович (1902—28.7.1938) — член партии с 1920 г. Писатель, драматург, критик, член Союза советских писателей. Арестован 29 августа 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 21 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1955 г. — 753

Китлер Е.В. — в 1938 г. и.о. нач. радиолаборатории МАИ. — 761

Клемансо Жорж (1841—1929) — в 1917—1920 гг. премьер-министр Франции. — 114, 306, 864

Климент II (1005—1047) — в 1046—1047 гг. Папа Римский. — 632

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868—1959) — актриса, жена А.П. Чехова. — 779

Кнорин Вильгельм Георгиевич (1890—29.7.1938) — член партии с 1910 г., член ВКП(б) с 1927 г. В 1932 г. директор Историко-партийного ин-та красной профессуры, с 1935 г. зам. заведующего Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Арестован 22 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1955 г. — 7, 832, 839

Кобулов Богдан Захарович (1904—1953) — с июля 1941 г. зам. наркома внутр. дел СССР, в 1943—1945 гг. 1-й зам. наркома госбезопасности СССР, с 1946 г. зам. нач. Гл. упр. советского имущества за границей, работал в Германии, генерал-полковник (1945). Расстрелян по «делу Берии». — 884

Коваль — в 1938 г. рабочий завода № 73 в Сталино, беспартийный. — 14, 817

Коган И.С. — в 1938 г. член коллегии защитников (Ленинград). — 796

Коган Лазарь Вениаминович (1902—7.2.1939) — пом. нач. Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 14 ноября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 7 февраля 1939 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 6, 852

Кодацкий Иван Федорович (1893—30.10.1937) — член партии с 1914 г., член ЦК ВКП(б) в 1930—1937 гг. В 1932—1936 гг. пред. исполкома Ленинградского совета, затем нач. Гл. упр. машиностроения для легкой промышленности НКТП СССР. Арестован 28 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 842, 843

Кожанный — сотрудник секретариата А.М. Горького. — 783

Кожевников Алексей Венедиктович (1891—1980) — писатель. — 759

Козаков Михаил Эммануилович (1897—1954) — писатель (Ленинград). — 796

Козинцев Григорий Михайлович (1905—1973) — режиссер. — 754, 765

Козлов — в 1938 г. студент 4-го курса географического факультета МГУ. — 786

Козловский Иван Семенович (1900—1993) — певец (тенор), с 1926 г. солист ГАБТ. заслуженный артист РСФСР, народный артист СССР. — 765

Козылев — см. Козырев В.И.

Козырев Василий Иванович — слушатель 4-го курса Военно-химической академии. Арестован в феврале 1935 г. по «Кремлевскому делу». — 382

Колесов Федор Иванович (1891—1940) — член партии с 1917 г. В 1917—1918 гг. пред. СНК Туркестанской АССР. — 869

Колоколов Валериан Александрович (1873—?) — с 1907 г. пом. нач. Московского охранного отделения, подполковник. — 43, 138, 139, 141

Коломиец — в 1938 г. техник авиабригады, беспартийный. — 14

Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — адмирал, в 1918—1919 гг. руководитель Белого движения. Расстрелян. — 594, 602

Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898—2.2.1940) — член партии с 1918 г. Журналист, писатель. В 1934—1935 гг. член редколлегии газеты «Правда». Арестован 14 декабря 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 1 февраля 1940 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 декабря 1954 г. — 381, 755, 756, 783, 793, 883

Кольцов Николай Константинович (1872—1940) — биолог, с 1935 г. академик ВАСХНИЛ. — 793

Коля — родственник Н.А. Пешковой. — 786

Комаров Николай Павлович (1886—27.11.1937) — член партии с 1909 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1921—1934 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1931—1937 гг. нарком коммунального хозяйства РСФСР. Арестован 11 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 27 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1956 г. — 179, 835, 842, 843

Коммодов Николай Васильевич — в 1938 г. член Московской коллегии защитников. — 19, 47, 428, 430, 481, 514, 515, 518, 543, 552, 559, 560, 569, 570, 574, 579, 639, 649, 731

Конар (Полащук) Федор Михайлович (1895—12.3.1933) — зам. наркома земледелия СССР. Арестован 9 января 1933 г. Приговорен коллегией ОГПУ СССР к расстрелу 11 марта 1933 г. по обвинению в «польском шпионаже». Расстрелян. Реабилитирован 12 марта 1957 г. — 100

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892—17.9.1938) — экономист, в 1920—1928 гг. директор Конъюнктурного ин-та при Наркомате финансов СССР, затем нач. упр. экономики и планирования сельского хозяйства Наркомата земледелия РСФСР, профессор Московской с.-х. академии им К.А. Тимирязева. Арестован 19 июня 1930 г. Приговорен Коллегией ОГПУ 26 января 1932 г. по делу «Трудовой крестьянской партии» к 8 годам тюремного заключения. Содержался в Суздальской тюрьме. Приговорен ВКВС СССР 17 сентября 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в мае 1963 г. — 879

Конев — до 1917 г. полицейский урядник. — 169

Конор — см. Конар Ф.М.

Копп Виктор Леонтьевич (1880—1930) — меньшевик, член ВКП(б) с 1917 г. В 1919—1921 гг. уполномоченный Наркоминдела и Наркомвнешторга, с 1921 г. поверенный в делах РСФСР в Германии, в 1923—1925 гг. член коллегии НКИД, в 1925—1927 гг. полпред СССР в Японии, в 1927—1930 гг. полпред СССР в Швеции. — 272, 273, 674

Корин Павел Дмитриевич (1892—1967) — художник. — 821

Корк Август Иванович (1887—12.6.1937) — член партии с 1927 г. В 1929—1935 гг. командующий войсками Московского ВО, в 1935—1937 гг. нач. Военной академии им. М.В. Фрунзе, командарм 2-го ранга. Арестован 12 мая 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 194, 203, 210, 284, 382, 403, 848, 861

Коробниченко — в 1938 г. шофер совхоза в Волчанском районе (Украина). — 790

Корш Карл (1886—1961) — немецкий философ-марксист, член КПГ с 1920 г. В середине 1920-х гг. за поддержку Объединенной оппозиции ВКП(б) был исключен из КПГ. С 1933 г. в эмиграции, занимался педагогической и научной деятельностью. — 871

Корытный Семен Захарович (1900—1.9.1939) — 3-й секретарь Московского горкома ВКП(б). Арестован 26 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 15 августа 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 15 января 1955 г. — 284

Косиор Станислав Викентьевич (1889—26.2.1939) — пред. Комиссии советского контроля и зам. пред. СНК СССР. Арестован 3 мая 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 26 февраля 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 17

Костов Дончо Стоянов (1897—1949) — болгарский генетик. В 1932—1939 гг. работал в Ин-те генетики АН СССР. — 793

«Костромской» — агент НКВД. — 755, 829, 830

Котвицкий — в 1938 г. электромонтер завода «Большевик» (Украина). — 790

Котов Василий Афанасьевич (1885—26.5.1937) — член партии с 1915 г. В 1925—1928 гг. секретарь МК ВКП(б). С 1929 г. член коллегии Наркомата труда РСФСР, заведующий Бюро социального страхования ВЦСПС. С 1935 г. управляющий трестом «Госотделстрой». Арестован 19 сентября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 25 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 25 сентября 1958 г. — 188, 679, 858, 866

Кох Ф.Э. — в 1938 г. профессор, заведующий лабораторией НКПП. — 769

Коцюбинский Юрий Михайлович (1896—8.3.1937) — с 1921 г. на дипломатической и хозяйственной работе. С января 1934 г. зам. пред. СНК УССР, пред. Госплана УССР. Арестован в феврале 1935 г., направлен в ссылку в Алма-Ату. Арестован 5 октября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян. Реабилитирован 27 октября 1956 г. — 100

Краваль Иван Адамович (1897—26.9.1937) — член партии с 1919 г. В 1930 г. зам. наркома труда СССР, с 1933 г. зам. нач., в 1935—1937 гг. нач. ЦУНХУ, зам. пред. Госплана СССР, зам. пред. Центральной государственной комиссии по определению урожайности. Арестован 31 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 21 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 29 сентября 1956 г. — 575

Кравченко — в 1938 г. зам. нач. отдела завода № 135 (Украина). — 773

Краевский Антон Павлович (1886—20.9.1937) — член бюро интернациональной контрольной комиссии и зав. сектором печати ИККИ. Арестован 25 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 20 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 мая 1955 г. — 263

Крейнин Исаак Фадеевич (1906—?) — в 1938 г. пом. нач. 1-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД, ст. лейтенант ГБ. Уволен в январе 1939 г. в связи с арестом. — 751, 753, 756, 800, 801, 809, 820, 826, 827

Крестинский Николай Николаевич (1883—15.3.1938) — член партии с 1903 г. С 1921 г. полпред РСФСР (СССР) в Германии, с 1930 г. зам. наркома иностранных дел СССР. В марте—мае 1937 г. зам. наркома юстиции СССР. Арестован 29 мая 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 8 июля 1963 г. — 5, 9, 10, 18, 21, 23, 27, 29, 31, 32, 44—52, 55, 67—69, 79—97, 102—107, 136, 171—177, 200, 201, 209—211, 249—263, 265—278, 280, 283, 286, 287, 290, 292, 296, 304, 308, 380, 381, 524, 588—591, 599, 601, 610—612, 615, 617, 618, 637, 659, 660, 667, 668, 673, 700, 724, 730—732, 735, 736, 740, 741, 750, 760, 774, 779, 784, 789, 811, 814, 824, 825, 833, 834, 832, 837—839, 846, 848—850, 854, 855, 857, 866, 869, 873, 883

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — член партии с 1893 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1939 гг. С февраля 1921 г. пред. Госплана РСФСР, Главэнерго ВСНХ, в 1929—1939 гг. вице-президент АН СССР, одновременно в 1930—1936 гг. пред. Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и зам. наркома просвещения. — 756, 757, 760

Кривцова О.Ф. — в 1938 г. служащая обсерватории. — 812

Кригер Евгений Генрихович (1906—1983) — журналист «Известий», писатель. — 784

Крикун — в 1938 г. работница завода им. С.М. Кирова (Донбасс). — 771

Крикунов — в 1938 г. красноармеец батальона связи. — 822

Крицман — в 1938 г. научный сотрудник ВИЭМ. — 768

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) — член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1939 гг. Жена В.И. Ленина. С 1929 г. зам. наркома просвещения РСФСР. — 673

Крючков Петр Петрович (Крючков Петя) (1889—15.3.1938) — секретарь А.М. Горького. Арестован 5 октября 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу

«антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 7, 19, 21, 37—39, 44, 45, 47, 48, 60—62, 67, 69, 70, 248, 334, 381, 483, 489, 499, 502, 504, 507, 519—521, 531, 548, 549, 551, 590, 631, 643, 667, 705, 712, 722, 726, 730, 731, 734—736, 749, 751—753, 757—759, 763, 766, 769, 778, 782, 783, 786, 798—805, 824, 826, 827, 833, 834, 846

Кубаткин Петр Николаевич (1907—1950) — в 1939 г. сотрудник 2-го отд. ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ (1939), в 1939—1941 гг. нач. УНКВД Московской обл., ст. майор ГБ (1939). В 1945 г. уполн. НКВД СССР по 2-му Прибалтийскому фронту, в июне—сентябре 1946 г. нач. 1-го Гл. упр. МГБ СССР, генерал-лейтенант (1945). Расстрелян по «Ленинградскому делу». — 885

Кубачек Леопольд — в 1938 г. австрийский подданный. — 808

Кудрявцев — в 1938 г. пом. нач. 1-го отделения Секретариата НКВД СССР, старший лейтенант ГБ. — 746

Кузнецов Борис Григорьевич (1903—1984) — философ и историк науки, с 1938 г. доктор философских наук, член партии. В 1938 г. врио директора Ин-та истории науки и техники АН СССР. — 765, 766

Кузнецов Степан Леонидович (1879—18.4.1932) — актер Малого театра, народный артист Республики. — 804

Куйбышев Валерьян Владимирович (1888—1935) — член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1935 гг., член Политбюро с 1927 г. В 1930—1934 гг. пред. Госплана и зам. пред. СНК и СТО СССР, с 1934 г. пред. КСК и 1-й зам. пред. СНК и СТО СССР. — 37, 39, 44, 58, 59, 61, 63, 67, 429, 432, 479, 480, 482, 496, 498, 501—503, 505, 506, 512, 513, 515, 520, 540, 541, 543—556, 558, 575—579, 582, 624, 626, 628, 629, 631—633, 638, 640, 642, 643, 646, 648, 652, 679—681, 695, 711, 713, 722, 734, 736, 740, 753, 756, 757, 761—763, 767, 769, 776, 778, 779, 786—788, 790, 792, 797, 809, 812, 814, 815, 819, 822, 835, 836, 845—847, 852, 857, 864

Куликов Егор Федорович (1891—11.9.1943) — с 1933 г. управляющий Уральским кожевенным трестом (Свердловск). Арестован в декабре 1935 г. Приговорен к 10 годам заключения. Умер в лагере. — 866

Кулиновский — в 1936 г. зав. Московской конторой реализации птицы и яиц. — 327

Кулянин — в 1938 г. врач эпидотдела Всесоюзной Госсанинспекции. — 776

Кун Бела Морисович (1886—29.8.1938) — один из основателей и руководителей Коммунистической партии Венгрии. В 1921—1937 гг. член Президиума ИККИ. Арестован 28 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 2 июля 1955 г. — 476, 715

Кунин — в 1938 г. бухгалтер 8-й обувной фабрики (Украина). — 773

Купалов П.С. — в 1938 г. профессор. — 776

Курбанов — нарком в УзбССР. — 348

Курелла Альфред (1895—1975) — немецкий писатель, член КПГ с 1918 г. — 831, 832

Курский Владимир Михайлович (1897—8.7.1937) — член партии с 1917 г. С ноября 1936 г. нач. Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР, с апреля 1937 г. нач. 1-го отдела ГУГБ, зам. нач. ГУГБ и и.о. зам. наркома внутренних дел СССР. Застрелился. — 6, 850

Кучменко — лицо, названное на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 314

Кушнер Борис Анисимович (1888—3.6.1937) — писатель, содержался в Верхне-Уральской тюрьме. Арестован 4 сентября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 2 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 15 августа 1957 г. — 834

Лаваль Пьер (1883—1945) — в 1931—1932 и 1935—1936 гг. премьер-министр Франции, в 1934—1935 гг. министр иностранных дел Франции. — 298, 698, 872

Лавинский — в 1938 г. лаборант 1-й обувной фабрики (Украина). — 773

Лаврентьев Борис Иннокентьевич (1892—1944) — с 1937 г. зам. директора ВИЭМ. — 767

Лаврентьев (Картвелишвили) Лаврентий Иосифович (1891—22.8.1938) — член партии с 1910 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930—1934 гг., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1931 г. секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), в 1932 г. 2-й секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), в 1937 г. секретарь Крымского обкома ВКП(б). Арестован 22 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 22 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в феврале 1956 г. — 7, 850

Ладыжников Иван Павлович (1874—1945) — издатель, владелец книжного дела. — 752, 786, 821, 827

Лазарев Петр Петрович (1878—1942) — физик, академик с 1917 г. Арестован 5 марта 1931 г., направлен в ссылку в Свердловск. Возвратился в Москву в 1932 г., с 1934 г. зав. отд. биофизики ВИЭМ. — 792

Лакоба Нестор Аполлонович (1893—28.12.1936) — член партии с 1912 г. В 1922—1930 гг. пред. СНК Абхазии, с 1930 г. пред. ЦИК Абхазии. Умер после ужина у Берии. После смерти был объявлен «врагом народа». — 848

Лакович — в 1938 г. бригадир завода № 215 (Киев). — 771

Лакснес Халлдор Кильян (1902—1998) — исландский писатель. — 830

Ланг Гергий Федорович (1875—1948) — врач-терапевт, с 1922 г. профессор 1-го Ленинградского мед. ин-та, участвовал в лечении А.М. Горького. Академик АМН СССР (1945). — 510, 552

Ланг Франц (Рознер Якоб) (1890—?) — деятель Коминтерна, член редколлегии заграничного издания журнала «Коммунистический интернационал». В 1938 г. участвовал в издании стенограммы процесса на немецком языке. — 16

Ларин Виталий Филиппович (1895—1937) — член партии с 1915 г., член ЦКК в 1927—1934 гг. В 1932 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), с декабря 1932 г. пред. Северо-Кавказского, затем Азово-Черноморского крайисполкома. Арестован в 1937 г., умер под следствием. — 209

Ларин Юрий Николаевич (р. 1936) — сын Н.И. Бухарина, художник. — 20

Ларина Анна Михайловна (1914—1996) — жена Н.И. Бухарина. — 875, 879

Ларионова — в 1938 г. врач (Ленинград). — 812

Левин — участник социал-демократического большевистского движения, арестован в Самаре в 1912 г. — 314

Левин Борис Михайлович (1899—1940) — писатель. С 1932 г. литературный сотрудник газеты «Правда». — 783

Левин Лев Григорьевич (1870—15.3.1938) — доктор медицинских наук, врач, консультант Лечсанупра Кремля. Арестован 2 декабря 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 7, 19, 21, 37—39, 44—48, 60—63, 67, 69, 70, 248, 251, 380, 428, 429, 480—500, 502—505, 508—521, 531, 532, 541, 543, 550—552, 554—558, 561—565, 569, 570, 576, 577, 580, 582, 583, 586, 590, 613, 632, 634, 635, 640—649, 653—655, 658, 667, 705, 709, 719, 721, 722, 727, 728, 731, 734—736, 747, 750, 752, 760, 765—767, 769, 775, 777—780, 786, 788, 789, 792, 793, 799, 803, 805, 811, 816, 819, 825, 826, 828, 833, 834, 846, 847, 852, 881

Левин Рувим Яковлевич (1898—30.10.1937) — член партии с 1915 г. В 1930—1937 гг. зам. наркома финансов СССР. Арестован 31 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 7 апреля 1956 г. — 110

Левин Федор Аркадьевич (1878—1944) — флейтист, с 1936 г. солист Гос. академического симфонического оркестра СССР, заслуженный артист Республики. — 779

Леккарт (Леккерт) — сотрудник английской разведки. — 299, 300, 303, 304
Ленин (Ульянов Владимир Ильич) (1870—1924) — лидер большевиков, глава Советского правительства в 1917—1924 гг. — 18, 58, 63—66, 142—144, 188, 198, 304, 321, 333, 334, 341, 344, 366, 367, 371, 420—422, 424—427, 430, 431, 435—442, 444, 445, 447—450, 452—454, 459—463, 471—476, 478, 479, 522, 586, 592—608, 619, 628, 642, 673, 674, 680, 692, 693, 698, 703, 704, 713—715, 719, 724, 735, 745, 753, 757, 761, 769, 772, 775—778, 780, 784, 787, 788, 792, 814, 819, 836, 839—841, 861, 869, 876, 879, 880
Ленская — в 1938 г. врач Института рентгенологии и радиологии. — 764
Леонгардт В.А. — в 1938 г. дипломник ГИТИС. — 762, 787
Леонгардт Г.Г. — в 1938 г. ученый секретарь Ин-та птицепрома. — 769
Леплевский Григорий Моисеевич (1889—29.7.1938) — член партии с 1917 г. В 1934—1939 гг. зам. Прокурора СССР. Арестован 10 марта 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 3 декабря 1957 г. — 9, 809, 810, 883
Лернер Наум Моисеевич (1905—1983) — зам. нач. 1-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с 26 марта 1938 г. пом. нач. 3-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской обл., с 9 мая 1938 г. нач. 11-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской обл., затем зам. нач. 3-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской обл., капитан ГБ. Уволен из НКВД 20 апреля 1940 г. — 11, 13, 850, 856
Леру — бывший секретарь Н.И. Бухарина. — 830
Лесли Платон Владимирович (1905—1972) — в 1924—1960 гг. режиссер МХАТ. — 760
Летягин — в 1938 г. кочегар завода Молокомбината (Ленинградская область). — 818
Либерман — сокамерник Х.Г. Раковского в Лефортовской тюрьме. — 10, 852, 853
Либерс — деятель рабочего движения, член союза «Рыцари труда». — 871
Лившиц (Лифшиц) Яков Абрамович (1896—1.2.1937) — член партии с 1917 г. С 1935 г. зам. наркома путей сообщения СССР. Арестован 16 ноября 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988 г. — 848
Линд — в 1938 г. пресс-атташе шведского посольства. — 830
Липа — см. Черткова О.Д.
Лисин — в 1938 г. рабочий завода им. Петровского (Днепропетровск). — 772
Лисицкий — в 1938 г. рабочий завода им. С. Орджоникидзе (Хабаровск). — 823
Лисицын Николай Васильевич (1891—22.8.1938) — с 1930 г. зам. наркома земледелия РСФСР, с 1934 г. нарком земледелия РСФСР. Арестован 22 февраля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 22 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в январе 1957 г. —164, 165
Литвин Михаил Иосифович (1892—12.11.1938) — с октября 1936 г. нач. Отдела кадров НКВД СССР, с мая 1937 г. нач. 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с января 1938 г. нач. УНКВД Ленинградской обл. Застрелился. — 13, 795, 797, 811, 813, 815, 820, 824, 825, 852, 854, 856
Литвинов — в 1938 г. стахановец завода «ОР» (Ворошиловград). — 772
Литвинов Александр Александрович — в 1938 г. бухгалтер ж.-д. станции Витебская—товарная. — 812, 813
Литвинов (Валлах) Максим Максимович (1876—1951) — член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1930—1939 гг. нарком иностранных дел СССР. — 16, 17, 308, 754, 807, 882
Лифшиц — см. Лившиц Я.А.
Ллойд Джордж (1863—1945) — в 1916—1922 гг. премьер-министр Великобритании, в 1926—1931 гг. лидер Либеральной партии. — 299

Лобов Прокопий Максимович (1899—?) — с 1921 г. в органах ВЧК, награжден знаком «Почетный работник ВЧК—ГПУ (V)» № 505. Сотрудник Ленинградского УНКВД, после убийства С.М. Кирова приговорен ВКВС СССР 23 января 1935 г. «за халатное отношение к служебным обязанностям» к 2 годам заключения. — 885

Лобов Семен Семенович (1888—30.10.1937) — член партии с 1913 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1937 гг. С декабря 1930 г. зам. наркома снабжения СССР, с 1932 г. нарком лесной промышленности СССР, с октября 1936 г. нарком пищевой промышленности РСФСР. Арестован 21 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 146—148, 150, 152, 423, 835, 839, 842, 843

Ловодюк — в 1938 г. работник упр. связи (Украина), в 1930 г. исключен из партии. — 773

Логановский Мечислав Антонович (1895—29.7.1938) — член партии с 1918 г. В 1932—1937 гг. зам. наркома внешней торговли СССР. Арестован 16 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 декабря 1956 г. — 835

Логоновский — см. Логановский М.А.

Ломинадзе Виссарион Виссарионович (1897—1935) — член партии с 1917 г. В 1932 г. парторг авиационного завода, с 1933 г. секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б). Окончил жизнь самоубийством. — 377

Ломов (Оппоков) Георгий Ипполитович (1888—2.9.1938) — член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1934 гг. В 1931—1933 гг. зам. пред. Госплана СССР, в 1934—1937 гг. член бюро КСК. Арестован 28 августа 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 2 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 января 1956 г. — 437, 440, 444, 453, 455, 879

Лопата — кобзарь-бандурист. — 791

Лоуренс Томас (1888—1935) — британский офицер, путешественник, автор ряда книг. — 590, 594

Лукач Дьердь (1885—1971) — венгерский философ-марксист. — 756

Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939) — русский военачальник, генерал-лейтенант, участник Первой мировой и Гражданской войн, деятель Белого движения, один из организаторов Добровольческой армии. В эмиграции с 1920 г. — 594

Лукьяненко — в 1938 г. рабочий артели «Ленкоопремонт» (Украина). — 791

Лулов Георгий Николаевич (1899—22.1.1940) — пом. нач. Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 1 декабря 1938 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 21 января 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 850, 854

Луполов — в 1938 г. слесарь механического цеха КРЭС (Украина). — 772

Луппол Иван Капитонович (1896—1943) — философ-марксист. — 799

Львова Н. — член социал-демократической организации учащихся Первой московской мужской гимназии. — 878

Любимов Исидор Евстигнеевич (1882—27.11.1937) — член партии с 1902 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1937 гг. В 1930—1931 гг. зам. наркома внешней и внутренней торговли СССР и торгпред СССР в Германии, в 1932—1937 гг. нарком легкой промышленности. Арестован 24 сентября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 27 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 134, 270, 354, 843

Любченко Панас Петрович (1897—29.8.1937) — в 1927—1934 гг. секретарь ЦК КП(б)У, в 1934—1937 гг. пред. СНК УССР. Окончил жизнь самоубийством. В феврале 1965 г. решением ЦК КП(б)У реабилитирован в партийном отношении. — 24, 98, 101, 102, 663, 848, 863

Людмила Рудольфовна — см. Менжинская Л.Р.
Люсиани — в 1938 г. французский корреспондент в Москве. — 14
Люшков Генрих Самойлович (1900—1945) — в 1937—1938 гг. нач. УНКВД Дальневост. края, комиссар ГБ 3-го ранга (1935), 13 июня 1938 г. бежал в Маньчжурию. — 822, 823
Лявиль — в 1938 г. французский корреспондент в Москве. — 14
Ляшко Николай Николаевич (1884—1953) — писатель. — 759

Магницкий А.Н. — в 1938 г. профессор ВИЭМ. — 768
Мадарас Эмиль (1889—?) — венгерский писатель. — 759
Майоров Илья Андреевич (1890—11.9.1941) — левый социалист-революционер. Неоднократно арестовывался. На момент последнего ареста ссыльный, сначала экономист-плановик в лесхозе Башкирии, затем экономист в Башкирской конторе Консервсбыта. Арестован 7 февраля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 января 1938 г. к 25 годам тюремного заключения, содержался в Орловской тюрьме. Приговорен 8 сентября 1941 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1990 г. — 465
Майоров Михаил Моисеевич (1890—20.1.1938) — член партии с 1906 г., член ЦКК в 1927—1934 гг. В 1932—1934 гг. секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), с 1935 г. зам. пред. Центросоюза. Арестован 15 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 12 января 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 2 июня 1956 г. — 112
Макаров — кулак, высланный в Нижне-Амурскую область. — 823
Макдональд Джеймс Рамсей (1886—1937) — один из лидеров Лейбористской партии Великобритании, участник II Интернационала, в 1924 и 1929—1931 гг. премьер-министр Великобритании. — 299, 300, 303, 872, 873
Макс — см. Пешков М.А.
Максим — см. Пешков М.А.
Максим Алексеевич — см. Пешков М.А.
Максимов-Диковский (Максимов) Вениамин Адамович (Абрамович) (1900—15.3.1938) — член партии с 1920 г. Бывший секретарь В.В. Куйбышева. До ареста нач. Центрального отдела учета Наркомата путей сообщения СССР. Арестован 11 декабря 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 7, 12, 19, 21, 37, 39, 44, 45, 47, 48, 61, 67, 69, 70, 483, 502, 506, 553, 554, 574, 577—579, 578, 590, 629, 631, 659, 667, 705, 709, 728, 731, 734—736, 748, 749, 751, 833, 835, 846
Максимович — сведения не установлены. — 99
Максимовский В. — член фракции «левых коммунистов» в 1918 г. — 423, 444, 453
Максум Нусратулла (1881—1.11.1938) — член партии с 1920 г. В 1929—1933 гг. пред. ЦИК ТаджССР, на момент ареста слушатель Плановой академии СССР в Москве. Арестован 8 июля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 31 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 декабря 1957 г. — 244, 334, 349, 350
Малкова Н.П. — врач, терапевт, бывший сотрудник Ин-та функциональной диагностики. — 769
Мальро Андре (1901—1976) — французский писатель и политический деятель. — 783
Малютина В.Л. — в 1938 г. артистка Государственного реалистического театра. — 819
Маматказин — в 1913 г. ротмистр Тульского губернского жандармского упр. — 137, 140
Манн Генрих (1871—1950) — немецкий писатель. — 755
Манн Томас (1875—1955) — немецкий писатель. — 755

Манцев Василий Николаевич (1889—19.8.1938) — член партии с 1906 г. С 1920 г. член коллегии ВЧК, в 1921—1923 гг. пред. Всеукраинской ЧК, нарком внутренних дел Украины, в 1923 г. работал в РКИ, в 1924—1930 гг. член Президиума ВСНХ, в 1930—1934 гг. зам. наркома финансов СССР, с 1936 г. зам. пред., пред. Специальной коллегии Верховного суда РСФСР. Арестован 22 октября 1937 г. Свидетель на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 мая 1956 г. — 64—67, 367, 378, 420, 423, 430, 431, 437, 444—447, 449—458, 475, 604, 606, 714, 715, 839, 840, 853

Марецкий Дмитрий Петрович (1901—26.5.1937) — член партии с 1919 г. В 1929—1930 гг. ученый секретарь плановой комиссии и заведующий экономическим кабинетом АН СССР. Арестован 26 сентября 1932 г. Находился в ссылке в Йошкар-Оле, экономист Марийского облплана. Приговорен коллегией ОГПУ к 5 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы» в 1933 г. Отбывал срок в Верхнеуральской тюрьме особого назначения. Арестован 5 ноября 1936 г. Приговорен 26 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 сентября 1958 г. — 865, 878

Мария Федоровна — см. Андреева М.Ф.

Маркс Карл (1818—1883) — немецкий экономист, философ, публицист, организатор I Интернационала. — 144, 699, 865

Маркузе Герберт (1898—1979) — немецко-американский философ и социолог. — 755

Марр Софья Михайловна — жена Ю.Н. Марра. — 796, 820

Марр Юрий Николаевич (1893—1935) — поэт, ученый-востоковед. — 796, 820

Мартинсон Андрей Андреевич (1893—16.6.1938) — нач. упр. драгметаллов Наркомата финансов СССР. Арестован 22 февраля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 16 июня 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июле 1956 г. — 87

Марфа — см. Пешкова М.М.

Марьясин Лев Ефимович (1894—22.8.1938) — член партии с 1915 г. В 1934—1936 гг. пред. правления Госбанка СССР. Арестован 20 декабря 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 10 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в мае 1956 г. — 849, 864

Маслов — в 1938 г. старший научный сотрудник АН СССР. — 763

Маслов Аркадий (1891—1941) — немецкий коммунист, один из лидеров КПГ, член ИККИ. Принадлежал к левому крылу КПГ, в середине 1920-х гг. был снят с постов в Коминтерне, а в 1926 г. за поддержку Объединенной оппозиции ВКП(б) был исключен из КПГ, в 1928 г. участвовал в создании Ленинбунда (Союз Ленина, Левые коммунисты), с 1933 г. в эмиграции в Париже, сотрудничал с Л.Д. Троцким, в 1936—1937 гг. один из руководителей IV Интернационала. — 871

Маслов И.Н. — в 1938 г. директор лаборатории хлебопечения, член ВКП(б). — 777

Маслов Сергей Семенович (1887—1945) — с 1906 г. член партии социалистов-революционеров. С 1921 г. в эмиграции. В 1927 г. основатель партии «Крестьянская Россия — трудовая крестьянская партия». — 93, 270, 271, 356—359, 409—411, 615, 801, 862, 876

Массена Андре (1758—1817) — маршал Франции. — 799

Массок — в 1938 г. американский корреспондент в Москве. — 14

Матвеев Борис Семенович (1889—26.5.1973) — зоолог, с 1934 г. профессор МГУ. — 770

Матвеев Дмитрий Игнатьевич (1900—1937) — аспирант Московского энергетического ин-та. Арестован 11 сентября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 25 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 июля 1961 г. — 382

Матулевич Иван Осипович (1895—1961) — член партии с 1915 г. С 1933 г. зам. пред. ВКВС СССР. — 47, 731, 736

Матусов Яков Наумович (1908—1967) — сотрудник 2-го упр. НКГБ СССР, полковник ГБ (1943), уволен из МГБ в июле 1946 г., работал зав. Центральной юридической консультацией и сохранял дружеские связи с бывшими сослуживцами в МГБ. Арестован 2 ноября 1951 г., реабилитирован и освобожден из заключения 5 июня 1953 г. — 884

Мацкин Александр Петрович (1906—?) — театровед, театральный критик. — 780

Машковец А.А. — в 1938 г. доктор биологических наук, заведующий отделом Ин-та эволюционной морфологии АН СССР. — 768

Мдивани Буду (Поликарп Гургенович) (1877—9.7.1937) — член партии с 1903 г. В 1920—1921 гг. представитель РСФСР при Восточном фронте Турции, член Кавказского бюро ЦК РКП(б), в 1921—1923 гг. пред. ревкома в Тифлисе, пред. Союзного Совета Закавказья, в 1922 г. член Президиума ЦК КП(б) Грузии. С 1922 г. один из лидеров грузинской оппозиции. В 1923—1924 гг. член Гл. концессионного комитета СССР, с 1924 г. торгпред СССР во Франции. Арестован в 1928 г. Приговорен к 3 годам ссылки, в 1929 г. наказание заменено 3 годами лишения свободы. В 1931—1936 гг. пред. СНХ ССР Грузии, нарком легкой промышленности ССР Грузии, 1-й зам. пред. СНК ССР Грузии. В 1936 г. арестован. Приговорен Верховным судом Грузии 9 июля 1937 г. Расстрелян. — 49, 304, 848, 861

«Медведев» — источник НКВД. — 776

Медведь Филипп Демьянович (1890—27.11.1937) — член партии с 1907 г. В 1930—1934 гг. полпред ОГПУ по Ленинградскому ВО и член коллегии ОГПУ СССР, нач. УНКВД по Ленинградской обл. Арестован 9 января 1935 г. Приговорен ВКВС СССР 23 января 1935 г. к 3 годам лишения свободы. В конце 1935 г. досрочно освобожден. В 1935—1937 гг. нач. Северного горного упр. Колымлага ГУЛАГ НКВД СССР. Арестован 7 сентября 1937 г. Приговорен в особом порядке. Расстрелян. Реабилитирован 17 декабря 1957 г. — 528

Медичи — флорентийский род, представители которого в XII—XVII вв. неоднократно становились правителями Флоренции. — 653

Медников Николай Иванович (1899—23.3.1937) — зам. нач. упр. местной промышленности (Свердловск). Арестован 12 октября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 23 марта 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 834

Межлаук Валерий Иванович (1893—29.7.1938) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927—1934 гг., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1934—1937 гг. зам. пред. СНК и СТО СССР, пред. Госплана СССР. Арестован 2 декабря 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 777, 794, 883

Межлаук Иван Иванович (1891—25.4.1938) — член партии с 1918 г., член КПК с 1934 г. В 1936—1937 гг. пред. Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР. Арестован 3 декабря 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 25 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 апреля 1956 г. — 777

Мелик-Пашаев Александр Шамильевич (1905—1964) — дирижер, композитор, пианист. Заслуженный деятель искусств. — 765, 778

Мельничанский Григорий Натанович (1886—26.10.1937) — член партии с 1902 г. В 1918—1924 гг. пред. Московского губсовета профсоюзов, в 1924—1926 гг. зав. Организационным отделом ВЦСПС, в 1926—1929 гг. пред. ЦК Союза текстильщиков СССР, в 1929—1931 гг. член президиума ВСНХ СССР, в 1931—1934 гг. член президиума Госплана СССР, член коллегии наркомата РКИ, в 1934—1936 гг. пред. комиссии по изобретательству при СНК СССР. Арестован 20 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 3 ноября 1959 г. — 866

Менжинская Вера Рудольфовна (1872—1944) — сестра В.Р. Менжинского. — 828
Менжинская Людмила Рудольфовна (1876—1933) — сестра В.Р. Менжинского. — 565
Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — член партии с 1902 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1934 гг. В 1926—1934 гг. пред. ОГПУ СССР. — 13, 39, 44, 58, 59, 61—63, 67, 178, 429, 432, 479, 480, 483, 484, 490—494, 496—498, 500, 503—505, 511, 514, 515, 519, 530—533, 540, 543, 553, 562—566, 568—574, 582, 583, 624, 626, 627, 631—633, 638, 640, 643, 646, 648, 652, 654, 679—681, 695, 711—713, 722, 727, 728, 734, 740, 753, 754, 756, 757, 761, 763, 764, 768, 769, 776—779, 782, 786—788, 790, 794, 797, 804, 812, 814, 815, 819, 827—830, 835, 836, 845—847
Меркулов Сергей Дмитриевич (1881—1952) — скульптор. — 765
Мессерер Асаф Михайлович (1903—1992) — с 1921 г. солист балета и балетмейстер ГАБТ. — 765
Металликов Михаил Соломонович (1896—31.3.1939) — член партии. Врач, хирург, зам. нач. Лечсанупра Кремля. На момент ареста зам. гл. государственного санитарного инспектора СССР. Арестован 8 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 31 марта 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 7 марта 1956 г. — 513, 776
Микоян Анастас Иванович (1895—1978) — член партии с 1915 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС в 1923—1966 гг., кандидат в члены Политбюро с 1926 г., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1935—1966 гг. В 1926—1930 гг. нарком внутренней и внешней торговли СССР, в 1930—1934 гг. нарком снабжения СССР, в 1934—1938 гг. нарком пищевой промышленности СССР. — 119, 864, 865, 874
Миллер — см. Мюллер.
Минеев Анатолий Константинович (1883—1951) — певец (баритон), в 1914—1920 и 1935—1947 гг. солист ГАБТ. — 779
Минков Исаак Ильич (1894—1935) — член партии с 1911 г. В 1917—1921 гг. член и секретарь Бюро Московского окружкома и Московского губкома РКП(б), в 1920-е гг. секретарь Вятского губкома ВКП(б), в 1923—1927 гг. член ЦКК ВКП(б), в 1928—1930 гг. на пенсии, с 1930 г. член ЦК МОПР. — 142
Минут-Сорохтина О.П. — в 1938 г. старший научный сотрудник ВИЭМ. — 769
Мирбах Вильгельм (1871—1918) — германский дипломат. В 1918 г. посол Германии в РСФСР, убит левыми эсерами в Москве во время левоэсеровского мятежа. — 64, 462—467, 472, 680, 861
Мирбо Октав (1848—1917) — французский писатель. — 764
Миров-Абрамов — см. Абрамов-Миров А.Л.
Миронов Александр Николаевич (1896—1968) — член партии с 1932 г. С 1918 г. в РККА, с 1923 г. в органах ОГПУ, нач. Внутренней тюрьмы НКВД—МГБ СССР, с 1953 г. на пенсии в Москве. — 8
Миронов (Каган) Лев Григорьевич (1895—29.8.1938) — член партии с 1918 г. В 1931—1934 гг. нач. Экономического упр. ОГПУ СССР, в 1934—1936 гг. нач. Экономического отдела ГУГБ НКВД СССР, в ноябре—декабре 1936 г. нач. КРО ГУГБ НКВД СССР, с декабря 1936 г. нач. 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Комиссар ГБ 2-го ранга. Арестован 14 июня 1937 г. Приговорен 29 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 9 января 2013 г. — 275, 276, 537
Мисуля — в 1938 г. кочегар 8-й школы (Ленинград). — 825
Митлер Лора — в 1938 г. сотрудница афганистанского посольства, австрийская подданная. — 789
Михайлов — в 1938 г. пред. колхоза «Голубыль» (Псковский округ). — 824
Михайлов — в 1938 г. рабочий рельсопрокатного цеха завода им. И.В. Сталина (Донбасс). — 791

Михайлов Б.Д. — с июня 1936 г. зав. иностранным отделом газеты «Правда», участвовал в издании стенограммы процесса на французском языке. — 16
Михайлов В.М. — в 1938 г. старший научный сотрудник ВИЭМ. — 769
Михайлов Василий Михайлович (1894—26.9.1937) — член партии с 1915 г. В 1922—1923 и 1925—1929 гг. секретарь МК ВКП(б), пред. Московского горсовета профсоюзов, в 1924 г. секретарь Замоскворецкого райкома РКП(б) г. Москвы, в 1929—1932 гг. зам. нач. строительства Днепрогэса, в 1932—1937 гг. нач. строительства Дворца Советов в Москве. Арестован 11 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 мая 1956 г. — 866
«Могилевский» — источник НКВД. — 753, 784
Модель — в 1938 г. инженер. — 777
Моисеев — в 1938 г. рабочий ГВФ (Хабаровск). — 822
Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — член партии с 1906 г., секретарь ЦК КП(б)У в 1920—1921 гг., член ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС в 1921—1957 гг., член Политбюро—Президиума ЦК в 1926—1957 гг. В 1930—1941 гг. пред. СНК СССР. — 6—9, 14, 17, 18, 41, 42, 59, 118, 165, 259, 260, 285, 287, 596, 681, 734, 758, 767, 774, 796, 804, 806, 809, 815, 831, 832, 846, 863, 870, 872, 879, 883
Молчанов Георгий Андреевич (1897—9.10.1937) — член партии с 1917 г. В 1931—1936 гг. нач. Секретно-политического отдела ОГПУ—ГУГБ НКВД СССР, в 1936—1937 гг. нарком внутренних дел БССР. Арестован 3 февраля 1937 г. Приговорен в особом порядке 3 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1996 г. — 525—527, 537
Морозов А.А. — в 1938 г. журналист, бывший работник газеты «Правда». — 765
Морозов С.И. — в 1938 г. инженер. — 824
Москвин (Воробьев) Николай Яковлевич (1900—1968) — писатель. — 248, 293
Мравинский — в 1938 г. инженер (Ленинград или Ленинградская область). — 819
Мравинский Евгений Александрович (1903—1988) — дирижер. — 814
Мрачковский Сергей Витальевич (1888—25.8.1936) — член партии с 1905 г. В 1920—1925 гг. командующий войсками Приуральского, Западно-Сибирского ВО, с 1925 г. пред. правления различных трестов, в 1932—1933 гг. нач. строительства Байкало-Амурской ж.д. В 1933 г. исключен из ВКП(б) в связи с делом «союза марксистов-ленинцев» и приговорен к 5 годам лишения свободы. В 1935 г. нач. строительства ж.д. Караганда—Болхит. Арестован в январе 1935 г. и приговорен к 5 годам лишения свободы, содержался в Челябинской тюрьме особого назначения. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 285, 848, 861
Муллер — музыкант Гос. академического симфонического оркестра СССР. — 779
«Муравьев» — источник НКВД. — 775
Мурадьян Степан Артемьевич (1896—28.8.1938) — приговорен ОСО при НКВД СССР в 1937 г. к 5 годам ИТЛ, отбывал наказание на «Дальстрое». Арестован 23 февраля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 28 августа 1938 г. Расстрелян в Москве. Реабилитирован в июне 1956 г. — 843
Муралов Александр Иванович (1886—30.10.1937) — член партии с 1905 г. В 1933—1936 гг. зам. наркома земледелия СССР, в 1935—1937 гг. президент ВАСХНИЛ. Арестован 29 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 30 июня 1956 г. — 164, 360
Муралов Николай Иванович (1877—1.2.1937) — член партии с 1903 г. В 1917 г. член Московского ВРК и член революционного штаба, затем командующий

войсками Московского ВО, в 1919—1920 гг. член реввоенсоветов армий фронтов, в 1921—1924 гг. командующий войсками Московского, затем Северо-Кавказского ВО, в 1925—1927 гг. член Президиума Госплана РСФСР, Реввоенсовета СССР и Моссовета. В сентябре 1927 г. исключен из партии. С 1928 г. находился в ссылке в Сибири на хозяйственной работе. Арестован 18 апреля 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 апреля 1986 г. — 251, 288, 289, 848

Муссолини Бенито (1883—1945) — в 1922—1943 гг. премьер-министр Италии, с 30 марта 1938 г. Первый маршал Империи. — 270, 716, 788

Мухаметдинов — см. Мухетдинов Мирза.

Мухетдинов (Мухаметдинов, Мухтдинов) Мирза Абдул Кадырт — пред. Бухарского ревкома. — 244, 334, 349—351, 875

Мухтдинов — см. Мухетдинов Мирза.

Мюллер (Меллер, Миллер) — лондонский троцкист. — 306

Мюнценберг Вильгельм (1889—1940) — член ЦК компартии Германии, пред. Коммунистического интернационала молодежи. — 755

Н.А. — см. Пешкова Н.А.

Н. Ал. — см. Пешкова Н.А.

Надежда Алексеевна — см. Пешкова Н.А.

Надя — см. Пешкова Н.А.

Назиров — арестован по обвинению в принадлежности к националистической организации в 1929 г. в УзбССР. — 336, 337

Найд — доктор, секретарь делегации Красного Креста. — 294, 297

Наполеон Бонапарт (1769—1821) — император Франции в 1804—1815 гг. — 204, 381, 413, 783, 799

Настя — связана с инженером Галлом (см.). — 758

Натансон Марк Андреевич (1850—1919) — член партии социалистов-революционеров. С 1906 г. член ЦК партии эсеров, в 1917 г. инициировал создание партии «левых эсеров», с 1919 г. в эмиграции. — 470, 472, 861

Небольсин Василий Васильевич (1898—1958) — с 1922 г. дирижер ГАБТ. — 778

Невский Павел Александрович (?—7.10.1938) — приговорен выездной сессией ВКВС СССР в Ташкенте 7 октября 1938 г. Расстрелян. — 241

Незлина Р.Б. — врач, секретарь журнала «Проблемы туберкулеза». — 769

Неймарк В. — участник социал-демократической организации учащихся Первой московской мужской гимназии. — 878

Нелеп Георгий Михайлович (1904—1957) — певец, с 1929 г. солист Гос. академического театра оперы и балета (Ленинград). — 814

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — театральный режиссер. — 810

Неранович Клавдия — домохозяйка (Украина). — 790

Нестеров Борис Павлович (1894—26.5.1937) — член партии с 1918 г. Член президиума обл. плановой комиссии в Свердловске. Приговорен коллегией ОГПУ к 3 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы» в 1933 г. Затем экономист в промышленном секторе Воронежского облплана. Арестован 13 ноября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 26 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 июля 1961 г. — 188, 861

Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942) — художник-живописец. — 760

Нечаев Василий Васильевич (1895—1956) — пианист, композитор, с 1933 г. профессор Московской консерватории. — 761

Нидермайер Оскар фон (1885—25.9.1948) — в 1924—1931 гг. глава Центрального представительства рейхсвера в Москве. Арестован в 1945 г. Приговорен ОСО

при МГБ СССР 10 июля 1948 г. к 25 годам заключения. Умер во Владимирской тюрьме. — 31, 51, 860

«Никитин» — внутрикамерный агент НКВД. — 838

Никитин Дмитрий Васильевич (1874—1960) — домашний врач Л.Н. Толстого, с 1931 г. врач А.М. Горького. Арестован 28 января 1933 г. как участник контрреволюционной медицинской организации и приговорен к 5 годам лишения свободы (позже срок сократили до 1 года). — 555, 556, 559, 560

Никифоров — в 1938 г. токарь механического завода Кировского промкомбината (Ленинград). — 818

Николаев Леонид Васильевич (1904—29.12.1934) — член партии с 1924 г. В 1930-е гг. сотрудник ленинградской РКИ, Ин-та истории ВКП(б), с апреля 1934 г. безработный. 1 декабря 1934 г. застрелил С.М. Кирова. Приговорен ВКВС СССР 29 декабря 1934 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 365, 528, 540, 625, 860, 861, 876

Николаев Михаил Константинович — муж Е.П. Пешковой. — 799, 800, 821

Николаев Николай Ильич (1895—29.5.1937) — сотрудник Крестинтерна и член ЦК КП(б) Украины, участник троцкистской оппозиции. Арестован 14 января 1933 г. В 1936 г. пенсионер в Москве. Арестован 4 сентября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 28 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 февраля 1991 г. — 834

Николаев-Журид (Николаев) Николай Галактионович (1897—6.2.1940) — член партии с 1920 г. В 1935—1936 гг. зам. нач. УНКВД Ленинградской обл., в 1936—1938 гг. нач. отдела ГУГБ НКВД СССР, с марта 1938 г. нач. 3-го отдела 1-го упр., одновременно с апреля 1938 г. зам. нач. 2-го, затем 1-го управления НКВД СССР, в сентябре—октябре 1938 г. нач. 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Комиссар ГБ 3-го ранга. Арестован 25 октября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 4 февраля 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 847, 851, 855

Николаевский Борис Иванович (1887—1966) — меньшевик, с 1922 г. в эмиграции. — 197, 408—411, 548, 719, 850, 878, 879

Николай Николаевич — см. Крестинский Н.Н.

Николь — депутат, крупный фабрикант на севере Франции. — 307, 308

Никольсон — см. Ричардсон.

Никулин Г. — в 1938 г. студент 2-го курса МГИ. — 762

Никулин Лев Вениаминович (1891—1967) — писатель. — 801

Нина Петровна — знакомая академика П.П. Лазарева. — 792

Новак Иоганн — в 1938 г. австрийский подданный. — 809

Новиков Василий Константинович (1891—1956) — в 1938 г. актер МХАТ. — 779

Номоров — участник революционного движения до 1917 г. — 138

Обергауз — полковник немецкого полицейпрезидиума, сотрудник немецкой разведки. — 127—130, 609

Овчинников — в 1938 г. студент текстильного ин-та. — 761

Ожерельев — в 1938 г. счетовод ГВФ (Хабаровск). — 822

Озерянский Анатолий Афанасьевич (1897—15.3.1938) — в 1916—1918 гг. член организации анархо-синдикалистов, на момент ареста нач. упр. гострудсберкасс Наркомата финансов СССР. Арестован 20 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 15 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в январе 1956 г. — 109, 110, 621

Окладский Иван Федорович (1859—1925) — участник народнического движения в России. Участвовал в подготовке покушения на Александра II в 1879 г. В 1880 г. арестован и по «процессу 16-ти» приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Провокатор. С 1883 г. служил в

департаменте полиции. В 1924 г. арестован. В 1925 г. приговорен Верховным судом РСФСР к расстрелу, который был заменен 10 годами лишения свободы. Умер в заключении. — 655

Оксенберг — в 1938 г. американский подданный. — 788

Окуджава Михаил Степанович (1883—10.7.1937) — в 1927 г. исключен из ВКП(б) и сослан в Коканд. Вернулся в Тифлис, работал директором НИИ консервной промышленности. Арестован в 1936 г. Приговорен Верховным судом ГрузССР 9 июля 1937 г. Расстрелян. — 49, 848, 861

Олимпиада Дмитриевна — см. Черткова О.Д.

Оплетин — присутствовал на процессе по делу «антисоветского объединенного право-троцкистского блока». — 730

Оппрехт Ханс — пред. СДП Швейцарии. — 756

Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886—1937) — член партии с 1903 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1921—1927 и 1934—1937 гг., член ЦКК в 1927—1934 гг., член Политбюро с 1930 г. С 1930 г. пред. ВСНХ СССР, с 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР. Окончил жизнь самоубийством. — 271, 753, 765, 769, 772, 819, 869, 872

Орлов — секретарь Комиссии содействия ученым. — 801

Орлов Александр Александрович (1889—1974) — артист балета, оперетты, эстрады и кино. Заслуженный артист РСФСР (1936). — 796

Орлов Владимир Митрофанович (1895—28.7.1938) — член партии с 1918 г. В 1921—1923 гг. пом. нач. Политуправления РВСР по морской части, нач. морского отдела Политуправления РВСР, в 1923—1925 гг. нач. и комиссар военно-морских учебных заведений, в 1926—1930 гг. командующий морскими силами Черного моря, в 1931—1937 гг. нач. ВМС РККА, с 1937 г. зам. наркома обороны СССР. Арестован 10 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 июня 1956 г. — 848

Орсиньи Джоржано (1365—1438) — римский кардинал. — 653

Оруэлл Джордж (1903—1950) — английский писатель. — 14

Осадчий Петр Семенович (1866—1943) — в 1919—1929 гг. пред. Центрального электротехнического совета, зам. пред. ГОЭЛРО (Госплана СССР), одновременно в 1919—1925 гг. ректор Ленинградского электротехнического ин-та, с 1928 г. пред. технического совета Днепростроя. В 1918 г. арестован по делу партии кадетов, освобожден в 1919 г. Арестован 18 марта 1931 г. по делу «Промпартии». Приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой приговора на 10 лет лишения свободы. Освобожден досрочно в 1935 г. Реабилитирован в 1989 г. — 595

Осинский Валериан Валерианович (1887—1.9.1938) — член партии с 1907 г., кандидат в члены ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1921 г. и 1925—1938 гг. С 1917 г. управляющий Госбанком РСФСР, пред. ВСНХ, член Малого СНК, в 1919—1920 гг. уполномоченный ВЦИК в различных губерниях, в 1921—1923 гг. зам. наркома земледелия РСФСР, зам. пред. ВСНХ, затем полпред в Стокгольме, с 1926 г. управляющий ЦСУ СССР, с 1929 г. зам. пред. ВСНХ, в 1932—1935 гг. зам. пред. Госплана СССР и нач. ЦУНХ СССР, с августа 1935 г. директор Ин-та истории науки и техники АН СССР, в 1931—1935 гг. член редколлегии газеты «Известия ЦИК СССР». Арестован 13 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 1 сентября 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1957 г. — 64—67, 367, 378, 419, 430—432, 436, 440—443, 445, 449—451, 455—458, 474, 475, 604, 606, 608, 839, 848, 862, 879, 880

Островер Леон Исаакович (1890—1962) — писатель. — 830

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — драматург. — 609

Остроумов — в 1938 г. лейтенант 2-го артучилища (Украина). — 816

Павленко — в 1938 г. комендант средней школы № 97 (Украина). — 790
Павленко Петр Андреевич (1899—1951) — писатель. — 781, 782
Павлов — в 1938 г. рабочий завода им. В.М. Молотова (Хабаровск). — 822
Павлов Иван Петрович (1849—1936) — физиолог, академик АН СССР. — 796
Павловский — в 1938 г. профессор Военно-медицинской академии. — 813
Павловский Семен Григорьевич (1906—?) — оперуполномоченный 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР, с 1946 г. зам. нач. отд. 2-го Гл. упр. МГБ СССР, полковник. Арестован в октябре 1951 г., освобожден в 1953 г. В феврале 1954 г. уволен из МВД «по служебному несоответствию». — 830
Паз Мадлена — французская троцкистка. — 270, 271
Пазмисов — в 1938 г. житель Благовещенска. — 823
Пактюр Кисты — сведения не обнаружены. — 348
Пальмер Уильям (1824—1856) — английский врач. Приговорен к смертной казни за убийства путем отравления. Повешен. — 632, 633
Панченко Владимир Кириллович — доктор. В 1911 г. был обвинен в отравлении своего пациента В. Бутурлина и приговорен к ссылке на 15 лет. — 632, 633, 653
Парамонов Анатолий Иванович (1891—1970) — с 1922 г. пред. Челябинского губисполкома, с 1927 г. пред. Свердловского окрисполкома, с 1933 г. пред. Челябинского горсовета. Неоднократно исключался из партии. Арестован 21 августа 1936 г. Приговорен 30 декабря 1936 г. к 5 (затем к 8) годам заключения в ИТЛ. В 1946 г. работал на Урале экономистом. В 1949 г. вновь арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы. В марте 1956 г. восстановлен в партии. — 460
Парвус (Гельфанд) Александр Львович (1869—1924) — участник российского и германского социал-демократического движения. Крупный предприниматель. — 784
Паукер Карл Викторович (1893—14.8.1937) — член партии с 1917 г. В 1933—1936 гг. нач. Оперативного отделения ГУГБ НКВД СССР, в ноябре—декабре 1936 г. нач. Отдела охраны ГУГБ НКВД СССР, в 1936—1937 гг. нач. 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Комиссар ГБ 2-го ранга. Арестован 17 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 14 августа 1937 г. Расстрелян. Решением ГВП РФ 21 ноября 2001 г. реабилитирован. — 525, 526, 538, 636, 830
Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968) — писатель. — 780
Пейджет — занималась благотворительностью, содержала госпиталь в Киеве. — 305
Петерсон Рудольф Августович (1897—21.8.1937) — член партии с 1919 г. В 1920—1936 гг. комендант Московского Кремля, в 1936 г. зам. командующего войсками Харьковского ВО по тылу. Арестован 27 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 20 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 11 мая 1957 г. — 194, 377, 403, 878
Петров — в 1938 г. врач госпиталя (г. Куйбышев). — 822
Петров (Катаев) Евгений Петрович (1902—1942) — писатель. — 756, 780
Петровский Петр Григорьевич (1898—11.9.1941) — член партии с 1916 г. В 1922—1925 гг. на руководящей работе в ЦК ВЛКСМ и КИМ, в 1926—1928 гг. зав. агитпропом Ленинградского горкома ВКП(б), главный редактор «Ленинградской правды», ответственный редактор журнала «Звезда», затем на административно-хозяйственной работе. С 1932 г. находился в ссылке в Актюбинске. Приговорен коллегией ОГПУ к 3 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы» в 1933 г. Арестован 23 февраля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 10 ноября 1937 г. к 15 годам лишения свободы. Заключенный Орловской тюрьмы. Приговорен ВКВС СССР 8 сентября 1941 г. Расстрелян. Реабилитирован 19 сентября 1957 г. — 384, 878

Петряев Павел Александрович — в 1920—1921 гг. командующий войсками Московского ВО. — 693

Петухов — участник социал-демократической организации в г. Котельниче Вятской губ. — 166

Пешков Максим Алексеевич (Макс, Максим) (1897—1934) — сын А.М. Горького. — 38, 39, 44, 62, 63, 429, 479, 480, 482, 483, 487—489, 496, 498—500, 504, 509, 510, 512, 514, 515, 520, 521, 530, 533, 540, 549—552, 583, 586, 624, 626, 627, 638, 643—646, 679—681, 711, 426, 734, 740, 751, 752, 757, 767, 786, 798, 800, 801, 804, 805, 821, 826, 828, 830, 835, 836, 845—847

Пешкова Екатерина Павловна (Е.П.) (1876—1965) — первая жена А.М. Горького, в 1922—1937 гг. возглавляла организацию «Помощь политическим заключенным». — 752, 757, 758, 785, 786, 798—802, 820, 821, 826—828

Пешкова Марфа Максимовна (Марфа) (р. 1925) — внучка А.М. Горького. — 752, 785, 799

Пешкова Надежда Алексеевна (Н.А., Н. Ал., Надя, Тимоша) (1900—1975) — жена М.А. Пешкова. — 552, 551, 752, 753, 757, 758, 785, 786, 798—802, 804, 805, 821, 826—828

Пивоваров Иван Никифорович (1892—14.9.1937) — пред. Орджоникидзевского крайисполкома. Арестован 9 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 14 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 декабря 1956 г. — 152, 183, 209, 384—386

Платонов — состоял во фракции «левых коммунистов» во время работы 7-го съезда РКП(б). — 472

Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872—11.9.1941) — врач-терапевт, профессор, в 1917—1929 гг. руководил клиникой Московского государственного университета, с 1929 г. заведовал терапевтической клиникой Московского областного клинического ин-та, в 1933—1937 гг. возглавлял НИИ функциональной диагностики и терапии. Арестован в декабре 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. к 25 годам лишения свободы. Приговорен 8 сентября 1941 г. ВКВС СССР. Расстрелян. Реабилитирован в 1985 г. Пленумом Верховного суда СССР. — 7, 12, 18, 21, 37, 38, 44—48, 60—63, 67, 69, 70, 297, 428, 429, 480, 481, 483, 489, 501—505, 507, 515, 521, 531, 541, 543, 551—554, 556—561, 576, 581, 582, 590, 627, 631, 634, 642, 643, 649, 653—658, 667, 705, 709, 726, 731, 734—736, 749, 750, 753, 755, 758, 761, 763, 764, 765, 766—770, 772, 775, 777—779, 784, 788, 792, 793, 795—797, 799, 803, 805, 807, 812, 816, 819, 822, 824, 833, 835, 846, 847, 852, 858, 882, 885

Подсотский Сергей Иванович (1902—22.2.1939) — пом. нач. 2-го отд. ГУГБ НКВД, капитан ГБ. Арестован в сентябре 1938 г. приговорен ВКВС СССР 22 февраля 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 30 апреля 1957 г. — 789

Познер Владимир Соломонович (1905—1992) — поэт, переводчик, журналист, жил в Париже. — 782

Покровский — литературный сотрудник издательства МК ВКП(б). — 784

Полоз Михаил Николаевич (1891—3.11.1937) — с 1917 г. член украинской партии эсеров, с 1919 г. один из руководителей Украинской партии социалистов-революционеров (боротьбистов), в 1927 г. член КП(б)У. В 1921—1923 гг. полпред УССР в Москве, в 1923—1925 гг. пред. Госплана Украины, в 1925—1930 гг. нарком финансов УССР, в 1930—1934 гг. зам. пред. бюджетной комиссии ЦИК СССР. Арестован 12 января 1934 г. Осужден на 10 лет ИТЛ, отправлен на Соловки. Приговорен тройкой УНКВД по Ленинградской обл. 9 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 8 марта 1957 г. — 98, 99

Полонго Александр Александрович — секретный сотрудник Самарского губ. жандармского упр. под кличкой «Новиков». — 314, 317, 318

Полуцыганов — в 1938 г. служащий завода «Коминтерн» (Днепропетровск). — 773

Понсон дю Террайль, Пьер Алексис (1829—1871) — французский писатель, работал в жанре авантюрного романа. — 13, 754, 882

Попов — в 1938 г. сотрудник Киевского Горпроекта. — 773

Попов — участник социал-демократической организации в г. Котельниче Вятской губ. — 166

Попова П.И. — в 1938 г. зам. гл. врача туберкулезной больницы (Москва). — 769

Поповин Владимир Федорович (1887—1943) — член партии с 1919 г. Нач. финансово-планового сектора упр. кадров Цудортранса при СНК СССР. На момент ареста экономист в Боровском райпищеторге. Приговорен 2 августа 1937 г. к 5 годам ИТЛ. Умер в заключении. — 868

Порайко Василий Иванович (1888—25.10.1937) — член партии с 1918 г. В 1920—1927 гг. пред. ИК различных советов УССР, в 1927—1930 гг. нарком юстиции УССР, в 1927—1930 гг. генеральный прокурор УССР, в 1930—1937 гг. зам. пред. СНК УССР, одновременно до 1935 г. постоянный представитель СНК УССР при СНК СССР. Арестован 13 августа 1937 г. Приговорен выездной сессией ВКВС СССР в Киеве 24 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 101, 119, 663

Поскребышев Александр Николаевич (1891—1965) — член партии с 1917 г., с 1934 г. заведующий Особым сектором ЦК ВКП(б). — 8, 16

Постоловский (Посталавский) Михаил Федотович (1900—7.8.1937) — секретарь Подмосковного (угольного) райкома ВКП(б). Арестован 21 декабря 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 7 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 ноября 1956 г. — 284

Почепко — в 1938 г. рабочий завода № 185 им. С.М. Кирова (Ленинград). — 813

Прасолов Леонид Иванович (1875—1954) — почвовед, геолог, с 1935 г. академик. — 763

Преображенский Евгений Алексеевич (1886—13.7.1937) — член партии с 1903 г., член ЦК РКП(б) в 1920—1921 гг. Экономист, профессор. Один из лидеров оппозиции, исключался из партии. Перед последним арестом зам. нач. отдела Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР. Арестован 2 января 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 13 июля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 22 декабря 1988 г. — 267, 304, 419, 423, 443, 674, 700, 873, 875, 877

Примаков Виталий Маркович (1897—12.6.1937) — член партии с 1914 г. С 1935 г. зам. командующего войсками Ленинградского ВО, комкор. Арестован 14 августа 1936 г. Обвиняемый на процессе «антисоветской военной троцкистской организации» в Красной армии в 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 382, 384, 861

Присяжный — в 1938 г. колхозник артели «Червонный колос» Ротмистровского района Киевской области. — 14, 817

Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895—14.8.1937) — член партии с 1919 г., член КПК с 1934 г. В 1926—1931 гг. нач. Экономического отдела, в 1931 г. нач. Особого отдела, в 1932—1934 гг. зам. пред. ОГПУ СССР, нач. Гл. упр. рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР, в 1934—1936 гг. зам. наркома внутренних дел СССР, в 1936—1937 гг. 1-й зам. наркома связи СССР. Арестован 11 апреля 1937 г. Приговорен в особом порядке. Расстрелян. Не реабилитирован. — 537

Прочар — врач, отравивший пациента. — 632, 633

Прошьян Прош Перчевич (1883—1918) — член партии левых эсеров. С 1917 г. нарком почт и телеграфов, в марте 1918 г. в связи с подписанием Брестского

мира вышел из состава СНК, один из руководителей левоэсеровского мятежа 1918 г. — 64, 66, 424, 437, 465, 467—473, 476, 608, 876

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865—1948) — агрохимик, биохимик, с 1929 г. академик АН СССР и с 1935 г. академик ВАСХНИЛ. — 763

Птуха Владимир Васильевич (1894—25.4.1938) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г. С 1934 г. 1-й секретарь Сталинградского крайкома ВКП(б), в 1935—1937 гг. 2-й секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б). Арестован 11 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 25 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 850

Путна Витовт Казимирович (1893—12.6.1937) — член партии с 1917 г. В 1927—1931 гг. военный атташе в Японии, Финляндии, Германии, с 1931 г. командир и комиссар 14-го стрелкового корпуса, командующий группой войск Особой Дальневосточной армии, с 1934 г. военный и военно-воздушный атташе в Великобритании. Комкор. Арестован 20 августа 1936 г. Обвиняемый на процессе «антисоветской военной троцкистской организации» в Красной армии в 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 271, 275, 382, 861

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт. — 780

Пэйдж Литль — английский инженер. — 756

Пятаков Юрий Леонидович (1890—1.2.1937) — член партии с 1910 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1921—1927 и 1930—1937 гг. В 1930—1931 гг. член Президиума ВСНХ СССР, в 1931—1932 гг. 1-й зам. пред. ВСНХ СССР, с 1932 г. зам., с 1934 г. 1-й зам. наркома тяжелой промышленности СССР. Арестован 14 сентября 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988 г. — 5, 23, 24, 31, 34, 40, 41, 51, 52, 58, 60, 64, 65, 71—77, 79—81, 92—96, 102, 104, 108, 111, 185, 194, 200, 201, 209, 210, 241, 249, 251, 254, 257, 258, 261, 262, 267, 271, 274—277, 280, 281, 284, 285, 290, 291, 295, 297, 299, 307, 356—358, 365, 366, 374, 377, 378, 407, 423—426, 435, 456, 459, 470, 476, 546, 595—597, 599, 601, 604, 606, 620, 624, 628, 652, 661, 674, 676, 677, 700, 704, 714, 755, 756, 793, 834, 840, 848, 857, 859, 861, 862, 872, 881

Пятницкий Осип Аронович (1882—29.7.1938) — член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1937 гг. С 1921 г. член ИККИ, с 1935 г. заведующий Политико-административным отделом ЦК ВКП(б). Арестован 27 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в январе 1956 г. — 832

Рабинович — в 1938 г. аспирант МГУ. — 814

Рабинович Ф.Д. — репрессирован, реабилитирован в 1955—1956 гг. — 843

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—19.5.1939) — член партии с 1903 г. В 1932—1936 гг. заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б). Арестован 21 октября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. к 10 годам лишения свободы. Убит в Верхнеуральской тюрьме. Реабилитирован 13 июня 1988 г. — 17, 36, 54, 210, 250, 255, 274—277, 284, 299, 391, 392, 412, 416, 419, 443, 455, 456, 470, 472, 595—597, 599, 677, 700, 708, 755, 762, 833, 834, 848, 853, 859, 861, 872, 876, 880, 881, 884, 885

Радин Сергей Николаевич (1900—26.5.1937) — член партии с 1919 г., старший научный сотрудник Ин-та экономических исследований при Госплане

СССР. Приговорен коллегией ОГПУ к 3 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы» в 1933 г. На момент последнего ареста преподаватель естествознания и математики межрайонной колхозной школы в Бугуруслане. Арестован 9 января 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 21 июля 1959 г. — 188, 865

Радищев Леонид Николаевич (1904—1973) — писатель. — 825

Радулеску — профессор, выступил с докладом на IV конференции по унификации уголовного права в 1933 г. — 651, 652

Радченко Андрей Федорович (1887—20.1.1938) — нач. В/О «Заготлен». Арестован 9 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 20 января 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в апреле 1957 г. — 835

Разумов Михаил Осипович (Арханцев Арон Иосифович) (1894—30.10.1937) — 1-й секретарь Восточно-Сибирского обкома ВКП(б). Арестован 1 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 19 мая 1956 г. — 5, 179

Райвид Николай Яковлевич (1897—8.10.1937) — член партии. В 1925—1928 гг. секретарь Полпредства СССР в Германии, в 1930—1931 гг. советник Полпредства в Швеции, в 1931—1933 гг. заведующий 1-м западным отделом НКИД СССР, в 1933—1937 гг. советник Полпредства СССР в Японии, одновременно в 1934—1935 гг. и.о. генконсула СССР в Харбине. Арестован 18 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 21 ноября 1956 г. — 130, 622, 665, 666

Райх (Иогансон, Райх-Иогансон) Карл — в 1931 г. работал советником в отделе черной металлургии Берлинского торгпредства. — 77—79, 88, 92, 93, 95, 96, 269, 270, 278, 283

Райхман Леонид Федорович (1908—1990) — с 1933 г. в органах ОГПУ, в 1937—1938 гг. нач. 1-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с 1946 г. зам. нач. 2-го Гл. упр. МГБ СССР, генерал-лейтенант (1945). Арестован в октябре 1951 г., освобожден после смерти Сталина. В мае—июле 1953 г. нач. Контрольной инспекции при министре внутренних дел СССР. Уволен 17 июля «по служебному несоответствию», арестован 21 августа 1953 г. «за тяжкое преступление против КПСС». Осужден ВКВС 15 августа 1956 г. на 5 лет, освобожден из Бутырской тюрьмы 10 ноября 1956 г., работал юрисконсультом в Москве. —751, 754, 757, 800—802, 809, 820, 821, 827, 828

Ракитский (Ракицкий) Иван Николаевич (1892—1942) — художник, друг А.М. Горького. — 751, 757, 785, 786, 798, 800, 821

Раковский Христин Георгиевич (1873—11.9.1941) — член партии с 1917 г. С 1923 г. полпред СССР в Англии, в 1925—1927 гг. во Франции, зам. наркома иностранных дел СССР. Один из лидеров оппозиции. В декабре 1927 г. исключен из партии, сослан в Среднюю Азию. В 1934 г. восстановлен в партии. В 1934 г. нач. упр. учебных заведений Наркомата здравоохранения РСФСР, в 1935—1937 гг. пред. Всесоюзного общества Красного Креста. Арестован 27 января 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен 13 марта 1938 г. к 20 годам тюремного заключения. Отбывал срок в Орловской тюрьме. Приговорен ВКВС СССР 8 сентября 1941 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 5, 10—12, 14, 18, 19, 21, 27, 29, 30, 44—49, 52, 67, 68, 70, 171—176, 211, 248, 249, 251, 287, 289, 291—296, 298—313, 368, 586, 590, 613—615, 617, 622, 637, 638, 657, 659, 667, 669, 698, 704, 709, 718, 731, 732, 735, 736, 767—769, 776, 794, 800, 833, 834—837, 839, 848, 851, 852, 855—858, 866, 872, 873, 885

Рамзи Манон Абдуллаевич (?—27.4.1938) — руководитель НИИ Наркомата просвещения УзбССР. Арестован по обвинению в принадлежности к национа-

листической организации в 1929 г. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян. — 230, 231, 248, 336, 337

Рамзин Леонид Константинович (1887—1948) — с 1921 г. директор Всесоюзного теплотехнического ин-та, член Госплана и ВСНХ СССР. В декабре 1930 г. приговорен к расстрелу по делу «Промпартии» с заменой приговора на 10 лет лишения свободы, в заключении работал в ОКБ в составе Особого технического бюро ОГПУ—НКВД, в 1936 г. досрочно освобожден, затем работал в Московском энергетическом ин-те. — 594, 595, 852, 884

Рапопорт — член заграничного ЦК эсеров. — 410

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — фаворит царской семьи. — 759

Рафаил (Фарбман) Рафаил Борисович (1893—1966) — исключен из партии в декабре 1927 г. решением ЦКК за принадлежность к оппозиции. — 693

Рахимбаев Абдулло Рахимбаевич (1896—7.5.1938) — пред. СНК ТаджССР. Арестован 7 сентября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 7 мая 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 20 октября 1956 г. — 353, 354, 875

Рахими — в 1930-е гг. работал в Узбекистане. Расстрелян в октябре 1938 г. — 336

Рахман Исаак Зиновьевич — нарком местной промышленности УзбССР. Арестован в 1937 г. Приговорен выездной сессией ВКВС в Ташкенте в октябре 1938 г. к 15 годам лишения свободы. — 242

Рахманов Мулла Рузы (?—15.10.1938) — нач. водного хозяйства УзбССР. Приговорен выездной сессией ВКВС в Ташкенте 15 октября 1938 г. Расстрелян. — 240

Рачицкий Филипп Николаевич (1893—20.12.1937) — нарком земледелия БССР. Арестован 29 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 19 декабря 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 июля 1957 г. — 835

Рачковский — в 1938 г. студент МГУ, исключен из ВЛКСМ. — 787

Рашм — в 1938 г. домохозяйка (Ленинград). — 824

Рейман — в 1938 г. школьный учитель (Харьков). — 773

Рейнгольд Исаак Исаевич (1897—25.10.1936) — член партии с 1917 г. После 1917 г. нарком финансов Литвы и Белоруссии, нач. упр. Наркомфина СССР. В 1927 г. исключался из партии, после восстановления в партии в 1929—1934 гг. зам. наркома земледелия СССР, одновременно с 1932 г. нач. Хлопкотрактороцентра, в 1934—1935 гг. нач. Гл. упр. хлопководства Наркомата земледелия СССР, в 1936 г. нач. ирригации Хлопкового упр. Южно-Казахстанской области. Арестован 27 апреля 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 233, 833

Ремо — директор Берестово-Богодуховского рудника. — 594

Решетов Александр Ефимович (1909—1971) — поэт (Ленинград). — 818

Рис — в 1938 г. тракторист Зиньковской МТС Полтавской обл. — 816

Ричардсон (возм. Робертсон, Никольсон) — упомянут на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского центра». Сведения не установлены. — 303, 304

Ришелье (1585—1642) — кардинал римско-католической церкви, государственный деятель Франции. — 295

Робертсон — см. Ричардсон.

Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — деятель Великой французской революции. — 783, 830

Рогинский Григорий Константинович (1895—?) — член партии с 1917 г. С 27 апреля 1935 г. по 7 августа 1939 г. зам. Прокурора СССР, снят с работы «за преступное отношение к жалобам и заявлениям, поступающим в Прокурату-

ру СССР». Арестован 5 сентября 1939 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1941 г. к 15 годам заключения. Умер в лагере. Реабилитирован в ноябре 1992 г. — 16, 19, 858

Родригес Мата Юлия — испанская подданная, работавшая в Испанском детском доме № 7. — 809

Розанов Борис Сергеевич (1896—1979) — хирург. — 485

Розенберг Альфред (1893—1946) — с 1933 г. руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистической партии Германии. — 28, 31, 51, 91, 94

Розенблюм А.А. — в 1937—1938 гг. нач. санчасти Лефортовской тюрьмы. — 849, 850

Розенгольц Аркадий Павлович (1889—15.3.1938) — член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927—1934 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1923—1924 гг. член РВС СССР, нач. и комиссар Гл. упр. Военно-воздушных сил РККА, в 1925—1927 гг. советник Полпредства и полпред СССР в Великобритании, с 1928 г. член коллегии, зам. наркома РКИ СССР, в октябре—ноябре 1930 г. зам. наркома внешней и внутренней торговли СССР, в 1930—1937 гг. нарком внешней торговли СССР, с августа 1937 г. нач. упр. Госрезервов при СНК СССР. Арестован 7 октября 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 12, 19, 21, 23, 27, 29—31, 44—49, 51, 55, 57, 67, 68, 70, 86, 90, 96, 97, 106, 107, 116, 117, 147, 200, 201, 210, 211, 248—268, 274, 275, 277, 280—285, 287, 554, 584, 585, 588—590, 601, 615, 620, 622, 623, 637, 667, 669, 676, 700, 703, 709, 723, 730—736, 763, 778, 794, 829, 833, 835, 836, 843, 848, 871

Розенталь Яков Давидович (1897—29.7.1938) — в 1930 г. зам. зав. Организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), с 1930 г. член президиума ВСНХ, с 1931 г. член коллегии НКПС. До сентября 1936 г. нач. политотдела Московско-Донбасской ж.д. На момент ареста зам. нач. контрольно-инспекторской группы НКПС. Арестован 17 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1956 г. — 575

Розит Дав Петрович (1895—1.7.1937) — член партии, нач. строительства Чирчикского электрохимического комбината в Ташкенте. Арестован 3 января 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 1 июля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 22 февраля 1958 г. — 240, 241

Розов — в 1938 г. слушатель Всесоюзной плановой академии им. В.М. Молотова. — 762

Розовский Наум Савельевич (1898—10.4.1942) — член партии с 1937 г., главный военный прокурор РККА, с 1938 г. армвоенюрист. Арестован 7 сентября 1939 г. Приговорен ВКВС СССР 16 июня 1941 г. к 10 годам ИТЛ. Умер в лагере. — 810

Рокамболь — персонаж романов французского писателя Понсона дю Террайля. — 13, 754, 882

Роллан Ромен (1866—1944) — французский писатель, общественный деятель. — 730, 755, 881

Ролланд-Гольст Генриетта (1869—1952) — до 1927 г. член КП Нидерландов, член ИККИ, поддерживала левокоммунистическую фракцию. — 871

Роллес — автор детективных и уголовных романов. — 829

Росмер Альфред (1877—1964) — один из основателей ФКП, член ИККИ. В середине 1920-х гг. исключен из рядов ФКП, затем активный член левой оппозиции, сотрудничал с Л.Д. Троцким, один из руководителей IV Интернационала. — 270, 271, 871

Российский Дмитрий Михайлович (1877—1955) — доктор медицины, профессор. — 429, 479, 573, 583, 584

Ротенштейн — см. Ротштейн Ф.А.

Ротштейн Федор Аронович (1871—1953) — с 1927 г. член главной редакции Большой Советской Энциклопедии. — 761

Рубчинский З.М. — в 1938 г. старший инженер завода им. С.М. Кирова (Москва). — 777

Руденко — в 1938 г. рабочий проволочного цеха завода Укркабель (Украина). — 772

Рудзутак Ян Эрнестович (1887—29.7.1938) — член партии с 1905 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) с 1920 г., член Политбюро в 1926—1932 гг., кандидат в члены Политбюро в 1934—1937 гг. В 1926—1927 гг. зам. пред. СНК и СТО СССР, одновременно в 1931—1934 гг. пред. ЦКК и нарком РКИ СССР. Арестован 25 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в январе 1956 г. — 107, 111, 200, 201, 210, 251, 253, 261, 279—282, 284, 285, 676, 785, 839, 843, 848

Румянцев А.В. — в 1938 г. профессор Ин-та эволюционной морфологии АН СССР, ранее работал в Государственном научно-исследовательском институте обмена веществ и эндокринных расстройств Наркомздрава. — 768

Румянцев Иван Петрович (1886—30.10.1937) — 1-й секретарь Западного обкома ВКП(б). Арестован 17 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1956 г. — 5, 179, 835, 839

Рутштейн Григорий Моисеевич — в 1938 г. врач. — 776

Рухимович Моисей Львович (1889—29.7.1938) — член партии с 1913 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) с 1924 г. В 1930—1931 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1932—1933 гг. управляющий трестом «Кузбассуголь», в июне 1934 г. зам. наркома тяжелой промышленности СССР по топливу, в 1936—1937 гг. нарком оборонной промышленности СССР. Арестован 18 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 777, 844

Рывкин И.А. — в 1938 г. врач в клинике МГУ. — 769

Рыков Алексей Иванович (1881—15.3.1938) — член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1920—1934 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1934—1937 гг., член Политбюро в 1922—1930 гг. В 1918—1921 и 1923—1924 гг. пред. ВСНХ РСФСР (СССР), в 1921—1924 гг. зам. пред. СНК и СТО РСФСР, в 1923—1924 гг. зам. пред., в 1924—1930 гг. пред. СНК СССР, одновременно в 1924—1929 гг. пред. СНК РСФСР, в 1926—1930 гг. пред. СТО СССР, в 1931—1936 гг. нарком почт и телеграфов (с января 1932 г. связи) СССР. Арестован 27 февраля 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 5, 7, 9, 11, 12, 14, 18, 19, 21, 23—28, 31, 33, 35, 36, 39—41, 44, 45, 47, 48, 50, 53—60, 67, 68, 70, 73, 74, 100, 102, 103, 105—108, 110—117, 119—127, 131—136, 140, 145, 146, 152, 160—163, 177—190, 192—194, 196—209, 214—216, 220, 223, 234, 235, 249, 251, 253—257, 279, 281, 309, 322, 334, 335, 359, 360, 363—365, 371—373, 375—386, 388—402, 407—411, 418, 499, 501, 513, 519, 520, 522, 526, 533—539, 541, 542, 544, 545, 548, 549, 553, 554, 575, 578, 586, 588—592, 595—597, 599—601, 609—612, 615—618, 620, 622—626, 629—631, 635—637, 659, 663, 665—669, 679, 680, 684, 688, 689, 694, 708, 709, 711, 716, 722, 724, 730—736, 739, 743, 750, 753, 757, 761, 763, 765, 767, 771—773, 777, 778, 780, 781, 784, 785, 787, 790, 792, 796, 803, 809, 811, 814—817, 821, 823—825, 831, 833—835, 842—844, 848, 850, 853, 854, 856—859, 861, 863, 865—868, 874, 878, 879, 884

Рындин Кузьма Васильевич (1893—10.2.1938) — член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1933 г. секретарь Московского обкома, в 1934—1937 гг.

1-й секретарь Челябинского обкома ВКП(б). Арестован 12 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 853

Рыскулов Турар Рыскулович (1894—10.2.1938) — член партии с 1917 г. С 1922 г. пред. СНК Туркестанской АССР, в 1924—1925 гг. полпред Коминтерна в Монгольской Народной Республике, в 1926—1937 гг. зам. пред. СНК РСФСР. Арестован 21 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 8 декабря 1956 г. — 198, 226, 835, 868

Рэй (Rei) Аугуст (1886—1963) — в 1937—1940 гг. посланник Эстонии в СССР, в июле 1940 г. эмигрировал в Швецию; в 1945—1963 гг. премьер-министр (в обязанностях президента) правительства Эстонии в эмиграции. — 774

Рэм Эрнст Юлиус (1887—1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель штурмовых отрядов в Германии. — 862

Рютин Мартемьян Никитич (1890—10.1.1937) — член партии с 1913 г. В 1924—1928 гг. секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, с 1929 г. зам. ответственного редактора газеты «Красная Звезда», затем пред. Упр. фотокинопромышленности, экономист «Союзэлектро». Арестован 22 сентября 1932 г. Приговорен коллегией ОГПУ 11 октября 1932 г. к 10 годам лишения свободы по делу «союза марксистов-ленинцев». Содержался в Суздальской тюрьме особого назначения. Приговорен ВКВС СССР 10 января 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988 г. — 182, 342, 859, 866

Рябушинский Павел Павлович (1871—1924) — предприниматель, банкир, с 1920 г. в эмиграции. — 594, 623

Сабанин Андрей Владимирович (1887—22.8.1938) — беспартийный, на момент ареста заведующий правовым отделом НКИД СССР. Арестован 21 сентября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 22 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в августе 1955 г. — 291, 837

Савини Гвидо — в 1938 г. заведующий консульским отделом Итальянского посольства. — 806

Савич Овадий Герцевич (1896—1967) — в 1932—1936 гг. корреспондент «Комсомольской правды» в Париже. — 781, 782

Саволайнен Иван Михайлович (1878—14.8.1937) — курьер-вахтер НКВД. Арестован 8 апреля 1937 г. Приговорен «в особом порядке» к расстрелу 13 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 8 июня 1959 г. — 37, 45, 63, 67, 528—530, 884

Садов — в 1938 г. декан Текстильного ин-та (Москва). — 761

Саид Ахмет — судья в Ташкенте, разоблачитель в деле Касымова. — 246, 247

Саидов (Саитов) Абид — член коллегии Наркомата просвещения УзбССР. Убит. — 246—248, 333, 336—339

Саидов Насыр — зав. отд. Наркомата просвещения УзбССР, обвинен в убийстве А. Саитова. — 337

Салова Людмила Владимировна (1910—?) — в 1929—1951 гг. танцовщица балета ГАБТ. — 760

Сансе — член правления Щербиновских рудников. — 594

Сапогов А. — в 1938 г. курсант Военной школы (Ленинград). — 824

Саша — см. «Дунаев».

Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) — член партии с 1901 г. В 1917—1919 гг. пред. ВЦИК, одновременно руководил Секретариатом ЦК РКП(б). — 64—66, 334, 367, 420, 421, 424, 425, 427, 437, 442, 444, 447—450, 452, 454, 462, 471—473, 475, 478, 479, 602—608, 674, 703, 713, 735, 777, 784, 836, 839, 840

Светлана — см. Сталина С.И.

Светловидов Николай Афанасьевич (1889—1970) — с 1933 г. артист Малого театра, народный артист РСФСР. — 765

Свидерский Алексей Иванович (1878—10.5.1933) — участник социал-демократического движения, в 1910 г. выслан в Самару, работал в «Самарской газете». После 1917 г. на ответственных должностях, в 1929—1933 гг. полпред СССР в Латвии. — 314

Свирский — в 1938 г. артист театра «Миниатюр» (Ленинград). — 819

Северин — участник Всесоюзного Физиологического совещания в 1938 г. — 795

«Северный» — агент НКВД. — 829, 830

Седов Лев Львович (1906—1938) — сын Л.Д. Троцкого. Находясь в эмиграции, активно участвовал в деятельности организации сторонников Троцкого, один из организаторов «Бюллетеня оппозиции». — 23, 30, 31, 41, 55, 57, 58, 74—76, 79, 93, 249, 253—255, 271, 274, 275, 278, 283, 285, 378, 624, 837, 838

Сект Ганс фон (1877—1936) — немецкий офицер, в 1920—1926 гг. главнокомандующий рейхсвера. — 30, 50, 51, 250, 264—267, 269—273, 610

Селецкий А.И. — в 1938 г. курсант Военной школы (Ленинград). — 819

Семашко Николай Александрович (1874—1949) — врач, большевик. В 1918—1930 гг. нарком здравоохранения РСФСР, с 1930 г. на преподавательской и научной работе. — 804

Семенов Григорий Иванович (1891—8.10.1937) — в революционном движении с 1904 г., в партии социалистов-революционеров с 1912 г. Рабочий-электромонтер. В 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи процессом по делу партии социалистов-революционеров было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. После процесса работал в Главэнерго, с конца 1920-х гг. сотрудник Разведывательного упр. РККА, занимался разведывательной работой в Маньчжурии и Испании. Арестован 11 февраля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 22 августа 1961 г. — 41, 45, 58, 59, 67, 188—193, 407, 408, 624—626, 735, 869

Сербинов — в 1938 г. пом. нач. цеха завода № 135 (Харьков). — 772

Серго — см. Орджоникидзе С.Г.

Серебряков В. — профессор (г. Николаев). — 771

Серебряков Леонид Петрович (1888—1.2.1937) — член партии с 1905 г. С 1929 г. член коллегии НКПС, в 1929—1935 гг. нач. Центрального упр. шоссейных дорог и автотранспорта, в 1935—1936 гг. зам. нач. Гл. упр. шоссейных дорог НКВД СССР. В октябре 1927 г. исключен из партии, в январе 1930 г. восстановлен. Арестован 17 августа 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 декабря 1986 г. — 84, 267, 280, 304, 314, 599, 674, 848, 869, 873, 874

Сериков — в 1938 г. беспартийный, служащий почтамта (Киев). — 816

Серов Иван Александрович (1905—1990) — в 1954—1958 гг. пред. КГБ при СМ СССР. — 18, 832, 884

Сеян Луций Элий (ок. 20 до н.э. — 18.10.31 н.э.) — государственный и военный деятель Римской империи. — 632

Силин — в 1916 г. социал-демократ, агроном, ссыльный в Стерлитамаке. — 166

Симада Сигэру — японский консул в Хабаровске. — 32

Синицын — в 1938 г. рабочий Харьковского тракторного завода. — 817

Синявский — в 1938 г. рабочий Винницкой швейной фабрики. — 790

Скотт — в 1938 г. пом. коммерческого атташе посольства Великобритании в Москве. — 788

Скрыпник Николай Алексеевич (1872—1933) — член партии с 1897 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1927—1932 гг. нарком просвещения УССР, в 1933 г. зам.

пред. СНК и пред. Госплана УССР. Подвергаясь политическим преследованиям, покончил с собой. Реабилитирован в партийном отношении 28 марта 1990 г. — 848

Славин Лев Исаевич (1896—1984) — писатель. — 780

Славинский (Кочаровский) Адам Семенович (1885—3.11.1937) — в революционном движении с 1905 г., с 1918 г. член Краевого комитета коммунистических организаций Белоруссии и Литвы, с 1921 г. нарком земледелия БССР, в 1924—1928 гг. представитель КП Западной Белоруссии при ЦК КП(б) Белоруссии. На момент ареста нач. контрольно-инспекторской группы Центрального упр. пути Наркомата путей сообщения СССР. Арестован 9 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 3 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в апреле 1955 г. — 212, 213, 843

Славуцкий Михаил Михайлович (1898—1943) — в 1937—1939 гг. полпред СССР в Японии. — 16, 17

Славянский — в 1938 г. инженер-конструктор завода № 202 (Дальневосточный край). — 823

Слезкин Юрий Львович (1885—1947) — писатель. — 781

Слепков Александр Николаевич (1899—26.5.1937) — член партии с 1919 г. В 1924—1928 гг. работал в газете «Правда» и журнале «Большевик», в 1926 г. ответственный инструктор Орграспредотдела ЦК ВКП(б), в 1927—1930 гг. заведующий Отделом агитации и пропаганды ИККИ, в 1928—1931 гг. член бюро и заведующий агитпропом Средне-Волжского крайкома ВКП(б), в 1928—1932 гг. на партийной и преподавательской работе в Саратове. В 1932 г. приговорен по делу «союза марксистов-ленинцев» к 3 годам ссылки, в апреле 1933 г. — к 5 годам заключения. В 1933 г. осужден по делу т.н. «бухаринской школы». Приговорен к 3 годам тюремного заключения. Арестован 17 декабря 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 26 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1959 г. — 183, 184, 363, 372, 376, 384—388, 599, 623, 625, 865, 878

Слепков Василий Николаевич (1902—1.8.1937) — член партии с 1919 г., профессор Казанского университета и Татарского педагогического ин-та. Арестован в 1932 г. (по другим данным в 1933 г.) Приговорен коллегией ОГПУ к 3 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы» в 1933 г. В мае 1936 г. прибыл на постоянное жительство в Баку. Арестован 13(14) января 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 1 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 24 декабря 1957 г. — 865

Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972) — писатель. — 814

Смирнов Александр Петрович (Фома) (1878—10.2.1938) — член партии с 1896 г., член ЦК ВКП(б) в 1922—1933 гг. В 1919—1921 гг. зам. наркомпрода РСФСР, в 1923—1928 гг. зам. наркома, нарком земледелия РСФСР, в 1928—1930 гг. зам. пред. СНК РСФСР и секретарь ЦК ВКП(б), с 1930 г. член президиума ВСНХ, в 1931—1933 гг. пред. Всесоюзного совета коммунального хозяйства при ЦИК СССР., с 1933 г. в Наркомате легкой промышленности СССР. Арестован 10 марта 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 10 июля 1958 г. — 160, 161, 163, 184, 315, 322, 323, 331, 340, 409, 536, 537, 600, 848, 861, 867, 868, 874, 879

Смирнов Владимир Михайлович (1887—26.5.1937) — член партии с 1907 г. В 1926 г. член президиума Госплана СССР, пред. финансовой секции. С 1927 г. в ссылке. Этапирован в Москву 20 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 16 ноября 1960 г. — 456, 575, 848, 880

Смирнов Иван Никитич (Ив. Ник.) (1881—25.8.1936) — член партии с 1899 г. С 1919 г. пред. Сибирского ревкома, с 1921 г. в ВСНХ, в 1922—1923 гг. член Президиума, зам. пред. ВСНХ, в 1923—1927 гг. нарком почт и телеграфов.

Один из лидеров оппозиции. В декабре 1927 г. исключен из партии. После восстановления в партии в 1929—1932 гг. управляющий трестом «Саратовкомбайнстрой», с 1932 г. нач. Упр. новостроек НКТП СССР. В январе 1933 г. арестован и приговорен к 5 годам тюремного заключения. Содержался в Суздальской тюрьме особого назначения. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 254, 263, 271, 275, 277, 285, 304, 519, 525, 597, 834, 848, 873

Смолич Юрий Корнеевич (1900—1976) — украинский писатель. — 764

Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — оперный певец, с 1923 г. народный артист Республики. — 760

Соболев — репрессирован, дал показания на В.И. Иванова. — 835

Соболев Аркадий Дмитриевич (1899—1935) — член партии с 1920 г., в 1930 г. пом. нач Восточного отд. ОГПУ СССР. — 336

Соболев Леонид Сергеевич (1898—1971) — писатель. — 782

Соболь — в 1938 г. артист театра им. СМ. Кирова (Ленинград). — 814

Советников Михаил Алексеевич (1892—3.8.1937) — член партии с 1919 г. С 1933 г. заведующий областного земельного упр., зам. пред. Уральского, в 1934—1937 гг. пред. Челябинского облисполкома. Арестован 10 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 3 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 161

Сокольников — в 1938 г. инженер украинской конторы Цекомбанка. — 772

Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888—21.5.1939) — член партии с 1905 г. В 1929—1932 гг. полпред СССР в Великобритании, в 1933—1934 гг. зам. наркома иностранных дел по дальневосточным делам, с 1935 г. 1-й зам. наркома лесной промышленности СССР. Арестован 26 июня 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 30 января 1937 г. к 10 годам тюремного заключения. Убит в тюрьме. Реабилитирован 12 июня 1988 г. — 5, 23, 279, 291, 378, 596, 762, 833, 834, 848, 853, 859, 878, 884, 885

Солдатенко Андрей Григорьевич (1893—14.5.1937) — член партии. В 1937 г. нач. комбината «Дальтрансуголь». Арестован 28 ноября 1937 г. Приговорен 14 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 9 августа 1957 г. — 859

Солкин — в 1938 г. нач. цеха завода № 43 (Украина). — 773

Соловей — человек, вхожий в семью Пешковых. — 827

Соловейчик — в 1938 г. студент Технологического ин-та. — 796

Соловьев — в 1938 г. налоговый инспектор Псковского округа. — 824

Соловьев В. — житель Москвы. — 818

Соловьев Леонид Васильевич (1906—1962) — прозаик, драматург, киносценарист. — 760

Солодуб Петр Кириллович (1893—3.11.1937) — эсер, в РКП(б) с 1919 г., управ. делами СНК УССР, уполномоченный НКИД в УССР, перед арестом — нач. сектора по составлению пятилетнего плана Госплана СССР. Арестован в 1933 г. Приговорен Коллегией ОГПУ 5 сентября 1933 г. к 10 годам заключения. Отбывал наказание на Соловках. Приговорен тройкой УНКВД Ленинградской области 9 октября 1937 г. Расстрелян в Сандормохе. Реабилитирован. — 99

Сомс (Кауфман) Карл Петрович (1894—1.12.1937) — нач. политуправления Наркомата совхозов СССР. Арестован в 1937 г. Умер под следствием. — 851

Соня — упоминается на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 344, 800

Сорокин Владимир Константинович (1914—1997) — композитор (Ленинград). — 814

Сорокин Григорий Эммануилович (1898—1953) — писатель. — 797

«Соррентиец» — агент НКВД. — 780, 785, 829, 830

Сосновский Лев Семенович (1886—3.7.1937) — с 1905 г. в революционном движении. Журналист, сотрудник газеты «Правда». В декабре 1927 г. исключен из партии за принадлежность к оппозиции. С 1928 г. в ссылке в Барнауле. Арестован 29 апреля 1929 г. Приговорен ОСО при коллегии ОГПУ 25 мая 1929 г. к 3 годам лишения свободы, 13 апреля 1932 г. решением ОСО срок заключения продлен на 2 года. После отречения от оппозиции в 1934 г. вернулся в Москву, член редколлегии газеты «Социалистическое земледелие». Арестован 23 октября 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 3 июля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 июня 1958 г. — 289, 290, 297, 308, 309, 693

Состэ Мартин Янович (?—5.5.1938) — зам. нач. УНКВД Ленинградской обл., майор ГБ. Арестован 18 апреля 1938 г. Умер под следствием в Лефортовской тюрьме. — 851

Сперанская Елизавета Петровна — жена профессора Г.Н. Сперанского. — 803—806

Сперанский Алексей Дмитриевич (1887/88—1961) — патофизиолог, профессор. — 510, 521, 550—552, 758, 766, 767, 805

Сперанский Георгий Нестерович (Г.Н., Гоня) (1873—1969) — педиатр, профессор, заслуженный деятель науки. — 802—805

Спиноза Бенедикт (1632—1677) — голландский философ. — 379, 383

Спиридонова Мария Александровна (1884—11.9.1941) — левый социалист-революционер, член ЦК ПЛСР. Неоднократно арестовывалась, ссылалась. На момент последнего ареста экономист в Башкирской конторе Госбанка (Уфа). Арестована 8 февраля 1937 г. Приговорена ВКВС СССР 7 января 1938 г. к 25 годам тюремного заключения. Отбывала срок в Ярославской и Орловской тюрьмах. Расстреляна. Реабилитирована в 1992 г. — 431, 465—468, 861

Ставский Владимир Петрович (1900—1943) — член партии с 1918 г. Писатель, руководитель Союза советских писателей. — 781

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878—1953) — член партии с 1898 г., член Политбюро—Президиума ЦК с 1919 г. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК. — 5—9, 13—19, 37, 39—42, 59, 60, 64—66, 94, 109, 111, 144, 165, 188—193, 232, 239, 246, 260, 287, 289, 292, 297, 306, 321, 334, 366—368, 373, 420, 421, 424, 425, 427, 431, 437, 442, 444, 447—450, 452—454, 462, 471—473, 475, 478, 479, 501, 516, 531, 534, 549, 587, 592, 594—600, 602—608, 619, 624, 625, 628, 629, 639, 642, 663, 664, 673, 674, 681, 698, 703—705, 713, 715, 718, 719, 724, 726, 734, 735, 739, 745, 751, 757, 758, 762, 766, 770, 771, 773—775, 777, 778, 782—785, 787, 789—792, 794, 796, 797, 799, 801, 802, 805, 806, 809, 811, 813, 815, 818—820, 822, 823, 825—827, 829, 831, 833, 834, 836, 839—841, 844, 848, 859—867, 870—872, 876, 877, 879, 881, 883, 884

Сталина (Аллилуева) Светлана Иосифовна (Светлана) (1926—2011) — дочь И.В. Сталина. — 752, 799, 881

Станиславский Константин Сергеевич (1863—1938) — театральный режиссер. — 810

«Станиславский» — источник НКВД. — 754

Старцев — в 1938 г. нач. цеха завода им. С.М. Кирова (Донбасс). — 771

Стендаль Анри Мари (1783—1842) — французский писатель. — 653

Степанов — в 1938 г. мастер по цеху завода № 43 (Украина). — 790

Степанов — упомянут на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» как участник организации «правых». — 152

Степанов Иван Иванович — комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР до 15 ноября 1937 г., лейтенант ГБ; уволен из НКВД 25 мая 1939 г. в связи с арестом; с февраля по ноябрь 1939 г. находился в заключении. — 885

Степанова Ангелина Иосифовна (1905—2000) — с 1924 г. актриса МХАТ, заслуженная артистка РСФСР. — 778

Стецкий Алексей Иванович (1896—1.8.1938) — член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1935—1938 гг. зав. Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), одновременно с 1934 г. главный редактор журнала «Большевик». Арестован 26 апреля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 1 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 2 июня 1956 г. — 16, 19

Стонов (Влодавский) Дмитрий Миронович (1898—1962) — писатель, с 1934 г. член Союза советских писателей. Арестован 12 марта 1949 г. по обвинению в антисоветской пропаганде. Приговорен ОСО при МГБ к 10 годам лагерей. Освобожден 20 августа 1954 г. Реабилитирован. — 764

Строилов Михаил Степанович (1899—11.9.1937) — беспартийный. Работал нач. шахт, рудников. С 1935 г. главный инженер треста «Кузбассуголь» в Новосибирске. Арестован в 1936 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского параллельного троцкистского центра» в 1937 г. Приговорен к 8 годам тюремного заключения. Содержался в Орловской тюрьме. Приговорен ВКВС СССР 8 сентября 1941 г. Расстрелян. Реабилитирован 26 июля 1990 г. — 622

Струве Василий Васильевич (1889—1965) — историк-востоковед, с 1935 г. академик АН СССР. — 792, 793, 795

Стрункин — в 1938 г. студент 4-го курса Харьковского машиностроительного ин-та. — 773

Студенецкий Дмитрий Дмитриевич (?—14.1.1938) — приговорен выездной сессией ВКВС в Сталинграде 14 января 1938 г. Расстрелян. — 42, 45

Стуков Иннокентий Николаевич (1887—4.11.1936) — член партии с 1905 г. В 1921—1924 гг. зав. отделом МК РКП(б), редактор газеты «Московский рабочий», в 1936 г. нач. сектора экономических исследований Наркомата финансов РСФСР. Арестован 21 марта 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 4 ноября 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 30 ноября 1957 г. — 66, 67, 420, 421, 423, 425, 437, 444, 445, 447—449, 455, 474, 475, 608, 714, 880

Суварин Борис (1895—1984) — один из основателей ФКП, член ИККИ. В середине 1920-х гг. за поддержку Л.Д. Троцкого был снят со всех постов в Коминтерне. — 871

Сугияма Хадзимэ (1880—1945) — с 1936 г. военный министр Японии, генерал. — 615

Судейкин Георгий Порфирьевич (1850—1883) — подполковник Отдельного корпуса жандармов, с 1882 г. инспектор Петербургского охранного отделения. — 655

Судьин Сергей Корнильевич (1894—21.4.1938) — член партии с 1918 г. В 1932—1936 гг. зам. наркома внешней торговли СССР. Арестован 21 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 21 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в марте 1956 г. — 843

Сулимов Данила Егорович (1890—27.11.1937) — член партии с 1905 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) с 1923 г. В 1930—1937 гг. пред. СНК РСФСР. Арестован 27 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 27 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1956 г. — 168, 215, 842, 843, 848

Сырцов Сергей Иванович (1893—10.9.1937) — член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г., кандидат в члены Политбюро в 1929—1930 гг. В 1929—1930 гг. пред. СНК РСФСР. В 1930 г. выведен из Политбюро и ЦК ВКП(б) за принадлежность к «антипартийной группе». В 1931—1932 гг. зам. пред. правления акционерного общества «Экспортлес», в 1932—1935 гг. управляющий трестом снаряжения и взрывчатых веществ, с декабря 1935 г. директор московского химического завода № 12. Арестован 19 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 10 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 28 декабря 1957 г. — 377, 842

Тагер Елена Михайловна (1895—1964) — писательница. Арестована 16 марта 1938 г. Приговорена ВКВС СССР 23 сентября 1938 г. к 10 годам ИТЛ. Освобождена в 1948 г. Арестована 4 сентября 1951 г. Приговорена ОСО при МГБ СССР 19 декабря 1951 г., выслана на спецпоселение. Реабилитирована 3 марта 1956 г. — 819

Таджиев Абдулхай (1895—27.4.1938) — зам. пред. ЦИК УзбССР. Арестован 3 августа 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 27 апреля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 354

Таиров Александр Яковлевич (1885—1950) — театральный режиссер. — 779

Тальбот Стаффорд — издатель Русско-английского журнала торговли, промышленности и инженерного дела. — 30, 266

Тамара — см. Иванова Т.В.

Тамара — см. Гаспарянц Т.

Тарнавская Агнесса — в 1938 г. служащая. — 790

Тарфенова — единоличница села Мариинска Дальневосточного края. — 823

Тацит Публий Корнелий (середина 50-х — ок. 120 г.) — древнеримский историк. — 632, 718

Тер — студент, участник дореволюционного социал-демократического движения. — 139, 140

Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович (1893—25.8.1936) — член партии с 1912 г. Журналист. Один из лидеров оппозиции. Неоднократно подвергался репрессиям. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 24 августа 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован 13 июля 1988 г. — 834, 861

Терпиловская — в 1938 г. студентка 3-го курса 1-го ММИ. — 762

Тимоша — см. Пешкова Н.А.

Титка — см. Будберг М.И.

«Тихий» — источник НКВД. — 798

Тихонов Александр Николаевич (1880—1956) — писатель, входил в окружение А.М. Горького. — 752, 786, 802

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — писатель. — 824

Токугава — принц, пред. японского общества Красного Креста. — 30

Толмачев Владимир Николаевич (1886—20.9.1937) — член партии с 1904 г. В 1922—1924 гг. пред. Новороссийского ревкома, секретарь Новороссийского и Армавирского комитетов партии, секретарь Кубано-Черноморского обкома партии и пред. облисполкома. В 1924—1927 гг. зам. пред., пред. Северо-Кавказского крайисполкома, Ростовского горисполкома. В 1928—1930 гг. нарком внутренних дел РСФСР, в 1931—1932 гг. нач. Главдортранса при СНК РСФСР и член Экономсовета РСФСР. Приговорен Особым совещанием при коллегии ОГПУ 16 января 1933 г. к 3 годам тюремного заключения. После отбытия наказания работал заведующим береговыми разработками Костромской топливной конторы. Арестован 30 марта 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 20 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 августа 1962 г. — 152, 867, 868, 874, 879

Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — писатель. — 755, 756, 781

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — писатель. — 555, 754

Тольятти Пальмиро (1893—1964) — с 1926 г. генеральный секретарь Итальянской компартии, с 1928 г. член Президиума, в 1935—1943 гг. член Президиума и Секретариата ИККИ. — 842

Томский Михаил Павлович (1880—1936) — член партии с 1904 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1919—1934 гг., член Политбюро в 1922—1930 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1918—1929 гг. пред. ВЦСПС, с 1929 г.

пред. Всесоюзного объединения химической промышленности и зам. пред. ВСНХ. В 1932—1936 гг. заведующий ОГИЗ. Окончил жизнь самоубийством. — 5, 23, 24, 40, 59, 60, 73, 74, 115, 121—123, 132, 146, 152, 163, 179—181, 193—195, 197, 202—207, 257, 279, 322, 373, 374, 377, 378, 382, 383, 390, 392—397, 399—402, 407, 412—418, 520, 522, 536, 537, 546—548, 575, 578, 588, 600, 611, 615, 616, 630, 631, 635, 665, 708, 712, 780, 821, 833, 842, 844, 848, 863, 866—868, 874, 878, 880

Торнтон Лесли Чарльз — английский инженер, главный инженер московской конторы «Метро-Виккерс». Обвиняемый на процессе по делу «Метро-Виккерс» в 1933 г. — 595

Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940) — в революционном движении с 1897 г., член партии с 1917 г., член ЦК РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б) в 1917—1927 гг., в 1919—1926 гг. член ПБ. Один из главных противников И В Сталина. Выслан из СССР в 1929 г. В эмиграции занимался активной политической деятельностью. Убит агентом НКВД СССР. — 21—23, 27—32, 34, 39—41, 49—52, 54, 55, 57, 58, 60, 63, 65, 66, 71—80, 83, 84, 88, 89, 91—96, 102, 108, 171—176, 209, 249—258, 262—275, 277—280, 282—286, 288, 289, 292, 293, 295, 297—299, 303—307, 309, 322, 359, 366, 376, 378, 391, 392, 403, 412, 414, 415, 421—424, 430—432, 439, 448, 449, 452—454, 470, 520, 534, 535, 539, 541, 543, 545, 546, 588—590, 598, 599, 601—606, 610, 617, 618, 624, 625, 628—631, 662, 671, 673—677, 683, 692, 693, 698—701, 704, 711, 715, 718—720, 726, 729, 732—735, 740, 753, 756, 762, 772, 775, 778, 783, 784, 786, 788, 790, 791, 807, 814, 816—819, 823, 825, 832, 834, 836—839, 843, 848, 857, 864, 866, 871—873, 880, 882

Троченко — в 1938 г. служащий упр. Ленжилстроительства Ленсовета. — 824

Трутовский Владимир Евгеньевич (1889—4.10.1937) — левый социалист-революционер, член ЦК ПЛСР, журналист, экономист. Неоднократно арестовывался, находился в ссылке, в тюрьме. Арестован 7 февраля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 4 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 7 августа 1992 г. — 431, 465, 467

Тур (братья) — творческий псевдоним писавших совместно советских писателей Л.Д. Тубельского и П.Л. Рыжея. — 882

Тустановский — в 1938 г. научный сотрудник ВИЭМ. — 768

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—12.6.1937) — член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1931 г. зам. пред. РВС и нач. вооружений РККА, с 1934 г. зам., с 1936 г. 1-й зам. наркома обороны СССР, одновременно нач. Упр. боевой подготовки РККА, командующий войсками Приволжского ВО. Маршал Советского Союза. Арестован 22 мая 1937 г. Обвиняемый на процессе «антисоветской военной троцкистской организации» в Красной армии в 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 5, 23, 31, 35, 49, 55, 91, 114, 117, 194, 195, 200, 201, 203, 204, 209, 210, 249, 251, 253, 255—257, 259—261, 262, 279—282, 284, 285, 381, 382, 384, 389, 403, 413, 524, 595, 615, 676, 677, 760, 800, 830, 848, 860, 861, 871, 882, 883

Тучков — беспартийный, в 1938 г. служащий завода им. М.В. Фрунзе в Константиновке (Украина). — 817

Уборевич Иероним Петрович (1896—12.6.1938) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930—1937 гг. В 1930—1931 гг. зам. пред. РВС СССР, нач. вооружения РККА, в 1931—1937 гг. командующий войсками Белорусского, Среднеазиатского округов. Командарм 1-го ранга. Арестован 29 мая

1937 г. Обвиняемый на процессе «антисоветской военной троцкистской организации» в Красной армии в 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 91, 203, 210, 284, 848, 861

Угаров Александр Иванович (1900—25.2.1939) — член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г., с октября 1937 г. член ЦК ВКП(б). С 1927 г. заведующий отделом Ленинградского обкома ВКП(б), редактор газеты «Ленинградская правда», заведующий Культурно-пропагандистским отделом Ленинградского горкома партии, в 1934—1938 гг. 2-й секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), с февраля 1938 г. 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б). Арестован 20 октября 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 25 февраля 1939 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 января 1956 г. — 842

Угланов Николай Александрович (1886—31.5.1937) — член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) в 1923—1930 гг. В 1924—1929 гг. 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б), в 1928—1930 гг. нарком труда СССР, в 1930—1932 гг. нач. Астраханского госрыбтреста. В 1932 г. исключен из партии по делу «союза марксистов-ленинцев». В феврале-апреле 1933 г. находился в заключении по делу т.н. «бухаринской школы». В 1933—1936 гг. управляющий Облрыбтрестом в Тобольске. Арестован 23 августа 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 31 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 18 июля 1989 г. — 180—182, 322, 374, 377, 382, 524, 525, 536, 635, 844, 863, 866

Ульрих Василий Васильевич (1889—1951) — член партии с 1910 г. В 1926—1948 гг. пред. Военной коллегии Верховного суда СССР. — 12, 15, 47, 84, 111, 117, 168, 169, 171, 173, 177, 191, 206—209, 211, 222, 280, 287, 296, 329, 330, 355, 356, 367, 371, 378, 382, 407, 430, 503, 521, 559, 572, 574, 581, 712, 726, 731, 736, 737, 821

Ульянов Александр Федорович (1901—26.11.1937) — торгпред СССР в Чехословакии. Арестован 24 мая 1937 г. по обвинению во вредительстве в легкой промышленности. Приговорен ВКВС СССР 26 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 30 июня 1956 г. — 201, 202, 400, 401

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—29.7.1938) — член партии с 1900 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925—1937 гг. В 1930—1932 гг. зам. пред. Госплана СССР, в 1933 г. главный арбитр при СНК СССР, в 1933—1935 гг. нач. ГУГВФ. Арестован 11 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 10 марта 1956 г. — 7, 839

Урицкий Михаил Соломонович (1873—1918) — пред. Петроградской ЧК, убит эсером. — 861

Успенский Александр Иванович (1902—28.1.1940) — член партии с 1920 г. В 1938 г. нарком внутренних дел УССР. Комиссар ГБ 3-го ранга. 14 ноября 1938 г. бежал из Киева, скрывался. Арестован 15 апреля 1939 г. Приговорен ВКВС СССР 27 января 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 770, 774, 789, 791, 815, 817

Утесов Леонид Осипович (1895—1982) — артист, певец. — 760

Уханов Константин Васильевич (1891—26.10.1937) — член партии с 1907 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1923—1937 гг. В 1936—1937 гг. нарком легкой промышленности РСФСР. Арестован 21 мая 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 27 августа 1955 г. — 839, 842, 866

Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — писатель. — 756

Фарбман М.С. (1880—?) — английский журналист, корреспондент «Манчестер гардиан». — 30, 266, 304

Фаско Эмерис — в 1938 г. австрийский подданный. — 809

Фаслер Н. — в 1938 г. сотрудник ВИЭМ. — 818

Федин Константин Александрович (1892—1977) — писатель. — 781

Федоров Лев Николаевич (1891—1952) — в 1932—1938 гг. директор ВИЭМ. — 770

Федоров П.И. — в 1938 г. слесарь-сборщик завода «Большевик» (Ленинград). — 825

Федоровская Н.П. — в 1938 г. научный сотрудник АН СССР. — 770

Федотов Петр Васильевич (1900—1963) — в сентябре 1946 — мае 1947 г. нач. 1-го Гл. упр. МГБ СССР, одновременно зам. министра госбезопасности СССР, затем зам. пред. Комитета информации при СМ СССР, в 1954—1956 гг. нач. 2-го Гл. упр. КГБ при СМ СССР, генерал-лейтенант (1945). В 1959 г. уволен из КГБ. Лишен звания генерал-лейтенанта в мае 1959 г. — 884

Федулов — в 1938 г. полковник Генерального штаба РККА. — 819

Федулова Ф. — в 1938 г. жена полковника Федулова. — 819

Фейхтвангер Лион (1884—1958) — немецкий писатель. — 718, 755, 793, 881

Фельдман — профессор медицины. — 775

Фельдман Борис Миронович (1890—12.6.1937) — в 1934—1937 гг. нач. Гл. упр. командного и начальствующего состава РККА. Арестован 15 мая 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 861

Филипп II (1527—1598) — король Испании из династии Габсбургов. — 632, 760

Финк Виктор Григорьевич (1888—1973) — писатель. — 781

«Финн» — внутрикамерный агент НКВД. — 837

Фишер Рут (1895—1961) — немецкая коммунистка, один из лидеров КПГ, член ИККИ. Принадлежала к левому крылу КПГ, из-за чего в середине 1920-х гг. была снята с постов в Коминтерне, а в 1926 г. за поддержку Объединенной оппозиции ВКП(б) исключена из КПГ. В 1928 г. участвовала в создании Ленинбунда (Союз Ленина), с 1933 г. в эмиграции в Париже, сотрудничала с Л.Д. Троцким. — 871

Флягин Василий Петрович (1909—?) — с 1938 г. в органах НКВД, политрук Тобольской тюрьмы, с 1 апреля 1939 г. нач. Тобольской тюрьмы УНКВД Омской обл., с апреля 1940 г. зам. нач. Тюремного отд. НКВД Чувашии, с 1941 г. в РККА. — 885

Фоле — в 1938 г. участвовал в издании стенограммы процесса на французском языке. — 16

Фома — см. Смирнов А.П.

Фомичева В. — упоминается в сводках о настроениях в связи с процессом по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Сведения не установлены. — 818

Форш Ольга Дмитриевна (1873—1961) — писательница. — 818

Франко Франсиско (1892—1975) — испанский генерал, в 1936 г. возглавил мятеж против республиканской власти, в 1939—1975 гг. генералиссимус вооруженных сил Испании. — 873

Френкель Яков Ильич (1894—1952) — ученый, физик, с 1929 г. член-корреспондент АН СССР. — 796

Фрик Вильгельм (1877—1946) — один из руководителей НСДАП, юрист, доктор права, в 1933—1943 гг. рейхсминистр внутренних дел Германии. — 726

Фриновский Михаил Петрович (1898—8.2.1940) — член партии с 1918 г. В 1936 г. зам. наркома, в 1937—1938 гг. 1-й зам. наркома внутренних дел СССР. Одновременно в 1937—1938 гг. нач. ГУГБ, в июне—сентябре 1938 г. нач. Упр. госбезопасности НКВД. С сентября 1938 г. нарком Военно-морского флота СССР. Арестован 6 апреля 1939 г. Приговорен ВКВС СССР 4 февраля 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 7, 12, 829, 847, 850, 855, 856

Фрич Вернер фон (1880—1939) — генерал-полковник, в 1935—1938 гг. главнокомандующий сухопутными силами Германии, погиб в сентябре 1939 г. под Варшавой. — 759

Фроман (Фракман) Михаил Александрович (1891—1940) — писатель, поэт, переводчик (Ленинград). — 814

Фромерд — в 1911 г. учащийся Тульской гимназии. — 137

Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925) — член партии с 1904 г., член ЦК РКП(б) с 1921 г. В 1924—1925 гг. зам. пред. РВС СССР и зам. наркома по военным и морским делам СССР, в 1925 г. пред. РВС СССР и нарком по военным и морским делам СССР. — 753, 772

Фурер Вениамин Яковлевич (1904—1936) — с декабря 1934 г. зав. Агитпропотделом Московского обкома ВКП(б). Застрелился. — 284

Фуше (Фушэ) Жозеф (1759—1820) — министр полиции во Франции. — 635, 636, 782, 799

Хаджибаев — нарком в ТаджССР, сведения не установлены. — 323, 348

Хайдар Алиев Мунавар (?—10.1938) — руководящий работник УзбССР, нарком. Умер под следствием. — 348

Халатов Артемий Багратович (1896—26.9.1937) — член партии с 1917 г. В 1927—1932 гг. пред. правления Госиздата и ОГИЗ РСФСР. На момент ареста пред. Всесоюзного общества изобретателей. Арестован 27 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 26 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 мая 1956 г. — 842

Халбатыров — на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» назван организатором диверсионного акта на Рават-Хадже в 1936 г. — 240

Халепский Иннокентий Андреевич (1893—29.7.1938) — в 1937 г. нарком связи СССР. Арестован 13 ноября 1937 г. Приговорен 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 8 сентября 1956 г. — 42

Ханер — в 1938 г. рабочий Одесского консервного завода. — 817

Харитонов — в 1938 г. доцент (Москва). — 795

Харун ар-Рашид (760-е — 809) — арабский халиф. — 786, 883

Хассе Отто (1871—1942) — в 1923—1925 гг. нач. Генштаба рейхсвера, с 1932 г. в отставке. — 30, 51

Хатаевич Мендель Маркович (1893—30.10.1937) — член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) в 1930—1937 гг. В 1930—1932 гг. секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б), в 1933—1937 гг. 1-й секретарь Днепропетровского обкома КП(б) Украины. В марте—июле 1937 г. 2-й секретарь ЦК КП(б)У. Арестован 9 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 25 января 1956 г. — 853

Хаусхофер (Хаусховер) Карл (1869—13.03.1946) — преподаватель, профессор Мюнхенского университета; в 1924—1944 гг. гл. редактор журнала «Геополитик». В 1944 г. после покушения на Гитлера, в котором участвовал его сын, заключен в концлагерь Дахау. Освобожден в 1945 г. Покончил с собой в Мюнхене. — 31, 51

Хвостов Владимир Михайлович (1905—1972) — профессор педагогического факультета МГУ. — 777

Хедыр Алиев — см. Хайдар Алиев Мунавар.

Хейстингс — в 1938 г. британская подданная. — 809

Хизельштейн — см. Кизельштейн И.С.

Хикс Джойнсон — см. Джойнсон-Хикс В.

Хисметов Хикматулла Галиевич (1898—4.10.1938) — с ноября 1928 г. пред. правления Узгосторга (УзбССР). Приговорен выездной сессией ВКВС СССР 4 октября 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 245

Ходаковский — в 1938 г. техработник кафедры неорганической химии Медицинского ин-та (Дальневосточный край). — 823
Ходжаев Ата — сведения не установлены. — 869
Ходжаев Сата — сведения не установлены. — 354, 869
Ходжаев Файзулла Губайдуллаевич (1896—15.3.1938) — с 1913 г. член младобухарской партии, участник движения против эмира. В 1920 г. пред. Туркбюро младобухарской партии, редактор газеты «Учкун». Вместе с партией младобухарцев вошел в РКП(б) в 1920 г. В 1922 г. пред. СНК и нарком иностранных дел, пред. СТО Бухарской Народной Советской Республики, член Средазбюро ЦК РКП(б), с 1925 г. пред. СНК УзбССР. Арестован 9 июля 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 6 марта 1965 г. — 18, 21, 25—27, 44—48, 54, 56, 57, 67, 69, 70, 198, 200, 201, 211, 222, 223, 225—234, 236, 237, 240—248, 250, 292, 323, 333, 334, 346—355, 362, 363, 380, 403—406, 586, 589, 590, 612, 618, 622, 624, 651, 659, 667—669, 686, 710, 718, 730, 731, 733—736, 744, 745, 750, 833, 835, 843—845, 848, 858, 868—871, 875
Ходжибаев Абдурахман (1900—25.1.1938) — до 1934 г. пред. СНК ТаджССР. Арестован 8 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 25 января 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в декабре 1957 г. — 875
Ходоровский Иосиф Исаевич (1885—7.5.1938) — член партии с 1903 г. С 1934 г. нач. Лечебно-санитарного упр. Кремля. Арестован 2 декабря 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 7 мая 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 11 апреля 1956 г. — 513
Хорик — в 1938 г. секретарь австрийского посольства в Москве. — 14
Христиан Георгиевич — см. Раковский Х.Г.

Цвейг Стефан (1881—1942) — австрийский писатель. — 635
Черпенто Петр Иустинович (1910—30.7.1941) — в 1938 г. оперуполномоченный 2-го отделения 4-го отд. 1-го упр. НКВД СССР, лейтенант ГБ. Арестован 8 июля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 8 июля 1941 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 853, 854
Цесарский Владимир Ефимович (1895—22.1.1940) — с апреля 1935 г. референт-докладчик Секретаря ЦК ВКП(б) (Ежова), с октября 1936 г. особоуполномоченный при наркоме внутр. дел СССР, с ноября 1936 г. нач. Учетно-регистрационного (8-го) отдела ГУГБ НКВД СССР, с марта 1938 г. нач. 4-го отдела 1-го упр. НКВД СССР, с мая 1938 г. нач. УНКВД Московской обл., с сентября 1938 г. нач. Ухто-Ижемского ИТЛ. Арестован 9 декабря 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 21 января 1940 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 8
Цетлин (Цейтлин) Ефим Викторович (1898—1937) — член партии с 1918 г. В 1918 г. пом. пред. ИККИ Коминтерна Н.И. Бухарина, в 1920 г. секретарь ЦК РКСМ, в 1922 г. член Исполкома КИМ, в 1925—1926 гг. на партийной работе в Ленинграде, в 1928 г. зав. секретариатом Н.И. Бухарина, в 1930 г. зам. нач. сектора техпропаганды Наркомтяжпрома СССР, одновременно ученый секретарь Н.И. Бухарина. Приговорен к 3 годам тюремного заключения по делу т.н. «бухаринской школы» в 1933 г., в 1934 г. снят с этапа. С 1934 г. заведующий бюро технического обслуживания Уралмаша. Арестован в 1936 г., направлен во Владимирскую тюрьму. Расстрелян в Иваново. Реабилитирован в 1962 г. — 374, 833
Цехер Арон Абрамович (1893—19.8.1938) — с 1934 г. 2-й секретарь ЦК КП(б) Узбекистана. Арестован в сентябре 1937 г. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян. Реабилитирован. — 236, 242
Цыбулевский — в 1938 г. рабочий завода «Большевик» (Киев). — 772

Чарл — в 1938 г. член партии. Бывший командир подводной лодки. Капитан 3-го ранга. — 815

Чарновский Николай Францевич (1868—5.3.1938) — профессор различных высших технических учебных заведений, пред. научно-технического совета ВСНХ. Обвиняемый на процессе по делу «Промпартии» в 1933 г. Приговорен к 10 годам тюремного заключения. Освобожден досрочно. Работал инженером в Коврове. Арестован 29 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 594

Чаянов Александр Васильевич (1888—3.10.1937) — экономист. В 1921—1923 гг. член коллегии Наркомзема РСФСР и его представитель в Госплане РСФСР. Арестован 21 июля 1930 г. по делу «Трудовой крестьянской партии». 26 января 1932 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения. Тюрьма заменена на ссылку в Казахстан. Арестован 16 марта 1937 г. НКВД КазССР. Приговорен выездной сессией ВКВС СССР 3 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 5 мая 1956 г. — 879

Чемберлен Артур Невилл (1869—1940) — в 1937—1940 гг. премьер-министр Великобритании. — 806

Червяков Александр Григорьевич (1892—16.6.1937) — в 1920—1924 гг. пред. ЦИК и СНК БССР, в 1924—1937 гг. пред. ЦИК БССР. Окончил жизнь самоубийством. — 197, 198, 202, 213—215, 220, 396, 397, 399, 401, 591, 612, 709, 848, 868, 881

Черепанов Донат Андреевич (ок. 1885—1920) — левый социалист-революционер. — 715

Черкасов Борис Эммануилович — в 1938 г. актер Большого драматического театра им. А.М. Горького (Ленинград). — 819

Черкасов Николай Константинович (1903—1966) — актер, в 1933—1965 гг. актер Ленинградского академического театра драмы им. А.С. Пушкина. — 796

Черкинский — в 1938 г. заведующий лаборатории Ин-та им. А.М. Обухова. — 761

Чернов — в 1938 г. сотрудник ТАСС, участвовал в издании стенограммы процесса на английском языке. — 16

Чернов Михаил Александрович (1891—15.3.1938) — член партии с 1920 г., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1925—1928 гг. нарком внутренней торговли УССР, в 1928—1930 гг. член коллегии Наркомата торговли СССР, в 1930—1933 гг. зам. наркома снабжения СССР, затем зам. пред. Комитета заготовок при СТО СССР, в 1933—1934 гг. пред. Комитета заготовок при СНК СССР, в 1934—1937 гг. нарком земледелия СССР. Арестован 7 ноября 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 4 февраля 1988 г. — 6, 14, 16, 17, 19, 21, 29, 31, 33, 44—49, 55, 56, 67, 68, 117—136, 164, 210, 211, 371, 590, 609, 610, 615, 619, 621—623, 637, 639, 651, 659, 664, 668, 682, 683, 730—733, 735, 736, 742, 743, 750, 778, 785, 792, 830, 833, 835, 836, 843, 844, 848

Черткова Олимпиада Дмитриевна (Липа) — медицинская сестра, дежурившая у А.М. Горького. — 520, 550, 551, 752, 757, 786, 798, 799, 821, 827

Четвериков Петр Антонович — с 1933 г. сотрудник, в 1936 г. член коллегии Наркомфина СССР. Арестован 13 августа 1937 г. — 110

Чибисов — руководитель социал-демократической организации в г. Котельниче (Вятская губерния). — 166

Членов Семен Борисович (1890—3.6.1937) — беспартийный. На момент ареста главный юрисконсульт при наркоме внешней торговли, профессор международного права. Арестован 3 августа 1936 г. Приговорен ВКВС СССР 2 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 марта 1991 г. — 58, 67, 408, 878

Чудновский — член партии, в 1938 г. редактор газеты «На страже». — 784

Чудов Михаил Семенович (1893—30.10.1937) — член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК в 1923—1924 гг., член ЦК в 1925—1937 гг. В 1928—1936 гг. 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), затем пред. Всесоюзного совета промысловой кооперации. Арестован 28 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1956 г. — 842

Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926) — социал-демократ, меньшевик. Депутат III и IV Государственной думы от Тифлисской губернии, пред. думской социал-демократической (до 1913 г.) и меньшевистской фракций. В 1917 г. пред. Петроградского совета и ВЦИК, с 1918 г. пред. Учредительного собрания Грузии, с 1921 г. в эмиграции. — 703

Шабельник — в 1938 г. колхозник с. Быковая-Гребля Белоцерковского района (Украина). — 816

Шавгалеев — в 1938 г. красноармеец 65-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии. — 812

Шадр (Иванов) Иван Дмитриевич (1887—1941) — скульптор. — 765

Шальников Александр Иосифович (1905—1986) — с 1935 г. пом. П.Л. Капицы, доктор физических наук. — 793

Шанин Александр Михайлович (1894—14.8.1937) — нач. Транспортного отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 22 апреля 1937 г. Приговорен «в особом порядке» 14 августа 1937 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 537

Шарангович Василий Фомич (1897—15.3.1938) — член партии с 1917 г., участник борьбы за советскую власть в Белоруссии. В 1920 г. арестован и приговорен польскими властями к 20 годам каторги, в 1921 г. вернулся по обмену политзаключенными, работал старшим пом. прокурора, зам. наркома юстиции БССР. В 1930—1934 гг. 2-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, в 1934—1937 гг. член КПК при ЦК ВКП(б), уполномоченный КПК по Казахстану, Харьковской обл. С марта 1937 г. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. Арестован 27 июля 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского правотроцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в декабре 1957 г. — 18, 21, 26, 29, 31, 44—46, 48, 50, 53, 55, 67, 69, 70, 197, 198, 200, 201, 211, 212, 214, 216—222, 237, 338, 371, 372, 380, 397—399, 542, 589, 590, 609, 610, 612, 615, 618, 623, 659, 667, 668, 681, 684, 705, 709, 710, 731—736, 745, 746, 750, 833, 835, 836, 843, 850, 858, 869

Шарок Григорий Федорович (1900—1981) — с 1932 г. в органах ОГПУ, с октября 1939 г. зам. наркома внутренних дел Казахстана, с 1940 г. в НКВД Литвы, с 1942 г. нач. 2-го отд. 4-го упр. НКВД СССР, полковник ГБ (1943), с ноября 1943 г. нач. 2-го упр. НКГБ БССР, с октября 1946 нач. УМГБ Молодеченской обл., с января 1948 г. зам. нач. 1-го отд. 5-го упр. МГБ СССР, с октября 1949 г. зам. нач. 1-го отд. 7-го упр. МГБ СССР. С мая 1954 г. на пенсии в Москве, работал инструктором Центрального автомотоклуба. — 885

Шахов — до 1917 г. московский меценат. — 70

Шварц Евгений Львович (1896—1958) — писатель. — 824

Шварцман Яков Самойлович (1876—1942) — профессор, зав. кафедрой физиотерапии Одесского мед. ин-та. Погиб в Ставрополе во время немецкой оккупации. — 490

Шверник Николай Михайлович (1888—1970) — в 1956—1962 гг. пред. Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, занимался вопросами реабилитации жертв политических репрессий. — 19

Шеболдаев Борис Петрович (1895—30.10.1937) — 1-й секретарь Курского обкома ВКП(б). Арестован 10 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР к расстрелу 3 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г. — 5

Шейнин Лев Романович (1906—1967) — следователь Прокуратуры СССР, писатель, драматург. Арестован 19 октября 1951 г., освобожден в ноябре 1953 г. — 89, 882
Шепенев — беспартийный, в 1938 г. рабочий завода им. С.М. Кирова (Макеевка). — 816
Шерешевский Николай Адольфович (1885—1961) — терапевт, заслуженный деятель науки, профессор. В 1934—1953 гг. директор Ин-та экспериментальной эндокринологии и химии гормонов. Участвовал в медицинской экспертизе на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. — 429, 479, 519, 573, 583, 584, 846, 847
Шермухамедов Муслим — см. Ширмухамедов М.
Шефер (Шеффер) Пауль (1883—1963) — в 1922—1929 гг. московский корреспондент газеты «Berliner Tageblatt». В ноябре 1929 г. получил окончательный отказ во въезде в СССР. В начале 1930-х гг. лондонский корреспондент, с 1934 гг. редактор «Berliner Tageblatt», с 1937 г. американский корреспондент газеты «Das Reich». — 33, 56, 129, 130, 210, 211, 275, 665
Шигалев Иван Иванович (1900—1945) — с 1925 г. в органах ОГПУ, с 1932 г. нач. бюро пропусков ОГПУ; с 1934 г. сотрудник для особых поручений АХУ НКВД, затем нач. бюро пропусков комендатуры АХУ НКВД СССР; с августа 1938 г. комендант УНКВД Московской обл. — 8
Шидловский — в 1938 г. инженер завода им. Марти (г. Николаев). — 771
Шиллинг — артист МХАТ. — 779
Шиндель Яков Маркович (1890—2.12.1937) — зам. нач. Главсахара Наркомата пищевой промышленности СССР. Арестован 22 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 2 декабря 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 12 мая 1956 г. — 843
Ширмухамедов Мирмуслим (1899—27.4.1938) — в 1929 нарком просвещения УзбССР, 2 октября 1929 г. выведен из ЦК КП(б) УзбССР. Приговорен ВКВС СССР. Расстрелян в Москве. — 243, 337
Ширсакова И.И. — советская гражданка, жена австрийского подданного Штеренбергера И. — 809
Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — писатель, филолог, литературовед, киновед. — 781—783
Шлыков — в 1938 г. врач, сотрудник Нейрохирургического ин-та. — 769
Шмидт Василий Владимирович (1886—29.7.1938) — член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930—1934 гг. С 1930 г. зам. наркома земледелия СССР, с 1931 г. главный государственный арбитр при СНК СССР, с 1933 г. управляющий трестом Трансуголь на Дальнем Востоке, пред. Приморского областного планового отдела. Арестован 4 января 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в июле 1957 г. — 181, 182, 374, 401, 402, 868, 874
Шнейдер Айседор — писатель, член компартии США. — 755, 756
Шолохов Михаил Александрович (1905—1984) — писатель. — 756
Шостак Михаил Львович (1892—1.7.1937) — торгпред СССР в Иране, на момент ареста безработный. Арестован 6 марта 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 1 июля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 24 октября 1956 г. — 263, 283
Шостан — в 1938 г. курсант МТС с. Семеново Хорольского района Дальневосточного края. — 822
Шотемор Шириншо (1899—27.10.1937) — пред. ЦИК ТаджССР. Арестован 9 июля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 27 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 11 августа 1956 г. — 875
Шпенцер Моисей Филиппович (1860—1927) — отец В.М. Инбер, двоюродный брат Л.Д. Троцкого. — 882
Шпигельглаз Сергей Михайлович (1898—12.2.1940) — зам. нач. 7-го отдела (ИНО) ГУГБ НКВД СССР. Арестован 2 ноября 1938 г. Приговорен ВКВС

СССР к расстрелу 28 января 1940 г. Расстрелян. Реабилитирован 10 ноября 1956 г. — 774

Штейн Вильям — иностранный корреспондент в Москве. — 276

Штейн Гюнтер — иностранный корреспондент в Москве. — 276

Штейнберг Лев Петрович (1870—1945) — дирижер, композитор, народный артист СССР. — 778

Штеренбергер Иосиф — в 1938 г. австрийский эмигрант в Москве. — 808, 809

Штерн — в 1930-е гг. работник Полпредства СССР в Германии. — 83, 275, 277

Штроммер Иоганн — в 1938 г. австрийский эмигрант в Москве. — 808

Шуйский Василий Иванович (1552—1612) — князь, в 1606—1610 гг. русский царь (Василий IV). — 608, 609, 617

Шуленбург Вернер фон (1875—10.11.1944) — в 1934—1941 гг. посол Германии в СССР; казнен за участие в заговоре против Гитлера. — 30

Шумский Александр Яковлевич (1890—19.9.1946) — в революционном движении с 1909 г., член Украинской партии социалистов-революционеров (боротьбистов), в РКП(б) с 1920 г. В 1924—1927 гг. нарком просвещения Украины. Обвинялся в «национал-уклонизме». В 1927 г. ректор Ленинградского ин-та народного хозяйства им. Ф. Энгельса, в 1929—1930 гг. ректор Ленинградского политехнического ин-та им. М.И. Калинина. В 1933 г. арестован по делу «украинской военной организации», в том же году приговорен коллегий ОГПУ к 10 годам заключения. В 1935 г. содержание в лагере заменено ссылкой. По указанию Сталина тайно убит в поезде путем смертельной инъекции опергруппой МГБ во главе с П.А. Судоплатовым. — 98, 99, 863

Шюлле Эрнст — немецкий корреспондент в Москве. — 829

Эдкр Б.Э. — заслуженный артист республики (Ленинград). — 796

«Эдуард» — источник НКВД. — 757

Эйдеман Роберт Петрович (1895—12.6.1937) — член партии с 1918 г. В 1924—1932 гг. нач. и комиссар Военной академии им. М.В. Фрунзе, в 1932—1937 гг. пред. Осоавиахима, в 1932—1934 гг. член РВС СССР. Комкор. Арестован 22 мая 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 210, 284, 861

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898—1948) — кинорежиссер. — 13, 754, 765

Эйсмонт Николай Борисович (1891—3.1935) — член партии с 1907 г. В 1922—1923 гг. пред. Северо-Кавказского крайисполкома, с 1926 г. нарком торговли РСФСР и зам. наркома внешней и внутренней торговли СССР, с 1930 г. член коллегии Наркомснаба СССР. В январе 1933 г. приговорен к 3 годам заключения, в феврале 1935 г. освобожден, погиб в автомобильной катастрофе. — 183, 184, 187, 384, 867, 868, 874, 879

Элиава Шалва Зурабович (1883—12.12.1937) — член партии с 1904 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. С 1931 г. зам. наркома внешней торговли СССР, с 1936 г. зам. наркома легкой промышленности СССР. Арестован в мае 1937 г. Приговорен тройкой НКВД ГССР 3 декабря 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. — 843

Эммерт Карл-Фридрих — швейцарский врач, с 1863 г. профессор медицины в Бернском университете. — 631

Энвер-Паша (1881—1922) — генерал турецкой армии. В 1921 г. стоял во главе басмаческого движения, в начале 1922 г. захватил Душанбе и организовал поход на Бухару. Убит в бою. — 349, 350

Эпшельбаум — в 1938 г. член партии, лаборант МХТИ им. Д.И. Менделеева. — 777

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель. — 13, 755, 756, 878

Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — генерал, в 1919 г. главнокомандующий Северо-Западной армией, в 1920 г. эмигрировал из России. — 704

Юдин — в 1911 г. учащийся Тульской гимназии. — 137

Юдин — в 1938 г. курсант (Украина). — 817

Юлин Александр Иванович (1890—24.3.1937) — член президиума ВСНХ, затем управ. конторой Электрохиммет. Арестован 14 сентября 1936 г. Приговорен выездной сессией ВКВС СССР в Свердловске 24 марта 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован. — 834

Юнус-Хан — в 1938 г. секретарь посольства Афганистана в Москве. — 788

Юренев Константин Константинович (1888—1.8.1938) — член партии с 1905 г. В 1927—1933 гг. полпред СССР в Австрии, в 1933—1937 гг. полпред СССР в Японии, в 1937 г. полпред СССР в Германии. Арестован 23 сентября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 1 августа 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в декабре 1956 г. — 251, 290, 291, 295, 297, 613, 617, 799, 848

Юст — в 1938 г. иностранный корреспондент в Москве. — 276

Яблочкина Александра Александровна (1866—1964) — актриса, с 1937 г. народная артистка СССР. — 765

Яглом Яков Кивович (1898—21.8.1937) — член партии с 1918 г. В 1919—1920 гг. пред. Воронежского губсовета профсоюзов и член бюро губкома РКП(б), в 1921 г. инструктор ВЦСПС в Москве, в 1922 г. пред. Уральского бюро ВЦСПС и член Уральского бюро ЦК РК(б), с 1922 г. кандидат в члены Президиума ВЦСПС, в 1923—1929 гг. ответственный редактор газеты «Труд», с 1929 г. член Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), с 1932 г. зам. наркома снабжения СССР, с 1934 г. нач. Главного упр. консервной промышленности, с 1936 г. нач. Главного упр. консервной и плодоовощной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР. Арестован 2 января 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 21 августа 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 6 июня 1956 г. — 866

Ягода Генрих Григорьевич (1891—15.3.1938) — член партии с 1907 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930—1934 гг., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1923 г. зам. пред. ОГПУ СССР, в 1934—1936 гг. нарком внутренних дел СССР, в 1936—1937 гг. нарком связи СССР. Арестован 28 марта 1937 г. Обвиняемый на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 13 марта 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован. — 5—7, 11—14, 18, 19, 21—24, 35—39, 44—48, 59—63, 67, 68, 70, 106, 107, 117, 178, 179, 182, 194, 195, 200, 201, 251, 259—261, 282, 294, 319, 320, 334, 335, 364, 365, 373, 375—377, 381, 403, 480—485, 488—491, 493—502, 504—507—509, 512—533, 535, 536, 540—545, 548—552, 554—556, 559, 560, 562—564, 566, 568—572, 574, 576—579, 583, 584, 586, 588—591, 596, 601, 615, 616, 623, 625—629, 631—636, 640—648, 652, 653—657, 659, 662, 667, 680, 694, 705, 706, 711, 712, 716, 720—728, 730—732, 734—736, 740, 747, 748, 750, 753, 757, 759, 767, 769, 771—773, 775, 777, 779, 782—784, 786, 790, 793, 794, 798, 799, 801, 803—805, 812, 814, 816, 818, 819, 825—831, 833—835, 846—848, 850, 852, 856, 857, 859—861, 872, 882, 883

Якир Иона Эммануилович (1896—1937) — член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930—1934 гг., член ЦК ВКП(б) в 1934—1937 гг. В 1925—1935 гг. командующий войсками Украинского, в 1935—1937 гг. Киевского ВО, в мае 1937 г. командующий Ленинградским ВО. Командарм 1-го ранга. Арестован 28 мая 1937 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 31 января 1957 г. — 23, 35, 102, 109, 210, 284, 595, 615, 848, 861

Яковенко Василий Григорьевич (1889—29.7.1937) — в 1918 г. руководил партизанской армией в тылу А.В. Колчака. С 1922 г. нарком земледелия РСФСР, с 1935 г. директор НИИ новых лубяных культур Наркомзема СССР. Арестован 9 февраля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 июля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 30 июня 1956 г. — 185, 363, 375, 384, 386, 599, 623, 868

Яковлев — в 1938 г. слесарь завода № 215 (Киев). — 771

Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896—29.7.1938) — член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1929—1934 гг. нарком земледелия СССР, одновременно с февраля 1931 г. пред. Колхозцентра, с апреля 1934 г. зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), с 1936 г. 1-й зам. пред. КПК. Арестован 12 октября 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 29 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 5 января 1957 г. — 6, 7, 21, 23, 27, 28, 34, 42—44, 102, 107—111, 379, 380, 848, 878

Яковлева Варвара Николаевна (1885—11.9.1941) — член партии с 1904 г. В январе—марте 1918 г. управ. делами ВСНХ, в 1929—1937 гг. нарком финансов РСФСР. Арестована 12 сентября 1937 г. Свидетельница на процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 г. Приговорена ВКВС СССР 14 мая 1938 г. к 20 годам лишения свободы. Заключенная Орловской тюрьмы. Приговорена ВКВС СССР 8 сентября 1941 г. Расстреляна. Реабилитирована в 1958 г. — 64—67, 367, 378, 381, 382, 419, 422—428, 430—434, 436—438, 440—442, 444—452, 455, 456, 604, 606, 713, 714, 839, 848, 862, 880

Якубович Игнатий Семенович (1881—?) — в 1928—1931 гг. советник Полпредства СССР в Берлине, в 1934—1937 гг. полпред СССР в Норвегии. — 271, 274, 275, 277, 285

Яновицкий — в 1920-е гг. работник торгпредства СССР в Германии. — 122, 126

Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878—1943) — член партии с 1898 г., член ЦКК в 1923—1934 гг. С 1931 г. пред. Всесоюзного общества старых большевиков, до июня 1932 г. член редколлегии газеты «Правда». — 430, 432, 713, 861

Яценко — в 1938 г. лейтенант 6-го ж.д. полка (Украина). — 772

Яшин — в 1938 г. инженер (Харьков). — 816

Содержание

От составителей 5

№ 1 ПРОЕКТ ОБВИНИТЕЛЬНО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *27 января [1938 г.]* 21

№ 2. СТЕНОГРАММА ОТКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *2—12 марта 1938 г.* 45

Утреннее заседание 2 марта 45
Обвинительное заключение 48
Допрос подсудимого Бессонова 70

Вечернее заседание 2 марта 97
Допрос подсудимого Гринько 97
Допрос подсудимого Чернова 117

Утреннее заседание 3 марта 136
Допрос подсудимого Иванова 136
Допрос подсудимого Зубарева 160
Допрос свидетеля Васильева Д.Н. 168

Вечернее заседание 3 марта 171
Допрос подсудимого Крестинского 171
Допрос подсудимого Рыкова 177

Утреннее заседание 4 марта 211
Допрос подсудимого Шаранговича 211
Допрос подсудимого Ходжаева 222

Вечернее заседание 4 марта 248
Допрос подсудимого Розенгольца 251
Второй допрос подсудимого Крестинского 267
Допрос подсудимого Раковского 287

Утреннее заседание 5 марта 292
Продолжение допроса подсудимого Раковского 294
Допрос подсудимого Зеленского 313

Вечернее заседание 5 марта 332
Допрос подсудимого Икрамова 335
Допрос подсудимого Бухарина 360

Утреннее заседание 7 марта 378
Продолжение допроса подсудимого Бухарина 382
Допрос свидетеля Яковлевой В.Н. 419

Вечернее заседание 7 марта 430
Продолжение допроса свидетеля Яковлевой В.Н. 432
Допрос свидетеля Осинского В.В. 436
Допрос свидетеля Манцева В.Н. 444
Допрос свидетеля Камкова Б.Д 458
Допрос свидетеля Карелина В.А. 468
Вопросы к экспертизе 479

Утреннее заседание 8 марта 481
Допрос подсудимого Левина 483

Вечернее заседание 8 марта 519
Допрос подсудимого Буланова 521
Допрос подсудимого Ягоды 536
Допрос подсудимого Крючкова 548

Утреннее заседание 9 марта 553
Допрос подсудимого Плетнева 554
Допрос подсудимого Казакова 561
Ответы медицинской экспертизы 572
Допрос подсудимого Максимова-Диковского 574
Допрос свидетеля доктора Белостоцкого М.Ю. 580

Утреннее заседание 11 марта 586
Речь государственного обвинителя Вышинского А.Я 586

Вечернее заседание 11 марта 639
Речь защитника Брауде И.Д 639
Речь защитника Коммодова Н.В. 649
Последнее слово подсудимого Бессонова 659
Последнее слово подсудимого Гринько 661
Последнее слово подсудимого Чернова 664
Утреннее заседание 12 марта 667
Последнее слово подсудимого Иванова 670
Последнее слово подсудимого Крестинского 673
Последнее слово подсудимого Зубарева 678
Последнее слово подсудимого Рыкова 679
Последнее слово подсудимого Шаранговича 684
Последнее слово подсудимого Ходжаева 686
Последнее слово подсудимого Зеленского 690
Последнее слово подсудимого Икрамова 694
Последнее слово подсудимого Раковского 698
Последнее слово подсудимого Розенгольца 703
Вечернее заседание 12 марта 705
Последнее слово подсудимого Бухарина 706
Последнее слово подсудимого Левина 719
Последнее слово подсудимого Буланова 722
Последнее слово подсудимого Ягоды 723
Последнее слово подсудимого Крючкова 726
Последнее слово подсудимого Плетнева 726
Последнее слово подсудимого Казакова 727
Последнее слово подсудимого Максимова-Диковского 728

№ 3 ПРИГОВОР ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *12 марта 1938 г.* 731
№ 4. ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Н И БУХАРИНА *13 марта 1938 г.* 737
№ 5. ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Н И. БУХАРИНА *14 марта 1938 г.* 737
№ 6 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ А И РЫКОВА *13 марта 1938 г.* 739
№ 7 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ А И РЫКОВА *13 марта 1938 г.* 739
№ 8 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Г Г ЯГОДЫ *13 марта 1938 г.* 740
№ 9 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Н Н КРЕСТИНСКОГО. *13 марта 1938 г.* 740
№ 10. ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В И ИВАНОВА *13 марта 1938 г.* 741
№ 11. ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В И ИВАНОВА *[13 марта 1938 г.]* 742
№ 12 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ М А ЧЕРНОВА *13 марта 1938 г.* 742
№ 13. ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Г Ф ГРИНЬКО. *13 марта 1938 г.* 743
№ 14 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ И А ЗЕЛЕНСКОГО *13 марта 1938 г.* 743
№ 15 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ А ИКРАМОВА *13 марта 1938 г.* 744
№ 16 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Ф ХОДЖАЕВА *13 марта 1938 г.* 744
№ 17 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В Ф ШАРАНГОВИЧА *13 марта 1938 г.* 745
№ 18 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ П Т ЗУБАРЕВА. *13 марта 1938 г.* 746
№ 19 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ П П БУЛАНОВА *13 марта 1938 г.* 746
№ 20. ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Л Г ЛЕВИНА *12 марта 1938 г.* 747
№ 21 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ И Н КАЗАКОВА *[13 марта 1938 г.]* 747
№ 22 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В А МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО *13 марта 1938 г.* 748
№ 23 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ В А. МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО *[13 марта 1938 г.]* 749
№ 24 ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ П П КРЮЧКОВА *13 марта 1938 г.* 749
№ 25 ХОДАТАЙСТВО Д Д ПЛЕТНЕВА О СМЯГЧЕНИИ ПРИГОВОРА. *[13 марта 1938 г.]* 749
№ 26 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ХОДАТАЙСТВАХ О ПОМИЛОВАНИИ ОСУЖДЕННЫХ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР НА ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *14 марта 1938 г.* 750
№ 27. ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ, СРЕДИ НАУЧНОЙ, ТВОРЧЕСКОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *1 марта 1938 г.* 751
№ 28 ЗАПИСКА Н.И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ ТВОРЧЕСКОЙ, НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ Г МОСКВЫ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *2 марта 1938 г.* 758
№ 29 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ ТВОРЧЕСКОЙ, НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *2 марта 1938 г.* 762

№ 30 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *2 марта 1938 г.* . 766

№ 31 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ УССР НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *2 марта 1938 г.* . . . 770

№ 32 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ И В М МОЛОТОВУ О НАСТРОЕНИЯХ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КРУГАХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *4 марта 1938 г.* 774

№ 33 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАУЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *5 марта 1938 г.* 775

№ 34 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ СОТРУДНИКОВ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ И ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *5 марта 1938 г.* 787

№ 35 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ УССР НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *5 марта 1938 г.* . . . 789

№ 36 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *5 марта 1938 г.* 791

№ 37 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *5 марта 1938 г.* 794

№ 38 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *7 марта 1938 г.* . 797

№ 39. ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПРОФЕССОРА Г Н СПЕРАНСКОГО В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *7 марта 1938 г.* . . . 802

№ 40 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ И В М МОЛОТОВУ ОБ ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ И ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ПРОЦЕССУ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *7 марта 1938 г.* 806

№ 41 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ И В М МОЛОТОВУ О НАСТРОЕНИЯХ ПОМОЩНИКА ПРОКУРОРА СССР Г М ЛЕПЛЕВСКОГО В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *8 марта 1938 г.* 809

№ 42 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *9 марта 1938 г.* 811

№ 43 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *9 марта 1938 г.* 813

№ 44. ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ УССР НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *9 марта 1938 г.* 815

№ 45 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *9 марта 1938 г.* 818

№ 46 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *11 марта 1938 г.* 820

№ 47 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *11 марта 1938 г.* 822

№ 48. ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ НАСЕЛЕНИЯ Г ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *11 марта 1938 г.* 823

№ 49 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ О НАСТРОЕНИЯХ В СЕМЬЕ ПЕШКОВЫХ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *11 марта 1938 г.* 826

№ 50 ЗАПИСКА М П ФРИНОВСКОГО И В СТАЛИНУ ОБ ОТКЛИКАХ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ, ФАШИСТСКОЙ ПРЕССЫ И ДРУГИХ НА ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *14—15 марта 1938 г.* 829

№ 51 ЗАПИСКА Н И ЕЖОВА И В СТАЛИНУ И В М МОЛОТОВУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ КОПИИ ПИСЬМА А КУРЕЛЛЫ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕРКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СМЕРТИ А БАРБЮСА *20 марта 1938 г.* 831

№ 52 СПРАВКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР И А СЕРОВА О ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» *7 июля 1956 г.* 832

КОММЕНТАРИИ 859

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 890

RUSSIA
THE XX th CENTURY

DOCUMENTS

BUKHARIN'S TRIAL
1938

The collection of documents on the Third Moscow Trial includes archive materials from Russan State Archive of Social and Political History, State Archive of the Russian Federation, and the Central Archive of the Federal Security Service related to the case of so-called "Anti-Soviet Block of Rights and Trotskyites." The case was examined by the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR in an open trial on March 2–13, 1938. The core of the publication is the full transcript of the process, including revisions made by Stalin. Also of great interest are comments of the general public about the process, as well as statements by journalists, diplomats and representatives of the artistic, scientific and technical intelligentsia.

Книги серии «РОССИЯ. XX ВЕК. ДОКУМЕНТЫ»

Кронштадт. 1921. М., 1997.

Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998

Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960: Справочник. М., 1997.

Лубянка: Органы ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991: Справочник. М., 2003.

Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003.

Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. М., 2004.

Лубянка: Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «СМЕРШ». 1939 — март 1946. М., 2006.

Лубянка: Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007.

1941 год: В 2 кн. М., 1998.

Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1999.

58/10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991: Аннотированный каталог. М., 1999.

Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

Экология и власть.1917—1990. М , 1999.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960. М., 2000.

Как ломали НЭП: В 5 т. М., 2000.

Реабилитация: как это было: В 3 т М., 2000—2004.

Сибирская Вандея: В 2 т. М., 2000.

Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2001

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 2002.

Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М., 2002.

Дело генерала Л.Г. Корнилова: В 2 т. М., 2003.

Ближневосточный конфликт: В 2 т. М., 2003

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.

Россия и США: Дипломатические отношения. 1900—1917. М., 1999.

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1918—1926. М., 2002.

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1927—1933. М., 2002.

Советско-американские отношения. 1934—1939. М., 2003

Советско-американские отношения. 1939—1945. М., 2004.

Советско-американские отношения. 1945—1948. М., 2004.

Советско-американские отношения. 1949—1952. М., 2006.

Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953. М., 2005.

Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации. 1938—1953. М., 2005.

Поэзия узников ГУЛАГа: Антология. М., 2005.

Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953. М., 2005.

Сталинские депортации. 1928—1953. М., 2005.

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956. М., 2005.

Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652—1917. М., 2006.

Никита Хрущев. 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы М., 2007.

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926. М., 2007.

Ярославское восстание. 1918. М., 2007.

«Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г. М., 2008.

Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008

Александр Яковлев. Перестройка. 1985—1991: Неизданное, малоизвестное, забытое. М., 2008.

Аппарат НКВД—МГБ в Германии. 1945—1953. М., 2009

Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: В 2 т., М., 2009

Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992—2005. М., 2009.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М , 2009

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Документы. М., 2010.

Голод в СССР. 1929—1934. Т. 1. 1929 — июль 1932: В 2 кн. М., 2011.

Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. М., 2011.

Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937—1938: Документы и комментарии. М., 2011.

Пять колец под кремлевскими звездами: Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве. М., 2011.

СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории. М., 2012.

Голод в СССР. 1929—1934. Т. 2. Июль 1932 — июль 1933. М., 2012.

Дело Берия: Приговор обжалованию не подлежит М., 2012.

Советско-венгерские экономические отношения 1948—1973: Сборник документов. М., 2012

Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917—1991. М , 2013.

«Возвратить домой друзьями СССР...»: Обучение иностранцев в Советском Союзе. 1956—1965. М., 2013.

Японские военнопленные в СССР: 1945—1956. М., 2013

РОССИЯ
XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

ПРОЦЕСС БУХАРИНА

1938 г.

Составители
Ж.В. Артамонова, Н.В. Петров

Корректор Т.Е. Ширма

Оригинал-макет подготовлен ООО «БЕТА-Фрейм»

ЛР № 061660 от 06.01.97 г.

Подписано к печати 25.09.2013 г.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 77,4. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1311620.

Общественный фонд
«Международный фонд "Демократия"»
(фонд Александра Н. Яковлева)
123242, Москва, ул. Малая Грузинская, д. 15, стр 3
Тел. 8-499-252-69-21. Факс 8-499-252-51-22
E-mail: mfdemo@idf.ru
http://www.alexanderyakovlev.org

arvato
ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ПРОЦЕСС **БУХАРИНА 1938**

РОССИЯ XX ВЕК